СБОРНИКЪ

Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.

Томъ 16-й.

ТРУДЫ

ХАРЬКОВСКОЙ КОММИССІИ

по устройству

XIII АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

въ г. Екатеринославѣ.

Изданы подъ редакціей проф. Е. К. Рѣдина.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Печатное Дѣло“ кн. К. Н. Гагарина, Клочковская ул., № 5-й
1905.

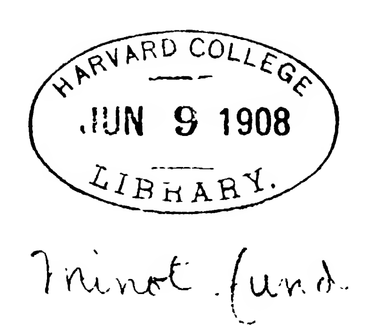
ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

XIII археологическому съѣзду

ПОСВЯЩАЕТЪ

Харьковское Историко-Филологическое Общество.



Печатать разрѣшается на основаніи § 37 Устава Историко-Филологическаго Общества
Предсѣдатель Проф. *Н. Сумцовъ.*

ОТЧЕТЪ

о дѣятельности Харьковской Коммиссіи по устройству XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ, состоящей при Харьковскомъ Историко-Филологическомъ Обществѣ.

(1903—1905 г.).

Историко-филологическое Общество при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, согласно предложенію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, образовало изъ числа своихъ членовъ Коммиссію по подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда. Въ составъ Коммиссіи вошли: Н. И. Алякритскій, В. П. Бузескулъ, Д. И. Багалѣй, В. Е. Данилевичъ, Е. М. Ивановъ, А. П. Кадлубовскій, А. Н. Красновъ, А. С. Лебедевъ, М. А. Масловъ, Д. П. Миллеръ, А. М. Покровскій, М. А. Поповъ, Е. К. Рѣдинъ, В. И. Савва, С. В. Соловьевъ, Е. П. Трифильевъ, М. Г. Халанскій. Кромѣ того Коммиссіи помогали своими трудами иногородніе члены: Е. А. Альбовскій, В. А. Бабенко, Н. Бѣлявскій, В. А. Городцовъ, П. В. Ивановъ, П. П. Короленко, В. Машуковъ, В. И. Срезневскій, г.г. Воронецъ и Ефименко. Предсѣдателемъ Коммиссіи состоялъ предсѣдатель Историко-филологическаго Общества Н. Ѳ. Сумцовъ, секретаремъ Е. К. Рѣдинъ и товарищемъ секретаря В. Е. Данилевичъ.

Дѣятельность Коммиссіи состояла: а) въ выработкѣ плана археологическихъ раскопокъ, б) въ устройствѣ этихъ раскопокъ, в) въ подготовкѣ предметовъ, добытыхъ изъ раскопокъ для выставки при съѣздѣ, г) въ извлеченіи изъ матеріаловъ, собранныхъ Харьковскимъ Предварительнымъ Комитетомъ по устройству XII археологическаго съѣзда — по различнымъ отдѣламъ—такихъ, которые полезны для изданія ихъ, д) въ подготовкѣ научныхъ изслѣдованій по археологіи и этнографіи мѣстностей, подлежащихъ изученію съѣзда для изданія ихъ въ «Трудахъ Коммиссіи».

Планъ археологическихъ раскопокъ былъ развитъ членомъ Коммиссіи Д. И. Багалѣемъ еще въ засѣданіяхъ Предварительнаго Комитета въ Мо-

сквѣ въ январѣ 1903 г. [1]); онъ-же обсуждался въ засѣданіяхъ Комиссіи—примѣнительно къ ея спеціальнымъ задачамъ. Такимъ образомъ, кромѣ раскопокъ въ области войска Донскаго, въ Екатеринославской губ., спеціально въ Харьковской губ. памѣчались археологическія изслѣдованія, раскопки: 1) въ Верхнемъ Салтовѣ Волчанскаго уѣзда--продолженіе изслѣдованія могильника, давшаго уже столь богатый и важный матеріалъ при работахъ для XII археологическаго съѣзда, 2) обслѣдованіе Салтовскаго городища и Волчанскаго, 3) дослѣдованіе Донецкаго, 4) изслѣдованіе Хорошевскаго, 5) производство раскопокъ: въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко, Духовскаго, Любарскаго (около с. Дергачей), въ Лебединскомъ уѣздѣ, въ Купянскомъ.

Кромѣ того предположено было изученіе народныхъ говоровъ Харьковской губ. и архивовъ. Производство нѣкоторыхъ изслѣдованій и раскопокъ—въ виду недостатка въ денежныхъ средствахъ не состоялось: обслѣдованіе городищъ Салтовскаго, Донецкаго, Хорошевскаго, раскопокъ въ Лебединскомъ и Купянскомъ уѣздахъ, а равно не состоялась экскурсія по изученію говоровъ и архивовъ.

Членами Коммиссіи совершены раскопки въ 1903 г.: Д. И. Багалѣемъ, В. Е. Данилевичемъ и г. Воронцомъ въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко 2) Е. П. Трифильевымъ, Е. М. Ивановымъ, Е. К. Рѣдинымъ и г.г. Воронцомъ и Ефименко—въ имѣніи г. Любарскаго около с. Дергачей, 3) В. А. Бабенко—въ Верхнемъ Салтовѣ могильникъ и обслѣдованіе Волчанскаго городища; въ 1904 г.—4) Е. П. Трифильевымъ въ Маріупольскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ., 5) Е. М. Ивановымъ въ имѣніи Духовскаго и 6) В. А. Бабенко въ Верхнемъ Салтовѣ. Кромѣ этого В. Е. Данилевичемъ были совершены раскопки въ имѣніи г. Алчевскаго въ Крыму, давшія цѣнные результаты.

Всѣ древности, добытыя изъ различныхъ вышеуказанныхъ раскопокъ—приводились въ порядокъ и, согласно постановленію Коммиссіи, будутъ на выставкѣ XIII археологическаго съѣзда. Кромѣ того для выставки съѣзда Коммиссія ходатайствуетъ предъ Правленіемъ Императорскаго Харьковскаго Университета о высылкѣ изъ университетскаго архива дѣлъ, касающихся визитаціи профессоровъ училищъ Екатеринославской губ.; а изъ историческаго архива Общества будетъ выслано нѣсколько рукописей.

Члены коммиссіи М. Г. Халанскій и А. В. Ветуховъ занимались извлеченіемъ изъ матеріаловъ, собранныхъ Харьковскомъ Предварительнымъ Комитетомъ по устройству XII археологическаго съѣзда—по отдѣлу народ-

[1]) Правила Тринадцатаго Археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ въ 1905 г. и протоколъ засѣданій 4—6 января 1903 г. Москва. 1903, 23—24.

наго поэтическаго творчества и этнографіи—полезнаго для изданія; цѣнный матеріалъ по народному поэтическому творчеству и рядъ статей по изслѣдованію того-же матеріала—проредактированъ былъ М. Г. Халанскимъ, и напечатаніе его въ «Трудахъ» Коммиссіи не могло состояться лишь въ виду недостатка въ денежныхъ средствахъ; извлеченный А. В. Ветуховымъ матеріалъ—напечатанъ въ «Трудахъ» въ статьѣ «Изъ этнографическихъ рукописныхъ матеріаловъ Предварительнаго Комитета XII археологическаго съѣзда».

Коммиссія для издаваемаго Историко-филологическимъ Обществомъ и посвящаемаго XIII археологическому съѣзду въ г. Екатеринославѣ тома «Трудовъ» ея собирала научныя изслѣдованія и матеріалы, касающіяся исторіи, археологіи, литературы и этнографіи края, подлежащаго изученію съѣзда.

Въ издаваемый томъ «Трудовъ» вошли статьи: *А) по исторіи края*: *Е. Альбовскаго*, Валки, украинный городъ московскаго государства (9—53), *Н. Бѣляевскаго*, Матеріалы по исторіи казеннаго хозяйства на южной степной окраинѣ московскаго государства. Государевы арбузные огороды и виноградники въ Чугуевѣ (54—105), А, *С. Лебедева*, Землевладѣніе и торговые промыслы духовенства Бѣлогородской епархіи въ XVIII вѣкѣ (106—111), *П. П. Короленко*, Справки, извлеченныя изъ дѣлъ Харьковскаго Историческаго Архива по исторіи малороссійскихъ казаковъ (112—129), *Д. И. Багалѣя*, Матеріалы для исторіи г. Харькова въ XVII вѣкѣ (396—507).

Б) *По археологіи*: *Н. Ѳ. Сумцова*, Къ исторіи украинской иконописи (131—140), *В. Машукова*, Образъ «плачущаго Спасителя» въ Екатеринославскомъ каѳедральномъ Преображенскомъ соборѣ (299—301), *В. А. Городцова*, Краткія свѣдѣнія объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ. въ 1903 г. (302—313), *В. Е. Данилевича*, Стоянка и мастерская около сл. Хухры Ахтырскаго уѣзда Харьковской губ. (314—321), *В. А. Бабенко*, Волчанское городище (353—357), *В. Е. Данилевича*, Замѣтки по археологіи и нумизматикѣ (375—395), *В. А. Бабенко*, Раскопки катакомбнаго могильника въ Верхнемъ Салтовѣ Волчанскаго уѣзда Харьковской губ. (547—577), *Ю. И. Морозова*, Замѣтки и матеріалы по археологіи (578—589), *В. Е. Данилевича*, Матеріалы къ нумизматической библіографіи (590—604), *Е. К. Рѣдина*, Памяти отца Василія Спѣсивцева (605—611), *В. Машукова*, Матеріалы къ изученію церковной старины Украйны (612—672), *Е. К. Рѣдина*, Матеріалы къ изученію церковныхъ древностей Украйны. Церкви города Харькова (673—736).

В) *По исторіи литературы и этнографіи: Н. Ѳ. Сумцова*, Изъ украинской старины (129, 142—275, 322—336), *В. И. Срезневскаго* Малорусская ода 1807 г. (349—352), *П. В. Иванова*, Дни недѣли (376—291), *А. В. Ветухова*, Изъ этнографическихъ рукописныхъ матеріаловъ Предварительнаго Комитета XII археологическаго съѣзда (292—298), *В. А. Бабенко*, Изъ этнографическихъ наблюденій въ Екатеринославской губ. (337—347), *Д. И. Багалѣя*, Къ исторіи Харьковской литературы (358—369), *В. И. Срезневскаго*, Климовскій-Климовъ—«казакъ-стихотворецъ» и два его сочиненія (509—646), *М. Г. Халанскаго*, Экскурсы въ область древнихъ рукописей и старопечатныхъ изданій (737—762).

Коммиссія очень рада внести наряду съ другими своими посильными предпріятіями и указанными статьями свою скромную лепту въ дѣло изученія отечественныхъ древностей, которому послужитъ съ честью и съ пользою предстоящій XIII археологическій съѣздъ въ г. Екатеринославѣ.

ПРОТОКОЛЫ

засѣданій Харьковской Коммиссіи по устройству XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ, состоящей при Харьковскомъ Историко-филологическомъ Обществѣ.

1-е засѣданіе.

(*25-го апрѣля 1903 г.*).

Въ засѣданіи 25 апрѣля 1903 года подъ предсѣдательствомъ проф. Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ проф. Е. К. Рѣдинѣ и товарищѣ секретаря пр.-доц. В. Е. Данилевичѣ присутствовали г.г. члены Коммиссіи: проф. Д. И. Багалѣй, проф. М. А. Поповъ, проф. М. Г. Халанскій, пр.-доц. А. П. Кадлубовскій, Д. П. Миллеръ, Е. М. Ивановъ и пр.-доц. Е. П. Трифильевъ.

Засѣданіе началось съ выборовъ должностныхъ лицъ Коммиссіи: предсѣдателемъ избранъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, секретаремъ проф. Е. К. Рѣдинъ и товарищемъ секретаря—пр.-доц. В. Е. Данилевичъ.

Проф. М. Г. *Халанскій* отмѣтилъ, что одной изъ важнѣйшихъ задачъ современной науки о русскомъ языкѣ является изученіе мѣстныхъ говоровъ. Къ прошлому XII археологическому съѣзду онъ совершилъ нѣсколько экскурсій съ цѣлью изученія говоровъ Курской губерніи, и собранные имъ тогда обширные матеріалы печатаются въ настоящее время въ изданіяхъ Академіи Наукъ. Говоры Харьковской губерніи изучены еще въ слабой степени, и онъ желалъ бы совершить нѣсколько поѣздокъ по Харьковской губерніи къ предстоящему XIII археологическому съѣзду, чтобы собрать матеріалы о мѣстныхъ говорахъ.

Коммиссія вполнѣ присоединилась къ мнѣнію проф. М. Г. Халанскаго и постановила ходатайствовать передъ Московскимъ Предварительнымъ Комитетомъ объ отпускѣ средствъ на эту экспедицію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Коммиссія постановила передавать проф. Халанскому пѣсенные и

другіе матеріалы по народной словесности Харьковской губерніи, которые будутъ поступать на ея разсмотрѣніе, такъ какъ онъ выразилъ готовность заниматься изученіемъ и обработкой ихъ. Кромѣ того, проф. М. Г. Халанскій изъявилъ желаніе составлять описаніе старинныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, если таковыя будутъ поступать въ Коммиссію.

Проф. Е. К. *Рѣдинъ* сообщилъ, что въ бумагахъ бывшаго Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ осталось много весьма интересныхъ матеріаловъ, которые не могли быть использованы тогда надлежащимъ образомъ. Между этими матеріалами имѣется не мало такихъ, которые отличаются поэтическимъ характеромъ и собраны въ предѣлахъ Харьковской губерніи. Краткій обзоръ матеріаловъ послѣдняго вида и былъ сдѣланъ докладчикомъ.

Проф. Д. И. Багалѣй предложилъ систематизировать матеріалы по народной словесности, имѣющіеся въ распоряженіи Историко-филологическаго Общества, и напечатать тѣ изъ нихъ, которые окажутся интересными.

Проф. Д. И. *Багалѣй* сообщилъ, что изъ рукописныхъ замѣтокъ покойнаго проф. Ю. И. Морозова имъ извлечено много матеріаловъ по археологіи Харьковской губерніи. Замѣтки покойнаго профессора имѣютъ выдающійся научный интересъ, а потому желательно было бы ихъ напечатать. Кромѣ того, опубликованіе этихъ замѣтокъ интересно и по той причинѣ, что многія древности, описанныя въ нихъ, въ настоящее время составляютъ собственность Музея искусствъ и древностей Харьковскаго университета. Затѣмъ проф. Багалѣй отмѣтилъ, что въ портфеляхъ Харьковскаго историко-филологическаго Общества накопилось много интересныхъ въ научномъ отношеніи матеріаловъ по исторіи, археологіи и этнографіи, которые остаются ненапечатанными по недостатку средствъ. Пользованіе этими матеріалами затруднительно, такъ какъ не имѣется никакого указателя къ нимъ. Поэтому онъ предлагаетъ составить систематическій указатель всѣмъ рукописнымъ матеріаламъ, имѣющимся въ распоряженіи Общества, дабы сдѣлать ознакомленіе съ ними доступнымъ всѣмъ занимающимся разработкой тѣхъ вопросовъ, къ которымъ относятся эти матеріалы.

Проф. *Н. Ѳ. Сумцовъ* доложилъ, что Императорское Московское Археологическое Общество оставило ненапечатанными и возвратило слѣдующіе рефераты, доложенные на XII археологическомъ съѣздѣ въ гор. Харьковѣ: В. А. Бабенка, В. И. Василенка, Г. Г. Лукьянова, В. Н. Мочульскаго, Л. В. Падалки и Е. П. Радаковой. Кромѣ того, проф. Н. Ѳ. Сумцовъ сообщилъ, что въ портфеляхъ Историко-филологическаго

Общества хранятся весьма интересные въ научномъ отношеніи сборники пѣсенъ П. В. Иванова и г. Манджуры. Относительно сборника г. Манджуры постановлено снестись съ Екатеринославскимъ Предварительнымъ Комитетомъ, такъ какъ этотъ сборникъ составленъ въ Екатеринославской губерніи.

Проф. Е. К. *Рѣдинъ* сообщилъ, что кромѣ тѣхъ рукописныхъ матеріаловъ, о которыхъ онъ доложилъ раньше, онъ имѣетъ еще много рукописныхъ замѣтокъ и сообщеній по археологіи и этнографіи Екатеринославской, Полтавской, Курской и Воронежской губерній и Области Войска Донского. Было-бы весьма желательно, чтобы эти матеріалы были использованы къ XIII археологическому съѣзду, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ заключаютъ въ себѣ интересныя данныя.

Проф. Д. И. *Багалѣй* сообщилъ Коммиссіи составленную имъ программу раскопокъ и другихъ археологическихъ изслѣдованій къ предстоящему XIII археологическому съѣзду. Программа эта была доложена имъ въ январѣ текущаго года въ засѣданіяхъ Московскаго Предварительнаго Комитета и имѣетъ цѣлью связать изысканія, произведенныя къ XII археологическому съѣзду въ г. Харьковѣ, съ тѣми раскопками и изслѣдованіями, которыя будутъ производиться къ предстоящему въ г. Екатеринославѣ съѣзду. Какъ извѣстно, мысль созвать предстоящій съѣздъ въ г. Екатеринославѣ возникла подъ вліяніемъ того соображенія, что необходимо продолжить изысканія, начатыя передъ бывшимъ въ Харьковѣ съѣздомъ, такъ какъ они намѣтили много интересныхъ вопросовъ, да и вообще юго-восточный уголъ Европейской Россіи слабо изученъ въ археологическомъ отношеніи. Поэтому проф. Д. И. Багалѣй предлагаетъ закончить нѣкоторыя раскопки въ предѣлахъ Харьковской губерніи и продолжать ихъ затѣмъ въ предѣлы Екатеринославской губерніи по рр. Бахмуткѣ и С. Донцу, а также по р. Калміусу до его устья. Если вѣрно предположеніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что р. Калміусъ тождественна съ той р. Калкой, на которой произошла въ 1224 г. несчастная битва русскихъ съ татарами, то раскопки на ней представляютъ особенный интересъ для русско-славянской археологіи до-монгольскаго періода. Но раскопки на берегахъ этой рѣки важны и по той причинѣ, что она, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, служила съ самыхъ отдаленныхъ временъ важнымъ воднымъ путемъ отъ Днѣпра къ Дону, и по ней совершалось обширное торговое движеніе. Значитъ, эти раскопки интересны не только съ точки зрѣнія русскихъ древностей до-монгольскаго періода, но онѣ могутъ еще доставить много цѣнныхъ данныхъ для топографіи Половецкой степи. Далѣе, по мнѣнію докладчика, эти раскопки интересны и для изученія

древностей болѣе поздняго времени, такъ какъ и знаменитый описатель Украйны Гильомъ Бопланъ указываетъ на р. Калміусъ, какъ на составную часть пути изъ Поднѣпровья въ область р. Дона и Азовскаго моря. Конечно, раскопки по р. Калміусу не должны ограничиваться однимъ правымъ берегомъ его, ихъ слѣдуетъ перенести и на лѣвую сторону рѣки, въ предѣлы области Войска Донского. Въ Харьковской губерніи было бы весьма желательно продолжить раскопки въ сѣверо-западномъ углу губерніи, въ Ахтырскомъ, Богодуховскомъ и Сумскомъ уѣздахъ, гдѣ извѣстно много неизслѣдованныхъ кургановъ и городищъ; напримѣръ, обширная группа кургановъ находится около г. Сумъ, въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко. Кромѣ того, необходимо продолжить изслѣдованія могильника и городища около В. Салтова, Волчанскаго уѣзда. Верхне-Салтовское городище интересно, между прочимъ, и потому, что оно представляетъ остатки единственнаго каменнаго города въ предѣлахъ Харьковской губ. Довольно значительные остатки укрѣпленій существовали тамъ еще въ XVII столѣтіи, и камень ихъ служилъ не только для мѣстныхъ построекъ, но возился даже въ Харьковъ, гдѣ изъ него сдѣлали первыя мостовыя. Поэтому необходимо произвести правильное изслѣдованіе Салтовскаго городища и изучить при помощи пробныхъ раскопокъ топографію Салтовскаго могильника, такъ какъ онъ далъ послѣ съѣзда въ Харьковѣ нѣкоторыя совершенно новыя открытія. Затѣмъ надлежитъ окончить изслѣдованіе Донецкаго городища и произвести изысканія на Хорошевскомъ городищѣ и въ его окрестностяхъ, гдѣ извѣстенъ могильникъ. Кромѣ того, необходимо изслѣдовать еще одно городище въ Лебединскомъ уѣздѣ, такъ какъ оно представляетъ ту рѣдкую особенность, что могильникъ расположенъ на самомъ городищѣ. Наконецъ, желательно произвести раскопку кургановъ около с. Дергачей, въ имѣніи г. Любарскаго, и закончить изслѣдованіе могильника въ имѣніи г. Духовского, около с. Мерчика.

Заслушавъ сообщеніе проф. Д. И. Багалѣя, Коммиссія постановила просить Московскій Предварительный Комитетъ объ отпускѣ средствъ, необходимыхъ для производства археологическихъ изслѣдованій къ предстоящему съѣзду, причемъ таковыя должны производиться по программѣ, составленной проф. Д. И. Багалѣемъ. (См. приложеніе I-е). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Коммиссія рѣшила обратиться къ мѣстнымъ землевладѣльцамъ съ просьбой разрѣшить производство раскопокъ и другихъ изысканій на принадлежащихъ имъ земляхъ и оказать работамъ Коммиссіи матеріальную поддержку.

Пр.-доц. *В. Е. Данилевичъ* доложилъ Коммиссіи проектъ письма къ П. И. Харитоненко, въ которомъ онъ излагаетъ научные результаты рас-

копокъ, произведенныхъ въ имѣніяхъ Харитоненко передъ XII археологическимъ съѣздомъ, и намѣчаетъ то, что слѣдовало бы сдѣлать къ предстоящему съѣзду. (См. приложеніе II-е).

Пр.-доц. *Е. П. Трифильевъ* заявилъ, что слѣдовало бы продолжить раскопки въ Купянскомъ уѣздѣ, гдѣ имѣется еще нѣсколько кургановъ съ каменными бабами.

Проф. *Д. И. Багалѣй* отмѣтилъ, что къ предстоящему съѣзду надлежитъ закончить изученіе архивовъ Харьковской и сосѣднихъ съ нею губерній. Кромѣ того, предложилъ посвятить XIII археологическому съѣзду въ г. Екатеринославѣ тѣ изданія Историко-филологическаго Общества, которыя это Общество будетъ печатать къ съѣзду, такъ какъ археологическая коммиссія состоитъ при Обществѣ и тѣсно связана съ нимъ.

Принявъ во вниманіе тѣ задачи, которыя предстоитъ выполнить археологической коммиссіи къ XIII археологическому съѣзду въ г. Екатеринославѣ, постановлено просить Московскій Предварительный Комитетъ отпустить 1000 рублей для производства археологическихъ и другихъ научныхъ изысканій въ теченіе лѣта 1903 года.

Приложенія къ протоколу засѣданія Коммиссіи 25 апрѣля 1903 г.

I.

Въ Императорское Московское Археологическое Общество.

Историко-филологическое Общество при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ имѣетъ честь сообщить, что при немъ изъ его членовъ образована Коммисія по подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ.

Коммиссія уже открыла свои дѣйствія. Въ состоявшемся 25 апрѣля с. г. засѣданіи Коммиссіи разсматривались проекты предстоящихъ работъ ея и тѣхъ научныхъ изученій—раскопокъ, экспедицій, которыя предположено осуществить лѣтомъ настоящаго и отчасти будущаго года.

Комиссія находитъ весьма важнымъ и существеннымъ для дѣла изученія древностей Харьковской губ., продолжить тѣ работы и изученія, которыя были предприняты въ виду XII археологическаго съѣзда, и добыть такимъ образомъ матеріалы, которые способствовали бы дальнѣйшему изученію и изслѣдованію въ археологическомъ отношеніи Харьковской губерніи, и нынѣ входящей въ составъ района, подлежащаго спеціальному изученію XIII ар-

хеологическаго съѣзда. Коммиссія на первомъ мѣстѣ ставитъ необходимость продолженія раскопокъ въ Верхнемъ Салтовѣ— топографическое изученіе и всестороннее обслѣдованіе городища и могильника. Московское Археологическое Общество, какъ извѣстно изъ личныхъ сообщеній гр. П. С. Уваровой, командируетъ для указанной работы члена Коммиссіи А. М. Покровскаго, и ассигнуетъ для этого спеціальныя суммы.

Коммиссія находитъ далѣе весьма необходимымъ:

1. Продолжать раскопки въ сѣверозападномъ углу губерніи, въ Ахтырскомъ, Богодуховскомъ и Сумскомъ уѣздахъ, въ имѣніяхъ на земляхъ П. И. Харитоненко.

2) продолжать изслѣдованіе могильника въ имѣніи г. Духовскаго, около с. Мерчика.

Средства на раскопки въ имѣніяхъ г.г. Харитоненко и Духовскаго— могутъ быть изысканы у владѣльцевъ имѣній, но необходимо ассигнованіе дополнительныхъ средствъ на расходы по передвиженію, вознагражденію рабочимъ, и т. п.

3) произвести раскопку группы кургановъ около с. Дергачей въ имѣніи Любарскаго,

4) окончить изслѣдованіе Донецкаго городища и произвести изысканія на Хорошевсковскомъ городищѣ, и въ его окрестностяхъ, гдѣ извѣстенъ могильникъ,

5) изслѣдовать городище въ Лебединскомъ уѣздѣ, съ находящимся на немъ могильникомъ,

6) продолжать раскопки въ Купянскомъ уѣздѣ,

7) командировать проф. М. Г. Халанскаго для изученія народныхъ говоровъ Харьковской губ. по томуже образцу, какъ оно производилось имъ къ XII археологическому съѣзду въ Курской губ.

8) командировать одно или нѣсколько лицъ для продолженія изученія общественныхъ и частныхъ архивовъ Харьковской губ.

Коммиссія находитъ возможнымъ совершить вышеуказанныя изслѣдованія, изысканія, экскурсію, (исключая раскопокъ въ В. Салтовѣ) —если ей будетъ предоставлена Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ помощь въ размѣрѣ 1000 руб.

Въ виду всего вышесказаннаго Историко-Филологическое Общество имѣетъ честь ходатайствовать передъ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ объ ассигновкѣ для его Комиссіи по подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда для выполненія намѣченныхъ работъ—

1000 р. Распредѣленіе суммъ между командированными лицами будетъ производиться Коммиссіей и отчетъ въ израсходованіи средствъ вмѣстѣ съ отчетомъ совершенныхъ работъ будетъ доложенъ ею Обществу, которое и представитъ ихъ въ свое время Императорскому Московскому Археологическому Обществу.

II.

Письмо къ П. И. Харитоненко.

Высокоуважаемый Павелъ Ивановичъ!

Въ 1901 году со свойственною Вамъ щедростью и отзывчивостью къ научнымъ интересамъ Вы отпустили средства въ распоряженіе Харьковскаго Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ для производства археологическихъ изслѣдованій какъ въ принадлежащихъ Вамъ имѣніяхъ, такъ и на примыкающихъ къ нимъ крестьянскихъ и частныхъ земляхъ. Благодаря такой щедрой Вашей поддержкѣ, Придварительный Комитетъ произвелъ черезъ своихъ членовъ цѣлый рядъ археологическихъ изысканій на земляхъ Янковскаго имѣнія и сосѣдящихъ съ ними крестьянскихъ и частныхъ земляхъ, а именно были раскопаны курганы: 1) около х. Березовки, 2) около с. Будъ, 3) около сл. Кириковки и с. Новой-Рябины, и 4) около с. Ницахи, и, кромѣ того, изслѣдованы стоянки, или мѣста пребыванія человѣка каменной культуры: 1) около с. Янковки, 2) около сл. Кириковки и 3) около с. Катанскихъ Вилъ. Упомянутыя изслѣдованія г.г. членовъ Предварительнаго Комитета дали весьма цѣнные въ научномъ отношеніи результаты и внесли въ науку много новыхъ данныхъ.

Не говоря о стоянкахъ около с. Янковки, с. Катанскихъ Вилъ и сл. Кириковки, которыя доставили цѣлый рядъ предметовъ каменной культуры, большой интересъ для археологовъ представляютъ курганы около с. Будъ и х. Березовки, раскопанные г.г. членами Предварительнаго Комитета, такъ какъ въ обѣихъ этихъ курганныхъ группахъ обнаружено трупосожженіе, причемъ сожженный прахъ погребался въ урнахъ. Такой обрядъ погребенія прослѣженъ весьма детально западно-европейскими и русскими учеными отъ Италіи до Балтійскаго моря и отъ Богеміи до Западной Россіи и большинствомъ ученыхъ приписывается народамъ индо-европейской расы, причемъ наиболѣе древнія формы этого

обряда встрѣчаются въ восточныхъ частяхъ намѣченной выше территоріи. Такимъ образомъ такой обрядъ распространялся съ востока на западъ, а потому прослѣдить его распространеніе въ Россіи возможно дальше на востокъ является особенно цѣннымъ въ научномъ отношеніи, такъ какъ этимъ путемъ можно установить пунктъ, изъ котораго вышелъ народъ, оставившій курганы подобнаго типа.

Но и курганы около сл. Кириковки и с. Новой Рябины, давшія погребенія скиѳскаго типа, интересны какъ по нѣкоторымъ особенностямъ сравнительно съ подобными погребеніями въ другихъ частяхъ Россіи, такъ и въ географическомъ отношеніи, потому что распространеніе погребеній этого типа къ востоку отъ Полтавской губерніи до сихъ поръ не было изучено, какъ слѣдуетъ быть, и эти раскопки такимъ образомъ даютъ возможность признать, что, такъ называемая скиѳская культура была распространена и среди древнихъ обитателей Харьковской губерніи. Къ сожалѣнію, очень трудно сказать что-нибудь опредѣленное о вещахъ, такъ называемаго готскаго типа, встрѣтившихся въ одномъ изъ кургановъ около х. Березовки, такъ какъ по недостатку времени нельзя было продолжить изслѣдованія, а потому остается неизвѣстнымъ, являются-ли онѣ случайными находками, или культура, называемая готской, имѣла въ IV—V вѣкахъ по Р. Х. болѣе широкое распростреденіе въ нынѣшней Харьковской губерніи. Однако самыми интересными приходится признать раскопки около с. Ницахи, такъ какъ здѣсь обнаружены погребенія и городища ясно выраженнаго русско-славянскаго типа. Нечего и говорить, что фактъ присутствія Русскихъ Славянъ на территоріи Харьковской губерніи представляетъ выдающійся научный интересъ не только для русской археологіи, но и для русской исторіи, и обнаруженная здѣсь культура явилась настоящей новинкой для членовъ XII археологическаго съѣзда.

Но научная цѣнность изысканій, произведенныхъ на отпущенныя Вами средства, значительно увеличится, если принять во вниманіе, что не только почти вся Восточная Россія, но и Харьковская губернія до сихъ поръ были очень слабо изучены въ археологическомъ отношеніи, и это являлось чувствительнымъ пробѣломъ какъ въ русской, такъ и въ западно-европейской археологіи. Конечно, эти раскопки, какъ и нѣкоторыя другія, произведенныя къ XII археологическому съѣзду, намѣтили много интересныхъ въ научномъ отношеніи вопросовъ, значительно подвинули впередъ изученіе доисторическихъ древностей Россіи и въ нѣкоторыхъ случаяхъ способствовали разрѣшенію тѣхъ или другихъ вопросовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ-же указываютъ на настоятельную необходимость продолжить

археологическое изученіе Харьковской губерніи дальше, потому что оно еще не закончено. Такъ, желательно было-бы изучить курганы съ погребальными урнами детальнѣе, такъ какъ курганы около с. Будъ и х. Березовки оказались значительно поврежденными корчевкой лѣса и распашкой. Затѣмъ слѣдуетъ прослѣдить границы распространенія скиѳской культуры, совершивъ раскопки къ югу и сѣверу отъ сл. Кириковки и с. Новой Рябины, чтобы связать ихъ съ подобными-же находками въ Екатеринославской и Курской губерніяхъ. Далѣе, относительно готской культуры можно сказать, что слабые слѣды ея найдены въ Харьковской губерніи, какъ упомянуто выше, около х. Березовки, но какой характеръ она носила здѣсь, насколько была распространена и т. д.,—все это остается неизвѣстнымъ, такъ какъ у лицъ, производившихъ раскопки въ Янковскомъ имѣніи, не хватило времени продолжить ихъ дальше. А между тѣмъ изученіе готской культуры, благодаря трудамъ такихъ знатоковъ русской исторіи и древностей, какъ Забѣлинъ, гр. Толстой и Кондаковъ, обѣщаетъ доставить много цѣннаго матеріала какъ для русской, такъ и для всеобщей исторіи. Но сомнѣнія нѣтъ, что еще интереснѣе прослѣдить славянскія погребенія и городища на территоріи Харьковской губерніи, гдѣ упомянутые курганы около с. Ницахи являются пока единственными находками этого типа для всей губерніи, а между тѣмъ для древней русской исторіи весьма важно изучить, какъ далеко шли славянскія поселенія на востокъ.

Зная Вашу всегдашнюю отзывчивость къ научнымъ интересамъ, памятуя то сочувствіе къ археологическимъ изысканіямъ, которое Вы постоянно проявляли какъ во время приготовительныхъ къ съѣзду работъ, такъ и въ теченіе самаго съѣзда, принявъ въ своихъ имѣніяхъ съ рѣдкимъ радушіемъ и любезностью г.г. членовъ съѣзда, совершавшихъ экскурсію для изслѣдованія кургановъ и городищъ около с. Ницахи, Археологическая Коммиссія при Харьковскомъ Историко-филологическомъ Обществѣ рѣшилась вновь покорнѣйше просить Васъ, высокоуважаемый Павелъ Ивановичъ, не признаете-ли возможнымъ оказать такое-же благосклонное содѣйствіе ея работамъ по подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда, какое Вы соблаговолили оказать передъ XII археологическимъ съѣздомъ. Особенно цѣнно было-бы для Коммиссіи произвести раскопки въ Натальевскомъ и Сумскомъ имѣніяхъ, такъ какъ этимъ путемъ раскопки, произведенныя въ Вашихъ имѣніяхъ къ XII археологическому съѣзду, можно было-бы связать съ тѣми изысканіями, которыя производились русскими учеными въ разное время въ другихъ частяхъ Россіи. Вотъ всѣ эти соображенія и дали смѣлость Коммиссіи обратиться къ Вашему

благосклонному содѣйствію, безъ котораго многое оказалось-бы не изученнымъ къ предшествующему съѣзду, и очень трудно будетъ представить въ блестящемъ видѣ древности Харьковской губерніи на будущемъ съѣздѣ.

2-е засѣданіе.

(*18 мая 1903 года*).

Въ засѣданіи 18 мая 1903 года подъ предсѣдательствомъ проф. Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ проф. Е. К. Рѣдинѣ и товарищѣ секретаря пр.-доц. В. Е. Данилевичѣ присутствовали: пр.-доц. А. П. Кадлубовскій, проф. А. С. Лебедевъ. пр.-доц. М. А. Масловъ, пр.-доц. В. И. Савва и проф. М. Г. Халанскій.

Открывая засѣданіе, предсѣдатель Комиссіи проф. Н. Ѳ. Сумцовъ сказалъ, что оно будетъ посвящено этнографическимъ вопросамъ, потому что на предстоящемъ въ Екатеринославѣ съѣздѣ предположено устроить, по примѣру бывшаго въ Харьковѣ съѣзда, этнографическую выставку, а также рядъ засѣданій для заслушанія рефератовъ по этнографіи. А такъ какъ XIII археологическій съѣздъ въ Екатеринославѣ долженъ являться продолженіемъ бывшаго въ Харьковѣ съѣзда, то и по этнографическимъ вопросамъ желательно объединить работы обоихъ съѣздовъ такимъ же образомъ, какъ сдѣлано это въ первомъ засѣданіи Харьковской Комиссіи для археологическихъ раскопокъ и изысканій, предположенныхъ къ предстоящему съѣзду.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ обратилъ вниманіе присутствующихъ членовъ Комиссіи, что Комиссія не имѣетъ своего органа, подобнаго «Трудамъ Харьковскаго Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ» и другимъ аналогичнымъ изданіямъ. Между тѣмъ, теперь вполнѣ выяснилось, что Харьковской Комиссіи предстоитъ играть далеко не послѣднюю роль въ подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ. Кромѣ того, едва Комиссія открыла свою дѣятельность, какъ стали поступать статьи и матеріалы отъ различныхъ лицъ, и среди нихъ имѣются очень и очень цѣнныя сообщенія по археологіи и этнографіи южной Россіи. Сомнѣнія нѣтъ, что эти матеріалы все болѣе и болѣе будутъ увеличиваться въ количествѣ и было бы весьма непріятно, если бы и поступающія въ Комиссію сообщенія, и матеріалы, и тѣ очень интересные доклады, которые дѣлаются членами Комиссіи, остались неопубликованными и такимъ образомъ были бы обречены на храненіе въ архивѣ Историко-Филологическаго Общества, гдѣ они будутъ до-

ступны далеко не всѣмъ. Принимая во вниманіе всѣ эти соображенія, проф. Н. Ѳ. Сумцовъ высказалъ положеніе, чтобы Харьковская Комиссія издавала протоколы своихъ засѣданій по образцу «Извѣстій археологическихъ съѣздовъ» въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ. Къ протоколамъ можно было бы присоединять въ видѣ приложеній небольшіе доклады членовъ Комиссіи, а также нѣкоторыя сообщенія и замѣтки, поступающія отъ различныхъ лицъ и учрежденій. Впослѣдствіи можно было бы сброшюровать все напечатанное въ одинъ томъ, и такимъ образомъ Комиссія имѣла бы къ XIII археологическому съѣзду свой сборникъ.

Пр.-доц. А. П. Кадлубовскій предложилъ ходатайствовать у Екатеринославскаго Предварительнаго Комитета объ отпускѣ средствъ Харьковской Комиссіи для печатанія ея «Трудовъ», такъ какъ раньше Харьковскій Предварительный Комитетъ печаталъ свѣдѣнія и отчеты о дѣятельности мѣстныхъ комитетовъ и комиссій.

Заслушавъ предложеніе пр.-доц. А. П. Кадлубовскаго, Комиссія постановила обратиться въ Екатеринославскій Предварительный Комитетъ съ просьбой объ отпускѣ средствъ на изданіе «Трудовъ».

Проф. Е. К. Рѣдинъ предложилъ просить о печатаніи протоколовъ въ «Запискахъ Харьковскаго Университета», какъ это дѣлалось передъ XII археологическимъ съѣздомъ. При этомъ можно было-бы оттиски этихъ протоколовъ печатать въ количествѣ 400 экземпляровъ: 100 изъ нихъ слѣдовало-бы брошюровать теперь-же для разсылки различнымъ учрежденіямъ и лицамъ, а остальные 300 оттисковъ должны быть сброшюрованы потомъ, по отпечатаніи всѣхъ протоколовъ и приложеній къ нимъ.

Заслушавъ мнѣніе проф. Е. К. Рѣдина, Комиссія постановила войти съ ходатайствомъ въ редакцію «Записокъ Императорскаго Харьковскаго университета» и просить ее о печатаніи протоколовъ Комиссіи въ означенныхъ «Запискахъ» по примѣру того, какъ въ нихъ печатались протоколы Харьковскаго Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда. Вмѣстѣ съ тѣмъ Комиссія постановила печатать протоколы съ приложеніями къ нимъ въ количествѣ 400 экземпляровъ и 100 изъ нихъ брошюровать немедленно-же для разсылки различнымъ лицамъ и учрежденіямъ, а остальные 300 экземпляровъ сброшюровать въ видѣ книжки по отпечатаніи всѣхъ протоколовъ и приложеній къ нимъ [1]).

Затѣмъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ сообщилъ о тѣхъ статьяхъ и матеріалахъ по этнографіи, которые поступили въ распоряженіе Комиссіи.

---

[1]) Историко филологическое Общество вошло съ указанной просьбой, но послѣдняя была отклонена редакціей.

Прежде всего онъ остановился на 3 статьяхъ г. Е. И. Криста. Первая статья «Свѣдѣнія о бандуристахъ и лирникахъ» составлена отчасти на основаніи печатныхъ матеріаловъ, частью же по сообщеніямъ извѣстнаго знатока г. И. М. Ходкевича, и содержитъ списокъ и краткія свѣдѣнія объ образѣ жизни бандуристовъ и лирниковъ Харьковской, Полтавской и Черниговской губерніи. Собираніе свѣдѣній о бандуристахъ и лирникахъ является особенно цѣннымъ и необходимымъ въ настоящее время, потому что XII археологическій съѣздъ въ г. Харьковѣ вошелъ съ ходатайствомъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ объ оказаніи покровительства этимъ представителямъ вымирающей отрасли народнаго искусства, и министерство отнеслось съ живѣйшимъ сочувствіемъ къ этому ходатайству. Другая статья Е. И. Криста «Дальнѣйшія изслѣдованія о кобзаряхъ и лирникахъ Харьковской губерніи» является продолженіемъ статьи этого автора «О кобзаряхъ Харьковской губерніи». Настоящая статья довольно обширна и посвящена главнымъ образомъ изученію домашняго и общественнаго быта слѣдующихъ кобзарей: О. Бутенка, Древкина и Гончаренко. Кромѣ того, авторъ дѣлаетъ сравненіе по содержанію думъ и пѣсенъ, исполняемыхъ теперешними пѣвцами, съ тѣми, которыя исполнялись прежними, и отмѣчаетъ, что кобзари распѣваютъ теперь въ видѣ уступки времени также фабричныя пѣсни. Въ видѣ образца онъ приводитъ текстъ наиболѣе популярной изъ этихъ пѣсенъ: «Всѣ говорятъ, что я вѣтрена бываю, и т. д.». Въ третьей статьѣ «О вліяніи общенія бандуристовъ между собой на взаимное обученіе» авторъ отмѣчаетъ, что репертуаръ теперешнихъ бандуристовъ далеко отошелъ отъ репертуара прежнихъ. Такъ, теперешніе бандуристы исполняютъ только 4 думы изъ извѣстныхъ прежде, а 14—забыты. Поэтому взаимное общеніе бандуристовъ весьма полезно, такъ какъ, сообщая другъ другу пѣсни и думы своего репертуара, они лучше сохраняютъ репертуаръ. Кромѣ названныхъ статей, въ Комиссію присланы также другія замѣтки и матеріалы, съ которыми проф. Н. Ѳ. Сумцовъ и познакомилъ присутствующихъ. Прежде всего А. Д. Твердохлѣбовъ прислалъ небольшое сообщеніе объ Ахтырскомъ слѣпцѣ Т. Г. Сегеденкѣ, при чемъ онъ даетъ свѣдѣнія о бытѣ и репертуарѣ этого слѣпца и прилагаетъ записанныя съ его словъ пѣсни: «Гарбузъ» и «Дворянка». Въ письмѣ на имя проф Н. Ѳ. Сумцова А. Д. Твердохлѣбовъ сообщаетъ 2 пѣсни: «про теплаго Олексія» и «Іисусе мой прелюбезный»,—эти пѣсни записаны имъ въ г. Ахтыркѣ отъ слѣпцовъ Х. Митриченко и Ларіона Грунича. Затѣмъ Н. З. Ковалевскій записалъ въ сл. Ковягахъ отъ слѣпца-лирника А. Ѳ. Гончарова пѣсни «Лазарь» и «Чечетка» и текстъ этихъ записей прислалъ

въ Комиссію. Накопецъ г. Шинкаревъ доставилъ краткую біографію слѣпца Тарасія Ивановича изъ сл. Бѣлокуракиной, а также текстъ пѣсенъ, записанныхъ отъ этого слѣпца.

Заслушавъ докладъ Н. Θ. Сумцова, Комиссія постановила напечатать списокъ бандуристовъ и лирниковъ, составленный Е. И. Кристомъ.

Проф. М. Г. Халанскій замѣтилъ, что печатаніе матеріаловъ и статей въ видѣ приложеній къ протоколамъ представляетъ то неудобство, что они легко могутъ затеряться. Поэтому онъ совѣтуетъ собрать всѣ свѣдѣнія о бандуристахъ и лирникахъ въ особый сборникъ, при чемъ тутъ-же помѣстить и наиболѣе интересныя пѣсни.

Комиссія обратилась съ просьбой къ проф. М. Г. Халанскому, пр.-доц. А. П. Кадлубовскому и А. В. Ветухову пересматривать пѣсенный матеріалъ, поступающій въ ея распоряженіе отъ разныхъ лицъ.

Проф. М. Г. Халанскій сообщилъ, что часть переданныхъ ему матеріаловъ имъ пересмотрѣна и впредь онъ согласенъ пересматривать поступающій матеріалъ, особенно по діалектологіи.

При этомъ онъ отмѣтилъ, что записи, сдѣланныя г. Водолажскимъ въ сл. Верхнемъ Салтовѣ и въ х. Непокрытомъ, могутъ доставить много цѣнныхъ данныхъ для діалектологіи Харьковской губерніи. Особенно цѣнны въ этомъ отношеніи свадебныя пѣсни, собранныя г. Водолажскимъ въ сл. Верхнемъ Салтовѣ, такъ какъ собиратель отмѣтилъ вездѣ ударенія. Остается только пожалѣть, что г. Водолажскій не поставилъ удареній въ сказкахъ, записанныхъ имъ въ х. Непокрытомъ. Но во всякомъ случаѣ матеріалы, собранные г. Водолажскимъ, весьма интересны въ научномъ отношеніи, и проф. М. Г. Халанскій воспользуется ими для намѣченнаго имъ труда по діалектологіи Харьковской губерніи. Вообще, матеріалы по народной словесности г. Водолажскаго желательно было бы напечатать.

Заслушавъ сообщеніе проф. М. Г. Халанскаго, Комиссія постановила напечатать пѣсни и сказки, собранныя г. Водолажскимъ.

Проф. Н. Θ. Сумцовъ указалъ, что этнографическая колекція Историко-филологическаго Общества заключаетъ очень мало предметовъ изъ Екатеринославской губерніи. Кромѣ того, въ ней отсутствуютъ нѣкоторые отдѣлы вообще, а другіе сравнительно бѣдны. Поэтому онъ предлагаетъ обратиться въ Екатеринославскій Предварительный Комитетъ по устройству XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ съ просьбой, покупая предметы для этнографической выставки при предстоящемъ съѣздѣ, пріобрѣтать нѣкоторые предметы въ 2 экземплярахъ. Такъ было бы желательно пополнить коллекцію Общества предметами, относящимися

до чабанства, а также до каменноугольной промышленности, которая такъ типична для Екатеринославской губерніи и почти совсѣмъ отсутствуетъ въ Харьковской. Затѣмъ на этнографической выставкѣ при съѣздѣ въ г. Харьковѣ совсѣмъ отсутствовалъ отдѣлъ знаковъ собственности, а между тѣмъ интересно было бы собрать коллекцію подобнаго рода, будутъ ли эти знаки на ульяхъ, на посудѣ, на скотѣ, на арбузахъ или на чемъ другомъ. Кромѣ того, интересно было бы пополнить и слѣдующіе отдѣлы: 1) ритуальные предметы (хлѣбныя печенія и др.), 2) амулеты, 3) головные уборы и 4) народную медицину. По народной медицинѣ Екатеринославской губерніи необходимо составить коллекцію, такъ какъ географическія особенности этой губерніи несомнѣнно должны вызвать и нѣкоторыя черты различія въ народной медицинѣ этой губерніи и Харьковской. Но желательно, чтобы при собираніи травъ и другихъ предметовъ, служащихъ населенію въ качествѣ медикаментовъ, были отмѣчаемы и мѣстныя названія ихъ.

Пр.-доц. В. Е. Данилевичъ отмѣтилъ, что на этнографической выставкѣ при XII археологическомъ съѣздѣ почти не было снимковъ тѣхъ крестовъ, которые ставятся въ Малороссіи и Бѣлоруссіи при дорогахъ и колодцахъ. Между тѣмъ въ Харьковской губерніи ему удалось зафотографировать одинъ крестъ надъ колодцемъ. Эти кресты въ различныхъ частяхъ намѣченной области имѣютъ свои мѣстныя особенности, а въ Бѣлоруссіи ему пришлось видѣть весьма своеобразное явленіе: крестьяне увѣшиваютъ крестъ различными рубашечками, передничками и другими принадлежностями, преимущественно дѣтскаго туалета, а также полотенцами. Дѣлается это или въ благодарность за исцѣленіе или при прошеніи исцѣленія. Иинтересно было бы установить, не встрѣчается ли нѣчто подобное въ Харьковской или Екатеринославской губерніи?

Проф. Е. К. Рѣдинъ предложилъ опредѣлить ту сумму, которую Комиссія могла-бы ассигновать въ распоряженіе Екатеринославскаго Предварительнаго Комитета на расходы по покупкѣ этнографическихъ предметовъ.

Комиссія опредѣлила ассигновать на это 25—30 рублей.

Пр.-доц. В. Е. Данилевичъ напомнилъ, что передъ XII археологическимъ съѣздомъ Харьковскій Предварительный Комитетъ обращался ко всѣмъ экскурсантамъ съ просьбой дѣлать этнографическіе снимки, хотя бы экскурсія совершалась и не съ этнографической цѣлью. Благодаря этому, удалось собрать весьма обширную колекцію фотографическихъ снимковъ этнографическаго характера. Поэтому онъ предлагаетъ обратиться съ подобной же просьбой къ тѣмъ членамъ Комиссіи, кто предполагаетъ совершить какія-либо экскурсіи.

Проф. Е. К. Рѣдинъ предложилъ обратиться къ Екатеринославскому Предварительному Комитету съ просьбой, чтобы Комитетъ присылалъ для этнографическаго музея Общества оттиски тѣхъ этнографическихъ снимковъ, которые дѣлаются членами Комитета для этнографической выставки при XIII археологическомъ съѣздѣ въ г. Екатеринославѣ.

Присутствующіе члены Комиссіи вполнѣ присоединились къ сказанному пр.-доц. В. Е. Данилевичемъ и проф. Е. К. Рѣдинымъ и обѣщали во время своихъ экскурсій фотографировать типы и предметы, интересные въ этнографическомъ отношеніи.

Пр.-доц. А. П. Кадлубовскій предложилъ обратиться въ Екатеринославскій Предварительный Комитетъ съ просьбой сообщать періодически свѣдѣнія о дѣятельности этого Комитета и присылать издаваемые Комитетомъ труды, дабы можно было объединить дѣятельность Харьковской комиссіи и Екатеринославскаго Предварительнаго Комитета.

Пр.-доц. В. Е. Данилевичъ, вполнѣ присоединяясь къ предложенію пр.-доц. А. П. Кадлубовскаго, напомнилъ, что передъ XII археологическимъ съѣздомъ въ г. Харьковѣ различныя Комитеты и Комиссіи освѣдомляли Харьковскій Предварительный Комитетъ о ходѣ своихъ подготовительныхъ къ съѣзду работъ и присылали свои изданія, и это весьма хорошо отражалось на дѣятельности какъ Харьковскаго Комитета, такъ и другихъ комитетовъ и комиссій. Между тѣмъ въ настоящее время дѣятельность Екатеринославскаго Предварительнаго Комитета остается совершенно неизвѣстной Харьковской Комиссіи, хотя она работаетъ по подготовкѣ того-же XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ.

Проф. М. Г. Халанскій сообщилъ Комиссіи, что свои работы по изученію говоровъ Харьковской губерніи онъ предполагаетъ начать съ ознакомленія съ діалектологіей великоруссовъ, обитающихъ въ этой губерніи.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, по этому поводу замѣтилъ, что интересно было-бы изучить говоръ жителей с. Людни.

Пр.-доц. В. Е. Данилевичъ отмѣтилъ, что по нѣкоторымъ даннымъ можно предположить присутствіе бѣлорусскаго элемента среди населенія с. Людни. Кромѣ того онъ попросилъ проф. М. Г. Халанскаго осмотрѣть городище около с. Людни, такъ какъ такимъ путемъ можно будетъ установить, существуетъ-ли непосредственная связь между городищами по р. Ворсклѣ, расположенными въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ. Во время подготовительныхъ работъ къ XII археологическому съѣзду экскурсантамъ, работавшимъ въ этомъ районѣ, не удалось посѣтить Люднинское городище, а потому было-бы очень желательно восполнить теперь этотъ пробѣлъ въ свѣдѣніяхъ о городищахъ Харьковской губерніи.

Проф. М. Г. Халанскій выразилъ полную готовность осмотрѣть городище около с. Людни.

3-е засѣданіе.

(2 іюня 1903 года).

Въ засѣданіи 2 іюня 1903 года подъ предсѣдательствомъ проф. Н. Ѳ. Сумцова, при товарищѣ секретаря пр.-доц. В. Е. Данилевичѣ присутствовали: проф. Д. И. Багалѣй, проф. В. П. Бузескулъ, А. В. Ветуховъ, Е. М. Ивановъ, пр.-доц. А. П. Кадлубовскій, пр.-доц., М. А. Масловъ, пр.-доц. А. М. Покровскій, проф. М. Г. Халанскій, В. И. Савва и Е. П. Трифильевъ.

Предсѣдатель Комиссіи, проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, открывая засѣданіе, указалъ, что настоящее засѣданіе собрано экстренно, съ цѣлью выяснить вопросъ объ экскурсіяхъ, предположенныхъ на лѣто 1903 года.

Проф. Д. И. Багалѣй сообщилъ, что имъ получено письмо отъ П. И. Харитоненко, который готовъ предоставить рабочихъ, лошадей, экипажи, помѣщеніе и столъ лицамъ, желающимъ производить археологическія изслѣдованія въ его имѣніяхъ, какъ въ Натальевскомъ, такъ и находящихся въ Сумскомъ уѣздѣ, о чемъ имъ сдѣлано уже распоряженіе.

Комиссія постановила выразить П. И. Харитоненко чувства глубочайшей благодарности за любезную и щедрую поддержку, оказанную имъ работамъ Комиссіи.

Пр.-доц. В. Е. Данилевичъ доложилъ, что имъ получено отъ Московскаго Предварительнаго Комитета предложеніе принять участіе въ раскопкахъ, производимыхъ въ Екатеринославской губерніи Д. И. Эварницкимъ. Но отъ этого предложенія докладчикъ долженъ былъ отказаться, такъ какъ находитъ необходимымъ закончить научныя изслѣдованія въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко, начатыя имъ еще въ 1901 году. Какъ указывалъ уже въ первомъ засѣданіи комиссіи проф. Д. И. Багалѣй, желательно было бы произвести изслѣдованія въ Натальевскомъ и Сумскомъ имѣніяхъ П. И. Харитоненко, и теперь является полная возможность осуществить это, благодаря просвѣщенному и щедрому содѣйствію владѣльца. Дѣйствительно, въ Натальевскомъ имѣніи имѣется нѣсколько группъ кургановъ различной величины, состоящихъ изъ 4—7 кургановъ.

На прилегающихъ къ этому имѣнію крестьянскихъ земляхъ извѣстны тоже 4 группы кургановъ, содержащія по 20—40 кургановъ, а сверхъ того, тамъ же имѣются и городища—майданы. Изслѣдованіе этихъ курганныхъ группъ было бы весьма важно въ томъ отношеніи, что дало бы

возможность пополнить свѣдѣнія о погребеніяхъ скиѳскаго типа въ предѣлахъ Харьковской губерніи. Но не менѣе интересно было бы произвести раскопки въ сумскихъ имѣніяхъ П. И. Харитоненко и на прилегающихъ къ нимъ крестьянскихъ и частныхъ земляхъ, потому что и тамъ извѣстно много одиночныхъ кургановъ и курганныхъ группъ, причемъ иные изъ этихъ кургановъ, повидимому, заключаютъ погребенія скиѳскаго типа, мало изученнаго въ предѣлахъ Харьковской губерніи.

Комиссія постановила просить проф. Д. И. Багалѣя, прив.-доц. В. Е. Данилевича и пр.-доц. А. М. Покровскаго произвести раскопки кургановъ и другія археологическія изысканія въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко и на сосѣдящихъ съ ними крестьянскихъ и частныхъ земляхъ, а на товарища секретаря Комиссіи пр.-доц. В. Е. Данилевича возложить всѣ сношенія по поводу этихъ раскопокъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено просить секретаря Комиссіи проф. Е. К. Рѣдина войти въ сношенія съ Императорской Археологической Комиссіей и съ мѣстными властями относительно открытыхъ листовъ и открытыхъ предписаній для тѣхъ лицъ, которымъ поручено въ настоящемъ году производство археологическихъ изысканій.

Е. М. Ивановъ сообщилъ Комиссіи, что онъ, по недостатку времени, не можетъ отправиться этимъ лѣтомъ для производства раскопокъ въ имѣніи г. Духовского, гдѣ онъ производилъ археологическія изысканія къ XII ареологическому съѣзду.

Проф. Д. И. Багалѣй предложилъ опредѣлить впередъ ту сумму, на которую могутъ разсчитывать лица, командированныя Комиссіей для производства раскопокъ.

А. В. Ветуховъ предложилъ ассигновать на предстоящія раскопки необходимую сумму изъ средствъ Историко-Филологическаго Общества.

Комиссія, заслушавъ сдѣланныя предложенія, постановила выдать каждому изъ командированныхъ ею для производства раскопокъ лицъ по 100 рублей на предстоящіе имъ во время раскопокъ расходы изъ тѣхъ средствъ, что будутъ предоставлены Московскимъ Археологическимъ Обществомъ.

4-е засѣданіе.

(21 декабря 1904 года).

Въ воскресенье 21-го декабря 1904 г. въ залѣ совѣтскихъ засѣданій состоялось засѣданіе Комиссіи подъ предсѣдательствомъ проф. Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ, присутствовали: Д. И. Багалѣй,

В. Е. Данилевичъ, Е. М. Ивановъ, М. А. Масловъ, А. П. Кадлубовскій, Д. П. Миллеръ, Е. П. Трифильевъ, В. И. Савва, и г.г. Воронецъ и Ефименко.

Проф. *Д. И. Багалѣй* познакомилъ съ результатами раскопокъ въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко лѣтомъ 1903 года. Указавъ на любезное согласіе и помощь П. И. Харитоненко Харьковской Комиссіи въ производствѣ раскопокъ въ его имѣніяхъ, въ Валковскомъ уѣздѣ, Д. И. Багалѣй сообщилъ, что согласно рѣшенію Коммиссіи, эти раскопки произвели— онъ вмѣстѣ съ помощникомъ г. Воронцомъ, и самостоятельно В. Е. Данилевичъ.

Имъ совмѣстно съ Воронцомъ раскопано было всего 19 кургановъ, расположенныхъ въ видѣ трехъ группъ. Курганы, судя по найденнымъ въ погребальныхъ ямахъ предметамъ, всѣ одного типа—скиѳо-сарматскаго.

Какъ особенность погребенія—нахожденіе въ могилахъ—костей животныхъ, игравшихъ, очевидно, извѣстную роль въ погребальномъ ритуалѣ; въ верхней части кургановъ—каменныя плиты. Среди найденныхъ въ могилахъ предметовъ выдѣляются по богатству и по своему значенію, какъ для опредѣленія эпохи кургановъ, такъ и для разрѣшенія различныхъ культурныхъ историческихъ вопросовъ, которыми такъ богата наука русской археологіи: греческая амфора съ клеймомъ, желѣзныя копья, ножики съ костяными ручками, бронзовыя стрѣлы, золотая серьга, золотыя пуговки, бронзовые браслеты, бусы, бронзовыя зеркала, золотыя нашивныя бляшки съ изображеніями въ рельефѣ человѣческихъ фигуръ.

Г. Воронецъ сообщилъ о результатахъ своихъ изслѣдованій дюнныхъ стоянокъ, расположенныхъ по правой сторонѣ рѣки Мерло, около четырехъ деревень (между сл. Красный Кутъ и Лихачевской).

Матеріалъ, собранный на этихъ стоянкахъ, указываетъ на принадлежность ихъ къ скиѳо-сарматскому періоду, что подтверждаютъ—какъ раскопки этого года, произведенныя проф. Д. И. Багалѣемъ, такъ и изысканія И. А. Зарѣцкаго, производившіяся возлѣ Лихачевки лѣтъ семь тому назадъ.

Прив.-доц. *В. Е. Данилевичъ* сообщилъ о результатахъ своихъ раскопокъ въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко на полѣ около хут. Покровскаго, Валковскаго уѣзда. Раскопано 9 кургановъ и произведена повѣрочная раскопка городища-майдана небольшой величины. По характеру погребеній и составу находокъ курганы могутъ быть отнесены къ киммерійской и скиѳской эпохамъ. Въ курганахъ перваго типа костяки были погребены или въ грунтовыхъ ямахъ, или въ деревянныхъ камерахъ; положеніе костяковъ—скорченное; при костякахъ встрѣтились только

глиняные сосуды грубой работы. Въ курганахъ второго типа костяки были погребены большею частью въ материковыхъ ямахъ, въ двухъ случаяхъ встрѣтились погребенія человѣческаго костяка съ конскимъ. Женское погребеніе въ одномъ курганѣ доставило вещи, указывающія на торговыя связи древнихъ обитателей Харьковской губ. съ греческими колоніями на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей, а именно здѣсь найдены: большое бронзовое зеркало съ ручкой греческой работы, и терракотовая головка—привѣска къ ожерелію, подобныя которой встрѣчаются довольно часто въ керченскихъ находкахъ (см. прилож. I).

Пр.-доц. *Е. П. Трифильевъ* сообщилъ о результатахъ раскопокъ, произведенныхъ имъ, проф. Е. К. Рѣдинымъ, Е. М. Ивановымъ, и П. Ефименко возлѣ с. Дергачей Харьковскаго уѣзда, въ имѣніи г. Любарскаго. Въ этомъ имѣніи группа кургановъ въ 60—70 экземпляровъ. Раскопано 10 кургановъ, расположенныхъ въ различныхъ мѣстахъ. На всѣхъ курганахъ со второго слоя попадались кусочки угля, черепки глиняныхъ сосудовъ. Ни въ одномъ курганѣ костякъ не сохранился въ цѣлости, благодаря особой почвѣ, въ которой выкопаны могилы (лѣсной глей). Весьма мало найдено и предметовъ: почти исключительно бронзовыя стрѣлки (и онѣ подверглись порчѣ), остатки желѣзныхъ предметовъ, ножъ съ костяной ручкой, бусинки изъ пасты. Какъ ни незначительны находки—по нимъ все-же можно установить типъ погребенія, пріурочить его къ извѣстной группѣ—именно скиѳской. (См. прилож. II).

Проф. *Е. К. Рѣдинъ* сообщилъ о результатахъ раскопокъ усыпальницъ Верхне-Салтовскаго могильника, совершенныхъ *В. А. Бабенко* по своей инициативѣ, съ цѣлью пополненія коллекцій Музея Древностей Харьковскаго Университета. Разрыто восемь катакомбныхъ могилъ, находящихся на еще неизслѣдованномъ мѣстѣ обширнаго Верхне-Салтовскаго могильника, восточнѣе бывшихъ прежде раскопокъ. Каждая могила по обыкновенію дала массу весьма интересныхъ предметовъ, имѣющихъ сходство съ ранѣе открытыми. Въ одной изъ могилъ—единственный случай изъ всѣхъ бывшихъ раскопокъ—открытъ кремневый осколокъ, въ другой могилѣ—также единственный случай—полъ былъ набитъ камнемъ и пескомъ.

В. Е. Данилевичъ представилъ ножъ, присланный В. В. Шихомъ, найденный въ Рыжовѣ.

Проф. *Е. К Рѣдинъ* представилъ денежный отчетъ по суммамъ за 1902 г. къ XII археологическому съѣзду, предоставленнымъ Предварительному Комитету Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, Харьковскимъ городскимъ управленіемъ и нѣкоторыми земствами (Харьков-

ской губ., Екатеринославской губ. и др.). Представленъ былъ денежный отчетъ по суммамъ 1903 г., предоставленнымъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ—для подготовки XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ на производство раскопокъ и др. расходы. (См. приложен. III).

Доложено о пожертвованіяхъ Музею Древностей Университета: отъ *В. В. Данилова*—глиняный сосудъ и каменный полированный молотокъ, найденные въ Лебединѣ, *Е. А. Шибалиной* и *Б. А. Ковалевымъ*—желѣзные предметы, найденные въ Харьковскомъ уѣздѣ; *И. А. Рождественскимъ*—глиняный сосудъ, найденный въ Кременной Купянскаго уѣзда, у рѣки Красной.

Харьковская Комиссія по подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда выражаетъ глубокую благодарность жертвователямъ и всѣмъ лицамъ, приходящимъ ей на помощь въ выполненіи ея задачъ—по изученію древностей мѣстнаго края и подготовкѣ матеріала для археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ.

Приложенія къ протоколу засѣданія 21 декабря 1904 г.

Отчетъ В. Е. Данилевича о раскопкахъ, произведенныхъ лѣтомъ 1903 года.

Въ засѣданіи 2 іюня настоящаго года Комиссія возложила на меня порученіе произвести раскопки въ Алексѣевскомъ, Натальевскомъ и Сумскихъ имѣніяхъ д. с. с. П. И. Харитоненка. Такъ какъ іюнь и іюль мѣсяцы были заняты у меня раскопками въ Крыму, произведенными мною по порученію Музея Древностей и Искусствъ при Харьковскомъ университетѣ, то для раскопокъ въ Харьковской губерніи я могъ отдѣлить лишь одинъ августъ. За недостаткомъ времени я остановился на ближайшемъ Алексѣевскомъ имѣніи д. с. с. П. И. Харитоненка и здѣсь избралъ предметомъ своихъ изысканій курганное поле около х. Покровскаго, Валковскаго уѣзда, содержащее около 30 кургановъ различной величины. Я раскопалъ 9 кургановъ и произвелъ повѣрочную раскопку 1 городища-майдана небольшой величины. По характеру погребеній и составу находокъ, курганы могутъ быть отнесены къ киммерійской и скиѳской эпохамъ. Въ курганахъ перваго типа костяки были погребены или въ грунтовыхъ ямахъ, или въ деревянныхъ камерахъ. Положеніе костяковъ—скорченное. При костякахъ встрѣтились только глиняные сосуды

грубой работы типа сосудовъ камерныхъ погребеній, по терминологіи В. А. Городцова, а другихъ вещей не было. Курганы этого типа доставили много интересныхъ и новыхъ данныхъ для характеристики каммерійскихъ погребеній въ предѣлахъ Харьковской губерніи, и остается только пожалѣть, что недостатокъ времени не позволилъ мнѣ раскопать большее количество кургановъ. Въ курганахъ второго типа костяки были погребены большею частью въ материковыхъ ямахъ; въ 2 случаяхъ встрѣтилось погребеніе человѣческаго костяка.

Въ курганахъ этого типа костяки лежали на спинѣ съ вытянутыми руками и ногами, но при этомъ сохранность костяковъ была очень плохая. Изъ погребеній въ курганахъ этого типа наиболѣе интересными необходимо признать: погребеніе воина въ курганѣ № 4 и женское погребеніе (№ 1) въ курганѣ № 9, при чемъ послѣднее является прекрасной иллюстраціей къ разсказу Геродота о погребальныхъ обычаяхъ Скиѳовъ. При этомъ женское погребеніе (№ 1) въ курганѣ № 9 доставило вещи, указывающія на торговыя связи древнихъ обитателей Харьковской губерніи съ греческими колоніями на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей, а именно здѣсь найдены: большое бронзовое зеркало съ ручкой, греческой работы, и терракотовая головка-привѣска къ ожерелью, подобныя которой встрѣчаются довольно часто въ керченскихъ находкахъ. Вообще, сравнивая скиѳскія погребенія около х. Покровскаго съ другими скиѳскими погребеніями Харьковской губерніи, нельзя не признать, что курганное поле около х. Покровскаго нельзя не признать однимъ изъ самыхъ богатыхъ и интересныхъ по характеру погребеній и находокъ. Но нельзя не пожелать, чтобы раскопки въ этомъ раіонѣ были продолжены и въ слѣдующіе годы и особенно необходимо изучить всесторонне великолѣпныя городища-майданы, расположенныя въ 3—4 верстахъ отъ раскопанныхъ мною кургановъ. Эти городища-майданы отличаются замѣчательной сложностью и рѣдкой сохранностью, и мнѣ не встрѣчались столь роскошныя экземпляры ни въ натурѣ, ни въ существующей археологической литературѣ. Считаю долгомъ отмѣтить, что первое время при раскопкахъ мнѣ помогалъ г. П. П. Ефименко. Денежный расходъ по раскопкамъ 1903 года выразился въ суммѣ 96 руб. 26 к. и осталось изъ выданныхъ мнѣ 150 руб. 53 р. 74 к., которые представляются при семъ вмѣстѣ съ тѣми оправдательными въ расходахъ документами, какіе мнѣ удалось достать.

II.

Археологическая экскурсія въ с. Дергачи Харьковскаго уѣзда въ августѣ 1903 года.

Въ концѣ августа настоящаго года Е. К. Рѣдинымъ, мною, Е. М. Ивановымъ и П. Ефименко была совершена археологическая экскурсія въ с. Дергачи Харьковскаго уѣзда. О Дергачахъ въ археологическомъ отношеніи извѣстенъ одинъ случай находки при работахъ въ саду скелета и глинянаго блюда овальной формы. Цѣлью экскурсіи было археологическое обслѣдованіе одной группы кургановъ, находившейся близь с. Дергачей на землѣ частнаго владѣльца г. Любарскаго.

Получивъ любезное согласіе владѣльца на производство раскопокъ въ его имѣніи, мы, 28 августа, отправились въ Дергачи. Этотъ день былъ употребленъ нами на общее знакомство съ топографіей мѣстности, гдѣ намъ предстояли раскопки и на наемъ рабочихъ. Это было горячее время 2-го сѣнокоса и пришлось много времени и усилій употребить, прежде чѣмъ удалось собрать партію рабочихъ въ 15 человѣкъ.

На слѣдующій день рано утромъ мы съ рабочими уже были на мѣстѣ раскопокъ.

Мѣстность, гдѣ расположена эта группа кургановъ, находится въ двухъ верстахъ отъ с. Дергачей. Она представляетъ высокое плато съ крупными обрывистыми сторонами съ восточной, южной и западной сторонъ, и только съ сѣверной это плато сливается съ общей возвышенностью.

Т. о. плато является какъ бы мысомъ «шпилемъ», который выдвинула возвышенность въ низменность р. Лопани и надъ которой онъ господствуетъ. У подошвы сѣверной стороны течетъ ручей Крыныця, который впадаетъ въ р. Лопань, омывающую плато съ NO и O. Съ плато открывается широкій видъ на далекія окрестности, къ S., сквозь просвѣты между деревьями, растущими по южной сторонѣ плато, можно видѣть Харьковъ на разстояніи 9—10 верстъ. Все плато сильно распахано, т. к. на немъ владѣльцемъ разбита плантація тутовыхъ деревьевъ.

По всей плоскости и по южной покатости, поросшей, какъ я уже сказалъ, молодымъ дубнякомъ, разбросаны курганы въ разныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга; отъ почти сходящихся подошвами до 20—30 шаговъ разстоянія между сосѣдними курганами, группа состоитъ изъ 60—70 кургановъ сильно распаханныхъ, высотой отъ 0,70 м. до едва возвышающихся надъ поверхностью земли. Одинъ только курганъ выдавался высотой, доходя до 1,50. Форма кургановъ—сильно разползшаяся, но

представляютъ не полушарія, какъ наши степныя курганы, а овалы, что впрочемъ могло зависѣть отъ особенности обработки земли.

Раскопки производились 3 дня, въ теченіе которыхъ вскрыто было десять кургановъ, число достаточное, чтобы судить о всей группѣ. Обслѣдованы были курганы, расположенные въ разныхъ мѣстахъ группы. Такъ, 5 кургановъ были раскопаны на самой плоскости, 2—на опушкѣ лѣса, 3—въ лѣсу, на склонѣ возвышенности.

Высота всѣхъ десяти вскрытыхъ кургановъ колебалась въ сравнительно небольшихъ предѣлахъ: отъ едва замѣтныхъ по поверхности земли до 0,70, окружность ихъ колебалась отъ 30—60 шаговъ.

Однообразіе ихъ внѣшняго вида вполнѣ соотвѣтствовало однообразію содержанія.

Во всѣхъ курганахъ со 2-го слоя снимаемой земли попадались кусочки угля, черепки глиняныхъ сосудовъ, ясный признакъ когда то тронутой земли.

На глубинѣ 0,60—0,80 м. на слоѣ темно-желтой глины, ясно обозначалось пятно, которое при дальнѣйшемъ углубленіи оказывалось погребальной ямой, содержавшей кости погребеннаго, ямы выкапывались въ материкѣ, длиной до 1,50, шириной до 1,0 и глубиной до 0,75, въ одномъ курганѣ дно ямы было устлано деревомъ, перегнившіе слѣды котораго ясно сохранились (№ 3).

Ни въ одномъ курганѣ костякъ не сохранился въ цѣлости. Чрезвычайная твердость почвы, т.-наз. лѣсной глей, отдѣлялась послѣ сильныхъ ударовъ лопатой твердыми, какъ камень, комьями и сильная ея влажность разрушительно подѣйствовала на кости. Для примѣра я укажу только на одинъ фактъ. Какъ извѣстно, самая устойчивая часть костяка человѣка—зубная эмаль, но у скелетовъ Дергачевскихъ кургановъ даже зубы крошились въ порошокъ.

Не смотря на такую малую сохранность костей, все таки въ нѣкоторыхъ изъ могилъ кости или слѣды ихъ были на столько ясны, что дали возможность опредѣлить какъ направленіе, въ которомъ погребены были покойники, такъ, до нѣкоторой степени и ихъ положеніе. Именно, умершіе погребались въ вытянутомъ или согнутомъ положеніи, головой на W.

Предметовъ въ могилахъ встрѣтилось, хотя и немного, но очень характерныхъ. На первомъ мѣстѣ нужно поставить трехъ-гранныя бронзовыя стрѣлки типичнаго скиѳскаго типа. Эти стрѣлки были найдены въ двухъ могилахъ (№ 1 и 6).

Въ курганѣ № 1 семь стрѣлокъ лежали кучкой сбоку скелета, здѣсь же лежали кусочки сильно перержавѣвшаго желѣза.

Въ курганѣ № 6 у ногъ костяка были найдены три стрѣлки такого же типа, часть желѣзнаго ножа съ остатками деревянныхъ ноженъ и обломки нижней круглой части желѣзнаго наконечника копья.

Въ курганѣ № 5 близь костей покойника найдены два бронзовыхъ воронкообразныхъ наконечника такихъ же, какъ найдены гр. Бобринскимъ при его раскопкахъ близь м. Смѣлы въ скиѳскихъ могилахъ (т. II) и которыя являются типичными при скиѳскихъ погребеніяхъ.

Вмѣстѣ съ наконечниками были найдены кусочки перержавѣвшаго желѣза.

Наконецъ, въ курганѣ № 7, найденъ близъ скелета сильно перержавѣвшій ножъ съ костяной ручкой, слѣды которой сохранились и 13 бусинокъ изъ масти зеленаго и желтаго цвѣта.

Такимъ образомъ на основаніи приведенныхъ данныхъ можно сдѣлать слѣдующее заключеніе. Въ могильникѣ с. Дергачей мы имѣемъ дѣло съ типомъ погребенія въ ямахъ, въ которыхъ умершіе клались въ вытянутомъ или согнутомъ положеніи, головой на W.

Типичные бронзовые наконечники и стрѣлки являются драгоцѣнными показателями происхожденія нашего могильника, именно скиѳскаго.

III.

Въ Императорское Московское Археологическое Общество.

Коммиссія по подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда въ Екатеринославѣ имѣетъ честь извѣстить Общество, что 21 декабря с. г. состоялось ея засѣданіе. На этомъ засѣданіи доложены были: 1) отчетъ проф. Д. И. Багалѣя о раскопкахъ его въ имѣніи П. И. Харитоненко (совмѣстно съ г. Воронцомъ) 2) отчетъ В. Е. Данилевича о его раскопкахъ въ томъ же имѣніи 3) отчетъ Е. П. Трифильева о его раскопкахъ совмѣстно съ Е. К. Рѣдинымъ, Е. М. Ивановымъ, Е. П. Ефименко.

Указанные отчеты при семъ прилагаются. Кромѣ того въ томъ же засѣданіи были доложены секретаремъ и казначеемъ бывшаго Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ отчеты: 1) по израсходованію суммъ, ассигнованныхъ Комитету Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ въ 1902 г. (приходъ 2516 р. 19 к., расходъ 2435 р. 39 к.; остатокъ 80 р. 80 к.), 2) по израсходованію суммъ для этнографической выставки (приходъ 2481 р. 25 коп., расходъ 2330 р. 41 к.; остатокъ 150 р. 84 к.), 3) по израсходованію суммъ, ассигнованныхъ Харьковскимъ городскимъ

управленіемъ (приходъ 1000 р., расходъ 996 р. 20 к.; остатокъ 3 р. 80 к.), 4) по продажѣ изданій въ бюро XII археологическаго съѣзда; (приходъ 391 р. расходъ 89 р. 80 к.; остатокъ 301 р. 20 коп.).

Кромѣ того проф. Е. К. Рѣдинымъ былъ доложенъ отчетъ въ израсходованіи суммъ, ассигнованныхъ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ въ 1903 г. на подготовку XIII археологическаго съѣзда (приходъ 500 р., расходъ 455 р. 78 к.; остатокъ 44 руб. 22 к.; кромѣ того въ самомъ засѣданіи возвращено Д. И. Багалѣемъ 43 р., В. Е. Данилевичемъ 53 р. 74 к.; всего въ остаткѣ на 1904 г.—140 р. 96 к.).

Прив.-доц. А. М. Покровскій не производилъ раскопокъ, выданные ему 100 руб. пока еще не возвращены Коммиссіи.

Всѣ вышеуканные денежные отчеты вмѣстѣ съ оправдательными документами при семъ прилагаются.

Коммиссія, выслушавъ всѣ указанные денежные отчеты секретаря-казначея проф. Е. К. Рѣдина, ихъ провѣрила и утвердила и обращается къ Обществу съ покорнѣйшей просьбой утвердить, если найдетъ возможнымъ и правильнымъ слѣдующія ея постановленія. [1])

1) Остатокъ изъ суммъ Общества на 1902 г. 80 руб. 80 коп., остатокъ изъ городскихъ суммъ 3 руб. 80 коп.—пріобщить къ остатку на 1904 г. на текущія нужды Коммиссіи и—спеціально на расходы по возврату проф. Е. К. Рѣдинымъ оставшихся еще не возвращенными вещей, бывшихъ на выставкѣ съѣзда.

2) Остатокъ отъ суммъ по этнографической выставкѣ—150 р. 84 к., какъ имѣющихъ спеціальное назначеніе, передать Историко-филологическому Обществу при Харьковскомъ университетѣ на нужды его этнографическаго музея, образованнаго изъ предметовъ бывшихъ на этнографической выставкѣ XII археологическаго съѣзда и предоставленныхъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ указанному Обществу.

3) Остатокъ въ 301 р. 20 к. отъ продажи въ бюро съѣзда изданій, приготовленныхъ Харьковскимъ Предварительнымъ Комитетомъ отчасти на средства Харьковскаго Историко-филологическаго Общества, отчасти на средства Харьковскаго университета и Московскаго Археологическаго Общества—передать въ распоряженіе Историко-филологическаго Общества для спеціальнаго назначенія—изданія трудовъ, матеріаловъ, протоколовъ

---

[1]) Отношеніемъ отъ 28 сентября 1904 г. за № 1160 Императорское Московское Археологическое Общество вполнѣ согласилось со всѣми постановленіями Коммиссіи.

ея Коммиссіи по подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда—ко времени открытія съѣзда въ 1905 г.

Отчетъ въ израсходованіи этой суммы будетъ представленъ Обществу по приготовленіи указаннаго спеціальнаго къ съѣзду изданія.

5-е засѣданіе.

(9 февраля 1905 года).

Въ засѣданіи 9 февраля 1905 г. подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ присутствовали члены: Д. И. Багалѣй, В. Е. Данилевичъ, Е. М. Ивановъ, А. П. Кадлубовскій, М. А. Масловъ, С. В. Соловьевъ, А. С. Лебедевъ.

1. Д. И. Багалѣй доложилъ о трудахъ: 1) *Альбовскаго*: Валки, украинный городъ Московскаго государства (по документамъ Архива Министерства юстиціи), 2) *Бѣлявскаго*, Государевы арбузные огороды и виноградники въ Чугуевѣ (Матеріалы къ исторіи казеннаго хозяйства на южной степной окраинѣ Московскаго государства), 3) *П. П. Короленко*, Справка, извлеченная изъ дѣлъ Харьковскаго историческаго Архива по исторіи малороссійскихъ казаковъ, 4) о сатирѣ «Харьковскій бульваръ» (20-хъ г.г. XIX ст.) изъ бумагъ инспектора студентовъ Венедиктова, 5) о письмѣ учителя музыки Витковскаго (1825 г.) къ редактору украинскаго журнала, 6) о матеріалахъ къ біографіи гр. А. С. Уварова, 7) о дневникѣ проф. Морозова, 8) объ неизданной статьѣ о трудѣ преосв. Филарета «Ист.-ст. описи Хар. епарх.». Докладчикъ подробно ознакомилъ съ содержаніемъ вышеуказанныхъ трудовъ и матеріаловъ и указалъ на ихъ значеніе для исторіи мѣстнаго края. Постановлено напечатать ихъ въ «Трудахъ» Коммиссіи.

2. *Н. Ѳ. Сумцовъ* доложилъ о своихъ трудахъ: 1) Бытовая старина въ произведеніяхъ Квитки, Котляревскаго, Шевченка, 2) О нѣкоторыхъ иконахъ изъ церкви с. Боромли Ахтырскаго уѣзда и 3) о мелкихъ замѣткахъ по этнографіи. Постановлено напечатать въ «Трудахъ» Коммиссіи.

3. *А. С Лебедевъ* доложилъ о своемъ трудѣ «Землевладѣніе и торговые промыслы духовенства Бѣлгородской епархіи въ XVIII вѣкѣ (по архивнымъ документамъ Харьковской духовной консисторіи). Постановлено напечатать въ «Трудахъ» Коммиссіи.

4. *Е. К. Рѣдинъ* доложилъ о своихъ статьяхъ: 1) Древности церквей г. Харькова XVII—XVIII в., 2) Труды гр. П. С. Уваровой и др., и о

статьяхъ предположенныхъ къ помѣщенію въ «Трудахъ» Коммиссіи: Я. И. Смирнова, Д. В. Айналова, А. В. Ветухова, В. Бабенка, М. Е. Халанскаго, Е. М. Иванова, (Дни недѣли), Е. К. Рѣдина и Д. И. Багалѣя (Картографическіе матеріалы), и др. Постановлено: все, что будетъ доставлено напечатать въ «Трудахъ».

5. *В. Е. Данилевичъ* доложилъ о своихъ трудахъ: «Стоянка и мастерская около сл. Хухры Ахтырскаго уѣзда Харьковской губ.» «О нѣкоторыхъ монетныхъ кладахъ». Постановлено напечатать въ «Трудахъ».

6. *Е. М. Ивановъ* доложилъ объ археологическихъ матеріалахъ въ документахъ архива нумизматическаго кабинета, и о раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ имѣніи Духовскаго (открыты два кочевническихъ погребенія). Рѣшено воспользоваться документами для извлеченія изъ нихъ соотвѣтствующаго матеріала, и произвести дальнѣйшія раскопки въ имѣніи Духовскаго, и въ имѣніяхъ г. Харитоненко—ближайшимъ лѣтомъ, на что имѣется согласіе владѣльцевъ.

7. *Е. К. Рѣдинъ* доложилъ отчетъ *Е. И. Трифильева* о раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ Маріупольскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ.

Постановлено этотъ отчетъ препроводить вмѣстѣ съ общимъ отчетомъ о дѣятельности Коммиссіи за 1904 г. (См. прилож. I и II).

8. *Е. К. Рѣдинъ* сообщилъ предложеніе Московскаго Археологическаго Общества—сфотографировать каменныя бабы, находящіяся въ Харьковской губ. Рѣшено—подыскать любителя фотографа и условиться съ нимъ въ цѣнѣ, о каковой и сообщить Обществу.

Приложенія къ протоколу засѣданія 9 февраля 1905 г.

I.

Императорскому Московскому Археологическому Обществу.

Историко-филологическое Общество при Императорскомъ Харьковковскомъ университетѣ имѣетъ честь сообщить при семъ нижеслѣдующій отчетъ состоящей при немъ Коммиссіи по подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ.

Коммиссія въ отчетномъ году подготовила матеріалы для предполагаемыхъ къ изданію и посвящаемыхъ XIII археологическому съѣзду ея «Трудовъ». Такимъ образомъ уже приготовлены къ печати и отчасти уже печатаются подъ редакціей секретаря коммиссіи проф. Е. К. Рѣдина изслѣдованія и матеріалы г.г. Альбовскаго, Бѣлявскаго, П. И. Короленко,

Н. Ѳ. Сумцова, А. С. Лебедева, Е. К. Рѣдина, В. Е. Данилевича, Д. И. Багалѣя, А. В. Ветухова, Бабенка, М. Е. Халанскаго, П. В. Иванова и друг.

Членъ коммиссіи Е. П. Трифильевъ совершилъ раскопки на средства Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества въ Маріупольскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи; отчетъ о его раскопкахъ былъ доложенъ въ засѣданіи коммиссіи 9 февраля и постановлено препроводить его Обществу, согласно чему онъ при семъ и прилагается.

Были также произведены раскопки членомъ Е. М. Ивановымъ въ имѣніяхъ Духовского (давшія нахожденіе двухъ кочевническихъ погребеній). Предположено продолженіе раскопокъ (съ разрѣшенія и на средства владѣльца) и предстоящимъ лѣтомъ; равно какъ и въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко.

Коммиссія подготовляла къ выставкѣ при съѣздѣ памятники, ранѣе добытые изъ раскопокъ въ имѣніяхъ г. Харитоненко.

Члены коммиссіи: В. Е. Данилевичъ и С. В. Соловьевъ посильно помогали своими трудами Екатеринославскому Предварительному Комитету.

Коммиссія разсматривала предложеніе Общества о пріисканіи лицъ для фотографированія каменныхъ бабъ изъ числа находящихся въ Харьковской губерніи по списку, присланному гр. П. С. Уваровой, и рѣшила пріискивать таковое лицо и въ видахъ покрытія расходовъ по фотографированію въ случаѣ нахожденія подходящаго лица—100 руб. изъ числа 500, присланныхъ Обществомъ Комиссіи въ 1904 г., временно не возвращаются.

Полный отчетъ о суммахъ и дѣятельности Комиссіи будетъ представленъ Обществу ко времени XIII археологическаго съѣзда.

II.

Краткій отчетъ Е. П. Трифильева объ археологической экскурсіи по теченію р.р. Кальміуса и Кальчика въ Маріупольскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, лѣтомъ 1904 года.

Къ предстоящему въ 1905 году XIII археологическому съѣзду въ Екатеринославѣ отъ Московскаго Археологическаго Общества я получилъ предложеніе совершить археологическую экскурсію въ Маріупольскій уѣздъ Екатеринославской губерніи. Предложеніе было заманчиво. Уже на предшествовавшемъ XII съѣздѣ въ Харьковѣ были поставлены и въ значительной степени разрѣшены два особенно интересныхъ вопроса: первый о каменныхъ бабахъ, второй—о кочевникахъ

До Харьковскаго съѣзда вопросъ о происхожденіи каменныхъ бабъ, объ отношеніи ихъ къ содержанію кургановъ, на которыхъ онѣ стояли, и т. п. являлся въ высшей степени загадочнымъ. Раскопки кургановъ съ каменными бабами на вершинахъ не выясняли, а только затемняли вопросъ, т. к. давали поводъ изслѣдователямъ приписывать этимъ памятникамъ скиѳское происхожденіе. Въ археологическую экскурсію въ Купянскій уѣздъ Харьковской губерніи мнѣ удалось вскрыть два кургана съ каменными бабами на нихъ, содержаніе которыхъ впервые съ несомнѣнной очевидностью разрѣшало этотъ вопросъ въ смыслѣ принадлежности этихъ памятниковъ ни кому иному, какъ нашимъ кочевникамъ [1]). Предлагаемая экскурсія могла дать новый и интересный матеріалъ для дальнѣйшаго разрѣшенія этого вопроса. Разрѣшеніе другого вопроса—о нашихъ кочевникахъ, для выясненія котораго археологія такъ еще мало сдѣлала, также находится въ зависимости отъ раскопокъ въ нашихъ южныхъ степяхъ. А если представить себѣ надежду найти загадочную р. Калку и опредѣлить еще болѣе загадочное мѣсто битвы на р. Калкѣ, то станетъ понятнымъ тотъ интересъ, съ которымъ я принялъ предложеніе Московскаго Археологическаго Общества.

И раскопки до извѣстной степени оправдали надежды, которыя я связывалъ съ ними. Правда, я не вскрылъ ни одного кургана съ каменной бабой, такъ какъ таковыхъ не оказалось въ районѣ моей экскурсіи, но мнѣ удалось встрѣтить курганъ, въ которомъ я сдѣлалъ интересную находку: надъ покойникомъ въ самомъ курганѣ, въ видѣ могильной плиты была положена каменная баба въ грубомъ видѣ съ слабо выраженными, но ясно видными чертами, характеризующими эти памятники. Обстановка погребенія типичная, кочевническая: костякъ лежалъ въ вытянутомъ положеніи головой на W., на глубинѣ 1,30 въ материкѣ—глинѣ въ деревянномъ гробу, отъ котораго уцѣлѣли только желѣзныя скобочки, на пальцѣ правой руки было найдено серебряное проволочное кольцо, изъ частей одежды уцѣлѣли только костяная пуговица, два бронзовыхъ бубенчика, найденныхъ у шеи, прикрѣпленныхъ повидимому къ вороту одежды, части двухъ желѣзныхъ ножей, желѣзная пряжка, все сильно перержавѣвшее вслѣдствіе сырости почвы.

Надъ покойникомъ была положена вышеупомянутая каменная баба, имѣвшая размѣры: длин.—1,10, одна сторона—0,30, другая—0,40, а

[1]) См. мой рефератъ: „Курганы съ каменными бабами Купянскаго уѣзда“, читанный на XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ и напечатанный въ Трудахъ этого съѣзда, т. I, стр. 141. Оцѣнку результатовъ этихъ раскопокъ, произведенную проф. Н. И. Веселовскимъ, см. въ Извѣстіяхъ Съѣзда.

надъ каменной бабой кости лошади—переднія ноги до лопатокъ включительно съ желѣзнымъ стремснемъ, здѣсь же найденнымъ.

Значеніе этого погребенія заключается въ томъ, что оно еще разъ подтверждаетъ доказанное уже моими предшествующими раскопками положеніе о несомнѣнной принадлежности каменныхъ бабъ кочевникамъ.

Здѣсь же, близъ с. Чермалыка на р. Кальміусѣ мною было вскрыто еще 5 кургановъ, составлявшихъ съ только что описаннымъ одинъ могильникъ. Всѣ курганы принадлежали кочевникамъ. Въ каждомъ изъ нихъ было по одному погребенію, покойники лежали въ одинаковомъ съ описаннымъ положеніи, въ деревянныхъ гробахъ. Надъ ними кости коня, обыкновенно переднія ноги. Предметовъ при костякахъ было найдено немного: этому способствовала сильная сырость почвы, которая уничтожила не только ткани, но и металлическіе предметы, особенно бронзовые: часто приходилось только констатировать бывшее присутствіе ихъ въ могилѣ по зеленому налету на остаткахъ перегнившаго дерева или костяхъ покойника. С. Чермалыкъ было первымъ пунктомъ, начиная отъ устья Кальміуса, въ которомъ я производилъ раскопки. Слѣдующими пунктами вверхъ по Кальміусу были села Карань и Ласпи. И здѣсь среди погребеній въ ямахъ найдены погребенія кочевническія, аналогичныя предшествовавшимъ. Изъ предметовъ неизмѣнными во всѣхъ случаяхъ являются глиняные горшки, обыкновенно баночной формы, очень грубо сдѣланные, безъ всякихъ украшеній, чаще всего находимые въ совершенно разрушенномъ состояніи или вслѣдствіе сырости почвы или вслѣдствіе тяжести камней, наполняющихъ могилу.

Кромѣ теченія р. Кальміуса я еще производилъ раскопки по теченію р. Кальчика, праваго притока Кальміуса, впадающаго въ него близъ устья послѣдняго. Раскопки произведены были мною близъ селъ Чердаклы и Малый Янисоль.

Близъ с. Чердаклы я нашелъ двѣ группы кургановъ, расположенныхъ одна къ O, другая къ S отъ села, обѣ на вершинахъ покатостей, спускающихся къ р. Кальчику.

Мною здѣсь было раскопано—въ первой группѣ 6 кургановъ, во второй—4. За исключеніемъ перваго погребенія въ первой группѣ, въ которомъ скелетъ былъ найденъ въ вытянутомъ положеніи, головой на O, во всѣхъ остальныхъ могилахъ покойники были въ скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головой на O, съ кистями рукъ у рта. Предметовъ почти никакихъ, если не считать распавшихся на мелкіе куски глиняныхъ сосудовъ. Только въ первомъ погребеніи были найдены 19 трехгранныхъ бронзовыхъ стрѣлокъ да слѣды красной краски.

Въ с. Маломъ Янисолѣ я снова встрѣтился съ кочевническими погребеніями. Одно изъ нихъ было особенно интересно: надъ покойникомъ была найдена голова коня съ желѣзными удилами, часть которыхъ хорошо сохранилась, подъ нею желѣзный ножъ. Въ заключеніи нельзя не посѣтовать на большое сравнительно число ограбленныхъ могилъ, тѣ же, которыя остались не тронутыми, отличались удивительной бѣдностью.

Пр.-доц. Е. П. Трифильевъ.

6-е засѣданіе.

(17 мая 1905 года).

17 мая 1905 г. состоялось соединенное засѣданіе Коммисіи вмѣстѣ съ членами Историко-филологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Сумцова, при секретарѣ Е. К. Рѣдинѣ.

1. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ сказалъ слово, посвященное памяти Е. И. Якушкина. Память покойнаго почтена вставаніемъ.

2. Онъ же доложилъ отвѣтное благодарственное письмо гр. П. С. Уваровой на посланную ей привѣтственную телеграмму отъ имени Общества 30 Апрѣля с. г. по поводу двадцатилѣтія ея предсѣдательства въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ.

3. Проф. Е. К. Рѣдинъ прочелъ докладъ *В. И. Срезневскаго* «Климовскій-Климовъ, казакъ-стихотворецъ и два его сочиненія». О малорусскомъ писателѣ начала XVIII вѣка Семенѣ Климовскомъ до сихъ поръ извѣстно было только по слухамъ. Теперь можно сказать съ полной справедливостью, что харьковскій казакъ Климовскій—не миѳическое лицо: В. И. Срезневскому удалось открыть въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ рукопись, быть можетъ автографъ автора, помѣченную 1724 годомъ и содержащую въ себѣ два сочиненія: 1) «О правосудіи начальствующихъ, правдѣ и бодрости ихъ», 2) «О смиреніи высочайшихъ». Въ противоположность обычному раболѣпному тону южно-русскихъ виршъ XVIII вѣка, сочиненія Климова представляютъ собою нѣчто совершенно инное. Описывая качества, необходимыя для монарха, добродѣтели, ему присущія, и восхваляя эти добродѣтели, авторъ далекъ и отъ похвалъ монарховъ вообще, и отъ прославленія того, кому онъ подноситъ свою книгу. Авторъ—несомнѣнно передовой человѣкъ своего времени.

Проф. Д. И. Багалѣй указалъ на важное значеніе открытыхъ сочиненій для исторіи мѣстной литературы, на связь ихъ съ сочиненіями Сковороды.

Проф. М. Г. Халанскій указалъ на связь сочиненій Климова съ сатирами Антіоха Кантемира.

4. *Проф. Д. И. Багалѣй* прочелъ рефератъ «О матеріалахъ по исторіи г. Харькова въ XVII вѣкѣ». Матеріалы эти, впервые издаваемые, относятся къ 1655—1688 г. и имѣютъ весьма важное значеніе для исторіи города въ первые тридцать лѣтъ его существованія.

Сочиненія Климова и указанные «матеріалы» постановлено напечатать въ «Трудахъ» Коммиссіи.

5. *Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ* прочелъ докладъ о духовныхъ бесѣдахъ неизвѣстнаго сельскаго священника, писанныхъ на малороссійскомъ языкѣ въ началѣ XIX в. Бесѣды—выдающійся памятникъ по содержанію, языку, по бытовымъ даннымъ.

На значеніе бесѣдъ въ различныхъ отношеніяхъ указали: проф. М. Г. Халанскій (связь съ малорусскими рукописями XVII—XVIII в.), Д. И. Багалѣй (замѣчательный языкъ, происхожденія изъ Кіевск. губ.), А. С. Лебедевъ (по идеямъ опередилъ свое время). Постановлено напечатать въ «Трудахъ».

Проф В. П. Бузескулъ познакомилъ съ трудомъ Виппера по исторіи Греціи, сдѣлавъ критическій обзоръ его.

6. *Проф. Е. К. Рѣдинъ* познакомилъ съ трудомъ акад. Н. П. Кондакова, съ изданіемъ Комитета попечительства о русской иконописи «Лицевой иконописный подлинникъ т. I. Иконографія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа». Докладчикъ отмѣтилъ, что это изданіе выдающееся и по исполненію—воспроизведенію памятниковъ—образовъ Христа особенно русскихъ иконъ XV—XVII в.в., и по своему научному значенію.

7. Проф. Е. К. Рѣдинъ прочелъ проектъ отчета о работахъ Коммиссіи, состоящей при Харьковскомъ Ист.-Фил. Обществѣ по подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ.

По обсужденіи отчета постановлено напечатать его въ «Трудахъ» Коммиссіи, и кромѣ того рѣшено:

1. Памятники древности, добытые раскопками Д. И. Багалѣя и В. Е. Данилевича и произведенными въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко на средства, предоставленныя имъ Историко-филологическому Обществу, и отчасти на средства Музея Древностей Императорскаго Харьковскаго университета—считать собственностью указаннаго Музея;

2. а) Эти памятники, равно б) добытые въ 1903 г. раскопками В. Е. Данилевича въ Крыму, въ имѣніи г. Алчевскаго, и пожертвованные послѣднимъ Музею Древностей Императорскаго Харьковскаго университета, в) равно добытые раскопками В. А. Бабенко въ Верхне-Салтовскомъ

могильникѣ въ 1903 и 1904 г.г. и принадлежащіе Музею Древностей Харьковскаго университета и г) добытые въ 1904 г. раскопками Е. П. Трифильева въ Маріупольскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ. отправить на выставку при XIII археологическомъ съѣздѣ.

3. Ходатайствовать предъ правленіемъ университета о посылкѣ на выставку изъ университетскаго архива дѣлъ, касающихся визитаціи профессорами училищъ Екатеринославской губ.

4. Отправить отъ имени Общества на выставку двѣ рукописи, пожертвованныя Е. М. Ивановымъ.

5. Доложить отъ имени Коммиссіи рефераты на съѣздѣ ея членами. Рефераты обѣщаны: Н. Ѳ. Сумцовымъ, Д. И. Багалѣемъ, М. Г. Халанскимъ, В. П. Бузескуломъ, А. С. Лебедевымъ, А. П. Кадлубовскимъ, В. И. Саввою, Е. П. Трифильевымъ, Е. К. Рѣдинымъ, С. В. Соловьевымъ.

6. Ходатайствовать въ январѣ 1906 г. предъ П. И. Харитоненко о разрѣшеніи произвести раскопки въ его имѣніяхъ лѣтомъ 1906 г. въ виду не состоявшихся раскопокъ лѣтомъ 1904 г.

Графиня П. С. Уварова.

(Къ двадцатилѣтію ея предсѣдательства въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ).

Въ исторіи развитія науки археологіи въ Россіи, изученія отечественныхъ древностей — имя графини Прасковьи Сергѣевны Уваровой займетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ, ея научная дѣятельность будетъ отмѣчена съ благодарностью.

Научная дѣятельность графини Уваровой началась болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, еще при жизни незабвеннаго графа А. С. Уварова, для котораго она являлась не только вѣрнымъ другомъ, но и лучшимъ ученикомъ и помощникомъ во всѣхъ его научныхъ занятіяхъ, предпріятіяхъ. Это участіе въ трудахъ выдающагося ученаго археолога было лучшей школой для послѣдующей дѣятельности графини Уваровой, явившейся столь плодотворной и весьма важной по своимъ результатамъ. И Императорское Московское Археологическое Общество въ справедливой оцѣнкѣ выдающейся личности гр. Уваровой избираетъ ее преемникомъ супруга въ руководители свои, своимъ предсѣдателемъ [1]). И гр. Уварова уже двацать лѣтъ стоитъ во главѣ Общества, работая не покладая рукъ, съ замѣчательною энергіею въ выполненіи высокихъ задачъ, принятыхъ Обществомъ.

Не преувеличивая можно сказать, что благодаря именно дѣятельности самой гр. Уваровой, ея неутомимой энергіи, Московское Археологическое Общество такъ расширило свою научную дѣятельность и такъ щедро обогащаетъ русскую археологическую науку своими цѣнными научными изданіями, способствуетъ широкому распространенію знаній о древностяхъ, собиранію древностей въ различныхъ областяхъ нашего обширнаго отечества, изслѣдованію, изученію ихъ.

При содѣйствіи и живомъ участіи графини при Обществѣ возникли три новыя Коммиссіи: Восточной и Славянской археологіи и археографіи, привлекшія новыя силы къ дѣятельности Общества и обогатившія

---

[1]) 30-го Апрѣля 1885 года.

русскую науку цѣнными трудами. При содѣйствіи графини, ея неусыпныхъ заботахъ—получены матеріальныя средства и привлечены научныя силы для совершенія крупнаго научнаго предпріятія—систематическаго изученія въ археологическомъ отношеніи Кавказа и такъ называемыхъ Чудскихъ древностей восточной Россіи. Графиня становится душой этого дѣла, она сама редактируетъ замѣчательное изданіе «Матеріалы по археологіи Кавказа», вышедшее уже въ количествѣ десяти томовъ.

Какъ широко понимаетъ задачи всего дѣла руководитель его, видно изъ предисловія къ 1-му тому указаннаго изданія:

«Съ именемъ Кавказа, говоритъ гр. Уварова, соединено столько древнѣйшихъ преданій азіатскихъ и европейскихъ народовъ; его исторія настолько связана съ исторіей человѣчества, начиная съ эпохи Ассирійцевъ, древнихъ Персовъ, Грековъ, Византіи, Армянскаго и Грузинскаго царствъ—и кончая новѣйшей исторіей Персіи, Турціи и Россіи; въ его предѣлахъ живетъ такъ много различныхъ племенъ, отчасти родственныхъ народностямъ Востока и ближайшихъ частей Европейской Россіи, отчасти совершенно отличныхъ по языку, типу и культурѣ, что научное изученіе Кавказа, его археологіи, исторіи и этнографіи, должно еще долго привлекать къ себѣ вниманіе ученыхъ и можетъ обѣщать богатые результаты для различныхъ областей исторіи и языкознанія.

Императорское Московское Археологическое Общество, слѣдуя пути, намѣченному его покойнымъ основателемъ, считало своимъ долгомъ продолжать начатое систематическое изслѣдованіе Кавказскихъ древностей. Признавая важное значеніе за изслѣдованіемъ доисторическихъ памятниковъ края, Общество вмѣстѣ съ тѣмъ обратило еще бóльшее вниманіе на тѣ памятники старины, которые относятся къ временамъ историческимъ и особенно на памятники древнехристіанской эпохи... Вмѣстѣ съ тѣмъ, обсуждая вопросъ объ изслѣдованіи доисторической археологіи Кавказа, Московское Археологичское Общество пришло къ заключенію, что было-бы желательно и полезно для дѣла связать это съ изученіемъ такъ называемыхъ Чудскихъ древностей восточной Россіи».

Общество, руководимое гр. Уваровой, какъ сказали уже, выполнило и выполняетъ блестяще свой обширный планъ важнаго научнаго предпріятія. Результаты многочисленныхъ научныхъ экскурсій, экспедицій и на Кавказъ, и въ восточныя губерніи Россіи—на лицо въ десяти томахъ «Матеріаловъ по археологіи Кавказа» и въ трехъ томахъ «Матеріаловъ по археологіи восточныхъ губерній Россіи.» Это капитальный и важный вкладъ въ науку, уже оцѣненный не только въ нашей, но и западноевропейской научной литературѣ.

Цѣнный вкладъ въ науку археологіи, незамѣнимую услугу дѣлу изученія отечественныхъ древностей оказываетъ Общество и его предсѣдатель устройствомъ археологическихъ съѣздовъ, которые собираются черезъ три года въ центрахъ какой-либо области, служащей спеціальной цѣлью изученія того или иного съѣзда. Извѣстно, какая обширная, кропотливая и многохлопотливая подготовка требуется для устройства съѣзда; сколько надо потратить энергіи, вниманія, чтобы выработавши извѣстный планъ, привести его въ исполненіе, чтобы найти работниковъ, привлечь различныя Общества, отдѣльныхъ лицъ къ участію въ томъ или иномъ дѣлѣ этого громаднаго научнаго предпріятія. Научныя предпріятія, да еще въ такой малоразработанной области у насъ, и мало къ тому еще популярной, какъ археологія—это цѣлый подвигъ, и такой подвигъ, требующій громадныхъ трудовъ, необыкновенной энергіи, истинной любви къ дѣлу, несетъ и совершаетъ гр. П. С. Уварова. На нее именно выпадаетъ главная работа въ этомъ дѣлѣ и успѣхъ съѣздовъ, польза, приносимая ими нашей отечественной археологіи, во многомъ обязаны именно ей. Послѣ смерти графа А. С. Уварова всѣ происходившіе съѣзды—были устроены и дали существенные научные результаты, благодаря гр. Уваровой—7-й Ярославскій, 8-й Московскій, 9-й Виленскій, 10-й Рижскій, 11-й Кіевскій, 12-й Харьковскій. Изданные труды ихъ, почти всѣ подъ редакціей гр. Уваровой—вкладъ въ науку. Насколько велика, существенна и плодотворна дѣятельность съѣздовъ въ дѣлѣ изученія древностей и особенно тѣхъ областей, которыя служатъ спеціальной задачей ихъ изслѣдованія—можно судить напр. по послѣднему XII археологическому съѣзду, происходившему въ августѣ 1902 г. въ стѣнахъ Харьковскаго Университета. Этотъ съѣздъ впервые вызвалъ массу изслѣдованій Харьковской губерніи въ археологическомъ отношеніи, онъ далъ много матеріаловъ, памятниковъ для этого изученія въ будущемъ. Онъ оставилъ этотъ матеріалъ въ наслѣдіе, образовавъ отдѣлъ мѣстныхъ древностей въ Музеѣ Изящныхъ Искусствъ Университета и Этнографическій Музей Историко-Филологическаго Общества при Университетѣ.

По тому же съѣзду, члены Университета, принимавшіе участіе въ дѣятельности Предварительнаго Комитета, знаютъ, какая громадная работа по подготовкѣ съѣзда совершается гр. Уваровой, сколько вниманія, энергіи затрачивается ею для дѣла, съ какой любовью, съ полнымъ сознаніемъ важности его, она вникаетъ во всѣ мелочи его, слѣдитъ за всѣмъ, подкрѣпляетъ, даетъ всякаго рода помощь участникамъ его.

Благіе результаты дѣятельности, вниманія гр. Уваровой по подготовкѣ XII археологическаго съѣзда на лицо—въ видѣ указаннаго на-

слѣдія Университету, создавшаго, можно сказать, два музея, два специальныхъ учебно-воспомогательныхъ учрежденія.

Затрачивая такъ много энергіи для устройства научныхъ предпріятій, изданій—графиня Уварова посвящаетъ много труда и личнымъ научнымъ изслѣдованіямъ; она находитъ досугъ для этихъ изслѣдованій, среди которыхъ нѣкоторыя являются крупными и капитальными вкладами въ науку особенно, тѣ, которыя относятся къ древностямъ излюбленнаго графиней края—Кавказа.

Еще при жизни супруга, совмѣстно съ нимъ, она въ 1879, 1880, 1881 гг. совершаетъ поѣздки по Кавказу, съ цѣлью изученія его древностей, совершенія раскопокъ и т. п. Какъ всесторонне изучала графиня край, какъ внимательно она осматривала всякаго рода памятники, не пропуская ничего, съ какой любовью останавливалась и на современной жизни туземцевъ, и на ихъ вѣрованіяхъ, обычаяхъ, костюмахъ и т. п.— служатъ прекраснымъ показателемъ три выпуска Путевыхъ замѣтокъ по Кавказу, изданные ею [1]).

Замѣтки эти не лишены научнаго значенія, написаны живымъ литературнымъ языкомъ, заключаютъ во многихъ мѣстахъ прекрасныя поэтическія описанія природы.

И въ послѣдующее время она совершила еще нѣсколько научныхъ путешествій на Кавказъ, при томъ въ такія мѣста, которыя остались недоступны другимъ изслѣдователямъ, или были опущены ими.

Результатомъ этихъ путешествій и изслѣдованій графини—являются три капитальныхъ труда ея, изъ которыхъ одинъ посвященъ Христіанскимъ памятникамъ [2]), другой могильникамъ сѣвернаго Кавказа [3]), а третій— древностямъ Пшавіи, Хевсуретіи и Сванетіи [4]). Первый трудъ—большой томъ in 4^0 съ 162 рисунками въ цинкографіяхъ и 61 таблицей фототипій. «Одни эти внѣшнія качества книги, говоритъ проф. Д. В. Айналовъ, уже обращаютъ на себя вниманіе какъ любителя старины, такъ и специалиста. При дальнѣйшемъ знакомствѣ съ книгой, съ ея содержаніемъ и задачами, все болѣе возрастаетъ убѣжденіе, что трудъ автора представляетъ совершенно новую и въ высшей степени важную страницу въ исторіи изученія Кавказа и его древностей. Въ самомъ дѣлѣ, весь матеріалъ, наполняющій этотъ увѣсистый томъ, является въ печати

---

1) Кавказъ. Путевыя замѣтки. I-я ч. М. 1887; II-я ч. Абхазія, Аджарія, Шавшетія, Посховскій участокъ, М. 1894; III-я ч. Рача, Горійскій уѣздъ, Горы Осетіи, Пшавія, Хевсуретія и Сванетія, М. 1904 г.

2) Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. IV. Христіанскіе памятники, М. 1894 г.

3) Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. 8. М. 1900 г.

4) Матеріалы по археологіи Кавказа, выпускъ X. М. 1904 г.

впервые и представляетъ совершенно новыя, неизвѣстныя до сихъ поръ данныя, цѣнность которыхъ опредѣлится не сразу, но передъ которыми съ полною благодарностью останавливается изслѣдователь [1])». Гр. Уварова отнеслась къ своей задачѣ серьезно и сдѣлала все, что только возможно было для лучшаго ознакомленія съ разнообразными памятниками христіанскихъ древностей Кавказа, еще, къ сожалѣнію, мало изслѣдованными въ спеціальныхъ монографіяхъ. Трудъ графини даетъ, какъ сказали, весьма важный, цѣнный, систематизированный и подвергнутый изслѣдованію матеріалъ, дальнѣйшее изученіе котораго внесетъ много новаго въ исторію христіанскаго искусства. Серьезное и строгое отношеніе къ своей задачѣ внушило автору совершенно правильную мысль—при описаніи христіанскихъ памятниковъ отмѣчать и тѣ преданія, легенды, что связаны съ ними. «Мы, говоритъ гр. Уварова, должны въ своемъ описаніи дать мѣсто молитвенному настроенію населенія описываемаго края, должны проникнуться идеей, что позднѣйшія христіанскія сооруженія, возводимыя на тѣхъ же горахъ, въ тѣхъ же ущеліяхъ, среди тѣхъ же заповѣдныхъ рощъ, ничто иное какъ вѣнчаніе и освященіе народныхъ вѣрованій и преданій, всего того, что мѣстные жители этихъ горъ и ущелій привыкли вѣками любить и уважать; только при такихъ условіяхъ описаніе наше можетъ оказаться вѣрнымъ и передастъ болѣе или менѣе полную картину изучаемаго края».

Другой трудъ, какъ сказали, посвященъ могильникамъ сѣвернаго Кавказа.

Древности могильниковъ служили предметомъ изученія гр. А. С. Уварова, Вирхова, Шантра, Байерна и друг. ученыхъ въ отдѣльныхъ монографіяхъ, касавшихся только нѣкоторыхъ изъ нихъ. Гр. Уварова въ своемъ трудѣ преслѣдуетъ задачу—наиболѣе полнаго обнародованія и объясненія всего извѣстнаго матеріала. Задача въ высшей степени обширная, потребовавшая у автора массы труда, ознакомленія со всей научной литературой и со всѣми памятниками, разсѣянными по различнымъ музеямъ не только въ Россіи, но и заграницей; при чемъ всѣ эти памятники для даннаго изданія заново провѣрены и зарисованы, и такимъ образомъ, можно сказать, весь матеріалъ введенъ въ надлежащую группировку и пріуроченъ къ соотвѣтствующему мѣсту и дальнѣйшія научныя операціи надъ нимъ облегчены, дана полная возможность къ всестороннему его изученію. Изданный графиней громадный томъ заключаетъ, кромѣ весьма цѣннаго текста, изслѣдующаго могильный инвентарь, 134 прекрасныхъ фототипическихъ таблицы и 316 цинко-

[1]) *Археолог. Извѣстія и Замѣтки,* III (1895), 233.

графическихъ рисунковъ, что въ общемъ составитъ болѣе 1500 рисунковъ съ отдѣльныхъ предметовъ; это такое обиліе, богатство матеріала, которое до сихъ поръ не извѣстно было въ наукѣ. Способъ погребенія, весь инвентарь его обрисовываются съ замѣчательной полнотой и потому трудъ графини Уваровой представляетъ собою такое сокровище, «къ которому, какъ источнику всяческихъ свѣдѣній по археологіи Кавказа», всегда будутъ обращаться изслѣдователи.

Гр. Уваровой подготовленъ уже матеріалъ для изданія древностей могильниковъ другихъ областей, которыя она предполагаетъ выпустить въ такомъ порядкѣ: Черноморскій округъ или западное побережье Кавказа, Дагестанъ или побережье Каспійскаго моря, Закавказье и, наконецъ, Кавказское предгорье и степи къ нему прилегающія.

Третій трудъ, какъ сказали, посвященъ древностямъ Пшавіи, Хевсуретіи и Сванетіи. Здѣсь вновь цѣнное описаніе и изданіе богатѣйшаго, впервые становящагося извѣстнымъ матеріала, вносящаго крупный вкладъ въ исторію христіанскаго искусства вообще, византійскаго и мѣстнаго (кавказскаго) въ частности. Здѣсь много весьма важнаго матеріала и для другихъ отдѣловъ древностей, для исторіи культуры туземнаго населенія, его быта, вѣрованій. Это—книга, представляющая глубокій интересъ не только для археолога, но и этнографа, юриста, натуралиста и вообще всякаго просвѣщеннаго человѣка.

Четвертый крупный трудъ графини Уваровой по археологіи Кавказа—это каталогъ археологическаго отдѣленія Кавказскаго музея, изданный въ 1902 г. [1]) Кромѣ научнаго описанія коллекцій музея, здѣсь обширное введеніе, излагающее исторію изученія русскими учеными Востока вообще и Кавказа въ частности и предисловія краткія, но суммирующія добытыя научными изслѣдованіями данныя, предъ описаніемъ къ собранію древностей извѣстной мѣстности. Такимъ образомъ, каталогъ этотъ—прекрасное руководство и для всякаго, желающаго познакомиться съ древностями замѣчательнаго Кавказскаго музея и для спеціалиста, которому предстоитъ изученіе памятниковъ.

Кромѣ Кавказа графиня П. С. Уварова посвящаетъ свои труды и другимъ древностямъ Россіи. Насколько обширны ея археологическіе научные интересы, можно судить по многочисленнымъ рефератамъ, читаннымъ ею въ засѣданіяхъ Московскаго Археологическаго Общества, кромѣ обязательныхъ рефератовъ, посвященныхъ отчетамъ о дѣятельности предварительныхъ комитетовъ по устройству археологическихъ съѣздовъ, о дѣятельности самихъ съѣздовъ. Укажемъ на нѣкоторые изъ этихъ ре-

[1]) Коллекціи Кавказскаго музея. Томъ V. Археологія. Тифлисъ. 1902.

фератовъ: О состояніи раскопокъ Херсонеса, [1]) Памяти Головацкаго [2]), Поѣздка на Кавказъ [3]), Историческій очеркъ двадцатипятилѣтія дѣятельности Общества, Могильники Осетіи [4]), О желательности изслѣдованія Кавказскихъ дольменовъ, Поѣздка въ Туркестанъ и Среднюю Азію [5]), Отзывъ объ изданіи Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und Herzegovinen [6]), Памяти Незабвеннаго Державнаго Покровителя Общества [7]), Городъ Бреславль и его музей [8]), Archeografo Triestino, изданіе Societa di Minerva [9]), Музей въ Тріестѣ [10]), Отзывъ о сочиненіи Emile Levier „Atravers le Caucase. Notes et impressions d' un botaniste" [11]), Отзывъ о Bulletin de la Société archéologique et historique de la Charente [12]), Неолитическая стоянка около Сараева [13]), Сванетія и ея древности, Памяти гр. Делянова [14], Сицилія и ея древности, Неизданные предметы Тифлисскаго музея и вообще древніе рукомои въ формѣ звѣрей, птицъ и т. п. [15]) Древніе храмы въ Зарзмѣ и Мцхетѣ и реставрація ихъ, [16]) и др.

Изъ трудовъ гр. Уваровой, посвященныхъ спеціально древне—русскому искусству и древностямъ, назовемъ: весьма цѣнный по изданнымъ при немъ памятникамъ—Каталогъ ризницы Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ (Москва 1887) и нѣсколько небольшихъ статей, помѣщенныхъ въ журналѣ, издававшемся въ теченіе семи лѣтъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ «Археологическія Извѣстія и Замѣтки»: Иконостасъ изъ церкви Успенія въ Сафарскомъ Монастырѣ близь Ахалцыха (II, 241), Нѣсколько интересныхъ образцовъ древне—русскаго искусства (VI, 281), Черепъ князя Владиміра Васильевича (VI, 292), Бронзовая ручка изъ Недвиговскаго городища. (VII, 360).

Перечисляя труды гр. Уваровой, нельзя не упомянуть о ея заботахъ по сохраненію древнихъ памятниковъ, особенно церковныхъ, подвергающихся такъ часто или уничтоженію, или невѣжественной реставраціи, о ея заботахъ объ участи Херсонеса, изученія его древностей, составляющихъ нашу національную собственность и гордость, объ изданіи сочиненій гр. А. С. Уварова [17]), объ изданіи каталоговъ богатаго и замѣчательнаго музея въ Порѣчьѣ, принадлежавшаго гр. А. С. Уварову [18]).

---

[1]) Древности, Труды И. М. А. О., XII, 131 [2]) Тр. И. М. А. О. XIII, 32 [3]) Ів., 118 [4]) Въ 1889—1890 г. [5]) Въ 1891—1892 г. [6]) Тр. И. М. А. О., XVII, 115—119 [7]) Ів., 199—200 [8]) Ів., 204—210 [9]) Ів., 219—221 [10]) Ів. 221—227 [11]) Ів., 243—244 [12]) Ів., 244—248 [13]) Тр. И. М. А. О., XVIII, 178—182 [14]) Въ 1897—1898 г. [15]) Въ 1899—1900 г. [16]) 1901—1902 г.

[17]) Ею изданъ «Византійскій альбомъ»—статьи по древне-христіанскому и византійскому искусству. М. 1890.

[18]) Изданы по отдѣламъ древностей, нумизматикѣ, и рукописей (трудъ Арх. Леонида въ 4-хъ частяхъ: Систематическое описаніе рукописей собранія графа А. С. Уварова Ч. I.—IV М. 1893—1894).

Нельзя, наконецъ, не упомянуть о ея трудахъ, заботахъ о развитіи у насъ областныхъ музеевъ; существующимъ изъ нихъ она по мѣрѣ силъ помогала, а о развитіи другихъ, новыхъ, она ратовала. Національное самосознаніе—не можетъ быть у народа безъ знанія своего прошлаго, своей культуры. Ратуя за эти знанія, гр. Уварова ратовала за устройство областныхъ музеевъ, за широкую помощь имъ обществомъ и правительствомъ. Ею былъ прочитанъ замѣчательный докладъ на Археологическомъ съѣздѣ, въ Ярославлѣ, объ областныхъ музеяхъ, съ сообщеніемъ свѣдѣній о всѣхъ бывшихъ къ тому времени музеяхъ, съ призывомъ къ созданію новыхъ, къ оказанію имъ помощи правительствомъ, обществомъ. «Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ гр. Уварова, что только учрежденію подобныхъ музеевъ западъ обязанъ распространеніемъ просвѣщенія среди массъ, воспитаніемъ вкуса публики, развитіемъ искусства и промышленности, равно какъ и большею любовью къ исторіи и археологіи страны. Настало, думается, время, продолжаетъ она, когда этотъ вопросъ можетъ быть поднятъ и у насъ и рѣшенъ въ тѣсной связи съ педагогическими цѣлями, преслѣдуемыми правительствомъ, ибо необходимо для страны, скажу болѣе—для счастья, здороваго и правильнаго развитія подростающаго поколѣнія, чтобы оно росло въ уваженіи къ дѣламъ своихъ праотцевъ, чтобы оно знакомилось, изучало и дорожило произведеніями русскаго искусства, проявленіемъ духа и мощи родного края и его насельниковъ» [1]).

Вся дѣятельность гр. П. С. Уваровой проникнута глубокой любовью къ наукѣ, искусству, старинѣ; движимая этой любовью, вдохновляемая ею — она трудится безустанно, непрерывно въ теченіе уже нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, не смотря на свои преклонные годы, въ которые обыкновенно думаютъ о покоѣ, отдыхѣ... Нельзя не поражаться духовной мощи гр. Уваровой, ея непреклонной волѣ въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей, ея неутомимой энергіи. Нельзя не воздавать должной признательности за эту ея культурную работу. Просвѣщеніе общества, массъ народныхъ — распространеніе среди нихъ знаній о прошломъ культурномъ человѣчества, своей родины,—созданіе музеевъ, изданіе матеріаловъ, научной литературы о памятникахъ искусства, древностей—это идеалы гр. П. С. Уваровой въ научной ея дѣятельности и она работаетъ почти всю жизнь для осуществленія ихъ.

Е. Рѣдинъ.

---

1) Труды VII арх. съѣзда, т. II, (М. 1891), 281.

ВАЛКИ,

украинный городъ Московскаго Государства.[1]

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Профессору Дмитрію Ивановичу Багалѣю.

I

Южныя степи.—Состояніе ихъ до и послѣ монгольскаго нашествія.—Придонецкій край.—Муровскій шляхъ. Татарскіе перелазы.—Наблюденіе за ними.—Станицы.—Урочище Валки.—Старый валъ.—Время его постройки.—Указъ изслѣдовать урочище.

Пограничными городами Московскаго Государства въ XVI вѣкѣ были: Мценскъ, Алатырь, Новгородъ-Сѣверскій, Путивль и др.

На югъ отъ нихъ къ самому Черному морю шли привольныя степи, прорѣзанныя только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣпями небольшихъ возвышенностей. Степи эти носили тогда названіе «дикихъ полей». Осѣдлости въ нихъ не было никакой. Повидимому, всюду царила пустынность и безмолвіе, нарушаемое только криками пернатыхъ обитателей. Но сколько кровавыхъ драмъ разыгрывалось въ прекрасныхъ долинахъ, оживленныхъ веселымъ журчаніемъ рѣкъ и многочисленныхъ «колодезей» (рѣчекъ)! О быломъ существованіи послѣднихъ свидѣтельствуютъ старинные документы, сказанія да пересохшія угрюмыя балки, сохранившія ихъ имена. По степи разброшены были всюду «высоки могылы» съ стоявшими на нихъ каменными бабами, этими загадочными нимфами нашего юга. Сколько славныхъ, но неизвѣстныхъ намъ витязей легло подъ курганы, не оставивъ даже преданій о своихъ подвигахъ!

Они, эти таинственные курганы, да не малыя числомъ, невѣдомыя городища свидѣтельствовали, что степи въ былыя времена не были такими пустынными и «дикими».

---

[1]) По документамъ Архива Министерства Юстиціи.

И дѣйствительно, до появленія здѣсь многочисленныхъ ордъ азіатскихъ выходцевъ этотъ благодатный край былъ заселенъ, въ немъ стояли многіе неизвѣстные намъ города, о чемъ и понынѣ говорятъ упомянутыя городища. Да и какъ было и не жить тамъ людямъ! Въ общемъ южныя степи можно назвать безконечной равниной, но въ частности видъ ихъ далеко не однообразный—въ нихъ и тучные луга, раскинутые по берегамъ прекрасныхъ, полноводныхъ прежде рѣкъ, текущихъ въ глубокихъ долинахъ, и были большіе густые лѣса, поросшіе по красивымъ возвышенностямъ. И ко всему этому при тепломъ климатѣ такая почва, какой по плодородію немного на свѣтѣ!

Но монголы, какъ саранча, наводнили страну и уничтожили все. Цвѣтущіе города обратились въ городища и поросли «травою забвенья». Жители погибли подъ ихъ развалинами, а уцѣлѣвшіе чудомъ искали спасенья въ бѣгствѣ.

Дикіе завоеватели запрещали возобновлять разрушенные города.

Когда, напримѣръ, Даніилъ Галицкій, вернувшись изъ Венгріи, отстроилъ нѣкоторые, татары потребовали ихъ разрушенія. Подобное этому было въ Рязанскомъ и Суздальскомъ княжествахъ. И города были сожжены снова. Не въ интересахъ было татаръ, чтобы по границамъ тогдашней Руси стояли на стражѣ ихъ появленій укрѣпленные города.

И южный край совсѣмъ запустѣлъ и запустѣлъ надолго.

Въ XIV вѣкѣ Смоленскій діаконъ Игнатій, проѣзжавшій чрезъ Донецкую область, т. е. теперешнюю Харьковскую губернію, описываетъ ее, какъ совершенную пустыню. Онъ не встрѣтилъ въ ней ни города, ни села, ни человѣка, а только «звѣрья множество».

И другіе путешественники рисуютъ намъ этотъ край таковымъ.

И такъ, послѣ погрома южныя степи не одинъ вѣкъ пролежали пустынными. И даже послѣ, когда Русь стряхнула съ себя, наконецъ, татарскіе «кайданы», измельчавшіе потомки нѣкогда грозныхъ завоевателей долго еще продолжали быть для нея страшными сосѣдями—врывались въ ея предѣлы и оставляли за собой только вытоптанныя поля и догоравшія деревни. Поэтому и зарубежный край оставался необитаемымъ. По немъ только, начиная съ XVI вѣка, ѣздили станичники, эти своеобразные, такъ сказать, подвижные предвѣстники недалекой уже колонизаціи. Имъ было запрещено сряду въ одномъ мѣстѣ не только ночевать, но даже разводить огонь, «коли каши сварити».

Но вотъ появились основанные въ 1593 году города Бѣлгородъ, Осколъ и Валуйки. Цари Ѳеодоръ Іоанновичъ и Борисъ Годуновъ старательно заботились о скорѣйшемъ заселеніи порубежнаго края, но смут-

ное время положило на время предѣлъ ихъ стремленіямъ отодвинуть далѣе на югъ границу государства.

Въ 1600 году далеко отъ городовъ въ глухой степи, при сліяніи Бахтина колодезя съ р. Осколомъ, былъ построенъ Царево-Борисовъ. Городокъ этотъ, впрочемъ, вслѣдствіе трудности поддерживать его, благодаря удаленію, продержался не особенно долго. Въ 1644 году въ дошедшихъ до насъ документахъ встрѣчается уже только — «Борисово-городище», т. е. къ этому времени городъ обратился уже въ развалины. Позднѣе на его мѣстѣ возникла слобода, недостигшая уже никогда до значенія города.

Въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича на окраинѣ всего было лишь восемь городовъ: Курскъ, Ливны, Воронежъ, Елецъ, Лебедянъ, Валуйки, Бѣлгородъ, Осколъ. Стремленіе къ заселенію, затихшее было въ лихолѣтье, теперь проявляется снова—построенъ былъ цѣлый рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ — «Бѣлгородская черта», получившая окончательное устройство и дополненная новыми городами только въ слѣдующее царствованіе. Тянулась она по нынѣшней Харьковской, Курской, Воронежской и Тамбовской губерніямъ.

При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ черта эта охранялась двѣнадцатью крѣпостями: Вольное, Хотмыскъ, Карповъ, Бѣлгородъ, составлявшій ея центръ, Нижегольскъ, Короча, Яблоновъ, Новый Осколъ, Верхнесосенскъ, Ольшанскъ и Коротоякъ. Пространство между городами защищалось землянымъ валомъ.

Появился и еще одинъ піонеръ дальнѣйшаго движенія на югъ — городъ, построенный хотя и черкасами, но при помощи Москвы. Въ 1639 году пришелъ «на государево имя» изъ предѣловъ Польши Гетманъ Яцко Остренинъ почти съ цѣлымъ полкомъ (около тысячи человѣкъ) и просилъ «ихъ устроить на вѣчное житье на Сѣверскомъ Донцѣ на Чугуевѣ городищѣ». На первое время черкасамъ было велѣно выдать денежное и хлѣбное жалованіе.

Возникшій городъ являлся важнымъ пунктомъ, такъ какъ далеко былъ выдвинутъ на югъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ одинокъ — Царево-Борисовъ клонился къ упадку, если только не лежалъ уже въ развалинахъ.

Продержались черкасы въ Чугуевѣ также не долго: спустя два года между ними произошли раздоры, окончившіеся убійствомъ Остренина и уходомъ казаковъ обратно въ Польшу. Въ оставленный городъ послѣ этого были присланы въ ограниченномъ числѣ московскіе служилые люди.

Но все это были, что называется, капли въ безбрежныхъ, какъ море, степяхъ; край за «чертой» оставался пустыннымъ и не заселеннымъ. Тогда еще не было ни Харькова, ни Ахтырки, ни Сумъ, ни другихъ городовъ, скоро же впрочемъ начавшейся заселяться Слободской Украины.

Что территорія теперешней Харьковской губерніи не была обитаема въ полномъ смыслѣ этого слова въ первой половинѣ XVII столѣтія, краснорѣчиво доказываютъ ниже приводимыя документальныя свидѣтельства.

Въ 1626 году Запорожскій полковникъ Алексѣй Шафранъ съ тремя козаками ѣхалъ съ Дона въ Кіевъ и заблудился въ придонецкихъ пустыняхъ. «А ѣхати—де было (надо) имъ по Торца, на урочище на Самару (лѣвый притокъ Днѣпра)». Цѣлыхъ двѣнадцать дней, нигдѣ не задерживаясь, блуждали они» «на вдачу», смотря на конь-звѣзду» — эту единственную ночную путеводительницу въ «дикихъ поляхъ». И за все это продолжительное время козаки не встрѣтили ни души и ни малѣйшаго признака пребыванія въ краѣ осѣдлаго человѣка. Разъ только наѣхали они «на шляхъ татарской новой», т. е., увидѣли на травѣ свѣжій слѣдъ— «только (что) передъ ними переѣхали татаровя». Козаки поспѣшили спрятаться въ лѣсъ, боясь попасться на глаза степныхъ волковъ. Шафронъ уже разъ испыталъ тяжесть басурманской неволи, протомившись шесть лѣтъ на галерахъ. Немного пообождавъ, козаки пошли «степью три дня и три ночи ни шляхомъ, ни дорогою, на вдачу чрезъ болото и чрезъ лѣсъ, не разсматривая ничего». Наконецъ, послѣ долгаго блужданія они услышали всторонѣ пушечные выстрѣлы и направились на нихъ, «чтобъ наѣхать на городъ и людей, чтобъ и досталь не заблудить». И наѣхали городъ.....на Валуйки[1]).

Вотъ, какъ пустынны и *„безлюдны“* были въ то время эти *„дикія“*, *„вольныя“* степи! Такъ въ своихъ донесеніяхъ называли ихъ порубежные воеводы.

Въ 1646 году бѣлгородецъ Иванъ Масловъ и подъячій Герасимъ Жулиновъ, по приказанію царя, составили описаніе [2]) мѣстности по теченію рр. Коломака и Мжа, т. е. Валковскаго уѣзда. Подробно описывая всѣ урочища, они, какъ на оріентировочные пункты, указываютъ только на городища, рѣчки, незначительные даже ручьи, небольшія среди лѣсовъ поляны, на остатки старинныхъ укрѣпленій и пр., точно измѣряютъ разстоянія отъ одного пункта къ другому, но не упоминаютъ ни

[1]) *Н. А. Кулишъ.* Матеріалы т. I. Документъ № XIX. Москва 1877 г.
[2]) Арх. Минис. Юст. Бѣлгор. столъ, столбецъ 268, листы 65—77.

объ одномъ жильѣ человѣка, даже о такомъ незначительномъ, какъ хуторъ. Слѣдовательно, на довольно обширномъ осмотрѣнномъ ими пространствѣ никакой осѣдлости тогда не было.

Но если въ первой половинѣ XVII столѣтія страна не была обитаема, зато посѣщаема была довольно часто и русскими станичниками, и разными «воровскими людьми», и, главное, татарами.

Послѣдніе проложили чрезъ степи нѣчто вродѣ дорогъ и ходили по нимъ грабить пограничные города. Такими путями въ юговосточныхъ степяхъ были шляхи Калміусскій, Юзюмскій и главный — Муравскій. Во время своихъ набѣговъ татары старались обходить трудныя переправы чрезъ рѣки, глубокіе овраги, болота и пр., хотя вмѣстѣ съ тѣмъ не страшились переплывать даже чрезъ такія широкія рѣки, какъ Днѣпръ. Но задержки для нихъ были неудобны главнымъ образомъ на обратномъ пути, когда обремененные добычею и «яссиромъ» (плѣнными), они спѣшили уйти отъ могущей быть погони. Поэтому и Муравскій шляхъ, какъ и другіе, шелъ, изгибаясь, между верховьями рѣкъ по водораздѣлу бассейновъ Сѣверскаго Донца и Днѣпра.

Кто изъ жителей областей, подвергавшихся татарскимъ нападеніямъ, не зналъ тогда объ этомъ шляхѣ и не содрагался отъ ужаса, услышавъ одно его названіе! Сколько тысячъ несчастныхъ жертвъ варварскаго вѣка и религіознаго фанатизма прошло по этому печальной памяти пути, обильно орошая его своею кровію, слезами и оглашая душу раздирающими стонами, нетрогавшими профессіональныхъ ловцовъ «бѣдныхъ невольниковъ». «Тяжелая неволя турецкая» и эти «кайданы» такъ глубоко запечатлѣлись въ народной памяти, что не изгладились до сихъ поръ, когда все это давно отошло уже въ область преданій!

Муравскій шляхъ былъ извѣстенъ всѣмъ, но кто могъ знать его всѣ извороты! Запорожецъ Шафранъ говорилъ, что они шли «ни шляхомъ, ни дорогою», т. е. онъ не отождествлялъ эти два понятія. И Муравскій шляхъ, собственно, не былъ дорогою—это было только направленіе, по которому слѣдовали татары, это была широкая, мѣстами суживавшаяся полоса земли, въ зависимости отъ рѣкъ, болотъ, трудно проходимыхъ лѣсовъ, и ведшая отъ Крымской Перекопи въ самое сердце Россіи, къ Тулѣ. Поэтому, хотя всѣмъ было извѣстно, гдѣ пролегалъ шляхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ никто не могъ знать, гдѣ именно по немъ будутъ пробираться татары, на какой пойдутъ «перелазъ». Особенно это относилось къ немногочисленнымъ гамбуламъ. Цѣлая орда, если шелъ самъ ханъ (1680 и 1693 г.г.), валила, растянувшись въ ширину на многія версты, не соблюдая уже особенной осторожности.

Въ описаніи Маслова упоминается о нѣкоторыхъ пунктахъ, лежавшихъ на перпендикулярно пересѣкавшей Муравскій шляхъ линіи и отстоявшихъ одинъ отъ другого на разстояніи пяти и болѣе верстъ. И о нихъ говорится, какъ о находившихся *на шляху*. [1])

Слѣдовательно, подъ шляхомъ нужно понимать не дорогу, а направленіе, придерживаясь котораго обыкновенно шли татарскіе загоны.

Поэтому шляхи, вѣроятно, не могли быть «до черна битые», какъ говоритъ де-Пуле. [2])

Въ книгѣ Большого чертежа приведено подробное описаніе Муравской «сакмы». Изъ него видно, напр., что даже не далеко отъ г. Тулы, т. е. въ мѣстности уже сравнительно заселенной, шляхъ все таки не имѣлъ опредѣленной, постоянной линіи, а пролегалъ между рѣками болѣе или менѣе широкой полосой.

«Муравскій шляхъ лежитъ мимо Тулы чрезъ засѣку въ Щегловы ворота, а лазятъ татарове выше Тулы верстъ 8 р. Шатъ и рѣчку Шиворанъ, лазятъ р. Упу въ Костомаровъ бродъ...., а перелѣзши р. Упу..., ѣхати вверьхъ по рѣкомъ, *съ лѣвыя* стороны Муравскія дороги р. Упа, а *по правую* сторону р. Салова, ѣхати до верхъ р. Мечи, а Меча рѣка *по лѣву*. Муравскія дороги потекла и пала въ Донъ, а *по правой* сторонѣ по Муравской дорогѣ р. Солова до р. Плова... и т. д.

Названіе Муравскій одни производятъ отъ слова мурава (трава), другіе съ этимъ не согласны. Трава всюду росла по степямъ и особенно въ югозападныхъ, гдѣ не было лѣсовъ; шляховъ было нѣсколько, но одинъ только изъ нихъ назывался Муравскимъ. При заселеніи Слободской Украины возникли слободы Марефа или Мерефа, Мурафа или Мурахва, лежавшія недалеко отъ *Муравскаго* шляха. [3]) Чувствуется сродство этихъ названій, но происходящихъ какъ-бы не отъ слова «мурава.» Не вѣрнѣе-ли называть «мурафскій шляхъ»?

Крымцы, особенно ихъ небольшіе загоны, ходили и не шляхомъ. (Шафронъ назвалъ это такъ: «шляхъ татарскій *новой*.») Они часто и всюду шныряли по степи, оставляя по себѣ такой-же почти слѣдъ, какъ на морѣ запорожскій байдакъ: примятая трава поднималась и всѣ признаки, о чемъ старательно заботились грабители, исчезали.

Но все-же татарамъ приходилось, какъ они того и не избѣгали, если хотѣли только «безвѣстно» проскользнуть мимо станичниковъ, про-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Педагогъ—писатель (1822—1865).

[3]) Въ одномъ изъ документовъ онъ названъ и Мурамскимъ (*Д. И. Багалѣй*, Матеріалы т. I № XIX, Харьковъ, 1886 г.).

бираться лѣсами, болотами, переходить рѣки. Такія мѣста характерно назывались «перелазами.» За ними особенно внимательно паблюдали станицы, высланныя въ степь слѣдить за движеніями татарскихъ чамбуловъ. Около перелазовъ «въ крѣпкихъ мѣстахъ» ставились иногда и сторожи— небольшіе посты силою 4—8 человѣкъ, выдвинутые отъ пограничныхъ городовъ верстъ на 50—60 и державшіе между собою связь. Станицы— разъѣзды—посылались еще далѣе за сторожи вглубь степей для наблюденія за порученнымъ пространствомъ, иногда очень обширнымъ. Въ особенно важныхъ пунктахъ сторожи располагались въ небольшихъ приспособленныхъ къ оборонѣ «стоялыхъ острожкахъ», въ которыхъ помѣщалось уже болѣе значительное число ратныхъ людей. Такіе острожки, хотя ихъ защитники и перемѣнялись чрезъ извѣстный срокъ, можно, пожалуй, назвать первыми населенными пунктами, начавшими кое-гдѣ появляться «за чертой.» Во всякомъ случаѣ обыкновенно они были предвѣстниками появленія въ данной мѣстности жилого города и служили защитою пасѣкъ, ютившихся въ укромныхъ уголкахъ.

Муравскій шляхъ, какъ чаще другихъ мѣстъ посѣщаемый татарами, былъ предметомъ внимательнаго наблюденія со стороны пограничныхъ воеводъ—они могли постоянно ожидать на немъ появленія чамбуловъ, вносившихъ съ собою въ страну пожары, убійства, грабежи.

Территорія теперешней Харьковской губерніи съ давнихъ временъ наблюдалась станицами; въ концѣ XVI вѣка всѣхъ было ихъ 73 и между ними семъ донецкихъ, изъ которыхъ первая находилась между р. р. Мжомъ и Коломакомъ, т. е. тамъ, гдѣ позднѣе возникъ г. Валки. Станица эта была выдвинута очень далеко въ степь отъ извѣстныхъ тогда городовъ—въ четырехъ дняхъ пути отъ Рыльска и Путивля, названнаго древнимъ еще въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Послѣ 1571 года названная станица была снята, такъ какъ въ урочище часто начали приходить каневскіе черкасы и громить [1]) сторожей.

И татарскій перелазъ на Муравскомъ шляху между Мжомъ и Коломакомъ, важный въ томъ отношеніи, это его негдѣ было поблизости обойти, надолго остался безъ постояннаго наблюденія. Со временемъ его даже совсѣмъ упустили изъ виду.

Благодаря своему положенію, Бѣлгородъ сдѣлался центромъ управленія всей Польской (полевой) Украины и мѣстомъ пребыванія главнаго воеводы, вѣдѣнію котораго была поручена вся эта обширная порубецкая область.

---

[1]) *Д. И. Багалѣй.* Очерки изъ исторіи и колонизаціи... Москва 1887 г., ст. 91,92,241.

Все болѣе и болѣе изучая край и мѣста, по которымъ пробирались татары, бѣлгородскій воевода усиливалъ надзоръ вообще за степью и особенно, конечно, за Муравской сакмой. Станицы и сторожи высылались тогда изъ Бѣлгорода—южнѣе его городовъ не было. Царевоборисовъ запустѣлъ, на Чугуевскомъ городищѣ не появлялся еще Острениnъ. Единственными хотя и подвижными обитателями придонецкихъ степей были именно сторожа и станичники. По нимъ, провѣдывая «крымскія вѣсти», «пробѣгали» станичныя головы, эти контролеры развѣдовательной службы, дѣти боярскіе, «ѣздоки» и «вожи.» Ѣздили они шляхомъ «до Берестовой и до верхъ Орели и Самары»—конечные пункты, порученные ихъ наблюденію. (Самара и Орель—притоки Днѣпра, Берестовая—Орели).

Отъ Бѣлгорода это было довольно далеко. Поэтому было очень выгодно найти такое мѣсто, гдѣ-бы можно было поставить небольшое укрѣпленіе и поселить въ немъ хотя-бы на лѣтнее время ратныхъ людей и уже оттуда слѣдить за степью. Это дало-бы возможность освѣтить «дикія поля» далѣе вглубь, ускорить доставку свѣдѣній въ Бѣлгородъ и, слѣдовательно, въ Москву, гдѣ сосредоточивались всѣ «крымскія и ногайскія вѣсти». Такое мѣсто, представлявшее всѣ выгоды, имѣлось, но о немъ забыли—находилось оно въ *урочищѣ* Валки, первое упоминаніе о которомъ относится къ 1571 году:—«да ѣхати къ верхъ Мжа къ Валкамъ, а отъ Валокъ переѣхати Муравскій шляхъ». [1])

Г. Н. Спасскій, издавшій (1846 г.) Книгу Большого чертежа, [2]) считаетъ упоминаемые въ ней «Валки» городомъ (стр. 300), возникшимъ, слѣдовательно, ранѣе Бѣлгорода, Царево-Борисова и др.; но въ этомъ онъ ошибается.

Ближайшимъ доказательствомъ того, что упоминаемые въ книгѣ Валки былъ не городъ, а урочище, служитъ, кромѣ многихъ ниже приводимыхъ свидѣтельствъ, царская грамота воеводѣ Ляпунову отъ 22 іюля 1646 г. [3]) Въ ней точно указывается мѣсто, гдѣ нужно было, кромѣ построеннаго уже острога и города, срубить еще и стоялый острожекъ: «по конецъ (противоположный) вала, „*что словетъ валки*“.

Въ 1636 году бѣлгородскій воевода Афанасій Тургеневъ доносилъ царю Михаилу Θеодоровичу, [4]) что на Муравскомъ шляху есть татарскій

---

[1]) *Бѣляевъ.* О стор. и станичной службѣ... Москва 1848 г., стр. 19.

[2]) Объяснительный текстъ къ несохранившейся генеральной картѣ Московскаго Государства.

[3]) Мос. Арх. Мин. Юст. ст. 211, лл. 37—39.

[4]) Мос. Арх. Мин. Юст. ст. 211, лл 37—39.

перелазъ въ урочищѣ Валки. Узналъ онъ о немъ отъ станичниковъ, ѣздившихъ изъ Бѣлгорода шляхомъ «до Берестовой и до верхъ Орели и Самары чрезъ Валки», откуда они, станичники „поспѣваютъ до назначенныхъ имъ крайнихъ пунктовъ наблюденія „въ два дня“.

И характеръ донесенія воеводы объ открытыхъ имъ Валкахъ, и отвѣтъ царя сильно заинтересовавшагося этимъ открытіемъ, доказываютъ, что въ Москвѣ или забыли о существованіи этого важнаго перелаза, или совсѣмъ не знали о немъ. Въ тойже Книгѣ Большого чертежа упоминается еще и о другихъ Валкахъ, гдѣ-то около Курска; что и они не были городомъ, ясно уже видно изъ самой Книги.

— „А тѣ де Валки, писалъ Тургеневъ въ своей челобитной, учешины изстари, въ крѣпкихъ мѣстахъ веденъ насыпной валъ чрезъ Шляхъ отъ лѣсу до лѣсу, а лѣса де пришли ровни, большіе, и межъ-де тѣхъ лѣсовъ насыпной валъ 3 версты (современная верста заключала въ себѣ тысячу саженей), а ведены-де тѣ Валки (ясное указаніе, что это не городъ) межъ вершинъ польскихъ рѣкъ Мжа и Коломака. А ѣдучи-де отъ Бѣлгорода Муравскимъ шляхомъ по сакмѣ къ тѣмъ Валкамъ, по правую сторону вершина рѣчка Коломакъ тянетъ въ рѣку въ Ворсколъ, а по рѣкѣ Ворсколу и на той рѣкѣ устъ рѣчки Коломака поставленъ литовской городъ Плотавой ниже Валокъ верстъ съ 50, а по лѣвую сторону рѣчка Можъ тянетъ въ Сѣверскій Донецъ. Опричъ-де *того урочища* мимо Валокъ татарскаго проходу Муравскимъ шляхомъ иного мѣста нѣтъ, и бѣлгородскіе-де станичники ѣздятъ къ урочищу мимо-де тѣхъ Валокъ, а *иной-де дороги Муравскимъ шляхомъ* мимо тѣхъ Валокъ нѣтъ“.

Поэтому воевода находилъ необходимымъ поставить въ такомъ важномъ мѣстѣ острогъ и поселить въ немъ бѣлгородцевъ и ратныхъ людей изъ Путивля и Рыльска, перемѣняя ихъ помѣсячно. Послѣ этого, писалъ Тургеневъ, «воинскимъ малымъ людямъ-татарамъ подъ Бѣлгородъ и украинскіе города проходу не будетъ», «большіе же люди» не проскользнутъ безвѣстно». Помимо постройки острога, необходимо еще было укрѣпить надолобами и честикомъ старый валъ, на всемъ его протяженіи, и углубить бывшій съ его южной стороны, тоже старый, ровъ. Надолобами назывались бревна, вкопанныя стоймя въ одинъ, два и три ряда въ землю за наружнымъ краемъ рва; иногда по рядамъ они соединялись связью (наметомъ) и заваливались землею и хворостомъ. Честикомъ или частикомъ—небольшіе колья, близко одно отъ другого, въ шахматномъ порядкѣ вбитые между надолобами, предъ тыномъ, около рва, на перелазахъ и т. д.

Въ 1636 году Тургеневъ, донося о бывшемъ въ урочищѣ валѣ, называлъ его «старымъ». Въ этомъ мѣстѣ къ Муравскому шляху съ обѣихъ сторонъ подходили большіе и трудно доступные лѣса, образуя проходъ въ нѣсколько верстъ шириною. Перегораживая его, и шелъ этотъ валъ отъ верховья одной рѣки къ верховью другой.

Когда могъ быть насыпанъ валъ и вырытъ ровъ? Точно отвѣтить на этотъ вопросъ мы не можемъ. Постройка его, вѣроятно, относится ко временамъ весьма отдаленнымъ и, во всякомъ случаѣ, до Монгольскаго нашествія. Правда, въ царствованіе Θеодора Іоанновича, въ концѣ XVI вѣка, былъ «разгаръ строительной дѣятельности» Московскаго правительства и большое стремленіе его заселить и обезопасить границы. Но если-бы валъ былъ насыпанъ въ этотъ періодъ, то воевода Тургеневъ на вопросъ царя, «какими обычаи учинены Валки», отвѣтилъ-бы болѣе опредѣленно, а не такъ: «те-де Валки учинены изстари», [1]) что валъ—«старой» и только.

Ко-времени осмотра его бѣлгородцами (1636 г.), валъ уже во многихъ мѣстахъ осыпался; нѣсколько-же исправленный въ 1646—7 году, хорошо сохранился до осмотра его Вадимомъ Пассекомъ (1807—1842). Можетъ быть, постройка укрѣпленной линіи въ урочищѣ Валки относится къ княжескому періоду, а, можетъ быть, и къ еще болѣе раннему, далеко отъ насъ ушедшему вглубь вѣковъ.

Въ окрестностяхъ, кромѣ этого вала, были тогда и другія «крѣпости старыя» и два хорошо сохранившіяся городища Болгирское и Одрынское, глубина рвовъ послѣдняго, напр., равнялась восьми саженямъ. Можно, казалось-бы, сдѣлать предположеніе, что и валъ между Коломакомъ и Мжомъ, и другіе въ урочищѣ не малые числомъ валы, рвы, и упомянутыя два городища относятся къ одной и той-же эпохѣ. Когда возникли города, стоявшіе нѣкогда на Болгирскомъ и Одрынскомъ городищахъ, не извѣстно, но что они окончили свое существованіе не позже разгрома Руси татарами, это утверждать, конечно, можно. И въ тѣ отдаленныя времена прежніе жители края, гдѣ теперь Харьковская губернія, видимо должны были укрѣплять тѣ-же перелазы, защищая свои жилища отъ набѣговъ какихъ то наѣздниковъ, кочевавшихъ въ тѣхъ-же степяхъ, которыми въ XVII столѣтіи стремилось завладѣть Московское государство. Могли быть тѣми наѣздниками половцы, а можетъ быть, что даже вѣрнѣе, и еще болѣе ранніе обитатели «дикихъ полей».

Шесть верстъ непрерывнаго высокаго вала и глубокаго рва—трудъ не легкій. Выполнить его могъ народъ осѣдлый, многочисленный, кото-

[1]) Тамъ-же, ст. 61, лл. 334—342.

рому было что защищать. И ничего, никакихъ даже преданій не дошло до насъ о строителяхъ этого вала, давшаго только названіе мѣстности.

Преосвященный Филаретъ [1]) дѣлаетъ предположеніе, что г. Валки получили свое названіе отъ «валковъ», т. е., отъ волнистаго расположенія возвышенныхъ мѣстъ, окружавшихъ городъ. Но названіе произошло отъ урочища, гдѣ былъ построенъ городъ, а названіе урочищу естественно далъ валъ, это сооруженіе сѣдой старины; вѣрнѣе даже нѣсколько валовъ (отсюда и «Валки»).

Получивъ донесеніе Тургенева, «Государь сей отписки слушавъ, указалъ» послать сына боярскаго, или надежнаго станичнаго голову съ чертежникомъ, подъ прикрытіемъ приличнаго конвоя, подробно изслѣдовать урочище Валки и ближайшія къ нему мѣста. При этомъ ставились многіе вопросы, на которые обстоятельно долженъ былъ отвѣтить воевода. Кромѣ описанія, приказывалось составить чертежъ и на него нанести лѣса, рѣки, отмѣтить мѣсто, гдѣ нужно было поставить острогъ, гдѣ находились татарскіе перелазы и пр. И, самое главное, нужно было выяснить, будетъ-ли польза отъ постройки острога, т. е., «Крымскимъ и Нагайскимъ людямъ помѣшка будетъ-ли».

О томъ, гдѣ именно находилось открытое воеводою урочище Валки, въ Москвѣ, видимо, имѣли смутное представленіе, почему чертежнику и было приказано нанести для оріентировки не многіе извѣстные тогда пункты, а именно «Бѣлгородъ, Борисовъ (Царево-Борисовъ) и Сѣверскій Донецъ»—только эти.

Царь приказывалъ выяснить особенно тщательно, найдется-ли подходящее мѣсто вблизи острога для водворенія «жилецкихъ людей» и матеріалъ для постройки города; есть-ли въ урочищѣ и сколько именно удобныхъ мѣстъ для заведенія удобныхъ пашенъ, въ достаточномъ-ли количествѣ будетъ сѣнныхъ покосовъ и пр.

Все это свидѣтельствуетъ, что въ Москвѣ сильно заинтересовались сообщеніемъ воеводы «о той Валкѣ». Отодвинуть рубежъ государства далеко на югъ и стать твердою ногою въ такомъ «крѣпкомъ» стратегическомъ пунктѣ на главномъ татарскомъ пути было весьма соблазнительно.

И Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ приказалъ Тургеневу исполнить все предписанное ему, «не мѣшкавъ ни часу». [2])

---

[1]) Историко-Стат. описаніе Харьк. епархіи, изд. 1857 г., отд. II, стр. 189 (I отд. изд. 1852 г.).

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст. ст. 61, лл. 334—342.

II.

Причины, задержавшія постройку Валокъ.—Князь Хилковъ.—Протестъ о нарушеніи границъ.—Указъ по этому поводу.—Постройка Можевскаго острога.—Описаніе Урочища.—Татарскіе перелазы.—Городища.—Рѣки.—Лѣса.—Значеніе ихъ.—Литовскія пасѣки.

По неизвѣстной причинѣ цѣлыхъ десять лѣтъ проектъ постройки острога и жилого города на татарскомъ перелазѣ «на Валкихъ» не приводился въ исполненіе.

Можетъ быть, примѣръ съ Царево-Борисовымъ, показавшій всю трудность постройки и поддержки города, такъ далеко выдвинутаго въ безлюдную степь, заставилъ отказаться отъ постройки Валокъ до заселенія, хотя отчасти, болѣе сѣверныхъ областей. Московское государство было тогда очень бѣдно средствами, а, главное, народонаселеніемъ—избытка въ немъ нигдѣ не было. Поэтому постройка новыхъ городовъ требовала большихъ жертвъ и тяжело отзывалась на другихъ городахъ, которые должны были выдѣлять часть своихъ и такъ не многочисленныхъ жителей.

И дѣйствительно, съ 1636 года, т. е., со времени донесенія Тургенева о необходимости построить Валки, до 1646—ихъ возникновенія—появились города: Тамбовъ, Усердъ, Яблоновъ, Короча, Вольный, Хотмыжскъ и Костенскъ.

Толчкомъ, ускорившимъ постройку болѣе или менѣе сильнаго острога и города на татарской сакмѣ, могъ послужить опустошительный, но мало намъ извѣстный подробностями набѣгъ крымцевъ именно зимою 1646 года (годъ тогда начинался съ 1 сентября), когда они сильно похозяйничали въ Рыльскомъ, Сѣвскомъ и Курскомъ уѣздахъ.

Въ Бѣлгородъ былъ назначенъ новый воевода—стольникъ Ѳеодоръ Андреевичъ князь Хилковъ, человѣкъ, судя по его донесеніямъ, энергичный, дѣятельный и заботившійся о безопасности ввѣреннаго его защиты обширнаго края. Узнавъ отъ станичниковъ о существованіи такого важнаго пункта на самомъ Муравскомъ шляху, какъ Валки, онъ (въ 1646 году) распорядился поставить на немъ сторожевой постъ изъ тридцати бѣлгородцевъ для наблюденія и охраны отъ татарскихъ набѣговъ [1]).

Собственно говоря, земля, гдѣ были «тѣ Валки», фактически не принадлежала тогда Московскому государству, а скорѣе татарамъ, куда ихъ былъ «свободный», какъ говорилось въ одной грамотѣ, «приходъ».

---

[1]) Тамъ-же ст. 268 лл. 1—6.

Но на дѣйствія бѣлгородскаго воеводы послѣдовалъ совершенно неожиданно протестъ отъ другого сосѣда: на поставленный въ урочищѣ постъ присланъ былъ «листъ изъ литовскаго городка съ Плотавы» отъ ея державца Яна Клосинскаго [1]). Вотъ этотъ интересный листъ въ подлинномъ видѣ:

«Наяснѣйшаго великаго господаря Владислава четвертаго съ Божей ласки короля польскаго (слѣдуетъ подробный титулъ).... его королевскаго величества Янъ Клосинскій державца Пултавскій и богацкій.

Божею милостью великаго господаря царя и великаго князя Олексія Михайловича всея Русіи самодержца... (слѣдуетъ подробный титулъ)....

Тебе старшему надъ тыми людьми которые тутъ вышли въ поля дикія довѣдовшися я отъ сторожей державы моей (городъ, взятый на откупъ) Пултавы которые перестерегаютъ шлаховъ татарскихъ же (что) васъ людей московскихъ на урочищу взърыбнаго рогу кильку сотъ человѣков ест зачимъ умыслне посылаю посланцов моих до вас хотячи видет для какои причины кгрунт (землю) короля его милости пана нашего милостиваг наихали и в лиси становши обрубилисе съ якимъ умыслем я для якой причины ознаймите ми. в пол и на пасѣках и по дорогах подьданым его милости пана краковскаго жебы не было отъ васъ кривды—затым вас Пану Богу поручаю. Дата с Пултавы дня 7 марта року 1646».

вам всег добра зычливый
Jan Klosinsky Bogacsky y Pultawsky.

На оборотѣ: «Старъшимъ темъ которые над тыми ми ест людми на урочишъчу у Зърибнаго рогу стоячихъ и въ поляхъ его королевской милости до рукъ его отдат належитъ [2])».

Самый листъ и переводъ съ него воевода переслалъ въ Москву, а въ Полтаву на запросъ, на какомъ основаніи онъ занялъ землю польскаго короля, отвѣтилъ, что бѣлгородцы ни на чью собственность не посягаютъ, поставлены на Муравскомъ шляху «не для какого воровства и задору», а исключительно «для береженія отъ безвѣстнаго приходу воинскихъ людей» [3]), что должно было быть и въ интересахъ самой Полтавы. Изъ письма Клосинскаго видно, что урочище Валки у полтавцевъ было извѣстно подъ именемъ Взрыбьяго Рога.

Разграниченіе земель между владѣніями Москвы и Польши происходило въ 1638 году. И Коломакъ въ нижнемъ своемъ теченіи состав-

1) Тамъ-же ст. 184 лл. 202+210.
2) Тамъ-же.
3) Тамъ-же, ст. 268, лл. 1—6.

лялъ уже границу между государствами, находившимися почти въ безпрерывной враждѣ. Истинными хозяевами края пока были татары, шнырявшіе всюду и «скрадывавшіе русскихъ караульщиковъ». По свидѣтельству Сигизмунда Герберштейна (1486—1566 г.г.), прежде по Сѣверскому Донцу были даже татарскія пашни.

Заявленіе литовцевъ своихъ правъ на землю побудило Московское правительство дѣйствовать. На случай новой претензіи со стороны сосѣда изъ Полтавы воеводѣ велѣно было «литовскимъ людямъ говорить, что та земля Московскаго царства искони, вѣчно и съ литовскою землею не сошлась». (Полтавскій край попалъ въ руки литовцевъ въ 1331 году, а снова отошелъ къ Россіи по Андрусовскому миру—въ 1667 году).

Воевода отлично понялъ, чего желалъ царь, и энергично приступилъ къ исполненію приказаній. Позднѣе за свои старанія онъ удостоился даже получить отъ Алексѣя Михайловича «съ похвальбою милостивое слово». Прежде всего князь Хилковъ усилилъ на Валки постъ до ста человѣкъ (изъ Бѣлгорода дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и козаковъ 50 человѣкъ, изъ Хотмыжска 30, изъ Вольнаго 20 человѣкъ козаковъ). Люди эти, перемѣняясь по мѣсячно, должны были стоять съ весны и «до заморозовъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Хилкову было приказано послать «тотчасъ» въ урочище «сына боярскаго добра» подробно осмотрѣть и описать мѣстность, что было необходимо для разныхъ соображеній. Острожекъ было приказано поставить, «гдѣ пристойно», «тотчасъ до татарскаго приходу». Строить его были должны «служилые, жилецкіе и сошенные люди» изъ Бѣлгорода, Хотмыжска и Вольнаго.

При этомъ, какъ-бы въ поощреніе, приказывалось всѣмъ имъ сказать: «Хотя будетъ имъ въ томъ острожномъ строеніи и наложно, только отъ того острожку бѣлгородскому уѣзду будетъ защита» [1]).

Сознавая важность даннаго ему порученія (тѣмъ болѣе, что въ грамотѣ говорилось «тебѣ-бы о томъ порадѣть, чтобы *въ валкахъ* острожекъ поставить нынѣ по веснѣ»), князь Хилковъ не рѣшился поручить исполненіе его кому либо. Онъ, не мало не медля, «укрѣпя по городу и по острогу осаду и осадныхъ людей поставя по мѣстамъ», отправился изъ Бѣлгорода на Валки самолично, взявъ съ собою триста человѣкъ «для поспѣшенія, чтобы тому острожному дѣлу не замотчать». На мѣсто онъ прибылъ 21 мая, пройдя разстояніе въ 120 верстъ съ коннымъ и пѣшимъ отрядомъ въ два дня. Двѣ царскія грамоты съ приказаніями строить острожекъ пришли въ Бѣлгородъ 13-го и 19-го числа того-же мѣсяца.

[1]) Тамъ-же, ст. 263, лл. 1—6.

Осмотрѣвъ и выбравъ подходящее мѣсто, князь Хилковъ приступилъ къ постройкѣ острога на верховьѣ рѣки Мжа, на горѣ у озера, гдѣ оканчивался древній валъ [1]), въ мѣстности, окруженной большимъ лѣсомъ, въ 1100 саженяхъ отъ «живой воды» и въ 69 отъ «ржавца» [2]).

Работу воевода повелъ настолько спѣшно, что, начавъ ее 21 мая, 25-го того-же мѣсяца «стѣны сомкнулъ и башни рубить почалъ», [3]) не смотря даже на то, что назначенные изъ Хотмыжска на работу люди прибыли съ опозданіемъ на нѣсколько дней. Такая спѣшность, главнымъ образомъ, въ выборѣ мѣста да и въ самой работѣ, какъ увидимъ, дурно отозвалась на дѣлѣ. Князю Хилкову хотѣлось, вѣроятно, скорѣе донести царю объ успѣшномъ выполненіи даннаго приказанія, поразить быстротою и заслужить благодарность, чего и достигъ.

Сдѣлавъ все распоряженіе, 25-го-же мая Хилковъ уѣхалъ обратно въ Бѣлгородъ, оставивъ оканчивать работы Изосима Маслова, котораго назначилъ валковскимъ головою.

Исполняя царское приказаніе, бѣлгородцы Иванъ Масловъ и подьячій Герасимъ Жулинъ удивительно скоро составили описаніе построенному острогу и «тѣмъ валкамъ». Порученіе свое они исполнили вполнѣ добросовѣстно—ихъ описаніе подробнѣе и обстоятельнѣе составлено, чѣмъ десять лѣтъ предъ тѣмъ при воеводѣ Тургеневѣ. Такъ какъ имѣлось въ виду построить гдѣ либо въ томъ-же урочищѣ еще и жилой городъ, то было приказано особенно тщательно выяснить, сколько можно было-бы удобной земли обратить подъ пашни [4]).

По описанію Маслова Можевскій острогъ состоялъ изъ четырехъ стѣнъ, каждая по 18 саженей, и четырехъ башенъ: раскатной, 5 саж. высоты, и наугольныхъ, нѣсколько меньшаго размѣра. Въ стѣнахъ въ два ряда, вверху и внизу, пробиты были бойницы, придѣланы «кровати»—приставки, на которыя становились защитники. Оламовъ (или обламовъ)—брустверъ на стѣнѣ для защиты стрѣлка по грудь—было срублено на два вѣнца. На случай осаднаго сидѣнія на оламы было положено по три катка (бревна для скатыванія на головы осаждающихъ) и для той-же цѣли камни и колья [5])

Внутри острога былъ выкопанъ погребъ для «зелейной» казны острогъ окружалъ ровъ 2 саж. ширины и 1 $^1/_2$ глубины, около него былъ устроенъ честикъ «въ три колоды дубовыя».

[1]) Тамъ-же, ст. 268, лл. 23—26.
[2]) Тамъ-же, ст. 332, лл. 488—491.
[3]) Тамъ-же, ст. 268, лл. 23—26.
[4]) тамъ-же, ст. 268, л. л. 65—77.
[5]) тамъ-же, ст. 268, л. л. 65—77.

Таковы были укрѣпленія наскоро построеннаго «Можевскаго» или «Валковскаго» острога. Названія эти во всѣхъ челобитныхъ воеводъ и другихъ современныхъ документовъ не противопологаются. Острогъ иногда назывался «Можевскій Валковскій» или «Можевскій городъ Валки».

Около острога «въ вершинѣ Мжа», по описанію Маслова, въ то время было довольно большое озеро [1]) 400 саж. длины и около 40 ширины, окруженное лѣсомъ, «который пришелъ отъ валу». Старый валъ отъ Мжа до Коломака, по точному измѣренію, равнялся 2 верстамъ 830 саж. [5 вер. 330 саж.]; высота его доходила до $1^1/_2$ саж., а въ обвалившихся мѣстахъ до $^1/_2$ саж.; толщина «поперекъ» была 2 саж., «индѣ и меньше» [2]).

Воевода, ссылаясь на «сказку бѣлгородскихъ служилыхъ и всякихъ людей», находилъ, что «жилому городу въ Можевскомъ острогѣ быть не у чего: жилецкимъ людямъ вблизи города земли подъ пашни будетъ мало»; дальнія-же поля имѣлись не ближе десяти верстъ; воздѣлывать ихъ при тогдашнихъ условіяхъ было не безопасно. Исходя изъ этого, кн. Хилковъ предлагалъ построить городъ при впаденіи въ Можъ Болгиря-колодезя—верстъ на 12 шире острога, гдѣ «быть жилому городу пристойно: городъ станетъ въ середкѣ поля, жилецкимъ людямъ будетъ земли около города близко».

Тщательно изслѣдовавъ мѣстность, Масловъ нашелъ въ ней нѣсколько татарскихъ перелазовъ.

Больше всего ихъ было по р. Коломаку, впадающему въ Ворсклу. Начиная отъ его верьховья, внизъ по теченію тянулся тогда по опредѣленію Маслова на 25 (50) верстъ лѣсъ, настолько большой и густой, что былъ застрахованъ отъ посѣщеній татаръ, перелазовъ тамъ совсѣмъ не было. Но за этимъ лѣсомъ въ «Чютовой Плесѣ» было уже три перелаза, еще ниже—въ «Штурмовой Долинѣ»—одинъ; въ восьми верстахъ отъ него одинъ и нѣсколько далѣе еще одинъ [3]). Но всѣ эти перелазы лежали отъ Валокъ такъ далеко, что они не теряли своего значенія. Проходы татарскіе были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и по Мжу, но въ значительно меньшемъ числѣ, не такъ удобны и «межъ лѣсовъ», что давало возможность ихъ легко укрѣпить. Много перелазовъ было въ степныхъ мѣстахъ, къ югу отъ Валокъ—къ рр. Орчику, Орели, Самарѣ—и въ нижнемъ теченіи Коломака. Къ этимъ рѣкамъ съ обѣихъ сторонъ подходили «небольшія ярушки»—овраги,—поросшія густымъ кустарникомъ и де-

---

[1]) тамъ-же.

[2]) тамъ-же.

[3]) тамъ-же, ст. 268, л. л. 65—77

ревьями. Это давало возможность пробираться «безвѣстно» и скрытно переходить рѣки. Поэтому такія удобныя для грабителей мѣста должны были особенно внимательно наблюдаться: но ихъ было много, а станичниковъ мало.

Кромѣ главнаго вала, въ урочищѣ было много слѣдовъ и остатковъ какихъ-то другихъ, древнихъ укрѣпленій. Около р. Болгиря, напр., былъ старинный, уже обвалившійся валъ, также переведенный «концами къ обоимъ лѣсамъ», но только значительно короче—на 160 саженяхъ. На истокѣ Болгиря находилось Болгирское городище [1]). Длина его 80 саж., ширина 40, а «по осыпи,» т. е. по валу, окружавшему городище, 250 сажень.

Въ 26 верстахъ отъ можевскаго острога было и еще одно отлично сохранившееся городище. Масловъ описываетъ его такъ:

Городище Одрынское на вершинѣ р. Одрынки по осыпи, по мѣрѣ того городища верста (2) 50 саженей, длина 250 саж., поперекъ 176 саж.. Въ той-же осыпи (находится) малое городище, по мѣрѣ того городища 300 саж., длина 107 саж., поперекъ 75 саж. Около всего городища 3 вала, межъ валовъ три рва копаны, глубина рвовъ 8 саж., а индѣ и больше; отъ малаго городища горою до рѣчки Адрынки до воды 24 саж.; въ большомъ городищѣ вода—озерко, впущено изъ рѣчки Адрынки. Противъ малаго городища подъ горою за осыпью вода-же впущена изъ Адрынки-жъ и валомъ завалена, а рѣчка Адрынка за городищемъ идетъ болотомъ, а ниже городища пол-версты пошелъ ручьемъ и палъ въ Черемошный колодезь къ рѣкѣ ко Мжу въ лѣсу» [2]).

Отъ Можевскаго острога, по исчисленію Маслова, до Бѣлгорода было 120 верстъ, до Чугуева 80 и до Полтавы 73.

Можъ начинался двумя небольшими ручьями, одинъ изъ которыхъ и образовалъ упомянутое озеро. «Р. Можъ пошелъ по подъ земелью, и изъ-подъ того озера пошелъ р. Можъ по мѣрѣ до ручья, гдѣ объявился Можъ, верста, а течетъ по ольху» [3]). Большею своею частью Можъ течетъ по Валковскому уѣзду, нѣкоторое время составляетъ его границу съ Харьковскимъ и впадаетъ въ Сѣверскій Донецъ въ Чугуевскомъ. Несмотря на то, что длина его всего лишь около 70 верстъ, Можъ принималъ прежде очень много притоковъ. Судя по документамъ

---

[1]) тамъ-же

[2]) тамъ-же.

[3]) тамъ-же.

XVII столѣтія, съ лѣвой стороны въ него вливалось десять рѣчекъ, изъ которыхъ многія въ свою очередь имѣли свои притоки; съ правой—такія-же восемь [1]).

Всѣ эти рѣчки не запруженныя тогда еще мельничными плотинами, были очень бойки, текли «сгорьевъ», окаймленныя лѣсомъ или ольховыми деревьями. Вотъ, напр., какъ описываетъ Масловъ р. Черемошную: «Колодезь течетъ ручьемъ по камышу, воды много, мѣста угожія, лѣса большие; колодезь вышелъ изъ большого лѣса и къ устью его, гдѣ палъ въ р. Можъ, течетъ лѣсомъ-же».

Можъ принадлежитъ къ бассейну р. Дона, прочія рѣки и рѣчки Валковскаго уѣзда—Коломакъ съ притоками, Орчикъ и многія другія—къ бассейну Днѣпра. Чрезъ средину уѣзда и по границѣ Харьковскаго съ Богодуховскимъ проходитъ водораздѣлъ между названными бассейнами, по которому и пролегалъ Муравскій шляхъ.

Самая возвышенная часть уѣзда находится между истоками Мжа, Турушки и Коломака при урочищѣ Ранцовъ Рогъ; ровная и степная часть уѣзда—южная. Множество глубокихъ овраговъ, поросшихъ лѣсомъ, придавало мѣстности очень красивый и разнообразный видъ.

И въ настоящее время Валковскій уѣздъ самый лѣсистый, хотя въ немъ и осталось уже не болѣе двадцати тысячъ десятинъ лѣса (въ 1860 г. было 40,880 дес.), но прежде, предъ водвореніемъ здѣсь осѣдлости, лѣса были очень значительны. Въ нихъ росли дикія яблони, груши, дубъ, кленъ, липа, орѣхъ, ясенъ и др. породы.

По р. Турушкѣ и вверхъ по Мжу былъ, напр., Турушковый лѣсъ, сплошной, трудно проходимый. Не далеко отъ него начинался громадный лѣсъ, шедшій отъ Харькова.

Очень большіе лѣса были по Коломаку—о чемъ упоминалось выше. Въ лѣсахъ водились дикіе кабаны, козы, медвѣди, волки, лисицы, куницы, барсуки, горностаи, орлы и пр.; на рѣкахъ безчисленными стаями плавали утки, гуси, лебеди, тогры и пр. пр. Живыхъ существъ въ этихъ по истинѣ «угожихъ» мѣстахъ было множество, и именно потому, что отсутствовалъ только человѣкъ.

Лѣсъ при заселеніи края сыгралъ вообще первенствующую роль. Онъ доставлялъ матеріалъ для построекъ, но, что самое важное и глав-

---

[1]) Главныя: съ лѣва: Тирушка съ 2 прит., Болгирь, Черемошная съ Одрынкою и Огульцами, Рокитная, Мерефа съ 3-мя, Тросная, Боровенька, Студенскъ и др. неизвѣстныя;
Съ права: Пересвѣтная съ 1 пр., Ивана, Водолажка съ Жгуномъ и Борками, Ольшанка съ 2 пр. и др., названія которыхъ неизвѣстны.

ное, являлся уже самъ по-себѣ надежною защитою для первыхъ поселенцевъ. Татары не любили лѣса и избѣгали его. Лѣсъ давалъ возможность легко устраивать засѣки—этотъ древнѣйшій видъ укрѣпленій, упоминаніе о которомъ восходитъ ко времени Владиміра Св. Въ Московскомъ государствѣ засѣки (подрубленныя, сваленныя въ кучу деревья; высота ея колебалась отъ 9 до 30 саж.) были очень распространены. Особенно надежною защитою онѣ являлись противъ степныхъ народовъ, нападавшихъ всегда верхомъ. Жители, во время предупрежденные объ опасности, находили въ лѣсахъ для себя и своихъ стадъ надежное убѣжище. Правительство хорошо понимало важное значеніе лѣса для колонизаціи края: въ 1647 году, [1]) т. е., сейчасъ-же послѣ возникновенія Валокъ послѣдовалъ указъ, запрещавшій рубить лѣса по Донцу,Ворсклѣ и др. рѣкамъ. Въ лѣсахъ были пасѣки и хутора. На нихъ, прятавшихся отъ взоровъ татаръ, кромѣ лѣса, еще въ заросляхъ, въ ярахъ и таилась кое-гдѣ жизнь послѣ разоренія городовъ и, повидимому, полнаго запустѣнія края. Когда невзгоды прошли, многіе хутора какъ-то вдругъ разрослись въ селенія, около нихъ задерживались и осѣдали многочисленные выходцы изъ-за Днѣпра.

И дѣйствительно, Московскіе служилые и жилецкіе люди, поселенные по указу царя въ построенномъ на Валкахъ острожкѣ и городѣ, не были первыми колонизаторами края. Пальма первенства въ этомъ отношеніи принадлежитъ вышедшимъ изъ-за Литовскаго рубежа черкасамъ, которые нѣсколько позднѣе заселили и всю Слобскую Украину. Несмотря на то, что по близости не было ни городовъ, ни сильныхъ сторожевыхъ пунктовъ, въ лѣсахъ жили «Литовскіе люди» (черкасы) и занимались пчеловодствомъ.

Когда въ урочище Валки пріѣхалъ кн. Хилковъ, къ нему явилось нѣсколько человѣкъ черкасъ, жившихъ на пасѣкахъ по Мжу и другимъ рѣкамъ. Они говорили, что въ ближайшихъ окрестностяхъ начавшагося тогда строиться острожка было до 150 литовскихъ пасѣкъ и что на каждой изъ нихъ жило по 5—6, а на нѣкоторыхъ и по 10 человѣкъ черкасъ [2]). Притомъ они жаловались, что на нихъ нападали «многіе воровскіе черкасы и ихъ-де и самихъ подбивали». И вѣроятно, просили покровительства. Черкасы говорили о пасѣкахъ, разбросанныхъ по ближайшимъ къ Валкамъ лѣсамъ, но ихъ вообще было много тогда и по другимъ мѣстамъ. Видно это изъ того, что годъ спустя (1647) послѣдовало запрещеніе «литовскимъ» людямъ заводить свои пасѣки по рр. Мерлу, Мерчику,

[1]) Ст. 728, лл. 1—2, 3—4, 6—7.
[2]) Тамъ же ст. 268, лл. 23—26.

Братинницы, Радыни, противъ гг. Хотмыжска, Вольнаго, Лосицкаго, а также и вблизи Валковскаго острога. Всѣхъ литовскихъ пасѣчниковъ выселили тогда обратно за рубежи. Московскіе стрѣльцы произвели при этомъ изрядный грабежъ [1]). Между прочимъ они не щадили часто и пасѣкъ черкасъ, бывшихъ уже въ подданствѣ царя. [2]).

Сообщеніе кн. Хилковъ принялъ въ соображеніе—черкасъ было выгодно принять подъ покровительство.

Не смѣя, при тогдашней строжайшей централизаціи, ничего сдѣлать безъ разрѣшенія, кн. Хилковъ обратился въ Москву съ просьбою позволить ему усилить число ратныхъ людей въ Можевскомъ острогѣ до трехсотъ человѣкъ, такъ какъ и малымъ людямъ въ томъ острожкѣ быть страшно.

Триста человѣкъ была уже сила, которая могла оказать отпоръ даже большой партіи татаръ и задержать ее, сидя за острожными стѣнами.

Вполнѣ раздѣляя мнѣнія воеводы, Алексѣй Михайловичъ распорядился послать къ бывшимъ уже ста еще двѣсти человѣкъ Московскихъ стрѣлцовъ изъ Ливенъ, давъ имъ на двоихъ лошадь съ телѣгою.

Вмѣстѣ съ этимъ въ острожекъ тогда же были присланы запасы муки, крупы, 30 ведеръ вина, 30—уксуса и четверть чесноку съ приказаніемъ давать это «служилымъ людямъ отъ болѣзни по невелику». Прислано было даже пять козъ «для молока отъ цынги». Для людей приказано было поставить въ острожкѣ избы—одну на пять человѣкъ.

Изъ Бѣлгорода привезли двѣ желѣзныя пищали «одна—ядро въ три гривенки» (3-хъ фунтовые), а другая—«ядро въ двѣ гривенки»; къ нимъ по сто ядеръ; «да пять пищалей затинныхъ (малоколиберныя пушки), къ нимъ сто-же пулекъ»; шесть пуд. пороху и пять свинцу. Все это между прочимъ называлось тогда «зелейною казною» [3]).

Въ заключеніе указа приказывалось всему гарнизону острожка «жить съ великимъ береженіемъ, не отлучаться ни на охоту въ лѣса, ни въ гульбу» [4]).

---

[1]) Тамъ же, ст. 224, л. 146; ст. 256, лл. 97—124; ст. 268, лл. 205—219.
[2]) Тамъ же, ст. 422, лл. 145—207.
[3]) Тамъ же, ст. 268, лл. 23—26.
[4]) Тамъ же, ст. 268, лл. 23—26.

III.

Назначеніе воеводы.—Недостатки острога.—Рубленный городъ.—Стоялый острожекъ.—Распространеніе тревоги.—Засѣки.—Дальнее охраненіе.—Посѣвъ хлѣба «для опыту».—Тяжелыя условія.—Разгромъ окрестностей Курска и Рыльска.—Недостатокъ въ водѣ.—Мѣры заселить Валки.—Набѣги.—Челобитная жителей.—Зарожденіе торговли.—Смѣны воеводъ.

Получивъ донесеніе, что Можевскій острогъ уже началъ строиться, Царь Алексѣй Михайловичъ назначилъ въ него воеводою (изъ г. Ливенъ) стольника Льва Прокофьевича Ляпунова. Ко времени его пріѣзда на Валки (9 іюля 1646 г.), работы далеко еще не были окончены. Осмотрѣвъ ихъ, онъ остался недоволенъ и нашелъ, что острогъ вообще былъ очень малъ, а главное, настолько низокъ, что съ сосѣдней горы, на Муравской самкѣ, легко можно было видѣть, что въ немъ дѣлалось [1]), и это былъ, конечно, большой недостатокъ. Виновникомъ этого являлся кн. Хилковъ, такъ неосмотрительно выбравшій мѣсто для постройки.

Чтобы нѣсколько устранить этотъ недостатокъ и усилить острогъ, Ляпуновъ, посовѣтовавшись съ старыми ратными людьми, рѣшилъ пристроить къ нему еще и «рубленный городъ», т. е., собственно такое-же укрѣпленіе. Желая исправить промахъ Хилкова, Ляпуновъ въ свою очередь дѣлалъ большую ошибку, собираясь строить городъ далеко «отъ живой воды». Это важное обстоятельство уже выяснилъ Масловъ. Но Ляпуновъ не принялъ это во вниманіе и результатомъ былъ, когда изсякла по близости вода, переносъ и острога и города на совершенно новое мѣсто, что, конечно, было сопряжено съ большими трудами и расходами.

Принявъ рѣшеніе строить городъ, не спросивъ даже на то позволенія, Ляпуновъ тотчасъ-же приступилъ къ его исполненію. Рубленный городъ поставленъ былъ непосредственно около острога («къ тому острогу») такъ, что одна стѣна послѣдняго сдѣлалась общею. Подробное описаніе города и острога приведемъ ниже. Для устраненія указаннаго недостатка, Ляпуновъ поставилъ пять высокихъ башенъ, съ которыхъ можно было довольно далеко видѣть, а самыя стѣны сдѣлалъ 3½ саж. высоты. Внутри города построилъ 30 избъ; всѣ постройки покрылъ тесомъ. Находя острогъ малымъ, Ляпуновъ построилъ городъ также небольшихъ размѣровъ: длина его стѣнъ, не считая башенъ, равнялась 84 саженямъ [2]). Результатомъ тѣсноты было скорое возникновеніе около города посада, гдѣ поселились первые жители Валокъ.

---

[1]) Тамъ же, ст. 272, лл. 32—34.
[2]) Тамъ же.

Но, кромѣ всего этого, Ляпуновъ поставилъ еще небольшой «стоялый острожекъ» «по конецъ валу (въ 40 отъ него саженяхъ), что словетъ валки», т. е., гдѣ то вблизи верховья р. Коломака [1]).

Валъ, усиленный надолобами и съ острожками на концахъ, являлъ уже изъ себя сильную укрѣпленную линію на протяженіи болѣе пяти верстъ. Обойти ее «безвѣстно» Муравскимъ шляхомъ татарамъ уже не было возможности. Размѣры «стоялаго острожка», впрочемъ, были очень скромны: четырехсаженная жилая изба съ бойницами и съ высокою башнею для сторожей, съ которой очень хорошо былъ видѣнъ весь валъ внизъ по Коломаку, далеко въ степь и въ противоположую сторону—къ Бѣлгороду. Башня была приспособлена къ оборонѣ—на ней были приготовлены катки, колья и камни, окопана она была глубокимъ рвомъ, на немъ стояли надолобы съ честикомъ. Отъ острожка вода находилась въ 42 саж., но и вблизи былъ выкопанъ колодезь. Позднѣе въ проходѣ въ лѣсу, не далеко отъ острожка поставлены были на 136 саж. надолобы [2]).

На башнѣ стояла «вѣстовая пищаль»—«ядро въ двѣ гривенки». Въ избѣ, составляя гарнизонъ острожка, помѣщалось 24 человѣка валковцевъ, изъ которыхъ четыре были конные; для ихъ лошадей была пристроена конюшня.

Кромѣ того, въ острожкѣ находились, перемѣняясь по недѣльно конные служилые люди: два изъ Бѣлгорода, одинъ изъ Хотмыжска и одинъ изъ Вольнаго.

На башнѣ день и ночь стояли сторожа. Подъ страхомъ смерти—«безъ всякія пощады» они обязаны были зорко слѣдить за окрестностями и, замѣтивъ, что къ Можевскому острожу подходятъ «воинскіе люди татарова», давать изъ пушки сигнальный выстрѣлъ. Услышавъ его, конные тотчасъ должны были «бѣжать» день и ночь, «на спѣхъ», не заѣзжая въ Валки «за отпискою», по своимъ городамъ, т. е., въ Бѣлгородъ, Хотмыжскъ и Вольное, предупреждая по дорогѣ объ опасности жителей деревень. Такимъ образомъ, тревога быстро распространялась по краю; но легко могла распростряняться и ложная, когда караульный на башнѣ, не разсмотрѣвъ хорошо въ темнотѣ, боясь при томъ роковыхъ послѣдствій «за небереженіе», давалъ выстрѣлъ, Если-бы даже истина и выяснялась скоро, то вернуть назадъ «конныхъ добрыхъ», скакавшихъ «на спѣхъ» и подгоняемыхъ страхомъ предъ тою-же суровою карою за малѣйшее промедленіе, было очень трудно. Притомъ звукъ одного уже выстрѣла, обозначавшій появленіе татаръ, самъ по себѣ на далекое про-

1) Тамъ же, ст. 211, лл. 37—39 и 272, лл. 32—34.

2) Тамъ же, ст. 332, лл. 488—491.

странство предупреждалъ жителей слободъ о повисшей надъ ихъ головами грозной опасности; въ случаѣ оплошности сторожа, этотъ же выстрѣлъ распространялъ и ложную тревогу. А услышавъ зловѣщій сигналъ, нужно было каждому, не задумываясь и не теряя ни минуты, бѣжать въ городъ подъ защиту стѣнъ или прятаться гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, почему либо трудно доступномъ для татаръ. Въ указѣ Ляпунову [1]), данномъ по поводу того, какъ должны были ратные люди нести въ острожкѣ службу, не предвидѣно подобнаго обстоятельства и не придумано какого либо другого успокоительнаго сигнала. Да и трудно его было придумать. Татары могли показаться, а послѣ выстрѣла скрыться съ быстротою и непостижимою ловкостью, которыя имъ однимъ и были свойственны. Провѣрить и выяснить степень опасности, особенно ночью, скоро было нельзя, а служилые люди тѣмъ временемъ скакали все дальше и дальше, распространяя тревогу все шире и шире. На такую-то безпокойную жизнь осуждены были жители порубежной полосы.

Станичники Коломакскаго (назовемъ его такъ) острожка должны были держать постоянную связь съ Можевскимъ, откуда «по часту» высылались люди для повѣрки службы сторожей. Мѣсто для стоялаго острожка было выбрано удачно—въ этомъ отношеніи онъ много имѣлъ преимуществъ предъ Валковскимъ, кругозоръ котораго былъ ограниченъ.

Окончивъ постройку города и укрѣпленій и составивъ «городовой образецъ», Ляпуновъ командировалъ въ Москву своего племянника, Василія Ляпунова, съ докладомъ царю, что онъ сдѣлалъ на Валкахъ. Алексѣй Михайловичъ милостиво принялъ образецъ и ласково отнесся къ посланному, приказавъ ему выдать въ награду десять рублей и десять аршинъ Кармазинной камки» [2]).

До насъ дошла «роспись чертежу Можевскаго города Валокъ и всякимъ крѣпостямъ», относящаяся къ 1651—1653 году» [3]). Самый чертежъ, какъ вообще и всѣ подобные чертежи—того времени, затерялся; но описаніе составлено съ большою точностью и почти восполняетъ утрату.

Рубленный городъ, построенный Ляпуновымъ, представлялъ изъ себя четыреугольникъ съ семью башнями по стѣнамъ: главная—въ ней была проѣзжія ворота, около нихъ стояла караульная изба, а на стѣнѣ висѣлъ вѣстовой колоколъ, присланный изъ Москвы. Слѣдующая башня была наугольная—«отъ Можевскаго отъ вершка», далѣе шла средняя

---

[1]) Тамъ-же, ст. 211, лл. 37—39.
[2]) Тамъ-же, ст. 272, лл. 32—34.
[3]) Тамъ же, ст. 332, лл. 488—491.

глухая отъ того-же «вершка». Четвертая башня—наугольная городовая «у острожку»; пятая—такая-же—«отъ ендовища»; въ ней были ворота изъ города въ острожекъ. Шестая, средняя—«противъ ендовища» и, наконецъ, противъ него-же седьмая—наугольная» [1]).

Въ городѣ находилась соборная церковь, съѣзжая изба, житница съ рожью и избы для служилыхъ людей.

Въ острогѣ было двѣ наугольныя башни; около одной изъ нихъ, стоявшей противъ моста на Мжѣ, находился тайникъ и калитка къ водѣ.

Внутри стоялъ воеводскій дворъ, казенный погребъ, житница съ овсомъ и тоже нѣсколько избъ [2]). Городъ и острогъ окружалъ ровъ, а около него былъ честикъ. Надолобъ, являвшихся обыкновенною принадлежностью тогдашнихъ укрѣпленій, около города не было, но за то въ окресностяхъ ихъ было много. Противъ городовыхъ воротъ «полого» (пустого, свободнаго), «приступнаго» мѣста было въ длину 51 саж., въ ширину 22.

Какъ говорилось, городъ «отъ живой воды» отстоялъ въ 1100 с.: другая «вершина» Мжа—«ржавецъ»—находилась ближе къ острогу (69 саж.) изъ нея и брали воду. Но, видимо, ручеекъ уже успѣлъ изсякнуть, такъ какъ съ этихъ поръ начинаются постоянныя жалобы жителей на недостатокъ въ водѣ. По другую сторону города находилось ендовище, гдѣ копались колодцы.

Валки, кромѣ своихъ городскихъ укрѣпленій, охранялись еще сдѣланными въ лѣсахъ засѣками, шириною отъ 10 до 12 саж. Всѣхъ засѣкъ въ общей сложности было теперешнихъ 16 вер. 110 саж. Перерывъ между лѣсами,—«проходы»—укрѣплены были надолобами, ихъ было 1 вер. 241 саж., въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроены были подъемныя ворота [3]).

Не малый трудъ подняли ратные люди, несшіе службу на Валкахъ и поселенные въ нихъ на житье, построивъ городъ, острогъ и соорудивъ такія укрѣпленія. Надо принять во вниманіе сравнительно короткое время, небольшое число жителей и необходимость вмѣстѣ съ тѣмъ нести службу на сторожахъ и станицахъ.

А для дальняго охраненія города выставлены были семь сторожей [4]):

---

1) Тамъ-же.

2) Тамъ-же.

3) Тамъ-же.

4) Тамъ-же. Ст. 332, лл. 488—491.

1-я находилась на Муравской сакмѣ въ «стояломъ острожкѣ», гдѣ отъ лѣса чрезъ сакму построенъ былъ «новый валъ» на 915 саж., вышиною $1^1/4$ с., около рва въ 1 саж. глубиною;

2-я была на томъ-же шляху вблизи Коломака «подъ яругою на дубу» въ 3811 саж. отъ города;

3-я—возлѣ засѣки на Муравской сакмѣ, «подъ яругою межъ двухъ проходовъ» въ 1806 саж. отъ города:

4-я—около истока Орчика «подъ яругою на дубу», на сакмѣ, въ шести верстахъ (12);

5-я на р. Болгарѣ въ шести вер.;

6-я—на р. Турушкѣ «подъ яругою» въ 1900 саж.—«Московская дорога» (послѣднее число сажней является сомнительнымъ; въ дѣйствительности много выше) и, наконецъ,

7-я—на Московской дорогѣ, за лѣсомъ, на сакмѣ въ 1850 саж. отъ г. Валокъ.

Между городомъ и надолобами находилась «государева десятинная пашня» и выгонная земля, гдѣ пасли скотъ.

Кромѣ того, подъ пашни было отведено еще 150 дес., лежащихъ за надолобами внизъ по Мжу къ Туручикѣ, Болгирю и противъ Пересвѣтной. Сѣнные покосы (20 десятинъ) были за Мжомъ подъ лѣсомъ.

Въ первое-же лѣто послѣ возникновенія Можевскаго острога царь приказалъ Бѣлгородцамъ «для опыту» и посѣять рожь. Все нужное—сѣмена и «сошникъ съ палицами»—было прислано [1]).

Такимъ образомъ, въ этомъ урочищѣ послѣ многовѣкового антракта, а можетъ быть, и впервые началъ человѣкъ воздѣлывать землю. Алексѣй Михайловичъ очень интересовался этимъ вопросомъ и приказалъ, по выясненіи результата, подробно ему донести, какъ уродился хлѣбъ и проч.

Обрабатываніе земли ложилось тяжелымъ гнетомъ на малочисленное населеніе украинскихъ городовъ, подверженнымъ частымъ нападеніямъ татаръ. Постоянный страхъ предъ ними тяготѣлъ надъ жителями и не давалъ имъ возможности обратиться къ мирнымъ занятіямъ, а заставлялъ всѣ силы тратить на возведеніе укрѣпленій и несеніе трудной сторожевой службы. На полевыя работы можно было выходить, когда все кругомъ было тихо и о татарахъ не было никакихъ вѣстей отъ высланныхъ въ степь станичниковъ. Даже въ такое, повидимому, спокойное время воевода позволялъ выходить въ поле «не малыми людьми съ пищалями и всякимъ ору-

[1]) Тамъ-же. Ст. 268, лл 23—26.

жіемъ». Выгонять скотъ на пастбище можно было только «провѣдавъ про воинскихъ людей допряма» и подъ сильной охраной. Половина высланныхъ въ поле людей, выставивъ гдѣ либо на возвышенныхъ мѣстахъ, на курганахъ, часовыхъ, охраняло работавшихъ. Пахарь шелъ за сохою съ саблею на поясѣ и ружьемъ ѳа спиною.

Но, не смотря на всѣ предосторожности, татары умѣли такъ скрытно подкрадываться, такъ внезапно появляться, что работавшіе могли ежеминутно ожидать ихъ нападенія. Оружіе, что называется, не выпускалось изъ рукъ. Особенно въ такихъ нападеніяхъ большими мастерами были ногайцы, нападавшіе всегда небольшими партіями—не болѣе двадцати человѣкъ—и вооруженные одними только луками. Они осторожно взъѣзжали на высокіе курганы и выглядывали, гдѣ паслись стада, гдѣ работали люди. Налетали, угоняли скотъ, уводили въ неволю жителей. Въ случаѣ не удачи, они исчезали также быстро, какъ и появлялись, чтобы попробовать счастья въ другомъ мѣстѣ.

При вѣсти о появленіи татаръ жители окрестныхъ слободъ переселялись въ городъ, отсиживались въ немъ, а хлѣбъ между тѣмъ зрѣлъ и высыпался. Балаклейскій, напр., протоіерей писалъ: «на той Украинѣ жить нельзя—прокормиться не чѣмъ: ради прихода татаръ пахать нельзя».

Тяжелое положеніе жителей особенно усиливалось, когда получалось извѣстіе о намѣреніи татаръ сдѣлать нападеніе большими силами. Распространялась тревога; отъ одного города къ другому скакали вѣстовщики. Изъ Москвы слались воеводамъ указы. И это было такъ часто, что архивы буквально переполнены такими указами «о крѣпкой предосторожности». Въ 1653 году, напр., въ Валки къ воеводѣ Анисимову прислана была грамота [1]). Въ ней сообщалось «доподлинное» извѣстіе, что ханъ съ крымскими и ногайскими татарами собирается осенью сдѣлать нападеніе на украинскіе города. Получивъ предписаніе жить «съ великимъ береженіемъ», воевода объявилъ объ этомъ валковцамъ. Онъ распорядился по городу и острогу усилить наряды, пушкарямъ быть на своихъ мѣстахъ, а прочимъ служилымъ людямъ «быть къ государевой службѣ совсѣмъ на готовѣ». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ жителямъ посада, образовавшагося уже къ тому времени около города, а также и всѣмъ жившимъ въ окрестностяхъ—на пасѣкахъ и пр. «съ женами и дѣтьми съ животы, всякіе запасы» «тотчасъ-бы бѣжать» въ городъ—«чтобы татаровя ихъ не побили, въ полонъ не поймали». Все, что нельзя было взять съ собою—вещи, хлѣбъ нужно было зарывать въ ямы.

[1]) Тамъ-же. Ст. 358, лл. 155—159.

Никакихъ болѣе точныхъ извѣстій о приближеніи татаръ еще не было получено отъ станичниковъ, но тѣмъ не менѣе не спѣшить было опасно. Осадою городовъ степные наѣздники не любили заниматься. Вооружены они были только луками и саблями, на поясѣ у нихъ висѣлъ ножъ, огниво, да «лыки»—ременныя веревки для связыванія плѣнныхъ. Со всѣмъ этимъ, дѣйствительно, трудно было итти на приступъ городовъ, на отпоръ которыхъ, кромѣ пушекъ, для сваливанія на головы наступающимъ лежали на готовѣ камни, бревна и пр. Поэтому весь залогъ успѣховъ татары полагали на внезапность, на быстроту своихъ коротконогихъ бахматовъ, знаменитыхъ притомъ и своею выносливостью.

Въ 1646 году жившіе въ окрестностяхъ Курска и Рыльска, получивъ подобное предупрежденіе о возможности появленія татаръ, но не видя никакихъ признаковъ ихъ скораго нападенія, «учинились не послушны»—не «побѣжали тотчасъ», согласно указа, въ городъ и почти всѣ были перебиты, или взяты въ плѣнъ[1]).

На приказаніе царя. держать «въ украинныхъ городахъ» вѣстовщиковъ, чтобы татарамъ «на Валки безвѣстно не быть», воевода отвѣтилъ, что ему, «кромѣ степи», не куда ихъ посылать потому, «что всѣ... городы стали назади Валокъ», т. е., въ 1653 году въ крымскую сторону, куда безстрашно глядѣли Валки, не было тогда еще ни одного городка, а таковымъ называлось каждое поселеніе, какъ-бы мало оно не было, потому что укрѣплялось--*огораживалось*.

Въ Москвѣ, видимо, не имѣли яснаго представленія, гдѣ именно находились Валки, если посылали такіе указы.

Можевскій городъ былъ такихъ небольшихъ размѣровъ, что негдѣ было поставить не только лишней избы для помѣщенія людей во время осаднаго сидѣнія, но даже, какъ писалъ воевода, «и малыя клѣтки»[2]). Негдѣ было сложить на тотъ-же случай запасовъ. Ко всему этому въ городѣ и острогѣ не было въ достаточномъ количествѣ воды. А при такихъ обстоятельствахъ трудно было отсиживаться отъ непріятеля. Воды-же требовалось много для людей, лошадей и скота, собираемыхъ въ городъ каждый разъ, когда надъ краемъ нависала опасность нападенія. Недалеко отъ острожка, около можевскаго болота былъ вырытъ колодезь, изъ него проведена въ тайникъ вода. Но въ теченіе какихъ либо семи лѣтъ, вслѣдствіе, вѣроятно, расчистки лѣса, вся вода вблизи успѣла высохнуть. Объ этомъ тревожномъ обстоятельствѣ писалось и даже «многажды», какъ въ Москву, такъ и въ Бѣлгородъ--къ воеводѣ, отъ кото-

---

[1]) Тамъ-же, ст. 358 лл, 155—159.

[2]) Тамъ-же.

раго были поставлены въ зависимость возникавшіе вновь городки «Польской» Украины. И сами жители обращались къ царю съ просьбами перенести городъ поближе къ водѣ. Но распоряженій никакихъ объ этомъ не послѣдовало. Валки продолжали стоять на неудобномъ мѣстѣ. Воевода не разъ также доносилъ и о большомъ недостаткѣ въ служилыхъ людяхъ: «въ приходъ воинскихъ людей въ городѣ и острогѣ содады держать не съ кѣмъ», писалъ онъ царю.

Построивъ городъ па такомъ важномъ стратегическомъ пунктѣ, московское правительство вмѣстѣ съ тѣмъ старательно заботилось о скорѣйшемъ его заселеніи: переводило «на вѣчное житье» въ Валки жителей изъ болѣе центральныхъ областей, но могло это сдѣлать въ самомъ ограниченномъ числѣ—излишка въ населеніи нигдѣ не было. Изъ ближайшихъ городовъ въ Валки временно командировались служилые и вызывались также на переселеніе въ нихъ «охочіе люди»[1]). Имъ было приказано выдавать хлѣбъ, присланный изъ русскихъ городовъ или купленный въ порубежныхъ литовскихъ [2]). Но «охочихъ» людей не находилось. Сюда-же ради тѣхъ-же колонизаторскихъ цѣлей ссылались на вѣчное житье разные преступники—за убійства, за «многое воровство, за бунты и пр., за что подчасъ, при иныхъ объстоятельствахъ, могла-бы послѣдовать и смертная казнь. Ссылались даже за «государево слово и дѣло»[3]). Всѣмъ или давались деньги на «дворовую селитьбу» и хлѣбное жалованіе—безъ него сведенцы не могли обойтись, особенно первое время. Изъ Москвы присылалось и оружіе; такъ въ 1650 году было доставлено 150 пищалей, 150 рогатинъ и 300 пищальныхъ кремней [4]).

Но, несмотря на всѣ старанія и приносимыя правительствомъ немалыя жертвы, заселеніе шло до крайности медленно. Число жителей въ Валкахъ постоянно колебалось—то увеличивалось, благодаря новымъ сведенцамъ и присылкѣ служилыхъ людей, то уменьшалось, вслѣдствіе разныхъ причинъ.

Въ 1659 году напр., на пасѣки Харьковскаго уѣзда напали служилые люди изъ Бѣлгорода, разграбили ихъ, а хозяевъ убили. Бѣлгородцы вообще частенько пошаливали [5]), даже «товарищи» воеводы (другой воевода, дьякъ, подьячій), раздѣлявшіе съ нимъ бремя правленія, не были чужды тому [6]). Это обстоятельство сдѣлалось извѣстно царю.

---

[1]) Тамъ-же. Ст. 224, л. 165.

[2]) Ст. 167, лл. 73—74; ст. 224, лл. 133—134.

[3]) Ст. 268, лл. 457—461.

[4]) Ст. 288, лл. 105—110.

[5]) См. нашу ст. въ газетѣ «Южный Край» 1903 г. № 7798.

[6]) Тамъ-же.

Возгорѣлось большое дѣло. И 16 человѣкъ бѣлгородцевъ, уличенныхъ въ грабежѣ, послѣ наказанія дважды кнутомъ—въ Бѣлгородѣ и Харьковѣ, сосланы были въ Валки. Проживъ нѣкоторое время въ нихъ и испытавъ всю тяжесть службы небольшого порубежнаго городка, сосланные грабители такъ слезно взмолились, такую подали скорбную челобитную, что тронутый ею Алексѣй Михайловичъ позволилъ имъ покинуть убогіе Валки.

Побѣги были очень часты. Вотъ одинъ довольно характерный примѣръ.

Въ 1652 году сотникъ Валковскихъ козаковъ [1]) Марковъ [2]) бѣжалъ изъ города. Благодаря доносу сына боярскаго Протасова, которому онъ по пріятельски сообщилъ о своемъ намѣреніи, Марковъ былъ пойманъ «у верхнихъ надолобовъ» поджидавшими его людьми и закованъ въ «желѣза». Судя по тому, что сотникъ направлялся внизъ по Мжу, гдѣ много было черкасскихъ пасѣкъ, можно предположить, что убѣжать онъ хотѣлъ не въ Москву, какъ показывалъ, а на Донъ, обычное тогда, какъ и «запороги», убѣжище, всѣхъ угнетенныхъ. Показаніе Маркова хорошо рисуетъ тягость жизни валковцевъ вообще. Если очень плохо жилось сотнику, человѣку грамотному, а такихъ цѣнили тогда, обставленному много лучше рядовыхъ, получавшему бо́льшее жалованіе и имѣвшему въ своемъ распоряженіи нѣсколькихъ человѣкъ, то каково-же въ дѣйствительности жилось прочимъ'

«Побрелъ было я, бѣдной, говорилъ на допросѣ Марковъ, къ Москвѣ съ бѣдности—пить, ѣсть нечего, помираю съ женишкой и съ дѣтишками, и съ людишки съ голоду бить челомъ государю, чтобы меня, бѣдного, государь пожаловалъ—велѣлъ отпускать въ деревнишко для оброченка, чѣмъбы мнѣ съ женишкою и дѣтишкамъ прокормиться, а на Москвѣ бити челомъ государю обо мнѣ, бѣдному, некому, родителей нѣтъ...[3]).

Хотя, можетъ быть, сотникъ и сгущалъ нѣсколько краски, чтобы разжалобить, но фактъ говоритъ самъ за себя—«отъ хорошей жизни» не побѣжишь. А что Марковъ былъ, дѣйствительно, «бѣдной», свидѣтельствуетъ самъ-же воевода, котораго предъ тѣмъ сотникъ скверно «облаялъ».

За плечами у бѣглеца «въ колчичѣ» (вѣроятно, котомка) нашелся только «небольшой хлѣбецъ да соль и два ножа»—и ничего больше; денегъ—ни алтына.

---

[1]) Сведенныхъ изъ другихъ городовъ, но не пришедшихъ добровольно, подобно многочисленнымъ партіямъ черкасъ, заселившимъ Слободскую Украйну.

[2]) Арх. Мин. Юст. Ст. 338, лл. 911—913; 920—924.

[3]) Тамъ-же.

Одѣтъ былъ Марковъ бѣдно—«въ чекменишкѣ сѣромъ да черкахъ», вооруженъ однимъ бердышемъ. Сотникъ подготовлялъ свой побѣгъ долго, доносчикъ караулилъ его «въ день и ночь» безпрестанно въ теченіи семи дней. Если-бы начальникъ валковскихъ козаковъ не былъ дѣйствительно такъ бѣденъ, то въ далекую дорогу, въ Москву или на Донъ—все равно—взялъ бы съ собою хотя немного денегъ да и одѣлся-бы зимою (февраль) не въ вѣтромъ подбитый чекменишко [1]).

О томъ, что въ Валкахъ жилось всѣмъ вообще очень плохо, свидѣтельствуетъ и челобитная, поданная «всемъ городомъ». Жителей въ Валкахъ въ 1651 году—дѣтей боярскихъ, козаковъ, пушкарей—было всего лишь 49 человѣкъ, [2]) сосланныхъ съ женами и дѣтьми, не входившими въ счетъ, изъ разныхъ мѣстъ съ самого возникновенія города.

«Живемъ мы, холопи твои, бѣдные, писали они, въ Валкахъ четвертый годъ, животъ свой мучаемъ»,—«а которые, Государь, твои новые украинскіе городы заведены послѣ Можевскаго города, и тѣ, Государь, городы людьми изнаполнены, а къ намъ, бѣднымъ сведенцамъ, и никакихъ людей не прибываетъ ни откуда, а охотою ни съ какого города безъ твоего Государева Указу никто не прійдетъ, потому что городъ и мѣсто нужное и скудно, и дальнее украинное, и порубежное отъ Литвы и отъ Крыму, и безъ воды. Милосердный Государь, возри своею милостью въ свою дальную украинную порубежную вотчину, вели, Государь, къ намъ людей прислать и свой Можевскій городъ Валки перенесть къ водѣ, чтобъ намъ бѣднымъ и безпомощнымъ... лѣтомъ и зимою безъ воды и хлѣба не померети голодною смертью, и отъ твоихъ Государевыхъ недруговъ отъ крымскихъ и отъ нагайскихъ людей вконецъ не погибнуть...» [3]).

Главное затрудненіе для Московскаго правительства заключалось въ недостаткѣ населенія. Въ Бѣлгородѣ, несшемъ на себѣ всю тяжесть охраны края, въ 1649 году служилыхъ людей было всего 1297 человѣкъ, изъ нихъ конныхъ 1051, пѣшихъ 246 [4]). Изъ этого числа постоянно

---

1) Тамъ-же. 2) Тамъ-же. Ст. 332, л. 220. 3) Тамъ-же.

4) Тамъ-же. Ст. 288, л.л. 105—110. Росписной списокъ воеводы кн. Пронскаго:

1) дѣтей боярскихъ полковыхъ на конѣхъ и на меринахъ и на меринкахъ въ сахдацѣхъ, а иные съ пищальми . . . . 418 ч.

2) станичниковъ на конѣхъ и на меринахъ и на меринкахъ съ пищальми и съ рогатины съ простыми лошадьми . . . . 399 »

3) Черкасъ на конѣхъ и на меринахъ и на меринкахъ съ пищальми и съ рогатины, съ простыми лошадьми . . . . 51 »

4) съ головою полковыхъ козаковъ конныхъ съ пищалями . . . . 183 »

5) стрѣльцовъ пѣшихъ съ пищалями . . . . 195 »

6) Пушкарей, затинщиковъ, и воротниковъ, и кузнецовъ . . . . 51 »

5) Тамъ-же. Ст. 283, л.л. 105—110.

въ долнемъ порядкѣ было 203 человѣка, а «когда къ нимъ на перемѣну поѣдутъ»—406.

Въ то же время по книгамъ бѣлгородскаго воеводы Квашнина въ Валкахъ значилось:

Съ сотникомъ московскихъ стрѣльцовъ	148	чел.
Изъ Бѣлгорода живутъ московс. же стрѣльцовъ, перемѣняясь по	100	»
Курскихъ стрѣльцовъ . . . . »	10	»
Бѣлгородскихъ станичниковъ . . . . »	20	»
Дѣтей боярскихъ полковыхъ . . . . »	10	»
Хотмыжскихъ станичниковъ . . . . »	4	»
Валковскихъ и хотмыжскихъ станичниковъ . . . . »	9	»
Яблонцовъ дѣтей боярскихъ . . . . »	10	»
Стрѣльцовъ . . . . »	15	»
Козаковъ . . . . »	10	»

Ссылочныхъ людей 37 семей устроены въ Валкахъ въ козачью службу, пушкарей 5 чел., служащихъ съ жалованіемъ.

Ссылочныхъ людей дѣтей, братьи и племенниковъ 27 чел. [1])

Всего въ Валкахъ всякихъ служилыхъ и жилецкихъ людей 405 конныхъ и пѣшихъ».

Въ слѣдующемъ, 1650 году, въ нихъ уже на вѣчномъ житьѣ числилось 82 человѣка и почти столько-же перемѣннаго состава [2]). Но, кромѣ того, изъ Москвы было прислано еще сто человѣкъ стрѣльцовъ. Послѣ этого число защитниковъ въ Валкахъ возросло до 265, но все-же ихъ было, сравнительно съ предыдущимъ годомъ, меньше на 140 человѣкъ. Въ 1653 году было 220, изъ нихъ постоянныхъ жителей снова только 51 человѣкъ [3]).

Мольбами избавить отъ Валокъ надоѣдали царю не только поселенные на вѣчное житье, но посылаемые и на извѣстный срокъ. Съ такою просьбою обратились, напр., бѣлгородцы. Служили они безпрестанно зимою и лѣтомъ; ѣздили по вѣстямъ и по сторожамъ, вслѣдствіе чего обѣднѣли, лишились лошадей, «отбыли отъ пашенной поры», а всѣ ихъ «бобылишки» разбѣжались по другимъ городамъ. Изложивъ все это въ челобитной, бѣлгородцы молили избавить ихъ, но не отъ Нижегольска, напр., куда часто бывали посылаемы, но именно только отъ Валокъ, подобно тому какъ уже избавилъ царь, снисходя къ просьбамъ, отъ тягостной службы въ Можевскомъ городѣ дѣтей боярскихъ Вольнаго, Хотмыжска и Чугуева. Просьба бѣлгородцевъ была уважена. Алексѣй Ми-

[1]) Тамъ-же. [2]) Тамъ-же, ст. 317, л.л. 211—212. [3]) Тамъ-же, ст. 358, л.л. 155—159.

хайловичъ приказъ кн. Пронскому замѣнить ихъ бѣлгородскими-же черкасами и перемѣною по десять человѣкъ покамѣсть они въ той службѣ всѣ обойдутся» [1])

Ближайшими къ Валкамъ городами до заселенія слободской Украины были «литовскіе зарубѣжные». Валковцамъ, водвореннымъ помимо ихъ желанія на жительство на Муравской Сакмѣ, было запрещено ѣздить не только въ эти послѣдніе, но даже въ свои русскіе—Бѣлгородъ, Вольное, Курскъ, Хотмыжскъ, Чугуевъ, Обоянъ, Путивль и др. Въ нихъ въ это время велась уже довольно бойкая торговля и для этой цѣли были построены особые «гостинные дворы» [2]). Въ эти города являлись изъ-за рубежа «литовскіе люди черкасы» съ разными товарами; торговали также мѣстные и пріѣзжіе русскіе купцы.

Въ Валки-же, какъ городъ дальній, заселенный одними ссыльными, никто изъ русскихъ купцовъ не заглядывалъ. Литовскіе-же не могли завязать торговыхъ сношеній—ихъ воеводы не пускали. Если у кого изъ жителей Валокъ и были деньги, то ничего купить на нихъ въ своемъ городѣ они не могли. Хлѣбное жалованіе было очень незначительное, хлѣбопашество-же за поглощавшею почти все время службою не могло доставить необходимаго для пропитанія количества хлѣба, даже и при обильномъ урожаѣ, на который природа здѣсь не скупилась

Но случались и непредвидѣнныя невзгоды, ставившія жителей, стѣсненныхъ запрещеніями, въ критическое положеніе.

Въ 1648 году, напр., когда валковцы, преодолѣвая всѣ трудности, все таки посѣяли хлѣбъ, прилетѣла саранча. 2,7 и 9—10 іюля большія тучи этихъ крылатыхъ татаръ наводнили окрестности. Воевода посылалъ было сбивать насѣкомыхъ съ хлѣба, но они ничего не могли подѣлать—налетали все новыя и новыя тучи. Саранча ночевала около города почи по двѣ и по три и съѣла почти все до послѣдней травинки. Ни сѣна заготовить для казенныхъ [49] лошадей, ни собрать къ будущему году яровыхъ сѣмянъ для посѣва было нельзя [3]). Едва удалось съ недоѣденныхъ 50 десятинъ ржи собрать 184 тощихъ копенъ. На пробу вымолотили восемь, давшихъ только «четыре чети съ полуосьмой». Засѣяно-же было кромѣ упомянутыхъ 50, еще нѣсколько десятковъ десятинъ ржи и 5 десятинъ «государевой пашни [4]).

Будучи отрѣзанными отъ всего свѣта запрещеніемъ отлучаться и вообще имѣть какія-либо сношенія съ другими городами, жители подали

[1]) Тамъ-же, ст. 288, л.л. 105—110.
[2]) Тамъ-же, ст. 332, л.л. 215—217+220.
[3]) Тамъ-же, ст. 259, л. 268.
[4]) Тамъ-же, ст. 332, л.л. 215—217+221.

челобитную [1]), въ которой мрачными красками изображали свое отчаянное положеніе.—«Мы бѣдные безъ всякаго харчу помираемъ голодною смертью», писали они, и это было почти буквально вѣрно. Валковцы просили разрѣшить литовскимъ людямъ пріѣзжать къ нимъ для торговли съѣстными припасами. Съ такою-же точно просьбою обратились къ царю и находившіеся временно на службѣ въ Валкахъ московскіе стрѣльцы. Они, между прочимъ, писали, что доставить хлѣбъ изъ Бѣлгорода имъ «не вмочь», а «на Валкахъ запасу купить хлѣбнаго и харчевнаго негдѣ—мѣсто не жилое», почему и они «голодною смертью помирали». Царь снизошелъ къ этимъ просьбамъ—«пожаловалъ»: на имя воеводы Анисимова послѣдовалъ указъ, разрѣшавшій литовскимъ черкасамъ пріѣзжать въ Валки для торговыхъ цѣлей, но въ самый городъ почему-то купцовъ все-таки не велѣно было пускать. Торговать позволялось за городомъ, въ полѣ, всякими товарами, кромѣ запретныхъ—виномъ и табакомъ. Воеводѣ приказывалось сказать купцамъ, «что по мирному договору и по вѣчному докончанью имъ литовскимъ купцамъ въ украинскіе города съ виномъ и табакомъ пріѣзжать и торговать не велѣно». Съ такимъ товаромъ приказывалось купцовъ «ворочать назадъ въ литовскую сторону», но безчестья и грабежа имъ не дѣлать.

Вслѣдствіе близости рубежа, сношенія съ городами полтавскаго края, если и не торговыя, все-таки были и до этого. Воеводамъ по разнымъ причинамъ приходилось переписываться съ державцами. По просьбѣ въ 1647 году въ Валки даже былъ присланъ спеціально для этого дьячекъ, умѣвшій «прочесть литовское письмо» (образецъ таковаго нами былъ выше приведенъ), такъ какъ въ городѣ, населеніе котораго состояло пока изъ однихъ только великоросовъ, никто не обладалъ этимъ умѣніемъ [2]). Помимо жалобъ, напр., о грабежѣ литовскихъ пасѣкъ московскими людьми [3]), полтавскіе державцы не рѣдко, по сосѣдски, сообщали «о татарскихъ вѣстяхъ», т. е., предупреждали о появленіи гдѣлибо по близости крымцевъ. При неумѣніи прочесть такое важное письмо могла приключиться большая бѣда. Итакъ, сношенія съ Полтавою, начавшіяся съ протеста, окончившагося между прочимъ ничѣмъ (наученный царемъ воевода списался), скоро приняли вполнѣ мирный и даже дружелюбный характеръ.

Первый воевода Л. П. Ляпуновъ, окончившій постройку острога и поставившій рубленный городъ, пробылъ на Валкахъ около года. Ему

---

[1]) Тамъ-же, ст. 332, л.л. 215—217+221.
[2]) Тамъ же, ст. 268, л. 540.
[3]) Тамъ-же, ст. 224, л. 148.

переведенному изъ Ливенъ, города спокойнаго и болѣе удобнаго, въ Можевскомъ острогѣ пришлось, видимо, тяжело. Покончивъ съ постройками, воевода взмолился, просилъ перевести его куда нибудь, но только изъ Валокъ. Онъ подалъ челобитную и въ ней подробно перечисляя всѣ «свои службы» въ Валкахъ (и до назначенія въ нихъ), гдѣ «онъ голодъ и всяку нужду терпѣлъ», гдѣ «клячи попадали (съ голоду) а людишки отъ такія великія нужи разбѣжались». Далѣе онъ писалъ, что его «братія» (воеводы) за подобное городовое дѣло были награждены жалованіемъ и помѣстнымъ окладомъ. Поэтому онъ просилъ наградить и его «противъ братіи», какъ напр., въ 1640 году Гаврило Бокинъ за постройку города «на Вольномъ курганѣ» (г. Вольное на Ворсклѣ, теперь слобода Богодуховскаго уѣз. Харьк. г.) получилъ къ прежнему своему помѣстному окладу 100 чети земли, 20 руб., ковшъ въ 1½ гривенки, 40 соболей, 10 арш. комки и единовременно еще 30 руб. [1]) Просьба Ляпунова была уважена: ему положили 800 чети земли и 50 руб., раньше онъ получалъ 700 чети и 33 руб. [2]). Но, что для него, видимо, было главнѣе всего, Ляпунову удалось добиться разрѣшенія покинуть Валки. Позднѣе онъ сдѣлался товарищемъ бѣлгородскаго воеводы. Ляпунова смѣнилъ въ декабрѣ 1647 года Ст. Бор. Бутиковъ. Съ собою въ Валки онъ привелъ 303 человѣка московскихъ стрѣльцовъ, 50 бѣлгородцевъ, 40—хотмыжанъ 10 вольновцевъ и др., всего 412 чел. [3]).

IV.

Постройка соборной церкви.—От. Константинъ.—Поѣздка въ Москву.—Наказаніе воеводы.—Быть или не быть Валкамъ.—Мнѣніе кн. Ромодановскаго.—Число жителей.—Валки заселяются черкесами.—Неудачное нападеніе полковника Жученки.—Набѣгъ на Харьковскій уѣздъ.

Въ наказѣ [4]) воеводѣ Бутикову (отъ 14 дек. 1647 г.) приказывалось, пріѣхавъ въ Валки и выбравъ въ острогѣ подходящее мѣсто, построить церковь во имя Успенія Пр. Богородицы своими такъ сказать средствами, такъ какъ на этотъ предметъ не было отпущено ни алтына. Привезъ только съ собою изъ Москвы воевода «церковное строеніе», заключавшееся въ образахъ, книгахъ, облаченіи, утвари [5]). Священника, дьячка и просфорницу приказывалось позвать «съ воли, кто похочетъ,

[1]) Тамъ-же. Ст. 272, л.л. 32—34.
[2]) Тамъ-же, ст. 272, л.л. 32—34.
[3]) Тамъ-же, ст. 223, л. 372.
[4]) Тамъ-же, ст. 268, л.л. 567—595.
[5]) Тамъ-же, ст. 268, л.л. 567—595.

безмѣстныхъ». Ѣхать изъ Бѣлгорода вызвался нѣкій «попъ» Константинъ, польстившійся, вѣроятно, на опредѣленное царемъ содержаніе: «годовой руги 5 руб., ржи и овса по 6 чети, единовременнаго пособія на подъемъ и дворовое строеніе 10 руб.; кромѣ того земли «20 чети въ полѣ, а вдву потомужъ» [1]), а также сѣнные покосы и всякія угодья и мѣсто въ острогѣ для дворового строенія, (дьячку и просфорницѣ: руги по 3 руб., овса и ржи по 3 чети и мѣста для двороваго строенія).

Пріѣхавъ въ Валки, Бутиковъ приступилъ къ постройкѣ церкви «по патріаршей благословенной грамотѣ». Рубили лѣсъ, возили и строили московскіе стрѣльцы и такъ работали усердно, что въ томъ-же 1647 году 17 мая церковь была уже освящена, о чемъ воевода поспѣшилъ донести въ Москву. Бутиковъ изъ усердія, сверхъ указа, пристроилъ къ ней еще притворъ («Государева Ангела Человѣка Божія Алексѣя»), который ко дню освященія церкви готовъ не былъ.

О. Константинъ «приволокся» въ Валки 25 марта и дѣятельно сталъ помогать воеводѣ строить церковь. Послѣ ея освященія онъ просилъ позволенія «отпустить его къ Москвѣ бити челомъ государю о своихъ нуждахъ». Въ своей челобитной онъ жаловался, что ему не выдали денегъ на дворовое строеніе, почему и построиться «ему не чѣмъ» — «волочится безъ дворишка». Хотя ему и дали 30 десятинъ «дикаго поля», но «поднять» ихъ для него, человѣка одинокаго, не было возможности; городъ же «украинный, дальній, людей, (кого-бы можно было нанять) нѣтъ, самому работать—времени нѣтъ—на приходѣ одинъ, не было еще ни дьячка, ни просфорницы. Челобитную священника воевода переслалъ въ Москву; скоро послѣдовала резолюція: невыданныя деньги выдать немедленно, самое жалованье увеличить съ 5 на 6 руб., а рожь и овесъ выдавать «ежелѣтъ по 14 чети», хорошаго качества. И что особенно интересно и характерно—все это приказано было исполнить «безъ московскія волокиты» [2]). Такая щедрость въ грамотѣ объяснялась тѣмъ, что городъ Валки «стоитъ въ пустомъ мѣстѣ». Рядомъ съ этимъ о. Константину разрѣшалось пріѣхать въ Москву, чѣмъ онъ и не замедлилъ воспользоваться—тотчасъ-же «поволокся» туда.

Въ Москвѣ онъ подалъ нѣсколько челобитныхъ, но ничего для себя не просилъ, а только умолялъ прибавить и еще многое къ прислан-

[1]) Земли украинскихъ служилыхъ людей обыкновенно назывались «четвертными», такъ какъ давалось извѣстное количество четвертей—четей. Для опредѣленія количества десятинъ нужно число четей увеличить втрое, т. к. земля полагалась въ трехъ смѣнахъ, и раздѣлить на два въ виду того, что четь равнялась 1/2 дес. Слѣд. «20 четей въ полѣ а вдву по томужъ» равнялось 30 дес.

[2]) Тамъ-же.

ному уже «церковному строенію», главнымъ образомъ, для притвора «царскаго Ангела», что особенно оттѣнялъ въ своихъ челобитныхъ. Видимо, о. Константинъ сумѣлъ разжалобить царя своими разсказами о бѣдственномъ вообще положеніи церквей на Украинѣ и о пр.: все, что онъ просилъ, безъ великихъ затрудненій приказывалось выдавать [1]) и даже «безъ волокиты». Онъ получилъ много образовъ, оловянные церковные сосуды, книги въ переплетахъ, царскія двери, облаченіе на престолъ и для причта и два колокола и пр. [2])

Выпрошенныхъ вещей набралось столько, что онѣ не умѣстились на двухъ ямскихъ подводахъ, назначенныхъ для доставки ихъ на мѣсто. Священникъ не задумался—подалъ и еще челобитную [3]) царю, прося назначить третію подводу потому—де; «что путь лѣтній, дальній, отъ выбоевъ телѣжныхъ *Божье Милосердіе побьется* и порча будетъ большая». Чтобы отдѣлатся окончательно отъ надоѣвшаго, вѣроятно, своими челобитными священника, Алексѣй Михайловичъ приказалъ удовлетворить и эту его просьбу. И «попъ Константинище», бережно сложивъ на трехъ подводахъ «Божье Милосердіе», медленно потащился съ нимъ «за черту», за рубежъ государства, въ «дикія поля», въ «пустой» городокъ, отстоящій отъ Москвы въ 780 верстахъ.

Итакъ церковь была построена. Скоро (1648 г.) бѣлгородскій «жилецъ» Поповъ подалъ челобитную «опять таки царю» съ просьбой назначить его въ Валки дьячкомъ, а вдову попадью «Дупьку Тимофеевскую» просфорницею. Изъ Москвы послѣдовала благосклонная резолюція. О. Константинъ, первый священникъ на Валкахъ, прожилъ не долго; много порадѣвъ для созданія храма, онъ скоро умеръ: въ 1652 году въ соборной церкви священникомъ былъ уже какой-то Василій, [4]) а въ 1658 Дмитрій Ѳедоровъ [5]).

Пробывъ на воеводствѣ также не болѣе года, Бутиковъ взмолился въ свою очередь, прося его «безпомощнаго поскорѣе смѣнить; замѣненъ онъ былъ въ 1648 г. Бор. Теряевымъ. Въ 1652 году воеводою былъ Адр. Анисимовъ; о немъ извѣстно лишь то, что «онъ учинилъ простотою— съ Коломака изъ крѣпостей сторожей свелъ и поставилъ ихъ на

---

[1]) Тамъ-же

[2]) Ст. 268, лл. 567—595. Приводимъ здѣсь цѣны нѣкоторыхъ предметовъ, купленныхъ Приказомъ въ «иконномъ ряду»: «Царскія двери съ Евангелисты и съ сѣнью и съ столбцы —3 руб.; мѣстные образа 1½ руб.; образъ напрестольный 26 алтынъ 4 деньги; крестъ осѣнянный 5 алт.; сосуды церк. деревянные 8 алт. 2 деньги; въ «котельномъ ряду»—кадило мѣдное 16 алт. 4 ден., укропникъ 8 алт. 2 ден.; кандея, въ чемъ воду святить, 26 алт. 4 д.; за пудъ колокола 4 руб. 10 алт.

[3]) Тамъ-же, [4]) Тамъ-же, ст. 338, лл. 920—924. [5]) Тамъ-же, ст. 603, л. 373.

чисти и сторожей на сторожахъ не дозиралъ». За это все по приказанію царя онъ въ Валкахъ-же былъ посаженъ въ тюрьму на одинъ день[1]). Дешево отдѣлался потому, что не послѣдовало за это время нападенія татаръ и что поступокъ его объяснили «простотою».

Трудность положенія на Валкахъ поселенцевъ, ихъ постоянныя мольбы о нуждахъ, о позволеніи покинуть ненавистный имъ городишко, заброшенный гдѣ-то тамъ далеко, поколебали было царя. Поднятъ былъ даже вопросъ, быть или не быть Валкамъ. Къ этому уже времени много возникло слободскихъ городовъ, были даже южнѣе Валокъ, напр. Золочевъ, и населеніе Слободской Украины сгущалось все новыми и новыми выходцами изъ-за Днѣпра. Потому царю могло показаться излишнимъ поддерживать такъ дорого стоившій городъ. Въ это уже время — 1661 годъ [2])—возникъ въ тѣсномъ смыслѣ Харьковскій Слободскій Казачій полкъ, въ составъ котораго, между прочимъ, скоро вошли и Валки, какъ сотенный городъ.

Рѣшить этотъ вопросъ Алексѣй Михайловичъ поручилъ извѣстному своею широкою дѣятельностью бѣлгородскому воеводѣ Гр. Гр. кн. Ромодановскому [3]). Надо было выяснить, слѣдуетъ-ли свести съ Валокъ жителей и куда именно и не будетъ-ли отъ того другимъ городамъ «поруха». Если же оставить городъ существовать было необходимо въ виду его важнаго стратегическаго положенія, то откуда взять людей, чтобы усилить число его защитниковъ, и, наконецъ, нужно-ли въ дѣйствительности перенести Валки поближе къ водѣ, какъ о томъ часто просили Царя.

Пока что, въ виду тревожнаго времени, (въ Малороссіи тогда шло сильное броженіе, громкіе отголоски котораго раздавались и въ Слободской Украинѣ), было приказано послать въ Валки изъ ближайшихъ городовъ людей, какъ можно скорѣе, перемолотить весь хлѣбъ, свезти его въ житницы и вообще быть готовыми на случай осады города. Исполняя приказаніе, Ромодановскій послалъ въ Валки 150 драгуновъ «Леонтьева полку», но драгуны, страшась, вѣроятно, надолго застрять въ Валкахъ, по дорогѣ въ нихъ разбѣжались всѣ до послѣдняго человѣка [4]).

Кн. Ромодановскій, взвѣсивъ всѣ обстоятельства и принявъ во вниманіе совѣты старыхъ ратныхъ людей, пришелъ къ заключенію, что прекратить существованіе Валокъ не представлялось никакой возможности. Несмотря на возникновеніе многихъ городовъ и вообще нѣкоторое заселеніе края, татары попрежнему продолжали быть грозными сосѣдя-

---

[1]) Тамъ-же. Ст. 338, лл. 484—486 [2]) Тамъ-же. Ст. 441, лл. 37—38 [3]) Тамъ-же. Ст. 440, лл. 144—148. [4]) Тамъ-же.

ми, а Муравскій шляхъ—ихъ торною дорогою. Бѣлгородскій воевода характерно говорилъ, что если уничтожить Валки, то оттого «непріятелю будетъ радость»—«воинскіе люди подъ украинные городы, которые по чертѣ, приходить начнуть безвѣстно». Ромодановскій находилъ только необходимымъ усилить число ратныхъ людей безъ чего «Валкамъ стоять немочно» и самый городъ перенести внизъ по Мжу къ устью р. Турушки, гдѣ «отъ непріятеля будетъ оборошнѣе». Съ доводами кн. Ромодановскаго въ Москвѣ согласились: былъ посланъ указъ и о переносѣ города на Турушку, и о усиленіи числа ратныхъ людей. [1])

Дѣйствительно къ этому времени населеніе города сильно поуменьшилось и состояло только изъ 50 человѣкъ русскихъ и около ста черкасъ. Подобное явленіе—«малолюдство»,—благодаря все тѣмъ-же замѣшательствамъ, было тогда и во всѣхъ городахъ Слободской Украйны. Приведенное свѣдѣніе о числѣ жителей свидѣтельствуетъ, что городъ началъ уже заселяться пришлыми черкасами. Постепенно изъ чисто московскаго онъ обращается въ казачій. По указу 1660—1661 года всѣ русскіе люди изъ Валокъ, были даже переведены въ Бѣлгородъ и записаны въ рейтарскую службу. [2]) Въ городѣ остались одни черкасы и только «для провѣдыванія вѣстей» присылалось по десяти станичниковъ, перемѣнявшихся чрезъ мѣсяцъ.

Въ глухую февральскую ночь 1661 года къ Валкамъ подошелъ съ отрядомъ силою около двухъ тысячъ человѣкъ Полтавскій полковникъ Ѳед. Жученко, державшій сторону Юр. Хмельницкаго и съ нимъ-же передавшійся полякамъ, и тотчасъ-же пошли на приступъ [3]). Воеводою въ то время былъ Андрей Авдѣевъ. О приближеніи непріятеля, видимо, было извѣстно,—города онъ не засталъ врасплохъ. «Измѣнники черкасы» храбро полѣзли на валковскія стѣны. Кипѣлъ «большой бой». На головы осаждающихъ летѣли приготовленныя камни, бревна. И приступъ былъ отбитъ—«измѣнниковъ черкасъ побили многихъ людей». Валковцы убитыми потеряли всего лишь девять человѣкъ.

Обозленные неудачей казаки Жученка не хуже татаръ похозяйничали въ окрестностяхъ—сожгли ближайшія слободы и сложенный въ скирдахъ хлѣбъ. Пригородніе жители во время успѣли укрыться подъ защиту городскихъ стѣнъ, но 15 человѣкъ были все таки уведены полтавцами въ плѣнъ. Позднѣе царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ выдать женамъ убитыхъ по 5 рублей [4]).

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Тамъ-же, ст. 701, лл. 134—139.

[3]) Тамъ-же, ст. 440, лл. 24, 144—148.

[4]) Тамъ-же.

О происшедшемъ Ромадановскій узналъ только черезъ четыре дня, въ бытность свою въ г. Карповѣ, и распорядился немедленно послать на помощь въ Валки солдатъ и драгунъ 250 человѣкъ. На этотъ разъ солдаты, кажется, не разбѣжались.

Въ началѣ апрѣля «полтавскіе измѣнники» снова и тоже ночью сдѣлали набѣгъ на Харьковскій уѣздъ, ограбили Ольшану и хутора, убили нѣсколько человѣкъ. Харьковскій воевода В. Сухотинъ [1]) догналъ грабителей за Валками—въ Коломакскихъ вершинахъ, гдѣ и произошло столкновеніе. Полтавцы «отходили боемъ» на протяженіи 5 верстъ, пока не наступила ночь.

V.

Переносъ Валокъ на новое мѣсто—г. Ишукай.—Нападеніе татаръ.—Льготы черкасамъ.—Измѣна Бруховецкаго.—Кошевой атаманъ Сирко.—Слобода Мерефа.—Возстаніе Слобожанъ.—Сожженіе Валокъ.—Число жителей до бунта.—Постройка разрушеныхъ городовъ.—Татарскій набѣгъ 1680 года. Валовое строеніе.—Нападеніе 1687 года.

Перенесены были Валки на новое мѣсто не скоро послѣ указа о томъ: исполненіе его что-то задержало. Въ 1665 году жители снова повторили свою просьбу. И только послѣ этого, по новому указу, приступили къ переносу [2]). Въ челобитной говорится, что «валковскіе черкасы собрались съ разныхъ малороссійскихъ городовъ» и «сами безъ помощи (перенесли) городъ и всякія крѣпости».

Тамъ, гдѣ городъ стоитъ и понынѣ, на лѣвомъ берегу р. Турушки при впаденіи ея въ Можъ,—уже не было недостатка въ водѣ: она была въ изобиліи и непосредственно около самыхъ стѣнъ. Посады скоро перешли даже на «крымскую сторону». Гдѣ прежде стояли Валки, или гдѣ-то очень близко, скоро появился городокъ Новая Перекопь или Ишукай. Но когда именно—неизвѣстно. Первое свѣдѣніе о немъ относится къ 1680 году [3]), когда его сильно пограбили татары. Въ немъ жили только одни черкасы, которымъ онъ и былъ обязанъ своимъ возникновеніемъ. г. Новая Перекопь иногда назывался «Старыми» и «Малыми» Валками [4]).

Послѣднее время многострадательные Валки особенно часто начали подвергаться татарскимъ нападеніямъ. Крымцы, пользуясь неурядицами въ Украйнахъ, «почасту приходили», уводили въ плѣнъ жителей и угоняли

---

[1]) Тамъ же. Ст. 440, л.л. 23, 233—234.
[2]) Тамъ-же Ст. 599, л.л. 893--896.
[3]) *Д. И. Багалѣй.* Матеріалы т. I, докум. № 27.
[4]) Тамъ-же и № 31, 34.

скотъ, а самый городъ «держали въ осадѣ», т. е., вѣрнѣе сказать, въ большомъ числѣ рыскали около него, принуждая тѣмъ жителей отсиживаться [1]). Въ 1666 году, въ день Св. Троицы, татары, видимо, врасплохъ напали на городъ, плѣнили болѣе ста человѣкъ, отогнали послѣдній скотъ, почему жители и называли себя въ челобитной «до конца разоренными». Они обратились къ царю съ просьбою «за многія службы, и за кровь, и за полонное терпѣніе женъ и дѣтей» избавить ихъ отъ кабака, отданнаго воеводою на откупъ и отъ пошлинъ (30 руб. въ годъ). Отъ тягостей многіе изъ жителей уже разбѣжались, а оставшіеся грозили, что «побредутъ въ иные городы», такъ какъ «на большой татарской сакмѣ живучи и всякую нужду терпячи, никакихъ льготъ и вольностей нѣтъ» [2]). Послѣдовалъ указъ (1667 г. [3]), дать льготы на три года и таможню и кабакъ для того свести, чтобы имъ въ тѣ годы построиться совсѣмъ». Но несчастный городъ, и такъ уже вконецъ разоренный татарами, скоро постигли болѣе серьезныя невзгоды.

Гетманъ лѣвобережной Украины, Бруховецкій бывшій до того въ отличныхъ отношеніяхъ съ Москвою, круто ей измѣнилъ. На созванной радѣ (1668 г.) было рѣшено перебить всѣхъ русскихъ воеводъ и чиновниковъ и отложиться отъ царя. Стараясь привлечь на свою сторону слобожанъ, составлявшихъ тогда уже четыре сильныхъ казачьихъ полка, Бруховецкій разослалъ «воровскіе прелестные листы»; въ нихъ онъ возводилъ разныя небылицы на царя: напр., будто польскіе и русскіе полномочные послы «постановили и присягали на томъ, чтобы жителей украинскихъ мужска полу и женска и малыхъ дѣтей сослать въ Сибирь [4]). Многіе изъ слобожанъ не устояли отъ соблазна отдѣлаться отъ воеводъ. Но, главнымъ образомъ, многихъ увлекъ за собою запорожскій герой атаманъ Иванъ Дмитріевичъ Сирко, знаменитый своими блестящими побѣдами надъ татарами и поляками. Слава о его подвигахъ гремѣла повсюду. Онъ неоднократно забирался въ самую пасть лютаго звѣря—въ Крымъ, освобождалъ невольниковъ и громилъ города. Сирко отличался необыкновенною личною храбростью, но въ тоже время великодушіемъ, добротою и безкорыстіемъ.

Его именемъ татарки унимали плакавшихъ дѣтей, о немъ сложилось множество легендъ; онъ пользовался уваженіемъ и безграничнымъ довѣріемъ козаковъ и расположеніемъ Москвы. Во всѣхъ уголкахъ Украйны, Малороссіи и Польши прославляли его «вызволенные» имъ

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Ст. 599, лл. 893—896.

[2]) Тамъ-же. Ст. 599, лл. 863—896.

[3]) Тамъ-же. Ст. 599, лл. 893—896.

[4]) *Альбовскій.* Исторія Харьк. Слоб. Каз. п. Харьковъ 1895 г., стр. 216—217.

«зъ тяжкой неволи турецкоі, зъ каторги басурманскои многія тысячи» «бідныхъ невольниківъ», которыхъ онъ обыкновенно отбивалъ при возвращеніи татаръ съ набѣга. Во время поднятой Бруховецкимъ смуты Сирко проживалъ въ своей слободѣ Мерефѣ [1]). И вотъ такой-то человѣкъ вдругъ измѣнилъ царю, объявивъ что выступаетъ «на защиту козацкихъ правъ». Своимъ примѣромъ онъ увлекъ многихъ слобожанъ. Возставшіе козаки начали съ того, что расправились съ воеводами и служилыми людьми, своими поступками возбудившими противъ себя ихъ ненависть. «Для козака воевода—великая невзгода», говорилъ Черниговскій архіепископъ Лазарь Барановскій. Возставшіе слобожане жгли села, деревни, отказывавшихся пристать къ нимъ убивали или, подобно татарамъ, брали въ неволю. Мятежъ въ предѣлахъ Харьковскаго полка вспыхнулъ 4 марта 1668 года. 11 марта Сирко подходилъ къ Харькову, но городъ отстрѣлялся; его жители за малымъ исключеніемъ остались вѣрными царю.

По мѣрѣ того, какъ Сирко шелъ дальше, силы его расли. Жители городковъ, увлеченные кошевымъ атаманомъ, покидали свои дома, жгли ихъ и шли за нимъ. Не устояли и Валки—весь городъ передался на сторону возставшихъ. «Валковскіе черкасы по прелестнымъ листамъ из-

---

[1]) *Д. И. Эварницкій* въ своемъ изслѣдованіи *) говоритъ, что Сирко „былъ *родомъ* изъ козацкой слободы Мерефы слободской Украйны, теперешней Харьковской губ." и что онъ «выступилъ на историческую сцену... съ 1654 г.». Хотя точно и неизвѣстенъ годъ ея основанія, но, во всякомъ случаѣ, Мерефа возникла послѣ Харькова, а этотъ послѣдній около 1653 г. **). О появленіи Мерефы послѣ Харькова свидѣтельствуетъ хотя бы, напр., «Описаніе г. Харькова въ 1670 г.» ***). Въ немъ говорится, что въ 10 вер. отъ города на проходахъ *отъ* Муравскаго Шляха былъ построенъ осторожекъ съ сторожевою башнею во что бывшая въ немъ раньше сторожа, высылаемая изъ Харькова, послѣ была снята по минованіи въ ней надобности, «*потому что отъ Мурамскаго шляху поселилась слобода Мерефа*». Если Сирко выступилъ на историческую сцену въ 1654, что «извѣстно изъ документальныхъ данныхъ», «въ званіи *полковника* украинскихъ козаковъ», ****) то ему, какъ полковнику, могло тогда быть самое меньшее 20—25 лѣтъ, хотя, конечно, больше, слѣд., родиться онъ могъ около 1630 г., когда теперешняя Харьковская г. представляла изъ себя полнѣйшую пустыню, когда не существовало еще ни единой «козацкой слободы», документальныя доказательства чего приведены выше. Но что Сирко временами жилъ въ Мерефѣ и что она ему принадлежала, на это есть много свидѣтельствъ. Очень быть можетъ, что Сирко и построилъ ее при общемъ движеніи въ Придонецкій Край, подобно тому какъ послѣ Мерефы построилъ слободку Артемовку (въ 2-хъ верстахъ) *****). Мерефа была «зимовникомъ» Сирка, гдѣ жила «Сирчиха Иваниха» съ дѣтьми, самъ-же онъ туда наѣзжалъ, чтобы повидаться и отдохнуть.

*) Ив. Дм. Сирко... Спб. 1894 г., ст. 5—9.

**) Нашъ фельетонъ въ газетѣ «Южный Край» 11 марта 1903 г. «Когда основанъ г. Харьковъ».

***) *Д. И. Багалѣй*. Матеріалы... т. I. Харьк. 1886 г., документъ № XIX.

****) *Д. И. Эварницкій*. Сирко... стр. 9.

*****) *Д. И. Багалѣй*. Матеріалы, т. I, док. LXXIX.

мѣнника Ивашки Бруховецкаго великому государю измѣнили, городъ сожгли и пошли къ нему, «Ивашкѣ, съ измѣнникомъ съ Ивашкой Сиркомъ, и нынѣ тотъ городъ пустъ». Тотъ-же грѣхъ случился съ черкасами г.г. Царево-Борисова, Маяцка, Змiева, Колонтаева, Мурафы, Котельвы и Мерефы.

Бруховецкій былъ скоро убитъ. Но смуты съ его смертью не прекратились. Гетманъ Правобережной Украйны И. Дорошенко стремился подчинить себѣ всю Малороссію (Лѣвобережную), чему сочувствовалъ народъ, недовольный ея раздѣленіемъ. Дорошенко, чтобы добиться этого, вступилъ въ союзъ съ татарами и, послѣ смуты Бруховецкаго, разослалъ воззванія къ бунту. Къ нему за Днѣпръ удалился и перешедшій на сторону гетмана Сирко съ передавшимися слободскими черкасами.

Предъ бунтомъ въ Валкахъ было жителей [1]): 1 атаманъ, 746 рядовыхъ черкасъ и ни одного служилаго московскаго человѣка. Слѣдовательно Валки, бывшіе до того представителями великорусской колонизацiи въ краѣ, обратились въ черкаское поселеніе, вошедшее при томъ въ составъ Харьковскаго полка.

Когда поднятое Сиркомъ волненіе въ Слободской Украинѣ улеглось, Московское правительство приняло разныя мѣры къ заселенію «измѣньичьихъ» разоренныхъ городовъ Колонтаева, Мурафы, Змiева, Котельвы, и Валокъ. Строить ихъ было приказано черкасамъ. Исключеніе дѣлалось только для Валокъ [2]), которые строить и гдѣ жить должны были одни только русскіе люди, какъ было до поселенія козаковъ. Ненадежнымъ черкасамъ, видимо, опасались ввѣрить городъ, стоящій на такомъ важномъ мѣстѣ. Но исполненіе указа встрѣтило затрудненіе —послать на Валки русскихъ было не откуда по малолюдству городовъ «бѣлгородскаго присуду», что и донесено было въ Москву. Между тѣмъ ушедшіе съ Сиркомъ черкасы скоро начали приходить назадъ и просить «милости» и разрѣшенія жить въ своихъ прежнихъ городахъ. Кн. Ромодановскій, вовратившись изъ похода, своею властью разрѣшилъ имъ это и приказалъ строить: Колонтаевъ—Ив. Иваницкому, Мурафу Конст. Добрянскому, Змiевъ—Харьковскому полковнику Гр. Донцу и Валки—боходуховцамъ Гр. Рогозенку и Кир. Остапенку. Царь, получивъ отъ воеводы донесеніе объ этомъ, вообще, одобрилъ его распоряженіе, но относительно Валокъ подтвердилъ свое прежнее приказаніе—заселить ихъ русскими людьми [3]). Неизвѣстно, чѣмъ окончилась переписка, но, вѣроятно, Ромодановскому

[1]) *Д. И. Багалѣй.* Матеріалы, докум. № XXII т. I и Арх. Мин. Юст. Ст. 794 л.л. 41—61.

[2]) Арх. Мин. Юст., ст. 701, л.л. 134—139; 509—514.

[3]) Тамъ-же. Ст. 701, л.л. 134—130; 509—514.

удалось убѣдить царя измѣнить указъ, такъ какъ по извѣстію 1683 года въ Валкахъ жило черкасъ 265 чел. при двухъ сотникахъ; а по извѣстію 1686 года—600 челов.; русскихъ-же было только 6 пушкарей [1]).

Валки были такъ основательно разрушены, что послѣ возобновленія ихъ въ 1671—1672 г.г. стали называться, какъ и другіе четыре, «новопостроенными» [2]). Въ Валки, между прочимъ, въ 1673 году было прислано 20 желѣзныхъ пищалей съ Тульскихъ заводовъ Петра Марселиса.

На Турушкѣ острогъ былъ построенъ съ двумя проѣзжими и одной глухой башнями: въ окружности онъ равнялся 406 саж. и былъ окопанъ глубокимъ рвомъ. Подлѣ острога на берегу Мжа поставленъ былъ небольшой городокъ изъ дубоваго лѣса съ двумя башнями, изъ которыхъ одна была проѣзжая; длина его стѣнъ, считая здѣсь и башни, равнялась всего лишь 139 саж.; и городокъ былъ окруженъ глубокимъ рвомъ «ослоненнымъ лѣсомъ» [3]). Городъ и острогъ были очень скромныхъ размѣровъ—назначались они собственно для «осаднаго сидѣнія». «Жилецкіе» и даже служилые люди, ихъ семейства жили въ пригородныхъ посадахъ и слободахъ. Къ слову сказать, постройки возведены были настолько непрочно, что въ 1685 году, т. е., менѣе чѣмъ чрезъ десять лѣтъ, воевода доносилъ уже въ Москву, что «въ большомъ городѣ» стѣна вывалилась, а «въ маломъ» проѣзжая башня «обвалилась» [4]).

Къ 1680 году относится одинъ изъ опустошительнѣйшихъ татарскихъ набѣговъ. На этотъ разъ, что случалось рѣдко, во главѣ Крымской Орды сталъ самъ ханъ, высланный Турціею для отвлеченія русскихъ отъ Кіева, на который они собирались напасть. Съ Крымцами пришли азовскіе татары, калмыки, черкесы. Ханъ 22 января ночью перешелъ валъ между Коломакомъ и Нов. Перекопью и, пройдя Мерчикъ, остановился по обыкновенію съ половиною войска кошемъ (станомъ), гдѣ и простоялъ до самаго ухода. Около-же Перекопи осталась многочисленная застава для обезпеченія отступленія. Другая-же половина разбрелась въ разныя стороны для своей губительной работы. Много городковъ и слободъ Харьковскаго полка подверглись разграбленію [5]).

Къ Валкамъ татары приходили 19-го и 21 января. Въ нихъ и въ Огульцахъ было взято въ плѣнъ 117 человѣкъ, угнано 79 воловъ, 105 ко-

---

1) *Д. И. Багалѣй.* Матеріалы, т. I, док. №№ 31 и 34.
2) Арх. Мин. Юст., ст. 794, л. 41—61.
3) *Д. И. Багалѣй.* Матер., I, док. № 31.
4) Арх. Мин. Юст., ст. 1231, л. 126.
5) *Альбовскій.* Ист. Харьк. Слоб. каз. полка, стр. 77.

ровъ, 24 лошади, 643 овцы и унесено 661 улей съ пчелами; 60 ведеръ меду (татары любили лакомиться) и ко всему этому много хлѣба [1]). Городъ сильно пострадалъ и отъ пожара [2]). Всего въ этотъ набѣгъ въ городахъ и слободахъ Харьковскаго полка было взято въ плѣнъ 337 чел. и угнано 13 тысячъ головъ скота, не считая другихъ убытковъ.

По полученіи извѣстія о движеніи татаръ Харьковскій полковникъ Григ. Ероф. Донецъ-Захаржевскій, собравъ своей полкъ, пошелъ къ Золочеву. Около него произошло двѣ битвы. По словамъ очевидца, сотника Щербины, «Захаржевскій громилъ враговъ въ разныхъ мѣстахъ и острая сабля его плавала въ крови поганыхъ».

Вѣроятно, именно этотъ опустошительный набѣгъ вызвалъ (съ 1680 г.) усиленное развитіе «валового дѣла» и постройку крѣпостей между г.г. Усердомъ, Валуйками Царево-Борисовымъ, Валками и Коломакомъ. Цѣлая система укрѣпленій пересѣкала шляхи Калміускій, Изюмскій и Муравскій. Старый Валковскій валъ вошелъ въ эту систему [3]). Вся тяжесть работы легла на жителей слободскихъ городовъ, и такъ уже отягощенныхъ сторожевою службою. И все это мало достигало цѣли..... Не послѣднюю роль въ постройкѣ укрѣпленныхъ линій сыгралъ Гр. Донецъ-Захаржевскій. Онъ и провелъ валъ между Ц.-Борисовомъ и Валками по р.р. Сѣверскому Донцу и Мжу и далѣе, какъ проходящихъ чрезъ обширную область полка; работали исключительно козаки, русскихъ служилыхъ людей не было. За все это Донецъ получилъ отъ царя милостивую грамоту и награду.

Нападенія болѣе значительными силами, какъ это было въ 1680 году, случались не особенно часто. Въ 1687—азовская орда въ числѣ пяти тысячъ человѣкъ сдѣлала набѣгъ на земли Харьковскаго полка, и ее разбилъ Донецъ. На слѣдующій годъ тоже въ числѣ пяти тысячъ татары напали на наказного полковника, валковскаго сотника Фед. Мураховца, стоявшаго кошемъ недалеко отъ Валокъ. 6 іюля съ утра и до полудня непріятель лѣзъ на таборъ. Битва была жаркая; съ обѣихъ сторонъ были большія потери. Татары ни съ чѣмъ ушли къ Полтавѣ, но въ результатѣ окрестности Валокъ были разграблены, дозрѣвавшій хлѣбъ вытоптанъ. Лѣтомъ 1709 проѣздомъ изъ Харькова въ армію Валки посѣтилъ и осматривалъ Петръ Великій.

Такова-то первоначальная исторія этого нѣкогда зарубежнаго острожка Московскаго Государства. Заселившись черкасами и войдя, какъ со-

---

1) *Д. И. Багалѣй.* Матеріалы т. I, док. № 27.

2) Арх. Мин. Юст., ст. 950, л.л. 601—608.

3) Тамъ-же. Ст. 950 (весь).

тенный, въ составъ Харьковскаго полка, Валки пережили одинаковую судьбу съ другими его городами. Когда-же слободское козачество, сыгравъ назначенную ему историческую роль, прекратило свое существованіе, валковцы, которымъ не грозила уже опасность татарскихъ нападеній, обратились въ мирныхъ гречкосіевъ и садоводовъ. Особенно любили они разводить сливы, красующіяся и понынѣ въ гербѣ города. И когда Харьковъ, возникшій позже, развился до громаднѣйшихъ размѣровъ, Валки, о которыхъ прежде такъ заботилась Москва, обойденные желѣзными дорогами, остались безъ особенной надежды на будущее, маленькимъ уѣзднымъ городищемъ.

Евгеній Альбовскій.

Посадъ Новоборисовъ,
Минской губ.

III.

Матеріалы къ исторіи казеннаго хозяйства на южной степной окраинѣ Московскаго Государства.

Государевы арбузные огороды и виноградники въ г. Чугуевѣ.

Какъ бы ни были малозначительны сами по себѣ тѣ факты, которые я намѣреваюсь изложить въ настоящемъ очеркѣ, мнѣ все же думается, что знакомство съ ними не будетъ лишено нѣкотораго интереса для всѣхъ, кто занимается исторіей Московскаго государства XVII в. Касаясь чисто хозяйственной дѣятельности Московскаго государства, эти факты должны прибавить нѣсколько лишнихъ данныхъ, хоть бы отрывочныхъ и случайныхъ, къ суммѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣются по этому вопросу въ исторической литературѣ. Матеріалы представляемые мною, извлечены изъ двухъ столбцовъ [1]) Бѣлгородскаго стола, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи и содержащихъ дѣлопроизводство разряда по устройству въ г. Чугуевѣ государевыхъ арбузныхъ огородовъ и виноградниковъ. [2]) По документамъ этого дѣлопроизводства можно прослѣдить годъ за годомъ судьбу интереснаго опыта казеннаго хозяйства, какъ оно велось болѣе двухъ вѣковъ тому назадъ и ознакомиться съ дѣятельностью Разряднаго приказа въ несвойственной для него роли заботливаго садовода.

На основаніи этихъ документовъ я постараюсь выяснить, какъ осуществлялъ Разрядъ свою хозяйственную дѣятельность въ мѣстности, отстоящей отъ Москвы почти на 800 в., какими мѣстными агентами онъ пользовался для этой цѣли, каково было положеніе чугуевскихъ садовниковъ, какія повинности налагало казенное хозяйство на мѣстныхъ жителей и наконецъ тѣ результаты, къ которымъ оно привело [3]).

---

1) №№ 438 и 990. За указаніе 990 столбца приношу глубокую благодарность многоуважаемому Н. П. Чулкову.

2) Г. Чугуевъ находился, какъ извѣстно, въ вѣдѣніи Разряда; см. *Градовскій*, Полн. собр. соч., т. II, стр. 480.

3) О чугуевскихъ арбузныхъ огородахъ и виноградникахъ упоминается въ слѣдующихъ трудахъ: *Д. И. Багалѣй*, Очерки изъ исторіи колоонизаціи степной окраины Московскаго Государства, стр. 353—354; *Миклашевскій*, Къ исторіи хозяйств. быта Московскаго государства, стр. 236 *Оглоблинъ* въ 4 т. Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. Арх. Минист. Юст., стр. 368—373.

I

О рѣшеніи правительства устроить въ г. Чугуевѣ арбузные огороды мы узнаемъ изъ памяти отъ 11 ноября 1660 г., присланной въ Разрядъ изъ приказа Большого Дворца[1]) и положившей основаніе чугуевскому казенному хозяйству; въ этой памяти говорится, что «великій государь... Алексѣй Михайловичъ... указалъ построить въ Чугуевѣ пять огородовъ или сколько доведется и на тѣхъ огородахъ садить арбузы, а что подастъ Богъ арбузовъ и тѣ арбузы присылать къ Москвѣ на свой великаго государя обиходъ на ямскихъ подводахъ, а къ тому огородному строенью взять изъ служилыхъ или изъ жилецкихъ всякихъ чиновъ людей охочихъ пять человѣкъ, которымъ арбузное строеніе было за обычай и учинить имъ своего государева годоваго жалованья по пяти рублевъ человѣку на годъ, а давати имъ то годовое денежное жалованье изъ чугуевскихъ доходовъ, да ихъ же, которые будутъ къ тому строенью охотники взяты изъ служилыхъ людей, отъ службы отставить»[2]).

Въ этомъ важномъ для исторіи чугуевскаго казеннаго хозяйства документѣ намѣчаются слѣдующія основанія для начала дѣла 1) рѣшено устроить въ Чугуевѣ 5 арбузныхъ огородовъ «или сколько доведется», 2) выбрать изъ служилыхъ и жилецкихъ людей 5 человѣкъ для ухода за огородами; 3) положить имъ денежное жалованье по 5 р. въ годъ человѣку изъ чугуевскихъ доходовъ; 4) освободить отъ службы тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ выбраны изъ служилыхъ людей и, наконецъ, 5) присылать ежегодно арбузы въ Москву на ямскихъ подводахъ.

Разсмотримъ, какъ выполнены были на практикѣ эти основныя положенія и какъ измѣнялись они съ теченіемъ времени. На первыхъ порахъ правительство стремится къ увеличенію площади огородовъ и прилагаетъ всѣ старанія къ развитію этого дѣла: такъ спустя 2 года по полученіи вышеуказанной памяти изъ приказа Большого Дворца, въ октябрѣ 1662 г., Разрядъ предписываетъ чугуевскому воеводѣ Алексѣю Ошбемову «впредь для арбузнаго строенья огородовъ прибавить столько же, что нынѣ устроено». Въ іюнѣ 1664 г. по полученіи грамоты изъ Разряда о расширеніи огородовъ воевода Ив. Беклемишевъ доноситъ, что онъ къ наличнымъ 10 огородамъ прибавилъ еще 10, взявъ ихъ «у соборныхъ поповъ у Артемья Григорьева, у Алфима Леонтьева, да у дьякона Ларіона Исакова, да у плотника Овдюшки Остафьева на рѣкѣ

---

1) За приписью дьяка Андрея Селина.

2) На этой памяти разрядная помѣтка: «169 (1660) г. ноября 13 дня учинить по сему государеву указу.»

Чугуевкѣ». Воевода не объясняетъ, на какомъ основаніи взялъ онъ у названныхъ лицъ огороды «про великаго государя обиходъ». Но это обстоятельство даетъ намъ поводъ предположить, что въ Чугуевѣ было развито огородничество и въ частности разведеніе арбузовъ: какъ увидимъ, въ документахъ упоминаются «арбузы чугуевскихъ сѣменъ» и надо думать, что развитіе этого дѣла у частныхъ лицъ послужило основаніемъ къ выбору Чугуева для устройства царскихъ огородовъ.

«А по мѣрѣ—доноситъ далѣе въ своей отпискѣ Ив. Беклемишевъ,— старыхъ огородовъ вдоль 40 саж., поперекъ 80 саж., во вновь что построены огороды мѣрою таковы жъ»

Такимъ образомъ площадь огородовъ значительно увеличилась къ 1664 г., занявъ пространство болѣе 5 десят. (12800 кв. саж.).

Но въ дѣйствительности дѣло оказалось нѣсколько въ худшемъ положеніи, сравнительно съ тѣмъ, какъ оно представлено въ воеводской отпискѣ: въ сентябрѣ того же года пріѣхавшіе въ Москву съ арбузами чугуевскіе садовники Ст. Смѣновъ «съ товарищи» показывали въ Разрядѣ «у выписки»: «на новыхъ они огородахъ земли не пахали и арбузовъ не садили, потому что тѣ огороды не устроены и къ арбузному строенью негодны: земля выпахана и мѣсто мокрое... а многіе де арбузы они садили на своихъ огородахъ и къ нынѣшнему году на прежнихъ огородахъ арбузовъ садить будетъ не мочно, потому что земля выпахалась и огороды бы построить вновь, гдѣ будетъ пристойно, а прежніе огороды въ то время перележатъ»

И такъ на самомъ дѣлѣ площадь огородовъ вдвое меньше, чѣмъ она показана въ воеводской отпискѣ (т. е. 6400 кв. с.) да и та съ выпаханной землей.

Весной 1666 г. послѣ неоднократныхъ запросовъ главный воевода Бѣлгородскаго полка кн. Б. А. Репнинъ увѣдомилъ наконецъ Разрядъ, что посланный имъ въ Чугуевъ бѣлгородецъ Сид. Толмачовъ вмѣстѣ съ садовниками выбралъ подъ огороды лучшую землю на рч. Чугуевкѣ выше старыхъ огородовъ «а тому огороду длина 95 саж. поперекъ 30 саж. (т. е. 2850 кв. с.), а на томъ огородѣ посажено арбузовъ 46 грядъ да посѣянныхъ арбузовъ длина 15 саж. поперекъ 10 саж.» [1]).

Въ 1669 осенью садовники по поводу неурожая арбузовъ опять жалуются на то, что земля старая испашь и просятъ отвести имъ огородъ, который занялъ «для своихъ прихотей» виноградный садовникъ старецъ Куликовскій; по ихъ словамъ этотъ огородъ «на государевы арбузные сады будетъ угожъ и кстати».

---

[1]) Эти свѣдѣнія находятся въ росписи, поданной Сид. Толмачевымъ кн. Репнину; она включена въ разрядную докладную выпись.

Изъ документовъ не видно, чтобы огородъ былъ отобранъ у Куликовскаго, но Разрядъ послалъ распоряженіе къ чугуевскому воеводѣ объ отводѣ подъ арбузы лучшей земли, «которая пристойна».

Въ 1678 г. по требованію Разряда чугуевскимъ воеводой Ив. Рыхторовымъ былъ составленъ подробный отчетъ казенному хозяйству и въ маѣ мѣсяцѣ присланъ въ Москву [1]).

Изъ этого отчета видно, что къ 1678 г. въ Чугуевѣ было 2 арбузныхъ огорода—одинъ мѣрою въ 4067, а другой въ 2790 кв. саж.

О томъ, какимъ образомъ велось хозяйство на этихъ огородахъ документы содержатъ очень скудныя данныя.

Болѣе всего Разрядъ былъ озабоченъ выборомъ земли, такъ какъ по мѣрѣ выпахиванія почвы, огороды переводили на вновь нарѣзанные участки: въ грамотахъ къ воеводамъ постоянно повторяется предписаніе выбирать землю «лутчюю и въ которыхъ мѣстехъ пристойно и къ арбузамъ была бы угодна». Мы уже видѣли, что это предписаніе не всегда исполнялось въ точности.

Чтобы избѣжать быстраго истощенія почвы однообразной культурой, былъ установленъ извѣстный сѣвооборотъ, какъ это видно изъ сказки, данной садовниками кн. Репнину въ 1666 г.: «на прежнихъ де огородахъ надобно сѣять и рядить коноплями для того, какъ прежъ сего они по конопляному мѣсту арбузы саживали и тѣ арбузы бывали лутчи». Объ этомъ же упоминается и въ указанномъ выше отчетѣ Ив. Рыхторова [2]).

Возстановить производительность выпаханной почвы старались также тѣмъ, что давали ей отдыхъ, оставляя безъ всякой культуры; мы видѣли уже, что садовники прося въ Разрядѣ объ отводѣ имъ новаго участка земли, указываютъ, что «прежніе огороды въ то время перележатъ».

Что землю также удобряли навозомъ, это видно изъ челобитныхъ, поданныхъ въ Разрядъ садовниками въ 1666 и 1669 г.г., гдѣ, прося о выдачѣ имъ жалованья, они между прочимъ жалуются, что «клячами опали», что лошадей у нихъ отогнали татары и имъ стало не на чѣмъ возить на огороды навозъ и пахать.

Стремясь дать наставленія по всѣмъ вопросамъ казеннаго хозяйства, Разрядъ предписываетъ «арбузныя сѣмена заводить новыя добрыя, которыя были бы годны гораздо», причемъ рекомендуетъ «имать ихъ у тѣхъ людей,

[1]) Отчетъ этотъ находится въ разрядной книгѣ Бѣлг. стола № 94 (Арх. М-ва Ю.) лл. 122—132. Напечатаны извлеченія изъ этого отчета у *Миклашевскаго*, Къ исторіи хоз быта Моск. гос., стр. 236 и у *Оглоблина* въ 4 т. Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. Арх. М. Ю., стр. 368—373.

[2]) И. Н. Миклашевскій, Н. Н. Оглоблинъ.

у которыхъ арбузы бывали напередъ сего». Дѣлались также попытки къ разведенію астраханскихъ арбузовъ, однако осенью 1665 г. садовники, пріѣхавшіе въ Москву, показывали въ Разрядѣ, что они садили «арбузы чугуевскихъ сѣменъ, да и астраханскихъ арбузовъ сѣмена садили же и астраханскія сѣмена къ чугуевской землѣ негодны».

Разрядъ озабочивается снабженіемъ садовниковъ всѣмъ нужнымъ для веденія хозяйства, такъ въ 1665 г. онъ предписываетъ кн. Репнину дать имъ лошадей и все, что потребуется для устройства новыхъ огородовъ. Въ 1672 г. имъ отпускается желѣзо на 5 матыкъ и 5 заступовъ.

Вновь построенный огородъ бѣлгородецъ Сид. Толмачевъ такъ описываетъ въ своей росписи, поданный въ 1666 г., бояр. кн. Б. А. Репнину: «а на то огородное строеніе пошло тыну 1907 тынинъ, а ворота, стойки, вереи дубовыя, притворчатыя, а рѣку Чугуевку пустилъ въ огородъ по конецъ грядъ арбузныхъ». Къ сожалѣнію въ документахъ не сохранилось чертежа «виноградняго и арбузнаго всякаго строенья и заводу», который «учинилъ бѣлгородецъ Артемій Пищулинъ, посланный для того кн. Репнинымъ вслѣдъ за Толмачевымъ».

Садили арбузы обыкновеннно въ первыхъ числахъ мая: сообщая о порчѣ арбузовъ морозами въ маѣ 1666 г. садовники говорятъ, что принуждены были посадить ихъ вновь 26 мая, а это «позднее сажанья». Въ 1679 г. арбузы посажены были 3 мая и начавшіеся съ этого числа [1]) морозы погубили посадки. Въ общемъ надо признать, что арбузные огороды не часто страдали отъ неблагопріятныхъ метеорологическихъ вліяній: за все свое 22-хъ лѣтнее существованіе они пострадали отъ морозовъ 2 раза,—въ только что указанные годы. За этотъ періодъ времени документы отмѣчаютъ три градобитія: 7 іюня 1671 г. «извиленіемъ Божіимъ былъ въ Чугуевѣ градъ большой—извѣщали садовники—и на арбузномъ огородѣ арбузы побилъ градъ всѣ», 28 іюня 1673 г. «былъ въ Чугуевѣ градъ большой и на поляхъ хлѣбъ и животину и на огородахъ овощи побилъ»; 18 іюня 1680 г. «на арбузномъ огородѣ на большихъ завязяхъ арбузы градомъ побиты».

Что касается урожайности арбузовъ то она, судя по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ документахъ, выражается слѣдующей таблицей:

Въ	1662	г.	привезено	въ	Москву	1100	арб.
»	1663	»	»	»	»	1750	»
»	1664	»	»	»	»	2000	»

---

[1]) «И съ того числа—говорятъ садовники—до праздника Вознесенія была стужа и морозы великіе и тѣ арбузы отъ стужи и отъ морозовъ на третьемъ листу позябли всѣ безъ остатку».

Въ	1665	г.	привезено	въ	Москву	2000 арб.
»	1666	»	»	»	»	2353 »
»	1667	»	»	»	»	1507 »
»	1668	»	»	»	»	905 »
»	1669	»	»	»	»	3705 »
»	1670	»	»	»	»	2247 »
»	1671	»	»	»	»	3073 »
»	1672	»	»	»	»	1545 »
»	1673	»	арбузы побиты градомъ.			
»	1674	»	»	»	»	507 »
»	1675	»	»	»	»	703 »
»	1676	»	»	»	»	422 »
»	1677	»	»	»	»	1003 »
»	1678	»	»	»	»	303 »
»	1679	»	»	»	»	503 »
»	1680	»	»	»	»	203 »
»	1681	»	»	»	»	503 »
»	1682	»	»	»	»	705 »

Изъ этой таблицы можно замѣтить, что чугуевскіе арбузные огороды не отличались особенной продуктивностью и съ теченіемъ времени, дѣло не только не развивалось, но несомнѣнно падало. Качество плодовъ также видимо ухудшается: въ отпискѣ чугуевскаго воеводы Гр. Шакловитаго отъ 11 сент. 1683 г. говорится: «въ Чугуевѣ на арбузныхъ огородахъ арбузы родились дробные и худы и про государской обиходъ не годятся... ростомъ въ винное большое яблоко, а внутри въ нихъ вода».

Вслѣдствіе этого 19 янв. 1684 г. состоялся указъ «въ Чугуевѣ арбузные сады отставить, потому что тѣ арбузы въ которой годъ и родятца и на ихъ великихъ государей обиходъ не годятця николи».

Разсмотримъ теперь, каково было служебное положеніе и матеріяльное обезпеченіе приставленныхъ къ огородамъ «арбузнаго строю садовниковъ».

Изъ памяти отъ 11 ноября 1660 г. мы знаемъ, что рѣшено было выбрать 5 человѣкъ, «изъ чугуевскихъ служилыхъ и жилецкихъ людей положить имъ по 5 р. жалованья въ годъ изъ чугуевскихъ доходовъ и освободить отъ службы тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ выбраны изъ служилыхъ людей. Объ исполненіи этого рѣшенія тотчасъ же была послана изъ Разряда грамота къ чугуевскому воеводѣ Абакуму Іевлеву.

Относительно общественнаго положенія выбранныхъ воеводой «охочихъ людей» мы узнаемъ изъ челобитной, поданной ими въ Разрядъ въ

1664 г. о выдачѣ имъ жалованья: здѣсь, называя себя по именамъ, они упоминаютъ о своей прежней службѣ: это были двое дѣтей боярскихъ [1]), 1 казакъ, 1 пушкарь и 1 стрѣлецъ—все люди принадлежащіе, слѣдовательно, къ низшимъ разрядамъ служилаго сословія.

Несмотря на рѣшеніе освободить отъ службы садовниковъ, выбранныхъ изъ служилыхъ людей, «воеводы въ посылки и на всякія службы ихъ посылаютъ и всякія подати велятъ платить и дѣтей ихъ и братьевъ, и племянниковъ пишутъ въ солдаты»,—такъ жалуются садовники въ приказъ Большого дворца въ первый же годъ существованія казеннаго хозяйства. «И великій государь...—Алексѣй Михайловичъ... Стеньку Смѣнова съ товарищи 5 человѣкъ пожаловалъ, велѣлъ имъ быть въ Чугуевѣ у своихъ государевыхъ садовъ у одного арбузнаго строенья и въ службы ни въ какіе выбирать ихъ не велѣлъ»—таково было рѣшеніе приказа Большого дворца, который и увѣдомилъ о немъ Разрядъ памятью отъ 16 окт. 1661 г. съ тѣмъ, чтобы изъ Разряда была послана соотвѣтствующая грамота къ чугуевскому воеводѣ. Такимъ образомъ это важное рѣшеніе выдѣляетъ чугуевскихъ садовниковъ съ ихъ родствомъ («ихъ дѣтемъ братьѣ и племянникомъ быть съ ними въ одной службѣ», говорится въ посланной изъ Разряда грамотѣ) изъ общей массы служилыхъ людей и какъ бы заставляетъ ихъ специализироваться въ ихъ новой профессіи.

Почти черезъ 14 лѣтъ пришлось вновь подтвердить это рѣшеніе, такъ какъ по разбору думнаго дьяка Сем. Титова дѣти и братья чугуевскихъ садовниковъ были написаны въ 1675 г. въ солдатскую службу [2]).

Однако и послѣ того въ 1678 и 79 г.г. Петръ Зубковъ, пріѣхавъ въ Москву съ арбузами, докладываетъ Разряду «у выписки»: «въ Чугуевѣ де воеводы и приказные люди ихъ арбузныхъ садовниковъ посылаютъ во всякія посылки и подати съ нихъ и сошныя подводы берутъ противъ дѣтей боярскихъ и тѣмъ де у нихъ арбузнымъ садомъ чинитца поруха и мотчанье». И Разряду вновь приходится сдерживать не въ мѣру ретивыхъ воеводъ.

Таково было положеніе садовниковъ: выдѣленные изъ общей массы служилыхъ людей для опредѣленной дѣятельности они получили нѣкото-

---

[1]) Относительно Ст. Смѣнова есть сомнѣніе: въ челобитной онъ называетъ себя сыномъ боярскимъ, но изъ дѣла о его сынѣ, видно, что по чугуевскимъ писцовымъ книгамъ 155 г. Ст. Смѣновъ числился въ стрѣльцахъ.

[2]) Приказъ Большого дворца увѣдомилъ Разрядъ памятью отъ 31 мая 1675 г.: «великій государь пожаловалъ садовниковъ дѣтей и братьевъ ихъ въ солдатскую службу имать не велѣлъ, а всѣмъ имъ быть у строенія своихъ государевыхъ виноградныхъ (о виноградникахъ см. ниже) и арбузныхъ садовъ по прежнему».

рыя льготы, вызванныя потребностями ихъ новой службы; но льготы эти часто нарушаются воеводами и садовникамъ приходится отстаивать ихъ и бить челомъ центральному правительству объ ихъ подтвержденіи.

Что касается матерьяльнаго обезпеченія садовниковъ, то, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго, отношеніе центральнаго правительства къ этому вопросу мѣнялось съ теченіемъ времени, мѣнялись и размѣры вознагражденія. Такъ какъ садовники принадлежали къ низшему разряду служилыхъ людей, то въ соотвѣтствіи съ этимъ ихъ матеріальное обезпеченіе выражалось въ двоякой формѣ: въ формѣ земельнаго оклада и денежнаго жалованья. Однако казенное хозяйство требовало ихъ труда какъ разъ въ рабочую пору и для занятія земледѣліемъ на помѣстной землѣ, повидимому, оставалось мало свободнаго времени.

Какъ бы то ни было, земля оставалась однимъ изъ видовъ матеріальнаго обезпеченія чугуевскихъ садовниковъ.

Изъ словъ Петра Зубкова по допросу его въ Разрядѣ осенью 1677 г. мы узнаемъ, что за арбузными садовниками числится «пашенныхъ земель за 3 человѣками по 25 четей, за 2-мя человѣками по 8 четей въ полѣ, а дву потому жъ». Однако черезъ 2 г., въ 1697 г., по показанію того же П. Зубкова, земли 8 четей состоитъ за однимъ человѣкомъ, а за другимъ «земли нѣтъ ни единые чети», что̀ остается и на будущее время. Документы не объясняютъ, почему въ матеріальномъ положеніи одного изъ садовниковъ произошла такая перемѣна.

Относительно денежнаго жалованья мы уже знаемъ, что, согласно памяти изъ приказа Большого дворца отъ 11 ноября 1660 года, рѣшено было назначить садовникамъ годовой окладъ по 5 руб. изъ чугуевскихъ доходовъ. Это рѣшеніе о денежномъ жалованьи оказалось наиболѣе не устойчивымъ.

Менѣе чѣмъ черезъ годъ садовники объясняютъ въ челобитной, поданной въ приказъ Большого Дворца, что «строили они въ Чугуевѣ огороды, городили и сѣяли и стерегли все собою, а не городомъ, а какъ де они тѣ огороды строили, хлѣба де они на себя не пахали и сѣна не косили и нынѣ де имъ съ женами и съ дѣтьми прокормиться нечѣмъ и чтобы великій государь пожаловалъ, велѣлъ имъ учинить свое великого государя годовое денежное и хлѣбное жалованье».

Въ отвѣтъ на это ходатайство въ памяти изъ приказа Большого Дворца въ Разрядъ отъ 16 октября 1661 г. говорится, что «великій государь... чугуевскихъ садовниковъ Степку Смѣнова съ товарищи 5 человѣкъ пожаловалъ, велѣлъ имъ учинить свое великого государя жалованіе оклады противъ московскихъ оптекарского саду садовниковъ въ полы де-

негъ по 3 р. съ полтиною, хлѣба по 6-ти чети ржи овса потому жъ человѣку и то свое великого государя денежное жалованіе велѣлъ имъ давать изъ приказу Большого Дворца, а хлѣбъ въ Чугуевѣ». Объ этомъ рѣшеніи послана 18 окт. 1661 г. изъ Разряда грамота къ чугуевскому воеводѣ Абакуму Іевлеву.

Каждый осенній пріѣздъ чугуевскихъ садовниковъ въ Москву съ транспортомъ арбузовъ сопровождается подачей въ Разрядъ челобитныхъ о различныхъ нуждахъ, отводѣ покосовъ, дачѣ дворовъ и т. п., но главнымъ образомъ о выдачѣ имъ денежнаго жалованья.

Такъ осенью 1662 г. садовники, жалуются, что получаютъ только по $3^1/_2$ р. и просятъ имъ прибавить жалованья «за ихъ арбузную службишку, какъ объ нихъ государю Богъ извѣститъ». Въ отвѣтъ на это 10 октября въ Чугуевъ къ Алекс. Огибалову послана грамота съ предписаніемъ «чугуевцамъ арбузнаго строю садовникамъ Ст. Смѣнову съ товарищи 5 человѣкомъ государево денежное жалованье давать по 7 рублевъ человѣку изъ чугуевскихъ изъ таможенныхъ доходовъ ежелѣтъ» Вѣроятно на такое милостивое рѣшеніе повліяло происшедшее около этого времени обезцѣненіе мѣдныхъ денегъ. По крайней мѣрѣ въ слѣдующемъ 1663 г. «государь пожаловалъ велѣлъ дать садовникамъ жалованье серебрянными деньгами изъ таможенныхъ доходовъ по 3 р. каждому человѣку». И составленная по этому поводу разрядная выпись, упоминая о выдачѣ садовникамъ въ прошломъ 1662 г. по 7 р. жалованья, прибавляетъ: «а въ то время были мѣдныя деньги».

Кромѣ годового денежнаго жалованья, назначеннаго садовникамъ, имъ выдавалось такъ сказать наградное жалованье «за привозъ» въ Москву арбузовъ, состоящее изъ денегъ и суконъ. Это видно изъ грамоты, посланной изъ Разряда къ чугуевскому воеводѣ Алексѣю Огибалову отъ 9 октября 1662 г. увѣдомляющей его о томъ, что арбузы приняты и садовники государевымъ жалованьемъ—деньгами и сукнами жалованы. Въ то же время въ разрядной записи отъ 10 октября говорится о посылкѣ къ чугуевскому воеводѣ грамоты съ повелѣніемъ давать садовникамъ государево денежное жалованье по 7 руб. человѣку «ежелѣтъ».

Размѣры этого жалованья «за привозъ», какъ и размѣра годового оклада, очень измѣнчивы: иногда то и другое жалованье ставится въ зависимость отъ «радѣнія» садовниковъ, иногда производится одна выдача; иногда, какъ увидимъ ниже, жалованье отмѣняется вовсе и т. д.

Въ 1662 г. пяти садовникамъ выдано по «десяти рублевъ мѣдными, да по сукну по доброму». Въ 1663 г. по челобитью садовникамъ дано имъ изъ Разряда «въ приказъ», т. е. не по окладу по 2 р. денегъ,

да съ казеннаго двора по сукну по доброму и, какъ мы уже видѣли, велѣно выдать годового жалованья по 3 руб. человѣку серебряными деньгами изъ чугуевскихъ таможенныхъ доходовъ. Въ 1665 г. на челобитье садовниковъ о жалованьѣ послѣдовало рѣшеніе: «послать государеву грамоту въ Бѣлгородъ къ боярину и воеводамъ, велѣть садовникамъ дать государево денежное жалованье на 1664 г. по разсмотрѣнію, смотря по ихъ работѣ»; и въ тоже время главному воеводѣ Бѣлгородскаго полка бояр. кн. Бор. Алекс. Репнину предлагается послать въ Чугуевъ для надзора за садовниками дворянина. Изъ Бѣлгорода былъ посланъ нѣкто Сид. Толмачевъ съ порученіемъ, «сыскать чугуевца всякихъ чиновъ людьми накрѣпко большимъ повальнымъ обыскомъ, что у нихъ (садовниковъ) съ огородовъ арбузовъ въ 1664 г. снято и не продавали ль они арбузовъ съ огородовъ стороннимъ людемъ и съ радѣньемъ ли они за арбузнымъ строеньемъ ходили или нѣтъ». Дѣло въ томъ, что 2 года подрядъ въ 1764 и 65 г.г. садовники доставляли одинаковое количество арбузовъ, «будто у нихъ лишнихъ арбузовъ или передъ прежнимъ убыли не было», а которые арбузы икъ Москвѣ привезли и то самые малые и за то ихъ нерадѣнье и за неправду противъ прошлыхъ лѣтъ государево денежнаго жалованья и суконъ не дано».

Такъ какъ произведеннымъ сыскомъ были добыты нѣкоторыя данныя о продажѣ садовниками казенныхъ арбузовъ въ свою пользу, то за это «воровство» имъ отказано было въ денежномъ жалованьѣ за 1665 г. И только 3 года спустя, по ихъ слезному челобитью, перечисляющему всѣ ихъ службы и работы, въ апрѣлѣ 1668 г. послѣдовало рѣшеніе: «Великій государь пожаловалъ, велѣлъ имъ своего государева жалованья дать въ приказъ по 5 рублевъ человѣку въ Чугуевѣ изъ сборныхъ денегъ, а на прошлые годы не давать для того что воровали, продавали арбузы».

Въ 1669 г. разрядная помѣта, не упоминая ни о деньгахъ, ни о сукнахъ «за привозъ», предписываетъ выдать въ Чугуевѣ садовникамъ по 3 р. человѣку, да по 3 чети ржи овса по тому жъ и такимъ образомъ вдвое убавляетъ первоначальную назначенную хлѣбную дачу.

Наконецъ въ 1670 г. 11 ноября на челобитье садовниковъ о жалованьѣ послѣдовалъ отвѣтъ: «быть имъ у тово дѣла безъ государева жалованья для того что за ними есть земли, а никакіе службы не служатъ, а дать имъ государева жалованья въ приказъ по сукну доброму».

Осенью же 1671 г. предписывается: «арбузникомъ въ сукнахъ и въ деньгахъ отказать для того что они, везучи арбузы къ Москвѣ, переморозили».

Въ слѣдующемъ 1672 г. «государь пожаловалъ, велѣлъ ихъ (садовниковъ) за ихъ работу на Москвѣ накормить и напоить довольно и отпустить съ Москвы тотчасъ а въ деньгахъ и сукнахъ отказать, для того что арбузы худы и про государевъ обиходъ не годились».

Осенью 1675 г. состоялось рѣшеніе, болѣе благопріятное для садовниковъ; по которому двое пріѣхавшихъ въ Москву съ арбузами получили въ приказъ денежнаго жалованья по 1 р. изъ Разряда и по сукну доброму съ казеннаго двора, кромѣ того всѣмъ имъ 5 человѣкамъ велѣно выдать по 3 р. изъ чугуевскихъ доходовъ, да хлѣба по 3 чети ржи овса тожъ въ отдаточную мѣру.

Черезъ годъ, въ октябрѣ 1676 г. получаетъ въ приказъ 1 р. только пріѣхавшій въ Москву садовникъ Петръ Зубковъ, которому вмѣстѣ съ товарищами велѣно выдать въ Чугуевѣ еще по 3 чети ржи и овса.

Повидимому эта выдача сдѣлана была вмѣсто денегъ, потому что тотъ же П. Зубковъ осенью 1677 г. по допросу въ Разрядѣ сказалъ: «государева годового жалованья даютъ имъ пяти человѣкомъ въ Чугуевѣ изъ государевыхъ житницъ хлѣбныхъ запасовъ ржи по 6 чети овса потому жъ человѣку на годъ въ отдаточную мѣру, а денежнаго де жалованья годового имъ не учинено, а давано де имъ государева жалованья деньги и хлѣбъ и сукно за приказъ арбузовъ въ приказъ, а не по окладу».

Въ 1677 г. двоимъ пріѣхавшимъ въ Москву садовникамъ велѣно выдать въ приказъ по 1 руб. изъ Разряда да по сукну доброму съ Казеннаго двора и всѣмъ пяти человѣкамъ въ Чугуевѣ по рублю изъ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ.

Въ 1678 г. Разрядъ распорядился выдать въ Чугуевѣ изъ мѣстныхъ доходовъ въ приказъ всѣмъ садовникамъ по рублю, а тому, который присланъ въ Москву, денегъ полтину да сукно, какое въ Разрядѣ есть.

Одновременно съ челобитьемъ о денежномъ жалованьѣ и сукнахъ садовники бьютъ челомъ и о выдачѣ имъ годового хлѣбнаго жалованья на 1678 г. Надо думать, что это отдѣльное челобитье вызвано было запрещеніемъ безъ указа и безъ грамотъ изъ разряда выдавать людямъ всякихъ чиновъ въ городахъ Бѣлгородскаго полка деньги изъ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ и хлѣбъ изъ житницъ[1]).

По этому челобитью «великій государь пожаловалъ велѣлъ имъ (садовникамъ) дать своего государева жалованья на нынѣшній на 187 (1678) г. въ приказъ, за которыми земли нѣтъ, ржи и овса по 3 чети

[1]) Объ этомъ запрещеніи, какъ можно видѣть изъ разрядныхъ справокъ, посланы грамоты въ всѣ города Бѣлгородскаго полка въ сент. и окт. 1677 г.

въ московскую въ таможенную мѣру, а за которымъ есть земля тому ржи и овса по 2 чети въ тужъ мѣру».

Въ слѣдующемъ 1679 г. Петръ Зубковъ получаетъ въ приказъ 1 р. и сукно доброе, остальные по полтинѣ да хлѣба велѣно имъ всѣмъ дать въ Чугуевѣ ржи по 3 чети человѣку овса тожъ; какъ видно въ данномъ случаѣ, размѣръ хлѣбной дачи не ставится въ зависимость отъ владѣнія землей.

Однако въ слѣдующемъ 1680 г. эта зависимость снова принимается во вниманіе въ разрядномъ рѣшеніи, по которому чугуевскимъ «арбузникамъ» велѣно дать государева жалованья на нынѣшній 186 (1680) г. Петру Зубкову рубль да сукно доброе изъ Разряда, да въ Чугуевѣ хлѣба П. Зубкову и товарищамъ его тремъ человѣкамъ, за которыми есть пашенныя земли ржи по 2 чети, а пятому, за которымъ пашенной земли нѣть, ржи жъ 4 четверти овса потому жъ человѣку въ отдаточную мѣру».

Въ послѣдніе 2 года существованія казенныхъ арбузныхъ огородовъ въ Чугуевѣ огородникамъ выдаются по ихъ челобитью «деньги и хлѣбъ противъ дачи 189» (1680 г.). Любопытна между прочимъ слѣдующая подробность: въ разрядномъ производствѣ о выдачѣ жалованья въ 1681 г. приведена сказка Вас. Блудова о личномъ составѣ огородниковъ: изъ пяти человѣкъ трое показаны въ ней умершими въ 1680 г., а на ихъ мѣстѣ приставлены къ огородамъ ихъ сыновья, такимъ образомъ должность казенныхъ садовниковъ становится наслѣдственной.

Изъ этого очерка видно, что размѣры денежнаго жалованья, выдававшагося чугуевскимъ садовникамъ крайне неустойчивы: годовой окладъ, установленный вначалѣ, постепенно убавляется и наконецъ совсѣмъ отмѣняется: «быть имъ безъ жалованья», «годового жалованья имъ не положено» и т. д. Жалованье выдается «въ приказъ», т. е. не по окладу, въ видѣ небольшихъ денежныхъ суммъ и суконъ, причемъ выдача его ставится въ зависимость отъ службы и радѣнья садовниковъ.

Болѣе постояненъ размѣръ хлѣбнаго жалованья («отсыпной хлѣбъ»), хотя и онъ также убавляется въ послѣдніе годы существованія арбузныхъ огородовъ.

Дальнѣйшая судьба «арбузныхъ садовниковъ» тѣсно связана съ судьбой «виноградниковъ», такъ какъ указъ 19 января 1684 г., согласно которому рѣшено въ Чугуевѣ «арбузные сады отставить», предписываетъ «у виноградного строенья велѣть быть въ прибавку къ прежнимъ винограднымъ садовникомъ арбузнымъ садовникомъ всѣмъ».

Въ заключеніе этого очерка замѣчу, что и въ другихъ городахъ также устраивались казенные арбузные огороды, при чемъ правительство пользовалось чугуевскими садовниками, какъ спеціалистами этого дѣла.

Такъ изъ нашихъ документовъ видно, что «въ 1664 г. по указу блаженныя памяти великого государя велѣно завесть въ Тамбовѣ арбузы и къ тому арбузному строенью взять садовника изъ Чугуева, а въ Чугуевѣ на то мѣсто велѣно выбрать изъ чугуевцовъ, кого доведется, человѣка добра».

Въ 1665 г. въ Тамбовъ былъ посланъ одинъ изъ садовниковъ, Степ. Смѣновъ; черезъ годъ, въ 1666 г., онъ бьетъ челомъ въ Разрядѣ на своихъ товарищей, которые по его словамъ, «удобрилися воеводѣ» и «написали» въ Тамбовѣ его, человѣка одинокаго и безсемейнаго, [1]) а причитающійся на его долю отсыпной хлѣбъ беретъ себѣ садовникъ Петръ Проскурнинъ, лишая пропитанія его «дѣтишекъ», вслѣдствіе чего они скитаются межъ дворъ».

По этому челобитью въ октябрѣ 1666 г. состоялось рѣшеніе, которымъ чугуевскому воеводѣ предписывается садовниковъ «въ Тамбовъ посылать съ перемѣною погодно».

И дѣйствительно уже въ слѣдующемъ 1667 г. въ памяти изъ приказа Большого Дворца говорится о пріемѣ на Сытномъ Дворцѣ на государевъ обиходъ «у тамбовскаго садовника у Кирюшки Блудова 260 арбузовъ». [2]) А въ челобитной, 1669 г., поданной въ Разрядъ уже отъ шестерыхъ чугуевскихъ садовниковъ, говорится между прочимъ: «да насъ же посылаютъ въ Тамбовъ поперемѣнно».

Насколько прочно установилось въ Тамбовѣ казенное хозяйство на арбузныхъ огородахъ и въ какой мѣрѣ продуктивно оно велось, мы не имѣемъ свѣдѣній.

Въ разбираемыхъ документахъ находимъ указаніе на то, что казенные арбузные огороды устраивались правительствомъ при содѣйствіи чугуевскихъ огородниковъ и въ Москвѣ. А именно, въ памяти изъ приказа Большого Дворца въ Разрядъ отъ 26 сентября 1686 г., касающейся отсылки обратно въ Чугуевъ садовника Никиты Смѣнова (Степанова сына) содержатся слѣдующія свѣдѣнія: «Въ прошломъ въ 189 (1680—81) по указу великаго государя взятъ изъ Тамбова къ Москвѣ въ сады что на Дѣвичѣ полѣ для анисового сѣву и арбузного заводу въ садовники Никитка Смѣновъ».

---

[1]) Надо думать неимѣющаго взрослыхъ дѣтей и родственниковъ.

[2]) Въ 1669 г. «съ Тамбова привезли 270 арбузовъ».

Закончивъ очеркъ казеннаго хозяйства на чугуевскихъ казенныхъ огородахъ, я постараюсь, придерживаясь принятаго мною плана, передать содержаніе документовъ, сохранившихъ обильный матерьялъ по исторіи устройства въ Чугуевѣ и эксплуатаціи казенныхъ виноградниковъ.

II.

Въ дошедшемъ до насъ разрядномъ производствѣ первый документъ, который знакомитъ насъ съ возникновеніемъ у правительства мысли объ устройствѣ виноградниковъ, относится ко 2-му октября 1663 г., это— списокъ съ помѣты дьяка Аѳ. Зыкова; приведу его дословно: «172 (1663) г. октября во 2-й день великій государь указалъ послати свою государеву грамоту въ Тамбовъ къ стольнику и воеводѣ къ Ив. Окинфову, велѣть ему, какъ ажъ дасть Богъ, на весну завесть въ Танбовѣ виноградъ да арбузы, а винограду на сѣмена и виноградного садовника велѣно къ нему въ Танбовъ прислать съ Царицына, однолично ему о томъ порадѣть, чтобъ въ Танбовѣ виноградъ и арбузы завести, а въ Казанской Дворецъ послать о томъ память, велѣть на Царицынъ послать государеву грамоту, чтобъ на сѣмена виноградъ и виноградного садовника прислать въ Тонбовъ.

А въ Кіевъ послать государеву грамоту, велѣть виноградного сѣмени или вѣтвей, отъ чего заводитца виноградъ и виноградного мастера, который виноградъ строитъ, прислать въ Чугуевъ и въ Чугуевъ о томъ государеву грамоту послать же, чтобъ на весну въ Чугуевѣ завесть виноградъ».

Изъ этой помѣты видно: 1) что виноградники уже существовали въ то время въ Царицынѣ и въ Кіевѣ и 2) что для разведенія новыхъ виноградниковъ было намѣчено 2 мѣста: Тамбовъ и Чугуевъ.

Какая судьба постигла проектъ устройства виноградниковъ въ Тамбовѣ, мы не знаемъ. Что касается чугуевскихъ виноградниковъ, то дальнѣйшее изложеніе покажетъ, въ какомъ размѣрѣ развилось это дѣло.

Прошло довольно много времени, пока осуществилась мысль правительства объ устройствѣ виноградниковъ въ Чугуевѣ.

Административная машина того времени не отличалась быстротой: 4 октября 1663 г. Разрядъ посылаетъ грамоту къ чугуевскому воеводѣ Алексѣю Ошбалову съ изложеніемъ вышеприведенной помѣты; 7-го же октября сносится съ приказомъ Малыя Россіи о призывѣ «мастера, кому виноградъ заводить и строить» и о высылкѣ его и виноградныхъ сѣмянъ въ Чугуевъ изъ Кіева.

Должно быть Малороссійскій приказъ не торопился посылкой грамоты, такъ какъ она была отправлена только 7 апрѣля.

На запросы Разряда чугуевскій воевода Ив. Беклемишевъ даетъ отвѣтъ, что «въ Чугуевъ изъ Кіева мастера къ тому виноградному заводу и сѣменъ не прислано мая по 22 число».

Только 19 декабря 1664 г. послѣ продолжительной переписки съ воеводами и Малороссійскимъ приказомъ, получилась въ Разрядѣ отписка бѣлгородскаго воеводы бояр. кн. Бор. Алекс. Репнина, въ которой онъ извѣщаетъ о пріѣздѣ въ Бѣлгородъ двоихъ монастырскихъ старцевъ, высланныхъ изъ Кіева въ Чугуевъ «для винограднаго заводу»,—Николы Пустынскаго монастыря «соборнаго старца» Ананія Куликовскаго и старца Іосифа Мишковскаго.

Пріѣхавъ въ Бѣлгородъ, старцы подали Репнину 2 декабря 1664 г. челобитную «о мѣсячномъ корму, о деньгахъ и о запасѣ, чтобъ великій государь ихъ пожаловалъ своимъ государевымъ жалованьемъ, чѣмъ имъ, будучи у государева виноградного заводу, сытымъ быть».

Донося объ этомъ Разряду, Репнинъ проситъ, чтобы государь учинилъ ему свой великаго государя указъ, «по чему тѣмъ старцомъ великаго государя жалованья, поденного корму, денегъ и запасовъ дать».

Вопросъ о размѣрѣ денежнаго и хлѣбнаго жалованья виноградным мастерамъ Разрядъ передаетъ на усмотрѣніе приказа Большого Дворца 24 марта 1665 г.; въ разрядномъ производствѣ не сохранилось свѣдѣній о рѣшеніи, состоявшемся въ Большомъ Дворцѣ.

О томъ, какъ оплачивались труды первыхъ чугуевскихъ виноградарей, мы узнаемъ изъ выписи, составленной въ Разрядѣ въ февралѣ 1667 г. по поводу челобитья старцевъ Ананьи и Іосифа.

«Мы богомольцы твои—говорятъ старцы, обращаясь къ царю —.... тотъ твой виноградной садъ насадили и все, что годно, строимъ, а къ тому строенью годно деревяннаго масла и тово масла намъ въ Чугуевѣ воевода не даетъ, а намъ, богомольцомъ твоимъ, на одежду и на всякую потребу ничего не указано, а одеждею и обувью и всемъ оскудали: свое, что было, приносили, издержали. Милосердый царь, государь... пожалуй богомольцевъ своихъ, вели, государь, къ тому садовому строенью дать пудъ деревяннаго масла, а намъ, богомольцомъ своимъ на одежду и на обувь и на всякую нужную потребу денежное жалованье».

Старецъ Ананья, пріѣхавшій въ Москву съ этой челобитной, на допросѣ въ Разрядѣ показалъ между прочимъ, что въ Чугуевѣ выдается жалованье ему «Ананьѣ по 2 алтына, по 2 деньги, товарыщу ево по 10 денегъ на день («и всего—приписано на поляхъ—имъ на годъ Ананьѣ 25 руб. 18 алт. 2 деньги, Іосифу 18 руб. 8 алт. 2 деньги»), да имъ же вопчѣ обѣимъ по чети ржи, овса тожъ, да по полуосминѣ

пшеницы, да крупъ гречныхъ тожъ на мѣсяцъ, да по 2 пуда соли на годъ, а даютъ имъ то государево жалованье по отпискѣ изъ Бѣлагорода боярина и воеводъ и съ того числа, съ котораго они пріѣхали изъ Кіева въ Чугуевъ».

Какъ видно, вознагражденіе старцевъ было гораздо больше вознагражденія арбузныхъ садовниковъ. Правительство съ большой заботливостью относится къ нимъ: для жилья имъ была построена келья на «виноградномъ огородѣ». Ихъ просьбы удовлетворяются: «великій государь пожаловалъ—читаемъ мы помѣту отъ 22 февраля 1667 г.—велѣлъ имъ масло дать изъ Разряду, да имъ же дать на платье по 10 рублевъ».

Объ этомъ послана для вѣдома грамота въ Бѣлгородъ къ окольн. кн. Юр. Никит. Борятинскому.

Такая щедрость, повидимому, нѣсколько озадачила Бѣлгородскаго воеводу: когда старцы послали ему въ 1668 г. челобитную о выдачѣ имъ мѣсячнаго хлѣбнаго и денежнаго жалованья «противъ прежняго», то кн. Юр. Борятинскій обратился въ Разрядъ съ запросомъ относительно выданныхъ старцамъ въ Москвѣ 20-ти руб. «на платье ли или имъ дано на годъ и впредь кормовыя деньги и хлѣбъ давать ли и почему». На что и получилось разъясненіе: «велѣть давать поденного корму и хлѣбъ по прежнему, а они бъ виноградъ заводили со всякимъ радѣньемъ, а на Москвѣ дано имъ на платье».

Устроивъ въ Чугуевѣ виноградники и обучивъ уходу за ними своихъ учениковъ, старцы оставили Чугуевъ. Одинъ изъ нихъ—Ананья Куликовскій—осенью 1670 года подалъ челобитную; описавъ въ ней всѣ свои труды по устройству виноградниковъ, онъ проситъ государя пожаловать его за его работу «за виноградный садъ» «чѣмъ великого государя Богъ извѣститъ и отпустить его изъ Чугуева въ Кіевъ», «а которыхъ, государь я учениковъ—прибавляетъ старецъ—научилъ и тѣ ученики тому виноградному саду мастеры».

Спрошенный въ Разрядѣ «у выписки» старецъ Ананья сказалъ, «что онъ у виноградного строю одинъ, а товарищъ его старецъ Іосифъ (Митковскій) взятъ въ Бѣлгородъ къ митрополиту Бѣлгородскому и Обоянскому тому нынѣ 3-й годъ, да у него жъ де Ананьи товарищи-ученики, чугуевцы разныхъ чиновъ: Ѳедька Ситниковъ съ товарыщи, 5 человѣкъ и тѣмъ де его ученикамъ виноградное строенье по его ученью за обычай, а ему за старостью у того дѣла быть немочно сказалъ себѣ 90 лѣтъ». Государь пожаловалъ, велѣлъ отпустить въ Кіевъ старца Ананью «для его старости, «будетъ онъ виноградному строенью учениковъ выучилъ и тѣ люди тому дѣлу обычны и безъ того старца у нихъ

то виноградное строенье не станетъ». Старцу велѣно дать листъ къ митрополиту, а за работу «рублевъ 10 или больши изъ таможенныхъ доходовъ».

Положеніе старцевъ—первыхъ виноградарей, было совершенно особое: принадлежность къ духовному званію давала имъ право на нѣкоторый почетъ; кромѣ того они явились въ Чугуевъ изъ Кіева, какъ спеціалисты новой отрасли казеннаго хозяйства и въ качествѣ учителей должны были передать свои знанія ученикамъ—будущимъ продолжателямъ ихъ дѣла.

Отсюда повышенные оклады и заботливость центральнаго правительства объ удовлетвореніи ихъ нуждъ.

III.

Съ прекращеніемъ дѣятельности старцевъ выступаютъ на сцену ихъ ученики—5 человѣкъ чугуевцевъ всякихъ чиновъ, людей не выдающихся изъ общей массы мелкихъ служилыхъ людей Бѣлгородскаго полка (по прибору) и, если ихъ трудъ, какъ увидимъ ниже, вознаграждался нѣсколько лучше, чѣмъ трудъ арбузныхъ садовниковъ, то это произошло отъ того, что они стояли у новаго въ данной мѣстности дѣла, которое знали только они одни, благодаря наукѣ старцевъ.

Разсмотримъ подробнѣе матерьяльное положеніе виноградныхъ садовниковъ, какъ оно рисуется въ разрядныхъ документахъ и попутно коснемся фактовъ, выясняющихъ ихъ служебное положеніе, которое въ общемъ не отличалось отъ знакомаго уже намъ положенія «арбузниковъ».

Являясь каждый годъ осенью въ Москву съ плодами, виноградари также, какъ и арбузные садовники, подаютъ въ Разрядъ челобитныя о выдачѣ имъ жалованья, а также о различныхъ своихъ нуждахъ.

Въ первый же пріѣздъ послѣ отпуска въ Кіевъ старца Ананьи, ученики его Өедоръ Ситниковъ съ товарищи, 5 человѣкъ, подали осенью 1671 г. челобитную о выдачѣ жалованья, такъ разъясняютъ «у выписки» свое положеніе: «Пашенные де земли за ними есть отъ виноградного огорода въ дальнихъ мѣстехъ, верстъ по 10 и больши, за тремя человѣками по 20 чети за человѣкомъ, а за двемя человѣками по 6 чети за человѣкомъ, а хотя-бы де тѣ ихъ пашенныя земли были и въ близости и имъ де за винограднымъ строеньемъ пахать некогда, потому въ которое де время земли пашутъ и хлѣбъ сѣютъ, а они де виноградники въ то жъ время и во все лѣто строятъ виноградъ безотходно и, будучи де они у того строенья, оскудали и одолжали и платьемъ обносились и помираютъ голодомъ, а безъ государева безъ хлѣбнаго и безъ денежнаго

жалованья нынѣ имъ и впредь безъ того быть немочно». Такіе же мелкіе помѣщики, какъ и арбузные садовники, чугуевскіе виноградари бьютъ челомъ о деньгахъ и хлѣбѣ, ссылаясь на то, что имъ нѣтъ времени обрабатывать свои земли вслѣдствіе работъ на государевыхъ виноградникахъ.

«Государь пожаловалъ, говорится въ помѣтѣ по ихъ челобитью— велѣлъ чугуевцамъ винограднаго заводу мастерамъ Ѳедькѣ Ситникову, Сенькѣ Борисову за ихъ работу дать на Москвѣ изъ Разряду по 3 руб. человѣку, да съ Казеннаго двора по сукну, а къ боярину послать государеву грамоту велѣть товарищамъ ихъ въ Чугуевѣ дать въ приказъ по 2 рубли человѣку, да имъ же всѣмъ учинить денежные и хлѣбные оклады по его разсмотрѣнью, а помѣстную отъ ихъ землю взять на государя и отдать челобитчикамъ безпомѣстнымъ». Такимъ образомъ оклады ставятся въ зависимость отъ усмотрѣнія главнаго воеводы Бѣлгородскаго полка, а помѣстная земля отбирается, какъ ненужная.

Въ 1674 г. число виноградныхъ садовниковъ въ Чугуевѣ увеличивается до 8 человѣкъ: вслѣдствіе расширенія виноградниковъ и высылки двоихъ садовниковъ въ Богородицкой «съ виноградными лозами для заводу» чугуевскій воевода думный дворянинъ Ѳедоръ Соковнинъ по челобитью садовниковъ велѣлъ [1]), «для работы съ ними быть чугуевцомъ же 5-ти человѣкомъ». «И по той отпискѣ —говорится въ разрядной выписи— на виноградномъ огородѣ садовниковъ опричь тѣхъ, которымъ велѣно быть изъ Чугуева въ Богородицкомъ, нынѣ 8 человѣкъ».

Въ этомъ же 1674 г. 19 ноября состоялся указъ о расширеніи виноградниковъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ предписываетъ: «а для работы къ прежнимъ работникомъ въ прибавку прибавить работниковъ, кому бъ та работа была за обычей, *городовые службы*, изъ какихъ людей и сколько человѣкъ пригоже, а Бѣлгородцкого полку изъ полковые службы никакихъ людей къ тому дѣлу не имать и которые люди городовой службы къ тому дѣлу будутъ выбраны и тѣмъ людемъ, опричь той работы, городовой службы никакой не служить и въ посылки ихъ никуды не посылать, а лишнихъ людей къ тому дѣлу отнюдь не имать, чтобъ никто у того дѣла безъ дѣла даромъ не былъ».

Льготы по службѣ, предоставленныя садовникамъ этимъ указомъ, были распространены 31 мая 1675 г. на ихъ ближайшихъ родственниковъ— «ихъ дѣтей и братей» [2]).

---

[1]) Нѣсколько необычная самостоятельность для воеводы: «онъ велѣлъ быть», а не обратился въ Разрядъ, какъ обыкновенно, съ запросомъ: «и о томъ что ты великій государь укажешь».

[2]) Память изъ приказа Большого Дворца.

Передавъ на усмотрѣніе боярина и воеводы Бѣлгородскаго полка размѣры денежнаго оклада, Разрядъ выдаетъ деньги и сукна «въ приказъ» садовникамъ, пріѣзжающимъ въ Москву; такъ, въ ноябрѣ 1674 г. по челобитью Ѳедьки Ситникова и Васьки Кренева «государь пожаловалъ, велѣлъ имъ дать своего государева жалованья въ приказъ, Ѳедькѣ Ситникову 10 рублевъ денегъ, сукно кармазинъ, а товарищу его Васькѣ 5 рублевъ, да сукно доброе».

Такъ какъ жалованье «въ приказъ» получаютъ только садовники пріѣхавшіе въ Москву, то вѣроятно много охотниковъ было провожать изъ Чугуева транспорты съ виноградомъ, по крайней мѣрѣ въ слѣдующіе годы мы видимъ въ Разрядѣ садовниковъ все въ большемъ числѣ, что наконецъ обратитъ на себя вниманіе правительства.

Осенью 1675 г. бьютъ челомъ о жалованьѣ 4 человѣка, при чемъ по допросу въ Разрядѣ они даютъ интересное показаніе: «Государева годового жалованья въ Чугуевѣ даютъ ихъ братьѣ садовникомъ только 2 человѣкомъ: Ѳедькѣ Ситникову да Емелькѣ Веретехину денегъ по 5 рублевъ, да хлѣба ржи и овса—всего по 22 чети на годъ, а имъ де остальнымъ 15 человѣкомъ государева денежного и хлѣбного жалованья ничего нѣтъ». Изъ этой сказки видно, что годовымъ окладомъ пользовались только 2 садовника (вѣроятно по усмотрѣнію главнаго воеводы Бѣлгородскаго полка), и что въ 1675 г. на виноградникахъ числилось уже 17 человѣкъ.

Въ слѣдующемъ году число виноградныхъ садовниковъ увеличивается еще однимъ: согласно памяти изъ приказа Большого Дворца отъ 20 января 1676 г., посланъ изъ Москвы въ Чугуевъ «для строенья великаго государя садовъ на житье съ женою и дѣтьми» астраханецъ Гришка Давыдовъ, при чемъ по государеву указу велѣно «ему у виноградпаго заводу быть съ прежними садовники вмѣстѣ, а государева жалованья давать ему съ того, какъ въ Чугуевъ пріѣдетъ, кормовыхъ денегъ по 10 денегъ на день помѣсячно изъ таможенныхъ и изъ кабацкихъ доходовъ, да ему жъ давать хлѣбныхъ запасовъ на годъ: ржи по шти чети, овса по тому жъ въ московскую въ таможенную мѣру, да ему жъ дать выморочный или иной какой пустой дворъ, гдѣ пригоже, или подъ дворъ земли, гдѣ пристойно, чтобъ отъ виноградныхъ садовъ неподалеку и дать ему отъ Москвы до Чугуева ямскія подводы, а прогонныя деньги дать изъ Разряду, да ему жъ дать въ зачетъ кормовыхъ денегъ на подъемъ 2 рубли изъ Разряду жъ съ роспискою»[1]).

[1]) Въ памяти изъ приказа Большого Дворца въ Разрядъ говорится: «великого Государя годового денежного и хлѣбного жалованья учинить ему по разсмотрѣнію и давать въ Чугуевѣ изъ тамошнихъ доходовъ». Очень интересно слѣдующее показаніе, данное Гр.

Такимъ образомъ по окладу денежнаго жалованья Гр. Давыдовъ былъ поставленъ выше Ѳед. Ситникова и Емел. Веретехина, которые, какъ мы знаемъ, получали только по 5 руб. на годъ. Окладъ астраханца былъ сравненъ съ окладомъ, который былъ назначенъ старцу Іосифу Мишковскому. Почему Гр. Давыдовъ посланъ былъ изъ Москвы въ Чугуевъ, въ документахъ нѣтъ свѣдѣній.

Осенью 1666 г. Ѳ. Ситникову дано въ Москвѣ въ приказѣ денегъ 3 р., да сукно доброе, другому садовнику—денегъ 2 р., да сукно (деньги изъ Разряда, а сукно изъ Казеннаго приказа).

Такое жаловье по 2 р. денегъ и по сукну выдано 2-мъ садовникамъ въ слѣдующемъ году.

Въ 1678 г. Чугуевскіе виноградники были подѣлены между садовниками Сем. Борисовымъ, Влас. Топинымъ и Григ. Астраханцемъ съ одной стороны и Ѳед. Ситниковымъ съ другой. Поводомъ для такого раздѣла послужило то обстоятельство, что Борисовъ и Топинъ съ дѣтьми «обыскали вновь мѣсто», развели на немъ виноградникъ и не хотѣли пускать въ свое хозяйство стараго садовника Ѳед. Ситникова, съ которымъ у нихъ «безпрестанная ссора, а въ той ссорѣ садовому строенью чинитца поруха».

Въ памяти отъ 11 марта въ Разрядъ изъ приказа Большого Дворца, куда подано было челобитье садовниковъ говорится: «Великій Государь... указалъ въ Чугуевѣ садовниковъ Сеньку Борисова съ товарищи, виноградные сады и новоприборныхъ садовниковъ раздѣлить пополамъ». Къ этому времени, какъ видно изъ памяти, на виноградномъ саду и на 2-хъ огородахъ числится старыхъ и новыхъ садовниковъ 25 человѣкъ.

По отчету Чугуевскаго воеводы Ив. Рыхторова, присланному въ Разрядъ въ томъ же 1678 г. числится на виноградныхъ садахъ 26 садовниковъ[1]).

Давыдовымъ въ Разрядѣ: «Въ прошлыхъ годахъ со 175 году, какъ по указу великого Государя взятъ онъ изъ Астрахани изъ стрѣльцовъ къ Москвѣ для виноградного заводу и на Москвѣ де изъ приказу великого Государя Тайныхъ Дѣлъ дано ему изъ Государева жалованья 5 рублевъ, да сукно вишнево цѣною въ 4 рубли, да киндякъ, да сафьянъ. А какъ учалъ онъ быть въ селѣ Ивановскомъ и заводить деревья тутъ, отъ чего бываетъ шелкъ и въ то время учиненъ ему кормъ и давано по вся дни: изъ приказу Тайныхъ дѣлъ по 10 денегъ на день, да съ дворцовъ: съ Хлѣбного по хлѣбу да по калачу, да съ Кормового по звену рыбы, съ Сытного вина по 4 чарки, пива по 2 кружки, меду по кружкѣ въ день. Да на Свѣтлое Христово Воскресеніе и на всю святую недѣлю по полу ведру вина. А товарыщу де его астраханцу жъ Ѳедькѣ Черемисину который изъ Астрахани взятъ былъ къ Москвѣ съ нимъ вмѣстѣ для заводу винограду было въ селѣ Измайловѣ Государево жалованье изъ приказу жъ его Государевыхъ Тайныхъ Дѣлъ въ приказѣ 5 рублевъ и сукно, и киндякъ, и сафьянъ дано же и поденчой денежной кормъ изъ дворцовъ все давано противъ того жъ, какъ и ему Гришкѣ давано выше сего».

[1]) См. *И. Н. Миклашевскій*. Къ истор. хоз. быта Моск. гос., стр. 236. и 4 т. Описаній документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. Арх. М. Ю., статья *Н. Н. Оглоблина*, стр. 371—373.

Въ сентябрѣ 1678 г. четверымъ садовникамъ, пріѣхавшимъ въ Москву съ виноградомъ дано «въ приказъ за виноградный привозъ и за строенье садовъ вновь Ѳедькѣ Горбунову, Гришкѣ Астраханцу денегъ по 3 руб., да по портищу сукна полукармазиноваго, Ерошкѣ Мальцову, Пиминку Нестерову денегъ по 2 рубля, по сукну по доброму изъ Разряду... да ихъ на отпускъ съ дворцовъ накормить и напоить до сытости».

Нѣсколько позднѣе, въ октябрѣ, дано изъ Разряда жалованье Ѳед. Ситникову съ товарищи 4-мъ человѣкамъ, пріѣхавшимъ въ Москву съ позднимъ виноградомъ, «въ приказѣ всѣмъ по 3 руб. человѣку... то имъ и за сукна, да Ѳедькѣ Ситникову дать портище сукна изъ тѣхъ суконъ, которыя есть въ Разрядѣ». Такимъ образомъ Ситниковъ, какъ завѣдующій одной половиной виноградниковъ, раздѣленныхъ въ этомъ году, получилъ въ придачу сукно.

Такое рѣшеніе заставило другого «винограднаго мастера» Сем. Борисова, пріѣхавшаго въ Москву вмѣстѣ съ Ситниковымъ бить челомъ о выдачѣ сукна и ему. Государь пожаловалъ и его портищемъ сукна «противъ товарищевъ изъ тѣхъ суконъ, которыя въ Разрядѣ».

Изъ этого факта видно, что «виноградные мастеры» зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы не быть униженнымъ одному передъ другимъ. Отношенія между ними были далеко не миролюбивыя: «безпрестанная ссора», отмѣченная вышеприведенной памятью, находитъ отголосокъ въ челобитной, поданной въ Разрядъ Сем. Борисовымъ въ 1678 г. и дающей нѣсколько лишнихъ штриховъ, рисующихъ бытъ Чугуевскихъ садовниковъ: у нихъ были свои огороды за р. Чугуевской и на этой почвѣ разгорается вражда между двумя мастерами. Сем. Борисовъ жалуется, будто Ѳед. Ситниковъ, «завидя», что на его огородѣ родятся хорошія овощи, подалъ воеводѣ сказку о томъ, что огородъ Борисова годится подъ виноградникъ. Вслѣдствіе этого Борисову запрещено пользоваться его огородомъ, у него тамъ «яблоней со ста да и мѣсто не виноградное». Впрочемъ Ѳед. Ситниковъ не разведетъ винограда на его огородѣ—прибавляетъ Борисовъ—потому что «и третій виноградный огородъ стоитъ пустъ». По Государеву указу велѣно произвести въ Чугуевѣ сыскъ и досмотрѣть огородъ со многими градскими «лутчими» людьми и «съ садовники опричъ не друзей» Борисова.

Такъ какъ въ 1677 г. состоялось, какъ мы видѣли, запрещеніе выдавать въ городахъ Бѣлгородскаго полка деньги изъ кабацкихъ и таможенныхъ доходовъ и хлѣбъ изъ житницъ безъ указа и безъ грамотъ, то изъ Разряда по челобитью Ѳед. Ситникова и Емильяна Михалева (онъ же Веретехинъ) послана осенью 1678 г. грамота къ Чугуевскому

воеводѣ о выдачѣ имъ за прошлый годъ назначенныхъ имъ хлѣбнаго и денежнаго окладовъ. Такая же грамота о выдачѣ денегъ и хлѣба, ржи и овса по 8 чети, дана и Астраханцу Гр. Давыдову, при чемъ въ разрядной выписи прибавлено: «а достальные виноградные садовники работаютъ безъ жалованья съ помѣстныхъ своихъ земель, а за иными земель, и денежныхъ и хлѣбныхъ окладовъ нѣтъ».

За періодъ времени съ 1679 по 1700 г. садовники, привозившіе въ Москву виноградъ, получаютъ по своимъ челобитнымъ «за строенье и за привозъ винограда» въ приказъ отъ $1^1/_2$ до 5 р., при чемъ 3, 4, $4^1/_2$ и 5 р. получаютъ «мастера», ихъ же товарищамъ выдается отъ 1 до 3 р.. Вообще съ теченіемъ времени правительство съ большей скупостью выдаетъ денежное жалованье и въ послѣдніе года XVII в. выдачи спускаются до $1^1/_2$ р. При этомъ садовникамъ выдаются однѣ деньги, а неоднократныя челобитья о сукнахъ остаются безъ удовлетворенія, тогда какъ первое время денежная выдача сопровождалась обыкновенно пожалованіемъ суконъ: — простымъ садовникамъ «добрыхъ» а мастерамъ — «полуаглинскихъ» Надо думать, что современемъ стали выдавать деньгами стоимость сукна; по крайней мѣрѣ съ 1684 г. садовникамъ выдаютъ: «за сукна по $1^1/_2$, (по полдва руб.,) по 2 руб. «человѣку». Иногда же въ разрядной помѣтѣ, какъ въ 1685 г., говорится: «государева жалованья въ приказѣ Ѳедькѣ Ситникову 5 р., товарищемъ его по 3 р. съ полтиною человѣку, то имъ и за сукна».

Прибывшіе въ Москву садовники иногда бьютъ челомъ въ Разрядъ о выдачѣ имъ корма, такъ какъ они «живучи на Москвѣ проѣдаются и помираютъ голодною смертью».

Обыкновенно въ отвѣтъ на эту просьбу Разрядъ посылаетъ память въ приказъ Большого Дворца о томъ, чтобы садовниковъ «для ихъ скудости напоить и накормить съ дворцовъ довольно». Иногда Разрядъ заботится объ этомъ самъ по собственной инціативѣ безъ особаго челобитья со стороны заинтересованныхъ лицъ.

Вообще большая или меньшая щедрость въ дачѣ жалованья «за строенье и за привозъ», также какъ и въ отношеніи къ арбузнымъ садовникамъ, опредѣляется обыкновенно количествомъ и качествомъ привозимыхъ въ Москву плодовъ, такъ какъ въ этомъ сказывается по мнѣнію Разряда «радѣніе» садовниковъ къ дѣлу.

Въ 1683 г. и 1684 г. г. привезено въ Москву большое количество винограда и жалованье въ приказъ за эти года выдается въ большемъ размѣрѣ: отъ 3 до 5 р. и сукна «для того, что они, будучи у виноградного строенья, прибыль учинили и винограду къ Москвѣ при-

везли многое число» Въ то же время къ чугуевскому воеводѣ, Гр. Шакловитому, посылають грамоту «съ милостивымъ словомъ, съ похвалою за многую присылку винограда». Напротивъ въ 1688 г. на просьбу о сукнахъ Разрядъ отвѣтилъ отказомъ, такъ какъ винограду въ этомъ году было привезено сравнительно меньше.

Въ 1690 г жалованье въ приказъ выдано только по 1½ р. при чемъ въ помѣтѣ сказано: «для того что они виноградъ привезли свѣжей въ коробахъ весь згнилъ, а въ кадяхъ плохъ и зеленъ».

Такъ какъ большинство чугуевскихъ садовниковъ служило безъ опредѣленнаго оклада—«то имъ и жалованье, что даютъ въ приказъ»,—то, какъ уже было замѣчено, садовники въ возможно большемъ числѣ пріѣзжаютъ въ Москву. Это обстоятельство обращаетъ на себя вниманіе Разряда и въ помѣткѣ 1692 г. о дачѣ жалованья 14-ти пріѣхавшимъ въ Москву садовникамъ говорится: «и сказать имъ виноградчикомъ, чтобъ они впредь пріѣзжали съ тѣмъ виноградомъ по человѣку или по два, а не многіе люди».

Въ слѣдующемъ году Разрядъ высказывается еще болѣе рѣшительно на этотъ счетъ: «а впредь изъ Чугуева виноградниковъ съ виноградомъ присылать по два человѣка, а больше 3-хъ человѣкъ и за большою присылкою виноградною не присылать, а буде прислано будетъ за виноградомъ виноградниковъ сверхъ 3-хъ человѣкъ и тѣмъ лишнимъ людемъ жалованья дачи ничего не будетъ и о томъ въ Чугуевѣ къ воеводѣ послать великихъ государей грамоту».

Сдѣлавъ общій обзоръ фактовъ, въ которыхъ отразился взглядъ Разряда на вознагражденіе садовниковъ за ихъ труды, я позволю себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на отдѣльныхъ документахъ, выясняющихъ ближе перемѣны, происшедшія съ теченіемъ времени въ матеріальномъ положеніи садовниковъ, въ ихъ личномъ составѣ и служебномъ положеніи.

Въ разрядной выписи 1680 г. говорится, что на трехъ виноградныхъ огородахъ состоитъ мастеровъ и ихъ товарищей 24 человѣка «работаютъ (они) съ пашенныхъ земель... только земли нѣтъ.... виноградного саду за тремя человѣки, а годового жалованья имъ не положено, то имъ и дача, что давано въ приказъ».

Трудно съ точностью сказать, относится ли это замѣчаніе о жалованьѣ къ Ѳед. Ситникову и Емил. Веретехину. Мы знаемъ, что эти два садовника пользовались хлѣбнымъ и денежнымъ окладами; знаемъ, что въ 1678 г. по ихъ челобитной имъ велѣно выдать жалованье за 1677 г. и однако въ 1681 г. Ѳедоръ Ситниковъ бьетъ челомъ за себя и за сво-

его товарища о выдачѣ хлѣбнаго и денежнаго оклада, за прошлые 1678, 1679, 1680 и на 1681 г.г.

Въ 1683 г. Ситниковъ подаетъ въ Разрядъ челобитную, въ которой проситъ взамѣнъ хлѣбнаго и денежнаго жалованья, котораго ему уже 6-ой годъ не выдаютъ, дозволить ему «владѣть вопче» сѣнными покосами за «Сиверскимъ Донцомъ» по рѣчкѣ Таганкѣ, отданнымъ чугуевцамъ, дѣтямъ боярскимъ и рейтарамъ, и отвести ему пашенной земли, гдѣ онъ ее вновь пріищетъ [1]).

Такъ какъ «государи пожаловали, велѣли ему изъ тѣхъ сѣнныхъ покосовъ дать дачу противъ дѣтей боярскихъ, а помѣстною землею испомѣстить изъ порожнихъ земель, гдѣ онъ пріищетъ, а въ помѣстье дать ему 30 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ», то надо думать, что дача покосовъ и отводъ земли должны был замѣнить Ѳед. Ситникову хлѣбный и денежный окладъ.

Къ 1680 г. число садовниковъ уменьшилось съ 26 до 24; Сем. Борисовъ въ своей челобитной о прибавкѣ 2-хъ человѣкъ объясняетъ: «Гр. Астраханецъ сошелъ въ Курскъ («для винограднoго жъ заводу», какъ сказано въ разрядной выписи); а Филиппъ Черниковъ сбѣжалъ безвѣстно».

Въ 1682 г., какъ видно изъ сказки садовниковъ, данной въ Разрядѣ «ихъ въ Чугуевѣ на трехъ огородахъ налицо: на 2-хъ огородахъ мастеръ Сенька Борисовъ» и съ нимъ 12 товарищей, на 3-мъ мастеръ Ѳед. Ситниковъ и 11 товарищей—всего 2 мастера и 23 ихъ товарища. Изъ нихъ четверо не имѣли помѣстныхъ земель и не пользовались ни хлѣбнымъ, ни денежнымъ окладами. Хотя эти четверо и подавали челобитныя о назначеніи имъ окладовъ по примѣру Емил. Веретехина и Ѳед. Ситникова, оклады которыхъ (по крайней мѣрѣ послѣдняго) до 1683 г. не были отмѣнены оффиціально, однако изъ документовъ не видно, была ли удовлетворена ихъ просьба.

Въ 1683 г. «государи пожаловали, велѣли Сем. Борисова—по его челобитью [2]) для старости отъ того дѣла отставить».

19 января 1684 г., какъ мы знаемъ уже, состоялся указъ о томъ, чтобы «арбузные сады отставить», при этомъ «у винограднаго строенья

[1]) Ситниковъ говоритъ, что въ прошлыхъ годахъ ему вмѣсто 25 четей помѣстной земли положенъ годовой хлѣбный и денежный окладъ.

[2]) Въ своей челобитной С. Борисовъ пишетъ: «Въ прошлыхъ, государи, годѣхъ служилъ я, холопъ вашъ, по Чугуеву городовую службу многіе годы и въ прошломъ, государи, въ 173 г. взятъ я, холопъ вашъ, въ виноградные садовники и съ того году и по се время работаю я, холопъ вашъ, вамъ, великимъ государямъ въ Чугуевѣ на вашихъ великихъ государей виноградныхъ садѣхъ безотходно и, работая устарѣлъ и сталъ дряхлъ, обезножилъ и глухъ и вашей государскіе, виноградные работы за старостью и за увѣчьемъ работать и изъ Чугуева къ Москвѣ для челобитья объ отставкѣ поволотца стало не въ мочь».

велѣно быть въ прибавку къ прежнимъ виноградным садовникамъ, арбузнымъ садовникомъ всѣмъ».

Такимъ образомъ къ наличнымъ 24 винограднымъ садовникамъ (послѣ отставки Борисова ихъ осталось 24 человѣка) было присоединено еще 6 человѣкъ арбузныхъ садовниковъ.

Этихъ 30 человѣкъ — 2 мастера и 28 товарищей ихъ работаютъ, какъ показали пріѣхавшие въ Москву садовники, на 3-хъ виноградныхъ огородахъ, при чемъ, два огорода, бывшіе прежде въ завѣдываніи Сем. Борисова, отданы мастеру Вас. Черникову.

Въ 1685 г. отставленъ «для его старости» еще одинъ садовникъ — Ѳед. Горбуновъ.

Въ этомъ же году по памяти изъ приказа Большого дворца посланъ изъ Москвы въ Чугуевъ сынъ бывшаго арбузнаго садовника Ст. Смѣнова, Никита, который, какъ мы видѣли, былъ взятъ въ Москву въ сады на Дѣвичьемъ полѣ, но, послѣ отдачи садовъ въ Новодѣвичій монастырь, оставшись не у дѣлъ, билъ челомъ объ отсылкѣ его на родину въ Чугуевъ.

Что касается служебнаго положенія садовниковъ, то льготы, дарованныя имъ указомъ 19 ноября 1674 г. и распространенныя на ихъ родственниковъ, какъ это мы уже видѣли ранѣе, продолжаютъ нарушаться воеводами: въ 1698 г. садовники жалуются на думнаго дворянина и воеводу Вас. Петр. Вердеревскаго, который по разбору 1695 г. написалъ ихъ дѣтей, братьевъ и другихъ родственниковъ въ солдаты и въ городовую службу, и на чугуевскаго воеводу, который требуетъ съ нихъ подводъ, принуждаетъ ихъ копать для себя огороды, всякій овощъ сѣять и капусту садить и заставляетъ исполнять различныя домашнія работы на воеводскомъ дворѣ.

22 октября 1698 г. по этому челобитью состоялось рѣшеніе Разряда, подтвердившее и полнѣе, точнѣе опредѣлившее льготы, данныя садовникамъ указомъ 19 ноября 1674 г. и распространенныя на ихъ родственниковъ согласно памяти изъ приказа Большого Дворца отъ 31 мая 1675 г. [1]).

[1]) «207 г. октября 22 по указу великого государя.... бояринъ Тих. Никитичъ Стрѣшневъ съ товарищи, слушавъ сей выписки, приказалъ: вышеписаннымъ виноградникомъ, Ѳ. Ситникову съ товарищи и дѣтемъ ихъ и свойственникомъ, которыхъ дѣтей и свойственниковъ по переписнымъ книгамъ 205 г. въ службѣ и съ недорослями не написано и тѣмъ ихъ дѣтемъ и свойственникомъ, которые живутъ съ ними въ однихъ домѣхъ, быть съ ними, виноградчики, для строенья того винограду и на огородѣхъ для всякой работы и городьбы, а отъ того дѣла и отъ работы по прежнему государеву указу ихъ никуда на службы и въ посылки и къ инымъ ни къ какимъ дѣламъ ни посылать и городовой службы съ

Къ этому времени, какъ показали въ Разрядѣ челобитчики, на чугуевскихъ виноградникахъ числилось 30 человѣкъ садовниковъ и ихъ дѣтей, братьевъ и свойственниковъ 34—стало быть въ самомъ концѣ XVII в. государевымъ хозяйствомъ занято было въ Чугуевѣ 64 человѣка, что вмѣстѣ съ женщинами и малолѣтними дѣтьми должно составить довольно значительную цифру [1]).

Относительно того, въ какихъ размѣрахъ велось хозяйство на государевыхъ виноградныхъ садахъ въ Чугуевѣ и въ особенности относительно способа веденія хозяйства, въ документахъ сохранились лишь отрывочныя свѣдѣнія такъ, что приведеніе ихъ въ систему и составленіе на основаніи ихъ полнаго очерка казеннаго хозяйства довольно затруднительно.

Изъ отписки кн. Репнина мы узнаемъ, что кіевскіе старцы—винградари привезли съ собой въ Чугуевъ въ 1664 г. «на заводъ, чѣмъ заводить виноградъ» 2200 лозъ. Къ 16 января 1666 г. по ихъ показанію было посажено всего 2300 лозъ.

Осенью 1670 г. старецъ Ананья Куликовскій, прося объ отставкѣ и отпускѣ его обратно въ Кіевъ, подводитъ въ своей челобитной итогъ своимъ работамъ. Обращаясь къ царю, онъ говоритъ: «Взятъ я, богомолецъ твой, изъ Кіева въ Чугуевъ для ради виноградного заводу и изъ Кіева привезъ я, богомолецъ твой, въ Чугуевъ 2200 лозъ, да въ прошломъ, государь, во 176 г. (1667—68) ѣздилъ я, богомолецъ твой, въ Лубны и изъ Лубны привезъ 800 лозъ и того, государь, саду моего заводу многія лозы того винограду позябли, а нынѣ, государь, въ саду того винограду въ остаткѣ 1400 лозъ».

Изъ челобитной учениковъ и преемниковъ кіевскихъ старцевъ, поданной въ Разрядъ осенью 1671 г. о выдачѣ имъ жалованья, мы узнаемъ, что къ этому времени на «виноградномъ заводѣ» было 700 лозъ «родимыхъ», да молодого 1500 лозъ.

чугуевцы, городовыми дѣтьми боярскими, имъ не служить и податей и всякихъ платежей для того виноградного строенья имъ съ чугуевцы не платить, для того что по указу великого государя всякіе подати и платежи велѣно Бѣлгородского полку платить по переписнымъ книгамъ 205 г., а ихъ, виноградчиковъ и дѣтей ихъ и свойственниковъ по тѣмъ переписнымъ книгамъ 205 г. не написано, а которые свойственники ихъ по тѣмъ переписнымъ книгамъ 205 г. написаны и тѣмъ въ тѣхъ чинѣхъ и въ платежахъ быть въ равенствѣ со своею братью, да имъ же, виноградчикомъ, и вышеписаннымъ дѣтемъ ихъ и свойственникомъ на воеводской дворъ сѣна и дровъ не возить и никакой работы и издѣлья на нихъ, воеводъ, имъ не работать и не дѣлать и о томъ имъ въ Чугуевъ къ воеводѣ дать государеву грамоту съ прочетомъ».

[1]) О судьбѣ чугуевскихъ виноградниковъ и приставленныхъ къ нимъ садовниковъ въ XVIII в. см. *Кеппенъ*, О винодѣліи и винной торговлѣ въ Россіи, стр. 66—68 и 224, прил. № 32; *Семевскій*, Очерки изъ исторіи приписныхъ крестьянъ въ XVIII в., (Русская Мысль № 6-й 1901 г., стр. 18).

Въ сентябрѣ 1672 г. виноградные садовники Ѳед. Ситниковъ съ товарищи подали воеводѣ Ѳед. Соковнину сказку, «а въ сказкѣ ихъ написано—доносилъ воевода—приняли они, садовники, у виноградного мастера у Ананьи Куликовскаго дерева орѣхи грецкіе, и сливы, и вишни и тѣ де дерева нынѣ всѣ засохли, да у него жъ, виноградного мастера, старца Ананьи, приняли они, садовники, старой и молодой виноградной лозы 1400 и отъ тѣхъ де виноградныхъ лозъ построили они, садовники, послѣ него, старца Ананьи, вновь на твой государевъ виноградной огородъ 1910 лозъ и всего на виноградномъ огородѣ виноградной лозы старой и молодой 3310 лозъ».

Съ теченіемъ времени виноградники расширяются, хотя документы не даютъ возможности съ точностью учесть это расширеніе; такъ, воевода Ѳед. Соковнинъ въ 1674 г. доноситъ Разряду, что у садовниковъ годъ отъ году работы прибавляются, потому что «они виноградъ вновь въ прибавку садятъ».

Указъ 19 ноября 1674 г., о которомъ уже упоминалось, предписываетъ «въ Чугуевѣ для заводу винограду устроить огородовъ вновь передъ прежнимъ съ прибавкою вдвое, или сколько мочно».

Какъ былъ выполненъ этотъ указъ, въ документахъ нѣтъ свѣдѣній, но въ памяти изъ приказа Большого Дворца въ Разрядъ отъ 11 марта 1678 г., сообщающей, что по челобитью виноградныхъ садовниковъ Сеньки Борисова, Власки Топина и астраханца Гришки—садовника рѣшено, «виноградные сады и новоприборныхъ садовниковъ раздѣлить пополамъ», между прочимъ говорится: «въ прошлыхъ годахъ въ Чугуевѣ виноградный садъ заведенъ, да нынѣ 2 огорода... и Сенька да Власко (садовники) съ дѣтьми своими обыскали вновь мѣсто и насадили для опыта винограду 90 кустовъ и на томъ де мѣстѣ виноградъ принимается лучше прежняго».

Въ упоминавшемся уже отчетѣ воеводы Ив. Рыхторова, присланномъ въ Москву въ 1678 г., говорится, что въ Чугуевѣ было три виноградныхъ сада. Одинъ—самый большой—занималъ площадь равную 6750 кв. с. съ 3570 кустами. Подъ другой—было отведено земли 400 кв. с., на немъ было 1765 кустовъ. Третій садъ ко времени составленія отчета былъ пустъ, такъ какъ виноградная лоза на немъ не принялась [1]).

Замѣчу между прочимъ, что со времени раздѣла между мастерами, виноградники называютъ по именамъ завѣдующихъ ими; увѣдомляя напр.,

---

[1]) См. *Н. Н. Миклашевскій*. Къ исторіи хозяйств. быта Моск. гос., 235—236. *Н. Н. Оглоблинъ*. Описанія, т. 4, стр. 371—373.

объ урожаѣ, воеводы пишутъ: «родилось (винограду) на твоемъ государевѣ виноградномъ огородѣ, что̀ достался по раздѣлу садовнику Ѳедькѣ Ситникову съ товарищи», «что̀ достался по раздѣлу садовникамъ Сенькѣ Борисову съ товарищи». Садовники, пріѣзжающіе въ Москву съ виноградомъ, постоянно указываютъ, что съ ними прислано на государевъ обиходъ винограда столько-то «мастера Сенькина огороду Борисова», столько-то «мастера жъ Ѳедькина огороду Ситникова».

Завѣдующіе сначала назывались виноградными мастерами, а затѣмъ старостами.

Съ теченіемъ времени иные виноградные мастера смѣняютъ прежнихъ и сообщаютъ свои имена виноградникамъ, напр. Вас. Черниковъ и др.

Извѣщая Разрядъ объ урожаѣ 1678 г., чугуевскій воевода Ив. Рыхторовъ пишетъ: «да въ прошломъ во 185 (1677) г. обыскалъ мѣсто, велѣлъ я для опыту посадить вновь 265 кустовъ». Этотъ виноградникъ въ послѣдующихъ отпискахъ такъ и называется: «новый огородъ, что̀ посаженъ въ прошломъ во 185 г.».

Въ разрядной выписи 1680 г. находятся свѣдѣнія о количествѣ кустовъ на чугуевскихъ виноградникахъ: «на одномъ огородѣ, Сеньки Борисова съ товарищи, 2000 кустовъ, на другомъ огородѣ того жъ Сеньки 1700 кустовъ». Числа кустовъ на 3-мъ огородѣ, находившемся въ завѣдываніи Ѳ. Ситникова, почему-то не указано.

Болѣе точныя данныя, опредѣляющія размѣры виноградниковъ, сообщаетъ разрядная выпись 1683 г.; въ ней приведена сказка Ѳед. Ситникова, который указываетъ размѣры всѣхъ трехъ виноградниковъ, а именно, первый виноградникъ его, Ситникова, въ 200 саж. отъ города, въ длину 80, поперекъ 50 саж. (4000 кв. с.); 2-й Сем. Борисова, въ длину 70, въ ширину 60 с. (4200 кв. с.); 3-й—Сем. Борисова, въ длину и поперекъ по 50 саж. (2500 кв. с.).

Съ упраздненіемъ въ 1684 г. арбузныхъ огородовъ велѣно на ихъ мѣстѣ «построить виноградные сады, а буде на тѣхъ огородахъ виноградныхъ кустовъ построить за чѣмъ нельзя и вмѣсто тѣхъ къ прежнимъ виноградымъ огородамъ въ прибавку завесть въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ пристойно, нынѣшніе весны».

Докладывая Разряду объ исполненіи этого рѣшенія, чугуевскій воевода Григ. Шакловитый, сообщаетъ въ своей отпискѣ: «и къ тѣмъ, государи, къ прежнимъ виноградымъ огородомъ въ прибавокъ вновь загорожено: къ большому огороду въ длину и поперекъ по 30 саж., къ меньшему огороду въ длину 50, поперекъ 30 саж. и садовники вино-

градные кусты на тѣхъ новыхъ прибавочныхъ мѣстыхъ садили, а на арбузномъ, государи, на одномъ огородѣ посажено виноградной лозы 2 гряды, потому что арбузной огородъ на низкомъ мѣстѣ и буде на томъ арбузномъ огородѣ, государи, виноградная лоза примется и виноградъ родится и я, холопъ вашъ, на тотъ огородъ виноградным садовникомъ виноградъ заводить велю».

Однако земля изъ-подъ арбузныхъ огородовъ оказалась непригодной для виноградниковъ: по крайней мѣрѣ осенью 1685 г. четверо садовниковъ подали въ Разрядъ челобитную, въ которой, жалуясь, что имъ не дано мѣстъ подъ дворъ и подъ усадьбы и подъ гумна и подъ огороды, просятъ отдать имъ «арбузной ближней огородъ противъ вашего великихъ государей виноградного огороду», такъ какъ виноградъ, посаженный для опыта на томъ огородѣ, «не взялся и то мѣсто негоже и низмяно и нынѣ лежитъ въ пустѣ».

Разрѣшая отдать прежній арбузный огородъ челобитчикамъ, подъ дворъ, Разрядъ дѣлаетъ распоряженіе чугуевскому воеводѣ «вмѣсто арбузныхъ огородовъ къ прежнимъ виноградным огородамъ велѣть завесть виноградные огороды въ иномъ мѣстѣ, гдѣ пристойно».

Такимъ образомъ документы, за исключеніемъ отчета, присланнаго Ив. Рыхторовымъ въ 1678 г. и сказки Ѳед. Ситникова 1683 г. сообщаютъ мало точныхъ и опредѣленныхъ данныхъ, по которымъ можно было бы прослѣдить постепенное расширеніе казеннаго хозяйства на чугуевскихъ виноградникахъ. Изъ приведенныхъ выдержекъ видно, что правительство постоянно хлопочетъ о расширеніи винограднаго заводу, посылаетъ объ этомъ грамоты въ Чугуевъ, но о выполненіи на мѣстѣ этихъ распоряженій сохранилось мало свѣдѣній.

Очень мало находимъ въ документахъ фактовъ, касающихся веденія хозяйства на государевыхъ виноградникахъ: объ этомъ упоминается только случайно, мимоходомъ, вслѣдствіе какихъ-либо обстоятельствъ, часто неимѣющихъ ничего общаго со способомъ веденія хозяйства. Отсутствіе этихъ фактовъ въ разрядномъ производствѣ вполнѣ понятно, такъ какъ Разрядъ не могъ входить въ разсмотрѣніе всѣхъ деталей казеннаго хозяйства, интересуясь больше всего результатами и финансовой стороной.

Какъ уже упоминалось въ очеркѣ объ арбузныхъ огородахъ, центральное правительство заботится о выборѣ подходящей земли и удобныхъ мѣстъ и постоянно рекомендуетъ чугуевскимъ воеводамъ отводить землю «добрую гдѣ бъ виноградъ родился», заводить виноградники въ такихъ мѣстахъ, «гдѣ пристойно».

О происхожденіи виноградныхъ лозъ мы уже знаемъ, что кіевскіе старцы привезли ихъ съ собой изъ Кіева. Кромѣ того часть лозъ привезена была, по словамъ старца Ананьи, изъ Лубенъ..

Размноженіе виноградныхъ кустовъ происходило на счетъ наличныхъ лозъ, отъ которыхъ садовники «строили» новыя лозы.

Что касается сортовъ, то изъ документовъ видно, что виноградъ былъ красный и «бѣлый»; объ этомъ постоянно упоминается въ препроводительныхъ отпискахъ чугуевскихъ воеводъ и въ памятяхъ изъ приказа Большого Дворца о пріемѣ винограда на сытномъ дворцѣ.

По времени созрѣванія виноградъ раздѣлялся на ранній, отправлявшійся изъ Чугуева обыкновенно около конца августа или начала сентября и на поздній, который посылали въ Москву въ половинѣ и иногда даже въ концѣ сентября.

На зиму виноградъ обыкновенно закапывали, чтобы предохранить отъ морозовъ; объ этомъ упоминаютъ сами садовники, такъ осенью 1683 г. они просятъ дать имъ подводы отъ Москвы до Чугуева «чтобъ къ работѣ поспѣть и чтобъ виноградъ закопать успѣть для зимняго времени». Въ подобной же челобитной 1684 г. они говорятъ, что въ Чугуевѣ малолюдно «и строить и работать и загребать винограду на зиму некому».

О времени закапыванія трудно сказать что-либо опредѣленное; съ одной стороны садовники торопятся выѣхать въ первыхъ числахъ октября изъ Москвы въ Чугуевъ, чтобы до зимы закопать виноградъ, стало быть закапыванье производилось поздней осенью; съ другой—мы имѣемъ любопытный извѣтъ старца Іосифа, который, поссорясь, укоряетъ Ананью Куликовскаго за то, что онъ его, Іосифа «не любитъ и отъ того винограду отбиваетъ прочь», а между тѣмъ—доноситъ старецъ Іосифъ -- въ прошломъ 1665 старецъ Ананья «не знаючи по здѣшнему времени закопалъ виноградъ на «Усѣкновеніе честные главы Іоанна Предтечи» и, бывшій въ ту ночь морозъ побилъ 2000 виноградныхъ лозъ, чего не случилось бы, еслибы Ананья послушался его, Іосифа, и закопалъ бы виноградъ поранѣе «о Успеньевѣ дни».

Нужно думать, что закапыванье предохраняло виноградъ отъ зимней стужи, но ранней весной и осенью морозы причиняли страшный вредъ чугуевскимъ виноградникамъ: за время съ 1665 по 1702 г., которое охватывается нашими документами, можно отмѣтить по воеводскимъ отпискамъ приблизительно 24 случая, когда морозы причиняли вредъ виноградникамъ. Заморозки конца апрѣля и начала мая губили иногда не только завязи, но и самыя лозы: воеводы напр., доносятъ: «виноградную молодую лозу и роды и листъ побило морозомъ» (май 1695 г.).

«И тѣмъ морозомъ виноградный ранней роди и лозу побило всю» (май 1697 г.).

Страдали виноградники также отъ осеннихъ морозовъ, которые обыкновенно въ первый половинѣ сентября губили еще недозрѣлый виноградъ.

Случалось, что морозы въ одинъ и тотъ же годъ и весной и осенью вредили виноградникамъ.

Насколько великъ бывалъ вредъ, причиняемый морозомъ, видно напр., изъ донесенія окольн. кн. Ѳед. Льв. Волконскаго: сентябрьскими морозами 1686 г. побило на виноградникахъ 14750 гроздей. А въ 1695 и 1697 «годѣхъ винограду въ присылкѣ не было, для того что тотъ виноградъ морозомъ всѣ грозди ознобило».

Сравнительно гораздо рѣже виноградники страдали отъ градобитія, а именно: 8 іюня 1671 г., 28 іюня 1673 г., 18 іюня 1680 г., 8 мая 1688 г., 30 іюля 1689, 17 іюля 1689 г. и 17 іюня 1701 г.—большая часть случаев падаетъ на іюнь мѣсяцъ.

Въ донесеніяхъ чугуевскихъ воеводъ иногда отмѣчается вредъ, причиняемый виноградникамъ дождемъ, такъ въ 1677 г. Ив. Рыхторовъ доноситъ, что въ августѣ на виноградникахъ «гроздія отъ великихъ дожжовъ не спѣютъ».

Разсмотримъ теперь результаты казеннаго хозяйства на чугуевскихъ виноградникахъ, по скольку они выражаются въ количествѣ плодовъ, посылавшихся въ Москву «на государевъ обиходъ».

Этотъ разсчетъ приходится дѣлать на основаніи препроводительныхъ воеводныхъ отписокъ, памятей, присылавшихся въ Разрядъ изъ приказа Большого Дворца о пріемѣ винограда на сытномъ дворцѣ и разрядныхъ докладныхъ выписей.

Нужно сказать, что точнаго представленія о продуктивности чугуевскихъ виноградниковъ эти документы дать не могутъ, такъ какъ за единицу разсчета принимается въ нихъ величина непостоянная, а именно,— гроздъ, кисть—величина, допускающая значительныя уклоненія отъ среднихъ размѣровъ [1]).

Въ нижеслѣдующихъ строкахъ я постараюсь дать таблицу урожайности чугуевскихъ виноградниковъ по годамъ, при чемъ буду показывать общимъ итогомъ число гроздій, принятыхъ въ приказѣ Большого Дворца, не раздѣляя ихъ на большіе, средніе и малые:

---

[1]) Для достиженія возможной точности, въ приказѣ Большого Дворца со временемъ стали сортировать гроздья, раздѣляя ихъ на большіе, средніе и малые. Съ 1698 г. въ памятяхъ изъ приказа Большого Дворца о пріемѣ постоянно употребляется такое раздѣленіе, напр.: «Принято 550 большихъ, 810 гроздіевъ среднихъ, 710 гроздіевъ малыхъ».

Въ	1669	г.	прислано	въ	Москву	16	гроздій
»	1670	»	»	»	»	403	»
»	1671	»	»	»	»	1503	»
»	1672	»	»	»	»	475	»
»	1673	»	»	»	»	583	»
»	1674	»	»	»	»	810	»
»	1675	»	»	»	»	560	»
»	1676	»	»	»	»	298	»
»	1677	»	»	»	»	255	»
»	1678	»	»	»	»	3551	»
»	1679	»	»	»	»	225	»
»	1680	»	»	»	»	1020	»
»	1681	»	»	»	»	4465	»
»	1682	»	»	»	»	9060	»
»	1683	»	»	»	»	23460	»
»	1684	»	»	»	»	29840	»
»	1685	»	морозомъ и градомъ урожай уничтоженъ.				
»	1686	»	прислано	въ	Москву	7240	гроздій.
»	1687	»	»	»	»	95	»
»	1688	»	»	»	»	3900	»
»	1689	»	»	»	»	22010	»
»	1690	»	»	»	»	6300	»
»	1691	»	»	»	»	220	»
»	1692	»	»	»	»	11750	»
»	1693	»	»	»	»	14340	»
»	1694	»	»	»	»	7580	»
»	1695	»	морозами уничтоженъ весь урожай.				
Въ	1696	г.	прислано	въ	Москву	620	гроздій.
»	1697	»	морозомъ уничтоженъ весь урожай.				
»	1698	»	прислано	въ	Москву	10920	гроздій.
»	1699	»	морозомъ уничтоженъ весь урожай.				
»	1700	»	прислано	въ	Москву	2740	гроздій.
»	1701	»	»	»	»	6950	»

Если не принимать въ разсчетъ урожаевъ 1665 и 1687 г. и предположить, что въ среднемъ вѣсъ одного грозда равенъ $^1/_4$ ф., то получимъ, что продуктивность виноградниковъ колебалась отъ $1^1/_2$ до 200 пуд.

Главной причиной такихъ большихъ колебаній были, какъ мы видѣли, весенніе и осенніе морозы, причинявшіе громадный вредъ виноградникамъ.

Что касается качества доставлявшихся въ Москву плодовъ, то въ большинствѣ случаевъ виноградъ оказывался болѣе или менѣе попорченнымъ. Пересылка на большое разстояніе такого нѣжнаго плода сопряжена была въ то время съ большими затрудненіями. Продолжительность переѣзда по плохимъ дорогамъ, часто при морозѣ, сильно отражалась на качествѣ плодовъ. Виноградъ успѣвалъ загнить въ дорогѣ, испортиться отъ морозовъ и осыпаться съ кистей. Въ памятяхъ изъ приказа Большого Дворца о пріемѣ винограда нерѣдко можно читать такія оговорки: «принято въ коробахъ свѣжева 2140 гроздіевъ, въ томъ числѣ половина гнилова», или принято «всего 3600 гроздіевъ и тѣ гроздіе во многихъ мѣстѣхъ погнили, а достальные 440 гроздіевъ гнилы и осыпались и на обиходъ великихъ государей не годятца»: Какой процентъ гнилого винограда бывалъ иной разъ, можно видѣть изъ памяти отъ 28 октября 1693 г., гдѣ говорится, что виноградъ принятъ сполна «и въ томъ числѣ 2000 свѣжева, 4500 гроздіевъ гнилого», или въ 1701 г. 19 ноября: «Принято того винограду въ коробахъ на Сытной дворецъ 500 гроздей лутчихъ и середнихъ и 2000 гроздей гнилые и битые и въ хоромы подавать не годятца». Ниже мной будетъ указано, какъ затруднительна бывала доставка въ Москву продуктовъ чугуевскаго казеннаго хозяйства, теперь же я укажу, какія принимались мѣры, чтобы въ дорогѣ предохранить виноградъ отъ порчи и отъ морозовъ.

Обыковенно виноградъ укладывали въ коробы и закрывали рогожами и войлоками. Такъ, въ 1671 г. транспортъ съ виноградомъ отправился изъ Бѣлгорода 2 октября; въ Москву слѣдовательно онъ долженъ былъ притти не ранѣе 2-й половины октября; такъ какъ начались морозы, которые усиливались по мѣрѣ передвиженія съ юга на сѣверъ, то садовникъ Ѳед. Ситниковъ, сопровождавшій виноградъ, боясь за его сохранность, оставилъ транспортъ на дорогѣ и поспѣшилъ въ Москву за войлоками. Въ документахъ сохранились слѣды той торопливости, которую вызвало появленіе Ситникова въ Разрядѣ. На черновомъ отрывкѣ памяти въ приказъ Большого Дворца о высылкѣ войлоковъ и рогожъ приписано: «а первой столбецъ писанъ противъ отписки, а черного для поспѣшности не списано». Тутъ же помѣчено: «Для того винограду въ село Лопасню посланъ разрядной подячей Ив. Костоусовъ да садовникъ Ѳедька Ситниковъ, а съ нимъ чѣмъ укутать виноградъ отъ морозовъ 15 войлоковъ, да 10 рогожъ». И все же ни войлоки, ни рогожи не спасли винограда: въ памяти изъ приказа Большого Дворца говорится, что изъ 1503 гроздей только 600 цѣлы, а «достальное гроздіе все гнило».

Чтобы не давать залеживаться въ Чугуевѣ поспѣвшему винограду въ ожиданіи сбора поздняго, послѣдовало распоряженіе о доставкѣ въ Москву винограда нѣсколькими отдѣльными транспортами. Распоряженіе это вошло въ извѣстный уже намъ указъ отъ 19 ноября 1674 г. о расширеніи виноградниковъ. «А въ которомъ году—предписываетъ между прочимъ указъ—и въ которое время виноградъ поспѣетъ и тотъ виноградъ изъ Чугуева прислать къ Москвѣ въ то время, которой въ которое время поспѣетъ, не испустя времени и не дожидаясь послѣдняго винограду, какъ поспѣетъ, хотя въ двѣ или въ три посылки, чтобъ за послѣднимъ виноградомъ первый виноградъ, которой поспѣетъ не истекся и на дорогѣ отъ стыди не позябъ».

Наконецъ, повидимому, найдено было средство сохранять виноградъ, особенно поздній, отправлявшійся въ Москву около половины сентября, отъ порчи въ дорогѣ и отъ морозовъ: его стали «устраивать» въ кади и заливать патокой [1]).

Сначала этотъ способъ сохраненія винограда былъ какъ бы случайностью, опытомъ и практиковался не каждый годъ, но въ 1684 г. 10 сентября приказъ Большого Дворца увѣдомилъ Разрядъ о рѣшеніи, коимъ указывается «присылать къ Москвѣ на Сытный дворецъ изъ Чугуева виноградъ нынѣ и впредь сколько родитца, устроя 2 доли въ патокѣ и треть свѣжего и о томъ изъ Разряда послать грамоту въ Чугуевъ къ воеводѣ».

Очевидно эта мѣра дала хорошіе результаты, на что прямо указываютъ документы, такъ въ своей отпискѣ 1691 г. бояр. Бор. Шереметьевъ говоритъ, что нынѣ ему велѣно присылать свѣжій «непаточной» виноградъ «безъ матчанія», а паточный присылать послѣ «для того что въ патокѣ винограду никакіе порухи не чинится и всегда въ присылкѣ бываетъ въ цѣлости, а свѣжего никогда въ цѣлости не привозятъ».

Медъ для патоки доставлялся въ Чугуевъ изъ Бѣлгорода, гдѣ онъ собирался съ «отписныхъ» пасѣкъ и съ оброчниковъ (съ оброчныхъ угодій [2]).

---

[1]) „Для того, чтобъ ему, винограду, отъ заморозовъ порухи не учинилось", объясняетъ бояр. кн. Мих. Андр. Голицынъ.

[2]) Самое большое количество меду, отмѣченное мною въ документахъ, было употреблено въ 1686 г., именно бояр. кн. Мих. Андр. Голицынъ пишетъ, что изъ присланнаго въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Курскъ изъ Чугуева свѣжаго винограда, онъ велѣлъ устроить 2 доли въ патоку, для чего распорядился купить медъ въ Курскѣ, такъ какъ въ Бѣлгородѣ онъ сбирается въ октябрѣ и ноябрѣ „а меду куплено въ Курскѣ въ ряду и положено въ виноградъ, въ двѣ доли, въ 6126 гродей 75 пудовъ, а дано по 25 алтына за пудъ, да взято съ Курской таможни и съ кабака 15 пудовъ съ деревомъ и съ того меду вышло перепускной чистой патоки 9 пудовъ 25 гривенокъ и всего чистой перепускной патоки положено въ тотъ виноградъ 84 пуда 25 гривенокъ"; медъ же, собранный съ отписныхъ пасѣкъ и съ оброчныхъ угодій, бояринъ велѣлъ взять въ Курскъ и продать взамѣнъ Государевой денежной казны, употребленной на покупку. Въ другіе года меду употреблено было меньше, именно отъ 16 до 60 пудовъ.

Такъ какъ Чугуевскій виноградъ по дорогѣ въ Москву долженъ былъ слѣдовать черезъ Бѣлгородъ и Курскъ, то впослѣдствіи поздній виноградъ стали укладывать въ кади съ патокой въ Бѣлгородѣ, а иногда въ Курскѣ, чтобы избѣжать пересылки меда въ Чугуевъ.

Однако и «паточной» виноградъ не всегда годился на Государевъ обиходъ; вѣроятно, боясь осеннихъ морозовъ, садовники собирали плоды недозрѣлыми и тѣмъ ухудшали ихъ качество. 10 ноября 1690 г. приказъ Большого Дворца увѣдомляетъ Разрядъ: «Тотъ виноградъ на ихъ Государской обиходъ на сытномъ дворцѣ принятъ и въ томъ числѣ свѣжей виноградъ, что въ коробахъ, принятъ безъ щету, потому что весь згнилъ, щитать нельзя и не въ какой расходъ не годитца, а въ кадяхъ плохъ, потому что зеленъ».

Вѣроятно затруднительность доставки винограда въ свѣжемъ видѣ заставила сдѣлать пробу утилизаціи его на мѣстѣ для приготовленія вина.

Наши документы даютъ мало свѣдѣнія по вопросу о винодѣліи въ XVII в., но изъ нихъ все же можно сдѣлать заключеніе, что результаты опыта были не совсѣмъ удачны.

Первыя извѣстія о винодѣліи относятся къ 1672 г., а именно чугуевскій воевода Ѳедоръ Соковнинъ, донося, что «въ прошломъ во 180 г. (1672) родилось на виноградномъ огородѣ 475 гроздіевъ, да мелкого недозрѣлого винограду 10 гривенокъ—пишетъ—да изъ того недозрѣлого мелкого винограду твои Государевы виноградные садовники Ѳед. Ситниковъ съ товарищи выбили вина и то вино кисло и бѣло, потому, Государь, что виноградъ мелкой, недозрѣлъ, а садовники мнѣ, холопу твоему сказали, что изъ зрѣлого винограду вино румяное и лутчи будетъ и я, холопъ твой, великого Гусударя виноградъ устроя, на чугуевскихъ на пяти подводахъ и мелкой, недозрѣлой виноградъ и вино запечатавъ, послалъ къ тебѣ, великому Государю».

Опытъ приготовленія вина не возобновлялся до 1676 г. Въ этомъ году чугуевскій воевода Осипъ Тухачевскій, пріславъ осенью небольшое количество винограда, увѣдомилъ Разрядъ, что сентябрьскіе морозы мѣшаютъ вызрѣванію плодовъ и что ихъ никакъ нельзя уберечь отъ порчи. 9 Октября послана къ воеводѣ Государева грамота съ повелѣніемъ изъ оставшагося въ Чугуевѣ зеленаго, недозрѣлаго винограда «сдѣлать вина, сколько можно и то вино все для опыту и впредь для вѣдома, каково изъ того виноградного гроздія будетъ, а весть съ великимъ береженьемъ, чтобъ не переморозить».

Черезъ 2 мѣсяца, а именно 5 декабря 1676 г., Осипъ Тухачевскій прислалъ изъ Чугуева три ведра вина, приготовленнаго для опыта изъ

недозрѣлаго винограда. Насколько былъ удаченъ этотъ второй опытъ, изъ документовъ не видно.

Въ 1678 г. Иванъ Рыхторовъ прислалъ въ Москву $6^{3}/_{4}$ ведеръ вина, на приготовленіе котораго былъ употребленъ, какъ и въ первыхъ случаяхъ, недозрѣлый виноградъ.

Осенью 1682 г. садовники вмѣстѣ съ виноградомъ привезли въ трехъ бочкахъ 11 ведеръ краснаго церковнаго вина (изъ документовъ не видно, всѣ ли три бочки были съ церковнымъ виномъ), однако оно дошло до Москвы въ плохомъ состояніи: въ памяти изъ приказа Большого Дворца говорится: «по указу великихъ государей.... и по письму степеннаго ключника Серг. Бохина тотъ виноградъ и вино церковное у чугуевцевъ—виноградныхъ садовниковъ... на сытной дворецъ приняты сполна, а свѣжей виноградъ гнилъ, на сытной дворецъ не годитца, а вино въ одной бочкѣ густо, что дрожди».

Вотъ все, что можно сообщить объ опытѣ приготовленія вина изъ чугуевскаго винограда; возобновляли ли этотъ опытъ впослѣдствіи, объ этомъ нѣтъ извѣстій.

Въ документахъ, знакомящихъ насъ съ ходомъ казеннаго хозяйства на чугуевскихъ виноградникахъ мы находимъ нѣкоторые намеки на то, что центральное правительство стремилось къ разведенію винограда и въ другихъ мѣстахъ, для чего пользовалось услугами чугуевскихъ садовниковъ.

Мною уже было указано, что въ 1674 г. пришлось увеличить число садовниковъ, такъ какъ двое изъ нихъ были посланы въ Богородицкой [1]) «для строенія виноградныхъ садовъ».

Осенью 1675 г. прислана была въ Разрядъ изъ приказа Большого Дворца память, въ которой говорится, что государь «указалъ въ Чугуевѣ въ своемъ государевомъ дворцовомъ виноградномъ саду нарѣзать 2000 виноградныхъ лозъ и тѣ лозы, построя прислать къ Москвѣ нынѣшнею осенью до заморозовъ, не замотчавъ, съ великимъ береженьемъ, а для строенья виноградныхъ лозъ посланъ въ Чугуевъ изъ приказа Большого Дворца Чугуева жъ города, его, государева, дворцового саду садовникъ старецъ Іосифъ, а что къ тому строенью понадобитца имать ему, Іосифу, въ Чугуевѣ у воеводы и о томъ въ Чугуевъ послать свою великаго государя грамоту изъ Разряду съ нимъ же Іосифомъ».

Повидомому попытки разведенія винограда въ Москвѣ и въ близь лежащемъ селѣ Измайловѣ дѣлались и ранѣе, что видно изъ приведенной мною выше разрядной выписи о посылкѣ въ Чугуевъ Гр. Давыдова,

[1]) Нынѣ Богородицкъ, уѣздн. г. Тульской губ.

который съ товарищемъ Ѳед. Черемисинымъ былъ взятъ въ Москву «для винограднаго заводу» въ 1667 г.

Отмѣчено было также, что этотъ самый Гр. Давыдовъ около 1680 г. былъ взятъ изъ Чугуева въ Курскъ для устройства виноградниковъ.

IV.

Разсмотримъ, какъ отражалось чугуевское дворцовое хозяйство-разведеніе арбузовъ и винограда—на мѣстныхъ жителяхъ, какія новыя тягости и повинности налагало оно на нихъ помимо ихъ обычной службы.

Въ теченіе перваго года существованія арбузныхъ огородовъ всѣ работы, повидимому, исполнялись приставленными къ нимъ садовниками, по крайней мѣрѣ осенью 1661 г., прося о назначеніи имъ годового хлѣбнаго и денежнаго жалованья, они ссылаются на то, что не имѣли времени обрабатывать землю и заготовлять сѣно, такъ какъ «подъ арбузы огороды городили и сѣяли и стрегли все собою, а не городомъ».

Затѣмъ, по мѣрѣ расширенія дѣла, къ работамъ на государевыхъ огородахъ начинаютъ привлекать и мѣстныхъ жителей. Уже черезъ годъ—осенью 1662 г.—предписывается чугуевскому воеводѣ Алекс. Огибалову «для арбузного строенья огородовъ прибавить столько же, что нынѣ устроено и огородить прежніе и новые огороды чугуевцы городовыми и уѣздными и всякими людьми нынѣшніе осени вскорѣ». Объ исполненіи этого повелѣнія доноситъ разряду въ 1664 г. воевода Ив. Беклемишевъ: «и я... тѣ огороды чугуевцы всякихъ чиновъ людьми построилъ вновь, огородилъ дубовымъ тыномъ».

Каждый шагъ въ развитіи казеннаго хозяйства влечетъ за собой призывъ мѣстныхъ жителелей къ работамъ: такъ, осенью 1665 г. арбузные садовники просятъ отвести землю подъ огороды «и тѣ огороды построить тѣми же чугуевцы».

Въ отпискахъ воеводъ о расширеніи дѣла постоянно повторяется фраза о томъ, что они велѣли «новые огороды чугуевцы всякихъ чиновъ людьми построить».

Давая въ 1666 г. отчетъ Разряду о томъ, что сдѣлано для устройства въ Чугуевѣ виноградниковъ, бояр. кн. Бор. Алекс. Репнинъ, находившійся въ то время въ Бѣлгородѣ, пишетъ между прочимъ, что въ прошломъ 1665 г. велѣно было подъ виноградники въ Чугуевѣ «огороды городить дубовымъ тыномъ и винограднымъ мастеромъ поставить келью

чугуевцы градскими всякихъ чиновъ людьми, а на огородѣ для работъ работнымъ людемъ быть безпрестанно изъ градскихъ людей по 5 человѣкъ, да по два человѣка караульщиковъ». Повидимому эти пять человѣкъ, специализировавшись въ садовомъ дѣлѣ, сдѣлались преемниками первыхъ виноградарей—кіевскихъ старцевъ. Наемъ же караульщиковъ остался на обязанности чугуевцовъ всякихъ чиновъ людей, явившись для нихъ новой натуральной повинностью.

Въ 1666 г. кн. Репнинъ, узнавъ, что часть виноградниковъ не огорожена, шлетъ распоряженіе чугуевскому воеводѣ Матв. Офросимову: «тотъ виноградной огородъ огородить тотчасъ съ большимъ поспѣшеніемъ градскими людьми».

Въ отпискѣ кн. Репнина, присланной въ Разрядъ въ 1666 г. упоминается еще объ одной натуральной повинности, вызывавшейся потребностями казеннаго хозяйства, а именно арбузный садовникъ П. Зубковъ—пишетъ Репнинъ—сказалъ ему, что «на покрышку на гряды надобно со всего города съ дву человѣкъ по лубку».

Заготовка кольевъ для виноградниковъ и доставка подводъ для певевозки плодовъ лежали также на обязанности мѣстныхъ жителей.

Какъ они относились къ этимъ новымъ повинностямъ, объ этомъ мы узнаемъ изъ любопытной заручной челобитной [1]), поданной царю осенью 1675 г. чугуевцами всякихъ чиновъ людьми.

Указавъ сколько взято въ полковую службу ихъ «дѣтишекъ, братьевъ и племянниковъ», челобитчики говорятъ: «да въ Чугуевѣ жъ, государь, построили мы холопи твои 2 огорода виноградныхъ, да 2 арбузныхъ, огородили дубовымъ тыномъ и тѣ огороды по вся годы починеваемъ и твой государевъ виноградной садъ стережемъ и виноградъ и арбузы возимъ къ тебѣ, великому государю, къ Москвѣ, да на тѣ твои государевы выноградные огороды мы, холопи твои, всѣмъ городомъ возили по вся годы тысячъ по 20 и больше колья, а на арбузные огороды на кровлю арбузовъ на гряды возили по вся годы лубья, да мы же, холопи твои, по твоему государеву указу строили твои государевы городы отъ Чугуева въ ближнихъ мѣстѣхъ, въ 20 верстахъ, Харьковъ, Змеевъ, Салтовъ по 50-ти человѣкъ, перемѣняючись помѣсечено». Перечисливъ далѣе всѣ лежащія на нихъ повинности и службы, они продолжаютъ: «а въ иныхъ твоихъ государевыхъ украинныхъ городѣхъ твоихъ государевыхъ виноградныхъ и арбузныхъ огородовъ нѣтъ». Ссылаясь на то, что городъ и острогъ въ Чугуевѣ ветхи и что башни погнили, они

[1]) На оборотѣ рукоприкладства соборнаго протопопа и двухъ поповъ (Никольскаго и Рождественскаго) за ихъ прихожанъ.

говорятъ «и за малолюдствомъ строить вновь города намъ, холопямъ твоимъ, и виноградныхъ и арбузныхъ огородовъ невмочь». Въ заключеніе они просятъ государя: «Пожалуй, насъ, холопей своихъ, вели, государь, тѣхъ городовъ (Харькова, Салтова, Зміева) жилецкими людьми свой государевъ городъ Чугуевъ и виноградные и арбузные огороды съ нами, холопами твоими, строить вмѣстѣ, чтобъ намъ, холопамъ твоимъ, передъ иными твоими государевыми городы отъ виноградныхъ и арбузныхъ огородовъ лишней работы не было и за малолюдствомъ въ лѣтнее время пашни не отбыть и въ конецъ не разоритца».

Отвѣтъ на это челобитье послѣдовалъ нескоро: «о томъ великого государя указу въ то число не учинено». Только въ 1677 и 1678 г.г. состоялись довольно уклончивые указы царя Ѳедора Алексѣевича: «городовое строеніе велѣно строить бѣлогородского полку во всѣхъ городѣхъ тѣхъ городовъ всѣмъ людемъ, гдѣ кто живутъ, а въ помочь изъ города въ городъ работниковъ посылать велѣно по разсмотрѣнію, по докладнымъ выписямъ».

Само собой разумѣется, что всѣ работы, вызывавшіяся разведеніемъ арбузовъ и винограда, лежали на обязанности садовниковъ.

Что касается караульной повинности, то первое время она лежала на всѣхъ чугуевцахъ, хотя быть можетъ временно приходилось исполнять ее и садовникамъ, а впослѣдствіи она была возложена исключительно на нихъ.

Такъ какъ мѣстные жители, какъ мы видѣли изъ ихъ челобитной, тяготились выпавшими на ихъ долю новыми повинностями, то естественно, что они старались какъ-нибудь «отбыть» ихъ, отклонить отъ себя ихъ исполненіе.

Въ 1680 г. садовникъ Сем. Борисовъ жалуется: «Виноградного саду нового горожа худа гораздо: свиньи въ садъ продираются и виноградъ портятъ, а напередъ сего по твоему государеву указу тѣ огороды горaживали градскіе люди, да по твоему жъ великого государя указу у того огорода бывало въ лѣто градскихъ по 2 сторожа, послѣ того по одному, а въ нынѣшнемъ году сторожа не было».

Неизвѣстно, какая помѣта состоялась по этой челобитной, но въ 1683 г. виноградные садовники вновь жалуются на мѣстныхъ жителей, которые отказываются исполнять возложенныя на нихъ повинности. Рѣшеніе по этому дѣлу стремится точнѣе распредѣлить между садовниками и служилыми людьми обязанности, вызывавшіяся казеннымъ хозяйствомъ: городьбу починивать и колья возить на виноградники предписывается чугуевцамъ городовой службы всякихъ чиновъ людямъ, «а на огородахъ

виноградныя деревья строить и на сторожѣ быть имъ, садовникомъ, самимъ, потому что у нихъ, садовниковъ и у товарищей ихъ то и служба». Въ этомъ рѣшеніи проглядываетъ желаніе правительства по возможности облегчить повинности, падавшія на мѣстныхъ жителей и возложить ихъ на садовниковъ, число которыхъ съ теченіемъ времени значительно увеличилось.

Одна изъ повинностей, вызывавшихся чугуевскимъ казеннымъ хозяйствомъ, а именно, подводная—захватывала гораздо большій кругъ людей, чѣмъ возка кольевъ на виноградники, устройство ограды или наемъ сторожей; тогда какъ эти послѣднія повинности падали на мѣстныхъ, чугуевскихъ жителей, обязанность доставлять подводы для перевозки въ Москву арбузовъ и винограда распространялась и на жителей попутныхъ городовъ и селеній, такъ какъ по дорогѣ изъ Чугуева до Москвы далеко не вездѣ были ямскія слободы.

Съ приближеніемъ времени сбора плодовъ Разрядъ—по крайней мѣрѣ въ первые года,—стремясь упорядочить отправленіе подводной повинности, предписываетъ чугуевскому воеводѣ «подводы подъ арбузы имать съ городовъ, которые къ Чугуеву близки: съ Харькова, съ Зміева и Чугуевскаго уѣзду, съ салтовскихъ и съ печенѣжскихъ черкасъ». Съ этихъ послѣднихъ собирать подводы, разложивъ на всѣхъ, сколько доведется, а къ приказнымъ въ Харьковъ и въ Зміевъ писать, чтобы они подводы готовили заранѣе съ большимъ радѣніемъ и поспѣшеніемъ, безкорыстно и безъ поноровки и чтобы присылали тѣ подводы съ подводчиками въ Чугуевъ, когда учнутъ собирать арбузы.

На собранныхъ такимъ образомъ подводахъ кладь доставлялась въ Бѣлгородъ, гдѣ на смѣну давали, если было можно, ямскія подводы до Курска.

Воевода, отправляя транспортъ изъ Бѣлгорода, вмѣстѣ съ тѣмъ выдавалъ провожатымъ подорожную [1]), съ указаніемъ числа подводъ, которое должны были доставить воеводы и приказные люди попутныхъ городовъ.

Выдавались ли прогоны за доставку клади отъ Чугуева до Москвы? На это можно найти довольно много указаній въ документахъ, а именно, въ отпискѣ чугуевскаго воеводы Ѳед. Соковнина отъ 1674 г. говорится, что онъ отправилъ 8 подводъ съ арбузами «изъ Чугуева до

[1]) Иногда подорожныя или проѣзжія памяти выдавались чугуевскимъ воеводой. Вотъ города, на которые приходилось ѣхать изъ Чугуева въ Москву, какъ они указаны въ одной изъ подорожныхъ: Чугуевъ—Салтовъ—Бѣлгородъ—Болховой—Карповъ-Обоянь—Курскъ—Орелъ—Мценскъ—Тула—Москва.

Бѣлгорода безъ прогоновъ, а отъ Бѣлгорода до Москвы по твоему великого государя указу и по грамотѣ съ прогоны».

Прогоны онъ далъ въ Чугуевѣ садовнику П. Зубкову съ товарищемъ, взявъ изъ таможенного и изъ кабацкого доходу нынѣшняго 1674 г. 7 руб. 14 алт. 3 деньги.

Очевидно обязанность давать подводы даромъ падала только на мѣстныхъ жителей, такъ какъ, гдѣ только возможно, гдѣ были ямы, тамъ подъ арбузы и виноградъ предписывалось брять ямскія подводы съ платежомъ прогоновъ. Это можно видѣть изъ многихъ документовъ, такъ въ 1675 г. въ августѣ чугуевскій воевода Осипъ Тухачевскій выдаетъ проѣзжую память садовникамъ, гдѣ говоритъ, что посылаетъ въ Москву на государевъ обиходъ арбузы на 10-ти подводахъ отъ Чугуева до Бѣлгорода безъ прогоновъ, «а отъ Бѣлагорода до Москвы съ прогоны», при чемъ въ памяти предписывается «по государеву указу... отъ Бѣлагорода до Курска и до Мценска и до Тулы и до Москвы по ямомъ ямщикомъ, а гдѣ ямовъ нѣтъ безомѣны (?) чей хто ни будь» давать подводы, а за тѣ подводы «имать» съ садовниковъ прогоны.

Въ челобитной, поданной въ Разрядъ осенью 1682 г., арбузные садовники Ѳед. Квасниковъ, да Степ. Зубковъ просятъ возвратить имъ прогоны за переѣздъ отъ Тулы до Мосвкы, заплаченные ими изъ собственныхъ денегъ за 2 ямскихъ подводы 16 алтынъ: при этомъ, какъ оправдательный документъ, представляютъ сказку тульскихъ ямщиковъ въ полученіи денегъ.

Изъ-за прогоновъ между воеводами, ямщиками и садовниками иногда происходили недоразумѣнія и пререканія, влекшія за собой невыгодныя послѣдствія для заинтересованныхъ лицъ.

Напр., въ октябрѣ 1682 г. пришли пѣшкомъ въ Каширу (какъ доносилъ въ Разрядъ воевода Мих. Головинъ) два садовника Алексѣй Копоревъ и Вас. Креневъ съ жалобой на тульскаго воеводу Ив. Мясново, который будто бы не далъ подводъ подъ виноградъ, отказалъ имъ въ отводѣ постоялаго двора и въ дачѣ сторожей.

По показанію садовниковъ, посылаютъ изъ Разряда запросъ къ Ив. Мясново, который объясняетъ, что по грамотѣ изъ Разряда не велѣно гонять ямщиковъ безъ прогоновъ, между тѣмъ по подорожной, данной садовникамъ чугуевскимъ воеводой Неплюевымъ велѣно давать имъ по 36 подводъ до Москвы безъ прогоновъ. Староста тульскаго яма и ямщики, ссылаясь на государеву грамоту, отказались дать имъ подводы безъ прогоновъ. Не далъ денегъ на прогоны безъ государева указа таможенный и кружечнаго двора голова на томъ основаніи, что изъ таможен-

ныхъ и кабацкихъ сборовъ по грамотамъ изъ приказа Большой Казны велѣно давать только гетманскимъ и крымскимъ посланцамъ и гонцамъ и донскимъ казакамъ. Въ съѣзжей же избѣ никакихъ денежныхъ доходовъ нѣтъ и дать прогоны ямщикамъ было не откуда,

По этому дѣлу рѣшено учинить наказанье ямскому старостѣ и его двоимъ товарищамъ «вмѣсто кнута бить батоги нещадно, а у наказанья имъ сказать, что они подъ тотъ виноградъ подводъ не дали воровствомъ своимъ, а тотъ виноградъ на дворовые расходы надобенъ, а ямщикомъ прогонныя бъ деньги даны были на Москвѣ, а если они впредь такъ учинятъ и имъ за то быть въ жестокомъ наказаньѣ и въ ссылкѣ на Терекъ въ стрѣльцы».

Чтобы дать представленіе о томъ, сколько подводъ требовалось для передвиженія въ Москву продуктовъ чугуевскаго казеннаго хозяйства я приведу слѣдующую таблицу [1]):

	Для доставки арбузовъ:	Для доставки винограда:
1665 г.	44	—
1666 »	52	—
1667 »	31	—
1668 »	21	—
1669 »	64	—
1672 »	32	5
1673 »	—	4
1674 »	8	6
1675 »	10	1
1676 »	8	1
1677 »	19	2
1678 »	5	6
1679 »	10	—
1680 »	4	2
1681 »	8	18
1682 »	12	49
1683 »	—	122
1684 »	—	77
1686 »	—	9

[1]) О годахъ, пропущенныхъ въ таблицѣ нѣтъ свѣдѣній въ документахъ. Число подводъ, посылавшихся въ дѣйствительности, можетъ быть болѣе показаннаго въ таблицѣ, потому что воеводы иногда вовсе не упоминаютъ въ препроводительныхъ отпискахъ, сколько подводъ они отправляютъ въ Москву.

	Для доставки арбузовъ:	Для доставки винограда:
1688 »	—	15
1689 »	—	76
1690 »	—	30
1691 г.		—
1692 »		63
1693 »		54
1694 »		42
1698 »		58
1700 »		15
1701 »		42

Какъ видно изъ этой таблицы, доставка въ Москву чугуевскихъ арбузовъ и винограда иногда брала у населенія не мало рабочихъ рукъ и лошадей.

Мимоходомъ укажу, сколько времени требовалось для передвиженія изъ Чугуева до Москвы. Конечно болѣе или менѣе продолжительное пребываніе въ пути находилось въ большой зависимости отъ состоянія погоды и дорогъ, отъ «радѣнія» воеводъ попутныхъ городовъ по заготовкѣ подводъ и т. п. Средняя продолжительность переѣзда, выведенная изъ значительнаго числа данныхъ, должна болѣе или менѣе приближаться къ дѣйствительности.

На проѣзъ изъ Чугуева до Москвы требовалось отъ 14 до 25 дней, въ томъ числѣ отъ Чугуева до Бѣлгорода отъ 2 до 5 дней, отъ Чугуева до Курска отъ 5 до 6 дней, отъ Бѣлгорода до Москвы отъ 12 до 22 дней; отъ Курска до Москвы отъ 10 до 12 дней.

Доставка арбузовъ и винограда въ Москву была нелегка; затрудненія встрѣчались и со стороны ямщиковъ, и состороны воеводъ и приказныхъ людей, которые, несмотря на угрозы царской опалой, нерѣдко отказывали въ своемъ содѣйствіи садовникамъ.

Вотъ напримѣръ, какую жалобу приносятъ садовники осенью 1664 г. на ямщиковъ городовъ Оскола, Ливенъ, Новосиля и Тулы, которые, везя арбузы «дорогою возы нарокомъ валяютъ и арбузы бьютъ и многіе арбузы отъ того ихъ валенья портятца». Когда же имъ за то выговариваютъ— плачутся царю садовники—«насъ, холопей твоихъ, тѣ ямщики бранятъ и бьютъ и грозятъ намъ, холопамъ твоимъ, тѣ ямщики смертнымъ убойствомъ». Поэтому челобитчики просятъ: «Вели, государь, тѣ арбузы принимать въ Чугуевѣ или вели, государь, по тѣ свои государевы арбузы въ Чугуевъ присылать дворянина, потому что намъ, холопамъ твоимъ,

отъ тѣхъ ямщиковъ житья стало отъ нихъ мало и мочи намъ съ ними нестало, а мы, холопи твои, тебѣ, великому государю, работать рады и съ женишками и съ дѣтишками своими. Царь государь смилуйся».

Хотя по этому челобитью и рѣшено «учинить заказъ крѣпкой подъ смертною казнью, чтобъ (ямщики) возили (арбузы) бережно, съ поспѣшеньемъ, однако въ 1671 года садовникамъ приходится снова жаловаться, такъ какъ имъ «стало не вмочь отъ московской повозки, отъ ямщиковъ».

Вѣроятно въ этихъ челобитныхъ краски нѣсколько сгущены, какъ это свойственно XVII в., но нужно думать, что на долю садовниковъ выпадало немало хлопотъ по перевозкѣ въ Москву ихъ клади.

Что со стороны воеводъ садовники также не всегда могли разсчитывать на помощь и содѣйствіе, это видно напримѣръ, изъ того, что въ сентябрѣ 1604 г. понадобилось послать изъ Москвы нарочнаго въ попутные города на встрѣчу транспорту съ арбузами для объявленія воеводамъ и приказнымъ людямъ царскаго указа о дачѣ подводъ садовникамъ, такъ какъ «великому государю учинилось вѣдомо, что (имъ) воеводы и приказные люди подводъ не даютъ и затѣмъ у садовниковъ мотчанье чинится большое».

Иногда нераспорядительность воеводъ осложнялась желаніемъ мѣстныхъ жителей уклониться отъ подводной повинности.

Напримѣръ въ 1701 г. «садовникъ Василій Черниковъ... ноября въ 8 день, пришедъ въ разрядъ, передъ бояриномъ передъ Тих. Никит. Стрѣшневымъ съ товарищи сказалъ: вышеписанной де посланной съ ними виноградъ на 35 подводахъ остановился нынѣ паточной въ кадяхъ на Тулѣ, свѣжей въ коробахъ въ Серпуховѣ, для того что де въ городѣхъ воеводы подводъ имъ не давали многое время и за тѣми де подводами стояли они въ Курску недѣлю, во Мценску полторы, на Тулѣ недѣлю, а въ Серпуховѣ и по се число стоятъ и за тою остановкою свѣжей виноградъ весь попортился, а онъ де Вас. отъ Серпухова къ Москвѣ пришелъ пѣшъ».

На запросъ Разряда мценскій воевода оправдывался тѣмъ, что онъ приготовилъ подводъ сколько нужно, но «виноградчики» нашли, что подводы плохи и ему пришлось посылать за другими въ уѣздъ, «верстъ за сто и больше», что и причинило задержку. Курскій воевода объяснилъ, что не былъ увѣдомленъ во время и подводы не были готовы «за невѣдомостью»; жители же ближайшихъ деревень не дали подводъ и дубьемъ прогнали посланныхъ за ними. Тульскій воевода винилъ ямщиковъ, которые и на этотъ разъ отказались везти кладь безъ прогоновъ и по-

тому онъ принужденъ былъ сбирать подводы съ Тульскихъ уѣздныхъ людей.

Въ виду этого правительство старалось принимать мѣры для облегченія доставки въ Москву арбузовъ и винограда: садовникамъ давались изъ Разряда грамоты «за отворчатой печатью», которыми предписывалось не задерживать ихъ въ попутныхъ городахъ.

О томъ же извѣщали главнаго воеводу Бѣлгородскаго полка, съ тѣмъ, чтобы онъ отъ себя сдѣлалъ распоряженіе о дачѣ садовникамъ подводъ съ провожатыми въ подвѣдомственныхъ ему городахъ.

Преодолѣвъ всѣ трудности пути, садовники должны были послѣ явки въ Разрядѣ сдать на Сытномъ дворѣ привезенные ими плоды. Что пріемъ отъ нихъ этой клади, выдача оправдательныхъ документовъ и пожалованіе «за привозъ» нечужды были «московской волокиты», видно напримѣръ изъ челобитной арбузнаго садовника П. Зубкова, поданной въ Разрядъ въ сентябрѣ 1676 г. Зубковъ объясняетъ, что память о пріемѣ арбузовъ на Сытный дворъ онъ подалъ въ Разрядъ дьяку Петру Ивановичу (Ковелину?). Дьякъ отдалъ ту память подьячимъ «и тѣ подьячіе тое память не сказываютъ—жалуется Зубковъ—а я волочусь многое время», ожидая указа. Зубковъ проситъ велѣть «тѣмъ подьячимъ тое память сыскать, чтобы, волочась, ему не погинуть».

Какія неожиданныя осложненія бывали при пріемѣ плодовъ на Сытномъ дворѣ, видно изъ слѣдующаго случая, относящагося къ 1700 г.

Въ памяти изъ приказа Большого Дворца о пріемѣ винограда въ этомъ году указывается, что садовники «не доплатили» 210 гроздей.

Вслѣдствіе этого «въ Разрядѣ передъ бояринамъ Тих. Никит. Стрѣшневымъ съ товарищи виноградные садовники Сем. Толоконцевъ, Вас. Креневъ допрашиваны, а въ допросѣ сказали: по указу великого государя и по отпискѣ изъ Чугуева стольн. и воеводы Аѳ. Остафьева прислано съ ними къ Москвѣ въ Разрядъ винограду 2740 гроздей и тотъ де виноградъ отосланъ съ ними во дворецъ и во дворцѣ де въ отдачѣ у нихъ не явилося 210 гроздей для того что во время той отдачи у пріему того винограда пришли дворовые люди, человѣкъ съ 20 и больше и стали тотъ виноградъ ѣсть и считали сами врознь и просили де они у нихъ за работу и они де имъ говорили, чтобъ они того винограду не ѣли и примали у нихъ съ рукъ на руки и въ томъ де винаградѣ ихъ обочли, для того принимали и считали у нихъ не съ рукъ на руки, а за работу имъ пріемщикамъ ничего не дали, и въ лицо де изъ нихъ они тѣхъ пріемщиковъ узнаютъ».

Хотя по сыску въ приказѣ Большого Дворца Сем. Толоканцевъ и Вас. Креневъ измѣнили это показаніе въ томъ смыслѣ, что въ Чугуевѣ виноградъ укладывали въ коробы не они сами, а ихъ братья—садовники и что они приняли его безъ повѣрки, тѣмъ не менѣе первое показаніе кажется болѣе правдивымъ: зачѣмъ было садовникамъ выдумывать такую исторію, если бы ничего подобнаго не случилось въ дѣйствительности.

Кромѣ того въ результатѣ сыска никто не былъ наказанъ, такъ какъ рѣшеніе доправить въ будущемъ году на всѣхъ садовникахъ 210 «недоплатныхъ» гроздей нельзя считать наказаніемъ. Не то было бы, конечно, если бы садовники оказались дѣйствительно виновными. Приказъ Большого Дворца, очевидно, замялъ не совсѣмъ пріятное для него дѣло.

Сдавъ привезенные плоды на Сытный дворъ, садовники обращались въ Разрядъ съ челобитными о выдачѣ жалованья. Обыкновенно имъ приходилось ждать рѣшенія 1—3 недѣли, рѣдко долѣе.

Хлопотать въ Разрядѣ о годовомъ жалованьѣ, выдававшемся въ Чугуевѣ, садовники иногда поручали другимъ лицамъ, напр. въ 1667 г. грамота къ чугуевскому воеводѣ была выдана старцу Вас. Богомолу, «для того что за тѣхъ арбузныхъ садовниковъ билъ челомъ онъ, Василій» [1]).

Для возвратнаго пути въ Чугуевъ садовникамъ отпускали подводы и прогоны. Прогоны выдавались изъ Разряда по подорожнымъ изъ Ямского приказа.

Вотъ нѣкоторыя данныя о прогонныхъ деньгахъ отъ Москвы до Чугуева:

Въ	1686	г.	дано	4-мъ	чел.	на	2	подв.	1 р.	27	алт.	4	деньги
»	1688	»	»	7	»	»	2	»	по	30	»		
»	1689	»	»	12	»	»	3	»	»	30	»	3	»
									(всего 2 р. 24 алт. 5 ден.)				
»	1692	»	»	4	»	»	2	»	1 р.	29	алт.	4	»
»	1694	»	»	2	»	»	1	»	по	30	»		
»	1698	»	»	2	»	»	1	»	»	30	»		
»	1701	»	»	—	»	»	1	»	»	30	»		

---

1) Объ этомъ сохранилось извѣстіе въ документахъ, потому что старецъ «тое государеву грамоту понесъ печатать въ Печатной приказъ и на дорогѣ потерялъ»; садовникамъ пришлось просить о выдачѣ другой грамоты.

V.

Чтобы закончить очеркъ казеннаго хозяйства въ г. Чугуевѣ, остается выяснить отношенія Разряда, какъ центральнаго учрежденія, вѣдавшаго этимъ хозяйствомъ, къ другимъ приказамъ и мѣстнымъ органамъ—исполнителямъ его предначертаній. Прежде всего необходимо отмѣтить, что иниціатива устройства въ Чугуевѣ государевыхъ огородовъ принадлежитъ приказу Большого Дворца (припомнимъ память отъ 11 ноября 1660 г.), Онъ же является учрежденіемъ, гдѣ рѣшаются нѣкоторые, правда немногіе, вопросы, связанные съ чугуевскимъ хозяйствомъ.

Ближайшее разсмотрѣніе этихъ вопросовъ выясняетъ причины, по которымъ они нашли разрѣшеніе въ приказѣ Большого Дворца.

Назначеніе годового оклада садовникамъ при самомъ началѣ дѣла и размѣры этого оклада (памяти: отъ 11 ноября 1660 г., отъ 6 октября 1661 г. отъ 24 марта 1665 г, отъ 21 сент. 1675 г.) [1]) опредѣляется Дворцомъ, какъ учрежденіемъ, вѣдавшимъ царскимъ хозяйствомъ и въ частности садами [2]) и потому, конечно, болѣе компетентнымъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ Разрядъ.

Въ опредѣленіи служебныхъ льготъ садовниковъ (памяти отъ 16 окт. 1661 г. и отъ 31 мая 1675 г.) Дворецъ по той же причинѣ долженъ былъ имѣть рѣшающій голосъ.

Вопросы, касающіеся чисто хозяйственнаго распорядка (память о раздѣлѣ виноградниковъ между мастерами отъ 11 марта 1678 г.) или выработки правилъ для лучшей перевозки плодовъ (память отъ 10 сентября 1684 объ «устройствѣ» винограда въ кадяхъ съ патокой), также должны были рѣшаться скорѣе Дворцомъ, чѣмъ Разрядомъ по преимуществу военнымъ учрежденіемъ.

---

[1]) Двѣ послѣднихъ памяти показываютъ, что Разрядъ обращался къ Дворцу, какъ къ компетентному учрежденію, для рѣшенія вопроса о жалованьѣ садовникамъ. Объяснивъ въ памяти отъ 24 марта 1665 г., что прибывшіе изъ Кіева въ Бѣлгородъ старцы—виноградные мастера Ананья и Іосифъ бьютъ челомъ о жалованьѣ, Разрядъ передаетъ рѣшеніе этого вопроса Дворцу: «и великій государь указалъ винограднаго строенья мастеромъ о своемъ государевѣ жалованьѣ, денежномъ и хлѣбномъ, свой государевъ указъ учинить имъ, окольничему и оружейничему Богод. Матв. Хитрово, да думск. двор. Гр. Мих. Аничкову» и т. д. Въ памяти отъ 21 сент. 1675 г. Разрядъ обращается съ запросомъ по поводу дачи жалованья за приказъ: «арбузнымъ садовникомъ, которые вѣдомы въ приказѣ Большого Дворца за привозъ къ Москвѣ арбузовъ великаго государя годовое жалованье или въ приказъ даютъ ли или не даютъ, а буде даютъ, по чему человѣку, какова государева денежнаго и хлѣбнаго жалованья дано и чугуевскимъ арбузнымъ садовникомъ за привозъ къ Москвѣ арбузовъ въ приказъ государева жалованья изъ приказа Большого Дворца что давано ль и почему чего дано».

[2]) См. *Котошихинъ*, изд. 3 (1884 г.) стр. 85 и 99.

Вотъ тѣ немногіе вопросы, которые по вполнѣ понятнымъ причинамъ находятъ рѣшеніе въ приказѣ Большого Дворца.

Во всемъ остальномъ Разрядъ является полнымъ и самостоятельнымъ хозяиномъ. Онъ отдаетъ распоряженія о расширеніи хозяйства, объ отводѣ земли подъ огороды, о прекращеніи культуры арбузовъ; садовники обращаются въ Разрядъ съ челобитьями по различнымъ своимъ нуждамъ и Разрядъ распоряжается объ отводѣ имъ покосовъ, земли подъ дворы и усадьбы, отбираетъ у нихъ помѣстную землю и вновь отводитъ ее, отмѣняетъ годовые денежные оклады, награждаетъ деньгами и сукнами «за привозъ», дѣлаетъ распоряженія о надзорѣ за садовниками, предписываетъ производить сыскъ въ случаѣ упущеній съ ихъ стороны; караетъ за ихъ вину и нерадѣніе лишеніемъ жалованья и наконецъ является для нихъ высшей инстанціей для рѣшенія всякихъ пререканій между ними [1]).

Въ своей чисто хозяйственной дѣятельности, особенно когда рѣчь идетъ о выдачѣ денегъ, Разрядъ дѣйствуетъ, какъ домовитой хозяинъ, который не желаетъ потратить даромъ ни одной копѣйки [2]).

---

[1]) Напр., какъ мы видѣли, въ 1666 г. Ст. Сѣменовъ жаловался на своихъ товарищей, которые «удобрилися воеводѣ», по его словамъ, и послали его одного въ Тамбовъ. Въ этомъ же году, изъ Р. послана грамота по поводу ссоры между кіевскими старцами. Въ этой грамотѣ внушается старцамъ, чтобы они «межъ себя по всемъ спрашивались, а нелюбія бъ межъ ими не было» и дѣлается распоряженіе объ освобожденіи ихъ отъ поручительства. И во многихъ другихъ случаяхъ Разрядъ разрѣшаетъ споры между садовниками.

[2]) Какъ примѣръ, приведу выдержку изъ дѣла объ отпускѣ виноградным садовникамъ желѣза на хозяйственныя орудія. По ихъ челобитью состоялась слѣдующая помѣта: «183 (1674) г. Ноября въ 16 день по указу великаго государя послать его государева грамота на Тулу къ стольнику и воеводѣ ко князю: велѣть, то число желѣза и укладъ купя послать съ тѣми садовники въ Чугуевъ, а за то желѣзо и за укладъ по цѣнѣ деньги послать съ Москвы изъ Разряду, справясь съ Посольскимъ приказомъ, что указная цѣна желѣзу и укладу, а будетъ купитца желѣзо и укладъ дешевле той цѣны и остальныя деньги прислать къ Москвѣ въ Разрядъ». Далѣе слѣдуютъ справки: «отписать въ Разрядъ: на тульскихъ желѣзныхъ заводахъ, по которой цѣнѣ прутовое желѣзо и укладъ пудъ въ отдѣлѣ».—«Великаго государя по жалованной грамотѣ, какова дана изъ Посольскаго приказу иноземцу Петру Марселису, которое прутовое желѣзо принято будетъ у него, Петра, великаго государя въ казну и за то желѣзо велѣно ему давать по штинацати (16) алтынъ по 4 деньги за пудъ». Затѣмъ сказки торговыхъ людей: «183 (1674) г. ноября въ 14 день въ Разрядѣ московскаго верхнягѡ желѣзного ряду торговые люди—староста Кадашевской слободы Филипповъ да Огѣйка Гавриловъ по допросу сказали: на Москвѣ де въ рядъ покупаютъ они. торговые люди, укладъ тихвинской тысячами, а не въ вѣсъ, а покупаютъ они тысячу по 5 и по 4 р., а въ тысячѣ де будетъ 4 пуда, а изъ ряду де они тысячу укладу продаютъ въ 6 въ 7 рублевъ, а меньше шти рублевъ не продаютъ, а про тульской и про серпуховской укладъ по чему пудъ покупаютъ или связками жъ продаютъ, того они не вѣдаютъ. Того жъ числа нижняго желѣзного ряду староста Васька Ивановъ по допросу сказалъ: серпуховской де укладъ самой дорогой покупаютъ они въ рядъ связками, а не въ пудъ, а въ связкѣ по 20 прутовъ, на Москвѣ по шти алтынъ связку, а въ иное время и по 5 алтынъ по 2 деньги, а изъ ряду продаютъ сами по 2 гривны связку, а въ Серпуховѣ де и на Тулѣ по которой цѣнѣ укладъ и въ пуды ли или связками продаютъ, того онъ не

Итакъ съ одной стороны Разрядъ является въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ какъ бы передаточной инстанціей между приказомъ Большого Дворца, и чугуевскими воеводами, излагая въ своихъ грамотахъ содержаніе дворцовыхъ памятей; съ другой—учрежденіемъ, завѣдующимъ вполнѣ самостоятельно казеннымъ хозяйствомъ въ отдаленномъ, украинномъ городѣ.

Такая двойственность находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что г. Чугуевъ находился въ вѣдѣніи Разряда и поэтому чугуевскіе воеводы ничего не могли дѣлать «безъ указу и безъ грамоты» изъ этого учрежденія.

Отношенія Разряда къ другимъ приказамъ ограничиваются только памятями въ казенный приказъ о выдачѣ садовникамъ суконъ «за привозъ» (впрочемъ сукна иногда выдавались изъ Разряда); въ Ямской—объ отпускѣ имъ подводъ, нѣкоторыми справками въ Посольскомъ приказѣ и перепиской съ Малороссійскимъ приказомъ о посылкѣ грамотъ въ Кіевъ къ думн. двор. Ив. Ив. Чаадаеву о вызовѣ виноградныхъ мастеровъ для устройства Чугуевскихъ виноградниковъ.

Гораздо разнообразнѣе и сложнѣе отношенія Разряда къ мѣстнымъ органамъ—воеводамъ, черезъ которыхъ онъ осуществлялъ свою хозяй-

---

вѣдаетъ, только де тульской укладъ мелокъ и въ вѣсу не узнаетъ». Послѣ этихъ справокъ рѣшено отдать распоряженіе тульскому воеводѣ о посылкѣ изъ Тулы въ Чугуевъ съ садовниками съ Ѳед. Ситниковымъ съ товарищи 2 пуд. желѣза да 15 гривенокъ укладу, а взять велѣно то желѣзо и укладъ на тульскихъ желѣзныхъ заводахъ по указной цѣнѣ; деньги на то желѣзо и укладъ послать изъ Разряда съ садовниками, справясь съ Посольскимъ приказомъ, что указная цѣна, а по справкѣ велѣно давать Петру Марселису по 16 алтынъ по 4 деньги за пудъ, а про укладъ въ письмѣ изъ Посольскаго приказа не написано «а доведется на Тулу послать изъ Разряду на желѣзо на 2 пуда, да на укладъ на 5 связокъ рубль 28 алтынъ 2 деньги; деньги дать (записано въ Разрядѣ) винограднымъ садовникамъ съ роспискою, а о посылкѣ изъ разряда денегъ на Тулу на желѣзо и о посылкѣ жъ съ Тулы того желѣза въ Чугуевъ помѣта на выпискѣ дьяка Вас. Семенова». На основаніи этого рѣшенія послана грамота въ Тулу стольнику и воеводѣ кн. Перф. Ив. Шаховскому, которая заканчивается слѣдующимъ наставленіемъ: «и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а виноградной садовникъ Ѳед. Ситниковъ съ деньгами къ тебѣ на Тулу пріѣдетъ и ты бъ то желѣзо и укладъ съ тульскихъ желѣзныхъ заводовъ велѣлъ ему, Ѳед., дать съ роспискою, а за то желѣзо и за укладъ иноземцу Петру Марселису по нашей указной цѣнѣ велѣлъ деньги дать въ роспискою, а будетъ на Тулѣ въ тое посылку желѣзо и укладъ можно купить дешевле тоѣ указной цѣны и ты бъ велѣлъ то число желѣза и укладъ купить самаво доброво, чтобъ годилось на нашемъ государевѣ виноградномъ огородѣ на всякія снасти, а худова желѣза покупать не велѣли и съ тѣмъ желѣзомъ чугуевского садовника Ѳед. Ситникова, давъ ему по подорожной подводы отпустилъ въ Чугуевъ тотчасъ и о томъ желѣзѣ въ Чугуевъ къ думному нашему дворянину и выводѣ къ Ѳед. Прокоф. Саковнину для вѣдома писалъ, а что отъ покупки желѣза и укладу денегъ у него, Ѳед., останетца и ты тѣ деньги велѣлъ, у него взять, да о томъ о всемъ къ намъ, великому государю, писалъ а отписку и тѣ деньги прислалъ въ Разрядъ съ кѣмъ пригоже, а отписку велѣлъ подать въ Разрядѣ и деньги объявить дьякомъ нашимъ думному Гарасиму Дохтурову да Василью Семенову да Петру Кавелину». Такъ рисуется въ документахъ хозяйственная дѣятельность Разряда.

ственную дѣятельность. Ближайшимъ и постояннымъ наблюдателемъ за садовниками Разрядъ стремится сдѣлать мѣстнаго воеводу, предписывая «ему смотрѣть (за ними) почасту, чтобъ они у того дѣла были безотстучно и промышляли о томъ неоплошно».

Въ грамотахъ къ воеводамъ проглядываетъ желаніе центральнаго правительства по возможности дать точныя, невозбуждающія сомнѣнія предписанія обо всемъ, что считается лежащимъ на ихъ обязанности. Для самостоятельныхъ дѣйствій воеводъ оставляется очень мало мѣста, хотя въ отдѣльныхъ выраженіяхъ царскихъ грамотъ, напр.: «чтобъ ты впредь въ государевыхъ дѣлахъ радѣлъ и во всемъ искалъ прибыли, какъ государеву дѣлу лучше и прибыльнѣе», какъ будто признается за воеводой нѣкоторая доля самостоятельности.

Чтобъ мѣстный воевода тщательно исполнялъ возложенныя на него обязанности, Разрядъ предупреждаетъ, что въ случаѣ нерадѣнія «отъ великаго государя быть (ему) въ жестокомъ наказаньѣ и въ разореньѣ безъ всякіе пощады». Напротивъ за распорядительность и рвеніе къ дѣлу воевода получаетъ грамоты съ милостивымъ царскимъ словомъ, съ похвалою.

Чтобы представить себѣ полную картину дѣйствія мѣстныхъ властей, надо помнить, что Чугуевъ былъ однимъ изъ городовъ Бѣлгородскаго полка и, какъ таковой, былъ «вѣдомъ къ Бѣлгороду». Отсюда между Разрядомъ и чугуевскимъ хозяйствомъ стояли 2 воеводы: чугуевскій и бѣлгородскій, а иногда даже три, если главная квартира Бѣлгородскаго полка переносилась въ другой городъ, а въ Бѣлгородѣ оставался товарищъ главнаго воеводы.

Разобраться въ отношеніяхъ Разряда ко всѣмъ троимъ воеводамъ нелегко, такъ какъ повидимому строго выдержанной системы въ этихъ отношеніяхъ не было.

До 1664 г. Разрядъ переписывается непосредственно обо всѣхъ дѣлахъ по хозяйству съ мѣстными чугуевскими воеводами: посылаетъ на ихъ имя грамоты, и получаетъ онъ нихъ отписки.

Съ осени 1664 г. вступаетъ въ переписку съ разрядомъ главный воевода Бѣлгородскаго полка.

Ссылаясь на то, что «Чугуевъ городъ по великаго государя указу вѣдомъ къ Бѣлгороду», онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ устройствѣ государевыхъ садовъ и наблюденіи за ними. Съ этихъ поръ распоряженія Разряда объ увеличеніи арбузныхъ огородовъ и виноградниковъ, объ отводѣ подъ нихъ земли, о выдачѣ жалованья садовникамъ, увѣдомленія о высылкѣ и полученіи арбузовъ и винограда, о посылкѣ дворянъ для надзора за садовниками направляются на имя Бѣлгородскаго

воеводы, которому предписывается по полученіи государевой грамоты, передавать эти распоряженія чугуевскому воеводѣ.

Впрочемъ Разрядъ часто отступаетъ отъ этого порядка и отправляетъ грамоты уже непосредственно чугуевскому воеводѣ; иногда же грамоты одинаковаго содержанія одновременно посылаются на имя чугуевскаго воеводы, на имя главнаго воеводы Бѣлгородскаго полка (въ Курскъ напр. въ 1674 г.) и на имя его товарища (въ Бѣлгородъ).

То же нужно сказать и о донесеніяхъ воеводъ Разряду: то чугуевскій воевода отправляетъ отписки непосредственно въ Разрядъ, то посылается туда 2 отписки: одна отъ главнаго воеводы, другая отъ чугуевскаго; иногда же Бѣлгородскій воевода въ своей отпискѣ сообщаетъ о томъ, про что увѣдомляетъ его чугуевскій воевода.

Можетъ быть частые походы, вслѣдствіе которыхъ воеводы на южной окраинѣ Московскаго государства принуждены были во второй половинѣ XVII в. постоянно передвигаться съ мѣста на мѣсто, вносили эту путаницу въ сношенія съ ними Разряда по поводу чугуевскаго хозяйства: когда главнаго воеводы не было ни въ Курскѣ, ни въ Бѣлгородѣ, грамоты изъ Разряда направлялись или въ Бѣлгородъ, къ его товарищу, или, въ случаѣ отсутствія этого послѣдняго, непосредственно къ чугуевскому воеводѣ, который въ свою очередь адресовалъ свои отписки прямо въ Разрядъ.

Говоря о сношеніяхъ Разряда съ чугуевскимъ воеводой черезъ посредство главнаго воеводы Бѣлгородскаго полка, надо имѣть въ виду, что этотъ послѣдній былъ не только передаточной инстанціей для распоряженій центральнаго правительства: въ противоположность мѣстному, чугуевскому воеводѣ, онъ пользуется извѣстной долей самостоятельности; это видно изъ царскихъ грамотъ, которыя представляютъ главному воеводѣ рѣшать по его собственному усмотрѣнію нѣкоторые вопросы (напр. объ отводѣ земли подъ огороды, выдачѣ желѣза на хозяйственныя орудія, дачѣ жалованья садовникамъ «смотря по ихъ работѣ» и т. д.)

Требуя постояннаго надзора за садовниками, Разрядъ предписываетъ воеводамъ увѣдомлять его о положеніи дѣла; почти каждая грамота содержитъ распоряженіе о томъ, чтобы воевода подробно писалъ обо всемъ, что онъ предприметъ. Уже въ первой грамотѣ объ устройствѣ арбузныхъ огородовъ говорится: «А изъ какихъ людей и кого имяны къ тому дѣлу выберешь и въ которыхъ мѣстахъ и какого дня на арбузное строенье огороды учинишь и ты бы писалъ о томъ къ намъ, великому государю». «А котораго числа, читаемъ въ другой грамотѣ, и съ кѣмъ имяны, съ огородники и съ провожатыми, и на сколькихъ подводахъ и сколько

арбузовъ будетъ послано и каковы прежніе и новые огороды мѣрою и всякимъ огороднымъ строеньемъ и ты бъ о всемъ о томъ писалъ къ намъ великому государю».

Требованіе отчетности предъявляется не только къ мѣстному воеводѣ, но и къ главному, который также былъ обязанъ увѣдомлять Разрядъ о томъ, что имъ сдѣлано для чугуевскаго хозяйства.

Помимо донесеній воеводъ о предпринятыхъ ими дѣйствіяхъ и объ исполненіи полученныхъ предписаній, Разрядъ требуетъ отъ нихъ иногда присылки подробнаго отчета обо всемъ хозяйствѣ, какъ это мы видѣли въ 1678 г., когда полный отчетъ былъ присланъ чугуевскимъ воеводой Ив. Рыхторовымъ.

Кромѣ донесеній и отчетовъ, разрядъ для освѣдомленія о положеніи хозяйства пользуется сказками садовниковъ и досмотромъ дворянъ, посылавшихся для того въ Чугуевъ изъ Бѣлгорода.

Какъ мы уже знаемъ, садовники ежегодно пріѣзжали въ Москву съ арбузами и виноградомъ и при этомъ каждый разъ подавали въ Разрядъ челобитныя о выдачѣ имъ жалованья и о различныхъ своихъ нуждахъ. По ихъ челобитьямъ въ Разрядѣ составлялись докладныя выписи, при чемъ садовниковъ нерѣдко допрашивали «у выписки» о положеніи дѣла и эти сказки служили для Разряда, какъ бы повѣркой воеводскихъ донесеній.

Въ документахъ не разъ приходится встрѣчать нѣкоторое противорѣчіе въ обрисовкѣ казеннаго хозяйства по сказкамъ садовниковъ и по отпискамъ воеводъ и это противорѣчіе постоянно вызываетъ посылку къ воеводамъ запросовъ, иногда довольно строгихъ.

Другимъ способомъ контроля былъ досмотръ дворянъ; такъ въ 1666 г. предписывается главному воеводѣ кн. Б. А. Репнину послать въ Чугуевъ дворянина «для строенья арбузныхъ огородовъ и для надсматриванья надъ арбузники».

Въ томъ же году посланъ былъ въ Чугуевъ бѣлгородецъ Арт. Пищулинъ «арбузного виноградного заводу огороды со всемъ строеньемъ досмотрѣть и написать на роспись именно и тому всему учинить чертежъ».

Въ исключительныхъ случаяхъ производился сыскъ мѣстными жителями; такой сыскъ, какъ мы уже видѣли, произведенъ былъ напр., бѣлгородцемъ Сид. Толмачевымъ въ 1666 г. по поводу павшаго на садовниковъ подозрѣнія въ продажѣ ими тайкомъ арбузовъ.

Вотъ тѣ средства, которыми пользовался Разрядъ—главнымъ образомъ военное учрежденіе—для развитія и руководства такимъ мирнымъ дѣломъ, какъ устройство государевыхъ садовъ и огородовъ на далекой окраинѣ Московскаго государства.

Н. Бѣлявскій.

IV

Землевладѣніе и торговые промыслы духовенства бѣлогородской епархіи въ XVIII вѣкѣ.

(По архивнымъ документамъ Харьковской Духовной Консисторіи).

Въ древней Руси духовенство имѣло право землевладѣнія, неся въ тоже время на ряду со всѣми земскими людьми и разныя повинности, связанныя съ такимъ правомъ. Въ новой Руси отъ повиностей тяглыхъ людей духовенство освобождается (хотя не вдругъ), но за то и землевладѣльческія права его урѣзываются.—Относительно Малороссіи запрещеніе духовенству пріобрѣтать землю прямо высказано при Петрѣ II въ наказныхъ пунктахъ тогдашнему гетману Апостолу: «Въ Малой Россіи, читаемъ въ 12 пунктѣ, попамъ и всякаго духовнаго чина людямъ казачьихъ земель, грунтовъ и никакихъ угодій не покупать, и казакамъ и всякаго мірскаго чина людямъ имъ не продавать и не закладывать, и въ поминовеніе вкладами и никакими сдѣлками не давать; въ противномъ случаѣ земли эти отбирать безденежно казакамъ, наслѣдникамъ тѣхъ мѣстъ, или кому подлежитъ, а кто изъ малороссіянъ похощетъ въ монастыри и церкви вкладъ давать, тѣ бы давали деньгами, а не землями». При Аннѣ Ивановнѣ въ 1734 г., на основаніи этого пункта, узаконено было, въ случаѣ посвященія въ священно-служители казака, владѣвшаго грунтомъ, грунтъ этотъ немедленно отъ него отбирать и отдавать его родственникамъ. Но кромѣ казачьихъ грунтовъ, владѣніе которыхъ соединено было съ казацкой службой и которые уже поэтому не могли переходить поступившему въ поповство, правительство подтверждало запрещеніе духовенству покупать и всякія вообще земли. Въ 1735 г. Малороссійское духовенство подало было Государынѣ просьбу объ отмѣнѣ этого запрещенія и о дозволеніи какъ покупать у мірскихъ людей земли, такъ и брать ихъ на поминъ души. Въ прошеніи писалось, что хотя это и запрещено, но такое запрещеніе незаконно, нарушаетъ древнія постановленія и правила. Императрица разгнѣвалась и

послала тогдашнему управителю Малороссіи князю Шаховскому указъ, чтобы онъ призвалъ къ себѣ архіереевъ, и сдѣлалъ имъ выговоръ, чтобы впредь въ прошеніяхъ своихъ такихъ грубыхъ и предосудительныхъ словъ отнюдь не включали [1]). Въ 1764 г. Бѣлогородскій архіепископъ Порфирій Крайскій въ докладныхъ пунктахъ, представленныхъ въ Синодъ для внесенія въ наказъ депутату отъ Синода, какой будетъ назначенъ участвовать въ коммиссіи о составленіи Уложенія, заявлялъ, какъ pium desiderium, чтобы священникамъ, находящимся въ городахъ, наипаче потрудившимся въ проповѣди, кромѣ того, что они имѣютъ отъ вотчинъ господскихъ и изъ подружной земли, дозволено было покупать землю по крайней мѣрѣ за 100 рублей—для обученія въ школѣ дѣтей въ пользу отечества (въ 4-мъ пунктѣ); но въ комиссіи объ этомъ не было даже и разсужденій. Покупка земель для духовенства въ первый разъ разрѣшена лишь въ 1804 г. именнымъ указомъ Императора Александра I-го.

Но жизнь не всегда идетъ по указанію закона. Духовенство бѣлогородской епархіи входитъ въ 18-е столѣтіе съ значительными земельными владѣніями (конечно, это говорится не о всемъ духовенствѣ) и пользуется таковыми, не смотря на запрещеніе закона, какъ видно изъ документовъ, въ теченіе всего этого столѣтія. Такъ, въ «Описи документовъ на владѣнія Харьковскаго Коллегіума, учиненной 1787 года», имѣющейся въ архивѣ Харьковской духовной консисторіи, между прочимъ, значится множество купчихъ и поступныхъ отъ разныхъ духовныхъ лицъ, продававшихъ или жертвовавшихъ Коллегіуму, при самомъ основаніи его, поля, лѣса, луга, мельницы, хутора.

Въ документахъ на владѣнія Сумского Успенскаго монастыря [2]) также встрѣчаются купчія, поминовенныя и закладныя отъ духовенства: такъ, города Краснополья Архангельской церкви попъ Павелъ Абрамовъ продаетъ въ 1725 году Игумену Ефрему съ братіею мельницу и землю,

---

[1]) *Знаменскій,* Приходское духовенство въ Россіи, стр. 409 и слѣд.

[2]) Владѣльческіе документы Сумского Успенскаго монастыря заключаются въ книгѣ, находящейся въ архивѣ Харьковской Духовной Консисторіи,—оглавляемой: «1762 года мѣсяца іюля 30 дня Сумскаго Успенскаго монастыря, которыя имѣются на грунта подлинныя грамоты—крѣпости и закладныя, съ тѣхъ грамотъ, крѣпостей и закладныхъ вѣрно переписаны копіи, которыя ниже сего слѣдуютъ».—Всѣхъ документовъ 56: 3—царскихъ грамоты, 27—купчихъ, 12—поминовенныхъ, 8—мѣновыхъ или замѣнныхъ, 6—заемно-закладныхъ. Часть этихъ документовъ, именно: Царскія грамоты, 1 купчая и 6 поминовенныхъ (послѣднія—не въ полномъ впрочемъ видѣ, а въ краткомъ изложеніи) изданы преосвященнымъ Филаретомъ въ его «Историко-Стат. Опис. Харьк. еп.» Отдѣл. I, стр. 230—250. Изъ остальныхъ часть напечатана мною въ «Чтен. въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос.», 1884 г. кн. 2.

которую покойный отецъ его купилъ у полковника Герасима Кондратьева за 210 рублей; другой, Краснопольской же Николаевской церкви священникъ Иванъ Боровикевичъ закладываетъ въ 1760 году монастырю значительное недвижимое имѣніе (лѣсъ, сѣнокосное и пахатное поля, хуторъ съ шестью избами) за 800 рублей; священникъ Успенской церкви— въ Краснопольѣ же Карпъ Мартиновъ по доброй своей волѣ отдалъ въ 1730 г., въ Сумской Успенскій монастырь свое отчинное пахатное поле, и другой—воскресенской церкви священникъ Іоаннъ Семеновичъ Треповскій отдалъ въ тотъ же монастырь (въ томъ же 1730 г.) свое властное пахатное поле—за поминовеніе своихъ родителей.

Такія же указанія на недвижимыя имущества духовенства встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ сохранившихся поповскихъ завѣщаніяхъ. Такъ, «въ духовной» (1728 г. дек. 9 дня) города Ольшанаго протопопа Стефана Зашаловскаго завѣщаются одному изъ его сыновей «недвижимаго имѣнія при городѣ Ольшаномъ имѣющіяся двѣ мельницы, первая на рѣкѣ Ольшаной, другая на колодези Песочнемъ, со всею мельничною снастью, и при тѣхъ мельницахъ мирочницкихъ два двора, да при ономъ же городѣ Ольшаномъ по рѣчкѣ Ольшаной распашная и нераспашная земля и сѣнные покосы со всякими угодьями, и на оной землѣ поселенный хуторъ четырьмя дворами со всякимъ дворовымъ и хоромнымъ строеніемъ, въ которомъ имѣется всякій скотъ да винница—въ ней винокурня на три казана, пчельныхъ заводовъ—50 ульевъ со пчелами». О другомъ своемъ сынѣ завѣщатель говоритъ: «въ городѣ Золочевѣ исканіемъ и ходатайствомъ моимъ дана ему *парафія* (приходъ) и устроилъ его особымъ дворомъ, а хоромное строеніе—свѣтлицы и прочее перевезены на моихъ подводахъ изъ Ольшанаго, куплена распашная и нераспашная земля и сѣнные покосы и всякія угодья изъ моего кошта». Въ завѣщаніи (1738 г. окт. 1 дня) священника мѣстечка Тарановки, Зміевского уѣзда, объ остающемся послѣ него имуществѣ также значатся: надворное строеніе, мельницы, хутора, сады, пасики, винницы, земля пахатная и сѣнокосная [1]).

Духовное начальство, повидимому, было очень озабочено, чтобы недвижимыя имущества, которыми уже владѣло духовенство, не переходили въ чужія руки.—Въ 1759 г. Преосвященный Іоасафъ Миткевичъ объявляя, что «изъ консисторскихъ дѣлъ вѣдомо Его Преосвященству учинилось, что многіе священно- и церковно-служители сами собою продаютъ разнаго чина людямъ не токмо свои купленныя, но и подъ церковь на пропитаніе попа и причта жалованныя и писцовыя земли, въ

[1]) Завѣщанія эти напечатаны мною *тамъ-же* (Чт. Общ. Ист. и Древн. Рос.).

противность церковнымъ правиламъ и указамъ, отчего определяемые къ тѣмъ церквамъ вновь священники и церковники за продажею церковныхъ земель претерпѣваютъ немалую нужду, а вновь покупать духовнымъ лицамъ таковыхъ земель указами запрещено»—предписывалъ: «священникамъ и церковникамъ впредь безъ вѣдома Его Преосвященства никому, а паче свѣтскимъ лицамъ, не только церковныхъ, но и своихъ собственныхъ земель и грунтовъ не продавать и не закладывать; а если будетъ кому въ томъ надобность, доложить Его Преосвященству, въ чемъ и обязать всѣхъ подпискою».

Недвижимыя имущества, въ связи съ торговыми промыслами духовенства, возбуждали даже въ иныхъ мѣстахъ зависть и вызывали жалобы со стороны приходскихъ людей.

1763 г. ноября 20 дня Валковской сотни атаманъ Федоръ Золотовъ при рапортѣ сообщилъ въ Полковую Канцелярію жалобу Валковскихъ казаковъ, что «священники мѣстечка Валокъ, имѣя винокуренные заводы, въ торговые дни у пріѣзжающихъ торговцевъ, а также и у Валковскихъ обывателей, покупаютъ весьма дорогою цѣною для куренія вина ржаное борошно и дрова, набивая цѣну; а они вслѣдствіе этого часто и одного мѣшка борошна и одного воза дровъ купить не могутъ и чрезъ то въ винокуренномъ дѣлѣ предъ священниками терпятъ немалую обиду; кромѣ того священники за вѣнчаніе берутъ по три и четыре рубля, также и за прочія требы сверхъ узаконеннаго, къ томуже имѣютъ грунта, съ которыхъ и безъ винокуренныхъ заводовъ и взятокъ могли бы прожить безбѣдно,—и если имъ небудетъ учинено запрещенія вино курить, то казачью службу продолжать будетъ крайне не изъ чего, и они казаки могутъ придти въ крайнее изнеможеніе».

Полковая Канцелярія, сославшись на указъ Анны Іоанновны отъ 29 мая, 1734 г.: «въ слободскихъ полкахъ, кто, не желая быть въ службѣ, въ священническій и монашенскій чинъ пойдетъ, у таковыхъ отобравъ грунта, отдавать служащимъ»,—и жалованныя грамоты слободскимъ полкамъ отъ предковъ Ея И. В., въ томъ числѣ и Елизаветы Петровны, по которымъ полковой старшинѣ и казакамъ за ихъ службы, вмѣсто годоваго денежнаго жалованья, всякимъ промысломъ дозволяется промышлять и всякимъ товаромъ торговать безпошлинно, и мельницами, рыбными ловлями и всякими угодьями владѣть и шинки держать во всѣхъ ихъ городахъ и вино курить безоброчно, а чтобы духовнымъ чинамъ вмѣстѣ съ ними тѣми привилегіями пользоваться, того въ тѣхъ жалованныхъ грамотахъ не показано,—требовала отъ консисторіи, «дабы благоволено было всѣмъ духовнымъ чинамъ, какъ живущимъ въ Валкахъ такъ и во

всемъ полку Харьковскомъ, въ силѣ предъявленныхъ жалованныхъ грамотъ, ни подъ какимъ претекстомъ вино курить и шинковать и всякими промыслы промышлять и всякимъ товаромъ торговать, мельницами, рыбными ловлями и угодьями владѣть, дабы казаки обиды не потерпѣли и служба умаляться не могла,—на крѣпко запретить».

Невидно, какое послѣдовало по сему предмету распоряженіе со стороны Консисторіи.—Видно только, что казаки и жители слободскихъ полковъ обратились вслѣдъ за тѣмъ съ подобными же жалобами на священнослужителей уже въ Комиссію о составленіи уложенія, изъясняя обиды себѣ отъ нихъ—въ томъ, что много берутъ за требы (протопопы, напримѣръ, за вѣнечныя памяти отъ 1 р. до 10 и выше), курятъ вино, обзаводятся недвижимымъ имуществомъ—мельницами, хуторами, въ ущербѣ казацкимъ привилегіямъ.

Пріобрѣтеніе духовенствомъ недвижимыхъ имуществъ или пользованіе ими на правахъ личной собственности мы видимъ и послѣ—до самаго конца 18 столѣтія.

1787 года августа 20 дня Водолажская жительница Носкова промѣняла свой участокъ опустошеннаго лѣса съ кисличнымъ садомъ и небольшею частію пахатнаго поля на поповскій, доставшійся священнику покупкою отъ Водолажскаго поселянина Якова Радченко, съ тѣмъ, чтобы ему, священнику, владѣть вымѣненнымъ участкомъ земли на вѣки вѣчные, какъ отъ нея Носковой, такъ и дѣтей ея безпрепятственно, въ удостовѣреніе чего дала она Носкова и свидѣтельство при Водолажскихъ жителяхъ, между прочимъ—при сотеномъ и старшинѣ, явленное въ Правленіи Водолажской сельской полиціи.

Въ 1790 году священникъ Маркъ Антоновичъ изъ села Писаревки, по прошенію его, переведенъ отъ притѣсненія помѣщика въ слободу Стецковку, гдѣ также не хотѣлъ оставаться, не поладивъ съ священникомъ. Положено перевести его на открывшееся въ селѣ Рагозномъ священническое мѣсто потому, что онъ близь этого села имѣетъ собственный хуторъ, гдѣ и можетъ быть безъ нужднаго пропитанія.

Владѣя недвижимыми имуществами, не смотря на запрещенія закона,—духовенство не стѣснялось, когда могло, заниматься и торговыми промыслами, какъ это видно, изъ приведенной уже жалобы Валковскихъ казаковъ, а также и изъ другихъ документовъ. Въ 1767 году, напримѣръ, вѣдомства дворцовой конюшенной канцеляріи, Валуйскаго уѣзда, слободъ Бѣловодной, Евсюга и Марковки приходскіе люди жаловались духовному начальству, что «по немалому въ оной слободѣ Марковкѣ Николаевской церкви приходу и за состояніемъ при той церкви только

двухъ поповъ—Константина Грекова и Стефана Переѣзжаго, когда ихъ зовутъ для исповѣди больныхъ и похороненія умершихъ, то они къ тому весьма неподвижны и отговариваются всякими недосугами, а особливо попъ Константинъ часто по мѣсяцу и болѣе въ домѣ не бываетъ и отлучается для торговаго своего промысла въ разныя отдаленныя мѣста на ярморки, и за таковымъ оныхъ поповъ по должности своей нерадѣніемъ у нихъ черкасъ по хуторамъ уже въ привычку вошло—ежели кто умретъ, то сами они похоронятъ, а надгробное пѣніе оные попы отправляютъ послѣ того въ два или три мѣсяца для одной своей корысти». Въ поясненіе, какъ широко ведетъ торговое дѣло попъ Константинъ, доносили, что онъ подрядился поставить воронежскимъ купцамъ ржаной муки—Ивану Попову 1200 четвертей, Михаилу Титову—500 четвертей, и въ той слободѣ Марковкѣ онъ попъ Константинъ не только для перепродажи, но и на пищу, кому изъ обывателей надобность требуетъ, ни единаго мѣшка купить недопускаетъ и тѣмъ имъ обывателямъ чинить немалый подрывъ».

Амфіанъ Лебедевъ.

V.

СПРАВКА,

извлеченная изъ дѣлъ Харьковскаго Историческаго Архива

ПО ИСТОРІИ

МАЛОРОССІЙСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

I.

1731 годъ.

№ 21558. Командиръ двадцати-тысячной команды малороссійскихъ казаковъ, находившихся на линейной работѣ, кіевскій полковникъ Танскій, въ августѣ 1731 года доносилъ по начальству, что команда эта была выслана на работы только на три мѣсяца, съ продовольственными запасами, а какъ срокъ уже прошелъ, а смѣны не было, то за недостаткомъ провіанта и денегъ люди терпятъ во всемъ нужду и голодъ, и многіе казаки начали уже самовольно уходить изъ той команды.

Въ виду чего Алексѣй Тараканов (генералъ-маіоръ сенаторъ) письмомъ 14 августа того года, писаннымъ изъ крѣпости у рѣки Береки, просилъ гетмана о присылкѣ для означенной команды провіанта и перемѣны казаковъ другими, что-бы въ работѣ не было отъ бѣгства нуждающихся остановки.

По этому письму гетманъ Малороссіи 28 того-же августа извѣщалъ Танскаго, что помимо 20000 казаковъ послано для работъ на линію еще 10000 посполитыхъ, для перемѣны казаковъ; но какъ на прибытіе посполитыхъ въ скоромъ времени Танскій не могъ надѣяться, то гетманъ предлагалъ ему потребовать нужное продольствіе для казаковъ изъ ближайшихъ полковъ, до прибытія къ той линіи посполитыхъ, дабы не было недостатка въ пропитаніи людей «и затѣмъ бы въ людяхъ не учи-

нилось траты и въ работѣ остановки»; о немедленной же высылкѣ на линію посполитыхъ подтверждено полковникамъ надлежащихъ полковъ. О чемъ бы Танскій донесъ отъ себя Тараканову. Независимо этого гетманъ сообщалъ, что онъ уже послалъ предписанія въ полки о нарядѣ и высылкѣ на линію 8000 казаковъ съ инструментами и харчевымъ довольствіемъ; а также, чтобы на довольствіе находящихся у линіи казаковъ ихъ же домашніе заготовили харчевые припасы и выслали къ нимъ на линію. Высылка же на линію для работъ посполитыхъ, какъ имѣлось свѣдѣніе, замедлилась потому, что по случаю неурожая прошлаго года у нихъ не было хлѣбныхъ запасовъ; новыхъ же приготовить еще не успѣли.

Начальствующимъ надъ устройствомъ Украинской линіи генераломъ Таракановымъ былъ полученъ Сенатскій указъ 10 августа 1731 года, для строенія линіи брать на работы людей изъ Малороссіи,—кромѣ мѣстностей гетманскихъ, генеральной и полковой старшины, архіерейскихъ и казачьихъ семей, члены которыхъ находились уже на линіи,—со всѣхъ остальныхъ владѣльческихъ, помѣщичьихъ селеній, великороссійскихъ иноземцевъ и казачьихъ семействъ, такъ какъ та линія и крѣпости строились для общей всѣхъ пользы.

II.

1836 годъ.

№ 24783. Выслушавъ предложеніе графа фонъ-Миниха, сенаторъ Московской губерніи генералъ губернаторъ князь Барятинскій, съ присутствующими генеральной войсковой канцеляріи, 24 августа 1736 года опредѣлили: послать въ малороссійскіе полки приказы, чтобы въ разсужденіи сохраненія границъ отъ непріятельскихъ нападеній и осторожности за учрежденные форпосты никого не пропускать; и ежели за форпостами, или за линіею окажутся малороссійскихъ людей хутора и прочее какое поселеніе, то какъ людей, такъ лошадей и прочій скотъ оттуда удалить и перевесть на свою сторону, чтобы въ руки непріятеля попасть не могли, для чего при тѣхъ границахъ,—особенно со стороны Полтавскаго полка, учредить посты. Исполненіе этого возложить на полковыхъ старшинъ подъ строгой ихъ отвѣтственностью.

III.

1738 годъ.

№ 66. «Экстрактъ изъ письма Калмыцкаго хана Дондукъ Омбо, писаннаго войска Донского къ Войсковому атаману Данилу Ефремову.

Что онъ ханъ Дондукъ Омбо апрѣля 20, съ Калмыцкимъ войскомъ перешелъ Кубань рѣку, на вершинѣ рѣки Орпе, близь осады каракипчаковъ, Наврусъ улу два аула тамъ разорилъ, потому и бывшаго на Кубани Багатырея султана саатъ аулы разорилъ же, 1500 кибитокъ, да каракипчаковъ 500 кибитокъ, въ полонъ взято мужеска и женска пола болѣе 7000, а кои оставшіе въ крѣпкихъ мѣстахъ засѣли оныхъ намѣренъ искоренить, да скота отогнано 10 т. и еще къ себѣ ожидаетъ кабардинскихъ войскъ.

Что же касается до находящихся въ подданствѣ Ея Императорскаго Величества султановъ Ульскихъ татаръ и изъ оныхъ Муса мурза бековъ Саатъ, съ двумя тысячами кибитокъ, въ вершинахъ Кубани, въ тѣсной осадѣ себя расположивъ, при учиненіи ими присяги обѣщался съ прочими Солтанъ Ульскими татаръ кочева также и съ той осады не выводить, того ради онъ Дондукъ Омбо принялъ намѣреніе совокупясь съ кабардинскими войсками для искорененія онаго мурзы пристойнымъ способомъ употребля, ежели за помощью божескою и высокимъ счастьемъ Ея Императорскаго Величества подъ Высочайшею Ея Величества державою находящихся въ противности Малаго Нагая Кубанскихъ татаръ подклонитъ, то имѣетъ намѣреніе внизъ въ Кубани слѣдовать и по возможности Ея Императорскаго Величества непріятелей, остальныхъ Кубанскихъ татаръ, искореня и даже до осенняго времени походъ свой продолжать».

Сообщеніе это было прислано Донскимъ войсковымъ атаманомъ Ефремовымъ графу Румянцеву, отъ котораго по командѣ дошло до Генеральной Войсковой Канцеляріи, а изъ оной 29 мая 1738 года распубликовано по малороссійскимъ полкамъ.

IV.

№ 30494. Въ началѣ октября 1738 года было получено донесеніе отъ находившагося въ польскомъ мѣстечкѣ Уманина поручика Ивана Левицкаго, что непріятель въ великихъ силахъ переправился чрезъ Бугъ, въ урочищѣ Казацкомъ бродѣ, да по извѣстію полковника Астафьева 16 августа Кубанскіе татары всѣми силами переправились чрезъ Донъ, между Золотольской и Бабицкой станицами для разореній. Донской же атаманъ Ефремовъ доносилъ, что въ томъ же августѣ сильное Крымское войско отъ Крымской стороны подъ Черкаскимъ сдѣлало нападеніе.

Въ виду чего Войсковая Генеральная Канцелярія оповѣстила всѣхъ командировъ полковъ малороссійскаго войска быть въ готовности къ от-

раженію непріятелей, если они придутъ разорять украинскіе земли русскаго государства.

V.

1741 годъ.

№ 2935. Преморія.

«Изъ государственной военной коллегіи въ войсковую генеральную канцелярію. Сего августа 11 дня по Ея Императорскаго Величества указу, въ государственной Военной Коллегіи по преморіи оной канцеляріи и по доношенію Военнаго Походнаго Коммисаріата опредѣлено: 1) для препровожденія и отводу около Днѣпровскихъ пороговъ, за мелкостію воды отправленнаго изъ стоящихъ по Днѣпру магазиновъ на довольство будущей при разграниченіи земель коммиссіи провіанта и прочего по силѣ даннаго отъ кабинета Ея Императорскаго Величества генералъ-маіору и лейбъ гвардіи маіору Шипову апрѣля отъ 30 дня указу нарядить Генеральной Войсковой Канцеляріи малороссійскихъ обывательскихъ до 200 подводъ, въ немедленномъ времени, чтобы въ перевозкѣ той не упустить удобнаго времени, и на тѣ подводы, такожъ и на дачу лоцманамъ за переправленіе чрезъ пороги достальнаго провіанта деньги, сколько по необходимости надобно, дать походному коммиссаріату не отложно. 2) Оставшіе за отправленіемъ показаннаго провіанта имѣющіеся по р.р. Днѣпру и Деснѣ въ вѣдѣніи походнаго Коммисаріата байдаки и другія суда по силѣ онаго жъ Ея Императорскаго Величества указу для надзору по учрежденіи и разграниченіи съ турками земель коммисіи провіанта и припасовъ наряженными отъ малороссійскихъ полковъ работниками, а кои при Кіевѣ то гарнизонными солдаты починить и содержать во всякой готовности, дабы когда оные потребуются тотчасъ и безъ всякія остановки употреблены быть могли, и на починку тѣхъ судовъ и на дачу работнымъ людямъ по требованію войсковой канцеляріи потребное число денежной казны отправить въ тѣ мѣста гдѣ оныхъ судовъ починка быть имѣетъ съ нарочными. 3) Сверхъ того о всемъ, что до отправленія помянутой коммисіи принадлежитъ неотмѣнное исполненіе чинить походному Коммисаріату, по сношенію съ тамошними командами, какъ прежде посланныя изъ военной коллегіи указы повелѣваютъ и что когда учинено будетъ въ коллегію рапортовать, и войсковая генеральная канцелярія да благоволитъ учинить о томъ по Ея Императорскаго Величества указу, а въ походный Коммисаріатъ и въ губернскую канцелярію указы посланы. Августа 12 дня 1740 года».

Получивъ такое повелѣніе, генеральная войсковая канцелярія командировала Бунчуковаго товарища Ивана Іомельяновича для закупки въ Нѣженскомъ полку разныхъ живностей: скота—воловъ, яловецъ, овецъ, птицъ и проч., снабдивъ его для этого деньгами 267 р. 79 коп., каковые запасы велѣно сдать въ Глуховъ, тамошнего гарнизона капитану Пасынкову. Іомельяновичъ, искупивъ все нужное съ 8 по 21 августа, сколько было можно на 227 р. 17 коп., сдалъ 1 сентября при нарочныхъ изъ полковой канцеляріи двухъ приставахъ по назначенію и представилъ о тѣхъ припасахъ вѣдомость, изъ которой видно, что искуплено было:

Муки пшеничной несѣянной четвертей 10, на .	19 р.	60 к.
(изъ нея отправлено чистой муки 7 четв., и 3 четв. осталось отрубей).		
Яловецъ и воловъ 45 шт.	167 »	25 »
Барановъ 59 шт.	31 »	18 »
Гусей 89 шт.	6 »	70 »
Утокъ 60 шт.	2 »	17 »
Для покрышки куплено рогожъ 9	— »	27 »
Итого .	227 р.	17 к.

Припасы эти отправлены начальнику означенной выше коммиссіи Кіевскому генералъ-губернатору тайному совѣтнику Неплюеву.

Продовольственные припасы для названной коммисіи заготовлялись еще и другими старшинами, такъ напримѣръ: Значковому товарищу Карандѣ было отпущено изъ войсковой канцеляріи 500 руб., на каковыя деньги велѣно покупать припасы въ Полтавскомъ, Миргородскомъ и Гадячскомъ полкахъ. Каранда, исполнивъ порученіе, доносилъ, что имъ искуплено:

Рогатаго скота	72	штуки
«между этимъ скотомъ одна была яловица рябая, на одно око хромая, только жъ здоровая».		
Барановъ	270	»
Куръ индѣйскихъ	34	»
Гусей	100	»
Курей русскихъ	140	»
Масла коровьяго	34	пуда
Масла коноплянаго	7	ведеръ
Уксусу	62	ведра
Чесноку	1	пудъ

Припасы эти были сданы тому же капитану Пасынкову, который рябую яловицу забраковалъ и не принялъ.

Изъ донесеній и представленныхъ вѣдомостей видно, что въ августѣ отправлено Неплюеву въ два раза 19 и 21 числа.

Рогатаго скота	105	шт.
Овецъ	945	»
Гусей	349	»
Утокъ	304	»
Курей индійскихъ	101	»
Курей русскихъ	442	»
Уксусу	184	ведра
Масла коровьяго	110	пуд.
Масла конопляного	21	ведро
Чесноку	3	пуда

По другой вѣдомости, присланной въ войсковую канцелярію капитаномъ Пистуновымъ видно, что имъ и другими принято отъ закупщиковъ для отправленія тому же Неплюеву въ сентябрѣ

Воловъ и яловецъ	418	шт.
Барановъ	2644	»
Гусей	1146	»
Утокъ	946	»
Куръ индійскихъ	266	»
Курей русскихъ	1148	»
Уксусу	490	ведеръ
Масла коровьяго	288	пудовъ
Масла конопляннаго	56	ведеръ
Чесноку	8	пуд.
Муки	26	четвертей

Тайному совѣтнику Неплюеву по объясненному выше распоряженію выслано подводъ съ подводчиками изъ малороссійскихъ полковъ:

Полтавскаго	396
Лубенскаго	363
Миргородскаго	272
Прилуцкаго	210
Итого	1403 подв.

Для проведенія коммисіей границъ между Россіей и Турціей было выслано пять малороссійскихъ полковъ: Кіевскій, Лубенскій, Прилуцкій, Черниговскій и Переяславскій. Всѣ они находились подъ начальствомъ

генеральнаго обозпаго Лизогуба, до прибытія котораго полки эти находились подъ командой полковника Галагана. Лизогубъ, прибывъ на мѣсто въ коммисію, вытребовалъ себѣ чрезъ генералъ-аншефа Кейта походную церковь съ капеланомъ и церковными принадлежностями. Все это выслано ему изъ Миргородскаго полка, на подводахъ Лубенскаго полка.

Кромѣ этихъ полковъ, для той же надобности были высланы два компанейскихъ полка, подъ командой Павлова и Часникова.

По мимо означенныхъ полковъ было отправлено съ Полтавскаго полка къ Переволочнѣ еще 100 человѣкъ, въ Сентябрѣ 1740 года, съ Значковымъ Товарищемъ Буцкимъ. (Нужно полагать для починки судовъ).

VI.

1741 годъ.

№ 28301. Указами Верховнаго Совѣта 22 Августа 1728 г. Гетману Апостолу и именнымъ Императрицы Анны Іоановны, въ 1734 году, запрещалась свободная продажа въ Малой Россіи казачьихъ грунтовъ и всякихъ угодій, въ отвращеніе пріобрѣтенія вмѣстѣ съ покупными землями подданныхъ. Затѣмъ послѣдовалъ Высочайшій указъ 24 Марта 1741 года, чтобы Старшины въ малороссіи не покупали у посполитыхъ ихъ грунтовъ, а о пріобрѣтенныхъ прежде требовалось свѣдѣніе, какими путями той старшиной пріобрѣтены владѣемыя ими имѣнія и о законности такого пріобрѣтенія требовались документы.

Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ этого указа и доставленіе требуемыхъ свѣдѣній и документовъ Генеральная Войсковая канцелярія возложила на Полковыя Правленія.

VII.

1743 годъ.

№ 28348. Въ Малороссіи существовалъ порядокъ, что правительство, жалуя кому нибудь земли, давало тому лицу въ подданые и людей на той землѣ жившихъ, но только однихъ посполитыхъ.

Малороссійская старшина, желая пріобрѣсти себѣ подданныхъ, записывала въ казаки помѣщичьихъ посполитыхъ и потомъ, покупая у этихъ казаковъ землю, обращала ихъ себѣ въ подданные.

На такое злоупотребленіе нѣкоторые знатные грузины, получившіе въ Малороссіи помѣстья, жаловались правительству и доносили, что послѣ записей старшинами лучшихъ и состоятельныхъ посполитыхъ въ казаки у нихъ остаются одни только бѣдняки.

Генеральная Войсковая Канцелярія предписала подвѣдомственнымъ мѣстамъ, чтобы безъ строгаго слѣдствія посполитыхъ и подданныхъ въ казаки не записывать, (исключая тѣхъ случаевъ, когда будетъ доказано прежнее ихъ казачье званіе).

VIII.

1746 годъ.

№ 21225. По указу изъ Государственной Военной Коллегіи отъ 17 Марта 1746 года Генеральная Войсковая Канцелярія наряжала по расписанію на Украинскую линію и на Днѣпровскіе посты къ содержанію карауловъ и разъѣздовъ, изъ разныхъ Малороссійскихъ полковъ 1500 казаковъ при старшинахъ.

IX.

1752 годъ.

№ 22927. «Переводъ списка Крымскаго Арсланъ-Гирей Хана, писаннаго къ генералу и Кіевской губерніи генералъ-губернатору Леонтьеву, полученнаго въ Кіевѣ Іюля 4 дня 1752 года.

Въ Мѣссійскомъ законѣ между министрами славный и въ Іисусѣ вѣрующемъ народѣ между знатными избранный нынѣ при Кіевѣ находящійся, высокопочтенный нашъ пріятель Михайло Ивановичъ Леонтьевъ. Жизнь вашу да окончаетъ Богъ благостію чрезъ сіе Вашему Превосходительству дружески увѣдомляется нынѣ отправленное ваше писаніе съ запорожскимъ казакомъ получить имѣли, содержаніе котораго въ томъ состоитъ, что со стороны Вашего Превосходительства пріятеля нашего для слѣдствія отъ обоихъ сторонъ обидамъ и похищеннымъ вещамъ три человѣка искусные коммисары въ Запорожье отправлены и ради бъ лучшаго утвержденія и удостовѣренія прислать и отъ нашей стороны таковыхъ же коммисаровъ пріятельски Вы насъ увѣдомляли. А какъ на предъ сего въ отправленныхъ Вашему Превосходительству нашихъ реестрахъ въ прошедшихъ годѣхъ о похищенныхъ вещахъ разоренныхъ и о приключенныхъ обидахъ къ сторонѣ нашей Запорожскими казаками, съ показаніемъ мѣстъ и урочищъ изъяснено было будучи Ваше Превосходительство обо всемъ извѣстны, потому какъ къ Кошевому, такъ и ко всѣмъ войска Запорожскаго атаманомъ запретительные свои ордеры отправили и по онымъ, хотя требованіе наше было точію въ отвѣтъ не иное что сказано, какъ сіе: посмотримъ-де поглядимъ и слѣдствіе учинимъ, а въ самомъ дѣлѣ не малѣйшей вещи къ собранію прилежаніе не показали, и хотя

отъ нашей стороны коммисары обще съ хозяевами присланы къ нимъ были и нѣсколько дней тамъ промедлили, только кромѣ означеннаго отвѣта никакихъ вещей собрать не могли, какъ о томъ самымъ Вамъ извѣстно. О чемъ съ офицеромъ нашимъ Халилъ Булекъ Башіемъ писать до Васъ имѣли и обо всемъ знать стали; и въ то-же время хотя мы для отправленія коммисаровъ опредѣлили токмо вѣдая что какъ Кошевой атаманъ такъ и вся старшина войска Запорожскаго по прежнему отрицательные свои отвѣты представятъ и тѣми опредѣленныхъ отъ Вашей стороны коммисаровъ увѣрять не послали; и ежели у нихъ въ самомъ дѣлѣ по силѣ прежде отправленныхъ нашихъ реестрахъ какія нибудь вещи въ собраніи имѣются о томъ извольте насъ дружески увѣдомить, потому какъ о убіеніи до смерти людей реестры прислать и коммисаровъ какъ весьма нужно и потребно отправить не оставимъ и для увѣдомленія Вашего Превосходительства написавъ сіе дружеское письмо отправили, по полученіи котораго ежели по прежнимъ отправленнымъ нашимъ реестрамъ какъ выше изображено нынѣ въ Собраніи имѣется и о томъ знать намъ дадите, по вашему увѣдомленію вновь о приключенныхъ убыткахъ и о біеніи запорожскими казаками до смерти людей реестры со всякимъ обстоятельствомъ присланы и во исполненіи мирнаго трактата какъ весьма нужно коммисары отправлены быть имѣютъ, извольте быть извѣстны безъ всякаго сумнительства, уповаемъ какъ по силѣ отправленныхъ предъ симъ съ офицеромъ нашимъ писемъ такъ и по нынѣшнему благопріятно искреннему нашему письму къ возобновленію утвержденію и наблюденію блаженнаго мирнаго трактата кондицій попечительное и значительное свое стараніе приложить не оставите. Писано отъ Мухамеда 1165 г. мѣсяца Мухарена 22 дня».

X.

1756 годъ.

№ 21763. Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія послѣдовавшаго изъ Правительствующаго Сената Гетманъ Малороссіи, въ Декабрѣ 1756 года, предписалъ Генеральной Войсковой Канцеляріи о нарядѣ, по военному времени, на службу 8000 человѣкъ.

По пропорціи Прилуцкому полку слѣдовало выставить, по числу всѣхъ посполитыхъ, подданическихъ и мѣщанскихъ дворовъ и хатъ бездворныхъ и ихъ также казачьихъ и владѣльческихъ подсусѣдковъ, 665 человѣкъ.

Для исполненія этого Генеральная Войсковая Канцелярія предложила полковому командиру того полка «тотъ часъ собравъ у сотенныя канце-

ляріи жительствующихъ владѣльцевъ, или ихъ повѣренныхъ, а въ отсутствіе владѣльцевъ ихъ старость, войтовъ и прикащиковъ учинить въ присутствіе ихъ на всѣ мѣстечка, села, деревни и слободки расположеніе и по оному сколько отъ кого доведется въ сей нарядъ послать людей оныхъ немедленно въ сотенныя мѣстечки, собравъ содержать въ своемъ вѣдѣніи, снабдивъ ихъ мѣсячнымъ провіантомъ и довольствіемъ, и безнужнымъ одѣяніемъ и обувомъ и отъ тѣхъ же домовъ до отдачи присланнымъ изъ военной Коллегіи командирамъ» поступать по имѣющимся уже у нихъ распоряженіямъ. При этомъ предписывалось гдѣ Сотниковъ нѣтъ, то поручить управленіе сотенными дѣлами значковымъ товарищамъ, на коихъ и возложить содержаніе въ исправности наряженныхъ людей.

О распоряженіяхъ этихъ Генеральная Войсковая Канцелярія донесла Гетману 8 декабря того же 1756 года.

XI.

№ 25368. Мглинскій мѣщанскій магистратъ жаловался Генеральной Войсковой Канцеляріи, что Стародубовскаго полка Сотникъ Лисаневичъ принимаетъ подъ сотенную команду мѣщанъ, которые, записываясь въ казаки, неплатятъ опредѣленныхъ мѣщанскихъ сборовъ. Почему оная Канцелярія 21 января 1757 года предписала Стародубовской Полковой канцеляріи внушить названному Сотнику, что бы онъ Мглинскихъ мѣщанъ подъ свою команду не принималъ, а если кто изъ тѣхъ мѣщанъ «желаетъ быть казаками, то должны искать должнымъ порядкомъ». (Слѣдовало доказать казачье ихъ происхожденіе).

XII.

1759 годъ.

№ 21007. Лекарь кр. Св. Елисаветы Власовъ, ѣздившій по паспорту крѣпостной канцеляріи для свиданія съ родственниками, а болѣе для вызова великороссійскихъ людей для поселенія въ польскія мѣстечка, бывши въ Браиловѣ, слышалъ отъ прибывшаго туда изъ за-Дуная раскольничьяго чернца Германа, что, по словамъ тамошнихъ мурзъ, ханъ Крымскій и при немъ тысячъ десять татарскаго войска,—между которымъ много панцырниковъ и латниковъ, а также и черкесъ, имѣетъ состоять за Днѣстромъ въ мѣстечкѣ Каушанахъ и намѣреніе имѣетъ какъ на польскія къ татарской, волошской и россійской сторонѣ села, такъ и на крѣпость Св. Елисаветы и на новопоселенныя слободы нападеніе учинить.

Возвратившись на мѣсто службы, названный лекарь заявилъ обо всемъ слышанномъ имъ ханскомъ намѣреніи коменданту сей крѣпости, присовокупивъ, что въ Польшѣ приняты уже предосторожности противу вторженія татаръ въ польскіе предѣлы. Въ виду чего объ этомъ заявленіи доведено до свѣдѣнія и Генеральной Войсковой канцеляріи, для надлежащаго распоряженія.

XIII.

1760 годъ.

№ 18573. «Ясновельможному, высокоповелительному, Господину, Господину малой Россіи обоихъ сторонъ Днѣпра и войскъ запорожскихъ Гетману, Ея Императорскаго Величества дѣйствительному камергеру, Императорской С.-Петербургской Академіи наукъ Президенту Л. Гвардіи Измаиловскаго полку подполковнику и обоихъ россійскихъ Императорскихъ орденовъ Св. Апостола Андрея и Александра Невскаго, тако же польскаго Бѣлаго орла и Голстинскаго Св. Анны кавалеру, Россійской имперіи графу, Кирилу Григорьевичу, Его сіятельству Разумовскому.

ПОКОРНѢЙШІЙ РАПОРТЪ.

Сего теченія 14 числа получены въ Генеральной Войсковой Канцеляріи два письма отъ г. генералъ-маіора Кіевскаго оберъ коменданта Лопухина: 1. Обрѣтающійся де внизъ р. Днѣпра на Кременчуцкомъ форпостѣ Ямбургскаго Драгунскаго полку подполковникъ Мейеръ доношеніемъ въ Кіевскую Губернскую Канцелярію представлялъ: по преморіямъ де отъ вновь формированнаго Гусарскаго Македонскаго полку объявлено яко съ того Гусарскаго полку гусары бѣгутъ и требовано де что бы оныхъ бѣглецовъ на форпостахъ предостерегать и ловить и посланныхъ де къ сыску и поимкѣ чинить вспоможеніе, ибо де хотя нарочные для поимки и посланы и нагнавъ у р. Днѣпра отстрѣливаясь пулями въ польскую сторону перешли (?). А нынѣ де на форпостахъ и на редутахъ отъ означеннаго Ямбургскаго Драгунскаго полку за разными расходами состоитъ людей весьма умалительно, на каждомъ форпостѣ и редутѣ по четыре человѣка, а хотя де и резервныхъ на тѣ форпосты вывесть то болѣе де не будетъ какъ по пяти человѣкъ, а казаковъ де для разъѣздовъ на нѣкоторыхъ форпостахъ по четыре, а на другихъ по три человѣка поставлено и потому де малолюдству чрезъ частые разъѣзды и лошади въ изнуреніе прійдти могутъ и тѣмъ де доношеніемъ требовалъ онъ подполковникъ Мейеръ дабы для найлучшаго чрезъ Днѣпръ бѣглецовъ и тай-

но переходцовъ удержанія и проѣздовъ и чтобы въ случаѣ и отпоръ дать можно пріумножить на тѣ форпосты военно-служащихъ тамъ и казаковъ, и тому де доношенію въ Кіевской Губернской Канцеляріи опредѣлено: о пріумноженіи для показанныхъ резоновъ на означенные внизу р. Днѣпра форпосты и редуты военнослужащихъ людей требовать отъ военной походной господина генералъ-аншефа и кавалера Петра Ивановича Стрѣшнева Канцеляріи резолюціи. Очемъ де съ Кіевской Губернской Канцеляріи въ оную Походную Канцелярію преморія и послана. 2. Обрѣтающійся де вверху р. Днѣпра на Добрянскомъ форпостѣ Вятскаго Драгунскаго полку полковникъ Юнгеръ въ Кіевскую Губернскую Канцелярію рапортовалъ, что нашедшаго 759 году декабря 11, на самомъ разсвѣтѣ между Голишева и Марочкина форпостовъ незнаемо какіе люди взломавъ рогатины проѣхали на десяти возахъ, а съ тѣмъ и какіе люди неизвѣстно и хотя де стоящими при томъ Голишевскомъ форпостѣ гренадерами въ самыхъ рогаткахъ и догнаты но токмо де по многолюдству ихъ не взяты, и сверхъ де того отъ нихъ имъ гренадерамъ объявлено ежели де они гренадеры къ нимъ приступятъ то всѣхъ до смерти побьютъ, и хотя де на всѣ команды его полковника форпосты и съ офицеромъ, дабы таковыхъ тайно проѣздовъ употребъ всевозможные способы ловили ордерами отъ него полковника и подтверждено, но при полку де Вятскомъ нынѣ при командированіемъ людей состоитъ весьма малое число, которыми де и форпосты содержатся съ великою нуждою. А хотя де для разъѣздовъ и казаки отъ малороссійскихъ полковъ имѣются но только опые казаки присылаются нѣкоторые малолѣтніе, а другіе не исправные; а затѣмъ де ежели и когда по какому малолѣтству въ случаѣ таковыхъ тайныхъ проѣздовъ удержать будетъ невозможно то дабы де на немъ полковникѣ какого взысканія не послѣдовало, и потому де его полковника рапорту въ Кіевской Губернской Канцеляріи также опредѣлено: о пріумноженіи на означенные вверху р. Днѣпра форпосты военнослужащихъ людей требовать отъ Военной Походной Господина генералъ-Аншефа и кавалера Стрѣшнева Канцеляріи резолюціи и въ оную Походную Канцелярію преморія послана. А о козакахъ тѣми письмами онъ господинъ генералъ-маіоръ требовалъ резолюціи отъ Генеральной Войсковой Канцеляріи и потому въ Генеральной Войсковой Канцеляріи опредѣлено: 1. Для прописанныхъ въ оныхъ письмахъ резону и къ преумноженію состоящихъ на Днѣпровскихъ форпостахъ казаковъ учинить нарядъ (якій и учиненъ). А именно на форпосты, что внизъ Днѣпра изъ полковъ Лубенского, Миргородского и Полтавского по сту, итого триста человѣкъ казаковъ, а вверхъ рѣки Днѣпра изъ Стародубовскаго и Черниговскаго по сту жъ, итого двѣсти

человѣкъ и о присылкѣ тѣхъ казаковъ во всякой воинской исправности и съ провіантомъ при старшинахъ въ вѣдѣніе и команду тѣхъ же командировъ которые тамъ же на форпостахъ съ прежде опредѣленными казаками состоятъ послать ордера изъ Генеральной Войсковой Канцеляріи тѣхъ полковъ къ полковникамъ въ полковыя канцеляріи, почему таковы ордеры и посланы. 2) къ нему же господину генералъ маіору и Кіевскому оберъ камеданту Лопухину о томъ за извѣстіе отписать и при томъ объявя что хотя отъ Войсковой Генеральной Канцеляріи въ разсужденіи, прописанныхъ въ тѣхъ его письмахъ обстоятельствъ, какъ внизъ р. Днѣпра изъ прописанныхъ полковъ триста и вверхъ р. Днѣпра двѣсти человѣкъ казаковъ къ находящимся тамо выслать повелѣно, но понеже вверхъ р. Днѣпра въ Стародубовскомъ и Черниговскомъ полкахъ находятся въ защищеніи отъ нападенія изъ польской стороны на чинимое по границамъ укрѣпленіе противъ каждаго польскаго староства по двѣсти человѣкъ выборныхъ казаковъ, яко то изъ Стародубовскаго четыреста, съ Черниговскаго двѣсти и то сверхъ той тысячи человѣкъ казаковъ, которые высылаются туда на форпосты изъ разныхъ опредѣленныхъ малороссійскихъ полковъ, къ защищенію же отъ нападенія изъ польской стороны на чинимое по границѣ. . . . . укрѣпленіе по силѣ Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества грамотъ, для того въ разсужденіи многихъ и всегдашнихъ молороссійскимъ полкамъ нарядовъ и ихъ казачей повсегдайшности въ службѣ употребленію нужды и недостатку требовано что бы приказано отъ него господина генералъ маіора кому надлежитъ для требуемыхъ нынѣ разъѣздовъ изъ тѣхъ высылаемыхъ и состоящихъ вверхъ р. Днѣпра полку Стародубовскаго и Черниговскаго для отпору полякамъ казаковъ употребить надобнымъ числомъ, а новый для сего изъ Стародубовскаго и Черниговскаго полковъ нарядъ оставить, и что потому отъ него будетъ учинено увѣдомилъ бы Войсковую Генеральную Канцелярію. О чемъ Вашей Ясновельможности Генеральная Войсковая Канцелярія нижайше рапортуя представляетъ тоже что хотя по тому помянутаго господина генералъ маіора и Кіевскаго оберъ коменданта требованію, въ разсужденіи объявленныхъ въ письмахъ его обстоятельствъ вышепрописаннымъ числомъ и выступить учинить съ оныхъ полковъ повелѣно, но понеже малороссійскіе казаки отъ многихъ и всегдашнихъ командерацій и такъ не малое притерпѣваютъ отягощеніе и приходятъ отъ времени до времени къ продолженію впредь ихъ казачей службы въ несостояніе, какъ о томъ и предъ симъ Вашей Ясновельможности отъ Генеральной Войсковой Канцеляріи представлено, ибо кромѣ высылаемыхъ съ малороссійскихъ полковъ на линію тысячи пятисотъ въ дѣланіи за-

сѣкъ и у содержанія форпостовъ въ Новой Сербіи и въ другихъ мѣстахъ дѣйствительно находится теперь 11911 человѣкъ, и въ перемѣну ихъ, какъ съ нѣкоторыхъ полковъ представляется, послать нѣкого, зачѣмъ принуждены казаки стоять безсмѣнно по году и по больше, до того Генеральная Канцелярія проситъ Вашей Ясновельможности высокаго благоразсмотрѣнія, не благоизволено будетъ о облегченіи оныхъ казаковъ въ нарядъ куда надлежитъ по исходатайствованіи резолюціи учинить представленіе». Вашей Ясновельможности нижайшіе слуги Семенъ *Кочубей* Андрей *Безбородко.*

XIV.

1761 годъ.

№ 9200. Житель города Лютенка полку Гадяцкаго Илья Карпенко жаловался на запорожца Марка Быка, что онъ Быкъ продалъ было его Карпенко туркамъ въ неволю, гдѣ онъ былъ лѣтъ 15 и когда оттуда ушолъ, то жаловался на Быка Крыловскому старостѣ Качаловскому, да губернатору Староства Чигиринскаго Ороховскому, съ просьбою удовлетворенія за свою неволю. По жалобѣ этой было опредѣлено, чтобы Быкъ удовольствовалъ Карпенко за неволю семи стами золотыхъ, но онъ, Быкъ, далъ только три золотыхъ.

При слѣдствіи оказалось, что названный запорожецъ Быкъ не только одного Карпенко, а еще 17 человѣкъ продалъ туркамъ въ неволю. На этомъ слѣдствіе и окончилось и Карпенко болѣе удовлетворенія отъ Быка не получилъ.

XV.

1762 годъ.

Копія съ грамоты.

№ 5157. Графъ Кириллъ Разумовскій, Гетманъ и кавалеръ....

Нашей Генеральной Войсковой Канцеляріи.

«По отъѣздѣ нашемъ изъ Малой Россіи въ С.-Петербургъ содержавшіеся въ домѣ нашемъ въ Глуховѣ Высочайшія грамоты на урядъ гетманскій, данныя также на графское наше достоинство дипломъ и всѣ гетманскіе клейноты, порученныя въ вѣдомство Подскарбію Генеральному......... Тайному Совѣтнику и кавалеру господину Гудовичу, а понеже то потребно нынѣ имѣть намъ здѣсь того ради данныя отъ насъ ему господину Тайному Совѣтнику Генеральному Малороссійскому Подскарбію и кавалеру Гудовичу ордеромъ велѣть предложить отъ себя

дабы вышеизображенныя Высочайшія грамоты на урядъ гетманскій данныя намъ, такожъ на графское достоинство наше дипломъ, гетманскіе клейноты пожалованныя намъ (кромѣ знаменъ и прочихъ всѣхъ старыхъ клейнотъ, которыя оставлены должны быть въ Глуховѣ подъ добрымъ смотрѣніемъ), отданы были въ Генеральную Войсковую Канцелярію за распискою, оной же нашей Канцеляріи приказываемъ принявъ тѣ Высочайшія грамоты, дипломъ и клейноты гетманскіе намъ жалованныя, поручить съ описью и распискою Старшему Войсковому Канцеляристу Антону Жайворонкову и прислать оныя съ нимъ же при рапортѣ сюда къ намъ въ Москву немедленно, въ тѣхъ же ящикахъ въ которыхъ оныя и содержатся, совсѣмъ береженіемъ и сохранностію, а для безопасности въ пути определить къ нему Старшему Войсковому Канцеляристу Жайворонкову надлежащій конвой. На взымапіе же отъ Глухова до Москвы подъ него Жайворонкова и подъ опредѣленный конвой подводъ потребное число дать изъ Генеральной Войсковой Канцеляріи подорожнюю и на заплату за тѣ подводы указныхъ прогоновъ выдать потребное число изъ скарбу малороссійскаго денегъ. Особливо-жъ оному старшему Войсковому Канцеляристу Жайворонкову велѣть потребовать съ Економичней нашей канцеляріи имѣющихся въ оной дѣлъ тѣхъ по которымъ надлежитъ намъ получать заплату за содержаніе чрезъ многіе прошедшіе годы въ мѣстностяхъ нашихъ въ Малой Россіи конскихъ казенныхъ заводовъ и другихъ дѣлъ по коимъ прежде было ему Жайворонкову поручено здѣсь имѣть хожденіе и что до того касающееся есть и въ Генеральной Войсковой Канцеляріи то и о томъ ему Жайворонкову тѣ дѣла дать и въ опись и распискою; а что-бъ таковыя дѣла отъ Економичной нашей канцеляріи ему Жайворонкову съ подлежащей описью немедленно поручены были о томъ въ оную Економичную канцелярію ордеръ нашъ посланъ. При отправленіи же онаго старшего войсковаго канцеляриста Жайворонкова сюда выдать ему Жайворонкову на исправленіе его этой поѣздки и на содержаніе себя въ пути противъ прежнихъ примѣровъ изъ скарбу малороссійскаго двести рублей денегъ и съ запискою и распискою».

Гетманъ графъ Кириллъ Разумовскій.

1762 ноября 20 Москва. «Опись Высочайшимъ грамотамъ и гетманскимъ клейнотамъ принятымъ въ Генеральную Войсковую Канцелярію отъ канцеляріи малороссійскаго скарбу кои до сего содержались подъ смотрѣніемъ канцеляріи малороссійскаго скарбу, декабря 13, 1762 года.

1. Высочайшая Ея Императорскаго Величества блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержцы Всероссійской грамота на достоинство гетманское, при

ней печать на шнурѣ съ двомя кистями золотыми у футлярѣ серебрянномъ, вызолоченномъ. На оную грамоту футляръ кожаный внутри оклеенъ бархатомъ зеленымъ. Въ ономъ же футлярѣ Высочайшая другая грамота на избраніе въ Малой Россіи гетмана вольными голосами на одномъ большомъ листу писанная, въ обгорткѣ парчею золотою и до оного футляра ключъ.

2. Высочайшая же Ея Императорскаго Величества грамота на достоинство графское, при ней печать на шнурѣ съ двома кистями золотыми у футлярѣ серебрянномъ вызолоченномъ. На оную грамоту футляръ кожаной, красной, внутри воклеенъ бархатомъ красномъ и до онаго футляра ключъ.

3. Ящикъ оклеенъ бархатомъ зеленымъ и позументомъ золотымъ, мѣстами серебрянныя бляхи, внутри оклеенъ бархатомъ же зеленымъ, узкимъ золотымъ плетешкомъ.

Въ немъ булава золотая съ брилліантами которые всѣ въ цѣлости.

Бунчукъ съ принадлежащими къ нему подробностями и копіе на древко, на которомъ бунчукъ долженъ висѣть.

Печать войсковая въ оправѣ золотой.

На оной ящикъ футляръ кожаной, красной, съ пряжками желѣзными, внутри оклеенъ фланелью бѣлою и до онаго ящика ключъ».

XVI.

1763 годъ.

№ 3253. Указъ Императрицы Екатерины II, 15 декабря 1763 года. Спб. Послѣ Императорскаго титула слова «объявляемъ во всенародное извѣстіе».

«Какія мы по вступленіи нашемъ на Всероссійскій Императорскій престолъ о пользѣ нашихъ подданныхъ и общенародномъ порядкѣ неусыпные труды и старанія прилагаемъ. О томъ всѣмъ извѣстно. А нынѣ увѣдомились мы о малороссійскомъ посполитомъ народѣ что многіе оставя свои жилища и экономію и не радя о своемъ и общемъ добрѣ, переходя столь часто съ мѣста на мѣсто что не всостояніи потому ни малѣйшей твердости въ своемъ домостроительствѣ основанія положить и тѣмъ самымъ находяся праздными подвергаютъ себя крайнему разоренію и нищенству, не сохраняя при томъ и онаго права ихъ вольностей кое имъ отъ предковъ нашихъ утверждено; ибо въ 1742 году публикованнымъ указомъ тѣмъ свободный имъ переходъ подтвержденъ. Слѣдственно въ силу того самаго указа должны малороссійскій народъ таковымъ свобод-

нымъ переходомъ пользоваться по прежнему, на основаніи ихъ малороссійскихъ правъ, которыя по принятіи Малой Россіи подъ Всероссійское самодержавство, какъ тогда Гетману Богдану Хмельницкому такъ и по немъ бывшимъ гетманамъ, а особливо и нынѣшнему нашему малороссійскому гетману графу Разумовскому отъ высокихъ предковъ нашихъ конфирмованы и утверждены, но къ крайнему нашему сожалѣнію видимъ что малороссійскій нашъ народъ тѣми въ свободномъ переходѣ правами не пользуясь и яко отъ не свѣдѣнія оныхъ обращается въ вышеприписанномъ безпорядкѣ и нищенствѣ. Того ради милосердствуя объ нихъ къ собственному ихъ отъ того предохраненію и защищенію и для возстановленія ихъ добра и покоя Всемилостивѣйше повелѣваемъ всему малороссійскому посполитому народу, всѣмъ гдѣ кто съ публикованія сего нашего указа на поселеніи въ земледѣльствѣ, работѣ, или услуженіи находится прибывать по ихъ собственнымъ желаніямъ спокойно, безъ всякой высылки и безмалѣйшаго утѣсненія; равномѣрно же и свободной имъ по ихъ желаніямъ съ мѣста на мѣсто переходъ имѣть во всемъ на точномъ непремѣнномъ основаніи правъ малороссійскихъ, въономъ статутѣ изображенныхъ. А на противу того никого изъ малороссійскаго посполитаго народа людей безъ письменнаго отпуска одинъ отъ другаго владѣльца отнюдь не принимать; равно же по ихъ желаніямъ въ дачи повелѣнныхъ тѣми правами письменныхъ отпусковъ не удерживать подъ штрафомъ въ тѣхъ правахъ положеннымъ.........».

XVII.

№ 23695. По донесенію Начальника Инжинерныхъ командъ, что работные люди высылаемые для постройки крѣпости Св. Димитрія шатаясь просятъ милостиню, за неимѣніемъ продовольствія; а также не имѣютъ достаточной обуви и одѣянія, ... Военная Коллегія предоставила Сенату чтобы для скорѣйшаго окончанія работъ названной крѣпости вмѣсто отпускаемыхъ для зимняго времени отъ работъ малороссіянъ предложить Гетману наряжать со всѣхъ малороссійскихъ десяти полковъ съ каждаго по 70 человѣкъ съ продовольствіемъ.

Причина печальнаго положенія малороссіянъ, высылающихся на крѣпостныя работы, была слѣдующая: заработныя деньги выдавались только тѣмъ людямъ, которые дѣйствительно занимались работой крѣпости, а остальнымъ, какъ-то: поварамъ, караульнымъ, табунщикамъ и прочимъ, не ходившимъ на крѣпостныя работы, а бывшимъ при хозяйственной части человѣкъ около 300, заработныхъ денегъ не выдавалось, а потому они и бѣдствовали безъ продовольствія, а обносившись не имѣли

средствъ исправлять себѣ одежду и обувь. Отъ этого они или ходили просить себѣ кусокъ хлѣба у другихъ, или болѣли, или наконецъ убѣгали отъ крѣпости. При такой убыли на работы выходило не болѣе 300 человѣкъ, да и тѣ не во время прибывали къ мѣсту своихъ занятій. Въ виду такой неисправности Канцелярія Главной Артиллеріи и Фортефикаціи просила Военную Коллегію объ устраненіи означенныхъ выше неудобствъ и для скорѣйшаго окончанія крѣпостныхъ работъ, въ слѣдующемъ 1764 г. высылать во всей исправности людей съ прибавкой противу прежняго числа. О чемъ также было доведено до свѣдѣнія Сената.

По этимъ представленіямъ Правительствующій Сенатъ предложилъ Гетману Разумовскому 4 марта 1764 года устранить всѣ означенныя выше неисправности; сверхъ того для варенія пищи и на прочія нестроевыя службы выслать особо людей, кромѣ 700 человѣкъ для крѣпостныхъ работъ опредѣленныхъ.

О чемъ отъ Разумовскаго дано Генеральной Войсковой Канцеляріи соотвѣтствующее предписаніе 12 марта того же года.

XVIII.

1783 годъ.

№ 2497. Черновыя письма Императрицѣ Екатеринѣ II, графа Румянцева-Задунайскаго.

1. 24 Февраля 1783 года, Румянцевъ доносилъ, что по Высочайшему повелѣнію имъ для войскъ своихъ и князя Репнина, отъ жителей малороссійскихъ губерній собирался провіантъ съ каждой хаты «въ окладъ положенной муки по 2 четверти и крупъ по $1^1/_2$ гарнца и за оный по послѣднимъ въ каждомъ уѣздѣ цѣнамъ деньги заплочены».

2. 28 Мая 1783 года, Кіевъ. Высказывая заботы о состояніи русской арміи, Румянцевъ доносилъ Государынѣ, что по дошедшимъ къ нему свѣдѣніямъ «не только движеніе, но и раздѣленіе войскъ Вашего Императорскаго Величества, какъ нѣкоторые выходцы изъ границъ турецкихъ сказываютъ сдѣлалось уже тамъ извѣстно и что турки артиллерію и аммуницію выгружая въ Измаилѣ, войска свои ведутъ азіатскою и Европейскою стороною въ провинціи надъ Чернымъ моремъ и Дунаемъ лежащія». Не имѣя отъ нашего посла Булгакова о всемъ этомъ свѣдѣнія, Румянцевъ опасался, что бы турки внезапно не открыли военныхъ дѣйствій. О чемъ докладывалъ на усмотрѣніе Ея Величества.

Подъ этимъ письмомъ написано: «Всеподданнѣйшій рабъ».

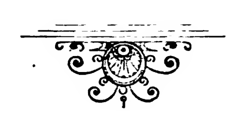
П. П. Короленко.

VI.

ИЗЪ УКРАИНСКОЙ СТАРИНЫ.

ПРЕДИСЛОВІЕ:

Сборникъ «Изъ украинской старины» стоитъ въ связи съ моими «Очерками народнаго быта» въ 13 т. Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, съ той разницей, что въ «Очеркахъ» шла рѣчь лишь о современной харьковщинѣ, на основаніи личныхъ моихъ наблюденій во время этнографической экскурсіи въ ахтырскомъ и лебединскомъ уѣздахъ въ 1901 г., а въ настоящемъ сборникѣ рѣчь идетъ о болѣе широкомъ украинскомъ районѣ, съ цѣлями преимущественно историко-бытовыми. Статьи сгруппированы по сходству содержанія и единству цѣли— опредѣленія бытовой старины, по указаніямъ выдающихся малорусскихъ писателей— Котляревскаго (полтавщина), Палицына и Квитки (харьковщина), Шевченка (кіевщина) и «Манжуры» (екатеринославщина). Статьи объ иконописи и кобзаряхъ въ бытовомъ отношеніи касаются всей старой Малороссіи. Статьи о Котляревскомъ и объ иконописи появляются здѣсь впервые; остальныя перепечатываются—однѣ съ поправками и дополненіями, другія—въ переработкѣ.



1.

Къ исторіи украинской иконописи.

Въ то время, когда сѣвернорусскіе иконописные пріемы обстоятельно изучаются и выдающіеся памятники иконописи московской, владимірской, новгородской въ значительной степени уже собраны и изслѣдованы, иконопись южно-русская, къ сожалѣнію, остается до сихъ поръ въ тѣни, мало обслѣдована, и образцы ея разбросаны въ малоизвѣстныхъ и трудно доступныхъ общественныхъ и частныхъ музеяхъ или въ сельскихъ церквахъ, иногда въ забросѣ въ притворѣ или гдѣ нибудь въ темномъ углу. А между тѣмъ остатки южнорусской иконописи заслуживаютъ полнаго вниманія съ разныхъ точекъ зрѣнія,—этнографической, церковно-исторической, историко-художественной и историко-литературной, тѣмъ болѣе, что въ старинной малорусской иконописи обнаружилась своеобразная струя народнаго художественнаго творчества. Получая въ древнее время иконы изъ Цареграда [1]), южнорусскій народъ воспользовался ими, какъ образцомъ иконописанія; съ теченіемъ времени, по любви къ родной землѣ, къ «маткѣ своей Малой Россіи» [2]) онъ въ свои иконописныя попытки внесъ черты своего быта и наружности. Съ другой стороны, въ XVI—XVIII ст. стали проникать западно-европейскія художественныя вліянія, преимущественно италіанскіе мотивы, въ изображеніи священныхъ лицъ и событій. Подъ благотворнымъ вліяніемъ византійскаго искусства и, главное, въ силу врожденнаго чувства красоты, столь превосходно выразившагося въ думахъ южнорусскіе художники настолько развили искусство иконописанія, что произведенія ихъ кисти не только удовлетворяли религіозно-нравственнымъ потребностямъ ихъ земляковъ, но проникли даже въ католическіе храмы на духовную потребу гордой шляхты. Недавно, при передѣлкѣ ягеллонской каплицы въ Краковѣ на стѣнкѣ открыты были фрески, рисованныя русскимъ художникомъ, съ мотивами, совершенно чуждыми латинской церкви. Оказывается, что Ягелло, врагъ Руси и православія,

[1]) *Аристовъ*, Промышл. др. Руси, 185.
[2]) *Сам. Величко*, Лѣтоп. 1, 98, 36.

украсилъ свою часовню восточнымъ орнаментомъ, произведеніемъ кисти русскаго художника. На фрескахъ изображены: Рождество, Христосъ въ саду, разговоръ Христа съ фарисеемъ, дорога на Голгофу, Христосъ передъ Пилатомъ, смерть Христа, Воскресеніе, Благовѣщеніе, Успеніе Дѣвы Маріи. Изображеніе Рождества Христова построено на апокрифическихъ мотивахъ: Христосъ лежитъ въ ясляхъ; на него дышутъ волъ и оселъ. Пр. Дѣва Марія лежитъ на постели; возлѣ Нея женщина. На другой фрескѣ Младенца Христа купаютъ. Успеніе Богородицы, принятое въ западной иконописи до XV ст., а въ восточной иконописи сохранившееся донынѣ, изображено такимъ образомъ: Пр. Дѣва Марія лежитъ, окруженная апостолами. Христосъ въ сонмѣ ангеловъ сходитъ съ неба и принимаетъ душу пречистой своей Матери, изображенную въ видѣ ребенка. Какой то невѣра хочетъ дотронуться до тѣла Богоматери; но архангелъ Михаилъ отрубываетъ ему руку. На заднемъ планѣ ангелы уносятъ апостоловъ, и между ними стоитъ Богородица. На землѣ множество народа, епископовъ, королей; внизу видъ города. По словамъ краковскихъ ученыхъ, «рисунокъ сильный и правильный; композиціи смѣлая; лица изображены правильно и живо, что въ совокупности ставитъ эти фрески въ рядъ самыхъ знаменитыхъ памятниковъ искусства времени, предшествовавшаго художественной дѣятельности Массачіо во Флоренціи и братьевъ Ванъ-Эйковъ въ Бриггенѣ» [1]).

Въ числѣ иконъ мѣстной южнорусской работы встрѣчались настолько художественныя, что вызывали похвалы со стороны образованныхъ грековъ, посѣщавшихъ Русь. Такъ, Павелъ Алеппскій, бывшій въ Малороссіи въ половинѣ семнадцатаго вѣка, проѣздомъ въ Москву, съ большой похвалой отзывается о живописи одной видѣнной имъ въ Малороссіи иконы [2]).

На многихъ иконахъ отразились черты южнорусскаго быта. Такъ, на рогатинскомъ иконостасѣ 1649 г., находившемся на археологической выставкѣ въ Львовѣ въ 1885 г., лица ветхозавѣтной исторіи изображены въ малорусскихъ костюмахъ XVII в. На иконѣ, изображающей пребываніе трехъ ангеловъ у Авраама, скатерти и посуда взяты изъ жизни русскаго народа XVII вѣка. [3]). Въ особенности много національныхъ бытовыхъ чертъ на запорожскихъ иконахъ. Такъ, въ Никополѣ находится старинная запорожская икона Покрова Богоматери слѣдующаго содержанія: на липовой доскѣ въ три четверти длины и въ двѣ ширины изображены Бого-

---

[1]) *Зоря*, 1885, № 21.

[2]) *Сборн.* матер. по ист. топогр. Кіева, 60.

[3]) *Зоря*, 1885, № 21.

матерь, Николай чудотворецъ и архистратигъ Михаилъ, а ниже ихъ представлены запорожцы въ полномъ вооруженіи, въ сапогахъ, широкихъ шароварахъ, въ кунтушахъ, подпоясанныхъ зелеными поясами, съ открытыми, гладко выбритыми головами. Они стоятъ внизу иконы, на краяхъ, а въ серединѣ знамена и вся казацкая арматура. Отъ казака, стоящаго на переднемъ планѣ съ правой стороны, протянута вверхъ, въ видѣ узкой ленточки, почти къ самому уху Богоматери, надпись: «Молимся, покрый насъ честнымъ твоимъ покровомъ, избави отъ всякаго зла». Нѣсколько выше этой надписи сдѣлана другая: «Избавлю и покрыю люди моя». По преданію, эта икона изображаетъ кошеваго П. И. Калнишевскаго съ товариществомъ [1]). Въ церкви села Покровскаго хранится икона Богоматери слѣдующаго содержанія: Богоматерь распростерла руки, а у ногъ ея стоятъ на колѣняхъ на первомъ планѣ архіерей, а на второмъ— запорожцы, безъ шапокъ, съ бритыми головами, на которыхъ виднѣются чубы [2]).

Въ самарскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ также находится икона съ запорожскими фигурами. На полотнѣ, вставленномъ въ деревяннную раму, высоты 20, ширины 15 вершковъ, изображенъ Господь Вседержитель съ высокой тіарой на головѣ, въ пурпурной мантіи на плечахъ, со скипетромъ въ правой рукѣ и державнымъ яблокомъ въ лѣвой. На немъ изображенъ лѣсъ и посреди лѣса озеро, изъ озера течетъ рѣчка; черезъ рѣчку переброшенъ мостикъ, и на всемъ этомъ ландшафтѣ три фигуры запорожцевъ, изъ коихъ одинъ стоитъ у моста и удитъ рыбу, другой стоитъ въ камышѣ и цѣлится въ плавающихъ по рѣкѣ утокъ, а третій сидитъ у казанка, повѣшеннаго на треножникѣ, и варитъ кашу. Около запорожцевъ стоитъ чумацкій возъ, а около рѣчки видна одномачтовая казацкая чайка. Мысль, вложенная художникомъ въ икону, очевидна: Богъ любитъ запорожцевъ и покровительствуетъ всѣмъ ихъ занятіямъ, отчего и держитъ въ своемъ державномъ яблокѣ [3]). Въ одномъ письмѣ ко мнѣ покойный Ѳ. Г. Лебединцевъ писалъ о привезенной въ Кіевъ малорусской иконѣ начала XVIII вѣка, на которой, между прочимъ, изображены въ числѣ молящихся нѣсколько казаковъ изъ старшины и жены ихъ, въ національныхъ костюмахъ того времени.

Въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской духовной академіи, между прочимъ, находится небольшая икона Богоматери, на которой пресв. Дѣва Марія изображена въ видѣ красивой малорусской дѣвушки, въ

[1]) *Эварницкій*, Запорожье, II, 51, съ рисункомъ иконы.
[2]) Ib. II, 193, съ рисункомъ,
[3]) Ibid. I, 87.

малорусской одеждѣ и съ монистами на шеѣ. Своеобразныя произведенія южнорусской иконописи находятся еще въ христіанскомъ музеѣ академіи художествъ и въ коллекціяхъ Тарновскаго и Кибальчича [1]).

Особенно оригинальными подробностями отличаются южнорусскія изображенія страшнаго суда. Церковно-археологическій музей при кіевской духовной академіи имѣетъ три любопытныхъ памятника этого рода церковной живописи. Первая картина на холстѣ, вышиною $3^3/_4$ аршина, шириною 4 арш., доставлена изъ черкасскаго уѣзда кіевской губерніи. Въ нижней части картины, въ аду, находятся, между прочими, ткачъ съ клубками нитокъ, лихварь съ веревкою черезъ плечо, на которой висятъ кошели съ деньгами, пьяница и вѣдьма. Другая икона на деревѣ XVII вѣка изъ Кіево-Златоверхо-Михайловскаго монастыря имѣетъ въ аду въ числѣ грѣшниковъ магометанъ въ навояхъ, ляховъ въ манжетахъ, евреевъ, вельможъ, монаховъ, архіереевъ. Но высшую степень оригинальности представляетъ третья картина суда на полотнѣ XVIII в. Въ ряду многочисленныхъ изображеній выдаются: женщина на постели подъ краснымъ одѣяломъ, а у ногъ ея стоитъ бѣсъ: это, какъ объясняетъ надпись, лѣнивцы до церкви; судья ѣдетъ въ адъ въ коляскѣ, въ которую впряжены два дьявола, третій дьяволъ, исполняетъ роль кучера и четвертый—лакея позади коляски; вѣдьма съ деревянной шайкой, въ которой она приготовляла зелье; наложница съ змѣями на лицѣ и на груди; чаровникъ съ змѣемъ и стклянкою; колдунья заламывающая жито; воръ, кравшій снопы; портной съ аршиномъ въ рукѣ, ножницами и кусками красной матеріи; сапожникъ съ сапогомъ въ рукахъ; мельникъ съ жерновомъ. Нѣсколько ниже изображена веселая забава: молодой мужчина танцуетъ съ женщиной; подлѣ нихъ музыкантъ, играющій на скрипкѣ, два бѣса поощряютъ эту забаву. Далѣе слѣдуетъ грѣшница дѣтоубійца, «та що дѣти тратила»: демонъ показываетъ ей умерщвленнаго ребенка. Грѣшникъ пчелокрадъ—«пчолы краде»: изображено дерево, съ ульемъ наверху; вокругъ него летаютъ испуганныя пчелы; воръ въ кафтанѣ и лаптяхъ вынимаетъ изъ улья медъ, а стоящій сзади дьяволъ ободряетъ его. Кумъ и кума пируютъ на тележкѣ, которую везетъ дьяволъ; у кума въ рукахъ фляжка, у кумы рюмка. «Безъ сомнѣнія, замѣчаетъ г. Покровскій, эти вѣдьма и закрутка, лихварь въ образѣ еврея, портной, сапожникъ и мельникъ, представители промышленности, съ которыми чаще всего приходится имѣть дѣло простолюдину, явились здѣсь не случайно, но отразили въ себѣ недуги данной мѣстности. Въ этихъ подробностяхъ нельзя не видѣть свободнаго отношенія художника къ своей

[1]) *Новое Время*, 1882, № 2445.

задачѣ, стремленія замѣнить условную схему живыми образцами, взятыми съ натуры, и съ этой стороны указанныя картины суда, помимо своего художественнаго значенія, представляютъ нѣкоторый интересъ этнографическихъ характеристикъ» [1]).

По свидѣтельству Ѳ. Г. Лебединцева, въ правобережной Украинѣ еще недавно на картинахъ страшнаго суда можно было видѣть, напримѣръ, позади всѣхъ грѣшниковъ изъ простолюдья, подъ охраной чертей пѣшкомъ направлявшихся въ адъ, съ комфортомъ ѣдущаго въ наточанкѣ, цугомъ—на четверкѣ или шестеркѣ чертей, пана эконома, или поссесора, съ бичемъ у черта—кучера въ рукахъ, съ трубкой у самаго пана въ зубахъ и съ подписью choc do piekla, ale z fajka, или же на днѣ ада, въ образѣ сребролюбца Іуды, какого нибудь корчмаря, поссесора и даже столоначальника духовнаго правленія [2]).

Картина страшнаго суда встрѣчается въ настоящее время въ монастыряхъ, напримѣръ, въ Куряжскомъ монастырѣ, при входѣ въ монастырь подъ колокольней, на одной стѣнкѣ изображены праведники—все монахи, на другой грѣшники, въ огнѣ, охваченные большой змѣей, имѣющей на своихъ кольцахъ надписи грѣховъ, что обычно на картинахъ страшнаго суда, начиная съ XVI вѣка.

Картина страшнаго суда съ бытовыми подробностями стала весьма распространенной среди лубочныхъ изданій. Въ разсказѣ Павла Шулики «Де найшовъ — де загубывъ» отмѣчена, между прочимъ, слѣдующая лубочная картина въ крестьянской избѣ: «На здоровому лысту намалеваный змій... Повывся той змій высоко, высоко, а по ему йдуть душы праведни до Господа мылосердного на вичну радисть, который у раи трапезуе зъ ангеламы. Унызу жъ превелыкого змія рознята пасть съ зубамы, а въ пасти пылае велыке поломья, а въ тимъ поломьи сыдыть самъ батько всихъ грихивъ сатана, а у ёго на колинахъ Юда зъ гаманцемъ, що продавъ Хрыста и прывытае тихъ, що йдуть у те полумья превелыкымъ ланцугомъ зацеплени душы гришни по чынахъ, якъ и на симъ свити: попереду рушають архіереи, а тамъ попы, ченци, генералы, судди, купци, шинкары, дали вже и наши братчыкы, и симъ то ланцюгомъ тягне цилый табунъ чортивъ, а позаду превелыкою ломакою намыряется буцимъ быты по потылыци, щобъ не зупынялысь» [3]).

---

[1]) *Покровскій*, Труды одес. археол. съѣзда, III, 327.
[2]) *Лебед.*, въ Кіев. Стар. 1883, I, 4.
[3]) *Основа* 1862, IV, 80.

Свѣдѣнія о старинныхъ малорусскихъ иконахъ разбросаны въ историко-статистическихъ описаніяхъ епархій харьковской и черниговской преосв. Филарета и въ Ист.-стат. опис. екатеринославской епархіи преосв. Ѳеодосія, но свѣдѣнія скудныя, малочисленныя. Можетъ быть, почтенные архипастыри, собиравшіе свѣдѣнія отъ сельскихъ священниковъ, находили неудобнымъ упоминать о существованіи нѣкоторыхъ иконъ съ чертами свѣтскаго характера, съ мелкими бытовыми подробностями. Изъ свѣдѣній о памятникахъ русскаго искусства и древностей, доставленныхъ въ 1887 г. въ харьк. губ. статист. комитетъ священниками харьковской епархіи, видно, что въ с. Водяномъ Зміев. у. имѣется деревянная церковь съ замѣчательнымъ иконостасомъ XVII ст. Въ с. Ольшанѣ Харьк. у. сохранились древнія иконы Спасителя, Богородицы, св. Николая и св. Варвары, принесенныя первыми поселенцами изъ за Днѣпра въ 1650 г. Въ соборной церкви г. Лебедина хранится образъ св. Николая весьма художественной отдѣлки и ликъ Спасителя, едва замѣтный, древней живописи, весьма искусно выполненный въ византійскомъ вкусѣ [1]).

У частныхъ лицъ, полагаю, еще хранится немало старинныхъ малорусскихъ иконъ. Такъ, въ слободѣ Боромлѣ въ моемъ домѣ находится большая икона Mater dolorosa XVII столѣтія, работы какого то мѣстнаго художника. Богородица стоитъ со сложенными на груди руками, и къ сердцу ея направляются стрѣлы; съ правой стороны—стоитъ ангелъ и съ лѣвой—ангелъ; они держатъ въ рукахъ свитки, на которыхъ начертаны изреченія изъ св. Писанія.

Иконописаніе сохранилось въ с. Борисовкѣ Грайворонскаго уѣзда, въ смыслѣ кустарнаго промысла. Изготовляемыя здѣсь иконы развозятся по всей южной Россіи и проникаютъ въ Сербію и Болгарію. Извѣстный въ исторіи живописи Боровиковскій учился живописи въ с. Борисовкѣ. Квитка-Основяненко въ одной своей повѣсти замѣчаетъ, что здѣсь, въ Борисовкѣ «найлучши богомазы, иконописци и усяки маляры». Въ исторіи борисовской иконописи указываютъ еще на слѣдующее сѣвернорусское вліяніе: знаменитый сподвижникъ Петра Великаго Б. П. Шереметьевъ основалъ въ 1714 г. Борисовскій женскій монастырь и для исполненія иконописныхъ работъ въ монастырскихъ храмахъ вызвалъ изъ Петербурга мастера живописца Игнатьева, который и содѣйствовалъ обученію борисовскихъ жителей иконописному мастерству [2]). Повидимому, трудъ Игнатьева упалъ на подготовленную уже почву, и успѣш-

[1]) *Багалѣй*, Археол. замѣтки о Харьк. губ. 13.
[2]) *Добротв.*, Куст. пром. Курск. губ.

ное развитіе борисовскаго иконописанія обусловлено было художественными наклонностями мѣстнаго украинскаго населенія и существованіемъ среди него издавна искусныхъ маляровъ. И въ Харьковѣ еще недавно среди мѣстныхъ мѣщанъ малороссовъ встрѣчались искусные иконописцы, работавшіе дешево и хорошо, напримѣръ Басько.

Священникъ Никоновъ въ статьѣ о бытѣ и хозяйствѣ малороссовъ въ Воронежской губерніи, напечатанной въ Трудахъ Вольно-Экономич. общества, говоритъ, что многіе малороссіяне въ Воронежск. губ., начавъ малярствомъ, достигли потомъ значительныхъ успѣховъ въ живописи. Заѣзжіе и туземные иконописные мастера нерѣдко принимаютъ ихъ въ свои артели и даютъ хорошія цѣны; много есть также туземныхъ хорошихъ алфрейщиковъ, слобода Алексѣевка особенно богата такими художниками, какъ Бутурлиновка мастерами золотыхъ дѣлъ.

Живое религіозное чувство малоросса ищетъ выхода въ иконописи. По словамъ авторитетнаго въ данномъ случаѣ свидѣтеля свящ. Никонова: «малороссъ.... привержeнъ ко всему священному и церковному; въ частности въ церквахъ онъ любитъ видѣть какъ можно болѣе иконъ, особенно ярко написанныхъ, любитъ образное представленіе всей священной исторіи и евангельской нравственности; потому, чѣмъ болѣе стѣны церковныя (кромѣ иконописи) разукрашены всевозможными картинами, тѣмъ охотнѣе онъ входитъ въ такую церковь, тѣмъ теплѣе молится».

Большимъ шагомъ впередъ къ дѣлѣ собиранія и изученія старинниаго церковнаго южнорусскаго искусства былъ XII археологическій съѣздъ въ Харьковѣ въ 1902 г. Отдѣлъ церковныхъ древностей на археологической выставкѣ былъ великъ и разнообразенъ. Онъ составился почти исключительно изъ памятниковъ, поступившихъ изъ церквей Харьковской епархіи. Проф. Е. К. Рѣдинъ, совершившій въ 1900 и 1901 г., по порученію московскаго археологическаго общества, нѣсколько ученыхъ экскурсій по харьковской губерніи, съ цѣлью изученія церковныхъ древностей, собралъ большой матеріалъ, сгруппировалъ его на выставкѣ и далъ ему подробное описаніе въ видѣ каталога въ 174 стр.; здѣсь описано 686 предметовъ—иконы, царскія врата, кресты и статуи, дарохранительницы, вѣнцы, чаши, плащаницы, воздухи, облаченія. Лучшій памятникъ живописи—иконостасъ изъ ц. свв. Бориса и Глѣба с. Водянаго зміевского у.; иконостасъ этотъ перенесенъ сюда въ 1818—1822 годахъ изъ бывшей церкви упраздненнаго около 1784 г. древняго казачьяго Николаевскаго монастыря близъ с. Гомольши зміевского у. Каталогъ снабженъ подробными указателями иконографическимъ и мѣстнымъ. Кромѣ

686 предметовъ на выставкѣ было еще 660 фотографій съ церковныхъ древностей харьковской губ.

Подъ вліяніемъ XII археологическаго съѣзда, его церковно-археологической выставки и связанныхъ съ ней трудовъ проф. Е. К. Рѣдина, усилился интересъ къ южнорусской церковной старинѣ. Какъ видно изъ Чтеній въ Обществѣ Нестора лѣтописца и Трудовъ подольскаго церков. истор.-археол. общества за послѣдніе годы, въ направленіи работъ проф. Рѣдина, въ полтавской губ. трудился г. Левицкій, въ Кіевской губ. проф. Павлуцкій, г. Доманицкій, въ Подольской губ. свящ. Сѣцинскій. Собирались свѣдѣнія о старинныхъ малорусскихъ церквахъ (см. 10 вып. Труд. Под. И. А. Общ. 1904 г.), иконахъ, антиминсахъ и др. церковныхъ древностяхъ.

На основаніи богатаго матеріала, собраннаго пр. Е. К. Рѣдинымъ, и главнымъ образомъ его каталога построено изслѣдованіе г. Нарбекова «Южнорусское религіозное искусство XVII—XVIII в.» (Казань 1903 г.). Рецензія г. Шестакова на это сочиненіе напечатана въ Ж. М. Н. П. 1904 г. № 9.

Проф. Е. К. Рѣдинъ говоритъ въ предисловіи къ каталогу, что поступившіе на выставку церковные предметы далеко еще не представляютъ всего того наиболѣе характернаго и драгоцѣннаго для исторіи религіознаго искусства, что хранится въ многочисленныхъ церквахъ епархіи, и, дѣйствительно, даже въ тѣхъ селахъ, гдѣ былъ пр. Рѣдинъ, не все было представлено ему на осмотръ. Примѣромъ можетъ служить большая слобода Боромля Ахтырскаго уѣзда. Изъ 4 храмовъ этого села въ одномъ Воздвиженскомъ священникъ (нынѣ покойный) отказался наотрѣзъ открыть церковь для осмотра. Въ другомъ—главномъ храмѣ—имени Рождества Богородицы—наиболѣе старинныя иконы, находившіяся въ кладовой подъ замкомъ, не могли быть осмотрѣны, по случаю временнаго отсутствія церковнаго старосты.

Слобода Боромля возникла въ началѣ XVII ст., и около 1650 г. въ ней уже была церковь во имя Рождества Богородицы. Считалась она главной, соборной, и понынѣ удерживаетъ за собой такое значеніе. Въ 1725 г. въ прошеніи о дозволеніи перестроить храмъ писали: «этому лѣтъ съ 80 и болѣе въ этомъ городѣ Боромлѣ построена оная соборная церковь». Въ 1803 г. начали строить каменный Рождественскій храмъ. Въ 1811 г., когда постройка этого храма еще не была совсѣмъ окончена, деревянный храмъ сгорѣлъ съ его утварью и церковными бумагами. При постройкѣ храма пособіе оказывалъ мѣстный помѣщикъ поручикъ Николай Ивановичъ Карповъ, одинъ изъ потомковъ полтавскаго старосты Степ. Карпова [1]).

[1]) *Архіепископъ Филаретъ*, Ист. стат. опис. Харьк. епарх. III, 123.

„Снятіе со Креста" и „Мадонна"

въ церкви Рождества пр. Богородицы въ с. Боромлѣ, Ахтырскаго уѣз., Харьковск. губ.

Къ 11 стр.

Акаѳистная икона пр. Богородицы

въ церкви Рождества пр. Богородицы въ с. Боромлѣ, Ахтырскаго уѣз., Харьковск. губ.

Къ 12 стр.

рамочныхъ дѣленій. Икона писана на деревѣ сочными маслянами красками. Величина доски въ ширину 1 арш. 1 верш. и выс. 9 вершковъ. Характеръ рисунка поздній. Въ средней части Богоматерь съ Младенцемъ на лѣвой рукѣ, съ золотой коронкою на головѣ западнаго образца въ синемъ хитонѣ. Бѣлое покрывало спадаетъ съ головы на плечи. Въ правой рукѣ скипетръ. Это образъ Царицы Небесной. Стоитъ она на полумѣсяцѣ. У младенца правая рука протянута и приподнята для благословенія; въ лѣвой держава (шаръ).

Живописныя изображенія безъ внѣшнихъ разграниченій идутъ въ два ряда, сверху и снизу иконы, огибая кругомъ Пр. Дѣву. Всѣ верхнія изображенія идутъ легкимъ оваломъ въ бѣловатыхъ облакахъ.

Налѣво отъ Богородицы скрижаль и на ней процвѣтшій жезлъ Аарона, правѣе одно за другимъ идутъ кадило, круглое зеркало на подножкѣ, сѣдалище въ видѣ глубокаго золотого кресла, обитаго краснымъ сукномъ на двухъ ступеняхъ и на самомъ краю маленькая золотая звѣзда.

Справа отъ Богородицы идутъ подсвѣчникъ (горящая свѣча въ паникадилѣ), золотой сосудъ, зеленый цвѣтокъ съ бѣлыми цвѣтами и красными пестиками, лѣвѣе и выше золотыя царскія врата съ амвономъ и на самомъ краю горящая купина съ равностороннимъ треугольникомъ въ серединѣ—символомъ св. Троицы.

Внизу подъ Богоматерью огороженное рѣшеткой четыреугольное мѣсто съ вратами впереди, съ двумя деревьями внутри двери и двумя деревьями по бокамъ. Отъ этой постройки идутъ бѣлый камень, зеленое дерево и еще лѣвѣе въ углу большой круглый колодезь съ воротомъ. Надъ колодцемъ (подъ звѣздой) большое солнце, восходящее изъ-за горы.

Вправо отъ постройки идутъ въ послѣдовательномъ порядкѣ дерево въ родѣ пальмы, стоящая лѣстница и падающій изъ темной скалы ручей.

Всѣхъ изображеній—19, считая въ томъ числѣ и Богоматерь.

Въ иконѣ ярко проведено начало параллелизма. Предметамъ съ правой стороны соотвѣтствуютъ предметы на лѣвой сторонѣ: сѣдалищу правой стороны царскія врата лѣвой, кадилу—сосудъ, жезлу Аарона свѣча; то же и въ нижнемъ ряду: ручью—колодезь, дерево—дереву и т. д.

Рисунки объясняются икосами акаѳиста и канона пр. Богородицѣ, какъ то, словами:

въ 1 икосѣ Акаѳиста:

Радуйся, яко еси царева сѣдалище,
Радуйся, яко носеши носящи вся.
Радуйся, (звѣзда) являющая солнце.

Въ связи съ этимъ подъ звѣздой помѣщено восходящее солнце.

Акаѳистная икона пр. Богородицы

въ церкви Рождества пр. Богородицы въ с. Боромлѣ, Ахтырскаго уѣз., Харьковск. губ.

Къ 12 стр.

Въ икосѣ 2:

Радуйся, лѣствице небесная, ею же сниде Богъ.

Въ икосѣ 3:

Радуйся, пріятное молитвы кадило.

Радуйся, отрасли неувядаемое розго.

Въ икосѣ 4:

Радуйся, двере словесныхъ овецъ.

Радуйся, райскихъ дверей отверзеніе.

Въ икосѣ 6:

Радуйся, каменю, напоившая жаждущія жизни.

Въ икосѣ 7·

Радуйся, древо свѣтлоплодовитое,

Радуйся, древо благосѣннолиственное.

Въ икосѣ 11:

Радуйся, свѣтило незаходимаго свѣта,

Радуйся, яко многотекущую истощаеши рѣку.

Въ Акаѳистѣ Всѣхъ Скорбящихъ Радости:

VII. Радуйся, чаше, ею же радость и спасеніе воспріемлемъ,

Радуйся, животворной воды неистощимый источнице.

Радуйся, чистоты и цѣломудрія сосуде избранный.

VIII. Радуйся, купино неопалимая.

Радуйся, живоносный источнице,

Радуйся, цвѣте неувядаемый...

XII. Радуйся, двери райскія...

Въ канонѣ, въ 1 пѣснѣ:

Радуйся, благоуханный крыне.

Радуйся, свѣшнице и стамно манно носящая и услаждающая всѣхъ благочестивыхъ чувства.

Данный въ боромлянской иконѣ образецъ иллюстраціи акаѳиста Богородицы представляетъ одну изъ любопытныхъ формъ художественнаго осмысленія пестраго и мѣстами недостаточно вразумительнаго содержанія акаѳистнаго текста. При взглядѣ на икону молящійся могъ припомнить и осмыслить обращенія къ Богородицѣ. Художественная форма закрѣпляла и коментировала литературныя черты памятника.

2.

Бытовая старина въ „Энеидѣ“ И. П. Котляревскаго.

Существуетъ мнѣніе, наиболѣе яркимъ выразителемъ котораго былъ П. А. Кулишъ, что Котляревскій въ перелицеванной «Энеидѣ» смѣялся надъ украинцами. Кулишъ находилъ, что «уже самая мысль написать пародію на языкѣ своего народа показываетъ отсутствіе уваженія къ этому языку». Вопреки этому крайне одностороннему мнѣнію Н. И. Костомаровъ съ похвалой отзывается объ «Энеидѣ» и усматриваетъ въ ней «вѣрную картину малорусской жизни». Историкъ украинской литературы проф. Н. И. Петровъ, во многомъ оправдывая Котляревскаго литературными традиціями и условіями семинарскаго образованія, всетаки находитъ, что Котляревскій «пародировалъ малорусскую народную жизнь». Вообще, и въ похвалахъ, и въ порицаніяхъ сквозитъ бытовая точка зрѣнія. Котляревскій отлично зналъ бытъ, нравы и языкъ малороссовъ, и потому у него часто прорываются мѣткія наблюденія. Нужно быть благодарнымъ памяти поэта за эти оброненныя имъ мимоходомъ этнографическія богатства, и нельзя осуждать его за отсутствіе стройныхъ и цѣльныхъ описаній малорусской природы и малорусскаго народнаго быта. Будь въ то время такъ поднятъ интересъ къ народности и къ этнографическимъ изученіямъ, какъ это было уже много лѣтъ позднѣе, въ 40 и 50-е годы, то, можно думать, и Котляревскій нашелъ бы другіе литературные способы для примѣненія своего богатаго природнаго дарованія и своихъ обширныхъ этнографическихъ познаній. Время выхода «Энеиды», т. е. конецъ XVIII ст. было временемъ лишь элементарнаго, зачаточнаго изученія народной жизни.

Среди значительнаго числа отзывовъ объ «Энеидѣ» Котляревскаго особеннаго вниманія заслуживаютъ, содержательные и хорошо обставленные въ научномъ отношеніи отзывы проф. Н. П. Дашкевича въ «Кіевской Старинѣ» 1898 г. и П. И. Житецкаго въ «Кіевск. Старинѣ» 1899 и 1900 г. Въ статьѣ «Малорусская и другія бурлескныя (шутливыя) Энеиды» проф. Дашкевичъ разсматриваетъ произведеніе Котляревскаго на широкомъ

полѣ сравнительно изученія. «Энеида» Виргилія—произведеніе, пользовавшееся въ теченіе многихъ вѣковъ большимъ литературнымъ авторитетомъ, издавна стала предметомъ пародіи и шутки. Еще въ XVII ст. французскій писатель Скарронъ выпустилъ «La Virgile travesti»—шутливую передѣлку «Энеиды», гдѣ классическіе боги и богини раздѣланы подъ орѣхъ, со многими веселыми картинами, мѣстами съ такой фривольностью, передъ которой Котляревскій оказывается очень скромнымъ. Въ Германіи въ XVIII ст. «Энеиду» пародировали Михаэлисъ и Блумауеръ, въ Россіи незадолго до Котляревскаго—Осиповъ. Котляревскій, какъ человѣкъ образованный, былъ знакомъ съ нѣкоторыми предыдущими передѣлками и, въ частности, кое въ чемъ подражалъ Скаррону. Чѣмъ объясняется выдающееся положеніе «Энеиды» Котляревскаго? Вотъ тутъ то и оказываются цѣнными безпристрастные научные выводы профессора Дашкевича. «Украинская «Энеида», говоритъ проф. Дашкевичъ, представляетъ сочетаніе пародіи и бурлеска съ глубокими мыслями, между прочимъ, съ просвѣщеннымъ вниканіемъ въ общественныя отношенія Малороссіи въ предѣлахъ русскаго государства и съ народничествомъ. Народная стихія преобладаетъ въ этомъ сочетаніи, которое оказывается смѣхотворнымъ лишь при поверхностномъ взглядѣ, а на дѣлѣ озарено свѣтомъ гуманной мысли, какой въ то время было не такъ много въ обществѣ». Въ талантливости шутливаго изображенія, въ безыскуственности комизма Котляревскій не уступаетъ Скаррону и превосходитъ его по тонкости отдѣлки и обилію бытовыхъ подробностей. Проф. Дашкевичъ называетъ поэму Котляревскаго «обширной картиной малорусской общественности въ рамкахъ травестіи и бурлеска». Забавный тонъ въ Энеидѣ преобладаетъ, но не властвуетъ исключительно. Надъ всѣмъ господствуетъ своеобразное общее созерцаніе жизни, своего рода философское міросозерцаніе. Наряду съ веселыми шутками проскальзываютъ печальные мотивы, напримѣръ:

Бида не по деревьямъ ходыть,
И хто-жъ іи не скуштовавъ?
Бида биду, говорятъ, родыть,
Бида для насъ—судьбы уставъ!

Заслуживаютъ вниманія тѣ мѣста, гдѣ авторъ высказываетъ свои личныя нравственныя воззрѣнія.

Та вже що буде те и буде,
А буде те, що Богъ намъ дасть.
Не ангелы, такіе жъ люде,
Колысь намъ треба всимъ пропасть.

Та же философія житейской мудрости слышится въ словахъ:

Колы чого въ рукахъ не маешь,
То не хвалыся, що твое.
Що буде, ты того не знаешь,
Утратышъ, може, и свое.
Не розглядивши, кажутъ, броду.
Не суйсь прожогомъ першый въ воду,
Бо щобъ не насмышивъ людей.

Въ томъ же родѣ:

Не идь въ дорогу безъ запасу,
Бо хвистъ отъ голоду надмешъ.

На тему, что пугливая ворона и куста боится:

Зъ людьми на свити такъ бувае,
Колы кого михъ полякае,
То посли торба спать не дасть.

Къ тому же разряду моральныхъ сентенцій можно отнести послѣдніе стихи поэмы:

Живе хто въ свити необачно,
Тому нигде не буде смачно.
А бильшъ колы и совисть жметъ.

Здѣсь затронуто начало совѣсти, тѣ ея мученія, о которыхъ Пушкинъ сказалъ:

Когтистый звѣрь, скребящій сердце...

Котляревскій, однако, болѣе склоняетъ читателя къ радостному настроенію:

Чимъ бильшъ журытыся—все гирше,
Заплутаешься въ лиси бильше,
Покинь лишь горе и заплюй...

Проф. Дашкевичъ находитъ, что «сатиризмъ Котляревскаго исполненъ грандіозной мысли; онъ приближается по своему смыслу къ основной идеѣ «Похвалы глупости» Эразма Роттердамскаго, къ ироническому изображенію міра у Аріосто и, вообще, къ концепціи великихъ сатириковъ».

При такой высокой оцѣнкѣ Котляревскаго, съ точки зрѣнія общаго міросозерцанія и настроенія, заслуживаетъ еще вниманія масса разбросанныхъ въ «Энеидѣ» любопытныхъ замѣчаній по археологіи малорусскаго быта и замѣчаній на живыя темы современныхъ автору общественныхъ отношеній. Такъ, заслуживаетъ вниманія сочувственное отношеніе къ крестьянамъ, безъ вражды къ дворянамъ, къ числу которыхъ принадлежалъ самъ авторъ.

«Бувають всякіи паны»,

говорить Котляревскій, и потому у него есть паны и въ аду, и въ раю. Въ раю

Бувають військови, значковы,
И сотники, и бунчукови,
Яки правдыву жизнь вели;

но любопытно, что въ адъ паны попали за дурное обращеніе съ крестьянами.

Панивъ за те тамъ мордовалы,
И жарили зо всихъ бокивъ,
Що людямъ льготы не давалы,
И ставили ихъ за скотивъ.
За те воны дрова возылы,
Въ болотахъ очеретъ косылы.

Интересно еще замѣчаніе Котляревскаго, что

Мужича правда есть колюча.
А панська на вси боки гнуча.

Кое-гдѣ проскальзываютъ замѣчанія о чиновникахъ, между прочимъ, о главной язвѣ тогдашняго чиновничьяго быта—взяточничествѣ.

У насъ хоть трохы кто тямущый...
То той хоть зъ батька та здере.

Достается не мало

«чепцямъ, попамъ и крутопопамъ»

за то, что

Мырянъ щобъ зналы научать,
Щобъ не гонялысь за грывнямы,
Щобъ не возылись зъ попадями,
Та зналы церковь щобъ одну,

особенно ксендзамъ, «до бабъ щобъ не йиржалы».

Не лишено интереса описаніе рекрутчины, близкое къ народному пониманію.

Пишлы, розвывшы короговку,
И слезы молодежь лила,
Кто жинку мавъ, сестру, ятровку,
У инчыхъ мылая була.

Въ другомъ мѣстѣ приводится мысль, что для войны нужны деньги и запасы хлѣба:

Війско треба харчуваты
И воинъ безъ вина хомякъ,

Безъ битои голои копійки,
Безъ сій прелестницы злодійки,
Неможна воювать піякъ.

Чуткая отзывчивость на современные общественные интересы создала Котляревскому прочное положеніе въ потомствѣ. Насколько это положеніе прочно, можно судить по сравненію Котляревскаго съ Николаемъ Ивановичемъ Гнѣдичемъ. Котляревскій и Гнѣдичъ вмѣстѣ учились въ полтавской семинаріи, были пріятелями и похоронены рядомъ на городскомъ полтавскомъ кладбищѣ. Гнѣдичъ получилъ широкую извѣстность среди современниковъ переводомъ «Иліады», Котляревскій—пародіей на «Энеиду». Любопытная игра судьбы—осмѣяніе классической старины со стороны Котляревскаго сыграло гораздо большую роль и оставило по себѣ неизмѣримо большія литературныя послѣдствія, чѣмъ прославленіе классической древности со стороны Гнѣдича. Котляревскому воздвигаются памятники; Гнѣдичъ почти забытъ, а, между тѣмъ, и Гнѣдичъ обладалъ талантомъ, быть можетъ, не меньшимъ, чѣмъ талантъ Котляревскаго. Извѣстно, какъ въ 1830 г. Пушкинъ сочувственно встрѣтилъ переводъ «Иліады»:

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи,
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

Обладая тонкимъ поэтическимъ слухомъ, Пушкинъ въ тяжелыхъ гекзаметрахъ Гнѣдича разслышалъ умолкнувшіе звуки божественной эллинской рѣчи; но для широкихъ слоевъ образованнаго общества здѣсь было только тяжелое бряцаніе громкихъ словесъ. Гнѣдичъ и въ оригинальныхъ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ пробовалъ выдержать высокопарный стиль, причемъ такъ далеко ушелъ отъ родины, отъ жизни, отъ бытовой дѣйствительности, что читающая публика увидѣла въ немъ незнакомца и совершенно забыла и его, и всѣ его произведенія, переводныя и оригинальныя.

Котляревскій пошелъ навстрѣчу живымъ запросамъ общества; онъ сталъ разрабатывать на малорусскомъ языкѣ такіе мотивы, которые еле были затронуты въ семинарскихъ литературныхъ продуктахъ стараго времени и привлекали къ себѣ вниманіе, вызывали веселый смѣхъ, порождали анекдоты и шутки. Онъ пошелъ навстрѣчу мѣстнымъ сценическимъ потребностямъ и такимъ путемъ не только отвѣтилъ на запросы средняго общества, но и людямъ высокаго общественнаго положенія онъ доставилъ большое удовольствіе; таковъ, былъ, напр., малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Я. Н. Лобановъ-Ростовскій, любившій изящныя искусства и содѣйствовавшій устройству въ Полтавѣ театра лю-

бителей; таковъ былъ, напр., малороссійскій военный губернаторъ князь Н. Г. Репнинъ, который содѣйствовалъ постановкѣ «Наталки Полтавки» на полтавской сценѣ въ 1819 г.; таковъ былъ, наконецъ, Императоръ Николай Павловичъ, читавшій въ молодости «Энеиду» Котляревскаго. Кулишъ глубоко ошибался, когда въ 60-хъ годахъ писалъ, что «Энеида» Котляревскаго нравилась армейскимъ офицерамъ-товарищамъ поэта да ихъ лакеямъ; будто простолюдины не смѣялись: имъ было не до «Энеиды». Въ дѣйствительности, смѣялись всѣ, до кого только доходила «Энеида»: и князья, и простолюдины,—и въ этомъ смѣхѣ были плодотворные культурные зародыши, зарождались новыя литературныя стремленія, крѣпла наклонность къ литературному воспроизведенію бытовой дѣйствительности, къ проповѣди братскихъ и гуманныхъ сословныхъ отношеній. Для конца восемнадцатаго столѣтія это были зародыши большой важности и большого значенія, особенно въ этнографическихъ предѣлахъ Малороссіи.

Историческое значеніе И. П. Котляревскаго отчетливо выражено въ адресѣ Харьковскаго университета полтавскому городскому управленію 30 августа 1903 г. по случаю открытія памятника славному украинскому поэту. Адресъ слѣдующаго содержанія:

«Императорскій харьковскій университетъ приноситъ полтавскому городскому общественому управленію свои сердечныя поздравленія по случаю симпатичнаго торжества открытія памятника Ивану Петровичу Котляревскому. Не бѣдна та народная почва, на которой могутъ выростать такіе наблюдательные и отзывчивые писатели, какъ И. П. Котляревскій, равно какъ не бѣдна и та общественная среда, которая умѣетъ цѣнить свое историческое прошлое и закрѣпляетъ вещественными памятниками свои лучшія культурныя традиціи. Болѣе ста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ появилась перелицованная «Энеида», почти столѣтіе протекло, какъ вышли въ свѣтъ «Наталка Полтавка» и «Москаль Чаривникъ», и, однако, произведенія эти живутъ до сихъ поръ, охотно читаются, идутъ на сценѣ и часто переиздаются. Такая прочная устойчивость сочиненій Котляревскаго свидѣтельствуетъ объ ихъ жизненности: она ясно говоритъ о томъ, что писатель вполнѣ удачно отвѣтилъ на литературныя и просвѣтительныя стремленія общества. Главными проводниками въ Харьковѣ вліянія Котляревскаго были Костомаровъ, Срезневскій, Метлинскій, Квитка—почтенные дѣятели, оставившіе по себѣ въ лѣтописяхъ университета и города хорошую память. Независимо отъ тѣсныхъ литературныхъ связей, сближавшихъ нѣкогда Харьковъ съ Полтавой, произведенія Котляревскаго имѣютъ въ настоящее время немаловажное

значеніе для археологіи стариннаго малорусскаго быта по обилію въ свое время живыхъ, а нынѣ уже вымершихъ, характерныхъ бытовыхъ подробностей, напримѣръ, относительно украшенія жилища, пищи, одежды, нравовъ, пѣсенъ. Но не въ однѣхъ заслугахъ для археологіи состоитъ значеніе И. П. Котляревскаго. Императорскій харьковскій университетъ также высоко цѣнитъ въ немъ живого общественнаго дѣятеля, стремившагося къ широкому удовлетворенію мѣстныхъ культурныхъ интересовъ. Благодарное потомство поставило И. П. Котляревскому памятникъ, который служитъ, съ одной стороны, нагляднымъ свидѣтельствомъ заслугъ этого писателя, съ другой—доказательствомъ живыхъ общественныхъ стремленій полтавскаго городского общественнаго управленія и всего мѣстнаго полтавскаго образованнаго общества. Да послужитъ же память о заслугахъ И. П. Котляревскаго, какъ для современнаго общества, такъ и для будущихъ поколѣній, новымъ побужденіемъ къ дальнѣйшему развитію гуманизма и просвѣщенія!».

Историческое значеніе перелицованной „Энеиды" Котляревскаго обусловлено большимъ ея вліяніемъ на послѣдующее развитіе украинской литературы, ея связью съ предшествовавшими литературными пародіями на Энеиду Виргилія и значительнымъ количествомъ присутствующихъ въ ней историко-бытовыхъ потребностей. У Котляревскаго не мало такого, что уже въ его время было старо и шло къ вымиранію, что вышло затѣмъ изъ житейскаго обихода или сохранялось въ сельской глуши въ значеніи культурнаго пережитка.

При опредѣленіи тѣхъ сторонъ въ Энеидѣ Котляревскаго, которыя нынѣ представляютъ интересъ лишь для археологіи, прежде всего возникаетъ вопросъ, въ какой степени Котляревскій былъ самостоятеленъ въ ихъ изображеніи, нѣтъ ли у него тутъ прямыхъ заимствованій — изъ тѣхъ литературныхъ источниковъ, которымъ онъ въ большей или меньшей мѣрѣ подражалъ. Отвѣтъ на это сомнѣніе былъ уже данъ въ наукѣ, напр., въ статьѣ г. П. Житецкаго во 2 кн. «Кіевск. Стар.» 1900 г. и въ статьѣ г. Н. Минскаго о двухъ перелицованныхъ Энеидахъ; отвѣтъ вышелъ благопріятный для украинскаго писателя. Избравъ пародію Осипова 1791 г. образцомъ для своей работы, Котляревскій, не довольствуясь изложеніемъ внѣ пространства и времени, перенесъ все дѣйствіе поэмы въ современную ему Украину, къ изученію которой приступилъ съ большимъ рвеніемъ. Живя нѣсколько лѣтъ въ качествѣ учителя въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, почти въ центрѣ Малороссіи, Котляревскій присматривался къ языку народа, изучалъ его нравы, обычаи, обряды, повѣрья, преданія, участвовалъ въ играхъ, записывалъ характерныя народныя слова и пѣсни. Приступивъ сначала повидимому съ

цѣлью лишь посмѣшить читателя, Котляревскій увлекся работой, и, по мѣрѣ того какъ онъ изучалъ народную жизнь, отношеніе его къ народу становилось болѣе серьезнымъ и сознательнымъ, что обнаружилось въ послѣднихъ пѣсняхъ Энеиды и въ драматическихъ произведеніяхъ.

Почти всѣ главные малорусскіе писатели — Котляревскій, Квитка, Шевченко, Манжура, Франко, Гринченко въ то же время этнографы, съ той разницей, что у писателей новаго времени этнографическія собранія и изслѣдованія идутъ большею частью отдѣльно, въ видѣ сборниковъ и журнальныхъ статей, а у писателей раннихъ, въ особенности у Котляревскаго и Шевченка этнографическія изученія введены въ литературныя произведенія и разлиты по нимъ повсемѣстно и въ такомъ обиліи, что поэтъ сливается съ этнографомъ.

По словамъ г. Минскаго, Энеидѣ Котляревскаго особенную прелесть придаютъ живыя наблюденія изъ быта малорусскаго простолюдина, правда и талантливость изображеній. Описывается ли попойка, сраженіе, буря — все блещетъ своеобразными украинскими красками, на всемъ печать живой правды. Для подверждения своихъ словъ. г. Минскій сравниваетъ описаніе обѣда, устроеннаго Дидоной Троянцамъ, въ поэмахъ Блумауера, Осипова и Котляревскаго. Вотъ какъ этотъ обѣдъ описываетъ Блумауеръ: «То былъ обѣдъ! Съ тѣхъ поръ, какъ ѣдятъ, подобнаго не давалъ ни одинъ государственный прелатъ, носящій архіерейскую шапку. Нарочными эстафетами были доставлены изъ Парижа зелень, рагу и соусы, равно какъ и карлики, заключенные въ паштетахъ, изъ Венгріи мясо, изъ Америки птицы, изъ Лапландіи мороженое. Тутъ были морскіе раки, карпы и длинная форель. Вмѣсто жаркого былъ поданъ цѣлый быкъ; спаржа была толщиною въ руку, устрицы громадныя, какъ тарелка». Далѣе описывается пирогъ, представлявшій пожаръ Трои, съ Энеемъ, сдѣланнымъ изъ тѣста на верху, и вина токайское, капское, мальвазія, шампанское и др. Намѣреніе Блумауера ясно — осмѣять прожорство католическаго духовенства. Осиповъ, оставивъ въ сторонѣ духовенство и позаимствовавъ только паштеты и вина, приправилъ свое описаніе кабацкими словечками:

Различны яства тамъ заморски,
По почтѣ все привезено,
Дурного не было ни горсти,
Все на подрядъ припасено.
Пудъ въ десять окорокъ вестфальскій,
Съ большую башню сыръ голандскій,
Жаркого часть былъ цѣлый быкъ,

На пирогѣ же или паштетѣ
Катайся цугомъ хоть въ каретѣ,
И съ свинью былъ у нихъ куличъ...
Виномъ шампанскимъ хоть облейся...

Котляревскій придалъ колоритъ чисто малорусскій.

Выйшлы въ свитлыцю, та й на пилъ;
Пылы на радощахъ сивуху,
И илы симьяну макуху,
Покы клыкнулы ихъ за стилъ.
Тутъ илы разныя потравы
И все зъ полывьяныхъ мысокъ,
И сами гарніи приправы
Зъ новыхъ кленовыхъ тарилокъ.
Свынячу голову до хрину
И локшину на перемину,
Потимъ зъ пидлевою индыкъ,
На закуску кулишъ и кашу,
Лемишку, зубци, путрю, квашу
И зъ макомъ медовый шулыкъ,
И кубкамы пылы вышнивку,
Медъ, пыво, брагу, сыривець,
Горылку просту и тернывку.

Вообще, у Котляревскаго часто говорится о кушаньяхъ и напиткахъ. Такъ, въ гостяхъ у Ацеста.

И заразъ попросывъ у хату,
Горилкою почаствувавъ,
На закуску наклалы сала,
Лежала ковбаса чимала
И хлиба повне решето,
Троянцамъ всимъ дали тетерю....
И въ кахляхъ понеслы пашкеты
И кисилю имъ до сыты,
Гарячую, мяку бухынку,
Зразову до рижкивъ печинку
Гречаныхъ съ часныкомъ пампухъ

Въ другомъ мѣстѣ:

Поклалы шелевки сосновы,
Кругомъ наставылы мысокъ....
Лемишку и кулишъ глыталы

И брагу кухлыкомъ тяглы
Та и горылочку хлесталы.
Зевесъ кружавъ тоди сывуху
И оселедцемъ заидавъ [1]).

Прямо съ натуры списана картина, какъ во время пира:

Въ прысинкахъ вси паны сидилы,
На двори жъ кругомъ стоявъ народъ
У викна де-яки глядилы,
А иншій бувъ наверхъ воротъ (26)..
Роты свои пороззявлялы
И очи на лобы пьялы (61).

Въ раю:

Тамъ лакоцины разни илы,
Буханчики пшеничны били,
Кислыцы, ягоды, коржи,
И всяки разни вытребеньки...
Люлькы курылы полягавши,
Або горилочку пылы—
Не тютюнкову и не пинну,
А третёпробну перегинну,
Настоянную на бодянъ.
Пидъ челюстями запикину
И зъ ганусомъ и до колгану,
Въ ній бувъ и перецъ, и шапранъ
И ласощи все тилько илы,
Сластёны, коржики, стовпци,
Варенықы, пшенычни, били
Пухки съ кавьяромъ буханци,
Чеснықъ, рогизъ, паслинъ, кыслицы,
Козельци, тернъ, глидъ, полуныци,
Крутыи яйця зъ сыривцемъ,
И дуже вкусную яешню,
Якусь нимецьку, не тутешню,
А запывали все пивцемъ (62)

Въ гостяхъ у латинскаго царя:

Вродылось реньске съ курдымономъ
И пиво чорнее зъ лымономъ. (74)...

---

[1]) Всѣ выписи сдѣланы по изд. редакціи Кіевской Старины.

Пыригъ завдовжки изъ аршинъ (75)...
И илы бублики, кавьяръ,
Бувъ борщъ до шпундрывъ зъ буряками,
А въ юшци потрухъ зъ ґалушками,
Потимъ до соку каплуны;
Зъ отрибкы баба шарпанына,
Печена съ часныкомъ свынына,
Крохмалъ—якій йидять паны...
Пылы сикизку, деренивку
И крымску вкусную дуливку—
Що то айвовкою зовуть (77)...

Неоднократно упоминаются колбасы, особенно нѣжинскія (80, 116), мандрыки (80), ахтырскій медъ (99), съ стрючкомъ горилка (117).

Въ другомъ мѣстѣ угощеніе состоитъ въ:

Просилне зъ ушкамы, зъ гринкамы,
И юшка зъ хлякамы, зъ кишками,
Телячій лызень тутъ лыжавъ,
Ягны и до софорку куры (94)...

Сохраняя смѣхотворный тонъ при описаніи угощеній, Котляревскій, однако, стоитъ на реальной почвѣ и даетъ рядъ бытовыхъ подробностей.

Многія кушанья, упоминаемыя въ Энеидѣ, и въ настоящее время въ ходу въ Малоросіи, кулишъ, локшина, лемишка, зубци, гречневыя пампушки съ чеснокомъ, вареники, другія стоятъ на пути къ исчезновенію или совсѣмъ вышли изъ употребленія, напр., ганусовыя горѣлки, разные сластены. Очень немногое попало со стороны, было заимствовано, напр., «пашкеты»; но самыя заимствованія не противорѣчатъ бытовой дѣйствительности.

Еще болѣе архаичности въ описаніи одежды. Довольно часто упоминаются разныя части женскаго костюма. Такъ, Юнона

Сховала пидъ кибалку мычку (8).

Венера, отправляясь къ Зевсу,

Взяла очипокъ грезетовый
И кунтушъ съ усамы люстровый
Пишла къ Зевесу на ралецъ (10).

Дивчата пляшутъ

въ дробушкахъ, въ чобиткахъ, въ свыткахъ (14).

(Сестра Дидоны) Ганна

Въ червоній—юпочци баевій,

Въ запасци гарній фаналевій,
Въ стёнжкахъ, намисти и ковткахъ (15).

Царица Дидона, отправляясь на пиръ,

Взяла кораблыкъ бархатовый,
Спидныцю и корсетъ шовковый
И поцепыла ланцюнжокъ,
Червони чоботы обула,
Та и запаски не забула,
А въ рукы зъ вибійкы платокъ.

Эней въ аду, идя за Сивиллой, въ страхѣ

Хватавсь за дергу и тулывся,
Мовъ отъ кота въ комори мышъ (48).

Если исключить дергу и свитку, бытующія еще въ селахъ, то все остальное уже вышло изъ употребленія; цвѣтная обувь, кораблики, кунтуши, платки изъ выбойки—все это уже старина. «Очипки грезетовые», «кунтуши съ усами» сохраняются лишь немногими старухами, какъ память о прошломъ.

Сивилла, получивши отъ Энея деньги, спрятала «грошыкы въ калытку, пиднявши пелену и свытку» (68). Такъ и теперь мѣстами женщины хранятъ деньги.

Мужской костюмъ описывается рѣже, чѣмъ женскій.

Дидона подарила Энею:

Штаны и пару чобитокъ,
Сорочку и каптанъ зъ китайкы,
И шапку, поясъ съ каламайкы,
И чорный шовковый платокъ (15).

Укладываясь, послѣ выпивки спать, «Эней въ керею замотався (99).

Убитаго въ сраженіи Паллапта «комлыцькой буркою прикрылы (125).

Подданые латинскаго царя «посылы подрани галанци» (70).

Мужской костюмъ, по своей простотѣ, оказался болѣе устойчивымъ; но штаны «галанци» забыты,—галанци отъ названія привознаго голандскаго сукна fein holländisch.

Мелкая, но характерная черта—упоминаніе платка, при описаніи мужскаго и женскаго костюма. Платокъ, хустка игралъ въ старое время у народа такую видную роль, что вошелъ въ повѣрья и обряды.

Палка, занимающая видное мѣсто въ украинскомъ фольклорѣ, для счета, какъ знакъ власти и пр., нашла себѣ мѣсто въ Энеидѣ:

Одынъ зъ троянскои громады,
Насупывшись все мовчавъ,

И дослухавшись до порады,
Ципкомъ все землю колупавъ (33).

Описаніе панскаго кучера машталира:

На ему била була свыта
Изъ шаповальского сукна,
Тясемкою кругомъ обшита....
На бакиръ шапочка стремила,
Далеко дуже червонила,
Въ рукахъ же довгый бувъ батигъ (35)...

Весьма интересно съ археологической точки зрѣнія перечисленіе лубочныхъ картинъ стараго времени во дворцѣ латинскаго царя:

Отъ прывезлы и мальованне,
Работы первійшихъ мастривъ,
Царя Гороха пнованье,
Патреты всихъ богатыривъ:
Якъ Александръ цареви Пору
Дававъ изъ війскомъ добру хльору,
Чернець Мамая якъ побывъ,
Якъ Муромець Илья гуляе,
Якъ бье Варягъ и проганяе,
Якъ Переяславъ боронывъ
Бова съ Полканомъ якъ водывся,
Одынъ другого якъ выхривъ;
Якъ Соловій харцызъ женывся,
Якъ въ Польщи Желизнякъ ходывъ,
Патретъ бувъ француза Картуша,
Протывъ його стоявъ Гаркуша,
А Ванька Каинъ впереди.
Всякихъ всячинъ накупылы,
Вси стины ными облипылы (74).

Это весьма цѣнныя странички изъ исторіи украинскаго лубочнаго искусства XVIII ст. Здѣсь, очевидно, цѣлый каталогъ картинъ, украшавшихъ стѣны въ старинныхъ украинскихъ помѣщичьихъ домахъ. Къ сожалѣнію, украинское искусство стараго времени мало изучено, и даже капитальный трудъ Ровинскаго о лубочныхъ картинахъ не даетъ возможности описать всю данную Котляревскимъ коллекцію. Такъ, первая картина «царя Гороха пануванье» у Ровинскаго не отмѣчена. «Портреты всихъ богатыривъ» были такъ распространены въ старину, что въ Оста-

шковѣ лубочныя картины получили общее названіе «богатыри»[1]). Какъ значительно было въ Полтавщинѣ распространеніе картинъ на былинные сюжеты, видно узъ упоминаемыхъ Котляревскимъ Ильи Муромца и Соловья. Въ Малороссіи обращались картины, какъ «Муромецъ гуляе», каковыя отмѣчены Ровинскимъ въ значительномъ числѣ, и картины, «якъ Соловій харцызъ женывся»—картина неизвѣстнаго содержанія. Въ былинахъ упоминаются жена и дѣти Соловья, безъ указанія на его женитьбу.

Картина «якъ Александръ цареви Пору дававъ изъ війскомъ добру хлеру» была распространена. Быть можетъ тутъ имѣется въ виду тотъ рисунокъ, гдѣ Александръ обманомъ заставляетъ Пора оглянуться назадъ и въ это время поражаетъ его копьемъ, мотивъ, часто приписываемый въ былинахъ Алешѣ Поповичу.

Бой Ильи съ Варягомъ и защита Переяслава, картинка о Желѣзнякѣ и Гаркушѣ исторически безслѣдно исчезли. У Ровинскаго описаны картины о Бовѣ, Картушѣ и Ванькѣ Каинѣ. Картины боя Бовы съ Полканомъ отличались большимъ распространеніемъ, по распространенности самой сказки, о которой упоминаютъ Кантеміръ, Сумароковъ, которую любилъ Пушкинъ. Картушъ и Ванька Каинъ—знаменитые разбойники, воры и грабители первой половинѣ XVIII ст.—слыли молодцами; разсказы о нихъ отразились въ лубочной литературѣ и въ народныхъ картинахъ.

Въ одномъ мѣстѣ Энеиды находится краткое упоминаніе о понидилкованіи, т. е. соблюденіи поста по понедѣльникамъ, что и нынѣ мѣстами практикуется старыми женщинами, съ личнымъ пріуроченіемъ стараго обычая къ Святому Понидилку. Кое гдѣ разбросаны живыя черты нынѣ почти совсѣмъ прекратившагося чумачества. Такъ, Дидона, спрашиваетъ троянцевъ: «чы рыбу зъ Дону везете?» (13). Въ другомъ мѣстѣ старикъ знахарь

Не разъ ходывъ за силью въ Крымъ,
Тарани торгувавъ возами...
Винъ такъ здавався и никчемный,
Та бувъ разумный якъ пысьменный... (33).

Весьма мѣтко еще замѣчаніе, что море такъ троянцамъ надоѣло,

Якъ чумакамъ дощъ въ осени. (35).

Въ одномъ мѣстѣ находится описаніе стараго обычая водить медвѣдя.

Эней ведмедивъ прывесты звеливъ,
Литва на трубы засурмила,
Ведмедивъ заразъ зупыныла,

[1]) *Ровинскій*, Рус. народ. карт. V, 349.

Заставылы ихъ танцювать,
Сердешный звирь перекидався,
Плыгавъ, вертився и качався,
Забувъ и бджолы пиддырать (20).

Глубоко архаическимъ характеромъ отличается замѣчаніе, что послѣ смерти Палланта:

Жинки покійныка обмылы,
Нове убрання наложилы,
Запхнулы за щоку 'пьятакъ (129).

Есть двѣ черты стариннаго панскаго быта, нынѣ исчезнувшія, первая о томъ, что въ комнатахъ

Курывсь для духу яловецъ (13),

и вторая болѣе характерная, о томъ что прислуга Плутона

Была пидъ двиромъ въ клепа̀ло—
Якъ въ панськыхъ водытся дворахъ (61).

Клепало—(позднѣйшій помѣщичій бытъ не даетъ объясненія), должно быть, предупредительный звонокъ.

Хліорки, т. е. проститутки стоять въ аду нагими

Зъ острыженными головами,
Зъ пидризанными пеленами (47),

очевидно, согласно съ народнымъ обычаемъ наказанія за развратъ.

Сельская тревога, бывающая преимущественно во время пожара, вѣрно выражена въ стихѣ: «на гвалтъ у зво̀ны зазвонылы, по улицамъ въ трещетки били» (31).

Въ «Энеидѣ» разбросано много указаній на малорусскія пѣсни, сказки, народные обычаи и повѣрья, игры, танцы, гаданія.

Что касается пѣсенъ, то:

Про Сагайдачного спывалы,
Лыбонь спывалы и про Сичъ,
Якъ въ пыкынеры набиралы,
Якъ мандрувавъ козакъ всю ничъ,
Палтавську славылы шведчыну,
И неня якъ свою дытыну
Зъ двора проводыла въ походъ
Якъ пидъ Бендерью воювалы.
Безъ галушокъ якъ помыралы
Колысь якъ бувъ голодный годъ (36).

Тутъ, очевидно, имѣется цѣлый рядъ историческихъ пѣсенъ, впослѣдствіи забытыхъ. Въ концѣ XVIII ст. народное пѣснотворчество было еще богато и свѣжо, и самъ Котляревскій почерпалъ въ немъ силу.

Неменѣе интересны намеки на популярныя въ началѣ XIX ст. народныя сказки о кобылячьей головѣ (34), о золотыхъ деревьяхъ (42), коврѣ-самолетѣ, скатерти-самобранкѣ и сапогахъ скороходахъ (75—76). Въ одномъ мѣстѣ (98) упоминается цѣлый рядъ популярныхъ сказочныхъ героевъ:

Катыгорохъ, Иванъ Царевичъ,
Кухарчичъ, Сучичъ и Налетычъ (?),
Услужлывый Кузьма—Демьянъ,
Коцій съ прескверною Ягою,
И дурень съ ступою повою,
И славный рыцарь Марцыпанъ (?).

Что это за рыцарь Марцыпанъ? не подобіе ли пѣсенного олицетворенія хлѣба Журила.

Народные обычаи—приготовленіе рушниковъ къ свадьбѣ (26), пѣніе виршей школярами подъ окнами (26), и нѣкот. др. отмѣчены мимоходомъ.

Также случайны упоминанія о народныхъ повѣрьяхъ, напр., о вырьѣ (Юнона махнула въ вырій навпростець, 128).

Гораздо чаще упоминаются игры, танцы и гаданія. Изъ нихъ упоминаются «въ свинкы» (11), «у папаса», «въ журавля» (15), «въ хрещики», «въ горюдуба», «въ джгута», «въ хлюста,» «въ пары», «въ виска», «въ дамки» (16), «въ носка», «у лавы», «въ памфыля», «въ кепа» «въ симъ листивъ» (38), «у ворона», «въ тисной бабы», «въ джерегели» (65), въ паци (97), «въ китьки крашанками» (70), холяндры (цыганскій танецъ, 26).

Иногда одно мимолетное сравненіе пріоткрываетъ существованіе сказки. Такъ, когда Энтеллъ говоритъ Даресу: Зитру, зомну—морозъ якъ бабу (27), то тутъ мы, очевидно, имѣемъ указаніе на весьма интересную сказку о бабѣ докіи (т. е. Евдокіи) или на сказаніе о займѣ дней[1]).

Довольно подробно и часто упоминаются вѣдьмы, знахари и упыри. Отъ недуга «отшептываютъ бабы» (35). Знахарь

Всимъ видьмамъ бувъ родычъ кревный,
Умивъ и трясцю отшептаты,
И кровь хрестьянску замовляты,
И добре знавъ гребли гатыть (33).

---

[1]) См. мою ст. въ III кн. Русск. Филол. Вѣстн. 1891 г.

Знахарька Сивилла говоритъ:

Я имъ на звиздахъ ворожу,
Кажу чи трясцю одигнаты,
Отъ заушныць чи пошептаты,
Або и волосъ изигнать,
Шепчу, уроки прогоняю,
Переполохи выливаю,
Гадюкъ умію замовлять (40).

Вѣдьмъ и шептухъ мучаютъ въ аду,

На прыпичкахъ, щобъ не оралы,
У комины щобъ не литалы,
Не издылы на упыряхъ
И щобъ дощу не продавалы,
Въ ночи людей щобъ не лякалы
Не ворожилы бъ на бобахъ (56).

Мѣстами отмѣчены плясовыя пѣсни и танцы, отмѣчены горлицы, зубъ, санжаривка, трепакъ, гацакъ, гайдукъ (Эней «садывъ крутенько гайдука»). Изъ этого перечня съ теченіемъ времени кое-что уже забыто и вышло изъ употребленія.

Въ другомъ мѣстѣ (65) стр.) дано краткое перечисленіе гаданій, въ-родѣ болѣе поздняго предисловія Жуковскаго къ «Свѣтланѣ»: Дѣвушки—

Въ коминъ суженыхъ пыталы,
У хатнихъ виконъ пидслухалы,
Ходили въ пивничъ по пусткамъ,
До свички ложёчки палылы,
Щетыну изъ свиньи смалылы,
Або жмурылись по куткамъ (65).

Картина гаданій яркая; но о нѣкоторыхъ упоминаемыхъ Котляревскимъ фактахъ гаданія нынѣ уже трудно составить представленіе, по отсутствію аналогичныхъ явленій въ современной жизни. Одни и нынѣ еще хранятся—вызываніе въ трубу, выливаніе воска, подслушиваніе у оконъ; другія, повидимому, вышли изъ обихода. Такъ, неясно, въ чемъ состояли гаданія съ паленіемъ щетины и со жмурками.

Яркая картина чародѣйства на водѣ и травахъ обнаруживается въ описаніи того, какъ знахарка

И заразъ въ горщичекъ наклала,
Видёмскихъ разныхъ, всякихъ травъ,
Яки на Констянтина рвала,
И то гниздо, що ремезъ клавъ,

Васильки, папоротъ, шевлію,
Петривъ батигъ и конвалію,
Любыстокъ, просырень, чебрець,
И все то налыла водою
Погожою, непочатою,
Сказавши скилькось и словецъ (66).

Въ «Энеидѣ», какъ въ пародіи, встрѣчаются бранныя слова, чаще всего излюбленныя малороссами проклятія:

Щобъ доброи не знали доли (20).
Щобъ вашъ пропавъ собачій ридъ (110).
Щобъ вашижъ диты васъ побылы (110).

Какъ бранное выраженіе встрѣчается—«Келебердянська верства». Упоминается въ одномъ мѣстѣ выраженіе. «По сербски величалы виру» (113). Здѣсь имѣется въ виду крайне грубое сербское ругательство, далеко превосходящее всѣ русскія трехъ-этажныя ругательства. Вообще, герои Котляревскаго часто

И ридъ весь свой зъ потрухомъ кленуть (119)...

Въ этомъ пристрастіи малороссы къ проклятіямъ ярко отмѣчена одна изъ его своеобразныхъ національныхъ особенностей.

Описаніе медицины ироническое съ проблесками бытовой дѣйствительности. Хотя врачи и мучаются въ аду наряду съ другими грѣшниками, но на горестной землѣ все таки къ нимъ обращаются, Такъ, когда съ нянькой латинскаго царя сдѣлалось дурно (порвалы маточни припадки, истерика и лихорадка), то

Пидъ нисъ іи клалы ассафету
Й теплую на пупъ сервету
И ще клистыръ зъ ромну далы (81).

Раненнаго Энея лѣчили не только заговорами, но «Гарлемськими» каплями (139), очевидно, бывшими въ ходу во время составленія пародіи.

Въ аду

Лпкарь скризь ходывъ зъ ланцетомъ,
Зъ слабытельнымъ и спермацетомъ
И чванывсь, якъ людей морывъ (58).

Вообще, медицина въ Энеидѣ плохо аттестованна. Во время Котляревскаго народъ еще недовѣрчиво относился къ недоступной для него медицинской наукѣ, и лишь впослѣдствіи земская медицина привлекла къ себѣ его расположеніе.

Странное впечатлѣніе производятъ неоднократныя вылазки Котляревскаго противъ науки. Въ аду на самомъ днѣ кипятъ «мудри звиздъ щобъ не знималы»(53). Далѣе въ аду

Мудрецъ же фызыку проводывъ,
И товковавъ якыхсъ монадивъ,
И думавъ, выдкиль взявся свитъ (57).

Видно, что Котляревскій относился враждебно къ духу научной пытливости и не любилъ, какъ онъ выражался, «мудрованья».

Позднѣе въ такомъ же отрицательномъ духѣ высказался и Шевченко. Малорусскіе писатели, дорожившіе свободой слова, упустили изъ виду необходимость свободы въ изложеніи научной истины.

Въ Энеидѣ, не смотря на ея псевдокласическую основу, ярко обнаружились мѣстныя полтавскія симпатіи автора. Котляревскій съ умиленіемъ вспоминаетъ о томъ, какъ въ старое время.

... Славныи полки казацки,
Лубенскій, Гадяцкій, Полтавскій,
Въ шапкахъ було, якъ макъ, цвѣтутъ,
Якъ грянуть, сотнями ударять,
Передъ себе спысы наставлять,
То мовъ метлою все метуть (85).

Муза Котляревскаго училась въ полтавской школѣ:

Ты, Музо, кажутъ всѣ, письменна,
Въ полтавскій школи наученна (120).

Нѣсколько разъ упоминается «шведчина», преданія о которой были, повидимому, еще свѣжи въ концѣ XVIII ст., упоминается шведская могила (80, 89, 119).

Кое-гдѣ мелькаютъ ближайшія къ Полтавѣ села, Ивашки, Мыльци, Пушкаривка, Будыще, Горбатовка, гдѣ дивчатъ «хотъ гатъ гаты» (137).

Женщина обрисована въ Энеидѣ большей частью симпатично. Яркія краски разсыпаны при описаніи дѣвичьей красоты (71); много теплаго чувства вложено въ изображеніе матери. Силачъ Эвріалъ, прощаясь съ матерью, прослезился. Онъ проситъ Энея, въ случаѣ смерти, позаботиться о его матери—«не дайте пань-матци вмерты видъ нужды... и заступайте видъ вражды» (105).

Имѣя въ виду, что женщина въ Малороссіи всегда пользовалась большимъ вліяніемъ, нѣкоторое значеніе получаетъ то мѣсто въ Энеидѣ, гдѣ говорится, какъ женщина

Колы чого просыты мае
То добрый отгадае часъ,
И къ чоловику пригныздытся
Прытулытся, прыголубытся,
Цилуе, гладыть, лескотыть,
И всп суставы растурбуе
И мизкомъ такъ заверед уе,
Що сей для жинкы все творыть (96).

Встрѣчаются, однако, мѣстами фривольныя выраженія, большей частью какъ дань бытовымъ вкусамъ времени (напр. на стр. 47, 95 и въ особенности на стр. 82).

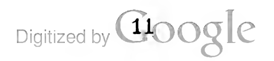
Бытовая старина обнаруживается въ самомъ языкѣ Котляревскаго. Какъ человѣкъ сильнаго дарованія, Котляревскій мимоходомъ давалъ яркія характеристики, смѣлые художественные образы, изъ которыхъ многіе сохраняютъ еще жизненность.

Такъ, встрѣчаются яркіе образы изъ внѣшней природы:

Не хмара сонце заслоныла,
Не выхоръ порохомъ вертыть,
Не галичъ чорне поле вкрыла,
Не витеръ буйный се шумыть—
Се військо йде всима шляхамы... (89), или
Якъ хвыля хвылю проганяла,
Такъ думка думку пошыбала (91), или
Уже Волосажаръ пиднявся,
Визъ на неби внызъ повертавсь,
И де хто спаты укладався (121)...
Уже свитовая зирныця
Була на неби, якъ пьятакъ,
Або пшенышня варяныця,
И небо рдилося, мовъ макъ (128)...

Частью подъ вліяніемъ семинарскихъ литературныхъ традицій, частью въ сознаніи своей силы въ знаніи малорусскаго языка, Котляревскій допускалъ разные смѣлые лингвистическіе фокусы, какъ мастеръ своего рода жонглировалъ словами, что оправдывается самимъ характеромъ перелицованной Энеиды, какъ литературной пародіи. Такъ, въ началѣ четвертой главы онъ, подражая Осипову, существительныя обращаетъ въ глаголы и, обратно, изъ глагольныхъ формъ и нарѣчій выкраиваетъ существительныя;

Та абыщо ты верзляломъ,
Не казку кормомъ соловьять,



Ось-ну закалыткуй брязкаломъ
По радощи заденежать и пр. 67.

Въ другомъ мѣстѣ Котляревскій пускается въ макаронизмы:

Энеусъ ностеръ магнусъ панусъ
И славный троянорумъ князь,
Шмыглявъ по морю, якъ цыганусъ,
Адъ те, о рексъ, прыславъ нункъ насъ,
Рогамусъ, домыне Латыне,
Нехай нашъ капутъ не загыне и т. д. (75).

Но играя языкомъ, Котляревскій самъ указываетъ на шутку,

Мене за сю не лайте мову,
Не я іи скомпанувавъ,
Сывылку лайте безтолкову... (68).

«Энеида» насыщена пословицами, поговорками, мѣткими выраженіями, частью взятыми прямо изъ устъ народа, частью въ авторской передѣлкѣ, частью созданныхъ авторомъ въ духѣ народной рѣчи:

....Набрались вси сто—лихъ (9).
Хиба якъ здохне чортъ въ рови (10).
....Въ три—вырви выгналы (12).
Охлялы, нибы въ дощъ щеня (13).
....Голы, якъ пень (16).
Эней пиджавъ хвистъ, мовъ собака (18).
Зъ двора въ собачу рысть побигъ (20).
....Якъ муха въ зиму слизъ (24).
....Облызня піймавши (28).
Тоби тамъ буде не до чмыгы,
Якъ пиднесутъ изъ оцтомъ фыгы,
То заразъ вхопытъ тебе лунь (42, 82).
Якъ прыйде узломъ до чогось (68).
Пропалы, якъ Сирко въ базари (69).
На ловця и звиръ наскакавъ (74).
Де йистся смачно, тамъ и пьется (94)
На ласее кутокъ найдется (ів.).
Фортуна не въ его кишени (ів.).
...Охъ, моя ты плитко, (65).
Не втне, бачъ, Панько Орышкы (99).
На злее всякій ма охоту (100).
Росту, якъ при шляху горохъ (104).
....Сентябремъ дывывсь (119).

Вамъ бильше рясту не топтать (125).
И теревени—вени правышъ (127).
Якъ на завійныцю крычалы (129).
...Дадуть памъ кисиля (102).
Твоимы медъ устамы пыты (134).
Ты въ руку не піймавъ сыныцю (144).
Пидпустыть москаля (37).
Ледащо сынъ—то батькивъ грихъ (96).
Якъ кажуть, хоть вынось святыхъ (111).

Встрѣчаются изрѣдка устарѣвшія слова, которыя самъ авторъ считалъ нужнымъ объяснить, напр., карвасаръ (словесный судъ на ярмаркахъ 116) и слова сочиненныя или съ измѣненнымъ значеніемъ, напр., лыгомынци (52) въ значеніи волокиты (вм. значенія сласти отъ legumes—овощи). Выраженіе «вичну память заквилилы» (131) также, повидимому, представляетъ расширеніе понятія «квилить», встрѣчающагося въ народныхъ пѣсняхъ въ значеніи печальнаго птичьяго, преимущественно соколинаго крика.

3.

Просвѣтительная дѣятельность А. А. Палицына.

Основатель Харьковскаго университета В. Н. Каразинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ замѣтилъ: «Ему (т. е. А. А. Палицыну) обязаны мы большей частью началами европейскаго быта въ Украинѣ». Кто же былъ этотъ просвѣтитель? Это былъ мелкопомѣстный дворянинъ сумского уѣзда Харьковской губ. майоръ Александръ Александровичъ Палицынъ, для своего времени человѣкъ высокаго образованія и большого просвѣтительнаго усердія и доброжелательства.

Послѣ службы въ Петербургѣ, Палицынъ поселился въ сумскомъ уѣздѣ, въ с. Поповкѣ, и вокругъ него сгруппировался кружокъ образованныхъ людей, принявшій шутливое названіе «Поповской Академіи». По предположенію проф. Д. И. Багалѣя, Палицынъ былъ недавнимъ поселенцомъ Слободской Украины, такъ какъ въ спискѣ слободско-украинскихъ дворянъ 1767 г. Палицыны не упоминаются. Поповка была населена сумскимъ протопопомъ Ан. Словенскимъ, и въ 1767 г. ею владѣлъ ахтырскій полковый обозный Савиновъ [1]).

Членъ Стат. Комитета протоіерей Ѳ. Лащенковъ представилъ любопытные для исторіи Харьковщины матеріалы, и часть ихъ, именно автобіографія В. И. Ярославскаго, была напечатана въ 1887 году въ «Кіев. Старинѣ» и 1 вып. «Харьковскаго Сборника». Остаются неизданными сочиненія Ярославскаго по исторіи и архитектурѣ и адресованныя къ нему письма А. А. Палицына. Письма эти, положенныя въ основаніе настоящей статьи, представляютъ значительный интересъ для историка русской литературы и нравственнаго состоянія русскаго образованнаго общества начала XIX столѣтія. Изъ писемъ Палицына видно, что въ первые годы XIX вѣка въ сумскомъ уѣздѣ харьковской губерніи въ селѣ Поповкѣ группировалось около просвѣщенной личности Палицына нѣ-

---

[1]) *Пр. Багалѣй.* Опытъ Ист. Харьк. Унив. I. 38.

А. А. Палицынъ.

„Видъ моей пустыни“
домъ А. А. Палицына въ с. Поповкѣ.
Рис. Алферова.

Къ 36 стр.

сколько талантливыхъ писателей и художниковъ и этотъ литературно-художественный кружокъ, съ Палицынымъ во главѣ, именуется въ его письмахъ Поповской Академіей. Правда, самъ Палицынъ называетъ ее неоднократно кукольной, очевидно, ради шутки и краснаго словца. Тѣмъ не менѣе, онъ такъ дорожилъ этой академіей, такъ высоко цѣнилъ ея образовательное, культурное вліяніе въ околоткѣ, что желалъ появленія другихъ подобныхъ центровъ мѣстнаго просвѣщенія.

Ярославскій въ своихъ «Воспоминаніяхъ» даетъ довольно подробную характеристику свѣтлой личности Палицына. *Александръ Александровичъ Палицынъ* служилъ въ Петербургѣ адъютантомъ при фельдмаршалѣ Румянцевѣ, и здѣсь, въ Петербургѣ, онъ, должно быть, вошелъ въ дружескія связи со многими писателями. Въ немъ самомъ была наклонность къ литературной дѣятельности, не покидавшая его до послѣднихъ годовъ жизни, даже въ удручающей старости, въ тиши украинскихъ полей. Поселившись въ селѣ Поповкѣ, Палицынъ проводилъ время въ занятіяхъ литературныхъ, въ составленіи плановъ церквей и домовъ для богатыхъ помѣщиковъ, въ перепискѣ съ друзьями и въ прогулкахъ по лѣсу и по полямъ, при чемъ на семидесятомъ году жизни увлекался красотами мѣстной природы со свѣжестью чувствъ юноши. Описывая свое пребываніе у Палицына въ 1804 году, Ярославскій говоритъ: «Мы по обыкновенію гуляли по лѣсу; подчищали молодыя деревья, увеселялись прыжками бѣлокъ и разными птичками, пріученными имъ для корму къ окнамъ; бесѣдовали объ архитектурѣ, живописи и литературѣ; онъ разсказывалъ мнѣ разные анекдоты о знаменитыхъ писателяхъ и ихъ сочиненіяхъ. Память у него была преобширная; грудь крѣпкая, голосъ громкій; краснорѣчіе необыкновенное, большое искусство разнообразить предметы разговора, чтобы не утомлять слушателя». Этими свойствами нужно объяснить то обстоятельство, что Палицынъ, будучи мелкопомѣстнымъ помѣщикомъ, привлекалъ къ себѣ не только писателей и художниковъ, но и крупныхъ земельныхъ владѣльцевъ, различной степени образованія и начитанности. «Бывало, говоритъ Ярославскій, если пріѣдетъ къ нему сосѣдъ помѣщикъ, занимающійся винокуреніемъ или земледѣліемъ, то онъ не станетъ вести съ нимъ ученыхъ бесѣдъ, а только объ его занятіяхъ». Характеристика Палицына, данная Ярославскимъ, находитъ полное подтвержденіе въ письмахъ самого Палицына. Мы имѣемъ передъ собой 17 писемъ Палицына къ Ярославскому; самое раннее изъ нихъ помѣчено числомъ 12 января 1802 года; послѣднее—24 марта 1811 года. Всѣ письма написаны во время пребыванія Палицына въ Поповкѣ. Село Поповка находится верстахъ въ 20 отъ г. Сумъ, вблизи села Верхней-Сыроватки.

Отъ Палицына село это перешло въ собственность его друга и ученика Николая Алферова.

Уже первое письмо Палицына вводитъ насъ въ кругъ главныхъ его умственныхъ интересовъ и нравственныхъ стремленій. «Что касается до меня, писалъ Палицынъ Ярославскому 12 января 1802 года, то я почти уже не приношу никакой жертвы архитектурѣ. Литература занимаетъ меня всего, и все мое время. Я поправлялъ вдругъ пять частей «Элоизы» для пяти моихъ секретарей, кои ихъ переписываютъ, и первую часть перевожу, чтобы самому переписывать. Никогда еще у меня столько не было письма, и никогда я такъ долго не оставлялъ циркуля и кисти, какъ нынѣ». Секретарями Палицына были его дочь и тѣ молодые люди, которые, по свидѣтельству Ярославскаго, «обязаны ему были своимъ образованіемъ» [1]). Ярославскій говоритъ, что такихъ лично обязанныхъ Палицыну помощниковъ проживало у него въ первые годы XIX столѣтія по два и по три, а изъ письма Палицына отъ 12 января 1802 г. видно, что временемъ ихъ было и болѣе. Въ пространномъ письмѣ отъ 9 іюля 1804 г. Палицынъ снова и подробно говоритъ о своихъ литературныхъ занятіяхъ: «Объ Элоизѣ» моей я не знаю ничего. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» читалъ только, что напечатано ея два тома, и объявлена цѣна для подписки на нее; изъ чего видно, что хваленый этотъ издатель Сопиковъ [2]) только лишь купчишка, шарлатанъ, которому нечѣмъ издавать, который ищетъ денегъ на что бы печатать подареныя ему авторомъ книги... «Делилевы Сады» я кончилъ. Третья, а особливо четвертая пѣснь сей поэмы у него прекрасны. Но теперь трудно издавать хорошія книги. Читатели наши до нихъ не охотники. Они любятъ какіе нибудь Жанлисовы или Радклифовы сказки, или пустые журналы, а издатели купчишки всегда жадничаютъ денегъ; слѣдственно и печатаютъ только подобные вздоры. Я думалъ найти болѣе толку и вкусу въ Бекетовѣ [3]), почему и послалъ къ нему напечатать для опыта Делилевъ «Диѳирамбъ» на безсмертіе души. Въ письмѣ своемъ ко мнѣ, онъ расхвалилъ его, взялся тотчасъ напечатать, обѣщалъ прислать на подарки тридцать экземпляровъ, просилъ убѣдительно прислать въ типографію мои переводы, съ увѣреніемъ, что я тѣмъ и его и публику одолжу чувствительно и съ обнадеживаніемъ, что все отъ меня присылаемое будетъ

---

1) *Харьковск. сборн.*, I. 43.

2) Сопиковъ—извѣстный библіографъ.

3) Плат. Петр. Бекетовъ (род. 1761, † 1836) былъ ревностный собиратель русскихъ рукописей и издатель книгъ. Онъ основалъ въ Москвѣ въ 1801 г. типографію, въ которой между прочими книгами напечаталъ сочиненія Радищева и Богдановича. «Диѳирамбъ» не былъ оконченъ печатаніемъ по случаю закрытія типографіи Бекетова въ 1804 г.

напечатано у него со всѣмъ тщаніемъ. Что же потомъ? Въ три мѣсяца онъ не напечаталъ еще этой первой тетради, въ которой нѣтъ и двадцати страницъ въ осьмушку. Чему же тутъ вѣрить?» Въ письмѣ отъ 30 января 1805 г. Палицынъ еще подробнѣе говоритъ о неудачномъ изданіи сдѣланнаго имъ перевода «Новой Элоизы» и даетъ оцѣнку самому этому произведенію: «Всѣ, кромѣ невѣжъ или ледяныхъ сердецъ, согласны, что «Новая Элоиза» столько выше всѣхъ въ своемъ родѣ романовъ, какъ небо отъ земли; почти всѣ ею восхищаются и ее желаютъ». Это восхищеніе Палицына романомъ Руссо «Julie ou la nouvelle Heloise» раздѣлялъ съ нимъ весь тогдашній образованный западно-европейскій міръ, что было вызвано замѣчательными красотами въ описаніи швейцарской природы, Женевскаго озера, простой жизни поселянъ и страстной любви Сенъ-Пре и Юліи.

Неудачное изданіе «Новой Элоизы» Руссо и «Диѳирамба» Делиля побудило Палицына обратиться къ старымъ его друзьямъ, циркулю и кисти. Изъ воспоминаній Ярославскаго, напечатанныхъ въ I вып. «Харьк. Сборника», видно, что въ первые годы XIX столѣтія, по планамъ Палицына, построенъ каменный домъ въ с. Басахъ подъ Сумами, пяти купольная круглая церковь въ с. Штеповкѣ, церковь въ с. Каменкѣ и нѣсколько другихъ сооруженій. Болѣе подробныя извѣстія объ архитектурныхъ работахъ Палицына находятся въ его письмахъ къ Ярославскому. Такъ, въ мартѣ 1806 г. Палицынъ писалъ Ярославскому, что весной ему надлежитъ сдѣлать архитектурные планы на девятнадцать строеній, по большей части каменныхъ, и кромѣ того, наблюдать за живописцами, пишущими иконостасъ въ одной ближней церкви. Въ августѣ того же 1806 г. Палицынъ жаловался Ярославскому: «Штеповская церковь лучшее здѣсь можетъ быть мое строенье, на которое ты съ такимъ раченьемъ дѣлалъ рисунки, достроена уже и испорчена: внутреннія арки заглушены; въ алтарѣ вмѣсто нашихъ круглыхъ оконъ вверху высѣчены нижнія, ненужныя, обширныя и безобразныя; такъ и крыльца сдѣланы вмѣсто чугунныхъ или плитныхъ деревянныя изъ сыраго лѣса; хорошо еще, что сводъ сомкнуть умѣли; ты помнишь, что онъ 20 аршинъ въ поперечникѣ. Немудреная также для тебя новость, что на дняхъ станутъ святить церковь славгородскую, въ которой изъ 32 кривыхъ столбовъ всякій на свой ладъ искривленъ, гдѣ колокольня вмѣсто круглаго купола покрыта на четыре угла шапкой и гдѣ въ три года четыре щекатурки облупились почти со всѣхъ стѣнъ». Архіеп. Филаретъ о штеповской церкви св. Іоанна Предтечи говоритъ слѣдующее: «Построеніе этой церкви продолжалось 9 лѣтъ, подъ распоряженіемъ архи-

тектора Палицына... Зданіе это стоило 35,000 руб. сер.; по огромности своей это одна изъ первыхъ церквей въ западной части Харьковской епархіи: фасадъ ея представляетъ огромную цилиндрическую фигуру съ величественными съ трехъ сторонъ портиками, украшенными колонадою, надъ коими возвышается обширный куполъ съ четырьмя по угламъ башнями. Будучи устроена на возвышенномъ мѣстѣ, она видна со всѣхъ сторонъ на далекомъ разстояніи. Храмъ этотъ освященъ въ 1811 г.»[1]) Въ томъ же письмѣ Палицынъ замѣчаетъ, что «новая спроватская церковь съ своей колокольней становится видна» (изъ усадьбы Палицына) и строющійся по его плану домъ И. А. Кондратьева также виденъ изъ усадьбы и служитъ ея внѣшнимъ украшеніемъ.

Литературныя и архитектурныя занятія Палицына шли почти рядомъ, одновременно, и его любовь къ нимъ, съ годами, все болѣе и болѣе возрастала. «Всякая страсть ровно и у стариковъ ожесточается съ препятствіями, писалъ Палицынъ въ октябрѣ 1808 г. на седьмомъ десяткѣ жизни; такъ и прежняя страсть моя къ музамъ, безъ силъ, иногда становится мнѣ лишь мукой, и тѣмъ еще болѣе, что другія страсти уже не занимаютъ». Составляя архитектурные проекты для построенія домовъ и церквей Палицынъ въ же время переводилъ сочиненія Делиля, Ламберта и писалъ стихотворенія.

Какъ въ литературномъ, такъ и въ архитектурномъ отношеніяхъ Палицынъ былъ сторонникомъ новаго направленія, сентиментальнаго, съ примѣсью романтизма, направленія, основаннаго на восхищеніи природой и подражаніи ей. Онъ давалъ однимъ зданіямъ симметрическую форму, другимъ несимметрическую, и лично предпочиталъ послѣднюю, какъ болѣе близкую къ внѣшней природѣ. Вотъ какъ онъ описываетъ устройство своего дома въ Поповкѣ въ письмѣ къ Ярославскому 1808 г.: «Отъ течи домъ долженъ былъ накрыться соломой. Подъ сельскую соломенную кровлю подставлены сохи, и сдѣланы придверія поповскаго зодчества, а стѣны обложены наростами съ деревъ и покрыты разноцвѣтнымъ мохомъ; около оконъ поставлены также самородные притолки въ видѣ арокъ, что все, разрушивъ симметрію, даетъ строенію видъ странный, дикій и живописный».

В. Н. Каразинъ въ статьѣ своей «Взглядъ на Украинскую старину» говоритъ, что «Палицынъ имѣлъ вкусъ въ архитектурѣ, украсилъ нѣсколько нашихъ городовъ (?) и множество селъ зданіями. Дѣйствуя на богатыхъ помѣщиковъ, въ числѣ которыхъ Шидловскіе и Надаржинскіе были его друзьями, онъ заохотилъ ихъ къ строеніямъ, лучшему распо-

[1]) *Арх. Филаретъ*, Ист. стат. опис. Харьк. епарх. III 601.

ложенію домовъ, украшенію ихъ приличной мебелью, къ заведенію библіотекъ. Ему обязаны мы большею частью началами европейскаго быта на Украинѣ» [1]). Письма Палицына показываютъ, что на ряду съ Шидловскимъ и Надаржинскимъ съ Палицынымъ находились въ дружескихъ сношеніяхъ многіе другіе крупные землевладѣльцы того времени, въ особенности Кондратьевы и Комбурлей.

Возникшій въ 1805 г. Харьковскій университетъ въ 1810 году заявилъ о своемъ существованіи весьма характернымъ и свѣтлымъ фактомъ, избравъ Палицына почетнымъ членомъ. Просвѣтительная и культурная дѣятельность скромнаго «поповскаго пустынника», какъ называлъ себя Палицынъ, была такимъ образомъ признана и почтена мѣстнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ,—фактъ почтенный и для университета, съумѣвшаго оцѣнить заслуги Палицына, и для Палицына, удостоеннаго высокой чести почетнаго члена высшаго мѣстнаго ученаго и учебнаго учрежденія, созданнаго соединенными усиліями лучшихъ людей края. 1 марта 1810 года Палицынъ писалъ Ярославскому: «Надняхъ университетъ нашъ извѣщаетъ меня чрезъ ректора, что выбралъ мощи мои въ почетные свои члены, что получилъ на то одобреніе высшаго начальства и скоро доставитъ мнѣ дипломъ на сіе званіе; но, увы! онъ не доставитъ уже мнѣ силъ, чѣмъ бы я могъ оправдать его выборъ. Это самое достопамятное и внезапное происшествіе въ Поповской пустынѣ и въ запискахъ запустѣвшей нынѣ Академіи».

Оказанная университетомъ почесть очень порадовала Палицына, и фактъ этотъ тѣмъ пріятнѣе отмѣтить, что въ 1810 году Палицынъ уже чувствовалъ старческую слабость и упадокъ силъ. Еще въ 1808 г. онъ жаловался на свою хворость; «горько примѣчать, писалъ онъ, свое уничтоженіе или, такъ сказать, въ бытіи еще чувствовать уже небытіе». «Я сталъ очень хворъ, замѣчаетъ онъ въ 1810 г. Часто въ тѣ дни, когда хочу писать, отказываютъ мнѣ силы. Я отлагаю до лучшихъ дней, и эти лучшіе дни иногда очень долго не приходятъ». Палицынъ оканчивалъ свою трудовую и добрую жизнь съ вѣрой въ свѣтлое будущее. Недовольный современными ему людьми, въ которыхъ онъ усматривалъ слишкомъ много грубаго самолюбія, онъ писалъ Ярославскому въ 1810 году: «Настанетъ когда-нибудь опять умный вѣкъ; онъ перемѣнитъ нелѣпости глупаго; возвратитъ здравый смыслъ, возстановитъ нравы, усилитъ союзы; правда одолѣетъ лжеумствованія и предразсудки, и увѣритъ опять, что лучшее наше самолюбіе (состоитъ) въ любви къ нашимъ ближнимъ»..

[1]) Данилевскій, „Укр. Стар.“ 129.

Съ этой вѣрой въ будущее и скончался Палицынъ. Въ 1819 г. Ярославскій писалъ: «Наставникъ мой А. А. Палицынъ давно уже умеръ» [1]).

Палицыну принадлежитъ «Посланіе Привѣтѣ», переводъ «Слова о Полку Игоревѣ», стихотворные переводы «Садовъ» Делиля и «Временъ года» Сенъ-Ламберта» (1814 г.), «Посланіе» Вернету (въ Харьков. Демократѣ 1816 г.), «Независимость писателя» перев. изъ Мильвуа.

Въ фундаментальной библіотекѣ Харьковскаго университета находится два сочиненія А. А. Палицына: «Посланіе къ Привѣтѣ» и «Игорь, героическая пѣснь» (стихотворный переводъ Слова о Полку Игоревѣ). Оба эти произведенія напечатаны въ Харьковѣ въ 1807 г. въ университетской типографіи.

«*Посланіе къ Привѣтѣ, или воспоминаніе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ моего времени*» представляетъ небольшую книжку, въ 70 стр. въ 16 д. л. Все это произведеніе изложено стихами, довольно, плавными и бойкими, по сравненію съ другими стихотворными произведеніями того времени, и въ особенности при преклонныхъ лѣтахъ автора. Палицынъ задался въ «Посланіи къ Привѣтѣ» похвальной цѣлью прославить русскій языкъ и писателей 18 вѣка. Онъ заранѣе, на 15 страницѣ, увѣдомляетъ читателя, что «порядка нѣтъ въ его стихахъ, ни въ именахъ (писателей)» и что онъ руководствуется не правилами, а своимъ чувствомъ. «Какъ сердце мнѣ о комъ напомнитъ, такъ пишу». Опредѣляя цѣль своего труда, Палицынъ съ одушевленіемъ говоритъ:

Я больше бы не пожелалъ,
Когда бы мое воспоминанье,
Гдѣ нѣтъ ни критикъ, ни похвалъ,
А только чувствій изліянье
Внушило ихъ (?) младымъ сердцамъ,
Узнать свой болѣе языкъ
Изъ чтеній славянскихъ книгъ,
Отвергло странное мечтанье,
Что нѣтъ у русскихъ образцовъ,
Что нѣтъ въ нихъ авторскихъ даровъ,

Что грубъ ихъ умъ и вкусъ въ писаньѣ..... (стр. 57—38) и доказало бы русскому обществу.

Сколь къ просвѣщенію способенъ нашъ народъ,
Сколь въ немъ къ словесности велико дарованье. (стр. 54).

---

[1]) Портретъ А. А. Палицына въ возрастѣ 64 лѣтъ былъ на выставкѣ XII Археол. Съѣзда и изданъ въ «Альбомѣ выставки», 1903 г., л. 39.

Живое чувство патріотизма, выражающееся въ преданности русскому языку и русской литературѣ, пробивается на каждой страницѣ »Посланія». Такъ, на стр. 11:

Несторъ, съ Никономъ, и Игорева пѣснь
Для насъ забавнѣе Гаиры и Альзиры.

На стр. 29 Палицынъ говоритъ, что «друзья отечества»,—Румянцевъ, Панины, Орловы, Чернышевы, Потемкинъ, Репнины, Суворовъ, Воронцовы уважали родной языкъ и «съ отечествомъ пеклись его возвысить».

Въ «Посланіи» разбросаны краткіе и почти всегда похвальные отзывы о Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Херасковѣ, Державинѣ, Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, Третьяковскомъ, Поповскомъ (профессорѣ и переводчикѣ Попа), Санковскомъ (переводилъ Виргилія), Костровѣ (переводилъ Гомера и Оссіана), Барковѣ (переводилъ Горація и Федра), фонъ Визинѣ, Богдановичѣ, Княжнинѣ, Крашенинниковѣ, Волчковѣ («много книгъ полезныхъ перевелъ»), Кузминѣ, Лукинѣ, Эминѣ («безъ вкуса, но богатъ былъ мыслями»), Кутузовѣ («оживилъ слогъ»), Олсуфьевѣ («вкусомъ былъ наполненъ тонкимъ, нѣжнымъ для прозы и стиховъ»), Тепловѣ («ученость, умъ и вкусъ сливалъ въ письмѣ»), Поповыхъ (переводили Тасса), Свистуновѣ (разборчивъ въ стихахъ и прозѣ), Аблесимовѣ, Козицкомъ (знаніемъ въ словесности блестѣлъ), Храповицкомъ, Ададуровѣ (слогъ ясенъ, чистъ и плавенъ), Нартовѣ (переводилъ Плинія), Глѣбовѣ (переводилъ Плутарха), Румовскомъ, Озерецковскомъ, Чертковѣ, Пастуховѣ, Чулковѣ, Леонтьевѣ, Хемницерѣ, Дмитревскомъ, Елагинѣ, Захаровѣ, Болтинѣ, Хвостовѣ, Рубанѣ, Домашневѣ, Дашковой, Ельчаниновѣ, Майковѣ, Капнистѣ, Львовѣ, Веревкинѣ, Воронцовѣ, Ржевскомъ, Потемкинѣ, Пушкинѣ (Вас. Льв.), Козловскомъ, Каринѣ, Барсовѣ, Екатеринѣ II, Шишковѣ, Станевичѣ, Горчаковѣ, Салтыковѣ, Новиковѣ, Нелединскомъ, Глинкѣ (С. Н.), Карабановѣ, Востоковѣ, Пнинѣ, Бобровѣ, Мерзляковѣ и Дмитріевѣ (Ив. Ив.). Въ концѣ »Посланія» упоминаются имена нѣсколькихъ женщинъ писательницъ и, наконецъ, нѣсколько именъ ученыхъ духовнаго званія. Изъ членовъ Поповской академіи въ этомъ бѣгломъ стихотворномъ обзорѣ русскихъ писателей упоминается только Станевичъ, и то безъ фимиліи, а съ однимъ именемъ Евстафія (стр. 35).

Съ наибольшей любовью Палицынъ отзывается о Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Капнистѣ, Дмитріевѣ, Шишковѣ, Мерзляковѣ, Потемкинѣ, Львовѣ, Тепловѣ и Ададуровѣ. Нѣкоторыя его замѣчанія отличаются вѣрностью и мѣткостью. Такъ, онъ отмѣтилъ въ Тредьяковскомъ ученость и трудолюбіе, назвавъ его «примѣръ учености и терпѣнья образецъ», въ Новиковѣ—наклонность къ собиранію древностей и изданію книгъ

въ Мерзляковѣ—способность къ переводу съ иностранныхъ языковъ на русскій. Въ нѣкоторыхъ отзывахъ звучатъ критика и порицаніе, но весьма слабо выраженныя, въ родѣ случайныхъ обмолвокъ; таковы отзывы о Хвостовѣ, Глѣбовѣ, Петровѣ, Рубанѣ, Козловскомъ и Востоковѣ.

Упоминая о современныхъ живыхъ писателяхъ, Горчаковѣ, Станевичѣ, Хвостовѣ, Глинкѣ и др., Палицынъ дѣлаетъ оговорку, что его «сѣдые стихи» не могутъ имъ понравиться, и онъ только воздаетъ имъ благодарность за тѣ сладкіе часы, какіе онъ чувствовалъ, читая ихъ творенія.

Для насъ наибольшій интересъ представляютъ автобіографическія черты, разбросанныя въ «Посланіи». Такъ прежде всего, кто такая Привѣта? Съ увѣренностью можно утверждать, что подъ этимъ поэтическимъ именемъ скрывается «чадцо», дочь или воспитанница Палицына, именно въ это время углубившаяся въ чтеніе русскихъ поэтовъ и выступившая съ собственными стихотвореніями [1]). Посланіе начинается словами:

Ты любишь свой языкъ, Привѣта, очень нѣжно,
Читаешь все на немъ прилежно.
Я вижу, какъ съ тобой читаемъ вмѣстѣ мы,
Что русскіе тебѣ пріятнѣе умы...

Въ другомъ мѣстѣ находимъ, что Привѣта почти дословно изучила сочиненіе Шишкова о слогѣ и съ восторгомъ хвалитъ его за «смѣлость благородную» (стр. 33).

Изъ «Посланія» мы узнаемъ, что А. А. Палицынъ своей родиной считалъ Москву:

Прелестна мнѣ Москва съ окрестностями ея,
Тѣмъ болѣ, что люблю языкъ свой страстно я,
Въ ней нѣкогда мои любезны предки жили
И съ пользой своему отечеству служили. (стр. 25).

Къ женщинамъ авторъ относится съ уваженіемъ:

Прелестный полъ! моей владѣешь ты душою!
Хотя ужъ пламень чувствъ отъ старости угасъ,
Чувствительность души не умираетъ въ насъ... (стр. 51).

Онъ высказываетъ желаніе, чтобы на стражѣ родного языка стали женщины:

Коснитесь нѣжными руками русскихъ книгъ;
Прелестныя уста пусть русскимъ разговоромъ

---

[1]) Трудно сказать, была ли «чадцо» родная или пріемная дочь. Въ подстрочномъ примѣчаніи въ 41 т. «Вѣстн. Европы» 1808 чадцо, какъ авторъ стих. «Озеро», названа сестрой Алферова.

Восхитятъ общество; и нашъ языкъ тотчасъ
Получатъ блескъ отъ вашихъ устъ и глазъ (стр. 40).

Посланіе къ Привѣтѣ» оканчивается прочувствованными строками о мирной пустынѣ, подъ которой несомнѣнно подразумѣвается Поповка:

Пустыня мирная моихъ къ спокойству дней
Убѣжище при старости моей!
Не промѣняю васъ я, храмины убоги,
На пышные сады, огромные чертоги....
Они съ природою меня бы разлучили.
Тамъ птицы бы ко мнѣ на окна не летали,
Иль бѣлки дикія на нихъ бы не играли....
Младыя рощицы съ цвѣтущею травою,
Подчищенныя всѣ моей рукою;
Древа отборныя, гдѣ то-жъ рукой моей
Я имена моихъ вырѣзывалъ друзей,
Иныя посвящалъ великихъ въ честь людей,
Не могши лучшаго имъ сдѣлать приношенья,
И гдѣ я читывалъ ихъ письма и творенья....

Въ одномъ мѣстѣ «Посланія» Палицынъ говоритъ подробно о той порчѣ его перевода Элоизы, которую позволилъ себѣ издатель Сопиковъ, на что, какъ намъ извѣстно, уже жаловался Палицынъ въ письмѣ къ Ярославскому. Оказывается, что издатель.

Бумаги пожалѣвъ нѣсколько листовъ,
Отбросилъ Разговоръ Жанъ-Жаковъ о романахъ,
Онъ посвященіе мое въ ней утаилъ;
Друзей моихъ стихи на переводъ мой скрылъ...
Не бывши грамотенъ гораздо и по-русски
Не только по-французски,
Къ тому жъ и совсѣмъ не съ острой головой,
Онъ вздумалъ переводъ однакожъ править мой,
Языка чистаго гнушаясь простой,
Размазалъ онъ мой слогъ несносной пестротой (стр. 26).

Въ «Вѣстникѣ Европы» 1807 г. (ч. 35, № 19, стр. 211) помѣщено нѣсколько замѣчаній издателя «Вѣстника» на «Посланіе къ Привѣтѣ» Палицына.

«Игорь, героическая пѣснь, съ древней славенской пѣсни писанной въ XII в. преложилъ стихами Александръ Палицынъ».

Въ началѣ книги находится посвященіе перевода слободско-украинскому губернатору Ив. Ив. Бахтину: «Старъ, боленъ, небогатъ, и не

имѣвъ ничего изъ даровъ счастья, кромѣ остатковъ малаго таланта иль паче страсти моей къ словесности, осмѣливаюсь я препроводить присемъ къ Вашему Превосходительству нѣкоторое слабое въ ней мое произведеніе, посвящая отъ напечатанія онаго прибытокъ въ пользу Земскаго войска». Письмо къ Бахтину помѣчено числомъ 22 февраля 1807 г. За этимъ письмомъ слѣдуетъ стихотворное письмо Хвостова къ переводчику «Слова», въ которомъ Хвостовъ

Поклонъ усердно отправляетъ,
Знакомства близкаго желаетъ
И съ лавромъ поздравляетъ....

Далѣе слѣдуетъ также стихотворный отвѣтъ переводчика Хвостову, начинающійся такимъ образомъ:

Парнасскій именитый житель,
Достойный тамошнихъ вѣнцовъ,
Творецъ безъ зависти, разборчивый цѣнитель
Другъ нѣжный музъ, Хвостовъ!
Твой голосъ сладостный проникъ въ мою обитель
Подъ сельскій ветхій мой и скорбный нынѣ кровъ...

Въ выноскѣ подъ строкой приведено объясненіе послѣдняго стиха, важное въ біографическомъ отношеніи: «Восемь мѣсяцевъ какъ сочинитель лишился жены и въ ней тридцатипятилѣтняго друга». Отвѣтъ помѣченъ числомъ 11 іюля 1807 г. Слѣдовательно Авдотья Александровна вышла замужъ за Палицына въ 1771 г., а скончалась въ ноябрѣ 1806 г.

Переводъ «Слова» снабженъ обзоромъ его содержанія и примѣчаніями, взятыми изъ перваго изданія этого памятника въ 1800 г. Палицынскому стихотворному переводу Слова о Полку Игоревѣ предшествовалъ также стихотворный переводъ Сѣрякова въ 1803 г., неизвѣстный Палицыну, и прозаическое переложеніе «Слова», сдѣланное Шишковымъ въ 1805 г. Послѣднее переложеніе подало Палицыну мысль переложить «Слово» стихами. Начало палицынскаго перевода одобрено Шишковымъ. То обстоятельство, что Палицынъ обратилъ вниманіе на Слово о Полку Игоревѣ, вскорѣ послѣ того, какъ оно было издано, указываетъ уже на его чуткость къ истиннымъ красотамъ поэзіи. Художественные образы памятника переведены довольно близко къ подлиннику. Вообще Палицынъ добросовѣстно отнесся къ принятой задачѣ и, очевидно, все свое вниманіе и силы направлялъ къ удачному ея исполненію. Сдѣланный имъ переводъ «Слова», при тогдашнемъ состояніи русской науки и литературы, при внутреннемъ строѣ тогдашняго литературнаго языка, еще не

освободившагося отъ державинской высокопарности, былъ выдающимся литературнымъ явленіемъ по простотѣ и ясности.

Переводъ очень понравился Хвостову, который выразилъ Палицыну свое удовольствіе въ цѣломъ стихотворномъ посланіи, на которое Палицынъ написалъ въ стихахъ большой отвѣтъ.

Въ изданіи произведеній Палицына дѣятельное участіе принималъ Харьковскій университетъ, въ знакъ уваженія къ нему, какъ почетному члену и въ знакъ благодарности за его усердіе при сборѣ пожертвованій на открытіе университета въ Харьковѣ [1]).

Число членовъ Поповской академіи измѣнялось, въ зависимости отъ пріѣзда въ Поповку просвѣщенныхъ друзей Палицына. Въ хорошіе годы Поповская академія была довольно многочисленна, имѣла болѣе пяти человѣкъ, а въ плохіе годы, послѣдніе годы жизни «поповскаго пустынника», состояла только изъ Палицына, его жены и дочери. Съ послѣднихъ, какъ ближайшихъ и постоянныхъ его сотрудниковъ, мы и начнемъ нашъ обзоръ личнаго состава Поповской академіи.

Авдотья Александровна, жена Палицына, по словамъ Ярославскаго, была «предобрая старушка... и большая мастерица вышивать шелками не только цвѣты, но цѣлые ландшафты и картины. Одну изъ нихъ выпросилъ у нея извѣстный Василій Назаровичъ Каразинъ для поднесенія императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, какъ любительницѣ такихъ картинъ» [2]) Въ письмѣ отъ 22 августа 1806 года Палицынъ увѣдомлялъ Ярославскаго, между прочимъ, о томъ, что «Авдотья Александровна шьетъ съ Юнесова эстампа въ очкахъ картину». Въ литературныхъ и архитектурныхъ работахъ Палицына Авд. Алекс. не участвовала, если не считать возможное содѣйствіе въ смыслѣ переписки, на положеніи, такъ сказать, домашняго секретаря.

Дочь Палицына раздѣляла всѣ его литературные и архитектурные интересы. Она помогала ему въ работахъ и перепискахъ и представляла самостоятельныя произведенія. Палицынъ именуетъ ее только ласкательнымъ словомъ «чадцо», нигдѣ не указывая ея настоящаго имени. Изъ писемъ Палицына къ Ярославскому легко убѣдиться, что дочь его обладала выдающимся образованіемъ и художественными талантами. «Чтобы сказать тебѣ обо всемъ состояніи осиротѣвшей теперь Поповской академіи, писалъ Палицынъ въ 1804 г., то главнымъ въ архитектурѣ теперь остается чадцо, которое и подлинно хорошо чертитъ и рисуетъ. Оно сдѣлало недавно три церкви, съ иконостасами въ прорѣзахъ, которыя и бу-

---

[1]) Пр. *Багалѣй*, Опытъ ист. Харьк. унив. I 770, 60, 38—40, 246, 250.

[2]) Харьк. Сборн.» I, 37.

дутъ строиться, что только и сдѣлано попримѣтнѣе почти во все время, какъ академія тебя лишилась». Въ мартѣ 1806 г. Палицынъ писалъ: «чадцо мое—послѣдній и единственный членъ и секретарь наукъ и художествъ, сверхъ того что мѣшкотно пишетъ, занято эту весну множествомъ архитектурныхъ рисунковъ». Изъ дальнѣйшихъ писемъ Палицына оказывается, что дочь его срисовывала виды поповской мѣстности. Такъ, лѣтомъ 1808 г. было отдѣлано и вставлено въ рамки два вида, видъ дома и видъ балагана, изъ десяти снятыхъ, при чемъ въ особенности удачны вышли деревья. Въ то же время Палицына попробовала свои силы въ литературѣ и написала нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ одно, небольшое, «Озеро», было послано въ «Вѣстникъ Европы»[1]). Въ 1810 г. она продолжала свои работы по снимацію сельскихъ видовъ и составленію стиховъ, о которыхъ старикъ Палицынъ отзывается съ похвалой. Въ послѣднемъ сохранившемся письмѣ Палицына къ Ярославскому отъ 24 марта 1811 г. говорится: «Послѣдній членъ академіи секретарь чадцо выходитъ замужъ за Мих. Серг. Байкова. Онъ хотя также занимаетъ и впредь хочетъ занимать здѣсь мѣсто члена; однакожъ я думаю, что эти оба члена употребятъ себя больше на опытную физику и повивальное искусство; другое же все бросятъ и забудутъ».

Главнымъ членомъ Поповской академіи былъ *Николай Өедоровичъ Алферовъ*. Въ письмѣ 24 марта 1811 г. Палицынъ называетъ его лучшимъ ея украшеніемъ. Ярославскій называетъ Н. Ө. Алферова—«лучшій изъ учениковъ А. А. Палицына»[2]). Имѣющіяся въ нашемъ расположеніи письма Палицына говорятъ объ отсутствующемъ уже «странствующемъ рыцарѣ» Алферовѣ. Самое же ученіе его подъ руководствомъ Палицына и дѣятельность въ Поповской академіи относятся къ 1800 г. Въ музеѣ изящныхъ искусствъ и древностей при Харьковскомъ университетѣ находятся четыре акварельныхъ архитектурныхъ пейзажа, нарисованныхъ, Алферовымъ въ Поповкѣ; на двухъ обозначено время работы—1800 годъ. Одинъ изъ этихъ рисунковъ, изображающій памятникъ на берегу озера въ лѣсистой мѣстности при лунномъ освѣщеніи, взятъ изъ проекта Палицына и посвященъ ему. Подъ другимъ рисункомъ, представляющимъ домъ между деревьями, Алферовъ подписалъ: «Видъ моей пустыни». Въ этомъ случаѣ ученикъ очевидно слѣдовалъ примѣру своего наставника, также называвшаго свой хуторъ пустыней, а себя Поповскимъ пустынникомъ[3]).

---

[1]) «Озеро» было напечатано въ 41 т. «Вѣстн. Евр.» 1808 г., 201—209.

[2]) «Харьк. Сборн.» I, 45.

[3]) Оба рисунка изданы въ „Альбомѣ выставки XII Археологическаго Съѣзда въ г. Харьковѣ“, табл. XXXII, рис. 87—88.

Любовь къ искусству влекла Алферова на югъ, въ благодатныя страны высокаго вдохновенія, въ Грецію и Италію,

Гдѣ небо блещетъ
Неизъяснимой синевой;
Гдѣ море теплою волной
Вокругъ развалинъ тихо плещетъ.

Отецъ Алферова не могъ снабдить его средствами, достаточными для путешествія. «При малыхъ деньгахъ, говоритъ Ярославскій, какія Н. Ѳ. Алферовъ могъ собрать, онъ достигъ Константинополя. Когда приготовлялась война съ Россіей, то, спасая свою жизнь, онъ ушелъ въ Грецію; оттуда поѣхалъ въ Италію, долго жилъ въ Римѣ и возвратился черезъ Францію, Германію и Пруссію въ Россію уже въ 1811 г.». Въ числѣ друзей, снабдившихъ Алферова деньгами на дорогу, вѣроятно, былъ и Палицынъ. По крайней мѣрѣ, онъ состоялъ съ нимъ въ перепискѣ и принималъ близко къ сердцу его художественные интересы. Сначала Алферовъ жилъ въ Поповкѣ въ 1800 г., годъ или нѣсколько лѣтъ—неизвѣстно; затѣмъ, былъ въ отъѣздѣ—до 1805 г., гдѣ? также невидно изъ писемъ; весной 1804 г. Палицынъ писалъ Ярославскому: «Поповская академія теперь торжествуетъ прибытіе своего почтеннаго сочлена Н. Ѳ. Алферова, который уже былъ многократно въ засѣданіяхъ, показавъ ненарушимыя свои къ ней чувства и предпринялъ многіе труды въ ея пользу». Затѣмъ, Алферовъ уѣзжаетъ за границу, вѣроятно, въ концѣ десятыхъ годовъ. Въ письмѣ къ Ярославскому 1-го марта 1810 г. Палицынъ говоритъ: «Теперь скажу вамъ о самой отдаленной, но самой близкой къ сердцу моему новости, которую и вы безъ сомнѣнія, раздѣлите. Это увѣдомленіе любезнаго нашего странника. Онъ освободился уже изъ Корфу, своего, такъ сказать, заточенія. Я получихъ отъ него нѣсколько писемъ: изъ Корфу, передъ его отъѣздомъ, потомъ изъ Неаполя и Рима. Послѣднее любопытнѣе прочихъ и показываетъ, что онъ не оставилъ нашихъ съ нимъ о художествахъ, особливо о зодчествѣ, мнѣній. Я намѣренъ послать это прекрасное письмо напечатать въ «Русскій Вѣстникъ», чего издатель очень проситъ. Не знаю только посмѣетъ ли выдать. Тамъ много такихъ смѣлыхъ замѣчаній, хотя и художническихъ, какихъ теперь ни въ чемъ не любятъ. Изъ Рима, гдѣ онъ располагалъ прожить шесть мѣсяцевъ, которые уже прошли намѣренъ онъ возвратиться черезъ Парижъ и Вѣну. И если что-нибудь непредвидимое не остановитъ его, то будущей осенью онъ могъ бы цѣловать отечество». Свою любовь къ Алферову Палицынъ доказалъ накопецъ тѣмъ, что оставилъ ему въ наслѣдство свою деревню Поповку [1]). Любовь къ искусству, воспитанная

[1]) «Харьк. Сбор.» I, 45.

въ Алферовѣ Палицынымъ, перешла потомъ и къ сыну Н. Ѳ. Алферова Аркадію Николаевичу, который составилъ драгоцѣнное собраніе картинъ, акварелей и гравюръ и по завѣщанію при кончинѣ своей въ 1872 г. передалъ всю свою коллекцію въ музей изящныхъ искусствъ харьковскаго унивеситета. Этотъ вещественный памятникъ духовной дѣятельности А. А. Палицына и Н. Ѳ. и А. Н. Алферовыхъ меожтъ составить украшеніе всякаго музея и всякаго университета, такъ какъ выражается въ 50 картинахъ масляными красками, 421 нумерѣ акварелей и рисунковъ XIX и прошлыхъ столѣтій, 64 названіяхъ различныхъ художественныхъ изданій, 100 названіяхъ книгъ, относящихся къ исторіи живописи и гравюры, и, наконецъ, въ собраніи гравюръ и офортовъ, преимущественно рѣдкихъ, старинныхъ, небольшаго числа литографій и проч. числомъ до 3000 нумеровъ. Эта коллекція оцѣнена была въ Боннѣ по наименьшей стоимости въ 14,000 талеровъ [1]).

Василій Ивановичъ Ярославскій былъ послѣ дочери Палицына и Н. Ѳ. Алферова наиболѣе дѣятельнымъ членомъ Поповской академіи. В. И. Ярославскій родился въ Тростянцѣ, ахтырскаго уѣзда, отъ дьячка мѣстной церкви въ послѣдней четверти XVIII столѣтія. Въ 1797 г. онъ окончилъ курсъ ученія въ харьковскомъ казенномъ училищѣ (родъ кадетскаго корпуса) и поступилъ на службу въ харьк. губернское правленіе канцеляристомъ; затѣмъ, считаясь по службѣ при сумской полиціи, жилъ у разныхъ помѣщиковъ харьк. губерніи въ качествѣ учителя, землемѣра и архитектора и въ это время близко сошелся съ Палицынымъ, о которомъ часто упоминаетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Въ 1806 г. онъ перешелъ на службу въ Петербургъ, а въ 1808 г. въ Херсонъ губернскимъ архитекторомъ. Впослѣдствіи онъ служилъ въ званіи совѣтника казенной палаты въ Херсонѣ и Тулѣ, въ 1833 г. вышелъ въ отставку и поселился въ Сумахъ, вблизи Поповки, о прежнемъ владѣльцѣ которой сохранилъ до смерти лучшія воспоминанія. Первое знакомство Ярославскаго съ Палицынымъ произошло такимъ образомъ: въ 1799 г. Палицынъ узналъ, что Ярославскій пріѣхалъ въ Басы, что онъ племянникъ губернскаго архитектора и охотно занимается архитектурой, и потому просилъ владѣтельницу Басовъ, вдову генерала Штеричева, отпускать къ нему въ Поповку Ярославскаго каждый мѣсяцъ. Въ первый своей пріѣздъ въ Поповку Ярославскій нашелъ хозяина сильно страдающимъ болью головы отъ гемороя. Слыша тяжкіе его стоны, Ярославскій, человѣкъ очень мягкаго сердца, прослезился, и это слезное участіе его въ болѣзни при-

[1]) Чириковъ, «Указатель» II, 244. Біографію А. Н. Алферова и свѣдѣнія о его коллекціяхъ см. у *Е. К. Рѣдина*, Музей Изящныхъ Искусствъ и Древностей Императорскаго Харьковскаго Университета (1805—1905). Харьковъ, 1904, стр. 38—46.

влекло къ нему сразу расположеніе Палицына и его семьи. До 1802 г. Ярославскій посѣщалъ Поповку временно, съ 1802 г. по 1804 г. онъ почти постоянно жилъ въ ней, затѣмъ до 1806 года опять лишь навѣщалъ временно, а съ 1806 по 1811 г. включительно велъ только переписку съ Палицынымъ. Въ качествѣ члена Поповской академіи, Ярославскій въ 1800—1806 годахъ завѣдывалъ строеніемъ нѣсколькихъ зданій, по планамъ Палицына. Кромѣ того, Яровславскій въ это время предался литературной дѣятельности, при чемъ переводилъ съ французскаго повѣсти подъ руководствомъ болѣе его сильнаго въ этомъ языкѣ Станевича. «Васъ нельзя не любитъ тому у кого есть сердце. Это ваше право. Это должная вамъ дань»—писалъ Ярославскому Палицынъ въ 1804 году и, дѣйствительно, какъ изъ автобіографіи его, такъ и изъ писемъ къ нему Палицына легко убѣдиться, что это былъ въ высшей степени добросердечный, мягкій, образованный и трудолюбивый человѣкъ. Палицынъ уважалъ въ Ярославскомъ въ особенности его «прекрасное сердце», «разумъ страстный къ просвѣщенію», «трудолюбіе» и «привычку въ работѣ находить забаву». Изъ писемъ Палицына видно, что Ярославскій давалъ ему на просмотръ свои переводы съ французскаго, чертилъ для него планы, а во время своего пребыванія въ Петербургѣ высылалъ иногда ему новыя книги и заботился о надлежащемъ изданіи его литературныхъ трудовъ.

Религіозно-мистическій писатель и стихотворецъ *Евстафій Ивановичъ Станевичъ* также входилъ въ составъ Поповской академіи. Родомъ изъ Нѣжина, Станевичъ получилъ хорошее образованіе и уже въ молодыхъ лѣтахъ выступилъ на литературное поприще. Въ 1802 г. Станевичъ пріѣхалъ въ Украину изъ Петербурга и жилъ въ Низахъ. По рекомендаціи Палицына, предводитель дворянства Г. Р. Шидловскій пригласилъ его въ учителя къ своему сыну, проживавшему въ это время въ Поповкѣ, согласно съ желаніемъ отца, для нравственнаго усовершенствованія. Станевичъ познакомился въ Поповкѣ съ Ярославскимъ и выписалъ для него сочиненія Томаса. Ярославскій перевелъ нѣсколько французскихъ статей, при чемъ Станевичъ поправлялъ его переводы. Проживая въ Поповкѣ, Станевичъ перевелъ стихами двѣ поэмы «Сельскій житель» Делиля и «Ландшафты или опытъ о сельской природѣ» Незай-Марнозія. Послѣдній переводъ онъ посвятилъ Г. Р. Шидловскому, который выдалъ ему въ награду за то 1000 руб., сумму, весьма крупную по тому времени. Станевичъ тяготился должностью учителя. Онъ неоднократно признавался Ярославскому, что хочетъ оставить скучную учительскую должность и что пріятели зовутъ его въ Петербургъ. Вскорѣ, око-

ло 1804 г., онъ выѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ нашелъ покровителя въ лицѣ извѣстнаго писателя Шишкова. Проживая въ Петербургѣ, Станевичъ поддерживалъ переписку съ Палицынымъ. Въ 1808 г. онъ снова навѣстилъ Палицына въ Поповкѣ, но такъ какъ онъ болѣе времени пробылъ у богатыхъ помѣщиковъ Кондратьевыхъ въ Желѣзнякѣ, вблизи Поповки, чѣмъ въ самой Поповкѣ, то Палицынъ сильно обидѣлся на него, что и высказалъ въ письмѣ къ Ярославскому. Дальнѣйшія обстоятельства жизни Станевича, любопытныя во многихъ отношеніяхъ, не связаны съ Поповской академіей [1]).

Въ число членовъ Поповской Академіи входили *Павелъ* и *Михаилъ Сергѣевичи Байковы*. Въ исторіи литературы имя Павла Байкова извѣстно, какъ переводчика съ французскаго «Повѣсти о двухъ пустынникахъ», изданной въ Петербургѣ въ 1785 г.

Кромѣ того, въ письмахъ Палицына упоминаются еще слѣдующіе члены Поповской академіи, уже какъ отсутствующіе: *Моисей Григорьевичъ Ушинскій*, *Антонъ Ивановичъ Кардашевскій* и какой-то *Димитрій Петровичъ* (фамилія неизвѣстна). Кардашевскаго Палицынъ называетъ «своимъ любезнымъ ученикомъ» [2]), Димитрія Петровича—стариннымъ сочленомъ Академіи, присутствовавшимъ въ Поповкѣ, между прочимъ, въ іюлѣ 1804 г. Объ Ушинскомъ Палицынъ вспоминалъ въ 1806 г. также какъ о старинномъ, отсутствующемъ уже членѣ Академіи, «гдѣ память его навсегда любезна». Этими лицами не ограничивался кругъ знакомыхъ Палицыну мѣстныхъ образованныхъ людей, по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе годы XVIII и въ первые годы XIX столѣтія. Въ письмѣ отъ 30 марта 1806 г. къ Ярославскому находится слѣдующее любопытное сѣтованіе Палицына: «Все перемѣняется у людей.... Не отвѣчай даже и за то, чтобы нѣкоторыя перемѣны не случались и надъ тобою. Силенъ вихрь обстоятельствъ, случаевъ, происшествій, обычаевъ, мнѣній, предразсудковъ времени и проч. и проч..... Могъ ли я за нѣсколько лѣтъ думать, чтобы когда нибудь *К. П. Ланова*, *Пав. Серг. или братъ его Левъ Серг. Байковы*, чтобы *Ант. Ив. Кардашевскій*, *Моисей Григ. Ушинскій*, или *Вас. Наз. Каразинъ*, *Евг. Ал. Васильевъ* и проч., и проч., безъ всякихъ причинъ, безъ разрыва, можетъ быть еще и любя меня, до днесь захотѣли остаться со мной въ мертвомъ безмолвіи?...... Однако то, къ сердечному моему прискорбію, случилось».

---

[1]) Подробная статья о. Николая Лащенкова о Станевичѣ напеч. въ 9 т. Сборн. Харьк. Ист. Фил. Общ. 1897 г.

[2]) Ярославскій также называетъ Кардашевскаго ученикомъ Палицына и замѣчаетъ при этомъ, что Кардашевскій служилъ въ Черниговѣ губернскимъ архитекторомъ.

Далѣе Палицынъ имѣлъ литературныя связи съ Сергѣемъ Никол. Глинкой и Вас. Вас. Капнистомъ. С. Н. Глинка имѣлъ случай лично побывать въ Поповкѣ. Въ 1802 г. онъ былъ приглашенъ въ Рясное помѣщикомъ Хрущевымъ для обученія его дѣтей, и, поссорившись съ нимъ, вскорѣ уѣхалъ къ Палицыну. Подробный разсказъ Ярославскаго объ этомъ любопытномъ эпизодѣ напечатанъ въ 1 вып. «Харьк. Сборника», стр. 38. Въ 1807 г. Палицынъ писалъ Ярославскому: «С. Н. Глинку я всегда сердечно любилъ», а немного ранѣе, въ 1804 г., писалъ о Капнистѣ, что какъ его личностью, такъ и его дарованіями «плѣненъ навсегда». Изъ «Воспоминаній», Ярославскаго видно, что Палицынъ посылалъ его къ Капнисту съ рекомендательнымъ письмомъ, что указываетъ на близкое его знакомство съ этимъ крупнымъ писателемъ конца XVIII вѣка.

Бросая общій взглядъ на просвѣтительную дѣятельность А. А. Палицына, мы должны въ заключеніе статьи сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ объ ея основномъ характерѣ и значеніи въ исторіи развитія въ краѣ культуры. Очевидно, Поповская академія въ свое время была для Харьковскаго края просвѣтительнымъ учрежденіемъ, и до открытія въ Харьковѣ Университета отчасти исполняла роль высшаго учебнаго заведенія. Душой ея былъ Палицынъ, соединявшій въ себѣ разностороннее и широкое образованіе съ мягкосердечіемъ, добродушіемъ и съ большой способностью сплачивать людей въ интересахъ общественнаго преуспѣянія, умственнаго и нравственнаго. Въ лицѣ Палицына въ харьковскомъ краѣ, въ лучшей, наиболѣе населенной и богатой его части, сумскомъ и ахтыскомъ уѣздахъ, явился разсадникъ западно-европейскаго просвѣщенія, преимущественно просвѣтительной и филантропической французской литературы XVIII вѣка. Дѣятельность Палицына совпала по времени и по направленію съ дѣятельностью В. Н. Каразина, и эти два человѣка положили краеугольные камни въ дѣлѣ развитія просвѣщенія въ Харьковской губерніи. Ближайшій ихъ преемникъ по общественной и литературной дѣятельности Г. Ѳ. Квитка пошелъ далѣе Палицына и далѣе Каразина, внесши въ сознаніе мѣстной интеллигенціи идею о необходимости просвѣщенія не только дворянскаго сословія, довольно уже сильнаго въ культурномъ отношеніи и выставившаго уже такихъ свѣтлыхъ дѣятелей, какъ Палицынъ, Алферовъ, Каразинъ, Квитка, но всей массы народной, и одновременно внесъ идею о необходимости присмотрѣться къ ней, изучить ея языкъ, бытъ, нравы, обычаи. Палицынъ, Каразинъ и Квитка своей просвѣтительной дѣятельностью опредѣлили основные пути для успѣшной и цѣлесообразной дѣятельности на пользу харьковскаго края.

4.

Г. Ѳ. Квитка, какъ этнографъ.

Имя Г. Ѳ. Квитки—Основяненка извѣстно, какъ имя писателя, преимущественно малорусскаго. Но историческое значеніе Г. Ѳ. Квитки не исчерпывается его литературными заслугами. Это былъ въ то же время усердный и добросовѣстный этнографъ, мѣстный историкъ и общественный дѣятель. Всякое общественное начинаніе находило въ немъ дѣятельную поддержку. И самъ Квитка часто выступалъ въ положеніи инициатора. То является онъ директоромъ только что устроившагося перваго постояннаго харьковскаго театра, то редакторомъ и издателемъ перваго харьковскаго журнала («Украинскаго Вѣстника»), то издателемъ книгъ для народнаго чтенія («Листы до любезныхъ земляковъ»). Онъ составилъ на малорусскомъ языкѣ священную исторію, приступилъ къ составленію для народа изложенія уголовныхъ законовъ, хотѣлъ устроить въ Харьковѣ нѣчто въ родѣ народныхъ чтеній, учредилъ публичную библіотеку [1]). Его стараніями былъ открытъ въ Харьковѣ институтъ для дѣвицъ—первое и нѣкоторое время единственное въ краѣ образовательное женское заведеніе. Нужно приэтомъ замѣтить, что Квитка, человѣкъ бездѣтный, затратилъ на это учрежденіе значительную часть своего состоянія. Въ наши цѣли не входитъ подробный обзоръ дѣятельности Квитки. Мы остановимся подробно лишь на той ея сторонѣ, которая до сихъ поръ не обращала на себя вниманія, о которой или совсѣмъ умалчивали или упоминали мимоходомъ и даже съ оттѣнкомъ пренебреженія—на этнографическихъ элементахъ въ сочиненіяхъ Квитки, изъ которыхъ многіе нынѣ имѣютъ лишь археологическое значаніе.

Въ сочиненіяхъ Квитки мѣтко очерчены нравы, обычаи, повѣрья, многія сказанія и культурныя привычки дворянъ и крестьянъ харьковской губерніи первой четверти XIX столѣтія.

---

[1]) *Харьков. Сборн.* 1884 г., стр. 421, 423.

Григорій Федоровичъ Квитка-Основьяненко.
(р. въ 1778 въ Основѣ, † 1843).

Будынокъ де живъ Квитка на Основи.

Къ 54 стр.

Группируя многочисленныя замѣтки о дворянахъ, помѣщикахъ, разбросанныя въ русскихъ и малорусскихъ повѣстяхъ Квитки, нельзя не придти къ тому заключенію, что старинный помѣщикъ-крѣпостникъ заключалъ въ себѣ много антипатичнаго и отталкивающаго. Квитка не былъ врагомъ крѣпостного права; по своимъ убѣжденіямъ онъ былъ болѣе оптимистъ, чѣмъ пессимистъ; какъ писатель сентиментальной и романтической школъ, онъ склоненъ былъ придавать нѣсколько розовый оттѣнокъ общественнымъ отношеніямъ, и при всемъ томъ старинное слободско-украинское дворянство въ сочиненіяхъ Квитки носитъ мрачный колоритъ. Это группа людей большею частью лѣнивыхъ и малообразованныхъ, иногда капризныхъ и жестокихъ. Нужно замѣтить, что у Квитки встрѣчаются помѣщики благотворители, напримѣръ, Твердовъ, Скромновъ, Добрый панъ. За исключеніемъ Добраго пана, главнаго дѣйствующаго лица въ повѣсти «*Добрый панъ*», представляющаго кое-какія живыя черты, всѣ остальные благодушные квиткинскіе помѣщики-дворяне совершенно безцвѣтны. Это нравственныя сентенціи въ лицахъ, обычные въ старинной сентиментальной литературѣ резонеры, выражавшіе личное мнѣніе доброжелательнаго и благонамѣреннаго писателя о томъ или другомъ предметѣ. Гораздо лучше, полнѣе и живѣе, очерчены авторомъ помѣщики-хищники. У Квитки встрѣчаются Выжималовъ, Драчугинъ, Кожедраловъ, Плутовкинъ, Жиломотовъ. Уже одни фамильныя прозванія достаточно говорятъ, что это за люди. Въ «Преданіяхъ о Гаркушѣ» выведенъ помѣщикъ скряга, блѣдный литературный предшественникъ гоголевскаго Плюшкина и салтыковскаго Іудушки. Гораздо болѣе отвратительной представлена въ «Похожденіяхъ Столбикова» помѣщица-хищница. Она устраиваетъ въ своемъ имѣніи школу для дѣтей, чтобы обратить на себя вниманіе мѣстнаго начальства, что ей и удается. Она прослыла любительницей и покровительницей просвѣщенія. Губернаторъ пишетъ ей благодарственныя письма. Въ дѣйствительности, просвѣтительница обираетъ своихъ крестьянъ, учителямъ вмѣсто заслуженнаго ими денежнаго вознагражденія выдаетъ заемныя письма. По ея мнѣнію «мужикъ-хамово колѣно, созданъ для работы; сколько у него ни возьми, онъ пріобрѣтетъ снова». Помѣщикъ-хищникъ раскрывался во всемъ блескѣ, когда попадалъ въ исправники или опекуны. Квитка не находитъ для нихъ другого названія, какъ Ненасытинъ, Жиломотовъ. Исправникъ Ненасытинъ въ «Дворянскихъ выборахъ» расправляетъ свои мускулы на крестьянскихъ физіономіяхъ, не смотря на то, что волостные головы приносятъ его вліятельной женѣ Матренѣ въ даръ вино, куръ, поросятъ, хлѣбъ, тальки, прядево на гноты, зеленый горошекъ, цып-

лятъ, яйца, орѣхи-мышеловки, сушеные грибы, полотенца, перья для подушекъ, деньги. Въ «Похожденіяхъ Столбикова» опекунъ Жиломотовъ является къ малолѣтнему Столбикову съ ватагой пріятелей. Занявъ хорошо убранную гостиппую, они обратили ее въ кабакъ, залили полы виномъ, на дорогіе ковры набросали костей. Столбикову не было другого имени, какъ щенокъ. Дворовые люди кормили его изъ милости. Квиткинскіе чиновники изъ дворянъ или бьютъ за то, что не даютъ взятокъ, какъ бьетъ Ненасытинъ, или, какъ Скромновъ, бьютъ за то, что подносятъ взятку, но непремѣнно бьютъ.

Жены дворянъ помѣщиковъ невѣжественны и мелочны. Одна поклоняется Петербургу; другая всѣ совершенства находитъ въ своемъ хуторѣ. Одна превозноситъ образованіе, подразумѣвая подъ словомъ образованіе умѣнье болтать по французски, играть на рояли, выводить замысловатые *па* въ котильонѣ. Другая грамоту считаетъ нелѣпостью, выдуманной злонамѣренными людьми для того, что-бы разстраивать здоровье. Въ домашнемъ быту, въ обыденной жизни помѣщицы придерживаются простоты, въ особенности въ костюмѣ; башмаки на босую ногу, юбка, платочекъ на голову—вотъ и домашній костюмъ старинной помѣщицы средней руки. Голова замужнихъ женщинъ всегда была покрыта. По глубокому убѣжденію Фенны Степановны Шпакъ, замужняя женщина, не покрывая голову, призываетъ гнѣвъ Божій, который выражается въ неурожаѣ хлѣба и болѣзняхъ. Когда наѣзжали гости, вся дворня, весь домъ, отъ барина до послѣдней собаки, приходилъ въ движеніе. Барыня спѣшила нарядиться въ чистое платье и новый чепчикъ; барышни умывались, надѣвали чистые чулки и чесали голову. Выходя замужъ, слободско-украинская дворянка большею частью отказывалась въ пользу мужа отъ своей имущественной собственности. Фенна Степановна объ имѣніи, полученномъ въ приданое отъ родителей, въ разговорѣ съ мужемъ иначе не говорила, какъ «ваше имѣніе», доказывая тѣмъ, что когда я ваша, то не имѣю собственнаго ничего. За исключеніемъ Анисьи Ивановны Халявской, всѣ квиткинскія помѣщицы очень чадолюбивы и превосходныя хозяйки.

Дѣти помѣщиковъ до поступленія въ школу проходили своеобразное домашнее воспитаніе, часто коверкавшее на всю жизнь ихъ умственный и нравственный складъ. Школа не только не исправляла недостатки, вынесенные учениками изъ семьи, но знакомила ихъ въ добавокъ съ такими пороками, которыхъ они не успѣли усвоить въ родительскомъ домѣ. Квитка чуть-ли не первый изъ русскихъ писателей заговорилъ объ отцахъ и дѣтяхъ. Въ «Панѣ Халявскомъ» онъ постоянно сопоставляетъ преж-

нихъ и теперешнихъ юношей, причемъ слово «теперешній» слѣдуетъ отнести приблизительно къ двадцатымъ и тридцатымъ годамъ. Главной заботой пани Халявской было наполнить желудокъ своихъ дѣтей до невмѣстимости. Она накладывала съѣдобное горой на тарелки и строго взыскивала съ нянекъ, если дѣти не опоражнивали ихъ до-чиста. Панычи Халявскіе утромъ ѣли молочную кашу (чай въ началѣ XIX вѣка среди мелко-помѣстныхъ дворянъ былъ мало распространенъ); въ полдень они кушали блины, пироги или пампушки; немного спустя, обѣдали,—обыкновенно борщъ съ откормленною птицею, чудеснѣйшій борщъ, свинымъ саломъ заправленный, забѣленный сметаною, затѣмъ слѣдовала пшонная каша, облитая коровьимъ масломъ, гусь или индюкъ, и въ заключеніе сласти: пастила, павидло, яблоки, орѣхи и т. п. Къ вечеру панычи «подвечерковали», т. е. кушали холодное жаркое, оставшееся отъ обѣда, и въ концѣ концовъ ужинали. Не вѣдая о стѣснительной гигіенѣ, старосвѣтскіе украинскіе панычи на сонъ грядущій уничтожали квасокъ, колбасу, здобныя на молокѣ галушки или плавающіе въ маслѣ и облитые сметаною вареники.—Насколько желудокъ обременялся пищею, настолько мозгъ суевѣріями и предразсудками. Въ «Героѣ очаковскихъ временъ» Ромаша въ дѣтствѣ уже воспринимаетъ отъ матери повѣрья, что въ ущербъ луны нельзя начинать важное дѣло, что понедѣльникъ несчастный день, что въ пятницу не слѣдуетъ работать. Онъ боялся колдуновъ и вѣдьмъ, дурного глаза, несчастныхъ встрѣчъ. Съ малыхъ лѣтъ онъ былъ окруженъ бабусями, особаго рода старушками, знающими нашептыванія и заговоры. Онѣ оберегали панича отъ недобраго глаза и снимали «уроки».

Первымъ наставникомъ помѣщичьихъ дѣтей почти всегда былъ дьякъ или священникъ мѣстной церкви. Панычи Халявскіе обучались у пана дьяка Кнышевскаго, Столбиковъ—у священника отца Филиппа. Кнышевскій по субботамъ производилъ генеральное сѣченіе, такъ называемыя субботки, что не помѣшало однако укрѣпленію среди учениковъ убѣжденія въ глупости учителя. Собственнымъ дворянскимъ умомъ, безъ содѣйствія пана дьяка, панычи дошли до искусства соблазнять несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ и предметомъ первыхъ опытовъ экспериментальной физики избрали пятнадцатилѣтнюю дочь Кнышевскаго Өеодосію. Когда Петрусѣ Халявскому исполнилось шестнадцать лѣтъ, въ домъ приглашенъ былъ священникъ и прочитана молитва. Петрусь сдѣлалъ три поклона отцу и матери и принялъ отъ нихъ благословеніе на бритье бороды, причемъ отъ отца получилъ бритву, а отъ матери кусокъ греческаго мыла и полотенцо, вышитое разноцвѣтными шелками. Въ заключеніе

обряда брадобритія Петрусь получилъ изъ рукъ отца рюмку водки. Отъ Кнышевскаго паничи перешли къ Игнатію Галушкинскому, который поступилъ въ домъ Халявскихъ на слѣдующихъ условіяхъ: столъ съ господами, кромѣ банкетовъ, жить въ паничевской комнатѣ, для постели войлокъ и подушка, въ зимніе вечера одна свѣча на три дня, въ мѣсяцъ разъ позволеніе прокататься на таратайкѣ съ знакомымъ священникомъ не далѣе семи верстъ, черкеска съ барскихъ плечъ и по пяти рублей въ годъ отъ ученика. Онъ долженъ былъ обучать хлопцевъ россійскому чтенію, церковной и гражданской печати, письму и латинскому языку. Вышло такъ, что вмѣсто латыни Галушкинскій пріучилъ паничей къ пьянству и хожденію по вечерницамъ. Отъ Галушкинскаго паничи перешли въ городскую школу. Заботливые родители снабдили ихъ съѣстными припасами для продовольствія и подарковъ школьному начальству, дали хлопца Юрка для прислуживанія, бабусю для приготовленія кушаньевъ и дѣвку, на обязанности которой лежало еженедѣльно мыть паничамъ голову и ежедневно заплетать имъ косы. Галушкинскій преподалъ имъ правила, какъ они должны держать себя въ школѣ относительно начальства и товарищей: передъ начальствомъ они должны стоять съ благоговѣніемъ, изобразивъ собою—?—знакъ вопросительный, переносить наказаніе въ мѣрѣ, числѣ и видѣ, какое соблаговолитъ назначить мудрое правосудіе начальника и ни въ чемъ ему не противорѣчить, хотя бы онъ полдень называлъ полночью, а глаголъ именемъ существительнымъ, преклоняться и передъ помощникомъ, потому что часто помощникъ бываетъ глаголъ дѣйствительный, а начальникъ—точка, знакъ сильный, но безгласный, учителей уважать только въ глаза, передъ товарищами держать себя по шляхетски, какъ знакъ—!—«удивительный», не красть на рынкѣ, не пьянствовать. Начальникъ школы, прочитавъ письмо отца Халявскихъ, поданное Галушкинскимъ, спросилъ: «ну что-жъ»? «Сейчасъ» отвѣтилъ Галушкинскій и началъ дѣйствовать. Первоначально онъ внесъ три головы сахару и три куска выбѣленнаго, тончайшаго домашняго холста. Начальникъ сказалъ меланхолически: «вписать ихъ въ синтаксисъ». Домине Галушкинскій поклонился, вышелъ и вскорѣ возвратился, неся три сосуда съ коровьимъ масломъ и три мѣшечка отличныхъ разныхъ крупъ. Реверендиссиме, поднявъ голову, сказалъ: «они могутъ быть въ піитикѣ». Галушкинскій втащилъ три боченка, съ вишневкою, терновкою и сливянкою. Начальникъ даже улыбнулся и сказалъ: «впрочемъ, вписать ихъ въ риторику».

Столбиковъ, выучившись грамотѣ у добраго священника о. Филиппа, поступилъ во французскій пансіонъ Филу. Французы, воспитатели рус-

скаго юношества, гувернеры и гувернантки, въ сочиненіяхъ Квитки являются невѣжами и пошляками. Таковы мусье Филу въ «Похожденіяхъ Столбикова», m-me Torchon въ «Украинскихъ дипломатахъ» и m-lle Ламбо въ «Харьковской Ганнусѣ». Филу обманываетъ родителей внѣшнимъ блескомъ заведенія. Программа занятій обширная; экзамены торжественны. Въ дѣйствительности ученики занимаются крайне мало. Невѣжа и безбожникъ Филу прекращаетъ однако уроки въ небольшіе церковные праздники. Ученики усвоиваютъ хорошо разговорный французскій языкъ, танцы и отчасти музыку. Въ ариометикѣ они не идутъ далѣе умноженія, закона Божія не проходятъ (Филу находитъ этотъ предметъ неудобопостигаемымъ), исторіи, географіи и рисованію не учатся (Филу считаетъ ихъ безполезными). Ученики рано начали заигрывать съ дочерью Филу, для которой игра эта не прошла благополучно: пришлось ей подъ благовиднымъ предлогомъ удалиться къ тетушкѣ. Какъ видно, пансіонъ Филу былъ изъ рукъ вонъ плохъ; но въ немъ, какъ, вѣроятно, во многихъ французскихъ пансіонахъ въ Россіи, носилась уже мысль, сдѣлавшаяся съ конца XVIII столѣтія неотъемлемымъ достояніемъ французской націи,—мысль о правѣ человѣка свободно устраивать свою судьбу. Пересаженная на русскую почву, мысль эта много теряла; но и въ блѣдномъ своемъ видѣ она вызывала негодованіе. Когда Столбиковъ замѣтилъ впослѣдствіи одному полковнику: «въ пансіонѣ мнѣ объяснили, что человѣкъ рожденъ свободнымъ, долженъ избрать занятіе по своей волѣ, а не по прихоти...», полковникъ не далъ ему докончить фразу и закричалъ: «молчать! если ты еще занесешь эту чепуху, а мнѣ донесутъ о томъ, то я тебя своими руками удушу»...

Квитка различаетъ двѣ эпохи въ исторіи женскаго обрзэованія; въ прежнюю эпоху, приблизительно въ концѣ XVIII столѣтія, воспитана—значило вскормлена, вспоена, не жалѣя кошту, и отъ того дѣвка полная, крупная, что называется кровь съ молокомъ; образована—значило, что она имѣетъ во что нарядиться и дать себѣ образъ или видъ замѣчательный; въ эпоху болѣе позднюю, приблизительно въ первую четверть XIX столѣтія, воспитаніе и образованіе состояло въ знаніи иностранныхъ языковъ, танцевъ и музыки и въ умѣніи хорошо держать себя въ обществѣ, понимаемомъ въ узкомъ, старинномъ смыслѣ случайнаго собранія гостей. Въ «доброе старое время» дѣвушки до 12—15 лѣтъ считались дѣтьми и ходили иногда въ одной сорочкѣ, перехваченной поясомъ. Такъ Софійка Халявская впервые надѣла корсетъ и юбку по истеченіи 14 лѣтъ, Пазинька Шпакъ до 12 лѣтъ ходила въ дѣтской рубашечкѣ съ поясомъ изъ широкой атласной розовой ленты. Фенна Сте-

пановна; мать ея, ходила въ такомъ легкомъ костюмѣ до 15 лѣтъ. Онѣ окружены няньками, бабусями, сказочницами, шутихами. Объ образованіи дѣвушекъ вообще мало заботились. «Умъ въ супружествѣ для жены не нуженъ; это аксіома», заявляетъ Трушко Халявскій; «если-бы и случилось женѣ имѣть частичку его, она должна его гасить и нигдѣ не показывать; иначе къ чему ей мужъ, когда она можетъ разсуждать». Понятно, что подобное мнѣніе о значеніи женскаго ума въ семейной жизни не могло вызывать въ дворянской средѣ стремленія къ образованію дѣвицъ. Женщину любили, какъ нѣжную подругу, уважали, какъ заботливую мать и хорошую хозяйку домоправительницу. Ей отводили область чувства; въ характерѣ и умѣ ей отказывали. Ей никто не мѣшалъ любить, если проявляемая любовь не выходила за предѣлы захолустнаго общественнаго мнѣнія, не нарушала ограниченный кодексъ нравственныхъ правилъ околотка. Небрежное отношеніе къ умственному развитію дѣвицъ имѣло слѣдствіемъ, что, по словамъ Квитки, «весь женскій полъ не только сами, чтобы разсуждать, да и тѣхъ не любятъ, кои разсуждаютъ». Пазинька Шпакъ служитъ представительницей старинныхъ барышенъ, получившихъ домашнее образованіе, безъ гувернантокъ; она можетъ прочитать романъ; она умѣетъ надряпать любовную записочку; главное, она великая мастерица на разныя печенія, соленія и варенія. Можно быть увѣреннымъ, что Пазинька, по выходѣ замужъ, будетъ хорошая «мужняя» жена и чадолюбивая мать. Евжени Опецковская представляетъ образецъ барышни, воспитанной на новомодный нѣкогда французскій ладъ. M-me Torchon выучила ее говорить по французски, читать безнравственные романы и восторгаться офицерами. Французское воспитаніе не дало ей ничего хорошаго, общечеловѣческаго; оно только лишило ее того хорошаго національнаго, что есть въ Пазинькѣ, малоразвитой, слабохарактерной, но честной и доброй. Можно безошибочно сказать, что Евжени въ замужествѣ уподобится Анисѣ Ивановнѣ Халявской, которая во время пріѣзда офицеровъ прогоняетъ мужа въ деревню хозяйничать, а дѣтей въ школу учиться.

Отношеніе господъ къ прислугѣ въ повѣстяхъ «Панна Сотниковна», «Божія дѣти» и «Украинскіе дипломаты» просто и мягко. Побои рѣдки и незначительны. Горничныя живутъ съ барышнями почти одною жизнью. Прислуга, по сочиненіямъ Квитки, принимала живое участіе въ интересахъ помѣщичьей семьи и была ей весьма предана.

Квитка впервые сдѣлалъ попытку представить въ литературѣ «развивателя», въ повѣсти «Ложныя понятія». Сынъ казака Омельянъ Григорьевичъ, обучившись въ Хоролѣ, потомъ въ Харьковѣ, пробирается въ

дворянство. Онъ имя Омельянъ измѣнилъ въ Эмиля, облекся въ сюртукъ, надѣлъ очки, сталъ курить сигары. Водевильные куплеты и винцо составляютъ главное его развлеченіе. Въ 18 лѣтъ онъ изучилъ людей, познадъ ихъ неблагодарность и невѣжество. Онъ находитъ, что чистыя понятія и здравыя идеи живутъ лишь въ новомъ поколѣніи, въ молодежи, что стариковъ не слѣдуетъ уважать, такъ какъ единственное ихъ преимущество состоитъ въ томъ, что они на своемъ долгомъ вѣку много съѣли и много выпили, что предки—поголовное дурачье. Похищеніе чужой собственности вовсе не дурно, если оно совершено для блага человѣчества; соблазнъ замужней женщины—дѣло хорошее, честное, если она имѣетъ дурного мужа. Эмиль передъ двоюродной сестрой, красивой дѣвушкой, развиваетъ ту мысль, что бракъ—глупая, варварская церемонія; женщина должна слѣдовать велѣнію благодѣтельной натуры; самое священное родство—любовь....

Малорусское дворянство уже и во время Квитки далеко стояло отъ простого народа, по языку, нравамъ, привычкамъ, и если кто либо изъ дворянской среды дѣлалъ шагъ къ сближенію съ крестьяниномъ, то это являлось столь страннымъ, что крестьянинъ первый сторонился и уходилъ отъ пана подалѣе. Въ «Харьковской Ганнусѣ» добродушный панъ предлагаетъ въ большую грязь дѣвочкѣ, продающей пироги, сѣсть рядомъ съ нимъ на дрожкахъ. «Отце ще, почти закричала дѣвочка; развѣ можно мнѣ ѣздить съ панами на дрожкахъ?». Въ трогательной драмѣ «Щира любовь» офицеръ Зоринъ желаетъ жениться на крестьянской дѣвушкѣ Галочкѣ. Она горячо его любитъ, но ни за что не соглашается выйти за него, потому что она «неривня». «Не однакови зирочки на небесахъ», поэтически объясняетъ она причину отказа, «не однакови и деревья по садкамъ. Не буде вишенька цвисти яблуновымъ цвитомъ; не прийме березонька липового листочка, не позбере соловейко иншои пташечки, якъ тильки зъ свого роду. Усему свій законъ, а чоловикови ще найбильшъ того».

Въ то время какъ данная Квиткой обрисовка дворянъ имѣетъ почти исключительно историческое значеніе, иначе обстоитъ дѣло съ крестьянами. По устойчивости крестьянскаго быта и міросозерцанія квиткинскіе типы крестьянъ, очерки ихъ быта и повѣрій сохраняютъ въ бо́льшей мѣрѣ живое бытовое значеніе. Къ составленію малорусскихъ повѣстей съ сюжетами изъ народной жизни Квитка приступилъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, болѣе того въ старости, съ громаднымъ запасомъ личныхъ наблюденій и житейской опытности. Первая малорусская повѣсть Квитки, и то

въ переводѣ, появилась въ 1832 г., когда Квиткѣ было 54 года, а въ слѣдъ за нею съ 1834 г. появляются его настоящія малорусскія повѣсти—Маруся, Солдатскій патретъ, Мертвецкій велыкдень, Отъ тоби и скарбъ и др.

Квиткѣ ставили въ укоръ сентиментализмъ, какъ результатъ подчиненія писателямъ сентиментальнаго направленія, какъ подражаніе Карамзину и Жуковскому. Но этотъ укоръ можно примѣнить лишь къ немногимъ квиткинскимъ персонажамъ. Такъ, Галочка въ повѣсти «Щира любовь», несомнѣнно, изъ сентиментальныхъ литературныхъ типовъ, что въ свое время было уже замѣчено Плетневымъ. Квиткинскій сентиментализмъ, за весьма немногими литературными примѣсями, есть сентиментализмъ народный малорусскій, какой обнаруживается и въ украинской народной поэзіи, и, въ дѣйствительности, есть реализмъ, по вѣрной передачѣ основной черты народнаго характера. Въ настоящее время въ Харьковѣ, въ подгородномъ селѣ Основѣ трудно найти Марусь и Оксанъ, такъ какъ эти мягкіе и нѣжные женскіе характеры почти исчезли подъ вліяніями фабричными и желѣзподорожными. Въ повѣсти *„Пархимово Снидање“* есть замѣчательный женскій типъ, который имѣетъ пророческое значеніе—типъ Насти. Эта Настя все множилась, поглощала Марусь и Оксанъ, и теперь черезъ 60 съ лишнимъ лѣтъ по смерти Квитки оказывается довольно обычнымъ и характернымъ типомъ для харьковскихъ окраинъ, для Основы и всѣхъ подгородниxъ селъ, ослабѣвая по мѣрѣ удаленія селъ отъ Харькова и отъ крупныхъ желѣзнодорожныхъ станцій и фабрикъ. Въ повѣсти Квитки Настя обрисована дѣвкой здоровой, сильной, съ практическимъ умомъ. Она служила въ городѣ въ наймахъ у купцовъ и, по возвращеніи въ село, женила на себѣ глуповатаго парня Пархима Шеревертня. Она принимала у себя гостей изъ города, выпроводивъ предварительно изъ хаты своего дурня. «А зубата була! Вже не заидайся зъ нею нихто. Тилько зачепы іи, какъ разомъ якъ залящить, затрещить, загомоныть, перекореныть батька и матиръ и увесъ ридъ, и такихъ прикладокъ поприкладае, що и не додумаешься, видкиля вона усего набрала. И вже іи ни за що не переговорышъ».

Проф. Дашкевичъ совершенно основательно оцѣниваетъ повѣсти Квитки, какъ «первыя произведенія русской беллетристики, изображавшія народный характеръ и бытъ сочувственно и въ тоже время талантливо, разносторонне и вѣрно... Да и въ своихъ произведеніяхъ на русскомъ языкѣ Квитка является однимъ изъ провозвѣстниковъ натуральной школы. Вліяніе обще-русской литературы на Квитку можно допустить

лишь въ частностяхъ, и совершенно несправедливо называть Квитку сентименталистомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова» [1]).

Новая малорусская литература, начиная со Сковороды и Котляревскаго, развивалась въ самой тѣсной связи и въ прямой зависимости отъ этнографіи, преимущественно отъ близкаго и непосредственнаго ознакомленія писателей съ народной словесностью. Были писатели изъ крестьянъ, изъ дворянъ, изъ духовнаго сословія—и всѣ они въ большей или меньшей степени питались народной поэзіей, черпали изъ нея сюжеты, образы, краски, выраженія и обороты. Квитка не былъ исключеніемъ. Онъ наблюдалъ, изучалъ, прислушивался къ живой рѣчи, велъ этнографическія записи. Наблюденія и изученія производились на Основѣ и въ Харьковѣ, а во времена Квитки Харьковъ представлялъ еще малорусскій городъ. Населеніе окраинъ состояло изъ земледѣльцевъ и садоводовъ. Въ городѣ еще держались старинные мѣстные кустарные промыслы: коцарскій, шаповальскій, скринницкій. За исключеніемъ небольшой городской интеллигенціи, все населеніе говорило чистымъ малорусскимъ языкомъ. Подгородніе крестьяне совсѣмъ еще не были тронуты городской цивилизаціей и не были нравственно испорчены частыми сношеніями съ городомъ. На базарахъ можно было ежедневно слышать чистую народную рѣчь, видѣть народные костюмы. По словамъ харьковскихъ старожиловъ, Квитку часто можно было встрѣтить на базарѣ въ воскресные и праздничные дни, гдѣ онъ прогуливался и подмѣчалъ тонкіе оттѣнки народныхъ нравовъ и выраженій. Кстати, можно сдѣлать указаніе на одно, не лишенное интереса и, сколько помнится, незамѣченное біографомъ Квитки Данилевскимъ, печатное свидѣтельство, что Квитка изучалъ этнографію Малороссіи. Въ XI т. *„Маяка“* 1843 г., въ отдѣлѣ матеріаловъ, помѣщена довольно большая статья Конст. Сементовскаго о малороссійскихъ народныхъ праздникахъ съ цѣнными дополненіями и замѣчаніями Срезневскаго, Костомарова и Метлинскаго. Перечисляя печатные, весьма немногочисленные, источники, Сементовскій замѣчаетъ, что недостатокъ матеріаловъ онъ пополнилъ замѣчаніями и наблюденіями собственными и сообщенными ему нѣкоторыми любителями малоросійской старины; «многоуважаемый писатель нашъ, Г. Ф. Основьяненко, замѣчаетъ Сементовскій, подарилъ насъ замѣтками о повѣрьяхъ и обычаяхъ поселянъ харьковской губерніи». Изъ этого сборничка, переданнаго Сементовскому въ началѣ сороковыхъ годовъ и лишь отчасти имъ напечатаннаго, вѣроятно, кое-что попало и въ малороссійскія повѣсти Квитки.

[1]) *Отчетъ* о 29 присужд. наградъ гр. Уварова 97.

Глубокая народность Квитки обнаруживается въ его языкѣ, мелкихъ замѣчаніяхъ и характеристикахъ, въ литературныхъ персонажахъ, въ фабулѣ разсказовъ.

Въ статьѣ „*Украинцы*“ Квитка говоритъ, что языкъ украинскій (харьковской и отчасти воронежской губ,) гораздо очищеннѣе малороссійскаго (полт., кіев., волын. и др. зап. губ). „Сколько словъ коренныхъ малороссійскихъ здѣшними жителями вовсе не употребляются, и они даже не понимаютъ значенія ихъ“. Это замѣчаніе Квитки требуетъ подтвержденій, которыхъ наука еще не дала. Несомнѣнно, что языкъ самого Квитки отличается простотой и чистотой; въ немъ нѣтъ ничего вычурнаго, искусственнаго и самодѣлковаго.

Начнемъ съ мелкихъ замѣчаній Квитки, цѣнныхъ въ историко-культурномъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Въ цитованной статейкѣ „Украинцы“ Квитка говоритъ, что „поселянинъ прежде всякаго рукомесла старается обучить сыновей грамотѣ“, а въ небольшомъ примѣчаніи Квитка поясняетъ: „это разумѣть должно о жителяхъ городовъ и тѣхъ селеній, гдѣ есть способы къ ученію“. Въ повѣсти „Панна Сотниковна“ (на рус. яз.) Квитка рисуетъ такую картину: Тринадцатилѣтній Вася ходитъ въ школу; возвратясь домой, онъ бросаетъ на скамейку шапку, часословъ, тетрадь и линейку, крестится передъ образами и кланяется родителямъ. И эта картинка вполнѣ отвѣчаетъ лучшимъ идеальнымъ представленіямъ народа объ ученіи дѣтей, объ отношеніи ихъ къ родителямъ. Замѣчательное въ этомъ отношеніи совпаденіе представляетъ слѣдующая малорусская колядка, извѣстная по сборникамъ Метлинскаго и Чубинскаго:

У нашого пана хороша пани,
Богъ ему давъ славну жену въ его дому!
По двору ходыть, якъ мисяцъ сходыть;
По синцяхъ ходыть, зоря сходыть;
Садыла сынки въ чотыри рядки,
Садыла дочки въ три рядочки.
Сыночки зрослы—у школу пишлы.
А дочки зрослы—у швачки пишлы,
Сыночки идуть—кныжечки несуть,
А донечки идуть—хусточки несуть:
Кныжычки на стилъ, батеньку до нигъ
А дочечки хусточки на пилъ, матюнци до нигъ.

(Чуб., т. III, стр. 404).

У Квитки и въ колядкѣ выражены одни и тѣ же идеальныя стремленія крестьянина къ возможно лучшему устройству семейной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть лучше, полнѣе и нравственнѣе нарисованной въ колядкѣ картинки крестьянской семейной жизни: домохозяйка—хорошая жена, хорошая мать; сыновья—грамотны; дочки—мастерицы шить; дѣти признательны, благодарны родителямъ и чествуютъ ихъ въ великій день праздника Рождества Христова. О самомъ домохозяинѣ въ колядкѣ не говорится; достаточно, что у него такая хорошая жена, такія благовоспитанныя дѣти. Похвалой семьи похваляется уже и

самъ хозяинъ, по тому соображенію, что отличное въ нравственномъ отношеніи положеніе семьи необходимо предполагаетъ въ отцѣ семейства человѣка разумнаго и нравственнаго. Нельзя не замѣтить, что въ колядкѣ, между прочимъ, отразился народный взглядъ на ученіе, грамотность, книгу, какъ на благо, при томъ условіи, когда между родителями и дѣтьми сохраняется тѣсная нравственная связь.

Уваженіе народа къ грамотѣ отмѣчено въ разныхъ повѣстяхъ Квитки. Такъ, въ опереткѣ *«Сватанье на Гончаривци»* дивчина Уляна говоритъ: «Хиба паны брешутъ? Воны сего не вміютъ и надъ дивкамы не будутъ гнущатись. Воны письменни». Въ повѣсти *«Маруся»* старикъ Наумъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что Василь выучился грамотѣ, а Василь объяснилъ, что онъ день и ночь учился, и Богъ помогъ ему одолѣть грамоту и дойти до чтенія Апостола. Въ повѣсти *«Божи диты»* Костя ученіемъ дошелъ до мысли о необходимости честной общественной службы.

Народъ малорусскій обладаетъ безобиднымъ юморомъ. Въ повѣсти *«Ярмарка»* по улицамъ тянутся фуры съ шерстію. Одна изъ пріѣзжихъ помѣщицъ въ легкой утренней одеждѣ высовывается въ окно и спрашиваетъ: «А чья эта шерсть»? Погонщикъ, хоть и съ поникшею головою и пасмурнымъ лицомъ, не пропускаетъ случая сострить и, обдирая кожу съ соленой тарани, отвѣчаетъ, будто нехотя: «Овеча». «Дуракъ»! кричитъ барыня. «Я спрашиваю какого пана». Михаила Петровича. «Да какого»? Нашего. «Гей, цобе, сирый, цобе»! и, хлеснувъ воликовъ батогомъ, идетъ далѣе своею дорогою.

Въ повѣсти *«Добре робы»* отмѣчена мимоходомъ такая черта народнаго характера: «Вы паны», говоритъ Тихонъ Брусъ правительственному комиссару, «и все хочете попаньски робыты. Вы, якъ торгуетесь, то мовъ приказуете, щобъ уси зналы, що вы суть панъ; а мы просымо та просымо, та молымо, и за тимъ рублемъ, або за копою, та мы день лышній жывемо, и лышню чарку пьемо, и все робымо, якъ бы пидлеститысь, та хоть щонебудь выторговаты, бо намъ своеи трудовои копійки жалко».

Вообще, въ сочиненіяхъ Квитки разбросано много такихъ мелочей, которыя въ совокупности прекрасно обрисовываютъ характеръ малоросса.

Въ изображеніи народной жизни Квитка стоитъ на твердой реальной почвѣ; у него нѣтъ искусственной идеализаціи и тенденціозной подкраски; онъ не скрываетъ народныхъ недостатковъ—взяточничества сельскихъ судей и писарей, наклонности къ обиранію ближнихъ въ годину бѣдствія; у Квитки въ народномъ быту среди честныхъ людей оказы-

ваются и обманщики, воры и даже убійцы (Перекотиполе, Козырь-Дивка, Конотопська видьма). Въ повѣсти «Божи диты» старики крестьяне обнаруживаютъ жесткое сердце. Это тѣни на общей свѣтлой картинѣ народной жизни.

Чтобы судить о бытовой вѣрности квиткинскихъ литературныхъ героевъ, мы выдѣлимъ нѣсколько лицъ, наиболѣе своеобразныхъ, внушающихъ нѣкоторое подозрѣніе въ подкраскѣ и преувеличеніи, и провѣримъ ихъ историко-бытовыми свидѣтельствами современниковъ Квитки.

Въ *„Ложныхъ понятіяхъ“* (на рус. яз.) находится подробное изображеніе быта мѣщанина. Казенный крестьянинъ Пантелеймонъ Стовбырь, имѣя значительное состояніе, презираетъ мужика и тянетъ къ мѣщанамъ. Онъ имѣлъ большое число десятинъ пахатной и сѣнокосной земли съ лѣсомъ, вѣтряную мельницу, нѣсколько паръ воловъ, пасѣку, обширный дворъ, весь застроенный, избу съ двумя трубами, съ большой комнатой, съ кимнатой и черезъ сѣни противной комнатой; при домѣ колодезь, огородъ и небольшой садикъ съ грушевыми, вишневыми и яблоновыми деревьями. Все это онъ продалъ, переселился въ городъ и открылъ здѣсь мелочную торговлю. Вмѣсто свиты сѣраго уразовскаго сукна началъ носить синій жупанъ, а потомъ черкеску; жену нарядилъ въ богатые кунтуши, лыстриновыя юпки, шелковыя запаски, парчевые очипки, глазетовые кораблики (головн. уборъ), кораллы и дукаты; съ переселеніемъ въ городъ и послѣ знакомства съ мелкими торговцами онъ надѣлалъ ей круглыхъ платьевъ и накупилъ платковъ. Въ городѣ купилъ домъ въ лучшей части города о 5 комнатахъ. Не безъинтересно описаніе стариннаго мѣщанскаго дома, встрѣчающагося и въ настоящее время въ уѣздныхъ городахъ и слободахъ въ Малороссіи. Крыльцо въ нѣсколько ступенекъ съ навѣсомъ, поддерживаемымъ двумя столбиками съ вырѣзанными кружками, городками и т. п. и выкрашеннымъ зеленой краской. Въ сѣняхъ, вымощенныхъ кирпичемъ, три двери и лѣстница на чердакъ. Дверь прямо вела въ «залку». Въ залкѣ два окна съ частымъ переплетомъ и зелеными стеклами. Въ обоихъ переднихъ углахъ иконы въ окладахъ, кіотахъ и безъ нихъ, работы художниковъ борисовской и суздальской школъ. Всѣ иконы убраны бумажными цвѣтами: зеленою розою, пунсовыми крупными гвоздиками, голубыми тюльпанами; лампады затепливаются подъ праздникъ; въ простѣнкѣ между окнами небольшое зеркало изъ краснаго дерева съ двуглавымъ орломъ на верху. Отъ орла до самаго конца зеркала на обѣ стороны спускалось полотенце, вышитое красными нитками произвольнымъ узоромъ. Объ это полотенце вытираютъ руки; его мѣняютъ по субботамъ. Залку украшаютъ картинки

любовнаго и батальнаго содержанія. Стѣнные часы съ кукушкой и столъ для складки шубъ довершаютъ убранство залки. Изъ залки дверь направо вела въ «гостиненку», дверь налѣво—въ опочивальню. Послѣднюю наполняла двойная кровать, нагруженная перинами и подушками. Изъ спальни выходъ въ «кухоньку», а изъ послѣдней въ сѣни. Въ сѣняхъ дверь направо вела въ отдѣльную комнату, «упокой», предназначенную для гостя или постоя. При домѣ ни огорода, ни сада не было. Стовбырь, теперь уже Стовбыревскій, не хотѣлъ уже заниматься «мужицкимъ промысломъ», т. е. огородничествомъ и садоводствомъ. Квитка подмѣтилъ тонкую черту людей, отрѣшающихся отъ народа: отвращеніе къ природѣ. Замѣчательна одна черта въ «Ложныхъ понятіяхъ». Когда Стовбырь на угощеніе мелкихъ чиновниковъ и купцовъ истратилъ все свое состояніе и долженъ былъ, облекшись снова въ сѣрую свиту, возвратиться въ родное село, друзья чиновники и мѣщане перестали его узнавать и при встрѣчѣ отворачивались отъ него, а крестьяне будто не видѣли его униженія и не обидѣли его словомъ. Они жалѣли, что «ему такъ не посчастливилось».

А. В. Никитенко, говоря въ своихъ «Запискахъ» о большомъ малорусскомъ селѣ Алексѣевкѣ острогожскаго уѣзда ворон. губ. въ первые годы XIX вѣка (годы наблюденій Квитки), замѣчаетъ: Вся правительственная власть (въ селѣ А. графа Шереметьева) сосредоточивалась въ рукахъ графскаго уполномоченнаго или управителя, а сила, двигавшая общественными пружинами и ходомъ вещей—въ рукахъ богатыхъ обывателей, такъ называемыхъ мѣщанъ. Эти мѣщане занимались преимущественно торговлею, и многіе изъ нихъ обладали значительными капиталами, тысячъ до двухсотъ и болѣе рублей. Предметъ ихъ торговли составляли хлѣбъ, сало и кожи. Они не отличались добрыми нравами. То были малороссіяне, выродившіеся или, какъ ихъ называли въ насмѣшку, перевертни, успѣвшіе усвоить себѣ отъ русскихъ одни только пороки. Надутые своимъ богатствомъ, они презирали низшихъ, то есть болѣе бѣдныхъ, чѣмъ сами, сильно плутовали и плутовскимъ продѣлкамъ были обязаны своимъ благосостояніемъ. Жили они роскошно, стараясь подражать горожанамъ, одѣвались въ щегольскіе жупаны, смѣшивая покрой малороссійскій съ русскимъ, задавали частыя попойки, украшали дома свои богато, но безвкусно. Жены ихъ и дочери щеголяли тонкаго сукна кунтушами, шитыми золотомъ очипками, запасками, особенно намистами (ожерельями) изъ дорогихъ крупныхъ кораловъ, въ перемѣшку съ серебряными и золотыми крестами и дукатами. Настоящій малороссійскій типъ лица, нравовъ, обычаевъ и образа жизни сохранялися почти

исключительно въ хуторахъ. Тамъ можно было найти истинно гомерическую простоту нравовъ: добродушіе, честность и то безкорыстное гостепріимство, которымъ по справедливости всегда славились малороссіяне. Эти добрые хуторяне, въ своей патріархальной простотѣ незнакомые съ цивилизованными пороками, умѣренные въ своихъ требованіяхъ, жили бы совершнпно счастливо, владѣя прекраснѣйшею въ мірѣ землею и платя небольшой оброкъ помѣщику, если бы ихъ не притѣсняли богатые мѣщане. Къ несчастію, богатство и здѣсь, какъ часто бываетъ, составляло могущество, служившее однимъ для угнетенія другихъ. Мѣщане разными способами обижали хуторянъ: они то старались подчинить ихъ своей власти, то захватывали у нихъ клочекъ выгодной земли или лѣса, то обращали на нихъ бремя общественныхъ тягостей, которыхъ сами не хотѣли нести. Все это дѣлалось безнаказанно. Представители графской власти думали только о томъ, какъ бы и имъ обогатиться, а выборные отъ народа, или громада, состояли изъ тѣхъ же мѣщанъ: эти послѣдніе располагали и выборами и голосами въ громадѣ (I, 46),

Нѣтъ надобности доказывать, что среда алексѣевскихъ мѣщанъ Никитенка предполагаетъ и оправдываетъ литературное существованіе Стовбыря Квитки.

Въ повѣсти «*Малороссійская быль*» Квитка обрисовалъ другого перевертня—сына крестьянина Харька. Изъ школьнаго ученія онъ вынесъ лишь глупое высокомѣріе, презрѣніе къ отцу и всему родному. «Житы по-людськи» стало у него означать по-пански. Видно, что въ 30 и 40-хъ годахъ перевертни начинали рѣзать глаза благомыслящихъ людей.

Еще болѣе своеобразными въ повѣстяхъ Квитки оказываются сельскіе писари, балагуры схоластики, часто плуты, хитрецы, иногда съ поэтическими наклонностями. Можно думать, что и въ этой области Квитка только воспроизводилъ своевременныя ему бытовыя явленія. *Т. П. Пассекъ* въ своихъ запискахъ «Изъ дальнихъ лѣтъ» (II 262—264) говоритъ, что въ с. Спасскомъ Харьковской губерніи, гдѣ проживала Пассекъ въ 1836 г., въ экономіи писаремъ былъ Григорій Тузъ—романтикъ, лѣтъ 26, средняго роста, съ рѣдкими длинными свѣтлорусыми волосами, весь въ веснушкахъ и до того худой, что нанковый сюртукъ, когда-то гороховаго цвѣта, болтался на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Романтичность Туза выражалась туманнымъ, задумчивымъ взоромъ и страстью къ пѣнію и музыкѣ. Онъ каждый вечеръ садился на крылечкѣ конторы съ гитарой въ рукахъ, бралъ томные аккорды и, когда впадалъ въ грустное настроеніе, то пѣлъ «Віють витры, віють буйны» или «Стоитъ яворъ

надъ водою». Если слышалось «Сонце низенько», значитъ Тузъ настроенъ чувствительно. Въ индифферентномъ состояніи духа онъ небрежно садился на крыльцѣ, тихо брянчалъ на гитарѣ и развязно пѣлъ «Удовыцю я любывъ».

Вообще действующая лица квиткинскихъ повѣстей въ значительной степени срисованы съ дѣйствительной жизни и въ 30-хъ годахъ имѣли этнографическое значеніе, каковое отчасти сохранили до сихъ поръ; говорю отчасти въ виду того, что кое-что получило уже историко-бытовое значеніе. По полнотѣ обрисовки на первомъ мѣстѣ можно поставить Тихона Бруса въ повѣсти «Добре робы». Тихонъ Брусъ—«старъ чоловикъ», уважаемый въ селѣ за умъ и осторожность. Онъ «розумъ мавъ про себе и не дуже зъ нымъ выхвачувався». Отличительная его черта—широкая вѣротерпимость. Человѣкъ честный и богобоязненный, онъ гуманно относится къ людямъ безъ различія національности. «Объ анахтемьскому барышеви» онъ не помышляетъ. Брусъ—крупный общественный дѣятель. На сходкѣ его мнѣніе самое дѣльное и честное. Когда наступилъ голодный годъ, онъ отобралъ у жены и у дѣтей все излишнее, съѣздилъ въ курскую губернію, накупилъ хлѣба и раздалъ его безплатно нуждающимся односельчанамъ. Онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на проклятія и рыданія жены и дочерей, не обратилъ вниманія на козни и наговоры своихъ враговъ. Онъ свое дѣло дѣлалъ молча. Брусъ былъ такой человѣкъ, «що коли що надумавъ то, хоть спорь, хоть лайся, а вже винъ одъ свого не отступытця. И вже не буде багато говорыты та намагатысь, а мовчки зробыть якъ хотивъ». Тихонъ Брусъ крѣпокъ вѣрой въ Бога и въ силу и благородство народа. Онъ не ошибся. За свое доброе дѣло онъ получилъ народную благодарность. Когда на слѣдующій годъ Богъ уродилъ хлѣба и послѣдній совершенно поспѣлъ, «заразъ одъ усякого двора выйшло по женцю и у одинъ день увесь ланъ Тихонивъ зжалы, повязалы и въ копы поклалы. А якъ пеклы новый хлибъ, такъ жоденъ хозяинъ принисъ або приславъ ему по новому хлибови.— Се було на самого Прокипья. Якъ тилько наставъ день Божій, такъ и повалывъ народъ до Тихона.... Чоловикъ увійде, помолытця, хлибъ святый положе, та Тыхонови и прыпаде до нигъ и скризь слезы говоритъ: «Прыйми, дядьку, хлибецъ святый, що черезъ тебе Богъ пославъ мени съ семьею моею, що ты ихъ пропитавъ у таку несчастлыву годыну. Тамъ дытына вбижыть, та тежъ хлибецъ несе.... Тамъ увійде дивча, та все зъ хлибомъ, та зъ дякою»... Другой прекрасный «старъ чоловикъ»— Захарій Скиба (въ повѣсти «Божи диты»). Во время повальной болѣзни онъ посѣщаетъ больныхъ. Самъ бѣднякъ, онъ взялъ двухъ малолѣтнихъ

сиротъ и заботился о нихъ, какъ о родныхъ дѣтяхъ. Мальчика онъ отдалъ дьячку въ ученіе, а дѣвочкѣ—найдется у него лишній грошикъ—купитъ въ городѣ пряникъ или бубликъ. Когда дѣвочку добрый помѣщикъ взялъ къ себѣ въ домъ и началъ ее воспитывать наравнѣ съ своей дочерью, Скиба отъ полноты душевной благодарности расплакался, какъ маленькій.

Есть у Квитки еще три замѣчательныхъ старика, Наумъ Дротъ (въ повѣсти «Маруся»), тарановскій сотникъ Миронъ Петровичъ (въ повѣсти «Панна Сотниковна») и крестьянинъ Таранецъ (въ драмѣ «Щира любовь»). Всѣ они отличаются теплымъ религіознымъ чувствомъ и непоколебимой вѣрой въ Провидѣніе, въ тяжелыя минуты жизни спасающей ихъ отъ отчаянія. Всѣ они заботливые отцы и вѣрные мужья. Панъ Сотникъ щедро помогаетъ бѣднымъ. Онъ хорошо воспитываетъ своего сына и охотно отвѣчаетъ на его любознательные вопросы. Въ святъ-вечеръ сынъ спрашиваетъ у него, почему наканунѣ Рождества обѣдаютъ на сѣнѣ? отчего только въ этотъ день приготовляютъ узваръ и кутью? Сотникъ любовно объясняетъ, что обѣдаютъ на сѣнѣ въ воспоминаніе того, что Іисусъ Христосъ родился въ ясляхъ, на сѣнѣ; употребленіе узвара онъ объясняетъ малорусскимъ обыкновеніемъ при рожденіи ребенка извѣщать друзей и родныхъ о радости и посылать при этомъ имъ что нибудь выпить за здоровье новорожденнаго. Таранецъ—человѣкъ мягкій и добросердечный. Онъ горячо любитъ свою единственную дочь и ни въ чемъ не хочетъ насиловать ея воли. Онъ грамотенъ и любитъ читать духовныя книги.

Изъ пожилыхъ женщинъ повѣстей Квитки заслуживаетъ вниманія честная и разумная Векла Ведьмедиха (въ повѣсти „Сердешна Оксана“) Голова не рѣдко къ ней обращался за совѣтомъ. Доброе сердце ея оказалось въ томъ, что, оставшись бездѣтною вдовою, она взяла къ себѣ сироту Оксану. Задумается Оксана, замечтается о своемъ возлюбленномъ капитанѣ, „стара вже ни объ чимъ и не думае, а боитця, щобъ дытына не занедужала, и стала іи на пичъ покладаты и кожухомъ укрываты и водою наповаты». Петро, умный, сдержанный парубокъ, влюбился въ Оксану, первую деревенскую красавицу. Можетъ быть она и вышла бы за Петра, но, къ ея несчастью, подвернулся хитрый обольститель капитанъ и завоевалъ ея сердце. Путемъ низкаго обмана Оксана была увезена и изнасилована. Она сдѣлалась капитанской наложницей; черезъ годъ у ней родился сынъ. Тяжело было ей выносить капитанскія ласки. Полубольная, исхудалая, голодная, она бѣжала съ своимъ Митрикомъ въ родное село, къ Веклѣ

Ведмедихѣ, которая изныла сердцемъ по своей Оксанѣ. Вблизи родного села, на дорогѣ, она совсѣмъ обезсилѣла. Здѣсь ее случайно нашелъ Петро. Онъ зналъ ее дѣвкой здоровой, полной, румяной, шутливой, веселой; теперь опъ увидѣлъ передъ собой что-то худое, прехудое, сухое, блѣдное. Петро подошелъ къ ней, разговорился, и, подумавши, сказалъ: „Какъ тебѣ, Оксана, явиться въ наше село? Тебя засмѣютъ, закидаютъ грязью, проходу тебѣ не будетъ. Послушай меня. Садись на мой возъ, я тебя привезу къ моему двору такъ, что никто не увидитъ. Тамъ найду материнскую плахту, свиту и очипокъ, да и пройдемъ по за улицами къ священнику, пусть насъ обвѣнчаетъ. Ведмедиха, увидѣвъ, что ты уже замужемъ, не такъ будетъ горевать, въ селѣ никто не посмѣетъ надъ тобою смѣяться, потому что уже будешь мужняя жена“.... „Я тебя любилъ сильно и теперь еще люблю. Я знаю твою душу; ты немного споткнулась. Что ни разсказывай о капитанѣ, а и ты виновна..... „Ну та дарма, усе забуваю и ни объ чимъ згадуваты не буду, мовъ дивкою тебе беру“.

Въ повѣсти „Перекотиполе“ находится другой замѣчательный образъ крестьянина тихаго, добраго, работящаго, честнаго, преслѣдуемаго бѣдностью и горемъ. „Чи тоби, Трохыме, талану нема, чи хто тебе знае!“—такъ говорила вдова Венгериха своему сыну—„уси таки заробляють та знай багатіють, а ты ось піякъ не раздобудеся ни на що, щобъ начаты господареваты якъ и люде. Що було де чого небагато писля батька, те потратыла женючи тебе, думала, описля заробымо, невистка поможе. Невистка жъ ничъ день робыть, а я звалылась соби на лыхо. . . . . тутъ пійшлы диты; хлопчыкови вже шостый годокъ: попавъ у ревизію; треба за его зносыты, и дивчатокъ двое, робыты ще не имъ, а исты просятъ, треба годуваты, та все жъ то дай, усе дай! А въ тебе, сыночку, одни руки, не надасы“. Горемычный Трофимъ пошелъ въ городъ на заработки, гдѣ и раздобылъ немного денегъ. На обратномъ пути въ виду родпаго села его зарѣзалъ Денисъ Лоскотунъ, односелецъ, замѣшанный въ воровствѣ со взломомъ и убійствѣ.

Н. И. Костомаровъ въ «Обзорѣ сочиненій на малорусскомъ языкѣ», помѣщенномъ въ «Молодикѣ» 1844 г., высоко ставитъ Галочку, главное дѣйствующее лицо въ повѣсти «Вотъ Любовь» и въ драмѣ «Щира любовь». Содержаніе обоихъ произведеній незначительно. Въ Галочку, крестьянскую дѣвушку, влюбляется офицеръ Заринъ. Она страстно его полюбила, но не рѣшается выйти за него изъ опасенія, что надъ нимъ будутъ смѣяться за женидьбу на мужичкѣ. Чтобы окончательно отклонить просьбы Зарина, она въ его отсутствіе выходитъ замужъ за от-

цовскаго работника Миколу; но сердца своего переломить она не можетъ и потому чахнетъ и умираетъ. Костомаровъ придавалъ Галочкѣ слишкомъ большое значеніе, ставя ее выше Ивги и Маруси. Онъ говоритъ, что «Галочка всегда идеалъ, показывающій высокое нравственное совершенство, до какого можетъ довести глубокое чувство, при здравомъ состояніи другихъ способностей». Съ послѣднимъ нельзя согласиться. Въ Галочкѣ не всѣ способности развиты; чувство у ней развилось въ ущербъ ума и характера. Она неестественна. Анна Григорьевна, жена Квитки, уже нашла необходимымъ защищать ее въ письмѣ къ Плетневу, находившему Галочку существомъ неземнымъ. Галочка разсуждаетъ такъ, будто читала стихи Жуковскаго. Она утверждаетъ, что ея счастье въ сердцѣ, никто его не отниметъ. Какъ извѣстно, это была излюбленная мысль Жуковскаго, проведенная имъ во множествѣ стихотвореній. Галочка представляетъ невольную дань Квитки литературнымъ вкусамъ своего времени. Карамзинъ утвердилъ въ Россіи господство сентиментализма. Мѣсто сентиментализма вскорѣ занялъ романтизмъ; но въ провинціи любовь къ сентиментализму не угасла и въ 30-хъ годахъ.

Если считать идеальнымъ человѣка, въ которомъ всѣ душевныя силы находятся въ гармоническомъ развитіи, то въ сочиненіяхъ Квитки нѣтъ выше Ивги, героини повѣсти «Козиръ—дивка». Парубокъ, котораго она любитъ, Левко, по ложному подозрѣнію въ кражѣ со взломомъ посаженъ въ тюрьму. Ивга просила за него у сельскаго начальства, у исправника, у городскихъ судей. Послѣднимъ она дала взятку бубликами, которые господами «судящими» были охотно приняты. Ничего не помогало. Неутомимая Ивга дошла къ губернатору, и только у него добилась суда и справедливости: Левко былъ освобожденъ. Ивга живая, проворная, смѣлая, въ словахъ бойкая, безъ болтовни, учтивая, скромная; ее никто не одуритъ, никто не испугаетъ, не остановитъ, ни съ намѣренія не собьетъ; какъ уже что придумала—доведетъ до конца; много у ней чувства и воли.

Маруся — прелестное созданіе: красива, тиха, скромна, добра. Она красива по малороссійски: высокая, стройная, смугленькая, румяная, съ черными, какъ смола, косами, съ глазками, какъ терновыя ягоды, брови снуркомъ. Она избѣгаетъ шумнаго уличнаго веселья и не ходитъ на вечерницы. Лишь только заслышитъ колокольный звонъ, идетъ въ церковь и ставитъ свѣчу. На свадьбѣ своей подруги она увидѣла красиваго и бойкаго парубка Василія и полюбила его. Василь не былъ холоденъ къ такой красавицѣ; онъ просилъ отца Маруси выдать за него дочку. Старый заупрямился. Пошелъ Василь на заработки. Маруся, въ его от-

сутствіи, простудилась и умерла. Содержаніе повѣсти просто, несложно. Однако, повѣсть «Маруся» при своемъ появленіи произвела сильное впечатлѣніе: ею зачитывались, надъ нею плакали. Квитка раскрылъ передъ читателемъ душу чистой дѣвушки, ввелъ его въ таинственный міръ женскаго сердца, бьющаго неистощимымъ родникомъ обильнаго чувства. «Се не Маруся въ насъ передъ очима, говоритъ Кулишъ, се наша юность, се тіи дни святи, приснопамятни, якъ и въ насъ було красно, чисто и свято въ сердци.... Красенъ Божій міръ, а ще краща душа чоловича, и тягне вона насъ до себе непобедимою сылою. Велики скарбы своеи благости розсыпавъ Богъ у своему красному мырови, а ще бильшими скарбами збогатывъ чоловичу душу. И не того намъ хочетця жыты, щобъ тилько на Божій миръ дывытись: бильше намъ хочетця душею въ чужи души входыты и благодатни скарбы на скарбы миняты».

Оксана, Прасковья Мироновна, панна Сотниковна и Ганнуся имѣютъ сходныя черты. Первая, обезславленная капитаномъ, не упала духомъ, не унизилась до положенія безотвѣтной наложницы. Нѣсколько лѣтъ униженія не сдѣлали изъ нея безотвѣтную рабу; она собралась съ силами и бѣжала отъ негодяя. Панна Сотниковна, глубокорелигіозная, скромная, застѣнчивая, горячо привязанная къ отцу и матери, въ ту минуту, когда пьяный юнкеръ обезчестилъ ее, она забыла все, забыла Бога, родныхъ, несчастныхъ, которымъ помогала, и покончила жизнь самоубійствомъ. Ганнуся такъ же религіозна, какъ Парася и Маруся. Она также добросердечна и застѣнчива. Она трудолюбивѣе ихъ обѣихъ. «Се сокровище, а не дивка, говоритъ о пей старая Запорожчиха. Послушна, работяща, ни съ кимъ ни залается, ни засварится. А щобы, когда пишла на улицу, какъ прочія? ну таковская, ей и не говори! Тилько и прогулкы, что по воскресеньямъ и праздникамъ къ ранней въ соборъ или въ монастырь, на Спаса въ Куряжъ, на Вознесеніе въ Хорошевъ, на Ивана въ Основу».

Въ основаніи многихъ разсказовъ Квитки лежатъ народныя сказки. Содержаніе разсказа „*Перекотыполе*“ просто. Мужикъ Трохимъ шелъ домой изъ города, гдѣ былъ на заработкахъ. На дорогѣ его догналъ односелецъ Денисъ Лоскотунъ и убилъ, съ цѣлью грабежа. Умиравшій Трохимъ призвалъ въ свидѣтели принесенную къ нему степнымъ вѣтромъ траву перекотиполе. Когда былъ осмотръ трупа, Денисъ смутился, увидя въ рукѣ Трохима перекотиполе. Смущеніе его выдало. Квитка обработалъ народную сказку, при чемъ внесъ отъ себя подробности о жизни Трохыма и Дениса въ селѣ и въ городѣ до совершенія преступленія.

Въ уманскомъ уѣздѣ кіевской губ. записана весьма сходная сказка о перекатиполѣ. Два парубка ходили въ Бессарабію на заработки и заработали по 20 руб. На пути домой одинъ изъ нихъ завелъ другаго въ глубокій яръ и убилъ. Умиравшій парубокъ вслухъ сказалъ: «прощай перекотыполе; та гляды, будешь мени свидокъ». Убійца воротился домой, женился. Когда онъ шелъ съ женой полемъ къ тестю, то увидѣлъ перекатиполе и усмѣхнулся. Жена начала допытываться, и убійца сознался въ своемъ преступленіи. У тестя мужъ подвыпилъ, сталъ бить жену, и она его выдала [1]).

Въ самарской губерніи записана великорусская сказка «Ковыль-трава» слѣдующаго содержанія: Одинъ мужикъ убилъ торговца въ степи подъ ракитой. Никого свидѣтелей не было. Тотъ передъ смертью и говоритъ: Ковыль-трава, засвидѣтельствуй хоть ты меня»! Вотъ прошло много лѣтъ: идетъ разъ мужикъ съ женой своей по степи, поравнялся съ ракитой да и засмѣялся. Жена стала допытываться, чего онъ засмѣялся. Мужъ признался, и потомъ жена за побои выдала его властямъ [2]).

Въ средневѣковой испанско-еврейской легендѣ роль перекатиполя играетъ финиковое дерево. Богатый мавръ Гашамъ, злобствуя на молодого поэта Габріеля за его успѣхи въ поэзіи и любви, заманилъ его въ свой садъ, убилъ и закопалъ подъ финиковымъ деревомъ. Умирая Габріель сказалъ: »плодъ этого одинокого дерева заговоритъ и обвинитъ убійцу». На другой годъ финиковая пальма дала такъ рано и такіе прекрасные плоды, что молва о томъ пошла далеко, и къ Гашаму пріѣхалъ самъ король, Гашамъ смутился, что выдало его, затѣмъ сознался и былъ повѣшенъ на этомъ деревѣ [3]).

Въ греческой легендѣ, поэтически обработанной Шиллеромъ, убійцъ поэта Ивика уличили журавли, вполнѣ соотвѣтствующіе перекатиполю и финиковой пальмѣ.

Во всѣхъ этихъ легендахъ выразилась глубокая вѣра въ Немезиду, та вѣра, которая хорошо выражена у Шекспира словами Макбета:

Есть судъ и здѣсь: рукою безпристрастной
Подноситъ намъ онъ чашу съ нашимъ ядомъ.

Маленькій разсказъ „*Пидбрехачъ*“, напечатанный впервые въ «Молодыкѣ» 1843 г., представляетъ передѣлку, народной сказки. Не считая вступительнаго моральнаго разсужденія на тему, что «недобре дило брехаты», фабула разсказа состоитъ въ слѣдующемъ: «Просывъ Пархимъ

1) *Рудченко*, Народн. южно-рус. сказки, 1 № 79).
2) *Садовниковъ*, Сказки и преданія Самарскаго края, 380.
3) *Владиміровъ*, Защитительныя рѣчи, 450.

Остапа, щобъ пийшовъ за нёго старостою до Хиври. Хивря була дивка годяща; була хозяйка, работяща; мала й худобинку; а Пархимъ тежъ парубокъ голипный хочъ куды. Остапъ-ничого робыты, каже: «Добре пійду, абы-бъ товариша зиськаты.

Зострився зъ Самійломъ.

«Здилай мылость, Петровичу Самійло», каже Остапъ: «йды зо мною пидбрехачемъ за Пархима до Хиври.

—Та чы зъумію лышень? каже Самійло. Зъ роду не бувъ у симъ дили!

«Та воно нетрудно», каже Остапъ: я буду починаты брехаты, а ты пидбрихуй; звистно, якъ старосты брешуть про парубка, за кого сватають; а безъ брехни вже не можно! Я збрешу на палець, а ты пидбрехуй на цилый локоть; то й закинчаемъ дило, запьемо могорычи; а молоди описля нехай жывуть, якъ знають»!

— Добре; Остапе, зъумію; пиду добуду палычку и зайду за тобою». Сказавъ Самійло и потягъ до дому.

Зибралыся старосты, якъ довгъ велыть, узялы хлибъ святый пидъ плече, палычки у руки, пишлы до Хиври.

Увишедши у хату помолылыся, хозяину поклопылыся и почалы казаты законный речи про порошу, про князя, про куныцю, и звели на красну дивыцю.

Добре усе. Стари Хиврины усе слухаютъ; дали почалы розпытувати, що е у молодого?

«Та у нёго чымало е чого», каже першый староста.

— Де-то чымало? каже пидбрехачъ. У нёго усёго е багацько.

«Е й волыки».

— Та яки волыки? такы настоящи волы.

«Е й овечата», почына першый староста.

— Та яки овечата? такы настоящи вивци! пидбрехуе Самійло.

«Е й хатына».

— Та яка хатына? настояща хата, новисинька; просторна.

«И у господарстви недуже дае кому воли».

— Та такы и никому. Самъ усимъ орудуе, и що хоче, те й робыть.

Хиврыны стари ажъ плямкаютъ, що таке добро достанетця ихъ дочци; та й почалы пытаты, хто ыменно парубокъ.

«Отъ колы знаете, Пархимъ», сказавъ Остапъ.

— Терешковичъ, Понура, договорывъ Самійло.

«Э! се-бъ-то той крывый на ногу?» спытала маты Хиврина.

«Та вин такъ трошкы хрома, на одну ногу»—сказавъ першый староста.

— Де то хрома? и не на одну, а винъ и обома нездужа ходыть! пидправывъ пидбрехачъ.

— Та винъ щось горилку часто вжыва? пытаетця батько.

«Такъ, выпье по-трошку, колы-та-колы», каже Останъ.

— Де-то-вже колы-та-колы? такы по-всякъ день; и такы не по-трошку, а пъе, поки звалытця.

«Та троха чы не косый?» пыта батько Хыврынъ.

— Та такъ, косенькій на одно око, каже староста.

«Де-то-вже на одно? и не косенькый овси; винъ и эбома ничого не бачыть!»

«Та, кажуть, щось-тамъ нашкодывъ, чы не буде ёму биды?» допытуетця батько.

— Яка тамъ бида? Може провчать трошкы, сказавъ староста.

«Якъ-то можно трошкы? Ёго таки гарно катъ кнутомъ попобъе, та й на Сыбирь зошлють», закинчавъ пидбрехачъ...

Пися такои розмовкы, що батькови и матери Хиврынымъ робыты? Выпроводылы нечестью старостивъ и троха чы й не позывалы й ще за бешкетъ, що за такого женыха прыходылы свататы ихъ дочку. А на парня пустылы славу, що й повикъ незбувъ!

Въ галицко-русской сказкѣ идутъ вмѣстѣ брехачъ и подбрехачъ (по галицки побрыхачъ). У перваго спрашиваютъ, родился ли хлѣбъ у его пана. Брехачъ отвѣчаетъ. что у его пана такая капуста, что однимъ листомъ накрыли крышу въ домѣ, и получаетъ отъ пана пару центовъ. Панъ спрашиваетъ у подбрехача о капустѣ, для провѣрки словъ перваго лжеца. Подбрехачъ сказалъ, что видѣлъ, какъ повезли качанъ капусты въ млинъ на колоду. Далѣе брехачъ сказалъ о такой густой гречкѣ, что панъ въ ней заблудился, и получилъ снова пару центовъ, а подбрехачъ добавилъ, что цыгане корчуютъ пни той гречки [1]).

Въ бѣлорусской сказкѣ «Лгала и Палагала» выступаютъ также 2 лжеца, брехачъ и подбрехачъ. Здѣсь они лгутъ огородникамъ и плотникамъ. Лжецъ, увидя пень, называетъ его волкомъ, земляную кочку—ковригой хлѣба, подбрехачъ—двумя волками, двумя ковригами. Брехачъ говоритъ, что на его родинѣ такая капуста, что рота солдатъ помѣщается подъ однимъ листомъ, а подбрехачъ добавилъ, что карета зацѣпилась колесомъ за кочанъ капусты, и желѣзная ось сломилась. Лгуны и здѣсь получаютъ 200 рублей. Въ другой разъ брехачъ говоритъ огород-

[1]) *Kolberg*, Pokucie, IV № 52.

никамъ, что огурцы въ его сторонѣ такіе, что въ полдень за огурцомъ солнца невидно, а подбрехачъ добавилъ, что такой огурецъ легъ черезъ дорогу и въ него провалилась коляска съ лошадьми. Награда въ триста рублей. Плотникамъ, строившимъ церковь, лжецъ сказалъ, что можетъ выстроить церковь до облаковъ, а его товарищъ добавилъ, что у нихъ дома пѣтухъ пономаря, сидя на церкви, склевалъ половину мѣсяца а мѣсяцъ въ это время былъ въ послѣдней четверти, и глупые плотники повѣрили [1]). Послѣдній мотивъ взятъ уже изъ другихъ сказокъ—о глупыхъ народахъ (пошехонцахъ, литвинахъ и др.) [2]).

Содержаніе разсказа «*Мертвецькій Велыкдень*» состоитъ въ томъ, что пьянчужка крестьянинъ Нечипоръ, наѣвшись дома вареников, ночью подъ первое воскресенье великаго поста забрелъ въ церковь, въ которой оказались мертвецы, справлявшіе въ эту ночь наступленіе для нихъ Свѣтлаго Воскресенія. Такъ какъ у Нечипора въ зубахъ оказалось полъ-вареника, то мертвецы потребовали, чтобы онъ раздѣлилъ его поровну на всю мертвецкую громаду. Такъ-сякъ Нечипоръ дотянулъ переговоры съ ними до третьихъ пѣтуховъ, послѣ чего мертвецы моментально исчезли. И въ этомъ разсказѣ, какъ во многихъ другихъ, Квитка стоялъ на народной почвѣ, заимствовалъ у народа основной сюжетъ разсказа и отчасти нѣкоторые подробности. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ «*Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*» былъ напечатанъ небольшой сборникъ малороссійскихъ повѣрій со словъ сельской бабки, и въ числѣ ихъ слѣдующій народный разсказъ: «На масляницѣ, по мѣстному выраженію въ «запусты», послѣ ужина берутъ кусочекъ сыра подъ языкъ и ложатся съ нимъ спать. Если вѣдьма не подкрадется мышью къ спящему и не украдетъ сыръ, то утромъ завязываютъ его въ поясъ или въ рубаху и бережно хранятъ до начала заутрени св. Воскресенія. Втеченіе великаго поста вѣдьма употребляетъ всѣ способы, чтобы украсть, и почти всегда крадетъ опасный для нея сыръ. Въ ночь св. Воскресенія весь сонмъ вѣдьмъ и злыхъ духовъ поднимается на того, кто сохранилъ сыръ. При слѣдованіи его на заутреню, вдругъ рѣка откуда то берется; высокія ворота стоятъ на дорогѣ; какіе то невиданные звѣри бросаются на него; какія-то страшныя птицы садятся ему на голову и плечи. Человѣку показывается, что онъ очутился на кладбищѣ. Мертвецы, желтые какъ воскъ, съ саванами въ рукахъ, ужасно смотрятъ на него и киваютъ ему пальцами. Онъ въ ужасѣ теряетъ сознаніе, и въ это время вѣдьма крадетъ у него сыръ. Но, говорятъ, былъ одинъ такой храбрый екатеринин-

---

[1]) *Добровольскій*, Смолен. сб. 665—669.

[2]) См. мое изслѣдованіе «Анекдоты о глупцахъ».

скій солдатъ, который, не смотря на всѣ ужасы этой ночи, вошелъ таки съ сыромъ въ церковь и увидѣлъ между женщинами всѣхъ сельскихъ вѣдьмъ: у каждой была па головѣ дойница».

Разсказъ «*Конотопська видьма*» построенъ всецѣло на преданіяхъ историко-бытоваго характера. «Якъ же намъ, пане Рыгоровичу, за ныхъ (т. е. вѣдьмъ) узятысь; щобъ воны вернулы дощи и щобъ намъ не наробылыописля якои капости»?—спросилъ панъ сотникъ конотопскій у своего писаря и получилъ отъ послѣдняго совѣтъ подвергнуть ихъ испытанію водой. «Аще кая суть видьма, сказалъ писарь, та непогрязнетъ на дно ричное, аще и камень жерновный на выи ея прычеплють». Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе приготовленій и самого производства пытки семи бабъ, подозрѣваемыхъ въ чародѣйствѣ, съ слѣдующими, характерными въ историко-бытовомъ отношеніи, деталями: «Посередъ ставу убыто чотыри пали товстенькихъ, а у гори позвъязано верёвками, та впьять, якось то хытро та мудро переплутано; та у кажній пали у гори дирка продовбана и туды веревка просунута. А по ставку издять люде у човнахъ, а воны не рыбалки, бо въ ныхъ на човнахъ, не сети и не въятери, а те жъ верёвкы.... Калавурны стереглы нызку видёмъ и прыдывлялысь пыльно, щобъ котра зъ ныхъ, перекынувшысь або сорокою, або свынею, та не дала бъ дёру».... Испытаніе происходитъ въ присутствіи обывателей и мѣстнаго начальства, вечеромъ, передъ заходомъ солнца. Подозрѣваемую женщину тащутъ къ пруду, кладутъ на лодку, отвозятъ къ палямъ, подвязываютъ ее къ верёвкамъ, поднимаютъ вверхъ и затѣмъ опускаютъ внизъ въ воду [1]).

Въ луцкомъ уѣздѣ разсказываютъ, что въ одномъ мѣстѣ долго небыло дождя; мѣстный помѣщикъ велѣлъ собрать всѣхъ женщинъ и класть ихъ спиной въ воду, придерживая веревкой; которая изъ нихъ будетъ тонуть, ту вытаскивать, а которая будетъ плавать по поверхности—ту бить, потому что она вѣдьма. Одна изъ женщинъ оказалась такою; когда ее начали бить, то полился такой дождь, что люди едва живы дошли домой [2]). Припомнимъ здѣсь, что и въ «Конотопской вѣдьмѣ» Квитки Явдоху Зубыху, оказавшуюся вѣдьмой, «хлопци отчесалы терновыми». Въ Угорской Руси во время засухи заставляютъ женщинъ купаться и въ случаѣ сопротивленія насильно бросаютъ ихъ воду, чтобы обнаружить колдунью, по милости которой продолжается бѣдствіе [3]).

---

[1]) *Квитка*, Малор. пов. I, 197—214.

[2]) *Чуб.* I, 26.

[3]) *Де-Волланъ*, Угро-рус. пѣсн. 25.

Въ украинскихъ судебныхъ актахъ XVIII в. находятся прямыя указанія на топленіе вѣдьмъ. Съ разсказомъ Квитки большое сходство имѣетъ слѣдующее дѣйствительное событіе 1709 г. Дворяне и крестьяне подвергли купанію дворянку Яворскую по подозрѣнію въ чародѣйствѣ. Ее раздѣли донага, связали особеннымъ образомъ, установленнымъ для подобнаго рода испытаній (большой палецъ правой руки привязывали къ большому пальцу лѣвой ноги, и тоже сдѣлали накрестъ), затѣмъ между связанными членами продѣли веревку и принялись опускать Яворскую на блокахъ въ рѣку и подымать ее вверхъ. Такъ какъ она при этомъ тонула, то признана была невинной [1]). Гуцулы топили вѣдьмъ еще въ 1827 г. [2]) Въ *„Культурныхъ переживаніяхъ“* подъ № 4 мы подробно останавливались на топленіи вѣдьмъ у разныхъ народовъ. Къ приведеннымъ здѣсь довольно многочисленнымъ фактамъ теперь можемъ добавить еще весьма любопытный сербскій «Божій судъ водой»—испытаніе вѣдьмъ посредствомъ топленія, описанное въ XVI кн. *Этнограф. Обозр.* 1893 г. I 139—140.

Маленькіе разсказы *„На пущанья якъ завъязано“* и *„Пархимове сниданьня“* написаны очевидно съ народныхъ словъ въ объясненіе существующихъ въ народѣ поговорокъ, сообразно съ народными толкованіями.

Разсказъ *„Знахарь“* (на рус. яз.) также имѣетъ этнографическое значеніе. Здѣсь идетъ рѣчь о вліяніи знахарей въ селѣ, о лѣченіи больныхъ и т. п. Собраны общія черты знахарскаго вліянія и знахарской дѣятельности.

Въ повѣсти «Маруся» отмѣчено два главныхъ способа народнаго лѣченія болѣзней: Маруся заболѣла. Мать ея Настя—«побигла до знахарки, щобъ вмыла, або злызала; бо се іи мабуть зъ очей; або нехай переполохъ вылыва, або трясцю видшептуе; нехай що зна те и робыть». Отецъ же Маруси Наумъ «заразъ доставъ іорданськои воды та и звеливъ Насти, щобъ нею натерла Маруси бикъ, де болыть, и давъ тыеи жъ воды трошки напытысь, а самъ пидкурювавъ іи херувимськимъ великоднымъ ладаномъ»...

Квитку привлекалъ малорусскій свадебный ритуалъ, и въ сочиненіяхъ Квитки такъ много разсѣяно описаній свадьбы, что если собрать ихъ и разсортировать по ходу свадебнаго ритуала (сватовство, сговоръ, пильце и др.), то получится подробная и полная картина слободско-украинской свадьбы начала XIX вѣка. Замѣчаній о свадьбѣ, высказанныхъ въ концѣ историко-бытоваго и этнографическаго очерка

---

[1]) *Антоновичъ*, въ «Трудахъ» Чубинскаго I 347.
[2]) *Аванасьевъ*, Поэт. воззр. III 511.

„Украинцы“, можно не брать въ счетъ по ихъ краткости и безцвѣтности. Много интересныхъ подробностей (обряды и пѣсни) о сватаньѣ находится въ повѣстяхъ *„Пидбрехачъ“* (по изд. 1887 г. II 193) и *„Маруся“* (по изд. 1887 г. I стр. 83 и сл.), о печеніи каравая и свадебномъ переряживаніи въ *„Козырь—дивка“* (II, 87—91) и въ *„Сватаньѣ на Гончаривци“*.

Описаніе вечерницъ находится въ повѣсти *„Маруся“* (I 34) и въ *„Панѣ Халявскомъ“*.

Похороны дѣвушки изображены въ *„Марусѣ“* (I 106—110).

Рождественскія повѣрья, обряды и игры вошли въ разсказъ *„Панна Сотниковна“*.

Пасхальные обычаи и повѣрья находимъ въ повѣстяхъ *„Маруся“* (I 77, 80) и *„Отъ тоби и скарбъ“* (II 6, 15).

О народныхъ музыкальныхъ инструментахъ и музыкѣ въ повѣстяхъ *„Божія дѣти“* и *„Панна Сотниковна“*.

О ярмаркѣ въ *„Солдатскомъ патретѣ“*, *„Пархимовомъ сниданьѣ“* и отчасти въ *„Ярмаркѣ“* (на рус. яз.).

Кромѣ того въ повѣстяхъ Квитки, русскихъ и малорусскихъ, разбросано много интересныхъ мелочей, напр., общіе отзывы о характерѣ малоруссовъ (въ «Украинцы» и др.), о народной одеждѣ (I 13, 20, 33—34, 35, II 17 и др.), о вѣдовствѣ и колдовствѣ (I 203, 217, 222 и др.), о кладахъ въ видѣ дѣда, кобылы (II 7, 8), о разныхъ играхъ и забавахъ (I 18, 34, 38, II 100). Много любопытныхъ обычаевъ и повѣрій отмѣчено мимоходомъ, въ двухъ— трехъ словахъ, напр., дѣвицы, желая выйти замужъ за красавца парубка, «не одна обѣщалася дванадцять пьятинокъ говиты, не исты и не пыты ничого; не—одна тыхенько видъ матери по пьятинкамъ пряла на свичечку»... («Божи диты» II 215).

Въ заключеніе можно сказать, что Квитка былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ этнографовъ малорусскихъ 30 и 40 городовъ, непосредственно и внимательно изучавшихъ народную жизнь. Онъ не издавалъ своихъ записей въ видѣ сырого этнографическаго матеріала; научное значеніе такихъ записей въ то время не было сознано, и изданіе ихъ въ свѣтъ сопряжено было съ большими затрудненіями. Такія затрудненія Квитка обходилъ, придавая своимъ этнографическимъ матеріаламъ литературную обработку и выпуская ихъ въ рамкѣ романической фабулы. Мѣсто записей можно опредѣлить точно—Харьковъ и харьковскій уѣздъ; время записей относится приблизительно къ 20 и 30-мъ го-

дамъ. Этнографическія записи скомбинированы въ повѣстяхъ въ подчиненіи выдвинутымъ на первый планъ литературнымъ интересамъ, т. е. случайно и произвольно.

Кое-что изъ того, что въ 30 и 40-хъ годахъ было этнографично, теперь представляется устарѣлымъ, служитъ матеріаломъ для исторіи быта и культуры; но многое еще сохраняетъ бытовое значеніе и представляется характернымъ для малорусскаго народа и въ настоящемъ положеніи его умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго развитія. Строгой разграничительной черты между забытымъ, устарѣвшимъ, устарѣвающимъ, живымъ и живучимъ провести невозможно, какъ нельзя этого сдѣлать въ приложеніи къ основнымъ и капитальнымъ пособіямъ— сборникамъ Чубинскаго и Головацкаго. Можно только замѣтить, что въ нравственной сферѣ многое измѣнилось, что Стовбыри, Харьки, Насти стали господствующими въ замѣнъ вымершихъ Тихоновъ Брусовъ, Ведмедихъ, Марусь и Ганнусь, но въ области обрядовъ, повѣрій и всякаго рода суевѣрій еще многое держится незыблемо; напримѣръ, выкупаніе изъ колодки (I, 119) повторяется и теперь, хотя женщины одѣваются помѣщански и говорятъ городской полулитературной рѣчью.

5.

Главные мотивы поэзіи Т. Г. Шевченка.

Предисловіе—значеніе и условіе изученія поэтическихъ мотивовъ Шевченка. Постороннія вліянія. Опредѣленіе значенія и задачъ творчества. Слово. Дума. Муза. Пѣсня. Нива. Кобзарь. Пророкъ. Апостолъ правды. Народность. Заимствованія и подражанія. Народныя пѣсни, повѣрья, обычаи, обряды, сравненія. Народность въ міросозерцаніи и описаніяхъ быта. Внѣшняя природа: солнце, мѣсяцъ, вечерняя звѣзда, вѣтеръ, тучи, море, Дунай, Днѣпръ. Украина, флора и фауна. Историческіе мотивы: гетманщина, казачество, панщина, чумачество, солдатчина, чужина. Религіозно-нравственные мотивы. Религіозное чувство. Молитва. Кіевскія святыни. Понятія о добрѣ и злѣ, богатствѣ и бѣдности. Трудъ. Наука. Мотивы этнографическіе, автобіографическіе и литературно-бытовые. Славянофильство. Мотивы семейно-родственные. Село. Хата. Молодежь. Дѣвичья красота. Бракъ. Дѣти. Байструки. Мать, сынъ и дочь. Покрытка. Наймичка. Смерть. Кладбище.

Изученіе жизни Т. Г. Шевченка значительно подвинулось впередъ въ трудахъ Чалаго и Конисскаго. Сравнительно меньше сдѣлано для изученія его поэзіи; но и въ этой области въ послѣднее время появилось нѣсколько цѣнныхъ статей, преимущественно галицкихъ ученыхъ— Партицкаго, Франка, Студинскаго. Въ особенности выдается крупный и цѣнный въ научномъ отношеніи трудъ г. Колессы въ III ч. «Записокъ Товариства Шевченка» (стр. 36—152) о вліяніи Мицкевича на Шевченка. Вышедшая въ Полтавѣ брошюра г. Лисовскаго о мотивахъ поэзіи Шевченка представляетъ фантасмагорію изъ теплыхъ словъ, или своеобразное стихотвореніе въ прозѣ—звучное, красивое, но и только.

Научное изученіе поэзіи Шевченка со стороны мотивовъ представляется затруднительнымъ по многимъ причинамъ. Хотя по внѣшнему объему Кобзарь не великъ; но по внутреннему содержанію—памятникъ сложный и богатый. Это малорусскій языкъ въ его историческомъ развитіи, крѣпостничество и солдатчина во всей ихъ тяжести стараго времени, въ отношеніи преимущественно къ семейному положенію женщины, и наряду неугасшія воспоминанія о козацкой вольности. Здѣсь сказываются удивительныя сочетанія, съ одной стороны, вліянія странствующаго украинскаго философа Сковороды и народныхъ кобзарей, съ другой—

вліяніе Мицкевича, Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова. Въ Кобзарѣ отразились кіевскія святыни, запорожская степная жизнь, идиллія малорусскаго крестьянскаго быта—вообще исторически выработавшійся народный душевный складъ съ своеобразными оттѣнками красоты, задумчивости и грусти. При посредствѣ своего ближайшаго источника и главнаго пособія—народной поэзіи, Шевченко тѣсно примыкаетъ къ козацкому эпосу, къ старой украинской и отчасти польской культурѣ и даже стоитъ въ связи, по нѣкоторымъ образамъ, съ духовно-нравственнымъ міромъ Слова о полку Игоревѣ. Шевченко не случайно перевелъ плачъ Ярославны. Въ его душѣ звучали поэтическія струны, близкія къ тѣмъ, которыя подъ вѣщими перстами Бояна рокотали славу древне-русскимъ князьямъ.

Главная трудность изученія поэзіи Шевченка заключается въ томъ, что она насквозь пропитана народностью, и крайне трудно, почти невозможно опредѣлить, гдѣ кончается молорусская народная поэзія и гдѣ начинается личное творчество Шевченка. Народное начало поглотило и скрыло литературныя вліянія; получается такое общее впечатлѣніе, будто поэзія Шевченка сложилась сразу, безъ историческихъ и литературныхъ традицій, безъ постороннихъ вліяній, безъ внутренняго органическаго роста—впечатлѣніе ошибочное. Несомнѣнно, и у Шевченка были источники и пособія въ богатыхъ уже въ его время запасахъ литературъ русской, польской и малорусской. Ближайшее научное изученіе открываетъ литературные источники, которыми пользовался Шевченко то удачно, то неудачно. Такимъ источникомъ была поэзія Мицкевича (см. ст. г. Колессы въ Запискахъ Товариства Шевченка) отчасти Н. Маркевичъ (см. ст. г. Студинскаго въ 24 № Зори 1896 г.). Извѣстно, что Шевченко любилъ Пушкина, зналъ многія его стихотворенія наизусть, и при всемъ томъ вліяніе Пушкина на поэзію Шевченка трудно опредѣлить за украинскими наслоеніями. Замѣтно вліяніе «Братьевъ разбойниковъ» на Варнака (282, 283), вліяніе «Египетскихъ ночей» (362) и «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда» (246). Кое-гдѣ замѣтно вліяніе Лермонтова. Есть еще одно препятствіе для научнаго анализа Шевченка—художественная цѣльность, простота и задушевность его стихотвореній.—Его мягкія поэмы живутъ своей внутренней, присущей имъ жизнью и не поддаются холодному и сухому научному разбору. Впрочемъ, выдѣленіе мотивовъ представляется дѣломъ сухимъ и малопривлекательнымъ лишь въ процессѣ работы, а не въ результатахъ ея. Сближеніе отдѣльныхъ мотивовъ открываетъ цѣлый рядъ глубоко жизненныхъ явленій, наводитъ на такія стороны въ мысляхъ и чувствахъ поэта, которыя ранѣе не были

замѣчены или не были достаточно поняты. Съ выдѣленіемъ мотивовъ ярко обрисовываются кое-какія характерныя черты малорусскаго народнаго міросозерцанія и быта. Затѣмъ, лишь при выдѣленіи мотивовъ и по сравненію ихъ съ породившими ихъ явленіями литературы и быта, можно будетъ проникнуть въ тайну художественнаго творчества Шевченка и опредѣлить, какъ отражались и кристаллизировались въ чуткой душѣ поэта испытанныя имъ житейскія эмоціи.

Цѣль настоящей статьи состоитъ въ томъ, чтобы дать нѣсколько общихъ замѣчаній по вопросу изученія Кобзаря по мотивамъ, нѣсколько замѣчаній объ отдѣльныхъ мотивахъ. Для полнаго и обстоятельнаго изученія Шевченка нужно еще предварительно во 1) составить словарь Шевченка, что поможетъ опредѣленію самыхъ мелкихъ мотивовъ, 2) нужно изучить формальную сторону его поэзіи (непочатое поле), т. е. строеніе стихотвореній, эпитеты, повторенія и пр. т. п. 3) нужно привлечь прозаическія статьи и письма Шевченка, 4) подыскать соотвѣтствующія литературныя параллели въ поэзіи малорусской, великорусской и польской, съ одной стороны въ цѣляхъ опредѣленія возможныхъ литературныхъ подражаній, съ другой—для уясненія общихъ пріемовъ художественной концепціи, и въ 5) путемъ сопоставленія мотивовъ нужно опредѣлить главные запасы житейскихъ наблюденій, накопленныхъ Шевченкомъ, и его личныя точки зрѣнія. Послѣдняя задача намѣчена ниже лишь вкратцѣ и мимоходомъ.

Не придавая настоящей статьѣ значенія полнаго и разносторонняго изслѣдованія, мы, однако, сочли бы ошибочнымъ и несправедливымъ, если бы она сочтена была за простой предметный указатель. Это было бы несправедливо потому, что мотивы большей частью сгруппированы по внутреннему сродству и отчасти комментированы; стоитъ только, при достаткѣ времени, развернуть данныя въ скобкахъ цифровыя ссылки, какъ настоящая сравнительно небольшая статья легко можетъ быть обращена въ большое изслѣдованіе.

Прежде всего нужно отмѣтить признанія поэта *о значеніи и цѣляхъ художественнаго творчества* вообще, его личнаго творчества въ частности. Правда, въ литературѣ существуютъ уже замѣтки на этотъ счетъ въ значительномъ числѣ; но онѣ далеко не исчерпываютъ всѣхъ относящихся сюда мотивовъ. Обыкновенно пользуются лишь тѣмъ, что поэтъ говоритъ о своемъ словѣ или о своей музѣ—всѣмъ извѣстныя «Орыся, моя ниво», или «Не нарикаю я на Бога», «За думою дума» и др. (см. по петербургскому изданію 1883 г., стр. 162, 217, 462 a 479, 406, 407, 442, 426, 6, 165). Но этихъ мотивовъ (*слово муза*,

пѣсня, нива) еще недостаточно для обрисовки воззрѣній Шевченка на природу и значеніе поэзіи. Нужно привлечь еще тѣ мѣста, гдѣ говорится о счастьѣ, какъ понимаетъ его поэтъ (напр. на стр. 298), о славѣ (стр. 458). Въ особенности важны въ смыслѣ поэтическихъ признаній всѣ тѣ мѣста, гдѣ говорится *о кобзарѣ*, *о пророкѣ* и о *думкахъ*, какъ любимыхъ дѣтяхъ (1, 4, 162, 173, 202, 217, 218, 241, 278, 353 и др.).

Въ большинствѣ случаевъ поэтъ подразумѣваетъ подъ кобзаремъ самого себя; потому онъ внесъ во всѣ обрисовки кобзаря много лирическаго чувства. Исторически сложившійся образъ народнаго пѣвца былъ по душѣ поэту, въ жизни и нравственномъ обликѣ котораго, дѣйствительно, было много кобзарскаго. О кобзарѣ Шевченко говоритъ очень часто (по изд. 1883 г. см. стр. 3, 4, 5, 7, 9, 12—13, 53, 55, 58, 91, 92, 96 и мн. др.). Рѣже сравнительно встрѣчается пророкъ (см. стр. 381, 406, 461). Къ стихотвореніямъ о пророкѣ тѣсно примыкаетъ небольшое, но сильное ст. объ апостолѣ правды (482). Въ обрисовкѣ пророка, въ особенности въ ст. «Иначе праведныхъ дитей», замѣтно общее, довольно сильное вліяніе Лермонтова. Итакъ, въ самостоятельную субъективную группу можно выдѣлить всѣ мотивы: слово, пѣсня, муза, (отчасти слава), кобзарь и пророкъ, что, разумѣется, не исключаетъ возможности разсматривать эти мотивы и въ другомъ порядкѣ.

Народность Шевченка, какъ народность Пушкина и др. выдающихся поэтовъ, слагается изъ двухъ родственныхъ элементовъ—а) народности внѣшней, заимствованій, подражаній и б) народности внутренней, психически наслѣдственной. Опредѣленіе внѣшнихъ, заимствованныхъ элементовъ не трудно; для этого достаточно ознакомиться съ этнографіей и подыскать прямые источники въ народныхъ сказкахъ, повѣрьяхъ, пѣсняхъ, обрядахъ. Опредѣленіе внутреннихъ психологическихъ народныхъ элементовъ весьма затруднительно и въ полномъ объемѣ невозможно. У Шевченка есть тѣ и другіе элементы; но при этомъ основные психологическіе такъ широки, что придаютъ общую окраску всей его поэзіи и сообщаютъ ей большую колоритность. Душа Шевченка до такой степени насыщена народностью, что всякій, даже посторонній заимствованный мотивъ получаетъ въ его поэзіи украинскую національную окраску.

Къ внѣшнимъ, заимствованнымъ и въ большей или меньшей степени переработаннымъ народно-поэтическимъ мотивамъ принадлежатъ:

1) Малорусскія *народныя пѣсни*, приводимыя мѣстами цѣликомъ, мѣстами въ сокращеніи или передѣлкѣ, мѣстами лишь упоминаемыя. Такъ, въ «Перебендѣ» Шевченко упоминаетъ объ извѣстныхъ думахъ и

пѣсняхъ—про Чалаго, Горлыцю, Грыця, Сербына, Шинкарьку, про тополю у края дороги, про руйнованье Сичи, «веснянки», «у гаю»— любопытный репертуаръ пѣсенъ, должно быть, особенно любимыхъ поэтомъ и хорошо ему извѣстныхъ. Пѣсня «Пугачъ» упоминается, какъ чумацкая, въ «Катерынѣ»; «Петрусь» и «Грыцъ» въ «Черныцѣ Марьянѣ»; «Ой не шумы, луже» упоминается дважды,—въ «Перебендѣ» и «До Основьяненка». Въ «Гайдамакахъ» и въ «Невольныкѣ» находится дума о бурѣ на Черномъ морѣ въ небольшой передѣлкѣ. Встрѣчается нѣсколько народныхъ пьяницкихъ пѣсенъ (13, 379). Свадебныя пѣсни, изъ тѣхъ скабрезныхъ, что поютъ на перезву, вошли въ «Гайдамакы» (стр. 120, 125). По всему «Кобзарю» разсѣяны отзвуки, подражанія и передѣлки народныхъ лирическихъ пѣсенъ (напр. на 344, 367, 371, 372, 374—380, 464 и др.).

2) *Легенды, преданія, сказки и пословицы* сравнительно съ пѣснями, встрѣчаются рѣже. Изъ легендъ о хожденіи Христа взято начало ст. «У Бога за дверьми лежала сокыра». Изъ преданій взятъ разсказъ о томъ, что «ксендзы нѣкогда не ходили, а ѣздили на людяхъ» (302). Пословица «скачы враже, якъ панъ каже» (7) въ «Перебендѣ». Нѣсколько поговорокъ рядомъ въ «Катерынѣ» (на 45 стр.). Много народныхъ пословицъ и поговорокъ разбросано въ «Гайдамакахъ».

3) Въ большомъ количествѣ встрѣчаются народныя *повѣрья и обычаи*. Таковы, повѣрья о сонъ-травѣ (229), о томъ, что на мѣсяцѣ «братъ брата па вильцяхъ держе» (513), что «веселка воду позычае» (248). Таковы многіе свадебные обычаи—обмѣнъ хлѣбомъ, дареніе рушниковъ, печеніе коровая и др. (150—152, 233, 335), обычныя формы ласки (мытье головы стр. 188), обычай посадки деревьевъ надъ могилами (31) или по отсутствующему (132), повѣрья о вѣдьмахъ (206, 443—457), о русалкахъ (26, 27, 29, 225), о ворожкахъ (16, 17), о прыстритѣ (179, 59).

4) Многіе художественные *образы* взяты изъ народной поэзіи, напр., образъ смерти съ косой въ рукахъ (240), олицетвореніе чумы (360, 374). Въ особенности часто встрѣчаются народные образы доли и недоли. Не входя въ подробности, замѣтимъ только, что народный складъ представленій Шевченка о долѣ выступаетъ очень рельефно, если взять, напримѣръ, тѣ мѣста «Кобзаря», гдѣ говорится о долѣ—и такихъ мѣстъ очень много—по изд. 1883 г., стр. 18, 312, 440, 174, 175, 276, 367, 369, 212, 213, 214, 216, 218, 119,—и сравнить ихъ съ народными пѣснями о долѣ въ V т. Трудовъ Чубинскаго 1042, 1019, 1025, 360, 361, 785, 627, 4, 28, 29, 30, 345, 41. Доля въ «Невольныкѣ» (174—175) внушена поэту народными сказками.

5) Наконецъ, въ Кобзарѣ много заимствованныхъ народно-поэтическихъ *сравненій* и *символовъ*, напр. склоненіе явора—горе парубка (181), весилье—война (224, какъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ и въ думахъ), жатва—битва (161, какъ въ Словѣ о П. Иг. и въ думахъ), заростаніе шляховъ—символъ отсутствія милаго (232), калина—дѣвица (205, 214, 230).

Народная пѣсня потому часто встрѣчается въ Кобзарѣ, что она имѣла огромное значеніе для поддержанія духа поэта въ самые горестные часы его жизни, что прекрасно выражено на стр. 309:

Люде зрадять,
А вона мене порадыть
И порадыть, и розваже,
И правдоньку мени скаже.

Народность Шевченка опредѣляется далѣе его міросозерцаніемъ, излюбленными его точками зрѣніями на внѣшнюю природу и на общество, причемъ въ отношеніи къ обществу выдѣляется элементъ историческій—его прошлое, и элементъ бытовой—современность. Одна изъ этихъ основныхъ точекъ зрѣнія бываетъ иногда атрофирована, другими словами, нѣтъ природы, или отсутствуетъ исторія, или недостаетъ современности. У Майкова, напр., не было современности, и природа у него освѣщена очень блѣдно. У большинства современныхъ лириковъ нѣтъ ни малѣйшаго историческаго интереса. Всего этого много у Пушкина, Лермонтова, Шевченка; всѣ основные моменты—внѣшняя природа, исторія и современный бытъ освѣщены у нихъ съ глубоко національной точки зрѣнія. *Внѣшняя природа* обрисована оригинально, съ своеобразнымъ украинскимъ колоритомъ. *Солнце* ночуетъ за моремъ, выглядываетъ изъ-за хмары, какъ женихъ весной посматриваетъ на землю (6, 60, 184, 412 и др.). *Мѣсяцъ* круглый, блѣднолицый, гуляя по небу, смотритъ на «море безкрае» (65) или «выступае съ сестрою зорею». Всѣ эти образы дышатъ художественно-миѳическимъ міросозерцаніемъ, напоминаютъ древнія поэтическія представленія о супружескихъ отношеніяхъ небесныхъ свѣтилъ. *Тучи*, хмары упоминаются большей частью мимоходомъ (25, 27, 306 и др.). Превосходно изображеніе вечерняго облака на 306 стр.

Вѣтеръ у Шевченка является въ образѣ могучаго существа, принимающаго участіе въ жизни Украины (см. 161 стр. и др.); то онъ ночью тихонько ведетъ бесѣду съ осокой (203), то гуляетъ по широкой степи и разговариваетъ съ курганами (8, 209), то заводитъ буйную рѣчь съ самимъ моремъ (214, 216). Зимняя завирюха обрисована въ «Катеринѣ» (стр. 49).

Море—но объ немъ мы здѣсь не будемъ распространяться—въ виду существованія статьи А. Конисскаго «Море въ поэзіи Т. Г. Шевченка» въ 30 № «По морю и сушѣ» 1895 г., гдѣ собраны всѣ главныя обрисовки моря. Въ какой національно бытовой обстановкѣ является у Шевченка море, можно судить изъ слѣдующаго интереснаго по простотѣ и задушевности стихотворенія:

Каламутными болотамы,
Мижъ бурьянамы, за годамы
Тры годы сумно протеклы;
Багато де-чого взялы
Зъ моеи темнои коморы
И въ море нышкомъ однеслы,
И нышкомъ проковтнуло море
Мое не злато—серебро—
Мои лита, мое добро,
Мою нудьгу, мои печали...

Эта картина въ основѣ имѣетъ представленіе о наиболѣе практикуемомъ въ Малороссіи способѣ воровства изъ коморы, гдѣ крестьяне хранятъ все лучшее, обыкновенно одежду, а кто побогаче—то и злато—серебро. Море является тайнымъ сообщникомъ вороватыхъ годовъ.

Дунай вошелъ въ стихотворенія Шевченка подъ прямымъ вліяніемъ народной поэзіи и обрисованъ (см. 38, 138, 190) въ духѣ народной поэзіи.

Другое дѣло *Днѣпръ*. Это, можно сказать, одинъ изъ самыхъ главныхъ и основныхъ мотивовъ всей поэзіи Шевченка. Съ Днѣпромъ въ сознаніи поэта связывались историческія воспоминанія и любовь къ родинѣ. Въ «Кобзарѣ» Днѣпръ—символъ и признакъ всего характерно малорусскаго, какъ Vater Rhein въ нѣмецкой поэзіи или Волга въ великорусскихъ пѣсняхъ и преданіяхъ. «Немае другого Днипра», говоритъ Ш. въ посланіи до мертвыхъ, живыхъ и ненарожденныхъ земляковъ. Съ Днѣпромъ поэтъ связывалъ идеалъ счастливой народной жизни, тихой и въ довольствѣ:

Мижъ горамы старый Днипро,
Неначе въ молоци дытына,
Красуетця, любуетця
На всю Украину,
А по надъ нымъ зеленіють,
Широкія села,
А у селахъ у веселыхъ
И люды весели...

Днѣпръ широкій (381), дужій, сильный (102), какъ море (2); всѣ рѣки въ него впадаютъ, и онъ всѣ ихъ воды несетъ въ море (297); у моря онъ узнаетъ о козацкомъ горѣ (20); онъ реветъ, стонетъ, тихо говоритъ, даетъ отвѣты; изъ-за Днѣпра прилетаютъ думы, слава, доля. Здѣсь пороги, курганы, церковка сельская на крутомъ берегу; здѣсь сосредоточенъ цѣлый рядъ историческихъ воспоминаній, потому что Днѣпръ «старый» (354), потому что Днѣпръ «сывый козакъ» (270). На берегу Днѣпра поэтъ, по собственному его желанію, и похороненъ (201). Вообще, Днѣпръ входитъ во многія лучшія стихотворенія Шевченка (см. 354, 381, 397, 297, 2, 8, 20, 25, 27, 29, 68, 102, 138, 164, 167, 186, 201, 225, 237, 241, 278, 242, 266, 267, 270, 277, 278, 353, 354, 465).

Другой весьма обычный мотивъ поэзіи Шевченка—*Украина*, то упоминается мимоходомъ, но всегда ласкательно, то съ обрисовкой или естественно-физической, или исторической, такъ что при систематизаціи мотивовъ пріуроченіе Украины представляетъ нѣкоторое затрудненіе. Съ наибольшей основательностью мотивъ этотъ можетъ быть отнесенъ въ разрядъ мотивовъ внѣшнихъ, тѣмъ болѣе, что природа Украины описана лучше и вѣрнѣе, чѣмъ исторія Украины, гдѣ поэтъ иногда впадаетъ въ одностороннюю идеализацію (стр. 4, 7, 8, 161, 265, 267, 273, и др.). Въ описаніи природы Украины выступаютъ чередующіеся поля и лѣса, гаи, садочки, широкія степи (209, 246, 249 и др.[1]).

Для кого я пышу, для чого,
За що я Вкраину люблю,
Чи вартъ вона огня святого?
А все таки іи люблю
Мою Украину шыроку... (292—293).

Изъ этой коренной психологической любви къ родинѣ вышли всѣ сочувственныя описанія малорусской *флоры* и *фауны*—тополи (13 и др.), перекатиполя (219), лилеи (227), королева цвита (227), ряста (251), барвинка (334) и особенно калины (210, 214, 229, и 230), соловья (14, 15, 210, 273 и др.), чайки (164), сыча (359). Сближеніе соловья съ калиной въ ст. «На вичну память Котляревському» построено на сближеніи ихъ въ народныхъ пѣсняхъ (напр. въ V т. Трудовъ Чубинскаго стр. 23, 463). Интересно сравнить «Лилею» Шевченка (227—229) съ «Лилеей» Манжуры. Можно подумать, что первыя строки стихотворенія Шевченка повліяли на Манжуру; но, несомнѣнно, что сти-

[1]) См. еще *Партицкаго* «Провидни идеи въ письмахъ Т. Шевченка».

хотвореніе Манжуры обработано вполнѣ оригинально; по силѣ и по стройности оно выше соотвѣтствующаго стихотворенія Шевченка.

Историческіе мотивы весьма разнообразны—плачъ Ярославны (474), гетьманщина (171, 270, 389), запорожцы (8, 24, 68, 178, 190, 191, 220, 261—2, 285, 355), въ частности запорожское оружіе (182, 234, 235), плѣнники (19, 20, 22), картины печальнаго запустѣнія (239, 354), историческіе шляхи (231, 352, 232, 235, 387), могилы казацкія (405, 236 и мн. др.), угнетеніе уніатами (10, 301 и др.), историческія мѣстности—Чигиринъ, Трахтемировъ (160, 270), историческія лица—Богданъ Хмельницкій, Дорошенко, Семенъ Палій, Пидкова, Гамалія, Гонта, Зализнякъ, Головатый, Дмитрій Ростовскій (467, 385, 284, 8, 191, 19 и др.). Иногда подъ однимъ мотивомъ, однимъ именемъ могутъ скрываться разныя пониманія, напр., въ одних мѣстахъ гетьманы «варшавське смиття» (175), прокляти (270), въ другихъ гетьманщина называется «святой» (389).

На рубежѣ между исторіей и современностью стоитъ мотивъ *о чумакахъ*. Во время Шевченка это было еще чисто бытовое явленіе. Позднѣе чумачество было убито желѣзными дорогами. Въ «Кобзарѣ» чумаки являются довольно часто (45, 150, 375, 378, 13, 33, 156, 306, 374), причемъ чаще всего говорится о болѣзни и смерти чумака (33, 374, 375). При благопріятныхъ обстоятельствахъ чумаки везутъ богатые подарки (156); но иногда они возвращаются съ одними «батожками» (378). Вообще, чумачество описано въ духѣ народныхъ пѣсенъ, и мѣстами подъ прямымъ ихъ вліяніемъ, что можетъ быть наглядно выяснено соотвѣтствующими народными параллелями изъ сборниковъ Рудченка, Чубинскаго и др.

Солдатчина у Шевченка тѣсно переплетается съ панщиной и нынѣ въ данной имъ обрисовкѣ въ значительной степени представляется архаическимъ явленіемъ: въ солдаты еще сдаютъ паны, служба продолжительная; сравнительно наиболѣе полный и сочувственный образъ солдата въ «Пусткѣ» (233) и въ «Ну що, здавалося, слова». (407)... Кромѣ того см. еще 232, 293, 295, 372, 389, 416.

Чужина обрисована большей частью въ духѣ народныхъ пѣсенъ, меланхолически и неопредѣленно (213, 217, 350 и др.).

На чужыни не ти люде—
Тяжко зъ нымы житы...

Поэзія Шевченка очень богата религіозно-нравственными мотивами. Теплое *религіозное чувство* и страхъ Божій проникаютъ весь «Кобзарь»

(см. 168, 169, 183, 187, 219, 268 и мн. др.). Извѣстно молитвенное обращеніе Ш. къ Богу:

Дай житы—серцемъ житы
И Тебе хвалыты,
И Твій свитъ нерукотворный,
И людей любыты.

Въ посланіи до живыхъ и ненарожденныхъ земляковъ своихъ благочестивый поэтъ вооружается противъ атеизма и объясняетъ невѣріе одностороннимъ вліяніемъ нѣмецкой науки. Какъ человѣкъ весьма религіозный, Шевченко въ теплыхъ выраженіяхъ говоритъ *о силѣ молитвы* (425, 402), *о кіевскихъ святыняхъ, о чудотворномъ образѣ пр. Богородицы* (263), *о богомолкѣ* (283, 152, 184), постоянно выдвигаетъ христіанскіе принципы *добра* (289, 321, 322 и др.), въ особенности *прощеніе* врагамъ (247, 456, 457 и др.). Сердце поэта отъ смиренія и прощенія исполнено *надежды* (279, 288). Все это спасло поэта отъ *пессимизма* и *отчаянія*, лишь по временамъ, подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій его личной жизни и жизни его родины, пробивающихся въ поэзію Шевченка, напр. въ видѣ горостнаго восклицанія, что «нема раю на цимъ свити, хиба що на неби» (222).

Въ тѣсной связи съ основнымъ религіозно-нравственнымъ настроеніемъ поэта стоятъ всѣ мотивы *о богатствѣ и бѣдности, о значеніи труда* (42: 43, 147, 221 и др.) Поэта смущаетъ имущественное неравенство людей и нужда ихъ, смущаетъ его еще болѣе, что богатство не обезпечиваетъ счастья:

Есть люди на свити—
Срибломъ—злотомъ сяютъ,
А доли не знаютъ,
Ни доли, ни воли!
Здается, пануютъ,

Отсюда совѣты—«не женыся на багатій, бо выжене съ хаты»; въ другомъ стихотвореніи: «Не завыдуй багатому; багатый не мае ни пріязни, ни любови—винъ все те наймае...» Трудъ одобряется, какъ условіе самостоятельности.

Бо хто не вміе заробыть,
То той не вмитыме й пожить (569).

Наука Шевченка благочестива и человѣколюбива. Въ пользу поэта въ особенности подкупаетъ извѣстный выставленный имъ принципъ—«и чужому научайтесь и свого не цурайтесь». Поэту, однако, совсѣмъ была

чужда идея исканія истины и служенія ей независимо отъ какихъ-либо, хотя бы самыхъ дорогихъ традицій, въ смыслѣ словъ Виктора Гюго:

Je veux savoir,
Quand la science serait sombre
Comme le soir!

У Шевченка обнаруживается мѣстами національно-прикладное пониманіе науки въ связи съ моралью и неудачное иронизированіе надъ людьми «письменными и друкованными», которые будто бы солнце «гудять» (66), или, какъ это выражено въ другомъ мѣстѣ:

Якъ бы вы вчылысь такъ, якъ треба,
То й мудрость бы була своя;
А то зализете на небо:
«И мы не мы, и я не я,
И все те бачывъ, все те знаю,
Нема ни пекла, а ни раю,
Нема ни Бога, тилько я,
Та куцый нимець узловатый,
Та бильшъ никого...

Поэтъ хотѣлъ «своей мудрости»; но такая мудрость бываетъ иногда въ прямой ущербъ для науки и подчасъ даже и препятствуетъ развитію народнаго самообразованія и прогресса.

Оставляя въ сторонѣ *политическіе мотивы*, хорошо извѣстные по заграничнымъ изданіямъ «Кобзаря», мы отмѣтимъ здѣсь лишь его *славянофильство*, которому посвящено въ Кобзарѣ немало страницъ (109, 110, 141, 169, 194, 195, 196). Сюда примыкаетъ стихотвореніе «славянамъ», изданное въ октябр. кн. Кіевск. Стар. 1897 г. Славянофильство было характерной чертой украинскаго народничества. Оно, какъ извѣстно, входило въ программу Кирилло-Меѳодіевскаго братства. Наклонность къ славянофильству обусловлена была отчасти исторіей Украины, ея старыми культурными связями съ южными и западными славянами (подроб. см. въ моей ст. въ «Южн. Кр.» 1882 г. № 485).

Кое гдѣ разбросаны *этнографическіе мотивы*—о ляхахъ (457, 301 и др.), жидахъ (74, 76, 162, 223, 224 и др.), цыганахъ (444, 455), киргизахъ (241, 300, 301). Что касается основного по опредѣленію отношеній къ полякамъ ст. Ш. «Ляхамъ», то тутъ, очевидно, вліяніе Богдана Залѣсскаго и романтизма (см. *Франко*, въ Литер.-Наук. Вистн. 1904 VI).

Въ особую группу нужно выдѣлить мотивы *автобіографическіе*, напр., цѣнное въ этомъ отношеніи посланіе къ Козачковскому (263),

«Мени тринадцятый мынавъ» и др. (268, 441, 442 и др.) и въ особую группу мотивы *объ отдѣльныхъ писателяхъ*, напр., о Сковородѣ (263), Котляревскомъ (212). Шафарикѣ (194), Марко-Вовчкѣ (461).

Всѣ перечисленные выше мотивы поэзіи Шевченка, за исключеніемъ двухъ-трехъ (Днѣпръ, Украина, козаки), уступаютъ передъ основными мотивами *семейно-родственными*. Семья есть настоящая суть всего «Кобзаря», а такъ какъ основу семьи составляетъ женщина и дѣти, то они и наполняютъ собой всѣ лучшія произведенія Шевченка [1]). П. И. Житецкій въ «Мысляхъ о малор. думахъ» (стр. 72) говоритъ, что въ произведеніяхъ малорусской поэзіи, какъ школьной, такъ и народной, народная этика сводится главнымъ образомъ къ семейной морали, основанной на чувствѣ родства. Въ другомъ мѣстѣ г. Житецкій говоритъ, что въ народной поэзіи правда называется матерью ридною, а мать правдою вирною, и въ образѣ матери создана большая нравственная сила, какъ сила любви. Всѣ эти сужденія вполнѣ примѣнимы къ поэзіи Шевченка, которая по развитію семейно-родственныхъ идеаловъ примыкаетъ непосредственно къ народной поэзіи.

Арена развитія семейно-родственныхъ началъ—*село* обрисовано весьма сочувственно (175, 249, 269, 294, 310, 354, 361, 389, 464, 465). Какъ въ народной поэзіи, у Шевченка село обыкновенно риомуется съ словомъ весело. Идеаломъ поэта было, чтобы «пустыню опановалы веселіи села» (464). Есть и «убоги села», и «село непаче погорило»— все отъ панщины.

Еще чаще упоминается и мѣстами полнѣе описана *хата*—излюбленный мотивъ Шевченка (396, 191, 202, 269, 271, 465, 236, 239, 244, 346, 388, 396, 486, 273, 279, 293, 298, 321, 354, 362, 373, 374, 378, 465, 478, 480, 482, 488). Большей частью хата лишь упоминается, обыкновенно съ добавкой эпитета «бѣлая: «Хатки биленьки— мовъ диты въ билыхъ сорочкахъ» (269, 293, 321, 354), «хатына, неначе дивчына, стоить на прыгори» (465); въ хатѣ «живе надія» (279, 298). Въ несчастныхъ семьяхъ хата «пусткою гніе» (244), покои немазани, сволокъ немытый—(346), пекло, неволя (388). Лучшія описанія хаты въ ст. «Хатына» (396). и «Вечиръ» (236) Своеобразны сравненія и образы: погорѣлая хата—истомленное сердце (202), хата—славянство (291), хата—могила (486).

Молодость, молодыя лѣта (277, 288, 309 и др.) обрисованы въ духѣ народной словесности, мѣстами какъ подражаніе и перепѣвъ.

---

[1]) О Шевченкѣ, какъ другѣ семьи, краткая статья А. Кониsскаго въ 8 № «По морю и сушѣ» 1895 г.

Парубоцтво обрисовано блѣдно, случайно и мимоходомъ (напр. на 389); *дивчина* входитъ во многія стихотворенія, чаще всего описаніе дѣвичьей красоты (205, 215, 238, 296, 368, 412), любви (56, 59, 61, 123), дивованья (367, 368, 369, 373, 14). Отношеніе поэта къ дѣвушкѣ глубоко гуманное. Одно изъ лучшихъ стихотвореній Шевченка въ этомъ отношеніи «И статомъ гнучкымъ» написано подъ вліяніемъ извѣстной «Молитвы» Лермонтова. Съ чувствомъ искренней горести поэтъ рисуетъ паденіе дѣвушки (204, 239, 244, 393, 477). Весьма замѣчательны по различію тона два однородныхъ стихотворенія—дѣвица безъ дружины (238—тонъ протяжный и грустный) и дѣвица помолвленная (237—тонъ бойкій, веселый).

Въ «Черниця Марьяна» и «Назаръ Стодоля» описаны *вечерницы*, на стр. 413 *сговоръ*, 151—*коровай*, 39 и др. *весилье*, 338—*бракъ неравный по лѣтамъ*, 390, 398, 402—*бракъ неравный по общественному положенію*. Потребность семейной жизни отмѣчена во многихъ мѣстахъ «Кобзаря» (напр. 221), а *идеалы* тихой и радостной *семейной жизни* выражены на стр. 397, 464, 465, 468, 472, 473.

Въ особенности видное значеніе въ поэзіи Шевченка имѣютъ *дѣти*.

Въ русской литературѣ нѣтъ ни одного писателя, у котораго такъ много мѣста было бы отведено дѣтямъ. Причиной тому были сильныя личныя впечатлѣнія поэта изъ тяжелаго его дѣтства и его любовь къ дѣтямъ, подтверждаемая, помимо Кобзаря, и многими біографическими данными, въ особенности характерными воспоминаніями г-жи Кропивиной. О дѣтствѣ самого Шевченка см. подробную статью г. Кониского въ «Русской Мысли» 1893 г. Стихи о дѣтяхъ въ петерб. изд. Кобзаря 1883 г. разбросаны на стр. 42, 46, 48, 146, 247, 253—4, 293, 353, 365, 388, 144, 252, 345 и др. Лучшее стихотвореніе этого рода—«И золотои, и дорогои» (292—293)—имѣетъ крупное автобіографическоезначеніе.

Незаконнорожденныя дѣти, или *байструки* встрѣчаются на многихъ страницахъ Кобзаря, какъ темное пятно крѣпостного быта—стр. 52, 53, 146, 228, 319, 320, 326, 390, 374, 398 и др. Поэтъ такъ объясняетъ свою симпатію къ байстрятамъ (стр. 326):

Неначе воронъ той, летячы,
Про непогоду людямъ кряче:
Такъ я про слезы, та печаль,
Та про байстрятъ отыхъ ледачыхъ,
Хоть и никому ихъ не жаль,
Росказую та плачу.
Мени ихъ жаль!....

Семейныя отношенія выражены 1) въ обрисовкѣ *матери* вообще (396, 412, 457), 2) отношеній *между матерью и сыномъ* (стр. 365, 374, 41, 42, 45, 46, 51, 142, 146, 148, 149, 160 и др.) и 3) отношеній *между матерью и дочерью* (стр. 371, 205, 229, 253, 317, 16, 18—19, 34, 36—30, 39, 59 61 и др.) Повсемѣстно разсѣяно много народно-поэтическихъ элементовъ, частью какъ результатъ прямого заимствованія изъ народной поэзіи, частью какъ наблюденіе надъ живой дѣйствительностью.

Отношеніе *отца къ сыну* въ «Сотникѣ» (341) построено на нѣсколько исключительномъ мотивѣ любви къ одной женщинѣ.

Одинъ изъ самыхъ излюбленныхъ мотивовъ Шевчека—*покрытка*. У Шевченка былъ предшественникъ, касавшійся этого мотива—Г. Ѳ. Квитка. Въ народной поэзіи покрытка встрѣчается рѣдко, кое-гдѣ въ пѣсняхъ, да и то большей частью мимоходомъ и описательно. Шевченку принадлежитъ заслуга обстоятельнаго изученія соціальныхъ условій, порождавшихъ при крѣпостничествѣ покрытокъ, и заслуга изображенія ихъ не только художественнаго, но и гуманнаго, въ интересахъ пробужденія общественной совѣсти и состраданія. О покрыткахъ говорится на стр. 35, 51, 160, 295, 314, 317, 325, 326, 446, 456, 457, и др. Цѣлыя поэмы «Катерына» и «Видьма» трактуютъ о покрыткѣ. Наибольшая идеализація покрытки выразилась въ концѣ «Видьма». Въ другомъ видѣ идеализація покрытки, еще болѣе искусственная («ій шкода мужыка да жаль святого сиряка»), проведена въ «Марынѣ». Поэтъ не жалѣлъ темныхъ красокъ при описаніи горемычной доли покрытки, мѣстами не безъ крупныхъ преувеличеній. Въ дѣйствительности «покрываніе» сходило для дѣвицъ легче, при значительной снисходительности общественнаго мнѣнія. О покрыткахъ, какъ бытовомъ явленіи, см. замѣтку Фонъ-Носа въ Кіев. Стар. 1882 Ш. 427—429.

Большимъ сочувствіемъ Шевченка пользовались также *наймички*. Объясненіе дано на 388 стр.:

Мои голубки молодыи!
Для кого въ свити жывете?
Вы въ наймахъ вырослы чужіи,
У наймахъ косы побиліють,
У наймахъ, сестры, й умрете!

Цѣлая поэма, лучшее произведеніе Шевченка, посвящено наймычкѣ и получило такое заглавіе. Здѣсь разлито много теплаго, гуманнаго чувства. Если бы Шевченко не написалъ ни одной строчки, кромѣ «Наймычки», то этой поэмы было бы достаточно, чтобы стать ему во главѣ

малорусской литературы и въ ряду съ наиболѣе крупными славянскими гуманитарными поэтами.

Въ то время какъ народная поэзія оставляетъ безъ вниманія *старость,* Шевченко съ любовью относится къ старикамъ и старухамъ— бѣднымъ вдовамъ (365, 153, 192, 273 и др.). Таково симпачичное изображеніе дѣда, вспоминающаго о молодости (273), дѣда въ семейной обстановкѣ, съ внуками (192 и др.), стараго кобзаря Перебенди (4—7).

Образъ *смерти* въ стих. «По надъ полемъ иде» и въ «Невольникѣ» въ видѣ косаря, образъ традиціонный, стоящій въ близкой связи со многими старинными произведеніями поэзіи и искусства, какъ южнорусскими, такъ и западно-европейскими. Стихотвореніе это при всемъ томъ отличается въ высшей степени своеобразнымъ, чисто украинскимъ характеромъ, какъ образцовая національная обработка широкаго международнаго культурнаго мотива.

Даже ***кладбище*** описано у Шевченка такъ, что выдѣляется нѣчто характерно украинское (стр. 295, 425).

По гори
Садочокъ темный, а въ садочку
Лежатъ соби у холодочку,
Мовъ у раю, мои стари.
Хресты дубови посхылялысь,
Слова дощемъ позалывалысь....
И не дощемъ, и не слова
Гладесенько Сатурнъ стырае!...
Нехай святыми спочивають
Мои стари..

Въ этихъ словахъ сказалось такое глубоко-христіанское настроеніе поэта, какое роднитъ его по духу съ первыми христіанами, писавшими въ катакомбахъ на саркофагахъ своихъ родныхъ скромное «cum sanctis» или даже одно «sanctis», въ которомъ именно выражалось желаніе, чтобы покойники почивали со святыми.

6.

„Сонце заходыть“ Т. Г. Шевченка

(въ бытовой и литературной обстановкѣ)

1847 годъ—роковой въ жизни Шевченка. Въ этомъ году онъ былъ сосланъ въ пустынный и глухой Оренбургскій край рядовымъ, съ запрещеніемъ писать и рисовать. Любимая кисть стала сразу недоступной; но слово, летучее, свободное слово не могло быть совсѣмъ связано, и вотъ однимъ изъ первыхъ стихотвореній Шевченка въ ссылкѣ, въ томъ же 1847 г., въ новой суровой обстановкѣ было «Сонце заходыть»:

Сонце заходыть; горы чорніють;
Пташечка тыхне; поле ниміе;
Радіють люде, що одпочинуть!
А я дывлюся и сердцемъ лыну
Въ темный садочекъ на Украину;
Лыну, я лыну, думу гадаю,
И нибы серце одпочивае.
Чорніе поле, и гай, и горы,
На сыне небо выходыть зоря.
Ой зоре, зоре!—и слезы кануть—
Чи ты зійшла вже и на Украйни?
Чи очи кари тебе шукають
На неби сынимъ, чи забувають
Коли забулы—болай заснулы,
Про мою доленьку щобъ и не чулы.

Орская крѣпость, куда впервые попалъ Шевченко, представляла грустное и пустынное захолустье. «Рѣдко, говоритъ Шевченко, можно встрѣтить подобную безхарактерную мѣстность. Плоско и плоско... Мѣстоположеніе грустное, однообразное, тощія рѣчки Уралъ и Орь, обнаженныя сѣрыя горы и безконечная киргизская степь». «Всѣ преж-

нія страданія мои, писалъ Шевченко кн. Репниной въ октябрѣ 1847 г., въ сравненіи съ настоящими были дѣтскія слезы. Горько, невыносимо горько! [1])» Біографъ поэта Конисскій, по даннымъ въ посланіи Шевченка къ Козачковскому, говоритъ: «Поэтъ иногда какъ будто оживаетъ, всходитъ на гору, начинаетъ сравнивать природу родного края съ тою, которая окружаетъ его: и тамъ, и здѣсь степи; но какая разница! Такъ (на Украйнѣ) степи зеленыя, голубыя, мережаныя, усѣянныя высокими курганами; здѣсь степь краснорыжая, здѣсь пески, сорныя травы, хоть бы одинъ курганъ, который говорилъ бы о прошломъ» [2])...

Обстановка стихотворенія глубоко реальная. Постороннихъ литературныхъ вліяній тутъ нельзя допустить, хотя, какъ далѣе будетъ указано, въ литературѣ существуетъ много произведеній, весьма сходныхъ по мысли и по строенію. Эти сходныя произведенія интересны для опредѣленія цѣнности отдѣльныхъ художественныхъ образовъ и способа сочетанія ихъ подъ различными индивидуальными и національными вліяніями.

Изображеніе сумерокъ въ поэзіи разнообразно. Въ частности въ народной поэзіи существуютъ различныя обрисовки вечернихъ сумерокъ. Чаще всего такія обрисовки встрѣчаются въ обжинковыхъ пѣсняхъ, изрѣдка въ свадебныхъ и еще рѣже въ любовныхъ. Народно-поэтическіе образы, при всей ихъ краткости, отличаются высокой художественностью и тонкимъ чувствомъ природы, напр.:

Уже сонце котыться—
Намъ до дому хочется...
Разгорыся вечерняя зоря передъ раннею стоя.
Ужъ сонце надъ дубами...
Ой вже сонечко надъ рикою [3]).
Сонейко низко, вечерейко близко [4]).

Простота и естественная послѣдовательность въ изображеніи вечера у Шевченка выдѣляются отчетливо, если сравнить стихи Шевченка съ стихотвореніемъ Тютчева «Сумерки», въ своемъ родѣ также прекраснымъ. Здѣсь, наоборотъ, выдвинута вечерняя неопредѣленность въ звукахъ и свѣтовыхъ тонахъ:

Тѣни сизыя смѣсились,
Цвѣтъ поблекнулъ, звукъ уснулъ;
Жизнь, движенье разрѣшились

---

[1]) *Кіевск. Стар.* 1893, II, 262.

[2]) *Конисскій*, Жизнь Шевченка, 181.

[3]) *Чубинскій*, Труды этн. стат. экспед. III, 230, 236, 245.

[4]) *Головацкій*, Пѣсни галиц. и угор. Руси IV, 205.

Въ сумракъ зыбкій, въ дальній гулъ...
Мотылька полетъ незримый
Слышенъ въ воздухѣ ночномъ...

Гораздо ближе къ Шевченку стоятъ первыя строки стихотворенія Тютчева:

День вечерѣетъ, ночь близка,
Длиннѣй съ горы ложится тѣнь...

У Шевченка картина расширяется постепенно и послѣдовательно въ нѣжныхъ ласкающихъ тонахъ. Въ началѣ главное впечатлѣніе: «Сонце заходыть»... Лучезарное свѣтило спускается къ горизонту; на землѣ ложатся ночныя тѣни, и подъ ихъ покровомъ—«горы чорніютъ»—реальная внѣшняя обстановка наступленія сумерокъ у подножія обнаженныхъ холмовъ Орской крѣпости.

«Пташечка тыхне»—обычное явленіе въ мірѣ птицъ при наступленіи сумерокъ. Малочисленныя степныя птички рано затихали, и пѣсни ихъ, должно быть, не были звонкими для украинскаго поэта, тѣмъ болѣе, что Шевченко сначала было заподозрилъ полное отсутствіе голосистаго птичьяго міра въ печальныхъ мѣстахъ Орска. «Страшная пустыня, окружающая крѣпость, показалась ему раскрытою могилой, готовой похоронить его заживо... Подъѣзжая къ крѣпости, онъ думалъ: поютъ-ли здѣсь птицы? И готовъ былъ Богъ знаетъ что прозакладывать, что не поютъ» [1]). Но Орская природа оказалась добрѣе...

«Поле ниміе...
Радіють люде, що одпочинутъ»...

Реальная обстановка для послѣдняго стиха могла быть такая, какая дана Шевченкомъ въ письмѣ къ кн. Репниной отъ 24 октября 1847 г. Поэтъ вышелъ за крѣпостной валъ и увидѣлъ, что по степи шелъ бухарскій караванъ на верблюдахъ. «Поле ниміе»—характерная обрисовка вечерней тишины. Въ малорусскихъ жатвенныхъ пѣсняхъ встрѣчается сходный поэтическій образъ:

Ой чіе жъ то поле задримало, стоя? въ значеніи спѣлой колосистой ржи, склонившей къ землѣ колосья въ ожиданіи серпа.

У Шевченка встрѣчаются болѣе подробныя и болѣе эффектныя описанія вечера. Тамъ же, за Каспіемъ, немного позднѣе—въ 1849 г.— Шевченко далъ слѣдующее яркое и оригинальное описаніе лѣтняго вечера:

За сонцемъ хмаронька плыве,
Червони полы ростылае,
И сонце спатоньки зове

1) *Конисскій*, 272.

У сине море; покрывае
Рожевою пеленою,
Мовъ маты дытыну...
Очамъ любо... годыночку,
Малую годыну
Нибы серце одпочыне.
Зъ Богомъ заговорыть...

Этотъ стихъ восполняетъ тѣ картины природы, при видѣ которыхъ отдыхало истомленное сердце поэта.

Въ такіе моменты мысль поэта уносилась въ Малороссію, на берега Днѣпра, или въ темные украинскіе садочки

...серцемъ лыну
Въ темный садочекъ на Украину.

Малорусскіе сады часто упоминаются у Шевченка, при чемъ «темные садочки» наряду съ Днѣпромъ составляютъ наиболѣе характерные признаки Украины. Пушкинъ также считалъ сады характерной особенностью Малороссіи. Въ письмѣ въ Малороссію къ младшей сестрѣ А. П. Кернъ онъ приписалъ:

Когда помилуетъ насъ Богъ,
Когда не буду я повѣшенъ,
То буду я у вашихъ ногъ
Въ тѣни украинскихъ черешенъ.

И въ малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ часто упоминаются сады, большей частью, какъ мѣсто свиданія или мѣсто пріятныхъ и дорогихъ воспоминаній.

Въ народной символикѣ, развивающійся садъ означаетъ любовь, цвѣтущій — бракъ.

Не вси то ти сады цвитутъ,
Що на весни розвываются,
Не вси то ти винчаются,
Що вирне кохаются [1]).

Мягкій вечеръ внесъ въ утомленную душу поэта успокоеніе, что выражено въ стихѣ:

Лыну я, лыну, думу гадаю,
И нибы серце одпочивае...

Природа успокоила сердце поэта; мысль понесла его на далекую прекрасную родину; его согрѣли «думы» или, что то же, поэзія. Поэзія даетъ великія утѣшенія своимъ питомцамъ. Объ этомъ говорятъ и мел-

[1]) Чубинскій, V, 96.

кіе, и крупные поэты. Кюхельбекеръ, поэтъ декабристъ, послѣ многихъ лѣтъ тюремнаго заключенія и ссылки въ Сибирь, въ «Дневникѣ» своемъ отмѣтилъ: «имя мое забудется; всѣ мои произведенія незрѣлы, несовершенны. Несмотря на то, я никогда не буду жалѣть о томъ, что былъ поэтомъ. Утѣшенія поэзіи были очень велики». Баратынскій въ стих. «Риөма» говоритъ:

Среди безжизненнаго сна,
Средь гробового хлада свѣта
Своею ласкою поэта,
Ты, риөма, радуешь одна.
Подобно голубю ковчега,
Одна ему съ родного брега
Живую вѣтвь приносишь ты;
Одна съ божественнымъ порывомъ
Миришь его твоимъ отзывомъ
И признаешь его мечты!

И Пушкинъ съ личной точки зрѣнія дорожилъ поэзіей, потому что ея «звучный лепетъ» усмирялъ его сердечный трепетъ и усыплялъ печаль.

Шевченко въ другомъ стихотвореніи—«И знову мени не привезла ничого почта зъ Украины»—оцѣниваетъ поэзію въ духѣ Баратынскаго и Пушкина:

Люде скажутъ, люде зрадятъ,
А вона мене порадыть,
И порадыть, и розважыть,
И правдоньку мени скаже.

Главная часть въ стихотвореніи Шевченка—воспоминаніе объ Украинѣ и о дорогой женщинѣ съ карыми очами, воспоминаніе, навѣянное вечерней звѣздой. Эти мотивы встрѣчаются у многихъ поэтовъ, при чемъ у однихъ поэтовъ звѣзда напоминаетъ о далекой родинѣ, у другихъ—о милой, и лишь у немногихъ оба мотива находятся во взаимномъ сліяніи въ одномъ стихотвореніи, у Шевченка съ нѣкоторымъ перевѣсомъ мотива о карыхъ очахъ.

Замѣчательную литературную параллель къ стихотворенію Шевченка представляетъ элегія Пушкина 1820 года:

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины;
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ;

Онъ думы разбудилъ уснувшія во мнѣ.
Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило.
Гдѣ стройно тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ.
И сладостно шумятъ таврическія волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь,
Когда на хижины сходила ночи тѣнь
И дѣва юная во мглѣ тебя искала,
И именемъ своимъ подругамъ называла.

Принимая во вниманіе, что Шевченко любилъ поэзію Пушкина, можно на первый взглядъ принять его «Сонце заходыть» за простое подражаніе Пушкину, но такому предположенію противорѣчитъ глубокая искренность стихотворенія Шевченка и его очевидная обоснованность личными обстоятельствами. Сходство между Шевченкомъ и Пушкинымъ въ данномъ случаѣ обусловлено сходными условіями ихъ поэтическаго творчества при созданіи этихъ элегій. Пушкинъ въ с. Каменкѣ, кіевской губерніи, вспомнилъ о своемъ пріятномъ пребываніи на южномъ берегу Крыма въ семействѣ ласковаго и просвѣщеннаго генерала Раевскаго, всѣ дочери котораго были, по словамъ Пушкина, прелестны; къ одной изъ нихъ поэтъ питалъ глубокое чувство любви. Шевченко въ Орской крѣпости вспоминаетъ о своей далекой прекрасной родинѣ и о милой дѣвушкѣ, быть можетъ, о княжнѣ Репниной, съ которой онъ въ 1847 г. состоялъ въ дружественной перепискѣ. Краски и образы у Пушкина ярче и сильнѣе, насколько ярче крымскіе мирты и кипарисы сравнительно съ украинскими садочками. Стихотвореніе Шевченка подкупаетъ въ свою пользу глубокой задушевностью. Видно бѣдное, изстрадавшееся сердце. У Пушкина вмѣсто горестнаго чувства просвѣчиваетъ граціозная меланхолія.

Талантливый англійскій поэтъ Вордсвортъ (1770—1850) въ молодости путешествовалъ по Франціи; при вечерней звѣздѣ онъ также вспоминалъ о своей родинѣ и, при сходныхъ внѣшнихъ условіяхъ, создалъ стихотвореніе, похожее на отмѣченные выше стихи Пушкина и Шевченка.

Сравненіе всѣхъ трехъ стихотвореній—англійскаго, русскаго и малорусскаго—открываетъ замѣчательную психологическую перспективу. Англійскій поэтъ, человѣкъ свободный, мечтаетъ о родинѣ при видѣ вечерней звѣзды, связываетъ ихъ вмѣстѣ и на обѣихъ призываетъ благословеніе. Втораго мотива—о милой—у Вордстворта нѣтъ. Вся мысль

его сосредоточена на его родной странѣ. «Прекрасная вечерняя звѣзда, украшеніе запада, звѣзда моей страны! Ты висишь на горизонтѣ, ты точно спускаешься на грудь Англіи... Ты—эмблема моей страны» и проч.— впечатлѣнія живыя и реальныя. Такъ и чувствуется, что поэтъ стоитъ вечеромъ на берегу французскаго Ламанша, съ глазами, устремленными на далекую блестящую звѣзду, мягкій свѣтъ которой одновременно льется на родномъ поэту англійскомъ берегу. Въ стихотвореніи много задушевной мягкости и искренняго патріотизма.

Въ граціозномъ стихотвореніи Пушкина звучитъ нотка опальнаго поэта, который располагалъ ограниченной свободой передвиженія лишь благодаря добродушію своего ближайшаго начальника генерала Инзова. Ему пріятно вспомнить дорогіе призраки минувшихъ дней, помечтать о мирной странѣ нѣжныхъ миртовъ и темныхъ кипарисовъ, о сладостномъ шумѣ таврическихъ волнъ.

Наконецъ, у несчастнаго украинскаго поэта, заброшеннаго въ глубину оренбургскихъ степей, лишеннаго права не только писать, но даже рисовать, стихотвореніе естественно заканчивается грустной жалобой на «доленьку». Оттого у одного Шевченка проскальзываетъ признаніе о слезахъ.

Ой, зоре, зоре, и слезы кануть...

Подробность чисто автобіографическая. Шевченко плакалъ, вспоминая при вечерней звѣздѣ о своей далекой родинѣ.

У Шевченка заключительный мотивъ «кари очи», у Пушкина— «дѣва юная», у обоихъ поэтовъ на почвѣ ихъ личныхъ знакомствъ и симпатій.

При всемъ томъ, весь мотивъ покоится на широкомъ основаніи, на тайномъ влеченіи души человеческой къ звѣздамъ, въ сознаніи какого-то космическаго съ ними родства. Современный поэтъ г. Ѳедоровъ въ 8 кн. «Вѣстн. Европы» 1898 г. въ стихотвореніи «Звѣзда» говоритъ:

Среди несмѣтныхъ звѣздъ...
Одна звѣзда влечетъ невольно грустный взглядъ.
У каждаго звѣзда своя есть, говорятъ.
Быть можетъ, въ эту ночь прозрачно-голубую
Моя душа нашла звѣзду свою родную...

Гораздо ближе къ концепціи Шевченка и Пушкина стоитъ современный нѣмецкій писатель Зудерманъ въ прозаическомъ разсказѣ «Звѣзды, къ которымъ не стремятся» на гетевское выраженіе «Die Sterne, die mann nicht begehrt». «Здѣсь внизу сидитъ бѣдный, грѣшный сынъ земли. Онъ смотритъ на васъ, высокія звѣзды. Пусть одна изъ васъ—только одна—

обратитъ ко мнѣ свое сіяющее лицо и пусть она упадетъ въ мои объятія. Ты мнѣ такъ нужна, прекрасная незнакомая звѣзда. Въ твоемъ пламенномъ дыханіи я хочу согрѣть мое одинокое сердце; въ твоихъ лучистыхъ глазахъ («кари очи» Шевченка) я хочу прочитать отвѣтъ на вопросъ, любишь ли ты меня». «Другъ мой, такъ заканчиваетъ Зудерманъ свой разсказъ: къ звѣздамъ питаютъ стремленіе, это правда; но стремятся къ нимъ, какъ къ женщинамъ».

Въ народной словесности распространенъ мотивъ о вечерней звѣздѣ и любви. Такъ, въ великорусской свадебной пѣснѣ:

Ты, зоря моя, зоренька,
Ты вечернее солнышко,
Высоко ты восходило,
Далеко свѣтило.
Черезъ лѣсъ, черезъ поле,
Черезъ синее море.
Тутъ лежала досточка дубовая,
Перекладина сосновая,
Никто по тѣмъ доскамъ не хаживалъ,
Никого за собой не важивалъ.
Перешелъ (имя жениха).
Перевелъ (имя невѣсты) [1]...

Въ малорусской народной поэзіи звѣзда обычный символъ дѣвицы, напр., въ прекрасной пѣснѣ:

Ой зійды, зійды, зиронька та вечирняя;
Ой выйды, выйды, дивчино моя вирная...
А зиронька зійшла—усе поле освитыла,
А дивчина вышла—козаченька звеселыла [2]).

Въ иноплеменныхъ пѣсняхъ встрѣчаются сходные мотивы, напр., въ одной чувашской хоровой пѣснѣ:

Въ самой вышинѣ семь звѣздъ (Большая Медвѣдица).
Это приноситъ красу міру,
Въ этой игрѣ семьдесятъ дѣвушекъ
Это приноситъ красу игрѣ [3]).

Особенно въ этомъ отношеніи интересно слѣдующее обращеніе къ вечерней звѣздѣ въ пѣснѣ испанскихъ арабовъ X—XV в. (въ перев. г. Вейнберга):

---

1) Воронежск. Юбилейн. Сборникъ, 87.
2) *Чубинскій*, V, 134.
3) *Этногр. Обозр. XIII*, 59.

Въ небесахъ я взорами блуждаю
И ищу, лишенный всѣхъ отрадъ,
Не найду ль ту звѣздочку, къ которой
Въ этотъ мигъ и твой прикованъ взглядъ.

Мотивъ, очевидно, Шевченка о карыхъ очахъ. Сравнивая стихотворенія Шевченка и Пушкина о вечерней звѣздѣ съ соотвѣтствующими народными пѣснями, мы видимъ, что мысль народныхъ поэтовъ идетъ параллельно съ мыслью поэтовъ интеллигенціи, и въ области собственно словеснаго художественнаго творчества поднимается на большую высоту. Вся разница въ сравнительно большемъ кругу наблюдательности интеллигентнаго поэта и въ большемъ запасѣ словъ. Потому у Пушкина «сладостно шумящія таврическія волны», а у народнаго пѣвца лишь «синее море», у Пушкина кипарисы и мирты, а у Шевченка лишь темные украинскіе садочки.

«Сонце заходыть» стоитъ въ тѣсной связи съ другими стихотвореніями Шевченка 1847 и 1848 годовъ, первыми годами его ссылки. Наиболѣе оригинально въ этомъ стихотвореніи обращеніе къ вечерней звѣздѣ. Всѣ другіе мотивы повторяются въ послѣдующихъ стихотвореніяхъ; особенно часто повторяются мотивы о горькой долѣ, о слезахъ и о далекой прекрасной родинѣ, воспоминаніе о которой было единственнымъ утѣшеніемъ «геніальнаго горемыки».

7.

Рисунки и картины Т. Г. Шевченка.

«Когда среди ночи неожиданно прорѣжетъ синюю тьму неизвѣстно съ какихъ высотъ сорвавшійся метеоръ и, сверкнувъ мгновенно блескомъ, навсегда исчезнетъ въ хаосѣ невозвратнаго прошедшаго, невольная грусть закрадывается въ сердце, и въ головѣ зарождаются величавыя, строгія думы. И жаль этого осколка неизвѣстнаго погибшаго міра, жаль этого безслѣдно исчезнувшаго свѣта...

Человѣкъ также загорается божественнымъ пламенемъ, также сіяетъ мгновеннымъ свѣтомъ и также тухнетъ, исчезаетъ въ непроглядной ночи вѣковъ...

И бѣдное человѣчество борется изъ всѣхъ силъ противъ вѣчно стоящаго предъ нимъ грознаго призрака смерти... Нагромождаются камни на камни, воздвигаются переживающіе тысячелѣтія пирамиды и обелиски съ пышными надписями, создаются великія произведенія искусства, чтобы хоть на время отдалить ужасъ безслѣднаго исчезновенія... Каждая минута, отнятая отъ вѣчнаго забвенія, есть уже побѣда надъ страшнымъ безобразнымъ призракомъ...

Воскрешая въ памяти потомковъ факты и дѣянія людей, послужившихъ на пользу или радость человѣчеству или хотя бы своему народу, мы продолжаемъ ихъ духовную жизнь и тѣмъ хоть отчасти отплачиваемъ имъ за то, что они сдѣлали для насъ»...

Эти прочувствованныя строки взяты изъ статьи г. Кузьмина о Шевченкѣ, какъ художникѣ, въ «Иск. и худож. промышл.» 1900 г. и теперь умѣстно повторить ихъ при оцѣнкѣ Шевченка, какъ художника, повторить на томъ основаніи, что, по справедливому замѣчанію г. Кузьмина, «рисунки и офорты Шевченка являются одной и далеко не маловажной стороной его жизни».

Изученіе Шевченка, какъ живописца, представляется труднымъ дѣломъ, по разбросанности и малой доступности его произведеній, лишь

случайно попадавшихъ на выставки и въ очень маломъ числѣ. Большая часть рисунковъ Шевченка хранится въ далекомъ и глухомъ Черниговѣ въ музеѣ Тарновскаго. Издано очень немногое и въ отрывочной формѣ. Изслѣдованій и описаній мало (Шугурова, Русова, Горленка, Кузьмина, Гринченка); изслѣдованія кратки, касаются частныхъ вопросовъ, и недавно еще, въ декабрѣ 1900 года, г. Кузьминъ не безосновательно жаловался, что о Шевченкѣ, какъ художникѣ, «почти ничего не говорилось».

Мнѣнія о Шевченкѣ, какъ рисовальщикѣ, значительно расходятся. Такъ, г. Кузьминъ говоритъ, что «Шевченку по справедливости можетъ быть приписана слава едва ли не перваго русскаго офортиста въ современномъ значеніи этого слова». Еще ранѣе Сошенко усматривалъ въ Шевченкѣ живописца не послѣдней пробы. Иначе смотритъ г. Русовъ (въ Кіев. Стар. 1894 г.). По его мнѣнію, Шевченко въ живописи былъ лишь «фотографомъ окружающей природы, къ которой и сердце его не лежало, и въ созданіи жанра онъ не пошелъ дальше ученическихъ пробъ, шутокъ, набросковъ, въ которыхъ, при всемъ желаніи найти какую-либо художественную идею, мы уловить ее не въ состояніи, до такой степени неопредѣленна композиція рисунковъ». И Кузьминъ, и Русовъ признаютъ въ живописи Шевченка несоотвѣтствіе ея поэтическимъ его сюжетамъ, но въ то время, какъ г. Русовъ усматриваетъ въ этомъ недостатокъ, г. Кузьминъ, напротивъ, видитъ достоинство.

Каково же значеніе Шевченка, какъ живописца и гравера? Чтобы отвѣтить на такой вопросъ, нужно оцѣнивать его произведенія въ совокупности и съ разныхъ историческихъ точекъ зрѣнія, не подгоняя ихъ подъ то или другое излюбленное требованіе.

Къ художнику, разумѣется, прежде всего нужно примѣнить художественную мѣрку. Шевченко въ этомъ отношеніи заслуживаетъ изученія, какъ извѣстная сила, отразившая на себѣ настроеніе эпохи, какъ ученикъ опредѣленныхъ художественныхъ теченій. Кто пожелаетъ ознакомиться обстоятельно со школой Брюллова и выяснить его вліяніе, нѣкоторую долю отвѣта найдетъ въ рисункахъ и картинахъ Шевченка. Кто пожелаетъ изучить вліяніе въ Россіи Рембрандта, также не можетъ обойти Шевченка.

Внутреннее достоинство художественнаго произведенія состоитъ въ отчетливомъ выраженіи настроенія художника подъ вліяніемъ внѣшней природы, народнаго быта или историческихъ традицій, и художественное настроеніе чувствуется во многихъ рисункахъ Шевченка. Несомнѣнно, что онъ къ искусству относился съ глубокой искренностью, и благодар-

ное искусство платило ему за то откровеніемъ своихъ тайнъ и доставляло ему утѣшеніе въ горькія минуты его жизни. Потому Шевченко особенно настойчиво хлопоталъ о разрѣшеніи ему рисовать; онъ стучался съ такой просьбой и къ Жуковскому, и къ Гоголю, умоляя ихъ о ходатайствѣ передъ властями.

Рисунки Шевченка имѣютъ не малое значеніе для его біографіи. Есть рисунки, взятые прямо изъ окружавшей поэта бытовой обстановки, съ хронологическими датами. Распредѣленные по годамъ (что сдѣлано уже отчасти г. Гринченкомъ въ 2. т. Каталога музея Тарановскаго), рисунки въ совокупности обрисовываютъ художественные вкусы и стремленія Шевченка, и составляютъ важную параллель къ его стихотвореніямъ.

Кстати, по поводу отношенія Шевченка-художника къ Шевченку-поэту; въ печати есть упрекъ по адресу перваго. «При перелистываніи рисунковъ, говоритъ г. Русовъ, указывающихъ на ту или другую обстановку жизни поэта и переносящихъ насъ изъ Кіева, то въ Казань, то на Аралъ, то въ академію художествъ, изображающихъ то Днѣпръ съ кіевскими горами, то дворъ сельской хаты, спрашиваешь себя невольно: будутъ ли среди этой массы рукотворныхъ памятниковъ поэта хоть какіе-нибудь намеки на тѣхъ героевъ его поэмъ и стихотвореній, которые онъ носилъ, по собственному своему признанію, «иначе цвяшокъ въ серце вбитый», которыхъ онъ считалъ своими «сынами», своими кровными «дѣтьми», своими «слезами»? Гдѣ же то море, по которому плавалъ Пидкова и казаки, гдѣ лѣса съ ихъ гайдамаками, гдѣ степы, шляхи, могилы, тополи, тѣ Катерины, Наймички, Титаривны, сотники, гетманы, конфедераты, утопленны, черныци, которыхъ Шевченко такъ образно умѣлъ «вимережаты»?.. Поэтъ едва ли и пытался когда-нибудь самъ изобразить карандашемъ на бумагѣ то, что вынашивалъ въ себѣ въ формѣ поэтическихъ образовъ».

Здѣсь прежде всего нужно сдѣлать поправку: у Шевченка есть, хотя и въ небольшомъ числѣ, картины и рисунки, иллюстрирующіе его поэтическія произведенія. Таковы картина «Катерына» въ музеѣ Тарновскаго, рисунки русалокъ, хатъ и нѣкоторые др., но не въ этомъ суть дѣла. Поэтъ и художникъ могутъ совмѣщаться въ одномъ лицѣ и часто совмѣщаются (Пушкинъ, Гоголь, Жуковскій, А. Майковъ), но врядъ ли можетъ совмѣщаться въ лицѣ поэта и иллюстраторъ собственныхъ его произведеній. Для такого совмѣщенія нѣтъ достаточнаго психологическаго основанія. Чуткая душа художника или поэта пользуется словомъ и карандашомъ, какъ двумя разными орудіями, для достиженія разныхъ

цѣлей и въ два молота восполняетъ свою жизнь. Воспроизведеніе въ краскахъ впечатлѣнія, пережитаго ранѣе въ словѣ, или обратно, не можетъ интересовать ни художника, ни поэта, потому что такое копированіе или подражаніе представляется по существу лишнимъ. Г. Русовъ, напримѣръ, на частномъ примѣрѣ допытывается, «отчего Шевченко, какъ живописецъ, не могъ или даже не имѣлъ побужденія взяться за изображеніе на бумагѣ такой идиллической картины, какая дана въ его «Вечиръ», или подобной». Вѣроятно, въ запасахъ слова у него оказалось болѣе средствъ. Пейзажъ вечера туго поддается граверу, а Шевченко былъ болѣе граверъ, чѣмъ живописецъ, къ краскамъ прибѣгалъ рѣдко, и его работы этого рода большими достоинствами не отличаются.

Кромѣ автобіографическаго значенія, рисунки Шевченка имѣютъ значеніе историческое. Одно время поэтъ, по порученію кіевской археографической коммиссіи, срисовывалъ малорусскіе памятники старины въ Переяславѣ, Субботовѣ, Густыни, Почаевѣ, Вербкахъ, Полтавѣ. Тутъ находятся рисунки домика Котляревскаго, развалинъ Густынскаго монастыря до исправленія, мѣста погребенія Курбскаго и др.

Въ настоящее время историческую цѣнность имѣютъ многіе жанровые рисунки—таковъ, напримѣръ, рисунокъ «Въ былое время» изъ собранія С. С. Боткина въ Петербургѣ. На рисункѣ изображено наказаніе шпицрутенами, печальная въ памяти «зеленая улица». Приговоренный къ наказанію сбросилъ сорочку; у ногъ его валяются снятые тяжелые желѣзные кандалы. Передъ нимъ тянется длинный рядъ его невольныхъ палачей. Вблизи ведро, должно быть, съ водой. Вдали на горѣ очертаніе крѣпости. Это—правдивая страница изъ исторіи русскаго быта. Вспоминая, однажды, солдатчину, въ концѣ своей жизни, Шевченко досталъ изъ альбома этотъ рисунокъ и далъ ему такое поясненіе своему ученику Суханову, что послѣдній тронутъ былъ до слезъ, и Шевченко поспѣшилъ утѣшить его, сказавши, что этому звѣрскому истязанію наступилъ конецъ. Нынѣ историческое значеніе имѣетъ, также, въ свое время лишь бытовой рисунокъ «Товарищи», изображающій тюремную камеру съ двумя скованными арестантами впереди, причемъ желѣзная цѣпь идетъ отъ руки одного арестанта къ ногѣ другого—превосходая иллюстрація къ статьѣ А. Ѳ. Кони о докторѣ Гаазѣ. Характерно обрисована вся тюремная обстановка.

Есть еще одна сторона въ рисункахъ Шевченка, на которую не обращено вниманія, сторона, однако, весьма любопытная—этнографическая. Если разобрать многочисленные рисунки Шевченка съ фольклорными цѣлями, то въ итогѣ получится цѣнная этнографическая коллекція.

Такъ, для ознакомленія съ постройками могутъ пригодиться рисунки: старинное зданіе въ украинскомъ селѣ, комора въ Потокѣ, батьковская хата; для ознакомленія съ костюмами рисунки — ярмарка, дѣвушка, разсматривающая рушникъ, женщина въ намиткѣ выходитъ изъ хаты, «коло каши» (четыре крестьянина ѣдятъ подъ вербой кашу изъ казанка), «знахарь» въ костюмѣ, характерномъ для крестьянъ кіевской губ., «старосты» въ интересный моментъ подачи невѣстой рушниковъ и мн. др. Для малорусскаго жанра стараго времени интересны рисунки чумаковъ въ дорогѣ среди кургановъ, бандуриста, дѣда у царины, пасѣчника— «батько на пасици вулыкы довбае, а диточки несуть ему обидать»,—волостного суда—«судня рада» съ подписью: «отаманъ сбира на село громаду, колы що трапытця незвычайне, на раду и судъ. Громада, порадывши и посудывши добре, расходится, пьючи по чарци позвовои» и др. Въ этихъ рисункахъ Шевченко является достойнымъ современникомъ Ѳедотова.

Ограниченное мѣстное значеніе имѣютъ многочисленные рисунки среднеазіатской природы, той пустынной, степной обстановки, среди которой Шевченко вынужденъ былъ влачить свою жизнь. Бѣдная природа, песчаные бурханы, скалистые берега рѣкъ, рѣдкіе кустарники, группы солдатъ и татаръ съ верблюдами, магометанскія кладбища, рисунки этого рода, сохранившіеся въ значительномъ количествѣ и большей частью прекрасно исполненные, могутъ послужить хорошей иллюстраціей къ нѣкоторымъ горестнымъ стихотвореніямъ Шевченка изъ первыхъ тягостныхъ лѣтъ его ссылки.

Тутъ не мѣсто входить въ описаніе и оцѣнку отдѣльныхъ рисунковъ и картинъ Шевченка. Достаточно здѣсь подробно остановиться лишь на двухъ картинахъ Шевченка, написанныхъ масляными красками находящихся нынѣ въ Харьковѣ. Заслуживаетъ уже вниманія, что картины эти написаны масляными красками, а Шевченко лишь изрѣдка прибѣгалъ къ кисти. Судя по обстоятельному каталогу г. Гринченка, въ богатомъ собраніи Тарновскаго въ Черниговѣ (свыше 300 №№) находится всего лишь четыре картины масляными красками — «Катерына», «Голова молодого человѣка», «Портретъ кн. Репниной» и «Кочубей». Г. Горленко въ «Кіев. Стар.» 1888 г. указываетъ еще на три картины Шевченка масляными красками—пасѣчникъ, портретъ Маевской и собственный портретъ.

Уже по малочисленности картинъ Шевченка масляными красками двѣ харьковскихъ его картины представляются интересными, а если принять во вниманіе, что картины эти бросаютъ свѣтъ и на пройденную Шевченкомъ художественную школу, указываютъ на главныхъ его учителей

и вдохновителей, Рембрандта и Брюллова, то за ними нужно признать и нѣкоторое историческое значеніе, быть можетъ, не совсѣмъ малое въ глазахъ любителей исторіи распространенія въ Россіи художественнаго образованія.

Въ Харьковѣ есть частный музей, небольшой по числу картинъ, но составленный съ большимъ художественнымъ вкусомъ, съ крупными затратами—имѣемъ въ виду художественную коллекцію Б. Г. Филонова. Есть въ этой коллекціи такіе шедевры, какъ «Узникъ» В. Е. Маковскаго, одно изъ лучшихъ произведеній этого художника; «Пушкинъ, читающій нянѣ свои сказки» Ге—картина, нѣкогда украшавшая кабинетъ Некрасова; «Крестьяне за столомъ» Мясоѣдова—одно изъ лучшихъ его произведеній въ излюбленномъ имъ родѣ жанра; большая картина Айвазовскаго, замѣчательная тѣмъ, что на ней нѣтъ моря; картина изображаетъ малорусскій пейзажъ—закатъ солнца въ степи; далѣе замѣчательны «Бобыль» Прянишникова, «Лѣсная тропа» Шишкина, «Березы» Волкова—небольшая, но прелестная картинка, «Степь» Васильковскаго, «Лѣсъ» бар. Клодта, портретъ неизвѣстнаго (Алфераки?), по предположенію кисти Брюллова, и др.

На видномъ мѣстѣ виситъ большая картина Шевченка «Спаситель», вышиной аршина два и шириной полтора, въ большой золоченой рамѣ, въ верхней своей части закрывшей надпись І. Н. Ц. І.—обычную въ запрестольныхъ образахъ. По преданію картина эта была нарисована Шевченкомъ, по заказу крестьянъ, въ одну сельскую церковь, какъ запрестольный образъ; но затѣмъ сельское общество прислало другихъ своихъ представителей, которые вызвали чѣмъ-то неудовольствіе художника, и картина была имъ подарена петербургской школѣ рисованія и живописи. Долгое время она здѣсь служила для учениковъ источникомъ копированія, была выставлена на Морской для продажи по оцѣнкѣ въ 1700 руб. и куплена Б. Г. Филоновымъ съ уступкой за 1350 руб. Работа чистая; краски свѣжія, отлично сохранившіяся; но стиль чисто академическій. Христосъ изображенъ по поясъ въ профиль со взоромъ, обращеннымъ на небеса. Ликъ, какъ и должно быть въ запрестольномъ образѣ, исполненъ величаваго достоинства и носитъ печать сердечной доброты. Въ картинѣ замѣтно вліяніе Брюллова, и самый ликъ Христа напоминаетъ отчасти ликъ Спасителя въ картинахъ и эскизахъ Брюллова, изображающихъ «Положеніе Христа во гробъ». Если вѣрно предположеніе о принадлежности этой картины Шевченку, а сомнѣваться въ томъ нѣтъ достаточнаго основанія, то «Христосъ» Шевченка представляется одной изъ лучшихъ картинъ школы Брюллова.

Въ музеѣ изящныхъ искусствъ и древностей харьковскаго университета находится небольшая картина Шевченка, написанная на холстѣ масляными красками съ надписью бѣлой краской: «Та нема гирше такъ никому, якъ бурлаци молодому». Высота картины $6^1/_4$ вершк., ширина $5^1/_2$ вершк. Картина эта поступила въ университетъ въ даръ въ 1879 г. отъ проф. Н. Д. Борисяка. На картинѣ находится поясное изображеніе пожилого малоросса, съ небольшими усами, безъ бороды и безъ бакенбардъ. Улыбка на лицѣ не отвѣчаетъ надписи. Бурлакъ лѣвой рукой подпираетъ щеку, а въ правой держитъ маленькую трубочку-люльку. Фонъ картины почти совсѣмъ черный. Коричневый пиджакъ освѣщенъ слабо; ярко освѣщено лишь лицо, руки и трубочка. Вблизи изъ чернаго фона у стола выдѣляется неясно какой-то предметъ за деревянной перегородочкой; тоны и композиція рембрандтовскіе; вообще вся эта небольшая картинка, хотя и не отличается высокимъ художественнымъ достоинствомъ, замѣчательна, какъ лучшій образецъ рембрандтовскаго вліянія на Шевченко [1]).

Если ужъ говорить объ учителяхъ Шевченка, какъ офортиста, то истиннымъ руководителемъ Шевченка былъ не столько проф. Іорданъ, который былъ граверомъ иглою или рѣзцомъ, а не офортистомъ, сколько Рембрандтъ, какъ геніальный образецъ. Съ Рембрандтомъ Шевченка связывало какъ сходство вкусовъ, такъ и склонность къ свѣтотѣни. Шевченко рано полюбилъ и сталъ изучать Рембрандта. По словамъ В. В. Тарновскаго, Шевченка въ академіи называли русскимъ Рембрандтомъ, по существовавшему тогда обыкновенію давать наиболѣе даровитымъ ученикамъ названія излюбленныхъ художниковъ-образцовъ, съ манерой которыхъ работы этихъ учениковъ имѣли наиболѣе сходства. Въ офортахъ Шевченка обнаруживаются характерныя черты работъ великаго голландца: тѣ же неправильныя, пересѣкающіеся въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ штрихи, длинные, частые для фоновъ и затемненныхъ мѣстъ, мелкіе, почти обрывающіеся въ точки въ мѣстахъ свѣтлыхъ, причемъ каждая точка, каждый мельчайшій завитокъ, являются органически необходимыми, то какъ характерная деталь изображаемаго предмета, то для усиленія чисто свѣтового эффекта. Для изученія картинъ Рембрандта, Шевченко имѣлъ богатый источникъ въ знаменитой рембрандтовской залѣ Императорскаго Эрмитажа, и что изученіе это простиралось на картины Рембрандта—доказательствомъ служитъ харьковскій «бурлака».

Въ 1893 г. въ Харьковѣ гостила интересная коллекція рисунковъ Шевченка— собраніе Каховскаго въ количествѣ 281 №. За коллекцію просили 3000 руб.; мѣстный художникъ С. И. Васильковскій опредѣ-

[1]) Снимокъ данъ въ «Альбомѣ выставки XII Археол. Съѣзда» 1903 г., л. 48.

лилъ стоимость рисунковъ въ 300 руб. Б. Г. Филоновъ предлагалъ 1000 руб.; но соглашеніе не состоялось, и коллекція была возвращена по принадлежности. Краткое описаніе этой коллекціи далъ въ «Кіевск. Стар.» г. Русовъ, видѣвшій ее въ Харьковѣ. Такъ какъ во 2-мъ т. каталога музея В. В. Тарновскаго 1900 г. встрѣчаются многіе рисунки, поименованные въ статьѣ г. Русова, то можно думать, что коллекція эта вошла въ составъ этого музея; но отсутствіе въ каталогѣ г. Гринченка названій нѣкоторыхъ рисунковъ украинскаго содержанія, упомянутыхъ въ статьѣ г. Русова, вызываетъ предположеніе, что собраніе Каховскаго вошло не въ полномъ своемъ составѣ, и, если предположеніе это вѣрно, то приходится только пожалѣть о томъ, такъ какъ музей Тарновскаго обратился въ общественное учрежденіе.

Въ послѣднее время рисунки Шевченка случайно попали на выставку гоголевско-жуковскую въ Москвѣ въ 1902 году и на выставку XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ въ 1902 г.; но здѣсь они терялись въ массѣ другихъ предметовъ. Въ Харьковѣ были выставлены двѣ гравюры Шевченка 1844 года—«Судня рада» и «Дары въ Чигиринѣ»—обѣ изъ коллекцій проф. М. М. Ковалевскаго въ Двурѣчномъ Кутѣ харьковскаго уѣзда, и приписываемый Шевченку рисунокъ «Сельскій праздникъ» [1]).

Въ заключеніе настоящей статьи не могу не повторить уже высказанное пожеланіе (напримѣръ, г. Горленкомъ въ «Кіевской Старинѣ» 1888 г.), чтобы всѣ рисунки и картины Шевченка были воспроизведены и изданы въ формѣ совмѣстнаго собранія, что весьма пригодилось бы и для исторіи русскаго искусства, и для біографіи Шевченка.

---

[1]) Снимокъ данъ тамъ же, л. 31.

8.

И. И. Манжура, какъ поэтъ и этнографъ.

Въ маѣ 1893 года въ екатеринославской земской больницѣ скончался даровитый этнографъ и поэтъ Ив. Ив. Манжура, человѣкъ глубоко несчастный. И. И. Манжура страдалъ наслѣдственнымъ алкоголизмомъ, и въ тотъ единственный разъ, когда я его видѣлъ—во время его пріѣзда въ Харьковъ въ 1885 году, когда онъ заходилъ къ А. А. Потебнѣ и ко мнѣ—это былъ уже совершенно больной и потерянный человѣкъ; при всемъ томъ онъ до конца жизни сохранилъ чуткое сердце, ясный умъ, крупное поэтическое дарованіе и живой интересъ къ народоизученію.

Жизнь Манжуры съ малыхъ лѣтъ исполнена была различными превратностями. Какую печальную школу прошелъ онъ въ дѣтствѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго письма его ко мнѣ отъ 6-го іюля 1892 года. Узнавъ, что я лѣто провожу въ своемъ хуторѣ, Иванъ Ивановичъ писалъ мнѣ между прочимъ: «Ваша Боромля мнѣ довольно памятна; разскажу какъ и почему; это будетъ нѣчто вродѣ отрывка изъ моей автобіографіи. Можетъ быть вы слыхали, отецъ мой подверженъ былъ запою, вслѣдствіе чего и не давалъ мнѣ въ дѣтствѣ нигдѣ пустить корни. У бабушки москвички онъ меня пятилѣтнимъ выкралъ и привелъ (пѣшкомъ!) въ Харьковъ, гдѣ я, благодаря невниманію ко мнѣ моей крестной матери Деревицкой, скоро попалъ въ часть, въ тогдашнюю яму, въ общество всякого отребья. Былъ я въ это время и не помнящимъ родства, ѣлъ изъ арестантскаго котла, былъ и пріемнымъ сыномъ у какого-то пожарнаго или сторожа, пока не заболѣлъ и не попалъ на Сабурову дачу, гдѣ и встрѣтился съ отцомъ. Отъ этой поры я до 9 лѣтъ прошелъ съ отцомъ 12 однихъ губернскихъ городовъ и сдѣлалъ (помню, какъ этимъ выхвалялся отецъ) 6000 верстъ. Наконецъ, я попалъ въ Бѣлгородъ къ княгинѣ Волконской, гдѣ меня одѣли сперва, какъ пажа, въ шелкъ и башмачки, а затѣмъ отдали бѣлгородскому попу въ науку. Это были первые мои

шаги по систематическому образованію. Отсюда-то пьяный патеръ мой извлекъ меня и повелъ черезъ Харьковъ на Боромлю, вблизи которой хотѣлъ отдать на воспитаніе какому-то богачу Алферову. Какъ я ни плакалъ, какъ ни просился отпустить обратно—отецъ велъ меня дальше. Въ Боромлѣ я задумалъ отъ него бѣжать обратно въ Бѣлгородъ. Хотя оттуда въ Бѣлгородъ можно пробраться и ближе; но мой маршрутъ лежалъ черезъ Харьковъ; другого я не зналъ. Буду разсказывать по порядку. Въ Боромлѣ отецъ запилъ: обыкновенно онъ напивался, ложился на лавкѣ и постоянно, боясь чтобъ я не ушелъ, держалъ меня при себѣ и никуда не отпускалъ. Такъ, въ шинкѣ прожили дня два или три. Въ одну изъ счастливыхъ минутъ я выпросилъ у отца денегъ на «гостинцы». Онъ далъ мнѣ рубль, но не отпустилъ на базаръ одного, а въ сопровожденіи какой-то боромлянки. Отправляясь въ лавку, я сталъ у проводницы проситься отпустить меня и разсказалъ всѣ свои злоключенія. Послѣ долгихъ упрашиваній, она согласилась, даже показала и разсказала какъ пройти глухими улицами. За это разрѣшеніе я ей отдалъ всѣ деньги; впрочемъ, она мнѣ оставила 15 или 20 коп. и конфекты. Вырвавшись на волю, я въ буквальномъ смыслѣ побѣжалъ; бѣжалъ я долго, вплоть до вечера, ничего не ѣвши, хотя бросилъ Боромлю, помню, часовъ въ 10 утра. Направился я по ахтырской дорогѣ, а на ней гдѣ-то подходитъ какъ разъ къ дорогѣ какая-то рѣка [1]). Я нагналъ остановившуюся на ночлегъ чумацкую валку. Чумаки меня приняли, и, благодаря моей бойкости, даже поручили мнѣ точить изъ бочекъ водку (они везли водку). Дѣлалось это такъ: легонько сбивался обручъ на сторону, подъ нимъ прокалывалась шиломъ дыра, изъ которой и шла тонкой струей водка въ цебро. Затѣмъ дыра замазывалась хлѣбомъ, обручъ снова набивался и все было шито и крыто. Чумаки накормили меня и, распросивъ, обѣщали доставить въ Харьковъ, куда сами ѣхали. Но на утро, видно, раздумали и указали мнѣ путь черезъ какой-то боръ. За этимъ боромъ, будто бы, была прямая дорога на Бѣлгородъ короче. Отправился я черезъ этотъ боръ, перешелъ его, (нужно сказать, почему-то я былъ босой: для легкости бѣга, должно полагать, сбросилъ дорогой обувь), вышелъ на какіе-то уже выколосившіеся хлѣба и догналъ, или онъ меня, мужика, который меня и подвезъ. На повозкѣ, разспросивъ меня, что я за птица (не помню, что я ему плелъ), онъ принялъ меня за бѣжавшаго отъ мастера ученика и погрозилъ отправить въ волость, но я отъ этого откупился послѣднимъ двугривеннымъ и былъ имъ вывезенъ на столбовую дорогу, по которой и направился къ Бѣлгороду. Дорогой я сошелся съ партіей какихъ-то, очевидно,

[1]) Ворскла, верстахъ въ 30 отъ Боромли, протекаетъ въ бору.

профессіональныхъ, богомолокъ, которыя велѣли мнѣ называться сыномъ одной изъ нихъ и обѣщали, поводивъ по святынямъ, доставить въ Бѣлгородъ. И такъ я пошелъ съ ними, не знаю за чьего-то сына; богомолки меня кормили, утѣшали, вообще относились очень и очень симпатично. Но мнѣ съ ними скоро пришлось разстаться и, вы не повѣрите, по какому счастливому случаю. Идемъ мы, на встрѣчу намъ ѣдетъ кибитка, вдругъ я слышу оттуда голосъ: «Ваня, Ваня», или что-то вродѣ этого. Оказалось—что это ѣхалъ на богомолье мой бѣлгородскій учитель, священникъ о. Григорій Курдюмовъ (хорошо помню). Разспросивши, что и какъ, онъ далъ мнѣ и богомолкамъ денегъ и велѣлъ имъ доставить меня въ заштатный городъ Хотмыжскъ, гдѣ жила его мать вдова. Тамъ я долженъ былъ подождать его и возвратиться съ нимъ въ Бѣлгородъ. Все было сдѣлано, какъ сказано, и я снова попалъ на старое мѣсто, но не въ тѣ уже условія. Не правда ли, просто диккенсовскія приключенія? Кто меня и моего patera не знаетъ въ дѣтствѣ—не повѣритъ».

И. И. Манжура родился въ Харьковѣ въ 1851 году, учился въ харьковской второй гимназіи, гдѣ былъ моимъ товарищемъ до 5 класса, когда вышелъ изъ гимназіи. Это былъ нѣсколько сумрачный и некрасивый лицомъ юноша, способный, но какой-то угловатый. Одно время онъ учился въ ветеринарномъ институтѣ, но курса въ немъ не кончилъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ поселился у одного екатеринославскаго помѣщика, своего товарища по гимназіи, и съ этого времени начались его этнографическія изученія. Манжура входилъ въ глубь народной жизни, проживалъ въ крестьянскихъ хатахъ, на пасѣкахъ, и такимъ путемъ пріобрѣлъ множество свѣдѣній о бытѣ, повѣрьяхъ и пѣсняхъ малорусскаго народа, превосходно усвоилъ его живую и литературную рѣчь. Въ концѣ 70-хъ годовъ онъ проживалъ большей частью въ Екатеринославѣ. Живаго общенія съ народомъ Манжура не прерывалъ до самой кончины.

Въ 1889 году, при содѣйствіи проф. А. А. Потебни, вышли въ свѣтъ оригинальныя стихотворенія Манжуры «Степови думы та спивы».

Мои личныя сношенія съ Манжурой были случайныя. Мнѣ пришлось переписываться съ И. И. съ 1886 года по вопросу о редактированіи приготовляемаго къ печати его сборника народныхъ пѣсенъ. Такъ какъ сборникъ написанъ «кулишевкой», то, по моему предложенію, И. И. его переписалъ узаконеннымъ правописаніемъ и отчасти сократилъ. Въ письмахъ ко мнѣ онъ сообщалъ о ходѣ своихъ этнографическихъ работъ, иногда прилагалъ свои стихотворенія, частенько обращался съ разными просьбами, къ чему его побуждала постоянная и безысходная нужда. Въ 1890 г. И. И. мнѣ писалъ: «всѣ свои позорящія качества я отри-

нулъ и исправился»; но это «исправленіе» было непродолжительное, и въ февралѣ 1892 г. И. И. мнѣ откровенно писалъ: «Хорошо было бы получить порядочный кушъ вродѣ четвертной (рѣчь идетъ о гонорарѣ за переписку въ 50 руб.); можно было бы пріодѣться и устроиться, а то я—яко благъ, яко нагъ, перебиваюся по пригороднимъ мужикамъ и чувствую, что скоро-скоро подамъ жизненную отставку».

Насущный кусокъ хлѣба И. И. хотѣлъ обезпечить себѣ литературнымъ трудомъ. Въ 1885 г. онъ началъ было составлять книжки для народнаго чтенія, что, понятно, не дало ему никакой матеріальной опоры, затѣмъ задумалъ заняться книгоношествомъ, но это предположеніе не осуществилось. Въ 1885 г. И. И. подъ псевдонимомъ Ивана Калички издалъ передѣлку народной сказки «Якъ чортъ шматочокъ хлиба отслужувавъ», а въ 1886 г. передѣлку другой сказки «Лыха годына». Приславъ мнѣ эти двѣ сказки, И. И. такимъ образомъ оправдывалъ ихъ фантастическо-юмористическое содержаніе: «Наблюдая за чтеніемъ народомъ различныхъ метелыкивъ, я замѣтилъ, что симпатичные разсказы, напр., Мордовцева «Дзвонарь» и «Салдатка», а также оповидання Марка Вовчка и другіе подобные наводятъ на настоящій народъ при чтеніи чуть ли не сонъ. А между тѣмъ разсказы Стороженка и Квитки одушевляютъ слушателей, заставляютъ смѣяться и увлекаться. Поэтому, какъ бы ни была хороша и гуманна тема, но скоро лишь она взята изъ прозы жизни—она не представляетъ для мужика никакого интереса и не оправдываетъ своего назначенія, такъ какъ онъ пропускаетъ ее рѣшительно мимо ушей».

Литературный трудъ (писательство въ газетахъ и корреспонденціи) не пошелъ въ руку, и въ 1891 г. И. И. писалъ мнѣ: «Не везетъ мнѣ этотъ литературный, такъ называемый, заработокъ. Отданное мнѣ изданіе моихъ стихотвореній взято за долгъ; газеты за корреспонденціи не платятъ, малорусскіе творы не пропускаются, а за писаніе мужикамъ прошеній земскій начальникъ призываетъ къ отвѣту.

Въ 1891 г. И. И. писалъ мнѣ: Пишете Вы, чтобы я не бросалъ своихъ энтографическихъ записей; я ихъ не бросаю. Не знаю писалъ ли Вамъ, что послалъ небольшой сборникъ московскому обществу любителей антропологіи и этнографіи [1]), №№ болѣе полусотни, да и теперь кое-что имѣю. Кромѣ того, у меня имѣется немалый сборникъ народной порнографіи, совершенно къ печати неудобной, но крайне остроумной, въ которой главную соль составляетъ не похабщина, а остроумныя положенія и игра словъ.

[1]) Манжура состоялъ членомъ этого общества.

При разборѣ моего сборника сказокъ—обратили ли Вы вниманіе на крылатыхъ коней и на трехъ или двухъ бабъ (не помню въ какой именно сказкѣ, у меня не осталось ихъ и для себя), берегущихъ живущую воду и смотрящихъ «у въ одно око». Вѣдь это, сколько помнится, приключеніе Персея, отправляющагося за головой Горгоны и отнимающаго у Паркъ, также смотрящихъ «у въ одно око», сандаліи, или, кажется, Геркулеса во время его похода за Гесперидскими яблоками.

Добытую порнографію я приведу въ порядокъ и перешлю для Общества, можетъ, что и пригодится, такъ какъ въ ней могутъ, кажется, найтись темы изъ «Декамерона» и западныхъ подобнаго содержанія анекдотовъ».—Сборникъ этотъ не былъ доставленъ.

По сравненіи своего сборника съ трудами Чубинскаго, И. И. писалъ: «Что мнѣ показалось у Чубинскаго страннымъ—это обиліе простыхъ, такъ называемыхъ *улешныхъ* пѣсенъ въ его веснянкахъ. Полагаю, что это какая то ошибка или недосмотръ. Веснянки по своимъ темамъ стоятъ особенно и темъ общепѣсенныхъ имѣютъ крайне мало, да и то въ своеобразной передѣлкѣ, и не такъ какъ здѣсь—отдаютъ чѣмъ то уже пожившимъ, натерпѣвшимся и серьезнымъ».

При письмахъ И. И. иногда прилагалъ свои стихотворенія. Сообщаю ихъ здѣсь въ виду нѣкотораго автобіографическаго ихъ значенія. Всѣ прилагаемыя стихотворенія написаны въ 1891 г. Изъ этихъ стихотвореній по задушевности выдается «Великдень».

На зразокъ зъ Я. Полонського.

Я свитло погасывъ, дримаю въ самотыни,
Ажъ чую въ хату ось поналиталы
Сумни, таемни-жъ, марнишни тини
И въ головахъ у мене поставалы.
И чуты жъ воны таемно шепотилы:
—Хай засне винъ, душею хай скротытся...
—А чи давно его мы счастеви радилы?..
Нехай же добрый сонъ ему прысныться.
—Бидаха вже заснувъ, глядить якъ винъ кохае...
—То мыла любо думку его буде...
—А завтра винъ цего ничего не згадае,
—А то й зъ проклёпомъ згадуваты буде.
—Погляньте якъ пры насъ ви сни винъ молодіе,
Якъ може винъ ще вирыты й любыты,

—А завтра бидный гиршь винъ знову постаріе
—И пиде якъ допрежъ цего терпиты.
—А мы?.. Мы ранкомъ подамось укрыти снамы
—Та мріямы людськими всего свиту,
—И счастя мрія те жъ полыне зъ намы,—
Завьялый квитъ колышнего розцвиту.

Стихотвореніе Полонскаго безъ особаго заглавія было напечатано въ 12 № «Нивы» 1891 г. Изъ этого видно, что передѣлка Манжуры сдѣлана имъ въ концѣ жизни:

Я свѣчи загасилъ, и сразу тѣни ночи,
Нахлынувъ, темною толпою ко мнѣ влетѣли;
Я сталъ ловить сквозь сонъ ихъ призрачныя очи
И увидѣлъ ихъ тьму вокругъ моей постели.
Таинственно онѣ мигали и шептались:
«Вотъ онъ сейчасъ уснетъ, сейчасъ угомонится...
Давно ль мы страстнымъ сномъ счастливца любовались,
Авось, веселый сонъ несчастному приснится.
Вотъ онъ заснулъ... бѣднякъ! Глядите, какъ онъ любитъ,
Подруги свѣтлыхъ дней онъ свѣтлый образъ видитъ...
Все это на яву онъ завтра же забудетъ—
И, все, что хуже сна, душой возненавидитъ...
Глядите, какъ при насъ, во снѣ, онъ свѣжъ и молодъ.
Какъ можетъ онъ, любя, и трепетать, и вѣрить
А завтра вновь сожметъ его житейскій холодъ.
И снова будетъ онъ хандрить и лицемѣрить...
И снова бѣлый день, съ утра, своимъ возвратомъ
Раскроетъ бездну золъ, вражды, потерь и горя,
Разбудитъ богача, измятаго развратомъ,
И нищаго, что пьетъ, изъ-за копѣйки споря...
А мы умчимся въ ночь, обвѣянныя снами
И грёзами живыхъ и мертвыхъ поколѣній,
И счастья призраки умчатся вмѣстѣ съ нами.
— Поблеклые цвѣты весеннихъ вожделѣній»,
Полуночныхъ тѣней уловленныя рѣчи
Встревожили мой сонъ и подняли съ постели,
Я руку протянулъ и вновь зажегъ я свѣчи;
И тѣни отъ меня ушли въ углы и щели,
И къ окнамъ хлынулы, и на порогѣ стали—
Я видѣлъ при огнѣ ихъ чуть замѣтный трепетъ;

Но то, что я писалъ, онѣ ужъ не видали,
И я записывалъ таинственный ихъ лепетъ.

Сравненіе стихотвореній показываетъ, что Манжура сократилъ переводъ въ серединѣ на 4 строки и въ концѣ на 7 строкъ.

На Купала.

На купала—дивча мало
Виночка зьязаты,
Та не знало одынокe—
Кому его даты.
Глядь—ажъ йиде козакъ степомъ
Жупанъ голубенькій,
Лычко биле—якъ у пана,
И самъ молоденькій.

Сполохнулось серденятко
Дивоче, якъ пташка;
—Ось для кого мій виночокъ,
—Колы ёго ласка.
Та пройихавъ козакъ поузъ
И окомъ не глянувъ...
А дивча винокъ порвало—
Щобъ марно й не вьянувъ.

Велыкдень.

Христосъ воскресъ, Христосъ воскресъ!
Лунае въ селахъ и зъ небесъ.
Любують янгольскія очи
На те, якъ рады ціи ночи,
Изъ пиднебеснои имлы
На землю зори мовъ зійшлы...
Бо де не церква—тамъ видъ брамы
Іи святои—якъ зиркамы
По селахъ вкрылысь вулычкы...
Тожъ не зирки, а свичечкы,
Що люде добри посвитылы
По-падъ паскамы и освятылы
Той божій даръ, та це весели
Несуть до риднои осели,
Де жде мала ихъ дитвора...
Весела, радистна пора!
Та сердце щось мое бо, друже,
Радіе ій теперъ не дуже...
Не разъ зъ очей слезу змахнешь—
Якъ крадькома хочь позирнешь.
На радисть цю людську та втиху...
Оттакъ прыспало его лыхо.

Бурлака.

Та вже весна, та вже красна,
Изъ стрихъ вода капле,
Молодому козакови
Мандривочка пахне.

—

Та теперь вже молоденькій
Коня не сидлае,
А цапыни постолы винъ
На ногы взувае,

—

Замисть спыса бере косу,
За шаблю--мантачку;
За кырею жъ одягае
Свытыну бурлацьку

—

Не пытае у дивчины
Теперъ винъ дорогы—
Куды у Крымъ, куды па Динъ,
Куды за порогы,

—

А пытае въ молодои
Нимецькои хаты,
Дебъ то статы—заробыты
Соби хочь на латы.

Сборникъ стихотвореній Манжуры заключаетъ въ себѣ 35 стихотвореній лирическихъ и 7 басенъ и анекдотовъ. Кое-что исключено было цензурой; кое-что устранено изъ того, что уже было ранѣе въ печати. Такъ, въ «Степовыя думы» не вошла «Веснянка», напеч. Манжурой подъ псевдонимомъ Иванъ Каличка въ 12 № «Степи» 1886 г.

Весняночка—паняночка,
Чомъ на тоби пусто?
Чомъ не мае челядоньки,
Якъ бывало густо.
На вулыци била челядь,
Весну такъ гукае
Самисенька.... Парубацтво
Десь ii блукае
У далекихъ зарабиткахъ
По чужихъ краинахъ,—
Що зъ осены розыгнала
Тяжкая годына
Усыхъ зъ дому—кого куды
Хлиба зароблять....
Тильки въ сели и зостались
Хвори та дивчата.
Не весела вулыченька,
Сумни ii спивы....
Ой, зигляньcя на ихъ долю,
Боже мылостывый!

Лирическія стихотворенія можно распредѣлить по тремъ разрядамъ: 1) автобіографическія (16 №№), 2) бытовыя или соціально-экономическія (12 №№) и 3) разнороднаго содержанія, неподходящія подъ первыя двѣ рубрики (8 №№).

Автобіографическія стихотворенія—«Маты», въ которомъ мѣтко очерчено важное значеніе материнской ласки для дѣтей, «Весна», «Споминъ», «По весни», NN (Самъ не знаю), «Мынуле», «Переспивъ» (Мени цвила...), въ которыхъ выразились воспоминанія автора о счастливыхъ дняхъ молодости, первое вступительное стихотвореніе «Не треба мини», въ которомъ авторъ объясняетъ происхожденіе своихъ стиховъ и

опредѣляетъ общій характеръ своей поэзіи («любовь къ людыни»), и въ особенности «До товарыща», «Писня» «Босяцька писня», «Старый музыка», «Бурлака», «Бурлакова могыла» и «Незвычайный». Съ наибольшей яркостью горемычная доля И. И. Манжуры выразилась въ стихотвореніяхъ „Незвычайный“ и «До товарища».

Нема сылы, нема воли,
Нема и небуде,
Бо ще змалку повыилы
Все чужіи люде.
Не такъ люде въ чужихъ хатахъ,
Якъ ридный той батько;
Нехай ему Богъ прощае,
Мени жъ—а ни гадкы.
Тилько инколы въ куточку
Пожурышься стыха,
Та гирькою (не слёзою...)
Зальешъ свое лыхо.

Якъ зальешъ—мовъ позабудешъ,
Пишовъ шкандыбаты;
Заразъ люде и пидзорять
Та й ну дорикаты.
«Хвылозопію» пидпустять,
«Нравственность» якусь то...
А бодай имъ божевильнымъ
Симъ разъ на день пусто!
Воны певно, бачъ, обашни!
Имъ про те байдуже,
Що тутъ серце въ грудяхъ плаче
Зпивечене дуже.

Манжура въ концѣ жизни сломилъ ногу и дѣйствительно «шкандыбалъ».

Не хрещатымъ барвиночкомъ,
Не запашнымъ василечкомъ
Життя наше процвило;
Лыхе горе та бидонька
Мовъ гирька та лобидонька
Его змалку проросло.
. . . .

. . . .
И теперь ось даремное
Життя наше никчемное
Соби марно досклива—
Мовъ огоныкъ въ дороженьци
На попасномъ обложенци
Де забутый дотлива.

Все это глубоко искреннее и правдивое стихотвореніе проткано поэтическими узорами, частью вполнѣ народными, частью лично-субъективными, вполнѣ оригинальными. Что можетъ быть, напр., лучше и проще заключительнаго сравненія жизни горемыки съ угасающимъ брошеннымъ на дорогѣ огнемъ. Чтобы понять всю трогательную прелесть этого образа, нужно представить себѣ въ воображеніи «попасный облогъ», т. е. поросшія спорышемъ обочины широкихъ дорогъ въ новороссійскихъ степяхъ, и на этомъ просторѣ степей «забутый огоныкъ». Такія сравненія вынашиваются долгимъ процессомъ художественнаго созерцанія природы.

Соціально экономическія стихотворенія посвящены тому, что составляетъ въ Малороссіи «власть земли»—земледѣлію и отчасти пчеловодству. Въ «хлиборобскихъ» стихотвореніяхъ на первый планъ выступа-

ютъ заботы объ урожаѣ, картины засухи, опасеній, недостачъ, вызванныхъ недородомъ хлѣба, картины живительнаго лѣтняго дождя и губительнаго града. Таковы: «Дума», «На степу и въ хати», «Зъ заробитковъ», «На добрій ныви», «Грядъ», «Сонъ», «Роскишъ-доля». Здѣсь выступаютъ все «темни сиріи люде», для которыхъ хлѣбъ—«святый», которые при хорошемъ урожаѣ говорятъ «гарнее житце, помножъ его Боже». Авторъ глубоко сочувствуетъ трудящемуся сельскому люду, съ нимъ онъ «радіе», когда дождь ороситъ истомленную засухой ниву; съ нимъ «турбуется», когда нива лежитъ «стомлена, спечена, пыломъ прибыта»; этимъ доброжелательствомъ внушены два молитвенныхъ стихотворенія «Зъ охрестамы» и «Страсты». Пчеловодству посвящены два прекрасныхъ стихотворенія «На пасици» и «Бджолы». Авторъ говоритъ о пасѣкѣ, пасѣчникѣ и пчелахъ по основательному личному знакомству со всей обстановкой малороссійскаго пчеловодства.

Къ третьему разряду стихотвореній разнороднаго характера относится единственно большое и неудачное стихотвореніе--баллада «Ренегатъ», затѣмъ «Нечесна», «Веснянка», «Нехай», «Переспивъ» (Зиронька ясна), «Въ раньци»—прекрасная картина лѣтняго утра (такое изящное описаніе тумана я нахожу только въ одномъ стихотвореніи г. Сафонова въ Рус. Вѣстникѣ 1893 г.) и «Лыліи». А. А. Потебня очень высоко цѣнилъ послѣднее стихотвореніе, и мы приведемъ здѣсь его цѣликомъ для общей характеристики малоизвѣстной поэзіи И. И. Манжуры:

У пышныхъ палатахъ якогось магната
Роскошны лыліи цвилы;
Ихъ люде здалека, де выхоръ та спека,
На втыху соби завезлы.
Любують ихъ очи весели дивочи,
А часомъ и хмурый магнатъ,
На нихъ якъ погляне, нудьга уразъ тане,
И пругъ на чоли вже не знать.
Оттакъ воны пышни, усякому втишни
Мыръ въ сердце людське подають,
А люде не знають и гадкы не мають,
Якъ слезы въ ночи воны льють.
Чого жъ то имъ шкода? Аджежъ и урода,
И роскишъ, и шана имъ е...
Нелюба имъ шана у гордого пана,
Имъ краще убоге свое.
Имъ кращи у бидній краини ихъ ридній

За панську ту ласку здалысь
И спека пекуча, и вихорь летючый,
Що ихъ опалялы колысь....

Далѣе слѣдуетъ прекрасное по гуманности и нѣжности примѣненіе поэтическаго образа къ дѣвушкѣ, заѣхавшей изъ далекаго края.

Такъ ты, моя крале, зъ далекого краю,
Неначе лыліи мои;
Сдаеться й на воли, у пани и холи,
Та все бо не въ риднимъ краи.
Твій поглядъ ясненькій, твій смихъ веселенькій
Та щирая ласка твоя
Усихъ насъ еднають, усихъ насъ витають,
Якъ тыхая зъ неба зоря.
Поглянешъ избоку (нехай бо ни вроку)!
Та й скажешъ: «життя тоби рай»,
А вся жъ твоя втиха—поплакаты стыха,
Згадавши веселый свій край.

Стихотвореніе приведено цѣликомъ, и нѣтъ надобности доказывать, что въ «Лиліяхъ» Манжура достигъ большой поэтической высоты. Здѣсь все превосходно— и образъ, и его примѣненіе. Съ какой бы стороны ни шла къ намъ музыка душевной силы и красоты, съ общепризнанныхъ литературныхъ вершинъ, или изъ невѣдомыхъ закоулковъ—она всегда несетъ съ собой волну жизни, радость и наслажденіе.

О «байкахъ» не приходится много говорить. Это краткіе стихотворные анекдоты, большею частью подслушанные у народа. Вещицы мелкія, но написаны бойко, сжатымъ и сильнымъ языкомъ.

Какъ поэтъ, Манжура обладалъ превосходнымъ знаніемъ малорусскаго языка и большой чуткостью къ художественнымъ красотамъ народной словестности.

Въ краткомъ отзывѣ о «Степовыхъ спивахъ» Манжуры въ сент. кн. Кіевск. Стар. 1889 г. В. П. Горленко отмѣчаетъ знаніе сельскаго народа и языка, имъ созданнаго. «Знаніе народной рѣчи и подробностей быта, приложенное къ изображенію крестьянской жизни, по словамъ критика, сообщило стихамъ Манжуры характеръ реальности». Къ лучшимъ стихотвореніямъ причислены «Зъ охрестамы», «На пасици», «Бурлака», «Бджолы». Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ отмѣченъ «сухой разсудочный характеръ». Далѣе критикъ говоритъ, что у Манжуры есть строфы какъ бы переложенныя изъ какого нибудь отчета по агрономіи или изъ

доклада статистическаго бюро, встрѣчаются странныя, какъ бы выдуманныя слова, мѣстами неуклюжія выраженія.

Въ болѣе суровомъ отзывѣ въ галицкой «Зорѣ» Манжурѣ поставлено было въ вину незнаніе малорусскаго языка, человѣку, прожившему весь свой вѣкъ среди народа, въ живомъ общеніи съ нимъ, исходившему пѣшкомъ харьковскую и екатеринославскую губерніи, записавшему изъ народныхъ устъ тысячи пѣсенъ и сотни сказокъ и пословицъ. Кому же послѣ этого и знать малорусскій языкъ, если Манжура не зналъ его? Любопытно, что въ то время, какъ въ «Зорѣ» упрекали Манжуру въ незнаніи малорусскаго языка, глубокій лингвистъ и общепризнанный знатокъ малорусскаго языка А. А. Потебня высоко цѣнилъ этнографическія записи Манжуры именно за ихъ точность и доброкачественность, и настолько высоко цѣнилъ его оригинальныя стихотворенія, что издалъ ихъ на свой счетъ. Кромѣ чистоты языка, въ стихотвореніяхъ Манжуры Потебню привлекала ихъ оригинальность, отсутствіе подражательности, искренность одушевленія, разнообразіе образовъ и, главное, ихъ мужественный стиль, столь рѣдкій и исключительный въ мягкой, женственно-сентиментальной малорусской литературѣ. И. И. Манжура при тяжкой наслѣдственной болѣзни подвизался добрымъ подвигомъ народоизученія; умирая, онъ могъ сказать словами Мармеладова въ «Преступленіи и Наказаніи» Достоевскаго: «пожалѣетъ насъ Тотъ, Кто всѣхъ пожалѣлъ, Кто всѣхъ и вся понималъ, Онъ Единый, Онъ и Судія. Пріидетъ въ тотъ день...и всѣхъ разсудитъ и проститъ».

* * *

Заслуги Манжуры, какъ этнографа, велики. Записи его многочисленны, разнообразны, точны. Около 200 №№ великорусскихъ пѣсенъ было имъ собрано въ екатеринославской губерніи и сообщено П. В. Шеину. Въ «Русской Старинѣ» Манжура издалъ три великорусскія историческія пѣсни—«Осада Смоленска», «Взятіе Хотина» (Кистрина?) и «Новороссія». Громадное большинство записей малорусскія. Часть ихъ поступила въ Кіевъ въ Юго-западный отдѣлъ Географическаго общества и была издана М. П. Драгомановымъ въ «Малорос. народ. преданіяхъ» и въ «Полит. писняхъ украинскаго народа»; часть поступила въ Харьковское историко-филологическое общество и была издана во 2 и 6 томахъ его Сборника. Кромѣ того, небольшіе матеріалы были напечатаны Манжурой въ «Кіевской Старинѣ», «Этнографич. Обозрѣніи», «Живой Старинѣ», «Степи» и «Екатеринославскомъ Юбилейномъ Листкѣ». Въ общей сложности матеріалы, собранные Манжурой, составляютъ весьма цѣнный

вкладъ въ науку. Научное значеніе этого матеріала опредѣляется не только его количествомъ, но прекрасными внутренними свойствами, точностью записей и сохраненіемъ мелкихъ фактическихъ деталей.

Достоинства этнографическихъ записей Манжуры обусловлены прекраснымъ знаніемъ народной рѣчи и пониманіемъ художественныхъ красотъ ея, что въ частности ярко сказалось въ небольшомъ сборникѣ оригинальныхъ стихотвореній Манжуры «Степовы спивы та думы». А. А. Потебня высоко ставилъ Манжуру какъ этнографа и какъ поэта. Онъ редактировалъ его сборникъ сказокъ при печатаніи ихъ во II томѣ «Сборника Харьк. историко-филол. общества» и издалъ «Степови думы». Въ 1891 г. Общество любителей естеств., антроп. и этнографіи при Московскомъ университетѣ избрало Манжуру въ дѣйствительные члены во вниманіе къ его заслугамъ по собиранію этнографическихъ матеріаловъ. О наиболѣе крупномъ трудѣ Манжуры, сборникѣ сказокъ, изданномъ Ист.-филол. обществомъ, были одобрительные отзывы въ «Этнограф. Обозрѣніи», «Wisla» и «Revue des traditions populaires».

Этнографическіе матеріалы Манжуры распадаются на прозаическіе и пѣсенные. Въ особенности обширнымъ и важнымъ оказывается отдѣлъ прозаическій.

Извѣстный сборникъ «Малор. нар. преданія и разсказы» (1876 г.), послужившій драгоцѣннымъ пособіемъ для многихъ ученыхъ, заключаетъ много записей Манжуры. По признанію редактора этого сборника *Драгоманова*, отъ Манжуры поступило «особенно много и все превосходнаго качества». Такую же оцѣнку сборникъ этотъ встрѣтилъ у *Костомарова* въ «Рус. Стар.» 1877 и *Ар. Веселовскаго* въ «Древ. и Нов. Россіи» 1877 г. Манжурой сообщены апокрифическіе разсказы (о сотвореніи міра, хожденіи Христа и ап. Петра, Андреѣ Первозванномъ), разсказы о птицахъ (ласточкѣ, сойкѣ, аистѣ) и насѣкомыхъ (комарѣ и оводѣ), извѣстная легенда о стоколосѣ, нѣсколько заговоровъ, много разсказовъ о чертяхъ, вѣдьмахъ и упыряхъ, рядъ шутливыхъ сказокъ и анекдотовъ о цыганахъ, великоруссахъ, солдатахъ, нѣсколько историческихъ разсказовъ о Мазепѣ и Паліѣ, о гайдамакахъ, нѣсколько обширныхъ сказокъ, изъ коихъ однѣ миѳическія (поповна въ лѣсу), другія повѣствовательныя (объ умной женѣ) и нѣсколько загадокъ.

Мелкіе народные разсказы изъ записей Манжуры разбросаны въ «Кіев. Стар.», «Степи», «Этногр. Об.» и «Жив. Стар.». Отмѣчаемъ здѣсь ихъ вкратцѣ, сначала прозаическіе, а потомъ въ концѣ статьи сдѣлаемъ оцѣнку нѣкоторыхъ пѣсенъ.

Въ «Кіев. Стар.» 1888, VIII, 50—53, въ Екатериносл. Губ. Вѣд. 1888, № 67 и въ «Живой Стар». 1892, I, 80 напечатаны Манжурой нѣсколько малорусскихъ разсказовъ о *богатыряхъ* и богатырскихъ коняхъ. Въ «Кіев. Стар.» Манжура сопоставляетъ великорусскихъ и малорусскихъ богатырей и отмѣчаетъ нѣкоторыя черты сходства: малорусскіе рыцари, подобно былиннымъ богатырямъ, исчезаютъ гдѣ-то въ каменной горѣ.

Въ «Кіев. Стар.» 1889, IX, 763—765, находится замѣчательная малорусская легенда *о Петровомъ батогѣ* съ превосходнымъ комментаріемъ Манжуры, обнаруживающимъ отличное знакомство автора съ степной новороссійской природой, народнымъ міросозерцаніемъ и бытомъ. Варіанты этой легенды отмѣчены мной въ 1 вып. «Соврем. малор. этногр.» при обзорѣ статей П. В. Иванова. Этими легендами народъ объясняетъ названіе цвѣтка дикаго цикорія Петровымъ батогомъ и появленіе въ сухое время при восточномъ вѣтрѣ такъ называемой «юги» (св. Петро вивци гопе). Мы не находили подобныхъ легендъ у другихъ народовъ и склонны къ предположенію, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ оригинальную малорусскую степную пастушескую легенду, пріуроченную къ великому циклу легендъ о хожденіи по землѣ Спасителя и ап. Петра. Искаженіемъ малорусской легенды о происхожденіи юги можно считать бѣлорусскую сказку о томъ, «якъ Микола и Петръ лошадей на Украинѣ закупляли». Въ этой грубой сказкѣ трудно узнать мягкую и поэтическую украинскую легенду (см. Смоленск. этногр. сборн. *Добровольскаго*, I, 290).

Въ «Кіев. Стар.» 1890, I, 124—125 находится цѣнная замѣтка Манжуры къ вопросу *о кумовствѣ*, гдѣ опредѣляются степени родства по кумовству, признаваемыя народомъ (кумы клыканые, стричаные и одкупные).

Въ «Кіевск. Стар.» 1890, IV, 161—162 замѣтка о повѣрьяхъ малороссовъ *объ ужѣ, сосущемъ корову;* въ «Кіев. Ст.» 1890, X, 151 маленькая замѣтка *о полозѣ;* въ «Живой Старинѣ» 1892, II, 78—79 три разсказа объ *упыряхъ*—варіанты извѣстныхъ въ печати. Въ прекратившихся провинціальныхъ изданіяхъ «Степи» (1885—1886) и «Екатеринославскомъ Юбилейномъ Листкѣ» (1887) находится нѣсколько мелкихъ этнографическихъ замѣтокъ Манжуры, напр. въ 51 № «Степи» 1886 статейка *о купалѣ*.

Главный этнографическій трудъ Манжуры «*Сказки, пословицы и т. п., зап. въ Екатеринославской и Харьковской губерніяхъ*» напечатанъ въ II т. Сборника Харьк. историко-филол. общества (1890 г.); въ оттискахъ (200 экземпляровъ) 194 стр. Въ началѣ сборника нахо-

дится 11 сказокъ животнаго эпоса со многими бродячими литературными мотивами. Остановимся для примѣра на двухъ сказкахъ этого рода, «Довгомудыкъ» и «Якъ пивныкъ до моря воды ходывъ».

Сказка «Довгомудыкъ» (№ 1) слѣдующаго содержанія: Жили дѣдъ и баба. Всѣ куры ихъ были передавлены хоремъ. Дѣдъ рѣшилъ убить хоря. По дорогѣ ему въ товарищи и помощники поступаютъ кизякъ, лычко, кіекъ, жолудь, ракъ и пѣтухъ. Они вошли въ хату хоря, не застали его дома и попрятались: жолудь въ печь, кизякъ за порогомъ, лычко подъ порогомъ, кіекъ на чердакѣ, ракъ въ помойномъ ведрѣ, пѣтухъ на жердочкѣ и дѣдъ на печкѣ. Когда прибѣжалъ хорь, то жолудь треснулъ въ печкѣ и перепугавшійся хорь бросился къ ведру, гдѣ его ущипнулъ ракъ; хорь соскочилъ на жердь, гдѣ его клюнулъ пѣтухъ, бросился къ порогу, споткнулся о кизякъ, запутался въ лычкѣ и былъ убитъ кійкомъ, упавшимъ съ чердака. Дѣдъ снялъ съ хоря шкурку и ушелъ домой.

Сходная великорусская сказка «Баринъ, пѣтухъ и жорновы» записана въ самарской губерніи. Въ этой сказкѣ пѣтухъ отыскиваетъ у барина свои жорновы; ему помогаютъ лиса, волкъ, медвѣдь, огонь, вода, которые наносятъ барину вредъ по желанію пѣтуха (*Садовниковъ*, Сказки и пред. самар. края, 169).

Есть весьма сходныя польскія сказки. Такъ, въ одной сказкѣ изъ подъ Кракова дѣйствующими лицами являются конь, волъ, пѣтухъ, котъ и ракъ. Въ другой сказкѣ, записанной у карпатскихъ горцевъ, къ бѣдному мужику присоединяются игла, ракъ, утка, пѣтухъ, свинья, волъ и конь. Они вошли въ одномъ лѣсу въ заклятый домъ, гдѣ жили демоны. Конь сталъ въ конюшнѣ, волъ въ сараѣ, пѣтухъ взлетѣлъ на крышу, свинья помѣстилась въ хлѣвѣ, утка подъ печью, ракъ въ ведрѣ и игла на скамьѣ. Когда пришелъ чортъ и сѣлъ на скамью, игла его уколола; онъ къ водѣ—ракъ его ущипнулъ, жолудь лопается и выбиваетъ у чорта глазъ, волъ бьетъ его рогами, конь—копытами и т. д. Чортъ убѣжалъ въ адъ, гдѣ говорилъ, что его уколола игла, а когда онъ хотѣлъ помочить больное мѣсто, кузнецъ (ракъ) ущипнулъ, изъ печи выстрѣлили (жолудь), въ сараѣ ударили вилами (Zavilinski, Z powieesci i piesni № 5).

Во французской сказкѣ, записанной въ Лотарингіи, кошка беретъ себѣ въ товарищи пѣтуха, собаку, барана, козла и осла. Въ лѣсу они находятъ домъ воровъ. Воры были перепуганы и разбѣжались, причемъ одного изъ нихъ, который хотѣлъ зажечь свѣчу, кошка оцарапала, пѣтухъ клюнулъ и т. д. Сходныя сказки записаны въ Вестфаліи, въ

Швейцаріи, у австрійскихъ нѣмцовъ, чеховъ, норвежцевъ, шотландцевъ, ирландцевъ, въ Сициліи и Тосканѣ, въ Испаніи, въ Португаліи и на отдаленномъ востокѣ, въ Японіи и на о. Целебесѣ. Товарищи въ однѣхъ сказкахъ разгоняютъ демоновъ, въ другихъ воровъ, въ третьихъ волковъ. Въ большинствѣ сказокъ этого разряда товарищество составляютъ одни звѣри, и лишь въ немногихъ являются люди или неодушевленные предметы. Къ польской сказкѣ близко подходитъ нѣмецкая (у Гримма № 41), въ которой также является игла. Подобная сказка находится въ «Fraschmeuseler» Ролленгагена, нѣмецкой поэмѣ 1595 г. (*Cosquin*, Contes popul. II, p. 45). Очень любопытный японскій варіантъ этой сказки въ русскомъ переводѣ напечатанъ въ газетѣ «*День*» 1891, № 1270 и въ «*Москов. Вѣдом.*» 1891 № 332.

Сказка «Якъ пивныкъ до моря воды ходывъ» имѣетъ столь же много родственныхъ въ словесности другихъ народовъ. Содержаніе сказки состоитъ въ слѣдующемъ: Были дѣдъ и баба, а у нихъ пѣтушокъ и курочка. Курочка подавилась зерномъ, и пѣтушокъ побѣжалъ къ морю просить воды. Море потребовало за воду воловьяго рога, пѣтушокъ обратился съ просьбой къ волу; но волъ за рогъ потребовалъ дубоваго жолудя, дубъ—липоваго листа, липа—дѣвичьяго вѣнка. Дѣвушки сплели вѣнокъ; липа за вѣнокъ дала листъ и т. д., и когда пѣтушокъ раздобылъ наконецъ воды, то курочку черви съѣли.

Въ варіантѣ этой сказки мышка разбила золотое яичко, что вызвало слезы дѣда и бабы и скрипъ дверей. Двери говорятъ причину, почему онѣ скрипятъ, дубу, послѣ того какъ онъ опустилъ свои вѣтки, дубъ—барану, послѣ того какъ баранъ сбилъ себѣ роги, баранъ—рѣчкѣ, послѣ того какъ она стала кровавой, рѣчка—поповской дочери, послѣ того какъ она согласилась побить посуду, которую пришла помыть, дочка—матери, послѣ того какъ она разбросала по хатѣ расчину, и, наконецъ, попадья сказала попу, послѣ того какъ онъ обрѣзалъ себѣ косу (*Манж.*, 5—6).

Сходная польская сказка «O swince pyrdce»: свинья не хочетъ идти съ поля. Пастухъ жалуется на нее собакѣ, на собаку—палкѣ, на палку—топору, на топоръ—кузнецу, на кузнеца—веревкѣ, на веревку—крысамъ и мышамъ, на мышей—котамъ, на котовъ—собакамъ. Собаки начали гнаться за котами, мыши грызть веревку и т. д. до свиньи, которая должна была пойти домой (*Chelchowski*, Powiesci i opowiadania, I, p. 20). Сходная также польская дѣтская сказка напечатана въ «*Wisla*» 1890, II кн.

Весьма сходныя сказки записаны во Франціи, Италіи, Германіи, Норвегіи, Испаніи, Португаліи, Румыніи, Греціи и Индіи. Во французскихъ сказкахъ дѣйствуютъ вошь и блоха или мышь, въ испанской—муравей, въ сицилійской—кошка. Въ румынской сказкѣ являются также дѣдъ и баба, но вмѣсто умершей курочки здѣсь утопаетъ мышка, которую они имѣли за ребенка (*Cosquin*, №№ 18 и 74).

Къ малорусской сказкѣ о мышкѣ, разбившей золотое яичко, весьма близко стоитъ слѣдующая индійская сказка, записанная въ Пенджабѣ. Старый воробей оставилъ свою жену и взялъ молодую. Она упала въ воду и утонула. Въ отчаяніи старый воробей вырызаетъ у себя перья и садится на дерево, которое, узнавъ о постигшемъ воробья несчастіи, роняетъ всѣ свои листья (та же подробность въ сказкахъ, записанныхъ въ Гессенѣ и въ Каталоніи). Буйволъ пришелъ подъ тѣнь дерева, и, узнавъ о несчастіи воробья, сбилъ свои роги. Рѣка, изъ которой напился буйволъ, стала плакать такъ сильно, что вода обратилась въ соль: далѣе кукушка вырываетъ у себя глазъ (то же и въ португальской сказкѣ), купецъ отдаетъ голову на отсѣченіе, король и королева танцуютъ до изнеможенія, приговаривая: «жена воробья умерла, дерево потеряло отъ того листья, буйволъ рога» и проч. Таковы были похороны жены воробья (Ib., I, 206--207).

Двѣ маленькихъ сказки «Павукъ та сoплякъ» и «Блоха та муха», въ которыхъ городъ противоставляется селу, мѣщане--крестьянамъ, отличаются юморомъ. Басня «Блоха и муха» записана и въ Великороссіи (*Садовниковъ*, Сказ. и пред. Самарск. края, 184), но въ болѣе слабой формѣ.

Двадцать двѣ сказки могутъ быть названы миѳическими, именно: Чабанецъ, Чорный Иванъ та Золотокудрый Иванъ, о русскомъ царевичѣ Иванѣ Ивановичѣ, о Бѣломъ Полянинѣ и Настасіи Прекрасной, Иванѣ Царевичѣ и красной дѣвицѣ ясной зорницѣ, Костыниномъ сынѣ, Маркѣ Сучченкѣ, солдатскихъ сыновьяхъ богатыряхъ (котыгорошкахъ), царевичѣ Иванѣ и морскомъ чудовищѣ, Иванѣ Поповичѣ, Незнайкѣ, о кобылячемъ сынѣ Киріакѣ, безрукой царевнѣ, дѣдѣ и ракѣ, Божей тросткѣ. Эти сказки отличаются значительной величиной. Во многихъ повторяются одни и тѣ же мотивы: похищеніе красавицы чудовищемъ или змѣемъ и освобожденіе ея богатыремъ, выборъ чудеснаго коня, оживленіе убитаго героя посредствомъ живой воды, принесенной птицей и др. Сказочные мотивы этого рода принадлежатъ къ числу самыхъ распространенныхъ на земномъ шарѣ, и сообщеніе здѣсь литературныхъ параллелей завело бы насъ слишкомъ далеко. Такія

же сказки записаны у нѣмцевъ (Гриммъ, Кунъ), французовъ (Себильо, Коскенъ, Люзель), итальянцевъ (Питре), грековъ и албанцевъ (Легранъ, Ганъ), русскихъ (Аѳанасьевъ), поляковъ (Кольбергъ, Хельховскій), сербовъ (Вукъ Караджичъ), румынъ (Кремницъ), цыганъ (Миклошичъ), монголовъ (Радловъ, Потанинъ), индусовъ современныхъ и древнихъ (Панчатантра). Сходство доходитъ до малѣйшихъ подробностей; напримѣръ, въ ближайшее родство съ Киріакомъ Кобылячимъ сыномъ можно поставить Ивана Медвѣжьяго сына русскихъ сказокъ, Jean de l'Ours—французскихъ, Giovanni dell'Orso—итальянскихъ, Jean de l'Os—испанскихъ, кобылячаго сына португальской и славонской сказокъ и Fillomusso сынъ ослицы итальянской сказки. Коварные друзья Киріака Верпыдубъ и Вернигора являются и во французскихъ сказскахъ (Tord—Chêne, Appuie—Mantagne) и въ нѣмецкихъ (Baumdreher, Tannendreher).

Оригинальныхъ чертъ въ миѳическихъ сказкахъ, если не считать языка, почти нѣтъ. Изрѣдка обнаруживаются мѣстныя особенности народной жизни, напр., въ сказкѣ про Незнайку находится краткое описаніе свадьбы: «війшлысь бабуси, липлять шишки, каравай, все шо тамъ треба». Въ сказкѣ про Безчастнаго Данилу баба-яга проситъ купить червоные черевички.

Болѣе мѣстно—народнаго заключается въ небольшихъ бытовыхъ сказкахъ и анекдотахъ, занимающихъ большое мѣсто въ сборникѣ Манжуры. Въ анекдотахъ мѣстами обнаруживаются дѣйствительныя черты отношенія украинскаго простонародія къ великоруссамъ и евреямъ, семейное положеніе малорусской женщины, понятія народа о счастливой жизни и пр. Однако и въ анеклотической сферѣ есть чрезвычайно много безразличныхъ въ національномъ отношеніи странствующихъ литературныхъ мотивовъ. Такъ, сказка «Двѣ доли» имѣетъ близко родственныя литовскія и грузинскую сказки, «Дидъ та ракъ»—нѣмецкія, французскія, итальянскія, индійскія, «Божа тростка»—французскія, нѣмецкія, итальянскія, испанскія и румынскія. Даже въ сказкахъ о дурнѣ, а такихъ сказокъ у Манжуры около десяти, встрѣчаются странствующіе литературные мотивы, и выдѣлить оригинальныя народныя черты весьма затруднительно. Въ одной сказкѣ 11 умныхъ братьевъ ничего не могли купить на ярмаркѣ за обиліемъ народа, а братъ ихъ, дурень, всего накупилъ—соли, меду, баранины, горшковъ, платковъ и скамейку (ослонъ). «Отъ йиде, а ослинъ и миша ему спаты: э, каже, чортивъ ослинъ! я на двохъ ногахъ та и то бъ до дому дійшовъ, а ты на чотырёхъ та незойдешь? - та взявъ и скинувъ его зъ воза» (*Манж.* 79). Точно такая же черта глупости выведена въ одной французской сказкѣ, записанной

въ Лотарингіи: дуракъ купилъ на базарѣ горшокъ о трехъ ножкахъ. Возвращаясь домой, онъ поставилъ горшокъ на перекресткѣ, сказавъ: «ты на трехъ ногахъ скорѣе меня можешь прійти домой, если захочешь: теперь посмотримъ, кто изъ насъ скорѣе дойдетъ», и пошелъ другой дорогой (*Cosquin*, II, 178).

Нѣсколько разсказовъ о чертяхъ, домовыхъ, вѣдьмахъ и упыряхъ восполняютъ обширную демонологическую литературу немногими чертами. Домовой является иногда въ видѣ пана, спитъ въ печи, имѣетъ холодный задъ. Черти купаются въ глечикахъ незакрытыхъ и неперекрещеныхъ. Вѣдьмы портятъ коровъ, снимаютъ съ неба звѣзды, летаютъ на деменскія игрища. Сказки объ утопленникѣ и о новобранцѣ и вѣдьмѣ, популярныя и въ Великороссіи, нашли прекрасное литературное выраженіе у А. С. Пушкина. Сказка «Вѣдьма прячетъ зори» представляетъ варіантъ сказки о женщинѣ, заговорившей дождь (напечатана мной въ «Кіев. Стар.» 1889 г.). Сказка о томъ, какъ морозъ заморозилъ сварливую бабу (*Манж.* 143) встрѣчается у болгаръ и у др. народовъ, о чемъ см. мою статью «Сказанія о займѣ дней» въ «Рус. Филол. Вѣстникѣ» 1891, № 3.

Въ сборникѣ Манжуры находится около десяти сказокъ на темы о женской хитрости и женской невѣрности, темы весьма популярныя, съ большей или меньшей подробностью разработанныя въ устной словесности и письменности многихъ народовъ. Сказка «Якъ вовкы въ хати завелысь» ранѣе была уже извѣстна по сборникамъ *Рудченка*. I, № 61, *Чубинскаго*, II, № 39 и *Kolberg'a* («Pokucie», IV, 185). Любопытна, между прочимъ, сказка «Якъ чоловикъ у коробку стукавъ»: Чумакъ предлагаетъ молодой бабѣ большую сумму денегъ за любовь. Баба притворяется больною и говоритъ мужу: «Мини здается, якъ бы ты взявъ коробку, ходывъ коло хаты та стукавъ у нейи, то бъ може полегшало». Мужикъ такъ и сдѣлалъ. А жена въ его отсутствіе веселилась съ чумакомъ. На другой день чумакъ пошелъ въ церковь и по дорогѣ то заплачетъ, то засмѣется. Мужъ распрашиваетъ его и узнаетъ, что плачетъ онъ, когда вспомнитъ, что отдалъ бабѣ за одну ночь сорокъ тысячъ, а смѣется, когда вспомнитъ, какъ баба обманула мужа. Послѣдній догадался, отобралъ у жены деньги и половину суммы возвратилъ чумаку (*Манж.*, 96). Въ одной индѣйской сказкѣ купчиха входитъ въ любовную связь съ сипаемъ. Когда пришелъ мужъ, сипай завернулся въ цыновку, что разостлана была на полу, и сталъ къ стѣнкѣ. Мужъ принесъ апельсины. Жена, чтобы дать апельсиновъ любовнику, сказала мужу: «Давай бросать апельсины въ цыновку. Посмотримъ, чья рука вѣрнѣе

бросить». Стали они бросать апельсины, а сипай смѣется да ѣстъ. Мужъ вскорѣ ушелъ, и сипай за нимъ. Сипай сѣлъ въ лавкѣ и сталъ курить, а у самого лицо такое радостное. «Чего ты такой веселый сегодня?» спрашиваетъ его купецъ. Сипай разсказалъ мужу, который сталъ подозрѣвать свою жену въ невѣрности, но еще нѣсколько разъ ею былъ обманутъ (*Минаевъ*, Индѣйскія сказки, 44—46).

Къ сказкамъ примыкаетъ небольшой сборникъ повѣрій, заговоровъ, примѣтъ и обычаевъ (около 100 №№). Повѣрье, что круглый перецъ произошелъ отъ слезъ Пресв. Богородицы, представляетъ варіантъ сказаній о плакунъ-травѣ. Значительный интересъ представляютъ народныя названія небесныхъ свѣтилъ и вѣтровъ и мѣстныя лѣчебныя средства. По мнѣнію народа, «дорога», т. е. млечный путь, ведетъ въ Іерусалимъ и въ Крымъ, причемъ сообщается любопытная историческая подробность: «якъ бигалы видъ панивъ, то по ній и шли» (148). Не лишеннымъ интереса по вопросу о способахъ укрощенія змѣй представляется народное повѣрье: «якъ смалыты ракову шкаралупу, то гадюки позлазятся до вогню» (155).

До сихъ поръ въ научной печати не было указаній, чтобы въ южной Россіи существовало гаданіе по внутренностямъ животныхъ, въ частности кабана, обычное у древнихъ грековъ, у многихъ восточныхъ народовъ монгольскаго племени, у современныхъ болгаръ. Въ сборникѣ Манжуры находится слѣдующее сообщеніе по этому поводу: «якъ колютъ къ Риздву кабана, замѣчаютъ косу (селезенку); якъ къ заду товща, ще зима буде товста, а якъ тоньша, то и зима буде мнякша» (156).

Нѣсколько поговорокъ и повѣрій представляются загадочными. Одно изъ такихъ повѣрій «юга—це Петро вивци жене» (157) разъяснено Манжурой въ сентябр. кн. «Кіевской Старины» 1889 г. на основаніи народнаго же объясненія. Желательно было бы получить разъясненіе и слѣдующей темной поговорки, за которой, повидимому, скрывается цѣлое сказаніе календарнаго характера: «Сишненко (февраль) казавъ: «якъ бы мени батькови лита, то я бъ быкови третяковы ригъ ссадывъ, а дивци семилитци коромыселъ до плечей приморозывъ» (156). Можетъ быть, эта поговорка намекаетъ на весьма любопытныя, къ сожалѣнію, собранныя въ небольшомъ числѣ народныя сказанія на тему, почему одинъ мѣсяцъ, чаще всего февраль, имѣетъ менѣе дней, чѣмъ другой, рядомъ съ нимъ стоящій. Въ «Romania» 1889 г. т. XVIII находится цѣнное изслѣдованіе Shaineanu объ этомъ мотивѣ.

Двѣ страницы занимаютъ «Сны и ихъ значеніе». Всего 71 толкованіе. Матеріалъ совсѣмъ новый. Въ послѣднее время въ этнографіи обра-

щено вниманіе на снотолкованія. Небольшой сборникъ бѣлорусскихъ снотолкованій напечатанъ былъ въ «Этногр. Обозр.» 1889 г. При накопленіи матеріала представится возможность и въ этой области народовѣдѣнія сдѣлать любопытные выводы по народной психологіи и исторіи культуры. Въ малорусскихъ снотолкованїяхъ, повидимому, первое мѣсто занимаетъ своеобразная синонимика словъ съ предметами и понятіями, доступными народу, напр., каша—дѣти, голуби—взрослыя дѣти, комашки—родичи, ножъ—несчастье, рыба—дождь, горы—горе, просо—просьба, громъ—извѣстіе, буря—ссора, судъ—хлопоты, орелъ—свиданіе съ паномъ, перецъ—печаль. Нѣкоторыя изъ снотолкованій можно поставить въ связь съ народными повѣріями и обрядами, напр., когда снится покойникъ будетъ дождь, тыква—сватовство на вдовѣ.

За снотолкованіями слѣдуетъ 400 приказокъ и присловій съ краткими объясненіями. Въ этомъ отдѣлѣ можно найти много мѣстныхъ народныхъ чертъ. Сюда вошли народныя объясненія крика разныхъ животныхъ, поговорки про «нюхаривъ», бранныя слова и проклятія.

Затѣмъ слѣдуетъ 57 загадокъ. Основа многихъ загадокъ скабрёзная, а отвѣтъ всегда невинный, напр., «хылы, былы, ходимо до кумы, похитаймо свои жилы» (ступа) и нѣсколько другихъ подобныхъ на слова: цебро, чобитъ, коромысло. Загадки такого рода встрѣчаются и у другихъ народовъ, напр., во Франціи (въ Бретани): «Poilu contre poilu qui couvre un petit bonhomme tout nu» (глаза), или «J'accroupis mon bonhomme et j'assis ma bonne femme; tout ce qui passe entres les jambes de mon bonhomme fait du bien à ma bonne femme» (треножникъ и кострюля) и мн. др. т. п. (Κρυπτάδια, II, 102, 103 и др.).

Словарь заключаетъ въ себѣ 585 словъ, записанныхъ Манжурой въ александровскомъ, новомосковскомъ и другихъ уѣздахъ екатеринославской губерніи. Для этнографа и филолога словарь этотъ представляетъ интересъ, по народному характеру словъ. Какъ извѣстно, малорусскіе словари бѣдны въ количественномъ отношеніи и неудовлетворительны въ качественномъ. Слова набраны изъ разнородныхъ источниковъ. Наряду съ словами народными идутъ слова, заимствованныя малорусскими писателями изъ польскаго языка или сочиненныя ими. Манжура даетъ намъ чистые лингвистическіе матеріалы. Нѣкоторыя слова сопровождаются подробнымъ комментаріемъ, именно, слова: «кумъ», «дубъ», «клейно», «гуркало», «пашена яма», «прытьмо» и «пужарь». При многихъ словахъ поставлены фразы, гдѣ они встрѣчены, что даетъ имъ удовлетворительное объясненіе и живое значеніе. Съ этнографической точки зрѣнія значительный интересъ представляютъ мѣстныя названія животныхъ и растеній: волыкъ, дженчыкъ,

келепъ, музычка, невстаха, носаль, пичкуръ, полежань, попова свынка, турыця. Весьма любопытной въ историко-культурномъ отношеніи представляется мѣстная техническая терминологія. Въ словарѣ приведено много чабанскихъ словъ, повидимому, татарскихъ (аврякъ, арышъ) изрѣдка нѣмецкихъ (овцы кгросы). Встрѣчаются, повидимому, греческія слова (кулѣба—густой кулѣшъ). Встрѣчаются любопытные образцы народной этимологіи, напр.: ахтыдубинская (=ахтубинская) селедка, оковирный (=аккуратный).

Многія историческія малорусскія пѣсни, записанныя Манжурой, изъ бывшихъ въ Юго-западномъ Отдѣлѣ Географическаго Общества, или остались совсѣмъ неизданными, или вошли въ «Полит. пѣсни» Драгоманова—малоизвѣстное и недоступное въ Россіи заграничное изданіе. Пѣсни эти, однако, такого рода, что въ большинствѣ могли быть изданными и въ Россіи . Извѣстно о существованіи слѣдующихъ пѣсенъ изъ записей Манжуры: варіанты къ напечатаннымъ въ 1 т. «Истор. пѣс. малор. нар.» Антоновича и Драгоманова №№ 6 (о поединкѣ съ турецкимъ царемъ), 44 (о княжескомъ тіунѣ), 16 (о боярскомъ сватаньѣ), начало пѣсни «Павлечко коника сидлае», пѣсня про разрушеніе старой Сѣчи (1709 г.), пѣсня про уходъ запорожцевъ подъ власть турокъ (1709—1712 г.), пѣсня «Та ще не свитъ», относимая или къ 1776 или еще къ болѣе раннему времени (1710—1711). Эта пѣсня напечатана въ »Кіев. Стар». 1882, II, 435. Далѣе въ печати извѣстны пѣсни о плѣнѣ гайдамаки «Стоитъ яворъ надъ водою» и пр. (Относятъ ко времени алешковской Сѣчи, 1709—1732, но безъ убѣдительныхъ доводовъ), про возвращеніе запорожцевъ подъ власть Россіи и про Мих. Мих. Голицына (1711—1729). Послѣдняя пѣсня («Зажурилась Украина» и пр.) представляетъ варіантъ пѣсни, изданной Я. П. Новицкимъ. Далѣе, упомянемъ изъ напечатанныхъ записей Манжуры пѣсню про Морозенка («Та литае воронъ»), три пѣсни про Мазепу и Семена Палія, изъ коихъ одна была напечатана въ «Кіев. Стар.» 1882, III, 612, пѣсню про панщину на гетманщини, пѣсню про дивчину, приглашавшую казака переночевать съ ней, двѣ пѣсни про орла, несшаго руку мертвеца, и три пѣсни про наборъ въ гусары.

Не всѣ поименованныя здѣсь пѣсни могутъ быть отнесены въ разрядъ пѣсенъ историческихъ, весьма немногія въ разрядъ пѣсенъ политическихъ, если допустить возможность послѣдняго названія въ области народной словесности. Такъ, пѣсня про дѣвушку, приглашавшую проѣзжаго переночевать съ ней, не имѣетъ никакого историческаго пріуроченія. Весьма возможно, что это пѣсня рекрутская. Пѣсня про орла встрѣ-

чается у многихъ народовъ. Въ ней разработанъ общій мотивъ. Большею частью вмѣсто орла является воронъ (см. *Сумцова*, Воронъ въ народ. слов. 14). Въ малорусской искусственной литературѣ отмѣтимъ написанное на этотъ мотивъ стихотвореніе Я. И. Щеголева «Орелъ».

Кромѣ поименованныхъ выше двухъ пѣсенъ о разореніи Запорожья (изъ нихъ одна 1709 г., другая 1775 г.) и трехъ пѣсенъ и легенды о Семенѣ Паліѣ, въ «Кіев. Стар.» (1883 г., I) напечатана пѣсня «*про украинскую гетеру*»; но въ своемъ основаніи эта пѣсня, какъ указалъ А. А. Потебня въ «Объясненіяхъ», II, 665, величальная. Если, можетъ быть, пѣсня эта и примѣнялась къ какой-нибудь особѣ гулящей, то, по крайней мѣрѣ первоначально, не было умыслу представить здѣсь типъ свободной украинки», какъ та «Настя кабашна, що до бидныхъ козакивъ нетягъ хоть злая, да й обашна» (въ думѣ про Хвеська Андибера).

Въ V кн. «Кіев. Стар.» 1888 г. Манжура напечаталъ народную приказку *о нюхаряхъ*. Ранѣе у *Драгоманова* былъ напечатанъ народный разсказъ о происхожденіи табака. Г. *Петровъ* въ интересной статьѣ о южнорусскихъ легендахъ (въ «Трудахъ Кіев. Дух. Акад.» 1877, III) высказалъ мнѣніе, что малороссы заимствовали легенды о табакѣ у великорусовъ. Въ послѣднее время записанъ цѣлый рядъ малорусскихъ легендъ, сказокъ и приказовъ, свидѣтельствующихъ о существованіи у малороссовъ цѣлой литературы о табакѣ. Извѣстно много народныхъ разсказовъ и пѣсенъ о пристрастіи къ табаку малороссіянъ, въ особенности запорожцевъ[1]).

Уже по смерти Манжуры, въ VI т. Сборника Харьк. истор. филол. общества 1894 г. были напечатаны записанныя имъ въ екатеринослав. губ. малорусскія сказки, преданія, пословицы и поговорки, съ приложеніемъ моихъ библіографическихъ указаній. Этотъ сборничекъ въ 37 стр. заключаетъ въ себѣ много характерныхъ анекдотовъ, присказокъ и присловій. Всѣхъ присловій 233, и во многихъ изъ нихъ ярко отражается украинскій бытъ, украинская народная психологія.

Въ екатеринославскихъ періодическихъ изданіяхъ разсѣяно значительное число маленькихъ, но любопытныхъ этнографическихъ замѣтокъ. Такъ, въ Екатеринославск. Губ. Вѣд. 1888 г. № 67 напечатана Манжурой статья «О богатыряхъ», въ «Степи» 1886 г., № 7 ст. «Государыня широкая масляница», тамъ же въ № 6 некрологъ малорусскаго писателя Петра Раевскаго; попадались мнѣ еще въ какомъ-то екатерино-

---

1) См. *Эварницкаго*, Запорожье II, 14; *Его же*, въ «Екатерин. Губ. Вѣд.» 1889 № 63. *Я. Новицкаго* въ «Кіевск. Стар.» 1888, II, 20, *Катрухина* такъ же 1900, VIII.

славскомъ изданіи небольшія, но весьма интересныя замѣтки о названіяхъ рыболовныхъ статей, о бублейницахъ г. Новомосковска. Вездѣ видно живое, любовное отношеніе къ народной жизни; вездѣ обнаруживается умѣнье подмѣтить характерныя черты народнаго быта. Вездѣ есть нѣчто новое, впервые вынесеное наблюдательнымъ авторомъ изъ глубины народной.

Въ распоряженіи харьковскаго историко-филологическаго общества находится еще въ рукописи сборникъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, записанныхъ Манжурой въ харьковской и екатеринославской губерніяхъ. Всѣхъ пѣсенъ—1135 №№—колыбельныхъ, свадебныхъ, историческихъ, колядокъ и др. Въ настоящее время сборникъ этотъ приготовляется для печати.

Вообще Манжурѣ принадлежитъ огромное число этнографическихъ записей высокаго научнаго достоинства, и нельзя не видѣть въ немъ одного изъ самыхъ крупныхъ фольклористовъ XIX столѣтія, а въ его сборникахъ чрезвычайно большого ископаемаго этнографическаго богатства.

9.

Суботы св. Дмытра.

30-го мая 1898 года въ Харьковѣ стоялъ ясный, теплый день. Екатеринославская улица, наканунѣ омытая и освѣженная обильнымъ весеннимъ дождемъ, выглядывала весело и чисто. Солнечные лучи заливали дома, экипажи, прохожихъ. Тѣмъ печальнѣе выдавалась на этомъ фонѣ мрачная похоронная процессія: къ мѣсту вѣчнаго успокоенія несли харьковскаго старожила, талантливаго малорусскаго поэта Якова Ивановича Щоголева.

По случайному совпаденію, въ этотъ же самый день на окнахъ книжнаго магазина «Новаго Времени» появилась изящная книжечка въ весенней свѣтлозеленой обложкѣ, съ заголовкомъ: «Я. Щоголевъ. Слобожанщина. Лирна поэзія», въ 145 страницъ, съ 103 стихотвореніями на малорусскомъ языкѣ, съ эпиграфомъ «теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ».

Вышла эта книжечка на улицу проводить почившаго поэта, и своимъ внѣшнимъ видомъ какъ бы говорила, что «есть бо древу надежда, аще бо посѣчено будетъ, паки процвѣтетъ и лѣторосль его не оскудѣетъ»...

Такъ провожала своего поэта старая слобожанщина, сама постепенно вымирающая среди новыхъ условій жизни, новыхъ теченій, новыхъ потребностей, стирающихъ все старое, слободско-украинское.

«Въ Слобожанщинѣ» есть слабыя стихотворенія, написанныя очевидно человѣкомъ старымъ и больнымъ, напримѣръ, «На чужыни», «Рута», «Родына», «До чарывныци», «Крамарь», «Три дороги».

Но въ той же «Слобожанщинѣ» встрѣчаются прекрасныя стихотворенія, по красотѣ языка и художественной законченности, напримѣръ, «Зимній ранокъ», «Хортыця», «Травень», «Барвинова Стинка», «Ничъ», «Въ диброви», «Зимній шляхъ», «Бабусина казка», «Клыментовы млыны».

Прекрасно, напримѣръ, послѣднее, «Клыментовы млыны», большое стихотвореніе, гдѣ народное повѣрье о появленіи огненнаго пѣтушка

Яковъ Ивановичъ Щоголевъ.
(† 1898 г.).

Къ 139 стр.

на мѣстѣ заклятаго клада изложено въ правдивой бытовой обстановкѣ, съ сохраненіемъ мѣстнаго колорита. Изъ 41 куплета лучшіе первые одиннадцать, гдѣ описанъ сосновый боръ подъ Ахтыркой, по дорогѣ въ Тростянецъ, и помолъ на водяныхъ мельницахъ по рѣкѣ Ворсклѣ. Здѣсь сказался въ лицѣ автора мѣстный ахтырскій уроженецъ, живо сохранившій до конца дней своихъ вынесенные изъ дѣтства дорогіе образы родного края.

Безъ преувеличенія можно сказать, что въ обоихъ сборникахъ стихотвореній Я. И. Щоголева, окрещенныхъ имъ мѣстными названіями «Ворскло» и «Слобожанщина», найдется немало сильныхъ и выразительныхъ стихотвореній, настолько сильныхъ, что любая европейская литература отвела-бы имъ почетное мѣсто.

Въ общемъ, подъ свѣтлой обложкой «Слобожанщины» скрывается мрачная поэзія. Грозный призракъ смерти витаетъ надъ стихотвореніями Щоголева. Стихи написаны поэтомъ въ старости и въ болѣзняхъ, послѣ тяжелыхъ семейныхъ потерь, послѣ смерти дочери невѣсты и юноши сына, милыхъ и добрыхъ, отличавшихся большими музыкальными дарованіями. Оттого въ поэзіи Щоголева много грустнаго и тяжелаго. Одно изъ самыхъ мрачныхъ и наиболѣе характерныхъ для его міросозерцанія стихотвореній «Суботы св. Дмытра».

Дмитріевской субботой, какъ извѣстно, называется суббота передъ днемъ св. Димитрія Солунскаго 26 октября. День этотъ поминальный. Простой народъ изстари чтитъ этотъ печальный день; мѣстами народный обычай придаетъ поминальное значеніе и другимъ ближайшимъ къ 26 октября субботамъ.

Октябрь—время года мрачное и грустное, когда въ самой природѣ все замираетъ. Дни пасмурные. Сѣрое небо угрюмо. Деревья стоятъ, какъ обнаженные скелеты. Опалый листъ покрываетъ землю. Въ воздухѣ виситъ сырой туманъ. Часто льютъ безпросвѣтные, тоску наводящіе дожди, и монотонно журчащія дождевыя струи напоминаютъ слезы.

Стихотвореніе Щоголева начинается съ мрачной и унылой картины осени.

Бувъ день осинній. Сира мла
Габою [1]) землю одягла,
И сіявъ дощъ. Ишла пора
Передъ суботами Дмытра.

Народъ, слѣдуя завѣтамъ предковъ, чтитъ эти мрачные дни, какъ дни поминальные:

---

[1]) Габа—грубое сукно, старое слово турецкаго происхожденія.

А й доси нашъ веселый край
Шануе шыро той звычай,
Зъ которымъ ще прадиды жылы
И нащадкамъ въ ридъ передалы,
Щобъ въ ти суботы помынать
Кого намъ прiязно згадать.

Обычай старинный, особенно излюбленный въ средней Россiи, гдѣ сохранилось много поминальныхъ синодиковъ. Поэтъ создаетъ такой синодикъ въ своихъ мысляхъ,

Я въ думци вразъ перелетивъ
Ряды похованыхъ годивъ;

Передъ нимъ выростаетъ величественная и мрачная картина шествiя умершихъ, картина въ духѣ Виктора Гюго и Леконта де Лиля.

Якъ въ темну ничъ въ таемнимъ сни,
Тоди побачылось мени,
Що зъ щирокоханыхъ могилъ
Встаютъ ряды безсмертныхъ сылъ,
И безборонно ти ряды
Идутъ—невидомо куды...

Первыми идутъ старики, усталые, похилые, безъ силъ, безъ надеждъ:

Онъ ветхи деньми. Въ очахъ йихъ,
Колысь блескучихъ и жывыхъ,
Утома, горе и годы
Зробылы буриння слиды.
Надiй въ йихъ серци не жыве,
Нищо ихъ дали не зове,
Нищо не клыче йихъ назадъ,—
Недбало йде оджывшыхъ рядъ...

Мрачную и тяжелую сцену старческой немощи и горя поэтъ заканчиваетъ поминальнымъ обращенiемъ къ милосердiю Божiему, какъ единственному и высшему утѣшенiю:

О, помьяны, мiй Боже, йихъ
У жытлахъ праведныхъ Твойихъ!

Далѣе идутъ молодые люди, безвременно сошедшiе въ могилу. Самая смерть не могла вырвать изъ ихъ груди юной отваги и свѣтлыхъ надеждъ:

Дывлюсь: въ краси и мочи литъ,
Якъ въ день весняный первоцвитъ,
На зоряхъ шастья, зоряхъ сылъ

Встають юнакы изъ могылъ;
Въ йихъ чыстыхъ душахъ теплынь мрії;
Въ йихъ очахъ свите блискъ надій;
Воны мынулымъ не жывуть
Воны чогось видъ доли ждуть;
На те й уваги йимъ нема,
Що йимъ дорогу перейма
Нещадно смерти гризна тинь
И жде въ земли холодна тлинь...

Далѣе тотъ же величественный поминальный аккордъ, для всѣхъ одинаково могучій въ борьбѣ съ смертью:

О, помьяны, мій Боже, йихъ
У житлахъ праведныхъ Твойихъ!

Но вотъ еще открываются печальные ряды загробныхъ тѣней, это идутъ молодыя женщины и дѣвушки, оставившія свѣтъ во цвѣтѣ лѣтъ.

...О не тамъ,
Царицы свита, жыты бъ вамъ!
Чаривни, постатью гинкп,
На чолахъ мраморныхъ випки...
Я бачу искры йихъ очей,
Я чую голосъ йихъ ричей...

. . . .

Что замѣнитъ имъ красоту и радость жизни? Ничто, кромѣ высшей надежды на Божіе милосердіе, и поэтъ молитъ о немъ

О, звеселы, мій Боже, йихъ
У жытлахъ праведныхъ Твойихъ.

Въ заключеніе повторяется тотъ же поминальный мотивъ, въ самомъ широкомъ обобщеніи, охватывающемъ всѣхъ—

И тихъ, хто тутъ безъ смуты жывъ,
И тихъ, хто страждавъ и терпивъ,
И хто бувъ гришный, хто святый,—
Йихъ дійи мылостью покрый!

Очевидно, Я. И. Щоголевъ среди умершихъ «юнаковъ» вспомнилъ своего сына, среди умершихъ «чаривныхъ ладъ» свою дочь; горечь семейныхъ утратъ вылилась въ страстномъ молитвенномъ обращеніи къ милосердію Божію за всѣхъ, за грѣшныхъ и святыхъ.

Мицкевичъ на склонѣ своей жизни, въ пылу религіознаго воодушевленія, находилъ, что для поэта одна только дорога—вдохновеніе и Богъ:

Wiedzcie, ze dla poety jedna tylko droga
W sercu szukac natchnienia i dazyc do Boga!

И для Щоголева въ концѣ жизни замерли и заглохли почти всѣ интересы и наклонности. Опорой осталось исключительно религіозное настроеніе, какъ единственное утѣшеніе поэта, котораго, судя по стихотвореніямъ въ «Слобожанщинѣ», постоянно преслѣдовала мысль о смерти.

Въ этомъ настроеніи, въ твердой незыблемой вѣрѣ, Я. И. Щоголевъ почерпнулъ силы и средства для созданія стихотворенія «Суботы св. Дмытра»

Всему свой чередъ; пришла очередь для поминанія самого Я. И. Щоголева, и, памятуя «Суботы св. Дмытра», умѣстно помянуть почившаго поэта его собственными словами, чтобы Богъ «звеселилъ» его «у жытлахъ праведныхъ своихъ».

Терентій Марковичъ Пархоменко.

Пархоменко, одинъ изъ лучшихъ современныхъ бандуристовъ, род. въ 1872 г.—въ Сосницк. уѣздѣ Черниг. губ., учился въ школѣ, ослѣпъ на 11 году, бывалъ въ Харьковѣ и въ Кіевѣ, гдѣ пользовался указаніями Н. В. Лисенка. Репертуаръ большой—54 пѣсни, въ томъ числѣ 10 думъ и 28 духовныхъ стиховъ. Подроб. см. въ V т. Сборн. Истор. Филол. Общ. при Нѣжинскомъ Институтѣ кн. Безбородко, въ монографіи проф. М. Н. Сперанскаго.

Къ 143 стр.

10.

Современное изученіе кобзарства.

Усчитать всю пользу, принесенную бывшимъ въ Харьковѣ XII археологическимъ съѣздомъ, разумѣется, нѣтъ никакой возможности, по разнообразію связанныхъ съ нимъ явленій. Несомнѣнно только, что польза, большая, и, несмотря на значительное число журнальныхъ отчетовъ, далеко еще не выясненная въ главныхъ своихъ частяхъ. Несомнѣнно, что и Харькову, въ особенности харьковскому университету, археологическій съѣздъ пригодился во многихъ отношеніяхъ, премущественно, въ дѣлѣ расширенія знаній и накопленія цѣнныхъ коллекцій по этнографіи и археологіи. Къ несчастью, харьковскій университетъ, по своей хронической тѣснотѣ и бѣдности, не можетъ въ достаточной степени воспользоваться собранными матеріалами; два своихъ новыхъ музея — археологическій и этнографическій, университетъ вынужденъ держать на положеніи двухъ складовъ, для всѣхъ закрытыхъ, по неудобству помѣщенія и нагроможденности матеріала. Все это тѣмъ болѣе досадно, что есть силы, есть свѣдущіе люди, которые могли бы разсортировать все собранное богатство, могли бы установить его въ системѣ, согласно съ современнымъ положеніемъ науки, могли бы освѣтить своими объясненіями, и не достаетъ лишь матеріальныхъ средствъ; досадно тѣмъ болѣе, что людей этихъ и силъ не такъ много, и были годы, многіе годы когда ихъ совсѣмъ не было — имѣемъ въ виду, напримѣръ, каѳедру по исторіи искусства, которая нынѣ въ Харьковѣ занята ученымъ выдающагося трудолюбія и большихъ познаній, послѣ того какъ была вакантной около тридцати лѣтъ, имѣемъ въ виду многихъ мѣстныхъ спеціалистовъ по русской исторіи, археологіи и архивовѣдѣнію, когда еще такъ недавно въ Харьковѣ обнаруживались по этой части большіе недочеты, а въ 60-хъ годахъ русская исторія не читалась въ университетѣ по нѣсколько лѣтъ, за неимѣніемъ свѣдущихъ людей.

Достойно сожалѣнія, что значительные запасы умственной и нравственной энергіи остаются безъ примѣненія, и какъ это ни странно, въ

приложеніи преимущественно къ университету, по причинамъ весьма разнообразнымъ, въ числѣ которыхъ тѣснота помѣщеній играетъ немаловажную роль.

Харьковскій археологическій съѣздъ далъ большой толчокъ изученію репертуара и быта кобзарей и лирниковъ и, повидимому, послужитъ исходнымъ пунктомъ въ дѣлѣ улучшенія их социальнаго и профессіональнаго положенія. Въ этомъ отношеніи харьковскимъ археологическимъ съѣздомъ и его достоуважаемымъ предсѣдателемъ графиней П. С. Уваровой сдѣлано много, и результаты этой плодотворной работы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обнаруживаются и въ научной литературѣ, и въ самой жизни. Въ данномъ случаѣ, въ отношеніи кобзарей и лирниковъ наука и жизнь, древность и современность пошли рука объ руку, и предвидятся серіезныя пріобрѣтенія не только въ области знаній, но и въ сферѣ бытового добра и справедливости. Намѣчены пути для облегченія участи многихъ сотенъ несчастныхъ слѣпцовъ, добывающихъ себѣ скромныя средства къ жизни музыкой и пѣніемъ. Обратились къ ихъ подсчету, къ изученію ихъ матеріальнаго положенія, заговорили объ устройствѣ для нихъ специальной музыкальной школы, которая съ одной стороны должна сохранить лучшіе мотивы ихъ пѣсенъ и мелодій, съ другой—поднять ихъ технику и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ заработокъ и облегчить имъ усвоеніе музыкальнаго кобзарскаго и лирницкаго репертуара.

Еще до открытія въ Харьковѣ археологическаго съѣзда уважаемый профессоръ Н. П. Дашкевичъ, предсѣдатель кіевскаго Общества Нестора Лѣтописца, выразилъ пожеланіе, чтобы харьковскій съѣздъ занялся кобзарями. Предварительный комитетъ издалъ спеціальную программу для собиранія свѣдѣній о кобзаряхъ и лирникахъ. Частью по этой программѣ, частью независимо отъ нея разными лицами предприняты были соотвѣтствующія описанія, большей частью изданныя въ «Трудахъ Предварит. Комитета». Во время самого съѣзда было прочитано нѣсколько рефератовъ о кобзаряхъ и лирникахъ, и, благодаря усердію г. Хоткевича, устроенъ былъ общедоступный кобзарскій и лирницкій концертъ, о которомъ въ свое время были подробныя сообщенія въ мѣстныхъ газетахъ. Главное, съѣздъ постановилъ возбудить передъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ просьбу объ оказаніи покровительства кобзарямъ и лирникамъ, какъ хранителямъ старины, въ ея лучшихъ музыкальныхъ и поэтическихъ остаткахъ. Начало было положено; интересъ къ кобзарямъ возбужденъ, дѣло изученія пошло расти, а съ нимъ стали отчетливо обнаруживаться и благотворныя послѣдствія ходатайства о покровительствѣ.

Въ научномъ отношеніи лучшимъ плодомъ харьковскаго археологическаго съѣзда по части изученія кобзарства представляется вышедшее недавно изслѣдованіе проф. М. Н. Сперанскаго о кобзаряхъ и лирникахъ, по даннымъ на съѣздѣ матеріаламъ, преимущественно о талантливомъ молодомъ кобзарѣ Пархоменкѣ, который извѣстенъ по участію въ концертѣ въ Харьковѣ. Проф. Сперанскій подробно останавливается на репертуарѣ Пархоменка. Вообще, какъ сводъ матеріаловъ въ строго научномъ распорядкѣ и освѣщеніи, книга проф. Сперанскаго производитъ хорошее впечатлѣніе и несомнѣнно принесетъ значительную пользу.

Благодаря доброжелательству и энергіи графини П. С. Уваровой, ходатайство о покровительствѣ кобзарямъ и лирникамъ получило успѣшное направленіе. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ В. К. Плеве запросилъ сначала графиню П. С. Уварову относительно статистическаго матеріала. Графиня Уварова обратилась за справками въ нѣкоторыя южно-русскія ученыя Общества, ранѣе собиравшія свѣдѣнія, и въ частности поручила мнѣ составить докладную записку съ соотвѣтствующей фактической мотивировкой состоявшагося на археологическомъ съѣздѣ постановленія, что и было мною исполнено. Я препроводилъ свою объяснительную записку П. С. Уваровой, и графиня дала дѣлу дальнѣйшее движеніе, а что дѣло это подвигается, прямымъ доказательствомъ тому служитъ полученная мной обстоятельная работа кіевскаго губернскаго статистическаго комитета о кобзаряхъ и лирникахъ кіевской губерніи въ 1903 году, составленная по порученію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи матеріаловъ, собранныхъ мировыми посредниками и полицейскими чиновниками. Матеріалы эти редактированы опытнымъ лицомъ, г. Доманицкимъ, снабжены имъ маленькой объяснительной статьей, при краткомъ предисловіи г. Ник. Василенка. Въ данномъ трудѣ кіевскаго статистическаго комитета я съ удовольствіемъ нахожу оправданіе и подтвержденіе той мысли, которую я развилъ въ докладной запискѣ, а здѣсь я, между прочимъ, говорилъ, что по моему мнѣнію, ученыя Общества не располагаютъ соотвѣтствующимъ матеріаломъ о кобзаряхъ, не могутъ одновременно производить изслѣдованія въ огромномъ раіонѣ всей южной Россіи и не обладаютъ такими средствами, чтобы широко поставить собираніе матеріаловъ, и что въ этомъ отношеніи само Министерство Внутреннихъ Дѣлъ располагаетъ гораздо большими средствами для собиранія соотвѣтствующихъ статистическихъ свѣдѣній одновременно во всѣхъ губерніяхъ съ малорусскимъ населеніемъ, причемъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что для систематизаціи и изученія собраннаго матеріала въ южно-русскихъ

историко-филологическихъ Обществахъ найдется достаточно ученыхъ силъ. На дѣлѣ такъ и вышло; большой матеріалъ по кіевской губерніи собранъ органами Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а разработанъ кіевскими учеными. Въ изданіи кіевскаго статистическаго комитета есть одинъ большой пробѣлъ—полное умолчаніе о репертуарѣ кобзарей и лирниковъ, что и не входило въ програму, присланную Министерствомъ; но статистическій комитетъ обѣщаетъ восполнить этотъ пробѣлъ послѣдующими изученіями. Репертуаръ кобзарей и лирниковъ, дѣйствительно, требуетъ уже особаго изслѣдованія, по особой программѣ, и людьми со спеціальной ученой подготовкой; такая задача, разумѣется, не могла входить въ цѣли министерской программы, разсчитанной всецѣло на выясненіе основныхъ вопросовъ, кому, въ какомъ числѣ и въ чемъ можно оказать «покровительство».

Такъ какъ порученіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, навѣрно, распространено на всѣ губерніи съ малорусскимъ населеніемъ, то и изданная кіевскимъ статистическимъ комитетомъ книга можетъ послужить пособіемъ относительно распредѣленія матеріала.

Въ 1881 г., по свѣдѣніямъ кіевскаго попечительства для призрѣнія слѣпыхъ, на огромное число слѣпыхъ въ кіевской губерніи въ 4221 человѣкъ, занимающихся игрой на лирѣ показано лишь 13. И вотъ, несмотря на признаваемый всѣми упадокъ кобзарства и лирничества, въ 1903 году, по подсчету статистическаго комитета, кобзарей и лирниковъ въ кіевской губерніи оказалось 289. Нужно думать, что кіевская статистика двадцать лѣтъ назадъ сама страдала слѣпотой. Изъ 289 человѣкъ только три кобзаря и 286 лирниковъ. Впрочемъ, эти цифры подлежатъ большому сомнѣнію, такъ какъ лица, собиравшія матеріалъ, повидимому, плохо отличали кобзарей отъ лирниковъ, тѣмъ болѣе, что и въ самой жизни народной обнаруживается иногда смѣшеніе ихъ. Данныя относительно числа кобзарей въ другихъ губерніяхъ такъ мало заслуживаютъ довѣрія, точнѣе, составлены по такимъ ограниченнымъ раіонамъ и въ такой степени случайно, что нѣтъ никакой возможности строить на нихъ какіе-либо выводы, до новаго разслѣдованія, вродѣ кіевскаго. Такъ, въ харьковской губерніи насчитано всего 32 бандуриста и лирника, но насколько сомнительна эта цифра, видно изъ того, что одинъ лишь И. М. Хоткевичъ въ небольшомъ раіонѣ двухъ уѣздовъ, харьковскомъ и богодуховскомъ, и нѣкоторыхъ прилегающихъ къ нимъ мѣстностяхъ насчиталъ 28 бандуристовъ и 37 лирниковъ. Очевидно, что тутъ точныхъ свѣдѣній нѣтъ, и обстоятельный опросъ по всей губерніи можетъ дать совсѣмъ неожиданныя цифры. Если кіевскую мѣрку приложить ко всѣмъ

губерніямъ съ малорусскимъ населеніемъ, то выйдетъ около двухъ тысячъ кобзарей и лирниковъ, число не малое, и, слѣдовательно, вполнѣ умѣстно дальнѣйшее настойчивое изученіе ихъ положенія, и вполнѣ были бы умѣстны немедленныя мѣры по части улучшенія ихъ быта, прежде всего учрежденіе безплатной профессіональной школы для усвоенія кобзарства и лирничества, въ лучшихъ мелодіяхъ и съ наилучшими техническими пріемами. Это будетъ со стороны образованнаго общества достойной отплатой бѣднымъ, слѣпымъ народнымъ музыкантамъ за то, что они въ своей несчастной темнотѣ вынесли изъ глубины прошлыхъ временъ преданія и пѣсни, историческія и религіозно-нравственныя, въ значительной степени содѣйствовавшія развитію мягкихъ и гуманныхъ чувствъ въ массѣ безграматного простого народа. Одинъ изъ мировыхъ посредниковъ. дававшихъ отвѣты на министерскую программу, замѣчаетъ, что въ глазахъ сельскаго люда лирникъ не простой нищій-попрошайка; онъ прежде всего «несчастный», предназначенный судьбою на служеніе Богу, «благочестивый горемыка», и если у крестьянъ такой гуманный взглядъ, то интеллигенція должна добавить къ нему литературные и историческіе мотивы и поставить этихъ «несчастныхъ» въ возможно лучшія условія жизни, открыть имъ доступъ въ спеціально для нихъ приспособленную музыкальную школу, поднять ихъ вкусъ, улучшить технику ихъ ремесла и облегчить пути для добыванія средствъ къ жизни всѣми возможными для слѣпца способами.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ.

VII.

Дни недѣли.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1891 г. въ Харьковское историко-филологическое общество отъ члена его П. В. Иванова поступила обширная, въ 196 л., рукопись, подъ заглавіемъ «Сборникъ матеріаловъ по этнографіи Купянскаго уѣзда. Отъ колыбели до могилы. Народный дневникъ». Имя автора давно уже пользуется въ наукѣ почетной извѣстностью, какъ имя одного изъ наиболѣе трудолюбивыхъ и свѣдущихъ фольклористовъ, и настоящій его трудъ не уступаетъ изданнымъ уже въ печати его сборникамъ, по обилію цѣнныхъ, стройно систематизированныхъ матеріаловъ по народоизученію. Въ сборникѣ находится много малорусскихъ обрядовъ, повѣрій и пѣсенъ, пріурочиваемыхъ въ Купянскомъ уѣздѣ къ разнымъ праздникамъ годового круга народнаго дневника. Изданіе всего сборника, весьма желательное, изъ года въ годъ откладывается, изъ за препятствій финансоваго характера, и въ настоящемъ случаѣ издается лишь одна, сравнительно небольшая глава, легко выдѣлимая изъ общаго содержанія сборника—именно первая глава о дняхъ недѣли. Въ сборникѣ за ней слѣдуетъ уже годовой кругъ, начиная съ рождественскихъ обрядовъ и пѣсенъ. Въ отдѣльномъ видѣ глава о дняхъ недѣли получаетъ значеніе небольшаго самостоятельнаго сборника.

Н. Ө. Сумцовъ.

1. Недиля (воскресенье).

Недиля (воскресенье) считается малороссами большимъ праздникомъ. Старухи говорятъ, что работа въ «недилю» составляетъ болѣе тяжкій грѣхъ, чѣмъ работа въ иные изъ болѣе чтимыхъ, чѣмъ воскресенье, церковью праздниковъ. За нарушеніе святости праздника слѣдуетъ наказаніе обыкновенно въ тотъ же самый день до вечера, а затѣмъ если наказанія не послѣдовало, значитъ, его и совсѣмъ не будетъ. За непочитаніе же «недѣли» человѣкъ можетъ быть наказанъ въ теченіе цѣлыхъ семи лѣтъ и только по истеченіи этого срока можетъ успокоиться: грѣхъ за оскорбленіе святости воскреснаго дня ему прощенъ. Особенно грѣшно рубить въ воскресенье что нибудь топоромъ; наколоть въ этотъ день щепокъ и то грѣхъ: ихъ слѣдуетъ въ воскресенье ломать, а не колоть. Одинъ заоскольскій крестьянинъ отрубилъ топоромъ въ воскресенье кончикъ ремня отъ налыгача, и что же?—жена этого крестьянина родила ребенка съ разсѣченной верхней губой. Прибавляютъ, что отрубленное въ воскресенье полѣно по прошествіи семи лѣтъ, если сохранить его, непремѣнно само загорится и сгоритъ.

Рано по утру въ воскресенье послала богатырка (богатая женщина) свою работницу на ливаду нажать корму для коровъ. Работница, взявши серпъ, отправилась въ ливаду и только что, перекрестившись и сказавши: «Боже, благослови и поможи!» наклонилась, чтобы начать жать траву, вдругъ слышитъ: «Богъ не благословляетъ работы въ праздникъ!» И видитъ передъ собою старика, который приказываетъ ей не жать травы. «Какъ же не жать», говоритъ удивленная работница: «хозяйка приказала мнѣ нажать корму для коровъ?»—Пойди скажи хозяйкѣ, что сегодня большой праздникъ, что работать сегодня грѣхъ. Хозяйка, выслушавъ разсказъ своей работницы, побранила ее и вторично послала за травой на ливаду. Снова появился старикъ и опять запретилъ работницѣ жать. Раскричалась хозяйка на работницу, прогнала ее въ третій разъ и сказала: «иди жни, а не то побью и тебя и того, кто осмѣлился распоряжаться въ моей ливадѣ!» Пришла работница въ третій разъ въ ли-

ваду, перекрестилась и сказала: «Боже, благослови!» И опять услышала слова: «не благословляетъ Богъ работы въ праздникъ» и снова стоитъ передъ нею суровый старикъ, грозно глядятъ на нее гнѣвныя очи и повелительно указываетъ ей на небо рука. Разсердилась хозяйка, узнавъ, что работница не нажала травы, вырвала изъ рукъ у нея серпъ, съ бранью отправилась сама въ ливаду, грозя по своему раздѣлаться съ непрошеннымъ учителемъ. Пришла—никого не видно, только поютъ пташки да на травѣ блеститъ роса. Перекрестилась, сказала: «Боже, благослови!» и хотѣла жать, но тотчасъ же услышала слова: «не благословляетъ Богъ работать въ праздникъ, а караетъ творящихъ беззаконіе». Не испугалась богатырка этихъ словъ, а живо возразила: «посмотрю, кто не позволитъ мнѣ жать на моей ливадѣ: для лѣнтяевъ всѣ праздники! много такихъ праздниковъ въ году! Видишь—Богъ не благословляетъ, да я и безъ Бога нажну травы!» И захвативъ рукою кустъ травы, взмахнула серпомъ... глядь—анъ травы нѣтъ. Выпрямилась трава снова передъ нею, такая высокая, густая, сочная. Опять наклонилась, замахнулась серпомъ... чисто: травы ни стебля. Что за чудо? подумала богатырка: видно голова закрутилась. Протерла глаза—трава опять на мѣстѣ. Въ третій разъ попробовала жать, повторилось прежнее. Увидала тогда богатырка, что воскресенье дѣйствительно великій праздникъ, поняла, что согрѣшила, и говоритъ сама себѣ: пойду къ добрымъ людямъ, спрошу, какъ замолить грѣхъ, или лучше пойду къ попу, пусть наложитъ покуту. «Зачѣмъ идти къ попу—я наложу на тебя покуту,» сказалъ появившійся предъ богатыркою старикъ: «выбирай одно изъ двухъ: три года быть въ ссылкѣ на поселеніи, или три года кормить троихъ дѣтей». Подумала богатырка: если пойти на поселенье, то за три года безъ меня все мое добро пропадетъ, а потомъ и не наживешь; лучше прокормить троихъ дѣтей три года. Какъ только сказала она старику о своемъ согласіи кормить троихъ дѣтей, вдругъ бросились на нее изъ травы три гадюки (змѣи) и повисли, двѣ на грудяхъ, а третья—не знаю гдѣ. Пошла злосчастная женщина ходить по свѣту съ тремя дѣтьми—гадюками: кормитъ ихъ, кается передъ людьми да учитъ ихъ почитать воскресный день. Ходила три года, возвратилась домой. Кончился назначенный срокъ, гадюки исчезли, но и она сама черезъ три дня померла (г. Купянскъ. Со словъ крестьянки Марфы Столяревской).

— Повстрѣчались въ г. Купянскѣ на базарѣ двѣ кумы, одна живущая въ городѣ, другая—въ заоскольскомъ хуторѣ, поздоровались; хуторянка и говоритъ: «а я тоби, кумочко, шось розскажу, шо було моему хлопцеви. На тымъ тыжни погнавъ винъ на стерны скотынку пасты, а

самъ сивъ пидъ копы въ холодокъ. Дывытця, а тутъ иде до ёго старенькій человичокъ съ сиденькою бородкою. Поздоровкався тай сивъ быля нёго и пытае: «чи вміешь ты, хлопче, молытвы».—«Вмію, дидусю», каже мій хлопець. «А ну прокажи!» Хлопець проказавъ, а дидусь и каже: «пидешъ же ты до дому такъ скажи батькови и матери, всимъ домашнимъ и сусидамъ, шобъ диты почиталы баткивъ и материвъ, а батьки та матери жаловалы бъ дитей; шобъ ны лаялысь, ны спорылись, шобъ и съ сосидамы дружно жилы, а найпаче шобъ святу недилю штылы: до церквы ходылы та Богу молылысь. А то, бачъ, Богъ давъ урожай. Урожай хорошій та треба спишиты ёго убраты, а то може кому недостанетця и исты. Будуть дожди таки, шо и копы поплывуть. Гляды, якъ пидешь до дому, то такъ усимъ и розскажи, а тыперъ давай я тоби просця посію». Вынявъ жменю проса тай посіявъ. А воно замисто проса выросло три яблоньки, а на кажній яблоньци по одному яблочку. Дидусь стряхнувъ яблоньки, а яблочки и упалы. Винъ и каже: «ото жъ я стряхнувъ съ тебе, хлопче, уси твои грихи. Завтра приходь опьять сюды.» Вставъ и пишовъ одъ хлопця. Дывытця хлопець ему въ слидъ, ажъ въ его ступенькахъ по писку повно воды стоить,—вода чиста—чиста, якъ слёза. На другій день мій хлопець позвавъ товарищивъ и погналы скотыну на тэжъ мисто. Ждалы, ждалы весь день дида, а винъ и не прыйшовъ. О такъ то, моя кумочко; чого намъ треба ждаты—и самы мы незнаемо, а воно шось та буде»! (Записано со словъ городской кумы, кр. М. Столярской, 10 іюля 1888).

— Пишла одна жинка у недилю вытягаты зъ рички лёнъ, якій тамъ бувъ помоченый нею. Вона, якъ прыйшла до рички, уже було пивдня, начала вытягаты по одніи горстци лёну и выкыдаты на берегъ для сушки. Отъ вона тягала, тягала и вытягла увесь зъ рички лёнъ, тико осталась тамъ одна горстка, вона и за тіею полизла у воду. Якъ стала браты іи—ныможе й выйты на берегъ: такъ днёмъ и ночью стоитъ вона тамъ зъ горсткою, а якъ прыйде недиля, то та жинка усе хлюпоще ту горстку лёну у води и зубамы скрыгоче. Люды бояця іи трогаты. Въ такимъ положеніи вона була зъ мисяць, а потимъ того хтой зна де вона и дилась, никому нызвисно (хут. Маліевъ. Сообщ. уч. М. Нетреба).

— Въ воскресенье молодая замужняя женщина не должна расчёсывать волосъ на головѣ, а не то тѣ волоса, что остаются на гребнѣ, задушатъ во время родовъ ея ребенка, а тѣ волоса, что падаютъ при расчесываніи головы на полъ, улетятъ въ 12 домовъ и причинятъ тамъ кому нибудь болѣзнь пальцевъ, такъ называемую «волосъ» (сл. Ново-Николаевка. Сообщ. уч-ца А. Склобинская).

— У недилю жинкы ӧвси не чешутця, а дивкы до окончанія службы--грихъ (сл. Шейковка).

— Въ недилю жытного хлиба не годытся пекты, а то Богъ въ поли хлибъ запече (сл. Ар.).

2. Понидилокъ (понедѣльникъ).

Этотъ день весьма почитается малороссіянками и олицетворяется ими въ видѣ старика, встрѣчающаго и провожающаго души умершихъ на пути ихъ въ загробную жизнь. Еще изстари многія женщины въ малороссіи «понидилкувалы»; да и въ наше время большинство старухъ—хуторянокъ не ѣстъ по понедѣльникамъ скоромной пищи, чтобы, какъ онѣ объясняютъ, имъ послѣ смерти легче было идти по дорогѣ въ будущую жизнь: «Якъ старому скверно йты на гору бизъ палки, такъ и на той свитъ скверно йты бизъ понидилка». «Мы не имо скоромнаго въ понидилокъ за тымъ самымъ, шо на тимъ свити Понидилокъ—перва стрича: стрине насъ и проведе; того, хто ёго почитае, за того и винъ заступытця на тимъ свити». (см. Н. Н.).

Иныя изъ крестьянокъ во время болѣзни даютъ обѣтъ постить по понедѣльникамъ; другія—вслѣдствіе совѣта стариковъ, третьи—изъ подражанія; вообще же «понидилкують» весьма многія.

— Довго хворала одна жинка и сказала: «якъ выздоровію, то буду понидилкувать». Выздоровила вона и понидилкувала годивъ три. Разъ вона забула, що понидилокъ, и попоила каши съ саломъ; а здумала про понидилокъ тоди, якъ наилась уже каши. Дило було вечеромъ. Наившись каши, полизла жинка на пичь и заснула. Спала—выспала, а шось торкъ іи за плыче,—вона глянула, а воно сидый дидъ сыдыть у куточку та й каже: «ты нашо сёгодня ила кашу съ саломъ? Гляды-жъ! у другый разъ шобъ сёго ны було, а то бырыжись»! И дидъ хто-зна де й дивсь. Тоди та жинка догадалась, шо до неи являвсь понидилокъ. (Х. М.).

— Я понидилкую, говоритъ крестьянка, ще покойни родытели, дай Богъ царство ихъ души, понидилкувалы, такъ и я звыкла. А ось недавно на старосты литъ Богъ наказавъ. Дома нашихъ никого не було, тилько я одна, такъ я у ныдилю и до церквы не пишла, и у слободи не була; такъ коло хозяйства прогаяла весь день: то сэ, то тэ робыла. У насъ на хутори якъ до церквы не пидешъ, такъ мовъ и не праздныкъ. Въ понидилокъ ранкомъ встала и байдуже якій день; подоила корову,—у печи не топыла: одна, ни къ чему—, справылась коло хаты, зъила

шматокъ хлиба и пишла на огородъ. Полола до обидъ. Сонце стало на обидъ, я въ холодку лягла, спочила, та опьять за тэжъ. Бачу сусиды вже повднычають и мини исть захотилось, ажъ коло серця пече. И чого жъ?—кислого молока забажалось. Пишла въ хату и поила того молока; сама й байдуже якій день; съ тымъ и спаты лягла, не схаменулась. Тилько шожъ мини приснылось? Неначе якій-сь праздныкъ; я пораюсь коло печи и думаю иты до церквы, а не дуже, бачъ, поспишаю, а самій исты хочетця. Ото неначе узяла выдризала на правой руци палець, посолыла та й зъила. И такій винъ мини гарный, солодкій здавсь, ажъ поцмакувала, та й стала вбиратьця до церквы, а руку, бачъ, усе ховаю, шобъ не побачылы, шо у мене одного пальца нема. Пишла, иду и усе руку ховаю. Дохожу неначе до слободы, дывлюсь, а люды зъ церквы идуть—я опизнылась. Шо тутъ робыть? Стыдно иты на зустричь людей, треба сховатьця. И думаю, зайду у хату до кумы, побалакаю, неначе я зъ церквы, а тамъ выйду видъ кумы и пиду за народомъ назадъ,—воны думатымуть, шо я зъ церквы иду. И такъ мини стало стыдно и страшно: боюсь, шобъ не дозналы, шо я палець зъила та зъивши до церквы пишла, а у церкви не була, а людямъ сбрехала, шо була. Съ тымъ я прокинулась (проснулась) та й думаю: къ чому той сонъ? Та вразъ, якъ мене хто товкнувъ: а вчера поныдилокъ, а ты молока наилась! наилась, поганка, душу засквернила та й байдуже?! Тожъ мини грихъ, указаніе, шо я не достойна у храмъ питы (сл. Тарасовка, сообщ. уч-ца В. Свѣтъ).

— Понедѣльникъ считается тяжелымъ (важкимъ) днемъ, по этому въ понедѣльникъ не начинаютъ никакого большого дѣла.

— Не слѣдуетъ выѣзжать въ дальнюю дорогу—случится несчастіе.

— Не годытця надиваты билои (чистой) сорочки, або штанивъ, а то не мынешъ напраслыны.

— Не снуй холста—грѣхъ: Богъ въ этотъ день основалъ міръ.

— Не заваривай квасу—въ семьѣ будетъ утопленникъ.

— Не дѣлай щелоку для бѣлья, или, въ случаѣ необходимости, сдѣлавши, выпей его три ложки, иначе на томъ свѣтѣ будутъ заставлять пить его изъ тѣхъ яичныхъ скорлупокъ, что выбрасываются, а не сжигаются, какъ слѣдовало бы дѣлать и какъ дѣйствительно дѣлаютъ знающія хозяйки.

— Если замужняя женщина будетъ мыть себѣ голову 12 сряду понедѣльниковъ, не пропуская ни одного, то у нея умретъ мужъ (Н. Н.),

— Родившійся въ ночь подъ понедѣльникъ будетъ вѣдунъ, знахарь; для этого по понедѣльникамъ мать не должна давать ребенку груди, а когда подростетъ, долженъ по понедѣльникамъ постить.

— Не слѣдуетъ солить въ этотъ день мясного въ прокъ: будетъ не вкусно и скоро испортится (сл. Покровскъ).

— Нельзя ніякого дила начынать робыты (продолжать уже начатое можно): важный день. Хто начне яке небудь дило въ понедилокъ, то вже не зробе его, якъ слидъ. А ще потому въ понедилокъ ничого нельзя начинаты, шо перве (?) прешествіе на тимъ свити буде въ понедилокъ (сл. Ар.).

3. Вивторокъ (вторникъ).

Вивторокъ (вторникъ) считается днемъ легкимъ, благопріятнымъ для начала работъ. Однако, приступая къ какому-нибудь важному дѣлу, напр., къ постройкѣ хаты, избираютъ преимущественно тѣ изъ вторниковъ, когда церковь вспоминаетъ преподобныхъ, а не мучениковъ, такъ какъ начинать дѣло въ день, посвященный памяти мученика, вообще не слѣдуетъ: будешь только мучиться съ нимъ, а толку никакого не будетъ.

4. Середа.

Середа—постъ. Ѣсть въ этотъ день скоромное считается, по мнѣнію старухъ, незамолимымъ грѣхомъ. Такъ могутъ дѣлать только «бусурмане, мухамеды, турки, нехристи, жиды». Даже и больной не долженъ въ середу, равно какъ и въ пятницу, ѣсть скоромнаго, чтобы такой пищей «не засквернить своей души», потому что и выздоровленіе послужитъ лишь «на погибель его души».

— Одна жинка ны почытала сырыды и ила скоровне тайкомъ, шобъ никто изъ симейныхъ про це ны знавъ и ны уприкавъ іи въ цѣму гриху. Одынъ разъ вона сила исты жарыну гуску, дило було у серыду. Ажъ ось у хату входе чоловикъ тіи жинки, а вона мырщій заховала гуску пидъ горщокъ и сила на лави. Мужъ іи и пытае: «шо то таке у горшку наче ворушиця»? и указуе прямо на той горщокъ, де гуска. А жинка и каже: «ныма ничого»! Винъ подывывся у той горщокъ, а тамъ чирыпаха здорова-здорова сыдыть, и очи такъ и вытрищила. Воны тоди обое злякалысь тіи чирыпахы та зъ хаты! Пырыгодя увійшлы— ныма у горшку ни чирыпахы, ни гуски. Посли цѣго случаю та жинка було покаялась, а дали опьять за свое: начала нарушаты серыду. Тоди Богъ наказавъ іи золотухою (х. М.).

Середа олицетворяется въ видѣ женщины и въ народныхъ разсказахъ не рѣдко смѣшивается съ святою пятницею. Она посѣщаетъ по ночамъ хаты, принимаетъ близкое участіе въ женскомъ хозяйствѣ, наказываетъ

женщинъ лѣнивыхъ или работающихъ не въ урочное время, и помогаетъ чтущимъ ея день въ ихъ занятіяхъ по хозяйству.

— Въ середу дѣвушкамъ не слѣдуетъ мыть головы, заплетать косъ, иначе волоса перестанутъ рости и коса будетъ плохая.

— Замужней женщинѣ тоже не годится мыть головы и расчесывать волосъ,—преступившая это будетъ сильно страдать во время родовъ и до тѣхъ поръ не разрѣшится, пока святая Середа не переберетъ у нея по одному волоску всѣхъ волосъ на головѣ.

— Никому не слѣдуетъ мыть въ среду головы, иначе голова будетъ болѣть.

Подъ Середу не годитця бросаты па гребини мычку, а то Середа буде іи допрядаты и спихъ одбираты (сл. Араповка).

— Въ середу нельзя сновать пряжи—будешь ошибаться: перемоты будутъ, перепутается.

— Въ середу якъ начнешъ бильё шиты, то буде вошиве (сл. Шейковка).

5. Четверъ (четвергъ).

Четверъ (четвергъ)—день рабочій по преимуществу; запретъ простирается на немногія лишь работы, главнымъ образомъ на дѣланіе въ этотъ день «сиривцю» (хлѣбнаго квасу), да и то, приготовивъ его первый разъ въ чистый четвергъ, можно потомъ дѣлать его уже и круглый годъ во всѣ четверги, или же, при необходимости, сдѣлавши квасъ въ четвергъ, надо его три раза перекрестить и затѣмъ попробовать, чтобы онъ былъ початый, такъ какъ въ непочатомъ квасу, сдѣланномъ въ четвергъ, а равно и въ понедѣльникъ, черти купаютъ своихъ дѣтей.

— Въ четверъ ны годытця сиривцю вварюваты, въ тымъ сиривци буды нычиста сыла купатьця и страву соби зъ его варыты (сл. Преображенная).

— Негодыться въ четверъ уварываты сыривцю, а якъ уже дуже треба, то, якъ уварышъ, положи у нёго навхрестъ четыре уголька. Такъ, бачъ, годытця, такъ мои стари робыли и мене училы (сл. Н.-Н.).

Говорятъ, что въ четверговомъ квасу купается всякая нечисть вообще: водяные, русалки, утопленники.

— «Була въ одній слободи одна така бабка (повитуха), шо іи вси клыкалы бабуваты, а друга така, шо пошты нихто не клыкавъ. Отъ одынъ разъ ця друга баба розсердылась, шо іи нихто не клыче, та й каже: «хоть бы мене якый чертъ поклыкавъ бабуваты». Въ тужъ ничь прыихало шось тройкою киньмы за тыю бабою, клыче іи бабу-

ваты. Вона рада, мерщи зибралась и поихала. Прывезлы іи въ дворъ; дывытся вона, а въ двори не хата, а горныця. Вона ще дужче зрадила: дума, шо іи до пана прывезлы бабуваты. Ввелы іи въ горныцю до породили, и давай вона тамъ бабуваты. Отъ тилко родылась дытына, а хазяинъ и каже работникамъ: «пидитъ и заберитъ сиривець у тыхъ жинокъ, шо въ четверъ уварювалы: треба въ ёму выкупаты породилю и дытыну; а тоди впьять однеситъ его туды, де бралы». А баба и дума: для чого отъ винъ велыть оце робыты? Отъ сталы хрыстыны справляты. Дывытся баба—чудни хрыстыны: и кумивъ не клыкалы, и дытыны до пана не посылалы, не посылалы хрыстыты, а тилко зибралы гостей, посажалы за стилъ и подають имъ исты жабъ жаренвіхъ. Догадалась тоди баба, що це ій прыйшлось бабуваты у водяного, и такъ вона злякалась, шо насылу жива диждалась, поке іи одвезли до дому, та съ тыхъ поръ николы не ходыла бабуваты». (сл. Араповка. М. Скубакъ).

— Отъ Пасхи до Вознесенія по четвергамъ не золятъ (не бучать) бѣлья, «щобъ зона хлиба не нападала.

— Въ четвергъ не слѣдуетъ сѣять и насаживать бакчи, а не то народится множество червей и подъѣдятъ всѣ всходы.

— Въ четверъ пеззя золыты,—коровьяче масло неудачне будетъ (сл. Шайковка).

6. Пьятныця (пятница).

Пьятныця (пятница) день постный, олицетворяется въ видѣ дѣвушки; пользуется среди крестьянокъ большимъ уваженіемъ, хотя образъ ея въ народномъ представленіи смѣшивается съ образомъ Доли. Почитанія пятницы, кромѣ церковнаго культа, поддерживается обращающимися въ народѣ печатными и рукописными сказаніями о 12-ти пятницахъ. Сказанія эти нерѣдко присоединяются къ извѣстнымъ апокрифамъ: «Сонъ Богородицы», «Хожденіе Богородицы по мукамъ,» «Эпистолія о недѣлѣ» «Іерусалимскій свитокъ», встрѣчающимся въ домахъ мѣщанъ и у грамотныхъ крестьянъ.

— Кто не постить въ пятницу, къ тому въ этотъ день ночью приходитъ подъ окно свята Пьятынка и голосе стоя пидъ викномъ, или станетъ у изголовья, горько плачетъ и проситъ Матерь Божію помиловать этого грѣшника или грѣшницу. Если послѣ двухъ явленій св. Параскевы не послѣдовало покаянія и исправленія, то третье появленіе святой дѣвы смертельно: тотъ, кому она явится въ третій разъ, скоро умретъ (сл. Т.).

— Бувъ такій чоловикъ, шо ны почитавъ ни середы, ни пьятници; живъ винъ у панивъ у роботныкахъ. Разъ панъ пославъ его въ поле объихаты степъ и на стогы подывыця. Винъ, якъ прыихавъ до стогивъ, заразъ вынявъ хлѣбъ и сало, та й началъ йсты пидъ однымъ стогомъ. Дило було у пьятныцю. Тилко винъ узявъ у руки сало, гадюка изъ стога заразъ ему прямо на руки и укусыла его—ны успивъ и сала зъисты: руки попухлы и винъ ускорахъ умеръ. Людей, живущихъ на стыпи и ны почитающихъ постивъ, Богъ наказуе укушеніемъ гадюки, а не то нападе пропасныця (лихорадка).

— Бувъ въ одному манастыри такій манахъ, шо ны почитавъ ни середы, ни пьятныци. Разъ винъ у пьятныцю и въ куряч и яйца, а архимандрить случайно зайшовъ до его у келію. Винъ тоди ти яйця, шо ивъ, заховавъ у рукавъ. Архимандрить тоди и каже ёму: «повыкидай гадюки зъ рукава, шо заховавъ!» Той манахъ хотивъ яйця повытрусюваты, колы вытрусывъ, а воно гадюки посыпалысь, та такъ и пыщать! Тоди архимандрить прыстыдывъ манаха, шо винъ ны сполнявъ манашескій долгъ и цымъ прогнивавъ Бога. Напала того манаха пропасныця и довго мучила ёго (х. М.).

— Полаявся одынъ сапожныкъ съ сыномъ и сивъ чоботы шиты, а дило було у святу Пьятныцю. Отъ винъ, якъ ставъ шиты, та усе шиломъ себе нычаянно и шпыгне у щеку, и шпыгне. И покы шпыгавъ, покый попавъ собы шиломъ у воко и выколовъ ёго. Посли цёго случаю винъ ставъ слипый на одно око, и ставъ всимъ людямъ заказуваты, шобъ штылы святу пьятныцю (х. М.).

— Въ пьятныцю прясты грихъ. Особенно большой грѣхъ прясть на прялкѣ, которую выдумалъ нечистый. Прясть на прялкѣ это все равно что въ этотъ день танцовать, то есть оскорблять святую дѣву Пятницу.

— Ныгодытця въ пьятныцю прясты. Хто въ пьятныцю пряде, той веретенамы тыка и гребанкамы быре св. дивоньку-Пьятинку. Свята Парасковія-пьятинка постоянно Бога молы о насъ гришныцяхъ. Вона довго терпытъ, а якъ бачы, що хто и ны дума каяця, того и наказуе. Стари люды розказують, що було десь такъ: Жило соби дви ятровкы, одна же штыла пьятныцю, а друга ни. Отъ разъ въ пьятныцю у вечери перва такъ по хазяйству справлялась, а друга сыдыть та мычки мычи. Перва уже й справылась и лягла, а та знай, мычи, мыкала до пивночи, а дали и соби лягла спаты. Це въ саму глупу ничь чуе перва, що шось скрыпнуло двырьмы; дывыця, ввійшла якась дивка зъ роспущенныкъ волосьямъ и вся зтыкана и зодрана. «Дывысь!» каже Пьятинка,—бо

це вона була,—дывысь, якъ твоя ятровка мыне зтыкала та зидрала! Я вже тырпила, тырпила, тай мочи ны стало, а оце прыйшла й покараты; тилко ты ны кажи ій, щобъ я ны робыла, а то и тоби те буде! «А дали пидойшла до спящой, зризала у неи черыпъ, зибрала кострыцю, що мыкалныця натрусыла зъ прядыва и насыпала ій въ голову, а потимъ того черыпомъ накрыла та й и изцилыла. Просыпаиця та пряха вранци, а въ неи голова такъ булыть, що й на свитъ ныззя дывыця. Болыть голова въ неи годъ, болыть другый; вже вона що—ны—що: и всихъ бабокъ обходыла,—ничого ны помогаиця. Змылосердылась надъ нею св. Пьятинка, прыйшла опьять въ одну ничь до ятровки та й каже: «Посовитай, начы видъ себы, своій прясиштыты Пьятинку, то голова іи пырыстаны булиты. Отъ уранци та опьять на голову жалиця, а ятровка ій и посовитувала обрыктысь ны прясты въ пьятныцю. Та послухала. Проходы мисяць, голова іи ны такъ булыть, проходы другый, ще лехчы стало, а дали й совсимъ голова пырыстала булиты (сл. Пря.).

— Треба противъ сырыды и пьятныци пыредники допрядаты, а то Доля буды плакацця, що ій ны дають и въ ночи спочиты (тамъ-же).

— Золыты полотно, або сорочки въ пьятныцю—грихъ. Одна жинка золыла въ пьятныцю. Прыходять до неи Богъ та святый Петро тай кажуть: «сегодня грихъ золыты: сегодня пьятныця! и за тэ, що ты се робышъ, выбырай соби яке хочь наказаніе съ трехъ: або дви жмени горячои золы зьижъ, або дви ложки горячого щелоку выпый, або двохъ блызнятъ выгодуй». Вона й согласылась блызнятъ годуваты; а ій дви гадюки и впьялось въ груды. Такъ вона й ходыла по всій слободи шобъ уси люды дывылысь на неи та каялысь и ны золылы въ пьятныцю (сл. А.).

— Въ пятницу не должно спускать щелоку, а то на томъ свѣтѣ будутъ печь балабухъ изъ той золы, что служила для щелока, и кормить имъ тѣхъ, кто это дѣлаетъ (сл. Н. Н.) или, «бо на тимъ свити того будуть лугомъ (щелокомъ) поиты, а щобъ цёго наказанія не тырпиты, такъ треба, якъ золыты, три ложки лугу выпыты» (г. К.).

— Въ пятницу грѣхъ прясть, мазать и бучить бѣлье въ щелокѣ, мыть же въ одной водѣ можно, не грѣшно.

— Беременная женщина не должна въ пятницу бучить бѣлья, а также расчесывать на головѣ волосъ, а не то во время родовъ будетъ сильно страдать, такъ какъ «св. пьятыночка—матиночка» не придетъ къ ней на помощь (г. К.).

— Дѣвушкѣ не слѣдуетъ въ пятницу пѣть, иначе она не найдетъ себѣ хорошаго жениха (сл. К-я).

— Въ пятницу не должно заваривать квасу, а то въ семьѣ будетъ утопленникъ (г. К.).

— Въ пятницу орать плугомъ—грѣхъ, сохою же можно. Старики передаютъ, что въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ Купянской волости запрещали орать по пятницамъ, потому что признавали предыдущіе неурожайные годы наказаніемъ за работы въ поляхъ въ пятницу. Говорятъ, что передъ тѣмъ въ окрестностяхъ г. Купянска (гдѣ именно—не знаютъ) образовалась въ землѣ глубокая трещина, щель, куда нарочно спускали на веревкѣ человѣка. Тамъ онъ нашелъ келійку, а въ ней горящую передъ иконой лампадку и стоящую на колѣняхъ, молящуюся дѣвушку. Дѣвушка худая, блѣдная, вся въ ранахъ: истыканная, изрѣзанная, изрубленная—была никто иная какъ святая Пятница. Она молилась Богу и просила Его не карать людей голодомъ за непочитаніе ея дня.

Многія изъ старухъ чтутъ въ году 12-й пятницъ. Въ эти дни онѣ соблюдаютъ самый строгій постъ и ничего не ѣдятъ до захожденія солнца. Вотъ эти сказанія о двѣнадцати пятницахъ:

Первая пятница на первой недѣлѣ Великаго поста. Кто въ эту пятницу поститъ, тотъ напрасною смертью не умретъ (сл. Дв-я).

— Тотъ человѣкъ отъ грѣхопаденія сохраненъ будетъ (г. К.).

2-ая —предъ Благовѣщеніемъ. Кто въ эту пятницу поститъ, тотъ отъ напраснаго убійства сохраненъ будетъ (сл. Дв-я).

— Отъ внезапной смерти... (г. К.).

3-я—на Страстной недѣлѣ—отъ непріятеля сохраненъ будетъ (сл. Дв-я).

4-я—предъ Вознесеніемъ Господнимъ—отъ потопленія на водахъ с. б. (сл. Дв-я п. г. К.).

5-я—предъ Сошествіемъ Святаго Духа.—Отъ страха и меча с. б. (сл. Дв-я)—отъ остраго меча с. б. (г. К.).

6-ая—предъ рождествомъ Іоанна Предтечи.—Отъ великаго недостатка и скудности с. б. (сл. Два).—передъ днемъ пророка Иліи.—Отъ великой муки сохраненъ будетъ (г. К.).

7-ая—предъ днемъ пророка Иліи.—Отъ грома и молніи с. б. (сл. Дв-я).

— предъ Успеніемъ Пресвятыя Богородицы.—Отъ великаго смущенія и отъ трясовицы с. б. (г. К.).

8-мя—предъ Успеніемъ Пресвятыя Богородицы.—Отъ искушенія, трясовицы и огневицы с. б. (сл. Дв-я).

— предъ Кузьмою и Демьяномъ.—Отъ великаго грѣха (г. К.).

9-ая—предъ днемъ Косьмы и Даміана.—Отъ великаго смертнаго грѣха с. б. (сл. Дв-я).

— Предъ архангеломъ Михаиломъ.—Имя того человѣка будетъ написано на престолѣ (г. К.).

10-ая—предъ днёмъ Архистратига Михаила.—Имя будетъ написано на престолѣ у Пресвятыя Богородицы (сл. Дв-я).

11-ая—предъ Рождествомъ Христовымъ—тотъ передъ смертію узритъ Богородицу (сл. Дв-я с. г. К.).

12-ая—предъ Крещеніемъ Господнимъ.—Имя того человѣка будетъ записано у самого Господа Іисуса Христа (сл. Дв-я)—на престолѣ въ концѣ именъ ангеловъ (г. К.).

— Въ пятницу дивчатамъ слидуе чесаться и мыть голову, щобъ чоловикъ гарный бувъ, а замужнымъ женщинамъ—не годытся: скилько волосся вылизе, стилко мукы перенесе, якъ буде рожаты. Въ пьятныцю прясты грихъ,—шыты можно (сл. Ар.).

— Въ пьятныцю якъ не успіешь покраяты, то въ субботу неслидъ начинаты, такъ якъ послидній день, послидня робота: «суббота не робота»; а колы начнешъ, такъ и кончы, бо якъ не кончышъ, то умрешъ (сл. Шейковка).

7. Суббота.

Суббота—не работа: помый, помажъ тай спаты ляжъ. Такъ говоритъ пословица, но въ дѣйствительности суббота для крестьянки одинъ изъ наиболѣе тяжелыхъ рабочихъ дней недѣли. Сверхъ обычныхъ ежедневныхъ работъ, каждая хорошая хозяйка—малороссіянка въ субботу обязательно смоетъ начисто столъ и всѣ въ хатѣ лавки, смажетъ доливку (земляной полъ хаты) и припечекъ,—впрочемъ въ горячее рабочее время ограничивается однимъ припечкомъ и небольшимъ пространствомъ около печи,—согрѣетъ воды (окрипу) или щелоку (лугу) помыть мужу и дѣтямъ голову и приготовить всей семьѣ чистое бѣлье. Малороссы надѣваютъ чистое бѣлье въ субботу на ночь и вообще наканунѣ праздника; они вѣрятъ, что не соблюденіе мужемъ и женою чистоты наканунѣ праздниковъ или постовыхъ дней влечетъ за собою рожденіе дѣтей съ разными физическими недостатками, болѣзненныхъ, уродливыхъ, недолговѣчныхъ. Изъ уваженія къ воскресному дню большинство родителей не позволяетъ своимъ взрослымъ дѣтямъ ходить по субботамъ на вечерницы.

— Въ субботу не слѣдуетъ начинать новаго дѣла, потому что и свѣтъ (твореніе) въ субботу кончился.

— Не слѣдуетъ бучить холста—случится пожаръ.

Говоря о почитаніи народомъ воскреснаго дня, середы и пятницы, нельзя обойти молчаніемъ такъ называемаго «свитка или списка іеруса-

лимскаго», и такъ какъ онъ довольно распространенъ среди грамотныхъ крестьянъ и пользуется во мнѣніи народа извѣстнымъ значеніемъ.

Въ сказаніи, обращающемся въ г. Купянскѣ, находимъ слѣдующее: «Списокъ Іерусалимскій. Бысть во святомъ градѣ Іерусалимѣ явленіе великое и предивное чудо: во святой Божіей церкви гласъ глаголюще невидимый къ людямъ и спаде съ небеси камень малъ и студенъ во второмъ часу дня. Патріархъ же Іерусалимскій, узнавши сіе чудо, собралъ весь церковный причетъ и служили обѣдни и молебни три дня и три ночи; на четвертый день развалился тотъ камень на двое и обрѣте въ немъ списокъ сей написанъ золотыми литерами, а въ немъ пишетъ самъ Господь Іисусъ Христосъ:

Послушайте, людіе мои, пишу къ вамъ двѣнадцатое посланіе: небо и земля мимо идутъ, а слово мое Божіе мимо не проходитъ, а прійдетъ на второмъ суду Божіемъ. И знайте вы, окаянные человѣци, многіе года и времена ваши проходятъ, послѣдніе дни приближаются, страшный судъ готовится и дѣла ваши темныя обвиняются. Рече Господь Іисусъ Христосъ: «тогда Азъ самъ прійду судить живыхъ и мертвыхъ и воздамъ каждому по дѣлахъ ихъ». Безумные человѣци, сотворите любовь и правду между собою и другъ друга любите, воскресенье Христово и праздники Господни, а также среду и пятницу почитайте, ибо въ пятницу сотворилъ Господь перваго человѣка на земли и въ ту же пятницу меня жидове на крестѣ распяша, руци и нози ко кресту пригвоздиша и терновъ вѣнецъ на главу мою святую возложиша, лице мое святое заплеваша, желчію мя напоиша и ребро мое копьемъ прободоша—за неправду вашу и за беззаконія ваши, но Азъ въ третій день воскресъ изъ мертвыхъ и всѣхъ умершихъ воскресилъ и Адъ разрушилъ. А потому долженъ всякій человѣкъ почитать Воскресенье Христово и праздники Мои Господни, а который человѣкъ по воскресеньямъ и праздникамъ работаетъ и тотъ сбираетъ на главу свою огонь вѣчный и труда его напрасно пропадаютъ. Я вамъ далъ законъ Божій и заповѣди, Евангеліе, святое крещеніе, а вы, безумные человѣци, Моего закона не исполняете и моего повелѣнія не слушаете. Азъ повелѣлъ вамъ въ воскресенье и въ праздники въ церковь Божію ходить, имя Мое Господне прославляйте и о грѣхахъ своихъ молитеся, что въ шесть дней согрѣшили, кайтеся Богу; другъ друга любите, матерными словами не ругайтесь, сиротамъ и вдовамъ милостыню подавайте съ любовью, за то и сами помилованы будете на томъ суду, ибо они за васъ день и ночь Богу молятся до смерти. А вы, безумные человѣци, хуже какъ невѣрные языцы, которые и Бога не знаютъ, молятся по своему закону, а нищимъ милостыню творятъ. Я

вамъ далъ законъ Божій, а вы дѣлаете на землѣ неправду. Терпѣливъ и многомилостивъ, не до конца прогнѣваюся на васъ окаянныхъ, но еще ожидаю покаянія отъ злыхъ дѣлъ вашихъ. Ежелибъ не молилася за васъ мать моя, Пресвятая Бородица, давно бы горькою смертію померли; да еще за васъ, окаянныхъ, молются Ангелы—хранители. Но еще упоминаю вамъ, ежели не будете почитать праздниковъ и постовъ, напущу на васъ невѣрныхъ языцъ, которые и прольютъ кровь вашу за беззаконія ваши; когда не покаетесь, то напущу на васъ великій голодъ, громъ, молнію, дабы вы узнали гнѣвъ мой и просили бы о грѣхахъ своихъ прощенія. Еще вамъ упоминаю, въ воскресенья и праздники въ церковь Божію ходите и о грѣхахъ своихъ кайтесь Богу, ежели вы сего не послушаете, то напущу на васъ птицъ, у нихъ носы желѣзные, поѣдятъ вашъ родъ. Еще завѣщаю вамъ, дабы въ субботу после вечерни не работали Пречистыя ради Богородицы, ежели бы не молилась объ васъ Богу, такъ давно бы горькою смертію померли, потому долженъ всякій человѣкъ, старый и малый, ходить въ церковь Божію и просить о грѣхахъ своихъ прощенія. А вы, людіе мои, клянетися небомъ и землей, не клянитеся, довольно того, что сотворилъ васъ по образу и по подобію Божію, а вы слова моего не слушаете, Я же вамъ далъ заповѣди: другъ друга любите, отца и матерь почитайте, матерными словами не бранитесь. Ежели по закону будете исполнять получите отпущеніе грѣховъ и подамъ вамъ царство небесное.

Еще упоминаю вамъ, дабы вы вѣрили сему писанію. Если который человѣкъ будетъ вѣровать и оный листъ при себѣ носить, въ чистотѣ содержать или списывать и въ разни дома раздавать и прочитывать людямъ, хотя бы на немъ было грѣховъ, какъ на небѣ звѣздъ или какъ въ морѣ песку, то отпустятся ему всѣ грѣхи и наслѣдуетъ царство небесное. И Богу нашему слава и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь».

Въ заключеніе помѣщаемъ одну двѣ небольшихъ пѣсни о дняхъ недѣли, первая записана въ слободѣ Араповкѣ, вторая въ г. Купянскѣ.

Понедилокъ — важный день:
Ввесь день пролежала,
А въ вивторокъ снопивъ сорокъ
Пшеныци нажала;
А въ середу возыла,
Въ четвергъ молотыла;
А въ пьятныцю віяла,
А въ субботу миряла;
А въ недиллю продала
И грошыкы пропыла.

Выпьемо, куме, ще й съ понидилка.
Ой зложимось, куме, копіёкъ по сорокъ,—
Выпьемо, куме, ще й у вивторокъ (2-жды).

Поженемъ, куме, корови въ череду,—
Выпьемо, куме, ще й у середу (2-жды).
Пылы вчора, пьемъ же и теперъ,—
Выпьемо, куме, щей у четверъ (2-жды).
Продамо, куме, рябу тылицю,—
Выпьемо, куме, ще й у пятныцю (2-жды):
Покончаемъ, куме, свою роботу,—
Выпьемо, куме, ще й у субботу (2-жды).
Ой сложымо, куме, мы свое дило,—
Выпьемо, куме, ще й у нидилю (2-жды).

(Отъ крестьянки Евгенiи Гарьковой).

П. В. Ивановъ.

Г. Купянскъ, Харьковской губ.

VIII.

Изъ этнографическихъ рукописныхъ матеріаловъ предварительнаго комитета XII археологическаго съѣзда.

Мною сдѣланъ былъ краткій обзоръ всего рукописнаго матеріала, поступившаго въ предварительный комитетъ; эта работа передана мною въ распоряженіе съѣзда въ рукописи. На нѣкоторыхъ частяхъ этого матеріала, случайно, по моимъ личнымъ симпатіямъ, я остановился нѣсколько подробнѣе, сдѣлавъ краткій сводъ по возможности всего матеріала по отдѣльнымъ вопросамъ. Два этихъ вопроса: 1) о кобзаряхъ и лирникахъ и 2) о писанкахъ напечатаны въ «Запискахъ Императорскаго Харьковскаго Университета» за 1902 г. Въ настоящей замѣткѣ я собираюсь дать краткое обозрѣніе сырого матеріала по вопросу о заговорахъ (заклинаніямъ, шептаніяхъ и проч.). Частью этого матеріала я уже воспользовался въ своей работѣ, посвященной заговорамъ, которая печатается въ «Русск. Филол. Вѣстникѣ».

Буду и въ настоящей замѣткѣ придерживаться порядка, принятаго мною въ названной статьѣ,— располагать матеріалъ по тому, насколько употребителенъ тотъ или иной заговоръ.

1. *Отъ лихорадки:* «Каженка, каженка, пойди ты до воды, кого встрѣтишь, того и напади» (Доставлено учителемъ изъ хутора Топольскіе Пески, Купянскаго уѣзда, Харьковской губ.).

2. *Отъ сглаза:*

«Брала Матырь Божа водыцю,
Брала и хрестамы охрещала
И отъ орокивъ помогала,
И вроки и пророкы
И мужеськи и женьски,
И хлопьячи, и дивчачи
И подумани и погадани

И изъидени, и позавистувани,
И тутъ вамъ не стояты на р. Б. N
И червоній кровы не мутыты
И щырого сердця не сушыты».
(Изъ хут. Соленаго Купянск. у., Харьк. губ.).

3. *Отъ крови:* Иде чоловикъ рудый, кинь рудый, узда руда, удила руди, сидло руде, стримена руди, подпруга руда. И ты, руда, стій, не иды туда». (Говорить 9 разъ не переводя духу. Доставлено учителемъ хутора Нижній-Соленый, Купянскаго уѣзда, Харьковской губ.).

4. *Отъ зубной боли:* а) Молодый молодыче! тоби въ сповни, мени въ здоровьи.—Есть у насъ тры цари: одынъ Небесный, другой—земный, а третій—у лиси.—Якъ зійдуцьця воны земли межувать, тоди въ нарожд., молитв. N. зубы заболять». (Доставлено свящ. Шостенко г. Харькова Свято-Духовской церкви).

б) «Мѣсяць на небѣ, рыба въ води, медвидь въ лиси, комарь на крыши. Якъ сіи четыре братіи вмисти сойдутся, тоди у мол., хрещ. р. Б. (v. рабы) N. будуть зубы болиты. Нехай воны заниміють закаменіють, затвердіють на викы виковъ». (Доставлено учителемъ слоб. Куземовки, Купянскаго уѣзда, Харьковской губ.).

в) «Аминь (3 р.)! Мисяцю молодый! Було васъ тры цари: одинъ царь земной, другый—небесный, третій—водяный. Вы вмисти сыдилы, раду радылы: одъ зубивъ шепталы. Не я шепчу, Пресвята Дива Богородыця шептала своимъ святымъ духомъ и N. молытвамы отъ зубивъ помогала». (Доставлено учителемъ хутора Соленаго).

5. *Отъ «бешихи»* (рожистаго воспаленія): «Бешихо, бешишице, може ты жиноцька, а може дивоцька, може парубоцька, я тебе вызываю, я тебе выклыкаю, я тебе посылаю; пиды соби на болота, на очерета, де витеръ не віе, де сонце не гріе, де люды не ходють, де коровы не бродють, куды питушыный голосъ не долитае; тамъ соби поселысь, тамъ соби коренысъ, тутъ тоби не стояты, билои косты не ломыты червонои кровы не пыты, билого тила не сушыты, нарожденого, крещеного, молитвеного N. не зводыды. Тьфу! (плюетъ) сгынь; сгынь—пропады» (читать 3×9 разъ). (Доставлено свящ. Шостенко г. Харькова Свято-Духовской церкви).

6. *Отъ «мышныцъ»* (дѣтской безсонницы) (Носить больное дитя на насѣстье къ курамъ три утреннихъ и 3 вечернихъ зари, всякій разъ приговаривая):

«Якъ пиду я въ лисъ,
А въ лиси Зміивна,

А въ неи сынъ Максымъ,
А въ мене сынъ (v. дочь N.).
Мы жъ покумаемось
Мы жъ побратаемось,
Мы жъ и посестрымось!
Зміивна, Зміивно!
Возьмы у мого сына (v. дочери N.)
Мыщныци и раньни, и пиздни,
И нични, и полуничьни
И зоряни и вечерни».
(Изъ хутора Соленаго, см. выше).

7. *Отъ «крыклывцивъ»* (когда дитя много и сильно плачетъ, несуть его «пидъ верхъ» (подъ дымовую трубу), встряхиваютъ головою внизъ, говорятъ 3 р.):

«Вы крыкливци,
Вы плаксивци,
Пидить у верхъ,
А на мою дытыну
Пишлы, Господы, сонъ да дримоты».
(Изъ хут. Соленаго).

II.

Болѣзни у животныхъ.

1. *Перелоги* (болѣзнь, происходящая отъ «сглазу»).—«Бабка беретъ шапку и проводитъ ею по всему хребту заболѣвшаго животнаго, потомъ тянетъ его за чубъ и за хвостъ и въ то же время говоритъ):

«Прилетилы вороны,
Взялы перелогы на (за?) рогы
Отъ (такой то) шерсти,
Отъ жовтой косты,
Отъ червоній коровы,
Отъ щырого сердця,
И подумани, и погадани
И стрижени, и изъидени,
И водяни, и витряни,
Отъ червонои кровы,
Отъ щырого серця.

И тутъ вамъ не стояты
На (такой то) шерсты,
На жовтой косты
На червокій крови,
На щирому серцю» (3 р.).
(Изъ хут. Соленаго).

III.

Болѣзни у пчелъ.

По вопросу о пчелахъ, доставлена Предварительному Комитету большая рукопись (92 стр.) учителемъ Купянскаго духовнаго училища Георгіемъ Ѳед. *Поповымъ* (закончен. 12 авг. 1902 г.) подъ заглавіемъ «*Народные разсказы о пчелахъ*». Задумалъ авторъ свою работу подъ вліяніемъ «извѣстнаго въ Россіи энтомолога Петра Вас. Иванова» [1]). Авторъ предложилъ своимъ ученикамъ собрать въ своихъ родныхъ селеніяхъ народные разсказы—отвѣты на вопросные листки (преимущественно отъ крестьянъ Изюмскаго, Купянскаго и Старобѣльскаго уѣздовъ). Наименѣе удалось собрать заговоровъ («молытвы») на разные случаи пчеловодной практики, такъ какъ многіе убѣждены, что если повѣдаютъ другимъ свои тайныя знанія, сила и дѣйствіе ихъ пропадутъ.

Поэтому въ статьѣ приведено только два заговора отъ «*прозору*» (сглаза) пчелъ:

а) Смѣшать «стрѣтенскую» воду съ «недильною» (послѣдняя добывается такъ: въ воскресенье [«недиля»] подойдя на зарѣ къ криницѣ, проговорить: «Добрыдень тоби, крыныця, благословы набрать святои водыци—Анны ныпочатой», потомъ быстро набрать воды и поспѣшить къ пасѣкѣ) и проговоривъ *нижеприводимый заговоръ* кропить всѣ ульи до восхода солнца, приговаривая: «помяны Господы, царя Давыда кротости твои, оцарывъ небо и землю. Засымъ и Савватый, Гава, Родывонъ и Рухманъ»).

«Хто съ тойи стороны йтымыть, силь ему та пычына, та болячка мыжъ очыма, камипь у груды, а тычына въ зубы. Хто сію бжолу урычеть, такъ ныхай соби на двое языкъ пырысичеть» (с. 57—8).

---

[1]) Упоминаю объ этомъ потому, что этотъ дѣйствительно видный дѣятель сумѣлъ въ Купянскомъ уѣздѣ создать многочисленную группу лицъ (преимущественно учителей) интересующихся народною жизнью съ этнографической точки зрѣнія.

б) «На рицци—на окіяни, на земли—на обояни стоявъ дубъ, пидъ дубомъ прыстолъ, на прыстоли Іисусъ Хрыстосъ и Маты Божа. И котори лазящіи въ воду—крыворуки и сухоруки! почерпнить сіи Орданскои воды и умыйты св. водою сію бжолу и утрить рызою святою новорожденнаго раба N. (пасѣчника) и во вѣки вѣковъ, Аминь» (с. 91).

Приведено еще нѣсколько заговоровъ, но уже не относящихся къ болѣзнямъ у пчелъ.—Для того, чтобы дать (интересующимся) понятіе о содержаніи статьи г. Попова, я приведу тѣ вопросы, на которые у него подобрались сборные отвѣты. Когда и какъ явились на свѣтѣ пчелы.—Когда и кѣмъ впервые стали разводиться пчелы въ Россіи.—Отчего у пчелъ не король, а королева—матка.—Отчего у трутней нѣтъ жала.—Почему ужалившая человѣка пчела пропадаетъ.—Что дѣлаютъ, какія молитвы читаютъ, когда очищаютъ мѣсто для постановки улья.—Когда и какъ выставляютъ весною пчелъ.—Чѣмъ и какъ закармливаютъ весною пчелъ.—Что дѣлаютъ, чтобы пчелы не разлетались. Что дѣлаютъ, чтобы чужія пчелы не нападали.—Что кладутъ въ улей, или не втыкаютъ ли чего въ землю на пасѣкѣ,—Что дѣлаютъ, чтобы пчелы сильнѣе роились.—Что дѣлаютъ, чтобы рои ниже садились.—Какъ собираютъ первый рой;—что при этомъ говорятъ и дѣлаютъ.—Ко всѣмъ ли людямъ одинаково относятся пчелы; кого онѣ не любятъ.—Какія иконы ставятъ на пасѣкахъ и почему.—Что дѣлаютъ при покупкѣ улья пчелъ.—Можно ли умерщвлять пчелу и куда убираютъ мертвыхъ пчелъ.—Что дѣлаютъ на пасѣкѣ, когда умретъ хозяинъ или пасѣчникъ.—Что дѣлаютъ, когда въ семействѣ пасѣчника бываетъ свадьба или родится дитя.—Въ какихъ болѣзняхъ медъ служитъ лѣкарствомъ.—Въ какомъ видѣ и когда медъ употребляется на свадьбахъ и на поминкахъ.—На что употребляется воскъ.—Пословицы и поговорки о пчелѣ, медѣ, воскѣ.—Загадки на пчелу, улей, рой, медъ, воскъ.—Заговоръ отъ прозору.—Заговоръ отъ воровъ.

IV.

Поступила въ распоряженіе комитета одна любопытная рукопись подъ заглавіемъ «*Нѣсколько простонародныхъ способовъ лѣченія посредствомъ заговариваній, шептовъ и проч. (Для журнала)*». Рукопись не закончена, безъ подписи; судя по бумагѣ и письму—написана лѣтъ 20—30, а можетъ быть и болѣе назадъ; есть указаніе, что наблюденія

свои и записи заговоровъ авторъ производилъ въ Красногоркѣ.--Приведу нѣсколько болѣе-менѣе интересныхъ извлеченій изъ этой рукописи.

Вотъ характеристика отношенія «знахарокъ» къ своему дѣлу. «Къ больному призываютъ старуху-знахарку; она идетъ не медля ни минуты, спѣшитъ съ особеннымъ человѣколюбіемъ и состраданіемъ: для нея нѣтъ различія, богатъ или бѣденъ страждущій. Рѣдкое, поучительное безкорыстіе въ женщинахъ, которыхъ народъ честитъ позорнымъ титломъ «вѣдьмъ». Правда, не получивъ ничего, она не скажетъ, и не сдѣлаетъ ничего,— на черствый хлѣбъ, миска муки, двадцать копеекъ мѣдью или рубль серебромъ для нея какъ-будто все равно: съ одинаковымъ усердіемъ служитъ и за то и за другое.—Вотъ она пришла къ больному.— Посмотрите на нее: въ то время видъ ея не столько страшенъ и безобразенъ, сколько важенъ; это Пиоія; вы не можете не уважать ея. Она говоритъ тономъ покровительства—какъ благодѣтельница,—но ласково и даже съ нѣжностью материнскою. Невольно довѣряешь ей, даже если вы не *захочете*; скажу--полюбите ее, право полюбите ее: столько усердія, состраданія, нѣжности, любви въ этой старухѣ».

Извлеку и нѣкоторые заговоры, которые, на мой взглядъ, представляютъ нѣкоторый интересъ.

1. Отъ «*прыстриту*»: «Ишла Божія Маты золотымъ мостомъ, за нею Іисусъ Христосъ, да пытае ей: «Куды Ты йдешъ?» А вона каже: «Иду до нарожденнаго, молытвованнаго, крещенаго,—прыстриту одмовляты».

— Прыстритъ, прыстритыще, уйидъ, уйидыще вызываю тебе, выклыкаю тебе, высылаю тебе, вымовляю тебе, тутъ тоби не буты, червонои крови не пыты, жовтои косты не йисты, р. Б. N. нарожден., мол., крещ., не нудыты.—Иды соби на пущи, та на нетры [1]), та на сухи лисы, на степы далеки, де люды не ходять, де собакы не брешуть, де пивни не спивають, куды людьскій голосъ не заходыть».

2. Отъ «*лихорадки*» («трястя», «титка»).

а) Во время пароксизма обѣщаютъ что-нибудь подарить лихорадкѣ, если она уйдетъ:

«Титочко, голубочко, покынь мене, прошу тебе,—куплю тоби сережечки» (или что другое; обѣщанную вещь по выздоровленіи относятъ въ пустое мѣсто).

б) Купивъ въ кабакѣ на нѣсколько копеекъ водки, больному слѣдуетъ не пить ее, а проговоривъ: «тутъ прыйде выпить моя титка»,— уйти; лихорадка пойдетъ пить водку и къ больному не возвратится,

[1]) «Топкое мѣсто, торфъ,—гдѣ никто не ходитъ, не третъ пути».

хотя можетъ пристать къ кабачику или кому-либо изъ его семьи, поэтому добрые христіане не рѣшаются прибѣгать къ этому средству.

в) «Выйшовъ св. Созонтій на высоку гору, глянувъ очыма на сыне море, тай побачывъ симъ женъ простоволосыхъ и запытавъ ихъ: «Що вы за жены»? Воны реклы ему: «Мы титкы одиночкы, невирнаго царя дочкы».—Онъ пытае: «Якъ вамъ имена»?—А воны сказалы: «Одна Лелія, друга Пелія, третя Недрія, четверта—Невія, пьята—Осынна, шоста—Сыня, а сема—Чорный лисъ, та надъ всимы проклята».--Заклынаю васъ жывымъ Богомъ та Хрыстомъ и молытвамы св. Созонтія, щобъ отъ сёго часа не булы и не жылы у нарожд. молитв., крещ. р. Б. N. и ни въ чомъ ему не вредылы».

3. *«Ґрызь загрызать»*. (Слегка кусая или ґрызя больное мѣсто, знахарка говоритъ): «Бигъ вовкъ, ажъ зостривъ его св. Петро, та спытавъ его: «Куды ты, вовчику, идешъ?»—По вдовыне порося.—Не йды жъ ты вдовыного поросяты йисты, иды до мого нарожденнаго, молытвенного, крещеного ґрызи грызты».

4. *Зубная боль*. «Замѣчательнѣйшее средство, (для меня особенно, потому, что я самъ имъ вылѣчилъ, и вотъ уже 19 лѣтъ послѣ того, благодаря Бога, не знаю, что и значитъ—зубъ болитъ—есть вотъ какое:

Сдѣлать изъ дерева колышекъ на-подобіе зуба, найти дерево, которое еще растетъ, нѣсколько разрѣзать въ немъ кору и вложить подъ нее колышекъ, соразмѣряя такъ, чтобъ это мѣсто дерева приходилось ровно къ зубамъ и завязать дерево. Когда дерево выраститъ, такъ что мѣсто, въ которомъ положенъ колышекъ, не будетъ ровно съ зубами болѣвшаго, то и зубы никогда не станутъ болѣть. Все равно, если и больной перерастетъ дерево: главное здѣсь, чтобы не приходился колышекъ къ зубамъ».

На этомъ заканчиваю выдержки изъ рукописи, а вмѣстѣ и свою замѣтку. Добавлю только, что я не весь матеріалъ исчерпалъ, опустивъ нѣсколько заговоровъ, которые представляютъ соединеніе нѣсколькихъ отрывковъ различныхъ заговоровъ, а равно и такіе тексты, которые не являются хотя чѣмъ-либо отличными отъ извѣстныхъ записей.

А. Ветуховъ.

Образъ „плачущаго Спасителя“ въ Екатеринославскомъ каѳедральномъ Преображенскомъ соборѣ.

IX.

Образъ „плачущаго Спасителя“ въ Екатеринославскомъ каѳедральномъ Преображенскомъ соборѣ.

Въ городѣ Екатеринославѣ, въ каѳедральномъ Преображенскомъ соборѣ у правой стороны арки, отдѣляющей среднюю часть храма отъ западной, въ большомъ деревянномъ кіотѣ близъ южной стѣны находится весьма чтимый мѣстнымъ населеніемъ образъ «Господа Вседержителя» [1]), чаще называемый «плачущимъ Спасителемъ». Изображеніе Спасителя совершенно особенное, рѣзко разнящееся отъ другихъ иконъ нашего Божественнаго Учителя. Здѣсь, Его ликъ скорбный, голова слегка приподнята и немного наклонена къ лѣвому плечу, взоръ обращенъ къ небу и изъ нижней части глазъ выступили двѣ слезныя капли, лѣвая рука плотно прижата къ персямъ, а правая, отъ локтя, простерта впередъ, ея ладонь согнута; все изображеніе поясное. Икона имѣетъ въ ширину 13, въ вышину 16 вершковъ и написана на холстѣ. Стиль письма италіанскій, но смыслъ вполнѣ православенъ: онъ отвѣчаетъ той части евангельскаго сказанія, въ которой св. ев. Іоаннъ Богословъ, повѣствуя о событіи воскрешенія праведнаго Лазаря, свидѣтельствуетъ, что Спаситель, при видѣ плакавшихъ Маріи—сестры Лазаря и пришедшихъ съ нею іудеевъ, Самъ воскорбѣлъ духомъ и прослезился.

Впрочемъ, существуетъ еще другое объясненіе происхожденія слезъ на иконѣ: мѣстное преданіе утверждаетъ, что онѣ не были написаны художникомъ, а явились уже впослѣдствіи, когда икона была въ домѣ одной благочестивой вдовицы и что чудесное ихъ изліяніе собственно и послужило поводомъ особаго чествованія иконы. По разсказамъ старожиловъ [2]), это случилось въ сороковыхъ годахъ XIX столѣтія; доку-

---

[1]) Наименованіе иконы «Господь Вседержитель» было вырѣзано на прежней сребропозлащенной ризѣ, украшающей теперь копію иконы.

[2]) Проживъ въ Екатеринославѣ 17 лѣтъ, я разновременно и отъ разныхъ лицъ слышалъ разсказы о соборной иконѣ „плачущаго Спасителя“. Разнясь между собой въ частныхъ подробностяхъ, эти разсказы въ общемъ сводились къ тому, что икона первоначально была въ домѣ вдовы Дѣевой, которая вмѣстѣ съ другими лицами удостоилась благодатнаго видѣнія слезъ чудесно выступившихъ изъ глазъ Спасителя, послѣ чего духовенство взяло икону изъ ея дома и доставило въ каѳедральный соборъ.

ментальныхъ же свѣдѣній, какъ объ этомъ, такъ и о времени поступленія иконы въ каѳедральный соборъ мнѣ не удалось отыскать. Въ описяхъ соборнаго имущества объ иконѣ упоминается глухо и очень поздно: первое оффиціальное извѣстіе о ней включено только въ опись 1887 года[1]) безъ всякаго указанія на предшествовавшую исторію, хотя внѣ всякаго сомнѣнія, что икона была извѣстна значительно ранѣе [2]), доказательствомъ чему служатъ разновременно появившіяся, ранѣе этого года, въ различныхъ церквахъ г. Екатеринослава ея многочисленныя копіи [3]).

Въ концѣ 1898 года, въ Москвѣ на фабрикѣ Деомидова для иконы сдѣлана новая сребропозлащенная риза съ эмалевыми украшеніями въ вѣнцѣ—вокругъ главы Спасителя и кругомъ—по каймѣ оклада: въ вѣнцѣ въ трехъ мѣстахъ помѣщены обычныя буквы: «ѠѺН».

Мнѣ говорили, что, при сооруженіи новой ризы, находились жертвователи, изъявлявшіе готовность украсить ее драгоцѣнными камнями, но имъ было отказано въ ихъ благочестивомъ усердіи единственно изъ за казавшагося несоотвѣтствія окружать скорбное выраженіе Божественнаго Лика блескомъ разноцвѣтныхъ камней. И только святѣйшее начертаніе „IС ХС“ составлено изъ 134 бриліантовъ (20 въ двухъ титлахъ и 114 въ четырехъ буквахъ), да еще по неотступной просьбѣ одной жертвователь-

---

1) Въ описи соборнаго имущества за 1887 годъ икона названа „образомъ скорбящаго Спасителя“, а во вновь составленную опись перенесена уже съ названіемъ „образа плачущаго Спасителя“.

2) Въ концѣ прежней сребропозлащенной ризы, находящейся теперь какъ упомянуто выше на копіи образа, близь пробы выбитъ 1861 годъ едва-ли не означающій собой время начальнаго, открытаго чествованія св. иконы. Самая же икона поступила въ каѳедральный соборъ должно быть въ концѣ сороковыхъ годовъ XIX столѣтія: по крайней мѣрѣ, помѣщица Саковнина въ своихъ воспоминаніяхъ 1863 года точно и опредѣленно указываетъ, что въ теченіе 20 и болѣе лѣтъ не позволялось носить иконы по домамъ и желавшіе были обязаны возить ее въ свои дома не иначе, какъ въ закрытомъ экипажѣ.

3) Копіи соборнаго образа „плачущаго Спасителя“, кромѣ каѳедральнаго собора, находятся еще въ слѣдующихъ церквахъ г. Екатеринослава: 1) *въ Крестовой Одигитріевской церкви* (въ архіерейскомъ домѣ)—въ серебряной ризѣ, помѣщается въ кіотѣ передъ правымъ клиросомъ 2) *въ Троицкой церкви*—въ серебряной ризѣ, въ кіотѣ у праваго подкупальнаго столба и 3) *въ той же церкви*—уменьшенная копія въ сребропозлащенной ризѣ, въ кіотѣ на южной стѣнѣ праваго придѣла 4) *въ Успенской* церкви—въ притворѣ, налѣво отъ входа 5) *въ Благовѣщенской церкви*- въ серебряной ризѣ, въ кіотѣ на южной стѣнкѣ праваго придѣла 6) *въ Воскресенской церкви* (на городскомъ кладбищѣ) въ сребропозлащенной ризѣ, въ главномъ иконостасѣ 7) *въ военной Крестовоздвиженской церкви* (при 1-й бригадѣ 34-й пѣхотной дивизіи) уменьшенная копія на лѣвой стѣнѣ въ общемъ кіотѣ съ другими иконами 8) *въ Николаевской церкви* (въ арестантскихъ ротахъ) большая овальная передъ лѣвымъ клиросомъ 9) *въ соборной церкви женскаго Тихвинскаго монастыря* (вблизи въ 2 верстахъ отъ г. Екатеринослава)—въ серебряной ризѣ, въ кіотѣ у подкупольной арки. Были случаи пріобрѣтенія копіи иконы и частными лицами: помѣщица Саковнина въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что она сама пріобрѣла въ 1863 году за 25 руб. копію иконы, найдя ее у священника Воскресенской кладбищенской церкви о. Александра (вѣроятно Зосимовича),—который былъ прекраснымъ живописцемъ.

ницы, надъ лѣвымъ плечомъ Спасителя помѣщена небольшая золотая звѣзда съ 13 бриліантами. Вѣсъ ризы 14 фунтовъ, стоимость (безъ бриліантовъ) 835 руб. 60 коп.

Передъ иконой 17 лампадъ, изъ нихъ три украшены цвѣтною эмалью, а при самой иконѣ находится нѣсколько серебряныхъ привѣсковъ въ видѣ прямоугольныхъ пластинокъ съ изображеніемъ различныхъ частей человѣческаго тѣла: глазъ, рукъ, ногъ и др., вырѣзанныя же на пластинкахъ надписи—«о здравіи Надежды, болящаго Іоанна, болящей Елены» очевидно указываютъ имена лицъ обращавшихся съ молитвою объ избавленіи ихъ отъ того, или другого недуга.

Еженедѣльно по пятницамъ, исключая праздничныхъ дней, передъ иконой читается акаоистъ: отъ свѣтлаго Христова воскресенія до праздника вознесенія Господня—«Живоносному Гробу и воскресенію Господню,» потомъ до недѣли всѣхъ святыхъ—«Сладчайшему Іисусу» и «пресвятой и животворящей Троицѣ,» а въ остальное время -«божественнымъ страстямъ Христовымъ».

Икона участвуетъ въ бываемыхъ въ городѣ крестныхъ ходахъ и принимается въ частные дома для совершенія передъ ней молебновъ.

24 января 1905 года,
д. Мизетунь. въ Маньчжуріи.

В. Машуковъ.

X.

Краткія свѣдѣнія объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ., въ 1903 г.

Изслѣдованія 1903 года являлись продолженіемъ изюмскихъ изслѣдованій 1901 года, законченныхъ на лѣвомъ берегу р. Бахмута. Главною цѣлью ихъ ставилось выясненіе типовъ погребеній позднѣйшихъ кочевниковъ печенѣго-половецкой группы и рѣшеніе невырѣшеннаго въ 1901 году вопроса объ отношеніи каменныхъ бабъ къ курганамъ. Сверхъ того, необходимымъ и возможнымъ казалось установить отношеніе древнѣйшихъ типовъ Придонецкихъ погребеній къ классическимъ греко-римскимъ культурамъ, и такимъ образомъ дать первымъ болѣе точное хронологическое опредѣленіе.

Общимъ направленіемъ изслѣдованій избраны р. Бахмутъ и р. Кальміусъ. Казалось, что этимъ маршрутомъ, однимъ концомъ упирающимся въ изслѣдованную область р. Донца, другимъ же—въ Азовское море, берега котораго, несомнѣнно, находились подъ живымъ воздѣйствіемъ классическихъ культуръ, удастся, какъ рыболовною сѣтью, перехватить не только всѣ типы погребеній прошедшихъ здѣсь народовъ, но и установить ихъ хронологическое и культурное отношеніе другъ къ другу.

Работы, начатыя отъ устья р. Бахмута, закончены на р. Кальміусѣ, близъ границы Маріупольскаго уѣзда. Рядъ совершенно непредвидѣнныхъ препятствій не позволилъ пройти до Азовскаго моря: сначала сильные дожди, затѣмъ необыкновенное вздорожаніе рабочихъ рукъ, вслѣдствіе богатаго урожая, сильно затормозили ходъ дѣла. Наконецъ, предложенія Бахмутскаго предводителя дворянства, Ф. А. Бантыша и Новороссійскаго горнопромышленнаго общества даровыхъ рабочихъ, заставили задержаться на одномъ участкѣ гораздо болѣе, чѣмъ предполагалось, а затѣмъ перенести работу совершенно въ сторону, на р. Торецъ.

Работы продолжались четыре мѣсяца. Въ это время изслѣдовано двѣ неолитическія стоянки и восемьдесятъ кургановъ съ 212 погребеніями.

Въ работахъ принималъ постоянное участіе В. И. Большаковъ, а временное—Н. В. и В. Н. Рухловъ.

Остатки неолитическихъ стоянокъ прослѣжены на берегахъ р. Бахмута, у д. Переѣздной и ж. д. ст. Ступки. Первое открытіе ихъ послѣдовало при раскопкахъ кургановъ. Въ обоихъ случаяхъ, насыпи кургановъ, оказались насыщенными осколками кремня, нуклеусами и гальками, служившими матеріаломъ для выдѣлки орудій.

Изученіе залеганія этихъ остатковъ въ прилегающихъ берегахъ рѣки и въ цѣльныхъ слояхъ, подъ курганными насыпями, приводило къ заключенію, что курганы, не смотря на то, что содержали древнѣйшіе типы погребеній, возведены на мѣстахъ, ранѣе служившихъ стоянками неолитическаго человѣка. Въ установленіи отношенія неолитическихъ памятниковъ къ курганнымъ и заключается весь интересъ обѣихъ стоянокъ. Число подѣлокъ добыто невелико, что вполнѣ зависитъ отъ незначительности площади раскопокъ.

Въ ихъ формахъ любопытны миндалевидныя орудія, ни разу невстрѣченныя въ курганныхъ погребеніяхъ.

Главное вниманіе удѣлялось изслѣдованію кургановъ. По формѣ насыпей, Бахмутскіе курганы дѣлятся на четыре типа: 1) курганы съ круглымъ основаніемъ и вершиною надъ сѣвернымъ краемъ, 2) курганы длинные съ одною хребтовидною вершиною, 3) курганы длинные съ нѣсколькими вершинами, и 4) курганы круглые съ вершиною надъ центромъ основанія.

Первые являются самыми обычными; основныя погребенія ихъ относятся къ отдаленнымъ временамъ.

Курганы второго и третьяго типа на р. Бахмутѣ совсѣмъ не встрѣчены, но на верховьяхъ Торца и Кальміуса представляются вполнѣ обычными. Основныя погребенія ихъ также древни, какъ и первыхъ.

Курганы четвертаго типа встрѣчаются повсюду довольно часто; при чемъ среди нихъ замѣчены двѣ разновидности: 1) съ болѣе обширными и расплывчатыми насыпями, и 2) съ менѣе обширными и болѣе возвышенными насыпями. Въ первыхъ основныя погребенія содержатъ или ямныя погребенія со скорченными костяками позднѣйшаго времени, совершенно не встрѣчающіяся въ Изюмскомъ уѣздѣ, или погребенія скиеосарматской эпохи. Во вторыхъ встрѣчаются только погребенія позднѣйшихъ кочевниковъ; и подобные курганы въ Изюмскомъ уѣздѣ совершенно отсутствуютъ.

Отмѣченныя разновидности иногда такъ мало отличаются другъ отъ друга, что по формѣ ихъ не всегда удается опредѣленіе типа погребенія, скрытаго подъ насыпью.

Изслѣдованные курганы располагались въ слѣдующихъ пунктахъ, на р. Бахмутѣ: въ окресностяхъ хут. Каменки, д. Родіоновки, Переѣздной, жел. д. ст. Ступки и д. Ново-александровки; на р. Кальміусѣ, во владѣніяхъ Новороссійскаго Общества, въ окресностяхъ д. Яковлевки, Щегловки, хут. Пески, д. Марченки и ж. д. ст. Рудничной; на р. Торцѣ, въ окресностяхъ с. Райскаго и им. Камышевахи.

Изъ 212 открытыхъ погребеній, не менѣе половины могутъ быть отнесены къ бронзовой, а остальныя къ желѣзной эпохѣ. Погребенія первой эпохи заключались въ грунтовыхъ ямахъ, катакомбахъ, срубахъ и каменныхъ ящикахъ (кистахъ).

Характерные признаки Бахмутскихъ погребеній разсматриваемой эпохи совершенно схожи съ признаками Изюмскихъ погребеній той же эпохи и заключаются въ совмѣстномъ нахожденіи каменныхъ и бронзовыхъ или мѣдныхъ орудій. Самыя древнія Бамхутскія погребенія, точно такъ же, какъ изюмскія, совершались въ ямахъ. Позже слѣдовали другъ за другомъ сначала погребенія въ катакомбахъ, затѣмъ въ срубахъ, а еще позже—въ каменныхъ ящикахъ.

Всего ямныхъ погребеній изслѣдовано 30, изъ нихъ 16 относится къ древнѣйшему типу и 14—къ позднѣйшему типу.

Въ древнѣйшихъ погребеніяхъ покойники полагались головою на С.-В. и В., на правомъ боку, рѣже на спинѣ вытянуто или съ подогнутыми колѣнами. Исключеніе представило одно погребеніе съ костякомъ, лежавшимъ по правилу антитезы, т. е. какъ разъ противоположно, головою на З. и на лѣвомъ боку.

Вещей полагалось съ покойниками мало; онѣ состояли изъ глиняныхъ круглодонныхъ сосудовъ, кремневыхъ орудій и рѣдкихъ бронзовыхъ вещицъ, чаще же всего при покойникахъ или ничего не находилось или находились осколки кремня. Костяки обыкновенно посыпались красною краскою. Остатковъ домашнихъ животныхъ не найдено: они такъ рѣдки, что въ шестидесяти Изюмскихъ ямныхъ погребеніяхъ встрѣтились только одинъ разъ.

Позднѣйшій типъ ямныхъ погребеній впервые встрѣтился на берегахъ р. Кальміуса. Этотъ типъ отличается отъ древнѣйшаго довольно характерно. Прежде всего бросается въ глаза болѣе частое явленіе при костякахъ глиняныхъ сосудовъ, очень рѣдкихъ въ древнѣйшихъ ямныхъ погребеніяхъ. Сосуды имѣютъ плоскія днища, баночную форму, свой-

ственную только времени позднѣйшихъ скорченныхъ костяковъ, встрѣчаемыхъ въ грубыхъ каменныхъ ящикахъ и въ особенности въ насыпяхъ. Въ одномъ погребеніи найденъ сосудъ рюмочной формы, совершенно схожій съ такимъ же сосудомъ, найденнымъ при погребеніи въ насыпи кургана, расположеннаго на р. Бахмутѣ. Форма этихъ довольно изящныхъ сосудовъ ясно имитируетъ металлическимъ—типа такъ называемыхъ скиѳскихъ котловъ и поэтому не можетъ быть очень древнею.

Въ другомъ погребеніи найдена костяная эллептической формы бляха, также свойственная только позднѣйшимъ скорченнымъ погребеніямъ.

Наконецъ, при третьемъ погребеніи найдены слѣды бронзовой серьги и сильно перетлѣвшій желѣзный предметъ. Послѣднее явленіе хотя и возможно было объяснить перемѣщеніемъ предмета землеройками изъ сосѣдняго кочевническаго погребенія, но въ этомъ же погребеніи оказались отрубленныя ноги лошади, явившейся въ южнорусскихъ степяхъ, какъ прирученное животное никакъ не ранѣе времени катакомбныхъ погребеній, смѣнившихъ древнія ямныя.

Итакъ, установивъ отличительные признаки позднѣйшихъ ямныхъ погребеній, попытаемся дать имъ общую характеристику.

Костяки этихъ погребеній преимущественно лежатъ головою на В., скорченно, одинаково часто на правомъ и лѣвомъ боку, но никогда не вытянуто и не на спинѣ съ подогнутыми колѣнами. Краски совершенно отсутствуютъ. Ямы чаще покрываются камнями, чѣмъ бревнами. Курганы сыпятся круглые съ вершиной надъ центромъ основанія и сравнительно небольшихъ размѣровъ; однако насыпка ихъ, по многимъ признакамъ, практиковалась не часто, уступая первенство погребеніямъ въ насыпяхъ болѣе древнихъ кургановъ.

Таковъ въ общемъ видъ новѣйшихъ ямныхъ погребеній. Болѣе подробное ознакомленіе съ нимъ обѣщаетъ пролить новый свѣтъ на ямныя погребенія и сдѣлать понятнымъ, почему при однихъ скорченныхъ костякахъ, зарытыхъ въ ямахъ находятся только каменныя и рѣдко рѣдко бронзовыя вещицы и орудія, а при другихъ не только бронза, но и желѣзо: эти костяки, не смотря на одинаковость ихъ положенія въ ямахъ, отдѣляются другъ отъ друга, вѣроятно, очень большимъ періодомъ времени.

Катакомбъ изслѣдовано 19, въ нихъ содержалось 29 покойниковъ. При изслѣдованіи береговъ р. Донца, въ Изюмскомъ уѣздѣ, было замѣчено, что количество катакомбъ увеличивается по мѣрѣ приближенія къ р. Бахмуту. Изслѣдованія 1903 года вновь подтвердили это и представляется весьма правдоподобнымъ, что типъ катакомбныхъ погребеній за-

нимаетъ не широкую полосу по р. Донцу, начиная съ его средняго теченія, гдѣ нибудь выше Изюмскаго уѣзда, и кончая впаденіемъ въ Донъ, гдѣ подобныя погребенія изслѣдовались Н. Е. Бранденбургомъ. Въ Бахмутскомъ уѣздѣ, по мѣрѣ удаленія отъ р. Донца къ югу, катакомбы встрѣчаются все рѣже и рѣже. На р. Кальміусѣ, встрѣчено только двѣ катакомбы, изъ которыхъ одна оказалась разоренною сурками (бабаками), а другая мало имѣла сходства съ типичными придонецкими катакомбами.

Всѣ Изюмскія катакомбы, не исключая тѣхъ, которыя располагались и на р. Бахмутѣ, закрывались деревянными плахами. Бахмутскія же катакомбы закрывались то плахами, то камнями, то глиной. Входъ въ одну катакомбу защищался восьми вершковыми дубовыми обрубками и тридцатью двумя камнями, изъ которыхъ наибольшіе достигли человѣческаго роста. Къ сожалѣнію, не смотря на такую грандіозную защиту, катакомба оказалась начисто ограбленною современниками покойника. Ограбленными найдены и другія болѣе значительныя катакомбы. Фактъ существованія грабительской дѣятельности у современниковъ катакомбъ, убѣдительно доказываетъ, что съ покойниками иногда зарывались и болѣе цѣнныя вещи, чѣмъ тѣ, которыя до сихъ поръ удалось собрать изслѣдователямъ. Въ составъ этихъ вещей пока входятъ бронзовыя кованныя ножи, шила, спиральныя кольца, бусины, кремневыя стрѣлы, глиняные сосуды и др. Сходство ихъ съ кавказскими бронзовыми культурами мною указывалось въ отчетахъ объ изюмскихъ раскопкахъ. Вновь собранный матеріалъ далъ признаки сходства донецкой катакомбной культуры съ закавказскою, изслѣдованною г. Ресслеромъ въ разныхъ пунктахъ Елизаветпольской губерніи. Это сходство замѣтно въ формахъ нѣкоторыхъ сосудовъ, бронзовыхъ бусъ, спиральныхъ колецъ, кремневыхъ наконечникахъ стрѣлъ и другихъ. Большая разница заключается, однако, въ томъ, что Закавказская культура гораздо богаче количествомъ бронзы, вслѣдствіе чего и весь домашній инвентарь представляется богаче и полнѣе. Такъ въ Закавказской культурѣ имѣются бронзовые топоры, кинжалы, копья и стрѣлы, тогда какъ въ Донецкой—только—ножи и шила, хотя имѣется достаточно признаковъ существованія у донецкаго катакомбнаго человѣка и болѣе солидныхъ металлическихъ орудій.

Среди всѣхъ древнихъ донецкихъ культуръ, катакомбная заслуживаетъ особеннаго вниманія. Ея вліяніе можно прослѣдить до самыхъ сѣверныхъ предѣловъ Евр. Россіи; такъ отголоски чрезвычайно оригинальнаго и пышнаго керамическаго орнамента уже въ настоящее время можно указать на берегахъ р. Оки, верховьяхъ р. Волги, Финляндіи и берегахъ Бѣлаго моря и всюду присутствіе этого орнамента является положитель-

нымъ признакомъ смѣны каменной культуры металлической и, именно, бронзовою.

При довольно точномъ знаніи предѣловъ распространенія, при достаточномъ богатствѣ содержимаго, донецкая катакомбная культура, въ настоящее время, уже могла бы послужить предметомъ особаго спеціальнаго изслѣдованія.

Срубныхъ погребеній открыто пять. Сравнительно съ изюмскимъ раіономъ, чрезвычайно мало; изъ нихъ только одно погребеніе найдено на берегу р. Бахмута, остальныя же три—на р. Торцѣ, въ сферѣ изюмскаго раіона. На р. Кальміусѣ встрѣчено одно погребеніе, форма котораго похожа на срубную, хотя за ветхостью остатковъ дерева и нельзя было вполнѣ установить, что здѣсь, дѣйствительно, находился срубъ. При этомъ погребеніи найдены ноги и черепа коровы и овцы, обычно сопровождающія срубныя погребенія и одинъ кремневый тщательно обитый наконечникъ стрѣлы.

Открытіе подобныхъ погребеній въ Кіевской и Воронежской губерніяхъ указываетъ, что площадь распространенія ихъ была очень велика.

Въ 1903 году, лучшія срубныя погребенія встрѣчены на р. Торцѣ, въ имѣніи Ф. А. Бантыша. Три погребенія покоились въ трехъ смежныхъ курганахъ, являясь въ нихъ основными. Въ каждомъ погребеніи найдены остатки или слѣды бронзовыхъ вещей. Судя же по силѣ обработки дубовыхъ бревенъ и досокъ, необходимо заключить, что въ распоряженіи срубнаго человѣка имѣлись прекрасныя металлическія орудія.

Надъ однимъ срубомъ былъ устроенъ шалашъ, основанный на двухъ столбахъ, врытыхъ въ круглыя ямы, сверху покрытый сучьями и камышомъ. На гребнѣ крыши стояли три глиняныхъ сосуда кверху днемъ, а рядомъ съ ними—небольшой песчанниковый жерновокъ (терка) и кремень, повидимому, служившій для высѣканія огня. Вещей въ срубахъ собрано немного. Болѣе интересными представляются пара костяныхъ запонокъ хорошей техники съ застежками, совершенно схожими съ современными у рукавныхъ запонокъ. Найдены онѣ около шеи и служили, вѣроятнѣе всего, для застегиванія ворота одежды.

Погребеній въ каменныхъ ящикахъ открыто пять. Въ Изюмскомъ уѣздѣ они не разу не были встрѣчены. Очевидно, ихъ площадь массоваго распространенія не простирается на С.-З. далѣе р. Бахмута. Три каменныхъ ящика открыто въ области правобережья р. Бахмута и два—на р. Кальміусѣ. Основываясь на открытіи В. А. Харламова подобныхъ ящиковъ на среднемъ теченіи р. Кальміуса, можно допустить, что этотъ типъ погребеній болѣе обычнымъ становится только на югѣ и, вѣроят-

нѣе всего, находится въ связи съ Таманскимъ и Крымскимъ раіономъ, гдѣ погребенія въ каменныхъ ящикахъ представляютъ вполнѣ обычное явленіе.

Благодаря очень счастливому стеченію условій, хронологію этихъ интересныхъ памятниковъ удалось установить довольно точно.

Въ большомъ курганѣ, расположенномъ недалеко отъ устья р. Бахмута, основнымъ погребеніемъ являлось катакомбное погребеніе, выше котораго, въ насыпи, было найдено второе впускное погребеніе, сопровождавшееся весьма характернымъ остроребернымъ глинянымъ сосудомъ. Время появленія такихъ сосудовъ въ Донецкой области извѣстно: оно совпадаетъ со временемъ срубныхъ погребеній; позже эта форма посуды удерживается во весь періодъ погребеній въ насыпяхъ, хотя и не въ столь распространенномъ количествѣ. Это доказываетъ, что встрѣченное погребеніе не можетъ быть древнѣе срубныхъ. Между тѣмъ, какъ разъ надъ нимъ, вершковъ на 12 выше, открыто второе вводное погребеніе въ каменномъ ящикѣ. Отсюда ясно, что послѣднее погребеніе моложе не только катакомбныхъ, но и срубныхъ. Всѣ прочія погребенія въ ящикахъ, занимая мѣсто въ вершинахъ насыпей кургановъ, только подтверждали правильность заключенія о позднѣйшемъ ихъ появленіи; однако отношеніе ихъ къ скорченнымъ погребеніямъ въ насыпяхъ остается не совсѣмъ выясненнымъ. По типу встрѣченныхъ сосудовъ каменные ящики занимаютъ какъ бы средину между типами срубныхъ и насыпныхъ сосудовъ, но между ними появляется амфоровидная форма, служащая несомнѣннымъ отголоскомъ греческой культуры. Эта форма, совершенно несвойственная срубной керамикѣ, дважды была встрѣчена въ керамикѣ изюмскихъ скорченныхъ погребеній въ насыпяхъ. Поэтому погребенія въ каменныхъ ящикахъ должны занять во времени мѣсто ближе къ послѣднимъ, чѣмъ къ срубнымъ погребеніямъ.

Ни каменныхъ, ни металлическихъ орудій въ каменныхъ ящикахъ не найдено; изъ другихъ же вещей, кромѣ глиняныхъ горшковъ, при одномъ костякѣ, отысканы остатки деревянной чашки, окованной бронзовыми обоймами.

Скорченныхъ костяковъ въ насыпяхъ встрѣчено 67. Типъ ихъ совершенно тотъ же какъ, и донецкихъ Изюмскаго уѣзда, изслѣдованныхъ нами въ 1901 году, въ сложности съ которыми они даютъ очень внушительное число въ 182 погребеніяхъ. Типичными изъ нихъ являются съ костяками, лежащими въ сильно скорченномъ положеніи, на лѣвомъ боку, головою на СВ. и В., съ кистями рукъ передъ лицомъ. Очень часто съ покойниками ставятся по одному, рѣже по два глиняныхъ со-

суда, преимущественно баночной формы. На нѣсколькихъ сосудахъ встрѣчены въ орнаментѣ свастика и кресты, вѣроятно, представляющіе ту же свастику, но въ болѣе общихъ схематическихъ чертахъ. Другихъ вещей при костякахъ оказалось очень мало; они состоятъ изъ костяныхъ подѣлокъ, незначительныхъ остатковъ бронзовой вещицы и одного куска желѣза, указывающаго на принадлежность разсматриваемаго типа погребеній уже къ желѣзной эпохѣ. Чаще встрѣчались астрагалы овецъ, служившіе, очевидно, для игры; при одномъ дѣтскомъ погребеніи найдено 180 астрагаловъ, изъ нихъ 20 штукъ имѣли стесанныя и зашлифованныя грани, а на грани одного прочерченъ крестъ. Количество этихъ астрагаловъ интересно въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ оно указываетъ на широкое овцеводство, а во-вторыхъ—на знаніе у народа счисленія до значительныхъ цифръ.

Погребеній скиѳо-сарматской эпохи встрѣчено пять: два на р. Бахмутѣ, одно на р. Кальміусѣ и два на р. Торцѣ. Богатѣйшее изъ нихъ, встрѣченное на р. Кальміусѣ оказалось дважды ограбленнымъ. Въ неглубокой, но необычно обширной ямѣ, покрытой бревнами, были похоронены два костяка, части овцы и коня. Въ первый разъ въ яму проникли грабители подкопомъ сбоку, а во второй—сверху. Костяки оказались разбросанными. Въ разныхъ пунктахъ найдены: 1) бронзовый браслетъ, 2) обломокъ бронзоваго кольца, 3) бронзовый наконечникъ стрѣлы сарматскаго типа, и 4) обломки глинянаго горшка.

Изъ прочихъ погребеній, при двухъ найдены глиняные сосуды и при одномъ—бронзовый наконечникъ стрѣлы; при одномъ же никакихъ вещей не оказалось. Костяки лежали въ одномъ случаѣ на правомъ боку, вытянуто, головою на СВВ., а въ остальныхъ—на спинѣ, вытянуто головами на З.

Погребеній болѣе позднихъ кочевниковъ изслѣдовано 64, почти вдвое болѣе, чѣмъ въ Изюмскомъ уѣздѣ. Къ сожалѣнію, изъ нихъ 11 оказались разграбленными; прочія—легко дѣлятся на четыре типа и одну группу неопредѣленнаго характера.

Къ первому, древнѣйшему типу, относятся 14 погребеній. Покойники полагаются вытянуто, на спинѣ, головою на Ю. и только въ исключительныхъ случаяхъ прямо противоположно, т. е. головою на С. Хоронятся они или въ чужихъ, болѣе древнихъ курганахъ, или въ своихъ, имѣющихъ полушарную форму,—въ очень узкихъ грунтовыхъ ямахъ съ закругленными углами, сверху иногда покрытыхъ камнями, а чаще просто засыпанныхъ землею.

Изъ четырнадцати погребеній, десять найдены въ одной курганной группѣ,—въ д. Переѣздной, два—въ д. Родіоновкѣ, одно— у ж. д. ст. Ступки, въ обоихъ пунктахъ на р. Бахмутѣ, и одно—у д. Щегловой, на р. Кальміусѣ. Изъ нихъ два погребенія оказались ограбленными; изъ нихъ одно было коллективное съ тремя костяками. Изъ цѣльныхъ погребеній, одни принадлежали мужчинамъ, другія—женщинамъ и третьи—дѣтямъ. При покойникахъ почти во всѣхъ случаяхъ полагались глиняные сосуды разныхъ формъ, фабрикованныхъ то прямо отъ руки, то на гончарномъ кругѣ.

При одномъ ограбленномъ покойникѣ лежалъ цѣлый остовъ коня, при шести—отдѣльныя кости овецъ. Въ одномъ мужскомъ погребеніи найденъ желѣзный мечъ позднесарматскаго типа и желѣзная трехгранная стрѣла; при женскихъ погребеніяхъ собраны бусы, прясла, желѣзныя трехгранныя стрѣлы со стержнемъ для насада въ древко, одна капторга съ серебрянымъ флакономъ, одна золотая амфоровидная подвѣска, иммитирующая подобнымъ золотымъ подвѣскамъ позднегреческаго производства, и др. Самою же важною вещью является *миньятюрная каменная баба*, найденная въ кисти лѣвой руки дѣтскаго костяка. Это—пока единственный и поэтому драгоцѣнный фактъ непосредственной связи каменныхъ бабъ съ погребеніями. Миньятюрная каменная баба—вырѣзана изъ мѣлового камня; формою вполнѣ копируетъ обыкновенныя формы каменныхъ бабъ; ей даже придана въ основаніи та часть, которая предназначалась для вкапыванія въ землю большихъ каменныхъ бабъ. При дѣтскомъ костякѣ съ каменною бабою найдены раздавленный почвою глиняный кувшинчикъ и ожерелье изъ мелкихъ бусинъ египетской смальты. Совершенно такія же бусины найдены въ другомъ погребеніи той же курганной группы; при этомъ второмъ погребеніи, среди сравнительно очень обильныхъ вещей, лежалъ на груди костяка серебряный флаконъ, несомнѣнно, носившійся въ особой сумкѣ—капторгѣ, отъ которой сохранились остатки. Такія капторги изображаются на груди многихъ женскихъ фигуръ каменныхъ бабъ, а поэтому связь и этого погребенія съ каменными бабами становится довольно убѣдительною, помимо другихъ признаковъ, объединяющихъ всѣ разсматриваемыя погребенія въ одну группу съ дѣтскимъ погребеніемъ, отмѣченнымъ связью съ каменною бабою. Еще интереснѣе и важнѣе то, что совершенно такія же по формѣ, цвѣту и величинѣ египетскія бусины, какія найдены въ двухъ описываемыхъ погребеніяхъ, отысканы г. Сулинымъ въ Сальскомъ округѣ Области Войска Донского, на лѣвомъ берегу р. Дона, при дѣтскомъ погребеніи какъ разъ описываемаго

типа, гдѣ вдоль костяка въ рядъ, шпалерами, стояли четыре характерныхъ фигуры каменныхъ бабъ, вырѣзанныхъ изъ дерева [1]).

Сближеніе всѣхъ указанныхъ фактовъ положительно устанавливаетъ связь каменныхъ бабъ съ опредѣленнымъ и теперь хорошо выясненнымъ типомъ погребеній, распространявшихся, повидимому, на обширной площади южнорусскихъ степей.

Ко второму болѣе позднему типу кочевническихъ погребеній относятся одиннадцать; изъ нихъ шесть погребеній открыто на р. Бахмутѣ и четыре—на р. Кальміусѣ. Существуютъ положительные признаки, что громадное количество изъ ограбленныхъ позднѣйшими кладоискателями кочевническихъ погребеній, встрѣченныхъ на р. Кальміусѣ принадлежатъ, именно, къ этому типу.

Покойники полагаются вытянуто, на спинѣ, головою на В, въ грунтовыхъ ямахъ, часто покрытыхъ бревенчатымъ накатникомъ, расположеннымъ то горизонтально, то діагонально, наискось, такъ что бревна однимъ концомъ упираются въ дно ямы, а другимъ—налѣгаютъ на противоположный верхній край ея.

Въ двухъ случаяхъ, покойники лежали въ колодахъ и въ одномъ случаѣ—въ досчатомъ гробу, въ прочихъ—прямо на землѣ. Съ двумя покойниками лежали цѣльные остовы, а съ однимъ—части остова коня. Какъ цѣлые остовы, такъ и части располагаются головами на З, т. е. какъ разъ противоположно съ покойникомъ. Покойникамъ почти всегда кладутся отрубленныя части овецъ. Изрѣдка погребенія совершаются въ старыхъ курганахъ, но чаще для нихъ возводятся новые свои курганы. Строеніе ихъ очень оригинально: прежде всего надъ ямой покойника насыпается небольшой холмикъ земли. Этотъ холмикъ сплошь закладывается въ одинъ или нѣсколько рядовъ камнемъ, что придаетъ кургану форму черепахи; иногда, въ головахъ покойника ставился камень, возвышающійся надъ прочими. На хребтѣ каменной облицовки раскладывались кости (вѣроятно, съ мясомъ) овцы и коровы; затѣмъ, всё вновь засыпалось землею и курганъ получалъ окончательную форму въ видѣ полушара съ вершиной надъ центромъ основанія. На р. Кальміусѣ, этотъ типъ кургановъ имѣлъ сплошное распространеніе, но, къ сожалѣнію, благодаря легкости опредѣленія его посредствомъ желѣзнаго щупа и содержанія въ могилахъ вещей изъ драгоцѣннаго металла, всѣ лучшіе курганы раскопаны современными намъ кладоискателями на выборъ.

---

[1]) *И. М. Сулинъ.* Отчетъ по командировкѣ въ Черкасскій и Сальскій округа. Новочеркасскъ.

Хоронились одинаково мужчины и женщины. Съ первыми полагались сабли, ножи, колчаны съ желѣзными наконечниками стрѣлъ, огнива, сѣдла одинъ топоръ и др.; съ женщинами—бусы, ножи, металлическія зеркала и др. Сабли, стрѣлы и топоры поздняго времени. Колчаны имѣетъ форму бронзовыхъ кельтовъ, расширяющихся къ низу. Верхняя часть колчана иногда покрывалась костяными пластинками съ пышнымъ геометрическимъ орнаментомъ и рисунками животныхъ (оленей).

Время этихъ погребеній сравнительно позднее. Народность—монгольская, но какая именно, еще невозможно сказать. Не принадлежатъ, ли эти погребенія Половцамъ? Постановка вопроса умѣстна, рѣшеніе же его принадлежитъ будущему.

Къ третьему типу относится пять погребеній, изъ нихъ четыре открыты въ области р. Бахмута и одно въ области р. Кальміуса. Покойники полагаются вытянуто, на спинѣ, головою на З, въ деревянныхъ колодахъ, за исключеніемъ одного кальміусскаго, обложеннаго камышомъ.

Въ четырехъ погребеніяхъ найдены или цѣлые остовы или части коней, расположенные всегда такъ, что голова коня приходилась въ одну сторону съ головою покойника, т. е. на З. Этотъ типъ погребеній встрѣченъ и тщательно изученъ на р. Россавѣ и Росѣ, въ Кіевской губерніи, и на берегахъ р. Донца, въ Изюмскомъ уѣздѣ. Въ послѣднемъ нами изслѣдовано до тридцати кочевническихъ погребеній и всѣ они оказались одного описываемаго типа. Очевидно, народность, оставившая эти погребенія главнымъ образомъ занимала Изюмскую землю, рѣдко переходя за р. Бахмутъ и мало впуская постороннихъ въ свою область. Что это была за народность. Исторіи извѣстно, что, изъ позднѣйшихъ кочевниковъ только *Торки* обитали на р. Торцѣ, составляющемъ центръ изслѣдованной площади въ Изюмскомъ уѣздѣ, на р. Росѣ, въ Кіевской губерніи. Разъ же на той и другой площади найдены совершенно тождественныя и на другихъ площадяхъ невстрѣчающіяся погребенія, соотвѣтствующія данному времени, то, конечно, возможно и должно отнести эти погребенія *Торкамъ*. Не считая удобнымъ вдаваться здѣсь въ подробности оцѣнки этого положенія, замѣчу только, что описываемый типъ настолько характеренъ и выразителенъ, что его невозможно смѣшать съ другими кочевническими типами погребеній, встрѣченныхъ въ степяхъ р. Бахмута и р. Кальміуса.

Въ составъ четвертаго типа входятъ девять погребеній; изъ нихъ три открыты на р. Бахмутѣ и шесть на р. Кальміусѣ. Костяки оріентированы головою на З., лежатъ безъ гробовъ и безъ вещей; въ четырехъ случаяхъ со скрещенными на груди руками. Повидимому, это очень

поздніе погребенія, а нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть даже христіанскими.

Совершенно изолированно стоитъ одно погребеніе, открытое въ курганѣ близъ хут. Пески, въ области р. Кальміуса. Для покойника была вырыта яма въ насыпи стараго кургана. На дно ея опущенъ гробъ, сплетенный изъ тонкихъ драницъ, какъ современныя коробки, продаваемыя въ мелочныхъ лавкахъ.

На краяхъ ямы, въ головахъ и ногахъ покойника, поставлены по одной деревянной статуэткѣ, а съ боковъ разложены остовы восьми телятъ, двухъ овецъ и отрубленныя части лошади, близъ которыхъ найдено одно желѣзное стремя.

Покойникъ лежалъ вытянуто, на спинѣ, головою на З. При немъ находилась желѣзная сабля, колчанъ съ расширеніемъ книзу, въ формѣ бронзоваго кельта, желѣзныя стрѣлы, глиняный горшечекъ и другія мелкія вещи. На днѣ гроба видна посыпка известью, а на тазу покойника найденъ кусокъ мѣла. Послѣдніе предметы сближаютъ погребеніе съ первымъ и вторымъ описанными типами кочевническихъ погребеній, гдѣ также наблюдались известь и мѣлъ; но всѣ прочіе признаки даютъ ему право занять особое мѣсто.

Погребеній съ разнообразною оріентировкою и обстановкою открыто 11.

Изъ нихъ одно оказалось въ катакомбѣ, въ сопровожденіи череповъ старой лошади и жеребенка. Д. Я. Самоквасовъ совершенно такія же погребенія изслѣдовалъ въ с. Новогригорьевкѣ, Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губ.; А. А. Карцовъ—въ д. Вороновой Новомосковскаго у., той же губерніи; при чемъ въ послѣднихъ были найдены двѣ монеты хана Узбека, поэтому погребенія этого типа должно отнести къ татарскому времени и, возможно, татарской народности.

Этимъ въ общихъ чертахъ исчерпываются всѣ результаты нашихъ работъ 1903 года.

В. А. Городцовъ.

XI.

Стоянка и мастерская около сл. Хухры, Ахтырскаго уѣзда Харьковской губерніи.

Стоянка находится около сл. Хухры и расположена на песчаныхъ дюнахъ, идущихъ по берегу рѣчки Хухры. На этомъ пространствѣ встрѣчаются въ большомъ количествѣ черепки глиняныхъ сосудовъ и другіе предметы, свидѣтельствующіе о пребываніи здѣсь въ древности людей, культура и бытъ которыхъ отличались отъ современныхъ. По просьбѣ автора этой замѣтки, мѣстный землевладѣлецъ З. З. Виноградовъ посѣтилъ стоянку и собралъ всѣ тѣ предметы, которые встрѣтились ему на поверхности [1]). Кромѣ того, небольшое количество предметовъ, собранныхъ тамъ же, прислалъ на выставку при XII археологическомъ съѣздѣ о. Д. Поповъ [2]). Предметы, доставленные такимъ путемъ, принадлежатъ къ слѣдующимъ категоріямъ: *А. Керамическія издѣлія. Б Каменныя орудія и осколки. В. Металлическіе предметы.* Къ характеристикѣ данныхъ предметовъ и представляемой ими культурной эпохѣ мы и переходимъ теперь.

Керамическія издѣлія составляютъ большую часть данной находки и состоятъ главнымъ образомъ изъ черепковъ глиняныхъ сосудовъ различной работы, величины и формы, но, кромѣ нихъ, встрѣтились также глиняныя пряслицы, грузила и предметы неизвѣстнаго назначенія. Разсматривая черепки сосудовъ, легко замѣтить среди нихъ нѣсколько различныхъ типовъ, при чемъ отличія вызываются разными причинами: прочностью обжиганія, формой, величиной, орнаментомъ и т. д. Конечно, численно не всѣ группы представлены одинаково: преобладаютъ черепки первыхъ двухъ категорій, при чемъ они оказываются почти въ одинаковомъ количествѣ, а другіе встрѣтились въ болѣе или менѣе единичныхъ экземп-

---

[1]) Каталогъ выставки XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Отдѣлъ древностей, добытыхъ изъ раскопокъ и случайныхъ находокъ. Х. 1902, с.с. 192—193. [2]) ibid, с. 18.

лярахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ черепки горшковъ разной величины и формы преобладаютъ надъ черепками другихъ сосудовъ.

Прежде всего значительная часть черепковъ принадлежитъ къ тому типу, который встрѣчается и на другихъ стоянкахъ не только Харьковской губерніи, но и прочихъ частей Южной и Западной Россіи. Это обломки глиняныхъ горшковъ разной величины, сдѣланныхъ отъ руки изъ плохо отмученной глины. Горшки были слабо обожжены. Отъ этихъ горшковъ сохранились различныя части: плоскія днища, боковыя стѣнки, верхнія части. Горшки большею частью имѣли слабо выраженныя шейки и плечи, при чемъ обрѣзъ края у всѣхъ прямой, а у немногихъ край слегка откинутъ. Нѣкоторые изъ этихъ черепковъ покрыты орнаментомъ, при чемъ встрѣтились обычные виды: точечный, веревочный, елочный, лѣпной шнуровой (двускактный шнуръ) и т. д. [1]). Совершенно аналогичные [2]) этимъ черепкамъ встрѣтились въ другихъ мѣстахъ Харьковской губерніи: на стоянкахъ около с. Кочетка, около с. Катанскихъ Вилъ [3]) около сл. Кириковки [4]) и т. д. Подобные же черепки встрѣчались намъ обыкновенно и въ другихъ мѣстностяхъ; такъ на стоянкѣ на Лысой горѣ, у Кіева и т. д.

Въ такомъ же приблизительно количествѣ найдены черепки глиняныхъ горшковъ другого типа. Это—кубастые горшки различной величины съ откинутымъ краемъ. Обрѣзъ края у нихъ различенъ: у однихъ онъ—прямой, у другихъ—волнистый. Подобно горшкамъ первой группы они сдѣланы отъ руки изъ плохо отмученной глины и слабо обожжены на огнѣ. При этомъ стѣнки ихъ обыкновенно толще, тѣмъ у горшковъ первой группы, и у нѣкоторыхъ слегка выглажены. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли ушки, но, вѣроятно, рѣдко. Отъ нихъ сохранились различныя части: днища (плоскія), боковыя стѣнки, верхнія части, ушки. Иные изъ этихъ черепковъ украшены орнаментомъ, но при этомъ мы встрѣтились только съ 3 видами орнамента, которые иногда комбинируются вмѣстѣ: точки большого діаметра, сквозныя дыры и лѣпной шнуръ. Нѣкоторые сосуды украшены на шеѣ точками, поставленными рѣдко и въ одинъ рядъ, а другіе орнаментированы на переходѣ отъ шеи къ плечамъ плоскимъ лѣпнымъ шнуромъ, при чемъ оба эти орнамента совмѣстно не встрѣтились. Но одинъ черепокъ украшенъ почти у края сквозными дырами, назначеніе которыхъ остается неяснымъ, а ниже, у плечей идетъ лѣпной плоскій шнуръ [5]). Вообще, черепки второй группы рѣзко отличаются отъ первой

---

[1]) ibid, с.с. 193-194. [2]) ibid, с.с. 9—13, 79, 87 и 190—191. [3]) Труды Харьковскаго Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда. Т. I. Х. 1902, с.с. 368—369 и Каталогъ, с. 81. [4]) Труды, с.с. 367—368 и Каталогъ, с. 80. [5]) Каталогъ, с. 194.

и находятъ себѣ почти полную аналогію частью въ керамическихъ издѣліяхъ изъ кургановъ около с. Будъ и х. Березовки, Ахтырскаго уѣзда, частью же въ находкахъ на стоянкахъ по берегамъ р. Мерла [1]).

Гораздо меньше оказалось черепковъ, принадлежащихъ сосудамъ лучшей выдѣлки, чѣмъ описанные раньше. Здѣсь прежде всего необходимо отмѣтить два черепка какихъ-то сосудовъ розоваго цвѣта. Оба они сдѣланы изъ хорошо отмученной розовой глины и цвѣтомъ своимъ немного напоминаютъ греческія терракоты. Обожжены они весьма крѣпко. О формѣ сосудовъ, которымъ принадлежатъ эти черепки, судить весьма трудно, такъ какъ сохранились черепки только отъ верхней части сосудовъ. Оба черепка украшены довольно сложнымъ орнаментомъ, представляющимъ комбинацію трехугольныхъ ямочекъ и прямыхъ линій [2]).

Крѣпкой работой отличались сосуды изъ красной и розовой глины, содержавшей въ себѣ примѣсь мелко толченаго кварца. Отъ этихъ сосудовъ сохранились два черепка верхней части сосудовъ и обломокъ ушка, при чемъ эти черепки не орнаментированы. Конечно, судить по этимъ даннымъ о формѣ сосудовъ довольно трудно [3]). Изъ подобной глины съ кварцемъ дѣлались большіе сосуды, обломки которыхъ въ изобиліи встрѣчаются на стоянкѣ около с. Кочетка [4]).

Въ количествѣ только 3 экземпляровъ найдены черепки глиняныхъ тарелокъ или крышекъ. Всѣ онѣ очень мелки и имѣли прямыя стѣнки. Сдѣланы довольно грубо, отъ руки, но обожжены крѣпко [5]). Какъ указалъ уже В. А. Городцовъ, сосуды подобнаго типа встрѣчаются въ находкахъ весьма позднихъ культурныхъ періодовъ [6]). Въ Харьковской губерніи подобные сосуды встрѣтились намъ въ курганахъ около с. Будъ [7]).

Наконецъ, стоянка около сл. Хухры дала и еще одинъ видъ глиняныхъ сосудовъ, встрѣчающихся рѣдко въ Харьковской губерніи, а именно черепокъ глиняного ситка. Ситко сдѣлано изъ зеленоватой глины, плохо отмученной, но обожжено крѣпко. Какой формы было это ситко, теперь трудно сказать, такъ какъ черепокъ очень малъ [8]). Прибавимъ, что подобные сосуды встрѣтились въ упомянутыхъ курганахъ около с. Будъ [9]).

На стоянкѣ встрѣтились два обломка верхней части сосудовъ, представляющія нѣкоторый бытовой интересъ. Сосуды были разбиты еще тогда, когда стоянка посѣщалась или была заселена людьми, оставившими изучаемые нами предметы. При этомъ черепки данныхъ сосудовъ не были

---

[1]) ibid, с.с. 81—82, 84—85 и 120—121. [2]) ibid, с. 194. [3]) ibid, с.с. 194—195. [4]) ibid, с. 192. [5]) ibid, с. 194. [6]) Русская доисторическая керамика. М. 1901, с. 23. [7]) Каталогъ, с. 85. [8]) idid, с. 194. [9]) ibid, с. 85.

брошены безъ вниманія, а подверглись отдѣлкѣ: ихъ оббили такъ, что они могли служить въ качествѣ грузилъ для сѣтей. Наконецъ, на стоянкѣ найденъ комочекъ красной глины, крѣпко обожженной; глина хорошо отмучена [1]). Подобные комки неизвѣстнаго назначенія найдены и въ курганахъ у с. Будъ [2]).

Кромѣ черепковъ сосудовъ, найдены 2 обломка глиняныхъ пряслицъ и 1 обломокъ глинянаго грузила. Пряслицы невелики, едѣланы изъ сѣрой глины, хорошо обожжены и имѣютъ двускатную форму. Грузило сдѣлано изъ желтоватой глины, имѣетъ довольно значительные размѣры и круглую форму, при чемъ слегка утолщается отъ периферіи къ отверстію, вслѣдствіе чего имѣетъ почти двускатный видъ [3]).

Каменныя вещи состоятъ исключительно изъ орудій и осколковъ, получившихся при выдѣлкѣ первыхъ. Орудія принадлежатъ къ простѣйшимъ типамъ и сдѣланы изъ камня трехъ породъ: кремня, песчаника и кварцита. Всѣ найденныя тутъ орудія отбивныя и вообще сдѣланы одинаковымъ способомъ, полированныхъ орудій нѣтъ среди вещей этой стоянки. Даже формой кварцитовыя и песчаниковыя орудія не отличаются отъ кремневыхъ, хотя качества кремня и послѣднихъ двухъ породъ камня весьма различны. Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ обломокъ отбивной кварцитовой пилки. Она имѣетъ весьма маленькіе зубчики, сдѣланные съ помощью частыхъ и мелкихъ отбоинъ. Такая тонкая отдѣлка не всегда встрѣчается у кремневыхъ пилокъ, но особенно рѣдко попадается въ пилкахъ изъ кварцита, потому что послѣдній труднѣе поддается мелкой отбивкѣ, чѣмъ кремень. Всѣ орудія имѣютъ или среднія или даже небольшіе размѣры, а одна отбивная кремневая стрѣлка отличается чрезвычайно малой величиной немного болѣе 1 сантим. и назначалась, вѣроятно, для охоты на птицъ. Въ числѣ найденныхъ на стоянкѣ издѣлій изъ камня оказались слѣдующіе виды орудій: стрѣлки, наконечники трехугольной, ножевидной и шильцевидной формъ, обломки ножей и обломокъ кварцитоваго отбойника, а кромѣ того, нѣкоторые осколки подправлены слегка на одномъ концѣ и служили, вѣроятно, въ качествѣ скребковъ. Таковы издѣлія изъ камня, найденныя на нашей стоянкѣ [4]). Присутствіе среди нихъ орудій изъ кварцита и песчаника, почти отсутствующихъ на стоянкѣ у с. Кочетка и другихъ извѣстныхъ намъ стоянкахъ Харьковской губерніи, сближаетъ стоянку около сл. Хухры съ курганами около с. Будъ, гдѣ найдены исключительно кварцитовыя и песчаниковыя орудія [5]).

---

[1]) ibid, с. 195. [2]) ibid, с. 85. [3]) ibid, с. 194. [4]) ibid, с.с. 192—193. [5]) ibid, с.с. 10—14, 78, 81—84, 86—87, 190—192 и 196—197.

Металлическія издѣлія, найденныя на нашей стоянкѣ, довольно немногочисленны и состоятъ частью изъ бронзовыхъ, частью изъ желѣзныхъ вещей. Среди бронзовыхъ вещей преобладаютъ стрѣлки, которыхъ найдено 17 штукъ. Большая часть (16) изъ нихъ имѣютъ трехгранную форму, причемъ нѣкоторыя (3) изъ нихъ имѣютъ ножки, а одна сверхъ того снабжена и бородкой. Кромѣ того, часть стрѣлокъ этого типа помѣчена какими-то зарубками на одномъ изъ реберъ. Лишь одна изъ стрѣлокъ отличается отъ прочихъ своимъ видомъ: она имѣетъ листовидную форму и снабжена ножкой; втулка ея доходитъ до половины наконечника, имѣя острое ребро во всю ширину и два углубленія по сторонамъ. Кромѣ стрѣлокъ, найдены обломки какого-то бронзоваго предмета, древность котораго подтверждается патиной, одинаковой съ той, которая покрываетъ стрѣлки. Изъ желѣзныхъ вещей на нашей стоянкѣ найдены: желѣзный наконечникъ для стрѣлы небольшой величины и кусокъ желѣзной проволоки или иглы, древность котораго для насъ не совсѣмъ доказана. [1]) Въ общемъ металлическія вещи нашей стоянки не представляютъ ничего особеннаго и встрѣчаютъ полную аналогію въ находкахъ, сдѣланныхъ на другихъ стоянкахъ Харьковской губерніи: около сл. Райгородка, около с. Кочетка и т. д. [2]) При этомъ находки металлическихъ вещей на другихъ стоянкахъ отличаются сплошь и рядомъ большимъ разнообразіемъ и многочисленностью. Такъ, напомнимъ, кромѣ названныхъ выше стоянокъ, знаменитую стоянку около с. Вишенокъ, которая доставила громадное количество вещей самыхъ разнообразныхъ эпохъ. [3]) Въ общемъ меллическія вещи съ нашей стоянки могутъ быть сближены также съ нѣкоторыми находками въ курганахъ, содержащихъ погребенія такъ называемаго скиѳскаго типа. Такъ, назовемъ курганы у х. Покровскаго, Валковскаго уѣзда Харьковской губерніи: въ нихъ намъ встрѣтились и бронзовыя стрѣлки трехгранной формы, и желѣзные наконечники стрѣлъ, совершенно аналогичные тѣмъ, которые найдены на стоянкѣ около сл. Хухры. [4]) На этомъ окончимъ описаніе вещей, доставленныхъ данной стоянкой, и на основаніи нихъ постараемся опредѣлить тотъ культурный періодъ, къ которому относятся всѣ эти находки. Попытаемся также отмѣтить тѣ данныя, которыя характеризуютъ культуру и бытъ населенія этой стоянки. Конечно, мы должны оговориться впередъ, что мы не имѣли возможности изслѣдовать стоянку лично и

[1]) ibid, с. с. 18 и 195. [2]) ibid, с. с. 15—18, 110—112; ср. также прим. 21. [3]) Императорскій Россійскій Историческій Музей. Указатель памятниковъ. М. 1893, с. с. 47—48. Каталогъ Выставки XI-го Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ. К. 1899. с. с. 37—38, 49, 70, 83, 129, 149, 153 и 161. Каталогъ выставки XII археол. съѣз., с. с. 101—110. [4]) Археологическая лѣтопись Южной Россіи, за 1903 г., № 6, с. 398.

можемъ оперировать лишь въ предѣлахъ того матеріала и тѣхъ данныхъ, которыя доставлены намъ лицами, непосредственно изучившими стоянку около сл. Хухры. Такимъ образомъ наши выводы не могутъ претендовать на абсолютную точность и будутъ лишь постольку относиться ко всей стоянкѣ, поскольку извѣстныя намъ находки могутъ считаться характерными для нея. Эти оговорки мы считаемъ необходимыми не только по указаннымъ сейчасъ соображеніямъ, но также дабы намъ не приписали честь изслѣдованія стоянки, принадлежащую другимъ лицамъ, фамиліи которыхъ мы указали въ началѣ настоящей замѣтки.

Подводя итогъ сказанному выше, мы видимъ, что на берегахъ р. Хухры, около слободы того-же имени, находилась не только стоянка, но и мастерская каменныхъ орудій, на что указываютъ многочисленные осколки отъ выдѣлки орудій, находящіеся въ числѣ описанныхъ нами вещей. Къ сожалѣнію нѣтъ прямыхъ указаній на то, выдѣлывались-ли тутъ-же керамическія издѣлія или нѣтъ, но нѣкоторыя косвенныя данныя позволяютъ заключить, что сосуды и другія керамическія вещи, подобно каменнымъ орудіямъ, приготовлялись на стоянкѣ. Прежде всего въ пользу такого предположенія говоритъ найденный тутъ комочекъ обожженной глины: трудно допустить, чтобы онъ былъ сдѣланъ нарочно, и его принесли сюда издалека, а скорѣе всего онъ получился случайно при выдѣлкѣ и обжиганіи сосудовъ. Но, по нашему крайнему разумѣнію, на это указываютъ два черепка, которые мы отмѣтили выше, такъ какъ съ большимъ вѣроятіемъ можно признать, что они были приспособлены въ качествѣ грузилъ тутъ-же, на стоянкѣ. Зато совершенно немыслимо высказаться болѣе или менѣе точно по другому вопросу: служила-ли наша стоянка мѣстомъ постояннаго жительства людей, оставившихъ на ней описанные выше предметы, или они посѣщали ее временно. Къ сожалѣнію, въ имѣющихся у насъ свѣдѣніяхъ о стоянкѣ около сл. Хухры нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы на стоянкѣ были найдены какіе-либо слѣды жилищъ. Точно также намъ не удалось узнать, имѣются-ли на стоянкѣ какія-нибудь могилы.

Переходя къ быту людей, посѣщавшихъ нашу стоянку или жившихъ на ней постоянно, мы видимъ, что они занимались: гончарствомъ, обработкой камня, охотой, рыбной ловлей и умѣли обрабатывать волокнистыя вещества, на что указываютъ пряслицы. При этомъ одной изъ особенностей данной стоянки, отличающей ее отъ большинства стоянокъ, является то, что обитатели ея употребляли для выдѣлки орудій кварцитъ и песчаникъ. Кромѣ того, обитатели нашей стоянки употребляли въ пищу тѣ-же раковины, остатки которыхъ встрѣчаются въ громадномъ

количествѣ и на другихъ стоянкахъ какъ Харьковской губерніи, такъ и другихъ частей Южной и Западной Россіи: здѣсь найдены въ значительномъ числѣ обломки рѣчной раковины Unio pictorum. [1]) Повидимому, эта раковина была любимой пищей древнихъ людей. Впрочемъ, это легко объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что она водится въ большомъ количествѣ въ рѣкахъ Европейской Россіи, и добывать ее очень легко.

Переходя къ культурѣ населенія нашей стоянки, отмѣтимъ, что описанныя находки принадлежатъ далеко не къ одному культурному типу: тутъ найдены каменныя орудія, издѣлія изъ бронзы, желѣзныя вещи. Такимъ образомъ эта мѣстность посѣщалась людьми въ разное время, чѣмъ и объясняется разнообразіе найденныхъ тутъ вещей, а, значитъ, и находки характеризуютъ нѣсколько культурныхъ стадій. Большая часть описанныхъ нами предметовъ относится по всѣмъ признакамъ къ числу такихъ вещей, которыя признаются характерными для каменной культуры: таковы керамическія издѣлія, таковы и каменныя орудія. Точнѣе мы должны опредѣлить культуру людей, оставившихъ описанныя находки, неолитической, такъ какъ изъ сказаннаго выше видно, что эти люди стояли на довольно высокой ступени культурнаго развитія, и ихъ бытъ уже очень далекъ отъ первобытной простоты. Но мы должны напомнить, что въ общемъ культурный характеръ описанныхъ предметовъ почти аналогиченъ находкамъ, сдѣланнымъ въ курганахъ съ трупосожженіемъ около с. Будъ, а послѣдніе мы отнесли къ поздней неолитической культурѣ, при чемъ допустили возможность того, что въ данный раіонъ проникло уже знакомство съ металлами, а здѣсь, кромѣ металлическихъ вещей, встрѣтились также тарелки, относимыя обыкновенно къ болѣе позднимъ эпохамъ [2]). Конечно, мы далеки отъ того, чтобы признать всѣ описанные предметы хронологически одновременными. Весьма возможно, что металлическія вещи всѣ или въ извѣстной долѣ оставлены людьми, посѣщавшими мѣстность нашей стоянки много позже того времени, когда находилось тутъ населеніе, культура котораго названа нами поздней неолитической. Правда, въ курганахъ около с. Будъ, съ нѣкоторыми находками въ которыхъ аналогичны предметы съ нашей стоянки, нашлись такіе сосуды, точные двойники которыхъ мы встрѣтили потомъ при раскопкѣ курганнаго поля около х. Покровскаго, при чемъ одинъ изъ этихъ сосудовъ попался намъ въ числѣ вещей, сопровождавшихъ погребеніе такъ называемаго скиѳскаго типа [3]). Впрочемъ, такіе случаи могутъ

---

[1]) Каталогъ выст. XII археол. съѣз., с. 194. Ср. также *Нидерле*. Человѣчество въ доисторическія времена. Спб. 1898, с. 155. [2]) *В. А. Городцовъ*, ор. с., с. 23. [3]) Археол. Лѣт. Юж. Рос., 1. с.

быть объяснены культурными переживаніями, да и не всегда сходство вещей свидѣтельствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онѣ хронологически одновременны. Съ другой стороны мы не можемъ высказаться категорически за то, что бронзовыя и желѣзныя вещи принадлежатъ къ разнымъ періодамъ. Наоборотъ, подобныя вещи находятся совмѣстно очень часто, и намъ приходилось встрѣчать ихъ въ погребеніяхъ безусловно одного и того-же скиѳскаго типа. А потому мы склонны допустить, что описанные нами предметы принадлежатъ не только къ двумъ различнымъ стадіямъ культуры, но и къ двумъ хронологическимъ періодамъ. На этомъ мы и закончимъ нашу замѣтку, отмѣтивъ предварительно, что древности, происходящіе со стоянки и мастерской около сл. Хухры, въ большей своей части поступили въ музей искусствъ и древностей при Харьковскомъ университетѣ и въ музей Одесскаго общества исторіи и древностей, а нѣкоторыя находятся въ частныхъ коллекціяхъ. Надѣемся, что мѣстные археологи продолжатъ изученіе стоянки около сл. Хухры и сдѣлаютъ это въ самомъ непродолжительномъ времени, пока она не расхищена окончательно.

В. Е. Данилевичъ.

Г. Харьковъ,
Декабрь 1904 года.

XII.

Духовныя сочиненія Николая Флавицкаго.

Николай Флавицкій, харьковскій писатель начала XIX ст., какъ личность, совсѣмъ неизвѣстенъ. По сохранившимся его рукописямъ видно только, что онъ проживалъ въ селѣ Федоровкѣ и находился въ близкихъ сношеніяхъ съ богатымъ помѣщикомъ волчанскаго у. А. Я. Донцомъ-Захаржевскимъ. Весьма начитанный въ Священномъ Писаніи, Флавицкій недурно владѣлъ словомъ и съ большимъ усердіемъ писалъ религіозно-нравственныя сочиненія, которыя посвящалъ Донцу-Захаржевскому. Изъ сочиненій Флавицкаго не видно, чтобы онъ принадлежалъ къ духовному сословію; но произведенія его носятъ вполнѣ духовный характеръ. Въ Харьковское Историко-Филологическое Общество поступило двѣ тетрадки его произведеній, въ разное время, одна въ 1893 году въ собственность, другая въ 1905 г. во временное пользованіе.

Въ 1893 г. покойный харьковскій старожилъ Ив. Ив. Колтуновскій передалъ въ распоряженіе Историко-Филологическаго Общества небольшой сборникъ духовныхъ стихотвореній Николая Флавицкаго 1827 г., посвященный А. Я. Донцу-Захаржевскому. Такъ какъ Колтуновскій лично бывалъ у послѣдняго представителя этого рода, убитаго въ 1871 году, то можно думать, что и сборникъ этотъ полученъ былъ имъ отъ Донца-Захаржевскаго. Рукопись и бумага того времени. На бумагѣ водяной знакъ У. Ф. Л. Н. 1826.

Сборникъ безъ заглавія. Состоитъ онъ изъ 16 незанумерованныхъ страницъ писчей бумаги. На 1 стр., «Андрею Яковлевичу Донецъ-Захаржевскому усерѳднѣйшее приношеніе», на 2 слѣд. обращеніе: «Благотворитель! Ясли сердца Вашего безъ сомнѣнія пріяли въ себя Слово безначальное, Духа Свободы, Сына Бога живаго, иже и плоть бысть. Поздравляя васъ съ торжественнымъ воспоминаніемъ явленія Искупителя на землѣ нашей, душевно желаю, чтобы вы, непереставая оусществлять вѣру свою добрыми дѣлами во славу Божію, достигли наконецъ въ мѣру

возраста и исполненія Христова!» «25 декабря 1827. Сл. Б.-Бурлукъ Николай Флавицкій».

На первомъ мѣстѣ стоитъ переводъ въ стихахъ первыхъ четырехъ главъ изъ соборнаго посланія св. ап. Іакова къ 12 племенамъ разсѣяннымъ. Какъ извѣстно, посланіе это маленькое, состоитъ всего изъ 5 главъ, и, странно, что Флавицкій оставилъ безъ перевода небольшую пятую главу, заключающую въ себѣ много прекрасныхъ мыслей. Можно думать, что онъ постерегся повторить богатому помѣщику слова апостола: «Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бѣдствіяхъ вашихъ, находящихъ на васъ. Богатство ваше тлѣнно, и одежды ваши изъѣдены молью».

Какъ образчикъ перевода возьмемъ первые стихи первой главы:

Возлюбленные! къ вамъ я слово обращаю
И таинство Креста Христова возвѣщаю,
Когда прельщеніямъ судьба подвергнетъ васъ,
Не сокрушайтесь, но радуйтесь въ тотъ часъ
И знайте: ежели приходятъ искушенья
Для испытанія и вѣры, и терпѣнья,
И чтобы васъ плѣнить тщетою благъ земныхъ:
То это для того—чтобъ побѣдить вамъ ихъ;
Чтобъ міра прелесть, исчадія Геенны,
Презрѣли дѣломъ вы и были совершенны!
Но если мудрости не достаетъ кому,
Да проситъ у Творца ее—и дастъ ему;
Онъ просто всѣмъ даетъ, за даръ неупрекая;
Но только съ вѣрою да проситъ, отвергая
Сомнѣнія ума, которыя морскимъ
Подобятся волнамъ, что вѣтры воздымаютъ
И въ то жъ мгновеніе на части разбиваютъ!
Двоякій человѣкъ рабъ суетамъ мірскимъ.
Коль сердце и Творцу и міру раздѣлится:
Какая вѣра въ немъ тогда укоренится?
Не можно быть слугой и міру и Творцу!
Чего желаетъ Сей, другой то отвергаетъ;
Кто міру рабствуетъ, тотъ Бога забываетъ
И нерадитъ служить нѣжнѣйшему Отцу.
Да хвалится же братъ убогій высотою
Души, вознесшейся надъ всею суетою;
Богатый же всегда въ смиреньѣ да живетъ
И помнитъ какъ трава онъ въ мірѣ отцвѣтетъ.

Взойдетъ свѣтило дня, настанетъ зной полдневный,
Засохнетъ на травѣ цвѣтъ, солнцемъ опаленный,
Исчезнетъ красота и съ нею жизнь ея.
Такъ въ предпріятіяхъ богатый увядаетъ,
Когда въ сокровищахъ надежду полагаетъ,
Когда не ищетъ онъ по смерти бытія....

По внѣшней формѣ переводъ довольно хорошъ; слогъ плавный; но мѣстами переводъ не отличается близостью къ тексту и представляетъ свободную передачу.

Слѣдующія за тѣмъ три небольшихъ оригинальныхъ стихотворенія: «Въ день архистратига Михаила»[1]), сонетъ «Обращеніе Савла» и «Вѣчная истина глаголетъ» («Не собирайте на земли богатства»...) не выходятъ изъ обычнаго шаблона старинныхъ духовныхъ стиховъ семинарскаго издѣлія.

Вторая рукопись, найденная Е. М. Ивановымъ въ архивѣ Задонскихъ, болѣе позднихъ владѣльцевъ Б.-Бурлука, состоитъ изъ 62 перенумерованныхъ страницъ такого же формата и того же почерка, съ хронологической помѣткой—ноября 30 дня 1830 г., съ такимъ предисловіемъ: «Благотворитель! Благотворить—добродѣтель, свойственная душамъ христіанскимъ: быть благодарнымъ—священнѣйшій долгъ облаготвореннаго. Пріймите умственную лепту сію! Посвящая оную вамъ, надѣюсь, что по возможности плачу вамъ долгъ свой. Ахъ нѣтъ! никогда не будетъ въ состояніи заплатить вамъ долга своего облаготворенный вами Николай Флавицкій».

Рукопись носитъ общее заглавіе: «Утреннія и вечернія размышленія грѣшника кающагося»; но такъ какъ эта рукопись начинается съ 4 утра, то нужно думать, что ранѣе были уже «размышленія» на первые три дня. Содержаніе этой рукописи слѣдующее.

Всѣ произеденія прозаическія; послѣ каждаго отмѣчены с. Федоровка, время составленія «размышленія» напр. послѣ «утра пятаго»—«соч. 8 ноября 1830 г. отъ 10 до 12 час. утра, переписывалъ послѣ обѣда»,

[1]) Храмъ въ Бурлукѣ во имя Архистратига Михаила.

и послѣ каждаго отмѣчена погода, напр., послѣ «5 утра»—«при восходѣ солнце показалось на минуту; цѣлый же день пасмурно». Всѣ «размышленія» духовны до крайности, безъ малѣйшаго отраженія народнаго быта, личныхъ отношеній или внѣшней природы, одни разглагольствованія, скучныя и сухія, мѣстами аскетически суровыя. Авторъ обличаетъ грѣшниковъ вообще и щедро разсыпаетъ угрозы смерти и ада.

Не прибѣгая къ изданію «размышленій» Флавицкаго, отмѣтимъ для общаго знакомства съ ихъ стилемъ и характеромъ два—три мѣста. Достаточно сказать, что первое и главное «размышленіе» о Молитвѣ Господней начинается такой тирадой: «Богъ, Творецъ безчисленныхъ міровъ, въ солнцѣ полагаяй селенія своя, создавый небо и основавый землю, Владыка видимыхъ и невидимыхъ, маніемъ вращающій вселенную, Тотъ, въ десницѣ Коего ключи ада и смерти, Безначальный, Безконечный, Премудрый, Всемогущій, Правосудный, Милосердный Богъ, Отецъ Сына возлюбленнаго, Спасителя нашего, прежде всѣхъ вѣкъ отъ него рожденнаго, по непостижимому человѣколюбію своему, благоволилъ повелѣть и намъ, червямъ пресмыкающимся, праху и пеплу, преступникамъ Закона Любви, грѣшникамъ, недостойнымъ помилованія его, именовать себя Отцомъ. Со страхомъ и трепетомъ, яко рабъ неключимый, во прахѣ, яко сынъ праха, поверженный едва смѣю возвести очи мои на небо и отверзти скверная и нечистая уста мои для воззванія къ Тебѣ: «Отче нашъ!»...

Такое крѣпостнически-холопское отношеніе къ Божеству проходитъ черезъ всѣ размышленія Флавицкаго. «Воля человѣческая есть источникъ зла»... «Человѣкъ съ перваго мгновенія бытія своего презирается Богомъ»... Во многихъ мѣстахъ обнаруживается осужденіе богачей, но въ самыхъ общихъ формахъ, что не мѣшало искать «благотворителей» и пользоваться подачками современныхъ помѣщиковъ. «Роскошные Сарданапалы» охотно принимали именинныя и праздничныя литературныя приношенія. Любопытно, какъ подгонялись эти приношенія. Относительно А. Я. Донца-Захаржевскаго, напримѣръ, извѣстно, что онъ торжественно справлялъ дни Пасхи, Рождества Христова и день своего ангела—30 ноября, и посвященія Флавицкаго относятся—одно къ 25 декабря, другое къ 30 ноября. Относительно личности А. Я. Донца-Захаржевскаго находятся весьма интересныя сообщенія въ IV т. «Истор. стат. опис. Харьк. епархіи Филарета» (309—314). Особенности его личнаго характера въ значительной степени объясняютъ появленіе «размышленій» Флавицкаго.

«Въ числѣ прихожанъ, говоритъ арх. Филаретъ, весьма замѣчательнымъ лицомъ и притомъ въ христіанскомъ отношеніи былъ создатель

храма (въ честь арх. Михаила) Андрей Яковлевичъ Захаржевскій... Въ дѣтствѣ лишенъ матери, Андрей Яковлевичъ воспитывался въ домѣ родственниковъ. Еще въ дѣтствѣ Андрей Яковлевичъ отличался особенной добротою, кроткимъ и чувствительнымъ сердцемъ. Слабый здоровьемъ, онъ не обнаруживалъ въ себѣ блистательныхъ дарованій, не отличался и ловкостью въ обращеніяхъ, такъ высоко цѣнимой въ свѣтскомъ быту. При слабомъ здоровьи онъ недолго служилъ въ военной службѣ, и оставилъ ее въ чинѣ ротмистра. Кромѣ нездоровья заставила его выйти въ отставку преимущественно болѣзнь отца, который отъ паралича лишился употребленія языка, рукъ и ногъ... Но сколько сынъ былъ нѣженъ къ больному отцу, столько отецъ не оказывалъ ласки сыну... Онъ заставлялъ его довольствоваться тѣмъ, что давалъ ему на содержаніе управляющій, изъ крестьянъ, человѣкъ жестокій»... По смерти отца въ 1801 г., Андрей Яковлевичъ взялъ управленіе въ свои руки. Онъ женился, но черезъ 11 лѣтъ овдовѣлъ, вскорѣ потерялъ любимаго брата Владиміра. «Потеря доброй супруги сильно подѣйствовала на кроткую душу Андрея Яковлевича; онъ сталъ болѣе прежняго усерденъ къ храму Божіему, и суетность всего земного еще живѣе стала представляться душѣ. А смерть любимаго брата и друга Владиміра († 1824 г.) произвела еще болѣе рѣшительную перемѣну въ душѣ его. Съ этого времени онъ еще болѣе сталъ заниматься чтеніемъ духовныхъ книгъ. Въ это время онъ рѣшилъ построить храмъ Богу и построилъ храмъ, достойный Его имени. Ни съ кѣмъ изъ мастеровыхъ онъ не дѣлалъ торга: я строю храмъ для Бога; бери, чего стоитъ трудъ твой, только дѣлай дѣло по совѣсти для того же Бога. Когда храмъ былъ конченъ, многіе спрашивали о его стоимости. Онъ отвѣчалъ: съ Господомъ не велъ я счета, а желалъ только одного, чтобы ему была пріятна моя жертва. Андрей Яковлевичъ веселился иногда съ другими. Особенно дни Рождества Христова, Пасхи и день своего ангела онъ проводилъ весело: званный и незванный тогда были его гостями». Въ эти дни Донецъ-Захаржевскій оказывалъ разныя благотворенія, помогалъ должникамъ, бѣднымъ и т. д. Арх. Филаретъ приводитъ нѣсколько случаевъ его щедрой благотворительности. Андрей Яковлевичъ Донецъ-Захаржевскій скончался въ 1841 году.

Сочиненія Флавицкаго, стало быть, приходятся ко времени наибольшаго развитія въ Донцѣ-Захаржевскомъ его религіознаго настроенія, по смерти жены и брата.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

XIII.

Бесѣды неизвѣстнаго южнорусскаго сельскаго священника 1823 года.

Въ 1885 г. въ харьковское историко-филологическое Общество для временнаго пользованія была доставлена Л. С. Мацѣевичемъ рукопись «Бесѣдъ» малорусскаго священника 1823 г. Въ свое время эта рукопись не была использована и возвращена была Л. С. Мацѣевичу по принадлежности. Всѣхъ бесѣдъ 17; изъ нихъ 7 было мной переписано, и эти 7 словъ положены въ основу настоящей статьи. Очень скромныя на первый взглядъ эти бесѣды оказываются весьма интересными при ближайшемъ съ ними знакомствѣ. Передъ нами явленіе въ высокой степени симпатичное: простой сельскій священникъ обращается съ простыми словами поученія и любви къ своимъ прихожанамъ на родномъ ихъ украинскомъ языкѣ, и что еще болѣе симпатично, этотъ скромный, неизвѣстный даже по имени служитель алтаря выступаетъ откровеннымъ и прямымъ сторонникомъ свободы совѣсти, другомъ просвѣщенія и проповѣдникомъ добра.

Въ ясной, общедоступной формѣ, живо, задушевно и убѣжденно добрый пастырь объясняетъ въ бесѣдахъ символъ вѣры, таинства и заповѣди Моисея; бесѣды въ произношеніи занимаютъ каждая около получаса времени. Религіозные мотивы въ «Бесѣдахъ» тѣсно переплетаются съ мотивами бытовыми, при чемъ въ вопросахъ религіозныхъ авторъ обнаруживаетъ большую независимость и свободу сужденія. Характерно, напримѣръ, то мѣсто въ 14-ый бесѣдѣ, гдѣ авторъ, объясняя первую заповѣдь—«да не будутъ тебѣ иные бози», проводитъ различіе въ почитаніи Бога, пр. Богородицы и святыхъ. «Первая заповѣдь Божія требуетъ, чтобы человѣкъ возлюбилъ Господа Бога всѣмъ сердцемъ своимъ. Эта заповѣдь научае и приказуе намъ на единаго Господа Бога Творца и Создателя нашего всю надию въ житіи своемъ покладати, его единаго бояться и его единаго якъ тилько можно наибильше поважати, чтити и

шановати, ему единому молитися и отъ милосердія и отъ щедрости его всякои ласки и всякаго добра просити, надѣятися и чекати. Но вы христіане православные! запитайте мене, коли единому Господу Богу нашему Іисусу Христу треба тилько молитися, то нащо мы молимся до пресвятой и пречистой дѣвы Маріи и до святыхъ? На що ихъ шануемъ и праздники поважаемъ? отповѣдаю такъ вамъ на сіе запитанье: Пресвятая пречистая Дѣва Марія есть такая Дѣва, которая своимъ смиреніемъ, своею чистотою, своею святостію и всѣми добродѣтелями своими, такъ далеко перевисила всѣхъ людей, що Господь Богъ назначилъ ей родити Единороднаго Сына Его, Спасителя всему міру Іисуса Христа, котораго она родивши стала Матерію Божіею непрестанно молитъ сына своего и Бога нашего Господа Іисуса Христа о насъ грѣшныхъ и святыми молитвами заступается и покрываетъ насъ отъ всякихъ на свѣтѣ бѣдъ и несчастій и готовитъ намъ легчайшій доступъ до царствія небеснаго: то потому-то мы пресвятую пречистую Дѣву Марію, яко Матерь Божію, яко Премилостивую Заступницу и Покровительницу нашу и повинни чтити и поважати, и таковыми выше всѣхъ святыхъ и до ней молитися еднаково, не такъ якъ до самаго Бога, бо Господь Богъ самъ въ тимъ першимъ приказаніи своемъ говоритъ: да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ мене, немай иншихъ боговъ опричь мене; повинни мы и до святыхъ молитися, ихъ шанувати, праздники чтити, праздновати и поважати, но трохи менше, якъ молимся, якъ шануемъ и поважаемъ Господа Бога нашего Іисуса Христа ради того, що святіи не суть Богъ, а тилько добріи слуги Божіи, слуги такіе, которые святымъ добродѣтельнымъ и щастливымъ житіемъ на землѣ догодили Господу Богу такъ, что Господь Богъ, принявши ихъ съ великою радостію до царствія небеснаго, допустилъ ихъ дуже близко до небеснаго своего трону и даровалъ имъ ласку свою, щобъ воны завше смѣло молилися до него и просили его о тихъ жившихъ на землѣ людяхъ, которые шануючи ихъ дни и поважаючи праздники ихъ будутъ съ своими молитвами удаватися и черезъ нихъ шукати и просити у Господа Бога ласки и спасенія душамъ нашимъ. Для того грѣшатъ противъ першей заповѣди Божіей тѣ люди, которые думаютъ, що святыхъ Божіихъ такъ треба шановати, поважати и такъ треба бояться, якъ самого Господа Бога, що ихъ праздники такъ шановне праздновати треба, якъ и праздники Господа Бога нашего Іисуса Христа, що имъ равно треба кланятися и молитися, якъ и самому Господу Богу. Но се грѣхъ противъ первой заповѣди Божіей не стилько еще важный и великій, уважайте лишь далый кто-то грѣшитъ? Якіи люди! якъ сильно и страшно грѣшать противъ першой заповѣди Божіей,

гдѣ Господь Самъ о себѣ говоритъ: Азъ есть Господь Богъ твой и мощно приказуе, да не будутъ тебе бози иніи развѣ мене; кто-же и якіи люди грѣшатъ противъ сей заповѣди Господней? Грѣшатъ противъ першой заповѣди Божіей перше тыи люди, которые Господа Бога не знаютъ и знати Его не хотятъ, которые во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли не вѣруютъ, и вѣрить не хотятъ, коротко сказать, грѣшатъ противъ сей заповѣди святой Божіей всѣ невѣрніи и безбожіи люди, друге грѣшатъ также, якъ безбожники и невѣрніи, або еще гирше грѣшатъ волшебники, колдуны, шепотники, заславщики, ворожбыти, знахари, грѣшатъ страшно тыи всѣ, що шепчутъ и будто отшепчуютъ яки хороби, и замовляютъ кровь, що дивлятся на мисяцъ, на звѣзди, на руки и будто угадаютъ чіе нибудь счастіе, або несчастіе, що ворожатъ чимъ небудь, що закручуютъ во пашнямъ закрутки, будто на чію голову, и на чіесь зло. Всѣ волшебства, всѣ колдувьства, всѣ шепти, замовки, ворожбы, знахурства выдуманы въ пеклѣ. Сатана велѣлъ своимъ пекельнымъ слугамъ діаволамъ вынести ихъ изъ пекла, рознести по земли и научити ихъ дьявольскимъ шептамъ, ворожбамъ, знахурствамъ тѣхъ людей, которые отстанутъ отъ Господа Бога и Творца своего и пристанутъ до нихъ, ихъ слухаютъ и пріймуютъ ихъ пекельную науку. Для того то всѣ волшебники, колдуны, знахари, замовщики, ворожбити и шептуны и грѣшатъ противъ сей заповѣди Божіей предъ Господомъ Богомъ».

Развивая въ 15 «Бесѣдѣ» мысль о грѣховности колдовства и знахарства, авторъ касается важнаго пункта — общественной полезности знахарей и рѣшаетъ его такъ: «Знайте, православные христіане, що якъ грѣшатъ волшебники, колдуны, чародѣи, ворожки, шептухи, знахари и замовщики, такъ равно грѣшатъ и тыи, що вдаются до нихъ. Знаю, що вы мене можете сказати, що удаваться до ворожокъ, до знахаривъ, до шептухъ заставляе человѣка иногда великая бѣда и остатная нужда. Скажите мене до кого бѣдному человѣковѣ на семъ, коли захоруе, або самъ, або жинка, або дитинка, вдатися, якъ не до бабы, котора умѣетъ шептать добре, и замовляти и разными способами людямъ помогати? кого спитати, коли трафится яка пропажа? або яке буде счастье, якъ не ворожки? хто може на полѣ въ пашнѣ выкрутить закрутку, або въ други, яки при господарствѣ бѣдѣ порадити и запобѣгти злому, якъ не знахуръ? а я вамъ скажу, чимъ бильшая бѣда и несчастіе трафится человѣковѣ, тѣмъ скорѣе винъ повиненъ удаватися и прибѣгати до Господа Бога, чи трафится тебѣ, або женѣ твоей и дѣтитѣ захоровати прибѣгай на самой передъ и якъ можно скорѣйше, до того, кто

болѣзни творитъ и паки возставляетъ. Прибѣгай и вдавайся до Господа Бога всемогущаго, або другія яке несчастіе или бѣда приключится тебѣ прибѣгай заразъ до его-же Милосердія, до Его-же Пресвятой Ласки».

Далѣе авторъ дѣлаетъ замѣчательную попытку противоставленія научной медицины суевѣрному знахарству и, какъ бы въ предчувствіи будущей земской работы, относится къ медицинѣ съ большой похвалой: «Коли грѣхъ удаватися въ болѣзняхъ и хоробахъ до бабъ знахурокъ, то може грѣхъ удаватися и до докторовъ? ни до докторовъ не тилько не грѣхъ удаватися, но и самъ Господь Богъ приказуе до нихъ удаватися, послухайте що слово Божее повѣдае о докторахъ: почитайте врача противу потребъ честію его, ибо Господь созда его, отъ вышняго бо есть исцѣленіе. Господь созда отъ земли врачеваніе, то есть шануй доктора, бо его Господь Богъ создалъ и докторомъ Господь Богъ выкуруе тебе отъ болѣзни. Такъ бачите чего не грѣхъ въ болѣзняхъ удаватися до докторовъ, для того Господь Богъ и докторивъ создавъ и повелѣвъ землѣ родити такія травы и зелія, съ которыхъ доктора лѣкарства роблятъ и хорихъ ними лѣчатъ и куруютъ».

«Еще вы можете мене сказати, що хоть и грихъ до бабъ и знахуривъ удаватися, але треба ихъ боятися, боятися треба для того, що воны знаются съ сатаною и съ его бѣсами, то можутъ шкодити людямъ. Я вамъ отповѣдаю, що ныже мало нетреба бабъ и знахуривъ боятися, хоть то було и правда, що воны съ бисами знаются. Нетреба говорю боятися, для того що сатана со всѣми своими такъ лютый, що радъ бы за однимъ разомъ весь народъ крещеный пожерти, однако винъ не може ни одному христіаниновѣ ни на волосъ ни якого зла зробыти, да не тилько христіаниновѣ, або каждому человѣковѣ, но каждой скотинѣ не можетъ зробыти зла... Правда що сатана и бѣсы могутъ людямъ зло робити, але тогда, коли Господь Богъ дозволитъ и допуститъ. Коли же Господь Богъ дозволяе и допускае? тогди коли люди не тилько перестаютъ Господа Бога шановать, и любить, и боятися, но и забуваютъ Его, тогди коли хоть молятся, хоть говорятъ Отче нашъ иже еси на небесехъ и Вѣрую во единаго Бога отца вседержителя, но не щире молятся и неправду говорятъ, бо воны боятся и вѣруютъ въ колдуны бильше, ворожекъ, шептухъ, знахуривъ, видьмамъ, упиривъ, волкуловъ, якъ во едина Бога Отца вседержителя. Тогди Господь Богъ позволяе и допускае, щобъ бѣсы зло и пакости робили людямъ».

Въ 16 «Бесѣдѣ» осуждаются народныя повѣрья о дурныхъ встрѣчахъ: «послухайте приччу. Есть люди, которые и думаютъ и вѣрятъ, що коли воны якую нибудь вещъ, то есть, або яку траву, або зелье яке, або

камишикъ якій, або другій якій крутецъ, або кусочекъ дерева будутъ завше коло себе носити, то съ ними ниякого зла, ниякого нисчастія не може трафится. Есть люди що уважаютъ, чи кто зъ повнымъ ведромъ, чи съ порожнимъ ведромъ переходитъ имъ дорогу, чи пипъ, чи жидъ ихъ встрѣчае и коли имъ кто переходитъ дорогу съ повнымъ, або жидъ ихъ встрѣчае на дорогѣ, то пріймаютъ се за знакъ добрый и вѣрятъ що имъ дорога будетъ счастлива, а коли имъ кто перейде дорогу съ порожнимъ и встрѣне на дорогѣ священника, то маютъ сее за злый знакъ и вѣрятъ, що уже счастья и удачи небуде и потому иногда вертаются назадъ и откладываютъ дорогу и дѣло до другого часу. Есть люди, которые разбираютъ дни и вѣрятъ, що такій-то день счастливый, а такій-то несчастливый, въ такій день можно яке нибудь дѣло зачинати, або въ дорогу выѣзжати, а въ такій не можно. Есть люди, которые снамъ своимъ такъ вѣрятъ, якъ Божьему Ангеловѣ. Все сіе и подобное до сего повымышливъ сатана, и люди, котори такихъ сатанинскихъ вымысливъ причисляются, ихъ обсервуютъ и имъ вѣрятъ называются суевѣрами. А суевѣръ и безбожникъ все одно, безбожникъ ниже малѣйше не вѣритъ у Господа Бога, а суевѣръ хотя вѣритъ, но пустая, никчемная, або лучше сказать мертва его вѣра. Для того що винъ пріймаючи и вѣруючи, якобы до него не допуститъ, ни якого зла и несчастія якого, якая нибудь пустая и ничего невартая вещь, не вѣритъ уже и не пріймае премудраго Божьяго промысла, то есть пресвятой и премилосердной опеки Божьей надъ всѣмъ міромъ, а найбильше опеки о человѣковѣ христіаниновѣ и бильше вѣритъ въ никчемную вещь, нижъ въ всемогущаго Бога, и потому и вѣра его никчемна, мертва вѣра такая, которая ничего ему до спасенія не поможе и съ такою вѣрою человѣкъ передъ Господомъ Богомъ все равно, якъ безбожный и невѣрный. Мы знаемъ, якъ христіане, що Господь Богъ Творецъ Спаситель и благодѣтель нашъ повсюди снаходится и завше съ нами есть».

Лучшимъ украшеніемъ «Бесѣдъ» является широкая вѣротерпимость автора. Въ 16 «Бесѣдѣ» онъ говоритъ: «Итакъ повинни мы всякаго человѣка любить, не разбираючи чи такой винъ вѣры якъ мы, чи ыншой. Чи мае винъ яку вѣру, чи не мае жадной, бо нашъ Господь Богъ приказавъ любити ближняго своего, а не разбирати якій кто вѣры? но схоче кто? Якъ менѣ любити такого человѣка, который не одной со мною вѣры, зо мною не молится и зо мною не ходитъ разомъ въ церковь? А такому отповѣдаю, що не разбирай, кто какой вѣры, а люби подобнаго тебѣ человѣка. Не твое дѣло думати о вѣрѣ того человѣка, котораго ты повиненъ любити, а дѣло Господне. Господь Богъ одинъ разбираетъ вѣру

каждаго человѣка найлѣпше, и коли еретики и раскольники въ вѣрѣ своей грѣшать, то грѣшать не передъ людьми, а передъ Господомъ Богомъ и который ихъ може и що захоче съ ними робити, а ты коли бачишъ и знаешъ, що воны грѣшатъ, повиненъ Господу Богу молитися, щобъ Господь Богъ показавъ имъ правдивый свѣтъ Святаго Евангелія Своего и настановивъ ихъ на правую дорогу въ вѣрѣ. Такъ святая православная церковь наша приказуе намъ, чадамъ своимъ, молитися и сами молимся, яко чуете завше коли священникъ говоритъ: о мирѣ всего міра, о благостоянія святыхъ Божіихъ церквей и соединеніи всѣхъ Господу помолимся, що значитъ: помилуй Господи, дай Господи міровѣ твоему, тишину и спокойствіе, утверди Господи святыя твои церкви и всѣ церкви соедини, щобъ воны пресвятое имя твое величали, славили и хвалили во единомысліи, любви и согласіи, такъ якъ подобае. Грѣшатъ дуже тѣ люди предъ Богомъ, которые видячи человѣка другой, якъ воны вѣры, цураются его, гнѣваются, ненавидятъ и кривдятъ его, да еще думаютъ, що воны цимъ роблятъ Господу Богу не малую прислугу: правда, що прислуга велика, але сатанѣ, а не Господу Богу, бо Господь Богъ приказуе любити и ворогивъ своихъ, а сатана и брата на брата вооружае. Колибъ Господь Богъ не схотивъ, щобъ другихъ вѣръ не було, якъ тилько одна, то однимъ своимъ словомъ мигъ въ одинъ мигъ всѣ вѣры истребити, а оставить одну, якъ-бы ему подобалось, а коли Господь Богъ разныя вѣры пріймае на земли, то людямъ що до того? Хиба воны хотятъ бути мудрѣйшими отъ Бога».

Чтобы ознакомиться съ практическимъ гуманизмомъ автора, трезвостью его взглядовъ и доступностью языка приведемъ въ цѣлости одну его «Бесѣду», именно 12-ю о бракѣ: «Сказавши вамъ уже, православные христіане, якъ мнѣ Господь Богъ допомогъ сказати, о пятомъ сокраментѣ, о крещеніи, о миропомазаніи, о причастіи, о сповѣди, о священствѣ, хочу сказати и о шестомъ сокраментѣ о бракѣ, или прошу-же васъ возлюбленные! Слухайте и уважайте, що вы якъ люди христіане повинны знати о малженствѣ, повинни знати то, що сей сокраментъ малженство самъ Господь Богъ установилъ. Колижъ его установивъ? тогди якъ только создавъ першихъ на свѣтѣ двоихъ людей Адама и Еву и поблагословивши ихъ сказавъ имъ: плодитесь, размножайтесь и наполняйте землю, якъ и Святее Боже Писмо оповѣдае намъ, и сотвори Богъ человѣка пообразу Божію, сотвори его, мужа и жену, сотвори ихъ и благослови ихъ Богъ глагола, раститися и множитеся и наполняйте землю. Сими словами установилъ Господь Богъ сокраментъ малженьство. А для чего сокраментъ сей установивъ, то мы можемъ познати сее изъ тѣхъ Господа Бога словъ,

що винъ сказавъ раститеся и множитеся, и наполняйте землю, то есть Господь Богъ малженьство установивъ для размноженія рода людскаго и не просто для размноженія, но щобъ люди размножуючись славили, хвалили, и благодарили Господа Бога Творца своего за те, що винъ ихъ создавъ, подаривъ ихъ всякими благодѣтельствами и ласками своими, то слушайте якими благодѣтелъствами одаривъ Господь Богъ людей своихъ создавши ихъ.

Найпершее и найбольшее благодѣтельство для людей есть то, що Господь Богъ сотворивъ ихъ на образъ и подобіе свое, то есть тѣло Адамове зробивши изъ земли, а Евине изъ ребра Адамоваго, даровавъ имъ душу безсмертную, святую, чистую, праведную и безгрѣшную и давъ имъ разумъ, волю и память. А другое благодѣтельство то, що якъ сказавъ имъ Господь Богъ раститеся и множитеся и наполняйте землю, то прибавивъ еще то и господствуйте ею и обладайте рыбами морскими и звѣрями, и всею землею, и всѣми гадами пресмыкающими на землѣ. И рече Господь: се дахъ вамъ всяку траву сѣменную, сѣющую сѣмя еже есть верху земли всея; и всякое дерево еже имать въ себе плодъ сѣмянне сѣяннаго вамъ будетъ въ снѣдь, то есть сказавъ Господь Богъ раститеся и множитеся и наполняйте землю и будете господами и панами надъ всѣми рыбами водными, надъ звѣрями, надъ птицами небесными, надъ скотами, надъ всѣми гадами земными, словомъ будете господами и панами насъ всею землею, и даю вамъ всякій плодъ земной и древесный и все що родитъ земля въ покормъ. За такіи милости и благодѣтельства чи не повинны люди Господа Бога и Творца своего славити, хвалити и благодарити и размножатися на землѣ, а бильше всего памятуючи, на то неисповѣданное благодѣтельство, которое Господь Богъ правовѣрнымъ и добродѣтельнымъ христіанамъ даруетъ по смерти въ царствіи Своемъ небесномъ. А щобъ размножающіеся люди одни по другихъ Господа Бога и Творца своего добре знали и Его за все славили, хвалили и благодарили, то мужъ и жена, яко родители, повинны дѣтей своихъ научати, щобы воны знали Господа Бога и Творца Своего, щобъ его найбильше шановали, щобъ отъ всего сердца своего любили и боялись Его, щобъ Законъ Божій, Десятеро Боже приказане знали и жаловали. Повинни родители дѣтей своихъ научати Господу Богу молитися, повинни ихъ изъ малешня водить въ церковь Божію и наказывати, щобъ воны въ церквѣ стояли, со страхомъ Божіимъ, щобъ съ набожностію слухали службы Божіи и той науки, котору священникъ каже для збудуваньня и пожитку душъ, коротко сказать повинностью родительскою есть пильнее наше стараніе, щобъ дѣти були якъ выростутъ людьми

добрыми, честными, счастливыми, богобоязливыми, набожными, словомъ, щобъ були правдивыми христіанами, то будутъ по смерти въ царствіи небесномъ вѣчно счастливыми.

Для сего то, православные христіане, Господь Богъ установилъ сокраментъ малженьство. Но що вамъ треба знати при малженьствѣ уважайте. *Перше* тѣмъ що забираются малженьства молодецъ повиненъ мати отъ роду не менше пятнадцати лѣтъ, а дѣвчина не менше тринадцати, хотябы менше сихъ лѣтъ мавъ того святая церковь непозволяетъ вѣнчати, а коли святая церковь не позволяетъ, то значитъ, що не позволивъ сего глава церкви Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, также святая церковь и такого шлюбу даваты, гдѣ дѣвчина значне старше лѣтами отъ молодца непозволяе. *Друге* тыи особы, що забираются до малженьства, повинны умѣти Богу молитися, повинни умѣти Отче нашъ, Богородице Дѣво, Вѣрую во единаго Бога и другія христіанскія молитвы, также неотмѣнно повинни знати Десятеро Божіе приказаніе, бо коли воны хотятъ вступитъ въ малженьство, для чого щобъ бути родителями, то повинни знати родительскія повинности, которыя потребуютъ отъ нихъ, щобъ воны дѣтей, якихъ Господь Богъ имъ дастъ, могли учинити добрыми людьми и праведными христіанами, а также стыдъ имъ будетъ передъ людьми и грѣхъ великій передъ Богомъ. *Третье* тои особы, що забираются до малженьства, повинни забираться до него добровольно безъ жаднаго примуса; грѣхъ великій тому, кто нехотящаго примушае до малженьства. Церковь святая того шлюбу, до котораго, хотя одна особа приступая не подоброй воли, а спримусу, не дозволяе давати и благословити, а приказуе, щобъ священникъ, якъ тилько молодые, прійдутъ до шлюбу, спитався ихъ напередъ, чи воны доброю своею волей и безъ жаднаго примусу хотятъ брати шлюбъ. Для того-то священникъ заразъ, якъ станутъ до винца и говоритъ до молодого: имаши ли благое и непринужденное произволеніе и крѣпкую мысль пояти себе въ жену сію еже здѣсь предъ собою видиши и необѣщался ли еси иной невѣстѣ, то есть маешь-ли ты добрую и власную безъ жаднаго примусу волю и мощную мысль взяти себѣ за жену свою, що передъ собою бачишь? Чи не дававъ слова другѣ? Сими словами пытается и молодой, а коли священникъ дае шлюбъ такимъ особамъ, що не по своей доброй воли пришли до шлюбу, або хоть одна особа не по доброй воли пришла до шлюбу, а съ примусомъ, то дуже гришитъ передъ Богомъ. *Четвертое.* Якъ до малженьства забираются люди взрослыи то повинни розумѣти силу сего сокрамента и важность, котора потребуетъ того, щобъ молодыи приходили до шлюбу въ трезвости, ничего неѣвши и не пивши

и съ набожностью слухалы, якъ слуга Божій священникъ проситъ и молитъ объ нихъ Господа Бога, щобъ даровавъ имъ Господь Богъ доброе здоровье и довгій вѣкъ, щобъ благословивъ ихъ любовію, согласіемъ, миромъ, чадородіемъ и всѣмъ добромъ, и сами тутже повинни молитися со слезами Господу Богу милосердному. *Пятое.* Добрыя дѣти забираются до малженьства, съ воли и согласія своихъ родителей, бо зналибъ, кто вступая малженьство безъ воли родителей, то Господь Богъ такого малженьства пресвятою ласкою своею неблагословляе и такое малженьство частѣйше бувае несчастнымъ и недолговѣчно, для того-то дѣти повинни за все до малженьства собираются съ воли своихъ родителей, а родители въ добрѣ волѣ дѣтей не повинни ниякой перешкоды имиты, хибабъ мали до того дуже яку важную причину. Также повинни якъ дѣти, которыя забираются до малженьства, такъ и родители ихъ добре уважати и подумати, чи нема якой перешкоды по кровенству, або по кумовству и коли знайдуть якея близке покровинство, або кумовство, то повинни уклониться отъ такого малженьства, да и церковь святая не позволяе въ покровинствѣ, або кумовствѣ вѣнчати, хоть бы особы хотѣли и просили. *Шесте.* Коли уже благословивъ Господь Богъ черезъ своего слугу священника шлюбомъ, то повинни мужъ жену, а жена мужа любити, ажъ до самой смерти жити согласно и тихомирно, одно другому въ трудахъ и работахъ помогати, одно другого жалѣти, межъ собою не гнѣваться и не злится, одно другого непокидати, бо въ малженьствѣ найбольшее передъ Богомъ есть грѣхъ, коли одно другого покидаетъ и безъ вести иде. Грѣхъ тому кто, що другаго кидае, такой ламае и нарушае данный въ церкви, передъ лицемъ Бога всемогущаго, обѣтъ и слово особѣ, съ котораго взялъ шлюбъ, и тѣмъ противъ воли Божіей беззаконнымъ способомъ разрывае самъ собою и въ нивичь ставитъ шлюбъ Богомъ благословенный, та и особу, которую кидае кривдитъ и якъ тая особа, що утекае, грѣшить, такъ дае поводъ до грѣха, и той особѣ, которую покидае, а щожъ уже говорить о тимъ, коли мужъ покинувши жену, та женится на другій, а жена покинувши мужа та виходитъ за другого, чи можно такій шлюбъ сняти за шлюбъ? нѣ се не шлюбъ, се ненавистный Богу грѣхъ, се мерзкое прелюбодѣйство, за которое Господь Богъ по смерти прелюбодѣевъ укоряе вѣчными пекельными муками. Но скаже мужъ, якъ не покинути жени, коли вона зла, коли вона недобра, коли вона ледащо, коли изъ нею не можно жаднымъ способомъ ужити, я отвѣдаю такому мужу, що якабъ жена небула, повиненъ знею жити, повиненъ все терпѣти, а не кидати, треба знати, що мужу жена, а женѣ мужъ отъ Бога назначается и дается. Годенъ въ Бога той мужъ

и счастливый, коли ему Господь Богъ даетъ жену добрую, смирную, трудолюбивую, вѣрную, цнотливую, также и жена счастлива, коли мае такого мужа, за сее якъ набильшую въ свѣтѣ ласку, повиненъ якъ мужъ, такъ и жена Господа Бога славить, хвалить и благодарить, чили дякувати, но колижъ Господь Богъ дае мужу жену злую, або женѣ мужа злого, то повинны знати, що такою женою, або такимъ мужемъ Господь за щось карае ихъ на симъ свѣтѣ и коли съ благодареніемъ Господу Богу перетерпить все мужъ, або жена, то Господь Богъ на тимъ свѣтѣ по смерти мужа, або жены, даруетъ въ царствіи небесномъ животъ вѣчный. Напослѣдокъ знайте христіане православные, що святая православная церковь позволяетъ тилько благословити шлюбъ першій, другій, а когда и третій, но четвертаго жаднымъ способомъ не позволяе давати и благославляти; четвертаго шлюбу въ православной церкви уже нема, а потому ежели-бъ кому по воли Господней три жены, або женѣ три мужа умерши, то четвертаго шлюба имѣти грѣхъ. Боже премилосердный, храни насъ отъ сего такъ и ото всѣхъ грѣховъ. Аминь».

Авторъ входитъ въ нужды своихъ слушателей, стремится посвятить ихъ въ церковныя правила о бракѣ, укрѣпить въ общественномъ сознаніи связанныя съ бракомъ нравственныя обязанности.

Духъ живой и творческой христіанской добродѣтели проникаетъ всѣ «Бесѣды», и въ концѣ 16-ой «Бесѣды» авторъ прямо говоритъ, что Богу угодно не только знаніе людьми Его заповѣдей, а исполненіе ихъ въ жизни. «Не тыи люди праведны передъ Богомъ, що чуютъ и знаютъ Законъ Божій; но Господь Богъ тыхъ и оправдае и спасе, котори роблятъ такъ, якъ Святый Законъ приказуе»...

Если сравнить неизвѣстнаго автора «Бесѣдъ» съ Флавицкимъ, а по времени «Размышленія» послѣдняго близко стоятъ къ «Бесѣдамъ», то на сторонѣ неизвѣстнаго автора окажутся многія преимущества—отзывчивость на потребности общества, гуманное отношеніе къ людямъ, подкупающая искренность и простота. Тутъ не было поблизости знатнаго и богатаго «благотворителя», нѣтъ и тѣни угодливости, тутъ одно открытое, доброе сердце, отзывчивое, чуткое, правдивое.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ.

XIV.

Изъ этнографическихъ наблюденій въ Екатеринославской губерніи.

Лѣтомъ прошлаго 1904 года екатеринославское губернское земство, ассигновавъ изъ своихъ средствъ 3000 р., по предложенію предварительнаго комитета по устройству XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ, командировало для изученія губерніи въ этнографическомъ и археологическомъ отношеніи и для собиранія самыхъ предметовъ для проектируемой выставки при съѣздѣ меня съ помощникомъ учит. Е. Р. Бабенко-Никитиной.

Въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ съ мая по сентябрь прошлаго года нами и была предпринята этнографическая экскурсія по губерніи, при чемъ за такой сравнительно короткій срокъ намъ пришлось объѣздить большую часть губерніи—цѣлыхъ шесть уѣздовъ.

Начата была экскурсія по приднѣпровскимъ мѣстностямъ, а затѣмъ и по другимъ поселеніямъ Екатеринославскаго, Верхнеднѣпровскаго, Новомосковскаго, Бахмутскаго, Славяносербскаго и Маріупольскаго уѣздовъ.

Собрано за это время много предметовъ и записано много интереснаго этнографическаго матеріала, частью котораго я и подѣлюсь въ настоящемъ очеркѣ.

Екатеринославская губернія, какъ извѣстно, населена весьма разнообразными народностями, поселенными здѣсь въ царствованіе Екатерины Великой и при слѣдующихъ государяхъ изъ весьма различныхъ мѣстностей Россіи.

Основная народность губерніи малороссы—потомки запорожцевъ и выходцевъ изъ другихъ украинскихъ мѣстностей.

Остальное разнообразное населеніе и есть тѣ самые переселенцы, которые вызваны были изъ иностранныхъ земель для заселенія Потемкинымъ Новороссійскаго края, какъ-то: нѣмцы-колонисты, греки, валахи, молдаване, сербы, болгары и др. Въ Бахмутскомъ же уѣздѣ можно встрѣтить много великорусскихъ поселеній изъ Курской и др. губерній.

Малорусское населеніе, распространенное почти по всей губерніи, въ большинствѣ утратило свои національныя особенности въ костюмѣ и хозяйственномъ бытѣ, хотя нарѣчіе пока еще сохраняется полностью. Особенно сильное вліяніе на малороссовъ оказали сосѣднія болѣе культурныя народности, какъ напр., нѣмцы. Бытъ экономическій и сельскохозяйственный сильно измѣнился въ силу тѣхъ же нѣмецкихъ вліяній.

Лучше всего сохранился домашній бытъ и промыселъ въ своемъ первобытномъ видѣ въ уѣздахъ Верхнеднѣпровскомъ, Новомосковскомъ и отчасти Славяносербскомъ.

На этихъ малорусскихъ мѣстностяхъ мы больше и остановимся.

Въ жилищахъ малорусскаго типа произошло сравнительно мало измѣненій и то лишь у зажиточныхъ крестьянъ.

1. Дворъ малорусскаго типа Новомосковскаго уѣзда Екатеринославской губерніи.

Большинство же населенія продолжаетъ обстраиваться по старинному. Улучшеніе жилищъ состоитъ въ томъ лишь, что строятъ ихъ болѣе просторными и свѣтлыми.

Распредѣленіе внутреннихъ частей жилища самое простое и состоитъ, какъ и въ сосѣднихъ малорусскихъ губерніяхъ Полтавской и Харьковской, въ большинствѣ случаевъ, изъ хаты, сѣней, коморы или «хижины». У зажиточныхъ же имѣется черезъ сѣни двѣ хаты, изъ коихъ одна чистая «хата» и жилая «хатына». Обстановка такая же, какъ и въ вышеуказаныхъ сосѣднихъ губерніяхъ: «стилъ», «лавы», «полыци», «мысныкы» и вмѣсто кровати «пилъ». (См. листъ рисунковъ).

Кромѣ этихъ хатъ, въ Екатеринославской губерніи встрѣчаются нѣмецкаго типа, какъ наприм. въ Екатеринославскомъ и Александровскомъ уѣздахъ. Хаты эти рѣзко отличаются отъ другихъ какъ своимъ внутреннимъ устройствомъ, такъ и пристройками около жилищъ. Внутри хата раздѣляется на комнату, кухню, сѣни, столовую и даже отдѣльную спальню. Снаружи къ жилищу пристраиваются подъ одну крышу—конюшня, сарай и даже клуня. Въ послѣднее время такія жилища имѣютъ черепичную крышу съ фронтонами.

2. Модели построекъ Екатеринославской губерніи (на выставкѣ XIII археологич. съѣзда).

Въ греческомъ округѣ Маріупольскаго уѣзда кромѣ обыкновенныхъ жилыхъ хатъ въ одну или двѣ комнаты, устраиваютъ совершенно отдѣльно кухню «хибарка». Крыши здѣсь тоже черепичныя и камышевыя. Трубы для прохода дыма кладутъ отъ земли изъ дикаго камня безъ всякаго цемента чрезвычайно широкихъ размѣровъ. (3 рис. см. на об.).

Дымовыя трубы у малороссовъ дѣлаются изъ хвороста и обмазываются глиной. Въ сѣнцахъ въ этихъ трубахъ «дымаряхъ» устраиваютъ лѣтнія печки для варки пищи. Печки эти носятъ своеобразное названіе «кабыця». Кромѣ этихъ печекъ въ Екатеринославской губерніи повсемѣстно можно наблюдать существованіе отдѣльныхъ лѣтнихъ печекъ, устраиваемыхъ совершенно отдѣльно отъ жилища на открытомъ мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ колоніяхъ такія печки ставятся передъ домами просто на улицѣ.

Малороссы и валахи любятъ расписывать свои хаты снаружи. Во многихъ селеніяхъ Новомосковскаго и отчасти Верхнеднѣпровскаго уѣзда почти всѣ хаты расписаны разнообразнымъ растительнымъ орнаментомъ. Излюбленнымъ мѣстомъ являются стѣны по угламъ и подъ крышей «стрихой»; ставни тоже пестрятъ разнообразными цвѣтами красокъ. Верхушки дымовыхъ трубъ «верхы» тоже не забыты украшеніями.

Валахи же преимущественно росписываютъ геометрическимъ орнаментомъ въ видѣ круговъ, трехугольниковъ, ломаныхъ и кривыхъ линій и проч.

3. Хаты и дворы греческаго типа Маріупольскаго уѣзда Екатеринославской губ.

Надворныя постройки тѣ же, что и въ Харьковской губерніи— конюшни, амбары, сараи, навѣсы и клуни.

Исключеніе представляютъ половники, замѣняющіе клуни. Постройки эти дѣлаются гораздо обширнѣе и безъ стѣнъ, и просто состоятъ изъ одной четырехскатной крыши. Ворота продѣлываются въ половникъ съ 2-хъ короткихъ сторонъ. Кромѣ того, какъ на отличительную черту Екатеринославскихъ построекъ, можно указать на «сажи», имѣющіеся почти въ каждомъ крестьянскомъ дворѣ.

Самое же главное отличіе всѣхъ вообще построекъ въ губерніи заключается въ техникѣ работы и въ матеріалѣ, изъ коего кладутся стѣны.

За отсутствіемъ лѣсовъ люди принуждены были придумать другой строительный матеріалъ. Всѣ постройки Екатеринославской губерніи дѣлаются изъ земли, глины или камня.

Стѣны кладутся нѣсколькими способами: если изъ земли, то дѣлаются большія плиты, высушиваются и кладутся съ глиной рядами въ стѣну. Такой способъ называется «ламкачевый» или «саманный».

Другой спобъ построекъ «глинобитный», состоящій въ томъ, что стѣны выкладываются слоями изъ глины, смѣшанной съ соломой, и третій—плетневомазанковый. Дѣлается сначала съ брусьевъ связь хаты, переплетается вдвойнѣ хворостомъ или толстой дранью, внутрь набивается глиной.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ добывается въ изобиліи дикій камень, стѣнки кладутся изъ каменныхъ плитъ безъ цемента и глины и только лишь по окончаніи кладки обмазываются слоемъ глины.

Изгороди тоже преимущественно дѣлаются изъ камня, навоза или просто изъ земли.

Недостатокъ рѣкъ, озеръ и прудовъ заставилъ жителей въ каждомъ отдѣльномъ дворѣ устраивать свой колодецъ, стѣнки котораго замѣняетъ или просто твердый грунтъ, или же сверху лишь устраивается шелевочный срубъ. Во многихъ мѣстахъ такіе колодцы у крестьянъ имѣютъ большой почетъ. Надъ ними устраиваютъ навѣсы на столбахъ съ красивыми верхушками, на которыхъ зачастую красуются изящные кресты. Воду достаютъ посредствомъ перекидного блока или же ворота. (см. листъ рис.).

Что же касается хозяйственныхъ принадлежностей, то здѣсь тоже имѣетъ огромное значеніе культурное вліяніе нѣмцевъ—колонистовъ. Почти все населеніе губерніи переняло отъ послѣднихъ усовершенствованые пароконные экипажи брички на желѣзномъ ходу, гарбы для возки хлѣба съ полей, фабричные желѣзные плуги, бороны, вѣялки, косилки и молотилки. Такимъ образомъ простой деревянный возъ, плугъ, цѣпъ, коса представляютъ уже собою археологическую древность. При собираніи этихъ предметовъ едва удалось найти и то по частямъ деревянный плугъ только въ Новомосковскомъ уѣздѣ. Здѣсь же еще встрѣчаются и стариннаго образца деревянныя гарбы, косы и цѣпы для молотьбы.

Хлѣбъ молотятъ, если не молотилками, то каменными катками. Въ земледѣльческомъ отношеніи Екатеринославская губернія сдѣлалась неузнаваемой въ сравненіи съ Харьковской, хотя нужно правду сказать: мужичекъ, или по своей простотѣ, или же въ самомъ дѣлѣ земля прежде лучше родила, вездѣ выражаетъ неудовольствіе противъ нововведеній. При разспросахъ часто приходилось слышать ропотъ: «деревяный плугъ оравъ добрэ и хлибъ родывъ куды краще!»

Познакомивъ въ краткихъ чертахъ съ хозяйственными постройками и принадлежностями, перейдемъ къ описанію крестьянской одежды и ея украшеніямъ.

Въ одеждѣ тоже замѣтны значительныя измѣненія, которыя происходятъ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ экономическихъ условій страны. Измѣненія эти произошли, какъ въ матеріалѣ, такъ и въ покроѣ одежды. Старинная широкая и просторная одежда замѣняется болѣе тѣсной и узкой. Сравнивая же Харьковскую губернію съ Екатеринославской, можно сказать, что въ послѣдней эти измѣненія не такъ ужъ быстро происходятъ. Нѣкоторыя изъ народностей до сихъ поръ сохранили свой національный костюмъ.

Такъ малороссы тѣхъ же Новомосковскаго и Верхнеднѣпровскаго уѣздовъ до настоящаго времени носятъ вполнѣ малорусскіе костюмы. Мужчины надѣваютъ на себя штаны изъ полотна домашняго приготовленія или же изъ синей китайки съ чрезвычайно широкими «холошами» въ 4 «пилки» или полотнища. Рубаха шьется тоже изъ такого же полотна съ очень широкими рукавами съ «чехлами» или безъ нихъ. Верхняя одежда состоитъ изъ сѣрой или бѣлой суконной свитки «юпки» и свиты съ «видлогой». Кое гдѣ даже встрѣчались суконные «жупаны», «халаты» и «киреи». На головахъ носятъ лѣтомъ соломенные и суконные «брыли» и зимою сѣрыя смуховыя шапки.

4. Группа Малороссовъ Новомосковскаго уѣзда Екатеринославской губ.

Женщины носятъ поверхъ малорусскаго покроя съ вышивкой или «лыштвой» сорочекъ—шерстяныя черныя «запаски» «плахты», «спидницы», «керсеты» и въ холодное время суконныя сѣрыя или бѣлыя «юпки» (свитки) и халаты. Головные уборы составляютъ—парчевые

очипки и ситцевые «капоры». Во многихъ селеніяхъ до сихъ поръ носятъ «сапьяньци» — «чоботы» изъ краснаго, зеленаго и желтаго сафьяна и такіе же «черевыки». Дѣвушки любятъ украшать одежду на груди «намыстомъ» и «дукачамы», въ косы заплетаютъ разноцвѣтные «кисныки».

При экскурсіи по Новомосковскому уѣзду намъ пришлось побывать въ праздничный день въ селѣ Перещепиномъ и увидѣтъ малороссіянъ въ національныхъ костюмахъ. Группы молодицъ, дивчатъ и парней двигались по улицамъ на базаръ и въ церковь въ праздничныхъ одеждахъ. Картина была чрезвычайно замѣчательна по своей пестротѣ костюмовъ: всюду краснѣли чоботы и черевики, пестрѣли плахты и «спидницы», зеленѣли «безрукавки» и «керсеты», синѣли штаны и бѣлѣли свитки «юпки». Насмотрѣвшись на эту картину, могу сказать, что прежняя Малороссія своими костюмами была далеко лучше и красивѣе теперешней.

5. Группа дивчатъ слободы Перещепино, Новомосковскаго уѣзда Екатеринославской губ.

Кромѣ малороссовъ нѣсколько сохранили свой старинный костюмъ валахи и греки. Одежда мужчинъ валаховъ мало чѣмъ отличается отъ костюма малоросса и состоитъ изъ «камеши» (сорочки) съ такими же широкими рукавами съ вышивкой и «чумеки» (штаны) съ широкими «халохами». Верхняя одежда — «бруслукъ» (жилетъ) безъ рукавовъ или съ рукавами на ватѣ «ваникъ». Женская одежда — «камеша» съ вышитыми рукавами и передней и задней верхней частью. Поверхъ «камеши» надѣваютъ запаску изъ шерстяной матеріи, вышитую шелковыми нитками, шерстяной цвѣтной керсетъ, на голову — очипки и повязываютъ бѣлымъ вышитымъ

съ блестками покрываломъ «кафрамой». Шею украшаютъ «маржелями» (деревянное намисто) и «салбо» прикрѣпляющееся къ серьгамъ и состоящее изъ мелкихъ монетокъ или блестокъ. На лбу волошки повязываютъ «коде»—лента, украшенная блестками или монетами.

У грековъ же мужчины почти совсѣмъ не сохранили своего національнаго костюма, исключая женщинъ, которыя до сихъ поръ еще носятъ много греческаго. Одежда ихъ состоитъ изъ «кампсу»—вышитая сорочка иногда золотомъ, верхняя—юпки и кофты. Голова повязывается покрываломъ «перефторъ», вышитымъ золотомъ; по бокамъ около ушей надѣвается «ханяръ»—уздечка, состоящая изъ серебряныхъ цѣпочекъ, прикрѣпленныхъ къ узкой повязкѣ, вышитой жемчугомъ. Въ косу вплетается «цамблись» изъ многочисленныхъ шерстяныхъ шнурковъ, прикрѣпленныхъ къ костяной перекладинкѣ. (рис. 6). Что же касается одежды другихъ народностей Екатеринославской губ.—нѣмцевъ, евреевъ, болгаръ, то эти послѣдніе мало сохранили въ костюмахъ что либо національнаго. Костюмы у нихъ замѣнены общепринятыми модными кофтами, юпками, пиджаками и проч.

6. Греки Маріупольскаго уѣзда Екатеринославкой губ.

Чтобы закончить описаніе одеждъ, нужно упомянуть и о костюмѣ великороссовъ Бахмутскаго уѣзда. Такъ какъ великороссы въ этомъ отношеніи вообще лучше всѣмъ извѣстны, я укажу лишь на то, что «русскіе» Екатеринославской губерніи, какъ и малороссы, далеко лучше сохранили свой костюмъ, чѣмъ въ нашей губерніи. Сарафаны съ богатой обдѣлкой, кокошники, сороки до сихъ поръ въ большомъ ходу. Верхняя

одежда мужчинъ и женщинъ точно такая же, какъ и у великороссовъ Курской губерніи.

Перейдемъ къ техникѣ въ народномъ быту, занятіямъ и промысламъ. Обработка дерева по недостатку этого матеріала здѣсь ведется въ очень незначительныхъ размѣрахъ. Укажу лишь главныя работы изъ дерева—изготовленіе колесъ, бричекъ, гарбъ и отчасти бондарство.

Зато изъ камня, гдѣ онъ изобилуетъ, приготовляются, какъ хозяйственныя принодлежности, такъ и другія. Многіе крестьяне занимаются тeской изъ камня—катковъ, ступъ, корытъ, жернововъ для мельницъ, изготовленіемъ каменныхъ столбовъ, плитъ, крестовъ и даже надгробныхъ сложныхъ памятниковъ.

7. Великороссы Екатеринославской губ.
Бахмутскаго уѣзда.

Обработка желѣза находится тоже въ цвѣтущемъ состояніи. Существуетъ масса усовершенствованныхъ кузницъ, слесарныхъ мастерскихъ для издѣлія экипажей, земледѣльческихъ орудій и проч. Занимаются же этимъ большею частью нѣмцы-колонисты и распространяютъ свои издѣлія между сосѣдними крестьянами земледѣльцами.

Главное же занятіе всѣхъ жителей Екатеринославской губерніи—земледѣліе, которое, не смотря на неблагопріятныя условія, плохое орошеніе посредствомъ мелкихъ рѣкъ, при культурной обработкѣ полей, находится въ хорошемъ состояніи.

Изъ промысловъ важнѣйшій—горнозаводская промышленность. Славяносербскій, Бахмутскій уѣзды усѣяны массой фабрикъ, заводовъ каме-

ноугольныхъ и другихъ шахтъ. Въ Екатеринославской губерніи кромѣ шахтъ промышленниковъ существуютъ такъ называемыя крестьянскія или народныя шахты, которыя многіе крестьяне устраиваютъ первобытнымъ способомъ на своихъ полевыхъ участкахъ. Копается глубокій колодецъ до пласта минерала, сверху устраивается простѣйшій ручной или конный воротъ, и въ корзинкахъ таскается каменный уголь или руда, послѣдніе отправляются на сосѣдніе заводы. Во время путешествія по этимъ уѣздамъ пришлось наблюдать всюду, какъ горизонтъ степныхъ полей пестритъ дымящимися заводскими трубами, шахтами, а по ночамъ съ разныхъ краевъ виднѣется освѣщеніе отъ пылающихъ доменныхъ печей.

Изъ другихъ занятій и промысловъ можно назвать рыболовство по Днѣпру и мирошничество.

Рыбная ловля производится съ долбленыхъ челноковъ «перемитами» съ насаженными на веревку крючками, сѣтями, кувботами, блешнями и удочками.

Мирошничество въ Екатеринославской губерніи очень распространено. По рѣчнымъ мѣстностямъ существуютъ пловучія водяныя мельницы на баркахъ и обыкновенныя. Въ степныхъ—вѣтряныя нѣсколькихъ типовъ—нѣмецкія болѣе усовершенствованныя, крестьянскія обыкновенныя съ тою лишь разницей, что вся мельничная снасть вращается не на деревянномъ срубѣ, а на каменномъ фундаментѣ и входъ въ мельницу не съ задней стороны, а съ боку. Число крыльевъ большею частью 4, изрѣдка же бываетъ и 6,

Пчеловодство развито очень слабо и то лишь въ Славяносербскомъ уѣздѣ. Греки, валахи и малороссы еще занимаются выдѣлкой красныхъ ковровъ. Изъ ритуальныхъ обрядностей въ семейномъ быту много особенностей имѣютъ свадьбы.

Малорусская свадьба мало чѣмъ отличается отъ такой же свадьбы Харьковской губерніи, хотя старинныхъ обрядностей сохранилось больше. Начинается такая свадьба «зарученьемъ»: женихъ со старостами идетъ къ невѣстѣ свататься. Если невѣста согласна выйти за него замужъ «дае рушникы» старостамъ и «молодому» перевязываетъ руку «хусткой» (платкомъ).

Подъ самую свадьбу устраивается «девычвечеръ». Собирается молодежъ на вечеринки, гуляютъ и поютъ пѣсни.

Въ день свадьбы отецъ жениха «висильный батько», когда народъ возвращается отъ богослуженія, отправляется съ хлѣбомъ подъ мышкой безъ шапки и заходитъ къ сосѣдямъ и знакомымъ и приглашаетъ на торжество свадьбы: «Просымъ Бога и васъ на хлибъ, на силь».

«Молодый» же идетъ со старшимъ бояриномъ и съ узломъ «шимонъ» собирать «бояръ». При входѣ въ хату родича женихъ дѣлаетъ три земныхъ поклона и приглашаетъ такими словами: «просыли батько и мате и я просю на свальбу—на висилье», при этомъ всѣмъ домашнимъ кланяется и цѣлуетъ ихъ.

Невѣста также приглашаетъ «дружокъ» и ведетъ ихъ къ себѣ на домъ, гдѣ и угощаетъ ихъ.

Женихъ угощается съ боярами сначала дома, послѣ чего «дружко» выводитъ его за платокъ во дворъ и обводитъ три раза вокругъ кадушки съ водой, а затѣмъ уже отправляются всѣ къ невѣстѣ.

Волошская свадьба тоже начинается сватаньемъ, какъ и у малороссовъ, подъ свадьбу бываютъ также вечерины, съ тою лишь разницею, что старшій бояринъ ходитъ съ «ворныкомъ» (украшенной разноцвѣтной матеріей палка) и, размахивая имъ, приглашаетъ гостей на свадьбу просто съ улицы. Въ общемъ свадьба очень напоминаетъ малорусскую, такъ что можно заключить, что валахи переняли многіе малорусскіе свадебные обряды.

Особенности греческой свадьбы: по старинному обычаю сватаютъ невѣсту еще дѣвочкой лѣтъ 13—15, свадьба же играется года черезъ 3—4. Сватать посылаютъ 2 «покоршаръ» (старостъ), которые безъ жениха сговариваются съ родителями невѣсты и при согласіи дарятъ золотыми турецкими монетами родныхъ невѣсты, послѣдней же даютъ шелковый платокъ. Родичи невѣсты даютъ въ залогъ тоже золото. Невѣста при этомъ отсутствуетъ. Послѣ этого происходятъ, какъ у жениха, такъ и у невѣсты отдѣльныя гулянья. Гости жениха ѣдутъ до кума и кумы (воспріемники жениха) и ведутъ ихъ къ жениху. Къ невѣстѣ же ведутъ особаго повара и барановъ для приготовленія угощенія въ день свадьбы. На слѣдующій день родичи жениха ѣдутъ за невѣстой и везутъ ее въ церковь, жениха же приводятъ изъ дому послѣ и затѣмъ уже происходитъ бракосочетаніе, послѣ чего всѣ ѣдутъ къ жениху вмѣстѣ съ невѣстой, гдѣ она уже и остается навсегда.

Изъ музыкальныхъ инструментовъ у малороссовъ тѣ же—скрипка, бубна, сопилка и басъ. У грековъ—барабанъ, «зурна» (дудка) и «тулунъ-зурна» (коза), состоящая изъ снятой цѣльной кожи барана со вставленными дудками.

Греки вѣрятъ въ водяного «ямумана» (мать моря). Этимъ пугаютъ дѣтей, чтобы не купались много.

Вѣдьма «Джабу» доитъ коровъ, ночью опасно ходить черезъ нее.

Домовой «Зоозусъ»—не золъ въ освященномъ домѣ, а не въ освященномъ стучитъ, гремитъ и плачетъ, не давая покоя хозяевамъ.

Бѣсы играютъ на скрипкахъ и предлагаютъ людямъ учить ихъ играть на этомъ музыкальномъ инструментѣ, почему греки и избѣгаютъ струнной музыки.

Кромѣ приведенныхъ обрядностей, у грековъ существуютъ такъ называемыя «борьба» и «понанры».

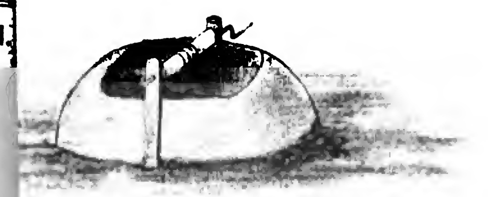
Празднество борьбы устраивается только во время храмового праздника, когда съѣзжаются всѣ изъ окрестныхъ селъ и послѣ богослуженія происходитъ на открытой площади подъ охраной полиціи «борьба» на общественный призъ. Борцы одѣваются въ спеціальные общественные костюмы, держась за которые «борятъ» другъ друга. Выигравшій борьбу получаетъ угощеніе и призъ въ видѣ барана. «Понанры»—есть общественные поминки; на нихъ сносятъ свое угощеніе почти всѣ жители села къ хозяину, который устраиваетъ поминки, и происходитъ многолюдное пиршество.

Такъ какъ греки эти — выходцы изъ Крыма, то всѣ почти говорятъ не на своемъ родномъ языкѣ, а на турецко-татарскомъ нарѣчіи.

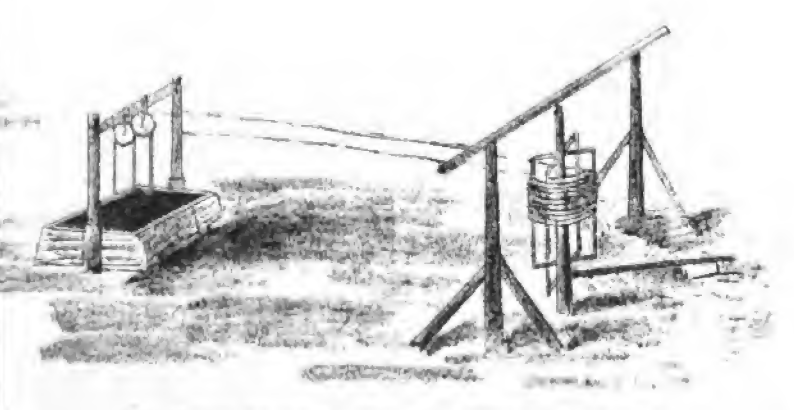
В. Бабенко.

Каменная изгородь—перелазъ и ворота.

VI. Живая изгородь.



Крестьянскія шахты съ воротомъ.



XIV Крестьянскія шахты съ коннымъ воротомъ.

XV.

Малорусская ода 1807 года.

Представляемая здѣсь «Ода господину Боунопарте» въ нѣсколько измѣненной редакціи была напечатана въ Кіевской Старинѣ (1886, № 1) г. О. Левицкимъ подъ заглавіемъ «Ода на случай выгранной Бенигсеномъ надъ французомъ побѣды 1807 года, генваря 27 числа». Въ своей вступительной замѣткѣ къ одѣ г. Левицкій говоритъ, что ода эта «относится къ событіямъ второй войны Императора Александра I съ Наполеономъ, когда Россія выступила на помощь прусскому королю Фридриху-Вильгельму, потерявшему свою столицу и бѣжавшему въ Кенигсбергъ. Въ концѣ 1806 года двѣ русскія арміи, подъ начальствомъ Бенигсена и Буксгевдена вступили въ Восточную Пруссію, чтобы удержать французовъ отъ перехода за Вислу. На берегахъ этой рѣки, подъ Пултускомъ и Морунгеномъ, произошло нѣсколько убійственныхъ сраженій, одно изъ которыхъ вдохновило безъименнаго малороссійскаго поэта. Нѣтъ сомнѣнія, что означенная ода была написана тотчасъ по полученіи извѣстія о событіи, потому что поэту очевидно еще не было ничего извѣстно о послѣдовавшей 8 февраля 1807 г. несравненно болѣе кровопролитной битвѣ подъ Прейсишъ-Эйлау, а равно о пораженіи Бенигсена подъ Фридландомъ (14 іюня), принудившемъ Императора Александра вступить въ переговоры съ Наполеономъ, закончившіеся Тильзитскимъ миромъ».

Свѣдѣнія эти не совсѣмъ вѣрны. Русская армія защищала не Вислу, которую она въ это время уже перешла, а Кенигсбергъ, гдѣ была тогда прусская королевская семья. Въ «Одѣ» говорится о побѣдѣ Бенигсена надъ Наполеономъ, между тѣмъ какъ во всѣхъ битвахъ до Прейсишъ-Эйлауской Бенигсенъ имѣлъ дѣло съ его маршалами; только подъ Прейсишъ-Эйлау 27 января (а не 8 февраля) 1807 г. онъ встрѣтился съ самимъ императоромъ. Несомнѣнно, это сраженіе и вспоминается въ малорусской одѣ, что и подтверждается датой, находящейся въ спискѣ

г. Левицкаго. По словамъ Наполеона Прейсишъ-Эйлауская битва была «не сраженіе, а рѣзня (pas une bataille, mais un carnage); со стороны русскихъ было убито до 26000 человѣкъ, не меньше былъ уронъ и со стороны французовъ. Обѣ арміи послѣ сраженія остались на своихъ позиціяхъ; Бенигсенъ дѣйствительно вскорѣ отступилъ къ Кенигсбергу, но и Наполеонъ, простоявъ девять дней, также отступилъ къ Вислѣ. «Обѣ стороны (привожу слова бар. Зедделера) каждая себѣ приписывали побѣду. Но, если взять въ соображеніе, что цѣлью Наполеона было окружить корпусами Даву и Нея русскую армію и отрѣзать ее отъ Кенигсберга и Россіи; что эта цѣль вовсе не была достигнута; что онъ не смѣлъ преслѣдовать Бенигсена и покуситься овладѣть Кенигсбергомъ, столь важнымъ для него въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ,—то, кажется, должно присудить побѣду русскимъ. Какъ полководецъ, Наполеонъ стоялъ тогда во мнѣніи современниковъ такъ высоко, что неудачу его нападеній сравнивали съ пораженіемъ; французы сами это чувствовали, и Эйлауское сраженіе, самое упорное и кровопролитное изъ битвъ своего времени, надолго оставило въ нихъ глубокое впечатлѣніе». Самъ Наполеонъ впослѣдстіи признавался, что подъ Прейсишъ-Эйлау онъ могъ приписать себѣ побѣду только потому, что «русскимъ угодно было отступить». Бенигсенъ былъ осыпанъ милостями—получилъ пожизненную пенсію въ 12000 руб., знаки ордена св. Андрея, милостивое письмо Императора Александра, въ которомъ былъ названъ побѣдителемъ того, кто еще никогда не былъ побѣжденъ (C'est à vous, mon général, qu'a été réservée la gloire de vaincre celui qui ne l'a jamais été encore).

Нынѣ печатаемый текстъ значительно отличается отъ извѣстнаго въ печати. Рукопись, съ которой печатается «Ода», писана на листѣ синей бумаги съ водянымъ знакомъ 1806 г. Она интересна между прочимъ тѣмъ, что къ тексту, писанному однимъ почеркомъ, даетъ поправки другого почерка, заключающіяся въ перестановкѣ словъ, въ замѣнѣ однихъ другими, въ исправленіи правописанія, частью вошедшія въ списокъ г. Левицкаго. Нѣкоторыя извлеченія изъ настоящей замѣтки съ опущеніемъ наиболѣе существеннаго были напечатаны въ К. Старинѣ 1900, № 1.

В. Срезневскій.

Ода господину Боунапарте.

Ага чивжь ты пахопився,
Гадючій сыну Боунапартъ [1]),
Небійсь пасокою вмывся—
Дарма, що ты й чорту братъ!
Се въже тоби не цецарцы
Що ты лыгавъ, якъ потапцы,

[1]) Въ спискѣ г. Левицкаго вм. этого правильный стихъ: сынъ котюжіи Бовопарте.

Ни тутъ тоби носа вътруть,
Тутъ выпрудять тоби блохи
Ось погоды, лишень трохи,
Прочухана якъ дадуть!

***

Ты соби бравъ за дурницю
Зъ москалями воевать,
Може думавъ ихъ столицю
Такъ якъ прускую прибрать,
Се дзусъ, мурый, невмувака,
Чванко, разбойникъ, бурлака,
Брешетъ гладко мовъ той песъ!
Щобъ съ Корсики волоцюга
Забравъ волывъ нашихъ сплуга
Ни, самъ ноги чи унесешъ.

***

Да що тоби и казаты
Ты самъ теперь схаменувсь,
Бо вже въмиешъ и вътикаты,
Якъ съ Бениксеномъ стовкнувсь
Щасливъ ты, погански сыну,
Що списа не впустивъ у спину
Да ты того и не минешъ,
Бувъ колысь такій Костюшка
Скакавъ, порхавъ, мовъ та птушка,
Дежъ винъ теперъ?.. ты самъ збаг-
нешъ [1]).

***

Правда, що ты хитроваты
Уси штуки показавъ;
Да и Бенксгенъ мудроватый
Но вынъ тоби въ морду давъ;
Крутывъ бакъ ты, якъ лысиця
. . . . [2])
А якъ Бенксгенъ страху давъ,
Баржей на човенъ схватився,
Не оглядаючися, дравъ.

***

Хоть такъ соромъ и втекаты
Да що жъ маешъ ты робыть,
Дарма, буду я казаты,
Що ты рыбу вчивсь ловить
Дай ты мовчы, що вътекаешъ
Кажи, по висли гуляешъ,
Щобъ минувся трохи годъ
А якъ прибежишъ и къ жинцы
Скажы, щобъ възявши чирвинци
Швидче курнула назадъ.

***

Скажи, що такіи жарты
Москаль задавъ теперъ намъ,
Що дали бигъ отъ пивкварты,
Не бувъ ще я таки пянъ.
Катъ іого зна, що й робиты,
Хлопци мои вси розбиты,
Отъ теперъ же я пропавъ
Ащь Кулишъ якись—явився,
Ризавъ, бивъ да и пробився
По тымъ всимъ намъ думать давъ.

***

[1]) Въ спискѣ г. Левицкаго также не вѣренъ стихъ: А де жъ винъ теперъ? Не вспомянешъ.—Очевидно, лишне сл. вынъ.

[2]) Пропущенъ одинъ стихъ; у г. Левицкаго: та що жъ робить? треба скрыться.

Постый я тоби, козаче,
Найгарнийши дамъ совитъ,
Схаменися, небораче,
Не куіовды у весь свитъ,
Ось не чванся, не гордися,
Александру поклонися,
Признайсь, що ты виноватъ
Отъдай те, що ты заграбивъ,
Щобъ и грихъ ты свой загладывъ
И смашненко могъ бы спать...

Колижъ хочешъ такъ крутится,
Поки пристигне конецъ,
Тилко тогда не вертися,
Въскине якъ петлю динецъ,
Вже арканъ тоби готовы
Дуже мицны, гарны, новы
Хоть тягны дакъ не порвешъ.
Покайсь теперъ, сыну вражы,
А то Бениксгенъ докаже,
Що ты петли не минишъ.

***

XVI.

Волчанское городище.

(Опытъ изслѣдованія его въ 1903 году).

Волчанскъ. Волчанскъ, уѣздный городъ Харьковской губерніи, не представляетъ особыхъ историческихъ древностей. Онъ основанъ лишь въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича велѣно было нижегольскому черкашенину Мартыну на рѣчкѣ Волчьи воды строить слободу, которая въ 1724 году уже пазывалась городкомъ «Волчьей воды». И только въ царстованіе Екатерины Великой мѣстечко это переименовано было въ городъ Волчанскъ (1728 г.). Никакихъ крѣпостей въ этомъ мѣстечкѣ не было и не могло быть, сраженій тоже. Правда, волчанская казачья сотня существовала когда то, но это еще не значитъ, что здѣсь было военное поселеніе. Мѣстечко «Волчье» сначала было Салтовскаго уѣзда, уѣзднымъ городомъ котораго считался знаменитый крѣпостной городъ Верхній Салтовъ, а затѣмъ причислено было къ Бѣлгородскому уѣзду и только сравнительно недавно сдѣлалось уѣзднымъ городомъ.

Волчанское городище [1]). Городище это находится къ востоку отъ Волчанска въ растояніи 2—3 верстъ на одной изъ мѣловыхъ вершинъ «Лысой горы». Съ юга эту гору омываетъ рѣка Волчья, имѣющая въ этомъ мѣстѣ наибольшую глубину и ширину. Издали видъ на городище не представляетъ изъ себя ничего особеннаго, кромѣ живописнаго берега рѣки съ бѣлѣющими возвышенностями.

---

[1]) О городищахъ Харьковской губ. см. статья Ю. И. Морозова и В. Е. Данилевича въ Трудахъ Харьковскаго Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда, т. I, 82—97; т. II, 2-я часть, 227—229.

На вершинѣ этой возвышенности виднѣется часть полукруглаго бѣловатаго вала.

Вблизи же, кромѣ перваго вала, замѣтны еще двѣ насыпи, идущихъ въ видѣ концентрическихъ окружностей, изъ коихъ внутренняя тянется на самой возвышенной части горы.

Желая почерпнуть какія либо свѣдѣнія изъ преданій о волчанскомъ городищѣ, пробовалъ съ этимъ обращаться къ мѣстнымъ старожиламъ. Оказалось, что преданіе или скорѣе легенда не имѣетъ никакихъ историческихъ точностей. По словамъ прадѣдовъ старожиловъ, городище есть остатокъ прежняго «турецкаго» города, который былъ огражденъ крѣпкою стѣною. Въ городѣ былъ какой то знаменитый храмъ, который, по изгнаніи «турокъ» изъ города, самъ собой вошелъ въ гору и только каждый годъ на «великдень» выходитъ изъ земли; въ это время на городищѣ слышенъ звонъ, виднѣются огни и проч. Кромѣ того существовалъ большой бездонный колодезъ, и только сравнительно недавно послѣдній совсѣмъ засыпался землей; при этомъ указываютъ на незначительную впадину, какъ на мѣстонахожденіе колодца. О важности этого городища для «туретчины» указываютъ на тотъ фактъ, что плѣнные турки послѣдней турецкой войны, будучи въ Волчанскѣ, часто ходили молиться на эту гору. Не мало существуетъ также легендъ о кладахъ, спрятанныхъ въ подземельяхъ городища, причемъ нѣкоторые изъ обывателей приходили нѣсколько разъ во время производства мною раскопокъ и упрашивали раскопать по ихъ указанію нѣкоторыя мѣста, гдѣ бы можно было попасть въ подземелье; но къ ихъ огорченію просьбы невозможно было удовлетворить.

Раскопки городища. Волчанское городище по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ и по округленной формѣ относится къ очень раннему періоду. При внимательномъ осмотрѣ городища довольно ясно замѣтны три насыпныхъ вала, первый изъ нихъ самый возвышенный имѣетъ форму правильной окружности въ 164 саж. длины и 48 саж. въ діаметрѣ. По этому валу замѣтны остатки отъ довольно солидной каменной стѣны изъ цвѣтного песчаника, за стѣною въ разстояніи 6 саж. отъ 1-го вала тянется второй нѣсколько пониже валъ, и затѣмъ третій, удаленный съ южной стороны на 40 саж. и очень приближенный съ задней сѣверной стороны всего на 8 саж. Послѣдній валъ имѣетъ форму разносторонняго многоугольника съ периметромъ въ 336 саж.

Съ 12-го по 16-е августа 1903 года мною были произведены археологическія раскопки во всѣхъ частяхъ городища.

Первоначально изрѣзана была траншеей центральная часть площади, окруженной первымъ валомъ. Культурный слой въ томъ мѣстѣ имѣлъ незначительную глубину—всего $^3/_4$ арш. Очевидно эта мѣстность, какъ самая возвышенная часть городища, была сильно распахана. Тутъ же были прорыты двѣ другія траншеи около остатковъ отъ стѣны съ SW и E стороны, при чемъ, какъ первая, такъ и другая, кромѣ дикаго камня и случайно найденной на поверхности бронзовой круглой пластинки, никакихъ другихъ предметовъ не дали.

Съ SE стороны разрѣзанъ бы 1-й валъ, въ которомъ оказалась масса большихъ каменьевъ, очевидно, отъ фундамента каменной стѣны. Раскопка этого вала показала, что стѣна была приблизительно около сажени толщины.

Другіе два вала оказались насыпными изъ песку и земли, вышиною въ 2 и шириною снизу въ 6 метровъ.

Кромѣ того прорыта была траншея въ ложбинѣ между 1 и 2 валомъ. Подпочвенный слой здѣсь оказался на глубинѣ $2^1/_2$ метровъ и, судя по засыпной землѣ, можно думать, что вокругъ 1 вала и стѣны шелъ глубокій и широкій ровъ, засыпавшійся впослѣдствіи землей съ окружающимъ его валомъ. Раскопки передней площади между 2 и 3 насыпями показали очень тонкій почвенный слой, не имѣвшій никакихъ остатковъ обитанія людей, за исключеніемъ найденныхъ на поверхности кремневыхъ скребочковъ и копьевиднаго наконечника весьма тонкой обдѣлки, да нѣсколько черепковъ грубой глиняной посуды съ простѣйшимъ линейнымъ и точечнымъ орнаментомъ.

Въ виду того, что на самомъ городищѣ не оказалось никакихъ предметовъ, по которымъ можно было судить объ обитаніи городища, рѣшено было перенесть раскопки въ окружающіе склоны горъ и овраги. И дѣйствительно здѣсь нашлось несравненно больше археологическаго матеріала.

Вскрыто было множество мѣстъ съ прожженной до красна землей, на которой слоями лежали древесный уголь, зола и обломки глиняной посуды съ ямочнымъ орнаментомъ.

Очевидно, мѣста эти и есть самыя обиталища людей съ остатками отъ очаговъ. Здѣсь встрѣчалось множество разнородныхъ костей животныхъ—лошадиныхъ, бычачьихъ и бараньихъ.

Въ одномъ мѣстѣ съ SE стороны у самой подошвы горы раскопана была впадина, наполненная мѣшанной землей, кусками древеснаго угля и въ ней найденъ разбитый большой сосудъ изъ сѣрой глины съ волни-

стымъ орнаментомъ. (См. рис.) Сосудъ этотъ имѣлъ форму огромнаго горшка или скорѣе урны съ ручкой и заключалъ въ себѣ массу золы и костей животныхъ, какъ отбросы кухни. Вся яма имѣла 4-хъ угольную форму съ гладкими стѣнками и занимала площадь въ 1 кв. сажень.

Очевидно здѣсь пришлось натолкнуться на полную землянку.

По склону сосѣдней горы удалось натолкнуться и на погребеніе человѣка въ вырытой ямѣ на глубинѣ 2-хъ аршинъ. Костякъ оказался въ очень плохой сохранности: кости полуистлѣвшія, черепъ разрушенъ и части его лежали на тонкой каменной плитѣ гладко источенной съ верхней стороны, какъ бы точильный камень. По словамъ мѣстныхъ жителей, въ разныхъ мѣстахъ около городища и раньше были вымыты водой и случайно вырыты человѣческія кости и при нихъ сохранившіеся глиняные горшки. Мнѣ же, кромѣ вышеуказаннаго одного погребенія, не удалось

Сосудъ, найденный при раскопкахъ Волчанскаго городища.

другихъ открыть. Зато по тѣмъ же склонамъ вокругъ городища отыскана масса кремневыхъ осколковъ и кусковъ, а также обломковъ отъ кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ, скребковъ, фрагменты глиняной посуды съ самымъ первобытнымъ исчерченнымъ ногтемъ или палочками орнаментомъ.

Въ результатѣ раскопокъ получается такого рода заключеніе: Волчанское городище, судя по кремневымъ предметамъ и черепкамъ, напоминающимъ неолитическую эпоху, можно причислить къ городищамъ самаго древняго періода, при чемъ послѣднее могло служить лишь мѣстомъ для совершенія моленій и для укрытія древнихъ обитателей въ опасное для нихъ время, на что и указываетъ отсутствіе какихъ бы то ни было предметовъ постояннаго обитанія.

Вокругъ же городища существовали стоянки этихъ малокультурныхъ обитателей, оставившихъ послѣ себя лишь пепелища своихъ очаговъ, куски грубой глиняной посуды, отброски кухни и только.

Точечный, ямочный и линейный орнаментъ, сдѣланной просто ногтемъ, заостреннымъ кремнемъ или деревомъ, кремневые скребочки, стрѣлки или просто обломки кремня напоминаютъ мастерскія каменнаго вѣка и только найденная бронзовая пластинка приближаетъ къ бронзовому вѣку. Относительно самихъ обитателей трудно что либо опредѣленное сказать, когда не найдено другихъ предметовъ обыденной жизни, кромѣ черепковъ и костей животныхъ. Можно лишь предполагать, что древніе обитатели волчанскаго городища были какіе то малокультурные кочевническіе народы, имѣвшіе постоянныя стоянки и убѣжище отъ преслѣдованій въ названномъ городищѣ.

1903 г. *В. Бабенко.*

XVII.

Къ исторіи Харьковской литературы.

I.

Цензурныя замѣчанія на «Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи» преосв. Филарета.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Помѣщаемый ниже документъ былъ переданъ мнѣ покойнымъ протоіеремъ, настоятелемъ Троицкой церкви въ Харьковѣ, о. Николаемъ Лащенкомъ. Онъ весьма любопытенъ, съ одной стороны какъ страничка изъ столь мало извѣстной намъ исторіи духовной цензуры, а съ другой какъ матеріалъ, касающійся мѣстной исторіи.

Разбираемая цензоромъ книга—историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи является однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ научныхъ сочиненій по исторіи церкви, археологіи и гражданской исторіи нашего края. Авторъ ея по справедливости можетъ быть названъ «Несторомъ» Слободской украины. Не говоримъ уже о томъ, что онъ былъ и выдающимся историкомъ русской церкви, и замѣчательнымъ іерархомъ.

Тѣмъ болѣе характерны отрицательныя указанія цензора на отдѣльныя мѣста этого превосходнаго сочиненія. Къ сожалѣнію, замѣчанія эти имѣли и серьезныя практическія послѣдствія для книги—отмѣченныя цензурою мѣста были изъяты изъ этого сочиненія и это обстоятельство съ одной стороны принесло вредъ наукѣ, а съ другой сильно огорчило самого автора.

Д. И. Багалѣй.

I.

Копія съ донесенія Святѣйшему Правительствующему Суноду Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ, отъ 6 апрѣля 1853 года за № 98.

Членъ Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ архимандритъ Сергій, разсмотрѣвъ поступившія отъ преосвященнаго Филарета, Епископа Харьковскаго и Ахтырскаго, въ цензурный Комитетъ рукописи, содержащія отдѣленіе 2 и 3-е историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи, представилъ ихъ въ Комитетъ съ таковымъ мнѣніемъ.

Въ рукописяхъ, составляющихъ второе отдѣленіе историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи заключается частное обозрѣніе нынѣ существующихъ въ г.г. Харьковѣ и Валкахъ храмовъ и нѣкоторыхъ болѣе примѣчательныхъ церквей, находящихся въ селахъ и слободахъ. Порядокъ изслѣдованія почти вездѣ одинаковый: излагается сначала исторія храма, его древность, поновленіе и настоящее состояніе; потомъ описываются достопримѣчательныя въ немъ вещи и книги; къ симъ свѣдѣніямъ присоединяются замѣчанія о причтѣ и прихожанахъ. Собранныя въ рукописи извѣстія извлечены изъ подлинныхъ источниковъ, съ надлежащею осмотрительностію и безпристрастіемъ; примѣтно также, что извлеченныя изъ разныхъ источниковъ сказанія сопровождаемы были повѣркою на мѣстѣ, котораго каждое изъ нихъ касается. Встрѣчаются въ «описаніи» изслѣдованія, касающіяся гражданскаго состоянія описываемаго края, и разсказы о дѣйствіяхъ свѣтскихъ лицъ: такія изслѣдованія, хотя не имѣютъ прямой связи съ обозрѣніемъ іерархическаго и церковнаго состоянія епархіи, однакоже и не составляютъ обременительнаго излишества въ рукописи, поелику направлены къ цѣлямъ назидательнымъ для читателей, или заключаютъ въ себѣ такія свѣдѣнія о малороссійскомъ краѣ, которыхъ нельзя найти въ напечатанныхъ книгахъ.

Во второмъ отдѣленіи «описанія Харьковской епархіи» все представляется полезнымъ для читателей, согласнымъ съ правилами духовной

цензуры и достойнымъ одобренія въ печать. Но на листѣ 129-мъ въ жизнеописаніи Валковскаго протоіерея Снѣсарева, повѣствуется о томъ, какъ въ домѣ у одного изъ почетнѣйшихъ прихожанъ, среди Св. четыредесятницы, по совершеніи крещенія младенца, нашлись желающіе играть въ карты, которыя о. протоіерей утаилъ для предупрежденія сего беззаконія. Не полезнѣе ли для благочестиваго христіанскаго чувства оставить случай этотъ въ неизвѣстности?

Впрочемъ, такъ какъ на листахъ 39—42 пишется о пріѣздѣ въ г. Харьковъ Государя Императора и другихъ Особъ Высочайшей фамиліи, а на листѣ 173-мъ упоминается о чудѣ бывшемъ отъ Ахтырской иконы Божіей Матери, о которомъ слѣдствіе было назначаемо Святѣйшимъ Сѵнодомъ, то рукопись сію надлежитъ представить на предварительное благоусмотрѣніе Святѣйшаго Сѵнода.

И въ рукописи, составляющей 3-е отдѣленіе «Историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи», составитель описанія слѣдуетъ принятому порядку изслѣдованія. Изложеніе предмета ученое, не вездѣ соединенное съ чистотою слога, но всюду обильное частными свѣдѣніями, извлеченными изъ достовѣрныхъ источниковъ. Посему въ рукописи очень много помѣщено (въ спискахъ) грамотъ, указовъ, записей и другихъ документовъ; нѣкоторые изъ нихъ содержатъ болѣе того, что требуется изъяснить по теченію рѣчи, однако же могутъ быть удержаны на своихъ мѣстахъ по тому уваженію, что составляютъ любопытный матеріалъ для читателей, занимающихся археологіей и исторіей.

Отличительное качество сей рукописи состоитъ еще въ томъ, что она обилуетъ повѣтствованіями о примѣчательныхъ событіяхъ и сверхъестественныхъ чудесахъ. Чудеса истекали отъ чудотворныхъ иконъ Богородичныхъ Ахтырской и Каплуновской; нѣчто необыкновенное открывалось въ жизни частныхъ лицъ, по требованію ихъ состоянія нравственнаго, а чаще по поводу разныхъ бѣдствій, болѣзней, пожаровъ и пр. Сказанія о чудесахъ, равно какъ обстоятельствахъ и событіяхъ необыкновенныхъ можно видѣть на листахъ 8, 60, 68, 72, 81, 85, 89, 103, 107, 114, 116, 119, 132—134, 193, 194, 195, 200, 216, 254, 255, 259 и 264.

Предложенныя на сихъ листахъ повѣствованія и нѣкоторыя указанія на распоряженія Святѣйшаго Сѵнода, какъ наприм. л. 132, 134, служатъ основаніемъ къ тому, чтобы сія рукопись представлена была на благоусмотрѣніе и разрѣшеніе Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода.

Комитетъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Члена Комитета Архимандрита Сергія, нижайше представляетъ сіи рукописи на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Сѵнода.

II.

Копія съ донесенія Святѣйшему Правительствующему Сѵноду Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ, отъ 9-го Апрѣля 1853 года, за № 108.

Членъ Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ архимандритъ Сергій, разсмотрѣвъ поступившія отъ преосвященнаго Филарета, Епископа Харьковскаго и Ахтырскаго рукописи, содержащія IV и V-е отдѣленія «Историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи», представилъ оныя въ Комитетъ съ таковымъ мнѣніемъ:

«Свѣдѣнія, въ рукописи: «Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи. Отдѣленіе IV. Чугуевскіе округи военнаго поселенія; уѣзды Зміевскій и Волчанскій»—помѣщенныя, подтверждены или выписками изъ дѣлъ, хранящихся въ мѣстныхъ архивахъ, или приложенными въ полныхъ спискахъ грамотами, указами, челобитными, донесеніями и симъ подобными документами. Между матеріалами особенно замѣчательны три епитрахильныя грамоты Бѣлгородскихъ преосвященныхъ (л. 113—116); къ симъ грамотамъ присовокуплено мнѣніе составителя рукописи объ относительномъ ихъ достоинствѣ.

Съ преимущественною подробностію сочинитель говоритъ о городѣ Чугуевѣ и его жителяхъ, ихъ происхожденіи, послѣдующей судьбѣ и нынѣшнемъ состояніи. При меньшей извѣстности Малороссійскаго края въ сравненіи съ Великороссійскимъ, изслѣдованіе сіе занимательно для изучающихъ Русскую Исторію, тѣмъ болѣе, что оно составлено по руководству источниковъ, не многимъ извѣстныхъ и доступныхъ. Для Исторіи Русской примѣчательна также статья о мѣстечкѣ «Печенѣги» (на листахъ 68—72). Въ этнографическомъ отношеніи любопытно показаніе качествъ, какія отличаютъ Малороссовъ отъ Великороссіянъ (лист. 138—143); но помѣщенные здѣсь, въ подстрочномъ примѣчаніи, на листѣ 142 малороссійскіе стихи должны быть исключены, ибо для русскихъ читателей могутъ показаться соблазнительными.

На основаніи архива мѣстной консисторіи, сочинитель иногда говоритъ о дѣлахъ раскольническихъ (л. 133, 145). На листахъ 53—59 излагается исторія Чугуевскихъ раскольниковъ и описывается обращеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ къ православію. Подобныя изслѣдованія, между прочимъ, требуютъ, чтобы рукопись представлена была на воззрѣніе Святѣйшаго Сѵнода, особенно когда сочинитель указываетъ не однѣ мѣстныя, а другія болѣе важныя причины къ усиленію раскола; примѣръ сего можно видѣть на листѣ 131.

Встрѣчаются въ рукописи,—что впрочемъ есть и въ другихъ частяхъ «Описанія Харьковской епархіи»—сказанія о жизни и дѣйствіяхъ болѣе примѣчательныхъ лицъ въ православныхъ приходахъ. Когда упоминается о лицахъ уже умершихъ, то воспоминанія объ ихъ добродѣтеляхъ и даже слабостяхъ, поелику направлены къ назиданію читателей, не представляютъ для цензуры ничего сомнительнаго. Но не таковы указанія на лица, остающіяся еще въ живыхъ; такъ на листахъ 59 и 60 повѣствуется о двухъ прихожанахъ, изъ которыхъ одинъ дѣлается извѣстнымъ не по благочестію своему только, а и по прежнимъ своимъ слабостямъ. Подобный сему примѣръ читается на листѣ 121.

Кромѣ сего, не рѣдки въ рукописи и сказанія о неизвѣстныхъ чудесахъ и такихъ произшествіяхъ, которыя необъяснимы изъ обыкновеннаго теченія обстоятельствъ и дѣлъ человѣческихъ. Всѣ такія сказанія, которыхъ къ пропуску въ печать Цензурный Комитетъ самъ собою безъ разрѣшенія отъ Святѣйшаго Сунода одобрить не можетъ, содержатся на 101, 102 листахъ рукописи.

Пятое отдѣленіе «Описанія Харьковской епархіи» обогащено неменьшимъ обиліемъ занимательныхъ свѣдѣній и историческихъ матеріаловъ, какъ и прочія части сего сочиненія. Есть въ этой рукописи нѣсколько назидательныхъ воспоминаній о достойныхъ священнослужителяхъ и о доброй жизни прихожанъ. Но нѣкоторые изъ упоминаемыхъ съ доброй стороны прихожанъ доселѣ живы: согласно ли будетъ съ ихъ смиреннымъ христіанскимъ чувствомъ, если не только не будетъ сокрыто ихъ усердіе къ благолѣпію храма святаго, но будетъ объявлена предъ читателями ихъ сокровенная благочестивая жизнь? Похвальные отзывы о живыхъ лицахъ можно видѣть на 117, 133, 134 листахъ. Между выписками изъ дѣлъ архивныхъ не всѣ довольно занимательны: затруднительно указать, какое можно сдѣлать употребленіе изъ дѣловыхъ записей, изложенныхъ на 159—170 листахъ. Здѣсь описываются обиды и притѣсненія, какія претерпѣлъ священникъ отъ нѣкоторыхъ свѣтскихъ начальниковъ.

По мѣстамъ предлагаются замѣчанія о прежде бывшихъ и нынѣшнихъ раскольникахъ. Такъ на листѣ 157 содержится изъясненіе, какъ укоренился въ Краснянскѣ расколъ. Но гораздо важнѣе извѣстіе о раскольникахъ мѣстечка Поповки, о которой сочинитель замѣтилъ, что она «извѣстна не столько по числу жителей, сколько по печальнымъ качествамъ ихъ». Здѣсь скрываются Скопцы и Духоборцы; мѣры противъ нихъ начальства еще «не достигли своей цѣли». Произведенное слѣдствіе открыло ихъ заблужденія и ихъ вредные обычаи (лист. 212, 213, 214).

Но нужно ли оглашать ихъ неразумныя учрежденія, а тѣмъ менѣе ихъ Богопротивныя рѣчи? Разсказъ о достопримѣчательномъ обращеніи одной закоренѣлой раскольницы (лист. 196 и 197) долженъ быть представленъ на вниманіе Святѣйшаго Сvнода, потому что обращеніе сей раскольницы къ православію послѣдовало ради бывшаго ей во снѣ весьма знаменательнаго видѣнія.

Повѣствуется въ рукописи и о другихъ знаменательныхъ случаяхъ, видѣніяхъ и чудесныхъ событіяхъ. Такія сказанія читаются на листахъ 11, 12, 41, 61, 92, 93, 113, 143, 144, 146—149 и 208. Посему рукопись сія должна быть представлена на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода».

Соглашаясь съ симъ мнѣніемъ разсматривавшаго рукописи члена, при исключеніи указанныхъ имъ сомнительныхъ мѣстъ, Комитетъ не видитъ препятствій къ пропуску ихъ въ печать. Но имѣя въ виду важное содержаніе оныхъ рукописей, Комитетъ нижайше представляетъ оныя на благоусмотрѣніе и разрѣшеніе Святѣйшаго Сvнода.

2.

Памфлетъ учителя музыки Витковскаго.

Печатаемое ниже письмо учителя музыки въ Харьковскомъ университетѣ Витковскаго къ издателю «Украинскаго журнала» предназначено было авторомъ для помѣщенія въ этомъ журналѣ въ качествѣ возраженія на статью издателя—«*человѣкъ, какихъ у насъ не много*». Издавалъ тогда «Украинскій журналъ» извѣстный адъюнктъ университета и поэтъ А. В. Склобовскій. Витковскій узналъ себя въ этой статьѣ, возмутился ею и написалъ рѣзкій отвѣтъ въ формѣ памфлета или пасквиля на А. В. Склобовскаго. Послѣдній его не помѣстилъ въ своемъ журналѣ. Подлинная рукопись автора однако сохранилась—и мы печатаемъ ее, какъ матеріалъ для характеристики самого Витковскаго и отчасти какъ документъ, характеризующій тогдашніе литературные нравы и полемическіе пріемы.

Д. Багалѣй.

Милостивый Государь!

Лѣтъ десять затруднялась Воронежская Семинарія образованіемъ умственныхъ и нравственныхъ способностей вашихъ, лѣтъ десять и свѣтскія и духовныя особы тамъ употребляли средства ко внушенію вамъ правилъ честности и христіанскихъ чувствованій; тоже образованіе и тѣже правила предлагало вамъ и высшее святилище наукъ, Императорскій Харьковскій Университетъ, въ который вы какъ то попались, и въ которомъ первѣйшею цѣлію поставлено: просвѣщая умы юношества, прилагать особенное попеченіе объ усовершенствованіи нравственности онаго. Итакъ вы, Милостивый Государь! половину жизни вашей находились то среди наставниковъ благочестія, то подъ безпрерывнымъ руководствомъ мудрости; но за всѣмъ тѣмъ здѣсь невольно приходитъ мнѣ на мысль изрѣченіе премудрѣйшаго изъ царей, столь разительно вами оправданное (пр. Сол. 14).

Наконецъ вы — Редакторъ журнала, тѣмъ же Университетомъ издаваемаго, и чтожъ вы дѣлаете?—пишите совершенные пасквили,—пасквили позорные для васъ, столь же неприличные человѣку, считающемуся въ числѣ наставниковъ юношества, какъ и соблазнительные для питомцевъ Университета. Ибо какой примѣръ черезъ сіе подаете вы имъ относительно нравственности и прямаго назначенія словестности, въ коей вамъ поручено ихъ руководствовать? Спросите объ этомъ всякаго благомыслящаго гражданина; спросите вашу собственную совѣсть, естьли только вы когда нибудь бесѣдуете съ нею. Вы конечно догадаетесь, что я хочу говорить здѣсь о напечатанной вами въ 5-мъ № Украинскаго журнала за 1825 годъ статьѣ на мой счетъ подъ названіемъ: *человѣкъ, какихъ у насъ не много.* Думаю, что опытное начальство, пропуская оную при цензированіи, ничуть не предполагало, чтобы она относилась къ личной обидѣ мирнаго гражданина, 15-ть лѣтъ усердно служащаго Университету.

Прошу же въ оправданіе благомыслія общаго нашего начальства и въ должное обличеніе вашего злоумышленія помѣстить въ журналѣ вашемъ сіе отношеніе мое къ вамъ. Желаю, чтобы почтенная публика не по догадкамъ или распускаемымъ слухамъ, но точно видѣла, что вы въ помянутой статьѣ описывали меня—какъ бывшаго сперва у васъ и потомъ точно обѣдавшаго у почтеннаго пріятеля вашего М. А. Байкова. Обнаруживая васъ, Милостивый Государь! обязанъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отдать вамъ справедливость, что вы, какъ записной Піитъ, съ коимъ по временамъ чудеса совершаются, (см. У. Ж. 1825. № 1. стр. 37 1-ю строку съ низу) и въ семъ случаѣ выраженія свои украсили вымыслами, собственно творческому воображенію вашему принадлежащими какъ напр.: *Bon jour, спѣшно, охотно, бывалъ въ бывальцахъ видалъ видальцы* и тому подобное; но скажите, Милостивый Государь! на чемъ вы основывались, приписывая мнѣ гнусное умѣнье *подчивать какъ то не любыхъ гостей?*—

По какому поводу вы рѣшились очернить меня предъ публикою? Боже мой, какая несправедливость!!—Оклѐветалъ ли я кого?—или я за деньги и подарки вопреки совѣсти публично хвалилъ кого нибудь съ оскорбленіемъ чести другихъ имѣющихъ истинныя достоинства?—или, не имѣя достаточныхъ познаній, кромѣ низкаго пронирства, добивался степеней почести? или я священное довѣріе родителей, препоручающихъ моему надзору дѣтей своихъ, употребилъ во зло:—обманувъ ихъ надежды, завелъ съ ними аптекарскіе счеты или я былъ безсмысленнымъ Зоиломъ. Нѣтъ, Милостивый Государь! истинно я чуждъ такихъ подлостей. Что же я вамъ здѣлалъ, что вы, забывъ святое на Руси гостепріимство, рѣ-

шились меня публично злословить? А что точно помянутая статья относится ко мнѣ, то вотъ и доказательства:—Я точно былъ у васъ между 10 и 12 часами утра, просилъ показать мнѣ статью въ вашемъ журналѣ о розыгранной мною Ораторіи и г-мъ Барцицкимъ концертѣ въ пользу потерпѣвшихъ отъ наводненія жителей С.-Петербурга, и вы подали мнѣ тогда всѣ номера чуднаго журнала вашего для прочтенія.

Справедливо и то, что я потомъ собравшись ѣхать остановился опять, и изъ вѣжливости сбросивъ шубу, спрашивалъ васъ: какъ могу вамъ дать знать, есть ли найду, что вы, по незнанію музыки, здѣлали какія либо опущенія, или неправильныя замѣчанія (за кои не должно васъ ни винить, ни судить строго; виноватъ регентъ Воронежской симинарской пѣвческой, который видно не могъ вамъ сообщить по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ понятій о музыкѣ для сужденія о гармоніи вообще, не излишныхъ бы вамъ для вашей Поэзіи). На каковой вопросъ вы мнѣ точно предлагали отнестись къ вамъ о томъ на бумагѣ. Справедливо также и то, что я между разговоромъ упоминалъ вамъ о любви своей къ семейству (да какой же отецъ таковыхъ чувствъ не раздѣлитъ со мною?). Справедливо и то, что, бывъ охотникомъ до экипажей и всего къ тому принадлежащаго, я, въ удовлетвореніе любопытству вашему, объявилъ вамъ, что лошади, упряжь и приборъ стоили бы за границею не менѣе 800 червонцевъ и потомъ точно приказалъ кучеру ѣхать къ М. А. Байкову, гдѣ по прозбѣ его остался отобѣдать. Но что тамъ насмѣхались явно надо мною и собственно для этого у себя оставили; то это ни сколько несообразно съ благороднымъ образомъ мыслей почтеннаго хозяина, у коего всегда можно быть не опасаясь личной обиды. Тамъ, Милостивый Государь! образованный умъ и сердце хозяина, обязательная его внимательность всегда обѣщаютъ знакомымъ пріятное препровожденіе времени, онъ не имѣетъ нужды прибѣгать къ злоязычеству, клеветѣ или насмѣшкамъ надо мной или надъ кѣмъ либо другимъ, а особливо въ своемъ домѣ;—да и кому кромѣ безсовѣстнаго или безразсуднаго такое ремесло не омерзительно? Итакъ насмѣшка, бывшая будто бы надо мною, есть также ваша подобная прежнимъ выдумка, доказывающая только отличительныя черты изобрѣтательнаго ума вашего.

Судитежъ теперь сами, гдѣ обѣщанный *человѣкъ, какихъ у насъ немного*, котораго вы хотѣли изобразить?—не нужда ли... тутъ законъ измѣнила? и потому не въ большемъ ли правѣ всякой читатель со мною сказать вамъ: вотъ журналистъ, какихъ у насъ, слава Богу, мало, да и впредь едвали будутъ! точно не будетъ подобнаго вамъ, который ради безвкуснаго журнала, вмѣсто того, чтобы преподавать поэзію по 4 раза

въ недѣлю во все продолженіе времени отъ сентября до апрѣля заглянулъ бы только три раза въ университетскую авдиторію и то для того, чтобы слушателямъ поэзіи провозгласить свои ругательства противо своихъ критиковъ, исправно между тѣмъ получая свое жалованье и ни мало не заботясь о ропотѣ родителей, кои, препроводивъ дѣтей въ университетъ, обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Вотъ въ какомъ случаѣ всякой съ совершенною основательностію можетъ замѣтить, что въ этомъ вы должны отвѣчать Богу, Государю, начальству; умолчу о молчащей совѣсти вашей. А что во все то время вы были здоровы, то это видно изъ той же оскорбительной для меня статьи, и изъ всего вашего журнала, ибо вы вездѣ были, все видѣли, все слышали и обо всемъ криво толковали. Признаюсь вамъ, Милостивый Государь, вы сколько жалости достойны, столько и приводите въ удивленіе. Первое подтверждается собственнымъ изповѣднымъ изрѣченіемъ вашимъ: (смот. У. Ж. № 1-й 1825 стран. 36).

«Нѣтъ жалостнѣй созданья

«Какъ быть пѣвцомъ безъ дарованья;—

не менѣе какъ и нечаянно попавшимся мнѣ выраженіемъ—всѣми уважаемаго журнала (см. Вѣс. Евр. 1825-й № 2 ст. 143) «самое великое несчастіе для человѣка нечувствовать «красоты благородныхъ мыслей и поступковъ».

Съ другой стороны нельзя и не удивляться, подвергая васъ суду здраваго смысла; ибо какъ вы могли имѣть столь много дерзости и столь мало соображенія, что, наполняя журналъ свой обидными для другихъ статьями, не обратили уважительнаго вниманія на то, что хотя оный составляется единственно вами, но издается отъ имени университета,— сего высокаго сословія ученыхъ, отъ котораго народъ ожидаетъ самыхъ отличнѣйшихъ образцовъ изящества, истины и нравственности; какже вы осмѣливаетесь унижать столь достопочтенное учрежденіе наборомъ статей, неприличныхъ высокому достоинству онаго? Но вы и безстрашны, какъ рыцарь Дульцинеи и останетесь безсмертны для Украины; какъ имя того для цѣлой Европы. Неупоминаю уже, какое вы въ молодыхъ питомцахъ университета поселите расположеніе къ словесности (не говорю вообще къ изящному: ибо вы кажется, и сами до этой части не совсѣмъ охотникъ).

Для меня же собственно всего удивительнѣе то, что вы совершенно напрасно нанесли столь чувствительную обиду не только мнѣ, но и всему даже семейству моему. Удивляюсь болѣе потому, что я всегда сколько могъ, за васъ, какъ говорится, стоялъ горою. Такъ напримѣръ случалось,

что весьма многіе при мнѣ въ стихахъ вашихъ не находили ни малѣйшей гармоніи; но я сколько силъ было утверждалъ, что они недолжнаго требуютъ, ибо въ нихъ вы собственными ушами своими слышите только звонъ и громъ (см. У. Ж. на 1825. № 1, стр. 37), а звонъ и громъ когда же совмѣстны были со сладкозвучностію?—Къ большему ихъ убѣжденію я старался даже припомнить и то, что съ давняго уже времени вы потерпѣли несчастіе изображенное вами въ строкахъ сихъ: (тамже).

«Судьба угрюмая сей пламень погасила
«На лирѣ струны порвала
«И лиру самую разбила!—

Правда—всѣ они въ одинъ голосъ кричали, что будто вы грѣхъ берете на душу, что будто дѣло совсѣмъ не такъ было, что по достовѣрнѣйшему извѣстію не судьба разбила лиру вашу, а Пегасъ, не стерпя отвратительнаго звону и грому ея, освирѣпѣлъ. Но я возражалъ противу всѣхъ, говоря, что вашъ Пегасъ смирнѣе всякой водовозки.—И такъ неужели за мое простодушное къ вамъ расположеніе—за то, что всегда держалъ вашу сторону вы такъ отплатили мнѣ?—Пускай ужъ естьли бы вы справедливо порицали меня, я молчалъ бы. Такъ напр.: я ничего не говорю о томъ, что вы, принявъ на себя трудъ въ У. Ж. 1825 № 5 помѣстить сравненіе моей игры на скрыпкѣ съ игрою г-на Герне, изволите отдавать ему должное преимущество. Я даже съ удовольствіемъ сообщилъ ему свѣдѣніе о заслуженной имъ въ вашемъ журналѣ похвалѣ, хотя впрочемъ въ отвѣтъ на сіе онъ здѣлалъ весьма справедливое замѣчаніе, что ему такой отзывъ лестенъ только отъ истинныхъ знатковъ. (Прибавимъ къ тому отвѣту и стихи, которые хотя стары, но могутъ здѣсь кстати быть приложены):

«Достойной похвалы невѣжа неумалитъ
«И то не похвала, когда невѣжа хвалитъ.

Теперь въ вознагражденіе за свою обиду я не требую, чтобы вы въ присутствіи всѣхъ членовъ университета просили у меня прощенія (это съ вами бывалой случай), но хочу только, чтобы вы въ своемъ журналѣ сіе напечатали, совѣтую вамъ вытвердить и помнить сіи стихи знаменитаго русскаго литератора:

«Я видалъ, какъ наши витязи
Наши стихо-рифмо-дѣтели
Упиваясь одопѣніемъ,
Лѣзутъ на вершину Пиндову,
Оступаются и внизъ летятъ,

Не съ вѣнцами и не съ лаврами,
Но съ ушами (ахъ!) ослиными
Для позора да насмѣшниковъ.—

Послѣ сего, поелику вы слишкомъ грубо обидѣли меня, коснувшись чести моей и моего даже семейства; то узнавъ изъ сего хотя немного настоящую себѣ цѣну, вѣроятно, вы сами весьма удивились бы, еслибъ я когда либо захотѣлъ назвать себя

Вашимъ
Милостивый Государь
Покорнѣйшимъ слугою
Ив. Витковскій.

Харьковъ 8 апрѣля
1825-го года.

XVIII.

Матеріалы для біографіи гр. А. С. Уварова.

Помѣщаемые ниже матеріалы для біографіи незабвеннаго русскаго археолога гр. Алексѣя Сергѣевича Уварова извлечены мною изъ Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія въ Петербургѣ. Печатая ихъ въ сборникѣ, посвященномъ XIII Археологическому съѣзду, я хотѣлъ бы напомнить о заслугахъ того, кому обязаны своимъ началомъ и развитіемъ первые русскіе археологическіе съѣзды и съ чьимъ именемъ такъ тѣсно связано начало научнаго изученія древностей Черноморскаго побережья.

Проф. *Д. И. Багалѣй.*

I.

(№ 130, 552, 164).

Ваше Императорское Величество.

Министръ Народнаго Просвѣщенія во время пребыванія своего въ Москвѣ, сообщилъ мнѣ, что до Вашего Величества дошли слухи о дѣйствіяхъ моихъ будто бы для возбужденія студентовъ противъ Попечителя Московскаго учебнаго округа, и сверхъ того, мнѣ извѣстно, что находятся люди, распускающіе и теперь еще эти самые слухи. Если я и не имѣлъ бы счастье испытать милостивое Ваше ко мнѣ вниманіе, то во всякомъ случаѣ, по долгу чести, не могъ бы не заступиться за ея оскорбленіе передъ глазами Вашего Величества, а потому принимаю смѣлость повергнуть на благоусмотрѣніе Ваше мое увѣреніе, что ни чего подобнаго не было и не могло быть, по правиламъ руководящимъ меня какъ на службѣ, такъ и въ частной жизни. Для изобличенія ложности этихъ оскорбительныхъ слуховъ, я счелъ долгомъ подать въ отставку,

чтобы доказать тѣмъ, которые ихъ распускаютъ и тѣмъ, которые не зная меня, могли бы имъ вѣрить, что такой способъ дѣйствій не употребляется никогда и ни въ какомъ случаѣ честнымъ человѣкомъ. Для оправданія же моего передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ смѣю думать, что одного моего честнаго слова вполнѣ достаточно, чтобы имѣть счастье заслужить то дорогое для меня мнѣніе Ваше, Государь, котораго почиталъ себя достойнымъ; но если Вашему Величеству угодно было бы приказать изслѣдовать взведенное на меня обвиненіе, то я душевно обрадовался бы этому средству уничтоженія клеветы и возстановленія истины.

Съ чувствомъ глубочайшей преданности имѣю счастіе быть Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный

графъ *Алексѣй Уваровъ.*

4 Января 1859 г.

II.

(№ $\frac{129—444}{121}$)

Командировка гр. А. С. Уварова въ побережье Чернаго моря въ 1847 г.

Monsieur le Comte,

Dans la scéance de la Société d'archéologie tenue le 8 Décembre dernier, un des Vice-Présidents, M-r de Gelle, ayant exprimé le voeu que la Société d'Archéologie et de Numismatique encourageant par son approbation l'entreprise de fouilles sur quelques points du sol classique de la Russie méridionale, (comme, par exemple, sur l'emplacement de l'ancienne Olbia, ou dans les envirous de Kertsch) vous faites l'observation que des fouilles partielles, entreprises par des personnes qui ne disposeraient pas de ressources suffisantes, ne pourraient mener qu'à des résultats chanceux et incertains. Abordant, par contre, cette question d'un point de départ officiel, vous démontrates, Monsieur le Comte, qu'une telle entreprise pourrait, avec la Sanction suprême de Sa Majesté, aboutir à des résultats aussi heureux que ceux obtenus par la Commission Archéographique, par rapport aux anciens documents.

Je m'empressai d'appuyer vivement cette ideé qui me faisait entrevoir, pour la Société, l'avenir flatteur d'être plus efficacement utile pour l'histoire de la Russie, et, séance tenante, je nommai un Comité formé dans le sein même de la Société.

Dès le commencement de la discussion, ce Comité a décidé à l'unanimité de ne s'occuper pour le moment, à-propos des fouilles, que de la partie du littoral de la Mer-noire comprise entre l'embouchure du Danube et celle du Phase. Passant ensuite à d'autres considérations, il a été observé que dès l'origine des fouilles effectuées sur ces lieux et pendant assez longtemps, elles avaient donné de beaux résultals, attestés du reste, par la magnifique collection de ce genre d'antiquités déposée au Musée Impérial de l'Ermitage. Dès lors il y a tout lieu d'espérer que ce même sol revèle encore bien d'autres richesses, car il s'en faut de beaucoup que tout ait été exploré. Cependant depuis près de cinq ans, les fouilles ont été presque complètement improductives, et on est amené à se demander si parmi les différentes causes inconnues de cette stérilité, il ne faudrait point compter le manque d'unité dans l'exécution, et peût-être, aussi l'insuffisance des moyens pécuniaires.

En refléchissant à ce ralentissenmet dans les découvertes, le Comité pense que le meuilleur moyen d'y remédier serait d'imprimer aux fouilles une direction plus régulière; mais pour arriver a ce résultat, il faut d'abord bien étudier la question et prendre connaissance des localités. Aussi le Comité a décidé qu'il était indispensable de se mettre préalablement en rapport avec les Sociétés et les personnes qui se sont déja livreés ou qui se livrent encore à ces sortes de travaux. Mais ici, des rapports de correspondance seraient sans doute insuffisants, et apporteraient d'ailleurs des retards qu'il convient d'éviter.

Un moyen des plus efficaces que le Comité n'hésite pas à proposer, serait d'envoyer sur les lieux une personne capable et choisie parmi les membres de la Société. Si, par bonheur, ce projet obtenait l'approbation suprême de Sa Majesté, toutes les difficultés pourraient bientôt être applanies, surtout si la personne chargée d'une telle mission était munie des pouvoirs necessaires pour s'enquérir exactement de tout ce qui peut avoir rapport aux fouilles déja executées, à celles qui s'éxecutent encore, aux moyens employés, et enfin aux résultats obtenus. On pourrait espérer de cette combinaison de grands avantages pour la science et en même temps pour le Musée Impérial de l'Ermitage. Le Comité pense aussi qu'il serait utile d'associer à l'Archéologue, qui serait désigné un dessinateur habile, pour pouvoir au besoin lever des plans et éxécuter les dessins des monuments, comme aussi pour copier les peintures et les inscriptions importantes, ce qui constituerait des matériaux précieux pour l'histoire et l'archéologie russe.

Je vous prie donc. Monsieur le Comte, de vouloir bien mettre ce projet sous les yeux de Sa Majesté, et d'obtenir à la Société l'autorisation de prendre les mesures nécéssaires pour effectuer l'expéditon susmentionnée.

Veuiellez recevoir, Monsier le Comte, l'assurance de ma consideration distinguée.

M. Duc de Leuchtenberg.

(14 авг. 1847)

Его Императорское Высочество Герцогъ Лейхтенбергскій Президентъ Археологическо-Нумизматическаго Общества въ Петербургѣ, сообщилъ мнѣ, что Общество сіе предполагаетъ, для археологическихъ розысканій снарядить, на свой счетъ экспедицію на первый случай къ берегамъ Чернаго моря, и именно: къ тому пространству, которое заключается между устьями Дуная и Фазиса. Съ самаго начала изысканій въ этихъ мѣстахъ, послѣдствія были, очень благопріятны, чему доказательствомъ служатъ прекрасные памятники древности, хранящіеся въ собраніяхъ Императорскаго Эрмитажа. Судя поэтому, должно ожидать, что тамъ въ нѣдрахъ земли скрывается еще много сокровищъ. Ежели въ послѣднія пять лѣтъ поиски оставались почти безплодными, то самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ пріобрѣтенію вновь благопріятныхъ результатовъ, представляется отправленіе въ тѣ страны лица, вполнѣ способнаго къ тому, изъ числа членовъ Археологическо-Нумизматическаго Общества. Если бы этотъ проектъ былъ осчастливленъ Высочайшимъ одобреніемъ Вашего Императорскаго Величества, то всѣ затрудненія могли бы тогда быть легко устранены, снабженіемъ отправляемаго туда археолога уполномочіемъ собирать точныя свѣдѣнія о всемъ, что можетъ относиться къ произведеннымъ прежде разрытіямъ, къ тѣмъ, которыя теперь еще производятся, къ употребленнымъ средствамъ и наконецъ къ полученнымъ результатамъ. Отъ соединенія этихъ способовъ дѣйствія можно ожидать великихъ выгодъ для науки и для Музеевъ Эрмитажа. Къ Археологу, посылаемому въ эту экспедицію, полезно присоединить искуснаго рисовальщика, для снимания, въ случаѣ надобности, плановъ, и для срисовыванія памятниковъ, также для копированія живописей и важныхъ надписей. Это доставило бы драгоцѣнные матеріалы для исторіи и археологіи русской.

По волѣ Его Высочества Герцога Лейхтенбергскаго имѣю счастіе испрашивать Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества разрѣшенія Археологическо-Нумизматическому Обществу принять надлежащія мѣры къ приведенію въ исполненіе вышеизложенной экспедиціи, на счетъ Об-

щества, которое полагаетъ, что такимъ образомъ дано будетъ наилучшее употребленіе тѣмъ суммамъ, которыя отъ щедротъ Вашего Императорскаго Величества назначены къ отпуску въ пособіе Обществу.

Графъ *Уваровъ.*

17 апр. 1848 г.

Господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

По всеподданнѣйшему докладу моему, Его Императорское Величество, въ 18 день Апрѣля сего года Высочайше соизволилъ на отправленіе къ берегамъ Чернаго моря, для археологическихъ розысканій и разрытій, одного изъ членовъ Археологическо-Нумизматическаго Общества въ С.-Петербургѣ. Его Императорское Высочество Герцогъ Лейхтенбергскій, Президентъ Общества, возложилъ это порученіе на сына моего, Титулярнаго Совѣтника Графа Алексѣя Уварова, предоставилъ мнѣ войти въ сношеніе съ Вашимъ Высокопревосходительствомъ о снабженіи его открытымъ листомъ и подорожною по казенной надобности, туда и обратно.

Вслѣдствіе сего имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство, о приказаніи, если Вы изволите признать возможнымъ выдать сыну моему вышеозначенные открытый листъ и подорожную.

7 мая 1848 г.

Графъ *Уваровъ.*

Господину Министру Народнаго Просвѣщенія.

Вслѣдствіе отношенія Вашего Сіятельства отъ 7-го сего Мая за № 590, препровождая при семъ открытый листъ для служащаго въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ Титулярнаго Совѣтника Графа Алексѣя Уварова, отправляющагося къ берегамъ Чернаго моря для розысканія древностей, покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, приказать возвратить сей листъ ко мнѣ по минованіи надобности; что касается до выдачи Титулярному Совѣтнику Графу Уварову подорожной, то я вмѣстѣ съ симъ отнесся о томъ къ здѣшнему Военному Генералъ-Губернатору, съ тѣмъ чтобы онъ для выигранія времени препроводилъ оную къ Вашему Сіятельству прямо отъ себя.

XIX.

Замѣтки по археологіи и нумизматикѣ.

Въ Харьковскій Предварительный Комитетъ по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ постоянно поступали разныя старинныя монеты и другія древности. Вмѣстѣ съ тѣмъ разные памятники старины поступали и поступаютъ непрерывно въ Музей Искусствъ и Древностей при Харьковскомъ Университетѣ. Среди этихъ предметовъ многіе представляютъ извѣстный научный интересъ, а потому уже въ упомянутомъ Предварительномъ Комитетѣ высказывалось неоднократно пожеланіе, чтобы вещи наиболѣе интересныя въ научномъ отношеніи, были изучены и описаны спеціалистами. Отчасти эта мысль была выполнена тогда же, и въ «Трудахъ Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ» помѣщены описанія наиболѣе замѣчательныхъ предметовъ, поступившихъ въ Комитетъ. Но многое осталось неописаннымъ, а сверхъ того и послѣ съѣзда въ Музей поступаютъ постоянно монетные клады и другіе памятники старины, частью относящіеся къ числу случайныхъ находокъ, частью принадлежавшіе раньше частнымъ лицамъ. Конечно, среди предметовъ второй категоріи имѣется тоже много вещей, очень и очень цѣнныхъ въ научномъ отношеніи. Но особенно интересны монетные клады и случайныя находки древностей, такъ какъ описаніе ихъ имѣетъ большое практическое значеніе для ученыхъ различныхъ спеціальностей: нумизматовъ, археологовъ, историковъ и т. д. При этомъ значеніе подобныхъ описаній станетъ яснѣе, если мы обратимъ вниманіе на то, что монетные клады и случайныя археологическія находки поступаютъ въ Музей не только изъ Харьковской губерніи, но также изъ другихъ губерній и областей Россіи. Между тѣмъ всѣ тѣ, кому приходилось изучать древности извѣстнаго района, знаютъ отлично, какъ трудно собирать свѣдѣнія о тѣхъ предметахъ, которые находятся внѣ мѣстности находки, въ музеяхъ и частныхъ коллекціяхъ иныхъ частей Россіи. Сплошь и рядомъ изслѣдователи даже не предполагаютъ, что въ какомъ-либо провинціальномъ музеѣ, отстоящемъ далеко отъ интересующей ихъ мѣстности, имѣ-

ются разыскиваемыя ими древности. Поэтому Харьковская коммиссія по устройству XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ, состоящая при Историко-Филологическомъ Обществѣ, рѣшила помѣщать въ своихъ изданіяхъ описанія тѣхъ монетныхъ кладовъ и случайныхъ археологическихъ находокъ, которыя поступаютъ въ коммиссію или въ Музей Искусствъ и Древностей при Харьковскомъ Университетѣ. Настоящая замѣтка имѣетъ цѣлью осуществить приведенное постановленіе коммиссіи и содержитъ описаніе четырехъ монетныхъ кладовъ и 2 поддѣльныхъ античныхъ монетъ, а также сосудовъ, въ которыхъ найдены два клада изъ числа упомянутыхъ выше. Такимъ образомъ наша замѣтка не представляетъ какого-либо цѣльнаго изслѣдованія, а даетъ описанія нѣкоторыхъ предметовъ, поступавшихъ въ Музей Искусствъ и Древностей при Харьковскомъ Университетѣ, или на заключеніе коммиссіи [1]).

I. Курская губернія.

Въ 189? году найденъ въ с. Пузачахъ, Тимскаго уѣзда, кладъ, содержавшій 6 ф. 52 з. серебряныхъ копѣечекъ царей Михаила Өеодоровича (1613—1645), Алексѣя Михаиловича (1645—1676) и Өеодора Алексѣевича (1676—1682). Кладъ былъ заключенъ въ глиняномъ кувшинѣ, описаніе котораго дается ниже. Изъ числа монетъ, входившихъ въ составъ даннаго клада, намъ доставлены только описываемые здѣсь 7 экземпляровъ,—всѣ они находятся въ собраніи древностей и монетъ г-жи Томилиной [2]).

А. Серебряныя копѣйки царя Михаила Өеодоровича (1613—1645).

1. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; подъ конемъ въ 2 строки МОС | КВА

Обр. ст. Пятистрочная надпись: ЦРЬ I ВЕ. | IКИ КNЅ. | МIХАИ ЛО | .ЄДОРОВ. | .Ь ВСЕА Р...

2. То-же изображеніе и надпись.

Обр. ст. Пятистрочная надпись, исполненная болѣе крупнымъ, но менѣе правильнымъ и красивымъ шрифтомъ; надпись сохранилась плохо: ...... | IКI КНА.. | МIХАIЛО | ..ДОРОВIЧ | ..Є РУСI

---

1) Описываемые нами ниже монетные клады, расположены въ алфавитномъ порядкѣ губерній, въ которыхъ они найдены, при чемъ среди нихъ помѣщено и описаніе поддѣльныхъ античныхъ монетъ, яко-бы найденныхъ въ кладѣ.

2) При описаніи настоящаго и послѣдующихъ кладовъ мы отдѣляемъ знакомъ | текстъ отдѣльныхъ строкъ въ монетныхъ надписяхъ, идущихъ не въ одну строку.

3. То-же изображеніе; подъ конемъ буквъ не видно.

Обр. ст. Четырехстрочная надпись: ....I КНЅЬ М | .ХАІЛЪ ѲЄД | ..ОВИЧЬ ВС | ...У..

4. То-же изображеніе: подъ конемъ М̊

Обр. ст. Пятистрочная надпись· .РЬ I ▯Е | ЛИКІ КНЅ. | МИХЯШ. | .ЕДОРО▯. | .Ь........

5. То-же изображеніе; подъ конемъ стертая буква, прочесть которую не удалось.

Обр. ст. Пятистрочная надпись: .РЬ I ▯Е | .ИКІ КНЅ. | .ИХЯІ.. | ..ДОРО▯... | ▯СЕ.....

6. То-же изображеніе; подъ конемъ буквъ нѣтъ.

Обр. ст. Трехстрочная надпись: ...I К... | МИХАІ.. | ...ОРО....

Б. Серебряная копѣйка царя Ѳеодора Алексѣевича (1676—1682).

7. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; ободокъ изъ точекъ.

Обр. ст. Пятистрочная надпись: ...ІКИІ К....| ѲЕѠД... | .ЛЕКСѢ.... | ЧЬ ВСЕ. | ..СИ

II. Полтавская губернія.

Описываемыя монеты, по словамъ дарителя, найдены въ октябрѣ 1903 года въ Роменскомъ уѣздѣ и принесены въ даръ Музею Искусствъ и Древностей при Харьковскомъ Университетѣ г. К. Г. Румницкимъ. Точно мѣсто и обстоятельства находки намъ не указаны.

1. *Серебряный денарій Нервы Траяна* (98—117).

Голова императора въ лавровомъ вѣнкѣ, вправо, въ ободкѣ изъ точекъ; круговая надпись: .MP CAES NERVA TRAIAN AVG CF PM

Обр. ст. Стоящая фигура крылатаго генія съ поднятыми вверхъ руками, какъ-бы на молитву, въ ободкѣ изъ точекъ; круговая надпись: P M· TR P· COS· IIII· P· P

2. *Серебряный денарій Фаустины.*

Голова императрицы, вправо; по обѣ стороны надпись: DIVA | FAVCTINA

Обр. ст. Сидящая на табуретѣ женщина обращена влѣво; въ правой рукѣ у нея какой-то круглый предметъ, въ родѣ вѣнка, въ лѣвой рукѣ длинный жезлъ или копье; по обѣ стороны надпись AV.. | ...

Мы соединили примѣчанія къ описаннымъ выше монетамъ вмѣстѣ, такъ какъ обѣ онѣ имѣютъ большое сходство въ характерѣ работы. Прежде всего онѣ останавливаютъ на себѣ вниманіе своимъ страннымъ видомъ и вызываютъ сильное сомнѣніе въ подлинности. Вслѣдствіе этого мы рѣшили обратиться къ проф. Р. И Шерцлю съ просьбой провѣрить наше заключеніе о данныхъ монетахъ и высказать свое авторитетное мнѣніе объ ихъ подлинности. Проф. Р. И. Шерцль призналъ обѣ монеты *безусловно поддѣльными*, при чемъ любезно предоставилъ намъ право опубликовать тѣ доказательства, на основаніи которыхъ онъ отвергъ древность обоихъ экземпляровъ. Прежде всего оба экземпляра отличаются какой-то грубой работой, совершенно несвойственной римскимъ монетамъ даннаго времени. Но и детальное разсмотрѣніе ихъ показываетъ, что онѣ поддѣльны. Надписи грамматически и палеографически невѣрны: буквы должны быть расположены концентрически, между тѣмъ онѣ имѣютъ наклонъ въ разныя стороны и стоятъ не на одной линіи. Форма буквъ неправильная и уродливая. Рисунки отличаются грубостью и не поддаются точному опредѣленію, при чемъ портреты лицевой стороны совершенно не похожи на тѣ изображенія Нервы Траяна и Фаустины, которыя находятся на подлинныхъ монетахъ. Край монетъ изрѣзанъ, что свойственно поддѣльнымъ монетамъ. Цвѣтъ тоже обличаетъ ихъ поддѣльность: обѣ монеты какъ-бы покрыты сѣроватымъ туманомъ, а около фигуръ и надписей имѣются типичныя черныя пятна, называемыя въ нѣмецкихъ нумизматическихъ трудахъ облаками. Эти облака особенно характерны для поддѣльныхъ античныхъ монетъ: ими поддѣлыватели замѣняютъ патину подлинныхъ экземпляровъ. Наконецъ, вѣсъ монетъ не соотвѣтствуетъ тому, который должны имѣть подлинные денаріи даннаго времени. Таковъ въ общихъ чертахъ отзывъ о нашихъ монетахъ проф. Р. И. Шерцля, по мнѣнію котораго, онѣ могли быть сдѣланы въ эпоху возрожденія. Въ дополненіе къ приведеннымъ выше нумизматическимъ даннымъ отмѣтимъ еще одно обстоятельство, которое, по нашему крайнему разумѣнію, тоже доказываетъ, что обѣ монеты поддѣльны. Намъ принадлежитъ одинъ денарій Антонина Пія, найденный, по словамъ прежняго собственника, гдѣ-то въ Кіевской губерніи. Этотъ денарій совершенно аналогиченъ по всѣмъ отличительнымъ признакамъ описаннымъ выше. Замѣчательно, что въ обоихъ этихъ случаяхъ мѣсто и обстоятельства находки точно неизвѣстны, а имѣются лишь самыя общія указанія. Признавъ всѣ эти монеты поддѣльными, мы легко поймемъ, почему ни мѣста, ни обстоятельствъ находки ихъ точно нельзя установить. Но вмѣстѣ съ тѣмъ интересно то, что подлинныя римскія монеты, встрѣчающіяся въ многочислен-

ныхъ кладахъ Южной Россіи, принадлежатъ большею частью тѣмъ-же императорамъ и императрицамъ, имена которыхъ мы видимъ на поддѣльныхъ экземплярахъ. При этомъ въ Южной Россіи почти во всѣхъ большихъ городахъ можно купить поддѣльныя римскія монеты, и всѣ онѣ совершенно одинаковой работы. Все это позволяетъ предположить, что подобныя монеты сдѣланы не въ эпоху возрожденія, а гораздо позже и скорѣе всего во вторую половину XIX ст. При этомъ фабрикація такихъ монетъ производится гдѣ-то въ Южной Россіи, такъ какъ поддѣлыватели имѣли подъ руками рядъ подлинныхъ экземпляровъ и съ нихъ копировали.

III. Тульская губернія.

Кладъ найденъ при земляныхъ работахъ на старомъ селищѣ, лежащемъ около с. Большого Красина, Каширскаго уѣзда. Селище находится на землѣ г.г. Фререйсъ. Кладъ пріобрѣтенъ у находчиковъ мѣстнымъ помѣщикомъ г. А. А. Машковцевымъ, и большая часть его подарена послѣднимъ Музею Искусствъ и Древностей при Харьковскомъ Университетѣ, а 20 штукъ переданы въ Музей Таврической Архивной Коммиссіи, въ г. Симферополѣ. Кладъ найденъ въ глиняномъ кувшинчикѣ, описаніе котораго помѣщается нами ниже, и содержалъ раньше большее количество монетъ, такъ какъ часть его разошлась по рукамъ мѣстныхъ крестьянъ. Сохранившаяся часть клада вѣситъ 461,98 грм. и содержитъ 1009 монетъ, считая въ томъ числѣ и три половинки монетъ [1]). Почти всѣ монеты относятся къ царствованію Ивана IV Васильевича (1533—1584), и лишь одна монета принадлежитъ его сыну Өеодору Ивановичу (1584—1598), а кромѣ того, есть и одна мортовка.

	Число монетъ	Общій вѣсъ въ граммахъ
I. Царь Иванъ IV Васильевичъ (1533—1584).		
А. Монеты, битыя до 1547 года.		
1. Всадникъ съ саблею въ правой рукѣ, вправо; безъ ободка.		
Обр. ст. Четырехстрочная надпись: ѠСП | ОДАРЬ ВІ | СЄА РОҮ | СNП | ; съ лѣвой стороны верхней и нижней строкъ по точкѣ	3	1,08
Орѣшниковъ, с. 131, № 691 и таб. XI, рис. 540.		

[1]) При описаніи монетъ до 1547 г., входящихъ въ составъ настоящаго клада, мы дѣлаемъ ссылки исключительно на трудъ г. А. В. Орѣшникова «Императорскій Россійскій Историческій Музей имени Императора Александра III. Описаніе памятниковъ. Выпускъ I. Русскія монеты до 1547 года. М. 1896». Въ распредѣленіи монетъ этого періода мы придерживались порядка, принятаго въ данномъ трудѣ г. А. В. Орѣшникова. При описаніи-же

2. Всадникъ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; ободокъ изъ точекъ.

Обр. ст. Пятистрочная надпись: KNS | Ь ВЄЛІК | Н ГДРЬ В | СЄѦ РУ | СН | ; ободокъ изъ точекъ. 15

Орѣшниковъ, с. 131, № 693 и таб. XI, рис. 542. Въ чтеніи буквы S мы расходимся съ А. В. Орѣшниковымъ, такъ какъ и на его рисункѣ, и на нашихъ монетахъ ясно читается S, а не З. Точно также въ чтеніи послѣдней буквы въ словѣ ВСЄѦ мы не согласны съ уважаемымъ А. В. Орѣшниковымъ: онъ читаетъ эту букву, какъ А. Между тѣмъ и на нашихъ экземплярахъ, и на совершенно тождественной монетѣ Историческаго музея, изображенной на XI таблицѣ, эта буква имѣетъ явственную форму малаго юса—ѧ. При этомъ вѣрность нашего чтенія устанавливается простымъ сличеніемъ данныхъ монетъ съ тѣми, которыя описаны нами выше, подъ № 1, а А. В. Орѣшниковымъ подъ № 691. На основаніи этихъ соображеній мы считаемъ описанныя нами монеты совершенно тождественными съ тѣми, которыя описалъ А. В. Орѣшниковъ подъ № 693, хотя и расходимся съ нимъ нѣсколько въ чтеніи надписи.

3. Монеты, совершенно аналогичныя предыдущимъ, но только безъ ободка на обратной сторонѣ 4

Орѣшниковъ, с. 131, № 694 и таб. XI, рис. 543.

4. Монеты, совершенно аналогичныя предыдущимъ, но съ 2 точками надъ первой строкой надписи на обратной сторонѣ 3

5. Монеты, совершенно аналогичныя № 2, но только безъ ободка на лицевой сторонѣ 3

6. Монеты, совершенно аналогичныя № 2, но только безъ ободка на обѣихъ сторонахъ 7

7. Монеты, совершенно аналогичныя предыдущимъ, но съ 2 точками надъ первой строкой надписи на обратной сторонѣ 2

Общій вѣсъ монетъ этого типа=21,00.

монетъ, битыхъ съ 1547 г., мы лишены возможности сдѣлать ссылки на труды гр. Гуттенъ-Чапскаго, Шуберта и др., потому что въ библіотекѣ Харьковскаго Университета не оказалось ни одного изъ главныхъ сочиненій по русской нумизматикѣ. Предоставляемъ читателямъ, располагающимъ всѣми пособіями, судить, какія изъ описываемыхъ ниже монетъ встрѣчаются въ нумизматической литературѣ впервые.

8. Всадникъ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; подъ конемъ буква Д

Обр. ст. Пятистрочная надпись: KNS | Ь ВЄЛНК | Н ГДРЬ | ВСЄА Р | УСН | 14

Орѣшниковъ, с. 131, № 695 и таб. XI, рис. 544. Въ чтеніи надписей на монетахъ этого типа мы расходимся съ А. В. Орѣшниковымъ. Прежде всего А. В. Орѣшниковъ читаетъ букву подъ конемъ, какъ А. Между тѣмъ сличеніе этой буквы съ надписью на обратной сторонѣ устанавливаетъ полное тождество ея съ буквой Д въ словѣ ГДРЬ. Относительно-же чтенія буквы S въ словѣ KNSЬ на обратной сторонѣ мы высказали нашъ взглядъ при описаніи № 2-го. Такимъ образомъ мы считаемъ описанныя нами монеты совершенно тождественными съ тѣми, которыя описалъ А. В. Орѣшниковъ.

9. Лицевая сторона тождественна съ монетами, описанными подъ № 8.

Обр. ст. Пятистрочная надпись: KHS | Ь ВЄЛНК | I Н ГДРЬ | ВСЄА Р | УСН | 1

Общій вѣсъ монетъ этого типа 9,94.

10. Всадникъ съ саблею въ правой рукѣ, вправо; ободокъ изъ точекъ.

Обр. ст. Четырехстрочная надпись: KNSЬ | ВЄЛІКН | ІВАНЪ | ПСК | 19

Орѣшниковъ, с. 131, № 696 и таб. XII, рис. 545. Мы не можемъ согласиться съ уважаемымъ А. В. Орѣшниковымъ относительно описанія лицевой стороны монеты: онъ говоритъ, что у всадника находится мечъ въ правой рукѣ. Между тѣмъ и на нашихъ монетахъ, и на рисункѣ, напечатанномъ имъ на таблицѣ XII подъ № 545 оружіе въ рукѣ всадника имѣетъ форму сабли, а не меча, и вполнѣ тождественно съ тѣмъ, которое держитъ въ рукѣ всадникъ на монетѣ, изображенной на таблицѣ XI подъ № 540. Относительно чтенія слова KNSЬ мы высказали нашъ взглядъ при описаніи №№ 2 и 8 и впредь не будемъ оговаривать этого разногласія съ А. В. Орѣшниковымъ въ чтеніи даннаго слова.

Общій вѣсъ монетъ этого типа 154,00.

11. Монеты, совершенно аналогичныя № 10, но только безъ буквы Ь въ словѣ KNSЬ въ надписи на обратной сторонѣ 2

12. Монеты, совершенно аналогичныя № 10, но послѣдняя строка надписи на обратной сторонѣ читается ПС . . 2

13. Монеты, совершенно аналогичныя № 10, но безъ ободка на лицевой сторонѣ 3

14. Монета, совершенно аналогичная № 12, но безъ ободка на лицевой сторонѣ 1

15. Тѣ-же изображенія и надпись, что и на монетахъ, описанныхъ подъ № 10, но надпись въ 3 строки, безъ буквъ ПСК 6

Орѣшниковъ, с. 131, № 697 и таб. XII, рис. 546.

16. Монеты, совершенно аналогичныя № 15, но на лицевой сторонѣ нѣтъ ободка изъ точекъ; надпись въ 3 строки: KNSЬ | ВЄЛІКІ | ІВАN | 395

Орѣшниковъ, с. 132, № 698 и таб. XII, рис. 547.

17. Тѣ-же изображеніе и надпись, но шрифтъ надписи отличается большей красотой и правильностью буквъ . . . 1

18. Тѣ-же изображенія и надпись, что и на монетахъ, описанныхъ подъ № 15, но на обѣихъ сторонахъ ободокъ изъ точекъ 1

19. Тѣ-же изображенія и надпись, но ободокъ изъ точекъ только на обратной сторонѣ 5

Общій вѣсъ монетъ этого типа 154,00.

20. Всадникъ съ саблею въ правой рукѣ, въ жгутовомъ ободкѣ, вправо; подъ конемъ буква М

Обр. ст. Трехстрочная надпись: KNSЬ | ВЄЛІКІ | ІВАN 1

Орѣшниковъ, с. 132, № 699 и табл. XII, рис. 548.

21. Наши экземпляры отличаются отъ описаннаго подъ № 20 только отсутствіемъ жгутоваго ободка 2

Общій вѣсъ монетъ этого типа 0,97.

22. Тѣ-же изображенія и надпись, но всадникъ безъ ободка; подъ конемъ буква ω 27

Орѣшниковъ, с. 132, № 700 и таб. XII, рис. 549.

23. Монеты, совершенно аналогичныя описаннымъ подъ № 22, но надпись на обратной сторонѣ въ ободкѣ изъ точекъ 2

Общій вѣсъ монетъ этого типа 9,46.

24. Всадникъ съ саблею въ правой рукѣ въ ободкѣ изъ точекъ, вправо; подъ конемъ буквы АЄ *Обр. ст.* Трехстрочная надпись: KNSЬ | ВЄЛІКІ | IBAN	1	Общій вѣсъ монетъ этого типа 2,32.
25. Монета, совершенно аналогичная № 24, но всадникъ безъ ободка.	1	
26. Монеты, аналогичныя № 25, но надпись на обратной сторонѣ въ жгутовомъ ободкѣ и сдѣлана болѣе мелкими буквами, а послѣ буквы N въ 3-й строкѣ прибавлено украшеніе ≍	5	
27. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, въ линейномъ ободкѣ, вправо; подъ конемъ буквы ФС *Обр. ст.* Пятистрочная надпись: KHS | Ь ВЄЛИКІ | ІІВАNЪ | ВСЄѨ Р | ОУСИ	1	Общій вѣсъ монетъ этого типа 9,96.
28. Монеты, совершенно аналогичныя № 27, но въ надписи на обратной сторонѣ первая сторона читается: KNSЬ; надпись въ линейномъ ободкѣ . . . . *Орѣшниковъ*, с. 132, № 701.	11	
29. Монеты, совершенно аналогичныя предыдущимъ, но надпись на обратной сторонѣ безъ ободка. . . . . . . *Орѣшниковъ*, с. 132, № 701 и таб. XII, рис. 550.	4	0,66
30. Монеты плохой сохранности, битыя до 1547 года .	17 цѣлыхъ и 1 половина.	6,67

В. Монеты, битыя съ 1547 года. 1. Копѣйки [1]).

31. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, въ линейномъ ободкѣ, вправо, подъ конемъ буквы АЛ *Обр. ст.* Пятистрочная надпись, въ линейномъ ободкѣ: ЦРЬ Н | ВЄЛІКІН | KNSЬ ІВА | НЪ ВСЄѨ | РУСІН . .	4	2,62
32. Монета, аналогичная предыдущей; ни на лицевой, ни на обратной сторонѣ ободковъ нѣтъ; подъ конемъ буквы ВА	1	0,62
33. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; подъ конемъ буквы ГР *Обр. ст.* Пятистрочная надпись: ЦРЬ Н | KNSЬ ВЄ | ЛНКІ НВА | NЪ ВСЄѨ | РУСН	17	11,41

[1]) При описаніи монетъ этого времени мы придерживались общепринятаго у нумизматовъ—собирателей дѣленія на копѣйки и деньги.

34. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; подъ конемъ буквы ДМ

Обр. ст. Пятистрочная надпись: ЦРЬ И | ВЄЛІКИИ | KNSЬ ІВА | NЪ ВСЄꙖ | РУСІН . . . . 2 | 1,36

35. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; подъ конемъ буквы ІВ

Обр. ст. Пятистрочная надпись: ЦРЬ І ВЄ | ЛНКНІ KN | SЬ ІВАNЪ | ВСЄѦ РОУ | СНІ . . . . 9 | 6,02

36. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, въ ободкѣ изъ точекъ, вправо; подъ конемъ буквы ІВА

Обр. ст. Пятистрочная надпись ЦРЬ И | KNSЬ ВЄ | ЛИКІ ІВА | NЪ ВСЄꙖ | РУСИ . . . . 2 | 1,34

37. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; подъ конемъ буква К

Обр. ст. Пятистрочная надпись: ІЦРЬ Н | ВЄЛІКІН | KNSЬ ІВА | НЪ ВСЄꙖ | РУСІИ . . . . 7 | 4,70

38. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; подъ конемъ буквы въ 2 строки К / ВА

Обр. ст. Пятистрочная надпись: ЦРЬ Н | ВЄЛІКІН | KHSЬ ІВА | НЪ ВСЄꙖ | РУСІИ . . . . 20 | 13,41

Примѣчаніе. Нѣкоторые экземпляры отличаются тѣмъ, что буквы подъ конемъ сдѣланы болѣе мелкимъ шрифтомъ, чѣмъ на большей части монетъ этого типа.

39. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; подъ конемъ буквы, сильно стертыя, въ 2 строки: К / ? ?

Обр. ст. Пятистрочная надпись въ линейномъ ободкѣ: ЦРЬ Н | . ЄЛІКІН | . HSЬ ІВА | . . ВСЄ . | . . . . 1 | 0,67

Примѣчаніе. Судя по сохранившимся частямъ буквъ подъ конемъ, во второй строкѣ стояли иныя буквы, чѣмъ на монетахъ, описанныхъ подъ № 38.

40. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; подъ конемъ буквы ПС

Обр. ст. Пятистрочная надпись: ЦРЬ И | KHSЬ В | ЄЛІКІ ІВ | АNЪ ВСЄ | Ꙗ РУС . . . . 38 | 24,94

Примѣчаніе. Пятая строка надписи сдѣлана болѣе мелкимъ шрифтомъ, чѣмъ четыре верхнія.

41. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; у головы коня буква Р

Обр. ст. Пятистрочная надпись сдѣлана двумя ударами штампа, вслѣдствіе чего иныя буквы совсѣмъ не вышли или читаются плохо, а другія повторяются по два раза: ЦРЬ. | ІНКНІКНК | .. Ѧ. ЬІВА... | ......РОУОУ | ...І | . . 1 | 0,73

42. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; подъ конемъ буква С

Обр. ст. Пятистрочная надпись: ЦРЬ І ВЄ | ЛНКИІ КN | ѦЗЬ ІВАNЪ | ВСЄѦ РОУ | СИІ . . . . 4 | 2,68

43. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; подъ конемъ буквы въ 2 строки С / МН

Обр. ст. Пятистрочная надпись: ЦРЬ І ВЄ | ЛИКИІ КN | ѦЗЬ ІВАNЪ | ВСЄѦ РОУ | СИІ . . . . 24 | 16,11

44. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо; подъ конемъ буква Ю

Обр. ст. Пятистрочная надпись, поврежденная вторичнымъ ударомъ штампа, вслѣдствіе чего вся правая сторона ея уничтожена; ..... | ВЄЛІ... | КНЅ... | НЪ ВСЄ... | РУСІИ . 1 | 0,65

45. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо.

Обр. ст. Обратная сторона подверглась нѣсколькимъ ударамъ штампа, вслѣдствіе чего буквы, идущія въ разныхъ направленіяхъ, образовали полнѣйшую путаницу, въ которой нельзя прочитать ни одного слова. 5

46. Монеты плохой сохранности, битыя съ 1547 года, со слѣдами буквъ подъ конемъ всадника и безъ оныхъ . . 152 цѣлыхъ и 2 половинки.

(Общій вѣсъ монетъ этой группы 105,34.)

2. *Деньги.*

47. Всадникъ съ саблею въ правой рукѣ, вправо; ободокъ изъ точекъ; подъ конемъ буквы АЄ

Обр. ст. Четырехстрочная надпись: .ЦРЬ. | І КНѦЅЬ | ВЕЛІКІ | ·ІВАN . . . . 38 | 12,65

48. Всадникъ съ саблею въ правой рукѣ, вправо; подъ конемъ буквы ДЄ

Обр. ст. Четырехстрочная надпись: .ЦРЬ. | I KNѦSЬ— ВЄЛIKH | IBAN҂ 17

49. Монета, совершенно аналогичная предыдущей, только надпись на обратной сторонѣ въ ободкѣ изъ точекъ . . . 1

(Общій вѣсъ монетъ этого типа 6,03.)

50. Всадникъ въ коронѣ и въ чешуйчатой бронѣ, съ саблею въ правой рукѣ, вправо; подъ конемъ буквы IB

Обр. ст. Четырехстрочная надпись въ линейномъ ободкѣ: ЦР҇Ь | I ВЄЛIKИ | KHSЬ·И | BAN . . . . 3 | 1,01

51. Монеты, битыя съ 1547 года, съ неясными буквами и безъ буквъ . . . . 98 | 32,28

II. Царь Өедоръ Ивановичъ (1584—1598).

52. Всадникъ съ саблею въ правой рукѣ, вправо; подъ конемъ буквы ИС

Обр. ст. Четырехстрочная (?) надпись: ЦРЬ | I KNѦSЬ | .Є..KI ӨЄ | ДОРЪ . . . . 1 | 0,65

Примѣчаніе. Монета слегка обрѣзана, вслѣдствіе чего трудно сказать точно, состоитъ-ли надпись на обратной сторонѣ лишь изъ четырехъ строкъ, читаемыхъ и теперь, или она содержала раньше большее количество строкъ.

III. Монета неизвѣстнаго времени.

53. Всадникъ въ плоской, круглой шапкѣ на конѣ, скачущемъ въ галопъ; въ правой рукѣ у всадника копье, устремленное внизъ, вправо; въ ободкѣ изъ крупныхъ четырехугольныхъ точекъ.

Обр. ст. Непонятное изображеніе, въ родѣ дерева или цвѣтка. . . . . 1 | 0,70

Примѣчаніе. По всѣмъ признакамъ монету нужно отнести къ числу, такъ называемыхъ, мордовокъ, встрѣчающихся весьма часто въ русскихъ кладахъ.

Подводя итогъ описанному выше матеріалу, мы должны обратить вниманіе на весьма своебразный составъ даннаго клада. Большая часть его монетъ (1007 мон. или 99,999%) относится къ царствованію Ивана IV Васильевича, причемъ весьма значительный процентъ ихъ (560 мон., или 55,5%) принадлежитъ ко времени до 1547 года. Такимъ образомъ, настоящій кладъ можно было-бы датировать эпохой царя Ивана IV Васильевича (1533—1584), при этомъ ближайшими годами послѣ 1547 года, такъ какъ большая часть монетъ (560 монетъ изъ 1009), входящихъ въ составъ этого клада, бита до 1547 года. Но тутъ полнѣйшимъ диссонансомъ въ общей картинѣ является единственная монета царя Өеодора Ивановича (1584—1598), такъ какъ, въ противоположность всѣмъ остальнымъ даннымъ нашего клада, она свидѣтельствуетъ о томъ, что кладъ относится во всякомъ случаѣ ко времени послѣ смерти царя Ивана IV Васильевича, а именно, къ царствованію его сына, царя Өеодора Ивановича. Правда, кладъ дошелъ до насъ не въ полномъ своемъ составѣ, но трудно допустить, чтобы утраченная для науки часть его состояла исключительно изъ монетъ царя Өеодора Ивановича. Вмѣстѣ съ тѣмъ сопостановленіе сохранившейся части клада съ объемомъ сосуда, въ которомъ онъ найденъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что утрачена лишь меньшая часть его, не превышающая самое большое одной трети. А въ такомъ случаѣ теперешній составъ клада наводитъ на ту мысль, что послѣдній былъ зарытъ въ землю въ самомъ началѣ царствованія Өеодора Ивановича, когда монеты, носящія уже его имя, не успѣли окончательно вытѣснить изъ обращенія копѣйки и деньги, битыя при его отцѣ.

IV. Харьковская губернія.

Серебряная копѣйка найдена въ сл. Андреевкѣ, Зміевского уѣзда. Время и обстоятельства находки ея неизвѣстны. Эту копѣйку передалъ г. В. А. Барвинскій въ Бюро XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ 29 августа 1902 года, откуда она поступила въ Музей Искусствъ и Древностей при Харьковскомъ Университетѣ. Копѣйка эта бита въ царствованіе Ивана IV Васильевича (1533—1584) и вѣситъ 0,65 грм.

1. Всадникъ въ коронѣ съ копьемъ, устремленнымъ внизъ, вправо. *Обр. ст.* Пятистрочная надпись: ЦРЬ И | КН.Ь ВЕ | ЛИКІ НВА | НЪ ВСЄЯ РУСИ

V. Черниговская губернія.

Весною 1898 года недалеко отъ с. Волокитина, на песчаномъ бугрѣ, размываемомъ весенними разливами р. Клевени, крестьянинъ нашелъ

горшочекъ, въ которомъ оказалось около 60 серебряныхъ монетъ. Горшочекъ былъ уничтоженъ находчикомъ, а монеты кому-то проданы. Одну изъ этихъ монетъ пріобрѣлъ г. Кобеляцкій и доставилъ ее проф. Д. И. Багалѣю, который и передалъ ее намъ для описанія. При этомъ отмѣтимъ, что оставшіяся неизвѣстными намъ монеты даннаго клада, по словамъ г. Кобеляцкаго, подобны описываемой ниже. Послѣдняя разломана на двѣ части, сильно потерта и вѣситъ теперь 2,2 грм. Она представляетъ, такъ называемый, пражскій грошъ и относится ко времени богемскаго короля Венцеслава II (1278—1305)[1]). Пражскіе гроши, какъ извѣстно, не являются рѣдкостью въ кладахъ южной Россіи и встрѣчаются не только въ предѣлахъ Правобережной Украины, но и въ Лѣвобережной [2]).

1. Внѣшняя круговая надпись въ линейномъ ободкѣ: ✠ DEI×GRA......; внутренняя круговая надпись въ шнуровомъ ободкѣ: + W. NCE........; въ серединѣ богемская корона въ шнуровомъ ободкѣ.

Обр. ст. Круговая надпись въ линейномъ ободкѣ: *+............NSES; двухвостый левъ на заднихъ лапахъ съ вытянутыми передними, влѣво, въ шнуровомъ ободкѣ.

Глиняные сосуды XVI—XVII столѣтій.

Невольно обращаетъ на себя вниманіе замѣчательное явленіе какъ въ общественныхъ и частныхъ коллекціяхъ по отдѣламъ древностей доисторическихъ и историческихъ, такъ и въ археологической литературѣ. Коллекціонеры доисторическихъ древностей, по мѣрѣ возможности, собираютъ всѣ предметы, относящіеся къ тому или другому культурному періоду или географическому раіону, не обращая вниманія на степень художественности или матеріальной стоимости ихъ, и доставляютъ такимъ образомъ цѣнный матеріалъ для ознакомленія съ бытомъ древнихъ людей въ одной или нѣсколькихъ стадіяхъ ихъ исторической жизни. Въ коллекціяхъ этого рода можно найти рядомъ съ высоко художественными

---

[1]) Ср. H. Halke. Einleitung in das Studium der Numismatik. Berlin. 1889, s. 211, № 92 und t. VI, № 92. Нашъ экземпляръ нѣсколько отличается отъ описаннаго г. Г. Гальке знаками, раздѣляющими отдѣльныя слова надписей, но отличіе это весьма незначительно, вслѣдствіе чего обѣ эти монеты являются лишь варіантами одного и того-же монетнаго типа. Конечно, при передачѣ надписей мы должны были отступить отъ той палеографической точности, съ какою описалъ свой экземпляръ г. Г. Гальке. Но произошло это не по нашей винѣ: въ Харьковскихъ типографіяхъ нѣтъ средневѣковыхъ латинскихъ шрифтовъ.

[2]) Данилевичъ. Монетные клады Кіевской губерніи до первой четверти XV сто[illegible]ія (Труды IX археологическаго съѣзда. Т. I. М. 1895, с. 261). М. С. Грушевскій. Исторія [illegible]евской земли. К. 1891, с. с. 389—397. В. Г. Ляскоронскій. Исторія Переяславской зем[illegible] К. 1897, с. с. 217 сл.

и дорогими предметами, принадлежавшими, несомнѣнно, въ свое время богачамъ, или во всякомъ случаѣ состоятельнымъ людямъ, вещи очень грубой работы, характеризующія бытъ людей съ недостаточными или незначительными средствами. Конечно, такой составъ коллекцій лишаетъ ихъ сплошь и рядомъ всякаго изящества и показности, но зато научныя качества ихъ отъ этого не страдаютъ. Наоборотъ, подобныя коллекціи выигрываютъ даже въ научномъ отношеніи, такъ какъ не всегда изящный видъ древняго предмета находится въ полномъ соотвѣтствіи съ его значеніемъ для науки. Собирая и изучая лишь изящное, не только ученый, или дилетантъ, но также учрежденіе рискуютъ пропустить безъ вниманія массу цѣнныхъ въ научномъ отношеніи предметовъ и придти къ невѣрнымъ и неполнымъ выводамъ. Въ то-же время коллекціи древностей и ученые труды, въ основу которыхъ положено подобное начало, никогда не дадутъ точнаго и яснаго представленія о бытѣ древнихъ людей. Врядъ-ли требуется доказывать, что вещи, считавшіяся въ извѣстный моментъ изящными и дорогими, всегда были доступны по преимуществу состоятельнымъ людямъ, а народныя массы довольствовались въ своемъ обиходѣ, какъ и теперь, болѣе грубыми и дешевыми предметами. А въ такомъ случаѣ необходимо изучать и собирать и эти непоказныя вещи, такъ какъ только онѣ дадутъ возможность возстановить истинную и полную картину жизни прежнихъ людей, знакомя насъ съ бытомъ всей изучаемой народности, независимо отъ имущественнаго и соціальнаго положенія отдѣльныхъ ея представителей, насколько оно выражается въ дошедшихъ до насъ памятникахъ древности.

Казалось-бы, что все сказанное представляетъ такую всѣмъ извѣстную и давно принятую въ наукѣ истину, что даже безполезно говорить объ этомъ. Но дѣйствительно-ли это такъ извѣстно и признано всѣми? Позволяемъ себѣ усомниться. При изученіи и коллекціонированіи доисторическихъ древностей принято обращать вниманіе на все, такъ какъ только такимъ способомъ получается болѣе или менѣе полное представленіе о данной культурѣ. Но и здѣсь, какъ мы уже указывали раньше, не всѣ категоріи древностей пользуются одинаковымъ вниманіемъ ученыхъ и собирателей. Такъ, черепки сосудовъ въ музеяхъ и частныхъ коллекціяхъ обыкновенно сваливаются въ общую кучу, въ которой даже спеціалисту трудно что-нибудь разобрать, а сплошь и рядомъ они совершенно скрываются отъ взоровъ публики и сохраняются въ кладовыхъ[1]). Впрочемъ, нужно оговориться тутъ, что нѣкоторые образцы черепковъ обыкновенно помѣща-

[1]) Ср. нашу статью «Замѣтки по русской доисторической керамикѣ» (Археологическая Лѣтопись Южной Россіи, 1903 г., № 5, стр. 1—2).

ются вмѣстѣ съ остальными предметами той находки, къ которой они принадлежатъ. Во всякомъ случаѣ въ доисторическихъ древностяхъ изученіе и собираніе отличается большей полнотой и научностью, но нельзя того-же сказать о вещахъ болѣе близкаго къ намъ времени особенно послѣднихъ столѣтій. Стоитъ заглянуть въ любой общественный музей или частную коллекцію, чтобы убѣдиться въ справедливости послѣдняго положенія. Не лучше идетъ дѣло и въ научной литературѣ по этому отдѣлу археологіи.

Мы не станемъ приводить здѣсь всѣ виды русскихъ историческихъ древностей, не будемъ касаться коллекціонированія ихъ, а остановимся только на предметахъ XVI—XVIII столѣтій. Если мы пересмотримъ въ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ вещи за указанный періодъ, то найдемъ очень много интереснаго въ научномъ и художественномъ отношеніи, много просто дорогого, но всѣ эти вещи не дадутъ намъ возможности возстановить полную и точную картину жизни русскаго народа въ XVI—XVIII в.в. Дѣйствительно, въ частныхъ и общественныхъ коллекціяхъ для отмѣченнаго выше времени можно найти рукописи, книги, церковныя вещи, разную металлическую и иную утварь, оружіе, вышивки и т. д. и т. д. Но легко замѣтить, что всѣ эти собранія иллюстрируютъ намъ быть и дѣятельность лишь нѣкоторыхъ группъ населенія древней Руси—духовенства и другихъ болѣе состоятельныхъ классовъ русскаго общества XVI—XVIII в.в., а о народѣ составить по нимъ какое-либо представленіе совершенно невозможно, такъ какъ лишь немногіе предметы относятся къ обиходу бѣднѣйшихъ слоевъ населенія. Конечно, понять столь аристократическій характеръ коллекцій историческихъ древностей очень легко, вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что въ этихъ коллекціяхъ или совсѣмъ отсутствуютъ или представлены очень слабо древности, характеризующія собственно народный бытъ.

Конечно обиходъ бѣднѣйшихъ слоевъ городского и сельскаго населенія не изобилуетъ разнообразными предметами, какъ у болѣе состоятельныхъ классовъ и это само по себѣ должно служить важной причиной, что памятники собственно народнаго быта рѣдко попадаются въ частныхъ и общественныхъ собраніяхъ. Большое значеніе имѣютъ въ этомъ отношеніи, понятно, и тѣ матеріалы, изъ которыхъ изготовляется большая часть вещей народнаго обихода: дерево и его продукты, волокнистыя вещества, глина,—все это не способствуетъ сохраненію ихъ въ теченіе продолжительнаго періода времени. Съ другой стороны различныя народныя бѣдствія и особенности древне-русскаго быта—пожары, войны, частые переходы съ мѣста на мѣсто—способствовали уничтоженію вещей

этого рода. Тѣмъ не менѣе нельзя не упрекнуть также и археологовъ, какъ спеціалистовъ, такъ и дилетантовъ, за ту односторонность, которую они обнаруживаютъ до сихъ поръ при изученіи и собираніи русскихъ древностей XVI—XVIII вв. Если погребенія и остатки жилищъ разныхъ народностей, жившихъ въ до-татарскій періодъ на территоріи Россіи, тщательно изучаются и собираются, то не слѣдуютъ оставлять безъ вниманія разныя кладбища, селища и другіе остатки старины, болѣе близкой къ нашему времени, такъ какъ иначе многое погибнетъ безвозвратно. Всѣ эти соображенія и заставили насъ остановиться на двухъ глиняныхъ кувшинчикахъ, въ которыхъ были заключены описанные нами выше монетные клады: одинъ въ с. Пузачахъ, Тимскаго уѣзда Курской губерніи, съ монетами XVII ст., а другой—около с. Большого Красина, Каширскаго уѣзда Тульской губерніи, съ монетами XVI ст. Такимъ образомъ эти кувшинчики точно датированы. Конечно, для насъ все-равно, кто зарылъ эти кувшинчики съ монетами, такъ какъ соціальное положеніе собственниковъ нашихъ кладовъ въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакого значенія. Если подобные сосуды употреблялись въ домашнемъ обиходѣ высшихъ классовъ населенія, то и подавно они должны были являться главной и во многихъ случаяхъ единственной посудой у сельской и городской бѣдноты. Перейдемъ теперь къ описанію ихъ, при чемъ начнемъ съ кувшинчика XVI ст.

Рис. 1-й.

Кувшинчикъ XVI в. (рис. 1) сдѣланъ изъ темно-сѣрой, почти черной, хорошо отмученной и мелко просѣянной глины безъ примѣси посторон-

нихъ веществъ, сработанъ отъ руки, безъ помощи гончарнаго круга, и хорошо обожженъ. Верхній край его отбитъ, но по уцѣлѣвшему обломку видно, что верхній край былъ откинутъ и имѣлъ прямой обрѣзъ. Кувшинчикъ имѣетъ довольно высокую и ясно выраженную шею, узкое горло слабо выраженныя плечи, сильно выгнутыя боковыя стѣнки и плоское днище. Поверхность его гладко выглажена. Размѣры его таковы: высота—11,75 снтм., наибольшая окружность—28,89 снтм., діаметръ горла—2,22 снтм., окружность шеи—8,25 снтм., діаметръ дна—6,03 снтм. Кувшинчикъ не былъ украшенъ орнаментомъ. Клейма на днѣ нѣтъ.

Рис. 2-б.

Кувшинчикъ XVII ст. (рис. 2) сдѣланъ изъ свѣтлой, потемнѣвшей отъ пребыванія въ землѣ, хорошо отмученной глины безъ примѣси постороннихъ веществъ, сработанъ на гончарномъ кругѣ и хорошо обожженъ. Онъ былъ узкогорлый, но вся шея его теперь отбита. Онъ имѣетъ рѣзко выраженныя плечи, суживающіяся къ дну боковыя стѣны и плоское днище. Поверхность его выглажена. Размѣры его таковы: высота—11,43 снтм., наибольшая окружность—39,69 снтм., наибольшій діаметръ—12,07 снтм., діаметръ горла—2,22 снтм., діаметръ дна—6,35 снтм. Кувшинчикъ по выпуклости плечъ украшенъ линейнымъ и волнистымъ орнаментомъ, при чемъ оба эти вида орнамента перемежаются другъ съ другомъ въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная сверху: волнистая линія, прямая линія, 2 волнистыхъ линіи и 3 прямыхъ линіи. Боковыя стѣны не отполированы. Клейма на днѣ нѣтъ.

Описавъ оба кувшинчика, насколько позволяетъ это сдѣлать ихъ теперешнее состояніе, мы позволимъ себѣ высказать по поводу этихъ сосудовъ нѣсколько замѣчаній. Оба кувшинчика, по своей формѣ, весьма похожи другъ на друга, а болѣе древній изъ нихъ и по работѣ очень подходитъ къ тѣмъ сосудамъ, которые встрѣчаются въ славянскихъ могильникахъ и городищахъ до-татарскаго періода, но нельзя того-же сказать объ ихъ формѣ. Если въ общемъ такая форма сосудовъ знакома археологамъ и встрѣчается неоднократно въ древностяхъ различныхъ эпохъ и народовъ [1]), то въ извѣстныхъ намъ славянскихъ сосудахъ до-татарскаго періода, найденныхъ въ Россіи, намъ, по крайней мѣрѣ, не попадались кувшинчики подобнаго вида. Однако изъ этого не слѣдуетъ, чтобы такая форма глиняныхъ сосудовъ представляла какое-либо новшество, неизвѣстное на Руси въ предшествующее время, такъ какъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что и для до-татарскаго періода собраны далеко не всѣ виды предметовъ, встрѣчавшихся въ обиходѣ русскихъ славянъ. Тѣмъ не менѣе отсутствіе сосудовъ подобной формы въ славянскихъ древностяхъ до-татарскаго періода заставляетъ признать, что эти кувшинчики представляютъ извѣстный научный интересъ, пополняя наши свѣдѣнія по древней русской керамикѣ. Но этимъ не исчерпывается значеніе нашихъ сосудовъ.

Какъ мы уже указали выше, кувшинчикъ XVII ст. (рис. 2) украшенъ по выпуклости плечъ линейнымъ и волнистымъ орнаментомъ. Напомнимъ, что линейный орнаментъ встрѣчается въ Россіи уже среди находокъ неолитической культуры и становится особенно распространеннымъ въ славянской керамикѣ, хотя одновременно мы находимъ его и у нѣкоторыхъ инородцевъ, сосѣдившихъ отчасти съ русскими славянами [2]). Гораздо позже появляется на территоріи нынѣшней Россіи волнистый орнаментъ: впервые мы видимъ его въ началѣ бронзовой культуры. Но особенно этотъ видъ орнамента весьма распространенъ въ украшеніяхъ древне-славянскихъ глиняныхъ сосудовъ, встрѣчаясь также и у инородцевъ, жившихъ по сосѣдству со славянами [3]). При этомъ линейный и

---

[1]) Напримѣръ, сосуды подобной формы можно встрѣтить въ керченскихъ находкахъ, при чемъ это относится какъ къ стекляной посудѣ, такъ и къ глиняной, которая въ керченскихъ находкахъ весьма часто даетъ точные двойники стекляныхъ сосудовъ. Конечно, это явленіе объясняется тѣмъ, что глиняная посуда была дешевле и доступнѣе большинству, чего нельзя сказать о стекляной. Во всякомъ случаѣ сосуды подобной формы встрѣтились намъ и въ Керченскомъ Музеѣ, и въ другихъ коллекціяхъ керченскихъ древностей.

[2]) В. А. Городцовъ. Русская доисторическая керамика (Труды XI археологическаго съѣзда. Т. I. М. 1901, с.с. 636—637 и 639, таб. XII, рис. 10 и XIII, рис. 1).

[3]) Ibid, с.с. 637 и 639—640, таб. XII, рис. 11 и XIII, рис. 2.

волнистый орнаменты встрѣчаются, какъ каждый въ отдѣльности, такъ и въ сочетаніи, подобномъ тому, которое мы имѣемъ въ данномъ случаѣ [1]). Сосуды, украшенные линейнымъ или волнистымъ орнаментомъ, а сплошь и рядомъ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, встрѣчаются въ славянскихъ погребеніяхъ и городищахъ не только на Руси, но и въ другихъ славянскихъ земляхъ гораздо чаще, чѣмъ сосуды, орнаментированные иначе [2]). Вообще, необходимо признать, что эти виды орнамента пользовались особенной популярностью у древне-славянскихъ гончаровъ. Но нашъ кувшинчикъ показываетъ, что эти виды орнамента не были забыты русскими гончарами и въ XVII столѣтіи. Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь интересный примѣръ того, какъ живучи въ народномъ искусствѣ излюбленные мотивы орнамента. Было-бы интересно прослѣдить это явленіе и въ другихъ отрасляхъ народныхъ художествъ, такъ какъ, весьма возможно, многое нашло-бы аналогію или объясненіе въ соотвѣтственныхъ фактахъ древне-русскаго искусства. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности останавливаться здѣсь на данномъ вопросѣ, такъ какъ это выходитъ за предѣлы нашей задачи. Но отмѣтимъ при этомъ, что у русскихъ гончаровъ линейный орнаментъ и теперь составляетъ излюбленный мотивъ въ украшеніяхъ глиняныхъ горшковъ. Относительно волнистаго орнамента мы наблюдаемъ нѣсколько иное явленіе: въ Россіи онъ намъ встрѣчался только на росписной поливяной посудѣ, а на простыхъ глиняныхъ горшкахъ мы его никогда не видали, и лишь въ ученой литературѣ нашли упоминанія о такихъ сосудахъ [3]). Между тѣмъ внѣ Россіи этотъ видъ орнамента очень распространенъ и теперь; такъ проф. Л. Нидерле ука-

---

[1]) Л. Нидерле. Человѣчество въ доисторическія времена. Спб. 1898, с. 542, рис. 419, с. 543, рис. 420—421, с. 556, рис. 433. Каталогъ выставки XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Х. 1902, с. 92.

[2]) В. А. Городцовъ, l. c. Данилевичъ. Донецкое и Хорошевское городища. Х, 1902, с. 2. Каталогъ выст. с 92. Нидерле, op. c., с. с. 542—544. В. Бабенко. Волчанское городище (Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Т. XVI. Х. 1905). Кстати позволимъ себѣ замѣтить, что изображенной на рисункѣ г. В. Бабенка сосудъ принадлежитъ, по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ, къ числу славянскихъ сосудовъ, аналогичныхъ сосудамъ изъ другихъ славянскихъ городищъ и погребеній Харьковской и иныхъ губерній. Отнести этотъ горшокъ къ неолитической культурѣ намъ не представляется возможнымъ, не смотря на присутствіе стоянки въ прилегающей къ городищу мѣстности, такъ какъ стоянка и городище генетически не связаны другъ съ другомъ. Городище, судя по описанію г. В. Бабенка, принадлежитъ тоже къ числу славянскихъ, а не кочевническихъ. Затѣмъ неолитическая культура скорѣе соотвѣтствуетъ бродячему быту, чѣмъ кочевому.

[3]) Нидерле, op. c., с. с. 543—544.

зываетъ на его широкое распространеніе въ Моравіи.[1]) Весьма возможно, что волнистый орнаментъ начинаетъ утрачивать свою популярность среди русскихъ гончаровъ, вслѣдствіе чего онъ и попадается въ украшеніяхъ глиняной посуды сравнительно рѣже, чѣмъ линейный. На этомъ и закончимъ нашу замѣтку.

В. Е. Данилевичъ.

Харьковъ.
Январь—апрѣль 1905 г.

---

[1]) ibid. с. с. 543—544 и рис. 422.

XX.

Матеріалы для исторіи г. Харькова въ XVII вѣкѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ разное время мною издано три тома матеріаловъ по исторіи колонизаціи и быта Слободской украйны, въ составъ которой входила нынѣшняя Харьковская и части сосѣднихъ Курской и Воронежской губ. Въ настоящій моментъ мною собраны новые подобные же матеріалы, которые могли бы составить 4-й томъ изданія. Но я рѣшился выдѣлить изъ нихъ ту часть, которая имѣетъ непосредственное отношеніе къ г. Харькову въ XVII в. Всѣ они извлечены изъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи—изъ столбцовъ Бѣлгородскаго стола и сдѣлались извѣстны, благодаря прекраснымъ, обстоятельнымъ описаніямъ этихъ столбцовъ, печатаемыхъ Архивомъ М. Ю. Историки русской жизни и русскаго права должны быть чрезвычайно признательны дѣятелямъ Московскаго архива за составленіе описи столбцовъ, драгоцѣнное содержаніе которыхъ безъ того представляло почти мертвый капиталъ. О богатствѣ же заключающихся въ нихъ данныхъ можно судить отчасти и по печатаемому нами ниже сборнику. Въ составъ его входитъ 58 документовъ, относящихся къ періоду времени съ 1655 по 1688-й годъ (включительно), т. е. къ первымъ 33 годамъ въ исторіи нашего города. Уже одна древность придаетъ имъ серьезное научное значеніе; но и помимо того по своему содержанію они также въ высшей степени интересны, ибо заключаютъ въ себѣ документальныя свѣдѣнія о наиболѣе важныхъ сторонахъ жизни тогдашняго Харькова—его заселеніи, соціальномъ составѣ, экономическомъ бытѣ, повинностяхъ и управленіи.

Непосредственнымъ поводомъ къ извлеченію этихъ матеріаловъ изъ Архива М. Ю. послужила для меня работа надъ систематической исторіей г. Харькова, совершаемая мною, по порученію Харьковской Городской Думы. Для 1-го тома этого труда я воспользовался въ числѣ про-

чихъ и этими документами. Но полагаю, что они заслуживаютъ самостоятельнаго изданія, во 1-хъ, вслѣдствіе интереса ихъ и для мѣстной исторіи вообще, во 2-хъ, потому что я, пользуясь ими для своей спеціальной цѣли, далеко не далъ понятія о полномъ ихъ содержаніи, въ 3-хъ, потому что они, будучи изданы отдѣльно, могутъ служить для провѣрки и текста, и выводовъ составляемой мною (совмѣстно съ Д. П. Миллеромъ), исторіи г. Харькова за 250 лѣтъ его существованія и, въ 4-хъ, наконецъ и потому что настоящій сборникъ является *первымъ* систематическимъ собраніемъ документовъ по исторіи г. Харькова. Прибавимъ кстати, что и И. Е. Забѣлинъ, прежде чѣмъ выпустить въ свѣтъ свою исторію г. Москвы, напечаталъ отдѣльно относящіеся къ ней матеріалы.

Изданіемъ этого сборника матеріаловъ я желалъ внести свою лепту въ дѣятельность Харьковской подготовительной коммиссіи по устройству XIII Археологическаго Съѣзда: онъ посвященъ городу, въ которомъ происходилъ предъидущій XII-й Археологическій Съѣздъ, давшій сильный толчокъ археологическому и историческому изученію края.

4 мая 1905 г. *Д. И. Багалѣй.*

Отписка Ляпунова о ворахъ и разбойникахъ 1655 года.

Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу холопъ твой Лѣвка Ляпуновъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ государь во 167-мъ году мая въ 9 день— писалъ я холопъ твой къ тебѣ великому государю царю... что по твоему великаго государя указу я холопъ твой бѣлогородцевъ воровъ и разбойниковъ заводчика Ивашка Оберниxина съ товарищи учиня имъ наказаныя послалъ въ Валки на вѣчное житье съ женами и съ дѣтьми. А воровъ же государь и убойцовъ Проньку Биркина, Павлика Уколова за ихъ воровство и за смертное убійство велѣлъ казнить смертью въ Харьковѣ повѣсить, да тѣхъ же государь воровъ и разбойниковъ сысканы въ Бѣлогородѣ бѣлогородцы Евсейко Арѣховъ съ товарищи 38 чел. и я холопъ твой тѣхъ воровъ и Евсейку Орѣхова съ товарищи велѣлъ посадить въ Бѣлогородѣ въ тюрьму, до твоего великаго государя указу и о тѣхъ государь ворахъ и Евсейкѣ Орѣховѣ съ товарищи твоего великаго государя указу ко мнѣ холопу твоему мая по 27 число не бывало, да въ томъ же государь воровствѣ пойманъ бѣлогородецъ станичной ѣздокъ Якушко Ерпалевъ и я холопъ твой его Якушку про разбой харьковскихъ черкасъ пасѣкъ разспрашивалъ и пытать велѣлъ. И Якушко государь Ерпалевъ въ разспросѣ и съ пытки въ разбоѣ харьковскихъ черкасъ пасѣкъ винился, что онъ пасѣку съ Евсейкою Орѣховымъ съ товарищи разбивалъ, а убойства не учинилъ, далѣе не онъ же государь Якушко въ томъ же разбоѣ говорилъ на бѣлогородцевъ на Данилку Ѳилатова, на Стеньку Исаева на Потапку Трунова, да на Мисайловыхъ крестьянъ Трунова на Ѳедьку, да на Правоторшика, да на Игнатку, да на Проньку на Зиновку Ѳоростова, на Оверку Владыкина на Корнюшку Еремина, на Демидку Волобуева на Марку Зотова, на Мишку Першина, что они Харьковскихъ черкасъ пасѣки разбивали съ ними вмѣстѣ и я холопъ твой его Якушку велѣлъ посадить въ Бѣлогородъ въ тюрьму до твоего великаго государя указу и о Евсейкѣ Орѣховѣ и о Якушкѣ Ерпелевѣ съ товарищи вели мнѣ холопу своему свой государевъ указъ учинить, а товарищи го-

сударь Бѣлгородцы воры Данилко Ѳилатовъ съ товарищи въ Бѣлогородѣ не сысканы и я холопъ твой велѣлъ ихъ сыскивать, а какъ государь сыщутъ и я холопъ твой ихъ про разбой Харьковскихъ черкасъ пасѣкъ разспрашивать и пытать велю, а что государь въ разспросѣ и съ пытки тѣ воры скажутъ и я холопъ твой о томъ къ тебѣ великому государю писати стану и розспросныя и пыточныя рѣчи къ тебѣ великому государю пришлю.

На оборотѣ: Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу. 167-го года іюня въ 4-й день съ станичнымъ головою съ Григорьемъ Каменевымъ.

Арх. Мин. Юст. Бѣлг. Столбецъ, № 481.

Жалоба воеводы Селифонтова на Харьковскихъ Черкасъ 1656 г.

Государю царю и великому князю Алексѣю Алексѣевичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи холопъ твой Война Селифонтовъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнѣмъ во 164-мъ году по указу государь отца твоего государева великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца велѣно государь мнѣ холопу быть на вашей государевѣ службѣ въ Харьковскомъ и въ Хорошевѣ городищахъ для острожнаго строенья и для береженья отъ приходу воинскихъ людей татаръ у новоприборныхъ черкасъ. И черкасы государь въ вашей государевѣ службѣ и во всякомъ вашемъ государевѣ дѣлѣ учинились непослушны, острожного дѣла не дѣлаютъ и по вѣстямъ на отъѣзжія сторожи по высылкамъ не ѣздятъ и въ Приказную государь избу сторожей и деньщиковъ мнѣ холопу твоему не дадутъ для вашего государева дѣла послать некого, а безпрестанно пьютъ и бражничаютъ, а унять государь ихъ некѣмъ и послать по нихъ некого. И въ нынѣш. государь во 164-мъ году іюля въ 9-й день писалъ ко мнѣ холопу твоему изъ Чугуева воевода Осипъ Сухотинъ что приходили на Торъ татарове воинскіе многіе люди и вашихъ государь русскихъ людей и черкасъ многихъ побили и въ полонъ поимали. Да іюля же въ 13-мъ числѣ пріѣхалъ въ Харьковской изъ черкаскихъ городовъ изъ Плотаева черкашенинъ Митька Васильевъ, а въ Харьковскомъ въ Приказной избѣ передо мною холопомъ твоимъ въ распросѣ сказалъ: привели де въ Плотаевъ къ черкаскому полковнику къ Пушкарю въ языцѣхъ трехъ человѣкъ татаръ, и тѣ де татаровя въ распросѣ и съ пытки говорили, что будутъ на ваши государевы украинные городы татаровя воинскіе многіе люди. Да іюля же государь въ 14-й день писалъ ко мнѣ изъ Чугуева воевода

Осипъ Сухотинъ съ Харьковскимъ вѣстовщикомъ съ Өедькою Олейникомъ, а въ отпискѣ его написано: писалъ де къ нему Осипу съ Змѣева Змѣевской атаманъ Якушко Почетовскій, а въ отпискѣ—де его написано: пріѣхали де въ Змѣевъ изъ черкаскихъ городовъ шинкари и сказывали де ему Якушку что ходили де изъ Плотаева за татары и взяли де въ степи крымскихъ воинскихъ людей татаръ 10 чел., и тѣ-де татаровя въ распросѣ и съ пытки говорили, что въ степи-де въ собраньи татарове многіе люди, а приходить-де имъ татаровямъ на ваши государевы украинные городы. Да въ той же государь его Осиповѣ отпискѣ написано: писалъ де къ нему изъ Змѣева тотъ же атаманъ Якушко Почетовскій, сказывали-де змѣевскимъ сторожамъ севрюки, что видѣли де они татаръ на рѣчкѣ Берестовой человѣкъ съ 30 и больше; а тѣ государь урочища отъ Харьковскаго верстахъ въ 20-ти мало большъ промежъ Валокъ и Змѣева по той дорогѣ, которую дорогу вновь проложили Чугуевскаго уѣзду Харьковскаго городища во 162-мъ году ѣздятъ на Торъ по соль; и о той государь дорогѣ я холопъ твой къ тебѣ государю царевичу и великому князю Алексѣю Алексѣевичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи напередъ сего писалъ, что посылалъ я холопъ твой харьковскихъ и хорошевскихъ черкасъ тое дороги засѣкать, и харьковскія и хорошевскія черкасы учинилися не послушны, тое дороги не засѣкли; и я холопъ твой по тѣмъ вѣстямъ велѣлъ харьковскимъ и хорошевскимъ черкасамъ повѣстить къ смотру, и тѣ харьковскіе государь и хорошевскіе чаркасы учинились непослушны къ смотру многіе не пошли, и, не бивъ челомъ тебѣ государь и не явясь мнѣ холопу твоему, многіе изъ Харьковскаго разъѣхались по разнымъ городамъ, а иныя на Торъ поѣхали соли варить а въ Харьковѣ государь отъ ихъ черкаскаго непослушанья и разъѣзду учинилось малолюдно и въ приходъ воинскихъ людей уберечь будетъ Харьковскаго городища не съ кѣмъ; а будетъ, государь, въ ихъ черкаскомъ непослушанье учинится вашему государеву дѣлу какая поруха татаря пришедъ людей побьютъ или въ полонъ поемлютъ или Харьковское городище разорятъ и мнѣ холопу вашему отъ васъ въ томъ въ опалѣ не быть.

И государь о томъ ихъ черкаскомъ непослушанье вели, государь, свои указъ государевъ учинить, чтобъ имъ впредь неповадно было воровать вашего государева указу ослушаться. На оборотѣ: 164 г. августа въ 20-й день государь указалъ отписать окольничему князю Григорью Ромодановскому съ товарищи велѣлъ жить съ великимъ береженьемъ и ратныхъ людей будутъ вѣсти велѣлъ высылать, а на Харьково велѣлъ послать и черкасомъ говорить, чтобы они были въ послушанье острогъ дѣ-

лали и дорогъ вновь не прокладывали, чтобы тѣми дорогами татаровя не пришли и не повоевали и жить съ великимъ береженьемъ, а будутъ они около себя крѣпости не учинятъ, а татаровя ихъ поемлютъ, и то имъ разоренье и женамъ ихъ и дѣтямъ будетъ отъ себя.

Государю царевичу и великому князю Алексѣю Алексѣевичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи, 164-го года августа въ 3-й день Новасилицъ сынъ боярскій Ивашка Шеинъ Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу холопи твои Гришка Куракинъ съ товарищи челомъ бьютъ. Августа, государь, въ 3-й день писали къ сыну твоему великому государю нашему благовѣрному и великому князю царевичу Алексѣю Алексѣевичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи изъ Бѣлогорода окольничій и воеводы князь Григорей Григорьевичъ Ромодановскій съ товарищи въ дву отпискахъ донскія и крымскія вѣсти, да изъ Харькова Воинъ Селиѳонтовъ въ отпискѣ крымскія жъ вѣсти и про непослушанье Харьковскихъ черкасъ; и тѣ государь отписки мы холопи твои чли и послали къ тебѣ великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу съ сею отпискою.

На оборотѣ: Государь указалъ отписать прислали они къ государю отписку изъ Харькова Воина Селиѳонтова о татарскихъ вѣстѣхъ и о черкаскомъ непослушанѣ, а въ Украиныя города по тѣмъ вѣстямъ о береженьѣ, а въ Харьково о черкаскомъ не послушаньѣ они писалиль, о томъ они къ государю не пишутъ и они для чего не писали: и будетъ по тѣмъ вѣстямъ въ украиныя городы о береженьи не писано, и они-бы велѣли писать тотчасъ да и впредь будутъ про татаръ какія вѣсти объявятся, и имъ потому жъ о береженьѣ велѣть во всѣ Украиныя городы писать тотчасъ.

Государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца. 164-го года августа въ 19-й день подалъ подьячій Андрей Богдановъ. (Бѣлг. столъ Столбецъ 394, л. 149 153).

Челобитныя Харьковскаго духовенства 1656 года.

Царю государю... Алексѣю Михайловичу... бьетъ челомъ бѣдный и разореный отъ крымскихъ людей и отъ черкасъ богомолецъ твой государевъ твоего государева Харькова города новоставленый попъ Стефанище. Пришелъ я б. т. съ прихожены своими изъ разныхъ литовскихъ городовъ съ черкасы въ твой государевъ Харьковъ городъ и построили

церковь святаго чудотворца Николая а я богомолецъ твой человѣкъ бѣдный и отъ черкасъ разоренъ и у той государь церкви нѣтъ книгъ и ризъ не почемъ въ той церкви пѣти а купить мнѣ бѣдному нечѣмъ— человѣкъ бѣдный. Милосердый государь царь... пожалуй меня б. т. вели государь дать своего государева жалованья къ своему царскому богомолію къ той церкви книги и ризи по чему бъ въ той церкви было пѣть и чтобъ твое царское богомолье безъ пѣнія не было. Царь государь смилуйся пожалуй.

На оборотѣ: 168 г. генваря 14 дня государь пожаловалъ велѣлъ сдѣлать ризы и подризники и на престолѣ одѣяніе и дать память.

Царю государю... Алексѣю Михайловичу... бьетъ челомъ богомолецъ твой твоего государева новаго города Харькова собору Успенія Пресвятыя Богородицы бывшій дьяконъ Іосифъ бѣдной до конца разореной. Посыланъ я б. т. въ черкаскіе городы для ради церковнаго вина и для ради иныхъ церковныхъ потребъ, и какъ я б. т. искупя то церковное вино и всякую церковную потребу поѣхалъ изъ тѣхъ черкаскихъ городовъ назадъ и на дорогѣ меня б. т. ограбили Луговскаго полку казаки и сербьянѣ; то церковное вино и всякую церковную потребу они у меня отняли да коня отняли съ саньми да съ меня же сняли однорядку и скуфью, и всего государь грабежомъ взяли съ меня на 20 рублевъ, а нынѣ я. б. т. приволокся къ Москвѣ пѣшъ обо всякихъ нуждахъ а назадъ сволочься мнѣ ко дворишку нечѣмъ ограбленъ безъ остатку. Милосердый государь царь... пожалуй меня б. т. вели государь мнѣ дать своего государева жалованья чѣмъ бы сволочься къ домишку чтобъ мнѣ скитаючись на Москвѣ голодною смертью не помереть. Царь государь смилуйся пожалуй.

Ня оборотѣ: 166 г. августа въ 4 день государь пожаловалъ велѣлъ ему дать доброе сукно одинецъ какое платно нынѣ попы носятъ послать память изъ Розряду.

Царю государю... бьетъ челомъ б. т. государевъ новаго города Харькова соборной церкви Успенія Пресвятые Богородицы да твоего государева ангела святаго и праведнаго Алексѣя человѣка Божія попъ Иванище Аѳанасьевъ. По твоему государеву указу поставленъ я богомолецъ твой къ тому твоему государеву богомолью въ попы а служить государь и за тебя великаго государя Богу молить не по чему— книгъ не дано. Милосердый государь царь... пожалуй меня б. т. вели государь къ тому своему богомолью въ Харьковъ въ соборную церковь книгъ дать и антиминсы чтобъ было по чему за тебя великаго государя Богу молить и чтобъ то твое богомолье соборная церковь безъ пѣнія не была и безъ службы. Царь государь смилуйся пожалуй.

На оборотѣ: Августа въ 21 день государь пожаловалъ велѣлъ дать книгъ евангеліе напрестольное, апостолъ, псалтырь, минею общую, шестодневъ и послать о томъ память во дворецъ.

Лѣта 7166 августа въ день по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича... указу окольничему Ѳедору Михайловичу Ртищеву да Григорью Михайловичу Оничкову да дьякамъ Давыду Дерябину да Игнатью Матвѣевичу да Андрею Селину. Великій государь царь... указалъ послать изъ приказу Большаго дворца въ новый городъ въ Харьковъ въ соборную церковь Успенія Пречистые Богородицы книги евангеліе напрестольное, апостолъ, псалтырь со возслѣдованіемъ минею общую, шестодневъ тое жъ соборные церкви съ попомъ Иваномъ Аѳанасьевымъ. И по государеву цареву... указу окольничему Ѳедору Михаиловичу Ртищеву да Григорью Михаиловичу Аничкову да дьякамъ Давыду, Игнатью и Андрею учинить о томъ по сему великаго государя указу. (Бѣлг. стол. Столбецъ 598, л. 91, 275, 283—284).

Челобитная Бѣлгородскаго священника о земляхъ 1657 года.

Царю государю... Алексѣю Михаиловичу... бьютъ челомъ богомольцы твои Бѣлгорода Николы чудотворца попъ Иванище Анфимовъ да дьячекъ Тимошка Ивановъ. Въ прошломъ государь во 105 году построена твое государево богомолье церковь Николы чудотворца ратнаго да въ предѣлѣхъ святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба да Флора и Лавра, а вмѣсто государь руги къ тому твоему государеву богомолью дано было твое государево жалованье на свѣчи и на ладанъ и памъ б. т. на хлѣба кормленья въ Бѣлогородскомъ уѣздѣ вотчину рѣка Уды да по Донцу озерки да мортовѣтъ да Опаковской лѣсокъ да Становой затонъ да рѣчки Харьковъ да Лопинъ что впала въ рѣку Уды съ рыбными и звѣриными ловлями и съ бортными ухожденіи и со всякими угодьи. И въ прошломъ во 147 году какъ устроенъ твой государевъ новый Чугуевъ городъ, и въ ту пору писецъ Максимъ Лодыженской да подъячій Михайло Ключаревъ отписали твое государево жалованье Никольскую вотчину къ Чугуеву рѣку Уды да по Донцу мартовѣтъ да озерки да Опаковскій лѣсокъ да становой затонъ, а у церкви Николы чудотворца съ предѣлы осталось было твое государево жалованье только рѣчка Харьковъ да Лопинъ съ угодьи. И въ прошломъ во 162 году въ томъ твоемъ государевѣ жалованьѣ а въ церковной въ останочной въ послѣдней вотчинѣ по рѣчкамъ Харькову и по Лопину построились дворами живутъ черкасы которые пришли изъ черкаскихъ городовъ; а били челомъ тебѣ

государю тѣ черкасы что бы ты ихъ пожаловалъ велѣлъ дворами построиться въ Чугуевскомъ уѣздѣ а не въ Бѣлогородскомъ, и они государь черкасы построились въ Бѣлогородскомъ уѣздѣ въ Никольской вотчинѣ на рѣчкѣ Харьковѣ и по Лопинѣ, и то твое государево жалованье церковную вотчину запустошили звѣрь бьютъ и рыбу ловятъ и дѣльныя деревья сѣкутъ. И мы б. т. били челомъ тебѣ государю на тѣхъ черкасъ чтобъ ты пожаловалъ не велѣлъ имъ строиться дворами въ своемъ государевѣ жалованьѣ а въ Никольской вотчинѣ и по нашему б. т. челобитью велѣно въ Бѣлогородскомъ уѣздѣ въ Никольской вотчинѣ на рѣчкѣ Харьковѣ и на Лопинѣ дворами построиться черкасамъ только 37 чел. которые прежъ того пришли изъ черкаскихъ городовъ а пасѣкъ и становъ не держать и звѣрь и рыбы не ловить и дѣльнаго деревья не сѣчь и не подлупливать и ничѣмъ не пустошить; а которые пришли вновь и впредь станутъ приходить, и тѣмъ въ Бѣлогородскомъ уѣздѣ въ церковной вотчинѣ строиться не велѣно, а велѣно строиться въ Чугуевскомъ уѣздѣ: и они государь черкасы твоего государева указу не слушаютъ строятся всѣ въ Бѣлогородскомъ уѣздѣ въ Никольской вотчинѣ и станы и пасѣки завели и звѣрь и рыбу ловятъ и со пчелами деревья сѣкутъ дѣльныя и севрюковъ нашихъ грабятъ и тако церковною вотчиною намъ б. т. владѣть не вольно; а на церковной землѣ которая дана была вотчиною намъ б. т. на пашню въ прошломъ во 158 году построенъ твой государевъ новый Бѣлогородъ, а дикое поле и сѣнные покосы отошли къ новымъ городамъ къ Болховому и къ Карпову, а нынѣ намъ б. т. будучи у твоего государева богомолья кормиться нечѣмъ, вотчинъ и церковной земли и приходу нѣтъ. И въ прошломъ государь во 163 году по твоему государеву указу построенъ въ той Никольской вотчинѣ на рѣчкѣ Харьковѣ и на Лопинѣ твой государевъ новый Харьковъ городъ жилымъ городомъ, а строилъ тотъ городъ по твоему государеву указу строильщикъ и воевода Воинъ Селифонтовъ, Милосердый государь царь... пожалуй насъ б. т. вели вмѣсто своего государева жалованья отхожихъ вотчинъ и земли и сѣнныхъ покосовъ дать въ Бѣлогородѣ къ своему государеву богомолью на свѣчи и на ладанъ торговыя бани, а съ тѣхъ бань платятъ тебѣ государю въ казну оброку 8 рублевъ съ полтиною, чтобъ твое государево богомолье церковь безъ пѣнья не стояла. Царь государь смилуйся пожалуй.

На оборотѣ: государь пожаловалъ велѣлъ выписать въ Разрядѣ.

165 году мая въ 24 день послать государеву грамоту велѣть сыскать всякихъ чиновъ людьми, та земля у нихъ взята-ль и черкасомъ отдана-ль, да что въ сыску скажутъ и тотъ сыскъ велѣть прислать къ Москвѣ. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 504, л. 201—203).

Посылка вѣстоваго колокола изъ Москвы въ Харьковъ 1657 г.

Лѣта 7165 г. Декабря въ 30 день. По государеву цареву и великаго князя Алѣксѣя Михайловича Всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца указу окольничему Ивану Афанасьевичу Гавреневу да дьякомъ думному Семену Заборовскому съ товарищи. Государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ указалъ нынѣшнимъ зимнимъ путемъ послать въ новые польскіе городы въ Ахтырской да въ Харьковъ да въ Зміево по вѣстовому колоколу въ городъ съ отставнымъ сыномъ боярскимъ. И по государеву и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца указу окольничему Ивану Афанасьевичу Гавреневу да дьякомъ думному Семену Заборовскому съ товарищи о присылкѣ отставнаго сына боярскаго въ Пушкарской приказъ учинить по государеву указу. Діакъ Андрей Галкинъ.

На оборотѣ: Послать. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 407, л. 131).'

Жалобы воеводы Офросимова на Харьковскихъ черкасъ въ 1658 г.

Государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу холопъ твой Ивашка Офросимовъ челомъ бьетъ. По твоему государеву, цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца указу велѣно мнѣ холопу твоему быть на твоей государевѣ службѣ въ новомъ Харьковскомъ городѣ а въ наказѣ государь у меня холопа твоего написано: велѣно мнѣ холопу твоему харьковскихъ черкасъ приводить ко кресту которые тебѣ великому государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу креста не цѣловали и въ харьковскомъ государь нѣтъ ни одного человѣка тѣхъ черкасъ, который бы тебѣ великому государю крестъ цѣловалъ, все государь сбродъ мужики деревенскіе, а мнѣ государь холопу твоему харьковскихъ черкасъ приводить ко кресту не почему крестоприводной записи въ харьковскомъ нѣтъ и о томъ вели государь свой государевъ указъ учинить и вели государь въ харьковской ко мнѣ холопу своему прислать крестоприводную запись по чему мнѣ холопу твоему харьковскихъ черкасъ приводить ко кресту чтобы государь они черкасы впредь были тебѣ великому государю вѣрны, а черкасы государь люди самовольные ни въ чемъ твоего государева указу не слушаютъ

и о томъ какъ ты великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ укажишь.

На оборотѣ: 1) Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу.

2) 166 г. Іюля въ 20 день. Послать книгу. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 399, л. 256).

Отписки воеводы Офросимова и отвѣты на нихъ 1658 г.

Государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу холопъ твой Ивашка Офромимовъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ государь во 167 году били челомъ тебѣ великому государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, а въ Бѣлгородѣ твоему государеву думному діаку Семену Заборовскому подали челобитную чугуевцы дѣти боярскіе села Архангельскаго да деревни Жихоря Мартынко Сотниковъ да Сидоръ Колчинцовъ съ товарыщи сорокъ пять человѣкъ чтобы ты великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ пожаловалъ ихъ, велѣлъ приписать отъ Чугуева къ Харькову потому, что тѣ государь деревни отъ Харькова въ пяти верстахъ и имъ государь отъ приходу воинскихъ людей въ Чугуевъ бѣжать далеко, а къ Харькову близко; и по твоему государеву указу и по подписной челобитной за помѣтою государева думнаго діака Семена Заборовскаго твой государевъ стольникъ и воевода князь Андрѣй Ивановичъ Хилковъ съ товарыщи указали тѣхъ чугуевцовъ дѣтей боярскихъ село Архангельское да деревню Жихорь приписать къ Харькову, да имъ же государь новоприписнымъ дѣтямъ боярскимъ указали служить твою государеву службу въ Царевѣ Борисовѣ городѣ да въ Змеевѣ, а въ Харьковскомъ государь служилыхъ людей нѣтъ ни одного человѣка а около государь Харькова города построено три сторожи отъѣзжія; и въ прошлыхъ государь во 164 и во 165 году при Воину Сепифонтову по твоему государеву указу были въ харьковскомъ служилые заставные люди изъ городовъ по десяти человѣкъ съ Яблонова, съ Корочи, изъ Бѣлагорода, съ Болхова, съ Карпова, съ Хатмыжу, съ Чугуева, а нынѣ государь тѣ служилые люди изъ харьковскаго всѣ сведены по отпискѣ изъ Бѣлогорода твоего государева стольника и воеводы князя Андрея Ивановича Хилкова и по отъѣзжимъ государь сторожамъ и на вѣсти въ городы гдѣ пригоже ѣзживали тѣ служилые заставные люди, а нынѣ государь тѣ отъѣзжіе сторожи стоятъ

порожни и посылать мнѣ холопу твоему по тѣмъ сторожамъ некого и въ городѣ государь по городу и по воротамъ караулить карауловъ некому, а черкасы государь люди самовольные и непослушные пришедъ къ приказной избѣ всѣмъ городомъ въ отъѣзжихъ сторожахъ мнѣ холопу твоему отказали: а нынѣ государь по многимъ вѣстямъ мнѣ холопу твоему вѣдомо учинилось, что Вычовской гетманъ Плотавскаго повѣту городы и села и деревни съ татары и сляхи и съ нѣмцы и съ сербяны и съ мытьяны и съ венгеры и съ волохи запустушилъ и обваевалъ и обжегъ и Плотаву де взялъ, а Мартына де Пушкаря Плотавскаго полковника изрубилъ и голову де государь его велѣлъ на колъ взоткнуть; и по тѣмъ государь вѣстямъ харьковскіе черкасы впали въ сумнѣнье въ большое отъ Вычовскаго государь страшны и многіе государь изъ харьковскаго съ женами и съ дѣтьми пошли розно по лѣсамъ, а въ городѣ государь только чуть не пусто и мнѣ холопу твоему, каковъ грѣхъ будетъ приходъ воинскихъ людей, въ городѣ осады крѣпить и въ осадѣ сидѣть ни съ кѣмъ, а видѣвъ государь ихъ черкаское сумлѣнье отнюдь на нихъ въ осадное время надежи держать не мочно, а безъ русскихъ государь людей быть нельзя, чтобы государь твоему государеву городу и казнѣ поруха какая не учинилась и мнѣ бы холопу твоему за то отъ тебя въ опалѣ не быть и о томъ вели государь мнѣ холопу своему свой государевъ милостивой указъ учинить о служилыхъ людехъ и не вели государь тѣхъ новоприписныхъ дѣтей боярскихъ села Архангельскаго и деревни Жихоря посылать въ царевъ Борисовъ городъ и въ Змеевъ и вели государь имъ служить свою государеву службу въ харьковскомъ по городу и по отъѣзжимъ сторожамъ и на вѣсти ѣздить по городамъ, гдѣ пригоже въ Валки, въ Колонтаевъ, въ Змеевъ, въ Чугуевъ, въ Бѣлгородъ и по отъѣзжимъ сторожамъ кругомъ города Харькова ѣздить тѣмъ новоприписнымъ дѣтямъ боярскимъ и о (томъ) какъ ты великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ мнѣ холопу своему укажешь.

На оборотѣ: Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу.

166 г. іюля въ 20 день харьковецъ Мануйко Бобаевъ.

166 г. іюля въ 20 день. Быть гдѣ имъ указано.

Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца въ Харьковъ Ивану Михайловичу Офросимову. Писалъ ты къ намъ великому государю, что въ Харьковѣ служилыхъ русскихъ людей нѣтъ по городу по воротамъ на караулахъ и на отъѣзжихъ сторожахъ держать некого, изъ наряду стрѣлять некому

пушкарей нѣтъ, а черкасы непослушны на караулахъ и на отъѣзжихъ сторожахъ не стоятъ, а вновь русскихъ людей безъ указу прибрать не смѣешь и намъ великому государю велѣти-бъ тебѣ о томъ нашъ великаго государя указъ учинить. И какъ къ тебѣ ся наша великаго государя грамота придетъ и ты-бъ въ Харьковѣ прибралъ изъ русскихъ людей въ пушкари десяти человѣкъ изъ вольныхъ людей распрашивая и сыскивая про нихъ допряма, чтобъ одноличнo были вольные, а бѣглыхъ холопей и крестьянъ и изъ городовъ изъ службъ изъ тягля одноличнo непримать, а въ городѣ на караулахъ и на отъѣзжихъ сторожахъ держать харьковскихъ черкасъ съ перемѣною по колку человѣкъ пригоже, а то черкасомъ сказать всѣмъ, что Крымской ханъ собрався съ крымскими и съ нагайскими людьми хочетъ приходить на наши украинные городы войною нынѣшняго лѣта или кончая по зимѣ какъ воды укрѣпятся и они-бъ черкасы въ городѣ на караулахъ и на отъѣзжихъ сторожахъ были съ перемѣною безъотступно и отъ приходу воинскихъ людей остерегались, а только ихъ оплошкою и не береженьемъ къ Харькову воинскіе люди придутъ безвѣстно ихъ побьютъ, а женъ ихъ и дѣтей въ полонъ возьмутъ и то имъ разоренье учинится самимъ отъ себя, а одноличнo въ Харьковѣ жилъ съ большимъ береженьемъ и отъ приходу воинскихъ людей оберегался па крѣпко, а что у тебя въ Харьковѣ отъ кого какихъ вѣстей объявится и ты-бъ писалъ о томъ къ намъ великому государю да и въ Бѣлгородъ къ окольничему и воеводамъ нашимъ ко князю Григорью Григорьевичу Ромадановскому съ товарыщи о вѣстяхъ писали-жъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7166 г. августа въ 1 день.

Государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу холопъ твой Ивашка Офросимовъ челомъ бьетъ. По твоему государеву указу велѣно мнѣ холопу твоему быть на твоей государевѣ службѣ въ новомъ харьковскомъ городѣ на Воиново мѣсто Селифонтова и велѣно государь мнѣ холопу твоему у Воина Селифонтова принять городъ и городовыя и зелейныя казны, погреба и ключи, и по городу нарядъ, и зелейныя казны, въ погребѣ зелье, и свинецъ, и ядра, и всякіе пушечные запасы, и въ приказной избѣ твои государевы указныя грамоты обо всякихъ дѣлахъ и книги и приходныя и расходныя твоей государевѣ денежной казнѣ именные списки харьковскихъ черкасъ и строельныя книги и во всемъ съ нимъ Воиномъ велѣно мнѣ холопу твоему росписаться, а росписався государь съ нимъ Воиномъ, его Воина велѣно изъ Харьковскаго отпустить къ Москвѣ. И я холопъ твой по твоему государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя

Россіи самодержца указу пріѣхавъ на твою государеву службу въ Харьковской у него Воина Селифонтова Харьковской городъ принялъ и городовые и зелейные казны, погреба и ключи и по городу нарядъ и зелейную и свинцовую казну безъ вѣсу по росписному списку за его Воиновою рукою потому, что въ Харьковскомъ государь контаря и телезей нѣтъ и вѣсить той твоей государевы казны не на что и твоей государевѣ денежной казнѣ книги приходныя и расходныя и именные списки харьковскихъ черкасъ и во всемъ съ нимъ Воиномъ росписался, а его Воина по твоему государеву указу изъ Харьковскаго къ Москвѣ отпустилъ марта въ 30 день; а росписной государь списокъ и строельныя книги и именные списки Харьковскихъ черкасъ я холопъ твой отослалъ въ Бѣлгородъ къ твоему государеву думному дьяку къ Семену Заборовскому; да въ харьковскомъ же государь наряду семь пушекъ желѣзныхъ, а городъ государь харьковской сдѣланъ окладомъ противъ Бѣлагорода, зелья государь въ твоей государевѣ зелейной казнѣ ручнаго двадцать пудъ, а пушечнаго десять пудъ, а ядеръ триста сорокъ девять ядеръ, свинцу шесть свиней и въ приходъ государь воинскихъ людей того наряду и зелья и ядеръ и свинцу мало, отъ воинскихъ людей оберегаться нечѣмъ, да и стрѣлять государь изъ пушекъ въ приходъ воинскихъ людей некому, пушкарей въ харьковскомъ нѣтъ, а указу твоего государева такого въ харьковскомъ нѣтъ что прибирать въ Харьковскомъ служилыхъ русскихъ людей во всякія твои государевы разныя службы, а охотниковъ государь въ харьковской приходитъ много изъ разныхъ городовъ и и бьютъ челомъ тебѣ государю во всякія твои государевы службы а я холопъ твой безъ твоего государева указу пріймать тѣхъ людей не смѣю, а жилыхъ государь русскихъ людей въ Харьковскомъ нѣтъ никого окромѣ черкасъ; а по городу государь и по воротамъ карауловъ караулить въ Харьковскомъ некому и на отъѣзжія сторожи посылать мнѣ холопу твоему некого-жъ, а при Воину государь Сялифонтову по твоему государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца указу было въ Харьковскомъ служилыхъ заставныхъ людей изъ городовъ семьдесятъ человѣкъ съ Яблонова, съ Корочи, съ Бѣлогорода, съ Болхова, съ Карпова, съ Хотмыни, съ Чугуева и тѣ государь служилые люди изъ Харьковскаго сведены по отпискѣ твоего государева стольника и воеводы князя Андрея Ивановича Хилкова, а тѣ государь служилые люди въ Харьковскомъ въ городѣ по воротамъ и по башнямъ караулы караулили и по отъѣзжимъ сторожамъ они же государь ѣзживали, а нынѣ государь по городу карауловъ караулить некому и на отъѣзжія сторожи мнѣ холопу твоему посылать не

кого-жъ и нынѣ государь въ городѣ воротъ затворить и запереть некому, а караулы государь въ городѣ стоятъ пусты и отъѣзжія сторожи, а черкасы государь люди самовольные и непослушны, мнѣ холопу твоему въ караулахъ и въ отъѣзжихъ сторожахъ всѣмъ городомъ отказали и живутъ государь всѣ черкасы въ лѣсахъ по хуторамъ и по пасѣкамъ своимъ, а въ городѣ государь только чуть не пусто; а вѣсти государь въ харьковской приходятъ безпрестанно крутыя и мнѣ государь холопу твоему въ приходъ воинскихъ людей не токма города и посадовъ оберегать и за городовия ворота вытить не съ кѣмъ и будетъ государь въ приходъ воинскихъ людей грѣхъ какой учинится надъ городомъ и надъ посадомъ и надъ деревнями безъ отъѣзжихъ сторожъ пришедъ изгономъ воинскіе люди людей побьютъ и въ полонъ поемлютъ и мнѣ бы холопу твоему за то отъ тебя великого государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца въ опалѣ не быть и о томъ какъ ты государь мнѣ холопу своему укажешь.

1) Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу.

2) 166 г. іюля въ 20 день харьковецъ сынъ боярской Мануйло Бобаевъ.

3) 166 г. іюля въ 20 день. Послать государева грамота для чего не описалъ колько къ которой пушкѣ по вѣсу ядеръ и въ пушкари прибрать русскихъ людей десять человѣкъ холоповъ не пріимать бѣгаютъ покиня службу, а черкасамъ сказать чтобъ они у башенъ и по воротамъ стояли и отъѣзжія сторожи держали, а будетъ ихъ оплошкою придутъ воинскіе люди ихъ повоюютъ и женъ и дѣтей поемлютъ и то имъ разоренье будетъ отъ себя и отъ своего непослушанья, а нынѣ выходцы сказываютъ, что татарова нынѣшняго лѣта и какъ рѣки покрѣпятся приходить хотятъ, и имъ жить съ береженьемъ. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 399).

Отписка харьковскаго воеводы Офросимова о нарядѣ 1659 года.

Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу холопъ твой Ивашка Офросимовъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ государь въ 167 году, октября въ 9-й день прислана твоя великаго государя... грамота изъ пушкарскаго приказу за приписью дьяка Василья Якимова ко мнѣ холопу твоему въ Харьковской, а въ той твоей великаго государя царя... грамотѣ написано по твоему великаго государя указу и по грамотѣ велѣно твоему государеву окольничему и воеводѣ князю Григорью Григорьевичу

Ромодановскому съ товарищи послать изъ Бѣлогорода въ Харьковской ко мнѣ холопу твоему 50 пудъ зелья, а наряду и свинцу и ядеръ по ихъ разсмострѣнью и потвоему великаго государя царя... указу и по грамотѣ твой государевъ окольничей и воеводы князь Григорей Григорьевичъ Ромодановской съ товарищи указалъ послать изъ Бѣлогорода въ Харьковской ко мнѣ холопу твоему зелья 50 пудъ да 2 пищали пищаль желѣзная ядро 4 гривенки, да пищаль мѣдная ядро 2 гривенки, да 15 ядеръ желѣзныхъ, да 10 пудъ съ четвертью свинцу и то государь зелье и свинецъ принято безъ вѣсу по отпискѣ его окольничего и воеводы князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго по тому что вѣсить государь въ Харьковскомъ ненашто конторя, и телѣзей нѣтъ; и по се государь число въ Харьковскомъ снаряду 9 пищалей а по городу государь построено 11 башенъ и тѣ перво государь 2 башни и раскатъ стоятъ порожни безъ пушекъ и того государь снаряду и зелья въ Харьковскомъ мало, а которыя государь и есть пушки и тѣ не раскатные малы и каковъ государь грѣхъ учинится отъ приходу воинскихъ людей подъ городъ и съ тѣмъ государь зельемъ въ осадное время сидѣть не съ чѣмъ и снарядомъ государь тѣмъ оберегать твоего государева города нечѣмъ потому что городъ государь Харьковской окладомъ построенъ великъ больше Бѣлогорода; да и пушкарей государь въ Харьковскомъ нѣтъ же и стрѣлять изъ пушекъ некому, только государь присылается по твоему государеву указу изъ Бѣлогорода по 2 пушкаря и то государь малыя ребята, а что государь я холопъ твой принялъ твоей государевы зелейныя казны у Воина Селифонта 17 пудъ и той твоей гос. зелейной казны по многимъ вѣстямъ въ осадное время какъ животъ свой мучили сидѣли въ осадѣ отъ Выговскаго и отъ татаръ выстрѣлено изъ вѣстовой пушки 4 пуда а въ остаткѣ государь того пріемнаго зелья 13 пудъ и всего государь въ Харьковскомъ въ твоей государевой казнѣ зелья 63 пуда да 130 ядеръ пол-семы свинцу, свинцу не вѣшенаго. И о томъ какъ ты великій государь укажешь.

На оборотѣ: Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу.—167 года февраля въ 4-й день подалъ Θедоръ Семеновъ.

Выписать въ докладъ на перечень, что наряду и зелья и всякихъ пушечныхъ запасовъ. (Бѣлг. Столъ. Столбецъ 481).

Жалоба Жихорцевъ на Харьковцевъ за земли 1659 г.

Государю, царю и великому князу Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу холопъ твой Ивашка Офро-

симовъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ государь во 167 году февраля въ 30 день били челомъ тебѣ великому государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу. а мнѣ холопу твоему въ Харьковской въ приказной избѣ подали челобитную Харьковскіе дѣти боярскіе деревни Жихоря Григорей Карповъ да Сидоръ Колчинцовъ съ товарыщи, а въ челобитной ихъ государь написано, что бы ты государь пожаловалъ ихъ велѣлъ изъ Харькова скоро отпустить къ Москвѣ изъ нихъ челобитчика бить челомъ тебѣ великому государю и по твоему великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца указу Харьковскіе дѣти боярскіе Григорей Карповъ да Кондратъ Капустинъ изъ Харькова скорю къ Москвѣ отпущены да они де государь принесли заручную челобитную и я холопъ твой ту ихъ заручную челобитную послалъ къ тебѣ великому государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу подъ сею отпискою.

На оборотѣ: Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу.

167 г. Марта въ 23 день Харьковецъ сынъ боярской Кондратка Капустинъ.

Дать грамота отдѣлить имъ земли по дватцати чети прямыхъ моровъ а больше того не давати а достальныя земля черкасамъ указать земли ихъ.

Царю, государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу бьютъ челомъ холопи твои Харьковскіе дѣтишки боярскіе Гришка Карповъ да Сидорка Калчинцовъ съ товарыщи. По твоему великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу указу мы холопи твои изпомѣщены на дикомъ полѣ на рѣчкахъ Жихорѣ въ прошломъ государь въ 164 году изъ Чугуева. Въ то государь время Харькова города не было, а дано намъ холопамъ твоимъ по смѣтѣ твоего государева воеводы Григорья Семеновича Спешнева по дватцати чети человѣку и грани государь поставлены; а нынѣ государь по твоему великаго государя указу построенъ Харьковъ городъ а мы холопи твои отъ Харькова живемъ въ трехъ верстахъ и приписаны мы холопи твои по твоему великаго государя указу отъ Чугуева къ Харькову потому, что отъ Чугуева государь удалена въ дватцати пяти верстахъ, а отъ Харькова государь въ трехъ верстахъ и нынѣ государь насъ холопей твоихъ Харьковскіе черкасы съ твоего царскаго жалованья съ нашихъ дачь съ земли и стѣсняютъ и землею и сѣнными покосы насъ холопей твоихъ

обидятъ землею насильствомъ пашутъ и сѣно косятъ, а мы государь холопи твои всякую твою государеву службу въ Харьковскомъ служимъ по городу и по воротамъ и по отъѣзжимъ сторожамъ ѣздимъ и у твоей государевы зелейной казны мы же холопи твои караулимъ по перемѣнамъ и на муромскомъ шляху отъ приходу воинскихъ людей на сторожѣ мы-жъ холопи твои стоимъ перемѣняясь. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ пожалуй насъ холопей своихъ не вели государь насъ своего царскаго жалованья а съ нашихъ дачъ Харьковскимъ черкасамъ истѣснять и землею и сѣнными покосы насильствомъ владѣть и вели государь намъ о томъ ихъ насильствѣ дать свою великаго государя грамоту въ Харьковъ къ воеводѣ къ Ивану Михайловичу Офросимову, чтобы намъ бѣднымъ холопамъ твоимъ отъ ихъ насильства и отъ налоги впредьвъ конецъ не погинуть и безъ пашпи отъ безхлѣбства и безъ сѣножатей самимъ съ женишками и съ дѣтишками не помереть голодною смертью и которая государь есть скотинишка потому же не поморить съ безкормицы и врознь бы не разбрестися и твоей бы царской службы не отбыть. Царь государсмилуйся, пожалуй.

На оборотѣ: Къ сей челобитной Харьковскаго уѣзду Архангельской попъ Василей вмѣсто прихожанъ своихъ Харьковцевъ дѣтей боярскихъ деревни Жихоря Григорья Карпова да Сидора Колчинцова съ товарищи по ихъ велѣнью руку приложилъ. (Бѣлгор. ст. Столб. № 370, 75—77,78—82).

Челобитная Харьковцевъ о размежеваніи земель 1659 г.

Царю государю... бьютъ челомъ холопи твои Харькова города черкасы атаманъ Тимошко Лаврѣновъ и сотники и всѣ рядовые черкасы всѣмъ городомъ и уѣздомъ 3000 человѣкъ. Въ прошломъ государь во 165 году били челомъ тебѣ великому государю на Москвѣ мы х. т. чтобы ты великій государь... пожаловалъ насъ велѣлъ намъ межъ горо. дами отъ Бѣлагорода и отъ Чугуева и отъ Змѣева и отъ Валокъ и отъ Хотмѣни и отъ Карпова землю розмежевать и промежъ государь тѣми городами грани поставить. И по нашему государь челобитью дана твоя великаго государя грамота намъ х. т. въ Бѣлгородъ къ твоему государеву окольничему и воеводѣ ко князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому. И по твоему государеву указу и по той твоей государевой грамотѣ намъ х. т. твоего государева указу и по сіе число не учинено, и межъ тѣми городами земля не размежевана и граней государь не постав-

лено. А нынѣ государь у насъ х. т. изъ тѣхъ городовъ пріѣзжаючи многіе люди воруютъ пасѣки розбиваютъ и людей до смерти многихъ побиваютъ, насъ х. т. изгоняючи и налогу государь намъ х. т. чинятъ большую и впредь намъ х. т. видѣвъ нынѣшнее надъ собою такое разоренье отъ тѣхъ воровъ и разбойниковъ доброго ждать нечего. Милосердній государь царь... пожалуй насъ х. с. возри государь своею царскою милостью въ свою государеву въ дальнюю украинную и въ порубежную въ новую отчину вели государь намъ х. т. дать свою государеву грамоту и вели намъ межъ Харькова и Бѣлагорода и Чугуева и Змѣева и Валокъ и Хотмѣни и Карпова землю розвесть и грани поставить, а нынѣ государь насъ х. т. сошлось въ Харьковскомъ на твою царскую пресвѣтлую милость 3000 чел. съ дѣтьми и братьи и племянники и съ подсусѣдники да и нынѣ государь многіе приходятъ наша братья отвсюду разореные отъ Виговскаго измѣнника твоего государева и чтобы намъ холопемъ твоимъ и отъ тѣхъ городовъ отъ такого разоренья и отъ налоги и отъ тѣсненія и до остатка впредь въ конецъ не погинуть и врознь не розбрестись и съ домишками не разориться и твоей бы царской службы не отбыть. Царь государь смилуйся пожалуй.

На оборотѣ: подписи.

Государь пожаловалъ велѣлъ выписать. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 605).

Бьютъ челомъ великому государю царю... харьковскіе черкасы 3000 чел., а въ челобитныхъ ихъ написано: въ прошломъ во 165 году по указу великаго государя и по грамотѣ изъ Разряду по ихъ челобитью велѣно Харькова города пашенную землю и всякія угодья отъ Бѣлагорода и отъ Чугуева и отъ Змѣева и отъ Валокъ и отъ Хотмышскаго и отъ Карпова землю отмежевать и признаки всякіе учинить, и имъ де земля и всякія угодья отъ тѣхъ городовъ не отмежевана и признакъ никакихъ не учинено и по се время; и изъ тѣхъ де городовъ всякіе люди пріѣзжаючи воруютъ и пасѣки ихъ разоряютъ и людей до смерти побиваютъ и всякія обиды и налоги дѣлаютъ большіе. И великій государь пожаловалъ бы ихъ велѣлъ ихъ землю и всякія угодья отъ тѣхъ городовъ отмежевать и признаки всякіе учинить по прежнему своему государеву указу.

И въ разрядъ выписано:

Въ прошломъ во 165 году по указу великаго государя по челобитью харьковскихъ черкасъ послана изъ Разряду его великаго государя грамота въ Бѣлгородъ къ окольничему и воеводамъ къ князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому съ товарищи велѣно Харькова города землю и всякія угодья отъ Бѣлагорода отъ Чугуева отъ Змѣева отъ Валокъ

отъ Хотмышскаго отъ Карпова отмежевать и признаки всякіе учинить. И та земля отъ тѣхъ городовъ отмежевана-ли и признаки какіе учинены ль, и о томъ къ великому государю изъ Бѣлагорода окольничей и воеводы не писали, и межевыхъ книгъ не прислано.

Они жъ бьютъ челомъ на чугуевцовъ на Александра Маренка да на Резана Борисова съ товарищи въ нын. де во 167 году идучи они изъ Чугуева мимо Харькова въ черкасскіе городы въ полки къ окольничему и воеводамъ ко князю Григорью Григорьевичу Ромадановскому съ товарищи и идучи назадъ изъ черкасскихъ городовъ многія имъ обиды учинили, а что ихъ обиды и о томъ къ вел. государю писалъ изъ Харькова Иванъ Офросимовъ. И великій государь пожаловалъ бы велѣлъ о томъ ихъ разореньѣ съ чугуевцы свой государевъ указъ учинитъ.

А въ отпискѣ Ивана Офросимова о томъ написано: въ нын. во 167 году ноября въ 17 день шли мимо Харькова чугуевцы дѣти боярскіе Александро Маренокъ съ товарищи съ 300 чел. самовольствомъ въ черкасскіе городы въ полки и харьковскихъ многихъ черкасъ побили и въ домѣхъ ихъ платье и ружье пограбили и на полѣ лошадей отняли насильствомъ и скотину порѣзали и ѣли мясо въ Филипповъ постъ пчелиныя пасѣки разорили и пришедъ Харьковъ за рѣкою стояли 4 дни и больше и хлѣбъ всякой и сѣно потравили, а сказывали-де тѣ чугуевцы что они идутъ въ черкасскіе городы по государеву указу и по отпуску изъ Чугуева Исака Бунакова и видя онъ Иванъ отъ тѣхъ чугуевцовъ харьковскихъ черкасомъ многое разоренье посылалъ къ нимъ говорить чтобъ они отъ того унялись и тѣ де чугуевцы посыльщиковъ его побили-жъ и лошади и ружье отняли и изъ ружья по нихъ стрѣляли и называли харьковскихъ черкасъ измѣнниками и похвалялись на харьковскихъ черкасъ идучи назадъ изъ черкасскихъ городовъ плѣнить огнемъ и мечемъ, и отъ того—де ихъ разоренья харьковскіе черкасы впали въ сумлѣнье въ большое, а какія слова чугуевцы говорили и тѣ его посыльщики подали ему Ивану сказку за своею рукою, и онъ ту сказку послалъ въ полки къ окольничему и воеводамъ ко князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому и идучи—де изъ черкасскихъ городовъ тѣ-жъ чугуевцы въ харьковскомъ уѣздѣ пасѣки разорили и у многихъ черкасъ животину всякую побрали и изъ ружья перестрѣляли и многихъ харьковскихъ черкасъ разорили безъ остатку и отъ того ихъ разоренья харьковскіе черкасы бредутъ врознь.

Донесеніе Х. воеводы Офросимова о грабежѣ воинскихъ людей 1659 г.

Государю царю... Алексѣю Михайловичу... холопъ твой Ивашка Офросимовъ челомъ бьетъ. Въ нын. государь во 167 году ноября въ 17 день шли государь мимо Харьковской Чугуевцы дѣти боярскіе Александра Онофріевъ сынъ Маренко съ товарищи человѣкъ съ 300 въ полки самовольствомъ своимъ и пришедъ государь въ Харьковской харьковскихъ черкасъ многихъ побили и въ домѣхъ ихъ платье и ружье пограбили и на полѣ встрѣчаючись лошадей у многихъ черкасъ поотымали и воловъ государь въ Филиповъ постъ порѣзали и свиней ѣли и пасѣки со пчелами многихъ черкасъ разорили; и прошедъ государь Харьковской городъ за рѣкою за Удами стояли дни съ четыре и больше и хлѣбъ немолоченой и сѣно у многихъ черкасъ потравили, а сказываютъ государь тѣ чугуевцы Александра Маренко съ товарищи что-де они пошли въ войско по твоему великаго государя царя... указу и по грамотѣ а отпустилъ-де ихъ въ войско воевода Исакъ Бунаковъ; и какъ государь тѣ чугуевцы прошедъ Харьковъ стояли за рѣкою за Удами и своимъ озорничествомъ хлѣбъ и сѣно травили, и я х. т. по твоему великаго государя указу посылалъ къ нимъ въ полкъ говорить о томъ что они дѣлаютъ не гораздо харьковскихъ черкасъ атамана Тимоша Лавринова да съ нимъ черкасъ 5 чел.: и тѣ государь чугуевцы Александра Маренко съ товарищи атамана и черкасъ побили и съ лошадей сбили и лошадей государь и ружья у нихъ поотымали и изъ ружья по нихъ стрѣляли и измѣнниками государь тѣхъ харьковскихъ черкасъ называли и похвалялися на харьковскихъ черкасъ какъ де пойдемъ назадъ изъ войска, будемъ де васъ измѣнниковъ плѣнить огнемъ и мечемъ; и отъ того государь ихъ разоренья и отъ похвальныхъ словъ харьковскіе черкасы впали въ сумлѣніе въ большое; и на завтрее государь того ихъ разоренья я х. т. посылалъ къ тѣмъ же чугуевцамъ къ Александру Маренку съ товарищи говорить Харьковскаго приказной избы подьячего Тероха Талаева да съ нимъ государь посылалъ служилыхъ людей болховскихъ казаковъ; и тотъ государь Александра Маренко съ товарищи подьячего и служилыхъ людей лаяли всякою неподобною лаею и бить и выдать ихъ хотѣли и меня де государь х. т. заочно лаяли жъ и повѣсою-де государь мнѣ х. т. они Александра Маренко съ товарищи грозили и такія-де слова государь они говорили не одному де вашему воеводѣ мы образецъ сдѣлали и тѣ государь служилые люди болховскіе казаки подали сказку за руками мнѣ х. т. въ приказной избѣ на тѣхъ чугуевцовъ и ту государь ихъ заручную сказку я х. т. подъ отпискою послалъ къ твоему государеву окольничему и во-

еводѣ ко князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому въ полки, и о томъ государь ихъ разореньѣ твоего государева указу отъ окольничего и воеводы отъ князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго и по се число не бывало, да тѣ же государь чугуевцы Александра Маренко съ товарищи какъ шли назадъ изъ войска многія въ Харьковскомъ уѣздѣ пасѣки съ пчелами разорили и на хуторахъ государь животину у многихъ черкасъ коровы и волы пограбили и свиней изъ ружья побили, и тѣмъ государь своимъ озорничествомъ тѣ чугуевцы Александра Маренко съ товарищи многихъ харьковскихъ черкасъ разорили безъ остатка, и отъ того государь ихъ разоренья харьковскіе многіе черкасы разбрелися врознь. И о томъ какъ ты великій государь укажешь.

На оборотѣ: 167 г. февраля въ 4 день подалъ Ѳедоръ Семеновъ. (Бѣлг. Столъ. Столбецъ 605).

Челобитныя воеводы Офросимова о воинскомъ нарядѣ 1659 года.

Государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу холопъ твой Ивашка Офросимовъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ государь во 167 году октября въ 9 день прислана твоя великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца грамота изъ Пушкарскаго приказу за приписью дьяка Василья Якимова ко мнѣ холопу твоему въ Харьковской, а въ той твоей великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца грамотѣ написано: по твоему великаго государя указу и по грамотѣ велѣно твоему государеву окольничему и воеводѣ князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому съ товарищи послать изъ Бѣлгорода въ Харьковской ко мнѣ холопу твоему пятьдесятъ пудъ зелья и наряду и свинцу и ядеръ по ихъ разсмотрѣнью и по твоему великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи указу и по грамотѣ твой государевъ окольничей и воевода князь Григорей Григорьевичъ Ромодановской съ товарищи указалъ послать изъ Бѣлагорода въ Харьковской ко мнѣ холопу твоему зелья пятьдесятъ пудъ да двѣ пищали—пищаль желѣзная ядро четыре гривенки, да пищаль мѣдная ядро двѣ гривенки да пятнадцать ядеръ желѣзныхъ да десять пудъ съ четвертью свинцу и то государь зелье и свинецъ принято безъ вѣсу по отпискѣ окольничего и воеводы князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго потому, что вѣсить государь въ Харьковскомъ не на что конторя и телезей нѣтъ и по се государь число въ Харьковскомъ снаряду девять

пищалей, а по городу государь построено одиннадцать башенъ и теперво государь двѣ башни и раскатъ стоятъ порожни безъ пушекъ, а которыя государь и есть и тѣ пушки нераскатныя малы да и зелья государь въ Харьковскомъ того мало же и по се государь число я холопъ твой сижу въ осадѣ, а пороху государь по многимъ вѣстямъ расходъ есть стрѣльба государь бываетъ почасту уѣздныхъ людей да и пушкарей государь въ Харьковскомъ нѣтъ же стрѣлять изъ пушекъ некому только государь по твоему великаго государя (указу) посылаются изъ Бѣлгорода по два пушкаря, а служилыхъ государь людей въ Харьковскомъ нѣтъ же, которые и были по твоему государеву указу и тѣ всѣ государь съ Харьковскаго сведены и города государь затворить и запереть некому, а Харьковскіе государь черкасы у которыхъ были кони и ружье и тѣ государь всѣ изъ Харьковскаго взяты въ полкъ къ окольничему и воеводѣ ко князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому въ черкаскіе городы, а у меня государь холопа твоего въ остаткѣ въ Харьковскомъ только старъ да малъ и тѣ государь всѣ безъ ружья, а надѣяться государь не накого и каковъ государь грѣхъ въ приходѣ воинскихъ людей учинится надъ городомъ и надъ посадами и надъ уѣздомъ пришедъ воинскіе люди людей государь побьютъ и въ полонъ поемлютъ или государь надъ городомъ какую поруху учинятъ и мнѣ бы холопу твоему за то отъ тебя великаго государя въ опалѣ не быть и о томъ обо всемъ какъ ты великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ мнѣ холопу своему укажишь.

Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу.

167 г. марта въ 23 день Харьковецъ сынъ боярской Кондрашка Капустинъ.

3. Живи съ тѣми людьми к.... [1]) а порохъ береги для приходу воинскихъ людей, станешь терять безъ дѣла на тебѣ доправить, а пушкарей выбери изъ тамашнихъ людей числомъ пять шесть.

Государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу холопъ твой Ивашка Офросимовъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ государь во 167 году октября въ 9 день прислана твоя великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца грамота изъ пушкарскаго приказу за приписью дьяка Василья Якимова, а въ твоей великаго государя грамотѣ написано: по твоему великаго государя указу и по грамотѣ велѣно твоему государеву окольничему и во-

[1]) истлѣло.

еводѣ князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому съ товарищи послать изъ Бѣлагорода въ Харьковской ко мнѣ холопу твоему пятьдесятъ пудъ зелья, а наряду государь и свинцу и ядеръ по ихъ разсмотрѣнью и по твоему великаго государя указу окольничей и воевода князь Григорей Григорьевичъ Ромодановскій указалъ послать изъ Бѣлагорода въ Харьковской ко мнѣ холопу твоему зелья пятьдесятъ пудъ да двѣ пищали желѣзная ядро въ четыре гривенки да пищаль мѣдная ядро въ двѣ гривенки пятнадцать ядеръ желѣзныхъ да десять пудъ свинцу съ четвертью и то государь зелье и свинецъ принятъ безъ вѣсу по отпискѣ окольничего а вѣсить было государь не на што въ Харьковскомъ конторя и телезей нѣтъ и по се государь число въ Харьковскомъ снаряду девять пищалей, а по городу государь построено одиннадцать башенъ и нынѣ государь двѣ башни и раскатъ стоятъ порожни и того государь снаряду и зелья мало, а которыя государь и есть пушки и изъ тѣхъ въ приходѣ воинскихъ людей некому, пушкарей государь въ Харьковскомъ нѣтъ только государь присылаются и то малые ребята за отцовъ дѣти и братья, а вѣсти государь безпрестанныя и каковъ государь грѣхъ учинится отъ приходу воинскихъ людей надъ городомъ и надъ посадами и надъ деревнями, людей побьютъ или въ полонъ поемлютъ и мнѣ бы холопу твоему за то отъ тебя великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца въ опалѣ не быть и о томъ какъ ты великій государь мнѣ холопу своему укажешь.

Государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу.

167 г. марта въ 19 день подалъ Михайловъ человѣкъ Офросимова Алешка [1]...... (истлѣло).

167 г. Апрѣля въ 2 день пис..... память послать........ пушкарей изъ Чугуева. (Бѣлгор. Столъ. Столбецъ 370, 78—82).

Челобитная о земляхъ дѣтей боярскихъ с. Архангельскаго 1659 г.

Царю, государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу бьютъ челомъ холопи твои харьковцы дѣтишка боярскіе Архангельскаго села, Бобаева тожъ, Ивашко и Игнашко Лукутины. Служили государь мы холопи твои твою государеву службу по Чугуеву городу, а нынѣ государь мы холопи твои служимъ твою великаго государя службу въ дѣтишкахъ боярскихъ въ

[1] (точки истлѣвшія мѣста).

рядъ съ своею братьею дѣтьми боярскими по новому городу Харькову и на твоей государевѣ службѣ въ новыхъ городѣхъ и на вѣстяхъ и на сторожахъ стоимъ безпрестанно, а твоего государева жалованья дано намъ было сѣнныхъ покосовъ въ томъ Архангельскомъ селѣ на рѣчкѣ Жихорѣ и на тѣхъ государь нашихъ сѣнныхъ покосовъ построена деревня дѣти боярскіе Сидоръ Колчинцовъ съ товарыщи и у насъ холопей твоихъ сѣнныхъ покосовъ нынѣ нѣтъ животишка помираетъ въ зимнее время безкормицею, а лежатъ государь въ харьковскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ Мерефѣ по правую сторону Мерефы противъ земли хорошевскихъ черкасъ ниже сенныхъ покосовъ того же села Архангельскаго дѣтей боярскихъ Тита Грешнова съ товарыщи съ устья Сухоярнова верха впорозжѣ сѣнные покосы никому не въ дачахъ до устья ржавого колодезя внизъ по Мерефѣ по Зміевскую дорогу что ѣздятъ въ Валки. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ пожалуй насъ холопей своихъ, вели государь намъ тѣ сѣнные покосы дать, чтобъ намъ холопемъ твоимъ впредь безкормицею животинишку не поморить и твоей бы царской службы не отбыть. Великій государь, царь смилуйся пожалуй.

На оборотѣ: 167 г. іюля въ 8 день. Государь пожаловалъ будетъ имъ сѣнныхъ покосовъ не дано, дать имъ изъ порожжихъ покосовъ, которые ни за кѣмъ не въ дачахъ по тридцать копенъ человѣку дать память двумъ человѣкамъ.

Лѣта 7167 г. іюля въ 9 день по государеву, цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца указу память Ивану Михайловичу Офросимову били челомъ великому государю харьковцы дѣти боярскіе Ивашко да Игнатко Лукутины. По указу де великаго государя на ихъ дачахъ, что имъ дано на сѣнные покосы на рѣчкѣ Жихорѣ построились де на нихъ вновь харьковцы жъ дѣти боярскіе Сидорко Колчинцовъ съ товарыщи, а у нихъ де нынѣ сѣнныхъ покосовъ нѣтъ и государь бы ихъ пожаловалъ вмѣсто тѣхъ ихъ сѣнныхъ покосовъ велѣлъ имъ дати въ Харьковскомъ уѣздѣ на сѣнные жъ покосы въ урочищахъ по правую сторону рѣчки Мерефы противъ дачъ хорошевскихъ черкасъ ниже села Архангельскаго дѣтей боярскихъ Тита Грѣшного съ товарыщи съ устья Сухоярскаго верха до устья ржаваго колодезя внизъ по Мерефѣ по Змеевскую дорогу, а въ тѣхъ де урочищахъ сѣнные покосы не отданы никому и не владѣетъ ими никто и Ивану Офросимову сыскать о томъ всякими сыски накрѣпко будетъ на Ивашковыхъ и на Игнатковыхъ сѣнныхъ покосахъ поселились дѣти боярскіе, а иныхъ сѣнныхъ покосовъ у нихъ нѣтъ, а въ

тѣхъ будетъ урочищахъ сѣнные покосы, о которыхъ Ивашко и Игнатко намъ великому государю бьютъ челомъ напередъ сего иному никому не отданы и не владѣетъ ими никто, дать имъ въ тѣхъ урочищахъ сѣнныхъ покосовъ по тридцати копенъ человѣку и то все описать въ строельныя книги да о томъ писать и строельныя книги за своею рукою послать къ великому государю къ Москвѣ въ Разрядъ. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 480, 222—223).

Челобитная Харьковцевъ о ярмаркахъ 1659 года.

Царю, государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу бьютъ челомъ холопи твои Харькова города черкасы атаманъ Тимошка Лаврѣнов и сотники и всѣ рядовые черкасы всѣмъ городомъ. Сошло се насъ холопей твоихъ на твою царскую пресвѣтлую милость и подъ твою великого государя высокую руку въ Харьковской и изъизду въ Харьковской нѣтъ, безъ твоего великого государя указу, а мощно государь въ такомъ многолюдномъ мѣстѣ быть изъизду большому и ярмарку. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ пожалуй насъ холопей своихъ, вели государь по своему великаго государя указу быть въ Харьковскомъ съѣзду и ярмарку на Успеніе Пресвятыя Богородицы изъ разныхъ русскихъ и черкаскихъ городовъ, чтобы государь отъ тебя великаго государя было безпенно. Царь, государь смилуйся.

На оборотѣ: к сей челобитной Харькова города соборной попъ Еремей вмѣсто харьковскихъ черкасъ по ихъ велѣнью руку приложилъ.

К сей челобитной Харькова города Благовѣщенскій попъ Алексѣй вмѣсто харьковскихъ черкасъ по ихъ велѣнію руку приложилъ.

К сей челобитной Харькова города Троицкій попъ Іосифъ вмѣсто харьковскихъ черкасъ по ихъ велѣнію руку приложилъ.

Государь пожаловалъ велѣлъ имъ торговать по четвергамъ и о томъ дать имъ грамоту.

167 г. августа въ 5 день (Бѣлг. столъ. Столбецъ 480, л. 307).

Указъ Бѣлгородскому воеводѣ о судѣ 1659 года.

Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца въ Бѣлгородъ стольнику нашему и воеводамъ князю Алексѣю Юрьевичу Звенигородцкому съ товарыщи. По

указу великого государя харьковскимъ черкасомъ атаману Тимоѳѣю Лавринову съ товарыщи по ихъ челобитью въ иску ихъ въ обидахъ и въ налогахъ на чугуевцовъ на Александра Маренка да на Резана Борисова съ товарыщи велѣно судить вамъ въ Бѣлгородѣ. И какъ къ вамъ ся наша великого государя грамота придетъ и вы-бъ харьковскимъ черкасамъ атаману Тимоѳѣю Давринову стоварыщи по ихъ челобитью въ обидахъ и въ налогахъ на чугуевцовъ на Александра Маренка съ товарыщи дать судъ, а что имъ въ томъ учините и вы-бъ писали о томъ къ намъ великому государю. Писанъ на Москвѣ лѣта 7167 году августа въ 9 день (Бѣлг. столъ. Столбецъ 480).

Указъ о ярмаркахъ въ Харьковѣ 1659 года.

Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца въ Харьковъ Ивану Михайловичу Офросимову. Били челомъ намъ великому государю Харьковскіе черкасы атаманъ Тимофей Лавриновъ съ товарыщи всѣмъ городомъ, чтобъ намъ великому государю пожаловати-бъ ихъ велѣть въ Харьковъ, съѣзжаться на ярманку и торговать тутошнимъ и разныхъ городовъ пріѣзжимъ всякимъ людямъ безпенно ежелѣть о Успеньевѣ дни. И какъ къ тебѣ ся наша великого государя грамота придетъ и ты-бъ харьковскимъ черкасамъ и разныхъ городовъ пріѣзжимъ людямъ всякими товары въ Харьковѣ на тотъ срокъ торговать велѣли да и въ недѣлѣ по четвергамъ торговать.

Писанъ на Москвѣ лѣта 7167 году августа въ 5 день. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 480).

Жалоба Харьковцевъ на воинскихъ людей 1659 года.

Царю государю.... бьютъ челомъ х. т. Харькова города черкасы атаманъ Тимошка Лаврѣновъ и сотники и всѣ рядовые черкасы всѣмъ городомъ. Жалоба намъ х. т. на чугуевцевъ на Александра Маренка да на Резана Борисова сына съ товарищи съ которыми государь они Александро въ нын. во 167 году шли въ полки къ твоему государеву окольничему и воеводѣ ко князю Григорью Григорьевичу Ромадановскому подъ Варву; и какъ государь тѣ чугуевцы шли мимо Харькова и пришедши государь въ посадѣ во дворѣцъ нашихъ братью черкасъ многихъ били женъ нашихъ и дѣтей пограбили, платье государь съ нашей братьи и оружье пограбили а съ женишекъ съ нашихъ паневы и наметки изъ го-

ловъ посдирали со многихъ и жупаны и телѣги и хамуты грабили, а въ полю государь стрѣчаючись у многихъ нашей братіи лошадей поотымали и воловъ и коровъ и свиней многихъ порѣзали въ Филиповъ постъ; а прошедши государь городъ Харьковъ стояли за рѣкою за Удами 4 дни и тамъ государь стоячи многихъ нашихъ братю черкасъ разорили хлѣбъ немолоченый и сѣно потравили и поругаючи государь ростащили и пасѣки со пчелами многія разорили; и видѣвъ государь ихъ такое надъ собою разоренее мы х. т. били челомъ тебѣ великому государю въ Харьковскомъ твоему государеву воеводѣ Ивапу Михайловичу Офросимову чтобы насъ х. т. отъ тѣхъ разореній оборонилъ. И по твоему государеву указу твой государевъ воевода Иванъ Михайловичъ Офросимовъ посылалъ нашего атамана и черкасъ велѣвъ имъ говорить чтобы они отъ той дурости унялися и насъ х. т. не разоряли; и тѣ государь чугуевцы Маренко съ товарищи напився пьяни атамана нашего Тимоша и черкасъ которые съ нимъ ѣздили побили и съ лошадей ихъ сбили и оружье государь и коней у нихъ побрали, и многіе государь наша братья отъ ихъ бою ледво водою оттопилися, и на другій государь день посылалъ къ нимъ же чугуевцамъ приказные избы подъячего Терентья Талаева да съ нимъ служилыхъ людей болоховскихъ казаковъ и велѣвъ имъ говорить о томъ ихъ разореньи; и тѣ государь чугуевцы Александра Маренко съ товарищи подъячего и служилыхъ людей лаяли всякою неподобною лаею и бить и вязать хотѣли, да они же государь чугуевцы Александра Марьенка съ товарищи какъ шли назадъ изъ войска многіе у нашей братьи у черкасъ хуторы розграбили коровъ и воловъ отогнали и свиней изъ оружья побили и пасѣки многія со пчелами разграбили; и нынѣ государь наша братья черкасы видѣвъ надъ собою такое наругательство и разоренье многіе побрели розно, а которые государь наши братья разорены и тѣ всѣ скитаются Христовымъ именемъ промежъ дворы. Милосердый государь царь.... пожалуй насъ бѣдныхъ и безпомощныхъ х. с. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 605)

Наказъ воеводѣ Сухотину 1660 года.

Лѣта 7168-го Апрѣля въ 7 день великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ велѣлъ Василью Ивановичу Сухотину быти на своей государевѣ службѣ въ Харьковѣ на Иваново мѣсто Офросимова, а Ивану Офросимову велѣно ѣхать къ Москвѣ. И Василью Сухотину пріѣхавъ въ Харьково взяти у Ивана Офросимова городъ и острогъ, и ключи горо-

довые и острожные, и нарядъ, и зелье, и свинецъ, и всякіе пушечные запасы, и наказы прежнихъ воеводъ и приказныхъ людей, и указныя грамоты о всякихъ государевыхъ дѣлехъ, и всякія государевы дѣла, и списки служилыхъ русскихъ людей, и Харьковскихъ черкаскихъ полковниковъ, и рядовыхъ черкасъ, и всякихъ жилецкихъ людей, и въ государевѣ казнѣ всякіе денежные доходы, и въ житницахъ хлѣбные запасы, и книги приходныя и расходныя деньгамъ, и хлѣбу, и зелью, и свинцу, и тому всему роспись взяти за Ивановою рукою Офросимова, и въ денежныхъ, и въ хлѣбныхъ запасѣхъ Ивана счесть съ того числа какъ ему велѣно быть въ Харьковѣ; а чего противъ приходу въ расходѣ не будетъ и то все на Иванѣ взять сполна, а не взявъ того что на немъ по счету доведется взять, изъ Харькова его не отпускать и служилыхъ и жилецкихъ русскихъ людей и черкасъ по спискамъ пересмотрѣть всѣхъ на лицо и велѣть имъ быть на государевѣ службѣ съ собою въ Харьковѣ по прежнему государеву указу. А нарядъ и зелье и свинецъ и хлѣбные запасы и запасную соль по росписи пересмотрѣти-жъ и велѣть зелье и свинецъ и соль перевѣсить, а хлѣбные запасы перемѣрить при себѣ и во всемъ съ Иваномъ Офросимовымъ расписаться и города и острогу и всякихъ крѣпостей и колодезей и тайниковъ досмотрѣть и городъ и острогъ измѣрить колько саженъ межъ башенъ по мѣрѣ будетъ и коль велики построены башни въ вышину и въ ширину и какимъ образомъ городъ и острогъ и башни сдѣланы и колько въ городѣ и въ острогѣ колодезей и сколькихъ саженъ въ тайникахъ и въ колодезяхъ въ глубину воды и въ осадное время въ приходъ воинскихъ людей водою скудно не будетъ-ли. А что по его смотру въ Харьковѣ служилыхъ и жилецкихъ русскихъ людей и черкаскихъ урядниковъ и рядовыхъ черкасъ конныхъ и пѣшихъ съ пищальми и со всякими бои и кто каковъ коненъ и оруженъ и что у кого дѣтей и братьи и племянниковъ и зятьевъ и сосѣдъ и подсосѣдниковъ и пріемышевъ, которые въ службу поспѣли, конныхъ же и пѣшихъ, съ ружьемъ и безъ ружья и что у нихъ же дѣтей же и братьи и племянниковъ недорослей и въ колько лѣтъ которые дѣти и что къ Харькову пашни и сѣнныхъ покосовъ и лѣсу и рыбныхъ ловель и иныхъ какихъ угодій и далеко-ль отъ Харькова и въ которыхъ мѣстехъ и у колькихъ крѣпостей и угодей и колькихъ человѣкъ служилыхъ людей впредь устроить мочно и ему о томъ о всемъ и о своемъ пріѣздѣ отписать къ великому государю и тому всему роспись и смотру своего служилымъ людемъ и черкасомъ списокъ въ тетратехъ прислати къ Москвѣ въ разрядъ безъ мотчанья.

И жити Василью Сухотину въ Харькове съ великимъ береженьемъ неоплошно, по городу, по воротамъ и по башнямъ караулы и сторожи держать и въ городы, въ которые пригожъ, для вѣстей посылать и вѣстей про воинскихъ людей провѣдывать всякими обычаи, чтобъ воинскіе люди украдомъ и обманомъ въ день и ночнымъ временемъ къ Харькову изгономъ безвѣстно не пришли и дурна какова не учинили, людей не побили и въ полонъ не поимали, а гдѣ объявятся отъ Харькова въ ближнихъ мѣстехъ воинскіе небольшіе люди и Василью, смотря по людемъ и по тамошнему дѣлу, на тѣхъ воинскихъ людей самому ходить и служилыхъ людей и черкасъ посылать и, прося у Бога милости и у Пречистыя Богородицы помощи и у всѣхъ Святыхъ, на рѣкахъ и на перелазехъ и на татарскихъ сакмахъ и во всякихъ крѣпкихъ мѣстехъ надъ воинскими людьми государевымъ дѣломъ промышлять колько милосердый Богъ помощи подастъ, чтобъ за помочью Божіею надъ воинскими людьми поискъ учинить и языковъ добыть, а себя и людей уберечь, а будетъ почаять къ Харькову большихъ воинскихъ людей и ему Харьковскихъ всякихъ людей собрать въ передъ въ осаду и осаду укрѣпить какъ въ приходъ воинскихъ людей быть безстрашно и надежно да о томъ писать въ Бѣлгородъ къ окольничему и воеводѣ ко князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому, а нарядъ по башнямъ и по стѣнамъ поставить и служилыхъ людей и черкасъ по башнямъ и по стѣнамъ и у крѣпостей и къ наряду пушкарей и на поворотъ черныхъ людей росписать и мѣста всякимъ людямъ гдѣ кому въ приходъ воинскихъ людей въ приступное время быть указать и катки для приступнаго времени покласть и колья и каменья изготовить и совсѣмъ осаду укрѣпить до приходу воинскихъ людей заранѣе и того смотрѣть чтобъ служилые люди и черкасы въ указныхъ своихъ мѣстехъ въ день и въ ночь были всѣ сполна, а ключи городовые и острожные и зелельные и свинцовые казны держати у себя и велѣть острогъ на ночь замыкать, а по утру размыкать смотря по вѣстямъ и стада конскія и животинныя лѣтнею порою велѣть изъ острогу выпускать разъѣздя и разсмотря и развѣдавъ про воинскихъ людей допряма; а гдѣ русскіе люди и черкасы для поиску воинскихъ людей въ посылкахъ будутъ и для тѣхъ посылокъ ратнымъ людемъ давать изъ государевы казны зелье и свинецъ смотря по вѣстямъ и по посылкамъ; а какъ ратные люди изъ посылокъ будутъ, а въ посылкахъ у нихъ бою не будетъ и то зелье и свинецъ у ратныхъ людей имать въ государеву казну сполна. А что въ которомъ году и мѣсяцѣ и числѣ и какимъ служилымъ людемъ и для какихъ государевыхъ дѣлъ и посылокъ зелья и свинцу и поскольку кому дано будетъ и Василью то все велѣть писать

въ книги подлинно по статьямъ и присылать тѣ книги къ Москвѣ въ Разрядъ и въ пушкарской приказъ для счету послѣ Семеня дни вскорѣ, и сторожу пушкаремъ и иныхъ чиновъ русскимъ людемъ велѣть держать крѣпкую, чтобъ у зелейной и у свинцовой казны все было стройно и бережно и никакіе-бъ люди про зелейную и про свинцовую казну опричь его Василья и тѣхъ людей, которымъ у той казны быть велѣно, отнюдь никто не вѣдалъ и порухи-бъ зелейной и свинцовой казнѣ одноличио никакія ни отъ кого не было. А будетъ въ Харьково придутъ изъ Крыму или изъ Ногаю на государево имя выходцы, или придутъ изъ которыхъ земель полоненики, или пріѣдутъ съ Дону атаманы и казаки и тѣхъ выходцовъ и переѣзчиковъ и полонениковъ и атамановъ и казаковъ, не допустя до города, на отъѣзжихъ сторожахъ велѣть распрашивать нѣтъ-ли въ тѣхъ мѣстахъ, откуду они пріѣхали, на люди морового повѣтрія; и будетъ въ тѣхъ мѣстехъ на люди моровое повѣтріе есть и Василью тѣхъ выходцовъ и полонениковъ и атамановъ и казаковъ держати про всякія вѣсти и про моровое повѣтріе велѣть ихъ роспрашивать подлинно за заставою черезъ огонь и тѣ роспросныя ихъ рѣчи велѣть на заставѣ переписывать на новую бумагу, а прежнія ихъ рѣчи велѣть на заставѣ жечь, а на новой бумагѣ роспросныя рѣчи велѣть присылать къ себѣ въ Харьково и тѣ роспросныя рѣчи велѣть переписывать на новую-жъ бумагу, да о томъ писать и распросныя ихъ рѣчи на новой бумагѣ отсылать въ Бѣлгородъ къ окольничему и воеводѣ ко князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому, а тѣхъ людей которые изъ моровыхъ мѣстъ пріѣдутъ велѣть отъ заставы ворочать въ тѣ, изъ которыхъ они мѣстъ пріѣхали или пришли, а то велѣть имъ сказывать, что по государеву указу въ Харьково и въ иные городы изъ моровыхъ мѣстъ пускать ихъ не велѣно покамѣстъ въ тѣхъ мѣстехъ на люди моровое повѣтріеноминуется, а на заставахъ велѣть головамъ стоять съ великимъ береженьемъ неоплошно и того велѣть беречь накрѣпко, чтобъ мимо заставъ изъ моровыхъ мѣстъ въ Харьково и въ иные въ польскіе и въ украинные городы, такъ-жъ и изъ Харькова и изъ иныхъ городовъ и изъ уѣздовъ за заставы въ моровыя мѣста никто не проѣхалъ и пѣшъ не прошелъ и не прокрался никакими обычаи и въ моровыхъ мѣстехъ за заставами никто ни у кого ничего не имали и не покупали и въ здоровыя мѣста не провезли никоторыми обычаи, чтобъ отъ того изъ моровыхъ мѣстъ въ Харьково и въ польскіе и въ украинные городы на люди морового повѣтрія не нанесло. А будетъ выходцы и полоненики русскіе и черкасы и атаманы и казаки скажутъ, что на Дону и въ иныхъ мѣстехъ откуда они пріѣхали милостію Божіею люди здоровы и морового повѣт-

рія въ тѣхъ мѣстехъ на люди и на животину падежу нѣтъ и тѣхъ полонениковъ русскихъ людей и черкасъ и атамановъ и казаковъ велѣть пропускать въ Харьково и про всякія вѣсти ихъ расправшивать подлинно и тѣхъ выходцовъ и полонениковъ и атамановъ и казаковъ и распросныя ихъ рѣчи отсылать въ Бѣлгородъ къ окольничему и воеводѣ ко князю Григорью Григорьевичу, а кто имяны полоняники и какіе люди и въ которомъ году и мѣсяцѣ и числѣ и изъ которыхъ земель въ Харьково придутъ и какъ изъ Харькова къ Москвѣ и въ черкаскіе городы отпущены будутъ и Василью то все велѣть писати въ книгу подлинно по статьямъ, да о томъ писати ко государю, Василью-жъ учинити о томъ заказъ крѣпкой и биричемъ въ торговые дни велѣть прокликать не по одинъ день, которые черкасы и иные какіе люди изъ черкаскихъ и изъ украинныхъ и изъ иныхъ изъ которыхъ городовъ и изъ уѣздовъ въ Харьковъ для какихъ своихъ промысловъ пріѣдутъ или придутъ и тѣ-бъ люди являлись въ Харьковѣ ему Василью, а не явясь-бы никаковъ человѣкъ въ Харьковѣ въ слободахъ и въ уѣздѣ ни у кого не жилъ и черкасы бы и никакіе люди тѣхъ пріѣзжихъ и прихожихъ людей, не явя ему Василью, въ Харьковѣ не держали, да и то Харьковскимъ черкасомъ сказать всѣмъ вслухъ, чтобъ они нынѣшнія весны пашни на себя вспахали побольше и хлѣба посѣяли нескудно и конской и животинной кормъ готовили, чтобъ имъ въ Харьковѣ впередъ безъ хлѣбныхъ и безъ конныхъ и безъ животиныхъ кормовъ не быть и того надъ ними смотрѣть, чтобъ они въ Харьковѣ на вѣчное житье строились неоплошно и ласку и привѣтъ держати къ нимъ добро, а обидъ и насильствъ и налоговъ никакихъ имъ не дѣлать; да въ Харьковѣ-жъ служилымъ и жилецкимъ всякимъ людямъ и черкасомъ заказъ учинить крѣпкой, чтобъ изъ нихъ никаковъ человѣкъ изъ Харькова въ польскіе и въ украиные и по чертѣ и за чертою и въ черкаскіе ни въ которые городы и въ уѣзды для разбою и татьбы и никакого для воровства и убойства не ѣздили и не ходили и дурна никакого нигдѣ въ городѣхъ и въ уѣздахъ не дѣлали; а которые Харьковскіе служилые люди и черкасы въ черкаскіе городы и въ уѣзды или изъ черкаскихъ городовъ черкасы и иные какіе люди въ Харьковъ и въ Харьковской уѣздъ учнутъ для татьбы и разбою или для иного какого воровства приходити и Василью тѣхъ воровъ велѣти имати и роспрашивая ихъ про воровство накрѣпко отсылать ихъ и роспросныя ихъ рѣчи въ Бѣлгородъ къ окольничему и воеводѣ ко князю Григорью Григорьевичу; а которые Харьковскіе служлые всякіе люди и черкасы учнутъ на кого въ какихъ обидныхъ и во всякихъ росправныхъ дѣлехъ бити челомъ государю и Василью тѣхъ Харьковскихъ служилыхъ людей

и черкасъ по челобитнымъ судить и сыски всякими сыскивати и росправу во всякихъ дѣлехъ межъ ими дѣлати противъ государева указу въ правду а пошлинъ съ судныхъ дѣлъ съ русскихъ людей имать противъ прежняго государева указу, а съ черкасъ съ ихъ исковъ для ихъ иноземства пошлинъ до государева указу не имати; а которые всякихъ чиновъ люди пріѣдутъ въ Харьковъ изъ польскихъ изъ украинныхъ городовъ съ торговыми промыслы и Василью тѣмъ торговымъ людямъ и Харьковскимъ черкасомъ межъ себя всякими товары въ Харьковѣ велѣть торговать до государева указу безпошлинно, а вина курить и пива варить и меды ставить велѣть Харьковскимъ черкасомъ съ своего вѣдома не повелику, смотря по людемъ и по тамошнему дѣлу и велѣть имъ то вино и пиво и медъ держати про себя, а продажнаго бы вина и пива и меду у нихъ отнюдь ни у кого не было и того беречь накрѣпко, чтобъ изъ черкаскихъ городовъ и изъ уѣздовъ вина и табаку никакіе люди въ Харьковъ не привозили и въ Харьковѣ виномъ и табакомъ не торговали, а которые люди изъ черкаскихъ городовъ съ виномъ и съ табакомъ въ Харьковъ пріѣдутъ и тѣхъ людей съ виномъ и съ табакомъ отсылати назадъ въ черкаскіе городы и въ уѣзды совсѣмъ вцѣлѣ, а грабежу и убытковъ никакихъ тѣмъ пріѣзжимъ людемъ не дѣлать, а приказывать имъ накрѣпко, чтобы они впредь въ Харьковъ съ продажнымъ виномъ и съ табакомъ не пріѣзжали, а которые впредь въ Харьковъ съ продажнымъ виномъ и съ табакомъ пріѣдутъ и у тѣхъ велѣть бочки съ виномъ разсѣкать а табакъ жечь и онибъ одноличио вина и табаку въ Харьковъ на продажу не привозили; а кто имяны и въ которыхъ мѣстахъ въ Харьковскомъ прежніе черкасы устроены и по скольку черкаскимъ сотникомъ и атаманомъ и ясауломъ и рядовымъ черкасомъ подъ дворы и подъ огороды и на пашню земли и лѣсу и сѣнныхъ покосовъ и всякихъ угодей порознь дано и Василью то все велѣть написать въ строельныя книги и тѣ книги за своею рукою прислати ко государю къ Москвѣ въ Разрядъ, да таковы-жъ книги за своею жъ рукою держать въ Харьковѣ, а которые черкасы семьянистые, а не одинокіе, изъ черкаскихъ городовъ впредь учнутъ въ Харьковъ приходить и Василью тѣхъ новоприхожихъ черкасъ въ Харьково принимать и на вѣчное житье отстроить, а подъ дворы и подъ огороды въ длину и поперегъ мѣста и на пашню земли и лѣсу и сѣнныхъ покосовъ и всякихъ угодей давати противъ прежнихъ Харьковскихъ черкасъ всѣмъ въ мѣру и развести тѣ черкаскія дворовыя и огородныя мѣста и пашенную землю и лѣсъ и сѣнные покосы и всякіе угодья вправду, чтобъ у черкасъ въ дворовыхъ и въ огородныхъ мѣстехъ и въ пашенной землѣ

и во всякихъ угодьяхъ ссоры и нелюбья никакого у нихъ за то межъ ими не было и тѣ черкаскія дворовыя и огородныя мѣста и пашенную ихъ землю и лѣса и сѣнные покосы и всякіе угодья велѣти написати въ строельныя ихъ книги и тѣ книги за своею рукою по тому-жъ прислать къ Москвѣ въ Розрядъ, а другія таковы-жъ книги держать въ Харьковѣ за своею-жъ рукою; а которые черкасы учнутъ впредь въ Харьково приходить и ему тѣхъ въ Харьковѣ приводить къ вѣрѣ по святой и непорочной евангельской заповѣди Христовой, что имъ быть въ Харьковѣ подъ государевою высокою рукою на вѣки не отступно въ вѣчномъ холопствѣ и государю служити съ недруги его государевыми биться и ни вчемъ не измѣнити, а о какихъ государевыхъ о полковыхъ и о городовыхъ и о росправныхъ дѣлахъ изъ Бѣлагорода окольничій и воевода князь Григорій Григорьевичъ Ромодановской въ Харьково къ нему Василью учнетъ писать и ему Василью по отпискамъ изъ Бѣлагорода окольничаго и воеводы всякія государевы дѣла дѣлать и во всемъ его слушать для того по указу великаго государя въ Харьковѣ его Василья и Харьковскихъ служилыхъ и жилецкихъ русскихъ людей и черкасъ службою и всякимъ ратнымъ строеньемъ и росправныя большія дѣла велѣно вѣдать ему окольничему и воеводѣ, и во всемъ ему Василью государевымъ царевымъ и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца дѣламъ промышлять по сему наказу и по государевымъ указнымъ грамотамъ и осмотря по тамошнему дѣлу, какъ государеву дѣлу лучше и прибыльнѣе, а черкасамъ обидъ и налогъ и насильствъ никакихъ не дѣлать и посуловъ и поминковъ ни у кого ни отъ какихъ дѣлъ не имать, а только онъ въ Харьковѣ государевымъ дѣломъ учнетъ промышлять оплошно и его оплошкою не радованьемъ государеву дѣлу или надъ городомъ и надъ людьми какая поруха учинится или для своего пожитку у черкасъ и у русскихъ людей учнетъ у кого отъ какихъ дѣлъ имать посулы и поминки, а послѣ про-то сыщется и Василью отъ государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца быти въ великой опалѣ. (Бѣлгор. Стол. Столб. № 33, л. 733—751).

Челобитная о Харьковскомъ воеводствѣ Сибилева 1660 года.

Царю, государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу бьетъ челомъ холопъ твой карачевецъ Еремка Аѳанасьевъ сынъ Сибилевъ. Былъ я холопъ твой въ полону и вышедъ изъ полону билъ челомъ тебѣ великому государю за

кровь и за тяжелыя раны и за полонное терпѣнье и ты великій государь меня холопа своего пожаловалъ велѣлъ мнѣ быть на своей государевѣ службѣ въ Харьковѣ на Васильево мѣсто Сухотина, а наказу мнѣ холопу твоему не далъ, а срокъ государь дошелъ. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ пожалуй меня холопа своего, вели государь мнѣ дать свою государеву грамоту и наказъ. Царь государь смилуйся пожалуй.

На оборотѣ: Выписать тотчасъ.

И въ Разрядѣ выписано.

По указу великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца въ Харьковѣ Василей Ивановъ сынъ Сухотинъ съ февраля мѣсяца прошлаго 168 году.

И Іюня въ 27 день 169 году въ Харьковъ на Васильево мѣсту Сухотина велѣно отпустить за раны карачевца Еремѣя Аѳанасьева сына Сибилева какъ Василью будетъ 2 года. Помѣта о томъ на челобитной его думнаго дьяка Алмаза Иванова и Василью въ Харьковѣ 2 года минуло въ фивралѣ мѣсяцѣ нынѣшняго 170 году.

И государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу бьетъ челомъ Еремѣй Сибилевъ, чтобъ великій государь пожаловалъ велѣлъ ему наказъ по чемъ ему въ Харьковѣ быть и свою государеву грамоту къ Василью Сухотину изъ Разряду о роспискѣ дать.

170 г. Іюня 15 д. дать наказъ и росписную грамоту, а Василью велѣть быти по на ряду на службѣ. (Бѣлг. Столъ. Столбецъ 471, 40—41).

Донесеніе о фальшивыхъ монетчикахъ въ Харьковѣ 1660 г.

Государю царю... холопъ твой Петрушка Скуратовъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ государь во 168 году генваря въ 13 день писалъ въ Бѣлгородъ изъ Харьковскаго Иванъ Офросимовъ и прислалъ 2 чел. черкасъ денежныхъ мастеровъ которые дѣлали въ Харьковѣ воровскія мѣдныя деньги Оску Иконника Васку Золотаря а въ отпискѣ государь его написано: генваря—де въ 10 день привелъ въ Харьковскомъ въ Съѣзжую избу передъ него Ивана харьковской черкашенинъ Матюшка Шинкарь съ воровскими деньгами тѣхъ черкасъ а въ роспросѣ—де передъ нимъ черкашенинъ Матюшка сказалъ: далъ—де ему тѣ воровскія деньги за напой Оска Иконникъ и онъ—де Иванъ тѣхъ черкасъ его Оску

Иконника и Васку Золотаря роспрашивалъ а въ распросѣ—де передъ нимъ тѣ черкасы Оска Иконникъ и Васка Золотарь винились и чеканы—де денежные въ Приказную избу передъ него принесли а сказалъ—де Оска Иконникъ что онъ на чеканныхъ писалъ и нарѣзывалъ а Васка—де Золотарь сказалъ что деньги дѣлалъ онъ Васка; а въ Бѣлгородѣ передо мною х. т. въ распросѣ тѣ черкасы винились же а сказалъ Оска Иконникъ что онъ деньги воровскія съ Васкою Золотаремъ дѣлали, только-де онъ Оска на чеканѣ и на рѣшеткѣ писалъ и вырѣзывалъ а ковалъ—де и дѣлалъ Золотарь Васка, а денегъ—де они сдѣлали только 3 рубли, а Васка Золотарь сказалъ тѣжъ рѣчи что и Оска Иконникъ что воровскія деньги съ нимъ Оскою онъ дѣлалъ, рѣшетку—де чеканъ и мѣдь и деньги дѣлалъ онъ Васка, а Оска—де Иконникъ писалъ и нарѣзывалъ а денегъ—де они только было сдѣлали 3 рубли, а почали—де было деньги они дѣлать до Рождества Христова за недѣлю. И я х. т. роспрося тѣхъ черкасъ велѣлъ держать за приставы до твоего государева указу; и о тѣхъ государь черкасѣхъ вели мнѣ х. с. свой великаго государя указъ учинить.

На оборотѣ: 168 г. февраля въ 21 день подалъ сынъ боярской Гаврило Кононовъ.

Государю царю... х. т. Гришка Ромодановскій челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ государь во 168 году февраля въ 10 день писалъ къ тебѣ великому государю.... товарищъ мой стольникъ и воевода Петръ Скуратовъ что прислалъ въ Бѣлгородъ изъ Харькова воевода Иванъ Офросимовъ 2 чел. черкасъ Оску Иконника Васку Золотаря для государь того что они. въ Харьковѣ дѣлали воровскія мѣдныя деньги, а въ роспросѣ государь въ Харьковѣ передъ нимъ Иваномъ и передъ товарищемъ моимъ передъ стольникомъ и воеводою передъ Петромъ Скуратовымъ въ Бѣлгородѣ они черкасы винились а сказали что они воровскія мѣдныя деньги въ Харьковѣ дѣлали Оска Иконникъ чеканъ и рѣшетку писалъ и вырѣзывалъ а Васка Золотарь ковалъ и дѣлалъ, а почали—де они деньги было дѣлать до Рождества Христова а сдѣлали денегъ только 3 рубли и тѣ государь денежные мастеры нынѣ сидятъ въ Бѣлгородѣ въ тюрьмѣ. И о тѣхъ государь денежныхъ мастерѣхъ твоего великаго государя указу въ Бѣлгородъ марта по 20-е число не бывало. И о томъ вели свой великаго государя указъ учинить.

На оборотѣ: Государь указалъ указъ учинить боярину Ильѣ Даниловичу Милославскому.

Жалоба Чугуевскаго воеводы на приписку къ Харькову русскихъ служилыхъ людей Бабаевъ и Жихоря 1660 г.

Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу холопъ твой Обакумка Іевлевъ челомъ бьетъ. Въ прошломъ великій государь во 161 году прислана твоя великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца грамота изъ Стрѣлецкаго приказу за приписью дьяка Ивана Семенова въ Чугуевъ къ воеводѣ Өедору Пушкину Чугуевцовъ великій государь стрѣльцовъ и полковыхъ казаковъ ихъ братьевъ и племянниковъ и захребетниковъ которые писались въ Чугуевѣ въ дѣти боярскіе и въ станичники написать по прежнему въ стрѣлецкую и въ казачью службу и впредь стрѣльцовъ и казаковъ въ дѣти боярскіе и въ станичники писать не велѣно, и тѣ чугуевскіе стрѣльцы и полковые казаки ихъ братья и племянники и захребетники Өедка Бабай съ товарыщи шестьдесятъ одинъ человѣкъ не хотя тебѣ великому государю въ Чугуевѣ стрѣлецкой и казачьей службы служить били челомъ въ Бѣлѣгородѣ твоему государеву стольнику и воеводѣ князю Андрею Ивановичу Хилкову чтобъ ты великій государь ихъ пожаловалъ велѣлъ ихъ написать ко Харькову и ко Змѣеву въ дѣти боярскіе и тотъ твой великаго государя указъ въ челобитьѣ своемъ утаили что имъ велѣно твоя великаго государя стрѣлецкая и козачья служба служить по прежнему и того въ челобитьѣ своемъ не написали жъ, что въ стрѣлецкомъ и въ казачьемъ чину службы ихъ пусты и по тому государь ихъ ложному челобитью и по отпискѣ стольника и воеводы князя Андрея Ивановича Хилкова тѣ стрѣльцы и казаки Өедка Бабай съ товарыщи приписаны къ Харькову двѣ деревни деревня Бабаева да деревня Жихорева да къ Змѣеву приписана деревня Боровая, а прежнія ихъ стрѣлецкія и казачьи службы нынѣ пусты въ ихъ мѣста твоей великого государя службы никто не служитъ и сведены государь они въ Чугуевъ изъ разныхъ городовъ въ стрѣлецкую и въ казачью службу на вѣчное житье и въ дѣти боярскіе ихъ писали воеводы безъ твоего великаго государя указу и не по твоимъ великого государя грамотамъ, а городъ государь Чугуевъ построенъ на пятисотъ саженъ, а ратныхъ всякихъ служивыхъ и неслуживыхъ людей малолюдно и въ приходъ воинскихъ людей города и уѣзда обереечь за малолюдствомъ не въ мочь по твоему великого государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца указу и по отпискамъ окольничаго и воеводы князя Гри-

горья Григорьевича Ромодановскаго по татарскимъ вѣстямъ для городового обереганья опасаясь отъ приходу воинскихъ людей всѣхъ чугуевцовъ служивыхъ людей велѣлъ я холопъ твой росписать по городу и по башнямъ по указнымъ мѣстамъ и тѣми государь служилыми людми только въ мочь оберечь города три стѣны, одной стѣны городовой за малолюдствомъ оберечь некому, а на передъ сего государь на ней стѣнѣ для осадпаго времени были росписаны тѣ стрѣльцы и казаки Өедка Бабай съ товарыщи которые нынѣ приписаны къ Харькову и къ Змѣеву и о тѣхъ чугуевскихъ стрѣльцахъ и о казакахъ и о ихъ братьяхъ и о племянникахъ вели свой великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца мнѣ холопу своему указъ учинить.

На оборотѣ: государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу.

168 г. іюля въ 7 день чугуевецъ Александръ Маренокъ. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 414, л. 357—358).

Челобитная жителей с. Жихоря и Архангельскаго о верстаньѣ помѣстьями 1660 года.

Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу бьютъ челомъ холопи твои Харькова города новоприписные дѣтишки боярскіе села Архангельскаго и деревни Жихоря Кондрашка Капустинъ с товарыщи шестьдесятъ семь человѣкъ служили мы холопи твои тебѣ государю по городу по Чугуеву, а нынѣ государь мы холопи твои многіе люди не верстаны. Милосердый великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ пожалуй насъ холопей своихъ, вели государь намъ холопемъ своимъ дать верстальную грамоту. Великій государь царь смилуйся.

На оборотѣ: Государь пожаловалъ велѣлъ ихъ поверстать въ Бѣлгородъ.

168 г. генваря 29 день по сему государеву указу дать о томъ въ Бѣлгородъ государеву грамоту.

Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца въ Бѣлгородъ окольничему нашему и воеводамъ князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому съ товарыщи били челомъ намъ великому государю Харькова города дѣти боярскіе Кондрашко Капустинъ съ товарыщи шестьдесятъ семь человѣкъ:

приписаны де они къ Чугуеву и служатъ всякія службы а помѣстными и денежными оклады не верстаны и намъ великому государю пожаловати-бъ ихъ велѣть ихъ помѣстными и денежными оклады поверстать противъ ихъ братьи. И какъ къ вамъ ся наша великаго государя грамота придетъ и вы-бъ Харькова города дѣтей боярскихъ Кондрашку Капустина съ товарыщи десять человѣкъ велѣли поверстать въ Бѣлгородѣ, а оклады имъ учинить по росписи какова послана къ вамъ подъ сею нашею великого государя грамотою за дьячьею приписью, а кому имяны и по чему помѣстные и денежные оклады учинены будутъ и вы-бъ писали о томъ къ намъ великому государю и верстанью своему списокъ въ тетрадяхъ за дьячьею рукою прислали къ Москвѣ въ Разрядъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7168 г. февраля въ день.

По указу великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца Харькова города дѣтемъ боярскимъ по верстанью новичные оклады учинить нынѣшняго 168 году.

Которые сведены изъ городовъ и служили и тѣмъ—по 1 статьѣ по 100 чети денегъ по 4 рубля; 2-я статья по 80 чети, денегъ по 3 руб.; 3-я статья—по 70 чети, денегъ по 2 руб. съ полтиною.

Которые пришли изъ городовъ и написались въ службу собою:

1-я стат.—по 80 чети денегъ по 3 р. съ полтиною; 2-я стат.—по 60 чети денегъ по 2 р. съ полтиною, 3-я стат.—по 40 чети, денегъ по 2 рубли. (Бѣл. столъ. Столбецъ 424).

Челобитная харьк. черкашенина о постройкѣ мельницы 1660 года.

Царю, государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу бьетъ челомъ холопъ твой Харькова города черкашенинъ Стенка Филипповъ, Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ пожалуй меня холопа своего, вели государь мнѣ построить въ Харьковскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Дергачовкѣ на рѣчкѣ на Полномъ Колодезѣ вновь мельницу своимъ мельничнымъ заводомъ и о томъ вели государь дать мнѣ свою государеву грамоту. Царь государь смилуйся пожалуй.

На оборотѣ: Государь пожаловалъ будетъ то мѣсто пусто и утѣсненья не будетъ и ему строить мельницу.

Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца въ Харьковъ Ивану Михайло-

вичу Офросимову. Пожаловали мы великій государь Харьковскаго черкашенина Стенку Филипова велѣли ему по его челобитью въ харьковскомъ уѣздѣ подъ деревнею Дергачевкою на рѣчкѣ на Полномъ Колодезѣ строить вновь мельницу собою и владѣть до нашего государева указу. И какъ къ тебѣ ся наша великого государя грамота придетъ и ты-бъ харьковскому черкашенину Стенкѣ Филипову въ томъ мѣстѣ мельницу велѣлъ строить собою и владѣть до нашего государева указу будетъ отъ той мельницы ни у кого пашенныхъ земель и всякихъ угодей водою не станетъ топить да о томъ къ намъ великому государю писалъ съ иными дѣлы. Писанъ на Москвѣ лѣта 7168 г. генваря въ 10 день. (Ibidem).

Челобитная Протопопова о назначеніи въ Харьковъ приказнымъ 1660 года.

Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу бьетъ челомъ холопъ твой курченинъ площадной подьячишка Елизарка Протопоповъ. Служу и работаю тебѣ великому государю въ Курскѣ на площади многое время и всякія твои государевы дѣла пишу безпрестанно и волочася по площади я холопъ твой помираю голодною смертью; а опричи письма мнѣ холопу твоему кормиться нечѣмъ. Милосердый великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ пожалуй меня холопа своего, вели государь мнѣ у своего государева дѣла быть въ Харьковскомъ городѣ для письма у приказной избы въ Харьковѣ подьячей одинъ. Великій государь царь смилуйся пожалуй.

На оборотѣ: Государь пожаловалъ велѣлъ ему быть въ Харьковѣ въ Приказной избѣ у приказу.

168 г. февраля 20 (Ibidem).

Разрѣшеніе на постройку мельницы 1660 года.

Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца въ Харьковѣ Ивану Михайловичу Офросимову. Пожаловали мы великій государь харьковскихъ черкасъ Юрку Васильева Еремку Бѣлоусова по ихъ челобитью велѣли имъ въ Харьковскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Бобаѣ на рѣкѣ Удахъ мельницу построить и владѣть тою мельницею до нашего государева указу. И какъ къ тебѣ

ся наша великаго государя грамота придетъ; а та будетъ земля, о которой харьковскіе черкасы Юрка Васильевъ и Еремка Бѣлоусовъ для мельничнаго строенья бьютъ челомъ, пуста, въ помѣстье и въ угодье и въ оброкъ никому не отдана и спору объ ней никакого нѣтъ и ты-бъ велѣлъ въ томъ мѣстѣ мельницу построить своими праторьми и велѣлъ имъ для иноземства тою мельницею владѣть безоброчно до нашего государева указу да о томъ писалъ къ намъ великому государю. Писанъ на на Москвѣ лѣта 7168 г. генваря въ 16 день.

(Бѣлг. столъ. Столбецъ 469, л. 576).

Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца въ Харьково Ивану Михайловичу Офросимову. Пожаловали мы великій государь Харьковскихъ черкасъ Юрку Васильева да Еремку Бѣлоусова по ихъ челобитью велѣлъ имъ въ Харьковскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Бабаѣ на рѣкѣ Удахъ мельницу построить и владѣть тою мельницею до нашего государева указу. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а о той будетъ землѣ, о которой бьютъ челомъ намъ великому государю для мельничнаго строенья харьковскіе черкасы Юрка Васильевъ да Еремка Бѣлоусовъ, спору никакого не будетъ и ты-бъ велѣлъ имъ въ томъ мѣстѣ мельницу построить своими проторьми а за строенье велѣлъ имъ тою мельницею владѣть до нашего государева указу да о томъ отписать къ намъ великому государю. Писанъ на Москвѣ лѣта 7168 г. января въ — день.

Назначеніе жалованья приказному дьячку Протопопову 1660 г.

Отъ царя... Алексѣя Михайловича... въ Харьково Ивану Михайловичу Офросимову. Пожаловали мы великій государь Харьковскіе приказные избы дьячка Елизарка Протопопова по его челобитью велѣли ему для приказные работы нашего государева жалованья денежной окладъ учинить вновь 7 рублевъ, и тотъ его денежный окладъ давати ему въ Харьковѣ изъ тамошнихъ доходовъ со 169 году. И какъ къ тебѣ ся наша великаго государя грамота придетъ, и ты-бъ харьковскіе приказные избы дьячку Елизарку Протопопову наше государево жалованье съ того году велѣлъ давать по нашему великаго государя указу ежелѣть и ту дачу писать въ расходныя книги. Писанъ на Москвѣ 7168 марта въ 7 день. (Бѣлг. стол. Столбецъ 920).

Извѣстіе о приходѣ воинскихъ черкасъ въ Харьковскій уѣздъ въ 1661 года.

Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу холопи твои Гришка Ромодановскій съ товарищи челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ государь во 169 году апрѣля въ 15 день писалъ ко мнѣ холопу твоему Гришкѣ изъ Харькова Василей Сухотинъ апрѣля-же де государь съ 8 числа въ ночи приходили измѣнники Плотавскіе черкасы въ Харьковской уѣздъ въ деревню Ольшаную многіе люди и ту де деревню разорили и русскихъ людей убили дву человѣкъ и женъ ихъ и дѣтей побили-жъ и животы и всякую животину поимали да того жъ де государь числа Плотавскіе жъ черкасы приходили въ Харьковской же уѣздъ на хутори и убили до смерти Харьковскихъ черкасъ трехъ человѣкъ и животину поимали же и онъ де Василей за тѣми черкасы въ походъ ходилъ и дошелъ ихъ за Валками въ Коломенскихъ вершинахъ, а тѣхъ де государь черкасъ было человѣкъ съ полтораста и больше и обозомъ шли верстъ съ пять и больше до самой до ночи и боемъ отъ него отошли да апрѣля государь въ 19 день писалъ къ намъ холопемъ твоимъ изъ Груни старшина и прислали листъ прелестный измѣнника Плотавскаго полковника Ѳедки Жученка да они жъ къ намъ холопемъ твоимъ приказывали черезъ Днѣпръ де подъ Кременчугомъ и подъ Максимовкою и подъ Бужиномъ пороми и суды готовы и ожидаютъ де на сю сторону Днѣпра татаръ вскорѣ, а подъ чернымъ де лѣсомъ близко Чигирина татаровя кочуютъ многіе люди а Карачъ бей съ Бѣлогородцкою ордою пришелъ въ Чигиринъ къ гетману и на сей государь бокъ Днѣпра хочетъ перевозиться апрѣля въ 21 день, а измѣничій государь листъ Ѳедки Жученка послали къ тебѣ великому государю съ сею отпискою съ бѣлогородцкимъ станичникомъ а ми холопи твои нынѣ отъ Нѣжина въ тридцати пяти верстахъ и по письму Нѣжинскаго полковника Василья Золотаренка идемъ къ Нѣжину на спѣхъ днемъ и ночьми, а онъ Василей нынѣ поѣхалъ изъ Нѣжина въ Быковъ для рады, а къ нашему холопей твоихъ приходу онъ Василей изъ Быкова въ Нѣжинъ будетъ.

На оборотѣ: Государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу.

169 г. Апрѣля въ 29 день съ бѣлогородскимъ станичнымъ ѣздакомъ съ Ѳомкою Мелеховымъ. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 440).

Челобитная воев. Сухотина о рус. служ. людяхъ 1661 года.

Государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу холопъ твой Васка Сухотинъ челомъ бьетъ. Велѣно государь мнѣ холопу твоему въ Харьковскомъ укрѣпить осаду чтобъ отъ приходу воинскихъ людей быть безстрашно, а въ Харьковскомъ государь пушкарей нѣтъ, а преже государь сего твоя великаго государя грамота прислана была къ Ивану Офросимову и велѣно было ему по той твоей великаго государя грамотѣ прибирать пушкарей и онъ Иванъ пушкарей не прибиралъ и ту государь твою великаго государя указную грамоту свезъ собою, а многіе государь русскіе люди въ Харьковскомъ живутъ межъ черкасъ безъ службъ и я холопъ твой безъ твоего великаго государя указу въ пушкари выбирать не смѣю и о томъ какъ ты великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ мнѣ холопу своему укажешь.

На оборотѣ: Государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу.

169 г. марта въ 11 день послать грамоту велѣть прибрать въ пушкари изъ русскихъ людей. (Ib., n. 427).

Отписка Харьковскаго воеводы Сибилева объ отсутствіи оброчныхъ угодій 1664 года.

Государю царю... Алексѣю Михаиловичу... холопъ твой Еремѣйка Сибилевъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ великій государь во 172 году присланы ко мнѣ х. т. въ Харьковъ твои великаго государя царя... грамоты изъ Разряду за приписью дьяка Аѳанасья Зыкова а въ тѣхъ твоихъ вел. государя... грамотахъ написано велѣно мнѣ въ Харьковѣ и въ Харьковскомъ уѣздѣ откупныя оброчныя всякія угодьи переоброчить вновь на серебряныя деньги изъ наддачи и велѣно мнѣ х. т. оброчнымъ всякимъ угодьямъ прислать къ тебѣ великому государю... къ Москвѣ книги на Николинъ день зимній нын. 172 году. И въ Харьковѣ великій государь царь... оброчныхъ всякихъ угодій нѣтъ и преже сего не бывало. И о томъ что ты великій государь... мнѣ холопу своему укажешь.

На оборотѣ: Взять къ отпуску.

172 г. февраля въ 7 день подалъ харьковецъ Васко Зайцовъ. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 528, л. 383).

Челобитная объ основанiи Хорошевскаго монастыря 1664 года.

Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича... боярину нашему и воеводамъ князю Борису Александровичу Рѣпнину съ товарищи. Били челомъ намъ великому государю Харьковскаго уѣзду села Хорошевскаго городища церкви архангела Михаила игуменья Александра съ сестрами въ нын.—де во 172 году по челобитью Харьковскаго уѣзду села Городища черкасъ велѣно у той церкви архангела Михаила быть монастырю а ей игуменьѣ велѣно быть въ томъ монастырѣ игуменьею, а къ тому монастырю пахотной земли и сѣнныхъ покосовъ въ Харьковскомъ уѣздѣ въ Хорошевскомъ городищѣ внизъ по рѣчкѣ Удѣ позади села Гусиная поляна и около монастыря вверхъ по той же рѣчкѣ лѣсъ хоромной и дровяной и со всѣми угодьи и по городищу монастырскому выпускъ. И по нашему великаго государя указу окольничiй нашъ и воевода князь Григорiй Григорьевичъ Ромодановской ту пашенную землю съ сѣнными покосы со всѣми угодьи велѣлъ къ тому монастырю отдать, и у нихъ-де великаго государя грамоты по чему имъ владѣть тою землею нѣтъ, а владѣютъ по подписной челобитной окольничего и воеводы. И намъ бы великому государю пожаловать ихъ и велѣть имъ на ту пашенную землю и на сѣнные покосы и на всякiя угодья дать нашу грамоту по чему имъ тою землею и всякими угодьи владѣть а на Москвѣ въ Разрядѣ противъ челобитной старицы Александры о строенiи монастыря и о дачѣ земли въ Разрядѣ нашего великаго государя (указу) не сыскано и изъ Бѣлагорода окольничiй нашъ и воевода князь Григорiй Григорьевичъ Ромодановской съ товарищи и изъ Харькова приказные люди въ Разрядъ о томъ неписали, а игуменья Александра къ челобитью своему въ Разрядѣ дьякомъ нашимъ... подала съ Патрiарша двора настольную грамоту за красною печатью а внизу у той грамоты припись Питирима митрополита Сарскаго и Подонскаго iюня въ 30 день нын. 172 году велѣно ей старицѣ Александрѣ быть въ Харьковскомъ уѣздѣ въ Хорошевскомъ дѣвичѣ монастырѣ игуменьею и монастырь строить. И какъ къ вамъ ся наша великаго государя грамота придетъ, и вы бъ намъ вел. государю писали въ которомъ году и по какому нашему вел. государя указу та земля и сѣнные покосы и всякiя угодья къ той церкви даны и въ которыхъ мѣстѣхъ и сколько въ ней четвертные пашни и сѣна и лѣсу десятинъ и всякаго угодья, и до того времени кто тою землею владѣлъ или лежала впусте и впредь о той землѣ спору и челобитья отъ кого не будетъ ли, а отписку велѣли подать въ Разрядѣ на Москвѣ дьякомъ нашимъ.... Писанъ на Москвѣ лѣта 7172 августа въ 17 день.

Такова отпущена за подписью дьяка Өедора Грибоѣдова.

Царю государю.... Алексѣю Михаиловичу.... бьютъ челомъ богомольцы твои государевы Харьковскаго уѣзду села Хорошевскаго городища церкви архангела Михаила игуменья Александра съ сестрами. Въ нын. во 172 году по челобитью Харьковскаго уѣзду села Хорошевскаго городища черкасъ велѣно у тое церкви архангела Михаила быть монастырю а мнѣ богомолицѣ твоей велѣно быть въ томъ твоемъ царскомъ богомольи у тое церкви архангела Михаила игуменьею а къ тому государь къ твоему царскому богомолью подъ монастырь пахотной земли и сѣнныхъ покосовъ въ Харьковскомъ уѣздѣ въ Хорошевскомъ городищѣ внизъ по рѣчкѣ Удѣ позади села Гусиная поляна и около монастыря вверхъ по той же рѣчкѣ лѣсъ хоромной и дровяной и со всѣми угодьи и по городищу монастырской выпускъ. И по твоему великаго государя указу окольничій и воевода князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій съ товарищи ту пашенную землю и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи указалъ къ тому монастырю отдать, а у насъ богомолицъ твоихъ на ту пашенную землю и со всѣми угодьи твоей великаго государя грамоты нѣтъ, а владѣемъ по подписной челобитной окольничего князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго, Милосердый государь царь... пожалуй насъ богомолицъ своихъ вели государь намъ богомолицамъ своимъ на ту пашенную землю и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи дать свою великаго государя грамоту почему намъ б. т. тою пашенною землею и сѣнными покосы и со всѣми угодьи владѣть. Царь государь смилуйся пожалуй.

На оборотѣ: Выписать по какому указу та земля имъ отведена.

И противъ челобитья старицы Александры о строеньѣ монастыря и о дачѣ земли въ Разрядѣ государева указу не сыскано. И изъ Бѣлагорода окольничей и воевода князь Григорій Григорьевичъ Ромодановской съ товарищи и изъ Харькова приказные люди въ Разрядъ о томъ не писалижъ.

И у выписки старица Александра къ челобитью своему въ разрядѣ дьякомъ думному Дементью Башмакову да Өедору Грибоѣдову подала съ Патріарша двора настольную грамоту почему ей велѣно быть игуменьею и въ которомъ монастырѣ. И съ той грамоты взять къ дѣлу списокъ а подлинная справа съ спискомъ отдана старицѣ, а въ спискѣ пишетъ.

Божіею милостію смиренный Питиримъ митрополитъ Сарскій и Подонскій по благодати дару и власти отъ Святаго и Животворящаго Духа данной смиренію нашему отъ великаго архіерея Господа нашего Іисуса Христа и по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Ми-

хаиловича... указу межъ патріаршества благословилъ есми Харьковскаго уѣзду Хорошевскаго дѣвичья архангельскаго монастыря иноку Александру въ Хорошевъ архангельской монастырь въ игуменьи. И вы того монастыря собравшися вси о Христѣ инокини и слуги и крестьяне тое игуменью Александру почитайте и слушайте и повинуйтеся ей якоже лѣпо есть со всякимъ духовнымъ опасеніемъ и порадованіемъ яко приснѣй своей наставницѣ и учительницѣ понеже мы обрѣтохомъ ю благочестиву и благочинну и благоговѣнну и въ чистотѣ пребывающу боголюбиву жъ и человѣколюбиву и учительну и православну и приводящу себѣ во благо спасительно дѣло должна убо сицевая игуменья Александра монастырь строить по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и по нашему святительскому благословенію и наказанію и о вашихъ единородныхъ и безсмертныхъ душахъ пещися и попеченіе имѣти и наставляти еже ко спасенію такоже и вамъ къ ней во всемъ о Христѣ духовную любовь и послушаніе и покореніе имѣти, и извѣснаго ради сихъ свидѣтельства дана ей сія настольная грамота рукою нашею подписанная и печатью запечатлѣнная въ царствующемъ и преименитомъ великомъ градѣ Москвѣ въ велицей церкви Успенія Пресвятыя Богородицы и великихъ святителей Петра и Алексія и Іоны и Филиппа московскихъ и всея Россіи чудотворцовъ въ патріаршѣ дому въ лѣто съ сотворенія свѣта 7172 а отъ воплощенія Бога Слова 1664 іюня въ 30 день. А у подлинной грамоты написано: смиренный Питиримъ Божіею милостію митрополитъ Сарскій и Подонскій.

И по грамотѣ какова съ Патріарша двора дана старицѣ Александрѣ велѣно ей быть въ Харьковскомъ уѣздѣ въ Хорошевскомъ дѣвичѣ монастырѣ игуменьею и монастырь строить.

У подлинные настольные грамоты печать на красномъ воску Патріарша домовая, внизу грамоты припись Питирима митрополита Сарскаго и Подонскаго іюня въ 30 день нынѣшняго 172 году.

И великому государю царю... Алексѣю Михаиловичу... бьетъ челомъ игуменья Александра съ сестрами чтобъ великій государь пожаловалъ велѣлъ имъ на ихъ пашенную землю и сѣнные покосы и на всякіе угодья дать свою великаго государя грамоту по чему имъ той землею и всякими угодьи владѣть.

Подъ текстомъ: 172 году августа въ 13 день послать великаго государя грамота въ Бѣлгородъ къ боярину и воеводѣ ко князю Борису Александровичу Рѣпнину съ товарищи чтобъ они къ нему вел. государю отписали по какому его вел. государя указу та земля и сѣнные покосы и всякія угодья къ той церкви даны и сколь давно и въ которыхъ мѣ-

стѣхъ и сколько въ ней четвертные пашни и сѣна и лѣсу десятинъ и какія угодья, и до того времени кто тою землею владѣлъ или лежала впустѣ и впредь о той земли спору и челобитья отъ кого не будетъ ли. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 513, Л. 1—4).

Челобитная о харьковскомъ воеводствѣ Тарбѣева 1664 г.

Царю, государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу бьетъ челамъ холопъ твой Васка Никитинъ сынъ Тарбѣевъ. Служу я холопъ твой тебѣ великому государю лѣтъ съ дватцать всякія твои великаго государя службы лѣтнія и зимнія съ полными и съ пожалованными въ рядъ и нынѣ я холопъ твой былъ на твоей великаго государя службѣ въ полку бояръ и воеводъ князя Якова Куденетовича Черкаскаго съ товарыщи и какъ бой былъ у боярина и воеводы у князя Ивана Семеновича Прозоровскаго въ Карачовскомъ уѣздѣ въ Сомовской волости въ деревнѣ Косуличахъ съ польскими и съ литовскими людьми и съ татары и на томъ бою тебѣ великому государю я холопъ твой служилъ не щадя головы свои и раненъ, выбитъ лѣвой глазъ изъ лука вонъ, и отъ тое раны я холопъ твой боленъ и увѣченъ. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ пожалуй меня холопа своего для праздника Алексѣя человѣка Божія и для своего государскаго многолѣтнаго здоровья и за мое холопа твоего службишко и за кровь и за увѣчную рану, вели государь мнѣ быть на своей великаго государя службѣ въ Харьковѣ на Еремѣево мѣсто Сибилева, а ему Еремѣю въ Харьковѣ будучи другой годъ доходитъ. Царь, государь смилуйся, пожалуй.

На оборотѣ: Государь пожаловалъ будетъ кому напередъ сего не [1]) пописали (?) и его отпустить какъ прежнему два года минетъ.

172 г. марта въ 23 день учинить по помѣтѣ. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 471, л. 53).

Челобитная воеводы Тарбѣева о наказѣ 1664 г.

Царю, государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу бьетъ челомъ холопъ твой Васка Никитинъ сынъ Тарбѣевъ. По своему царскому милосердому разсмотрѣнью пожаловалъ ты великій государь меня холопа своего за

[1]) поправка м. б. «отписали».

мою службишку и за кровь и за увѣчную рану велѣлъ мнѣ быть на своей великаго государя службѣ въ Харьковѣ на Еремѣево мѣсто Сибилева какъ ему Еремѣю минетъ два годы и ему Еремѣю срокъ дошелъ, а наказу и твоей великаго государя росписной грамоты мнѣ холопу твоему не дано. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ пожалуй меня холопа своего вели государь наказъ и росписную грамоту мнѣ холопу своему дати. Царь, государь смилуйся пожалуй.

На оборотѣ: Взять къ прежнему его челобитью и выписать.

Въ Разрядѣ въ записной книгѣ нынѣшняго 173 году написано: за Бѣлогородскою чертою въ Харьковѣ карачевецъ Еремѣй Сибилевъ отпущенъ въ полъ 170 года а перемѣнилъ Василья Сухотина и росписался ноября въ 6 день 171 году и съ того числа ему будетъ 2 года ноября 6 число нынѣшняго 173 году.

А въ прошломъ во 172 году марта въ 23 день по указу великаго государя въ Харьковъ на Еремѣево мѣсто Сибилева велѣно отпустить стряпчаго Василья Микитина сына Тарбѣева какъ прежнему будетъ 2 года. На челобитной его помѣта думнаго дьяка Семена Заборовскаго.

А въ челобитьѣ Василья Тарбѣева написано: раненъ де онъ на государевѣ службѣ въ прошломъ во 172 году какъ былъ бой съ татары и съ поляки у боярина и воеводы у князя Ивана Семеновича Прозоровскаго.

И февраля въ 13 день прошлаго 172 году по отпискѣ боярина и воеводы князя Ивана Семеновича Прозоровскаго Василій Тарбѣевъ раненъ изъ лука въ лѣвой глазъ на бою какъ у государевыхъ ратныхъ людей былъ бой въ Карачевскомъ уѣздѣ съ поляки и съ татары.

Письмо о томъ къ выпискѣ приказнаго стола подъячаго Ивана Оловеникова.

И великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу бьетъ челомъ Василій Тарбѣевъ чтобъ великій государь пожаловалъ велѣлъ ему дать въ Харьковъ наказъ и росписную грамоту.

По скрѣпамъ: 173 г. октября въ 26 день великій государь пожаловалъ велѣлъ дать ему наказъ и свою государеву грамоту о роспискѣ съ прежнимъ приказнымъ дать.

Стряпчей Василей Микитинъ сынъ Тарбѣевъ въ прошломъ во 172 году марта въ 9 день по помѣтѣ дьяка Василья Брехова въ записной книгѣ полонечниковъ и раненыхъ придано ему государева жалованья за рану къ прежнему его окладу помѣстнаго сто чети, денегъ

пять рублевъ, раненъ онъ на службѣ великаго государя въ то время какъ у боярина и воеводъ у князья Ивана Семеновича Прозоровскаго съ товарищи съ польскими и съ литовскими людьми и съ татары былъ бой прошлого 172 году февраля въ 13 день. Писалъ Ивашко Оловениковъ.

Се письмо взято къ выпискѣ Васильемъ Тарбѣевымъ. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 471).

Справка изъ перечневой росписи Харькова 1665 года.

По перечневой смѣтной росписи какову прислали изъ Бѣлагорода бояринъ и воевода князь Борисъ Александровичъ Рѣпнинъ съ товарищи нынѣшняго 173 году въ Харьковѣ пашенныхъ людей дѣтей боярскихъ отставныхъ и недорослей 133 чел., черкасъ 992 чел., мѣщанъ 1290 ч., и всего въ Харьковѣ по перечневой смѣтной росписи дѣтей боярскихъ отставныхъ и недорослей и черкасъ и мѣщанъ 2415 чел. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 545, л. 57).

Челобитная о Харьковскомъ воеводствѣ Тарбѣева 1666 года.

Царю, государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу бьетъ челомъ холопъ твой Гурка Тарбѣевъ. Служу я холопъ твой тебѣ великому государю лѣтъ съ пятнадцать всякія твои великаго государя службы зимнія и лѣтнія и вездѣ на твоихъ великаго государя службахъ былъ въ польскихъ и въ нѣмецкихъ городѣхъ и подъ Ригою и подъ Вильнею и какъ былъ бой у боярина и воеводы князь Ивана Андреевича Хованскаго съ графомъ Магнусомъ и подъ Конотопомъ съ бояриномъ и воеводою со князь Алексѣемъ Никитичемъ Трубецкимъ и въ Конотопскомъ отходѣ и какъ пришли въ Путимль и я холопъ твой посланъ стольникомъ и воеводою князь Григорьемъ Козловскимъ къ боярину и воеводѣ къ Василью Борисовичу Шереметеву и какъ боярина и обозы взяли и я холопъ твой взятъ тутъ же въ Крымъ, изъ Крыма проданъ въ Кумыки и въ Крыму и въ Кумыкахъ животъ свой мучилъ и голодъ и нужу всякую терпѣлъ въ тюрьмѣ и въ желѣзахъ полпята года и въ Торкахъ у кумыченина выкупилъ меня сокольникъ Парфеней Таболинъ, а твоего государева жалованья помѣстейца за мною нѣтъ ни одной четверти, волочуся межъ дворъ и помираю голодною смертью, да я-жъ холопъ твой раненъ изъ лука застрѣленъ въ зубы. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ пожалуй меня холопа своего за мою многую службишку и за кровь и

за полонное терпѣнье, вели государь мнѣ быть у своего государева дѣла въ Харьковѣ на Васильево мѣсто Тарбѣева. Царь, государь смилуйся пожалуй.

На оборотѣ: Государь пожаловалъ, велѣлъ его досмотрѣть въ Разрядѣ и буде доведется отпустить доложа себя государя.

174 г. генваря въ 3 день учинить по указу великаго государя.

Въ Разрядѣ въ записной книгѣ нынѣшняго 174 году написано.

За Бѣлогородскою чертою въ Харьковѣ стряпчій Василей Микитинъ сынъ Торбѣевъ отпущенъ октября въ 26, росписался февраля въ 12 числѣхъ прошлаго 173 года.

А на его мѣсто никто не отпущенъ и отпустить никого не велѣно.

А по годовой росписи нынѣшняго 174 году въ Харьковѣ людей: отставныхъ дѣтей боярскихъ и недорослей 133 человѣка, дѣтей ихъ и братьи 18 человѣкъ; черкасъ казаковъ 992 человѣка, дѣтей ихъ и братьи и племянниковъ 364 человѣка. Мѣщанъ въ городѣ и въ уѣздѣ 1205 человѣкъ, всего 2330 человѣкъ.

А по письму къ выпискѣ приказнаго стола подьячего Бориса Корѣлкина.

Въ прошломъ въ 169 году на службѣ великаго государя въ Черкаскихъ городахъ межъ Чудново и Пятокъ ротмистръ Гурей Тарбѣевъ на бою раненъ по верхней губѣ и взятъ въ полонъ въ Крымъ и былъ въ полону въ Крыму три годы, а изъ Крыму проданъ въ Кумыки, изъ полону окупилъ его сокольникъ Парфеней Таболинъ, государева жалованья за полонное терпѣнье и за рану учинено ему придачи 100 чети, денегъ 6 рублевъ.

А что за него сокольникъ окупу далъ того въ разрядѣ выписать не изъ чего, окупы полоненикомъ вѣдомы въ посольскомъ приказѣ.

А у выписки Гурей Тарбѣевъ допрашиванъ сокольникъ Парфеней Таболинъ что за него окупу далъ и изъ государевы казны ему за тотъ окупъ деньги выданы-ли и по допросу Гурей сказалъ: сокольникъ Парфеней Таболинъ далъ за него окупу своихъ денегъ 60 рублевъ, а изъ государевы казны Парфену денегъ не дано ничего, а заплатилъ тотъ окупъ ему Парфену онъ Гурей.

А что въ челобитной Гурія Тарбѣева написано что былъ на службѣ великаго государя въ литовскихъ и въ нѣмецкихъ походѣхъ и подъ Конотопомъ до отпуску и того въ Рязрядѣ невѣдомо для того что онъ служилъ въ рейтарскомъ строѣ, а службою рейтары вѣдомы въ рейтарскомъ приказѣ.

Да у выписки же Гурей Тарбѣевъ допрашиванъ напередъ сего на приказѣхъ за тое службу и за полонное терпѣніе и за раны гдѣ былъ-ли и что за нимъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и по допросу сказалъ: напередъ сего на приказѣхъ за службу и за раны и за полонное терпѣнье нигдѣ не былъ, а помѣстья и крестьянъ за нимъ нѣтъ нигдѣ, а вотчины за нимъ 25 чети, крестьянскихъ 5 дворовъ, владѣетъ съ братьями своими вмѣстѣ.

И великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу бьетъ челомъ Гурей Тарбѣевъ, чтобъ великій государь пожаловалъ за службу и за рану и за полонное терпѣніе велѣлъ его отпустить въ Харьковъ на Васильево мѣсто Тарбѣева.

Въ тотъ городъ выписка съ помѣтою выше сего, а Гурью Тарбѣеву въ томъ городѣ быть не велѣно для того, что онъ за выпискою не хаживалъ и съ Москвы съѣхалъ не дождався по выпискѣ указу. (Бѣлг. столъ, Столбецъ 471, л. 196—200).

Челобитная Харьковцевъ о земляхъ 1667 года.

Царю государю.... Алексѣю Михаиловичу... бьютъ челомъ холопи твои Харьковскаго черкаскаго полку полковника Ивана Дмитріевича Сѣрика черкасы атаманъ Лунька Өедоровъ съ товарищи всѣмъ Харьковскимъ городомъ. Служимъ мы х. т. тебѣ великому государю въ бѣлгородскихъ полкѣхъ и твой вел. государя городъ Харьковъ построили мы х. т. черкасы собою безъ русскихъ твоихъ государевыхъ ратныхъ людей и всѣ твои государевы службы съ бояриномъ и воеводы со княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ съ товарищи мы х. т. служили съ пріѣзду и до отпуску безъ съѣзду на всѣхъ бояръ и на приступехъ были и на тѣхъ бояръ и на приступехъ мы х. т. ранены и многіе побиты и полонъ поиманы билися съ непріятельскими людьми не щадя головъ своихъ кровь свою проливали безпрестанно, да мы жъ х. т. служимъ тебѣ государю въ городѣхъ на Валкахъ и въ Мояцкомъ на заставахъ и на Тору у твоего государева соленого промыслу работаемъ безпрестанно зиму и лѣто по 132 чел. И по твоему государеву указу дано намъ х. т. земли на пашню въ Харьковѣ и въ Харьковскомъ уѣздѣ и всякія угодья изъ дикаго поля, и ту государь землю мы х. т. распахивали хлѣбъ заводили всякой собою, голодъ и нужу терпѣли, и та государь наша распашная земля со всѣми угодьи отъ иныхъ городовъ отмежевана и огранена и на той государь нашей распашной земли и на

всякихъ угодьяхъ изъ разныхъ твоихъ государевыхъ русскихъ городовъ бѣглые всякихъ чиновъ русскіе люди поселились насильствомъ ста съ три и больше въ тѣхъ нашихъ межахъ и въ округѣ и тою государь нашею распашною землею и сѣнными покосы и всякими угодьи намъ х. т. тѣ русскіе бѣглые люди владѣть не даютъ и городовыхъ подѣлокъ съ нами х. т. не дѣлаютъ и на заставахъ не живутъ и на Тору не работаютъ и и пасѣчныя мѣста у насъ х. т. тѣ русскіе люди завладѣли и съ послѣднихъ пасѣченокъ насъ х. т. ссылаютъ и всякіе налоги и тѣсноты и насильство намъ х. т. иноземцомъ отъ тѣхъ бѣглецовъ русскихъ людей и воровство чинитца большое; а твоимъ государевымъ денежнымъ жалованьемъ за городовое строенье и за многія наши службы за кровь и за раны мы х. т. не пожалованы только съ тои земли и съ угодей тебѣ великому государю и служимъ мы х. т. живемъ безпрестанно на твоей государевой службѣ, милосердый государь царь... пожалуй насъ х. с. черкасъ за ниши службы за кровь и за раны и за харьковское городовое строенье не вели государь тѣмъ русскимъ людемъ бѣглецамъ тѣми нашими распашными землями и сѣнными покосы и всякими угодьи владѣть насильствомъ и не вели государь тѣмъ русскимъ людямъ тѣ наши земли и на всякое угодье въ округу нашу и въ урочища бѣглецовъ русскихъ людей вновь примать, и вели государь о томъ дать свою великаго государя грамоту намъ х. с. въ Харьковъ къ воеводѣ чтобъ намъ х. т. отъ тѣхъ бѣглецовъ русскихъ людей насильства и отъ большого ихъ тѣсненія и воровства въ конецъ не погинуть и твоей царьской службы впредь не отбыть изъ Харькова врознь не разбрестись. Царь государь смилуйся пожалуй.

На оборотѣ: 175 г. іюня въ 20 день выписать сколько имъ земли отведено и что затѣмъ въ остаткѣ и дѣти боярскіе по указу ль селятся.

Челобитныя харьковскаго духовенства 1667 года.

Царю государю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу бьютъ челомъ богомольцы твои Харькова города успенской соборной протопопъ Захарій съ попомъ и со дьякономъ. Въ прошлыхъ государь годѣхъ по твоему великаго государя указу построено твое вел. государя богомолья соборная церковь, а твоего государева жалованья къ той церкви ризъ, книгъ, колоколовъ иконъ и всякой церковной утвари не дано, а кои были всякихъ мірскихъ людей колокола и всякое церковное благолѣпіе, и то въ прошломъ во 174-мъ году какъ Харьковъ городъ горѣвъ колокольница и съ колоколами сгорѣла. Мило-

сердый великій государь... пожалуй насъ богомольцовъ своихъ къ своему царскому богомолью вели государь дать ризъ книгъ колоколовъ чтобъ намъ богомольцамъ твоимъ было въ чемъ и на чемъ служить. Великій государь царь смилуйся пожалуй.

На оборотѣ: Государь пожаловалъ велѣлъ имъ дать ризы и дьякому стихарь камчатые съ прочими потребами, изъ Казеннаго приказу да изъ Разряду служебникъ.

Лѣта 7175 іюня въ день по государеву цареву... указу память казначею Аѳанасью Самойловичу Нарбекову да дьяку Якову Петелину. Пожаловалъ великій государь... украиннаго города Харькова соборные церкви Успенскаго протопопа Захарія да дьякона велѣлъ имъ дать съ Казеннаго приказу протопопу ризу дьякону стихарь камчатые съ прочими потребами. И по Государеву... указу казначею Аѳанасью Самоиловичу Нарбекову да дьяку Якову Петелину учинить по указу великаго государя.

Подъ текстомъ: Служебникъ не купленъ—дорогъ.

Царю государю... бьетъ челомъ богомолецъ твой Харькова города Успенской соборной протопопъ Захарій Филимоновъ. Въ нынѣшнемъ во 175 году по твоему великаго государя указу дано мнѣ богомольцу твоему твое великаго государя жалованье въ Харьковъ городъ въ соборную церковь къ Успенію Пресвятыя Богородицы двои ризъ со всеми потребами, дьяконской стихарь съ прочими потребами и служебникъ. Милосердый великій государь... пожалуй меня богомольца своего вели государь дать мнѣ б. т. подъ то свое государево жалованье подвоцу съ Москвы по городамъ цо Харькова. Царь государь смилуйся пожалуй.

На оборотѣ: 175 году іюня въ 13 день дать ему о томъ память въ Ямской приказъ.

Лѣта 7175 іюня въ — день по государеву цареву.... указу боярину князю Ивану Андреевичу Хованскому да дьякомъ Микитѣ Головкину да Ивану Чистого. По указу великаго государя въ Харьковъ въ соборную церковь ризы и иная церковная утварь послана тое же соборные церкви съ протопопомъ Захаріемъ, а для той посылки отъ Москвы до Харькова велѣно дать ему подводы по указу. И по государеву.... указу боярину князю Ивану Андреевичу Хованскому и дьякомъ Микитѣ и Ивану учинить о томъ по указу великаго государя.

Лѣта 7175 іюня въ—день по государеву.... указу послать казначею Аѳанасію Самойловичу Нарбекову да дьяку Якову Петелину. Указалъ великій государь... украинскаго города Харькова соборные церкви Успенія Пресвятыя Богородицы попу Еремѣю велѣлъ ему попу ризы тафтя-

ные съ прочими потребами дать съ Казеннаго Двора. И по государеву.... указу казначею Аѳанасью Самойловичу Нарбекову да дьяку Якову Петелину учинить о томъ по указу великаго государя.

175 году іюня въ 28 день въ Харьковъ въ соборную церковъ ризы тафтяные желтые, подризникъ киндячный зеленый да патрахиль да поручи камчатые даны того города черкасомъ Тимоѳею Лавринову Матвѣю Кременчуцкому.

На Казенномъ дворѣ росписался Ивашко Мартиновъ.

На оборотѣ: Ананья Степановъ сынъ Уколовъ Курченинъ вмѣсто харьковцовъ Тимошки Лавринова съ товарищи что ризы взяли со всею потребою по ихъ велѣнью руку приложилъ. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 504, лл. 39—45).

Челобитная Липецкихъ Черкасъ 1667 года.

Царю государю... Алексѣю Михаиловичу... бьютъ челомъ холопи твои харьковскіе черкасы села Липца атаманъ Софромка Чижминъ съ товарищи триста чел. на бѣлогородца володцкихъ казаковъ на атамана на Михайла Сомова. Въ прошлыхъ государь годѣхъ выѣхали мы х. т. изъ твоихъ великаго государя малороссійскихъ городовъ и построились въ томъ Харьковскомъ уѣздѣ въ селѣ Липцѣ на рѣчкѣ Харьковѣ усть Липца на дикомъ полѣ и то дикое поле роспахали, и онъ Михайло построился было на той нашей роспашной землѣ; и мы х. т. били челомъ тебѣ великому государю а въ Бѣлѣгородѣ бояриңу и воеводамъ князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому съ товарищи на него Михайла что на той нашей роспашной землѣ построился и насъ х. т. истѣснилъ. И по твоему вел. государя указу а по нашему х. т. челобитью посыланъ изъ Бѣлагорода стольникъ Михайло Васильевъ сынъ Приклонской велѣно ему харьковскія земли измѣрить и за нами х. т. отписать и отъ городовъ отмежевать, и ему Михайлу Сомову стольникъ Михайло Приклонской на той нашей роспашной землѣ строиться и владѣть ею не велѣлъ, а велѣлъ ему Михайлу строиться на дикомъ же полѣ вверхъ по проходному колодезю за лѣсами по Чепужной рогъ а внизъ по проходному колодезю къ Харькову владѣть ему не велѣно. И нынѣ онъ Михайло тою жъ нашею землею владѣетъ своимъ насильствомъ. Милосердый государь царь.... пожалуй насъ х. с. не вели государь ему Михайлу Сомову тою нашею землею насильствомъ владѣть а вели государь о томъ свой царьской милостивой указъ учинить и дать намъ свою вел. государя грамоту и съ межевыхъ книгъ выпись и тое землю отъ

него Михайла Сомова по тѣмъ межевымъ книгамъ межи учинить и столбы на межахъ поставить чтобъ намъ х. т. липецкимъ черкасамъ отъ него Михайла Сомова и отъ иныхъ дѣтей боярскихъ бѣлогородскихъ истѣсненнымъ не быть и въ конецъ не погинуть и голодною смертью не умереть и впредь твоей царьской службы не отбыть. Царь государь смилуйся пожалуй.

На оборотѣ: 175 г. іюня въ 1 день выписать. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 599).

175 года іюня въ 20 день Харьковскаго уѣзду черкасы атаманъ Софронъ Чужминъ съ товарищи сказали что въ писцовыхъ межевыхъ книгахъ Михайла Приклонскаго съ товарищи межа нашей черкаской землѣ вверхъ по Харькову по обѣ стороны по Михайловы дворы Сомова да по лѣвую что вново селятся и по Хотмижскую дорогу и по Липецкому колодезю да по Липецкую роіцу жъ а Михайлу Сомову указано дикое поле вверхъ по проходному колодезю до Чанужнаго рогу да по ярушку что изъ Лопани рѣчки вытекла да по вершинку Медвѣжьихъ яругъ а отъ нашей черкаской межи по за лѣсомъ къ Лопани рѣчкѣ дикое поле указано ему Михайлу владѣть и сѣнными покосы и всякими угодьи, а намъ черкасомъ указано владѣть вверхъ по Харькову по обѣ стороны и по Михайловы дворы что вновь селятся а тѣ межевыя книги въ городѣ Харьковѣ и въ Бѣлѣгородѣ;—то моя и сказка, а сказку писалъ Троицкіе площади подьячій Петрушка Гарасимовъ.

На оборотѣ: Къ сей сказкѣ Троицкіе площади подьячій Гришка Юрьевъ вмѣсто атамана Софрона Чужмянина съ товарищи по ихъ велѣнью руку приложилъ.

И противъ сего челобитья въ Розрядѣ выписать не изъ чего: въ которомъ году и по какому великаго государя указу стольникъ и воевода Михайло Приклонской харьковскимъ черкасомъ и бѣлогородцу Михайлу Сомову и разныхъ городовъ русскимъ людемъ и глѣ и много ль земли и иныхъ какихъ угодей отмежевалъ и что затѣмъ въ остаткѣ и дѣти боярскіе по указу ль селятся; и къ великому государю изъ бѣлагорода о томъ не писано и такихъ книгъ не прислано. А въ сказкѣ харьковскихъ черкасъ атамана Софрона Чюжмина написано что тѣ межевыя книги въ Бѣлѣгородѣ и въ Харьковѣ есть.

И великому государю царю... бьютъ челомъ харьковскіе черкасы атаманъ Софронъ Чужминъ съ товарищи 300 чел. чтобъ вел. государь пожаловалъ не велѣлъ роспашныя ихъ земли бѣлогородцу Михаилу Сомову и русскимъ людямъ насильствомъ владѣть и тѣсноту имъ чинить, а велѣлъ бы противъ ихъ челобитья тою роспашною землею и сѣнными

покосы и всякими угодьи владѣть имъ черкасомъ по прежнему и тое землю имъ отмежевать и столбы поставить и межи и грани учинить и о томъ дать свою государеву грамоту въ Бѣлгородъ.

Подъ текстомъ: 175 г. іюня въ 26 день дать имъ государева грамота въ Бѣлгородъ къ окольничему і воеводамъ, чтобъ они тѣмъ всѣмъ землямъ о чомъ бьютъ челомъ харьковскіе черкасы прислали съ отводныхъ и съ межевыхъ книгъ списки къ великому государю тотчасъ и писали имянно по какому великаго государя указу строиться имъ и инымъ на тѣхъ земляхъ велѣно и въ которыхъ годѣхъ; такъ жъ и иныхъ новопостроенныхъ всѣхъ городовъ съ строельныхъ книгъ и въ нихъ жилецкимъ всякихъ чиновъ людямъ и землямъ и всякимъ угодьямъ прислали списки жъ за дьячьими руками и чертежъ по тому жъ тотчасъ чтобъ про то ему великому государю вѣдомо было подлинно и впредь бы въ земляхъ и въ угодьяхъ ни отъ кого ни на кого челобитья не было. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 599, Л. 20—26)

Описаніе Харькова 1668 г.

176 г. февраля въ 17 день слалъ таковы книги изъ Харькова Левъ Сытинъ.

Лѣта 7176 сентября въ 20 день. По государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца указу и по его великаго государя грамотѣ изъ Разряду за приписью дьяка Василья Семенова стряпчій и воевода Василій Никитичъ Торбѣевъ воеводѣ Льву Андреевичу Сытину отдалъ Харьковъ городъ и острогъ и ключи городовые и острожные и по городу нарядъ и въ казенномъ погребѣ зелья и свинецъ и пушечныя желѣзныя ядра и въ государевыхъ житницахъ хлѣбъ и харьковцомъ дѣтемъ боярскимъ и всякихъ чиновъ людемъ именные списки и въ съѣзжей избѣ всякія государевы дѣла, а что по городу наряду и въ казнѣ зелья и свинцу и ядеръ и въ государевыхъ житницахъ хлѣба ржи и овса и что при стряпчемъ и воеводѣ при Васильѣ Никитичѣ Торбѣевѣ что чего въ приходѣ и въ расходѣ и въ съѣзжей избѣ сколько государевыхъ дѣлъ и то писано въ семъ росписномъ списку порознь.

Ставленъ Харьковъ городъ стоячимъ дубовымъ тыномъ съ обламы и съ катками и съ торасы съ зашитыми. Башня проѣзжая Московская вверхъ по мѣрѣ 3 сажень и обломовъ сажень безъ 1/4 въ шатрѣ сажень съ 1/4. А у той проѣзжей башни въ городѣ у воротъ поставлена пищаль желѣзная на станку колеса и оси не окованы, а къ той пищали ядро

въ 4 гривенки, а къ ней 37 ядеръ. Да въ той же проѣзжей Московской башнѣ поставлена пищаль желѣзная на станку колеса и ось ветха безъ окову, а къ той пищали ядро въ 3 гривенки а къ ней 39 ядеръ. А отъ башни до наугольныя башни, что отъ рѣки Харькова, по мѣрѣ городовыя стѣны 52 сажени. Башня наугольная вѣстовая вверхъ по мѣрѣ до обломовъ 3¹/₄ сажени, а обломовъ сажень безъ четверти, въ клѣткѣ 2 сажени съ четвертью, да на той башнѣ вѣстовой колоколъ съ языкомъ въ самъ-девять пудовъ 37 гривенокъ цѣлъ. Да на той же башнѣ въ среднемъ бою поставлена вѣстовая пищаль желѣзная на станку, колеса и ось не акована ветха, а къ той пищали ядро въ 5 гривенокъ а къ ней 44 ядра.

Да въ той же башнѣ въ поземномъ бою поставлена пищаль желѣзная на станку колеса и ось не акована ветха, а къ той пищали ядро въ 3 гривенки, а къ ней 38 ядеръ. А отъ тое вѣстовыя башни до середнія глухія башни по мѣрѣ городовыя стѣны 55 саженъ съ четвертью. Башня середняя глухая вверхъ по мѣрѣ до обломовъ 3 сажени безъ четверти, а обломовъ сажень безъ четверти жъ, въ шатрѣ сажень съ четвертью; а въ той башнѣ поставлена пищаль желѣзная на станку, колеса и ось не окована ветха, а къ той пищали ядро въ 3 гривенки, а къ ней 39 ядеръ, а на той башнѣ кровля огнила и доловъ поcподала.

А отъ той середней глухой башни до наугольной, что отъ рѣки-жъ Харькова, по мѣрѣ городовыя стѣны 52 сажени.

Башня наугольная отъ рѣки жъ Харькова вверхъ по мѣрѣ 3 сажени безъ четверти, а обломовъ сажень, въ шатрѣ сажень съ четвертью; а той башнѣ поставлена пищаль желѣзная на станку, колеса и ось не окованы, а къ той пищали ядро въ 3 гривенки, а къ ней 38 ядеръ, а на той башнѣ кровля огнила и доловъ посволялось.

А отъ той наугольной башни до проѣзжей башни Чугуевскихъ воротъ по мѣрѣ городовыя стѣны 63 сажени, а въ той городовой стѣнѣ дождевою водою подмыло городовой стѣны на сажень косую.

Башня проѣзжая Чугуевская вверхъ по мѣрѣ до обломовъ 3 сажени безъ четверти, въ шатрѣ сажень; въ той проѣзжей Чугуевской башнѣ поставлена у воротъ пищаль желѣзная на станку, колеса и ось ветха, не окованы, а къ той пищали ядро въ 3 гривенки, а къ ней 39 ядеръ, а на той башнѣ кровля огнила и доловъ сволялось.

А отъ той проѣзжей башни Чугуевскихъ воротъ до наугольной башни, что отъ рѣки Лопина, по мѣрѣ городовыя стѣны 50 саженъ, да той же городовыя стѣны выломлено по мѣрѣ полтора сажени дождевою водою.

Башня наугольная отъ рѣки Лопина вверхъ по мѣрѣ до обломовъ 3 сажени безъ четверти, въ шатрѣ сажень; въ той башнѣ поставлена пищаль желѣзная на станку, колеса и ось не окованы, а къ той пищали ядро въ 3 гривенки, а къ ней 38 ядеръ, а на той башнѣ кровля погнила.

А отъ той наугольной башни до тайницкой башни по мѣрѣ городовыя стѣны 37 саженъ.

Башня тайницкая безъ обломовъ вверхъ по мѣрѣ полуторы сажени, на той тайницкой башнѣ кровли нѣтъ.

Тайникъ по мѣрѣ въ длину 16 саженъ, поперегъ $1^1/_2$ сажени, къ рѣкѣ Лопину въ томъ тайникѣ колодезь отъ дождевой воды занесло иломъ и пескомъ, воды нѣтъ, да подлѣ тайника по лѣвой сторонѣ дождевая вода вымыла яму.

А отъ той тайницкой башни до глухой башни по мѣрѣ городовыя стѣны 37 саженъ безъ четверти.

Башня глухая отъ рѣки Лопина вверхъ по мѣрѣ до обломовъ полутретья сажени, обломовъ сажень безъ четверти, въ шатрѣ сажень, на той башнѣ кровля огнила.

А отъ башни до проѣзжихъ воротъ, что къ рѣку Лопину ворота, по мѣрѣ городовыя стѣны 59 саженъ.

А ворота къ рѣкѣ Лопину сдѣланы по протокѣ, а на тѣхъ воротахъ нарубленъ верхъ и поставленъ на городовомъ острогѣ и на столбахъ шатромъ на шатрѣ кровля огнила.

А отъ тѣхъ воротъ до наугольной верхней башни Лопинской по мѣрѣ передовыя стѣны 14 саженъ съ четвертью.

Башня верхняя наугольная отъ рѣки Лопина вверхъ по мѣрѣ до обломовъ 2 сажени съ четвертью, а въ ней поставлена пищаль желѣзная на станку, станокъ и колеса и ось не окованы, а къ той пищали ядро въ 3 гривенки, а къ ней 39 ядеръ, на той башнѣ кровля огнила и опадала.

А отъ тое наугольныя Лопинской башни до проѣзжей башни Московскихъ воротъ по мѣрѣ городовыя стѣны 56 саженъ съ четвертью.

А городовой стѣны острогъ ставленъ рѣдко и во многихъ мѣстахъ развалялся и тарасы по опали и землею не насыпаны, а въ иныхъ мѣстахъ тарасы и не дѣланы, а острогъ вверхъ по мѣрѣ до обломовъ сажень, а обломовъ два аршина безъ четверти и обломы и катки во многихъ мѣстахъ погнили и обвалялись.

Да у троихъ городовыхъ воротъ 3 замка а къ нимъ 3 ключа да трои запоры желѣзные, а у двоихъ воротъ калитки съ затворы и съ запоры жъ желѣзными.

Да въ городѣ казенной погребъ дубовой полутретья сажни выходъ трехъ саженъ, а въ немъ великаго государя зелейныя казны восемь бочекъ большихъ и малыхъ, а въ нихъ по вѣсу пушечнаго и ручнаго пороху на Бѣлогородской казенной контарь каковъ присланъ изъ Бѣлогорода отъ окольничего и воеводы отъ князя Юрья Никитича Борятинскаго 70 пудовъ и съ деревомъ.

Да въ государевѣ жъ казенномъ погребѣ свинцу 35 пудовъ.

Изъ того числа пороху въ расходѣ при стряпчемъ и воеводѣ при Васильѣ Никитичѣ Торбѣевѣ въ разныхъ мѣсяцехъ и числѣхъ по большимъ вѣстямъ выстрѣляно изъ пушекъ и по памяти изъ бѣлагорода дано полевымъ промышленникамъ всего 2 пуда три гривенки.

А съѣзжая изба въ пожарное время сгорѣла въ 174 г а послѣ того взята изба на съѣзжую избу у Харьковскаго обывателя у Семена Песоцкова.

Да у съѣзжей избы стоитъ пищаль мѣдная полковая на станку, колеса ветхи, а къ той пищали ядро въ двѣ гривенки, а къ ней 20 ядеръ.

Да у казеннаго погреба поставлена пищаль желѣзная на станку безъ колесъ, станокъ не окованъ, а къ той пищали ядро въ 3 гривенки, а къ ней 37 ядеръ.

Да въ съѣзжей избѣ пищаль желѣзная затинная въ станку.

Да въ городѣ жъ вновь построенъ колодезь при стряпчемъ и воеводѣ при Васильѣ Никитичѣ Торбѣевѣ, а по мѣрѣ того колодезя стѣны по 2 сажени, въ глубину 10 саженъ, а въ немъ воды полтретья сажени, вода свѣжа.

Да около города ровъ въ глубину и ширину по сажени, тыномъ не оставленъ, и во многихъ мѣстахъ вода измыла подлѣ рва ставленъ честикъ въ однурядь набиванъ въ колоды дубовыя, а ставленъ на вертлюгахъ, починиванъ вновь при стряпчемъ и воеводѣ при Васильѣ Никитичѣ Торбѣевѣ.

Да подлѣ честика съ дву сторонъ города ставлены надолбы въ двѣ кабылины съ цѣпями во многихъ мѣстехъ надолбы погнили и опадали.

А отъ Чугуевской паугольной башни до Лопинской наугольной жъ башни въ городку что городовая стѣна подлѣ рва возлѣ честика надолобъ нѣтъ; а отъ наугольной Лопинскій нижней башни вверхъ по рѣкѣ Лопину до верхней Лопинской жъ башни рва и честика и надолобъ нѣтъ и не дѣланы.

Да къ старому жъ городу почать строитъ острогъ для воды, только тотъ острогъ не додѣланъ. А ставленъ тотъ острогъ стоячимъ дубовымъ тыномъ безъ обломовъ и безъ катковъ вверхъ помѣрѣ острожныя стѣны 2 сажени.

А помѣрѣ отъ стараго города отъ наугольной Чугуевской башни острожныя стѣны до проѣзжія башни до Никольскихъ воротъ 30 саженъ, а та башня Никольскія ворота недостроена.

А отъ тое башни отъ Никольскихъ воротъ до угла, что на углѣ иструбъ поставленъ, помѣрѣ острожныя стѣны 40 саж.

А отъ угла что поставленъ иструбъ до Троицкихъ воротъ по мѣрѣ острожныя стѣны 80 саженъ.

А башня въ тѣхъ Троицкихъ воротѣхъ не поставлена и ворота не сдѣланы проѣздъ простъ.

А отъ Троицкихъ воротъ внизъ по рѣчкѣ Нетечи до отводу по мѣрѣ острожныя стѣны 54 сажени безъ четверти, по середъ той острожной стѣны вода вымыла ровъ, надъ тѣмъ рвомъ стѣна рубленая.

А отъ отводу до проѣзжей башни до Рождественскихъ воротъ по мѣрѣ острожныя стѣны 11 саженъ съ четвертью, а та башня недодѣлана безъ верхи и безъ кровли и воротъ не сдѣлано-жъ.

А отъ той башни отъ Рождественскихъ воротъ острожныя стѣны пол-5 сажени до простого мѣста, а отъ простого мѣста по мѣрѣ пол-8 сажени.

А отъ того простаго мѣста острожныя стѣны рубленой 16 саженъ съ четвертью до наугольной башни Лопинской.

А въ острогѣ 6 колодезей копаныхъ, а въ нихъ воды мною, а вода свѣжа, а около того острога рва и честика и надолобъ нѣтъ.

Въ государевыхъ житницахъ хлѣба ржи и овса у Ѳомы Хрущова принято ржи 151 четверть съ четверикомъ, а овса 77 четвертей съ полуосминою.

Да по указу великаго государя и по письму изъ Бѣлагорода собрано при стряпчемъ и воеводѣ при Васильѣ Никитичѣ Торбѣевѣ съ русскихъ со всякихъ чиновъ людей собрано ржи 129 четвертей. Овса 64 четверти съ осминою.

Изъ того числа въ расходѣ хлѣба ржи и овса что по указу великаго государя изъ государевыхъ житницъ въ Харьковѣ роздано въ разныхъ мѣсяцехъ и числехъ въ отдаточную мѣру ржи роздано 274 четверти съ полуосминою.

А въ остаткѣ примѣрныя ржи 109 четвертей. А овесъ противъ приходу въ расходѣ весь, да сверхъ приходу примѣрнаго овса въ раздачѣ 20 четвертей таможенной отдаточной мѣры, а въ остаткѣ примѣрнаго овса 65 четвертей въ пріемную мѣру.

До указу великаго государя и пограмотѣ изъ разряду за приписью дьяка Ѳедора Грибоѣдова Харьковская таможня отдана на откупъ на

два года на нынѣшній на 175 и на 176 годъ до 77 году сентября от 1 числа туленину торговому посадскому человѣку Семену Васильеву сыну Осташеву, а откупу въ государеву казну давати ему Семену по 130 рублевъ по 21 алтыну по 3 деньги на годъ, и въ той отдачѣ и въ откупныхъ деньгахъ по немъ Семенѣ поручныя записи взяты и съ откупу подписныя печатныя пошлины съ него Семена взяты и о томъ къ великому государю къ Москвѣ писано и подписныя и печатныя пошлины въ печатной приказъ отосланы, а другая поручная запись о той же отдачѣ по немъ Семенѣ взята и подъ его Семеновою заручною челобитною въ Харьковѣ въ съѣзжей избѣ, а тѣ таможенныя откупныя деньги посылаются въ Бѣлгородъ. Да въ съѣзжей избѣ великаго государяграматы и памяти и отписки изъ Бѣлагорода и межевыя книги Харькова города и уѣзду ото всѣхъ городовъ межеванья стольника и воеводы Михайла Приклонскаго до книги жъ межеванья Харьковскаго уѣзду села Алипца черкасы межеванья бѣлогородскаго подьячаго Ѳотья Муратова, да книги жъ межеванья города Харькова и уѣзду отъ города Салтова межеванья стряпчаго и воеводы Василья Никитича Торбѣева да Салтова воеводы Изосима Маслова да книги жъ описныя шинкамъ и пивнымъ и виннымъ котламъ описи Ѳомы Хрущова не за рукою, а заручныхъ книгъ Ѳомы Хрущова нѣтъ, а списокъ съ тѣхъ Ѳоминыхъ книгъ и что новой описи стряпчаго и воеводы Василья Никитича Торбѣева за его рукою да книги жъ мельницамъ и толченымъ ступамъ да списки Харьковцамъ дѣтямъ боярскимъ и харьковскимъ полковымъ и мѣщанамъ и пашеннымъ черкасамъ и иныя всякія дѣла, а съ шинковъ и съ пивныхъ и съ винныхъ котловъ и съ мельницъ и съ толчей оброчныя годовыя деньги посылаются въ Бѣлгородъ, а въ Харьковѣ тѣмъ деньгамъ росходу нѣтъ, да въ съѣзжей избѣ 3 знамени два киндячныхъ, а третье крошенинное.

Да по указу великаго государя и по грамотамъ въ Харьковѣ въ съѣзжей избѣ подьячіе Елизарій Протопоповъ, Семенъ Бесѣдинъ, Иванъ Казанцевъ.

А въ Харьковѣ стрѣльцовъ и казаковъ и пушкарей и затинщиковъ и казенныхъ плотниковъ и кузнецовъ и розсыльщиковъ и палачей нѣтъ ни одного человѣка.

А въ съѣзжей избѣ у казеннаго погреба наемные сторожа 8 человѣкъ, наймаютъ всѣмъ городомъ погодно, да у городовыхъ воротъ воротниковъ наемные жъ 4 человѣка, наймаютъ погодно.

Да по указу великаго государя присланы изъ Бѣлогорода въ Харьковъ на кормъ государевыхъ трое жеребятъ.

Да по указу великаго государя писано изъ Бѣлогорода и присланъ въ Харьковъ стряпчаго Дмитрія Яблочкова бѣглый крестьянинъ Ивашка

Еремѣевъ, а велѣно по немъ Ивашкѣ въ Харьковѣ собрать поручныя записи, а будетъ по немъ поруки не будетъ и его велѣно до указу великаго государя посадить въ Харьковѣ въ тюрьму и по немъ Ивашкѣ поруки нѣтъ и онъ Ивашка до указу великаго государя посаженъ въ Харьковѣ въ тюрьму и нынѣ сидитъ въ тюрьмѣ.

Да въ Харьковскомъ уѣздѣ отъ города въ 10 верстахъ у ржаваго колодца на проходахъ отъ Муромскаго шляху поставленъ острожекъ, а въ томъ острожкѣ поставлена сторожевая башня съ клѣткою, а въ острожку 4 стѣны, а въ стѣнѣ по мѣрѣ по 20 саженъ, а вверхъ 2 саженъ безъ обломовъ и безъ катковъ и около острожку рва и честику и надолобъ нѣтъ и караулу нигдѣ въ томъ острожку нѣтъ.

А у того городка межъ лѣсовъ засѣчена засѣка на 200 саженъ и поставлены подлѣ засѣки ко ржавому колодезю надолбы въ двѣ кобылины съ цѣпами, а та засѣка и надолбы опали и огнили во многихъ мѣстахъ.

А что какихъ судныхъ и сыскныхъ дѣлъ пошлинъ на комъ взято и на какіе расходы тѣ пошлинныя деньги изошли и тому приходу и расходу въ Харьковѣ въ съѣзжей избѣ книги у подъячихъ за рукою стряпчаго и воеводы Василья Никитича Торбѣева у Елизарья Протопопова съ товарищи сбору при стряпчемъ и воеводѣ при Васильѣ Никитичѣ Торбѣевѣ пошлинныхъ и иныхъ никакихъ денегъ у росписки воеводѣ Льву Андрееричу Сытину не отдано ничего по тому, что противъ приходу всѣ въ расходѣ.

Списокъ харьковскимъ дѣтемъ боярскимъ 142 чел. Списокъ харьковскимъ полковымъ черкасамъ: сотникъ у него сотни полковыя черкасы 195 чел. Сотникъ и 245 чел. Сотникъ и 159 чел. Сотникъ и 262 чел. Пашенные крестьяне Харькова города, Сотникъ, 67 чел. Ротникъ мѣщанской и 107 чел. Сотня мѣщанская 96 чел. Сотня мѣщанская 120 чел. Сотня мѣщанская 76 чел. Сотня мѣщанскаа 72 чел. Сотня мѣщанская 268 чел. Мѣщане 18 чел. (Разр. прик. книга Бѣлгор. стола, № 56, л. 1—21.

Челобитная Харьковцевъ о воеводствѣ Гр. Грецова 1671 года.

Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу бьютъ челомъ холопи и сироты твои Харькова города и Харьковскаго уѣзду черкасы сотники и есаулы казачьи и пахотныхъ черкасъ и рядовые казаки и пахотные мужики всякихъ чиновъ люди всѣмъ городомъ. Въ прошломъ государь во 178 году по твоему великого государя..... указу присланъ къ намъ хо-

лопемъ и сиротамъ твоимъ съ Москвы воеводою Григореи Грецовъ 6 октября мѣсяцѣ въ 1 числѣ, г два года ему Григорью будетъ во 180 году въ октябрѣ-жъ мѣсяцѣ въ въ 1 числѣ, а служилъ онъ Григореи съ нами холопи и сиротами твоими не щадя головы своеи и не боясь страху противъ твоихъ государскихъ непріятелей измѣнниковъ воровскихъ Донскихъ казаковъ Леска Григорьева съ товарыщи и въ городѣ въ осадѣ съ нами холопи и сиротами твоими сидѣлъ и всякую нужу терпѣлъ да по твоему жъ вел. гос. указу и по отписке твоего государева боярина и воеводь князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго съ товарыщи велѣно ему жъ Григорью съ полковникомъ новой городъ строить и судомъ судить и расправу дѣлаеть межъ нами холопи и сиротами твоими въ правду и налогъ и обидъ намъ отъ него Григорья нѣтъ. Милосердый государь..... пожалуй насъ холопей и сиротъ своихъ вели государь но своей вел. гос. службѣ въ Харьковѣ ему Григорью по своему вел. гос. указу у насъ быть еще два года воеводою. Царь государь смилуйся пожалуй.

На оборотѣ: Къ сеи челобитной Харькова города Успенской протопопъ Захарей Филимоновъ вмѣсто Харькова города сотниковъ полковыя службы и козачьихъ есауловъ и пашенныхъ черкасъ сотниковъ и мужиковъ по ихъ велѣнью руку приложилъ.

Къ сей челобитной Харькова города Рожественской попъ Тимофей вмѣсто прихожанъ своихъ и дѣтей духовныхъ по ихъ челобитью руку приложилъ.

Къ сей челобитной Харькова города Благовѣщенской попъ Леонтій вмѣсто прихожанъ своихъ и дѣтей духовныхъ по ихъ челобитью руку приложилъ.

Къ сей челобитной Харькова города Троицкой попъ Леонтій вмѣсто Харьковскихъ черкасъ прихожанъ своихъ и дѣтей духовныхъ по ихъ челобитью руку приложилъ.

Къ сей челобитной Харькова города Никольской попъ Іаковъ вмѣсто Харьковскихъ черкасъ прихожанъ своихъ и дѣтей духовныхъ по ихъ челобитью руку приложилъ.

Къ сеи челобитной Харькова города Архангельской попъ Дмитреи вмѣсто Харьковскихъ черкасъ прихожанъ своихъ и дѣтей духовныхъ по ихъ челобитью руку приложилъ.

Къ сей челобитной Харьковскаго уѣзду села Деркачей Никольской попъ Діонисей Васильевъ вмѣсто Харьковскихъ черкасъ всего села Деркачей прихожанъ своихъ и дѣтей духовныхъ по ихъ челобитью руку приложилъ.

Къ сей челобитной Харьковскаго уѣзду села Даниловка Юрьевской попъ Сидоръ Ермолевъ вмѣсто Харьковскихъ черкасъ прихожанъ своихъ и дѣтей духовныхъ села Даниловки жителей всего села по ихъ челобитью руку приложилъ.

Къ сей челобитной Харьковскаго уѣзду села Циркунова Никольской попъ Евстафій Ивановъ вмѣсто Харьковскихъ черкасъ прихожанъ своихъ и дѣтей духовныхъ всего села Циркунова жителей по ихъ челобитью руку приложилъ.

Къ сей челобитной Харьковскаго уѣзду села Тишковъ Рождества Богородицы попъ Семіонъ Григорьевъ вмѣсто Харьковскихъ черкасъ прихожанъ своихъ и дѣтей духовныхъ всего села Тишковъ жителей по ихъ челобитью руку приложилъ.

Къ сей челобитной Харьковскаго уѣзда села Липця Покровской попъ Григорей Лаврентіевъ вмѣсто Харьковскихъ черкасъ прихожанъ своихъ и дѣтей духовныхъ всего села Липця жителей по ихъ челобитью руку приложилъ.

Къ сей челобитной Харьковецъ Ивашка Протопоповъ вмѣсто Харьковцовъ дѣтей боярскихъ городовые службы по ихъ челобитью руку приложилъ.

И по помѣтѣ какова на сей отпискѣ выше сего Харьковца сынъ боярской Ефремъ Ермолаевъ сынъ Ягуповъ да полковой есаулъ Романъ Өедоровъ которые пріѣхали къ Москвѣ изъ Харькова въ челобитчикахъ о Григорьѣ Грецовѣ съ отпискою боярина и воеводъ князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго съ товарыщи и съ заручною челобитною Харьковцовъ всякихъ чиновъ людей въ Разрядѣ допрашиваны впрямь-ли они всѣмъ городомъ объ немъ Григорьѣ великому государю бьютъ челомъ.

И по допросу они Ефремъ и Романъ сказали Харьковцы всякихъ чиновъ люди прислали ихъ съ заручною челобитною бить челомъ великому государю всѣмъ городомъ и уѣздомъ чтобъ вел. гос. пожаловалъ велѣлъ ему Григорью быть у нихъ въ Харьковѣ еще два года потому что онъ Григорей человѣкъ доброй и расправу межъ ими дѣлаетъ въ правду а налогъ и обидѣ никакихъ отъ него Григорья имъ нѣтъ а бьютъ де челомъ великому государю они о томъ впрямь а не затѣйкою.

На оборотѣ: Къ сему допросу Харьковецъ Ефремка Егуновъ руку приложилъ.

Къ сему допросу Харьковецъ полковой есаулъ Романъ Өедоровъ руку приложилъ.

Великому государю А. М. бьють челомъ Харькова города и Харьковскаго уѣзду черкаские сотники и есаулы и рядовые черкасы и пахотные мужики и всякихъ чиновъ люди всѣмъ городомъ.

Григорей де Грецовъ будучи у нихъ въ Харьковѣ росправу межъ ими дѣлаетъ вправду а налогъ и обидъ никакихъ отъ него Григорья имъ нѣтъ и въ смутное де время воровскихъ донскихъ казаковъ въ городѣ въ осадѣ съ ними сидѣлъ и всякую нужу терпѣлъ а нынѣ по указу великаго государя и по отпискѣ боярина и воеводъ князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго съ товарыщи велѣно ему Григорью съ полковникомъ строить новый городъ, и чтобъ великій государь пожаловалъ велѣлъ ему Григорью быть въ Харьковѣ воеводою еще 2 года.

А къ той челобитной руки приложили: Успенской протопопъ Захарей Филимоновъ вмѣсто Харьковскихъ сотниковъ полковые службы и казачьихъ есауловъ и пашенныхъ черкасъ сотниковъ и мужиковъ по ихъ велѣнью.

Рожественской попъ Тимофей вмѣсто прихожанъ своихъ и дѣтей духовныхъ.

Благовѣщенской попъ Левонтей вмѣсто прихожанъ своихъ и дѣтей духовныхъ.

Троицкой попъ Леонтей вмѣсто Харьковскихъ черкасъ прихожанъ своихъ и дѣтей духовныхъ.

Никольской попъ Іаковъ вмѣсто Харьковскихъ черкасъ прихожанъ своихъ и дѣтей духовныхъ.

Архангельской попъ Дмитрей вмѣсто Харьковскихъ черкасъ прихожанъ своихъ и дѣтей духовныхъ. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 783, л. 309—313).

Отписка о «прелестной» грамотѣ Донскихъ казаковъ 1671 года.

Государя царя .... Алексѣя Михаиловича .... боярину и воеводамъ князю Григорью Григорьевичу съ товарищи Григорій Грековъ Григорій Донецъ челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ во 179 году октября противъ 17 числа въ полночь прислали къ намъ въ Харьковъ съ Змѣева съ змѣевскимъ жителемъ донскіе воровскіе казаки Левко Григорьевъ свою воровскую прелестную грамоту за воровскою печатью ко мнѣ полковнику Григорью Донцу, и мы ту ихъ воровскую прелестную грамоту подъ сею отпискою послали къ тебѣ боярину и воеводамъ съ товарищи въ Бѣлгородъ съ бѣлгородскимъ станичникомъ съ Яковомъ Воронкинымъ того жъ числа и часу.

Отъ великаго войска Донскаго и отъ Алексѣя Григорьевича въ городъ Харьковъ полковнику Грицку и всѣмъ мѣщанамъ челобитье. Въ нынѣшнемъ во 179 году октября въ 15 день по указу великаго государя царя .... Алексѣя Михаиловича.... и по грамотѣ его великаго государя вышли мы великое войско Донское съ Дону Донцомъ ему вел. государю на службу потому что у него великаго государя царевичевъ не стало отъ нихъ измѣнниковъ бояръ. И мы великое войско Донское стали за домъ Пресвятые Богородицы и за его вел. государя и за всю чернь. И вамъ бы атаманомъ молодцомъ Грицко полковникъ со всѣми городовыми людьми и съ мѣщанами стать съ нами великимъ войскомъ Донскимъ заедино за домъ Пресвятые Богородицы и за его вел. государя и за всю чернь потому чтобъ намъ всѣмъ отъ нихъ измѣнниковъ бояръ въ конецъ не погинуть.

У подлиннаго письма назади: Къ сей грамотѣ великаго войска Донскаго атаманъ Алексѣй Григорьевичъ печать приложилъ. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 687, 393—394).

Отписка воев. Гр. Ромодановскаго о Донскихъ воровскихъ казакахъ 1671 года.

Государю царю... холопи твои Гришка Ромодановской съ товарыщи челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ государь во 179 году октября въ 19 день писали къ намъ х. т. полковники рейтарскаго строю Михайла Гоптъ да сумской Гарасимъ Кондратьевъ: октября—де въ 17 день пришли они съ твоими вел. государя ратными людьми своихъ полковъ въ городъ Печенѣги и воровскіе—де казаки увѣдавъ приходъ ихъ отъ Чугуева въ ближнихъ мѣстѣхъ взявъ съ собою пушку да бочку пороху и свинцу и хлѣбныхъ запасовъ изъ Чугуева побѣжали и они—де полковники Михаила Гоптъ да Гарасимъ Кондратьевъ съ твоими вел. государя ратными людьми пришли въ Чугуевъ октября жъ въ 17 день. И того жъ—де числа писали къ нимъ въ Чугуевъ изъ Харькова воевода Григорій Грековъ да полковникъ Григорій Донецъ октября жъ—де въ 16 день—въ послѣднемъ часу дни прибѣжалъ въ Харьковъ изъ села Мохначей черкашенинъ Якушка Дуканъ а въ распросѣ имъ сказалъ: сего жъ числа пришли воровскіе казаки въ Змѣевъ а изъ Змѣева—де хотѣли они приходить для воровства къ Харькову и подъ Марехву октября въ 17 числѣ, а Харьковскаго—де государь уѣзду жители въ городъ въ осаду не ѣдутъ—чинятся непослушны и въ приходъ—де воровскихъ казаковъ города имъ оберечь некѣмъ и они—де полковники Михайла Гоптъ да Гарасимъ

Кондратьевъ по письму Григорья Грекова да полковника Григорья Донца послали къ нимъ въ Харьковъ для береженья отъ воровскихъ казаковъ печенѣжскаго сотника съ казаками и своихъ полковъ ратныхъ людей, а чугуевскіе — де государь жители зѣло шатаются, да имъ же де полковникомъ сказалъ чугуевской приказной Семенъ Милковъ: многіе—де государь чугуевцы пошли съ ними жъ донскими казаками воровать и его—де Семена Милкова воровскіе казаки били и разграбили и покинули чуть жива. И мы х. т. писали къ стольнику и полковнику къ Григорью Косагову да къ Василью Многогрѣшному и къ полковникамъ къ Михаилу Гопту да къ Гарасиму Кондратьеву чтобъ они сшодчись вмѣстѣ надъ воровскими людьми чинили промыслъ и поискъ а что государь у нихъ полковниковъ съ воровскими казаками учинится, о томъ къ тебѣ вел. государю писать станемъ а мы х. т. съ твоими вел. государя ратными станемъ людьми въ Новомъ-Осколѣ и будетъ государь донскихъ казаковъ воровство станетъ росширятца и мы х. т. съ твоими вел. государя ратными людьми изъ Новаго-Оскола на тѣхъ воровскихъ казаковъ пойдемъ и промыслъ надъ ними чинить станемъ сколько милосердый Богъ помощи подастъ.

На оборотѣ: Чтена (Бѣлг. столъ. Столбецъ 687, л. 672—673).

Челобитная чугуевцевъ о службахъ 1674 года.

Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу бьютъ челомъ холопи твои чугуевцы дѣтишка боярскія и станичники и стрѣльцы и казаки и пушкари и воротники всѣмъ городомъ. Въ прошломъ государь во 153 году по твоему великаго государя указу въ Чугуевѣ полковую службу дѣтишекъ нашихъ и братьевъ и племянниковъ въ копейщики и въ рейторы и въ салдаты 152 чел., да въ прошлыхъ государь годахъ взято въ твою государеву въ полковую службу въ рейторы дѣтишекъ нашихъ и братьевъ 70 человѣкъ и всего государь взято въ Чугуевѣ въ твою государеву полковую службу въ копейщики и въ рейторы и въ салдаты 222 чел.

Да въ Чугуевѣ-жъ государь построили мы холопи твои два огорода виноградныхъ, да два арбузныхъ огородили дубовымъ тыномъ и тѣ огороды по вся годы почипиваемъ и твой государевъ виноградной садъ стережемъ и виноградъ и арбузы возимъ къ тебѣ великому государю къ Москвѣ, да на тѣ твои государевы виноградныя огороды мы холопи твои всѣмъ городомъ возимъ по вся годы тысячъ по 20 и больше колья, а на арбузные огороды на кровлѣ арбузовъ на гряды возимъ по вся годы

лубья, да мы жъ холопи твои работаемъ на твоихъ государевыхъ мѣльницахъ на рѣкѣ, Сиверскомъ Донцѣ заплоту прудимъ и лѣсъ возимъ безпрестанно, да мы жъ холопи твои стоимъ въ сотняхъ по 50 челов., а по вѣстямъ по 100 чел., да насъ же холопей твоихъ посылаютъ изъ Чугуева станичниковъ станицы по 2 и по 3 въ степь по сакмамъ до Царева-Борисова города и на вести въ Былыклею и въ Харьковѣ по 2 чел. въ городъ, да насъ же холопей твоихъ изъ Чугуева выборныхъ людей посылаютъ для сбора твоей государевой денежной казны на Валуйки на кружейной дворъ и въ таможню по 10 чел. переменячись погодно, да насъ же холопей твоихъ изъ Чугуевцовъ по твоему государеву указу взято на Маякъ на вѣчное житье съ женами и съ дѣтьми 50 чел., да мы жъ холопи твои построили въ Чугуевскомъ уѣздѣ двѣ твои государевы пасѣки и медъ и восковую сушь до Бѣлогорода возимъ да изъ насъ же холопей твоихъ выбрано въ пасѣчники на твои государевы пасѣки 10 чел, да на твоихъ государевы пасѣки посылаютъ насъ холопей твоихъ для досмотру пчелъ по 5 чел., да насъ же холопей твоихъ посылаютъ изъ Чугуева на твою государеву службу на Маякъ по 30 чел., а въ иныхъ твоихъ государевыхъ украиныхъ городахъ твоихъ виноградныхъ и арбузныхъ огородовъ нѣтъ, да мы жъ холопи твои по твоему государеву указу строили твои государевы городы отъ Чугуева въ ближнихъ мѣстахъ въ 20 верстахъ городъ Харьковъ, Змѣевъ, Салтовъ по 50 человѣкъ переменячись по мѣсячно, а городъ государь Чугуевъ, башни и острогъ вѣтхъ згнилъ и за малолюдствомъ строить вновь городъ намъ холопемъ твоимъ и виноградныхъ и арбузныхъ огородовъ не въ мочь. Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ пожалуй насъ холопей своихъ вели, государь, тѣхъ городовъ жилецкими людьми свой государевъ городъ Чугуевъ и виноградные и арбузные огороды съ нами холопи твоими строить вмѣстѣ что бъ намъ холопемъ твоимъ передъ иными твоими государевы городы отъ виноградныхъ и арбузныхъ огородовъ лишней работы не было и за малолюдствомъ въ лѣтнее время пашни не отбыть и въ конецъ не разориться. Царь государь, смилуйся.

На оборотѣ: подписи.

184 года Декабря въ 8-й день выписать.

И въ разрядѣ выписано:

По розбору думного дьяка Семена Титова съ товарищи 183-го году въ Чугуевѣ, въ Харьковѣ, въ Салтовѣ людей—въ Чугуевѣ полковыя службы копейщиковъ по розбору написано вновь отъ семей 5 чел., рейтаръ прежнихъ выборовъ 61 чел.; да во 183-мъ году по розбору написано:

вновь отъ семей рейтаръ 10 чел. всего прежнихъ и новыхъ рейтаръ 71 чел., солдатъ прежнихъ выборовъ 3 чел., солдатъ же написано по розбору вновь отъ семей 136 чел. и всего прежнихъ и новыхъ солдатъ 139 чел. всего полковыя службы ратныхъ людей 215 чел., у тѣхъ же вышеписанныхъ чиновъ дѣтей и братьи и свойственниковъ въ службу поспѣли 139 чел. недорослей 129 чел., въ малыхъ лѣтахъ 22 чел., старыхъ и увѣчныхъ 14 чел., всего 304 чел. Въ Чугуевѣ жъ въ городовой службѣ дѣтей боярскихъ 264 чел., станишниковъ 32 чел., стрѣльцовъ 105 чел., полковыхъ казаковъ 91 чел., пушкарей 32 чел., плотниковъ 16 чел., звѣриныя ловли, охотниковъ 4 чел., садовниковъ винограднаго и арбузнаго огородовъ 15 чел. всего 559 чел., въ домахъ у нихъ дѣтей и братій и свойственниковъ въ службу поспѣли 124 чел., недорослей 236 чел., въ малыхъ лѣтахъ 48 чел., старыхъ и увѣчныхъ 21 чел., всего 429 чел. и всего въ Чугуевѣ полковые и городовые службы всякихъ чиновъ служилыхъ людей 774 чел. въ домѣхъ у нихъ дѣтей и братій и свойственниковъ 733 чел. Въ Харьковѣ копейщиковъ 3 чел., рейтаръ прежнихъ выборовъ 57 чел. написано вновь отъ семей 13 чел., солдатъ прежнихъ выборовъ 85 чел., написано вновь отъ семей 9 чел. донскихъ, кормовыхъ казаковъ 14 чел., написано вновь 3 чел., всего полковыя службы ратныхъ людей 184 чел. у тѣхъ вышеписанныхъ чиновъ дѣтей и братіи и свойствениковъ въ службу поспѣли 88 чел. недорослей 117 чел. въ малыхъ лѣтахъ 45 чел., всего 250 чел., въ городовой службѣ служилыхъ людей дѣтей боярскихъ и пушкарей 116 чел., по разбору для старости и одиночества въ городовую службу написано изъ рейтаръ и изъ солдатъ 18 чел., да отъ семей 4 чел., изъ донскихъ казаковъ за старость 3 чел., изъ городовые службы за старость и за увѣчье отставлено 10 чел., всего 151 чел., въ домахъ у нихъ дѣтей и братіи и свойственниковъ въ службу поспѣли 11 чел., недорослей 55 чел., въ малыхъ лѣтахъ 32 чел., всего 98 чел. и всего полковыя и городовыя службы всякихъ чиновъ служилыхъ людей 335 чел., у нихъ дѣтей и братіи и свойственниковъ 348 чел. опричь черкасъ.

Въ Салтовѣ.

За воеводчиковъ 2 чел., сотенныя службы 1 чел., по розбору написано вновь; копейщиковъ 6 чел., рейтаръ прежнихъ выборовъ 51 чел., написано вновь 9 чел., и того 60 чел., солдатъ прежнихъ выборовъ 69 чел., написано вновь 10 чел., всего полковыя службы ратныхъ людей 148 чел., у тѣхъ же вышеписчаныхъ чиновъ дѣтей братіи и свойственниковъ въ службу поспѣли 74 чел., недорослей 47 чел., въ малыхъ

лѣтахъ 11 чел., старыхъ и увѣчныхъ 4 чел., 1 чел. малъ, всего 137 человѣка, въ городовой службѣ служилыхъ людей дѣтей боярскихъ 91 чел., для старости и одиночества въ городовую службу написано вновь изъ рейтаръ и изъ солдатъ 18 чел. всего 190 чел. въ домахъ у нихъ дѣтей и братіи и свойственниковъ въ службу поспѣли 36 чел., недорослей 48 чел., въ малыхъ лѣтахъ 5 чел., старыхъ и увѣчныхъ 2 чел., пушкарей 2 чел., недорослей 1 чел., всего 94 человѣка и всего салтавцевъ полковые и городовые службы 257. чел.; въ домахъ у нихъ дѣтей и братій и свойственниковъ 231 чел.; да въ городовой смѣтной росписи какову къ великому государю прислалъ въ розрядъ изъ Бѣлогорода окольничій и воевода Петръ Дмитревичъ Скуратовъ въ нынѣшнемъ во 184-мъ году января 9-мъ числѣ въ Змѣевѣ людей, дѣтей боярскихъ городовыя службы 28 чел., пушкарей 16 чел. черкасъ 22 чел., и того 66 чел., дѣтей ихъ и братей и всякихъ свойственниковъ 84 чел., всего 54 чел.

А во 169-мъ году ноября въ 11-мъ числѣ въ памяти въ розрядъ и съ приказу большаго дворца за приписью дьяка Андрея Селина написано:—указалъ великій государь построить въ Чугуевѣ 5 огородовъ или сколько доведется и на тѣхъ огородахъ садить арбузы, а что подастъ Богъ арбузовъ и тѣ арбузы присылать къ Москвѣ на ямскихъ подводахъ, а къ тому огороднику строенье взять изъ служилыхъ или изъ жилецкихъ людей всякихъ чиновъ охочихъ 5 чел., которымъ бы арбузное строенье за обычей было.

И ноября въ 16 день по тому великаго государя указу его государева грамота въ Чугуевъ къ Абакуму Іевлеву послана.

И въ прошломъ же во 171-мъ году октября въ 3-мъ числѣ къ великому государю писалъ изъ Чугуева воевода Алексѣй Огибаловъ, что по указу великаго государя и по грамотѣ изъ розряду построено въ Чугуевѣ подъ арбузы 5 огородовъ чугуевцы всякихъ чиновъ людьми. И въ томъ же во 171-мъ году іюня въ 13-мъ числѣ по указу великаго государя послана его великаго государя грамота въ Чугуевъ къ воеводѣ къ Алексѣю Огибалову а въ ней писано велѣно въ Чугуевъ для арбузнаго строенья учинить столько-жъ огородовъ сколько было напередъ сего и прежніе и новые огороды устроить и огородить чугуевцы градскими и уѣздными всякими людьми и садовникомъ приказать накрѣпко, чтобъ они арбузнымъ строеньемъ промышляли съ великимъ радѣньемъ не оплошно, чтобъ впредь къ Москвѣ арбузовъ присылать передъ прежнимъ съ прибавкою, а подводы подъ тѣ арбузы велѣно имать съ городовъ, которыя къ Чугуеву блиски съ Харькова съ Змѣева и Чугуевскаго уѣзду съ салтовскихъ и съ печенежскихъ черкасъ, да и въ Харьковъ

къ Еремѣ Сибилеву и въ Змѣевъ къ Семену Ководяеву великаго государя грамоты о томъ посланье, какъ изъ Чугуева Алексѣй Огибаловъ учнетъ писать о сборѣ и о присылкѣ изъ Харькова и изъ Змѣева подводъ и людей въ Чугуевъ и они бъ по той отпискѣ подводъ и людей сколько по его отпискѣ надобно собравъ отослали въ Чугуевъ безъ всякаго мотчанья.

И во 172-мъ году іюня въ 18-мъ числѣ къ великому государю писалъ изъ Чугуева воевода Иванъ Беклемишевъ, что арбузные огороды огородилъ дубовымъ тыномъ чугуевцы всякихъ чиновъ людьми, а въ томъ же во 172-мъ году октября въ 2-мъ числѣ по указу великаго государя и по грамотѣ изъ розряду прислано въ Чугуевъ изъ Кіева винограднаго вѣтья 2200 лозъ отъ чего заводится виноградъ, и виноградные мастеры 3 старца Ананья Куликовскій да Іоасафъ Митковской, а въ Чугуевѣ велѣно заводить имъ виноградъ.

И во 173-мъ году декабря въ 19-й день писали къ великому государю изъ Бѣлогорода бояринъ и воеводы князь Борисъ Александровичъ Рѣпнинъ съ тваръщи, что тѣ старцы били челомъ великому государю о мѣсячномъ корму, о деньгахъ и о запасѣ, а къ нимъ де боярину и воеводамъ о томъ государева указу не прислано.

И марта въ 24 день по той отпискѣ великаго государя указъ посланъ въ приказъ большаго дворца, велѣно тѣмъ старцамъ о государевѣ жалованьѣ о хлѣбномъ и о денежномъ его государевѣ указъ учинить въ томъ приказѣ, а что о томъ учинено и изъ приказу большаго дворца въ розрядъ не писано.

Да во 174-мъ году мая во 6-мъ числѣ писали къ великому государю изъ Бѣлогорода бояринъ жъ и воеводы: въ Чугуевѣ де на виноградной заводъ огородъ учинили и винограднымъ мастеромъ поставили келью чугуевцы всякихъ чиновъ людьми, а на огородѣ для работъ, работнымъ людемъ велѣли они быть безперестанно изъ градскихъ людей по 5 чел., да караульщиковъ по 2 чел.

А въ прошломъ же во 176-мъ году сентября въ 13-мъ числѣ по указу великаго государя послана его государева грамота въ Бѣлгородъ къ окольничему и воеводамъ ко князю Юрью Микитичу Борятинскому съ товарыщи, а въ ней писано: — по указу великаго гисударя посланы въ Бѣлгородъ для пчелинныя покупки пасѣчники Андрей Кураскинъ съ товарыщи 3 чел. А велѣно тѣмъ пасѣчникомъ на великаго государя пчелъ купить съ великимъ радѣньемъ, а деньги имъ на тое покупку велѣно давать изъ государевы казны въ Бѣлгородѣ изъ которыхъ доходовъ пристойно.

А въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ и гдѣ и многоль пчелъ купятъ и то все велѣно записывать въ книги, а что гдѣ пчелъ будетъ куплено и въ какову цѣну о томъ велѣно имъ окольничему и воеводѣ писать къ великому государю. И потому великаго государя указу тѣ пасѣчники пчелъ купили-ль и гдѣ и много-ль о томъ изъ Бѣлагорода окольничей и воеводы къ великому государю не писали.

И въ томъ же во 176-мъ году февраля въ 12-мъ числѣ тѣ пасѣчники Андрюшка Кураскинъ съ товарищи 3 чел. объявились на Москвѣ и подали роспись которыхъ городовъ и кто именно великому государю бьютъ челомъ пчелами безденежно и у которыхъ пчелы есть, а продажныхъ сказали нѣтъ. И въ той росписи написано:—великому государю бьютъ челомъ пчелами безденежно чугуевцовъ дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ и казаковъ 30 чел. 93 улья, да трои пчелы, пчелъ сказали есть, продажныхъ нѣтъ, чугуевцовъ 15 чел.

А въ письмѣ изъ денежного стола написано, что изъ Чугуева въ Бѣлгородъ воскъ возятъ ли или нѣтъ того не вѣдомо потому что пасѣки вѣдомы въ Бѣлогородѣ, а изъ Бѣлогорода присылаютъ къ Москвѣ медъ и воскъ пасѣчной, а на кружечной дворъ въ головы и въ цѣловальники выбираются изъ Чугуевцовъ дѣтей боярскихъ на Валуйку по 8 чел.

А въ чугуевской годовой смѣтной росписи какову къ великому государю прислалъ изъ Бѣлогорода окольничей и воевода Петръ Дмитревичъ Скуратовъ въ нынѣшнемъ во 184 году Января въ 9 день написано.

На сторожахъ бываютъ въ сотнѣ противъ татарскаго перелазу чугуевцовъ, дѣтей боярскихъ у казаковъ по 50 челов., а по вѣстямъ по 100 чел. перемѣняясь по недѣльно, да на вести посылаются въ Харьковъ, въ Змѣевъ, въ Булыклею, въ Царевъ-Борисовъ станичниковъ по 5 и по 2 чел., перемѣнѣясь по недѣльно. А нынѣ въ челобитной чугуевцовъ всякихъ чиновъ служилыхъ и жилецкихъ людей написано.

Въ прошломъ де во 183-мъ году по указу великаго государя и по розбору думнаго дьяка Семена Титова написано чугуевцовъ въ полковую службу дѣтей ихъ и брати и племянниковъ въ копейщики и въ рейтары и въ солдаты 152 чел. да въ прошлыхъ де годѣхъ взято въ полковую службу въ рейтары дѣтей же ихъ и брати 70 чел. да они жъ де въ Чугуевѣ построили два огорода виноградныхъ, да два арбузныхъ и огородили дубовымъ тыномъ и тѣ де огороды по вся годы починиваютъ и виноградной садъ стерегутъ и виноградъ де и арбузы возятъ къ Москвѣ, да на тѣ жъ де виноградные огороды возятъ они всѣмъ огородомъ по 20000 и больше колья, а на арбузные огороды на кровли арбузовъ на гряды лубья да они же де на государевыхъ мѣльницахъ на рѣкѣ на

Сѣверскомъ Донцѣ заплоту починиваютъ и лѣсъ возятъ безпрестанно, да ихъ жъ де посылаютъ на вѣсти въ Булыклею и въ Харьковъ по 2 чел., въ городъ, да они жъ де изъ Чугуева бываютъ, на Валуйкѣ для сбору государевы денежныя казны на кружечномъ дворѣ и въ таможнѣ по 10 чел. перемѣняясь по годно, да они же де въ Чугуевскомъ уѣздѣ построили двѣ государевы пасѣки и медъ и восковую сушъ до Бѣлогорода возятъ на своихъ подводахъ, да изъ нихъ же де выбрано въ пасѣчники 10 чел. да они жъ де на государевыхъ пасѣкахъ бываютъ для досмотру по 5 чел. да ихъ же де посылаютъ для государевы службы на Маякъ по 30 чел., а въ иныхъ-де бѣлогородскаго полку городахъ виноградныхъ и арбузныхъ огородовъ и пасѣкъ нѣтъ; да они жъ де по указу великаго государя строили городы отъ Чугуева въ 20-ти верстахъ Харьковъ, Салтовъ, Змѣевъ, по 50 чел. перемѣняясь по мѣсячно, а въ Чугуевѣ де—башни и острогъ згнили и за малолюдствомъ строить вновь города и виноградныхъ и арбузныхъ огородовъ имъ не въ мочь.

И великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу бьютъ челомъ чугуевцы дѣти боярскія и станичники и стрѣльцы и казаки и пушкари и воротники, чтобъ великій государь пожаловалъ, велѣлъ городъ Чугуевъ и виноградные и арбузные огороды съ ними строить вмѣстѣ харьковцамъ, салтовцамъ и змѣевцамъ, что бъ имъ передъ иными городами отъ виноградныхъ и арбузныхъ огородовъ лишнія работы не было и за малолюдствомъ въ лѣтнее время пашни не отбыть и въ конецъ не разориться.

А къ той челобытной руки приложили: протопопъ, да 2 попа вмѣсто прихожанъ своихъ и дѣтей и духовныхъ, а въ сколькихъ человѣкъ того не написано.

А по сказкѣ въ разрядѣ чугуевскаго пушкаря Ивашка Карлина, что отъ Чугуева Харьковъ и Змѣевъ по 20, а Салтовъ 30 верстъ.

Подъ текстомъ: Выписать къ великому государю въ докладъ на перечень, а людей писать однихъ городовой службы.

(Бѣлг. столъ. Столбецъ 438, л. 599—618).

Челобитныя служилыхъ людей о помѣстьяхъ 1675 года.

183 году февраля въ—день по указу великаго государя царя... Алексѣя Михаиловича... въ Харьковѣ на съѣзжемъ дворѣ думному дьяку Семену Титову харьковецъ рейтарскаго строю Григорьева полку Полтева Ермолъ Трофимовъ сынъ Монаевъ сказалъ по святей непорочной еван-

гельской заповѣди Господни еже ей-ей: великаго государя службу учалъ я служить въ рейтарѣхъ со 169 году, въ рейтары взятъ городовыя службы изъ дѣтей боярскихъ а государева жалованья помѣстной окладъ мнѣ 200 чети, денегъ съ городомъ 7 рублевъ: дѣтей у меня 2 сына— Антамошко 20 л., Тимошка 9 л. оба не въ службѣ, а братьевъ и племянниковъ и ближнихъ родственниковъ у меня и задворныхъ и дѣловыхъ людей нѣтъ; а государева жалованья помѣстная земля за мною въ Харьковскомъ уѣздѣ въ Рождественскомъ приходѣ въ селѣ Тишкахъ 30 чети, а крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ у меня и мельницъ и рыбныхъ ловель и оброчныхъ пожиточныхъ никакихъ угодій нѣть, и у государевыхъ дѣлъ въ городѣхъ на приказѣхъ нигдѣ не бывалъ, а во 182 и въ нын. во 183 годѣхъ на государевѣ службѣ въ полку съ бояринамъ и воеводою со княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ съ товарищи въ малороссійскихъ заднѣпрскихъ городѣхъ былъ я съ пріѣзду и до отпуску. То моя и сказка, а сказку писалъ по его Ермолову велѣнью московской стрѣлецъ Ильина приказу Богдановича Левшина Володька Михайловъ.

На оборотѣ: подпись.

183 году февраля въ 14 день по указу великаго государя царя... Алексѣя Михаиловича... въ Харьковѣ на съѣзжемъ дворѣ думному дьяку Семену Титову харьковецъ городовые службы сынъ боярской Прокофей Левоновъ сынъ Рыжковъ сказалъ по святой непорочной евангельской заповѣди Господни еже ей-ей: великаго государя городовую службу учалъ я служить со 176 году а въ городовую службу я взятъ вмѣсто отца своего Левона а государевымъ жалованьемъ помѣстнымъ и денежнымъ окладомъ я не верстанъ, а дѣтей и братьи и племянниковъ и ближнихъ родственниковъ и задворныхъ и дѣловыхъ людей за мною нѣтъ, а государева жалованья помѣстной земли за мною въ Харьковскомъ уѣздѣ въ Михайловскомъ приходѣ въ селѣ Бобояхъ 20 чети, а крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ за мною и мельницъ и рыбныхъ ловель и оброчныхъ пожиточныхъ угодій никакихъ нѣтъ и у государевыхъ дѣлъ въ городѣхъ на приказѣхъ нигдѣ не бывалъ, и въ прошломъ во 182 и въ нын. во 187 годѣхъ на государевѣ службѣ въ полку съ бояриномъ и воеводы со княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ съ товарищи въ малороссійскихъ городѣхъ не былъ потому что служу городовую службу. То моя и сказка а сказку писалъ по его Прокофьеву велѣнью харьковецъ Савка Бесѣдинъ.

На оборотѣ: Къ сей сказкѣ харьковецъ Ивашко Протопоповъ вмѣсто Прокофья Рышкова по его велѣнью руку приложилъ.

Царю государю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу бьетъ челомъ холопъ твой Харькова города копейщикъ Иванова полку Сасова Евтюшка Тимоѳеевъ сынъ Орловъ. По твоему великаго государя указу взятъ я х. т. въ рейтары со 166 году а изъ рейтаръ пожалованъ въ копейщики и службу тебѣ великому государю посамѣстъ на многихъ бояхъ и подо многими городами на приступехъ былъ всякую нужу и бѣдность терпѣлъ да ажъ х. т. съ бояриномъ съ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ взятъ былъ въ полонъ животъ свой мучилъ въ полону пол-третья годы, а по се число твоимъ государевымъ жалованьемъ помѣстнымъ и денежнымъ окладомъ не верстанъ; да я жъ х. т. на бою раненъ изъ лука въ правую бровь. Милосердый государь царь.... пожалуй меня х. с. за мою многую службишку за кровь и за рану и за полонное терпѣніе вели государь меня своимъ государевымъ жалованьемъ поверстать помѣстнымъ и денежнымъ окладомъ Царь государь смилуйся. (Бѣлг. стот. Столбецъ 752, лл. 9, 201, 298).

Челобитная Корсакова о представленіи ему должности воеводы въ Харьковѣ 1676 года.

Царю, государю и великому князю Ѳедору Алексѣевичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу бьетъ челомъ холопъ твой Оска Микитинъ сынъ Карсаковъ. Служилъ я холопъ твой блаженныя памяти отцу твоему государеву великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу многіе годы со 162 году въ полкѣхъ вашихъ государевыхъ бояръ и воеводъ въ Польской и въ Литовской и въ Нѣмецкой земляхъ во всѣхъ походѣхъ въ зимнихъ и въ лѣтнихъ и на всѣхъ бояхъ и на приступихъ съ пріѣздовъ и до отпусковъ былъ да я-жъ холопъ твой на вашей великаго государя службѣ въ Литовской землѣ на Мадиловскомъ бою раненъ да у меня жъ холопа твоего убито на вашихъ великаго государя службахъ на разныхъ бояхъ родственниковъ моихъ и братьевъ двоюродныхъ семь человѣкъ, а за тѣ свои службишки за кровь и за рану и за смерть побитыхъ родителей моихъ я холопъ твой ни у какихъ твоихъ государевыхъ дѣлъ на приказахъ и на воеводствахъ нигдѣ не бывалъ. Милосердый государь, царь и великій князь Ѳедоръ Алексѣевичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ пожалуй меня холопа своего за многія мои службишка за кровь и за рану и за смерть побитыхъ родителей моихъ, великій государь мнѣ быть на своей великаго

государя службѣ въ Харьковѣ на Андрево мѣсто Щербачева, а ему Андрею на воеводствѣ другой годъ. Царь, государь смилуйся.

На оборотѣ: 184 г. апрѣля въ 19 день государь пожаловалъ велѣлъ его отпустить какъ нынѣшнему минетъ два года. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 205, л. 330).

Челобитная о жалованьѣ сотника Демьянова 1679 года.

Царю государю.... Ѳеодору Алексѣевичу... бьютъ челомъ х. т. Харьковскаго полку казацкій сотникъ Ивашка Демьяновъ съ товарыщи 3 чел. Въ прошлыхъ государь годѣхъ служилъ х. т. отцу твоему государеву блаженные памяти великому государю царю... Алексѣю Михаиловичу... и тебѣ великому государю многіе годы всякіе ваши государскія службы на многихъ полевыхъ бояръ и на приступехъ и отводехъ я х. т. былъ и на тѣхъ бояхъ я х. т. бился за васъ великаго государя не щадя головы своей кровь свою проливалъ и многожды раненъ во многихъ мѣстѣхъ въ лѣвую ногу ниже берца изъ лука стрѣлою да весною по головѣ саблею по правой сторонѣ, а съ тѣхъ боевъ я х. т. многихъ крымскихъ языковъ приводилъ и тѣ языки отвезены въ Курскъ въ полкъ къ боярину и воеводомъ князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому съ товарыщи а въ нынѣшнемъ государь во 187 году какъ приходили подъ Харьковъ крымскіе татары изъ подъ Харькова были подъ Ольшаной и я х. т. на выѣздѣ Божіею помощію и твоимъ великаго государя счастьемъ многихъ орду билъ и многихъ полонныхъ людей всякихъ чиновъ и конныя и всякія скотинныя стада отбили а съ того бою я х. т. привелъ къ тебѣ великому государю 4 мужика крымскихъ татаръ взялъ своими руками и тѣхъ мужиковъ привезъ къ тебѣ великому государю къ Москвѣ въ Розрядъ да съ нами жъ х. т. присланъ съ Чугуева крымской татаринъ; а затѣмъ государь мои службишки за кровь и за раны и за приводные языки 7 мужиковъ крымскихъ татаръ я х. т. ничѣмъ твоимъ великаго государя жалованьемъ не взысканъ а которые государь братья были на твоей великаго государя службѣ и за такія службы наша братья твоимъ великаго государя жалованьемъ деньгами сукнами и соболми пожалованы, а я х. т. не пожалованъ. Милосердый государь царь.... пожалуй меня х. с. за многія мои службишки за кровь и за раны и за приводные языки крымскіе 7 мужиковъ вели государь намъ дать свое царьское жалованье противъ моей братьи и за поденной кормъ чѣмъ мнѣ х. т. съ кляченками своими саму-третью. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 1136).

Посылка пищалей гр. Донцу въ 1680 году.

Отъ царя и великаго князя Өедора Алексѣевича... боярину нашему и воеводѣ Петру Васильевичу Шереметеву. Въ прошломъ во 187 году по нашему великаго государя указу послана наша великаго государя грамота въ полкъ къ стольнику нашему и воеводамъ ко князю Якову Борятинскому съ товарищи велѣно послать изъ Бѣлагорода къ Харьковскому полковнику къ Григорью Донцу къ прежнему въ прибавку двѣ пищали полковыхъ мѣдныхъ. И по тому нашему государеву указу что учинено и къ намъ вел. государю князь Яковъ Борятинской о томъ не писалъ. И іюня въ 21 числѣ писалъ къ намъ вел. государю Харьковской полковникъ Григорій Донецъ: по тому-де нашему государеву указу наряду къ нему не прислано и въ полку у него наряду мало; а нынѣ-де твоему боярина нашего и воеводы товарищу генералу-поручику и воеводы Григорью Косагову велѣно взять къ себѣ въ полкъ изъ Чугуева походныхъ мѣдныхъ 4 пищали; и чтобъ намъ великому государю велѣть прибавить ему полковыхъ пищалей послѣ отпуску Григорья Косагова изъ того чугуевскаго наряду; а по перечневой росписи какову прислалъ въ Розрядъ Григорій Донецъ, въ полку у него на лицо наряду мѣдного 4, желѣзнаго 4-жъ пищали, въ томъ же числѣ 2 затинныя, а по годовой смѣтѣ нынѣшняго 188 году въ Чугуевѣ наряду мѣднаго 10, желѣзнаго 6 пищалей.—И какъ къ тебѣ ся наша великаго государя грамота придетъ, и ты бъ бояринъ нашъ и воевода писалъ отъ себя къ генералу-поручику и воеводѣ къ товарищу своему къ Григорью Косагову велѣлъ ему въ то число какъ отъ валоваго дѣла пойдетъ послать въ Харьковъ къ Григорью Донцу меньшихъ полковыхъ 2 пищали мѣдную да желѣзную а къ нимъ по 30 ядеръ; а въ которомъ числѣ посланы будутъ, и ты бъ бояринъ и воевода о томъ къ намъ великому государю писалъ, и каковы тѣ пищали мѣрою и вѣсомъ и ядра вѣсомъ же тому послалъ роспись за дьячьею приписью, а отписку и роспись велѣлъ подать въ Розрядѣ думному нашему дьяку Василью Семенову съ товарищи. Писанъ на Москвѣ лѣта 7188-го іюня въ 27 день.

(Бѣлгор. столъ. Столбецъ 1017, № 59—60).

Царскія награды Харьковскому полковнику Гр. Донцу и другимъ старшинамъ 1680 года.

Лѣта 7188 іюня въ 24 день по государеву... указу печатнику (имя) съ товарищи. Великій государь... пожаловалъ черкаскаго Харьковскаго

полку писаря Степана Дьякова за его службу и для иноземчества велѣлъ ему дать изъ Казеннаго приказу сукно полу-кармазиновое съ роспискою — помѣта о томъ думнаго дьяка Василья Семенова. И по государеву... указу печатнику (имя) съ товарищи учинить о томъ по указу великаго государя.

Лѣта 7188 іюня въ 24 день по государеву... указу боярину князю Ивану Борисовичу. Великій государь... пожаловалъ черкаскаго Харьковскаго полковника Григорья Донца за службу и за розборъ полку его черкасъ велѣлъ дать ему своего государева жалованья пару соболей цѣною въ—рублевъ изъ Сибирскаго приказу — помѣта о томъ думнаго дьяка Василья Семенова и послать къ нему тое пару полку его съ писаремъ съ Степаномъ Дьяковымъ, а въ Сибирскомъ приказѣ росписаться въ тѣхъ соболяхъ ему жъ Степану. И по государеву указу боярину князю Ивану Борисовичу учинить по его государеву указу.

188 г. іюня въ 24 день по государеву... указу взято въ Розрядъ суконнаго ряду у торговаго человѣка у Микифора Логинова сына Рукавкина сукна 5 ар. алаго цвѣту; и послано къ Харьковскому полковнику къ Григорью Донцу за его службу а за скорый разборъ полку его казаковъ того жъ полку съ писаремъ съ Степаномъ Дьяковымъ, а за то сукно по цѣнѣ деньги по рублю по 16 алт. по 4 деньги за аршинъ всего 7 руб. 16 алт. 4 деньги велѣно дать изъ розрядныхъ доходовъ—помѣта о томъ думнаго дьяка Василія Семенова.

(Бѣлг. столъ. Столбецъ 1017, № 41—42).

Документы о боѣ съ татарами харьковцевъ 1680 года.

188 г. сентября во 2 день къ великому государю... писали изъ Новаго Оскола стольникъ и воевода князь Яковъ Борятинской съ товарищи и прислали черкаскаго харьковскаго полковника Григорьева полку Донца съ полковымъ есауломъ съ Иваномъ Лейбою съ товарищи да съ новооскольскимъ съ копейщикомъ съ Степаномъ Свиридовымъ взятыхъ татаръ 22 чел.

А въ Разрядѣ есаулъ Иванъ Лейба про тѣхъ взятыхъ языковъ гдѣ они взяты и о тамошнихъ вѣдомостехъ роспрашиванъ а по допросу сказалъ: въ прошломъ во 187 году въ іюлѣ въ разныхъ числѣхъ приходили воинскіе люди татаровя многіе люди подъ Чугуевъ и подъ Харьковъ и подъ иные полевые городы, и харьковской—де полковникъ Григорей Донецъ полку его съ казаками съ тѣми воинскими людьми бились и ходили за ними въ походъ и дошедъ ихъ побрали многихъ и разогнали

по лѣсомъ, и которые де взятые языки нынѣ съ нимъ присланы и тѣхъ де всѣхъ взяли на тѣхъ бояхъ подъ городами подъ Булыклѣевкою подъ Сѣриковкою подъ Соколовымъ и въ иныхъ въ разныхъ мѣстѣхъ, а достальные де воинскіе люди побѣжали въ степь и нынѣ де ихъ въ полевыхъ городѣхъ нѣтъ, Григорей—де Донецъ съ полкомъ стоитъ на муравскомъ шляху въ урочищахъ у Перекопа для береженья, а съ тѣми—де со взятыми языки его Ивана онъ Григорей прислалъ въ Новой-Осколъ къ стольнику и воеводамъ ко князю Якову Борятинскому съ товарищи, а стольникъ—де и воевода князь Яковъ Борятинской прислалъ ихъ къ Москвѣ потому что—де онъ Иванъ съ товарищи на тѣхъ бояхъ были и бились.

188 году сентября въ 3 день великій государь царь... пожаловалъ черкаскаго харьковскаго полковника Григорьева полку Донца полковаго есаула Ивана Лейбу да казаковъ Ивана Иванова Софрона Аѳанасьева, Ивана Данилова за службу и за взятые языки и что прислано съ ними жъ изъ полку стольника и воеводъ князь Якова Борятинскаго съ товарищи взятыхъ татаръ 22 чел., велѣлъ имъ дать своего государева жалованья на пріѣздѣ въ приказъ на кормъ есаулу рубль, казакамъ по 16 алтынъ по 4 деньги человѣку изъ Разряду да съ дворцовъ ѣсть и пить довольно на три дни.

Подъ текстомъ: дать деньги съ роспискою а въ приказъ Большаго дворца послать память.

По сему великаго государя указу память и росписка о томъ послана.

Къ харьковскому къ Григорью Донцу за посылку и за бой съ воинскими людьми и за взятые языки пару жъ соболей цѣною въ 5 р.; да портище сукна алого 4 аршина по $1^1/_2$ руб. аршинъ.

Во 185 году острогожской Ѳедоръ Сербинъ былъ въ полку боярина и воеводъ князя Петра Ивановича Хованскаго съ товарищи въ Новомъ-Осколѣ; и во 186 году пріѣзжалъ къ Москвѣ полку своего съ урядники и ему съ урядники вопче всего 27 чел. на Москвѣ и въ дорогѣ вмѣсто ихъ и конскаго корму дано 35 руб.; да ему Ѳедору заслуженные мѣсяцы прошлыхъ годовъ какъ онъ былъ въ бѣлогородскихъ въ рейтарскихъ полкѣхъ въ ротмистрахъ за кормовыя деньги собольми изъ Сибирскаго приказу пару на 20 алтынъ.

Въ 186 году Григорій Донецъ былъ въ посылкѣ на Дону за размѣнною казною, и какъ изъ посылки съ Дону пришелъ и августа въ 5-мъ числѣ послано къ нему за ту донскую посылку со подьячимъ же сукно кармазинъ алой цѣною по 2 руб. съ четью аршинъ да пара соболей цѣною 6 руб.

Въ докладъ.

Съ прошлаго со 185 году по указу великаго государя... Θеодора Алексѣевича... его великаго государя жалованья Бѣлогородскаго полку черкаскимъ полковникомъ въ пріѣзды ихъ къ Москвѣ въ приказъ и за службы дачи учинены по статьямъ каковы ниже сего: во 185 году послѣ Чигринскаго походу были на Москвѣ полковники Сумской, Харьковской, ахтырской, и на пріѣздѣ давано имъ ѣствъ и питья съ дворцовъ довольно: да въ Приказъ дано — сумскому Гарасиму Кондратьеву съ товарищи 41 ч. всѣмъ вопче съ пріѣзду ихъ къ Москвѣ декабря съ 6-го числа впредь на 3 недѣли денегъ по 20 руб. на недѣлю; Харьковскому Григорью Донцу, ахтырскому Николаю Матвѣеву съ товарищи 76 челов. всѣмъ жъ вопче декабря съ 16 числа впредь на 2 недѣли денегъ 40 р., а на 3-ю недѣлю на полкъ по 15 руб., да на отпуску дано полковникамъ сумскому, харьковскому, ахтырскому по сукну кармазину по 4 аршина сукно цѣною по 2 руб. безъ гривны аршинъ; да по камкѣ рудожелтой кармазину по 10 аршинъ; да по 40 соболей цѣною по 30 р. сорокъ человѣку; дѣтемъ ихъ Гарасимовымъ Григорью да Андрею Григорьеву сыну Костантину по 4 арш. тафты алой, по парѣ соболей цѣною по 5 руб. пара; полковъ ихъ полковымъ есауломъ и писаремъ, бунчужникомъ, прапорщикомъ и хоружимъ и сотникомъ собольми жъ по парѣ человѣку цѣною по 3 руб. пара; сотеннымъ ясауломъ и писаремъ и хорунжимъ и обозникомъ и осадчикомъ вмѣсто паръ по 2 руб. соболь; рядовымъ казакомъ денегъ по рублю человѣку. Въ томъ же году къ нимъ же послапо съ Москвы—къ сумскому къ Гарасиму Кондратьеву за посылку что посылалъ полку своего казаковъ для провѣдыванья вѣстей въ заднѣпрскіе городы пара соболей цѣною въ 5 руб.; къ харьковскому къ Григорью Донцу за посылку и за бой съ воинскими людьми и за взятыя языки пара жъ соболей цѣною въ 5 руб. да портище сукна алаго 4 аршина по 1½ руб. аршинъ. Во 185 жъ году острогожской Θедоръ Сербинъ былъ въ полку боярина и воеводы князя Петра Ивановича Хованскаго съ товарищи въ Новомъ-Осколѣ, и во 186 году пріѣзжалъ къ Москвѣ полку своего съ урядники и ему съ урядники вопче всего 27 чел. на Москвѣ и въ дорогѣ вмѣсто ихъ и конскаго корму дано 35 руб.; да ему Θедору за заслуженные мѣсяцы прошлыхъ годовъ какъ онъ былъ въ бѣлогородскихъ въ рейтарскихъ полкѣхъ въ ротмистрахъ за кормовыя деньги собольми изъ Сибирскаго приказу на 81 руб. на 20 алтынъ.—Во 186 же году Григорій Донецъ былъ въ посылкѣ на Дону за размѣнною казною, и какъ изъ посылки съ Дону

пришелъ и августа въ 5 числѣ послано къ нему за ту донскую посылку съ подьячимъ сукно кармазинъ алой цѣною по $2^1/_4$ руб. аршинъ да пара соболей цѣною 6 руб.—Во 187 году февраля въ 18 числѣ за Чигиринскую службу 186 году послано изъ Розряду съ подъячимъ же—сумскому полковнику Гарасиму Кандратьеву сукна алаго кармазину портище 5 арш. по 2 руб. аршинъ да камки цвѣтомъ алой же 10 арш. цѣною по 23 алт. по 2 деньги; да сорокъ соболей цѣною въ 30 руб.—Да ахтырскаго полковника убитаго Миколаевѣ женѣ Матвѣева съ дѣтьми за службу и за смерть мужа ея а ихъ отца 3 пары соболей цѣною по 5 руб.

Во 187 году мая въ 30 числѣ присланъ въ Розрядъ изъ полку бояринъ и воевода Иванъ Богдановичъ Милославской съ товарищи харьковскаго полковника Григорья Донца съ сыномъ его Костянтиномъ съ товарищи взятыхъ крымскихъ и ногайскихъ языковъ 7 чел. которыхъ прислалъ къ нему боярину и воеводамъ харьковской полковникъ Григорій Донецъ; а взяли тѣхъ татаръ по его Григорьевымъ посылкамъ полку его казаки во 187 году за чертою въ полевыхъ городѣхъ; а съ нимъ Костянтиномъ съ тѣми жъ языки были на Москвѣ сотникъ 1 чел., полковой писарь 1 чел., казаковъ 4 чел. итого 6 чел.—И на пріѣздѣ дано имъ государева жалованья денегъ 2 р., да съ дворцовъ корму на недѣлю; да въ Приказъ полковникову сыну Костянтину денегъ 10 руб.; сукно полу-кармазиновое доброе портище тафты алой пара соболей въ 5 р.; товарищамъ его сотнику 1 чел. пара соболей цѣною въ 2 р., ему жъ сотнику и писарю денегъ по 2 руб. да по сукну аглинскому; рядовымъ казакамъ 4 чел. по рублю да по портищу сукна.

188 г. сентября въ 5 день великій государь.... пожаловалъ черкаскаго харьковскаго полковника Григорья Донца за бой въ тѣхъ приходѣхъ съ крымскими и съ нагайскими татары и за тѣ взятые языки велѣлъ послать свою великаго государя грамоту къ нему Григорью съ милостивымъ словомъ и съ похвалою и полку его казаковъ похвалить же, да къ нему же Григорью послать своего государева жалованья въ Приказъ сукна кармазину алаго 5 ар., камки желтой 10 ар., тафты алой 5 ар., пару соболей цѣною въ 5 руб., сукно и камку и тафту купивъ изъ Розряду, соболи изъ Сибирскаго приказу. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 1136).

Посылка есаула Ѳедора Васильева въ Москву съ челобитной въ 1682 году.

Царю государю... Ѳедору Алексѣевичу бьютъ челомъ холопи твои Харьковскаго Григорьева полку Донца полковой есаулъ Ѳедька Васильевъ

съ товарищи. По твоему великаго государя милосердому указу велѣно меня Өедьку поить и кормить, да у меня ужъ х. т. 2 лошадишки, и тѣхъ лошадишекъ кормить нечѣмъ—конскаго корму нѣтъ. Милосердый государь царь... пожалуй насъ холопей своихъ вели государь намъ свое государево жалованье корму и питья и конскаго корму чѣмъ дву клячишекъ кормить дать. Царь государь смилуйся.

На оборотѣ: Выписать.

Въ нынѣшнемъ во 190 году къ великому государю... прислалъ Харьковской полковникъ Григорій Донецъ полку своего есаула Өедора Васильева бить челомъ о розныхъ дѣлѣхъ.—И февраля въ 6 числѣ велѣно ему Өедору да съ нимъ казаку 1 чел. съ дворцовъ дать корму и питья на 3 дни, а въ Приказъ имъ на пріѣздѣ государева жалованья не дано. А во 188 году Ахтырскаго полку 8-ми городовъ черкасомъ которые били челомъ о Сенкѣ Ружинскомъ и о иныхъ дѣлѣхъ дано въ приказъ: сотникамъ 2-мъ атаману 1 чел. по $1^1/_2$ рубли; рядовымъ 44 чел. по рублю чел.; да съ дворцовъ корму и питья на 2 недѣли довольно. Во 189 году полатовскимъ атаману да есаулу на пріѣздѣ дано вопче денегъ 2 руб.; на отпуску атаману 5 руб., да вмѣсто сукна аглинскаго 2 руб., пара соболей въ 3 руб.; есаулу денегъ 2 руб. да вмѣсто сукна полу-аглинскаго денегъ $1^1/_2$ руб.

Подъ текстомъ: 190 г. февраля въ 9 день по указу великаго государя бояринъ князь Михайло Юрьевичъ Долгоруково съ товарищи слушавъ сей выписки приказали имъ дать на кормъ и въ дорогу есаулу 3 руб., казаку $1^1/_2$ руб. изъ Розряду съ роспискою.

190 г. февраля въ 9 день по указу великаго государя дать его государева жалованья черкасскаго Харьковскаго полку есаулу Өедору Васильеву да рядовому казаку Михаилѣ Иванову на кормъ и въ дорогу въ приказъ Өедору три, Михаилу $1^1/_2$ рубли изъ Розряду съ роспискою;—помѣта о томъ на выпискѣ дьяка Любима Домнина.

А напередъ сего при державѣ великаго государя царя... Алексѣя Михаиловича... его государева жалованья въ приказъ ему Григорью дано: во 185 году былъ онъ Григорій на Москвѣ, и декабря въ 23 день дано ему Григорью на отпуску сукно кармазинъ доброй камки кармазину жъ 10 арш. 40 соболей цѣною въ 30 рублевъ. Въ томъ же году къ нему жъ послано съ Москвы за посылку и за бои съ воинскими людьми и за взятые языки пара соболей цѣною въ 5 рублевъ да портище сукна алаго 4 ар. по $1^1/_2$ рубля аршинъ.

Во 186 году былъ онъ въ посылки на Дону съ посылкою съ размѣнною казною. И августа въ 5-мъ числѣ за ту донскую посылку по-

слано къ нему сукно кармазинъ-алой цѣною по 2 руб. съ 1/4 аршинъ.

...полку жъ своего съ казаками. А домъ его Григорьевъ и живетъ онъ и сынъ его Костянтинъ съ нимъ же вмѣстѣ въ новопостроенномъ городѣ въ Харьковѣ.

Лѣта 7190 февраля въ 17 день по государеву... указу боярину князю Юрью Алексѣевичу Долгоруково съ товарищи. Великій государь... указалъ съ его великаго государя грамотами въ Харьковъ къ полковникамъ послать того полку съ черкаскимъ есауломъ съ Ѳедоромъ Мураховскимъ съ товарищи 3 чел., а для той посылки о дачѣ имъ отъ Москвы до Бѣлагорода и до Харькова ямскихъ подводъ свой великаго государя указъ послалъ въ стрѣлецкій приказъ тебѣ боярину. И по государеву... указу боярину князю Юрью Алексѣевичу Долгоруково съ товарищи учинить о томъ по его великаго государя указу.

(Бѣлг. стол. Столбецъ 1017, л. 144—146).

Челобитныя о полковничествѣ Константина Донца 1682 года.

Государю царю.... Ѳеодору Алексѣевичу ... холопъ твой Петрушка Хованской челомъ бьетъ. Въ нын. во 190 году февраля въ 20 день били челомъ тебѣ великому государю... харьковскаго полку судья и полковой ясаулъ и старшина сотники и урядники и всего полку рядовые казаки а мнѣ х. т. въ Курску въ Разрядной избѣ челобитную ихъ за руками подалъ того жъ полку полковой писарь Василій Протасовъ, а въ челобитной ихъ написано: служили-де они отцу твоему государеву блаж. пам. великому государю... Алексѣю Михайловичу... многіе годы, а нынѣ служатъ тебѣ великому государю съ харьковскимъ полковникомъ съ Григорьемъ Донцомъ безпрестанно. И въ прошломъ-де во 189 году сентября въ 20 числѣ по твоему великаго государя указу велѣно ему Григорью построить на Изюмѣ городъ и въ тотъ городъ изъ украинскихъ городовъ призывать на вѣчное житье черкасъ, и онъ-де Григорій съ ними на Изюмѣ городъ построилъ и черкасъ человѣкъ съ 300 и больше на вѣчное житье призвалъ, а нынѣ-де онъ Григорій по твоему великаго государя указу хочетъ жить на Изюмѣ для береженья отъ приходу непріятельскихъ людей и призыванья въ тотъ городъ Изюмъ черкасъ же; и какъ-де онъ Григорій изъ Харькова на житье въ тотъ новопостроенной городъ Изюмъ пойдетъ, и имъ въ Харьковѣ безъ полковника быть немочно: и чтобъ ты вел. государь пожаловалъ ихъ за многіи службы полковника ихъ Григорья Донца велѣлъ у нихъ у одного полку въ Харьковѣ быть полковникомъ сыну его Григорьеву Костянтину. И

тое ихъ челобитную изъ Курска къ тебѣ великому государю... къ Москвѣ въ разрядъ послалъ я х. т. подъ сею отпискою марта въ 12 день съ Курскимъ подьячимъ съ Мирономъ Пузановымъ и велѣлъ ему явиться и отписку и челобитную подать въ разрядѣ боярину князю Михайлу Юрьевичу Долгоруково съ товарищи, а Харьковскаго полковника Григорья Донца за его къ тебѣ великому государю многія службы по челобитью полку, его старшины и всѣхъ казаковъ сыну его Костянтину въ Харьковѣ полковникомъ велѣлъ я х. т. быть до твоего великаго государя указу.

На оборотѣ: Выписать о томъ къ великому государю въ докладъ и каковъ о томъ указъ посланъ напередъ сего съ Григорьемъ Косаговымъ а которыхъ городовъ и какихъ чиновъ ратнымъ людемъ велѣно быть въ полку съ нимъ Григорьемъ и о высылкѣ ихъ въ города къ воеводамъ послать грамоты другія и впредь посылать почасту чтобъ ихъ высылать къ нему въ полкъ къ указанному сроку безъ всякаго переводу.

190 году марта въ 27 день Курскій подьячій Миронъ Пузановъ.

Царю государю... Ѳедору Алексѣевичу... (Бѣлг. столъ столбецъ 1017, л. 23—26). бьетъ челомъ холопъ твой Харьковской полковникъ Гришка Ерофеевъ сынъ Донецъ. Въ прошломъ во 189 г. сентября въ 20-й день по твоему великаго государя указу бояринъ и воевода князь Петръ Ивановичъ Хованской съ товарищи далъ мнѣ х. т. листъ а въ томъ листу написано велѣно мнѣ х. т. на Изюмѣ построить городъ большой и въ тотъ городъ призывать изъ украинныхъ городовъ черкасъ на вѣчное житье и дворами и всякими угодьи ихъ устроить и твоею великаго государя милостью обнадеживать что имъ черкасамъ изюмскимъ льготы въ твоей великаго государя полковой службѣ и во всякихъ податяхъ и въ подводахъ и всякихъ чиновъ пріѣзжимъ русскимъ людямъ и черкасамъ въ томъ городѣ Изюмѣ торговать безпошлинно и воеводамъ не быть на 10 лѣтъ. И нынѣ государь по твоему великаго государя указу тотъ городъ Изюмъ построенъ совсѣмъ и крѣпости учинены, а въ тотъ въ новопостроенной городъ Изюмъ призвалъ я х. т. на вѣчное житье черкасъ человѣкъ съ 300, и тѣ изюмскіе черкасы допрашиваются у меня на тотъ городъ Изюмъ твоей великаго государя милостивой обнадеживальной грамоты; а у меня х. т. такой твоей великаго государя грамоты нынѣ нѣтъ почему ихъ черкасъ твоею вел. государя милостью обнадеживать и призывать а какъ государь дана будетъ твоя вел. государя милостивая и обнадеживальная грамота, и по той твоей вел. государя милостивой и обнадеживальной грамотѣ въ новопостроенной городъ Изюмъ изъ укра-

инныхъ городовъ черкасъ призывать будетъ надежно и людей государь на житье пойдетъ много; а тотъ городъ Изюмъ построенъ въ самомъ пристойномъ мѣстѣ и украинѣ къ великой оборонѣ. Милосердый государь царь... пожалуй меня холопа своего вели свою вел. государя милостивую и обнадеживальную грамоту дать мнѣ холопу своему по чему бъ было въ тотъ новопостроенной городъ Изюмъ черкасъ впредь призывать и твоею вел. государя милостью обнадеживать и для призыванія черкасъ на житье и для промыслу надъ воинскими людьми вели государь мнѣ жить въ Изюмѣ а въ Харьковѣ вели государь быть сынишку моему Косткѣ. Царь государь смилуйся.

На оборотѣ: K sey czelobytnoy Alexandr Kulik Dowhomir wmisto charkowskoho polkownyka Hrihoria gerofiowa syna Donca po ieho weleniu ruku prylozyl.

190 г. февраля въ 7 день выписать.

В ъ д о к л а д ъ.

Въ прошлыхъ годѣхъ при державѣ блаженные памяти великаго государя за Бѣлогородскою чертою отъ крымскіе и отъ ногайскіе стороны по рѣкамъ по Сѣверскому Донцу и по Мжу и по Удамъ по Осколу построены многіе городы и населились въ нихъ черкасы многолюдствомъ, и было два черкаскихъ полковъ харьковской да булыклейской. А со 182 году у тѣхъ у обоихъ полковъ служитъ черкасской полковникъ Григорій Донецъ. А въ полку у него тамошнихъ 20-ти городовъ и слободъ полковые службы черкасъ 5055 чел.

Лѣта 7188 іюня въ 22 день по государеву ...указу боярину князю Василью Ѳедоровичу Одоевскому съ товарищи. Великій государь.... пожаловалъ черкаскаго харьковскаго полку писаря Степана Дьякова да съ нимъ казаковъ 6 чел. велѣлъ дать своего государева жалованья съ дворцовъ корму и питья на 2 дни довольно. И по государеву... указу боярину князю Василью Ѳедоровичу Одоевскому съ товарищи учинить о томъ по указу великаго государя.

Царю государю.... Ѳеодору Алексѣевичу бьютъ челомъ холопи твои харьковскаго полку судья и полковой есаулъ и вся старшина сотники и урядники и всего полку рядовые казаки. Служили мы х-т. блаженные памяти отцу твоему государеву великому государю... Алексѣю Михаиловичу... многіе годы, а нынѣ государь и тебѣ служимъ безпрестанно съ харьковскимъ полковникомъ съ Григорьемъ Донцомъ. И въ прошломъ государь во 189 году... ..тября въ 20 день по твоему вел. го-

сударя указу велѣно ему харьковскому полковнику Григорью Донцу построить на Изюмѣ городъ большой, и въ тотъ городъ Изюмъ изъ украинныхъ городовъ призывать на вѣчное житье черкасъ. И противъ твоего государева указу онъ полковникъ Григорій Донецъ съ нами холопи твоими тотъ городъ Изюмъ строилъ и въ тотъ государь новопостроенной городъ Изюмъ онъ полковникъ призвалъ и на вѣчное житье построилъ черкасъ человѣкъ съ 300 и больше; а нынѣ государь онъ полковникъ противъ твоего государя указу хочетъ быть на Изюмѣ для житья и для оберегательства отъ приходу непріятельскихъ людей того новопостроеннаго города Изюма и впредь въ прибавку для призывательства въ тотъ новопостроенной городъ Изюмъ изъ украинныхъ городовъ черкасъ; а какъ государь онъ полковникъ Григорій изъ Харькова на житье въ тотъ новопостроенной городъ Изюмъ пойдетъ, и намъ холопемъ твоимъ въ Харьковѣ безъ полковника быть немочно. Милосердый государь царь... пожалуй насъ холопей своихъ за его Харьковскаго полковника Григорья Донца многія службы вели государь быть у воднаго полку въ Харьковѣ полковникомъ сыну его Костянтину. Царь государь смилуйся пожалуй.

На оборотѣ подписи.

(Бѣлг. столъ. Столбецъ 1017).

Челобитная харьковцевъ черкасъ въ пользу воеводы Салова 1685 г.

Царемъ государемъ... Іоанну Алексѣевичу Петру Алексѣевичу.... бьютъ челомъ холопи ваши харьковцы городовые службы черкасы войтъ Моисѣйка Ильинъ да сотники Ивашка Погребнякъ, Якушка Захарковскій Данилка Малинка, Васька Слинченко, Лунка Васильевъ да цехмистры Васка Помазынъ, Аѳонька Здаровецъ, Мартинка Ивановъ, Лавринка Васильевъ, Гераска Ивановъ всѣмъ городомъ до одного человѣка. По вашему великихъ государей указу велѣно быть у насъ въ Харьковѣ воеводою Фотѣю Елизарьеву сыну Салову, и въ нын. государи во 193 году бьютъ челомъ вамъ великимъ государемъ а въ Курску боярину и воеводѣ князю Михайлу Андреевичу Голицыну съ товарищи харьковцы русскіе люди Лучка Кузнецовъ съ товарищи на него воеводу подавалъ челобитную будто онъ воевода изъ русскихъ людей Лучку Кузнецова съ товарищи билъ и мучилъ и въ тюрьму и въ колоду сажалъ безвинно деньги и лошади и всякую скотину съ нихъ русскихъ людей ималъ насильно, и то они русскіе люди Лучка Кузнецовъ съ товарыщи вамъ великимъ государемъ на него воеводу бьютъ челомъ ложно а въ тюрьму

ихъ русскихъ людей Лучку Кузнецова съ товарищи воевода сажалъ за воровство, а съ насъ х. в. городовые службы съ черкасъ денегъ и лошадей и всякой скотины воевода насильно неималъ и обидъ и налогъ никакихъ не чинилъ и намъ х. в. отъ такихъ воровъ отъ русскихъ людей отъ Лучки Кузнецова съ товарищи въ Харьковѣ быть стало невмочь потому что у насъ х. в. отъ ихъ воровства лошади пропадаютъ на дворѣхъ изъ клѣтей платье и всякую рухлядь крадутъ: и противъ ихъ ложнаго челобитья пріѣзжаютъ изъ Курска въ Харьковъ сыщики сыскивать про воеводу и тѣ сыщики ставятся на нашихъ дворишкахъ и занимаютъ наши дворишки на съѣзжіе и на постоялые дворы и на тѣ съѣзжіе и на постоялые дворы емлютъ насъ х. в. на сторожу и берутъ съ насъ х. в. всякую харчь и напитокъ и бумагу и чернила, и отъ того намъ х. в. чинится обида и налога большая. Милосердые государи цари... пожалуйте насъ х. в. не велите государи ихъ ложному челобитью повѣрить и сыщиковъ въ Харьковъ посылать и про воеводу сыскивать, чтобъ намъ х. в. отъ такихъ воровъ отъ Лучки Кузнецова съ товарищи въ конецъ не разориться и въ разные городы не розбрестись. Цари государи смилуйтеся пожалуйте.

На оборотѣ подписи.

193 г. августа въ 23 день государи пожаловали велѣли Фотѣя Салова изъ того города перемѣнить учинить о томъ указъ думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи.

По сему великихъ государей указу послать ихъ государская грамота въ Курскъ въ полкъ къ боярину и воеводѣ ко князю Михайлу Андреевичу Голицыну чтобъ онъ изъ Курска на его мѣсто послалъ кого иного а его отпустилъ къ Москвѣ безъ задержанья.

Отъ царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича... въ Курскъ боярину нашему и воеводѣ князю Михайлу Андреевичу Голицыну. По нашему великихъ государей указу Фотѣю Салову въ Харьковѣ быть не велѣно; а на его мѣсто до нашего великихъ государей указу велѣно послать иного. И какъ къ тебѣ ся наша великихъ государей грамота придетъ, и ты бъ бояринъ нашъ и воевода князь Михайло Андреевичъ въ Харьковъ на Фатѣево мѣсто Салова изъ Курска послалъ кого пригожъ, и велѣлъ его Фатѣя перемѣнить безсрочно и во всемъ имъ расписаться а росписався его Фотѣя съ росписнымъ спискомъ выслать къ Москвѣ безъ задержанья а въ которомъ числѣ и кто именемъ въ Харьковъ на Фотѣево мѣсто Салова посланъ, и онъ Фотѣй къ къ Москвѣ отпущенъ будетъ, о томъ къ намъ великимъ государемъ писалъ а отписку и росписной списокъ велѣлъ подать и Фотѣю Салову

явиться въ Розрядѣ думному нашему дьяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи. Писанъ на Москвѣ лѣта 7193-го августа въ 24 день.

Такова за приписью дьяка Перфилья Оловеникова отнесъ къ думному дьяку къ Ѳедору Шакловитому подьячій Алексѣй Кузьминъ. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 1175, л. 436—439).

Справка Харьковскаго полковника Конст. Донца 1685 года.

Царемъ государемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу Петру Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцемъ бьетъ челомъ холопъ вашъ Харьковскаго полку полковникъ Костька Григорьевъ сынъ Донецъ; въ прошломъ государи во 190 году февраля въ 20 день по указу блаженныя памяти брата вашего государева великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца и по наказу изъ Курска боярина и воеводы князь Петра Ивановича Хованскаго съ товарищи за многія службы отца моего харьковскаго полковника Григорья Ероѳеева сына Донца и за мои службы велѣно мнѣ холопу вашему быть у того жъ харьковскаго уводнаго полку въ полковникахъ. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 1031).

Сказка полк. харьковскаго полка К. Донца 1685 года.

193 году генваря въ 15-ый день роспись Харьковскаго полку старшинѣ и рядовымъ казакомъ: полковникъ Костянтинъ Григорьевъ сынъ Донецъ; обозной полковой Иванъ Петровичъ сынъ Петровской.— Сотники: Степанъ Андреевъ сынъ Дяковъ, Григорій Павловъ сынъ Капустянской, Яковъ Семеновъ сынъ Ковалевской, Аксенъ Васильевъ сынъ Ковалевъ, Захарка Протопоповъ сынъ Оскольской, Михайло Осиповъ, Семенъ Мироновъ. Хоружіе сотенные: Игнатъ Ивановъ, Ермола Алексѣевъ, Лукьянъ Михайловъ.

Рядовые казаки: Иванъ Вертелецкій, Петръ Таранъ, Иванъ Алексѣевъ, Иванъ Яковлевъ, Семенъ Григорьевъ, Иванъ Бандуристый, Иванъ Бишкинскій, Хведоръ Осиповъ, Семенъ Степановъ, Василь Михайловъ, Грицко Бутъ, Назаръ Матвѣевъ, Иванъ Лукьяновъ, Гордѣй Андреевъ, Лука Васильевъ, Иванъ Ивановъ.

193 году генваря въ 25 день харьковской наказной полковникъ Костянтинъ Донецъ сказалъ: во 190 году по наказу изъ полку

князя Петра Хованскаго по челобитью харьковскаго полку урядниковъ и казаковъ велѣно мнѣ быть у того жъ полку въ полковникахъ до указу жить на Изюмѣ; а нынѣ я по отпуску изъ полку боярина и воеводъ Алексѣя Семеновича Шеина съ товарищи пріѣхалъ къ Москвѣ побить челомъ великимъ государемъ о справкѣ того своего полковничья чину съ вѣдома отца своего харьковскаго полковника Григорья Донца, да и отецъ мой Григорій о томъ моемъ полковничествѣ челобитчикъ же потому что онъ живетъ въ Харьковѣ а я живу на Изюмѣ и съ вѣдома его въ походы за воинскими людьми хожу и тамошнихъ мѣстъ оберегаемъ и полку своего старшину и казаковъ вѣдаемъ вопче.

На оборотѣ: Къ сей сказкѣ харьковской наказный полковникъ Костянтинъ Донецъ руку приложилъ.

.... Софія Алексѣевна слушавъ сей выписки пожаловали харьковскаго полковника Костянтина Донца и товарищей его и рядовыхъ казаковъ велѣли имъ дать своего государева жалованья въ Приказъ на отпуску— полковнику сукна кармазиноваго дикаго цвѣту портище 5 аршинъ камки кармазину жъ 10 аршинъ, соболей сорокъ въ 30 рублевъ да пару въ 10 рублевъ; полку его урядникомъ по парѣ соболей, обозному въ 3 рубли, сотникомъ, 7 хоружимъ сотеннымъ 3 чел. по 2 рубли пара человѣку, рядовымъ казакомъ 16 чел. денегъ по рублю. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 1031).

Челобитная настоятеля Куряжскаго мон. 1687 г.

Великимъ государемъ царемъ... бьютъ челомъ богомольцы ваши Харькова города Преображенскаго монастыря архимандритъ Іоасафъ съ братьею. Въ прошлыхъ государи годѣхъ построено ваше великихъ государей богомолье полковникомъ харьковскимъ и градскими людьми, а въ томъ монастырѣ построена церковь во имя Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа да другая церковь построена святаго великомученика Георгія отъ города Харькова въ 6 верстахъ, и въ томъ государи монастырѣ насъ богомольцовъ вашихъ братьи человѣкъ съ 40, питаться намъ богомольцамъ вашимъ нечѣмъ, крестьянъ и сѣнныхъ покосовъ за тѣмъ монастыремъ ничего нѣтъ, питаемся Христовымъ именемъ и трудами своими, а есть государи близь того вашего великихъ государей богомолья сельцо небольшое Синолицовка да деревенька Гавриловка да другое сельцо Песочинъ а къ нему деревенька Каротичъ, а въ тѣхъ государи сельцахъ и деревенькахъ живутъ черкасы и схожіе люди съ того боку Днѣпра и изъ иныхъ многихъ городовъ

вновь строятся. Милосердые великіе государи цари... пожалуйте насъ богомольцовъ своихъ для Спаса и Пречистые Богородицы и для своего великихъ государей многолѣтнаго здравія тѣми сельцами Синолицовкою да сельцомъ Песочнымъ да деревенькою Гавриловкою Коротичиною на строеніе вашего великихъ государей богомолья того монастыря и на всякое монастырское строеніе а намъ богомольцамъ вашимъ на пропитаніе. Великіе государи смилуйтеся.

На оборотѣ: 195 г. ноября въ 28 день великіе государи пожаловали велѣли о томъ выписать и доложить себя государей думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову учинить по сей помѣтѣ.

Въ докладъ.

Со 187 году по указу блаженные памяти великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца отъ прежніе черты отъ Усерда черезъ Калміюскую сакму къ Полатову и къ Валуйкѣ и къ Цареву-Борисову, и отъ Царева-Борисова черезъ Муромскую сакму до рѣчки и городка Коломка полемъ и рѣками и лѣсами учинена новая черта. А въ тѣ мѣста велѣно харьковскому полковнику Григорью Донцу призывать на вѣчное житье изъ городовъ Сумскаго и Ахтырскаго и своего харьковскаго полковъ неслужилыхъ черкасъ и льготы имъ во всякихъ податяхъ и въ службѣ давать на 15 лѣтъ. И великихъ государей грамоты о томъ посланы- де къ нему во 190 и во 192 годѣхъ.

И нынѣ великимъ государемъ царемъ.... бьютъ челомъ Харькова города Преображенскаго монастыря архимандритъ Іоасафъ съ братьею: въ прошлыхъ—де годѣхъ отъ города Харькова въ 6-ти верстахъ устроенъ монастырь Преображенія Господня, а въ томъ монастырѣ братьи съ 40 ч. питаются своими трудами, а крестьянскихъ—де дворовъ и сѣнныхъ покосовъ за тѣмъ монастыремъ нѣтъ, а въ Харьковскомъ же—де уѣздѣ на дикомъ полѣ отъ того Преображенскаго монастыря въ верстѣ или въ 1½ вер. сельцо Синолицовка да деревня Гавриловка, сельцо Песочинъ да деревенька Коротичь поселились вновь и изъ-за Днѣпрскихъ и изъ иныхъ новоприхожіе черкасы. И великіе государи пожаловали бъ ихъ велѣли тѣ сельца и деревеньки со всѣми угодьи дать имъ на строеніе того монастыря и имъ на пропитаніе. А по его архимандритовѣ сказкѣ тѣ сельца и деревеньки отъ того монастыря въ верстѣ и въ 1½ верстѣ, а въ нихъ—де жителей съ 50 дворовъ, а въ полковой—де и въ городовой службѣ они не написаны, и они—де архимандритъ съ братьею о тѣхъ черкасѣхъ великимъ государемъ бьютъ челомъ свѣдома харьков-

скаго полковника Григорья Донца для того что—де тотъ монастырь по совѣту съ градскими людьми строилъ онъ полковникъ и въ томъ монастырѣ вкладчики. И великіе государи цари... о томъ что укажутъ. А Бѣлогородскаго полку въ черкаскихъ городѣхъ за монастыри и за церковники новоприхожіе черкасы приходя селятся собою и живутъ безъ крѣпости повольно по ихъ черкаской обыкности, а изъ Розряду на такихъ черкасъ крѣпостей не давано.

Подъ текстомъ: 192 году декабря въ 12 день великіе государи указали послать грамоту въ Харьковъ къ приказному человѣку чтобъ онъ того сельца съ деревнями жителей переписалъ въ которыхъ городѣхъ и изъ которыхъ городовъ они въ тѣ сельцо и деревни пришли и поселились и сколько у кого дѣтей и братьи и племянниковъ и иныхъ свойственниковъ которые съ ними живутъ въ однихъ дворѣхъ и на какихъ земляхъ поселились и отъ города и отъ монастыря въ сколькихъ верстахъ и съ кѣмъ то сельцо и деревеньки смежны и многоль подъ ними земли и покосовъ и лѣсовъ и всякихъ угодій и въ службѣ или съ мѣщаны они у полковника у Григорья Донца и у сына его у Костянтина написаны ль или не написаны, будетъ не написаны и нынѣ кто ими владѣетъ и впредь имъ мочноль полковая или городовая служба служить или зачѣмъ немочно и будетъ имъ за монастыремъ быть и отъ него Григорья и отъ сына его челобитья не будетъ ли, и о томъ у нихъ полковниковъ взять сказку за ихъ руками да о томъ писать въ розрядъ и полковничью сказку и переписныя книги прислать.

Отъ великихъ государей царей.... въ Харьковъ воеводѣ нашему Василью Ивановичу Сухотину. Били челомъ намъ великимъ государемъ Харькова города Преображенскаго монастыря архимандритъ Іоасафъ съ братьею въ прошлыхъ де годѣхъ отъ города во 6 верстахъ устроенъ монастырь Преображенія Господня, а въ томъ—де монастырѣ братіи съ 40 чел. питаются своими трудами, а крестьянскихъ—де дворовъ и сѣнныхъ покосовъ за тѣмъ монастыремъ нѣтъ, а въ Харьковскомъ же—де уѣздѣ на дикомъ полѣ отъ того Преображенскаго монастыря въ верстѣ и въ полторѣ сельцо Синолицовка да деревня Гавриловка сельцо Песочинъ да деревенька Коротичь поселились вновь изъ заднѣпрскихъ и изъ иныхъ городовъ новоприхожіе черкасы; и намъ великимъ государемъ пожаловать бы ихъ велѣть тѣ сельца и деревеньки со всѣми угодьи дать имъ на строенье того монастыря и на пропитаніе братьи.

И какъ къ тебѣ ся наша великихъ государей грамота придетъ, и ты бъ въ тѣхъ сельцахъ и въ деревняхъ жителей переписалъ всѣхъ по имяном съ отцы и съ прозвищи и въ которыхъ годѣхъ и изъ которыхъ

городовъ они въ тѣ сельца и деревни пришли и поселились и сколько у кого дѣтей и братьевъ и племянниковъ и всякихъ свойственниковъ которые съ ними живутъ въ однихъ дворѣхъ и на какихъ земляхъ и въ сколькихъ верстахъ отъ города и отъ монастыря они поселились и съ кѣмъ тѣ сельца и деревни смежны и многоль подъ ними земли и сѣнныхъ покосовъ и лѣсовъ и всякихъ угодій, а у харьковскихъ полковниковъ у Григорья Донца и у сына его Костянтина взялъ сказку—тѣхъ селъ и деревень жители въ полковой службѣ или съ мѣщаны у нихъ полковниковъ написаны ль или не написаны, будетъ не написаны, кто тѣми сельцами и деревнями нынѣ владѣетъ и впредь полковая или городовая служба служить имъ мочно ль или зачѣмъ не мочно; и будетъ тѣхъ селъ и деревень жителямъ за тѣмъ Преображенскимъ монастыремъ быть, и отъ нихъ полковниковъ намъ великимъ государемъ челобитья не будетъ ли.

Великимъ государемъ царемъ.... бьетъ челомъ богомолецъ вашъ Харьковскаго Преображенскаго монастыря архимандритъ Іоасафъ съ братьею. Въ нынѣшнемъ государи во 195 году пріѣхалъ я богомолецъ вашъ къ вамъ великимъ государемъ къ Москвѣ для всякихъ монастырскихъ нуждъ. Милосердые великіе государи.... пожалуйте меня богомольца своего велите государи подо всякую церковную монастырскую вашего великихъ государей жалованную утварь и намъ богомольцамъ вашимъ дать подводы до города Харькова, великіе государи смилуйтеся пожалуйте.

На оборотѣ: 195 г. декабря въ 29 день великіе государи пожаловали велѣли имъ подъ тое церковную утварь дать отъ Москвы до Харькова 3 подводы и о томъ изъ розряду въ ямской приказъ послать память указъ о томъ учинить думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи.

Учинить по сему великихъ государей указу.

195 г. генваря въ 7 день по указу великихъ государей.... Харькова города Преображенскаго монастыря архимандриту Іоасафу съ братьею и подъ церковную утварь отъ Москвы до Харькова даны ямскія три подводы; а по подорожной изъ ямскаго приказу на тѣ подводы прогонныхъ денегъ 2 руб. 24 алт., 5 денегъ довелось дать изъ розряду.

(Бѣлг. столъ. Столбецъ 1269, л.л. 214—219, 263—264).

Приказъ Великія Россіи 1688 года.

Списокъ выписки слово въ слово.

Октября въ 14 день нынѣшняго 196 году по указу великихъ государей царей.... Бѣлогородскаго полку черкасскихъ полковъ сумскаго

ахтырскаго харьковскаго полковниковъ и тѣхъ полковъ городы и въ нихъ воеводъ и приказныхъ людей и черкасъ полковые и городовые службы, а острогожскаго полку полковника и полковые службы черкасъ службою и всякими дѣлы велѣно вѣдать въ приказѣ Малыя Россіи.

И по тому великихъ государей указу о черкаскихъ о всякихъ дѣлехъ столпы и розборныя книги изъ Розряду въ приказъ великіе Россіи отосланы октября въ 29 день. И въ томъ числѣ столпъ со 188 году по 191 годъ, а въ немъ о розборѣ черкасъ всѣхъ полковъ за приписью дьяка Ивана Ляпунова.

А росписался въ тѣхъ черкасскихъ дѣлахъ приказу великіе Россіи подьячей Степанъ Ступинъ. (Бѣлг. столъ. Столбецъ 1095).

Челобитныя харьковскихъ великорусскихъ служилыхъ людей о земляхъ 1688 года.

Великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу Петру Алексѣевичу и великой государынѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцемъ холопи ваши харьковцы дѣтишка боярскіе Ивашка Смольяниновъ Акимка Шелѣевъ съ товарищи. Въ прошлыхъ государи годѣхъ сведены изъ разныхъ городовъ дѣды и отцы наши и мы холопи ваши съ женами и съ дѣтьми на украинный вашъ государской полевой городъ Чугуевъ на вѣчное житье и служили дѣду вашему великихъ государей блаженныя памяти великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Россіи и отцу вашему великихъ государей блаженные памяти великому государю царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу и брату вашему великихъ государей блаженныя памяти великому государю царю и великому князю Ѳеодору Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу и вамъ великимъ государемъ нынѣ безпрестанно служимъ и работаемъ многіе годы и были на вашихъ великихъ государей службѣхъ въ разныхъ полкѣхъ со многими бояры и воеводы на полевыхъ бояхъ и подъ городами на приступѣхъ и въ осадѣхъ и въ шанпахъ сидѣли и въ отводахъ хаживали и въ приходъ подъ Чугуевъ и подъ Харьковъ воинскихъ людей татаръ на бояхъ за ваше великихъ государей пресвѣтлое царское величество и за вѣру христіанскую и за Божія святыя церкви съ непріятельскими турскими и съ крымскими и съ польскими и разныхъ земель съ воинскими людьми бились мы холопи

ваши не щадя головъ своихъ и не укрывая лицъ своихъ смертно; и многіе наши братья и дѣтишки и свойственники на тѣхъ бояхъ и въ отводахъ и на приступахъ побиты и поранены и въ полонъ побраны и въ полону донынѣ животъ свой мучатъ. И въ прошлыхъ государи во 155 и во 156-мъ годѣхъ по указу отца вашего вел. государей блаженныя памяти вел. государя царя и вел. князя Алексѣя Махаиловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца и по грамотѣ изъ Розряду и по дачѣ писцовъ стольника князя Якова Волконскаго да подьячего Осипа Гнѣвышева дано намъ холопемъ вашимъ въ помѣстье въ Чугуевѣ подъ городомъ по 5 четвертей да въ Чугуевскомъ уѣздѣ по 20 чети человѣку земли со всѣми угодьи; и какъ построенъ городъ Харьковъ, и мы холопи ваши по близости приписаны къ Харькову и служимъ по Харькову, а иные наша братія землями испомѣщены по дачамъ изъ Розряду и по отпискамъ изъ полковъ бояръ и воеводъ и по воеводскимъ отводамъ и по заимкамъ, а о справкѣ тѣхъ земель не били челомъ вамъ вел. государемъ по се время за вашими государскими частыми и многими безпрестанными службами и походами и за разореньемъ и приходами воинскихъ людей, и съ той нашей помѣстной земли безъ вашего вел. государей указу самовольствомъ своимъ Харьковскаго полку и уѣзду села Безлюдовки жители черкасы сотникъ Онисимъ Макаровъ да Демьянъ Хорошевъ съ товарищи насъ холопей вашихъ изгоняютъ. И въ прошломъ государи во 161-мъ году дано отцамъ нашимъ Емельяну Смольянинову съ товарищи помѣстная земля со всякими угодьи въ селѣ...... Бабай тожъ въ урочищахъ отъ устья людного колодезя внизъ къ рѣкѣ Удомъ до Хорошего городища къ Пустушеву полю а отъ Пустушева поля на ржавой колодезь, и внизъ по ржавому колодезю и вверхъ по Мереѳе по кремянной колодезь а отъ кремянного колодезя вверхъ по березовому колодезю на людной колодезь и по людному колодезу внизъ гдѣ впалъ въ рѣку Уды сѣнные покосы и противъ усадъ по другую сторону рѣки Удъ отъ Жихоря колодезя внизъ по Удамъ по Кривую луку по Ольховой рогъ. И въ прошломъ государи во 177-мъ году въ измѣну Ивашки Брюховецкаго разорены мы холопи ваши всѣмъ отъ черкасъ безъ остатку, а по розборомъ государи съ той помѣстной земли съ малыхъ дачъ написаны мы и взяты дѣтишка и братья и племянники и всякіе наши свойственники въ полковую и въ городовую службу отъ насъ холопей вашихъ изъ однихъ обчихъ нашихъ домишковъ и съ помѣстныхъ съ нашихъ малыхъ дачъ только съ 20 чети человѣка по два и по три а изъ иныхъ домовъ и по 4 чел. въ службахъ; а иные наша братья послѣ дачъ изъ розборовъ многіе живутъ врознѣ а служатъ съ однихъ дачъ,

а полуосминной платимъ всѣ безобходно съ дворовъ и съ дымовъ, также и всякія подати даемъ и тяглы платимъ и подводы возимъ со всѣхъ службъ и тѣми помѣстными малыми дачами намъ холопемъ вашимъ многими своими службами и семьями прокормиться невмочь и прожить нечѣмъ и послѣ государи самыхъ послѣднихъ помѣстныхъ дачъ нынѣ не въ давнихъ лѣтѣхъ въ тѣхъ помѣстныхъ писцовыхъ нашихъ дачахъ и въ округѣ и въ чертежѣ утаясь отъ насъ и бѣзъ вѣдома нашего холопей вашихъ будто схожей нашей братьи помѣщиковъ 5-ти чел. и 5-ю починки промысломъ и мочью своею завладѣлъ харьковской полковникъ Григорій Донецъ и построилъ себѣ мельницы и пасѣки и хуторы и рыбныя ловли и всякіе заводы большіе и населилъ крестьянъ село Березовое многихъ людей на истинной нашей роспашной и мятой землѣ, и въ которыхъ мѣстѣхъ были у насъ холопей вашихъ огороды и гумна и заимки всякіе. И билъ челомъ онъ Григорій Донецъ о той землѣ ложно и утайкою и въ челобитьѣ своемъ писалъ будто тѣ харьковцы на которые починки онъ билъ челомъ изъ Харькова бѣжали безвѣстно покиня тѣ помѣстья свои, а тѣ дѣти боярскіе и нынѣ живутъ въ Харьковѣ и про то его тайное ложное челобитье и про дачу за вашими вел. государей службами и многими и частыми походами и приходами и за разореньемъ отъ воинскихъ людей мы не вѣдали и по его Григорьеву ложному челобитью и по составному сыску и по дачамъ его жъ написано ему и владѣть будто тѣхъ схожихъ харьковцовъ бывшихъ нашихъ товарищевъ 5-ю жеребями вопче и черезъ межу съ нами холопи вашими по роздѣлу, а онъ Григорій не противъ вашего вел. государей указу и дачѣ и крѣпостей своихъ мочью и насильствомъ своимъ и занялъ себѣ въ нашихъ дачахъ земли самые добрые и мѣсты погожія и пашни наши распаханыя и сѣнные покосы и лѣса лучшіе собою гдѣ ему годно и надобно а не по роздѣлу съ нами холопи вашими и не по вымѣру; а намъ холопемъ вашимъ покинулъ онъ Григорій земли и лѣса и сѣнные покосы малые и мѣсты непогожія и тѣ и достальные лѣса рубятъ и сѣна косятъ насильствомъ его Григорьевы люди и крестьяне, а луги и сѣнные покосы мельницами и ставами и прудами потопилъ, и тѣмъ насъ холопей вашихъ и до конца разорилъ, и въ нашихъ дачахъ землею и лѣсами и сѣнными покосами и всякими угодьи завладѣлъ онъ Григорій съ крестьяны своими одни, а насъ холопей вашихъ изогналъ вѣчно, что и быть намъ холопемъ вашимъ стало на той нашей старинной землѣ и жить отъ него Григорья и отъ крестьянъ его невмочь никоторыми мѣрами. И въ прошломъ государи въ 194 г. били челомъ вамъ вел. государемъ мы холопи ваши на него полковника Григорья

Донца во владѣнью и въ отымкѣ той нашей помѣстной земли и въ обидахъ и въ насильствѣ крестьянъ его и чтобъ въ нашихъ межахъ и граняхъ и въ дачахъ нашею помѣстною землею и всякими угодьи ему Григорью не владѣть и отъ нашихъ земель ему отказать и наши дачи всѣ по нашимъ крѣпостямъ и по дачамъ измѣрять въ десятины и положить въ четверти, а что за нашими холопей вашихъ дачами останется влишкѣ и въ примѣрѣ земли и всякихъ угодій, и ту остаточную землю по тому жъ измѣрить и съ той примѣрной земли дать намъ холопемъ вашимъ малопомѣстнымъ вмѣсто отхожей бывшей нашей, помѣстной земли которая отошла и отстала отъ насъ къ Чугуеву и малопомѣстнымъ къ малымъ нашимъ дачамъ въ придачу, а безпомѣстныхъ дѣтей и братьевъ и племянниковъ и родственниковъ безпомѣстныхъ испомѣстить вновь. И по вашему вел. государей указу и по нашему холопей вашихъ челобитью дана изъ Розряду намъ холопемъ вашимъ ваша вел. государей грамота—велѣно боярину и воеводѣ князю Григорью Аѳанасьевичу Козловскому съ товарищи изъ полку его изъ московскихъ чиновъ да подьячего кого бъ съ такое дѣло стало, и тѣмъ посыльнымъ людямъ прежъ по нашей холопей вашихъ дачамъ землю и лѣса и сѣнные покосы со всякими угодьи отмѣрять и по его полковниковымъ дачамъ отмѣрять же и отписать по урочищамъ и отмѣрявъ по дачамъ владѣть намъ холопемъ вашимъ и ему полковнику вопче, а примѣрную землю отписать на васъ вел. государей до вашего государскаго указу а по вашему вел. государей указу и по соборному уложенью и по новоуказнымъ статьямъ у которыхъ помѣщиковъ въ дачахъ примѣрная земля объявится и ту примѣрную землю отдавать тѣмъ же у которыхъ объявится въ дачахъ. И таковъ вашъ вел. государей указъ учиненъ и грамота изъ Розряду дана алешенцомъ челобитчикомъ Микитѣ Сбитневу съ товарищи, а мы холопи ваши били челомъ вамъ вел. государемъ съ ними алешенцы въ однихъ числѣхъ и о такомъ же помѣстномъ дѣлѣ. И нынѣ милости у васъ вел. государей просимъ мы холопи ваши противъ вашего вел. государей указу и соборнаго уложенья и ново-указныхъ статей и противъ грамоты и примѣру какъ учинено алешенцамъ Микитѣ Сбитневу съ товарищи. И въ прошломъ государи во 195 г. по вашему вел. государей указу а по нашему холопей вашихъ челобитью и по грамотѣ изъ Розряду за приписью дьяка Перфилья Оловеникова та' наша земля и дачи мѣрены и мѣрныя книги присланы къ вамъ вел. государемъ къ Москвѣ въ приказъ великіе Россіи, и въ тѣхъ государь нашихъ старыхъ дачахъ по тѣмъ мѣрнымъ книгамъ учинилось недомѣру противъ нашихъ старыхъ дачъ многое число, для того что тѣми нашими дачами и землями и всякими угодьи завладѣлъ напрасно мочью своею харьковской

полковникъ Григорій Донецъ напрасно. Милосердые великіе государи цари.... и вел. государына царевна Софія Алексѣевна.... пожалуйте насъ холопей своихъ для своего вел. государей многолѣтнаго здоровья и за многія наши холопей вашихъ службишки и городовыя и воловыя большія и тяжкія работы и за осадныя сидѣнья дѣдовъ и отцовъ и родственниковъ нашихъ и за кровь и за раны и за частые приходы и разоренья отъ воинскихъ людей, велите государи изъ примѣрной отписной земли вмѣсто отхожей прежней нашей земли которая осталась отъ насъ въ Чугуевѣ къ нашимъ малымъ дачамъ и къ четвертямъ въ придачу дать, а безпомѣстныхъ дѣтей и братьевъ и племянниковъ и родственниковъ нашихъ испомѣстить и всѣмъ намъ холопемъ вашимъ въ оклады наши сполна земли и всякихъ угодей намѣрять и наполнить въ нашихъ же межахъ и въ граняхъ и въ округѣ, и о томъ о всемъ учинить по вашему вел. государей указу и по соборному уложенью и по новоуказнымъ статьямъ; и каковъ вашъ вел. государей указъ учиненъ о такой землѣ алешенцамъ Микитѣ Сбитневу, такъ же бъ государи и намъ холопемъ вашимъ съ харьковскимъ полковникомъ съ Григорьемъ Донцомъ и заселеную и завладѣную нашу землю и лѣса и сѣнные покосы и всякія угодья ему Григорью очистить и отдать намъ холопемъ вашимъ по прежнему чтобъ было съ чего впредь намъ холопемъ вашимъ ваша государская служба служить и безъ той земли отъ него Григорья и отъ крестьянъ его межъ дворъ съ женишки и съ дѣтишки волочась голодною и стюденою смертью не померетъ и врознь не разбрестись и въ конецъ не погинуть. Великіе государи смилуйтеся.

На оборотѣ: 196 г. іюля во 2-й день взять къ дѣлу и выписать.

А по справкѣ въ приказѣ великія Россіи въ описныхъ и мѣрныхъ книгахъ описи и мѣры Родіона Маслова нын. 196 году сентября въ 12-й день написано: описано и измѣрено харьковцамъ дѣтямъ боярскимъ села Архангельскаго Бабай тожъ прежнимъ помѣщикамъ по ихъ крѣпостямъ помѣстные ихъ земли Ивану Смольянинову Мануйлѣ Бобаеву Гарасиму Литвинову по 20 чети человѣку по выписи изъ Чугуева воеводы Ѳедора Пушкина прошлаго 161 г., что даны были тѣ помѣстья Емельяну Смольянинову Ѳедору Бабаю Дмитрію Литвинову, и по ихъ сказкѣ нынѣ тѣми помѣстьями владѣютъ они Емельяновскимъ Иванъ Смольяниновъ, Ѳедоровскимъ Мануйла Бабаевъ, Дмитріевскимъ Гарасимъ Литвиновъ.

Козмѣ Сурядному 20 чети, что дано было отцу его Филиппу Сурядному во 161 г. по выписи изъ Чугуева воеводы Ѳедора жъ Пушкина.

Михайлу Григорьеву сыну Бѣлокопытову 20 чети что дано было свойственнику его Евсѣю Журавлеву по выписи изъ Чугуева воеводы Ѳедора жъ Пушкина 161 г. мая въ 10-й день, а по его сказкѣ нынѣ тѣмъ помѣстьемъ владѣетъ онъ Михайло съ братомъ своимъ Васильемъ.

Трофиму Иванову сыну Гончарову 20 чети, что дано было дяди его Филату Передѣльскому по выписи воеводы Ѳедора Пушкина 161 г. іюня въ 26 день, а по сказкѣ его тотъ дядя его сведенъ на вѣчное житье въ Мояцкой, а тѣмъ помѣстьемъ владѣетъ онъ Трофимъ.

Кондратью Игнатову сыну Лукутину 20 чети что дано отцу его Игнату по выписи воеводы Ѳедора Пушкина 161 г. іюня въ 29 день, и по сказкѣ его Кондратьевѣ нынѣ тѣмъ отцовскимъ помѣстьемъ владѣетъ онъ Кондратей.

Григорью Трафимову Евтѣю Суровцову, Семену Рябцову по 20 чети человѣку что даны были помѣстья отцамъ ихъ Алексѣю Трофимову Ѳедору Артемьеву, Афанасью Васильеву по выписи изъ Чугуева воеводы Ѳедора Пушкина 161 г. августа въ 25 день, и по ихъ сказкѣ тѣми помѣстьями владѣютъ они.

Микитѣ Иванову сыну Заталокину 20 чети что дано было отцу его Ивану во 162 г. сентября въ 22 день, по выписи воеводы Ѳедора Пушкина, а владѣти ему тѣмъ помѣстьемъ вопче съ племянникомъ съ Иваномъ Денисовымъ сыномъ Затолокинымъ поровну.

Исаю да Минѣ Устиновымъ дѣтямъ Труфановымъ 20 чети что дано было отцу ихъ по выписи воеводы Ѳедора Пушкина 162 г. сентября въ 27 день и по ихъ сказкѣ нынѣ тѣмъ помѣстьемъ владѣютъ они съ племянникомъ своимъ съ Семеномъ Труфановымъ вопче.

Трофиму Ветчинкину, Ѳедору Щурову по 20 чети человѣку что даны были помѣстья Ивану Озерову да Ивану Щурову во 162 году февраля въ 12 день по выписи Ѳедора Пушкина и по ихъ сказкѣ нынѣ тѣми помѣстьями Ѳедоръ Щуровъ съ двумя племянники съ Филькою да съ Мишкою Максимовыми дѣтьми Щурова владѣютъ.

Гарасиму Алфимову сыну Харланову 20 чети что дано было дѣду его Ивану Петрову сыну Мишневу по выписи воеводы Ѳедора Пушкина прошлаго 162 г. февраля въ 15 день, и по его сказкѣ нынѣ тѣмъ помѣстьемъ владѣетъ онъ Гарасимъ.

Алексѣю Ѳедорову сыну Матюхину 20 чети что дано было отцу его Ѳедору во 162 г. февраля въ 15 день по выписи воеводы Ѳедора Пушкина.

Титу Коржавому 20 чети что дано было отцу его Тимоѳею во 162 г. февраля въ 16 день по выписи воеводы Ѳедора Пушкина и по

сказкѣ его нынѣ тѣмъ помѣстьемъ владѣетъ онъ Титъ съ братомъ Фотѣемъ вопче.

Анцыфору Титову сыну Грѣшному что дано было отцу его во 162 г. августа въ 16 день по выписи воеводы Григорья Спешнева 20 чети да придаточнаго 5 чети что отдано отцу его во 164 году мая въ 26 день по выписи воеводы Осипа Сухотина.

Андрею Григорьеву сыну Русанову что дано было отцу его Григорью въ 162 году августа въ 16 день по выписи воеводы Григорья Спешнева 20 чети.

Микифору Михайлову сыну Лукутину 20 чети что дано было отцу его во 163 г. августа въ 28 день по выписи воеводы Ѳедора Пушкина и по его сказкѣ нынѣ тѣмъ помѣстьемъ владѣетъ онъ Микифоръ.

Андрею Кузмину сыну Грѣшному 20 чети что дано было отцу его во 166 г. марта въ 22 день по выписи воеводы Исака Бунакова, да ему жъ дано дяди его Гура Грѣшнаго 20 же чети, что поступился ему Исай Пантелѣевъ во 186 г., и по сказкѣ его тѣми помѣстьи 40 четми владѣетъ онъ Андрей.

Григорью Дмитріеву сыну Становихину 20 чети что дано ему во 180 г. по выписи воеводы Василья Хорошева, владѣетъ онъ съ братомъ Григорьемъ вопче.

Сидору Прокофьеву сыну Басманову 10 чети что дано ему по выписи изъ Чугуева воеводы Осипа Корсакова 187 г. февраля въ—день, а нынѣ тѣмъ номѣстьемъ владѣетъ сынъ его Елфимъ.

Акиму Максимову сыну Шелѣеву 10 чети по дачѣ изъ Харькова стольника и воеводы Леонтья Шеншина прошлого 189 г.

Семену Игнатову сыну Лукутину съ братьями съ Панькою да съ Алешкою 20 чети, что дану дѣду его Ивану Лукутину во 166 г. по выписи воеводы Исака Бунакова.

Козмѣ Микитину сыну Корницкому 20 чети, по его сказкѣ то помѣстье во 163 г. дѣдъ его Савелій Литвиновъ вымѣнилъ у Лукьяна Дмитріева и нынѣ владѣетъ онъ.

Григорью Иванову сыну Иванѣеву 10 чети по закладной записи прошлаго 191 года.

Ивану Степанову сыну Мишневу съ тремя братьями 20 чети что дано было отцу ихъ во 163 г. мая въ 17 день, да закладного что имъ заложилъ братъ ихъ двоюродной Матвѣй Мишневъ 20 чети—всего имъ 40 чети.

Ивану Ильину сыну Онофріеву 20 чети что дано было въ прошломъ во 195 г. по выписи изъ Харькова воеводы Василья Сухотина вдовѣ

харьковца Микифоровской женѣ Харланова Марьѣ съ двумя дочерьми дѣвками и по его Ивановѣ сказкѣ на той вдовѣ женился и тѣмъ помѣстьемъ владѣетъ онъ Иванъ.

Ѳедору Щетинину, Дементью Харланову, Акиму Донского, Юдѣ Креневу, Пимену Благинину, Ивану Суханову, Ѳедору Касьянову, Василью Харланову, Петру Пушину, Ѳедоту Капустину, Андрею Капустину, Гаврилу Дементьеву, Фотѣю Богаеву, Ивану Михайлову, по ихъ сказкамъ даны были помѣстья дѣдамъ и отцамъ ихъ и имъ въ селѣ Архангельскомъ Бобай то жъ по 20 чети человѣку въ поле, а въ дву потому жъ, и въ измѣну де Ивашки Брюховецкаго, какъ то село Архангельское черкасы разорили и выжгли, и въ то время на тѣ ихъ дѣдовскія и отцовскія помѣстья выписи у нихъ потерялись, а иныя погорѣли, и за разореньемъ—де и за службами тѣхъ помѣстій по се время они не справливали, а владѣютъ по прежнимъ дачамъ и съ тѣхъ помѣстей полковыя и городовыя службы служатъ и всякія подати и отсыпной хлѣбъ платятъ поровенно села Архангельскаго съ помѣщики, и по той ихъ сказкѣ у которыхъ выписи потерялись и погорѣли и которые владѣютъ по закладнымъ записямъ вымѣрено помѣстья по 20 чети человѣку въ поле, а въ дву потому жъ и съ сѣнными покосы и тѣми помѣстьями велѣно имъ владѣть до указу великихъ государей и о справкѣ тѣхъ помѣстей бить челомъ имъ вел. государемъ на Москвѣ, и тѣхъ вышеписанныхъ всѣхъ помѣщиковъ помѣстныя земли въ урочищахъ отъ устья людного колодезя внизъ по рѣкѣ по Удамъ до Хорошева городища, а отъ Хорошева городища поворотить къ пустошью полю, а отъ пустошья поля на ржавой колодезь и внизъ по ржавому колодезю и вверхъ по Мурафѣ по кременной колодезь, а съ кременного колодезя вверхъ по березовому колодезю а съ березоваго колодезя на людной и по людному колодезю внизъ до устья того люднаго колодезя гдѣ устьемъ впалъ въ рѣку Уды, и въ тѣхъ урочищахъ землею и всякими угодьи владѣть съ стольникомъ и полковникомъ вопче черезъ десятину, а сѣна имъ косить противъ своихъ дворовыхъ усадъ по другую сторону Удъ отъ Жихоря колодезя внизъ по Удамъ по Кривую луку по Ольховой рогъ.

Да въ тѣхъ же урочищахъ и округѣ вымѣрено вотчинной земли стольнику и полковнику Григорью Донцу противъ его дачи что ему дано изъ помѣстья его въ вотчину въ прошломъ во 192 г. бывшихъ села Архангельскаго помѣщиковъ Ѳирса Иванилова съ товарыщи 5 чел. помѣстные ихъ земли 100 чети въ поле а въ дву по тому жъ съ сѣнными покосы, а велѣно ему стольнику и полковнику тою своею вотчинною землею и сѣнными покосы по прежней его выписи прошлого 180 году

владѣть вопче села Архангельскаго Бобай тожъ съ прежними помѣщики съ Иваномъ Смольяниновымъ съ товарищи вопче жъ черезъ десятину; а что въ прошломъ во 194 г. Курченинъ Самсонъ Денисовъ по челобитью Харькова города полковые службы казаковъ и городовые службы мѣщанъ и всякихъ чиновъ людей ихъ черкаскую землю досмотрѣлъ по прежней межевой выписи стольника Михайла Приклонскаго и велѣлъ имъ черкасамъ владѣть по старымъ межамъ и гранямъ, а русскимъ людемъ села Бобаева и деревни Жихоревой помѣщикамъ помѣстную ихъ землю противъ ихъ крѣпостей отмѣрялъ и отъ черкасской дачи отмежевалъ особо и межи и грани и всякіе признаки учинилъ, и то онъ Самсонъ написалъ напрасно въ прежней межевой выписи стольника Михайла Приклонскаго прошлаго 171 г. какъ онъ земли межевалъ межъ городовъ межеванья Харькова города черкаской земли отъ земли русскихъ людей села Архангельскаго Бабай тожъ помѣщиковъ особо не написано, и которую онъ Самсонъ межи и грани и всякіе признаки учинилъ, и по досмотру противъ выписей села Архангельскаго помѣщиковъ по урочищамъ гдѣ указали старожилы и стороннія люди, та межа учинена посередъ села Архангельскаго помѣщиковъ Ивана Смольянинова съ товарищи помѣстной земли; а по сказкѣ ихъ села Архангельскаго помѣщиковъ тою землею, которую отмежевалъ у нихъ Самсонъ Денисовъ Харькова города черкасомъ, владѣетъ стольникъ и полковникъ Григорій Донецъ и пашутъ ту землю крестьяне его, а Харькова—де города черкасы тою землею не владѣютъ, и онъ стольникъ и полковникъ Григорій Донецъ и Харькова города черкасы казаки и мѣщане на ту землю которую въ прошломъ во 194 г. отмежевалъ Самсонъ Денисовъ имъ черкасомъ къ сему городу которая земля по урочищамъ написана въ выписи села Архангельскаго, Бобай тожъ помѣщиковъ прошлаго 161 г., прежнихъ никакихъ крѣпостей не подавали, и та земля сверхъ дачъ села Архангельскаго прежнихъ помѣщиковъ помѣстной земли и стольника и полковника Григорья Донца вотчинной земли въ ихъ села Архангельскаго округѣ противъ ихъ выписи по урочищамъ объявилась влишкѣ а по мѣрѣ той земли отъ верховья березоваго колодезя ѣдучи по лѣвую сторону внизъ по березовому колодезю проѣхавъ село стольника и полковника Григорья Донца крестьянъ прямо до чернаго лѣсу, а отъ березоваго колодезя прямо полемъ на кременной колодезь до кута гдѣ построилъ стольникъ и полковникъ Григорій Донецъ хуторъ, а отъ того хутора вверхъ по кременному колодезю по правую сторону кременнаго колодезя черезъ кременную вершину и до люднаго колодезя въ той округѣ роспашной земли 1100 десятинъ 2200 чети да сѣнныхъ покосовъ

по дубравомъ и по вершинамъ 260 десятинъ 412 чети; а по сказкѣ чугуевскихъ старожиловъ которые на мѣрѣ той земли были Романа Левина Өедора Васечкина съ товарищи прежде сего до измѣны Ивашки Брюховецкаго на той земли у березоваго колодезя противъ того мѣста гдѣ село стольника и полковника Григорья Донца крестьяне поселились, села Архангельскаго Бобай тожъ прежніе помѣщики построили было гумны и избы порубили и ту землю роспахивали они, и въ измѣну—де Ивашки Брюховецкаго тѣ ихъ гумны и избы пожжены и изъ тое примѣрные лишніе земли мѣрено харьковцовъ дѣтей боярскихъ села Архангельскаго, Бобай тожъ помѣщиковъ дѣтемъ и братьямъ и племянникамъ и свойственникамъ по 20 чети человѣку въ полѣ а въ дву потому жъ, по списку каковъ прислалъ изъ Харькова воевода Михайло Сусловъ за своею рукою съ разборныхъ книгъ прошлаго 195 г. 53-мъ да сверхъ списка по сказкѣ двумъ—всего 55-ти чел., и по мѣрѣ недостало имъ на дачу пахатной земли 550 десятинъ 1100 чети, и тою землею и сѣнными покосы до ихъ вел. государей указу тѣмъ помѣщикомъ никому владѣть не велѣно; а кому имены земля и сѣнные покосы намѣрены и ихъ имены писаны ниже сего.

По списку съ розборныхъ книгъ: Юдину сыну Кренева Сенькѣ Мануйлову сыну Бобаева Данилкѣ.—Исаеву сыну Труфанова Сидоркѣ да внуку его Васкѣ.—Фотѣевымъ пасынкамъ Бабаева Микишкѣ да Зоткѣ.—Григорьеву сыну Суханова Өедькѣ.—Родіонову племяннику Капустина Мишкѣ.—Григорьевымъ дѣтямъ Пономарева Сенькѣ да Ивашкѣ да пасынкамъ Минкѣ да Өедоткѣ.—Михайлову сыну Бѣлокопытова Володькѣ Исаеву брату Донскаго Акимкѣ.—Ивановымъ братьямъ Мишнева Гордюшкѣ да Ивашкѣ да Тимошкѣ.—Трофимовымъ дѣтямъ Гончарова Гришкѣ да Кирюшкѣ.—Артемову брату Грѣшнаго Андрюшкѣ.—Өедотову сыну Капустина Данилкѣ. Андреевымъ дѣтямъ Капустина Алешкѣ да Петрушкѣ Максимову брату Щурову Өедькѣ.—Өедулову сыну Щетинина Аөонькѣ.—Ивановымъ братьямъ Смольянинова Оскѣ да Якушкѣ. Микифорову брату Лукутина Сенькѣ. Семенову брату Лукутина Кузькѣ. Евтифѣеву сыну Суровцова Аөонькѣ. Евдокимову брату Харланова Өедькѣ Васильевымъ дѣтямъ Бѣлокопытова Левкѣ да Ивашкѣ.—Анцифорову сыну Грѣшнаго Өедькѣ.—Григорьевымъ дѣтямъ Становихина Агѣйкѣ да Евстраткѣ. Нестерову племяннику Коровника Өедькѣ. Андреевымъ дѣтямъ Русанова Петрушкѣ да Мишкѣ.—Минину сыну Труфанова Москѣ, а Семенову брату Труфанова Алешкѣ.—Григорьевымъ дѣтямъ Иванѣева Левкѣ, Якушкѣ да Сенькѣ. Прокофьеву сыну Рышкова Петрушкѣ. Микитину сыну Затолокина Микиткѣ. Леоновымъ братьямъ Харланова Евдокимкѣ да Өедь-

кѣ.—Семеновымъ дѣтямъ Рябцова Авдюшкѣ, Кондрашкѣ да Сережкѣ Кузминымъ дѣтямъ Суряднаго Гришкѣ да Ивашкѣ.

Сверхъ списка по сказкѣ Акима Шелѣева что онъ во 195 г. какъ былъ въ Харьковѣ съ розборщикомъ былъ на Москвѣ, и послѣ его сынъ его Микишка да племянникъ Гараска въ розборныя книги не написаны и имъ по тому вымѣрено по 20 чети человѣку.

И нынѣ вел. государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу Петру Алексѣевичу и вел. государынѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцемъ бьютъ челомъ харьковцы дѣти боярскіе Иванъ Смольяниновъ, Акимъ Шелѣевъ съ товарищи. Въ прошлыхъ—де годѣхъ дѣды и отцы ихъ и они съ женами и съ дѣтьми сведены изъ разныхъ городовъ на украинный полевой городъ Чугуевъ на вѣчное житье и служили многіе годы и нынѣ служатъ имъ вел. государемъ безпрестанно и на многихъ ихъ вел. государей службахъ бывали въ разныхъ полкѣхъ со многими бояры и воеводы на полевыхъ бояхъ и подъ городами на приступѣхъ и въ осадѣхъ и въ шанцахъ сидѣли и въ отводахъ хаживали и въ приходъ подъ Чугуевъ и подъ Харьковъ воинскихъ людей татаръ на бояхъ съ непріятельскими турскими и съ крымскими и съ польскими и разныхъ земель съ воинскими людьми бились они не щадя головъ своихъ смертно, и многіе ихъ братья и дѣти и свойственники на тѣхъ бояхъ и въ отводахъ и на приступахъ побиты и поранены и въ полонъ пойманы и нынѣ въ полону. И въ прошлыхъ—де во 155 и во 156 годѣхъ по указу отца ихъ вел. государей блаженные памяти великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца и по грамотѣ изъ Розряду и по дачѣ писцовъ стольника князя Якова Волконскаго да подьячего Осипа Гнѣвышева дано имъ въ помѣстье въ Чугуевѣ по 5 чети да въ Чугуевскомъ уѣздѣ по 20 чети человѣку земли со всякими угодьи, и какъ построенъ городъ Харьковъ и они—де по близости приписаны къ Харькову и служатъ по Харькову, а иные ихъ братья землями испомѣщены по дачамъ изъ Розряду и по отпискамъ изъ полковъ бояръ и воеводъ и по воеводскимъ отводамъ и по заимкамъ, а о справкѣ тѣхъ земель не били челомъ по се время за ихъ вел. государей многими службами и походами и за разореньемъ и приходами воинскихъ людей; и съ той ихъ помѣстной земли безъ ихъ вел. государей указу самовольствомъ своимъ Харьковскаго полку села Безлюдовки черкасы сотникъ Онисимъ Макаровъ да Демьянъ Хорошевъ съ товарищи ихъ изгоняютъ. И въ прошломъ—де во 161 г. дано отцамъ ихъ Емельяну Смольянинову съ това-

рищи помѣстная земля со всякими угодьи въ селѣ Архангельскомъ Бобай тожъ въ урочищахъ отъ усть людинаго колодезя внизъ къ рѣкѣ Удамъ до Хорошева городища къ Пустошьему полю а отъ Пустошьева поля на ржавой колодезъ и внизъ по ржавому колодезю и вверхъ по Мереоѣ по Кремянной колодезь, а отъ Кремяннаго колодезя на людной колодезь и по людному колодезю внизъ гдѣ впалъ въ рѣку Уды сѣнные покосы и противъ усадъ по другую сторону рѣки Удъ отъ Жихоря колодезя внизъ по Удамъ по Кривую луку по Ольховой рогъ. И въ прошломъ во 177 г. въ измѣну Ивашки Брюховецкаго разорены они отъ черкасъ безъ остатку, а по розборамъ--де той помѣстной земли съ малыхъ дачъ написаны они и взяты дѣти и братья и племянники и всякіе ихъ свойственники въ полковую службу и въ городовую отъ нихъ изъ одннхъ опчихъ ихъ домовъ и съ помѣстныхъ ихъ малыхъ дачъ только съ 20-ти чети человѣка по 2 и по 3, а изъ иныхъ домовъ и по 4 человѣка въ службахъ, а иные братья ихъ послѣ дачъ и розборовъ многіе живутъ врознь а служатъ съ одннхъ дачъ, а полуосминной хлѣбъ платятъ всѣ безобходно съ дворовъ и съ дымовъ, также и всякія подати даютъ и тягло платятъ и подводы возятъ во всѣхъ службахъ и тѣми помѣстными малыми дачами имъ многими службами и семьями прокормиться невмочь и прожить нечѣмъ, и послѣ—де самыхъ послѣднихъ помѣстныхъ дачъ нынѣ не въ давнихъ лѣтехъ въ тѣхъ помѣстныхъ писцовыхъ ихъ дачахъ и въ округѣ и въ чертежѣ утая отъ нихъ и безъ вѣдома ихъ будто схожей ихъ братьи помѣщиковъ пяти и пятью починки промысломъ и мочью своею завладѣлъ харьковской полковникъ Григорій Донецъ и построилъ себѣ мельницы и пасѣки и хуторы и рыбныя ловли и всякіе заводы большіе и населилъ крестьянъ село Березовое многихъ людей на прямой ихъ роспашной и мятой землѣ въ которыхъ мѣстѣхъ были у нихъ огороды и гумна и заимки всякія и билъ челомъ онъ Григорій Донецъ о той землѣ ложно и утайкою, а въ челобитьѣ своемъ писалъ будто тѣ харьковцы на которые починки онъ билъ челомъ изъ Харькова бѣжали безвѣстно, покиня тѣ помѣстья, а тѣ—де дѣти боярскіе и нынѣ живутъ въ Харьковѣ и про то его Григорьево тайное ложное челобитье и про дачу за многими службами и частыми походы и приходами и разореньемъ воинскихъ людей они не вѣдали; и по его Григорьеву ложному челобитью и поставному сыску и по дачамъ его жъ написано ему владѣть будто тѣхъ схожихъ харьковцовъ бывшихъ ихъ товарищевъ пятью жеребьями вопче и черезъ межу съ ними по роздѣлу, а онъ Григорій не противъ ихъ великихъ государей указу и дачей и крѣпостей своихъ мочью и насильствомъ своимъ занялъ себѣ въ ихъ да-

чахъ земли самые добрые и мѣсты погожіе и пашни ихъ роспаханые и сѣнные покосы и лѣса лучшіе собою, гдѣ ему годно и надобно, а не по роздѣлу съ ними и не по вымѣру, а имъ покинулъ онъ Григорій земли и лѣса и сѣнные покосы малые и мѣсты непогожія, и тѣ достальные лѣса рубятъ и сѣно косятъ насильствомъ люди его Григорьевы и крестьяне, а луги и сѣнные покосы мельницами и ставами и прудами потопилъ, и тѣмъ ихъ до конца разорилъ и въ ихъ дачахъ землею и лѣсами и сѣнными покосы и всякими угодьи завладѣлъ онъ съ крестьяны своими одни и ихъ изогналъ безъ остатку, и быть имъ стало на той ихъ старинной землѣ отъ него Григорья и отъ крестьянъ его невмочь никоторыми мѣрами. И въ прошломъ—де во 194 г. били челомъ они на него полковника Григорья Донца во владѣньѣ и въ отъемкѣ той ихъ помѣстной земли и въ обидахъ и въ насильствѣ крестьянъ его, и чтобъ въ ихъ межахъ и въ граняхъ и въ дачахъ помѣстною ихъ землею и всякими угодьи ему не владѣть и отъ ихъ земель ему отказать и ихъ дачи всѣ по крѣпостямъ и по дачамъ измѣрять въ десятины и положить въ чети, а что за ихъ дачами останется влишкѣ и въ примѣрѣ земли и всякихъ угодей, и ту остаточную землю по тому жъ измѣрять и съ той примѣрной земли имъ малопомѣстнымъ вмѣсто отхожей бывшей ихъ помѣстной земли которая отошла и отстала отъ нихъ къ Чугуеву и малопомѣстнымъ къ малымъ ихъ дачамъ въ придачу, а безпомѣстныхъ дѣтей и братьевъ и племянниковъ и родственниковъ и безпомѣстныхъ испомѣстить вновь. И по ихъ вел. государей указу а по ихъ челобитью дана имъ изъ Розряду ихъ вел. государей грамота въ полкъ къ боярину и воеводѣ князю Григорью Аѳанасьевичу Козловскому съ товарищи и изъ полку его изъ московскихъ чиновъ велѣно послать дворянина да подьячего кого бъ съ такое дѣло стало, а тѣмъ посыльнымъ людемъ велѣно прежъ по ихъ дачамъ землю и лѣса и сѣнные покосы и со всякими угодьи отмѣрять имъ такъ же и по его полковниковымъ дачамъ отмѣрять же и отписать по урочищамъ и отмѣрявъ по дачамъ владѣть имъ и ему полковнику вопче, а примѣрную землю отписать на нихъ великихъ государей до указу. А по ихъ вел. государей указу и по соборному уложенью и по новоуказнымъ статьямъ у которыхъ помѣщиковъ въ дачахъ примѣрная земля объявится, и ту примѣрную землю отдавать велѣно тѣмъ же у которыхъ объявится въ дачахъ; и таковъ—де ихъ вел. государей указъ учиненъ и грамота изъ Розряду дана алешенцамъ челобитчикамъ Микитѣ Сбитневу съ товарищи, а они—де били челомъ съ ними алешенцы въ однихъ числѣхъ и о такомъ же помѣстномъ дѣлѣ. И нынѣ противъ ихъ вел. государей указу и примѣру какъ учинено але-

шенцамъ Микитѣ Сбитневу съ товарищи и въ прошломъ—де во 195 г. по ихъ же челобитью и по грамотѣ изъ Розряду за приписью дьяка Перфилья Оловепикова та ихъ земля и дачи мѣрены и мѣрныя книги присланы къ Москвѣ въ Приказъ великія Россіи, и въ тѣхъ—де ихъ старыхъ дачахъ по тѣмъ мѣрнымъ книгамъ учинилось недомѣру противъ ихъ старыхъ дачъ многое число для того что тѣми ихъ дачами и землями и всякими угодьи завладѣлъ напрасно мочью своею харьковской полковникъ Григорей Донецъ напрасно.

И великіе государи пожаловали бъ ихъ за многія ихъ службы и городовыя и полевыя большія и тяжкія работы и за осадное сидѣнье дѣдовъ и отцовъ и родственниковъ ихъ и за кровь и за раны и за частые приходы и разоренья отъ воинскихъ людей велѣли изъ примѣрной отписной земли вмѣсто отхожей ихъ земли которая осталась отъ нихъ въ Чугуевѣ къ ихъ малымъ дачамъ и къ четямъ въ придачу дать а безпомѣстныхъ дѣтей и братьевъ и племянниковъ и родственниковъ ихъ испомѣстить и всѣмъ имъ въ оклады ихъ сполна земли и всякихъ угодей намѣрять и наполнить въ ихъ межахъ и въ граняхъ и въ округѣ, и о томъ о всемъ учинить по ихъ великихъ государей указу и по соборному уложенью и по новоуказнымъ статьямъ и каковъ ихъ великихъ государей указъ учиненъ о такой землѣ алешенцомъ Микитѣ Сбитневу также бъ и имъ харьковцамъ дѣтемъ боярскимъ съ нимъ полковникомъ въ томъ дѣлѣ указъ учинить и заселеную и завладѣную ихъ землю и всякія угодья, чѣмъ онъ Григорій напрасно владѣетъ ему Григорью очистить, и очистя отдать бы имъ, чтобъ имъ было съ чего ихъ великихъ государей служба служить.

Да къ сему жъ дѣлу Семенъ Локутинъ подалъ челобитную, а въ челобитной пишетъ:

Великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу Петру Алексѣевичу и великой государынѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцемъ бьютъ челомъ холопи ваши харьковцы дѣтишки боярскіе села Архангельскаго Сенька, Панька да Алешка Лукутины да Андрюшка Кондратьевъ сынъ Капустинъ да Ѳедька Михайловъ сынъ Сотниковъ да Микишка Ѳедоровъ сынъ Кирѣевъ да Аѳонька Посниковъ. Въ прошлыхъ государи годѣхъ харьковской стольникъ и полковникъ Григорій Донецъ назвавъ ложно и неправдою пустовыми жеребьи вашего холопей вашихъ Сенькина да Панькина да Алешки на родного дѣда Ивана Лукутина, а моего холопа вашего Андрюшкина дяди родного Альпата Капустина, а моего холопа вашего Ѳедькина дяди жъ род-

ного Мартина Сотникова, а моего холопа вашего Микишкина отца Өедора Кирѣева а моего холопа вашего Афонькина дѣда родного Ильи Постникова помѣстные ихъ жеребьи въ Харьковскомъ уѣздѣ въ селѣ Архангельскомъ, Бобаи тожъ, на 100 четвертей, а къ тѣмъ государи вышепомянутымъ дѣдовъ и дядьевъ и отцовъ нашихъ помѣстнымъ жеребьямъ помѣщики мы холопи ваши а не онъ Григорій, а что государи онъ же Григорій назвалъ жеребьемъ Өирса Иванилова, а за Өирсомъ Иваниловымъ дачи никакой въ томъ селѣ не было; а то помѣстье отца моего холопа вашего Микишкина Өедора Кирѣева; и тѣмъ своимъ неправымъ челобитьемъ побравъ тѣ дачи дѣдовъ и дядьевъ и отцовъ нашихъ владѣетъ онъ Григорій многое время напрасно и достальныхъ нашу братью тою своею неправою дачею разорилъ и ихъ землями и всякими угодьи завладѣлъ многими жъ напрасно жъ, и безъ тѣхъ помѣстей мы холопи ваши разоряемся до конца и бродимъ межъ дворъ и вашей великихъ государей службы служить стало не съ чего и пріютиться намъ негдѣ. Милосердые великіе государи цари .. пожалуйте насъ холопей своихъ велите государи про то про все сыскать большимъ повальнымъ обыскомъ что послѣ тѣхъ вышеписанныхъ умершихъ остались помѣщики тѣмъ помѣстьямъ мы холопи ваши, а онъ Григорій въ томъ своемъ прежнемъ ложномъ челобитьѣ насъ холопей вашихъ утаилъ напрасно; а по сыску велите государи тѣ помѣстья дѣдовъ и дядьевъ и отцовъ нашихъ отдать намъ холопемъ вашимъ въ помѣстьѣ. И о томъ велите государи намъ холопемъ своимъ дать свою великихъ государей грамоту мимо харьковскаго воеводы потому что харьковской воевода ему Григорью зять родной. Великіе государи смилуйтеся.

На оборотѣ: 196 г. іюля въ 13 день выписать.

И нынѣ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу Петру Алексѣевичу и великой государынѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцемъ бьютъ челомъ харковцы дѣти боярскіе села Архангельскаго Семенъ да Павелъ да Алексѣй Лукутины да Андрей Кондратьевъ сынъ Капустинъ да Өедоръ Михайловъ сынъ Сотниковъ да Микита Өедоровъ сынъ Кирѣевъ да Афонасій Посниковъ. Въ прошлыхъ де годахъ харьковскій стольникъ и полковникъ Григорій Донецъ назвавъ ложно и неправдою пустовыми жеребьи ихъ Семенова да Павлова да Алексѣева родного дѣда Ивана Лукутина, а его Андреева дяди родного Алпата Капустина, а его Өедорова дяди жъ родного Мартина Сотникова, а его Микитина отца Өедора Кирѣева Афонасьева дѣда родного Ильи Постникова помѣстные ихъ жеребьи въ Харьковскомъ уѣздѣ въ селѣ Архангельскомъ Бобай

тожъ на 100 чети а къ тѣмъ де вышепомянутымъ дѣдовъ и дядьевъ и отцовъ ихъ помѣстнымъ жеребьемъ помѣщики они а не онъ Григорій, а что де онъ же Григорій назвалъ жеребьемъ Ѳирса Иванилова и за Ѳирсомъ Иваниловымъ дачи никакой въ томъ селѣ не было, а то помѣстье отца его Микитина Ѳедора Кирѣева и тѣмъ своимъ неправымъ челобитьемъ побравъ тѣ дачи дѣдовъ и дядевъ и отцовъ ихъ владѣетъ онъ Григорій многое время напрасно и достальныхъ ихъ братью тое своею неправою дачею разорилъ и ихъ землями и всякими угодьи завладѣлъ многими жъ напрасно и безъ тѣхъ помѣстей они разоряются до конца и ходятъ межъ дворъ и службы служить стало не съ чего и пріютится имъ нечѣмъ. И великіе государи пожаловали бъ ихъ велѣли про то про все сыскать большимъ повальнымъ обыскомъ что послѣ тѣхъ вышеписанныхъ умершихъ остались помѣщики тѣмъ помѣстьемъ они, а онъ Григорій въ томъ ложномъ челобитье ихъ утаилъ напрасно, а по сыску велѣли бъ тѣ помѣстья дѣдовъ и дядьевъ и отцовъ ихъ отдать бы имъ въ помѣстье и о томъ велѣли имъ дать ихъ великихъ государей грамоту мимо харьковскаго воеводы потому что харьковской воевода ему Григорью зять.— И въ приказѣ великія Россіи выписано: въ прошломъ во 180-мъ году Генваря въ 28-й день писалъ изъ Курска бояринъ и воевода князь Григорій Григорьевичъ Ромодановской въ Бѣлгородъ къ окольничему и воеводѣ къ Петру Дмитреевичу Скуратову, а въ отпискѣ его написано:— Въ прошломъ во 180-мъ году Генваря въ 24-й день билъ челомъ блаженные памяти великому Государю Царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу, а въ Курску въ разрядной избѣ боярину и воеводѣ подалъ челобитную харьковской полковникъ Григорій Донецъ служитъ де онъ Григорій многіе службы а государева жалованья земли на пашню ему не дано, а въ Харьковскомъ де уѣздѣ отъ городу въ 3-хъ верстахъ за рѣкою Удами на колодезѣ людномъ построилъ онъ Григорій хуторъ на порозжей землѣ и на томъ хуторѣ пашенной земли за нимъ нѣтъ, а есть де поблизку того хутора пахатная земля и сѣнные покосы села Архангельскаго бывшихъ помѣщиковъ лежитъ впустѣ и никто тое землею не владѣетъ, а чья де та земля была и про то де вѣдомо въ Харьковѣ въ съѣзжей избѣ что бъ тое порозжую землю для пашни отдать ему Григорью сколько той земли будетъ.—И по той отпискѣ окольничему и воеводѣ велѣно изъ Бѣлогорода въ Харьковской уѣздъ на ту землю послать дворянина добра и про ту землю сыскать большимъ повальнымъ обыскомъ и буде та земля порозжа и не владѣетъ ею никто и спору ни съ кѣмъ не будетъ и тою землею велѣно владѣть харьковскому полковнику Григорью Донцу до

указу великаго государя.—И окольничій и воевода посылалъ изъ Бѣлагорода въ Харьковскій уѣздъ на землю о которой билъ челомъ харьковской полковникъ Григорій Донецъ рейтарскаго строю ротмистра Андрея Побѣдинскаго и про ту землю ему Андрею велѣно сыскать большимъ повальнымъ обыскомъ да будетъ по сыску та земля лежитъ порозжа никому не отдана и спору ни съ кѣмъ не будетъ и ту землю велѣно измѣрять а измѣрявъ по сыску велѣно тое землею владѣть до указу великаго государя харьковскому полковнику Григорью Донцу и отъ иныхъ земель грани и межи и всякіе признаки учинить. И въ прошломъ во 180 году февраля въ 9-й день подалъ въ Бѣлогородѣ въ розрядной избѣ окольничему и воеводѣ Петру Дмитріевичу рейтарскаго строю ротмистръ Андрей Побѣдинскій со своею рукою о той землѣ сыскъ а въ сыску написано:— Харьковскаго уѣзду села Бабаевъ Архангельскаго приходу да деревни Жихоря заказныя головы Ѳедосъ Деншинской Филиппъ Сурядный да тѣхъ же села и деревни дѣти боярскіе 49 чел. сказали села де Бабаевъ Архангельскаго приходу бывшіе помѣщики Ѳирсъ Иваниловъ умеръ, Мартынъ Сотниковъ сшолъ въ Новосиль на старое свое помѣстье, Иванъ Лукутинъ сбѣжалъ и живетъ въ Змѣевскомъ уѣздѣ въ селѣ Боровомъ, Илья Постниковъ сведенъ на Мояцкой, Евпатъ Капустинъ умеръ, а помѣстные де ихъ земли и сѣнные покосы въ Харьковскомъ уѣздѣ отъ города въ 3-хъ верстахъ за рѣкою Удами близко полковникова хутора по 20 чети въ полѣ а въ дву потомужъ нынѣ лежитъ впустѣ ни кому не отдана и никто тое землею и сѣнными покосы не владѣетъ.

И потому сыску ромистръ Андрей Побѣдинскій тѣхъ бывшихъ помѣщиковъ пустыя ихъ земли харьковскому полковнику Григорью Донцу отдѣлилъ и въ отдѣльныя книги написалъ, а въ отдѣльныхъ книгахъ написано: отдѣлилъ онъ Андрей полковнику Григорью Донцу по сыску своему въ Харьковскомъ уѣздѣ въ Архангельскомъ приходѣ пустовыя починки бывшихъ помѣщиковъ харьковцовъ Ѳирса Иванилова Мартина Сотникова Ивана Лукутина Ильи Постникова Евпата Капустина на 100 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣнныхъ покосовъ на 350 копенъ, а прилегла та земля и сѣнные покосы къ его полковникову хутору близко поляною, а владѣти ему Григорью тое распашною землею и дикимъ полемъ и лѣсомъ и всякими угодьи вопче черезъ десятину въ 3-хъ поляхъ села Архангельскаго съ помѣщики съ Филиппомъ Суряднымъ съ товарищи, а межа той земли и сѣннымъ покосомъ по выписи того села помѣщиковъ Ѳедора Бобая съ товарищи 161 г. какову имъ далъ воевода въ Чугуевѣ Ѳедоръ Пушкинъ отъ устья людного колодезя внизъ по Удамъ мимо дворовыхъ усадьбъ до Хорошаго городища и до пустоши

и до людного колодезя, а сѣнные покосы за рѣкою Удами на другой сторонѣ подъ Жихоремъ внизъ по рѣкѣ Удамъ съ лѣвой стороны, а лѣса непахотные и звѣринные стойла и рыбные ловли въ рѣкѣ Удахъ и въ иныхъ рѣкахъ и озерахъ владѣть ему полковнику вопче съ ними жъ помѣщики да той же пашенной земли и сѣнныхъ покосовъ и всякимъ угодьемъ межа отъ устья людного колодезя внизъ по Удамъ до Хорошаго городища, а отъ городища черезъ большой черной лѣсъ на ржавой колодезь внизъ по ржавому колодезю по правую сторону и вверхъ по Мерефѣ по кремянной колодезь, а отъ кремянного колодезя вверхъ по березовому колодезю, а отъ березоваго колодезя на людной колодезь, а по людному колодезю внизъ до устья руки Уды и по тѣмъ всѣмъ гранямъ и межамъ ѣдучи отъ людного колодезя внизъ по рѣкѣ Удамъ къ Хорошеву селу поправу земля села Архангельскаго помѣщиковъ и полковника Григорья Донца вопче, а по лѣву земля Харьковскаго уѣзду села Хорошего помѣщиковъ, а для хоромнаго и двороваго лѣсу ему полковнику въѣзжать съ тѣми жъ помѣщики села Архангельскаго вопче. И въ прошломъ во 180 году по указу блаженные жъ памяти великаго государя и по отпискѣ изъ Курска боярина и воеводы князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго съ тѣхъ отдѣльныхъ книгъ дана ему полковнику изъ Бѣлогорода выпись за дьячею приписью, а велѣно ему полковнику тою землею владѣть до указу великихъ государей.— А въ прошломъ во 192 году по указу великихъ государей, а по челобитью харьковскаго полковника Григорья Донца то его Григорьево вышеписанное помѣстье за его Григорьевы службы дано ему Григорью въ вотчину и на ту вочтину дана ему Григорью изъ роздряду великихъ государей жалованная вотчинная грамота.

Великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу Петру Алексѣевичу и великой государыни благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцемъ, бьетъ челомъ холопъ вашъ харьковецъ приказной избы подьячишко Савка Бесѣдинъ. По вашему великихъ государей указу работаю я холопъ вашъ вамъ великимъ государемъ въ Харьковѣ въ приказной избѣ и въ полкѣ пишу безпрестанно лѣтъ съ 20 и больше, а вашего великихъ государей денежнаго и хлѣбнаго годового жалованья мнѣ холопу вашему ничего нѣтъ.

И въ прошломъ государь во 195 году по вашему великихъ государей указу и по отпискѣ вашея великихъ государей царственныя большія печати и государственныхъ великихъ и посольскихъ дѣлъ оберегателя ближняго боярина и двороваго воеводы и намѣстника новогородскаго

князя Василія Васильевича Голицына съ товарищи посыланъ я холопъ вашъ на Донъ и въ Колмыки съ дворяниномъ съ Алексѣемъ Степановичемъ Дуровымъ для письма, а вашего великихъ государей денежнаго жалованья указано было въ Харьковѣ, воеводѣ Василью Ивановичу Сухотину дать мнѣ холопу вашему 5 рублевъ денегъ и въ Харьковѣ вашего великихъ государей денежнаго жалованья мнѣ холопу вашему не дано для того что опричь кружечнаго двора никакихъ доходовъ нѣтъ и какъ государь нашли шляхъ и за татары гонили и я холопъ вашъ въ томъ походѣ былъ и у меня на дорогѣ лошадь стала цѣною 4 рубли и покинулъ и съ службы великихъ государей изъ полку притащился пѣшъ. Милосердые великія государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ Петръ Алексѣевичъ и великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцы пожалуйте меня холопа своего велите государь за мою службишку противъ своего великихъ государей указу и отписки и на лошадь свое великихъ государей жалованье мнѣ холопу своему выдать что бъ мнѣ холопу вашему отъ тѣхъ долговъ въ конецъ не раззориться и отъ вашихъ великихъ государей приказныхъ дѣлъ не отбыть; великія государи смилуйтеся.

На оборотѣ: 196 года февраля въ 10 день выписать.

А по справкѣ съ полковыми дѣлами въ прошломъ во 195 г. апрѣля въ 19 день по указу великихъ государей посы ланъ изъ Ахтырска отъ ближняго боярина и оберегателя и дворовaго воеводы князя Василія Васильевича Голицына съ листами на Донъ къ донскимъ атаманомъ и къ казакомъ и къ калмыкомъ, изъ дворянъ Алексѣй Дуровъ, а для письма велено ему Алексѣю взять въ Харьковѣ подъ ячего. А великихъ государей жалованья велѣно тому подъячему дать для той посылки 5 руб. изъ Харьковскихъ доходовъ и о томъ въ Харьковъ къ воеводѣ указъ посланъ. И Алексѣй Дуровъ съ Дону въ большой полкъ пріѣхалъ, а съ нимъ харьковскіе съѣзжія избы подъячій Савва Бесѣдинъ.

И въ нынѣшнемъ во 196-мъ году февраля въ 6-й день къ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и великой благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцемъ писалъ изъ Харькова стольникъ и воевода Семенъ Дурной: въ прошломъ де во 195-мъ году мая въ 14 день по указу великихъ государей и по отпискѣ изъ большаго полку царственныя большія печати и государственныхъ великихъ и посольскихъ дѣлъ оберегателя ближняго боярина и дворовaго воеводы и намѣстника новгородскаго князя Василія

Васильевича Голицына посыланъ былъ на Донъ и въ калмыцкіе улусы харьковскія приказныя избы подъячей Савва Бесѣдинъ съ дворяниномъ съ Алексѣемъ Степановымъ сыномъ Дуровымъ и велѣно было дать ему Саввѣ ихъ великихъ государей денежнаго жалованья 5 рублевъ и онъ де Савва въ той посылкѣ былъ, а ихъ великихъ государей жалованья ему въ Харьковѣ не дано.

И нынѣ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и великой государынѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодерцемъ бьетъ челомъ харьковскія приказные избы подъячій Савва Бесѣдинъ.

Въ прошломъ во 195-мъ году апрѣля въ 14-й день по ихъ великихъ государей указу посыланъ онъ на Донъ къ донскимъ атаманомъ и къ казакамъ и къ калмыкамъ для письма съ дворяниномъ съ Алексѣемъ Дуровымъ, а ихъ великихъ государей жалованья для той посылки ему воевода Василій Сухотинъ не далъ для того что въ Харьковѣ денежныхъ доходовъ кромѣ кружечнаго двора нѣтъ, да у него жъ де въ той посылкѣ на дорогѣ стала лошадь цѣною въ 4 рубли.

И великіе государи пожаловали бъ его велѣли за ту его службу то ихъ великихъ государей жалованья 5 рублевъ и на лошадь деньги выдать чтобъ ему отъ того не разориться.

Подъ текстомъ:—196 года февраля въ 13-й день по указу велигосударей царственныя большія печати и государственныхъ великихъ и посольскихъ дѣлъ оберегатель ближній бояринъ и намѣстникъ Новгородскій князь Василій Васильевичъ Голицынъ съ товарищи приказали тому подъячему поможныя деньги 5 рублевъ, что ему дать было велѣно, а не дано, выдать нынѣ изъ доходовъ приказу малыя Росіи.

Февраля въ 15-й день данъ указъ къ расходу. (Бѣлг. Столъ. Столбецъ 411, л. 319—352, 183—188).

Д. И. Багалѣй.

XXI.

Климовскій-Климовъ,

„казакъ-стихотворецъ" и два его сочиненія.

О малорусскомъ писателѣ начала XVIII в. Семенѣ Климовскомъ до сихъ поръ извѣстно было только по слухамъ. Старшее изъ числа всѣмъ извѣстныхъ сообщеній о немъ находится въ Опытѣ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ Н. И. Новикова (Спб. 1772): здѣсь читаемъ: «Климовскій Семенъ, малороссійскій казакъ, сочинилъ книгу О правдѣ и великодушіи благодѣтелей, стихами, 1724 года; сія книга рукописною хранится въ Императорской библіотекѣ». Слѣдующее по времени извѣстіе о Климовскомъ находимъ въ «Дѣяніяхъ Петра Великаго» Голикова (т. IX, изд. 1789 г., стр. 479); здѣсь онъ названъ Семеномъ Климовымъ, Харьковскимъ казакомъ; сочиненіе его, поднесенное государю въ 1724 г., озаглавлено «О правосудіи начальствующихъ». Рядъ новыхъ, болѣе подробныхъ данныхъ вмѣстѣ съ портретомъ, вѣроятно, вымышленнымъ, находимъ въ Пантеонѣ россійскихъ авторовъ, изд. Пл. Бекетовымъ (М. 1801 г.); въ статьѣ Пантеона, составленной Карамзинымъ, Климовскій названъ малороссійскимъ казакомъ-стихотворцемъ, отмѣчено, что онъ жилъ около 1724 г.; далѣе повторено старое извѣстіе, что въ Императорской библіотекѣ хранится его рукописное сочиненіе О великодушіи и правдѣ, «въ которомъ много хорошихъ чувствъ и даже хорошихъ стиховъ (безъ опредѣленнаго теченія стопъ)»; «сказываютъ, читаемъ далѣе тамъ же, что Климовскій не менѣе семи греческихъ мудрецовъ былъ славенъ и почтенъ между его собратьями казаками, что онъ, какъ вдохновенная пиѳія, говаривалъ въ бесѣдахъ высокопарными стихами, давалъ пріятелямъ благоразумные совѣты, твердилъ часто пословицу: намъ добро и никому зло, то законное житье; и любопытные приходили издалека слушать его; малороссійская пѣсня: не хочу я ничего только тебя одного, которую

поютъ наши любезныя дамы, есть также, какъ увѣряютъ, сочиненіе Климовскаго, ученика природы, къ сожалѣнію не доученнаго искусствомъ». Изъ послѣднихъ словъ видно, что въ столицахъ сохранялись какія-то преданія о Климовскомъ, въ указаніи же на неправильность «теченія стопъ» можно слышать отзывъ лица, какъ будто читавшаго сочиненіе харьковскаго казака. Что преданія были живы, еще болѣе выказалось въ извѣстной, игранной въ 1812 г. на собственной половинѣ государыни Елисаветы Алексѣевны оперѣ-водевилѣ кн. А. А. Шаховскаго «Казакъ-стихотворецъ». Героемъ оперы былъ выведенъ Климовскій—співака и стихотворецъ, какъ называютъ его дѣйствующія лица піесы; онъ извѣстенъ своими сочиненіями и прекрасными пѣснями, самъ государь слушаетъ эти пѣсни съ удовольствіемъ; авторъ опредѣляетъ и время его жизни—участіемъ въ сраженіи подъ Полтавой; наконецъ приводитъ его пѣсню «Іхавъ козакъ за Дунай». Плохой знатокъ Малороссіи, ея быта и языка, еще тогда же жестоко осмѣянный за свою пьесу Котляревскимъ въ Наталкѣ Полтавкѣ, а ранѣе въ Украинскомъ Вѣстникѣ, Шаховской всетаки, нужно думать, говоритъ о Климовскомъ не совсѣмъ безъ основаній. Что касается до пѣсни, то пріуроченье ея къ имени Климовскаго принадлежитъ не ему: та пѣсня, какъ бы начало которой приводитъ Карамзинъ въ своей замѣткѣ о Климовскомъ, пѣсня, «которую поютъ наши любезныя дамы», представляетъ собою два первые стиха четвертой строфы пѣсни «Іхавъ козакъ»; пѣсня эта въ полномъ видѣ, но безъ имени Климовскаго, была напечатана въ 1806 году въ Пѣсенникѣ Прача, а затѣмъ неоднократно перепечатывалась съ различными варіантами, иногда по новымъ записямъ (о пѣснѣ этой см. статью В. Н Перетца «Очерки старинной малорусской поэзіи», Извѣстія отд. рус. яз. и сл., т. 8, 1,104—111; ср. также: Закревскій, Старосвѣтскій бандуриста, М. 1860, стр. 31—32). Къ сказанному слѣдуетъ прибавить, что имя Климовскаго введено въ Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей митр. Евгенія (изд. 1845 г., т. I, стр. 284): кромѣ того, что было отмѣчено въ Пантеонѣ россійскихъ авторовъ, здѣсь есть указанія на другія его сочиненія, правда, со ссылкой на источникъ не вполнѣ достовѣрный: «Сулакадзевъ, читаемъ въ Словарѣ, хвалится еще спискомъ его сочиненій 1) О дивныхъ всероссійскаго монарха (Петра I) дѣлахъ, о премудрости его и трудахъ (на 38 стр.), 2) О пришествіи кор. шведскаго Карла XII внутрь Украины и объ измѣнѣ Мазепы (гдѣ называетъ сего измѣнника кривымъ); сіе де сочиненіе писано стихами, золотомъ, и на ономъ подписался самъ авторъ Климовымъ, а не Климовскій». Наконецъ, въ 1843 г. въ Молодикѣ Бецкаго былъ помѣщенъ новый портретъ Климовскаго вмѣстѣ съ стихотвореніемъ, посвященнымъ

ему, Я. Щеголева; портретъ этотъ—такая же фантазія, какъ портретъ Пантеона, и представляетъ собою только его переработку.

Этими сообщеніями, сколько знаемъ, ограничиваются всѣ свѣдѣнія о Климовскомъ; единственнымъ остаткомъ его поэтической дѣятельности до нынѣ считалась пѣсня «Іхавъ козакъ за Дунай», связанная съ именемъ харьковскаго казака только по преданію начала XIX вѣка; существованіе сочиненія его, будто бы хранящагося въ Императорской библіотекѣ, казалось мало вѣроятнымъ, такъ какъ въ библіотекѣ, нынѣ называющейся Императорскою, не было никакихъ слѣдовъ нахожденія въ ней когда-нибудь такого сочиненія; отсюда легко зарождалось сомнѣніе въ существованіи и самаго автора книги О великодушіи и правдѣ.

Въ настоящее время можно сказать съ полной опредѣленностью, что харьковскій казакъ Семенъ Климовскій не миѳическое лицо: въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Императорской Академіи наукъ (какъ извѣстно, прежде называвшейся Императорской библіотекой) за № 17, 4, 9, до сихъ поръ хранится та рукопись, о которой писали въ свое время Голиковъ, Карамзинъ, митр. Евгеній и др., можетъ быть, автографъ самого Климовскаго. Рукопись эта упоминается въ малоизвѣстномъ старомъ печатномъ каталогѣ библіотеки Академіи наукъ 1742 г. подъ № 29 (въ десть, гражданскія) и отсюда Голиковъ и взялъ ея заглавіе и имя автора. Но въ литературный обиходъ съ легкой руки Карамзина вошли и не точное заглавіе сочиненія, и невѣрная фамилія автора: извѣстный въ литературѣ Климовскій—харьковскій казакъ Семенъ Климовъ, сочиненіе его называется «О правосудіи начальствующихъ, правдѣ и бодрости ихъ»; кромѣ этого сочиненія въ той-же рукописи находится и другое «О смиреніи высочайшихъ», не замѣченное составителемъ академическаго каталога оттого, что заглавіе перваго сочиненія написано такъ, какъ будто касается всей рукописи; рукопись имѣетъ дату—1724 года августъ.

Академическій экземпляръ, повидимому, подносный въ листъ, въ переплетѣ, крытомъ шелкомъ, на хорошей бумагѣ съ филигранью—гербъ г. Амстердама. Заглавный листъ въ узорной рамкѣ, рисованной перомъ; текстъ писанъ довольно хорошей скорописью, первое заглавіе—полууставомъ; поля отчеркнуты съ обѣихъ сторонъ чернильными чертами. Судя по междустрочной припискѣ на заглавномъ листѣ «всепокорно» (см. снимокъ), писанной, очевидно, не той рукой, какъ все заглавіе, можно думать, что заглавный листъ писанъ не Климовымъ, а что эта приписка, напротивъ. весьма вѣроятно, принадлежитъ самому ему; написаніе заглавія съ узорной рамкой, конечно, было естественно

заказать специалисту. Что касается до текста, то онъ писанъ, какъ особенно видно по частнымъ заглавіямъ, несомнѣнно, не тѣмъ лицомъ, которое писало общее заглавіе; можно скорѣе отмѣтить нѣкоторое сходство почерка текста съ почеркомъ приписки на 1-мъ л., принимая при этомъ во вниманіе, что въ припискѣ писавшій приноравливался къ почерку заглавія и писалъ полууставомъ, а не скорописью; если нѣкоторое сходство въ почеркахъ текста и приписки установить окажется возможнымъ, рукопись нашу можно будетъ, думаемъ, считать автографомъ Климова.

Вся рукопись состоитъ изъ 24-хъ листовъ: л. 1—заглавіе, л. 2—3—предисловіе, л. 4—20—О правосудіи, правдѣ и бодрости, л. 21—24—О смиреніи высочайшихъ; не приводимъ здѣсь точныхъ заглавій этихъ произведеній, такъ какъ все это находится ниже въ воспроизведеніи текста. Предисловіе къ книгѣ прозаическое, обѣ пьесы написаны силлабическимъ 13-ти-сложнымъ стихомъ (изрѣдка сбивающимся на 14-тисложный). Первое сочиненіе заключаетъ въ себѣ 902 стиха, второе — 160.

Читатель ниже самъ прочтетъ сочиненія Климова и оцѣнитъ ихъ достоинства и въ отношеніи формы и въ отношеніи содержанія. Мы позволимъ себѣ сказать только, что въ противоположность обычному раболѣпному тону южно-русскихъ виршъ XVIII в. сочиненія Климова представляютъ собою нѣчто совершенно иное. Описывая качества, необходимыя для монарха, добродѣтели ему присущія и восхваляя эти добродѣтели, авторъ далекъ и отъ похвалъ монархамъ вообще, и отъ прославленія того, кому онъ подноситъ свою книгу. Климовъ говоритъ, что правда—душа царя: какъ тѣло безъ души «недѣйственно, мертво есть и гнило», такъ царь безъ правды «есть мертвій, недѣйственній»: «аще мнится и въ живихъ образомъ явленній отвнѣ тѣла, но внутръ сій весь трупомъ согнилій; нѣсть въ немъ души—правди, лежитъ въ гробѣ стлѣлій»; «лучше въ нищихъ съ правдою гладъ и хладъ терпѣти, нежели, паремъ бивъ, правди не имѣти»; лучшій его нищій естъ: сей въ царской коронѣ, егда скипетръ—правду держитъ, сей сидитъ на тронѣ». Царь долженъ быть милостивъ, но нужно, чтобъ милость его была разумна: если онъ не казнитъ угнетателей народа, «зря народъ стенящій, сей властелинъ не естъ отецъ, о дѣтѣхъ болящій»; прощенный его милостью «сенаторъ» «потомъ злимъ духомъ зажжеся и паки въ грѣхъ убійства собою падеся»; сенаторъ будетъ въ правѣ сказать: «первій тотъ грѣхъ главній отъ сенатора, второй твой, царю, грѣхъ явній». Правосудіе и есть поэтому необходимая добродѣтель царей; царь долженъ заботиться о своихъ людяхъ и охранять ихъ: «яко пастиръ овца своя, людъ свой сохраняетъ, бодримъ попеченіемъ стражбу соблюдаетъ, не щадя сили своей,,

да ничто же подвластнихъ можетъ повредити». И обладая всяческими добродѣтелями, царь долженъ быть смиренъ, долженъ помнить о томъ, что все преходяще:

«нинѣ глава въ коронѣ лучами блистаетъ,
утро червію пищу смерть сію представляетъ;
днесь въ порфирѣ, утро въ тлѣ трупомъ облеченній
вмѣсто златой одежди всякъ превознесенній».

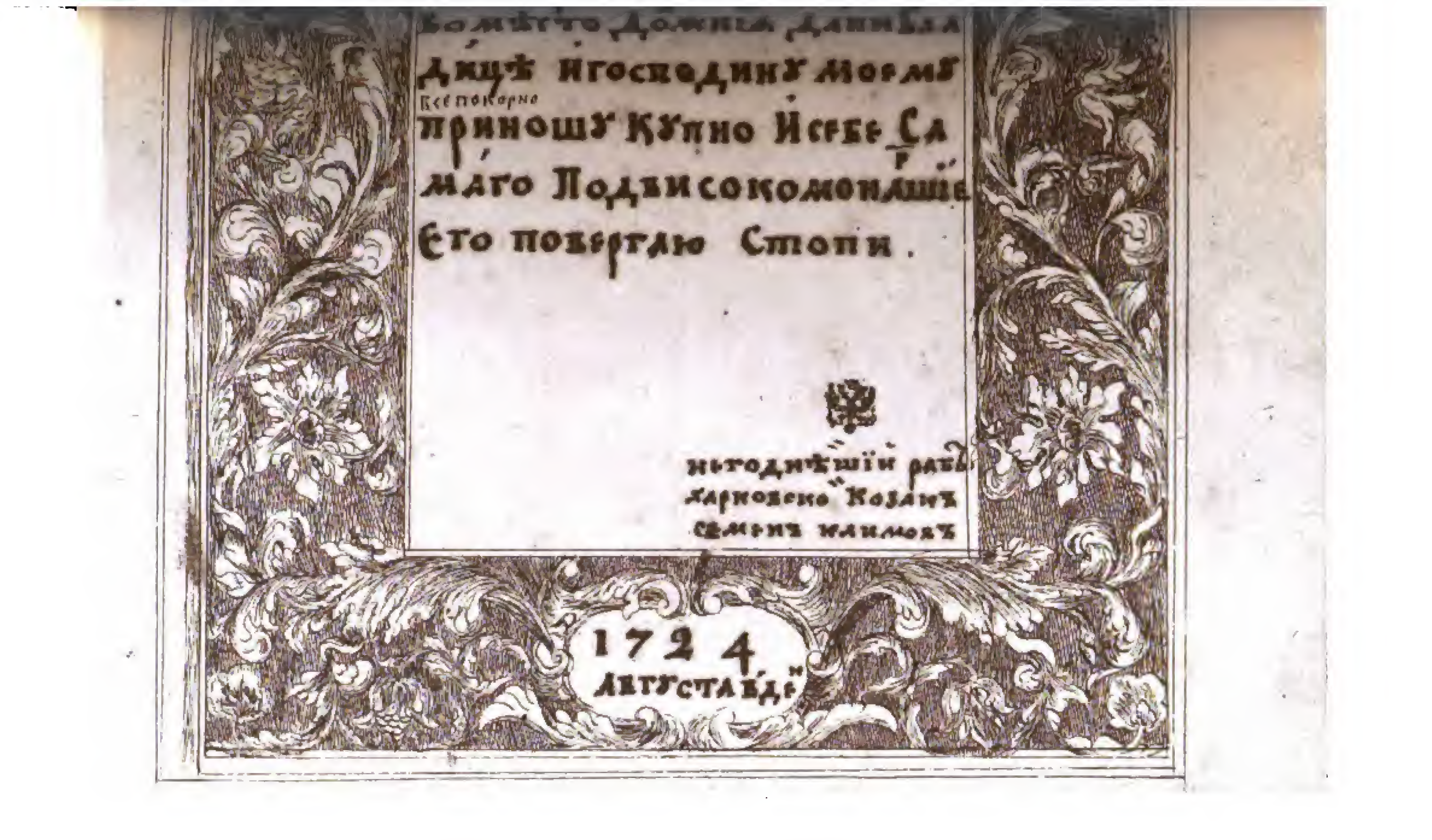
«Сія вся, кто отъ царей всегда размишляетъ:
заканчиваетъ Климовъ,
и себе смиреннима очима познаетъ,
что отъ землѣ и пепелу ничимъ есть разнственній
кромѣ власти царскія и всѣмъ соравненній,
той премудро научись скипетръ содержати
зде и въ безсмертной будетъ коронѣ сіяти».

Необычны такія рѣчи въ стихотвореніяхъ, подносимыхъ великимъ міра сего; «истину царямъ съ улыбкой говорить» рѣшаются только не рядовые люди. Но вызывая долгъ уваженія къ писателю, эти рѣчи указываютъ на то, что и принявшій ихъ, не бросившій ихъ въ лицо подносителю, а сберегшій въ личной своей библіотекѣ, не былъ зауряднымъ человѣкомъ.

При передачѣ текста сохраняемъ буквально правописаніе подлинника, но раскрываемъ титла, сносимъ въ строку надстрочныя буквы и замѣняемъ ꙋ посредствомъ *у*, изрѣдка встрѣчающійся ѧ посредствомъ *я*. Точный образчикъ правописанія читатель найдетъ въ прилагаемыхъ снимкахъ съ рукописи.

В. Срезневскій.

ОПРАВОСЛАВІЮ
НАЧАЛСТВУЮЩИХ
ПРАВДѢ ИБОДРО
СТИ ИХЪ
Всепресвѣтлѣйшому
державнѣйшому Імператору
и самодержцу Всеросійскому



во мѣсто Домина Даниела

днесь и господину моему

всепокорно приношу купно и себе са-

маго под высокомонаршее

его повергаю стопи.

негоднѣйшій рабъ

харковско козакъ

Семенъ Климовъ

1724

Августа въ д.

О правосудію началствующих, правдѣ и бодрости ихъ.

Всепресвѣтлѣйшему, державнѣйшому імператору и самодержцу всеросійскому Петру Великому, отцу отечествія, государю всемилостивѣйшему вомѣсто должнія дани, владицѣ и господину моему всепокорно приношу, купно и себе самаго под високомонаршіе его повергаю стопи.

Негоднѣйшій рабъ харковской
козакъ Семенъ Климовъ.

1724
августа в день

Предисловие ко благочестивому читателю.

Яко же кормчию бодрствовати подобаетъ царей многоочитому уму, проганяя крѣпцѣ волнения богопротивних дѣланий, да не опровержется корабль всемирнаго жителства волнами неправди; яко же бо око всажденно есть тѣлу, тако царъ мирови присоставися, отъ Бога данний для устроения полезнаго жития; о всѣхъ бо, яко же о своѣхъ удѣх, имѣти попечение долженъ есть, да преуспѣваютъ в добрихъ обикновениях, а не претикаются во злих; мнози бо лукавия человѣци, отъ запаляющойся златолюбием утроби своея неправедний судъ изблевавше, неповинних повинними, а повинних неповинними творятъ, и толикия кровоядци кровния от очесъ народних изводяще источники, гнѣвъ и отмщение Божие на все царство наводятъ; того ради всякому обладателю мира яко во опасномъ зерцалѣ подобаетъ всякаго дѣйствия подручнихъ своѣхъ видѣти состояние, и общевредителния от нихъ отсѣкати нрави, и себе самаго образъ ко наставлению ихъ представляти: яко же бо слонцу дѣло есть осиявати лучами весь миръ, тако царем и всѣмъ чиноначалникомъ премудрими и богоугодними доброчиниѣ просвѣщати всѣхъ в добродѣтелния нрави, да во всяком дѣлѣ и намѣрениѣ сохраняютъ правду и непрелщаются златомъ ко неправосудию, аще и не всѣмъ благоприятно трудолюбие их наставление и принуждение творити благое и душеполезное дѣло; мнози бо суть отъ своего природнаго злонравия благопотребная себѣ ненавидящиѣ, и самаго сего от его же неусипнаго попечения все общенародие и самих их жизнь неищетними Божиѣми процвѣтаетъ благодатми, какъ злотворащаго в ненавидѣниѣ имѣютъ и во мѣста премногаго достодолжно подобающаго возблагодарения хулния подобний с подобним от устъ своѣхъ износятъ словеса; яко же чуждия псы на кормящаго их странно лаютъ, тако злия и неблагодарния человѣци ползующаго яко враждующаго ненавидятъ.

Но какую силу содержитъ в себѣ полная благодати Божія всему миру благопотребнѣйшая добродѣтель правосудие? Всякъ рече: яко

же сердце, в тѣлѣ человѣческомъ пребивающее, всего тѣла содержит крѣпость сошедшимся к нему от всѣхъ членовъ жилами, тако правосудие внутръ народа содержитъ все царство; богосилний тое естъ хранитель престола царскаго и некрадомой во всяких творимих дѣлах и правлениях истинни: тогда царя багранища и корона украситъ и престолъ его миром огражденъ и благословением Божиѣмъ утвержденъ, когда царство и скипетръ свой паче чиста злата и многоцѣнних камений украситъ правосудием, всѣмъ високороднимъ и простороднимъ, славним и и безъславним, богатим и скудним, другомъ и врагомъ, равним по дѣломъ воздаянием, милосердием ко благим, жестокостию ко злим, ниже другомъ на лице взирая дружби ради, ниже на враговъ яращеся вражди ради, яко извѣстенъ сего, что всякъ праведний судъ без вѣнца блаженства вѣчнаго не будетъ, ниже неправедний от мучения божия суда сокриется; свѣдущий же и сие: что всякъ началствующий долженъ уподобити себе вишнему нелицезрителному судиѣ всѣхъ Богу, его же видимъ неисповѣдимое ко благотворащим благоутробие и всякую милость, подобнѣ ко злотворащимъ неизреченную ярость и жесточайшее наказание. О колъ многих прежде дни суднаго и мучения вѣчнаго временнимъ сверѣпим предал казнем, иних повелѣ землѣ живих пожерти, премногих гладомъ, и мором, и язвами неисцѣлними, болестми лютими, и различними от властей мучениѣ, прочиѣхъ огнем и мечем, и всякими пагубними злоключениѣ сотре, порази и сокруши нечестивих.

О велиею премудростию паче всѣхъ царских златосвѣтних утварей преукрашенъ естъ всякъ от благочестивих височайший монархъ, аще яко же душу свою и честь царскую и себе самаго и жизнь свою, тако во всѣхъ подвластних со всякою божественною ревностию тщится, да утвердитъ и укоренитъ в роди родовъ незиблемо и непрѣткновенно правосудие, и во всѣхъ дѣлотворенияхъ правду, яко матерь, имущую со собою любезная чада прочия всѣ добродѣтели: никто же бо что благо сотворити возможетъ без правди, во всякомъ она заключается благочиниѣ, яко жила нѣкая крѣпкая, совязующая собою вся прочия добродѣтели, или корень благоплодовитий, многия на себѣ красноцвѣтния благолѣпних дѣлъ содержащий вѣтви, или паче солнце душевное, множайшая свѣтом Христовим блистающаяся благодатию добродѣтелною, душу озаряющая, разсипающее луча. Кто не удивится и не прославитъ толикаго монарху, кто не почудится премудрости его, егда во всѣхъ подвластнихъ христоподобними подвигами своѣми внутръ, благодарованием Божиѣмъ цвѣтущий всегда трудится насаждати рай, прѣснозеленѣющим добродѣтелним красится листвием, и плодъ приноситъ правди любви и всякой благостини?

Кто не ублажитъ толико бодраго блюстителя любезнаго винограда Христова и своего, да зловредителнимъ вѣтром неправостей и всякихъ ложних хитроплетений не поврежденъ будет? Сему многотисящние возгласять гортани: таковъ нам подобаетъ бити пастиръ, таковъ отецъ, таковъ винограда хранитель; и единими усти рекутъ: буди, буди благословенъ нинѣ и во вѣки отъ Бога и святих его за преблагосерние труди своя, наполняющия от плодовъ его небо и землю. Всякъ таковъ правовѣрний монархъ помишляетъ послѣдняя своя, и яко о всѣхъ от Бога врученних себѣ воздасть слово в день судний, разсуждаетъ самаго себе, что, аще и царъ есть, но и праху земному соравнися, благо и право по заповѣдем Божиѣмъ идетъ, имѣя сопоборника благочестива помисла непобѣдимаго самодержца безсловесной страсти тщеславия; сие оружием цѣломудрия низлагаетъ, аще и височайшею от Бога почтенъ властию и царскою преукрашенъ короною, но и смирения одѣянъ порфирою, и не возноситься яко смертенъ, благоразсуждая, что существомъ тѣлеси равенъ есть всякому человѣку царъ, властию же достоѣнства подобенъ естъ Богу, господинъ естъ над всѣми, рабъ же со всѣми естъ Божий, благоявленно свѣдущъ что порфирою и диядимою облеченниѣ, и в нищетѣ на гноѣщах поверженниѣ, едино отчество имѣютъ персть земную, чаетъ же со всѣми обладаемими явитися пред судище Христово, о всѣхъ болѣзнуетъ сердцем аки о своем спасению мислитъ, трудится, печется отеческо, да, благочинно и душеспасително со всяким благолѣпием во славу сугубую временную и вѣчную все царство соблюдше, непостидно станетъ в день послѣдний пред лицем всѣхъ царствующих и царствуемих Цара и Господа со всѣми подвластними своѣми и рече: се азъ и дѣты моѣ, яже мнѣ дал еси, Господи, Владыко и Боже мой.

О правосудію.

Имже судомъ судите, симъ сами судими
Будете, превишний Богъ рекъ усти своѣми.
Судяй судомъ истиннимъ сиру и смиренну
судъ свой всякъ уподобитъ суду божественну.
Судъ чловечий судъ есть Божий: яко же Богъ судитъ,
тако всякъ долженъ судить, да судяй не блудитъ;
Всѣмъ властемъ и судиямъ образъ самъ Спаситель:
какъ судитъ Богъ, тако всякъ да судитъ властитель.
Любовъ и ярость в равенствѣ Господь сохраняетъ,
какъ благим милость, такъ злим казнь опредѣляетъ,

О правосудїи

Имже судомъ судите симъ сами судими
будете, превышний Богъ рекъ устни своими.
Судя судомъ истиннымъ сиру и смиренну
судъ свой всякъ уподобитъ суду божественну.
Судъ человечий судъ есть Божий, якоже Богъ судитъ,
тако всякъ долженъ судить, да судя не блудитъ.
Всемъ властемъ и судиямъ образъ самъ Спаситель,
панъ судитъ Богъ, тако всякъ да судитъ властитель.
Любовь и кротость вразумитъ Господь, сохраняйте

Не на лица зрити Бг̃ъ есть бо пресущественный,

За кратко слово разбойник твой в рай вниде,

За кратко слово фарисей во ад сниде,

Сей истинна явственно всем нам возмеряет

На весах судех своих равно полагает

Благодать добротворящим и казнь злотворящим

Сим радость вечну, оным плач вопль стенящим

Не многие словеса блудницы с молитвами

Но огнь вечный погаси своими слезами

Кратким мгновением грехи смыти соделанныя

Но вечная за нь мучения бывают преданныи,

И ниже по златоустого слову во геенне

Временныя казни страждуть за грехи сотворенни

Сим царство вѣчно, оним адъ огнь нескончений
неналицазримий даетъ Богъ пресуществений.
За кратко слово разбойникъ первый во рай внийде,
за кратко слово фарисей до ада сонийде.
Богъ истинна праведно всѣмъ намъ возмѣраетъ
на вѣсахъ судебъ своѣхъ равно полагаетъ
благодать доброчиннимъ и казнь злотворащимъ,
симъ радость вѣчну, онимъ плачъ во вѣкъ стенящимъ;
не многие словеса блудници з молбами,
но огнь вѣчний погаси своѣми слезами;
краткимъ мгновениемъ грѣхъ смертний содѣянний,
но вѣчним за нь мучениямъ биваетъ преданний,
иний по Златоустого слову во геннѣ
временних казний страждетъ за грѣхъ сотворенний.
Истинним судомъ Бога, яко ко Мойсею,
премудростию Богъ глагола своею:
егда достоѣнъ ранъ будетъ нечестивий,
злобни, безъмилосердни дѣла сотворивий,
да биютъ Его в число четиредесятъ ранъ,
по нечестию своемъ да будетъ наказанъ,
по числу согрѣшений, неправдъ, ухищрений,
по множеству творимихъ обидъ озлоблений,
яко да будетъ воля Его божественна
на небеси и на земли равно исполненна;
вся бо тѣмъ бисть от властей, без него ничто же
силний и могутственний творити не може.
Весь Богомъ содержимий, Богъ имъ обладаетъ,
всякъ что творитъ, аще и царъ сам Богъ то дѣлаетъ.
Достойная достойнимъ мѣрою дается,
святая псомъ кровояднимъ да не повержется.
Си естъ почитание и царская милость
но хранящимъ правду и ко монарсѣ вѣрность,
святая милость, сию творащий блаженний,
сей бисеръ да не будетъ свиниямъ верженний,
неблагодарнимъ синомъ, песѣй нравъ имущимъ,
зѣвающимъ всуе на власть и глаголющимъ
от слѣпоти своея умомъ заблужденнимъ:
властелинъ сия творитъ нам не обвиненним,

не показуютъ перстомъ к небеси разумно,
не рекутъ: помишление отвергли безумно.
Боже, правителствующий монархами всѣми,
ти за грѣхъ наказавъ насъ судбами своѣми,
власа з глави тронути не могутъ намъ власти
безъ волѣ твоей, ниже птици в сѣть упасти.
Сия еваггелски рекъ Господь всямогущий
и паки владычний гласъ его жъ глаголющий:
мною царие царствуютъ, правду пишутъ силни.
Но не внимаютъ сего коварствомъ растлѣнни
неблагодарние, пси яко злие, злими
лающие на звѣрхность пащеки своѣми,
казни суда праведна власти причитая,
а не Богу, имже вся суть благая и злая,
имже вся во всемъ земниѣ царие дѣйствуютъ,
разумъ, воля, сердце их ему послѣдуютъ,
во истину, яко рѣхъ, псу уподобленни,
песѣй нравъ имущиѣ тако изумленни;
яко песъ, егда будетъ каменемъ язвленний;
не за чловекомъ, имже камень тотъ верженний,
но за каменемъ бежитъ, камень угризаетъ:
сему на власть гризущийся подобний биваетъ.
Я же, не вседѣтелю Богу причитая,
но вопреки попущенная на нь сий разсуждая,
рече злохитрний, не Богъ сотвори мнѣ сия,
но властелинъ, и словеса блядословитъ злия.
Невѣрний рабъ, ругаяся за дѣла творими
Богу и властелину словеси гнилими,
не внимаетъ, яко всякъ будетъ истязанний
о дѣлахъ ихъ властелинъ, от Бога им данний,
и никто же от нихъ во разумъ свой приймаетъ,
какъ казнми своѣми Богъ властей поучаетъ:
беззакония ихъ жезломъ, ранами неправди
посѣщу по дѣломъ ихъ безъ всякой отради,
излию на нихъ ярость и гнѣвъ несконченний,
болесть вѣчну во адѣ червъ огнь раждеженний;
кому сия болести, глаголетъ Спаситель;
вамъ, хищникомъ правди, вам, тмѣ, всякий бо творитель

неправди, блудяй во тмѣ, умомъ помраченний,
не видитъ, камо градетъ златомъ ослѣпленний,
упадаетъ у сѣти дияволски злати,
сими связанъ в дебръ огненну бѣсом будетъ взятий.
Почто в златое сило влагаете глави, страждете тѣломъ з душею
за дѣла неправи,
жизнь в печаль, тѣло на казнь готови предати,
душу тмѣ началнику за прах земний златий?
Почто не отверзете очеса лукави,
да узрите, како Богъ ожесточенъ на ви?
Устрашѣтесь душею, слиша громъ ужасний
и трепетний с небесъ Божий глаголъ велегласний
чрезъ Іеремѣю пророка что вамъ обѣщаетъ
за неправди какъ лукавимъ огнь свой раздизает:
устремленно глаголю на царства, языки
искореню, разору, расточу и во вѣки
в пещъ огненну вовергу. Посемъ увѣщаетъ:
аще сия глаголъ мой вамъ и обѣщаетъ,
но егда престанете зладѣйства своего,
не исполню реченнаго вамъ слова моего;
аще покаяние будетъ на лукавства
и вся безъзакония, неправди, коварства,
Твору покаяние и азъ обѣщанимъ
и дамъ вам вѣнецъ жизни якъ синам избранним.
Сице власти отъ Бога людемъ поставленни,
да послѣдуютъ Богу, суть бо бози земни.
Азъ рѣхъ: бози есте, тако препочтенни
суть от смиреннаго Христа словеса реченни;
Должни себе сохранять ко благимъ благими,
ко злимъ пасущимъ себе безъ боязни злими,
всякий безъмилосердний Бога обидящий,
искренному своему бѣдствия творащий
судомъ безъмилосерднимъ да будетъ судимий,
да равно болѣзнуетъ яко обидимий
и равние в горести слези истачаетъ,
яко же и от него обижденъ стеняетъ;
егда жъ не единъ будетъ от его обижденний,
да будетъ болестию всѣмъ тѣмъ соравненний;

аще не единаго, но многихъ пролити
слези з очесъ, сихъ мѣру всѣхъ долженъ испити,
что многие понесли от него слезяще,
все то на хребтѣ своемъ понесъ би стеняще.
Таки должно какъ смертна яду охранятись
и яко повѣтренной язви устранятись
властелину от подвластна, злимъ нравомъ боляща:
сей есть душѣ его гнилость и рана смердяща;
аще властелинъ казнитъ сихъ, искореняетъ,
струпи то смертни на тѣлѣ своем исцѣляетъ,
ибо его уди суть, з сихъ аще согнилий
будетъ, да отсѣчется, да не весь растлѣлий,
тѣломъ от согнития того зараженний
и душею своею будетъ растлѣненний.
Аще неисцѣлние на своемъ кто тѣлѣ
имѣетъ рани, вреди и струпи согнили,
с коликимъ усердиемъ тщится исцѣлити
и от смертнихъ язвъ себе здрава сотворити?
Много всеусерднѣе вредительни нрави
имѣющихъ подвластних, яже суть лукави,
злохитри; сихъ от себе, какъ рани вѣчисти
и члени согнилие и вреди нечисти,
истреблять и удалятись толь злия зарази
и язви душевния, аще яко врази
дѣйствуютъ вся противно въ злость и досаду Богу
и монарсѣ за труди и бодрость премногу.
Толикое правление вѣнецъ естъ цареви,
вѣнецъ благочестия его Господеви.
Аще тако людъ свой пасетъ, или же отецъ власний,
царский то вертоградъ естъ цвѣтами прекрасний;
многа труда требуетъ всегда очищати,
билие не потребно исторгъ измѣтати,
плодовъ не творащее, да цвѣта своего
прекрасна не повредятъ благиѣ от него:
яко и вертоград когда устрояетъ,
вертоградъ от благовонних древесъ насаждает,
сладки прозябающихъ плоди, а безъплодни
терние в немъ и волчецъ, яже неугодни,

неимущие плодовъ добрихъ посѣкаетъ,
искореняетъ и от плоднихъ измѣтаетъ:
бодрий и благоразумний вождъ и мужественний
смотритъ, да в число силна воѣнства причтенний
будетъ мужъ благъ, искусенъ, прочиѣхъ же званнихъ
бездѣльнихъ отлучаетъ от числа избраннихъ;
и всякъ премудръ властелинъ в своемъ вертоградѣ
в собранию народномъ благихъ плодовъ ради
со искуствомъ и трудомъ благихъ насаждаетъ;
да и плодъ благий слави от нихъ прозябаетъ;
аще же всетщаниемъ з ревности усердной
бодрствуяй о сихъ для жизни их недушевредной
не всѣхъ возможетъ благимъ плодомъ украсити
и душепагубний от нихъ нравъ искоренити,
сихъ козловъ смердящихъ от агнцовъ отлучаетъ
и яко древеса неплодни измѣтаетъ;
и о сихъ слово Богу не воздасть в день судний,
яко искоренить ихъ нравъ не возмогъ студний;
ни же бо виновенъ врачъ искусний биваетъ,
егда не всѣхъ искуствомъ болних исцѣляетъ
нѣкоей ради вини не от врачеваний,
но егда болний не будетъ приуготованний;
никто проповѣднику вину возлагаетъ,
егда сѣмя слово не всѣмъ в пользу биваетъ,
падшее бо на камени сердца нечувственна
не возможетъ прорастить плода божественна.
Нѣкто премудръ написа: врачъ не всѣхъ исцѣляетъ,
не всѣхъ учитель ползуетъ; подобнѣ биваетъ
и премудръ властелинъ бодръ, благъ и всеусердний
ревнитель, да истребитъ от всѣхъ нрави вредни,
не всѣхъ возможетъ злобни вреди исцѣляти,
тѣхъ какъ уди гнилие тщится отсѣкати
и отмѣтать от себе, да не повредимий
и самъ будетъ от нихъ ранами всезлими;
чуждихъ творитъ от себе и милости и чести
благий зла ненавидяй неправди и лести,
какъ и Богъ творитъ благих достойних чертога,
внѣ пси и чародѣе, врази творца Бога;

правосудная его милость божественна
благимъ вѣчна, от злих же вѣчне отчужденна;
аще и не восхотѣлъ би Богъ злим творить сия,
но от правосудия наказуетъ злия;
милость бо и истинна в судѣ божественна
не разлучнимъ союзомъ есть совокупленна.
Милосердие его праведному суду
не сопротиво стоѣтъ, мир с ним имѣетъ всюду.
Богъ мирствуетъ с правдою, что правда требуетъ,
то и Богъ благоволитъ и с нею дѣйствуетъ,
правда же со Богомъ миръ содержитъ сладчайший,
не пребудетъ без Бога а ни часъ кратчайший;
Богъ с правдою, правда з Богомъ живет во вся вѣки:
сим мѣриломъ казнь приемлютъ злобни человѣки
На земли и во адѣ, где огнь не угасаетъ,
глаголетъ Спаситель, и червъ не умираетъ.
Безъ всякой милости Богъ наказуетъ злия,
всякимъ милосердиемъ объемлетъ благия;
тако судиямъ земнимъ достойно творити,
мѣрою дѣлъ возмѣрать на лица не зрѣти,
да не злохитрствомъ будетъ правда обидима,
и радуется милость на судѣ хранима,
и хвалится честию от всѣхъ препочтенна,
яко правдою вся суть дѣла растворенна.
Милость в судѣ хвалится: что суть слова сия?
есть ли се милость, аще кто милуетъ злия
и не казнитъ? нѣсть милость, но злость безъчеловѣчна;
сей подобенъ естъ бѣсу, бѣсу бо прилична
милость естъ сицевая, бѣсъ злих всегда любитъ,
ненавидитъ же благихъ и сихъ во вѣкъ губитъ;
аще кого не возъбранитъ Богъ Господь превишний,
какъ от лва поглощенний будетъ чловекъ грѣшний;
сия милость от суду Бога изганяетъ,
бѣса вводитъ, с ним судитъ, с нимъ и совершаетъ;
Христа истинни чужда себе творит злобний
бѣса отца лжи возлюби весь бѣсу удобний,
исходитъ к нему на совѣтъ его нечестивий,
стаетъ с нимъ на пути его всѣхъ творца презрѣвий,

синомъ Богу не хотяй бити доброчинна,
отца отречеся Христа, о ума дитинна,
сатанѣ в раба плѣнись за суетну цяту,
з Богомъ вѣчне разлучись, поработись злату,
Христосъ нарицается, бѣсу работаетъ,
похотемъ и маммонѣ самъ себе прелщаетъ.
Златопоклонници суть всѣ златомъ прелщенни,
волею идутъ з бѣсомъ во огнь раждеженний;
сиѣ суть бѣсовяне, а не християне,
іменемъ християне, дѣлы же погане;
аще дѣли отмещутся Христа, нѣсть Христови,
но диявольскиѣ раби, с нимъ во адъ готови,
яко святий Іоанъ Богословъ вѣщаетъ:
творай грѣхъ от диявола есть, Бога не знаетъ.
Християне от Христа суть пронареченни,
егда Христовими суть дѣли просвѣщенни;
егда жъ будетъ бѣсовскими дѣлы помраченний,
бѣсовянинъ есть, бѣсу сей усиновленний;
имя имать, яко живъ, мертвъ же и растлѣнний,
душа в тѣлѣ аки в гробѣ, от Бога презрѣнний,
аггелъ нарицаниемъ, бѣсъ житиемъ злобним,
помраченной прелести дѣмону подобнимъ,
образомъ естъ человѣкъ, Богу усиновленний,
нравомъ лютим звѣръ лютъ и бѣсу рабъ плѣненний;
егда лвомъ рикающимъ сѣдяще на судѣ
явится плачущимся и снѣдаетъ люди,
яже не суть виновни, виннимъ же кротчайшим
агнцемъ явится, в дѣлѣ и словѣ сладчайшим,
милости достойному, обижденну бѣдну
слези до слезъ, не милость покажетъ безстидну,
казни же достойнаго милости коея
достоѣнъ обидимий сподобитъ тоея;
еще и краситъ себе какъ би правимъ судом,
истиннимъ дияволскимъ лукавим облудомъ.
Сия милость вражда творцу, вред правди сокритий,
какъ под красною рожею змий злоядовитий.
Нѣсть Бога в сей милости, отецъ лжи царствуетъ,
разумомъ ихъ и сердцемъ бѣсъ владичествует;

нѣсть правди в сей милости, бѣсовской рабини,
ни закону, ни вѣри, коварства едини,
свѣтило нечестивимъ милость сицевая
в самой вещи мракъ адскій и тма душевная.
Милость в судѣ хвалится, кто вся устрояетъ
благо, право, премудро дары отмѣтаетъ,
равнимъ судомъ богата судитъ и у бога;
хвалится милость, что ей мзда от Бога многа,
хвалится пред аггели дѣлама своѣма,
яко прелестми суетствъ не естъ побѣдима,
хвалится что дарами хитро не прелщенна,
а ни златомъ суетнымъ не порабощенна,
хвалится, яко царемъ любима естъ в судѣ
и яко силна проганять вся от суду блуди,
хвалится что вся в мирѣ умети вмѣняетъ,
противу правди в судѣ лица не взираетъ,
не предаетъ Бога и истини за злато,
бисеръ Христа почитаетъ паче, неже блато,
за бренние земленно сребро вомѣняетъ,
противъ правосудня и вся презираетъ;
хвалится, яко над вся Богу естъ любезна,
дщеръ Христова сладчайша, ейже капля слезна
обидимих паче злата дражайша биваетъ,
даровъ отвращается на слези взираетъ,
на Христа плачущася сего обижденна
во образѣ чловечомъ, всего окрвавленна,
на крестѣ страсть скорбную отъ злобних терпяща,
паки распинаема и лютѣ болящa;
на сего зритъ милость, о семъ уболѣваетъ.
Судяй истинну паче всѣхъ царствъ почитаетъ,
не зритъ на лица честни, равно всѣхъ вмѣняя,
равно богату нищу казнь опредѣляя,
славний и благородний равно з малочестнимъ
на казнь милости, судомъ судится нелестним;
осужденъ же в писанiѣ сие да внимаетъ:
од тебе погибель твоя, не от власти биваетъ.
Се милость сущая сия хвалится на судѣ,
всѣ бо ми едино тѣло и Христови уди.

Кая се милость, аще вопиетъ до Бога
слеза бѣднихъ, егда естъ обида премнога,
сия слиша, яко аспид глухий, затикаеть
уши своя и воплей слезних не внимаетъ?
От чрева заблудивий лжу глаголетъ в судѣ,
неправду сплѣтаетъ, сѣть бѣсовску на люди;
то есть милость винному; о дѣмонска ярость
в сей милости, а не Христа милосердна благость;
толь мерзкаго милости своей сподобляеть,
з бѣса темна аггела свѣтла сотвораетъ.
Сию милость найпаче назвать достодолжно
жестосердиемъ, и всякъ тако судяй ложно
не токмо обидимим не подасть отраду,
но паче злобному творитъ умножатись яду;
и не сего единого, емуже являетъ
злому милость, но многих на зло поучает:
аще бо единъ будетъ от власти казнимий,
многихъ злихъ казнит, мучит страх самий видимий,
злу совѣсть исправляет, удобраетъ нрави,
отгонитъ мисли злия и дѣла лукави,
входитъ страх той во сердце, а где страх биваетъ,
тамо совѣсть добрая и Богъ пребиваетъ.
О коль премудрость почте искореняй злия,
блаженъ ненавидяй и наказуяй сия!
Добрий естъ винограда Христова блюститель,
благий благочестия и церкви ревнитель,
все общенародие ползуетъ премного
безъ лицезрѣния наказуяй злого,
к тихому, безъмолвному житию приводитъ,
от злихъ и нечестивихъ совѣтовъ отводитъ,
наставляетъ на разумъ, на зло запрещаетъ,
честнимъ обхождениемъ многих украшаетъ.
Кая се милость, аще источники крвави,
изъ очесъ текущие, и дѣла неправи,
убийства, грабителства видитъ з доношений
и всякими бѣдствиями народъ утѣсненний,
и не милуетъ сихъ, слезъ не отираетъ
казнию злихъ, но на зло паче поощраетъ,

егда власть и могутство имѣетъ пространно
от превишнея себѣ десници подано,
а слишитъ вопли бѣднихъ: доколь не призриши,
о Боже нашъ, доколь за кровъ нашу не мстиши?
сей вопиющий к Богу гласъ, глаголю, слишитъ,
а наказаниемъ злих слезнихъ не утѣшит
и зловредния прави не искореняетъ,
сицевий самъ властелинъ кровъ бѣдних снѣдаетъ;
снѣдаяй вмѣсто хлѣба людий моѣхъ бѣдних
сия до всѣхъ кровоядцовъ, рече Богъ, безстидних,
безбожнихъ, безъчловечнихъ, во нихъже вмѣсто Бога
бѣсъ гнѣздится в сердцахъ их от злаго налога,
им же Богъ сребро и всякъ естъ идолослужитель
покланяйся сребру, рекъ Павелъ учитель,
яже Бога не тако яко сребро любитъ,
аще чловека Бога, то за пѣнязъ мучитъ,
не слишитъ, что на главу его истѣкаютъ
слези людий и воплемъ небесъ досязаютъ,
предаетъ человѣка в руцѣ неповинна
судомъ своѣмъ неправим, не наказавъ винна,
презритъ правду на судѣ, на дари зѣваетъ,
златими лучами зракъ очесъ повреждаетъ,
не трепещетъ словесъ, яже от Бога реченни,
что в день судний судомъ своѣмъ будет осужденний
и мѣрою, еюже воздаетъ о блуднѣ,
тоею и восприйметъ казнь себѣ в день судний,
не внимаетъ, что имать казнь благодать премногу,
дароношение честно и драго естъ Богу,
достойни бо казни суть наректись едини
сладко любезнѣйшие нужним милостини,
ограбленнимъ, егда бо их врагъ сильний смирится,
тогда радостию имъ печаль растворится,
яко избавляются грабителства злаго
и уповаютъ житие себѣ начать благо;
наказание бо злих отрада слезящимъ,
помилование же злих плачъ к плачу стенящим;
страсти то суть Христови и вѣнецъ терновий,
прободающий главу святую до крови,

егда бѣснующійся сребромъ врагъ неситий
вся чуждая зѣваетъ безъступно пожрѣти
и прочиѣ мерзости своѣ проклятиѣ
творитъ обладаемим обиди всезлиѣ.
Вся же сия, рѣхъ, злая виною прѐходятъ
на власть вишнюю, егда к тому производятъ,
милостию своею врата отверзая
со всякимъ безъстрашиемъ творити вся злая.
Нѣсть доброта добротою рещися достойна,
раба не цариця милость; аще благородна,
честна, славна не казнитъ, зря народ стенящий,
сей властелинъ не естъ отецъ о дѣтехъ болящий;
аще обидителей ихъ казни свобождаетъ,
единому цареви подобний биваетъ,
яже сенаторови всезлий, убийственний
грѣхъ своею милостию сотвори прощенний;
тот же сенаторъ потомъ злим духом зажжеся
и паки в грѣхъ убийства собою падеся,
видя от царя своего себе не казненна,
коликая ж услишалъ царъ словеса реченна
от сенаторовъ к себѣ: первий тот грѣхъ главний
от сенатора вторий твой, царю, грѣхъ явний;
единаго онъ уби рукою своею,
вторий же милостию убитий твоею,
яко помилованъ бивъ од тебе убійца,
того ради убийства сего ти злочинца.
Внимайте власти, что творитъ милость злим явленна:
аще не би милость тому била сотворенна,
не дерзнул би втораго рукою убити,
страхомъ возъмоглъ би дерзость свою укротити.
Нѣсть достоѣнъ престола той царъ и корони
за неправосудне зде и в горнемъ Сионѣ,
не достоѣнъ явится вѣнецъ царский зрѣти,
яко вожделѣвъ в судахъ на лица смотрѣти.
О благословенъ творай вся дѣла благолѣпно,
да прѣсно цвѣтетъ правда в судах краснолѣпно,
самъ призирай везде, да судъ хранится правий,
егоже всякъ чуждъ милости творай судъ лукавий,

крадущий в судахъ истинну и сию за злато
купно с нею и Бога предаяй за блато,
за скорозгибший пѣнязъ, за суетну цяту,
тако вещъ безцѣнную и вѣчне богату;
сей и всякъ таковъ, аще будетъ наказанний,
тогда царъ царем будетъ достойно названний,
тогда скипетръ и престолъ содержать имѣетъ,
егда правосудием премудро владѣетъ,
аще пастиръ овцамъ своѣмъ будетъ примѣренний,
къ смиренним смиренъ и добръ, къ злим ожесточенний,
да коего мѣрою от дѣлъ возмѣраютъ,
тоею и от казний всегда восприймаютъ.
Яко самъ въ Апокалипси вишний Вседержитель
Богъ судия всѣхъ рече, да всякъ зла творитель,
елико прославися и разсверѣпѣетъ,
толико мукъ приданий чашу да испиетъ,
истязуетъ бо истинна его божественна,
да равенствомъ грѣха будетъ казнь опредѣленна;
сице яко же Господь долженъ всякъ судити,
а ни сину природну на лице смотрѣти:
яко же царъ единий не пощадѣ сина,
да сохранится правда на судѣ едина,
повелѣ извертѣти едно око сину,
другое себѣ за его достойную вину
вомѣсто обѣхъ очесъ синовских, что многи
плакались о сину его, падающе в ноги;
и многи родители синовъ не щадѣли,
за чужду вину и свою праведно судили
и всякими жестокими казнми сокрушали,
указъ цара небеснаго въ судахъ исполняли,
яко на многихъ мѣстехъ од всевидца Бога
о синовнихъ падежахъ заповѣди многа,
за благо разсуждали мужи благоумни:
аще синъ непокоривъ будетъ и безумний,
тисящию полезнѣй сина мертва зрѣти,
даби отцу за сина во адѣ не бити,
нежели сина здрава зрѣти, а злоумна,
и душу свою дать во адъ. О смисла безумна!

О ума ослѣпленна! кто таковъ быть мнится,
всякаго скота земна безумнѣйший зрится,
ибо многихъ свѣдителства святых мужей сия,
что отцу адъ суть блазни синовския злия;
аще безъ всякой милости не сокрушитъ кости,
да или умре или престанетъ от злости.
О би нинѣшнихъ вѣковъ утвердилъ Богъ суди,
да тако би судили безъ всякой облуди!
Лучше всякому себе найпаче жалѣти:
ни синъ, ни отецъ, ни мати помощъ сотворити
не можетъ в день лютъ, егда за грѣхъ, содѣланний
в словѣ, дѣлѣ и мисли будетъ истязанний.
То всякъ свѣдущъ от перваго до послѣдна чину
долженъ судить праведно за совѣсть едину
по мѣрѣ злодѣяний, ниже умаляя
ради благородия, ниже умножая
ради малочестия, но всѣмъ безъ прилога
и отлога воздаяй казнь прамим судомъ Бога.
Сей мзду приймет и милость его похвалится
на судѣ егда с ним пред судъ Христовъ явится.

О правдѣ.

Да будетъ крѣпость наша законъ правди в силѣ
благодати, благодати Божия; тою, аки крили
орелъ птенца своя, всѣхъ насъ Богъ покриваетъ,
яко же премудрий Соломонъ вѣщаетъ.
Царская есть душа правда; яко же бо тѣло
безъ душѣ недѣйственно, мертво есть и гнило,
тако царъ безъ правди есть мертвий, недѣйственний;
аще мнится и в живихъ образомъ явленний
отвнѣ тѣла, но внутръ сий весь трупомъ согнилий;
нѣсть в нем душѣ правди, лежит в гробѣ стлѣлий.
Аще же глава мертва, мертви и всѣ уди:
егда царь мертвъ, мертви всего царства люди;
аще и движущихся можемъ созерцати,
обаче за умерших достойно вмѣняти:
суть бо оны блудящнѣ овци во пустини
безъ пастира своего от погибшихъ едини,

нѣсть бо нѣсть в них пастира, умеръ в живом тѣлѣ,
нѣсть в немъ свѣта овцамъ, как въ угасшем свѣтилѣ;
во тмѣ аки слѣпиѣ ходятъ заблужденни,
вездѣ лютѣ падаютъ, везде преткновенни;
всякъ отъ его болѣзни нравной болѣзнѣетъ,
какъ од тѣла гнилаго здравое вредѣетъ;
вѣтвия кореневи подобни биваютъ,
всѣ бо на началника своего взираютъ.
Многа соблазнь от равних, но аки двѣ сѣти
от власти подложени в сихъ двох дѣлах зрѣти,
егда ни сам правду хранит, ни учитъ подвластних
хранити ту, сей пагуба людий своѣхъ властних.
Лучше в нищихъ с правдою глад и хлад терпѣти,
нежели, царемъ бивъ, правди не имѣти;
лучший его нищий есть, сей в царской коронѣ,
егда скипетръ правду держитъ, сей седит на тронѣ;
нетлѣнная корона с небесъ возъложенна
на главѣ его сияетъ Богомъ просвѣщенна;
сию всякъ мисленнима зритъ на нем очима,
аще тѣлеснима и не естъ видима;
видятъ на немъ аггели, свишше приникая,
видятъ и человѣци, умнѣ на нь взирая,
аще и бѣденъ и нагъ зрится, ни в порфирѣ златѣ,
ни въ коронѣ пресвѣтлой, ни въ царской полатѣ,
но во темномъ углищи безъ всякой отради
бѣдно страждетъ, корчится в наготѣ и гладѣ,
непрестанно от жития прегорка стеняетъ,
едино же імя его правдою сияетъ.
З сихъ двохъ коего царем зрим на престолѣ бити,
кто не рече, яко сего, в немже правду зрѣти?
Не щаслива щастливость и во царскомъ санѣ,
егда пасти с престола до адской отхлани!
Оний же и въ пропасти с правдою возрѣмо,
где естъ, не на земли, на небѣ рецѣмо;
на земли ходитъ, на небѣ живетъ сий душею
просвѣщенний во вѣки правдою своею.
И что от сихъ лучшее? чи радость дочасна,
по сем скорбъ вѣчна адским огнемъ преужасна,

или скорбъ дочасная, потомъ радость в свѣтѣ
горнемъ зъ аггели во вѣкъ нескончений зрѣти?
Кая то радость, аще конецъ естъ тоея
вѣчние слези? о дай, Богъ, не имѣти ея!
И кая то скорбъ, егда кончится во радость
безъсмертну? О дай сию скорбъ, Богъ, превѣчна благость!

Правда естъ радость, вѣчна и временна радость,
в ней всякъ слишитъ мисленно небесную сладость,
яко без правди всякъ огнь адский ощущаетъ,
совѣстию внутръ себѣ, подобнѣ биваетъ.

Храняй правду мисль сердце всегда веселится
надеждою, что блаженства вѣчна сподобится
на земли и на морѣ; душа несмущенна,
на всякий часъ явитися пред суд дерзновенна;
ни мечъ, ни огнь, ниже адъ во вѣкъ нескончений
не потрасаетъ страхомъ сердца болезненнѣ.

О правдо, честнѣйшая над всѣхъ добродѣтель,
ти еси ключъ царствия, ада разоритель,
ти порфира царская Богомъ просвѣщенна,
тобою в чертогъ внийдетъ душа украшенна,
корона царска и престолъ, свише осѣненний,
скипетръ златий, от камений Богомъ насажденний,
приставникъ всевѣрнѣйший небесна чертога,
егоже хощетъ, введетъ в свѣтъ горний до Бога,
врачъ болѣзни душевной от ранъ исцѣляетъ
вреду, смерти вѣчния скоро избавляетъ.
око естъ душевное, имже всякъ мисленно
всесладчайшее зритъ лице божественно,
вождъ от Бога, яже ис темници изводитъ
хрѣховной и во свѣтъ дѣлъ благихъ воводитъ,
наставникъ благий блудним во тмѣ мира лестна
ведетъ ко свѣту Христу от тми грѣха смертна,
учитель премудръ учащъ разсуждать о смерти,
даби мир сей и вся в нем вмѣнять заумети,
свѣтилникъ, являющий путь правъ и путь лёстний,
со нимже всякъ вонийдетъ во чертогъ небесний,
дѣлатель вѣнца царска пресвѣтла нетлѣнна,
имже вѣнчанна будетъ душа благостинна,

строѣтель обители внутрния Христови,
идеже покой Христовъ паче горнихъ кровий,
путь ко Богу и путь Богу в храм сердца пространний,
сим всякъ в царство, творецъ в душу входит несозданний,
дверникъ двору царскаго цареви любимий,
от всѣхъ хоровъ аггелскихъ превишних хвалимий,
отверзаетъ дверъ въ чертогъ небеснаго творца
в селение Божие, идѣже нѣсть конца,
купецъ зъ Ерусалиму горнего богатий,
не от камений честнихъ, ниже богатъ в златѣ,
но приобрѣтениемъ богатствъ неистлѣнних,
небесныхъ адамантовъ во вѣкъ неизмѣнних,
сию куплю творитъ и сей бисеръ купуетъ
самаго Христа, имже всякъ во вѣки царствуетъ,
стражъ естъ бодрий душевний от волка мисленна,
да не аки блудна овца будетъ похищенна.
Правда мрежа Христова во житейскомъ морѣ,
от негоже извлечетъ насъ въ небесния двори,
правда столпъ царей земних, на сем столпѣ високом
стоящий царъ всякъ видитъ Бога умнимъ окомъ,
воевода вооруженъ силний побѣдитель,
на супостатъ душевних преславних отмститель,
кормитель душъ алчущихъ снѣдь уготовляетъ,
нетлѣнною пищею души насищаетъ,
чиститель язвъ душевнихъ сия омиваетъ,
обязуетъ усердиемъ, пластир прилагаетъ,
властитель и судия судитъ совѣсть злую,
казнитъ ложъ, истинну же милуетъ благую,
ключаръ полати царской, близъ Бога предстоѣтъ
отверзаетъ полату, избраннихъ воводитъ.
Источникъ жизни, правда воду живу лиетъ,
к сему жаждай да градетъ и жизнь вѣчну пиет,
сила, немощъ душевну всекрѣпку твораща,
свѣтъ естъ зеницъ душевних, уста Бога чтяща,
море разливающее всѣхъ благихъ дѣлъ рѣки,
цвѣтъ радости, ейже конца не будетъ во вѣки,
око херувимское, симъ зрать Бога дивна,
божественнаго лица красота едина,

диядима пресвѣтла, в часъ смерти предстатель,
надежда во день судний, Бога ублагатель,
вкушение сладчайшее сладости Христовой,
искоренитель злобной лжи всезлохрѣховной,
свѣтъ прѣсносущний в душѣ, пища неснѣденна,
всесладчайшая сладость пития душевна.
Безъсмертная жизнь правда есть в тѣлѣ мертвенном,
свѣтъ Христовъ незаходимъ во храмѣ душевном,
свѣтлость разумная, лице божественно
зрѣнию душевному творитъ всеявственно,
вѣнецъ блаженства в руцѣ Христовой державий,
столпъ крѣпости душевной непоколѣбимий,
столпъ огненний во мрацѣ темной лжи блудящим
показуетъ путь правий пламенем горащим,
всего царства и всѣхъ дѣлъ царскихъ украситель,
совѣтовъ нечестивих лестнихъ разоритель,
рука изъвлекающая отъ адскаго рова,
толкущимъ отверзитель царствия Христова,
совѣтникъ благъ судиямъ на путь исправляетъ,
да судяй всякъ судъ Божий въ сердци размишляетъ,
пристанище доброе християномъ сия,
громъ с небесе ужасний на лжи проклятия,
баня мисленная, яже душу омиваетъ,
лжею очерненную совѣсть убѣляетъ,
дверъ царствия есть, сими всякъ ходяй вонийдет
в царство свѣта, идеже всяка скорбъ не прийдетъ,
луна есть разумная нощъ лжи просвѣщаетъ,
манна небесная, сия души насищаетъ,
лѣствица ко небеси правда существенна,
царская дщер жениху Христу возлюбленна,
миро благовонное, с небесъ излиянно,
имже лице Христово облагоуханно.
Содружебница царска правда любезнѣйша,
собесѣдница Богу над всѣхъ избраннѣйша,
вертоградарка небесна блаженна во вѣки,
миротворителница между человѣки.
Правда огньраждежденний адский угасаетъ,
предстателка о насъ Богу ярость укрощаетъ,

червъ лютий умерщвляетъ, скрежет от зубовъ изгонит,
тми вѣчной избавляетъ, от бѣсовъ боронит,
кринъ раю небеснаго разноличноцвѣтний,
в немъ добродѣтелний цвѣтъ всякий благолѣпний;
ибо правда содержитъ, то в ней созерцати,
какъ корень многи вѣтви, многи дѣла святи;
и сама верховная любовъ, всѣхъ дѣлъ мати,
не можеть бить любовъ и что безъ правди дѣлати,
сольнце всѣхъ благихъ дѣлъ правда луча разсипаетъ,
всякие благостини сама средѣ их сияетъ.
Аще кто милосердний правду то дѣлаетъ,
заповѣдь бо Христову право исполняетъ,
милостини, доброчинства, закономъ преданни
творитъ, творит правду и вся дѣла избранни.
Всяко дѣло благое естъ правда совершенна,
всяко дѣло злое ложъ от бѣса рожденна.
Правда киотъ хранения алмазовъ мисленних,
си естъ добродѣтелей всякихъ божественних.
Прежде миръ не бисть, творецъ и Богъ несозданний
возълюби правду, въ нутрном раю цвѣтъ избранний.
Правда его во вѣкъ вѣка престолъ то сияетъ,
въ смиренномъ сердци на сем Богъ препочиваетъ,
чертогъ вънутрений прекрасний и покой единий,
в нем в началѣ бития Богъ живетъ и нинѣ.
Божия есть премудрость правда существенна;
вся премудростию сею растворенна,
вся судби своя вишний Господь устрояетъ
правдою и вся дѣла своя совершаетъ;
сим мѣриломъ правдою вся суть возмѣренна,
радость вѣчна въ чертозѣ сим опредѣленна
и плачъ въ адѣ нескончен; и неисповѣдими
яже суть дѣла въ Бозѣ всѣмъ людем творими.
Вождъ разума, а паче имже власти данни,
да не, преткнувся, паде вдолъ адской отхлани,
благий правитель судовъ добрѣ начинаетъ,
прамо ведетъ, всяко дѣло честно совершает.
Видя правду радуется Богъ, всѣхъ сердца зритель,
зраще неправду аггелъ плачется хранитель;

веселятся и вся сили горния, видяще
в судахъ правду, плачутся бѣси, сию зраще,
плачутся, яко правда огнь есть им палящий,
восплачется со ними и всякъ лжу творащий;
всяким благочестиемъ Бога почитаетъ
всякъ князь мира, аще сий правду сохраняет.
Правда вѣренъ свѣдитель всѣмъ подаетъ зрѣти,
яко достоѣнъ есть царъ царемъ миру бити,
аще правду содержитъ, вожда, всеблагаго,
отводяща от пропастна рова пути злаго;
такожде и неправда истинний свѣдитель,
что нѣсть достоѣнъ царемъ бить и царства блюститель
и бѣднѣйший всѣхъ бѣдних, в гноѣщах лежащих,
в темницах, в болѣзнех и нищетѣ стенящихъ;
аще при множествѣ камений и злата
нищъ убогъ будетъ в правду, кто нарече богата,
славна или премудра престола достойна?
Мертва рука держитъ скипетръ, на мертвом корона.
Како можетъ все царство управити чинно
самъ блудящий неправди путем непремѣнно,
какъ похочетъ учить правду, хранить сам лукавий,
какъ можетъ всѣхъ правити, аще сам неправий?
Блудяй самъ сей заблужденъ и в чуждомъ есть дѣлѣ,
нѣсть лучъ ясних в покритом умбрами свѣтилѣ.
Аще само сияетъ солънце, всѣ от него
свѣтлость приемлют яко от свѣта своего;
от добрия совѣсти сей цвѣтъ прозябаетъ.
Правда, реку, зла утроба ея не раждаетъ
и ниже любитъ правду; не боголюбимо
сердце сему; что благо, то ненавидимо,
благий благое любитъ, злому всегда злое
любимо естъ, емуже мерзко есть благое.
Правда на судѣ ложнимъ печаль есть и болесть,
сладость ея лкбящим нелюбящим горесть,
и похвала слишанна о творащихъ правду
лукавимъ неприятна, ложъ творитъ, отраду;
правда дщеръ любезная благимъ, злим рабиня;
в комъ нѣсть правди, тому ложъ любима едина,

ненавидитъ правди ложъ; всякъ чловекъ подобний
подобное себѣ любитъ, злое любитъ злобний;
какъ в комъ иномъ человѣкъ можетъ то любити,
что в себе не любитъ и не хощетъ творити?
Многа благодать сему с небесъ излиянна,
кто со правдою творитъ вся дѣла изъбранна;
правда всякому дѣлу благому другиня,
безъ нея в сердци благость не живет едина;
всякъ кто благо что творит тебѣ, вишний Боже,
безъ правди сотворити не может ничто же,
яко чада вся дѣла влечетъ за собою.
О блаженная правдо, везде Богъ с тобою.
во правдѣ Богъ живетъ, во лжи бѣсъ от вѣку,
в комъ правда, в том Богъ, в ком лож в том бѣсъ человѣку.
Творай правду синъ Богу, творай лжу синъ бѣсу
безъ всякаго, писание глаголетъ, примѣсу;
другъ Христовъ естъ Христову правду всяк творащий,
другъ бѣсовъ бѣсовскую лжу всегда мислящий;
правдою всякъ человѣкъ Богу естъ подобний,
лжею подобенъ бѣсу яко злобну злобний.
Правда естъ всѣхъ благих дѣлъ лѣпота и сила,
сия святихъ вѣнцами в небѣ украсила.
Правда естъ самъ Богъ и дѣло его божественно
всяческое естъ свѣтомъ правди осѣненно;
подобнѣ и земниѣ бози в каждомъ дѣлѣ
должни правление при сем творить свѣтилѣ
при правдѣ всесвѣтлой, да не свѣтъ помрачится
душевний, егда правда от дѣлъ удалится.
Правда покровъ естъ царству, грады защищает
паче стѣнъ каменних и церковъ сохраняетъ,
украшение царемъ, свѣтлий лучъ корони,
блистающий на земли и въ горнем Сионѣ,
скипетра правление, престола блюститель,
съ небесъ вооруженний враговъ побѣдитель.
Правда идетъ пред лицем всѣхъ царей во брани,
аггелско защищаетъ от всякия рани;
свѣтъ то с небесъ осѣняетъ монаршую главу,
стражникъ от Бога посланъ, стрегущъ его славу;

правдою вооруженъ царъ на враги силний.
Правда огненний серафим с небесъ шестокрилний;
сей крилами своѣми везде покриваеть,
любителя своего зъ Богомъ ограждаетъ,
да ни огнь, мечъ, ни стрѣли в день брани коснутся,
паче от него враги въ конецъ да сотрутся.

О бодрости.

Вся вседѣйствителним суть Богом сотворенна:
небо, земля, свѣтъ и тма вся неизреченна,
царство и адъ тобою, вседѣтелний Боже;
горѣ, долѣ вся тѣмъ бисть, безъ него ничто же;
постави царей людем, да сохранятъ гради,
да будутъ аки отци с любезними чади
с подвластними своѣми. Но разсмотрѣмъ труди,
бодрости их подвиги, да сохранятъ люди,
колики страдания сердцем мужественно,
коль тяжкое носитъ бремя иго божественно.
Всякий царъ и властелинъ, в немже ревность правди,
бодрости, трудовъ, ползи народния ради,
да понесетъ вся за всѣхъ горнему всѣхъ Богу,
подобящеся готовъ на всю нужду многу
воѣнску и гражданску. Что сего мним бити?
се страдалца крестоносна в правду разумѣти:
труждается, бодрствуетъ и ниже уснути
возможетъ, егда мятежъ нѣкий постигнути
хощетъ его подъвластних, себе представляет,
себе, яко же и Богъ, за всѣхъ полагаетъ,
ни ужасается, ни трепещетъ собою
стрѣляний смертоносних во огнистом бою,
окрестъ глави летающих не криется смертий,
паче жизни смерть сладчайша за церковъ умерти.
Аще тако за всѣхъ кровъ готовъ пролияти
како о властелину такомъ разсуждати?
всякъ сим страстотерпием подобний Христови,
яже сердцемъ токмо вся понести готовий;
во дни непрестанно мислитъ пастир многотрудний,
какъ овци Христу цѣли явити в день судний,

в нощи, какъ журавъ между спящими бодрствуетъ,
внутрь да добрѣ сохранит сердцемъ болѣзнуетъ,
да упасетъ народъ свой: болѣзнь сицеваго
естъ мученичество и крестъ Христа всеблагаго,
есть страсть паче страстий тѣлесних мучений
и всяких болѣзненних внѣшних уязвлений.
О чемъ премудрѣйшиѣ богослови ясно
тако гадателствуетъ равно всѣ согласно,
что тяжше страдание внутрне сокрушаетъ,
нежели внѣшнее от лютих ранъ биваетъ,
злѣйша скрита во утробѣ печалная рана,
нежели от мучений на тѣлѣ задана,
жесточайший мучитель печаль со стенанми,
нежели тѣло терпитъ многими страданми,
и того премудростми доводятъ своѣми;
овие жъ богослови, что Христосъ мучимий
не толико претерпѣ на крестѣ мучений,
елико дѣва под крестомъ от скорбних сотрений,
болие еѣ в сердци печалние рани,
нежели от тиранства Христови задани,
и не токмо своего сина возлюбленна
мати благая видя всего окрвавленна
от глави до ногъ, сия болѣзнми безъ мѣри
превосходитъ, но над всѣхъ пострадавших в мирѣ
мучениковъ Христовихъ сердцемъ претерпѣла,
егда сынъ на крестѣ, мати под крестом болѣла,
стенящая голубица мати болѣзненна,
сѣтующа горлица Христу возлюбленна.
До толь богословское зданье достовѣрно,
что тяжша внутрна болесть от внѣшной безмѣрно,
все убо явственно всѣмъ предизъявляетъ,
что не притворително глаголъ сей вѣщаетъ,
яко всякъ многотрудний властелинъ бодрственний
естъ мученикъ и вѣнецъ приймет торжественний,
вѣнецъ мученический, о множѣхъ стенящий,
какъ отецъ, утробою о дѣтехъ болящий,
внутрное мучение и скорбние страсти
терпящий, да не подасть людем в бѣди впасти,

распинается, мислми сѣтуя своѣми,
страждетъ сердцем, да не будутъ от врагъ побѣдими
и да чинним правлением будутъ утвержденни
и не падутъ навѣти злими побѣжденни,
Во истинну мученикъ и всякъ ему удобний,
какъ онъ Христу, такъ ему, егда естъ подобний
воѣнъ сердца крѣпкаго, аще сий во брани
персий не сокриваетъ, готовъ естъ на рани,
готовъ о Бозѣ за церковъ и весь мир умерти,
тисящних на нь летящих не трепещет смертий,
радуяся идетъ на смерть, готовъ стать до крови;
но найпаче властелинъ подобний Христови
свѣтлѣйший в небѣ приймет вѣнецъ божественний,
яко всѣхъ крестъ носящий воѣнъ доблественний,
приймет безъ сумнѣния о всѣхъ болѣзненний,
о всѣхъ сѣтующий, да не падутъ похищенни
в рупѣ враговъ Божиѣхъ и креста Христова,
всѣхъ блюдетъ в хранилищи своего покрова,
приймет за многи крести яко всѣхъ хранитель,
ихъже носитъ за вся люди Христовий ревнитель,
всѣхъ бѣдоносецъ за всѣхъ крести возъдвизаетъ,
всѣхъ бремя на рамена своя возълагаетъ,
носитъ бремя крестное крѣпко, не стеняя,
трудъ, потъ, варъ, зной любезнѣ приймая,
всяку горесть за сахаръ, за покой вся труди
всѣми тако болящe, какъ своѣми уди,
здравия не щадя; прохлади презирая,
труди о всѣхъ паче всѣхъ утѣхъ почитая;
будрствуетъ; яко журавъ, да всѣмъ сонъ биваетъ
безъпечалний и мирний. Околь снабдѣваетъ
премудръ и бодръ властелинъ людъ свой всеусердно,
да в мирѣ и тишинѣ поживутъ безъвредно.
Журавъ бодрости ради нощну стражу имущий
камень держитъ в нозѣ едной, тако муж стрегущий;
яко пастиръ овца своя, людъ свой сохраняетъ,
бодрим попечением стражбу соблюдаетъ,
не щадя сили своей всѣмъ прагнетъ угодити,
тщанием, радѣниемъ, разумомъ, совѣти,

имать камень адамантъ, разумъ всекрѣпчайший,
творащий его бодра камень то дражайший,
да ничто же подвластних можетъ повредити.
Тако стражба вѣрна всѣхъ тщится сохранити,
да всемирно поживутъ несмущенни злими,
тако сердоболиемъ всегда суть храними,
аки отцемъ природним любезние дѣти,
во всемъ, яко себѣ, им тщится угодити.
О коль честна пред Богомъ сия добродѣтель,
которую дѣйствуетъ подвластним властитель
всенародно блажима и въ святихъ преславна
от аггелъ возносима, пред Богом похвална.

Присовокупися здѣсь вторая книжица.

О смире(н)іѣ височайшихъ.

Коль чуденъ естъ и славенъ сей даръ божественний,
егда кто от всѣхъ болий паче всѣхъ смиренний,
дивно дѣло, равно дивна благодать премнога,
аще кто височайший смиренъ ради Бога,
елико бо великъ кто в сей преуспѣетъ,
толико величайшу благодать имѣетъ;
небо, земля чудится, егда царъ смиренний,
порфирою смирения аще украшенний,
достоѣнъ бити зъ царемъ небесним в чертозѣ
и въ коронѣ веселитись во вѣки о Бозѣ.
Смирение к небеси лѣствица естъ злата,
по сей градий на небо внийдетъ в царски врата;
смирение царъ мислемъ сими обладаетъ,
сия аки бурное море укрощаетъ,
да вѣтромъ тщеславия не будутъ надменни,
да низпадетъ во адъ всякий вознесенний;
око естъ разумное, симъ всякъ созерцаетъ,
что вся сѣнь, и персть себе бити познаваетъ,
зритъ себе, что червъ живий ползящий единий,
согнитие по смерти, трупъ и вредъ растлѣнний.
Смирай себе волю то свою всякъ смираетъ,
доброму смотрению, какъ стражу вручаетъ,

да не идетъ на совѣтъ пагубодушевний,
к немуже вознесшийся зовет бѣсъ князь темний,
но уклонитъ от пути тщеславия ногу,
да не к бѣсу шествуетъ, но ко творцу Богу.

Смирение перстъ умний показуетъ в гробѣ;
свѣтлий саномъ, благородний въ коей есть оздобѣ
на сихъ лице взирая, чловекъ да всякъ чаетъ
таковъ бити и аки на себе взираетъ,
на лице мертва своего лица, то зерцало
мняще, себе зритъ в нем, ибо нѣсть разни нимало.
Смирение врачъ премудръ, сей добрѣ врачуетъ
рани тщеславия, смрадъ спесѣ отиймует.
Образъ царский смирение; сим сам украсися
царъ небесний, егда даже до смерти смирися;
многи били порфири царские Христови
дѣла, но смирениемъ паче горних кровий
Богъ зракъ раба приемий билъ преукрашенний;
симъ и адъ разори, сим и во плоть облеченний,
сим сведеся на землю с небесъ Богъ единий,
призрѣ бо на смирение своея рабини.
Смирение возносити добродѣтель сильна,
виспрь ко славѣ паращà яко многокрильна,
сими убо, сими смирения крили
мнози и ко небесной славѣ возлетѣли.

Всякая добродѣтель бѣси устрашаетъ,
но над всѣ смирение гром страшнѣйший биваетъ,
яко самъ исповѣда бѣсъ старцу въ пустини,
что силнѣйшее есть на нь над всѣ благостини.
Смиреннаго благословитъ превишня десница,
на смиренна призираетъ Христова зѣница:
на кого возру? токмо на кротка, смиренна,—
О коль смиренна душа Богу возлюбленна!—
на смиренна токмо! Сие слово изъявляетъ,
что смиренъ любезнѣйший всѣхъ Богу биваетъ.
Аще и многи в многих дѣла всеблагиѣ
сияютъ, какъ в коронах яханти драгиѣ,
но никто же достоѣнъ вся дѣла благая
творащъ сия слишати словеса драгая,

яко на смиреннаго точию взирати,
сладчайшими усти рекъ: оле благодати!
Всякими цвѣти дѣва преблагословенна,
от криновъ добродѣтелних есть преукрашенна,
но противу смирения всѣ аки презьрѣнни,
егда Творецъ превишний во Тройци единий
на смирение призрѣ Мариѣ дѣвици
всепрелюбезнѣйшими своѣми зѣници
и сонийде со небесъ, прия плоть, смирися,
страненъ, алченъ, жажденъ, нагъ бити изволися.
О глубина чудесъ: Богъ, всѣхъ творецъ, владика,
смирися паче перстна тлѣнна человѣка!
Кто от человѣкъ високихъ смиратися може,
подобящеся тебѣ цару, вишний Боже?
Кто от царей, смиренъ бивъ от мироначала
и от нижайших чиновъ часть смиренних мала,
не можетъ тяжчайшее под слонцемъ явитись,
бити всѣхъ височайшу и не возноситись?
Единий царъ и пророкъ от бития свѣта
показася смиренний чрезъ всѣ своѣ лѣта,
егоже и вознесе в толикую славу,
смирение и корону возложи на главу,
яко же от устъ его глаголъ бисть реченний:
Господи, не билъ бимъ на престолъ вознесенний,
ни ходилъ бимъ во дивних славних и великих,
недостоѣнъ дарований билъ бим азъ толиких,
аще бимъ не смиренномудрствовал; о Боже,
сие мя превознесе, иное ничто же.
О какъ смирение возноситъ во славу,
царскою диядимою украшаетъ главу,
даетъ в руцѣ скипетръ златий многоцѣнний,
даетъ вѣнецъ и въ горнем Сионѣ нетлѣнний,
горѣ и долѣ дари богатитъ своѣми
небесними и земними даръствуетъ благими,
от гноѣща возноситъ, чуднѣ прославляетъ,
со князи сѣдѣния честна сподобляетъ.
Егда ж толь смирение прекрѣпкия сили,
яко, и отъ гноѣща взем на своя крилѣ,

тако превозноситъ, что ж, аще царъ смирится,
на которомъ небеси бити сподобится?
Кая свѣтлость на земли и въ небѣ небесна
обять толь смиреннаго мужа благочестна?
Сущий образъ бил би Христовъ Бога всесмиренна,
но тако невозможна вещъ какъ удивленна,
ибо нраву чловечу зѣло естъ противна
аки самаго себе имѣти презърѣнна,
отверженна похвалъ и возношений славних,
свѣтлозлатих колесницъ, одеждъ златотканних,
многихъ послѣдующихъ весь миръ удивленний,
слави предивний позоръ и преукрашенний.
Нѣсть тако, нѣсть: премудрий от царей единий
да не любилъ би слави хвали позоръ дивний
и блистания златих упещрений чудних,
похвал и величаний свѣтлих многолюдних.
Пресвѣтлий побѣдитель бил би всѣхъ желаний
и всѣхъ мислий суетних тако умъ избранний,
и елико свѣтлѣйший, какъ монархъ межъ всѣми,
толь блаженнѣйший би бил побѣдами тѣми.
Добрѣ сицевий монархъ видѣлъ би в зерцалѣ
премудрости своея, что вся прейдетъ вмалѣ.
Коль многие царие аки би не били,
егда свѣтлость свою в мракъ вѣчний премѣнили,
обладали земними премногими страни,
како падше с престола ногама попрани,
егда в прах земний стерла смерти нечаянна
и повергла всѣмъ под нозѣ. О жизнь оплаканна,
о жизнь наша безъжизнена, на единомъ власѣ
висящая, ожидает смерти в каждомъ часѣ;
когда еще и живемъ, всегда умираемъ,
вечеръ, в полунощъ, утро во гробъ прейти чаем.
Яко бо кринъ селний жизнь наша увядаетъ,
утро процвѣтетъ, вечеръ цвѣтъ ожестѣваетъ,
днесь во ласкателех, утро в червехъ тлѣнний:
тако чловекъ во славѣ и жизни премѣнний;
нинѣ глава в коронѣ лучами блистаетъ,
утро червию пищу смерть сию представляетъ;

днесь в порфирѣ, утро во тлѣ трупом облеченний
вмѣсто златой одежди всякъ превознесенний;
днесь славою аки пламень возносится горѣ,
утро яко же мала искра гаснетъ вскорѣ;
днесь престолъ яко солънце славою блистает,
утро бура смертна тотъ на прах разбивает;
днесь славою аки громъ слишанъ велегласний,
утро нищъ егда слави лучъ смерть згасит ясний;
аще и в златосвѣтлая всегда облеченний,
но единъ хитонъ возметъ себѣ в часъ смертелний;
вмѣсто утварей златих в черви облечется
и во единий же часъ в прах земний сотрется;
нинѣ сияетъ, егда жъ зайде слонце слави
в запад гробний, не познаютъ и царския глави;
днесь с велможи веселится в пресвѣтлой полатѣ,
утро з червием в трунѣ, не в порфирѣ златѣ,
но в мерзко згнило рубище тѣла облеченний,
якъ билъ свѣтлий, такъ прахом земним очерненний.
Сия вся кто от царей всегда размишляетъ
и себе смиреннима очима познаетъ,
что от землѣ и пепелу ничим естъ разнственний,
кромѣ власти царския и всѣмъ соравненний,
той премудро научись скипетръ содержати,
зде и в безъсмертной будетъ коронѣ сияти.

XXII.

Раскопки катакомбнаго могильника въ Верхнемъ Салтовѣ Волчанскаго уѣзда Харьковской губ. [1]).

Верхне-Салтовскій могильникъ. Видъ оврага со входами въ камеры.

На XII Харьковскомъ археологическомъ съѣздѣ, въ виду вызваннаго необыкновеннаго интереса раскопками Верхне-Салтовскаго катакомбнаго могильника, было высказано пожеланіе продолженія раскопокъ названнаго могильника.

Начало обслѣдованія могильника въ сл. Верхнемъ Салтовѣ сдѣлано мною, въ бывшихъ до съѣзда раскопкахъ я принималъ участіе, и дальнѣйшую работу по продолженію раскопокъ, въ виду нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, пришлось произвести мнѣ.

Съ наступленіемъ слѣдующаго послѣ XII съѣзда лѣта я приступилъ къ изысканіямъ въ сл. Верхнемъ Салтовѣ въ болѣе широкихъ размѣрахъ сравнительно съ тѣмъ, что мнѣ лично приходилось дѣлать раньше. Рас-

1) О раскопкахъ въ Верхнемъ Салтовѣ см. Труды Харьковскаго Предварительнаго Комитета по устройству XII Археологическаго съѣзда, т. I, 352; докладъ на съѣздѣ А. М. Покровскаго (*Извѣстія XII Археологическаго съѣзда, 124—128*); описаніе предметовъ, добытыхъ въ В. Салтовѣ см. Каталогъ выставки XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ: гр. П. С. Уваровой (173—174), А. М. Покровскимъ (159—177); Д. И. Багалѣемъ, А. М. Покровскимъ, Е. П. Трифильевымъ (131—145), В. А. Бабенко (145—159).

копки и изслѣдованія производились въ теченіе 2-хъ лѣтъ 1903—1904 г.: первый годъ на собственныя средства[1]), второй на средства Музея древностей и изящныхъ искусствъ Харьковскаго Императорскаго Университета.

Раскопки производились какъ на мѣстахъ прежде открытаго могильника, такъ и въ другихъ отдаленныхъ отъ него, при чемъ оказалось, что въ Верхнемъ Салтовѣ существуетъ не одинъ древній могильникъ, а нѣсколько совершенно отдѣльныхъ.

Для того, чтобы имѣть нѣсколько ясное представленіе о каждомъ, я рѣшилъ назвать уже извѣстный раньше первымъ, вновь открытые могильники—вторымъ и третьимъ.

Послѣдніе два могильника найдены были при тщательномъ изслѣдованіи другихъ Салтовскихъ возвышенностей и овраговъ. Второй могильникъ отстоитъ отъ перваго къ югу на разстояніи одной версты, по склону горы около оврага «Нетеча». Раскопано здѣсь было всего 3 могилы и по собранному матеріалу достаточно было судить объ особенностяхъ этого могильника. Проходы въ могилы здѣсь имѣли направленіе ужъ съ западной стороны къ восточной, камеры находились на очень незначительной глубинѣ и имѣли гораздо меньшіе размѣры. Что же касается предметовъ, найденныхъ при погребеніяхъ этихъ могилъ, можно сказать лишь, что предметы украшенія были бѣднѣе и малочисленны, хотя имѣли по внѣшнему виду большое сходство съ предметами, добытыми при раскопкахъ перваго могильника. Положеніе костяковъ — неправильное и уже безъ всякой подстилки. Величина скелетовъ и череповъ нѣсколько иная. Кромѣ того приходилось здѣсь находитъ могилы недоконченныя, состоявшія лишь изъ одного длиннаго прохода безъ камеры и въ проходахъ этихъ ни вещей, ни погребеній не оказалось. Изъ предметовъ другихъ могилъ можно назвать—желѣзныя наконечники въ видѣ лопаточекъ, ножи, стекляныя, сердоликовыя и др. бусы, металлическія зеркала, орнаментированныя съ обратной стороны и проч. Сосудовъ въ могилахъ никакихъ не оказалось.

Третій могильникъ расположенъ саженяхъ въ 100 отъ второго, въ восточномъ направленіи, въ горахъ, покрытыхъ крестьянскими садами.

Раскопки этого могильника мною были начаты отчасти еще въ 1902 г.

Особенность послѣдняго могильника заключается въ томъ, что изъ одной катакомбы удавалось переходитъ непосредственно въ сосѣднюю. Проходы въ могилы шли съ самой поверхности почвы на очень значительную глубину. Подпочвенный грунтъ былъ уже не глина, а твердая по-

[1]) Предметы, добытые при этихъ раскопкахъ, въ 1903 и 1904 г., какъ я ранѣе въ 1902 г., пріобрѣтены Музеемъ Древностей Императорскаго Харьковскаго Университета.

рода мѣла съ известнякомъ. Въ каждой катакомбѣ имѣлось по нѣскольку погребеній, найденныхъ въ большомъ безпорядкѣ, такъ что о числѣ ихъ было довольно затруднительно судить.

Изъ находокъ здѣсь можно отмѣтить—обоюдоострый кинжалъ, желѣзный боевой топоръ, бронзовые щипчики съ ушкомъ для подвѣшиванія. Въ числѣ украшеній раньше здѣсь найдены были массивныя золотыя серьги (выш. 6 сант.), состоящія изъ правильнаго проволочнаго кольца съ неподвижною подвѣскою въ видѣ пирамидки съ четырьмя насаженными одинъ на другой шариками. Серьги эти въ числѣ другихъ украшеній были переданы въ Университетскій музей еще до съѣзда.

Въ виду большихъ затрудненій, встрѣтившихся при отыскиваніи и раскопкѣ могилъ вновь открытыхъ могильниковъ, изысканія пришлось перенесть на первый могильникъ. Трудность производства раскопокъ послѣднихъ могильниковъ заключалась въ томъ, что приходилось искать ходы могилъ и раскапывать ихъ прямо съ поверхности земли, для чего необходимо было рѣзать спеціально широкія траншеи и уже изъ нихъ искать проходы.

Раскопки перваго могильника начаты были мною еще въ 1901 г. [1]), затѣмъ изысканія здѣсь произведены были до съѣзда предсѣдателемъ Московскаго археологическаго общества графиней П. С. Уваровой, профессорами Д. И. Багалѣемъ, А. М. Покровскимъ и Е. П. Трифильевымъ. Затѣмъ въ 1903 году мною приступлено было къ изслѣдованіямъ этого же могильника въ различныхъ его мѣстахъ, при чемъ 2 могилы найдены были вблизи бывшихъ раскопокъ А. М. Покровскаго, 8 могилъ—рядомъ съ раскопками графини П. С. Уваровой, 7—саженяхъ въ 60 къ SW отъ этихъ раскопокъ и 9—къ N E на совершенно неизслѣдованномъ мѣстѣ. Послѣднія могилы раскопаны были на средства Музея Древностей Харьковскаго Университета. На средства того-же Музея раскопки производились потомъ и въ 1904 году, по южнымъ окраинамъ могильника, около дороги, ведущей изъ Байрана въ Салтовъ. Разрыто было здѣсь 16 могилъ. Слѣдовательно, всего за это время въ первомъ могильникѣ разрыто 42 катакомбныхъ могилы.

По внѣшнему устройству всѣ могилы можно подвесть подъ одинъ типъ такъ называемыхъ пещерныхъ, или лучше сказать катакомбныхъ могилъ.

Каждая изъ нихъ въ отдѣльности начиналась болѣе или менѣе длиннымъ и узкимъ проходомъ, шедшимъ съ поверхности наискось вглубь и въ сторону на протяженіи $2^1/_2$—9 метровъ, шириною 50—60 сант.

[1]) Предметы пріобрѣтены Императорскимъ Историческимъ Музеемъ въ Москвѣ.

За проходомъ слѣдовало отверстіе въ самую катакомбу или камеру. Катакомбы эти имѣли весьма различную величину безъ всякой обкладки по стѣнамъ и безъ свода. Проходы въ могильныя камеры шли по обыкновенію съ E на W или же съ S на N съ нѣкоторыми отклоненіями въ ту или другую сторону. Отъ поверхности почвы полъ въ катакомбахъ находился на весьма различной глубинѣ въ зависимости отъ длины проходовъ отъ $2^1/_2$—4 метровъ.

Что же касается ритуала погребеній, то въ этомъ смыслѣ въ зависимости отъ мѣстонахожденія имѣлось много особенностей.

Въ первыхъ 10 могилахъ почти въ каждой имѣлось по 3 погребенія, за исключеніемъ одной, гдѣ оказалось 4, причемъ послѣднее положено было поперекъ могилы на ногахъ первыхъ 3-хъ.

Положеніе погребеній въ этихъ могилахъ было съ E на W головами или съ NE на SW.

При погребеніяхъ имѣлись—глиняныя сосуды въ видѣ горшковъ, кувшиновъ или кружекъ, желѣзныя орудія и оружіе и предметы украшенія. Сосуды эти чернаго цвѣта, иногда покрыты орнаментомъ, сдѣланы безъ гончарнаго круга и слабаго обжога.

Другіе предметы аналогичны съ прежде добытыми въ этомъ же могильникѣ—тѣ же желѣзные ножи, плоскіе наконечники въ видѣ лопаточки и боевые топорики съ молотками или безъ нихъ, такіе же и украшенія—сердоликовыя, стеклянныя бусы, бубенцы, перстни, браслеты, зеркала и проч.

Слѣдующія затѣмъ 7 могилъ почти всѣ имѣли по одному погребенію въ положеніи съ NE на SW головой. Погребенія эти отличались замѣтной бѣднотой найденныхъ при нихъ вещахъ.

Каждая изъ дальнѣйшихъ 9 катакомбъ имѣла преимущественно уже 2 погребенія—съ E на W или съ N на S головами, и наконецъ остальныя 16 могилъ заключали въ себѣ одиночные, парные, троичные и многочисленныя погребенія въ весьма различныхъ положеніяхъ.

Въ одной изъ могилъ первыхъ раскопокъ погребенія оказались совершенно иного типа, чѣмъ во всѣхъ другихъ. Могила эта открыта была просто сверху, никакого прохода по всѣмъ признакамъ не оказалось. По найденнымъ при погребеніяхъ вещамъ, которыя не имѣли ничего общаго съ другими, можно съ увѣренностью сказать, что здѣсь имѣемъ дѣло уже не съ кочевническимъ племенемъ, а скорѣе съ славянскимъ. Найденный въ этой могилѣ сосудъ уже не имѣлъ вида кубышки или кувшина, это былъ просто небольшой плохообожженный глиняный горшочекъ, наружныя

стѣнки его исчерчены параллельными линіями. Самые черепа погребеній не длинноголовые, какъ раньше а короткоголовые.

Другая могила отличалась своимъ весьма сложнымъ устройствомъ. Она имѣла нѣсколько подземныхъ проходовъ и въ связи съ сосѣдней могилой представляла собою въ полномъ смыслѣ катакомбы. При входѣ въ эту пещеру получается такой видъ: въ глубинѣ главнаго прохода виднѣлась раньше разрытая могила, слѣва идутъ второстепенные проходы въ другую камеру—одинъ сбоку, другой прямо. По найденнымъ предметамъ при погребеніяхъ эта могила представляла одну изъ богатѣйшихъ.

Изъ слѣдующихъ затѣмъ раскопокъ можно отмѣтить могилу съ 2-мя погребеніями и найденнымъ при нихъ сложномъ предметѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ цѣпочекъ, соединенныхъ, вмѣстѣ, на концахъ ихъ привѣшены были металлическія круглыя коробочки и ажурныя привѣски въ видѣ небольшихъ колесъ, на одномъ концѣ прикрѣплена была бронзовая трубочка отъ кисточки.

Встрѣчались могилы съ 2-мя погребеніями, лежавшими головами въ противоположныя стороны.

Послѣднія раскопки дали нѣсколько весьма типичныхъ катакомбъ.

Въ одной погребенія лежали такъ, что третье находилось въ головахъ подъ первыми 2-мя.

Другая могила имѣла болѣе 5 погребеній, наваленныхъ одно на другое и при нихъ масса всевозможныхъ предметовъ украшенія.

Въ третьей при погребеніяхъ найдена была миніатюрная фигурка, изображающая льва на пьедесталѣ.

Въ нѣкоторыхъ найдены были остатки отъ шерстяной и шелковой матеріи, отъ кожаной и берестовой подстилки и проч.

Что же новаго дали намъ всѣ эти раскопки вмѣстѣ взятыя?—является въ заключеніе вопросъ. Открыто кромѣ 1-го два новыхъ могильника съ совершенно инымъ типомъ погребеній.

При раскопкахъ 1-го могильника удалось точно установить расположеніе катакомбъ въ отношеніи одна къ другой. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ глубинѣ находится камера, вверху надъ ней начинается съ поверхности проходъ въ катакомбу слѣдующаго ряда. Въ общемъ получается такъ, что проходы идутъ между камерами, а камеры въ глубинѣ между проходами.

По поводу раскопокъ одного изъ Верхне-Салтовскихъ могильниковъ было замѣчено, что подобные могильники съ пещерными погребеніями встрѣчались на Сѣверномъ Кавказѣ у Чми, Комунты, Комбульты и Галіата. Такое сходство отдаленныхъ мѣстностей представляетъ большую археологическую загадку. Нѣкоторые указываютъ на хазарскую культуру,

сопоставляя документальныя свѣдѣнія съ добытымъ археологическимъ матеріаломъ.

Теперь же, когда въ Салтовѣ открыто нѣсколько могильниковъ, вопросъ о культурѣ народа, обитавшаго въ Салтовскихъ краяхъ, представляется нѣсколько въ иномъ видѣ. Здѣсь мы имѣемъ культуру уже не одного народа, а нѣсколькихъ. Не говоря уже о типѣ погребеній отдѣльныхъ могилъ, по одному числу могильниковъ и ихъ величинѣ, можно увѣренно сказать, что въ древнемъ Салтовѣ и на его городищѣ побывалъ не одинъ народъ. Могли быть тутъ различные кочевники—хазары, печенѣги, торки или половцы, впослѣдствіи же и славяне. На присутствіе славянской культуры указываютъ многія могилы, попадавшіяся въ 1-мъ могильникѣ и особенно въ 2-мъ уже не съ длиноголовыми черепами, а съ короткоголовыми. Предметы украшенія и сосуды въ этихъ могилахъ тоже имѣютъ большое сходство со славянскими.

Дальнѣйшія раскопки, конечно, дадутъ болѣе обильный матеріалъ для разрѣшенія вопроса о народности, которымъ принадлежатъ могильники и городище.

В. Бабенко.

XXIII.

Дневники раскопокъ Верхне-Салтовскаго могильника.

1.

(1—14 Іюня 1902 года).

По порученію Предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда мною было произведено изслѣдованіе уже извѣстнаго раньше Верхне-Салтовскаго древняго могильника, при чемъ оказалось, что первоначальныя раскопки могильника можно считать только за начало, ибо могильникъ такъ обширенъ, что внимательное изслѣдованіе почвы по имѣющимся искусственнымъ рвамъ и природнымъ водомоинамъ опять дало блестящій результатъ— найдено всего около 30 новыхъ могилъ; если возможно было бы прорыть нарочито искусственные рвы—траншеи, то тогда бы, какъ можно предполагать, пришлось считать могилы сотнями, если принять во вниманіе ту громадную площадь, которую занимаетъ весь могильникъ.

Теперь выяснилось, что могилы находятся не только въ мѣстѣ, гдѣ раньше производились археологическія раскопки, но и въ другихъ мѣстахъ, отстоящихъ на порядочномъ разстояніи отъ перваго. Такъ нашлось нѣсколько могилъ въ оврагѣ «Нетеча», отстоящемъ отъ «Капиносоваго» (1-я могилы) въ разстояніи 1 версты; затѣмъ въ крестьянскихъ садахъ около зданія народнаго училища открыто три могилы и намѣчено 2 ($1^1/_2$ версты отъ первыхъ могилъ).

Результатъ изслѣдованія такой: около дороги вблизи раскопокъ А. М. Покровскаго найдено рядомъ и на равномъ разстояніи одна отъ другой 10 могилъ, дальше подъ горкой еще 5. На горѣ около «Капиносоваго» оврага, гдѣ производились первыя раскопки, намѣчено 4 и внизу около дороги, ведущей въ поле—3, слѣдовательно всего найдено въ

1-мъ мѣстѣ 22 могилы. Кромѣ того въ оврагѣ «Нетеча» намѣчено 4 и въ крестьянскомъ садикѣ 2, да одна осталась неоконченной, итого 29 могилъ, къ раскопкамъ которыхъ возможно приступить во всякое время.

При изслѣдованіи могильника было замѣчено, что многія могилы раскопаны неизвѣстными лицами, которыми, какъ потомъ оказалось, были мѣстные обыватели, искавшіе чего-то драгоцѣннаго, безцѣнныя по металлу вещи были ими разбросаны и только отъ нѣкоторыхъ удалось пріобрѣсть уцѣлѣвшіе предметы. Правда, въ двухъ случаяхъ были случайныя раскопки при рытьѣ ямъ въ саду и глины для мазки. Вещи изъ послѣднихъ раскопокъ собраны и пріобрѣтены полностью.

При разспросахъ, что побудило разрывать могилы, грабители указывали на фактъ находки золотыхъ и серебряныхъ вещей, которыя охотно покупались мѣстными золотарями и неизвѣстными пріѣзжими лицами.

Могила 1-я.

Эта могила была случайно найдена однимъ крестьяниномъ въ саду (вблизи школы) при копкѣ ямы для какой то надобности, при чемъ на глубинѣ 1 арш. оказался провалъ и дальше пустота. Пригласивъ нѣсколько сосѣдей, крестьянинъ, при помощи ихъ, разрылъ эту пустоту сверху, оказавшейся древней могилой, выкопанной не въ глинистомъ слоѣ, какъ это было раньше при раскопкахъ, а въ мѣловомъ пластѣ. На полу могилы удалось имъ различить три погребенія и при нихъ много различныхъ вещей. Съ западной стороны камеры стоялъ глиняный съ длиннымъ горлышкомъ и ручкой кувшинъ (№ 1-й). Отъ костей возможно было взять лишь отъ одного погребенія верхнюю часть черепа, остальныя же оказались полуистлѣвшими. На мѣстѣ перваго погребенія найдено было изъ вещей около черепа пара крупныхъ золотыхъ серегъ и цѣлый рядъ бусъ, на рукахъ 2 металлическихъ браслета.

Около второго погребенія въ головахъ лежала круглая орнаментированная металлическая пластинка, въ различныхъ мѣстахъ скелета найдено нѣсколько бубенцовъ, около грудной части предметъ въ видѣ двухъ вазочекъ, сложенныхъ широкими краями вмѣстѣ и при немъ спираль. Сбоку погребенія лежали обломки отъ истлѣвшей желѣзной сабли и желѣзный боевой топорикъ.

Въ грудной части третьяго погребенія лежало нѣсколько различныхъ подвѣсокъ, половинки отъ шарообразнаго предмета и въ поясной части—наконечникъ отъ пояса и двѣ бляшки. На рукѣ—браслетъ.

Въ правомъ западномъ углу стоялъ глиняный кувшинъ съ ручкой (№ 1-й).

Могила 2-я.

При изслѣдованіи могильника найдена была могила уже кѣмъ-то начатая, которую пришлось окончательно раскопать и камеру очистить отъ завалившей ее земли. Отчетливо различить погребеній не было возможности: костяки представляли изъ себя одинъ костяной пепелъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ длинныхъ костей.

Изъ вещей въ этой могилѣ найдено—нѣсколько различныхъ бусъ, три металлическихъ браслета, двѣ подвѣски, нѣсколько бляшекъ съ колечками и безъ нихъ, обломки перстня и нѣсколько металлическихъ бубенцевъ. Тутъ же найдены обломки ножа и желѣзныхъ стрѣлъ. Въ углу стояла небольшая глиняная кубышка съ ручкой и около нея большая бычачья кость.

Могила 3-я.

Изъ камеры II-й могилы былъ пробитъ проходъ въ сосѣднюю III-ю, въ углу которой въ свою очередь стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ кубышки съ очень расширеннымъ дномъ и ручкой.

На полу этой камеры расположено было рядомъ поперекъ (съ S на N) три погребенія. Около перваго отъ входа найдено ожерелье изъ различныхъ бусъ и подвѣсокъ, одинъ браслетъ и нѣсколько обломковъ отъ другого. Въ грудной части лежали куски спирали съ темными стеклянными бусами.

Около 2 и 3-го погребенія найдено нѣсколько бубенцовъ, куски спирали и обломки браслетовъ и металлической пластинки. Тутъ же лежали истлѣвшіе куски отъ желѣзныхъ предметовъ. Изъ костей этой могилы взять черепъ 2-го погребенія.

Могила 4-я.

Разрыта была крестьяниномъ съ хищническою цѣлью и часть вещей изъ этой могилы была имъ продана мѣстнымъ золотарямъ, какъ напримѣръ—золотыя серьги и серебряныя кольца, удалось же отъ него пріобрѣсть нѣсколько бубенцовъ, 2 браслета и обломки отъ другихъ браслетовъ, 3 металлическихъ пуговицы, куски спирали и обломки отъ различныхъ предметовъ, а также нѣсколько бляшекъ. Кубышка тоже пріобрѣтена у него и по словамъ его находилась въ лѣвомъ при входѣ углу камеры. Могила находится въ оврагѣ «Нетеча».

Могила 5-я.

Начата кѣмъ-то и по окончательной раскопкѣ оказалось на полу камеры три погребенія, изъ которыхъ имѣло вещи среднее погребеніе—

рядъ крупныхъ и мелкихъ бусъ, на рукѣ перстень, на поясѣ—пряжку.

Отъ этого погребенія удалось взять черепъ. Третье погребеніе—дѣтское въ головахъ имѣло миніатюрный горшочекъ, подвѣску и круглую небольшую металлическую пластинку, а также нѣсколько бубенцовъ.

Размѣры камеры оказались слѣдующіе—проходъ 1,50 м. длины, на глубинѣ 2 метровъ отъ поверхности земли; камера длиною 1,70 м., шириною 1,50 метровъ. Могила найдена въ оврагѣ «Нетеча», около нея оказались 2 разграбленныхъ могилы, вещи изъ которыхъ частью уничтожены, остальныхъ не удалось пріобрѣсть.

Могила 6-я.

Найдена крестьянами при копкѣ глины для домашней надобности. Изъ вещей въ ней оказался небольшой глиняный кувшинчикъ съ ручкой, нѣсколько бусъ, бубенцовъ, два перстня и какая-то металлическая пластинка, а также одинъ браслетъ.

Камера длиною 1,80 м., шириною 1,60 м.

Могила 7-я.

Могила эта разрыта была со стороны оврага, при чемъ проходъ тянулся на протяженіи 4 метровъ на глубинѣ 2,50 метровъ отъ поверхности почвы. Камера оказалась совершенно заваленой, при чемъ удалось очистить только переднюю часть ея, а слѣдовательно и разобрано лишь первое погребеніе, около котораго найдено много различныхъ предметовъ; такъ около головы, которую тоже удалось извлечь, найдено нѣсколько бусинъ различной формы и спираль съ удлиненной бусиной. Тутъ же лежало 5 бубенцовъ и 4 застежки отъ одежды, одна привѣска, на рукахъ 2 браслета и три перстня, въ поясной части—пряжка и застежка для ремня, какой то сложный наконечникъ. Въ головахъ лежала круглая металлическая пластинка. Остальныя погребенія остались не разобранными, за исключеніемъ 2-го, около котораго найдены обломки боевого топорика, кирки и ножа. Сосудъ тоже еще не извлеченъ.

Черепъ удалось извлечь въ сохранности.

Могила 8-я.

Проходъ былъ прорытъ со стороны оврага.

Когда было пробито отверстіе входное въ камеру, то послѣдняя оказалась заваленой почти на 2 аршина глиной, обрушившейся со стѣнъ и потолка, которые, судя по остаткамъ, сведены были въ общую точку

въ видѣ куполообразнаго свода. Проходъ въ камеру шелъ съ O на W съ небольшимъ отклоненіемъ къ S.

По очисткѣ камеры въ ней найдены костяки трехъ погребеній съ уцѣлѣвшими черепами и нѣкоторыми костями. Кромѣ того между первымъ и вторымъ найдены обломки отъ небольшого черепа и нѣсколько мелкихъ костей, какъ бы отъ дѣтскаго скелета.

Черепъ второго погребенія, вѣроятно, обваломъ былъ отброшенъ къ черепу третьяго погребенія. Въ головахъ перваго скелета въ углу стояла темная глиняная кубышка съ ручкой, а около второго большая бычачья кость отъ конечности.

Около перваго погребенія найдены половинки отъ металлическихъ шариковъ, 2 бляжки, около пояса обломки ножа, на ногахъ пряжка съ остатками кожи и нѣсколько пластинокъ отъ ремней, сбоку лежала желѣзная кирка съ истлѣвшей деревянной рукояткой.

Около второго погребенія лежалъ въ грудной части рядъ бусъ и куски спирали, между которыми лежало 4 серебряныхъ съ пробитыми отверстіями монетъ. На рукахъ надѣты были 2 браслета и 2 перстня. Около ногъ найдено нѣсколько бубенцовъ и цѣлое ожерелье изъ бѣлыхъ бусъ, мѣшанныхъ съ цвѣтными.

У третьяго погребенія найденъ рядъ различныхъ бусъ и нѣсколько бубенцовъ, у пояса обломки ножа, на рукахъ 3 браслета. Около поясной части—нѣсколько серебряныхъ блёстокъ.

2.

(21 Іюля—17 Сентября 1903 г.).

I-й Катакомбный могильникъ.

Могила № 1-й.

Могила эта была найдена случайно при изслѣдованіи могильника въ небольшомъ оврагѣ вблизи мѣста бывшихъ раскопокъ Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ. Самая камера съ погребеніями имѣла разрушенный видъ и безъ прохода, который, очевидно, былъ размытъ и снесенъ водой. По очисткѣ камеры, послѣдняя оказалась 1,80 метр. длины, 1,25 метр. ширины и 90 сант. высоты. Въ западной части могилы найдены кости нарушенныхъ погребеній: кости рукъ и черепа. На рукахъ лежалъ рядъ бусъ изъ цвѣтного

стекла и сердолика, какъ видно отъ браслета. Около раздавленнаго черепа найденъ другой рядъ бусъ, изъ которыхъ нѣкоторые со вставными глазками.

Тутъ же въ сторонѣ находился металлическій бубенецъ. Погребенія были расположены съ N на S (головами). Число ихъ точно не выяснено. Найденные въ камерѣ черепки указываютъ, что въ могилѣ находился глиняный сосудъ, раздробленный впослѣдствіи обваломъ, или же лицомъ, разрушившимъ могилу, если возможно допустить это.

(Табл. I. №№ 1—22).

Катакомбная могила № 2-й.

Проходъ въ могилу былъ замѣченъ вблизи «Капиносоваго оврага» во рву. Начался онъ на глубинѣ 2,65 метр. отъ поверхности земли шириною въ 42 сант. При раскопкахъ прохода, въ самомъ его началѣ, найдены обломки отъ глиняной посуды. По очисткѣ прохода на протяженіи 2,80 метр. встрѣтились 2 камня сѣраго песчаника, служившіе, очевидно, для приваливанія прохода въ камеру, 1-й изъ нихъ 50 × 35 × 5 сан.; 2-й 40 × 23 × 5 сант.

На 3,80 метр. отъ начала прохода внизу найдены въ землѣ—наконечникъ отъ пояса и 3 металлическихъ бляшки, какъ бы потерянныя отъ пояса при погребеніи.

На протяженіи 4 метр. отъ начала прохода пробито было отверстіе въ камеру 50 × 40 сант. Проходъ же при отверстіи достигалъ 57 сант. ширины. Направленіе всего прохода къ NNW сторонѣ. За отверстіемъ открыта была катакомбная могила, которая оказалась отчасти завалена обрушившеюся съ потолка землей.

По очисткѣ камеры, послѣдняя оказалась 1,80 метр. длины, 1,30 м. ширины и 1,30 метр. высоты. На полу катакомбной могилы лежало 3 погребенія въ правильно вытянутомъ положеніи съ NE на SW (головами).

I-е погребеніе—черепъ сдвинутъ въ грудную часть скелета, кости нѣкоторые тоже сдвинуты были съ мѣста, очевидно ударомъ обрушившейся земли. Около нижней челюсти черепа, лежавшей, повидимому, на своемъ первоначальномъ мѣстѣ, найдено 3 монеты (серебряныхъ) съ изображеніемъ, а также 3 бубенца. Около черепа, взятаго для коллекціи, лежалъ рядъ стеклянныхъ разноцвѣтныхъ бусъ. Возлѣ правой руки найдены 4 очень крупныхъ бусъ и на рукахъ 3 браслета. На пальцахъ перстень съ камнемъ изъ сердолика. Въ грудной части скелета найдены 2 ажурныхъ подвѣски: одна изображаетъ коника въ кругѣ, другая от-

дѣльнаго коника. Тутъ-же найдена металлическая круглая бляшка съ отверстіями. Около костей кисти правой руки—привѣска въ видѣ полумѣсяца.

II-е погребеніе. Около почти истлѣвшаго костяка найдены лишь въ поясной части бляшка и пряжка отъ пояса, которыя тождествены найденнымъ въ проходѣ. На ногахъ лежало нѣсколько металлическихъ обломковъ отъ убранства обуви. Около лѣвой руки найдена горнаго хрусталя бусина и обломки желѣзнаго ножа.

III-е погребеніе. Отъ костяка 3-го погребенія уцѣлѣли длинныя кости ногъ и рукъ, тазовыя и др. Истлѣвшій черепъ разрушился, за исключеніемъ нижней челюсти. Въ грудной части скелета лежалъ рядъ крупныхъ цвѣтного стекла со вставными глазками бусъ. Нѣсколько мелкихъ круглыхъ и плоскихъ стеклянныхъ, сердоликовыхъ и др. бусъ, среди которыхъ выдѣляются бусины съ придѣланными шишками. Съ лѣвой стороны скелета найдено 3 металлическихъ бубенца. На рукахъ бронзовые браслеты и слѣва костяка обломки желѣзнаго ножа.

(Табл. II и III, №№ 23—63).

Катакомбная могила № 3-й. (27 іюля)

На разстояніи 3,60 метр. отъ второй могилы былъ найденъ засыпанный проходъ 3-ей могилы. По очисткѣ проходъ оказался 56 сант. ширины, 2,80 метр. длины и полъ его отъ поверхности почвы находился на глубинѣ 3,30 метр.

Внизу задней отвѣсной стѣнки открыто было отверстіе въ камеру въ 46 сант. ширины и 57 сантим. высоты. Въ проходѣ найдено было 2 сустава человѣческихъ ногъ.

Камера оказалась засыпанной обрушившеюся съ потолка землей. По очисткѣ камера была 1,90 метр. длины, 1,70 метр. ширины и высоты. На полу расположено было три погребенія съ E на N W (головами) съ нѣкоторымъ отклоненіемъ къ NE и SW.

I-е погребеніе имѣло около черепа пару бронзовыхъ серегъ и рядъ бусъ.

II-е погребеніе. По найденнымъ около костяка вещамъ было гораздо богаче. Въ грудной части найденъ рядъ сложныхъ бусъ отъ ожерелья, въ поясной—бубенцы, перстень, зеркало и обломки желѣзнаго пояса. Около черепа—пара серегъ.

III-е погребеніе на рукахъ имѣло небольшой браслетъ, бусины и пр.

Въ головахъ въ лѣвомъ отъ входа углу къ задней стѣнкѣ стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ кубышки и около него бычачья кость.

(Табл. IV и V, №№ 64—92).

Катакомбная могила № 4-й (28 іюля).

Могила эта была открыта въ обвалѣ земли случайно. Костяки въ ней и вещи были очень нарушены потоками воды.

Размѣры камеры: длина 1,80, ширина 1,60 метр. и высота 1,25 метр.

Въ лѣвомъ углу отъ прохода найдены снесенные водой въ общее мѣсто 3 сохранившихся черепа и около нихъ сосудъ въ видѣ небольшого кувшинчика съ полукруглымъ орнаментомъ и съ ушкомъ сбоку.

Около сосуда лежала бычачья кость. Передняя часть могилы оказалась совершенно снесена водой, почему удалось установить лишь положеніе длинныхъ костей рукъ и ногъ. На ногахъ 2-го погребенія найдены куски костей, пряжки и мѣдныя блестки отъ обуви.

Около ногъ III-го погребенія найдены такіе же куски кожи и серебряныя блестки и пряжки.

Тутъ же найдены 1 бубенецъ и 1 бусина.

(Табл. VI, №№ 93—122).

Катакомбная могила № 5. (29 іюля).

Размѣры прохода: длина 3,50 метр., ширина 58 сант., отъ поверхности почвы на глубинѣ 2,50 метровъ. Камера 1,80 длины, 1,50 метр. ширины и 1,35 метр. высоты.

По очисткѣ камеры отъ завалившей ее земли на полу оказалось три погребенія, имѣвшія положеніе съ N на S W (головами), четвертое погребеніе лежало поперекъ могилы на ногахъ первыхъ трехъ. Съ правой стороны отъ входа стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ кубышки и около него лежала бычачья кость. I погребеніе. Около него найдено въ поясной части скелета 3 желѣзныхъ ножа; въ грудной и шейной части костяка рядъ мозаичныхъ стеклянныхъ и сердоликовыхъ бусъ; нѣсколько бубенцовъ отъ ожерелья. На ногахъ были куски кожи и пряжка отъ обуви. II погребеніе. Около лѣвой руки обломки браслета, 2 бубенца и желѣзная пряжка. III погребеніе. Около черепа рядъ бусъ и нѣсколько бусинъ. IV погребеніе. Около поясной части найдено металлическое отшлифованное большое зеркало. Костяки всѣхъ погребеній были очень плохой сохранности.

(Табл. VII и VIII, №№ 123—160).

Катакомбная могила № 6 (1 августа)

Могила открыта была безъ корридора. На глубинѣ 1,60 метра отъ поверхности земли найдена была засыпанная землей камера 1,60 метр. длины, 1,10 м. ширины и 65 сант. высоты. Въ камерѣ расположено было 3 погребенія съ N на S (головами) съ нѣкоторымъ отклоненіемъ къ S E и N W. Изъ нихъ одно погребеніе дѣтское. Около первыхъ двухъ погребеній найдено: цѣлый рядъ мелкихъ бусъ, 3 бубенца 1 серьга и на рукѣ 1-го погребенія—браслетъ. Въ головахъ погребеній стоялъ небольшой глиняный сосудъ въ видѣ горшочка съ отбитой ручкой. Одинъ изъ сохранившихся череповъ можно отнести не къ длинноголовымъ, а скорѣе къ коротко-головымъ. Самый типъ погребенія напоминаетъ славянскія погребенія. Сосудъ тоже славянскаго типа, находимый часто въ курганахъ.

(Табл. IX, №№ 161—168).

Катакомбная могила № 7 (2 августа).

Проходъ былъ прорыть на протяженіи 3,50 метр. На глубинѣ 2,20 м. отъ поверхности земли и шириною въ 65 сант. Направленіе его было съ S на N съ нѣкоторымъ отклоненіемъ на E.

Камера отчасти была обрушена. По очисткѣ оказалась съ квадратнымъ поломъ 1,90×1,90 метр. и высотою въ 1,20 м. Стѣны были сведены вверху въ общую точку въ видѣ купола.

На полу камеры находилось лишь одно погребеніе, лежавшее къ задней стѣнкѣ въ направленіи съ E на W (головой) съ отклоненіемъ къ S W. Передняя же часть оказалась совершенно свободной, какъ бы предназначенной для другихъ погребеній. Въ поясной части костяка найдено рядъ крупныхъ бусъ изъ горнаго хрусталя и цвѣтного стекла. Бусы, всего вѣроятнѣе, служили украшеніемъ пояса. Сбоку погребенія около правой руки лежалъ полуистлѣвшій желѣзный ножъ. Могила эта интересна тѣмъ, что въ нѣкоторомъ родѣ представляетъ собою новый типъ погребенія—одиночнаго мужского съ оставленнымъ какъ-бы запаснымъ мѣстомъ для другихъ погребеній, хотя можно тоже полагать, что передняя часть могла быть разграблена, что бывало и въ прежнихъ могилахъ.

(Табл. IX, №№ 169—178).

Камерная могила № 8 (3 августа).

Могила эта отличается отъ другихъ своимъ очень длиннымъ проходомъ, имѣвшимъ 6 метровъ длины и 65 сант. ширины. Камера вся была завалена землей и по очисткѣ оказалась 1,80 м. ширины и 1,43 м.

высоты. На полу камеры расположено было 3 погребенія съ E на W (головами), съ отклоненіемъ къ N E и S W.

I-е погребеніе имѣло въ поясной части нѣсколько крупныхъ бусинъ, 2 бубенца и обломки ножа. II-е погребеніе—богатое ожерелье изъ сердоликовыхъ, горнаго хрусталя и разноцвѣтнаго стекла бусъ. Около III-го погребенія найдено 2 ряда бусъ и спиралей изъ мѣдной проволоки—тоже изъ ожерелья. Спираль имѣла въ промежуткахъ бусины. На одной рукѣ имѣлся браслетъ, состоящій изъ крупныхъ бусъ.

Сбоку костяка найдено нѣсколько металлическихъ бубенцовъ. На ногахъ куски кожи отъ обуви съ блестками.

При очисткѣ прохода найдено 2 цѣлыхъ и 1 сломанный бронзовый браслетъ, а также обломки желѣзнаго ножа. Вещи эти, какъ видно, были утеряны при совершеніи обряда погребенія.

(Табл. X и XI, №№ 179—258).

Катакомбная могила № 9 (4 августа).

Проходъ въ могилу былъ найденъ случайно при изслѣдованіи стѣнокъ корридора уже раскопанной раньше могилы, при чемъ въ стѣнкахъ прежняго прохода были пробиты отверстія, ведущія въ одну и ту же камеру, которая по очисткѣ оказалась размѣрами 1,90 м. длины, 1,80 м. ширины и 95 сант. высоты.

На полу камеры расположено было 3 погребенія, изъ коихъ 1-е мужское находилось въ изогнутомъ положеніи, какъ бы въ силу тѣсноты помѣщенія. Длина костяка 1,75 метровъ.

Около черепа лежалъ желѣзный наконечникъ въ видѣ кирки и около правой руки боевой желѣзный топоръ. Около ногъ—куски кожи отъ обуви. II-е погребеніе женское имѣло въ головахъ глиняный сосудъ въ видѣ кубышки.

Въ грудной части лежало нѣсколько рядовъ сложенныхъ серебряныхъ, какъ бы жемчужныхъ бусъ отъ ожерелья. На рукакъ были надѣты бронзовые браслеты; на пальцахъ найдены обломки перстня. Около черепа найдена пара большихъ изящныхъ мѣдныхъ серегъ. Сбоку погребенія лежало большое бѣлаго металла отшлифованное съ лицевой стороны и орнаментированное съ обратной зеркало и 8 бубенцовъ, а также обломки отъ желѣзнаго ножа и желѣзная пряжка. На ногахъ найдены куски кожи отъ обуви пряжка и бляшка.

III-е погребеніе похоже на дѣтское. Около истлѣвшаго черепа найдена пара мѣдыхъ серегъ и въ грудной части скелета различные бусы и бубенцы.

Около лѣвой руки нѣсколько обломковъ отъ металлическихъ бляшекъ и кольцо.

Въ поясной части лежали обломки отъ желѣзнаго ножа, нѣсколько круглыхъ тонкихъ бляшекъ. На правой рукѣ—небольшой бронзовый браслетъ.

Въ этой могилѣ замѣчательно то, что всѣ три погребенія лежали, какъ бы съ подложенными руками одного подъ другимъ.

(Табл. XII, XIII, XVI, № 209—276).

Камерная могила № 10 (5 августа).

При изслѣдованіи II могильника, находящагося въ оврагѣ «Нетеча» найденъ былъ проходъ, тянувшійся на протяженіи 4 метровъ, шириною въ 50 сант. Обрушенная камера имѣла на полу неопредѣленное число погребеній и при нихъ найдено—слитые бубенцы, бусы; проволочная серьга, спиральки серебряныя, аббасидская монета съ портретомъ, витой бронзовый браслетъ, трехугольной формы пряжка, привѣски изъ синей массы въ видѣ рожковъ.

II-го Катакомбнаго могильника.

(Табл. XV, № 277—296).

Могила № 11 (Могильникъ I). (27 августа).

Проходъ въ могилу былъ найденъ рядомъ съ могилой № 8. На глубинѣ 4 метровъ отъ поверхности почвы оказалось погребеніе лошади въ посаженномъ назадъ видѣ, при чемъ голова была откинута въ сторону, переднія ноги подогнуты подъ голову, заднія подъ переднюю часть туловища.

Лошадь, повидимому, была силой втиснута въ узкій проходъ шириною всего въ 48 сант. При погребеніи вещей отъ упряжи не оказалось никакихъ, кромѣ глинянаго горшка. Весь проходъ имѣлъ 6,40 м. длины.

Могила № 12 (30 августа).

Проходъ прорытъ былъ на протяженіи 2,80 м., шириною 70 сант., отъ поверхности почвы на глубинѣ 3 метра.

Камера была завалена обрушившейся съ потолка землей и по очисткѣ оказалась 2,30 м. длины, 1,55 ширины и 1,60 м. высоты.

На полу камеры расположено было въ правильно вытянутомъ положеніи (съ SW на NE) 1-е погребеніе (къ задней стѣнкѣ камеры).

Передняя часть оказалась свободной, какъ бы предназначенной для другого погребенія. Справа отъ входа въ углу стоялъ небольшой глиняный горшокъ съ ручкой и около него бычачья кость.

Черепъ былъ сдвинутъ съ мѣста и отдѣленъ отъ нижней челюсти. Въ грудной части скелета найдено роскошное ожерелье изъ крупныхъ и мелкихъ бусъ сердоликовыхъ, горнаго хрусталя и цвѣтного стекла. Ниже къ поясной части найдено 2 малыхъ ажурныхъ привѣски и одна побольше съ изображеніемъ коника въ кругѣ. Тутъ-же найдено нѣсколько бубенцовъ. На лѣвой рукѣ надѣто было 3 бронзовыхъ браслета. Около плечевой части правой руки найдена серебряная монета съ отверстіемъ для привѣшиванія. Въ поясной части скелета найдено 2 желѣзныхъ ножа съ истлѣвшими ножнами, сложенными вмѣстѣ. На ногахъ лежали серебряныя блестки съ орнаментомъ, куски костей отъ обуви и пряжки. Кромѣ того около лѣваго плеча и на груди найдены 2 большихъ костяныхъ круглыхъ застежки.

(Табл. XVI, XVII, № 297—326. XVIII таб. № 327—347).

Могила № 13 (31 августа).

Могила эта найдена была вблизи предыдущей. Проходъ прорытъ былъ на протяженіи 4,80 метр., шириною въ 50 сант.

Камера была завалена землей и послѣ очистки оказалась 1,85 м. длины, 1,40 м. ширины и 1,95 м. высоты.

На полу камеры оказалось одно погребеніе въ вытянутомъ видѣ съ положенной къ поясной части лѣвой рукой и съ вытянутой правой. Погребеніе находилось около стѣнки, что противъ входа съ NE на SW (головой).

Около черепа въ углу стоялъ темный глиняный сосудъ съ ручкой. Справа лежала небольшая кость отъ оконечности животнаго. Передняя часть была совершенно свободна. Костякъ оказался плохой сохранности и имѣлъ 1,52 м. длины.

Изъ вещей найдено въ грудной части скелета рядъ разнообразныхъ бусъ отъ ожерелья и около правой руки при поясѣ — цѣпочка съ 2 привѣсками, и окола нея кожаный футляръ или кошелечекъ. Тутъ же лежалъ рядъ бронзовыхъ спиралей, нѣсколько бубенцовъ и обломки желѣзнаго ножа въ истлѣвшихъ ножнахъ въ серебряной обдѣлкѣ.

Къ лѣвой рукѣ найдена бронзовая пластинка съ ушкомъ, повидимому, наконечникъ отъ пояса и круглая привѣска.

Возлѣ ногъ найдена небольшая пряжка отъ обуви.

(Табл. XIX и XX. №№ 348—390).

Могила № 14 (13—14 сентября).

Проходъ въ могилу былъ найденъ въ ряду съ предыдущими могилами (№ 12 и 13), при чемъ оказался замѣчательнымъ по своей длинѣ, достигавшей 8,30 м., шириною въ 65 сант.

При очисткѣ прохода отъ засыпанной земли въ концѣ его, при входѣ въ камеру, найдено желѣзное копье и небольшой глиняный сосудъ въ видѣ чашки.

Камера оказась обрушенной съ N стороны. Размѣры ея: длина 2,20 м., ширина 2 метр., высота 1,20 м. На полу камеры расположены были 2 погребенія, костяки которыхъ были въ большомъ безпорядкѣ, очевидно сильно нарушены обваломъ земли со стѣнки. Черепъ 1-го лежалъ тоже не на мѣстѣ и опрокинутъ. Черепъ второго погребенія былъ совершенно разрушенъ.

1-е погребеніе въ грудной части имѣло бѣлаго металла зеркало, въ поясной—привѣску, изображающую двѣ птичьихъ головы съ длинными шеями. Около него при входѣ въ камеру слѣва стоялъ глиняный сосудъ въ видѣ кубышки съ носкомъ и ручкой, на немъ линейный орнаментъ. Вблизи сосуда лежала бычачья кость, обломки желѣзнаго ножа или кинжала въ мѣдной оправѣ и ножнахъ. Около рукъ найдено нѣсколько бусъ и браслетъ и около ногъ—серебряныя блестки отъ обуви.

II погребеніе. Въ головахъ имѣло миніатюрный глиняный горшочекъ, въ грудной части рядъ бусъ, въ поясной бронзовыя привѣски: одна такая же, какъ и при 1-мъ, другая въ видѣ полумѣсяца, а такъ-же и бубенцы, на ногахъ тоже блестки.

Какъ 1-е, такъ и 2-е погребеніе украшены были полыми металлическими шариками, которые въ большинствѣ оказались разрушенными.

(Табл. XXI, XXII, XXIII, №№ 391—460).

Могила № 15 (13 и 14 сентября).

Проходъ въ могилу № 15 открытъ былъ немного сѣвернѣе предыдущей, причемъ прорытъ былъ только на протяженіи 3,30 метровъ, шириною въ 55 сант.

Камера была тоже обрушена и по очисткѣ оказалась 2,30 м. длины, 1,60 м. ширины и 1,20 м. высоты. На полу камеры лежало одно погребеніе. Костякъ въ 1,58 м. длины расположенъ въ правильномъ вытянутомъ положеніи съ NE на SW (головой). Около погребенія при входѣ стоялъ глиняный кувшинъ съ ручкой и около него бычачья кость. Въ грудной части найдено нѣсколько серебристыхъ сложныхъ бусъ. Около

черепа пара крупныхъ мѣдныхъ серегъ. Въ поясной части—обломки желѣзнаго ножа и спираль, бубенцы и привѣска, изображающая птицу.

На рукахъ были бронзовыя браслеты.

На ногахъ металлическія блестки.

(Табл. XXIV, XXV-я, №№ 461—475).

Могила № 16 (15 сентября).

Могила эта была открыта просто съ поверхности. По очисткѣ отъ засыпной земли, камера имѣла размѣры: 1,80 м. длины, 1,20 м. ширины и 1,10 м. высоты.

На полу лежало 2 погребенія съ N на S (головами) съ нѣкоторымъ отклоненіемъ NE и SE.

Костякъ 1-го погребенія — 1,30 м. длины, очевидно это дѣтское погребеніе. Въ грудной части скелета найдено нѣсколько мелкихъ бусъ, на правой рукѣ бронзовый браслетъ и около руки 2 особенно крупныхъ бусины. Сбоку погребенія въ головахъ стоялъ глиняный горшекъ.

II-е погребеніе 1,60 м. длины, не имѣло при себѣ никакихъ вещей.

(Табл. XXV, №№ 475—489).

Могила № 17 (15 и 16 сентября).

Проходъ въ могилу найденъ былъ рядомъ съ могилами №№ 12-й, 13-й, тянулся съ SE на NW на протяженіи 7,70 м., шириною въ 48 сант. Въ концѣ прохода было пробито отверстіе въ катакомбную могилу, сводъ которой весь былъ обрушенъ и только справа отъ входа была въ полной сохранности часть стѣнки съ сохранившимися поперечными слѣдами отъ орудія, которымъ были обдѣланы стѣнки катакомбной могилы. Размѣры въ камерѣ: 2,20 мет. длины, 2,10 м. ширины, высоту же точно было трудно опредѣлить въ силу обвала, при которомъ высота камеры достигала до 1,90 метр. Слѣва отъ входа къ стѣнкѣ стоялъ глиняный кувшинъ съ ручкой и изящнымъ носкомъ, около него лежала бычачья кость. О числѣ погребеній и ихъ положеніи довольно трудно было судить: костякъ до того истлѣлъ, что отъ него остался лишь костяной пепелъ.

Около сосуда найдена была—круглая небольшая бляшка золоченая съ одной стороны и съ отверстіемъ около края: двѣ тонкихъ орнаментированныхъ пластинки. Дальше къ srединѣ камеры найденъ рядъ золотистыхъ бусъ, какъ бы составленныхъ изъ отдѣльныхъ бусинъ. Тутъ же

найдено двѣ бронзовыхъ привѣски. Къ лѣвой стѣнкѣ около нѣсколько сохранившихся костей ногъ лежало нѣсколько бубенцовъ.

(Табл. XXVI, №№ 490—501). Двѣ могилы 17 и 18-я.

Проходъ могильный № 18. (16-го сент.).

Проходъ этотъ находился рядомъ съ могилой № 14 и отличался отъ предыдущихъ проходовъ своею длиной, достигавшей до 9 метровъ, шириною въ 50 сант. На протяженіи 6,50 метра и на глубинѣ около 4 мет. найдена была большая плита каменная, стоявшая поперекъ прохода, немного въ наклонномъ положеніи, какъ бы сдвинута была съ мѣста. Размѣры камня—90×50×10 сант. За плитой найдены мелкія разрушенныя кости небольшого животнаго, дальше серебряная бляшка съ колечкомъ и мѣдная пряжка. Проходъ оканчивался вертикальной стѣнкой, за которой катакомбы совсѣмъ не оказалось, а слѣдовательно и погребеній.

Въ общемъ проходъ этотъ представляетъ собою большую загадку.

(Табл. XXVI-я).

Катакомбная могила № 19 (17 сентября).

Проходъ въ могилу съ E на W.

Вскрытъ былъ весь сверху, камера тоже. Ширина прохода 65 сант. Камера послѣ расчистки имѣла 1,85 м. длины, 1,30 м. ширины и 1,20 м. глубины. На полу катакомбной могилы лежало рядомъ въ правильно вытянутомъ положеніи 2 погребенія съ E на W (головами).

Костякъ I-го погребенія 1,65 м., II-го 1,68 м. длины. Черепа были сбиты на бокъ и оказались въ плохой сохранности. Кости рукъ были въ большомъ безпорядкѣ. Оба костяка лежали нѣсколько въ изогнутомъ положеніи. Около черепа I-го погребенія найдена одна бусина и нѣсколько бляшекъ. Возлѣ костей правой руки—пряжка и сложная привѣска, состоявшая изъ цѣпочекъ, соединенныхъ вмѣстѣ, на концахъ ихъ прикрѣплены были 2 металлическихъ футлярчика, 2 ажурныхъ кружка внутри съ меньшимъ кружкомъ и соединенныхъ съ внѣшнимъ тонкими перепонками. Одинъ изъ концовъ цѣпочки оканчивался наконечникомъ, съ одного края изогнутымъ въ трубочку.

На пальцахъ были надѣты кольца. Въ поясной части найдено нѣсколько бляшекъ и привѣска въ видѣ кружка.

II-е погребеніе имѣло на рукахъ крупныхъ размѣровъ бусины со вставными глазками. Въ поясной части бляшки. Кромѣ того при входѣ въ камеру найденъ желѣзный ножъ.

(Табл. XXVII, XXVIII-я, № 502—538).

Катакомбная могила № 20 (17 сентября).

Могила была открыта просто сверху. Размѣры ея были 1 м. × 90 × 70. Проходъ замѣтенъ былъ съ E стороны. Къ западной стѣнкѣ расположено было съ S на N съ отклоненіемъ къ SW и NE дѣтское погребеніе; костякъ его въ 78 сант. Сбоку погребенія около ногъ стоялъ глиняный задымленный горшокъ. Около сохранившагося черепа найдена пара серегъ и нѣсколько золоченыхъ шариковъ съ ушками для привѣшиванія, тутъ же лежалъ бубенецъ, спираль изъ проволоки, небольшое металлическое зеркало и масса мелкихъ и крупныхъ бусъ, столько же бусъ и такихъ же разнообразныхъ было найдено цѣлыми рядами во всѣхъ частяхъ костяка—на груди, около рукъ, въ поясной части (отъ пояса) около тазовыхъ костей и костей ногъ. Очевидно вся одежда покойника была разукрашена рядами бусъ. На рукахъ были надѣты витые изъ проволоки браслеты. Около пояса на цѣпочкѣ лежали круглыя привѣски и крупный золоченый шарикъ съ ушкомъ. Тутъ же лежали обломки отъ истлѣвшаго желѣзнаго предмета. Въ общемъ погребеніе представляетъ изъ себя очень богатую по обилію предметовъ украшенія могилу.

(Табл. XXIX, XXX №№ 539—571).

II. Катакомбный могильникъ.

Могила № 21-й.

При изслѣдованіи 2-го могильника въ оврагѣ «Нетеча» найдена была могила № 21-й, которая въ проходѣ имѣла дѣтское погребеніе въ скорченномъ положеніи безъ всякихъ вещей. Черепъ оказался раздавленнымъ обваломъ земли.

По расположенію костяка можно полагать, что здѣсь имѣемъ подростка, намѣревавшагося сдѣлать подкопъ въ могилу, во время котораго и былъ приваленъ землей.

По очень истлѣвшимъ костямъ, на которыхъ осталась лишь окись мѣди отъ металлическихъ украшеній, безъ сомнѣнья, грабителя можно отнести къ тому же времени, что и самая могила, оказавшаяся смытой совершенно водой.

Въ могилѣ № 22-й этого же могильника оказался, на гораздо большей глубинѣ, длинный проходъ въ концѣ съ отвѣсной стѣнкой, за которой, послѣ тщательнаго изслѣдованія, камеры вовсе не оказалось.

Очевидно, при приготовленіи могилъ, сдѣланъ былъ лишь проходъ, катакомба не была начата, въ какомъ видѣ могила эта и осталась.

III-й Катакомбный могильникъ.

Могила № 23-й.

Могила эта открыта была случайно при изслѣдованіи III могильника и вскрыта была просто сверху и дала 2 погребенія съ плохо сохранившимися костяками.

Около погребеній въ различныхъ мѣстахъ могилы найдено было— рядъ всевозможныхъ бусъ, металическіе бубенцы, бронзовая серьга и другія украшенія. Сосуда же совсѣмъ не оказалось.

(Табл. XXXI-я, №№ 572—585).

III.

(7—21 мая 1994 г.).

Раскопки велись вблизи прежнихъ раскопокъ 1-го катакомбнаго могильника, находящагося въ «Замуловскихъ» горохъ сл. Верхняго Салтова около дороги, ведущей въ х. Байракъ.

Всего раскопано было 16 могилъ, изъ которыхъ могила № 1-й находилась совершенно отдѣльно отъ остальныхъ 15.

Въ каждой могилѣ оказалось 1 или нѣсколько погребеній, въ № 6 было погребеніе лошади.

При погребеніяхъ найдены были различные глиняные сосуды, предметы украшеній и желѣзныя орудія и оружіе.

Погребеніе же лошади не имѣло никакихъ предметовъ.

Могила № 1-й (7—8 мая)

Эта могила найдена была въ оврагѣ вблизи дороги, ведущей въ Салтовъ. Погребенія были вскрыты просто сверху на глубинѣ 3,50 метр. отъ поверхности почвы.

Судя по сохранившимся костякамъ и черепамъ, всѣхъ погребеній было 4, изъ нихъ I-е вполнѣ сохранилось и имѣло положеніе съ N E на S W (головой) E. III-е же наоборотъ съ S W на E (головой). О положеніи остальныхъ трудно было судить: отъ нихъ остались лишь въ полуразрушенномъ видѣ черепа, лежавшіе близко одинъ около другого, изъ нихъ 2 были дѣтскіе.

I-е погребеніе находилось къ N сторонѣ, костякъ его 1,72 м. длины. Около него найдено—у черепа пара большихъ бронзовыхъ съ под-

вѣсками со слѣдами позолоты серегъ, въ поясной части лежала масса металическихъ съ колечками и безъ нихъ бляшекъ, пряжка и наконечники отъ поясного набора. На лѣвой рукѣ надѣтъ былъ бронзовый проволочной браслетъ, на пальцахъ правой руки перстень со вставнымъ искусственнымъ камнемъ. На ногахъ—обломки оловяпыхъ пряжекъ, куски кожи и серебряныя пластинки отъ обуви. Около правой руки найдены куски желѣзнаго кинжала въ ножнахъ, па которыхъ замѣтны остатки обдѣлки съ изящнымъ орнаментомъ и кусками прилипшей матеріи.

(Табл. I и II, №№ 1—77).

Около другихъ погребеній найдено нѣсколько металлическихъ бубенцовъ, изъ нихъ одинъ особенно большихъ размѣровъ.

Въ головахъ III-го погребенія лежала бронзовая урночка (94) и около нея другая поменьше съ крышкой (92—93). Тутъ же найдены— различныя подвѣски съ изображеніемъ птичьихъ головъ, одна же въ видѣ печатки съ клеймомъ (105) и пара бронзовыхъ небольшихъ серегъ (103).

Въ S углу стояли пара глиняныхъ сосудовъ, одинъ въ видѣ горшка съ орнаментаціей, другой въ видѣ кувшина съ ручкой (494 - 595).

Около сосудовъ лежала бычачья кость и желѣзный плоскій наконечникъ въ видѣ небольшой лопаточки. Погребенія лежали на подстилкѣ изъ бересты и кожи, части которой взяты для образца.

(Табл. III и IV, №№ 76—127).

Катакомбная могила № 2 (9 мая).

Проходъ въ могилу имѣлъ 2,50 м. длины, шириною въ 62 сант. Катакомба длиною 1,70 м., шириною 1,55 м. и вышиною 1,40 м., имѣла на полу къ задней стѣнкѣ одно погребеніе подростка.

Около костяка найденъ рядъ бусъ. Въ головахъ стоялъ глиняный кувшинъ съ ручкой и носкомъ (496) и другой—грубой работы чашка (498).

Въ поясной части лежало нѣсколько крупныхъ бусинъ и трехугольная пряжка. Около черепа найдена небольшая бронзовая серьга и обломки желѣзнаго ножа.

(Таблица V-я №№ 125—136).

Катакомбная могила № 3 (9 мая).

Проходъ въ могилу—длиною въ 2,50 м., шириною 55 сант., оканчивался катакомбой въ 1,80 м. длины, 1,20 м. ширины и 1 м. высоты.

На полу катакомбы расположено было 1 погребеніе съ совершенно истлѣвшимъ костякомъ.

Судя же по остаткамъ отъ нѣкоторыхъ длинныхъ костей, можно думать—погребеніе было дѣтское.

Около пепла костяка лежало нѣсколько крупныхъ и рядъ мелкихъ бусъ, а также три металлическихъ со звономъ бубенца.

Въ переднемъ углу стоялъ глиняный сосудъ (497) въ видѣ низкаго кувшина съ расширеннымъ корпусомъ. На днѣ сосуда довольно отчетливо замѣтно клеймо.

(Таблица V-я №№ 137 –154).

Могила № 4 (10 мая)

Въ проходѣ на протяженіи 5,90 стояла поперекъ каменная плита сѣраго песчаника въ 60×50×10 сант. Проходъ весь имѣлъ 6,80 м. длины и 55 сант. ширины. Катакомба въ 2,25 м. длины, 2,10 м. ширины и высоты. Полъ катакомбы устланъ былъ слоемъ древеснаго угля толщиною въ 5 сант. и на немъ расположены были погребенія, число которыхъ трудно было опредѣлить, такъ какъ костяки оказались въ плохой сохранности, за исключеніемъ одного крайняго отъ прохода, который оказался въ лучшей сохранности, при чемъ черепъ этого погребенія лежалъ въ ногахъ костяка. Кромѣ того, то мѣсто, гдѣ лежало это погребеніе, было ниже сант. на 10 противъ площади пола, гдѣ находились костяки другихъ погребеній.

При истлѣвшихъ костяхъ найдены были металлическіе литые бубенцы со звономъ и нѣсколько сложныхъ, какъ бы изъ отдѣльныхъ шариковъ бусинъ, а также круглая раковина со сверлиной посрединѣ. Сбоку I-го погребенія лежалъ массивный бронзовый браслетъ со змѣевидными концами (161). На одномъ изъ суставовъ пальцевъ правой руки надѣтъ былъ бронзовый перстень. Тутъ же лежалъ желѣзный кинжалъ въ истлѣвшихъ ножнахъ со слѣдами изящнаго орнамента (169), бронзовая урночка съ крышкой (166), металлическая бляшка, пряжка и крупная бусина изъ слоистаго камня (163—164).

(Таблица VI-я №№ 155—169).

Могила № 5 (11 мая).

Могила № 5 имѣла проходъ съ S съ уклоненіемъ къ SE, длиною всего 1,60 м., шириною въ 50 сант.

Размѣры катакомбы – 1,15 м. длины, 95 сант. ширины и 70 сант. высоты; отъ поверхности почвы на глубинѣ 1,50 м.

На полу камеры лежало 2 дѣтскихъ погребенія.

Костякъ I-го 70 сант. длины, II-го—77 сант.

Костяки имѣли положеніе съ E на W съ уклоненіемъ къ SW. Около I-го погребенія найдено нѣсколько бусинъ и бубенцовъ.

Около II-го погребенія—трехугольныя металлическія пластинки съ поясным орнаментомъ, бубенцы, битые изъ пластинокъ и дѣтскій браслетъ, взятый вмѣстѣ съ костями руки. (198).

(Табл. VII-я, №№ 170—201).

Могила № 6 (11 мая).

Могила эта имѣла видъ узкой траншеи въ $2^1/_2$ метра длины и 60 сант. ширины, глубиною въ 2 метра. Въ могилѣ оказалось погребеніе лошади, костякъ которой былъ въ посаженномъ на ноги видѣ и силой втиснутъ въ узкій проходъ. Длина костяка около 2-хъ метровъ.

Положеніе костяка съ S на N головой съ отклоненіемъ къ NW и SE.

Вещей при погребеніи не оказалось.

Могила № 7 (12 мая).

Въ проходѣ этой могилы найдено 2 бляшки отъ поясного набора.

Посреди камеры лежалъ опрокинутый вверхъ дномъ глиняный сосудъ въ видѣ кувшина или кружки съ расширеннымъ корпусомъ и съ ручкой (№ 499).

Камера длиною въ 1,95 м., шириною 1,85 м. и высотою въ 90 сант. Проходъ имѣлъ 4 метра длины и 65 сант. ширины.

На полу катакомбы расположено было, судя по остаткамъ отъ совершенно истлѣвшихъ костей, 3 погребенія. Около 1-го погребенія найденъ рядъ разновидныхъ бусъ сердоликовыхъ, стеклянныхъ мозаичной работы.

II-е погребеніе имѣло рядъ бронзовыхъ бляшекъ, застежекъ и наконечникъ отъ набора пояса.

Въ ногахъ лежалъ фрагментъ круглаго бѣловатаго металла зеркала.

Около III-го погребенія—дѣтскаго найдено нѣсколько бусинъ, бубенчикъ и бляшка.

(Табл. VIII-я, №№ 202—229).

Могила № 8.

Проходъ въ могилу шелъ почти съ SE на NW на протяженіи 5 метровъ и оканчивался по обыкновенію камерой, находящейся на глу-

бинѣ 3,50 м. отъ земной поверхности и имѣвшей размѣры: 2,30 м. длины, 2,10 м. ширины и 1,60 м. высоты.

На полу катакомбы, какъ видно по сохранившимся длиннымъ костямъ, положено было три погребенія съ NE на SW (головами).

I-е погребеніе имѣло при себѣ въ головной части—обломки желѣзныхъ ножей, рядъ разновидныхъ бусъ отъ роскошнаго ожерелья. Подъ черепомъ найдено было 2 серебряныхъ монеты съ отверстіями для привѣшиванія (231, 232). Въ поясной части лежало нѣсколько крупныхъ бусинъ со вставными глазками и круглая металлическая бляшка съ ушкомъ для привѣшиванія.

II-е погребеніе имѣло въ грудной части костяка рядъ сложныхъ бусъ, бубенецъ, на пальчикѣ—бронзовый перстень, въ головахъ лежалъ кремневый наконечникъ, очевидно отъ стрѣлы (238). На костякѣ одной руки имѣлся изъ бронзовой проволки браслетъ (251).

Около III-го погребенія въ грудной части лежали всевозможныя бусы, въ поясной—рядъ бляшекъ, пряжка и наконечникъ отъ набора пояса. Тутъ же найдены обломки истлѣвшихъ ножей. На суставахъ пальцевъ надѣто было 2 перстня.

(Табл. IX №№ 230—252). (Табл. X-я №№ 253—270. Таблица XI-я, № 271—304).

Могила № 9 (13 и 14 мая).

Проходъ прорытъ былъ на протяженіи 6,50 м., шириною въ 55 сант.

Камера оказалась обрушенной и по очисткѣ имѣла размѣры 2 м. длины, 1,60 м. ширины и 1,80 м. высоты.

Полъ камеры отъ поверхности земли находился на глубинѣ 4 метровъ.

Въ камерѣ оказалось нѣсколько погребеній, костяки которыхъ были въ большомъ безпорядкѣ: кости были навалены одна на другую, черепа лежали отдѣльно и не на своихъ мѣстахъ. Всѣхъ череповъ оказалось 6, изъ нихъ 4 взрослыхъ и 2 дѣтскихъ. Только по числу череповъ можно считать, что въ этой катакомбѣ было 6 погребеній что, же касается положенія погребеній, то объ этомъ трудно было судить. Только можно сказать, что здѣсь мы имѣемъ катакомбу общихъ погребеній. Погребеніе, лежавшее къ задней N стѣнкѣ, имѣло въ головахъ металлическое зеркало, орнаментированное съ обратной стороны, такую же круглую бляшку съ ушкомъ и массу всевозможныхъ бусъ отъ роскошнаго ожерелья.

Въ числѣ бусъ достойны вниманія—сердоликовыя, изъ синей смальты, стекляныя со вкрапленными глазками, плоскіе съ 3-мя отверстіями и др. (№ 324—327).

Около костей ногъ лежала бронзовая бляшка и нѣсколько особенно крупнаго размѣра бусинъ (307—328). Тутъ же найдена бронзовая трехугольная пряжка (318). Среднее погребеніе было по костяку мужское и около него найдены кусочки спираленъ, бубенцы и проч.

Около остальныхъ погребеній лежали—бронзовая небольшая привѣска, бусы, спиральки, бубенцы и др. мелкія украшенія.

Въ общемъ могила эта представляетъ ту особенность, что здѣсь уже не парное или троичное погребеніе, какъ встрѣчалось до сихъ поръ, а гораздо многочисленнѣе, почему можетъ явиться совершенно новый вопросъ—хоронили ли эти погребенія въ одно время, или въ различное.

(Табл. XII, №№ 305—328; табл. XIII, №№ 329—346).

Могила № 10 (14 мая 1904 г.).

Проходъ шелъ на протяженіи 4,20 м., шириною въ 50 сант. Катакомба имѣла 1,80 м. длины и 1,50 м. ширины и высоты.

На полу камеры расположено было три погребенія, при чемъ 2 изъ нихъ лежали рядомъ по длинѣ могилы съ S на W головами, третье же поперекъ могилы въ головахъ первыхъ двухъ.

Костякъ I-го погребенія имѣлъ 1,65 м. длины, II-го 1,70 м. При первомъ найдено—въ поясной части скелета нѣсколько серебряныхъ бляшекъ съ колечками, пряжка—отъ набора пояса.

Тутъ же найдено нѣсколько бронзовыхъ бубенцовъ со звономъ. Около II-го погребенія—на ногахъ лежало нѣсколько серебряныхъ пластинокъ отъ набора обуви.

Въ грудной части лежалъ рядъ бусъ—сердоликовыхъ и др. Третье погребеніе никакихъ предметовъ не имѣло. (Табл. XIV-я, №№ 347—374).

Могила № 11 (15 мая)

Проходъ этой могилы отличался наибольшей длиною, достигавшей 8 метровъ. Камера находилась на глубинѣ 3,50 метровъ отъ поверхности и имѣла въ длину 1,70 м., въ ширину 1,50 м. и высоту 1,60 м. На полу положено было погребеніе взрослаго при нѣсколькихъ дѣтскихъ. Около взрослаго погребенія лежали рядами различные бусы. Въ грудной части найдена привѣска въ видѣ круглой бляшки съ отверстіемъ посрединѣ.

На рукахъ, положенныхъ на грудь, надѣты были бронзовые браслеты и на пальцахъ—перстни съ гнѣздами для камней.

Около черепа—пара большихъ серебряныхъ серегъ. Около поясной части лежало нѣсколько бубенцовъ и крупныхъ бусинъ.

На черепѣ другого погребенія, лежавшаго съ праваго боку I-го, положена была серебряная монета съ 2 пробитыми отверстіями для привѣшиванія.

На ногахъ лежали оловянныя ажурныя пластинки.

Около другихъ дѣтскихъ погребеній найдено нѣсколько бусинъ и пара бубенцовъ.

Въ головахъ лежалъ небольшой желѣзный боевой топорикъ.

(Табл. XV-я, №№ 376—398).

Могила № 12 (18-го мая).

Проходъ шелъ на протяженіи 4 метр., шириною въ 52 сант.

Катакомба найдена на глубинѣ 3 м. отъ поверхности, имѣла 2 м. длины и ширины и 1,80 м. высоты.

Костяки погребеній почти истлѣли, такъ что опредѣленно судить о числѣ погребеній довольно затруднительно.

По сохранившимся остаткамъ отъ нѣкоторыхъ костей и по тлѣну можно предположить—три погребенія.

На мѣстѣ перваго погребенія найдено нѣсколько различныхъ бусъ, половинки отъ битыхъ изъ бронзовыхъ пластинокъ бубенцовъ, раковина со сверлиной, обломки желѣзнаго ножа, бляшки отъ набора пояса. Изъ бронзовой проволоки орудійце для чистки. На ногахъ были найдены серебряныя пластинки отъ обуви.

Около 3-го болѣе сохранившагося погребенія въ грудной части костяка лежалъ рядъ различныхъ бусъ—сердоликовыхъ, стеклянныхъ и друг.

По всѣмъ направленіямъ лежали такія-же, какъ и при 1-мъ половинки отъ битыхъ изъ пластинокъ бубенцовъ, на рукѣ надѣтъ былъ изъ бронзовой проволоки браслетъ. Около пояса лежали обломки истлѣвшаго желѣзнаго ножа.

Слѣва отъ входа стоялъ глиняный кувшинъ (№ 500) съ ручкой, около него лежала кость отъ конечности животнаго. (Табл. XVI-я, №№ 399—429).

Могила № 13 (19 мая).

Проходъ 4,60 м. длины и 60 сант. ширины.

Камера 1,75 м. длины, 1,50 м. ширины и высоты. На полу камеры по сохранившимся нѣкоторымъ костямъ можно было различить 2 взрослыхъ погребенія въ положеніи съ NE на SW (головами) и въ ногахъ поперекъ могилы лежало одно дѣтское.

Около 1-го погребенія найденъ рядъ всевозможныхъ бусъ, нѣсколько бубенцовъ, на одномъ изъ суставовъ пальцевъ надѣтъ былъ бронзовый перстень со вставленнымъ камнемъ, а также кусочки спирали изъ бронзовой проволки. II-е погребеніе сверху было прикрыто березовой корой, подъ которой мѣстами сохранились остатки отъ истлѣвшей шерстяной матеріи (№ 451). Въ поясной части лежалъ желѣзный кинжалъ въ кожаныхъ ножнахъ (443) и около него круглая привѣска съ соколиными головками. Въ грудной части лежалъ рядъ сложныхъ бусинъ. Тутъ же замѣтны были остатки истлѣвшей шелковой матеріи и бересты (454), подъ ними найденъ былъ бронзовый гребень ажурной работы (452) и круглая привѣска въ видѣ стрѣлы (430). Кромѣ того найдено нѣсколько плоскихъ изъ синей смальты бусинъ. Въ углу стоялъ сосудъ въ видѣ горшечка (№ 501). (Табл. XVII и XVIII, №№ 430—456).

Могила № 14 (19 и 20 мая).

Проходъ въ могилу имѣлъ 5 м. длины, камера оказалась на глубинѣ 3,20 м. и имѣла 1,70 м. длины, 1,30 м. ширины и высоты.

Проходъ шелъ съ S на N съ отклоненіемъ къ SW.

Въ катакомбѣ оказалось одно погребеніе въ положеніи съ E на W (головой).

При погребеніи найдено нѣсколько литыхъ бронзовыхъ бубенцовъ, кусочки спиралей, пара бусинъ мозаичной работы, бронзовая пряжка, такая же перекладина къ цѣпочкѣ, на рукахъ—браслетъ и перстень. При поясѣ оказался желѣзный кинжалъ съ остатками мѣдной оправы (Табл. XIX-я, №№ 466—480).

Могила № 15 (20 мая).

Проходъ длиною 7 м., камера отъ поверхности находилась на глубинѣ 3½ метр., длиною 1,80 м., шириною 60 м. и 1,50 м. высоты.

На полу лежало 1 погребеніе, костякъ котораго былъ 1,68 м. длины. При немъ въ грудной части найденъ рядъ сложныхъ бусъ отъ ожерелья, среди которыхъ одна буса оказалась въ видѣ миніатюрной статуэтки, изображающей льва лежащаго на пьдесталѣ (491) около пояса лежали куски желѣзнаго кинжала Кромѣ того найдено нѣсколько облом-

ковъ отъ битыхъ изъ пластинокъ бубенцовъ, среди нихъ одинъ цѣлый съ ушкомъ для привѣшиванья и бронзовая пуговица (Табл. XIX-я, №№ 481—493).

Могила № 16 (20—21 мая).

Проходъ длиною 1,50 метр.; камера отъ поверхности почвы находилась на глубинѣ $3^1/_2$ метр., имѣла 1,70 м. длины, 1,50 м. ширины и 95 сант. высоты.

На полу камеры на подстилкѣ изъ древеснаго угля лежало 2 погребенія.

I-е погребеніе взрослаго человѣка, около него при правой рукѣ найденъ желѣзный ножъ. На рукѣ надѣтъ былъ бронзовый браслетъ.

II-е погребеніе—дѣтское, около пепла отъ истлѣвшаго черепа найдена бронзовая серьга. На правой рукѣ—дѣтскій браслетъ. Въ грудной части лежали рядомъ различныя бусы.

Въ головахъ этого погребенія лежали мелкія кости, вѣроятно, барашка. Оба костяка были положены уже не поперекъ могилы, какъ въ предыдущихъ, а по длинѣ съ SE на NW (головами) (Табл. XVIII-я, №№ 458—465).

В. Бабенко.

XXIV.

Замѣтки и матеріалы по археологіи.

Издаваемыя ниже замѣтки и матеріалы по археологіи собраны нынѣ покойнымъ проф. Ю. И. Морозовымъ въ 1879 году, передъ поѣздкой его на Антропологическій съѣздъ и выставку въ Москву. Они состоятъ частью изъ сообщеній, сдѣланныхъ Ю. И. Морозову разными лицами, частью изъ замѣчаній его по поводу этихъ сообщеній или его собственныхъ замѣтокъ о тѣхъ древностяхъ, которыя ему стали извѣстны. Такимъ образомъ тутъ нѣтъ какого либо систематическаго изслѣдованія по археологіи въ родѣ его статьи о городищахъ, — матеріалъ здѣсь отличается до извѣстной степени случайнымъ подборомъ. Тѣмъ не менѣе и въ такомъ видѣ замѣтки проф. Ю. И. Морозова, относящіяся къ Югу Россіи, представляютъ крупный научный интересъ, потому что содержатъ много указаній о различныхъ памятникахъ старины, сплошь и рядомъ утраченныхъ теперь для изслѣдователей. Вслѣдствіе этого Харьковская Коммиссія по подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ, по предложенію проф. Д. И. Багалѣя, передавшаго эти замѣтки Коммиссіи, постановила издать ихъ въ своихъ «Трудахъ» въ полномъ видѣ. Замѣтки и матеріалы проф. Ю. И. Морозова издаются тутъ безъ всякихъ сокращеній.

„1. Замѣтка объ ископаемыхъ мѣдныхъ издѣліяхъ, найденныхъ въ Бахмутскомъ и Славяносербскомъ уѣздахъ“.

„1. При работахъ по составленію пластовой карты Донецкаго кряжа, въ осадкахъ пермской формаціи Бахмутскаго уѣзда были открыты мѣдныя руды, о существованіи которыхъ, какъ обнаружилось вмѣстѣ съ тѣмъ,

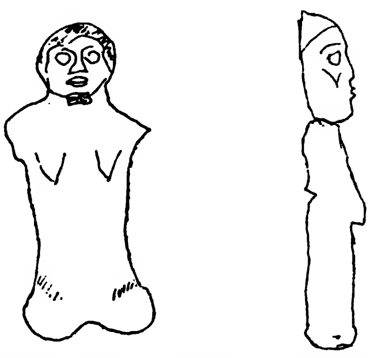
знали еще древніе обитатели этой мѣстности, пользовавшіеся этими рудами для выплавки мѣди. Въ 10-ти верстахъ отъ Бахмута, около Клиновскихъ хуторовъ, найдены были отвалы древней разработки и плавки мѣдныхъ рудъ, куски которыхъ, вмѣстѣ съ шлаками, древеснымъ углемъ и черепками горшковъ открыты были развѣдочными рвами въ отвалахъ, имѣющихъ видъ неправильнаго четыреугольника, длиною 180 саж. и шириною 125 саж., составляющаго площадь въ 22500 квад. саж.".

„2. Землевладѣлецъ Славяносербскаго уѣзда, г. Лезель доставилъ въ геологическій кабинетъ Харьковскаго университета три куска мѣди, найденные въ означенномъ уѣздѣ въ окрестностяхъ с. Крымскаго (6-я рота на Донцѣ). Два изъ этихъ кусковъ представляютъ полные слитки, а третій половину. Полные слитки имѣютъ видъ сегментовъ, діаметръ которыхъ равняется 7-ми дюймамъ, а высота или толщина $1^1/_2$ дюйма. На сферическихъ поверхностяхъ сегментовъ видны довольно глубокія насѣчки, сдѣланныя клинообразнымъ острымъ орудіемъ; эти насѣчки располагаются въ видѣ двухъ линій, пересѣкающихся въ центрѣ приблизительно подъ прямымъ угломъ. Назначеніе этихъ насѣчекъ несомнѣнно состояло въ томъ, чтобы облегчить разламываніе слитковъ передъ употребленіемъ ихъ на различныя издѣлія. Это ясно на половинномъ слиткѣ, который, имѣя тотъ же самый діаметръ и ту же толщину, какъ и цѣльные, оказывается разбитымъ именно по направленію одного ряда насѣчекъ. (Я получилъ одинъ полный слитокъ и половинный—для показа въ Москвѣ) Сферическая часть слитковъ имѣетъ хотя не гладкую и неровную поверхность, но состоитъ изъ совершенно плотной массы, имѣющей внутри даже кристаллическую структуру; тогда какъ съ плоской стороны металлъ оказывается пузыристымъ. Очевидно, что эти слитки выражаютъ собою форму нижней части тѣхъ котлообразныхъ сосудовъ, въ которыхъ металлъ былъ выплавленъ и оставленъ до застыванія".

„Профессоръ Бекетовъ, по моей просьбѣ, произвелъ анализъ этихъ слитковъ, которые оказались состоящими изъ чистой мѣди, содержащей только на поверхности слѣды сѣры, другихъ же металловъ, какъ то олова и свинца, были едва замѣтные слѣды, хотя для анализа было взято довольно значительное количество матеріала. Слѣды желѣза были нѣсколько замѣтнѣе. Судя по сравнительно небольшому разстоянію между Клиновскими хуторами и селомъ Крымскимъ, считаю весьма вѣроятнымъ, что найденные близь послѣдняго слитки принадлежатъ къ продуктамъ того горнаго промысла,—слѣды котораго открыты вс 10 верстахъ отъ Бахмута. Если это предположеніе вѣрно, въ такомъ случаѣ предъ нами довольно ясно обрисовывается самый способъ полученія металла, который

добывался изъ мѣдныхъ рудъ, подвергавшихся плавкѣ на древесномъ углѣ, въ небольшихъ котлообразныхъ, безъ сомнѣнія, глиняныхъ сосудахъ, въ которыхъ потомъ выплавленная мѣдь и оставлялась до застыванія, такъ какъ трудно себѣ представить, чтобы эти слитки были продуктами переплава готоваго уже, т. е. возстановленнаго металла. (По свидѣтельству Палласа, въ Оренбургской губерніи, въ одной древней штольнѣ найдены были *лепешки* оплавленной мѣди и круглые глиняные горшки, въ которыхъ онѣ плавились).

„3. Вмѣстѣ съ описанными слитками найдено было большое мѣдное копье. Оно передано мнѣ для представленія въ Москву. Острый конецъ его имѣетъ форму четырехгранной пирамиды, съ совершенно правильными (я бы сказалъ: съ довольно правильными) и гладкими плоскостями и ребрами; противоположный, т. е. тупой—конецъ цилиндрическій



Бронзовая «каменная баба», найденная въ Бахмутскомъ уѣздѣ.

съ углубленіями для насадки на дерево. По анализу, произведенному проф. Бекетовымъ, металлъ, изъ котораго сдѣлано копье, содержитъ:

мѣди.	95,2	100,0
олова.	3,8	
свинца	1,0	
желѣза		
потеря при анализѣ . .		

„4. Особенно интересною мнѣ представляется находка, сдѣланная въ Бахмутскомъ уѣздѣ, на земляхъ деревни Вѣровки, въ пахатномъ полѣ, при обработкѣ земли къ посѣву. Эта находка представляетъ собою вылитое изъ мѣди миніатюрное изображеніе передней половины *каменной бабы*, оканчивающейся нижнею частью живота и началомъ ногъ. Длина описываемой фигуры 82 миллиметра. Лицо—широкое и плоское; лобъ очень узкій; брови сходящіяся; груди отвисшія; туловище длинное (?); животъ плоской; верхнія конечности представлены только въ видѣ плечъ. прибавлю: скулы сильно выдавшіяся.

Вся фигура съ задней стороны углубленная; наружная поверхность шереховатая, вслѣдствіе несовершенства формы и отливки, для которой матеріаломъ служилъ сплавъ, содержащій въ себѣ:

мѣди.	93,5
олова	3,5
свинца	2,0
желѣза и потеря	1,0

Считаю не лишнимъ прибавить еще, что описанное мѣдное изображеніе (переданное мнѣ для показа въ Москвѣ) найдено именно въ той мѣстности, которая отличается необыкновеннымъ изобиліемъ настоящихъ каменныхъ бабъ, чему, очевидно, благопріятствовало сильное развитіе здѣсь аркозокаменноугольной формаціи, служившаго, сколько мнѣ извѣстно, главнымъ матеріаломъ для изготовленія каменныхъ истукановъ. Въ другихъ мѣстахъ для той же цѣли употреблялся третичный песчаникъ и за тѣмъ я не встрѣчалъ никакого другого матеріала, изъ котораго бы дѣлались каменныя бабы".

„Но какой народъ занимался добываніемъ мѣди изъ рудъ Бахмутскаго уѣзда? Г. Лавровъ съ увѣренностью говоритъ, что въ южной Россіи, за исключеніемъ грековъ, другіе народы не оставили никакихъ слѣдовъ, могущихъ показать, что они способны были заниматься горнымъ промысломъ. По этимъ соображеніямъ г. Лавровъ приписывалъ грекамъ и древнія разработки мѣдныхъ рудъ у Клиновскихъ хуторовъ; это же предположеніе онъ распространяетъ и на древній горный промыселъ на Уралѣ (Зап. Имп. Мин. Общ. I.X. 135). Я полагаю, что находка мѣднаго изображенія каменной бабы можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ".

Харьковъ
27 марта 1879 г.

И. Леваковскій.

2. Нѣсколько словъ о лѣсныхъ курганахъ въ Харьковской губерніи.

«Извѣстно, что степная часть Южной Россіи усѣяна курганами, которые могутъ быть раздѣлены, по крайней мѣрѣ, на три разряда: 1) большіе курганы, какъ напр. Саургмогила, Толстая могила; 2) курганы средней величины и 3) малые курганы. Эти послѣдніе, встрѣчающіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ огромномъ количествѣ на небольшомъ пространствѣ, распространяются у насъ далѣе прочихъ на сѣверъ. На сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ никѣмъ не было заявлено о существованіи кургановъ въ лѣсахъ Украйны. Въ этомъ отношеніи особенное вниманіе обращаютъ на себя значительной величины курганы, находящіеся въ лѣсу

на возвышенной правой окраинѣ рѣки Удъ, выше кладбища села Песочина (въ 11-ти верстахъ отъ Харькова). Кромѣ того, въ лѣсу на принадлежащемъ мнѣ хуторѣ близь упомянутаго села, я давно уже замѣчалъ небольшія, отлогія возвышенія, которыя считалъ просто естественными неровностями почвы, пока наконецъ случайная находка не привела меня къ убѣжденію, что упомянутыя возвышенности представляютъ собою особый родъ *лѣсныхъ кургановъ*. При окружности одной изъ такихъ куртановъ было найдено весьма старое желѣзное копье, до самаго конца совершенно вертикально воткнутое въ вязкую глинистую почву. (Передано мнѣ для показа въ Москвѣ). Найденное копье не могло принять такое положеніе случайно, очевидно, что оно было здѣсь насильственно воткнуто съ какой-то цѣлью. Это указаніе заставило меня приступить къ раскопкѣ самаго холмика, при чемъ оказалось, что онъ состоитъ изъ насыпной земли, представлявшей пятно и полосы черной земли среди свѣтло-желтой глины. Другое доказательство искусственнаго происхожденія этого маленькаго лѣсного кургана представилось въ томъ, что на глубинѣ ½ аршинъ найденъ былъ глиняный черепокъ весьма грубой работы. (Тоже переданы мнѣ).

Разслѣдованія другихъ такихъ же курганчиковъ до сихъ поръ привели меня къ открытію, близь одной группы ихъ небольшого слоя древеснаго угля».

28 марта 1879 г. *И. Леваковскій.*

Прежде всего замѣчу, что кромѣ вышеуказанныхъ, И. Ф. Леваковскій передалъ мнѣ еще слѣдующіе предметы для показа въ Москвѣ:

а) каменный топоръ, найденный вблизи Карабукара, на берегу р. Кальміуса.

б) каменный молотокъ, найденный въ Харьковѣ.

в) каменный молотокъ недодѣланный, и также найденный въ Харьковѣ (оба молотка найдены при постровкѣ желѣзной дороги, въ Карповскомъ саду).

г) Мѣдная плитка, найденная при рытьѣ канавы подъ фундаментомъ вокзала; на этой плиткѣ по угламъ два одинокихъ круглыхъ клейма съ королевскою короною въ срединѣ и 1680 годомъ подъ нею, а вокругъ слова: Carolus XI D.G.SVE. GOT. WAN. REX.

Нѣсколько дней тому назадъ, зайдя въ библіотеку университета, я встрѣтилъ тамъ бывшаго нашего лаборанта Эдуарда Яковлевича Кроянскаго, который теперь состоитъ земскимъ агентомъ по страхованію имуществъ отъ огня въ Зміевскомъ уѣздѣ и, живя въ Зміевѣ, занимается

при случаѣ собираніемъ археологическихъ предметовъ, находимыхъ тамъ въ разныхъ мѣстахъ. Онъ принесъ теперь нѣсколько бронзовыхъ вещей, которыя предлагалъ купить музею изящныхъ искусствъ и древностей, но послѣдній нашелъ слишкомъ высокою назначенную цѣну (100 руб). Осмотрѣвъ эти вещи, я нашелъ ихъ весьма любопытными и предложилъ свои услуги для отвоза ихъ въ Москву на выставку и, пожалуй, для продажи, буде найдется тамъ любитель, который не поскупится дать сумму въ 100 руб. Я выдалъ Э. К. Кроянскому росписку, въ пріемѣ отъ него слѣдующихъ вещей: 1) мѣдный топоръ. 2) Мѣдный топорикъ (или долото, или скоблило). 3) Мѣдный стругъ безъ одного отломаннаго конца. 4) Мѣдная переломленная на двѣ части (почти половины пластинка съ узорами 5) Мѣдная фигурка тура (Capra caucasica) и 6) Мѣдная фигурка овцы или вообще безрогаго звѣря.

Вещи эти найдены въ южной части Баталпатинскаго уѣзда Кубанской области у рѣки, впадающей въ Куму между верховій рѣки Кубани и Кумы. При какихъ именно обстоятельствахъ они найдены, это пока мнѣ не извѣстно. Э. К. Кроянскій передавалъ только, что въ указанной мѣстности казаки нашли множество бронзовыхъ вещей, которыя и разнесли кто куда зналъ. Когда слухъ объ этой находкѣ достигъ въ Екатеринодаръ, то членъ тамошняго округа суда, Александръ Александровичъ Поляковъ, бывшій харьковскій студентъ и родственникъ Э. Я. Кроянскаго поѣхалъ въ мѣстность, гдѣ была сдѣлана находка и успѣлъ по разнымъ рукамъ отыскать и купить тѣ вещи, которыя выше поименованы. Назначивъ сумму 100 руб., А. А. Поляковъ желаетъ возвратить деньги, издержанные имъ на поѣздку и покупку археологическихъ предметовъ.

Профессоръ физіологіи нашего университета Иванъ Петровичъ Щелковъ, сдѣлавшій нѣсколько интересныхъ археологическихъ находокъ на пескахъ по берегу рѣки Можа въ Зміевскомъ уѣздѣ, въ своемъ имѣніи, также обѣщалъ мнѣ изготовить письменное изложеніе его розысканій и передать нѣкоторые предметы для показа въ Москвѣ. Кромѣ того, такъ какъ И. П. Щелковъ весьма искусенъ въ дѣлѣ фотографіи и имѣетъ хорошій фотографическій приборъ, то я просилъ его, нельзя ли сдѣлать фотографіи съ тѣхъ каменныхъ бабъ, которыхъ шесть штукъ стоитъ на дворѣ главныхъ университетскихъ зданій. И. П. Щелковъ охотно согласился на это и уже давно все приготовилъ для снятія фотографическихъ портретовъ, но неблагопріятная погода препятствовала намъ осуществить это до 25 марта, когда, несмотря на вѣтеръ и на весьма перемѣнчивый видъ неба, Иванъ Петровичъ успѣлъ сдѣлать три снимка съ наиболѣе сохранив-

шихся каменныхъ бабъ (двѣ мужскія фигуры и одна женская). Негативы получились очень хорошіе. Пользуясь этимъ случаемъ, я просилъ И. П. Щелкова сдѣлать еще снимокъ съ имѣющейся у меня бронзовой вазы, которая была найдена въ Екатеринославѣ при копаніи колодца и подарена мнѣ г. Михайловымъ, одно время слушавшимъ мои лекціи. Снимокъ удался въ негативѣ; что то скажетъ позитивъ?—П. А. Безсоновъ опредѣлилъ, что эта вещь должна быть генуэзская XII или XIII вѣка, но свѣтлыя мѣдныя головки въ средней части, какъ онъ предполагаетъ, сдѣланы позднѣе и приставлены взамѣнъ другихъ украшеній неизвѣстнаго характера.

Во второмъ томѣ Труд. 1-го Археол. съѣзда графъ А. С. Уваровъ помѣстилъ описаніе и изображеніе нѣсколькихъ десятковъ каменныхъ бабъ. Тѣ рисунки, которые сдѣланы по фотографіямъ,—безспорно вѣрны. Другіе же, воспроизведенные по рисункамъ путешественниковъ и изслѣдователей, грѣшатъ неправдою, слишкомъ отчетливы, между тѣмъ какъ каменныя бабы сильно потерлись въ теченіе вѣковъ и отъ вывѣтриванія и отъ безцеремоннаго обращенія съ ними. Нѣкоторые изъ видѣнныхъ мною въ путешествіяхъ рисунковъ просто на—просто сдѣланы и потому представляютъ собою скорѣе фантазію путешественниковъ, нежели изображеніе дѣйствительное. Поэтому то мнѣ и хотѣлось повезти въ Москву фотографическіе портреты нѣкоторыхъ изъ наиболѣе сохранившихся каменныхъ бабъ, что попали въ началѣ шестидесятыхъ годовъ на дворъ университета. Странная вещь обнаружилась при знакомствѣ моемъ съ этими бабами. Онѣ записаны въ матеріальной книгѣ музея древностей и изящныхъ искусствъ подъ 1860 годомъ яко бы пожертвованныя Терещенкомъ, который выбралъ ихъ изъ многихъ и который извѣстенъ своимъ сочиненіемъ «Бытъ русскаго народа». Г. С. Чириковъ разсказывалъ такъ, приводя нѣкоторыя подробности. Но когда я случайно заговорилъ объ этомъ предметѣ съ Леваковскимъ, такъ къ удивленію услышалъ совсѣмъ другое, а именно: эти бабы какими то судьбами попали въ дворъ губернаторскаго дома въ Екатеринославѣ.

Въ 1860 году, по заявленію профессора русской исторіи въ Харьковскомъ университетѣ А. П. Зернина, Совѣтъ университета поручилъ профессору И. Ф. Леваковскому передать Екатеринославскому губернатору графу А. К. Сиверсу просьбу Совѣта объ уступкѣ тѣхъ бабъ Харьковскому университету. Графъ А. К. Сиверсъ весьма сочувственно отнесся къ этой просьбѣ и оказалъ возможное содѣйствіе для доставленія всѣхъ шести каменныхъ бабъ въ Харьковъ. Издержки на доставку университетъ принялъ на свой счетъ. Секретарь совѣта Александръ Васильевичъ Кожедубовъ также отрицалъ всякую причастность въ этомъ дѣлѣ

Терещенка, но подробности онъ позабылъ и обѣщалъ мнѣ навести обстоятельную справку. Когда я расказалъ объ этомъ Г. С. Чирикову, то онъ также взялъ на себя обязанность порыться въ университетскомъ архивѣ для выясненія вопроса о томъ, откуда и какъ пропутешествовали наши каменныя бабы во дворъ университета, гдѣ онѣ невполнѣ защищены отъ разрушенія руками мальчишекъ—дѣтей университетскихъ служителей, уже не говоря о неустанномъ процессѣ вывѣтриванія подъ вліяніемъ атмосферическихъ перемѣнъ. Одна мужская фигура сильно обтерта, а у одной женской даже отбиты нѣкоторыя части. Нужно будетъ поднять въ Совѣтѣ вопросъ о помѣщеніи шести истукановъ въ такое мѣсто подъ замкомъ, гдѣ они перестали бы подвергаться всякимъ случайностямъ. Помнится мнѣ, въ Кіевѣ въ университетскомъ саду я видѣлъ нѣсколько каменныхъ бабъ также подъ открытымъ небомъ, разставленныхъ по дорожкамъ.

И. Ф. Леваковскій разсказывалъ мнѣ, что во время его дѣтства въ Бахмутскомъ уѣздѣ въ одной небольшой могилѣ (1—1 1/4 арш. вышины) были найдены 12 каменныхъ бабъ, а подъ ними глиняный кувшинъ съ пепломъ. Леваковскій видѣлъ эти бабы уже вынутыми и не сохранилъ въ памяти разсказъ о томъ, въ какомъ положеніи бабы эти были найдены въ могилѣ. Мой своякъ Александръ Юрьевичъ Зиберъ также разсказывалъ мнѣ о подобныхъ находкахъ близь Таганрога. П. А. Безсоновъ, по поводу моихъ разсказовъ объ этомъ, высказалъ мнѣніе, что это сами наши предки славяне зарыли въ землю свои тяжелыя драгоцѣнности, передъ уходомъ въ другія земли, надѣясь по возвращеніи найти ихъ сохранившимися, неистребленными и неиспорченными, а потомъ не возвратились. слѣдовательно, можно предполагать, чта еще въ нѣсколькихъ южнорусскихъ могилахъ (курганахъ) находятся склады этихъ закопанныхъ истукановъ.

И. П. Щелковъ прислалъ мнѣ сегодня слѣдующій отвѣтъ: «я желалъ бы, чтобы Вы взяли 1-е образцы черепковъ посуды и при томъ а, отъ дна, гдѣ вблизи его есть характерная для всѣхъ горшковъ дырочка и в, отъ верхней части на край встрѣчаются своеобразныя украшенія (рисунки); 2-е образцы кремневыхъ ножей; изъ нихъ есть только одинъ порядочный отломокъ около вершка длиною, и 3-е наконечники стрѣлъ, ихъ всего 3, два совершенно одинаковы, а одинъ болѣе изящной работы.

„Бабы дѣлаются сегодня, но я не могу сказать, будутъ ли онѣ готовы къ завтрашнему дню, такъ какъ погода убійственная и свѣтъ никуда не годится. Можно, впрочемъ, надѣяться, что завтра къ обѣду онѣ поспѣютъ. Завтра, часа въ 2 постараюсь зайти къ Вамъ и принесу

фотографіи. Есть-ли у Васъ планы Харьковскихъ подземелій? Это не дурной предметъ для сообщенія, Я имѣю ихъ, хотя не всѣ. У меня есть также опредѣленіе глубины ихъ, сдѣланное барометромъ во время послѣдней нашей экскурсіи. Уважающій Васъ Ив. Щелковъ. 30 марта 79 г.

По взаимному Леваковскаго со Щелковымъ согласію, упомянутый здѣсь «черепокъ посуды отъ дна, гдѣ вблизи его есть характерная для всѣхъ горшковъ дырочка», представляетъ часть одного изъ тѣхъ глиняныхъ горшковъ, первобытной грубой выдѣлки, въ которыхъ производилось выплавливаніе мѣди изъ рудъ. Щелковъ нашелъ въ этой же мѣстности по р. Можу въ Зміевскомъ уѣздѣ на пескѣ нѣсколько кусочковъ мѣди какъ сплавленной, такъ и уже отчасти обдѣланной. Когда прежде и тотъ и другой изъ моихъ коллегъ разсказывали мнѣ объ этомъ, то прибавляли, что слитки мѣди, найденные въ Славяносербскомъ уѣздѣ почти приходятся къ горшку, найденному въ Зміевскомъ уѣздѣ. Теперь же, заполучивъ то и другое въ мои руки, я вижу, что здѣсь никакого сходства нѣтъ и, кромѣ того, я не понимаю назначенія маленькой дырочки (въ толщину карандаша) на высотѣ около одного сантиметра надъ уровнемъ дна. Не думаю, чтобы это крошечное отверстіе служило для выливанія расплавленной мѣди, и наконецъ, стѣнки горшка слишкомъ тонки сравнительно съ его размѣрами и такой горшокъ едва-ли могъ служить для выплавливанія мѣди. Но, конечно, упомянутая дырочка очень интересна, равно какъ и вся склеенная Щелковымъ изъ кусковъ нижняя часть горшка. Какъ Щелковъ по берегамъ р. Можа, такъ и я въ Хорошевомъ городищѣ, находили черепки первобытной, дѣланной на рукахъ посуды, нерѣдко съ узорами такой формы, что по всей вѣроятности онѣ сдѣланы помощью нажиманія на сырую еще глину палочкой, на которой сдѣланы частые нарѣзки. Замѣчательно, что совершенно такіе же узоры оказались и на черепкахъ, доставленныхъ въ геологическій кабинетъ Никифоромъ Дмитріевичемъ Борисякомъ, который досталъ ихъ изъ находокъ при устройствѣ Сумской желѣзной дороги. Это однообразіе узоровъ на черепкахъ, находимыхъ отъ Зміевскаго уѣзда до Сумского, показываетъ, что на этомъ пространствѣ были распространены или одинакіе способы выдѣлки посуды, или же глиняная посуда, выдѣлываемая въ какой либо мѣстности (фабрикѣ). Сегодня же, 30 марта, И. Ф. Леваковскій заявилъ мнѣ, что долгое разсматриваніе имъ найденныхъ мною въ Хорошевомъ городище медвѣжьихъ челюстей, привело его къ заключенію, что эти челюсти скорѣе принадлежатъ ископаемому медвѣдю, (Ursus spelaeus) нежели нынѣшнему (ursus arctos). Такъ какъ эти челюсти найдены мною вмѣстѣ съ зубами и даже челюстями рогатаго скота и свиней, то воз-

никаетъ вопросъ: какимъ образомъ всѣ они попали въ одно мѣсто, такъ что вынуты изъ одной ямы, неподалеку отъ вала, входящаго въ систему городища. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что свойство почвы, въ которой сдѣланы эти находки, болѣе походятъ на золу, нежели напр., на черноземъ, быть можетъ, это кухонные выброски. Необходимо выяснить этотъ вопросъ болѣе обширными раскопками въ Хорошевомъ городищѣ. Еще лѣтомъ возникла у меня мысль о раскопкѣ Гуляй—горы, входящей въ систему того же городища. По этой мысли основана подписка и мнѣ обѣщано уже 24 рубля, что слишкомъ мало для начала. Нельзя ли будетъ по возвращеніи изъ Москвы прочесть публичную лекцію о древностяхъ Харьковской губерніи, чтобъ собрать сумму, необходимую для раскопокъ въ Хорошевѣ? Проф. Германъ Ивановичъ Лагермаркъ высказалъ сегодня большое сочувствіе этой мысли. Можно было бы въ публичной лекціи распространиться о моихъ изысканіяхъ въ Хорошевомъ городищѣ и приготовить для этого въ большомъ масштабѣ тотъ планъ, который я сдѣлалъ на основаніи съемки, произведенной 29 авг. 1878 г. при помощи студентовъ, Ник. Ник. Харина и Сер. Корн. Запорожцева. Посмотрю, не доставитъ ли мнѣ поѣзка въ Москву матеріаловъ для этой публичной лекціи.

Сегодня, 31 марта, въ 11 час. утра Иванъ Петровичъ Щелковъ пріѣхалъ ко мнѣ гораздо ранѣе назначеннаго вчера срока и привезъ мнѣ слѣдующую записку для представленія съѣзду въ Москвѣ.

„На границѣ Харьковскаго и Зміевскаго уѣздовъ, при хуторѣ Абазовкѣ на рѣкѣ Мжѣ, имѣется старинная гать, по которой издавна пролегала дорога изъ великороссійскихъ губерній на югъ въ степныя мѣстности Новороссіи. И теперь по этой дорогѣ передвигаются массы рабочихъ изъ Курской и сопредѣльныхъ губерній въ Екатеринославскую губернію и на Донъ.

„Отъ этой гати и до впаденія въ Донецъ. Мжа идетъ плесами, какъ и всѣ небольшія рѣки этой мѣстности. Начиная отъ гати, она течетъ небольшимъ ручейкомъ, искусственно выпрямленнымъ владѣльцемъ существующей при хуторѣ мельницы; далѣе, этотъ ручеекъ (по мѣстному—ерикъ) превращается мѣстами въ небольшую, аршина 3—4 шириною, канаву, заросшую камышемъ и болотными растеніями и противъ хутора Миргорода, расположеннаго на лѣвомъ берегу Мжи, впадаетъ въ плесъ. Этотъ плесъ, около 3 верстъ длиною, представляется въ видѣ весьма порядочной рѣки шириною мѣстами до 30 и болѣе саженъ и до 8 и даже 12 арш. глубиною и оканчивается противъ селенія Соколова, лежащаго на правомъ берегу Мжи. Отъ праваго, южнаго берега плеса

происходитъ три ерика, соединяющіеся постепенно въ одинъ и впадающіе въ новый плесъ, лежащій подъ самымъ Соколовымъ. Лѣтомъ всѣ эти ерики пересыхаютъ и сообщеніе между плесами совершенно прекращается.

„Долина Мжи въ этой мѣстности шириною версты въ три большею частью болотистая и луговая, мѣстами покрытая рощами, преимущественно изъ осины и ольхи. Правый (южный) берегъ долины подымается довольно круто двумя уступами и прорѣзанъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ балками, поросшими чернымъ лѣсомъ. Лѣвый берегъ, болѣе пологій, песчаный, покрытъ сплошнымъ боромъ, тянущимся отъ Мерефы до Зміева, верстъ на 25. Часть этого бора составляетъ и знаменитый когда то боръ Донца-Захаржевскаго.

„На правомъ берегу плеса, о которомъ упомянуто выше, противъ хутора Миргорода, первый уступъ состоитъ изъ песчаныхъ бугровъ, подходящихъ мѣстами къ самому берегу, мѣстами же отдѣленныхъ отъ него низменнымъ, болотистымъ лугомъ.

„Во многихъ мѣстахъ по этимъ песчанымъ буграмъ имѣются явственные слѣды бывшихъ когда то обитателей этой мѣстности. Мѣста эти бросаются въ глаза массою глиняныхъ черепковъ, разбросанныхъ по поверхности сыпучаго песка. Обозрѣніе этихъ черепковъ не оставляетъ сомнѣнія, что они составляютъ остатки весьма отдаленной эпохи: они обыкновенно чернаго, аспиднаго цвѣта, очень толсты, ручной работы, безъ гончарнаго станка, и самая масса, изъ которой они изготовлены, совершенно не похожа на ту, изъ которой дѣлается глиняная посуда въ этой мѣстности въ настоящее время.

„Всѣ черепки, какіе мнѣ попадались, принадлежатъ сосудамъ, имѣвшимъ форму горшка, представлявшаго повидимому сходство съ обыкновеннымъ кухоннымъ горшкомъ. Впрочемъ, мнѣ ни разу не пришлось найти цѣлаго горшка, только однажды удалось найти нижнюю часть горшка, хотя и та была разбита на нѣсколько частей. Интересно, что во всѣхъ этихъ горшкахъ, вблизи дна, имѣется сквозное отверстіе шириною миллиметровъ въ пять. На верхней части горшки имѣли украшенія— узоры, выдавленные въ глиняной массѣ. Глина въ этой мѣстности имѣется по берегамъ рѣчной долины; отсюда ее, надо полагать, доставляли на песчаный берегъ рѣки, гдѣ, повидимому, происходила и выдѣлка посуды. Я заключаю это изъ того, что и до сихъ поръ можно замѣтить мѣста, гдѣ была сложена глина; слой глины предохраняетъ лежащій подъ нею песокъ отъ смыванія дождемъ и сдуванія вѣтромъ, такъ что эти мѣста возвышаются надъ прочими. Между черепками глиняной посуды попадается

много осколковъ костей, но очень мелкихъ и совершенно истлѣвшихъ; судя по зубамъ, они принадлежали рогатому скоту. Вмѣстѣ съ глиняными черепками на нѣкоторыхъ изъ этихъ мѣстъ попадаются еще въ большомъ количествѣ осколки кремня, изъ которыхъ многіе имѣютъ очень характерную форму узкихъ пластинокъ съ обоюдоострымъ краемъ. Къ сожалѣнію, большихъ осколковъ кремня не сохранилось—они повыбраны окрестнымъ населеніемъ для своего домашняго употребленія. Жители говорили мнѣ, что имъ попадались большія глыбы кремня, величиною въ голову человѣка; теперь такихъ кусковъ уже нѣтъ. При многократныхъ поискахъ мнѣ удалось найти только одинъ осколокъ описанной формы, довольно значительной величины—около вершка длиною. Судя по этому экземпляру, надо полагать, что это былъ одинъ изъ кремневыхъ ножей, употреблявшихся жившимъ здѣсь когда-то населеніемъ. Слѣдуетъ замѣтить, что кремня въ окрестностяхъ этой мѣстности нѣтъ, ближайшее мѣсторожденіе его берега Донца вблизи Святыхъ горъ. Кромѣ кремня попадаются на этихъ мѣстахъ образчики и другихъ горныхъ породъ, которыхъ нѣтъ въ этой мѣстности: куски песчаниковъ, полевого шпата и какой-то рогово-обманковой породы. Наконецъ, въ этихъ же мѣстахъ мнѣ удалось найти три бронзовыхъ наконечника стрѣлъ; два изъ нихъ очень простой работы, третій же очень тщательной и изящной работы.

Хуторъ Миргородъ и селеніе Соколово, вблизи которыхъ находятся описанныя мѣста, представляютъ населенныя мѣстности, весьма старинныя, но никакихъ преданій, связанныхъ съ остатками древности, о которыхъ идетъ рѣчь, въ населеніи не имѣется. На мои вопросы отвѣчали только, что тутъ были запорожцы". Проф. *Ив. Щелковъ.*

31 марта
1879 г.

Ю. И. Морозовъ.

XXV.

Матеріалы къ нумизматической библіографіи.

1.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Книга 11. М. 1899. Книга 12. М. 1901. Книга 13. М. 1903.

Врядъ-ли теперь требуется доказывать, что археографическіе матеріалы имѣютъ громадное значеніе въ исторической наукѣ, понимаемой въ широкомъ смыслѣ слова. Такой взглядъ на актовый матеріалъ твердо установился въ наукѣ и настолько признанъ всѣми, что можетъ считаться аксіомой. Но этотъ видъ источниковъ служитъ неисчерпаемой сокровищницей свѣдѣній не только при чисто историческихъ изслѣдованіяхъ, но также при занятіяхъ другими вопросами, входящими въ область вспомогательныхъ историческихъ дисциплинъ—генеологіи, хронологіи, дипломатики, геральдики и т. д. и т. д. Это блестяще доказалъ уже нынѣ покойный проф. Н. В. Калачовъ, разъяснивъ выдающееся значеніе археографическаго матеріала, какъ источника археологіи. Необходимо замѣтить при этомъ, что проф. Н. В. Калачовъ понималъ археологію очень широко и разсматривалъ ее, какъ комплексъ всѣхъ вообще историческихъ знаній. [1]) Но проф. Д. И. Багалѣй представилъ неопровержимыя доказательства того, что архивные документы служатъ весьма цѣннымъ и необходимымъ источникомъ при занятіяхъ также археологіей въ собственномъ значеніи этого слова. «Но, по крайней мѣрѣ, на мой взглядъ, говоритъ проф. Д. И. Багалѣй, русская археологія доселѣ недостаточно эксплоатировала одинъ родъ источниковъ, который однако можетъ значительно способствовать успѣхамъ ея разработки.... археографическіе документы.... Въ самомъ дѣлѣ—никто до сихъ поръ, какъ кажется, не

---

[1]) Сборникъ Археологическаго Института. кн. I.

поставилъ вопроса о необходимости *систематическаго* извлеченія изъ нашихъ историческихъ источниковъ всѣхъ прямыхъ данныхъ о вещественныхъ памятникахъ нашей старины. Между тѣмъ, изученіе ихъ съ археологическими цѣлями не только полезно, но прямо необходимо. Я подчеркиваю выраженіе «систематическаго», потому что при случаѣ для своихъ спеціальныхъ цѣлей всѣ археологи прибѣгаютъ къ свидѣтельствамъ исторіи. Но этого недостаточно: необходимо поставить себѣ задачу— извлечь какъ изъ печатныхъ, такъ и изъ архивныхъ историческихъ источниковъ все то, что имѣетъ прямое отношеніе къ вещественнымъ памятникамъ [1]). Приводимые проф. Д. И. Багалѣемъ примѣры показываютъ, насколько разнообразныя свѣдѣнія о древностяхъ заключаются въ нашихъ архивахъ. [2]).

Но уже a priori можно заключить, что актовый матеріалъ долженъ служить весьма важнымъ источникомъ также для нумизматики и метрологіи. Дѣйствительно, не только исторія монетнаго дѣла можетъ быть изучена главнымъ образомъ на основаніи актовъ, но даже разныя детали въ выдѣлкѣ монеты, въ ея вѣсѣ, рисункѣ и т. д. выясняются лишь при изученіи документовъ, касающихся денежнаго обращенія въ странѣ. Конечно, русскіе нумизматы и метрологи пользовались и пользуются археографическимъ матеріаломъ,— достаточно вспомнить нынѣ покойнаго Д. И. Прозоровскаго [3]), П. фонъ-Винклера и др. [4]). Въ этомъ отношеніи нумизматы и метрологи сдѣлали даже больше, чѣмъ археологи, начавъ собираніе и опубликованіе документовъ, относящихся къ монетному дѣлу. [5]) Конечно, по этому вопросу предстоитъ еще очень и очень много работы, потому что архивные матеріалы вообще изучены далеко не всѣ, а съ точки зрѣнія нумизматики до сихъ поръ разрабатывались по преимуществу акты послѣднихъ двухъ столѣтій. Между тѣмъ въ нашихъ архивныхъ документахъ имѣется очень и очень много цѣнныхъ для нумизматики свѣдѣній и за болѣе раннее время. Поэтому мы и рѣшили обратить вниманіе нумизматовъ на то высокоинтересное изданіе Московскаго Архива Министерства Юстиціи, заглавіе котораго поставлено въ началѣ настоящей замѣтки. А такъ какъ оно, несомнѣнно, совершенно неизвѣстно большин-

---

[1]) Труды XI археологическаго съѣзда, т. II, с. 83.

[2]) ibid, с. с. 83—89.

[3]) Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія (Записки Императорскаго Археологическаго Общества. Т. XII. Спб. 1865).

[4]) Изъ исторіи монетнаго дѣла въ Россіи. Спб. 1897—1900.

[5]) Деммени. Сборникъ указовъ по монетному и медальному дѣлу въ Россіи, помѣщенныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ съ 1649 по 1881 годъ. 3 тома. Спб. 1887; см. также «Труды Московскаго Нумизматическаго Общества». т. 1.

ству нумизматовъ, то мы и перейдемъ къ разсмотрѣнію его въ отношеніи нумизматики, потому что содержащійся въ 11—13 книгахъ «Описанія» матеріалъ представляетъ много цѣнныхъ данныхъ по этой отрасли знанія. При этомъ мы предвидимъ упрекъ, что слишкомъ широко раздвинули предѣлы нумизматики. Но отмѣчаемые ниже акты, относясь, по своему содержанію, къ различнымъ областямъ историческаго знанія, въ то-же время доставляютъ обильный матеріалъ для изученія русской нумизматики. Поэтому мы и помѣстили ихъ тутъ, хотя допускаемъ вполнѣ, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ документовъ данныя по русской нумизматикѣ представлены беднѣе, чѣмъ по другимъ отдѣламъ науки о древностяхъ. Наконецъ, мы полагаемъ, что послѣдняя пріобрѣтаетъ весьма важное значеніе лишь тогда, когда ея данныя помогаютъ лучше изучить прошлыя судьбы человѣчества, т. е. является подспоріемъ исторіи, а иначе эта наука становится черезчуръ узкой и дилетантской. Конечно, мы не станемъ здѣсь характеризовать тотъ матеріалъ, съ которымъ знакомятъ насъ указанныя выше книги «Описанія», потому что мы не имѣли возможности ознакомиться въ подлинникѣ съ отмѣчаемыми ниже документами и вслѣдствіе этого не можемъ прибавить ничего новаго. Кромѣ того, это и не входитъ въ задачи нашей чисто библіографической замѣтки. Мы рѣшили поэтому просто выписать въ полномъ видѣ или сокращенно описанія всѣхъ тѣхъ актовъ, которые могутъ представить интересъ для лицъ, занимающихся нумизматикой, такъ какъ эти выписки прекрасно знакомятъ съ содержаніемъ документовъ, и это облегчитъ желающимъ пользованіе тѣмъ цѣннымъ матеріаломъ, который заключается въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Мы не отступали отъ текста «Описанія», и сохранили въ точности его нумерацію, сокративъ только мѣстами тѣ фразы, которыя не относятся къ нашему предмету, измѣнили нѣсколько порядокъ, въ которомъ слѣдуетъ описаніе актовъ въ разсматриваемомъ изданіи, и расположили ихъ въ болѣе или менѣе систематическія группы сообразно тѣмъ вопросамъ, къ которымъ относятся данные акты. Вслѣдствіе этого намъ пришлось соединить въ одной и той-же группѣ описанія актовъ, находящіяся въ разныхъ частяхъ той или другой книги, или даже въ разныхъ книгахъ. Съ другой стороны, всѣ отмѣчаемые нами документы представляютъ столбцы, принадлежащіе Разрядному Приказу, или просту Разряду, а послѣдній, какъ извѣстно, имѣлъ нѣсколько столовъ, и въ «Описаніи» столбцы размѣщены по столамъ, къ которымъ они относятся. Но, распредѣляя столбцы по извѣстнымъ группамъ, мы должны были соединить иногда въ общей группѣ документы разныхъ столовъ, такъ какъ они касаются одного и того-же вопроса. Выдержки изъ

одного столбца соединены и у насъ подъ однимъ и тѣмъ-же номеромъ «Описанія», если ихъ содержаніе подходитъ къ данной группѣ. Поэтому мы приняли слѣдующее обозначеніе, отсутствующее въ разсматриваемыхъ нами книгахъ «Описанія»: выписавъ изъ послѣдняго описаніе интересующаго насъ столбца или нѣкоторыхъ ею склеекъ, мы въ концѣ римскими цифрами обозначаемъ въ скобкахъ ту книгу «Описанія», изъ которой нами сдѣлана выдержка, и отмѣчаемъ курсивомъ столъ, которому принадлежитъ данный документъ. Всѣ описанія актовъ раздѣлены нами на слѣдующія четыре большія группы: *А. Чеканка монеты и учрежденія, вѣдающія это дѣло. Б. Поддѣлка монеты. В. Денежное обращеніе въ Россіи: а. Мѣдная монета. б. Разные виды монетъ. в. Ефимки. г. Чехи. д. Учрежденія, вѣдающія денежное обращеніе. Г. Клады.* Понятно, описанія нѣкоторыхъ склеекъ относятся къ двумъ и болѣе группамъ по своему содержанію, но мы не повторяли описанія ихъ вторично, предоставляя въ этомъ случаѣ читателю выдѣлить изъ нашего перечня интересующія его свѣдѣнія. Точно также мы не приводимъ точнаго описанія столбца, если склейки его разнесены нами по разнымъ группамъ, и ограничиваемся повтореніемъ одного текста.

А. Чеканка монеты и учрежденія, вѣдающія это дѣло.

167—7166/1658 г.г. III. Документы, касающіеся управленія и состоянія г. Москвы. 35—36: освобожденіе отъ караульной повинности мастеровыхъ людей стараго денежнаго двора. (XII *Новгородскій столъ*).

463.—7169—70/1661—62 г.г. I. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 29) Тамбова. 262—266: дача денегъ и людей и отводъ дворовъ для гостей и торговыхъ людей, которымъ велѣно «для пополненія серебрянаго денежнаго дѣла покупать указанные товары». (XII. *Бѣлгородскій столъ).*

III. Памяти и справки. 260—261: изъ приказа Большого Прихода о посылкѣ грамотъ въ города, вѣдомые въ Разрядѣ, относительно покупки «великаго государя казною» товаровъ, поташа, смольчуга, пеньки, юфты, соболя и сала говяжья «для пополнки серебреного денежного дѣла» *(Ibid)*.

452.—7170/1662 г. V. Памяти. 147—148: изъ приказа Большого Прихода о посылкѣ послушныхъ грамотъ въ города, подвѣдомственные Разряду, относительно покупки «великаго государя казною» товаровъ, поташа, смолчуга, пеньки, юфти, соболя, сала, говяжья, «для пополненія серебреного денежного дѣла». *(Ibid).*

127.—7170/1662 г. I. Переписка воеводы Новгородскаго полка бояр. кн. Б. А. Репнина съ Разрядомъ и приказомъ Тайныхъ дѣлъ. 205—210: чеканка монеты на новгородскомъ денежномъ дворѣ (XII. *Новг. ст.).*

528.—7172/1664 г. II. Памяти и докладныя выписки. 344—346а+350—351: память о присылкѣ въ приказъ Большой Казны мѣдной монеты для сливки; 490: память въ приказъ Большой Казны о посылкѣ туда мѣдныхъ денегъ, присланныхъ изъ Тамбова. (XIII *Бѣл. столъ).*

1194—7194/1685—86 г.г. Документы, касающіеся дачи жалованья начальнымъ людямъ Бѣлгородскихъ полковъ иноземнаго строя. 150—160+275+327—330: взысканіе съ генералъ-маіора графа Давида Грагама долга золотого дѣла мастеру Августу Гольо. *(Ibid).*

243.—7206—207/1698—99 г.г. III. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 1) Новгорода. 382—384: объявленіе указа о чеканкѣ монетъ «изъ серебра противъ прежняго изъ золотника съ прибавкою» и о «непремѣнномъ и безспорномъ» обращеніи ихъ въ государствѣ. (XII *Новг. ст.*).

Б. Поддѣлка монеты.

10.—7137—38/628—30 г. I. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 18) Ростава. 154—158: обнаруженіе фальшивыхъ монетчиковъ. (XII *Новг.*).

83.—7141—52/1632—44 г.г. IV. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 2) Новгорода. 297—298: поддѣлка денегъ. *(Ibid).*

61.—7142—44/1633—36. I. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 2) Бѣлаозера. 75—78: поддѣлка денегъ. *(Ibid).*

170.—7152/1643—44 г.г. II. Документы о служилыхъ людяхъ. 556: челобитье разряднаго подьячаго Ив. Власьева, ѣздившаго съ денежной казной на жалованье служилымъ людямъ въ Яблоновъ, Усердъ и Корочу, о неправежѣ на немъ недочета, образовавшагося при уплатѣ жалованья «въ перемѣну на оловеные и на корѣльскіе и на всякіе худые деньги». (XII. *Бѣл. ст.*).

294.—7156—57/1648—49 г.г. I. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ; 2) Вологды. 290—291: поддѣлка денегъ. *(Ibid).*

338.—7159—60/1651—52 г.г. III. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 8) Воронежа. 670+688: освобожденіе изъ

за пристава матери и жены посадскаго человѣка, обвиняемаго въ приготовленіи фальшивыхъ монетъ. *(Ibid).*

920.—7167—69/1658—61 г.г. I. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 24) Харькова. 81+86—88: поимка черкасъ, дѣлавшихъ воровскія деньги. (XIII. *Бѣлг. ст.).*

463.—7169—70/1661—62 г.г. III. Памяти и справки 129—132: изъ Земскаго Двора (между прочимъ) о приводѣ въ приказъ Большой Казны людей, у которыхъ окажутся «воровского дѣла мѣдныя деньги». (XII. *Бѣлг. ст.*).

133.—7172—73/1663—65 г.г. II. Документы, касающіеся управленія и состоянія г. Бѣлаозера: 99—123 (ложное обвиненіе посадскимъ человѣкомъ подьячихъ въ «воровскихъ деньгахъ»). (XII *Новг. ст.).*

593.—7174—75/1665—67 г.г. I. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 1) Алексина. 264—267: поимка пріѣзжихъ людей съ «воровскими» деньгами; 39) Серпейска. 275—281: обращеніе въ уѣздѣ «воровскихъ» денегъ. (XIII *Бѣлг. ст.*).

826.—7183—84/1675—76 г.г. I. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 15) Одоева. 221—245: обвиненіе посадскаго человѣка въ приготовленіи фальшивыхъ денегъ. *(Ibid).*

1102.—7186/1677—78 г.г. I. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 4) Воронежа. 136—141: поимка фальшивыхъ монетчиковъ. *(Ibid).*

969.—7188/1680 г. Документы, касающіеся стрѣльцовъ полка бояр. кн. В. В. Голицына. 8—16: допросъ стрѣльца, пойманнаго съ воровскими деньгами. *(Ibid).*

1099.—7192—96/1684—88 г.г. III. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 4) Лебедяни. 182: приводъ въ приказную избу романовскаго жителя, пушкаря кузнеца Ив. Бздюкина, по обвиненію въ поддѣлкѣ мѣдныхъ денегъ. *(Ibid).*

1199.—7193—94/1685—86 г.г. II. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 14) Маяцкаго. 222—227: обвиненіе пришлаго человѣка Арх. Бритикова въ луженьѣ мѣдныхъ денегъ. (Ibid).

1263.—7194—7201/1686—93 г.г. Документы, касающіеся ссылки въ украинные города. 635—642+686—689: ссылка за поддѣлку денегъ. (Ibid).

1269.—7194—95/1686—87 г.г. I. Документы, касающіеся управленія городовъ: 14) Курска. 23—29+175—177: поддѣлка денегъ. (Ibid).

244.—7206/1697—98 г. II. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 5) Ржевы-Володимеровой. 193—195: дача стрѣльцовъ и заплечнаго мастера дьяку Ѳед. Дубасову, посланному въ патріаршую Осташковскую слободу для розыска о поддѣлкѣ и продажѣ воровскихъ денегъ по оговору «денежнаго вора» Кондрашки Угримова. (XII. *Новг. ст).*

В. Денежное обращеніе въ Россіи.

а) Мѣдная монета.

387.—7165/1656—57 г.г. I. Переписка разряда о военныхъ дѣйствіяхъ противъ шведовъ и охранѣ рубежа съ воеводами. 278: посылка 2000 р. мѣдными деньгами въ Юрьевъ Ливонскій: (XII. *Бѣлг. ст.*).

806.—7166—68/1658—60 г.г. Переписка Разряда и Приказа Тайныхъ дѣлъ съ воеводой В. Б. Шереметевымъ (Кіевъ) и воеводами украинныхъ городовъ. 113—121: отказъ торговыхъ людей принимать мѣдныя деньги за товары. (XIII. *Бѣлг. ст.*).

465.—7170/1661—62 г.г. III. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 4) Лебедина. 293: отказъ торговыхъ людей—пріѣзжихъ черкасъ продавать товары на мѣдныя деньги (XII. *Бѣлг. ст.*).

466.—7169/1661—62 г.г. I. Переписка Разряда о полковыхъ дѣлахъ съ полковыми воеводами и приказами. 173—176: недостатокъ въ служилыхъ людяхъ въ Черниговѣ, отказъ черкасъ брать мѣдныя деньги. (*Ibid*).

468.—7169—71/1661—63 г.г. I. Переписка Разряда и приказа Тайныхъ дѣлъ съ воеводами: 5) И. А. Ржевскимъ. (Кіевъ) 107—108: пониженіе цѣнности мѣдныхъ денегъ; 7) думн. двор. И. И. Чаадаевымъ (Нѣжинъ, Переяславль и Кіевъ). 177—201+244+263—267+396—410: паденіе цѣны мѣдныхъ денегъ; 8) стольн. кн. В. Б. Волконскимъ (Переяславль). 486—492: то-же самое; 11) И. Загряжскимъ (Черниговъ). 686—691: то-же самое; 12) стольн. кн. И. Волконскимъ (Черниговъ). 699—701: то-же самое; 13) кн. С. Шаховскимъ (Нѣжинъ). 554—557+562—571+584—587+676—678: то-же самое. (*Ibid*).

V. Указъ 15 іюня 171 г. о посылкѣ изъ Сибирскаго приказа грамоты въ Тобольскъ «объ отставкѣ мѣдныхъ денѣгъ»: 736. (*Ibid*).

475.—7170/1661—62 г.г. I. Переписка Разряда съ воеводами: 1) окольн. кн. Г. Г. Ромодановскимъ (Бѣлгородъ). 476.—483+488—489: паденіе цѣны мѣдныхъ денегъ. (*Ibid*).

496.—7169—71/1661—63 г.г. Документы, касающіеся организаціи кабацкаго дѣла въ городахъ: 37) украинныхъ городахъ. 172—

173: память изъ приказа Большой Казны о введѣніи въ обращеніе взамѣнъ мѣдныхъ денегъ серебряныхъ въ городахъ, вѣдомыхъ въ Разрядѣ. (*Ibid*).

513.—7169—72/1661—64 г.г. I. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 1) Бѣлгорода. 72—84+97: челобитье 172 года полка окольн. кн. Гр. Гр. Ромодановскаго копейщиковъ, рейтаръ, дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ, московскихъ стрѣльцовъ приказа Клемента Іевлева и солдатъ пѣшихъ полковъ о дачѣ имъ денежнаго жалованья за ихъ скудостью, такъ какъ мѣдныя деньги «закликаны», а серебряныхъ имъ не дано. (XIII. *Бѣлг. ст.*).

499.—7170—71/1662—63 г.г. I. Переписка Разряда съ воеводами: 2) окольн. кн. Гр. Гр. Ромодановскимъ. 144—146: отказъ полтавскихъ и зеньковскихъ жителей брать мѣдныя деньги. (XII. *Бѣлг. ст.*).

536.—7170—78/6162—64 г.г. II. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 7) украинныхъ городовъ. 43—44: докладная выписка по поводу запросовъ воеводъ, вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ о томъ, какъ поступать съ мѣдными деньгами послѣ указнаго срока. (XIII. *Бѣлг. ст.*).

1103.—7170—71/1662—63 г.г. I. Документы, касающіеся сбора денежныхъ доходовъ и переоброченія всѣхъ оброчныхъ угодій по случаю замѣны мѣдныхъ денегъ серебряными: а) во всѣхъ городахъ: 171—174+291—292: указъ о переоброченіи всѣхъ оброчныхъ угодій; б) въ отдѣльныхъ городахъ: 2) Бѣлгородѣ. 1—4, [1]) 82—83: неимѣніе вина на кружечномъ дворѣ вслѣдствіе отказа черкасъ продавать вино за мѣдныя деньги, 133—134; 3) Валуйкѣ. 92—94+343—346: обвиненіе вѣрнаго головы въ ложномъ показаніи о полученіи мѣдныхъ денегъ за медъ, проданный имъ на самомъ дѣлѣ за серебряныя деньги, 374; 7) Воронежѣ. 60—64, 127—129,179—180,185,331—332,399; 9) Ельцѣ: 65—66.184,233—240,370—372,400; 10) Каменномъ. 12—13; 14) Коротоякѣ. 79—80,228—232; 15) Корочѣ. 76—78,293—294; 16) Курскѣ. 373,410—419: наказъ воеводѣ, между прочимъ, объ обмѣнѣ мѣдныхъ денегъ на серебряныя (См. ниже рубр. IV); 18) Ливнахъ. 67—69,139—141,160; Ольшанскѣ. 420—428: то-же самое; 24) Осколѣ Старомъ. 186,302—304,375,401; 29) Сумахъ. 198; 30) Сѣвскѣ. 10—11, 132,175—176,188—190,297—299,321—324,328—330,398,404—405; 31) Тамбовѣ. 14—48,150—153,164—170,243,281—284,337—339,376. (*Ibid*).

---

[1]) Склейки, оставленныя безъ описанія, касаются сбора всѣхъ вообще оброчныхъ денегъ и переоброченія всѣхъ угодій (Примѣчаніе авторовъ «Описанія»)

II. Документы, касающіеся организаціи и личнаго состава Разряда. 122—125: справка о томъ, сколько съ 164 по 171 г. послано изъ Разряда въ приказъ Большого Дворца золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ и ефимковъ. (*Ibid*).

IV. Документы, касающіеся замѣны мѣдныхъ денегъ серебряными. 392—396,402—403,406—407. (*Ibid*).

608.—7172—77/1663—69 г.г. V: Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 5) Ливенъ. 136—143: дѣло по челобитью головы и цѣловальниковъ таможеннаго и кружечнаго двора об освобожденіи ихъ отъ правежа недобранныхъ ими за 172 годъ денегъ вслѣдствіе разоренія Ливенъ крымцами и замѣны мѣдныхъ денегъ серебряными. (*Ibid*).

658.—7172/1663—64 г.г. II. Документы о выѣзжихъ и плѣнныхъ иноземцахъ и новокрещеныхъ. 6—9+11—12: придача къ жалованію иноземцамъ грекамъ послѣ замѣны мѣдныхъ денегъ серебряными. (*Ibid*).

528.—7172/1664 г. I. Документы, касающіеся сборовъ таможенныхъ, кабацкихъ и оброчныхъ денегъ въ городахъ: 7) Воронежѣ. 39—43+205—206+258—270+279—282+302—311+317—420 обор. +328—330+369—380: переоброченье доходныхъ статей съ мѣдныхъ денегъ на серебряыя; 46—50: доправка денегъ на воеводѣ за принятіе имъ мѣдныхъ денегъ въ уплату оброка; 8) Добромъ. 298—299+301: приказъ прислать въ Москву оставшіяся мѣдныя деньги; 9) Ельцѣ. 314—316+319+323: переоброченье доходныхъ статей со мѣдныхъ денегъ на серебряныя; 10) Ефремовѣ. 331—332: то-же самое; 29) Тамбовѣ. 44—45+150—194+333—334+363—364: то-же самое; 147—149: челобитье головъ таможеннаго и кружечнаго дворовъ о дозволеніи имъ подѣлать котлы изъ мѣдныхъ денегъ; 297: запросъ воеводы о томъ, какъ поступить съ оставшимися мѣдными деньгами. (*Ibid*).

II. Памяти и докладныя выписки. 126—128+326—327+488—489: переписка разряда съ Сибирскимъ приказомъ о невозможности выписать изъ расходныхъ книгъ о числѣ мѣдныхъ денегъ, пересланныхъ въ 170 и 171 г.г. изъ разряда въ Сибирскій приказъ для уплаты за товары; 337—338: память изъ приказа Большого дворца съ запросомъ о томъ, какъ ходятъ мѣдныя и серебряныя деньги при пріемѣ ихъ за оброки; 342: память изъ приказа Новой Чети съ запросомъ о томъ, какъ принимать оброчные платежи по отмѣнѣ мѣдныхъ денегъ; 344—346а+350—351: память о присылкѣ въ приказъ Большой Казны мѣдной монеты для сливки; 490: память въ приказъ Большой Казны о посылкѣ туда мѣдныхъ денегъ, присланныхъ изъ Тамбова. (*Ibid*).

547.—7173/1665 г. I. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 1) Брянска. 24—25+63—65+71—73+78: присылка въ Москву мѣдныхъ денегъ съ подьячимъ Л. Шакловитымъ. *(Ibid).*

643.—7176—77/1667—68 г.г. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 11) Курска. 108—152: сыскъ по извѣту отставного подьячаго курсанина Ив. Моисеева на хлѣбныхъ цѣловальниковъ Сидора Чауса и Лазаря Богданова, въ подмѣнѣ ими полученныхъ при продажѣ въ 167 году хлѣба серебряныхъ денегъ мѣдными. *(Ibid).*

821.—7178—84/1670—76 г.г. I. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 16) Сѣвска. 606—608: указъ о сыскѣ про мѣдныя деньги, найденныя у подьячихъ. *(Ibid).*

б) Разныя виды монетъ.

417.—7168/1660 г. II. Памяти и справки. 412: изъ Челобитеннаго приказа съ запросомъ о томъ, на сколько рейтарскихъ, и драгунскихъ и солдатскихъ полковъ, и сколькимъ человѣкомъ дворяномъ, и дѣтемъ боярскимъ, и рейтаромъ, и драгуномъ и солдатомъ, русскимъ, и мордвѣ и черемисѣ, великаго государя жалованье золотые послѣ быховскаго взятья дапо. (XII *Бѣлг. ст.*).

468—7169—71/1661—63 г.г. I. 369—371+394—395: недостатокъ въ серебряныхъ деньгахъ. *(Ibid).*

475.—7170|1661—62 г.г. I. 539—543: челобитья служилыхъ людей о дачѣ имъ жалованья серебряными деньгами. *(Ibid).*

496.—7169—71|1661—63 г.г. 171+174—175: память изъ приказа Новой Чети о посылкѣ грамотъ въ города относительно продажи вина на серебряныя деньги. *(Ibid).*

769.—7170—73|1661—65 г.г. Переписка разряда съ полковыми воеводами въ Бѣлгородѣ. 198—204: дача жалованья сержантамъ солдатскихъ полковъ кн. Ромодановскаго серебряными деньгами, по ихъ челобитью, „противъ Кіевскаго и Переяславскаго полковъ“; 210—213: челобитье копейщиковъ и рейтаръ разныхъ городовъ о дачѣ жалованья серебряными деньгами; 280—287: посылка серебряныхъ денегъ на жалованье солдатамъ, назначеннымъ въ Гадячъ; 316—326: посылка серебряныхъ денегъ въ полкъ Григорія Косагова въ Запорогахъ; 331—338; челобитье черкасъ Сумскаго полка о дачѣ имъ жалованья серебряными деньгами. (XIII. *Бѣлг. ст.).*

1103.—7170—71|1662—63 г.г. II. 16) въ Курскѣ. 244—245: челобитье таможеннаго головы о пріемѣ въ государеву казну «плохихъ» денегъ. *(Ibid).*

536.—7170—72|1662—64 г.г. I. Дѣло о расходованіи въ разрядѣ золотыхъ денегъ, присланныхъ въ 168 году изъ приказа Большой Казны на раздачу жалованья ратнымъ людямъ: 1—28. *(Ibid).*

528.—7172|1664 г.г. I. 23) въ Ольшанскѣ. 272—274: указъ о сборѣ таможенной пошлины и мельничныхъ доходовъ серебряными деньгами. (*Ibid*).

II. 36+69: справка по требованію приказа Новой Чети о размѣрѣ жалованья, платимаго разряднымъ сторожамъ серебряными деньгами; 37—38: докладъ о пріемѣ въ Разрядѣ платежей съ откуповъ и оброковъ только серебряными деньгами. *(Ibid).*

620.—7175—76|1667—68 г.г. III. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 1) Болхова. 521—523: сборъ судной пошлины съ невершенныхъ дѣлъ серебряными деньгами. (*Ibid*).

1106.—7183—99/1675—91 г.г. Столпикъ 2. 7185/1677 г. Докладная выписка изъ отписокъ переяславскаго воеводы стольн. кн. Ѳед. Волконскаго, между прочимъ, объ обмѣнѣ на нѣжинской ярмаркѣ золотыхъ и серебряныхъ денегъ на польскія мѣдныя деньги и расходованіи денежной казны. *(Ibid).*

1243.—7196/1688 г. I. Документы ,касающіеся выдачи изъ разряда денегъ: 7) въ разные приказы и полки. 100—111: въ приказъ Казанскаго Дворца золотыми на жалованье ратнымъ людямъ низовыхъ городовъ, бывшимъ въ крымскомъ походѣ. *(Ibid).*

в) Ефимки.

867.—7162/1653—54 г.г. III. Указъ объ обязательномъ обращеніи ефимочныхъ денегъ: 456—458. (XI. *Московскій столъ*).

408.—7165/1656—57 г.г. II. Документы, касающіеся выдачи денегъ и вещей изъ Разряда на разные расходы и въ полки. 412—413: посылка „ефимковъ любскихъ безъ признакъ“ въ Борисовъ къ бояр. В. Б. Шереметеву. (XII *Бѣлг. ст.*).

168.—7165—66/1657—58 г.г. I. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 7) Воронежа. 212: запрещеніе таможенному и кружечнаго двора головѣ и цѣловальникамъ принимать рублевые ефимки, полтинники, алтынники и грошевики. (XII *Новг. ст.*).

III. Документы, касающіеся организаціи и дѣятельности Разряда и другихъ приказовъ. 423—424+431—432: пріемъ въ приказъ Большой Казны у ротмистра Дмитрія Дурова привезенныхъ имъ изъ Шклова люб-

скихъ ефимковъ и перемѣна привезенныхъ изъ разныхъ городовъ ефимковъ и „четвертей“ въ приказѣ Большой Казны на мелкія деньги. (*Ibid*).

479.—7167—69/1659—61 г.г. II. Документы, касающіеся организаціи и личнаго состава Разряда и другихъ приказовъ. 52—54: очная ставка сторожей неизвѣстнаго приказа Вас. Ефимова и Никиты Кузьмина по дѣлу о пропажѣ ефимковъ. (XII *Бѣлг. ст.*).

г) Чехи.

1266.—7178—79/1670—71 г.г. и 7196—97/1688—89 г.г. I. Переписка Разряда съ воеводами: 1) бояр. Б. П. Шереметевымъ (Бѣлгородъ). 801—807: челобитье стрѣльца, посланнаго съ воеводскими отписками въ Разрядъ, о перемѣнѣ ему чеховъ, выданныхъ на прогоны, на серебряныя деньги. (XIII *Бѣлг. ст.*).

1034.—7191/1682—83 г.г. Документы, касающіеся дачи жалованья и прибавочныхъ денегъ начальнымъ людямъ—иноземцамъ Сѣверскаго и Бѣлгородскаго разрядовъ, 337—343: дача жалованья начальнымъ людямъ серебряными деньгами вмѣсто чеховъ вслѣдствіе паденія цѣнности чеховъ въ городахъ Бѣлгородскаго разряда. (*Ibid*).

1036.—7190—91/1682—83 г.г. Документы, касающіеся службы начальныхъ людей—иноземцевъ рейтарскаго и солдатскаго строя Бѣлгородскаго, Сѣверскаго и Тамбовскаго разрядовъ. 105—110+250—258+273—277: челобитье начальныхъ людей—иноземцевъ полка бояр. П. В. Шереметева о дачѣ имъ жалованья вмѣсто хлѣба деньгами по московской цѣнѣ и выдачѣ жалованья серебряными деньгами, а не литовскими чехами. (*Ibid*).

1051.—7192/1683—84 г.г. I. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 15) Курска. 498—502: высылка въ приказъ Большой Казны таможенной пошлины и питейной прибыли серебряными деньгами и польскими чехами. (*Ibid*).

1052.—7192/1683—84 г.г. II. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 16) Усмани. 423—426: между прочимъ, отказъ воронежцевъ и романовцевъ торговать съ усманцами на польскіе чехи. (*Ibid*).

1164.—7192—93/1683—85 г.г. I. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 26) Тулы. 897—899: жалоба курскихъ приставовъ на то, что тульскіе ямщики не берутъ прогонныхъ денегъ чехами. (*Ibid*).

1028.—7191/6183 г. I. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 15) Рыльска. 281—286: объявленіе указа о сборѣ

таможенныхъ пошлинъ и прибыли съ кружечнаго двора серебряными мелкими деньгами и польскими мѣдными чехами и объ употребленіи ихъ въ торговыхъ сдѣлкахъ. (*Ibid*).

1171.—7193/1685 г. I. Документы, касающіеся полковыхъ дѣлъ Сѣвскаго и Бѣлгородскаго полковъ. 236—237 + 266—267 + 298—299 + 322 + 375—377: между прочимъ, отказъ торговыхъ людей принимать за проданный хлѣбъ чехи. (*Ibid*).

1180.—7193/1685 г. Полуполковникъ Аѳан. Нелидовъ обвиненъ „въ злоупотребленіяхъ при раздачѣ кормовыхъ денегъ чехами". (*Ibid*).

1181.—7193/1685 г. Докладная выписка (безъ начала) такого же содержанія, какъ въ столбцѣ № 1180. (*Ibid*).

1187.—7193--94/1685—86 г.г. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 15) Курска. 218—221: объявленіе указа о томъ, чтобы «торговые люди всякими товары торговали на чехи противъ серебряныхъ денегъ ровно, а изъ прибыли и ни для чего чеховъ на серебряныя деньги никто не мѣнялъ, такъ-же и въ товарахъ цѣны на чехи не прибавливали». (*Ibid*).

1086.—7195—97/1686—89 г.г. Документы, касающіеся управленія и состоянія г. Коротояка. 188: донесеніе Колюбакина о томъ, что поповскіе старосты вопреки указу, не принимають «польскихъ и новыхъ чеховъ» въ уплату пошлинъ «отъ вѣнечныхъ памятей». (*Ibid*).

1239.—7195—96/1686—87 г.г. I. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 2) Бѣлгорода.46—53 + 141 — 146: дозволеніе обращенія и пріема въ казну мѣдныхъ чеховъ сѣвскаго дѣла; 13) Корочи. 238—239: то-же самое; 14) Костенска. 559—561: то-же самое: 19) Олемни. 32—33 + 743—744: то-же самое: 22) Острогожска. 275—276: то-же самое; 23) Суджи. 771 —572: то-же самое; 25) Сѣвска. 147—158· то-же самое; 26) Усерда. 127—130: то-же самое. (*Ibid*).

д) Учрежденія, вѣдающія денежное обращеніе.

115.—7147—50/1639—42 г.г. III. Документы, касающіеся дѣятельности и личнаго состава приказовъ. 234—236: справка по требованію Приказа Золотого и Серебрянаго дѣла, что дано въ этотъ приказъ «золотыхъ и ефимковъ и серебра вѣсомъ и за государевы узорочные товары нѣмцомъ и всякимъ людемъ и золотого и серебрянаго дѣла на всякіе расходы денегъ». (XII. *Бѣлг. ст.*).

765.—7189/1681 г. 806—860+898—920+932—941+944—948: пріемъ въ Разрядъ изъ приказовъ Большой Казны и Стрѣлецкаго денежной казны.(XIII. *Бѣлг. ст.*).

1243.—7196/1688 г. I. 50: въ приказъ Большія Казны 100 р. чехами вмѣсто взятыхъ изъ этого приказа 100 р. *(Ibid).*

1269.—7194—95/1686—87 г.г. I. Документы, касающіеся управленія и состоянія городовъ: 29) Сѣвска. 832—836: присылка изъ Курска ларечныхъ и цѣловальниковъ для пріема чеховъ. *(Ibid).*

е) **Клады.**

Распредѣливъ выдержки въ предшествующихъ рубрикахъ въ хронологическомъ порядкѣ, мы порѣшили отступить въ данной группѣ отъ этого порядка и расположили города по алфавиту потому, что такимъ путемъ читателю легче найти необходимую для него справку. Впрочемъ, годы мы указываемъ и теперь, но только на третьемъ мѣстѣ, за номеромъ столбца по «Описанію».

Землянскъ.—565.—7173/1665. г. II. 11—32: поиски клада за рѣкой Вѣдугою, зарытаго согласно съ найденной записью разбойникомъ Кудеяромъ. (XIII. *Бѣлг. ст.*).

Курскъ.—104.—7146—47/1638. г. I. 331—334: находка «татарскихъ» денегъ. (XII. *Бѣлг. ст.*).

Мценскъ.—1295.—7193—7205/1685—1697 г.г. 61—63+225—227: розыски клада, извѣстнаго подъ именемъ «Кудеяровой поклажи» (XIII. *Бѣлг. ст.*).

Осколъ.—138.—7147—55/1632—47 г.г. III. 357—364: находка клада сыномъ боярскимъ Домановымъ, притѣсненія Доманову отъ воеводы. (XII. *Бѣлг. ст.*).

Переяславль-Рязанскій. — 1001. — 7154 — 98/1646—90 г.г. III. 42: находка клада въ 181 г. (XIII. *Бѣлг. ст.*).

Тула.—1119.—7184—92/1675—84 г.г. II. 7—15: поиски клада разбойника Кудеяра по извѣту стряпчаго Секта Алексѣев. Хрущова, дача Хрущову работныхъ людей изъ Тулы, Венева и Епифани *(Ibid).*

Усердъ.—190.—7150—52/1641—43 г.г. I. 504—507: находка въ лѣсу пивного котла съ деньгами. (XII. *Бѣлг. ст.*).

Чернь.—525.—7165—72/1657—64. г.г. II. 86—96 посылка въ Москву «находныхъ» денегъ, утайка подъячимъ Ѳед. Алехинымъ этихъ денегъ (въ іюлѣ 170 г.) и отписки о нихъ. (XIII. *Бѣлг. ст.*).

Заключая нашу замѣтку, мы считаемъ своимъ долгомъ напомнить, что она не представляетъ собою какой-либо рецензіи на то изданіе

Московскаго Архива Министерства Юстиціи, заглавіе котораго мы поставили въ началѣ этой замѣтки. Наша цѣль была чисто библіографическая— ознакомить нумизматовъ не только съ этимъ высоко интереснымъ изданіемъ, а также обратитить ихъ вниманіе на тотъ цѣнный матеріалъ, который хранится въ Архивѣ. Достигли-ли мы намѣченной нами цѣли и выполнили-ли свою задачу удачно,—судить не намъ. Но надѣемся, что нумизматы вполнѣ присоединятся къ нашему мнѣнію относительно первостепенной важности отмѣченныхъ матеріаловъ для нумизматики и не преминуть извлечь ихъ на свѣтъ.

В. Е. Данилевичъ.

Г. Харьковъ
Апрѣль—Май 1905 года.

Отецъ Василій Θеоктистовичъ Спѣсивцевъ.
(† 1 января 1905 г.).

XXVI.

Памяти отца Василія Спѣсивцева.

1 января 1905 года скончался членъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества (съ 1892 года), священникъ въ селѣ Райгородкѣ Изюмскаго уѣзда, о. Василій Ѳеоктистовичъ Спѣсивцевъ.

О. Василій Спѣсивцевъ принадлежалъ къ числу рѣдкихъ энергичныхъ, просвѣщенныхъ дѣятелей, работающихъ въ глухихъ уголкахъ нашей родины—во имя любви къ культурѣ, къ распространенію всего свѣтлаго и хорошаго въ той средѣ, въ которой приходится имъ дѣйствовать. Такіе дѣятели не замыкаются въ ограниченной сферѣ своихъ спеціальныхъ обязанностей, и стараются быть полезными и въ той области, которая выходитъ изъ круга этихъ обязанностей и на которую они наталкиваются присущей имъ любознательностью, любовью къ наукѣ, культурѣ.

Въ своемъ ближайшемъ дѣлѣ о. Василій принесъ много пользы. Онъ явился добрымъ пастыремъ и наставникомъ для своихъ прихожанъ [1]). Въ то время, когда онъ поступилъ въ приходъ (ему было 22 года, а умеръ на 43 году), церковь, иконостасъ ограда находились почти въ разрушенномъ состояніи. О. Василій принялъ живое участіе въ устройствѣ новаго храма и благодаря его одушевленію, добыты были средства, и прекрасный обширный храмъ былъ выстроенъ на самомъ берегу рѣки Торца. Возлѣ церкви была устроена школа, въ которой онъ безвозмездно исполнялъ обязанность законоучителя. При посредствѣ Харьковскаго Общества Грамотности устроилъ при той же школѣ народную библіотеку; для этой библіотеки шкафы были сдѣланы на его счетъ; и книги онъ выдавалъ самъ единолично, безъ помощниковъ, и распрашивалъ о впечатлѣніи отъ прочитаннаго. Онъ велъ нравственно-просвѣтительныя бесѣды, давалъ объясненія приходившимъ къ нему крестьянамъ по различнымъ вопросамъ. За отсутсвіемъ доктора въ селѣ, лѣчилъ самъ прихожанъ

---

[1]) Пользуемся данными, сообщенными намъ вдовой покойнаго, г-жей Спѣсивцевой.

своими лѣкарствами (по руководству). Слѣпыхъ своего села выучилъ хорошо читать по новѣйшему способу—по выпуклымъ точкамъ; пришедшихъ съ войны (съ Дальняго Востока) раненыхъ также обучалъ грамотѣ. Семьямъ крестьянъ, ушедшихъ на войну помогалъ, отказывая себѣ въ необходимомъ. За все это о. Василій пользовался искренней любовью и уваженіемъ прохожанъ своего села и сосѣднихъ, и смерть его вызвала глубокую скорбь.

О. Василій принесъ большую пользу и тому дѣлу, которое, повидимому, было далеко отъ него, но которое стало близко ему, благодаря его любви къ культурѣ. О. Василій посильно поработалъ археологіи, дѣлу изученія культурнаго прошлаго с. Райгородка и его окрестностей. Какъ извѣстно, село это и его окрестности—представляютъ собой весьма интересную мѣстность въ археологическомъ отношеніи, какъ по многочисленности отдѣльныхъ пунктовъ древняго поселенія человѣка, такъ и по разнообразію и обилію археологическаго матеріала. О. Василій въ силу присущей ему научной любознательности—не могъ не обратить вниманія на этотъ матеріалъ, (на который, конечно, другой могъ и не обратить, считая его—пустякомъ).

Онъ сталъ собирать его, сталъ знакомиться съ характеромъ мѣстности, изучать ихъ. На сколько позволяли ему средства и обстоятельства—онъ постарался освѣтить ихъ, поставить въ связь съ извѣстными предметами, находимыми въ другихъ мѣстностяхъ. Такимъ образомъ для него получилась научная работа; и онъ дѣлится этой работой, добытыми предметами старины—въ ученомъ Обществѣ—Харьковскомъ историко-филологическомъ.

28 октября 1903 года имъ сдѣланъ былъ въ Обществѣ докладъ о своихъ работахъ, изысканіяхъ. Вотъ что говорится по этому поводу въ протоколахъ засѣданія Общества [1]): „Засѣданіе отличалось особеннымъ интересомъ, вызваннымъ докладомъ священника о. Василія Спѣсивцева. Докладчикъ сообщилъ Обществу объ археологическихъ находкахъ, сдѣланныхъ имъ вблизи с. Райгородка Изюмскаго уѣзда, а свое сообщеніе демонстрировалъ чертежами мѣстности, снимками съ находокъ и, наконецъ, самими находками. Находки эти—своего рода богатство, рѣдко выпадающее на долю отдѣльнаго археолога"...

Всѣ предметы были переданы имъ въ собственность музею Изящныхъ Искусствъ и Древностей Харьковскаго университета, нѣкоторыя изъ монетъ—въ нумизматическій кабинетъ. Археологическій матеріалъ, добытый о. Василіемъ, представляетъ дѣйствительно большое разнообразіе [2]) и по

[1]) Сборникъ Общества, т. 6-й, Харьковъ 1894, III.

[2]) Обзоръ его у *Н. Федоровскаго*, Труды Харьковскаго Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда, I; 49 и сл.

формѣ, величинѣ, способу отдѣла и назначенію. Въ его коллекціи имѣются: изъ кремневыхъ орудій и предметовъ — различной формы наконечники стрѣлъ, различной величины и формы наконечники копій, ножи съ двумя и тремя скатами, большіе и малые пилы, плоскіе и трехгранные скребки и проч.; изъ предметовъ бронзовой культуры — наконечники стрѣлъ, пластинки, пуговки, колечки, бляшки, курильницы и пр.; изъ предметовъ желѣзныхъ — наконечники стрѣлъ, ножи, лопаты, гвозди, кольца, пряжки; кромѣ того монеты мѣдныя и серебряныя, глиняные черепки съ орнаментомъ и безъ орнамента, нѣкоторые отъ сосуда съ ушкомъ, большіе кирпичи съ голубою эмалью (поливою), цементъ, окаменѣлое дерево и пр.

Докладъ былъ напечатанъ въ „Сборникѣ" Общества, т. VI, I—II стр., подъ заглавіемъ „Случайныя археологическія находки"; онъ отличается сжатостью, точностью; въ немъ видна освѣдомленность автора въ исторіи мѣстности, также знакомство съ ранѣе производившимися изслѣдованіями; и онъ нашелъ достойную оцѣнку, какъ и всѣ его выводы, въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ той-же мѣстности—Н. А. Федоровскаго [1]), В. А. Городцева, гр. П. С. Уваровой [2]).

О. Спѣсивцевъ не оставлялъ своихъ археологическихъ изслѣдованій и въ послѣдующее время. Онъ ихъ продолжалъ, и они давали прекрасные результаты. Имъ была собрана большая цѣнная колекція древностей и пожертвована Императорской Археологической Коммиссіи [3]). Она состояла изъ нѣсколькихъ кремневыхъ орудій, бронзовыхъ и желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, серебряныхъ и мѣдныхъ золотоордынскихъ монетъ XIV вѣка и замѣчательнаго желѣзнаго меча [4]) съ серебрянымъ ефесомъ и обвитою серебряными нитями рукояткою, на которую насажена серебряная, украшенная чернью, головка съ изображеніемъ на ней съ одной стороны бѣгущаго зайца и птицы, посреди диска, окруженного плетенкою, а съ другой стороны—такъ называемой „печати Соломона", окруженной орнаментомъ другого рисунка. Ножны отъ этого меча сгнили, но отъ нихъ сохранились три охватывавшія ихъ узорчатыя пластинки; на одной изъ нихъ—чернью арабская надпись, содержащая имя какого-то „эмира Гарсъ-эд-дина".

О. Спѣсивцевъ и эту колекцію сопроводилъ докладомъ, явившимся дополненіемъ [5]) къ сдѣланному въ Харьковскомъ историко-филологическомъ Обществѣ. Въ немъ вновь описываются мѣста находокъ, отмѣчается

---

[1]) Труды Харьк. Предв. Комитета, I, 72 и сл. [2]) Каталогъ выставки XII археолог. съѣзда, отдѣлъ: Древности, добытыя изъ раскопокъ, I и сл. [3]) Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1898 г., Спб. 1901, стр. 84—87. [4]) Ibid., рис. 156а. [5]) Ibid., 85—87.

область ихъ распространенія и высказывается предположеніе, что мѣста отъ города Славянска до слободы Ямполя (почти на 30 верстъ) заселены были однимъ и тѣмъ-же народомъ. Отмѣчаются авторомъ и древности конца монгольскаго періода.

Къ XII археологическому съѣзду о. Спѣсивцевъ принялъ большое участіе въ дѣятельности Харьковскаго Предварительнаго Комитета. По порученію его имъ были совершены вновь спеціальныя обслѣдованія въ археологическомъ отношеніи мѣста возлѣ Райгородка; и его изысканія остались не безслѣдны. Имъ изслѣдованы были останки каменнаго вѣка между слободами: Райгородомъ, Щуровой, Лиманомъ, Поповкой и Ямполемъ Изюмскаго уѣзда и собрана коллекція кремневыхъ, бронзовыхъ и мѣдныхъ стрѣлъ, мелкихъ бронзовыхъ вещицъ и десять татарскихъ монетъ [1]). Кромѣ того имъ найдены и обслѣдованы многочисленные старинные желѣзные предметы земледѣльческаго и военнаго быта, вырытые при рубкѣ кустарника вблизи с. Райгородка въ ярѣ «Скрыпниковѣ», надъ озеромъ Маяцкимъ: плужки, косы, топоры, сверла, пряслицы, стремена, удила, колокольчики, пики, копья, ножи, куски кольчатаго панцыря. По мнѣнію о. Спѣсивцева—указанные предметы принадлежатъ золотоордынскимъ и азовскимъ татарамъ, обитавшимъ еще по свидѣтельству Герберштейна на среднемъ теченіи Донца [2]).

Всѣ эти предметы также поступили въ Музей Харьковскаго университета, какъ и часть тѣхъ, что пожертвованы были имъ Археологической Коммиссіи [3]).

На съѣздѣ о. Спѣсивцевымъ былъ доложенъ докладъ «О результатахъ археологическихъ изслѣдованій въ Райгородкѣ» [4]), а отъ имени секціи, по предложенію проф. Д. И. Багалѣя, выражена благодарность за его усердную дѣятельность въ работахъ Предварительнаго Комитета [5]).

Какъ намъ извѣстно,—о. Спѣсивцевъ дѣятельно готовился къ XIII археологическому съѣзду, но смерть прервала его работы....

Теплымъ словомъ будетъ помянуто имя его, какъ человѣка, общественнаго дѣятеля, и скромнаго работника на научной нивѣ. Предметы, добытые имъ при археологическихъ изслѣдованіяхъ, кромѣ Музея древностей Харьковскаго университета, хранятся въ Императорскомъ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ, въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ Кіевскомъ Музеѣ.

---

1) Труды Харьк. Предв. Комит., I, 351. 2) Ibid. 356, 372—373. 3) Всѣ пожертвованные о. Спѣсивцевымъ Музею предметы описаны въ Каталогѣ выставки XII археологическаго съѣзда, см. I отдѣлъ, стр. 2—6, 15—18, 110—113. 4) Докладъ этотъ напечатанъ въ «Трудахъ Двѣнадцатаго Археологическаго съѣзда въ Харьковѣ 1902 г., т. I (М. 1905), 153—156, подъ названіемъ «Находки въ Райгородкѣ», съ приложеніемъ карты изслѣдованной имъ мѣстности. 5) Извѣстія XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, 224.

Занятія археологіей, какъ сказали, хотя не составляли ближайшей обязанности о. Спѣсивцева, но были любимымъ его дѣломъ. В. А. Городцовъ, знакомый отлично съ покойнымъ, ведшій нѣкоторое время съ нимъ изысканія возлѣ с. Райгородка, высоко цѣнящій его, вотъ какъ вспоминаетъ о немъ, въ письмѣ ко мнѣ: «Это былъ человѣкъ безкорыстно и безпредѣльно преданный изслѣдованію старины своего Райгородскаго прихода и прилегающихъ окрестностей. Въ продолженіи болѣе 10 лѣтъ онъ каждый свободный часъ посвящалъ осмотрамъ разныхъ урочищъ и сборамъ на нихъ то каменныхъ орудій, то бронзовыхъ и желѣзныхъ предметовъ скиѳской и болѣе поздней кочевнической старины. Всѣ уголки окрестныхъ владѣній имъ были изучены превосходно. Чтобы составить понятіе объ интенсивности интереса и вниманія этого человѣка къ археологическимъ памятникамъ, приведу слѣдующій случай изъ его жизни. Однажды, сопровождая покойника на кладбище, о. Василій замѣтилъ въ стѣнѣ вырытой ямы бокъ обломившагося древняго сосуда. Тотчасъ же былъ сдѣланъ перерывъ погребальной церемоніи. О. Василій спустился въ яму, обслѣдовалъ почву, извлекъ изъ нея два сосуда древняго типа, выяснилъ, что новая могильная яма прошла черезъ остатки древняго языческаго погребенія и, только послѣ этого, закончилъ погребеніе новопреставленнаго».

О той-же любви къ археологическимъ изысканіямъ о. Спѣсивцева свидѣтельствуетъ его письмо къ покойному о. Николаю Лащенко, любезно переданное намъ для напечатанія проф. Д. И. Багалѣемъ; оно относится еще къ начальной эпохѣ археологической дѣятельности покойнаго (8 мая 1892 г.) и потому особенно интересно и характерно. Вотъ оно:

«Приношу Вашему Высокопреподобію душевную благодарность за сочувствіе и отзывчивость къ интересующимъ меня вопросамъ археологіи и древней исторіи родного края. Постараюсь оправдать Ваши пожеланія о дальнѣйшихъ успѣхахъ. Прошу передать И.-Ф. Обществу, что всѣ найденныя мною вещи и монеты я жертвую для Археологическаго Музея при университетѣ и дѣлаю это съ большимъ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что въ матеріальномъ отношеніи находки для меня ничего нестоятъ—собралъ ихъ исключительно я самъ въ нѣсколькихъ экскурсіяхъ. Вполнѣ сознаю, что цѣнныя для исторіи Харьк. губ. (и вообще Россіи) вещи не могутъ оставаться въ частныхъ рукахъ, гдѣ изъ ста случаевъ въ девяноста непремѣнно затеряются, или отъ непониманія лицъ (обладателей), или отъ разныхъ обстоятельствъ, когда (какъ говорится) человѣкъ и знающій совсѣмъ забудетъ, что въ свѣтѣ есть наука Ареологія. Въ настоящее время найдены мною лично и съ помощью деревенскихъ

мальчиковъ еще 35 монетъ подобныхъ отосланнымъ, т. е. золото-ордынскаго происхожденія (но кажется не всѣ)—изъ нихъ 3 серебряныя; къ къ ноябрю, или декабрю я ихъ пришлю тоже въ даръ Музею. Ожидаю еще находокъ, такъ какъ Райгородскіе крестьяне въ эту осень вспашутъ мѣсто древнихъ поселеній подъ рожь и очень возможно что либо окажется. Къ январю, или февралю я приготовлю и болѣе подробное описаніе интересныхъ въ историческомъ смыслѣ окрестностей Райгородка, да и рисунки ихъ. Въ своей запискѣ къ профессору Д. И. Багалѣю я мало (все таки) коснулся топографіи и разныхъ признаковъ осѣдлости древнихъ поселеній; объ одномъ же, правда уже казачьихъ (гетманскихъ неурядицъ) временъ, совсѣмъ умолчалъ, не имѣя подъ руками другихъ признаковъ кромѣ черепковъ. Не были помѣщены мною и мѣстныя народныя преданія—о прошломъ Райгородка, потому что въ запискѣ меня собственно интересовали находки: къ какому вѣку ихъ отнести, почему съ нетерпѣніемъ ожидаю прочесть предисловіе (къ моей запискѣ) проф. Д. И. Багалѣя. Посылаю Вамъ 2 серебряныя монеты, подаренныя мнѣ моимъ сосѣдомъ (священникомъ); найдены они въ близкомъ къ Вамъ мѣстѣ—въ слободѣ Островерховкѣ Харьковскаго уѣзда. Исторію находки со словъ сосѣда передаю такъ. Семейство одного обывателя лѣтъ 10—15 тому назадъ раскапывало весной огородъ подъ картофель и рѣшилось тоже сдѣлать и съ бугоркомъ, нѣсколько лѣтъ по своей почвѣ считавшимся неудобнымъ для посадки и своей пустынностью портившимъ впечатлѣніе хозяйскихъ глазъ. Принялись за дѣло и къ общему изумленію послѣ нѣсколькихъ ударовъ заступомъ въ твердую почву послышался звукъ разбитаго горшка и вмѣстѣ съ выкинутой землей изъ углубленія посыпалось что-то бѣлое—серебристое, имѣвшее видъ рыбьей луски (по выраженію зрителей). Горшокъ выкопали, собрали все и принесли въ хату. Вскорѣ вѣсть о необыкновенной находкѣ облетѣла все село—спѣшили посмотрѣть и брали по горсти на память, пока пріѣхавшій хозяинъ дома не прекратилъ набѣга. Одинъ изъ такихъ любопытныхъ подарилъ нѣсколько десятковъ монетокъ какому-то отставному чиновнику, жившему на покоѣ въ Островерховкѣ, а послѣдній съ десятокъ далъ и своему родственнику, священнику,—моему сосѣду. Изъ десяти только сохранились 2, которыя я Вамъ посылаю; весь же кладъ Островерховскій крестьянинъ будто продалъ жиду въ Харьковѣ за 10 рублей. Монеты эти, какъ сами присмотритесь, несомнѣнно русскія, съ изображеніемъ всадника и съ русскою надписью. Въ общемъ очеркѣ древностей (въ приложеніи къ Харьковскому календарю за 1890 г.) проф. Д. И. Багалѣй вовсе не говоритъ о кладахъ славяно-русскихъ, находимыхъ въ

Харьковскомъ уѣздѣ и даже губерніи, (слѣдовательно и объ Островерховскомъ) и очень вѣроятно, что для науки этотъ кладъ остался неизвѣстнымъ. Узнайте отъ завѣдывающаго музеемъ, есть ли у нихъ эти монеты, или нѣтъ? Въ послѣднемъ случаѣ я ихъ жертвую Музею. Знаетъ ли объ Островерховскомъ кладѣ многоуважаемый проф. Д. И. Багалѣй? Сообщите также (узнавши предварительно) какого именно княжества эти монеты и что на нихъ написано? За пожертвованіе Истор.-Фил. Обществомъ 4 томовъ его «Сборника» весьма и весьма благодарю, тѣмъ болѣе, что не имѣю никакихъ сочиненій о Исторіи южно-русскаго края, а также археологіи. Объ Островерховскомъ кладѣ, если понадобится Вамъ, или проф. Багалѣю, вѣроятно, можно узнать отъ мѣстнаго священника, или отъ жителей. Всегда Вамъ признательный священникъ В. Спѣсивцевъ».

Такимъ интересующимся глубоко и серьезно изученіемъ мѣстныхъ древностей, открытіемъ ихъ, сохраненіемъ для науки, для общественныхъ древнехранилищъ, безкорыстнымъ работникомъ, истиннымъ любителемъ и цѣнителемъ родной старины —остался покойный до конца дней своихъ.

Добрая память о немъ, о его дѣятельности будетъ сохранена въ исторіи культуры мѣстнаго края, и тѣхъ научныхъ учрежденій, которымъ онъ принесъ свою посильную научную лепту.

23 іюня
1905 г.

Е. Рѣдинъ.

XXVII.

Матеріалы къ изученію церковной старины Украйны.

Россія не бѣдна памятниками искусства, старины. Но, къ сожалѣнію, эти памятники намъ почти не извѣстны; большая часть ихъ не издана, не изучена. А между тѣмъ суровое, безпощадное время, и наряду наше невѣжество уничтожаютъ мало по малу ихъ, и къ наступленію эпохи, когда мы, наконецъ, начнемъ дорожить культурой вообще и памятниками былой культуры нашего отечества—въ цѣляхъ научнаго изученія ихъ, можетъ оказаться, что этихъ памятниковъ почти уже не будетъ.

Сказанное особенно примѣнимо къ церковнымъ древностямъ.

Въ этой области—въ силу различныхъ обстоятельствъ, особенно сильно примѣняется уничтоженіе „прошлаго". А потому такъ настоятельно необходимо изданіе, описаніе памятниковъ церковной старины, ихъ научное изученіе.

Церковная старина Украйны намъ очень мало знакома; спеціальныхъ изданій, посвященныхъ ей, почти не имѣется. И въ то время, какъ памятники народной поэзіи и литературы Украйны служатъ предметомъ и научныхъ изданій, изслѣдованій—ея художественная старина, можно сказать, въ полномъ пренебреженіи, забвеньи. А между тѣмъ—ни для кого это не тайна—памятники южно-русской деревянной церковной архитектуры, иконы, ризы безслѣдно исчезаютъ.

Предлагаемые въ настоящемъ „Сборникѣ" *матеріалы*—посильная лепта въ дѣло изученія церковной украинской старины. Собраны они любителемъ родной старины В. Машуковымъ, посѣщающимъ церкви, монастыри, фотографирующимъ выдающіеся ихъ памятники искусствъ, старины и дѣлающимъ о нихъ посильныя замѣтки—на основаніи церковныхъ описей, старательно имъ изучаемыхъ, и другихъ пособій. На выставкѣ XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ имъ была выставлена цѣнная коллекція фотографій съ многочисленныхъ памятниковъ цер-

ковной старины области, подлежавшей изученію съѣзда. [1]) Къ настоящему XIII археологическому съѣзду для „Трудовъ" Коммиссіи, по нашей просьбѣ, имъ былъ любезно доставленъ, не смотря на нахожденіе въ далекой Манчжуріи, рядъ матеріаловъ, имѣющихъ отношеніе къ древностямъ Екатеринославской губерніи. Въ нихъ описываются драгоцѣнные памятники украинской церковной старины, хранящіеся въ Преображенскомъ соборѣ г. Екатеринослава, въ ризницѣ Екатеринославскаго архіерейскаго дома, въ Троицкомъ соборѣ г. Новомосковска, въ бывшемъ Самарско-Николаевскомъ монастырѣ (нынѣ Самарскій загородній архіерейскій домъ), въ Успенской церкви въ Вороновкѣ (предмѣстье Новомосковска). Описанные памятники—XVII—XVIII в.; многіе съ датами, именами вкладчиковъ; многіе—дѣйствительно выдающіеся памятники украинской (въ частности запорожской) старины. И предлагаемое описаніе ихъ и рисунки, приготовленные по фотографіямъ—несомнѣнно послужатъ матеріаломъ, пособіемъ для всесторонняго научнаго изученія и изслѣдованія ихъ.

1905 г.
23 іюня.

Проф. *Е. Рѣдинъ.*

---

[1]) *Е. К. Рѣдинъ.* Каталогъ XII Археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Отдѣлъ церковныхъ древностей. Харьковъ, 1902, стр. 129—136.

I.

Каѳедральный Преображенскій соборъ въ г. Екатеринославѣ.

Желающіе ознакомиться съ обстановкой, при которой совершена, въ 1787 году, первоначальная закладка каѳедральнаго Преображенскаго собора и узнать дальнѣйшую исторію построенія собора могутъ найти интересующія ихъ свѣдѣнія въ весьма обстоятельномъ трудѣ покойнаго архіепископа Гавріила II (Розанова [1]), напечатанномъ въ свое время, въ запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей [2]). Моя цѣль познакомить читателя только съ тѣми немногими достопримѣчательностями, которыя составляютъ современное достояніе соборнаго храма.

I. Иконы.

а) Мѣстночтимый образъ Спасителя.

1. *Образъ «плачущаго» Спасителя.* Этому образу нами посвящена спеціальная статья въ настоящемъ томѣ «Сборника». Икона писана на холстѣ шириной въ 13 и вышиной въ 16 вершковъ, изображеніе поясное, стиль письма италіанскій,—помѣщена въ большомъ деревянномъ кіотѣ у правой стороны арки, отдѣляющей среднюю часть храма отъ западной. Изображеніе совершенно особенное, рѣзко разняющееся отъ другихъ иконъ Спасителя, здѣсь выраженіе лика скорбное, голова немного приподнята и слегка склонена къ лѣвому плечу, взоръ обращенъ къ небу и изъ нижней части глазъ выступаютъ двѣ слезныя капли; лѣвая рука плотно прижата къ персямъ, а правая согнута въ ладони и простерта впередъ. Кѣмъ, когда и по какому случаю написана эта икона, а также когда и отъ кого поступила въ соборъ, объ этомъ не имѣется точныхъ

---

[1]) Архіепископъ Гавріилъ II (Розановъ) занималъ Екатеринославскую каѳедру въ санѣ епископа съ 22 мая 1828 года, 31 декабря 1832 года возведенъ въ санъ архіепископа, 9 мая 1837 года перемѣщенъ въ Одессу, а 1 марта 1848 года переведенъ въ Тверь, откуда 15 апрѣля 1857 уволенъ на покой.

[2]) Томъ V-ый Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, статья—«Продолженіе очерка о Новороссійскомъ краѣ, періодъ съ 1787 по 1837 годъ».

свѣдѣній; по разсказамъ же сторожиловъ она находится въ соборѣ съ конца сороковыхъ годовъ прошлаго XIX столѣтія. Въ концѣ 1898 года для иконы сооружена новая сребропозлащенная риза, украшенная небольшою золотою съ брилліантами звѣздочкою, брилліантовымъ начертаніемъ «IC» «XC», а въ вѣнцѣ у главы Спасителя и по краямъ оклада цвѣтною эмалью. Къ сему образу мѣстное населеніе питаетъ особую вѣру: икону носятъ въ крестныхъ ходахъ, подымаютъ въ домы прихожанъ и, по пятницамъ, передъ нею читается акафистъ.

б) Иконы академическаго письма [1]).

Изъ числа иконъ, отличающихся художествомъ письма, особенно выдѣляются: мѣстные — въ главномъ иконостасѣ образа Спасителя и Божіей Матери, запрестольный, въ главномъ алтарѣ, образъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы (3 × 4 арш.) [2]) и храмовая икона в. м. Екатерины въ иконостасѣ лѣваго придѣла; всѣ четыре написаны академикомъ Безсоновымъ.—Храмовой образъ Преображенія Господня и въ главномъ же иконостасѣ, въ соотвѣтствіе ему съ лѣвой стороны образъ Вознесенія Господня написаны академикомъ Созоновымъ. Храмовой образъ св. Николая чуд. въ иконостасѣ праваго придѣла—академикомъ Теребеневымъ. Запрестольный, въ алтарѣ лѣваго придѣла, образъ Воскресенія Христова (2 × 3¼ арш.) [3]),—академикомъ Завровымъ, а запрестольный, въ алтарѣ праваго придѣла, образъ снятія со креста Пречистаго Тѣла Господня (2 × 3¼ арш. [4]) написанъ въ Академіи Художествъ г-номъ Силинымъ. Слѣдуетъ упомянуть еще объ одной священной картинѣ, изображающей ап. Ѳому, удостовѣряющагося въ истинѣ Воскресенія Христова осязаніемъ Его раны. Эта картина находится надъ западнымъ входомъ у рѣшотки хоръ; она куплена въ Италіи за дорогую сумму бывшимъ Екатеринослав. губерн. предводит. дворянства статскимъ совѣтникомъ Б. Е. Герсевановымъ и, въ 1833 году принесена въ даръ собору. Полагаютъ, что она копія образа «Невѣріе ап. Ѳомы», подлинникъ котораго, написанный италіанскимъ художникомъ Гверчино, хранится въ Римѣ, въ Ватиканѣ.

---

[1]) См. описи соборнаго имущества за 1853 и 1856 г.г. и книжку «Письма изъ Екатеринослава» Г. Титова.

[2]) Обѣ иконы реставрированы въ 1892 году А. Самойловымъ.

[3]) Обѣ иконы реставрированы въ 1892 году А. Самойловымъ.

[4]) Реставрированъ въ 1892 году П. Акуловымъ.

в) Другія иконы.

1. *Образъ св. Митрофана еп. Воронеж.* [1]) въ кіотѣ у лѣвой стороны арки, отдѣляющей среднюю часть храма отъ западной. Ширина иконы 1, вышина 1½ аршина; ликъ святителя поясной. Икона пожертвована въ 1843 году живописцемъ Сонцовымъ. Риза на иконѣ сребропозлащенная, на клобукѣ крестъ изъ стразовъ, отъ главы сіяніе изъ позлащенныхъ лучей; въ лѣвой рукѣ святителя жезлъ филигранной работы со вставленными въ его верхней части сибирскими камнями.

2. *Икона Божіей Матери, извѣстная въ соборѣ подъ названіемъ «Никопольской»* (Рис. 1) находится на аналоѣ [2]) передъ чтимымъ образомъ плачущаго Спасителя. Богоматерь изображена держащею скипетръ въ лѣвой рукѣ, а на правой рукѣ Богомладенца, преподающаго благословеніе десницей, лѣвая же Его рука покоится на, находящейся у него на колѣнахъ, державѣ. Взоръ Богоматери обращенъ книзу и въ лѣвую сторону [3]), а взоръ Богомладенца впередъ и въ правую сторону. Ширина иконы 5½, вышина 6½ вершковъ; икона присилана въ соборъ по указу Екатеринославской Духовной Консисторіи. Сребропозлащенная риза сооружена усердіемъ г-жи Никифоровой въ благодарность за облегченіе отъ болѣзни.

1. Икона Никопольской Божіей Матери въ Преображенскомъ соборѣ г. Екатеринослава.

---

[1]) 15 Ноября 1894 года передъ симъ образомъ въ западной части собора былъ освященъ складной престолъ для подвижной церкви блажен. кн. россійской Ольги и на немъ совершена поздняя литургія. Въ этотъ же день въ западной же части собора передъ мѣстночтимымъ образомъ плачущаго Спасителя былъ освященъ складной престолъ для подвижной церкви равноап. кн. Владиміра и на немъ совершена ранняя литургія.

[2]) Не безъинтересна исторія постановки здѣсь аналоя: кто-то принесъ въ соборъ небольшой образокъ Козельщанской иконы Божьей Матери и поставилъ на карнизъ подъ иконой плачущаго Спасителя. Поклонявшіеся иконѣ Спасителя стали прикладываться и къ образочку Божіей Матери, но послѣдній, какъ ничѣмъ не укрѣпленный, часто падалъ на полъ, отчего происходилъ только соблазнъ. Въ устраненіе сего пробовали даже совсѣмъ убирать образокъ, но на смѣну убраннаго являлся другой. Тогда поставили, нѣсколько отступя, складной аналой, накрытый пеленой для иконы Божіей Матери большихъ размѣровъ. Однако и онъ оказался мало удобнымъ, почему впослѣдствіи устроили нынѣшній деревянный, четырехъугольный аналой, отнеся его еще дальше отъ иконы Спасителя.

[3]) Стороны названы лѣвою и правой по отношенію къ смотрящему на икону, а не изображенныхъ на самой иконѣ.

2. *Образъ св. Троицы* (12×14 верш.) въ сребропозлащенной ризѣ. Сооруженъ во 1868 году иждивеніемъ гражданъ г. Екатеринослава въ память чудеснаго сохраненія жизни Государя Императора Александра II во время злодѣйскаго покушенія, произведеннаго 4 апрѣля 1866 года. Икона находится въ общемъ кіотѣ съ другими образами въ лѣвомъ придѣлѣ у сѣверной стѣны.

4. *Образъ св. Николая чуд.* (9×11$^{3}/_{4}$ верш.) въ серебрянной ризѣ, находится, въ числѣ другихъ иконъ, въ общемъ кіотѣ у правой подкупольной колонны. Святитель безъ митры, въ священнической фелони изображенъ стоящимъ у стола и держащимъ правою рукой за сучокъ посоха; лѣвая его рука покоится на закрытой книгѣ, стоящей на упомянутомъ столѣ. Въ правомъ верхнемъ углу на облакахъ Спаситель съ евангеліемъ и Божія Матерь съ омофоромъ. Ниже—изображеніе человѣка, покоящагося на ложѣ и другого человѣка, опускающаго въ окно храмины мѣшокъ съ деньгами; вѣроятно имѣлось въ виду изобразить чудесную помощь святителя отцу намѣревавшемуся изъ за бѣдности отдать своихъ дочерей въ скверный бракъ. На исподней сторонѣ иконы написано киноварью: «Въ новостроющійся Екатеринославскій соборъ приношеніе «отъ г. Екатеринославской помѣщицы Александры Егоровны Зальбахъ «1832 года».

2. Икона 1759 года въ Преображенскомъ соборѣ г. Екатеринослава.

5. *Тринадцать прямоугольныхъ иконъ*, (1$^{1}/_{2}$×3 арш. каждая) писанныхъ на цинкѣ и изображающихъ Воскресеніе Христово и двунадесятые праздники. Онѣ въ гладкихъ золоченыхъ рамахъ и размѣщены на колоннахъ и внутреннихъ стѣнахъ храма: эти иконы пожертвованы помѣщикомъ Ковалинскимъ въ 1893 или 1894 году.

II. Напрестольные кресты.

1. *Деревянная доска съ изображеніями двунадесятыхъ и другихъ св. иконъ и вложеннымъ, посрединѣ, сребропозлащеннымъ крестомъ.* (Рис. 2). На доскѣ, по сторонамъ креста, слѣдующія живописныя изоб-

раженія: вверху—Пресвятаго Духа въ видѣ голубя, направо—Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, ниже Богоявленія Господня, входа Господня въ Іерусалимъ и Успенія Пресвятыя Богородицы, съ лѣвой стороны: Рождества Божіей Матери, Рождества Христова, Срѣтенія Господня и Сошествія св. Духа на апостоловъ. Внизу Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ Радость (?) и Знаменія Пресвятыя Богородицы; надъ ними Вознесенія Господня и Преображенія Господня, а подъ сѣнію креста: налѣво—св. Алексѣя человѣка Божія и направо препод. Маріи Египетской, обѣ фигуры въ ростъ. Подъ крестомъ двѣ надписи: „кресту твоему покланяемся Владыко и святое воскресеніе твое славимъ“ и другая—„писанъ сей образъ 1759 г. 21 октября“ [1]). Ширина доски 6, вышина 7 верш.—Самый крестъ шестиконечный, сребропозлащенный съ пятью финифтовыми образами на лицевой сторонѣ: посрединѣ—распятіе Христово съ стоящими у креста Божіей Матерью и св. Іоанномъ Богословомъ, налѣво арх. Михаила, направо арх. Гавріила (оба архангела въ ростъ и съ поднятыми обнаженными мечами), наверху Господа Саваоѳа, внизу несенія креста; въ нижней части креста вычеканены столбъ съ пѣтухомъ, лѣстница, копье, губа на трости, рука, фонарь, жребіи, кнутъ, молотокъ гвозди и сребренники. На исподней сторонѣ вырѣзано наименованіе святынь, вложенныхъ въ крестъ: древо креста Господня, камень гроба Господня, камень гроба Богородицы, мощи святыхъ Апостоловъ Андрея первозваннаго, Луки, Іакова, Павла; архидіакона Стефана, Лазаря праведнаго; Корнилія сотника, святителей Василія великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Николая чуд., Іоанна милостиваго, Никиты Новгородскаго, Андрея Критскаго, Мелетія Антіохійскаго, Василія Агкирскаго, препод.: Петра Аѳонскаго, Максима блаженнаго, Ніла столбенскаго, Александра Свирскаго, Антонія римлянина, Зосимы Соловецкаго, Сергія чуд., Алексія человѣка Божія, Семеона Богопріимца, священно мучениковъ: Игнатія Богоносца, Антипы, Власія, Василія Амасійскаго, мучениковъ: Димитрія Солун., Іоанна воина, Іакова персина, Ѳеодора стратилата, Анны матери Богородицы, муч: Екатерины, муч. Варвары, царицы Елены, Ѳеодоры Александрійскія и препод. Анастасіи. Длина креста $4^3/_4$, ширина $2^1/_2$ вершка, по описи значится подъ № 7-мъ. Этотъ крестъ поступилъ въ соборъ 25 іюня 1864 года по завѣщанію маіора Золотова.

2. *Крестъ сребропозлащенный*, четырехконечный съ закругленіями въ концахъ. На лицевой сторонѣ чеканныя изображенія: по срединѣ—І. Хр. распятаго на крестѣ, налѣво Божіей Матери, направо св. Іоанна Богослова, наверху Господа Саваова, внизу глава Адамова; кромѣ того

[1]) Въ 1901 году икона поновлена въ Кіевѣ и тогда же покрыта лакомъ.

въ четырехъ мѣстахъ посажено по бирюзовому камню. Исподняя сторона гладкая. Длина креста 7, ширина 4½ вершка, вѣсъ съ камнями 1 фун. 57 зол. Объ этомъ крестѣ упоминается и въ описи 1830 года прежняго каѳедральнаго Успенскаго собора, тамъ онъ показанъ подъ № 5-мъ.

3. *Прямоугольный восьмиконечный сребропозлащенный крестъ* подъ чернью. Очевидно, при концахъ креста были шишечки, изъ которыхъ осталось только три. На лицевой сторонѣ посрединѣ изображеніе Спасителя распятаго на крестѣ съ надписаніями: надъ перекрестьемъ „ЦС“ „IC“ „ХС“ СБ“, выше—„образъ честнаго“ „животворящаго креста“; по сторонамъ чреслъ Спасителя „НИ“ „КА“, ниже „МЛ“, подъ крестомъ, по сторонамъ Адамовой головы „Г“ А„“ и ниже „крестъ хранитель фселенъней крестъ красота церковнія крестъ царемъ держава крестъ вернымъ утверженне крестъ ангеломъ слова крестъ бесомъ язва“. Надъ главой Спасителя большія буквы „IНЦI“, выше изображеніе пресв. Духа въ видѣ голубя въ лучахъ по сторонамъ «солнце и луна», въ видѣ человѣческихъ лицъ, вверху, на облакахъ, Господь Саваоѳъ „ГО“ „СА“. Всѣ перечисленныя изображенія и надписи наведены чернью. На исподней сторонѣ креста вырѣзаны: по срединѣ—положеніе Спасителя во гробъ, налѣво—бичеваніе I. Хр., направо несеніе креста, наверху, на облакахъ, воскресшій Спаситель, внизу лобзаніе Iудино, ниже I. Хр. на судѣ у Пилата и внизу молитва Спасителя въ Геѳсиманскомъ саду. Длина креста 7¾, ширина 3½ вершка, близь пробы означенъ 1816 годъ.

4. *Шестиконечный, сребропозлащенный крестъ* съ тройными закругленіями въ концахъ. На лицевой сторонѣ чеканныя изображенія: посрединѣ—I. Хр. распятаго на крестѣ, налѣво Божіей Матери, направо Iоанна Богослова, наверху Господа Саваоѳа, подъ распятіемъ Адамова глава и внизу чеканный узоръ. Съ исподней стороны вырѣзана надпись: „въ память эконома іеромонаха Ѳеодорита бывшаго сотрудникомъ при „строеніи каменнаго каѳедральнаго въ г. Екатеринославѣ собора и скон„чавшагося 1833 го года сентября 13-го дня здѣланъ сей крестъ на „сумму за крестъ же золотый пожалованный ему изъ кабинета Его Импе„раторскаго Величества въ Москвѣ 1834-го года цѣна 300 руб.“ Длина креста 8, ширина 5 вершковъ. Этотъ крестъ обыкновенно, употребляется при архіерейскомъ служеніи.

5. *Новый кипарисный крестъ*, обложенный, съ боковыхъ сторонъ, гладкимъ серебреніемъ окладомъ. На лицевой сторонѣ пять позлащенныхъ кружковъ съ обозначеніемъ святынь, вложенныхъ въ крестъ, мощей св. Григорія Бог., Iоанна златоуста, Василія вел., Iоанна Предтечи и частица

гроба преп. Сергія чуд: Исподняя сторона гладкая полированная. Длина креста 8, ширина 5 вершковъ.

III. Евангелія.

1. *Евангеліе*, напечатанное въ Москвѣ въ 1763 году індікта 11, мѣсяца іуліа повелѣніемъ Императрицы Екатерины Алексіевны. Доски евангелія и корешокъ обиты зеленымъ бархатомъ и украшены вызолоченнымъ окладомъ низкопробнаго серебра. На верхней доскѣ (Рис. 3) средникъ и большіе угольники съ вычеканенными изображеніями въ средникѣ, въ овалѣ, распятія Христова, съ стоящими у креста Богоматерью и св. Іоан-

3 и 4. Оклады Евангелія 1763 г. и 1771 г. въ Преображенскомъ соборѣ г. Екатеринослава.

номъ Богословомъ, а въ угольникахъ св. евангелистовъ, съ символами. На исподней доскѣ четыре большихъ гладкихъ пукли, выступающихъ на полвершка, въ средникѣ чеканное изображеніе св. Николая чуд., въ ростъ, въ митрѣ, архіерейскомъ одѣяніи, десницею благословляющаго и съ евангеліемъ на лѣвой рукѣ; по краямъ доски широкій чеканный узоръ. На корешкѣ три чеканныхъ накладки, застежки тоже чеканныя. Ширина евангелія 5, вышина 8, толщина 2 вершка; по описи 1887 года значится подъ № 2-мъ. На оборотѣ заглавнаго листа имѣется весьма цѣнная въ историческомъ отношеніи запись, писанная, очевидно, рукою вкладчика: «сіе евангеліе данное въ церковь половицкую новопоселен-

«ную апостоломъ Петра и Павла[1]) за упокой Трофима Куги, а ста- «раніемъ Стефана Афанасиева сына Лубенского 1782 году маия 5 дня». Это евангеліе служитъ едва-ли не единственнымъ церковнымъ памятникомъ слободы Половицы, существовавшей на мѣстѣ нынѣшняго губернскаго города Екатеринослава.

2. *Евангеліе (7×11 верш.) московской печати* 1771 *года.* Доски и корешокъ Евангелія обиты малиновымъ бархатомъ и украшены серебрянымъ чеканнымъ, мѣстами позлащеннымъ, окладомъ. На верхней (Рис. 4) въ средникѣ, въ овалѣ, чеканное изображеніе распятія Христова, съ стоящими у креста Божіей Матерью и св. Іоанномъ Бог.; по сторонамъ средника по херувиму, надъ средникомъ и внизу по серафиму, а въ угольникахъ св. евангелисты съ символами,—всѣ изображенія чеканныя. На корешкѣ три широкихъ чеканныхъ накладки. На исподней доскѣ четыре гладкихъ пукли, выступающія на полвершка и имѣющія вершокъ въ діаметрѣ; въ средникѣ вычеканено изображеніе праздника Преображенія Господня, кругомъ средника четыре маленькихъ звѣздочки, а по краямъ доски чеканный узоръ. По листамъ евангелія имѣется запись, начинающаяся съ евангелія отъ Матѳея «1776 года мѣсяца августа седмого числа сия книга евангелие купленное въ сокологорскій монастырь Преображенскій[2]) за шестьдесять рублей Товариществомъ куреня Дюдковского Григорйемъ Даниловичемъ Татротомъ». По описи 1887 года, евангеліе значится подъ № 5-мъ.

3. *Евангеліе.* (6½×11 верш.) московской печати 1815 года, оправлено по малиновому бархату серебромъ съ позолотой. Верхняя доска покрыта серебрянымъ окладомъ съ чеканными изображеніями: по срединѣ— Воскресенія Христова и въ угольникахъ св. евангелистовъ. На исподней доскѣ вычеканено изображеніе пророка Моисея колѣнопреклоненно пріемлющаго скрижали завѣта, подаваемыя ему двумя руками, простирающимися изъ облаковъ. Вверху въ кругѣ и лучахъ изображеніе Пресвятого Духа въ видѣ голубя; на той же нижней доскѣ имѣются еще четыре ножки. Корешокъ малиноваго бархата. Въ описи Успенскаго каѳедральнаго собора 1830 года евангеліе значится подъ № 4-мъ.

---

[1]) Петропавловская церковь слободы Половицы такъ и не была освящена: будучи вполнѣ готовою къ освященію, она сгорѣла 1783 года; успѣли спасти лишь иконостасъ, церковную утварь и сосуды. При вторичномъ устроеніи, церковь была переименована, по походному антиминсу, въ честь Казанской иконы Божіей Матери, въ нее поступило и описанное выше евангеліе, перешедшее въ свое время въ замѣнившую ее Успенскую церковь, которая именовалась соборною и каѳедральною. Съ построеніемъ нынѣшняго каѳедральнаго Преображенскаго собора, евангеліе передано въ послѣдній.

[2]) Сокольскій или Сокульскій Преображенскій монастырь при подошвѣ горы «Духовой», нынѣ мѣстечко «Соколка» Кобелякскаго уѣзда Полтавской губ.

4. *Евангеліе* (6¹|₂×10 верш.) мовсковской печати 1841 года. Объ доски и корешокъ обиты зеленымъ бархатомъ [1]). На верхней доскѣ чеканныя изображенія въ овальномъ средникѣ воскресшаго Спасителя, а въ углахъ св. евангелистовъ, съ символами. Надъ средникомъ Господь Саваоѳъ въ облакахъ, внизу три херувима, а кругомъ средника размѣщены шесть фіолетовыхъ камней, окруженныхъ стразами; между камнями чеканныя изображенія: чаши, скрижалей, кувшина, кадила, омофора, креста и евангелія, по краямъ же доски чеканный узоръ. На нижней доскѣ средникъ и четыре пукли. По описи 1887 года, евангеліе значится подъ № 3-мъ.

5. *Евангеліе*, въ листъ, московской печати 1830 года. Окладъ евангелія гладкій сребропозлащенный. На верхней доскѣ чеканныя изображенія въ овалахъ на серебряномъ полѣ: по срединѣ—Воскресенія Христова и въ углахъ поясные лики св. евангелистовъ съ символами [2]). Всѣ овалы окружены стразами, стразами же украшены еще и двѣнадцать лучей изъ звѣзды, окружающей средникъ. Между верхними овалами изображеніе Господа Саваоѳа, а между нижними два колѣнопреклоненныхъ ангела на облакахъ—все чеканное, позолоченное. По краю доски чеканный узоръ. Исподняя доска вся чеканная; вверху ангелъ Господень благовѣтствуетъ, съ облаковъ, землѣ о родившемся Спасителѣ, вправо одинъ изъ пастуховъ возлѣ скота, съ лѣвой стороны три волхва на лошадяхъ. По срединѣ Богоматерь, Богомладенецъ, лежащій въ ясляхъ и волхвы поклоняющіеся Ему. Наконецъ въ лѣвомъ нижнемъ углу еще двѣ фигуры; въ пещерѣ сидитъ человѣкъ, а другой подходитъ къ пещерѣ, опираясь на посохъ. По краю доски чеканный узоръ, на самой же доскѣ еще четыре пукли. На корешкѣ евангелія вычеканены всевидящее око въ треугольникѣ и лучахъ, какихъ то три башни съ флагами, чаша, подсвѣчникъ съ возженною свѣчей, крестъ со змѣемъ, скрижали завѣта и горящій семисвѣчникъ. Ширина оклада евангелія 8, вышина 12 вершковъ; вѣсъ 8 фунт. 65 зол. По описи 1887 года, евангеліе значится подъ № 1-мъ.

6. *Евангеліе* (6¹|₂×¹|₂ верш.) московской печати 1872 года въ сребропозлощенномъ окладѣ. На верхней доскѣ вычеканены изображенія: по срединѣ—въ овалѣ воскресенія Христова и въ углахъ, (въ кругахъ) св. евангелисты съ символами. На исподней доскѣ четыре пукли, а въ

---

[1]) Въ описи 1881 года записано—«отправлено по малиновому бархату», а потомъ съ боку помѣчено—«передѣлано въ зеленый бархатъ».

[2]) Въ описи 1887 года изображенія Христова Воскресенія и св. евангелистовъ показаны финифтовыми съ припискою карандашомъ—«вмѣсто финифтяныхъ устроены серебреные».

овальномъ средникѣ чеканный образъ Благовѣщенія пресвятыя Богородицы. На корешкѣ свитокъ съ надписью «священное евангеліе»; застежки рѣзныя. По описи 1887 года значится подъ № 8-мъ.

IV. Священные сосуды.

1. Потиръ сребропозлащенный съ накладными чеканными узорами въ верхней части и на подножіи. Кромѣ того, въ верхней части четыре овальныхъ образа съ поясными ликами Спасителя, Божіей Матери, Іоанна Богослова и Спасителя въ терномъ вѣнцѣ, а на подножіи прямоугольные образа Спасителя въ темницѣ, моленія о чашѣ, несенія креста и положенія Спасителя во гробъ; всѣ восемь изображеній на финифти и окаймены стразами. По верхнему краю потира вырѣзана надпись: «тѣло Христово пріимите, источника безсмертнаго вкусите». Вышина потира 7½, діаметръ 3 вершка.

Дискосъ съ вырѣзанными на немъ изображеніями: посрединѣ—Богомладенца, коему предстоятъ съ боковъ по ангелу, въ ростъ на верху Господа Саваоѳа, а внизу херувима. На поляхъ дискоса въ трехъ клеймахъ надпись: «се агнецъ Божій» «вземляй грѣхи» «всего міра». Діаметръ дискоса 4½, вышина 1¾ вершка. Звѣздица съ чеканнымъ въ кругѣ изображеніемъ Господа Саваоѳа при соединеніи дужекъ, окруженномъ стразами и съ вырѣзанными при концахъ дужекъ изображеніями херувимовъ.

Вѣсъ потира, дискоса, звѣздицы, а также лжицы, копья и тарелочки, купленной взамѣнъ утерянной, 6 функтовъ. По описи 1887 года эти предметы показаны подъ № 2-мя и значатся пожертвованными, въ 1831 году [1]) помѣщикомъ Александромъ Зальбахъ.

2. *Потиръ* сребропозлащенный съ чеканными узорами и съ тремя херувимами на подножіи. Въ верхней части потира три овальныхъ образа съ поясными ликами Спасителя, Божіей Матери и св. Іоанна Предтечи, а на подножіи прямоугольныя иконы моленія о чашѣ, несенія креста и положенія Спасителя во гробъ. Всѣ шесть изображеній на финифти и окружены стразами. Близь верхняго края потира вырѣзана обычная подпись «тѣло Христово пріимите, источника безсмертнаго вкусите». Вышина потира 8½, діаметръ чаши 3½ вершка.

---

[1]) Замѣтный приливъ пожертвованій (картина «невѣріе ап. Ѳомы, образъ св. Николая чуд. и св. сосуды г.г. Зальбахъ, крестъ іеромонаха Ѳеодорита и др.) вначалѣ соровыхъ годовъ XIX столѣтія объясняется тѣмъ, что эти года были временемъ постройки нынѣшняго Преображенскаго собора, освященнаго въ 1835 году: 9 мая совершилось освященіе праваго придѣла святителя Николая, 29 іюня освященъ главный алтарь въ честь Преображенія Господня, а 3 іюля лѣвый придѣлъ в. м. Екатерины.

Дискосъ съ вырѣзанными на немъ изображеніями: посрединѣ Богомладенца, по сторонамъ—двухъ ангеловъ и наверху Господа Саваоѳа. На поляхъ дискоса въ трехъ клеймахъ надпись: «се агнецъ Божій» «вземляй грѣхи» «всего міра». Діаметръ дискоса 5, вышина 2 вершка.

Звѣздица съ вычеканеннымъ при соединенія дужекъ изображеніемъ Господа Саваоѳа, испускающаго пресвятаго Духа въ видѣ голубя. На дужкахъ вырѣзаны изображенія въ ростъ святителей: Василія Вел., Григорія Бог., Іоанна Златоуста и св. Николая чуд..

Вѣсъ всѣхъ этихъ вещей 3 фун. $62^1/_2$ зол. По описи 1887 года, сосуды значатся подъ № 3-мъ и показаны пожертвованными, въ 1835 году, купцомъ Бѣлявскимъ.

3. *Потиръ* сребропозлащенный меньшей величины, повидимому, заграничной работы. По верхнему краю потира вырѣзана надпись: „тѣло Христово пріимите, источника безсмертнаго вкусите", ниже четыре круглыхъ образа съ поясными чеканными изображеніями: Господа Саваоѳа со скипетромъ, Божіей Матери, св. Іоанна Богослова и Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ. Между ними по чеканному херувиму, а кругомъ и ниже чеканные узоры. По окружности чеканные узоры, отъ которыхъ идутъ двухскатныя полосы, постепенно съуживающіяся къ рукоятки и потомъ снова расширяющіяся. Вышина потира 6, діаметръ чаши $2^1/_2$ вершка. Съ исподней стороны подножія вдѣлана гладкая, круглая золоченная пластинка, съ вырѣзанною на ней надписью, исполненною духа всепрощающей христіанской любви: „Помяни Госпиди Боже! во царствіи Твоемъ „Преосвященныхъ Архіереевъ въ Екатеринославѣ Епископствовавшихъ и „рабовъ Твоихъ Тимофея и Ѳеодосію со чады: Димитрія и Александру „со чады: Павла и Іуліанію, Симена и Наталію со чады, Григорія, Сте„фана и Софію со чады, и всѣхъ сродниковъ ихъ и всѣхъ благодѣяв„шихъ имъ и всѣхъ враждовавшихъ имъ, и всѣхъ и вся. Марта 35 дня „1841 года. Въ Екатеринославскій Преображенскій соборъ Приношеніе „Статстаго Совѣтника Григорія Мизко!".

Дискосъ съ вырѣзаннымъ на немъ агнцемъ съ побѣдною хоругвію, кругомъ лучеобразная звѣзда съ вырѣзанною, по лучамъ, надписью „се агнецъ Божій вземляй грѣхи міра". По окружности подножія чеканный узоръ. Діаметръ дискоса 4, вышина $2^1/_2$ вершка.

Звѣздица съ чеканнымъ при соединеніи дужекъ изображеніемъ пресвятаго Духа въ видѣ голубя, кругомъ сіяніе; на дужкахъ вырѣзаны узоры, а при концахъ дужекъ херувимы: На исподней сторонѣ дужки означенъ 1841 г. и вырѣзано—«WIBERC».

Вѣсъ этихъ вещей, включая лжицу, копье и двѣ тарелочки 4 фун. 5¾ зол. По описи 1887 г. значатся подъ № 4-мъ.

V. Плащаница.

1. *Плащаница*, шитая золотомъ и серебромъ по зеленому бархату, мѣстами подложена красная фольга (Рис. 5). По срединѣ плащаницы, писанное на холстѣ изображеніе пречистаго тѣла Господня (руки Спасителя не на груди, а вытянуты вдоль тѣла). По сторонамъ главы Спасителя вышито святое наименованіе: съ лѣвой стороны «IИ͡С», съ правой «ХР͡С», а въ углахъ серафимы, ихъ лица написаны на холстѣ. Кругомъ всего этого прямоугольная рамка съ четырьмя въ углахъ звѣздочками, подложенными красною фольгой и вышитыми между ними сло-

5. Плащаница 1796 г. въ Преображенскомъ соборѣ въ Екатеринославѣ.

вами тропаря «благообразный Іосифъ» «съ древа снемъ пречистое тѣло твое, плащаницею» «чистою обвивъ и» «вонями во гробѣ новѣ покрывъ положи». По сторонамъ рамки вышиты различные узоры; по угламъ, въ кругахъ, лики св. евангелистовъ съ символами (лики св. евангелистовъ написаны на холстѣ). Со стороны ногъ Спасителя вытканъ „АѰЧЅ" (т. е. 1796 годъ), а съ боковыхъ сторонъ—орудія Христовыхъ страданій: налѣво—столбъ съ пѣтухомъ, рука, чаша, кнутъ, три жребія, съ правой стороны—крестъ, копье, губа на трости, молотокъ и гвозди. Съ наружныхъ краевъ плащаница обшита тесьмой съ пришитыми по угламъ четырьмя кистями. Вѣнецъ вокругъ главы Спасителя, опоясаніе на чреслахъ, одежда евангелистовъ и крылья серафимовъ вышиты золотомъ. Ширина плащаницы 1 арш. 3 верш., длина 2 аршина. Объ этой плащаницѣ упоминается въ описи 1830 года прежняго каѳедральнаго Успенскаго собора.

VI. Могилы архипастырей.

Изъ Екатеринославскихъ архипастырей только два преосвященныхъ погребены подъ сводами каѳедральнаго Преображенскаго собора, это епископы Ѳеодосій (Макаревскій) и Августинъ (Гуленицкій). Могилы обоихъ находятся въ лѣвомъ придѣлѣ в. м. Екатерины подъ солеей, въ подвальной части храма, состоящей изъ цѣлаго ряда деревянныхъ столбовъ, между которыми въ этой части выложены кирпичныя стѣнки.

Надъ могилами у солеи поставлены два деревянныхъ кіота, окрашенныхъ въ бѣлый цвѣтъ; ширина кіотовъ 1½, вышина 3, а съ крестомъ 3½ аршина. Въ правомъ кіотѣ вверху образъ Господа Саваоѳа, а ниже икона (11×14 верш.) святыхъ Ѳеодосія и Александра Невскаго [1]), т. е. святыхъ, имена которыхъ носилъ въ міру и въ монашествѣ почившій епископъ Ѳеодосій. Подъ иконой на позлащенной доскѣ, въ видѣ спускающагося полотенца, вырѣзано—„Въ покоищи твоемъ Господи „идѣже вси святіи упокоеваются упокой и душу раба Твоего преосвя„щеннѣйшаго епископа Ѳеодосія яко единъ еси человѣколюбецъ. 15 сен„тября 1822 г. родился, во святомъ крещеніи названъ Александромъ, „28 мая 1853 г. рукоположенъ въ священника, 3 мая 1861 года при„нялъ монашество подъ именемъ Ѳеодосія, 28 января 1867 года хиро„тонисанъ во епископа, 5 августа 1871 года вступилъ въ управленіе „Екатеринославскою Епархіею, 5 февраля 1885 г. скончался въ г. Ека„теринославѣ. Помолитеся о немъ".

На другомъ лѣвомъ кіотѣ вверху Ѳеодоровская икона Божіей Матери (6×7 верш.) святыня г. Костромы, откуда переведенъ въ Екатеринославъ преосвященный епископъ Августинъ, а ниже образъ (12×14 верш.) святыхъ Андрея Критскаго и Августина Іппонійскаго, т. е. святыхъ, имена которыхъ носилъ въ міру и въ монашествѣ почившій епископъ Августинъ. Подъ иконой на мѣдной доскѣ вырѣзана надпись: «Августинъ »(Гуляницкій) Епископъ «Екатеринославскій и Таганрогскій скончался «30 ноября 1892 г. Назначенъ на Екатерин. каѳедру 14 дек. 1891 г., а вступилъ въ управленіе 5 января 1892 г.» Кромѣ того, надъ солеей, на сѣверной доскѣ прибита бѣлая мраморная доска съ выведеннымъ вверху золотымъ крестомъ и надписью изъ золоченныхъ буквъ «Преосвященный Августинъ Епископъ Екатеринославскій и Таганрогскій † ноября 30 дня 1892 года».

VII. Колокола.

1. *Колоколъ* вѣсомъ въ 355 пуд. 12 фун. Надписи и украшенія на колоколѣ рельефныя. Вверху колокола размѣщены по окружности

[1]) Къ иконѣ подвѣшенъ коралловый крестикъ на ниткѣ изъ бусъ.

девять серафимовъ, ниже идутъ 3 строки надписи: «при державѣ Благо-«честивѣйшаго Самодержавнѣйшаго Государя Императора Николая Пав-«ловича съ благословенія преосвященнаго Гавріила епископа Екатерино-«славскаго, Херсонскаго и Таврическаго» «и кавалера вылитъ сей коло-«колъ къ кафедральному Екатеринославскому Преображенскому собору «на иждивеніе и пожертвованіе дворянства, духовенства Екатеринослав-«ской паствы» «и прочихъ сословій христоименитыхъ любящихъ благо-«лѣпіе дому Господня 1831 года ноября 10 дня въ Москвѣ на заводѣ Николая Самгина вѣсу 385 [1]) пудъ 12 ѳу».—Ниже 3 иконы: Преображеніе Господне, св. Николая чуд., в.-м. Екатерины, т. е. храмовыхъ праздниковъ собора. Между иконами узоры, а подъ нимъ херувимы. Нижняя часть колокола гладкая, безъ узоровъ.

2. *Колоколъ* вѣсомъ въ 156 пуд. 35 ф. Въ верхней части колокола херувимы. Ниже надпись: «при державѣ Благочестивѣйшаго Само-«державнѣйшаго Государя Императора Николая Павловича съ благосло-«венія преосвященнаго Гавріила епископа» «Екатеринославскаго, Хер-«сонскаго и Таврическаго и кавалера вылитъ сей колоколъ къ кафед-«ральному Екатеринославскому собору на иждивеніе» «и пожертвованіе «дворянства духовенства, купечества екатеринославской паствы и прочихъ «сословій христоименитыхъ любящихъ благолѣпіе дому Господня». Ниже три иконы: Успенія Пресвятыя Богородицы, равноап. кн. Владиміра и благов. вел. кн. Александра Невскаго. Между иконами узоръ и двукрылые херувимы. Подъ иконами окончаніе надписи «1831 года ноября 10 дня въ Москвѣ на заводѣ Николая Самгина вѣсу 156 пуд. 35 фун.». Нижній край колокола гладкій.

3. *Колоколъ* вѣсомъ 69 пуд. 8 фун. На колоколѣ вверху херувимы, ниже надпись «сей колоколъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ на «заводѣ Димитрія Самгина, вѣсу 69 пудъ 8 фу». Подъ надписью иконы Иверской Божіей Матери, св. Николая чуд. (можайское изображеніе).

4. *Колоколъ* вѣсомъ въ 20 пуд. 17 фун. Въ верхней части колокола два ряда узора, ниже образъ св. Николая чуд. (можайское изображеніе). На колоколѣ означенъ только вѣсъ, никакой надписи нѣтъ.

5. *Четыре* остальныхъ колокола небольшіе.

26 апрѣля 1905 г.
д. Палинпу въ Манчжуріи.

---

[1]) Цифры не рельефныя, а вырѣзаны вглубь по металлу.

II

Ризница Екатеринославскаго Архіерейскаго Дома.

Екатеринославская архіерейская ризница обязана своимъ началомъ свѣтлѣйшему князю Григорію Александровичу Потемкину. При почти безграничномъ довѣріи со стороны Государыни Императрицы Екатерины II, по его желанію, изъ разныхъ мѣстъ Россіи доставлялось все, что изумляло богатствомъ, или поражало великолѣпіемъ: тутъ были вещи изъ монастырей—Межигорскаго (Кіевской губ.), Кирилло-Бѣлозерскаго (Новгородской губ.)[1]), изъ Крутицкаго архіерейскаго дома въ Москвѣ[2]), даже изъ придворныхъ храмовъ Московскаго кремля[3]).—Но не стало князя Потемкина († 5 окт. 1791 г.), начали убывать и ризничные предметы: уже въ 1793 году многія драгоцѣнности были взяты изъ Полтавскаго архіерейскаго дома[4]) и сданы на храненіе въ Кременчугское казначейство[5]), а затѣмъ нѣкоторыя изъ оставшихся вещей были переданы[6]), разновременно, по указамъ св. Сѵнода частью викарію Екатеринославской епархіи преосвященному Іову епископу Ѳеодосійскому и Маріупольскому[7]), а частью викарію Астраханской епархіи преосвященному Гаію, епископу Моздокскому и Можарскому[8]).

При митрополитѣ Гавріилѣ[9]) ризница пополнилась въ 1799 году новыми вещами, но онѣ уже не имѣли такой цѣнности. Многія изъ этихъ вещей уцѣлѣли до настоящаго времени; изъ начальныхъ же сокровищъ едва ли не долѣе другого хранились богатѣйшія митры, весьма подробно описанныя бывшимъ преподавателемъ мѣстной духовной семинаріи Г. Титовымъ[10]). Память о нихъ еще жива среди

---

[1]) «Реестръ отосланнымъ къ Его Свѣтлости князю Григорію Александровичу Потемкину Таврическому изъ Кирилловской и Межигорской ризницъ вещамъ» (хранится въ архивѣ Екатеринославской Духовной Консисторіи при дѣлѣ за 1773 годъ).

[2]) Черновая опись митръ, хранящаяся въ архивѣ Екатеринославскаго каѳедральнаго Преображенскаго собора.

[3]) Надписи на двухъ крестахъ, нынѣ находящихся въ Екатеринославскомъ архіерейскомъ домѣ.

[4]) Екатеринославскіе архіереи жили до 1797 года въ г. Полтавѣ.

[5]) и [6]) «Самарскій Екатеринославской епархіи Пустынно-Николаевскій монастырь» (Епископа Ѳеодосія) 1873 г., на стр. 82—83.

[7]) Епископъ Іовъ (Потемкинъ) изъ архим. Городищен. Успен. монастыря въ Молдав. митр. состоялъ епископомъ Ѳеодосійскимъ съ 1793 до 1796 г., когда переведенъ въ Минскъ архіепископомъ. (Девятисотлѣтіе росс. іерарх., стр. 66).

[8]) Епископъ Гаій Такаовъ (грузинъ) изъ архим. Моздок. состоялъ епископомъ Моздокскимъ съ 1793 по 1799 годъ, когда переведенъ на самостоятельную Пензенскую каѳедру.

[9]) Митрополитъ Гавріилъ I (Бодони-Банулэскулъ) занималъ Екатеринославскую архіерейскую каѳедру съ 10 мая 1793 года по 29 сентября 1799 года, когда былъ переведенъ въ г. Кіевъ.

[10]) «Письма изъ Екатеринослава» Г. Титова, изданныя отдѣльной книжкой въ Одессѣ въ 1849 году.

старожиловъ, но самыя митры уже лишились драгоцѣнныхъ украшеній и по вполнѣ вѣрному, хотя и прискорбному выраженію одной повѣрочной коммиссіи, сдѣлались похожими скорѣе на модели [1]).

Достопримѣчательности современной архіерейской ризницы составляютъ слѣдующіе священные предметы:

I. Св. антиминсъ.

1. *Антиминсъ* холщевый, священно-дѣйствованный въ 1773 году преосвященнымъ Тихономъ [2]). Онъ безъ употребленія и хранится за стекломъ, въ рамкѣ, которая, къ сожалѣнію, скрываетъ указаніе для какого именно Вознесенскаго храма былъ выданъ св. антиминсъ, на антиминсѣ послѣ печатныхъ словъ «..... имѣетъ власть священнодѣйствовати въ храмѣ» прописано чернилами наименованіе храма «Вознесенія Господня», а въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ также чернилами проставлены двѣ послѣднія цифры (начальныя печатаны) годовъ: отъ міроздания — ЗСПА (7281) и отъ рождества Христова — АѰОГ (1773) и потомъ далѣе «індикта *4* мѣсяца іуніа въ *24* день». Внизу антиминса подпись «смиренный Тихонъ Епископъ Воронежскій и Елецкій».

6. Золотой крестъ 1699 г. въ ризницѣ Екатеринославскаго архіерейскаго дома.

II. Кресты.

1. *Золотой напрестольный крестъ* ($3^1/_2 \times 7^1/_2$ верш.) съ частицами св. мощей. (Рис. 6). Форма креста семиконечная. На лицевой сторонѣ чеканное изображеніе только распятаго Христа, вокругъ главы Спасителя маленькій вѣнчикъ изъ бѣлой эмали съ тремя обычными, чернаго цвѣта, буквами «ѠОН»; по краю вѣнчика 11 яхонтовыхъ искръ. На крестѣ надъ вѣнчикомъ вырѣзано наименованіе «IC» «XC», а вверху чеканное титло изъ четырехъ крупныхъ буквъ «IН» «ЦI.»; кромѣ того вверху и внизу креста укрѣплено по изумруду, а въ боковыхъ концахъ по ла-

[1]) Актъ за № 4694 коммиссіи, повѣрявшей ризничное имущество въ 1892 году. Тѣмъ же актомъ были исключены и осуждены на выжежку 19 ветхихъ саккосовъ чуть-ли не современныхъ, по удостовѣренію коммиссіи, основанію г. Екатеринослава, а также и еще нѣкоторыя другія ветхія священническія облаченія.

[2]) Преосвященный епископъ Тихонъ 2-й (Якубовскій) занималъ Воронежскую каѳедру съ 17 декабря 1767 г. до 19 мая 1775 года (Девятисотлѣтіе русской іерархіи, стр. 61).

зоревому яхонту, по наружному же краю лицевой стороны, кромѣ рукояти, посажено 177 жемчужинъ.

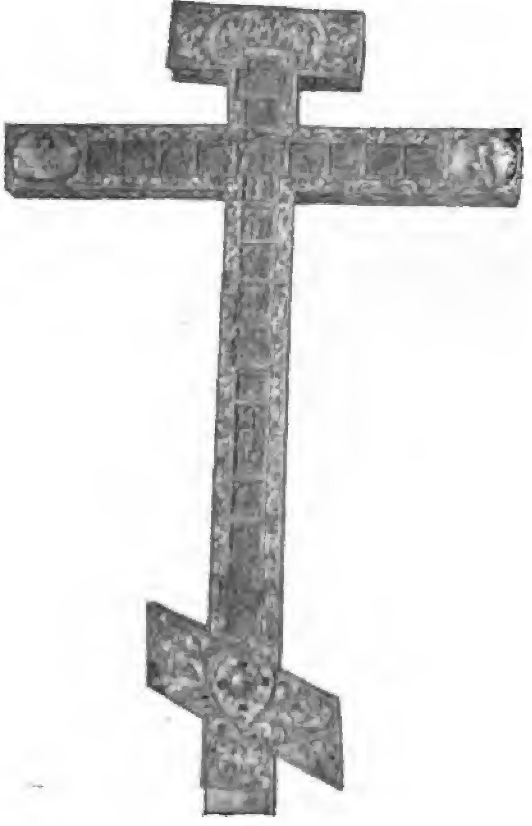
Съ исподней стороны въ 12 кругахъ вырѣзаны наименованія святынь, вложенныхъ въ крестъ: 1) часть животворящаго древа и мощи: 2) св. ев. Матоея; 3) св. ап. Андрея Первозваннаго; 4) св. Василія Великаго; 5) св. Григорія Богослова; 6) св. Спиридона чудотворца; 7) св. архидіакона Стефана, 8) св. в. м. Өеодора Стратилата; 9) св. в. м. Меркурія; 10) св. в. м. Евстратія; 11) св. в. м. Варвары и 12) св. в. м. Татіаны. Ниже, вырѣзана подпись «лѣта 303 го (т. е. 7207—«1699 г.) при державѣ великого Государя царя и Великого князя Петра «Алексѣевича Всея великія і малыя и бѣлы Росиі самодержца Въ ИІ «(т. е. 18) лѣтъ державы его и при «сыне ево Великомъ Государѣ благо«родномъ царевичѣ і великомъ князѣ «Алексие Петровиче въ 1-е (т. е. 10) «лѣто отъ рожденія ево построила сій «крестъ золотой тетка ево Госусударева «великая Годарыня благородная ца«ревна і великая княжна Татіана Ми«хаиловна в церковь успения Пресвя«тыя Богородицы что у нихъ великихъ «государей вверьху и соверьшися сій «кресть того же году августа въ «I де».—При проѣздѣ черезъ Москву мнѣ удалось отъискать въ московскомъ отдѣлѣ дворцоваго архива слѣдующее описаніе этого креста, заимствуемое дословно изъ хранящейся тамъ описи дворцовой церкви Успенія Пресвятыя Богородицы: «крестъ с «мощми верхпяя и нижпея цки зо«лотыя, уборки серебреные золочены. «На немъ два яханта лазоревыя гра«неныя, два ізумруда, в венце іскры «яхантовыя. Обнизанъ жемчугомъ крупнымъ.—Ковчегъ оклеенъ бархатомъ «ценінным, в средине оклеенъ атласомъ зеленымъ. Оправа серебряная «гладкая бѣлая. В ковчеге на крестѣ подушечка атласная зеленая сте«гана на бумаге. На ковчеге сукно красное багрецовое [1])»—«ЗСЗ года

7. Кипарисный крестъ съ эмалью 1681 г. въ ризницѣ Екатеринославскаго архіерейскаго дома.

[1]) Опись дворцовой церкви Успенія Пресвятыя Богородицы за 1703 годъ. Объ этомъ крестѣ упоминается и въ послѣдующихъ описяхъ этой церкви за 1706 и 1723 г.г.

«повеленіем благородные царевны Татьяны Михайловны»—«1740 года «Генваря 23 дня оно крестъ с мощми и ковчегомъ по опредѣленію ма«стерской оружейной палаты отданъ изъ воскресенской церкви священникомъ с роспискою».

2. *Большой (8×12 верш.) кипарисный рѣзной крестъ*, обложенный съ боковыхъ и задней (кромѣ надписи, находящейся въ нижней части креста) сторонъ чеканнымъ, сребропозлащеннымъ окладомъ съ украшеніями изъ цвѣтной эмали (Рис. 7 и 8). Святыню креста составляютъ частицы животворящаго древа креста Господня и ризы Господней, вложенныя въ средину косого перекрестья. Съ лицевой стороны креста, вверху на чеканномъ окладѣ образъ изъ цвѣтной эмали св. Троицы, явившейся въ лицѣ 3 ангеловъ праотцу Аврааму у мамврійскаго дуба, а въ боковыхъ концахъ главнаго перекрестья, тоже изъ цвѣтной эмали, поясные лики: налѣво муч. Θеодора и направо муч. Агаθіи; характерно при этомъ, что и въ рукахъ сихъ святыхъ кресты также семиконечные. Самый крестъ поражаетъ тонкою искусною рѣзьбой: на немъ на протяженіи 9—10 вершковъ въ вышину и 5—6 вершковъ въ ширину размѣщены 20 священныхъ изображеній, изъ которыхъ многія, будучи многоличными по композиціи рисунка, несмотря на то, что занимаютъ всего лишь $^1/_2 \times {}^3/_4$ верш., имѣютъ еще соотвѣтственныя надписи, составленныя тоже изъ отдѣльныхъ деревянныхъ буквъ. Порядокъ размѣщенія изображеній такой: въ срединѣ главнаго перекрестья: 1) распятіе Христово, надъ нимъ 2) входъ Господень въ Іерусалимъ, выше 3) тайная вечеря съ изображеніемъ по сторонамъ ея двухъ фигуръ въ ростъ, но какихъ именно святыхъ, трудно разобрать. По главному перекрестью: въ лѣвой сторонѣ: 4) Рождество Христово, 5) Срѣтеніе Господне, (а мо-


8. Кипарисный крестъ съ эмалью 1681 г. въ ризницѣ Екатеринославскаго архіерейскаго дома.

жетъ быть и введеніе во храмъ пресв. Богородицы—надпись закрыта чеканнымъ окладомъ); 6) поясной ликъ ап. Петра, это изображеніе носитъ характеръ совершенно случайнаго—ни по работѣ, ни по композиціи оно не имѣетъ ничего общаго съ другими и, вѣроятно, вставлено впослѣдствіи вмѣсто какого нибудь другого обломавшагося; 7) I. Хр. на судѣ у первосвященниka Каіафы. Въ правой сторонѣ перекрестья: 8) I. Хр. на судѣ у Пилата—Игемона; 9) біеніе воинами Спасителя по главѣ; 10) сошествіе Спасителя во адъ и 11) вѣроятно (надпись плохо видна) Ѳомино увѣреніе. На самомъ крестѣ, подъ распятіемъ: 12) бичеваніе Спасителя, ниже 13) несеніе креста; 14) снятіе со креста пречистаго тѣла Господня, 15) Рождество Пресв. Богородицы; 16) Благовѣщеніе Пресв. Богороидцы, 17) Крещеніе Господне, 18) Вознесеніе Господне, 19) Сошествіе св. Духа на апостоловъ и внизу 20) Преображеніе Господне. На исподней сторонѣ креста въ его нижней части, незакрытой окладомъ, вырѣзана надпись изъ отдѣльныхъ рельефныхъ буквъ: «великій Государь Царь и велики князь Ѳеодоръ Алексѣевичь всея великия «и малыя и бѣлыя росіи самодеръжецъ в сеи крест положилъ часть «честныя ризы Спасовы и часть честнаго и животворящаго древа на «немже распятъ плотию Христосъ Богъ нашъ и данъ сей честный крестъ «во украшеніе церкови... (нѣсколько буквъ отломились)..ое преподобно-«мученице Евдокіи что у него великаго Государя на сѣнехъ ЗРѲ [1])». Рукоять креста въ 3 вершка длиною, обита гладкимъ серебромъ.

3. *Кипарисный рѣзной крестъ*, оправленный въ серебро, ажурной греческой работы. Ширина креста $1\frac{1}{2}$, вышина 2, а съ пьедесталомъ $4\frac{3}{4}$ вершка. На крестѣ вырѣзаны изображенія: посрединѣ—распятія Христова со многими предстоящими, въ боковыхъ концахъ по поясному лику св. евангелистовъ, наверху Преображенія Господня, а внизу Сошествія Спасителя во адъ. Съ обратной стороны верхнее и нижнее изображенія, какъ закрытыя слюдой, почти не видны, по срединѣ Крещеніе Господне, а въ боковыхъ концахъ, повидимому, опять лики св. евангелистовъ. Вмѣсто сіянія 4 головы херувимовъ, наверху надъ крестомъ серебряный голубь; на голубѣ и на боковыхъ концахъ креста посажено по красному камешку, а на самомъ крестѣ въ разныхъ мѣстахъ жемчужины. Пьедесталъ изъ серебра ажурной работы; вѣсъ креста 38 золотниковъ, по описи значится подъ № 14-ымъ [2]).

---

[1]) Хотя здѣсь пропущена цифра, означающая число десятковъ, но она не можетъ быть иною кромѣ *8*, такъ какъ въ противномъ случаѣ годъ устроенія креста упадетъ на царствованіе другаго Государя, а слѣдовательно крестъ сооруженъ въ 7189 (1681) году.

[2]) Опись различнаго имущества, принадлежащаго Екатеринославскому архіерейскому дому, составленная повѣрочною коммиссіей 1889 года.

4. ***Кипарисный рѣзной крестъ***, оправленный въ серебро, на чеканномъ подножіи. На лицевой сторонѣ вырѣзаны: посрединѣ—распятіе Христово, налѣво и направо поясные лики св. евангелистовъ съ символами, наверху воскресшій Спаситель; подъ распятіемъ—явленіе ангела женамъ мѵроносицамъ и внизу, святыя великомученицы Варвара и Екатерина. Съ обратной стороны въ срединѣ Крещеніе Господне, налѣво и направо—лики св. евангелистовъ, наверху Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, ниже Крещенія Господня—три святителя и внизу преподобные Антоній и Ѳеодосій печер. чуд. Отъ креста расходятся серебряные лучи. Подножіе чеканное, по виду низкопробнаго серебра, мѣстами вызолочено.

5. *Кипарисный рѣзной крестъ*, оправленный въ позлащенное серебро, на чеканномъ подножіи (Рис. 9). На лицевой сторонѣ вырѣзаны: по срединѣ распятіе Христово, налѣво изображеніе Божіей Матери, направо св. Іоанна Богослова, наверху Бога Отца, подъ распятіемъ св. Маріи Магдалины, внизу свят. Димитрія митрополита Ростовскаго чуд. На обратной сторонѣ посрединѣ изображеніе Богоматери, налѣво св. Марка, направо св. Луки, наверху Бога Саваоѳа и внизу ап. Андрея первозваннаго, подножіе по виду низкопробнаго серебра съ вычеканенными изображеніями: 1) молитва Спасителя въ гефсиманскомъ саду 2) несеніе креста и 3) Спасителя въ темницѣ; между ними три херувима, а въ остальныхъ мѣстахъ чеканные узоры.

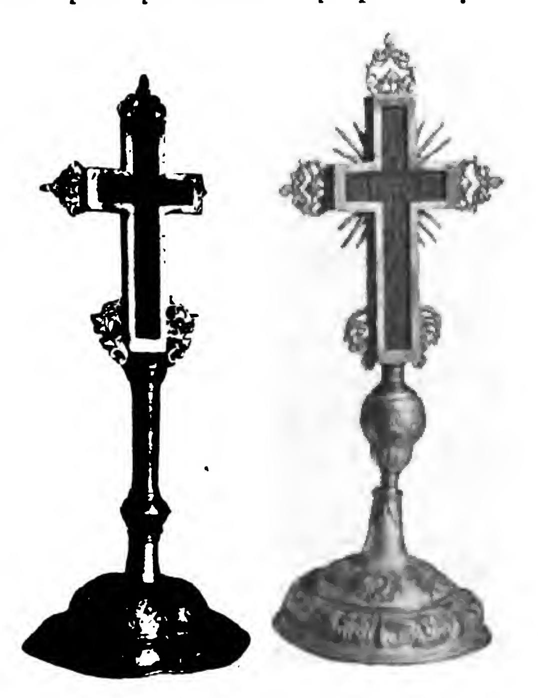


Рис. 9 и 10 Кипарисные рѣзные кресты въ ризницѣ Екатеринославскаго архіерейскаго дома.

6. ***Кипарисный рѣзной крестъ***, оправленный въ позлащенное серебро на чеканномъ подножіи (Рис. 10). На лицевой сторонѣ вырѣзаны: посрединѣ—Распятіе Христово, налѣво св. Матѳей, направо св. Маркъ, наверху Господь Саваоѳъ, подъ распятіемъ св. Николай чуд., а внизу в. м. Варвара. На обратной сторонѣ: въ срединѣ—Божія Матерь, налѣво св. Лука, направо св. Іоаннъ Богословъ, наверху Спаситель съ хоругвью, ниже Божіей Матери изображеніе святителя (наименованіе трудно разобрать), а внизу в. м. Екатерина. Подножіе, по виду низкопроб-

наго серебра съ вычеканеными тремя херувимами и чеканными узорами. Ширина креста 2, высота 4, а общая вышина съ подножіемъ $10^3/_4$ вершковъ.

III. Евангелія.

1. *Евангеліе* Московской печати въ листъ, напечатанное въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны въ 1735 году індікта 14 мѣсяца ноемврія. Окладъ евангелія сребропозлащенный съ чеканными узорами (Рис. 11). На верхней доскѣ живописные на финифти образа; по срединѣ—Воскресенія Христова, а кругомъ евангельскихъ событій, воспоминаемыхъ въ ближайшія недѣли къ пасхальной седмицѣ—наверху Ѳомино увѣреніе, [1]) внизу явленіе Ангела женамъ мироносицамъ, налѣво исцѣленіе разслабленнаго у овчей купели и направо бесѣда Спасителя съ

11 и 12. Окладъ Евангелія 1735 г. и 1771 г. въ ризницѣ Екатеринославскаго архіерейскаго дома.

женою Самарянкой у кладезя; въ углахъ лики св. евангелистовъ съ символами. Всѣ девять изображеній овальныя. Вверху и внизу средняго овала по чеканному херувиму, а надъ верхнимъ оваломъ чеканное изображеніе Господа Саваоѳа съ двумя по сторонамъ Его херувимами. Исподняя доска съ 4 большими гладкими пуклями и чеканными узорами; на ней на шести финифтахъ образа: по срединѣ—Вознесенія Господня, налѣво Григорія Богослова, направо Василія вел., наверху Іоанна Златоуста, а еще выше муч. Ѳеодорита. Подъ Вознесеніемъ Господнимъ образъ св. Іакова брата Божія, а еще ниже по синей финифти подписано золотомъ: «АѰОЅ (т. е. 1776) года мѣсяца февр. сіе евангеліе сдѣлано

---

[1]) Повидимому это изображеніе появилось въ послѣдствіи и замѣнило или тожественное ему, или же какое либо другое, бывшее на его мѣстѣ.

«Кіево межигорскій ставропигіальный монастырь коштомъ намѣстника «Іеромонаха Өеодорита Рудика». На краяхъ оклада, обращенныхъ внутрь евангелія, вырѣзано: «вѣсу фунтовъ 7 и лотовъ 26.—1776 года мѣ-«сяца августа 9 дня. Червонцевъ 19».—Корешокъ евангелія съ чеканными узорами, а на застежкахъ чеканныя въ ростъ изображенія св. м. Өеодорита и Өеодора Стратилата. Вышина оклада 11½ ширина 8 вершковъ.

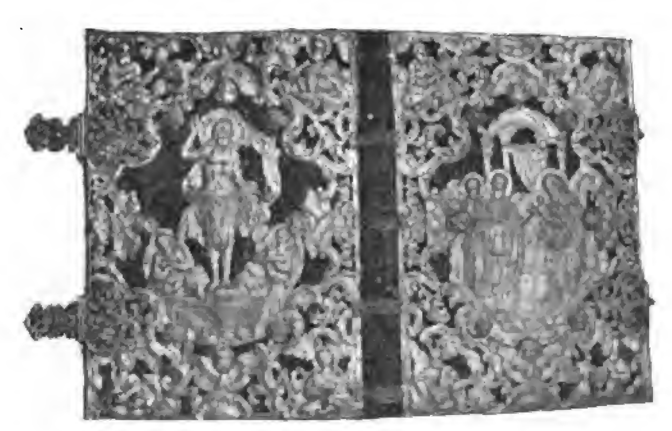
По листамъ евангелія двѣ записи: первая изъ нихъ, повидимому, рукою самого вкладчика—„1771 года мѣсяца іюня 5 числа..... іоанъ „Корнѣенко товарищъ 3 куреня Переясловского сию книгу глаголемую „евангелие въ тетрадѣ безъ окладу падалъ на вѣчное...... до монастыря „Спасо Преображенского межигорскаго кіевскаго при атаманѣ нашего „куреня Кирила Прокоповича ради..... себе і родителеи своихъ". Вторая запись печатными буквами писана киноварью: „АѱОS „(т. е. 1776) года мѣсяца февру-„арія И (т. е. 8) дня сію книгу „евангеліе въ прописанный выше „по листамъ ставропигіальный Кіе-„вомежигорскій монастырь оправилъ з собственнаго своего кошту „окладомъ сребряннымъ фінифтяними штучками и позолоткою „тогожъ монастыря намѣстникъ „іеромонахъ Өеодоритъ". По описи это евангеліе значится подъ № 3.

2. *Евангеліе* Московской печати, напечатанное въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны въ 1741 г. (Рис. 13). Верхняя доска обита тонкимъ сребропозлащеннымъ окладомъ съ вырѣзанными по нему травами. Средникъ и угольники чеканные, но надписи надъ ними вырѣзаны на небольшихъ пластиночкахъ. Въ средникѣ распятіе Христово съ стоящими по сторонамъ креста Божіею Матерью, Маріею Клеоповой, св. Іоанномъ Богословомъ и Логиномъ сотникомъ; внизу Адамова глава, а сверху къ кресту приникаютъ 2 ангела. Въ угольникахъ изображены св. евангелисты, св. Іоаннъ Богословъ со своимъ ученикомъ Прохоромъ. По сторонамъ средника, вдѣланные въ гнѣзда два большихъ голубыхъ и

13. Окладъ Евангелія 1741 г. въ ризницѣ Екатеринославскаго архіерейскаго дома.

два красныхъ камня, между же ними по 2 жемчужины; кромѣ того въ четырехъ мѣстахъ укрѣплены по одному рѣпью съ девятью въ каждомъ рѣпьѣ камешками золотистаго цвѣта. Корешокъ и исподняя доска евангелія обиты малиновымъ бархатомъ, защепки золоченыя. Высота евангелія 7½, ширина 5 вершковъ. По описи евангеліе значится подъ № 4-мъ.

3. *Евангеліе* (8×11 верш.), напечатанное въ Москвѣ въ 1771 году. (Рис. 12). Обѣ доски и корешокъ обиты фіолетовымъ бархатомъ. На верхней доскѣ средникъ и угольники чеканные, сребропозлащенные; въ средникѣ распятіе Христово съ стоящими у креста Богоматерью и св. Іоанномъ Бог., а въ угольникахъ св. евангелисты, по краямъ же чеканный узоръ. На исподней доскѣ въ средникѣ вычеканенъ образъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, надъ нимъ треугольникъ съ надписаніемъ „Θeos“, по сторонамъ 4 пукли, а по краямъ узкій чеканный узоръ. По листамъ евангелія слѣдующая запись: „1776 года мѣсяца мая 9 числа сие евангеліе дано въ преображенскій Сокольскій монастырь[1]) товарищемъ куреня ведмѣдевскаго емельяномъ іосафовичемъ . . . . а цѣна ему „сто пядесятъ пять „рублей“. По описи значится подъ № 12.



13а. Окладъ Евангелія 1740 г. въ ризницѣ Екатеринославскаго архіерейскаго дома.

4. *Евангеліе* (6×8 верш.) на греческомъ языкѣ, напечатанное въ 1740 г. Обѣ доски и корешокъ обиты малиновымъ бархатомъ. (Рис. 13а). Доски евангелія украшены серебрянымъ окладомъ, наложеннымъ на бархатъ прорѣзкою въ видѣ отдѣльныхъ чеканныхъ травъ и херувимовъ. Кромѣ того на верхней доскѣ вычеканены: по срединѣ срѣтеніе Господне (каждая фигура отдѣльно), а въ углахъ—въ лѣвомъ верхнемъ—царь Давидъ съ арфой, нижнемъ—пророкъ Моисей со скрижалями, правомъ верхнемъ царь Соломонъ со скипетромъ, нижнемъ—первосвященникъ Ааронъ съ прозябшимъ жезломъ. На исподней доскѣ вычеканены: посрединѣ—воскресшій Спаситель съ двумя по сторонамъ Его

---

[1]) Сокольскій Преображенскій монастырь, нынѣ мѣстечко Соколка Полтавской губерніи.

ангелами, а въ углахъ св. евангелисты съ символами. По описи евангеліе значится подъ № 8-мъ.

IV. Потиры.

1. *Потиръ* серебряный, снаружи и внутри позлащенный. (Рис. 14). Въ верхней его части (тайная вечеря, моленіе о чашѣ и бичеваніе І. Хр.) и внизу, на подножіи по три овальныхъ на финифти изображенія, при чемъ всѣ шесть обведены мелкими гранатами; между же финифтами по чеканному ангелу и чеканные узоры. На подножіи шесть крупныхъ разноцвѣтныхъ камней, а на пуклѣ рукояти три серебряныхъ репья съ 7 въ каждомъ репьѣ камушками. Діаметръ чаши $2^1/_2$, діаметръ подножія $4^1/_2$, а высота потира 7 вершковъ; вѣсъ его 2 фун. 52 зол. По описи потиръ значится подъ № 1-мъ.

14 и 15. Потиръ 1776 г. въ ризницѣ Екатеринославскаго архіерейскаго дома.

2. *Потиръ* серебряный, вызолоченный съ серебряною вверху сѣткой. (Рис. 15.). По верхнему краю вырѣзаны слова: „тѣло Христово пріимите, источника безсмертнаго вкусите", ниже въ четырехъ большихъ овалахъ изображены, подъ чернь, Спаситель, Божія Матерь, св. Іоаннъ Предтеча и орудія крестныхъ страданій—крестъ, копье и губа на трости. На подножіи въ 6 овалахъ, тоже подъ чернь, изображены крестныя Христовы страданія, а между овалами различные чеканные узоры. Діаметръ чаши $2^3/_4$, діаметръ подножія $4^1/_4$, высота потира $6^3/_4$ вершковъ; вѣсъ его 2 фун. 58 зол. Внутри подножія вырѣзана слѣдующая надпись: „1776 года мѣсяца августа 7 дня стараніемъ іеромонаха Доримедонта, „а коштомъ козака Прокопа Топстика и родителей его григори и евдокии „со чады цѣною 134 рублей,'.—По описи потиръ значится подъ № 2-мъ.

3. *Потиръ* изъ кокосоваго орѣха, внутри сребропозлащенный, съ отдѣльною къ нему кокосовою крышкой. На чашѣ вырѣзаны по кокосу: въ одномъ овалѣ—Тайная Вечеря, въ другомъ—съ противоположной стороны распятіе Христово съ стоящими у креста Божіею Матерью и св. Іоанномъ Бог., верхній край чаши оправленъ въ серебро и состоитъ изъ

узкаго. гладкаго серебрянаго ободка. Рукоять и подножіе чеканныя, отъ нижней части рукояти отходятъ чеканныя листья. Крышечка оправлена по краямъ, въ серебро, а сверху къ ней придѣланъ сребропозлащенный цвѣточекъ. Діаметръ чаши 2, діаметръ подножія $2^{1}/_{4}$, высота потира $4^{1}/_{2}$ вершка, а его вѣсъ (вмѣстѣ съ орѣхомъ) 1 фун. 20 зол. По описи потиръ значится подъ № 4-мъ.

V. Дарохранительница.

1. *Дарохранительница*, по виду низкопробнаго серебра, на четырехъ мѣдныхъ ножкахъ. (Рис. 16). Она состоитъ изъ двухъ ярусовъ, верхній ярусъ увѣнчанъ куполомъ, надъ которымъ на стержнѣ, въ овалѣ изъ лучей, рельефное изображеніе воскресшаго Спасителя съ хоругвью въ лѣвой рукѣ, на куполѣ четыре серафима. Дарохранительница украшена въ разныхъ мѣстахъ херувимами и чеканными узорами и окружена нѣсколькими отдѣльными фигурками. Такъ, внизу по сторонамъ дарохранительницы два воина, стрегущихъ гробъ Господень, въ углахъ надъ ножками—четыре чеканныхъ головы херувимовъ; надъ первымъ и вторымъ ярусами, по угламъ—чеканные (въ ростъ) ангелы съ орудіями Христовыхъ страданій, а по сторонамъ верхней части купола еще два, на облакахъ, колѣнопреклоненныхъ ангела. Длина дарохранительницы $6^{1}/_{2}$, ширина $5^{1}/_{2}$ вершковъ, а высота 1 арш. 1 верш.; вѣсъ, включая и мѣдь, 19 фунтовъ. По описи значится подъ № 2-мъ.

16. Дарохранительница въ ризницѣ Екатеринославскаго архіерейскаго дома.

VI Сосудъ для освященія хлѣбовъ.

1. *Сосудъ* [1]) „серебряный, мѣстами позлащенный, съ 4 ножками; „на немъ устроено на столбѣ одно блюдце для хлѣбовъ, а другое для „пшеницы, а по сторонамъ двѣ складныя чашицы для вина и елея ут„верженныя въ рѣшеткахъ на вѣтвяхъ въ видѣ винограда. На исподѣ „подписано: „сей всенощникъ сдѣланъ въ Новороссійскую Архіерейскую „ризницу при Высокопреосвященнѣйшемъ митрополитѣ Гавріилѣ 1799 г.". „Вѣсу въ немъ 5 фун. и 89 зол." [2]).

[1]) Этого сосуда я не видѣлъ и его описаніе заимствую изъ описи ризничнаго имущества, составленной повѣрочною коммиссіей въ 1889 году.

[2]) По описи значится подъ № 1-мъ.

VII. Сосудъ для священной воды.

1. *Серебряный котелокъ*, съ дужкой для освященной воды, верхній его край и узоры на боковыхъ стѣнкахъ вызолочены. Діаметръ котелка 4, высота 3, а съ дужкой 6½ вершковъ; вѣсъ 2 фун. 7 зол. На наружной сторонѣ дна вырѣзана надпись: „сеи котель для освященія въ немъ „воды сдѣланъ въ Новороссійскую архіерейскую ризницу при преосвя-„щенномъ гавріилѣ митрополитѣ Новороссійскомъ и днѣпровскомъ АѰЧѲ „(т. е. 1799) года". По описи значится подъ № 1-мъ.

VIII. Блюда и рукомойники.

1. *Овальное блюдо*, повидимому низкопробнаго серебра. (Рис. 18). На днѣ посрединѣ вычеканенъ позлащенный крестъ, а по краямъ блюда чеканный золоченный узоръ. Размѣръ блюда 6¾ × 9 в., а вѣсъ 2 фун. 8 зол. На исподней сторонѣ, подъ крестомъ, вырѣзана надпись: „сія анафорница сдѣлана въ Новороссійскую архіерейскую ризницу при преосвященномъ гавріилѣ митрополитѣ Новороссійскомъ и днѣпровскомъ АѰЧѲ (т. е. 1799) года". По описи значится подъ № 1-мъ.

17 и 18. Рукомойникъ и блюдо 1799 г. въ ризницѣ Екатеринославскаго архіерейскаго дома.

2. *Серебряное овальное блюдо*, мѣстами позлащенное. Поля чеканныя со звѣздочками и фигурками, а въ срединѣ выпуклый кругъ, вычеканенный травчатыми фигурами; вѣсъ блюда 3 фун. 79 зол.—Къ блюду *рукомойникъ* съ откидною крышкой. (Рис. 17). Рукомойникъ мѣстами украшенъ позолотою, а крышка сплошь вызолочена и на ней 12 красныхъ, 4 желтыхъ и вокругъ послѣднихъ фіолетовыя камешки. Высота рукомойника 5¼, а съ крышкою 7½ вершковъ. По описи блюдо и рукомойникъ значатся подъ № 5-мъ. На исподней сторонѣ блюда вырѣзана „надпись: „сія лахань съ рукомойникомъ сдѣлана въ Новороссійскую „архіерейскую ризницу при преосвящен. Гавріилѣ и проч. 1799 г. [1])",

[1]) Опись ризничнаго имущества 1889 года.

3. *Овальное сребропозлащенное блюдо* для омовенія рукъ при архіерейскомъ служеніи. По срединѣ блюда среди облаковъ вычеканенъ парящій орелъ, а на поляхъ блюда, въ четырехъ клеймахъ, реликвіи архіерейскаго сана: жезлъ, рипиды, дикирій и др.; между же клеймами вырѣзана надпись: ,,устроися блюдо сіе въ Екатеринославскую Крестовую Пре- ,,ображенія Господня церковь при преосвященномъ Гавріилѣ Епископѣ ,,Екатеринославскомъ Херсонскомъ и Таврическомъ и Кавалерѣ лѣта ,,1830 года іюля 8 дня". Вѣсъ блюда 8 фун., по описи значится подъ № 4-мъ.

IX. Архіерейскія облаченія.

а) Саккосы.

1. *Саккосъ* алтабасный по золотой толстой ткани съ возвышенными изъ сученаго золота и серебра цвѣтами. Вокругъ рукавовъ, подольника и по оплечью обложенъ толстымъ серебрянымъ широкимъ двустороннимъ кружевомъ, а по краямъ рукавовъ, боковъ и подольника такимъ же одностороннимъ кружевомъ меньшей ширины; изъ такого же кружева пошитъ и крестъ на спинѣ. Воротникъ обшитъ серебрянымъ газомъ; пуговицъ прорѣзныхъ 14, а звонцовъ 4, подкладка бѣлаго коленкору. Вѣсъ саккоса 28 фунтовъ; длина отъ ворота до нижняго края подольника 1 арш. 13 верш., отъ ворота до конца рукавовъ 14 верш. По описи значится подъ № 1-мъ.

2. *Саккосъ* по темно-синему бархату, шитый въ крестахъ золотомъ, на оплечьи кресты заключены въ золотые круги и болѣе тонки. На спинѣ въ небольшомъ овалѣ вытканъ золотомъ крестъ и на немъ на холстѣ живописное изображеніе распятаго Спасителя, по сторонамъ креста шитые золотомъ копье и губа на трости. На передней сторонѣ саккоса монограмма изъ трехъ буквъ ЕАК, увѣнчанная коронкой. Подольникъ и концы рукавовъ синяго бархата, по которому весьма крупными буквами вышито на подольникѣ: ,,архіереи твои Господи облекутся въ правду" ,,и преподобніи твои радостію возрадуются", на рукавахъ—на правомъ ,,да возрадуется душа моя о Господѣ", на лѣвомъ ,,облече бо мя въ ризу спасенія". При саккосѣ 8 сребропозлащенныхъ пуговицъ и такихъ же 4 звонца; саккосъ подложенъ желтымъ полуатласомъ.

Великій омофоръ [1]) шитъ по синему бархату въ крестахъ золотомъ. На омофорѣ въ разныхъ мѣстахъ четыре серафима, коихъ лица писаны на холстѣ, а крылья затканы золотомъ; на той части омофора,

[1]) При омофорѣ 9 серебряныхъ пуговицъ, по описи значится подъ № 11-мъ.

которая приходится надъ спиною въ овалѣ шитое золотомъ, серебромъ и шелками (ликъ Спасителя написанъ на холстѣ) изображеніе Господа Вседержителя на тронѣ, десницею благословляющаго, а на лѣвой рукѣ держащаго евангеліе; при концахъ омофора вышеупомянутая монограмма Е. А. К.

Палица [1]) шита по синему бархату въ крестахъ золотомъ, на ней серафимъ, лицо котораго писано на холстѣ а крылья тканы золотомъ. Есть и другая палица [2]) съ монограммой Е. А. К., но она чернаго бархата съ серебрянымъ близь краевъ шитьемъ, серебряными бахрамою и тремя кистями; по срединѣ палицы херувимъ, ликъ котораго писанъ на холстѣ, а крылья вытканы золотомъ.

По описи вышеозначенный саккосъ значится подъ № 10-мъ.

3. *Саккосъ* чернаго бархата, обложенъ на плечахъ, подольникѣ, рукавахъ и съ боковъ золотою съ шелковыми цвѣтами лентою. Судя по отмѣткѣ на поляхъ описи, онъ сдѣланъ, въ 1866 году, на штатную сумму. По описи значится подъ № 15-мъ.

б) Митры [3]).

1. *Митра* малиноваго бархата, извѣстная подъ названіемъ патріаршей или митрополичьей шапки, увѣнчана золотымъ съ алмазами крестикомъ. Отъ верха митры расходятся книзу крестообразно четыре полосы широкаго золотаго позумента, между которыми въ овалахъ изображены св. евангелисты съ символами, а надъ овалами серафимы, одежда евангелистовъ, вѣнчики вокругъ главъ и символы, а также крылья у серафимовъ низаны мелкимъ жемчугомъ; лики же серафимовъ и евангелистовъ вышиты шелкомъ, самая митра въ нѣкоторыхъ мѣстахъ украшена жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, а внизу вокругъ ея размѣщены 24 прорѣзныя серебряныя коронки. Діаметръ митры $4^1/_2$, вышина 4 вершка; по описи значится подъ № 7-мъ.

2. *Митра* малиноваго бархата. (Рис. 19). На верху ея чеканное изображеніе св. Троицы, отъ котораго идутъ внизъ четыре полосы широкаго позумента, мѣстами украшенныя драгоцѣнными камнями и китай-

---

1) По описи подъ № 8-мъ.

2) По описи подъ № 14-мъ.

3) Современныя митры не отличаются цѣнностью, ибо украшенія, бывшія на митрахъ, записанныхъ въ описи подъ №№ 1—3, сняты, остались только обнаженныя кожаныя формы или модели, да по нѣсколько десятковъ китайскихъ зеренъ, оцѣненныхъ ювелиромъ Шаевичемъ по 1 копѣйкѣ за каждое зерно. Митры же за №№ 4—15 оцѣнены всего лишь въ 144 рубля. Снятые съ митръ драгоцѣнные камни, хранящіеся въ ризницѣ отдѣльно подъ названіемъ матеріаловъ, раздѣлены на 60 номеровъ и оцѣнены въ 1,147 руб. 53 коп. (актъ повѣрочной коммиссіи отъ 13 августа 1892 года за № 4694-мъ).

скими зернами; при концахъ сихъ полосъ чеканныя, въ кругахъ, изображенія: съ передней стороны—Спасителя, а съ трехъ остальныхъ—херувимовъ. Между сими полосами вверху по чеканному изображенію серафима, а ниже три звѣздочки (одна больше, двѣ другихъ меньшаго размѣра) изъ разноцвѣтнымъ камней и буза. Внизу митра обложена широкимъ позументомъ съ разноцвѣтными камнями и обведена по верхнему краю позумента китайскими зернами, а по нижнему кудрявою опушкой изъ сканнаго съ шелкомъ золотого снурка. Діаметръ митры и высота по 5 вершковъ. По описи значится подъ № 6-мъ.

3. *Митра* темно-зеленаго бархата, называемая архимандричьею. (Рис. 20). На ней наверху сребропозлащенная дробница съ рѣзнымъ изображеніемъ знаменія пресвятыя Богородицы. Отъ сей дробницы идутъ внизъ до половины митры четыре полосы, унизанныя по краямъ бузомъ, а въ срединѣ украшенныя звѣздочками изъ разноцвѣтныхъ восточ-

19 и 20. Двѣ митры въ ризницѣ Екатеринославскаго архіерейскаго дома.

ныхъ хрусталей, между коими есть и китайскія зерна. Внизу сихъ полосъ положено по одной сребропозлащенной дробницѣ съ вырѣзанными на нихъ изображеніями: съ передней стороны—Спасителя, съ правой—Божіей Матери, съ лѣвой—св. Іоанна Предтечи и сзади—святителя Николая. Дробницы сіи обведены вверхъ цвѣтами изъ буза и разноцвѣтныхъ восточныхъ хрусталей, изъ коихъ во многихъ мѣстахъ подѣланы звѣздочки. Между полосами положены небольшія серебряныя, круглыя дробницы съ вырѣзанными изображеніями серафимовъ, унизанныя на подобіе сіянія бузомъ съ примѣсью китайскихъ зеренъ. По сей митрѣ во многихъ мѣстахъ мелкіе хрустали и бузъ осыпались и вообще все шитье за истлѣніемъ нитокъ отъ давности ослабло. Внизу митра сія обложена вокругъ узкимъ золотымъ позументомъ, сверхъ коего кудрявая опушка изъ сканнаго съ шелкомъ золотого снурка. Подкладка изъ золо-

того штофа. Діаметръ митры вверху—6 вершковъ, высота $5^1/_2$ вершковъ. По описи значится подъ № 9-мъ.

4. *Митра* малиноваго бархата, украшена шитьемъ съ подложенною мѣстами цвѣтною фольгой и вставленными простыми камнями. На ней съ передней стороны овальный на финифти образъ Спасителя; съ трехъ остальныхъ сторонъ подъ круглыми стеклышками какія то поясныя изображенія, а въ верхней части на четырехъ финифтовыхъ овалахъ поясные лики св. евангелистовъ съ символами. Наверху, на митрѣ золотой крестикъ съ вырѣзаннымъ вверху сіяніемъ, а въ боковыхъ концахъ: налѣво—«ІИС», направо—«ХС».

5. *Митра*, шитая по малиновому бархату въ разводахъ и цвѣтахъ золотомъ на картонѣ съ 5 финифтовыми образами: Спасителя, Божіей Матери, Іоанна Предтечи и арх. Гавріила, а наверху—св. Троицы, явившейся праотцу Аврааму у мамврійскаго дуба. Внизу митра опушена сканнымъ съ шелкомъ золотымъ снуркомъ; подкладка розовой тафты. Діаметръ митры 5, высота $5^1/_2$ вершковъ. Едва-ли не про эту митру сказано въ описи, что она изготовлена въ Кіево—флоровскомъ женскомъ монастырѣ.

6. *Митра*, шитая золотомъ по золотой парчѣ и мѣстами украшенная драгоцѣнными камнями. На ней четыре овальныхъ на перламутрѣ образка Спасителя, Божіей Матери, св. Іоанна Предтечи и препод. Сергія радонеж. чуд., расположенныхъ внизу. Наверху митры крестикъ изъ драгоцѣнныхъ камней.

X. Наперсные кресты и панагіи.

Наиболѣе цѣнные наперсные кресты и панагіи [1]) хранятся въ губернскомъ казначействѣ и видѣть ихъ мнѣ не удалось. По акту же повѣрочной коммиссіи 1892 года за № 4694 мѣстнымъ ювелиромъ Маевичемъ оцѣнены: панагіи № 1 въ 5000 руб., №№ 2—3 по 3000 руб. и №№ 4—5 по 1500 руб., а всѣ четырнадцать панагій въ 17105 руб. Наперсные кресты: № 1 въ 3000 руб., №№ 2 и 3 по 1500 руб., а всѣ 16 наперсныхъ крестовъ въ 7765 руб.

XI. Посохи.

1. *Посохъ* серебряный осьмигранный складной, съ четырьмя золоченными пуклями. Длина колѣнъ 5 вершковъ, а общая длина 2 арш. 7 верш.; вѣсъ 6 фун. 80 зол. Посохъ въ двухъ мѣстахъ развинчивается.

[1]) Наперсные кресты и панагіи подробно описаны Г. Титовымъ въ его письмахъ изъ Екатеринослава.

Наверху посоха среди двухъ змѣевидныхъ головъ сребропозлащенная корона, увѣнчанная крестикомъ. По описи значится подъ № 1-мъ.

2. *Посохъ* деревянный, осьмигранный складной, покрытъ мелкими черепаховыми и перламутровыми пластинками, прибитыми сребропозлащенными гвоздиками. На посохѣ четыре серебряныя прорѣзныя пукли. Верхушка посоха съ двумя змѣевидными головками изъ слоновой кости покрыта серебромъ съ позолотою турецкой работы, прибитымъ серебряными гвоздиками; наверху серебряный крестикъ. Длина звеньевъ 5 верш., а всего посоха 2 арш. $2^1/_2$ верш. По описи значится подъ № 3-мъ.

XII. Священническія облаченія.

1. *Фелонь* (Рис. 21) цвѣтной шелковой матеріи, обложена по оплечью и подольнику золотымъ позументомъ. Оплечье кофейнаго цвѣта съ разводами и священными изображеніями, шитыми золотомъ и серебромъ: съ передней стороны иконы Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и Воскресенія Христова, а сзади Преображенія Господня съ вышитыми надписаніями «IС» «ХС» «Ѳаворъ» «гора»; лики на всѣхъ иконахъ писаны на холстѣ. Длина ризы отъ ворота до нижняго края подольника 1 арш. 12 верш.

21 и 22. Фелонь и эпитрахиль въ ризницѣ Екатеринославскаго архіерейскаго дома.

Эпитрахиль, (Рис. 22) можетъ быть и отъ другой ризы, двубортный съ шелковыми мелкими цвѣтами по серебряной парчѣ обшитъ, по краямъ, широкимъ позументомъ.

XIII. Кресло.

Остается упомянуть еще о деревянномъ креслѣ. На его спинкѣ, въ верхней части среди золоченой рѣзьбы помѣщена писанная на деревѣ икона Преображенія Господня. Ширина кресла 14 верш., вышина—2 арш. 4 верш. На креслѣ подушка малиноваго бархата, обшитая широкимъ золотымъ позументомъ. Откуда поступило это кресло, мнѣ неудалось узнать [1]).

[1]) Очень сожалѣю, что мнѣ не удалось видѣть старой описи ризничнаго имущества 1854 года, которая можетъ быть помогла бы разобраться во многомъ.

Въ заключеніе описанія ризницы упомяну, что, при ея обозрѣніи я видѣлъ въ особомъ отдѣленіи значительное число книгъ на полкахъ. Съ ними мнѣ не удалось ознакомиться, хотя можетъ быть тамъ есть весьма интересныя и даже рукописныя.

Иконы Одигитріевской церкви Екатеринославскаго архіерейскаго дома.

1. *Храмовая икона Божіей Матери „Одигитріи"--Смоленской.* Икона въ серебряной ризѣ съ двумя сребропозлащенными вѣнцами надъ главами Божіей Матери и Богомладенца, выше изображеніе пресвятаго Духа въ видѣ серебрянаго голубя съ сребропозлащеннымъ сіяніемъ. Риза на иконѣ 84 пробы, вѣсомъ въ 11 фун. 39 зол. и стоимостью въ 386 руб. пожертвована въ 1851 году екатеринославскимъ купцомъ Андреемъ Пчелкинымъ. По описи эта икона значится подъ № 10-мъ.

2. *Копія Самарской иконы Божіей Матери*[1]) помѣщена въ особомъ кіотѣ у лѣваго клироса. По изображенію икона болѣе всего сходна съ Ахтырскою, но здѣсь руки Богоматери сложены на груди крестообразно, а сквозь крестное древо проходитъ мечъ, направляющійся въ сердце Божіей Матери. Риза на иконѣ сребропозлащенная съ вычеканенными въ верхнихъ углахъ, на облакахъ, солнцемъ и луной, налѣво отъ Богоматери столбомъ, обмотаннымъ вервіемъ, съ пѣтухомъ наверху, а направо мечомъ, прошедшимъ сквозь крестное древо и направляющимся въ сердце Божіей Матери. Ниже лика Божіей Матери и распятія вычеканены: чаша, кувшинъ, фонарь, кнутъ, хитонъ, жребіи, веревки, рука, щипцы, молотокъ и гвозди.

Въ вѣнцѣ, вокругъ главы Божіей Матери, на головной повязкѣ и поручахъ вставлены драгоцѣнные камни. По нижнему краю ризы и съ боковыхъ сторонъ вырѣзано: «сия шата издѣлана къ Богоматере в Ново-«кодацкую церковь в цену сто шестьдесятъ одинъ рубль двадесять пять «копѣекъ коштомъ его велможности Господина кошового атамана» «Петра «Ивановича Калнишевского 1779 года декабря 1 дня».

3. *Образъ св. Николая чуд.* находится, въ числѣ другихъ иконъ, въ большомъ деревянномъ кіотѣ у сѣверной стѣны. Святитель изображенъ

[1]) Подлинная икона находится въ упраздненномъ Николаевскомъ Самарскомъ монастырѣ (загородномъ архіерейскомъ домѣ) близь уѣзднаго города Новомосковска.

въ поручахъ, въ священической фелони съ великимъ омофоромъ поверхъ оной, на персяхъ крестъ и панагія. Митры на головѣ святителя нѣтъ, самая голова немного приподнята, взоръ обращенъ къ небу; руки тоже приподняты, сжаты вмѣстѣ и пальцы одной руки пропущены сквозь пальцы другой и также прижаты. Все изображеніе поясное. Икона писана на холстѣ и имѣетъ въ ширину 1 арш. 4 вер., въ вышину 1 арш. 6 вер.; ризы на иконѣ нѣтъ. По описи значится подъ № 24-мъ.

4. *Образъ Спасителя*, молящаго да мимо идетъ отъ Него чаша крестныхъ страданій. Спаситель изображенъ молящимся и возлѣ Него служащій Ему и укрѣпляющій въ молитвѣ ангелъ Господенъ. Икона писана на холстѣ, имѣетъ въ ширину 16, въ вышину 20 вер. и находится между правымъ клиросомъ и храмовою иконой Смоленской Божіей Матери.

5. *Небольшая икона Воскресенія Христова* въ гладкой прямоугольной серебряной рамкѣ. Въ воскресные дни она, обыкновенно, кладется на аналой. Особенностью изображенія является красная печать, которою запечатана пещера гроба Господня. На исподней сторонѣ иконы сдѣлана надпись чернилами: „сія икона Воскресенія Христова писана въ Бого-„спасаемомъ Новой Іерусалимъ именуемомъ Воскресенскомъ монастырѣ „въ 1816 году мѣсяца Генваря того жъ монастыря штатнымъ служите-„лемъ Иваномъ Ильинымъ сыномъ Строевымъ въ собственность того жъ „монастыря Правящаго должность казначея Іеродіакона Θеодорита и по-„лучена въ день Богоявленія Господня“.

6. *Образа* Воскресенія Христова, Вознесенія Господня, Рождества Христова, Преображенія Господня, Сошествія св. Духа на апостоловъ и Крещенія Господня. Всѣ шесть иконъ находятся во 2-мъ ярусѣ иконостаса и примѣчательны тѣмъ, что писаны на стеклѣ.

Колокола церкви Екатеринославскаго архіерейскаго дома.

Изъ колоколовъ Крестовоздвиженской церкви Екатеринославскаго архіерейскаго дома наиболѣе интересны два колокола, относящихся ко второй половинѣ XVIII столѣтія:

1. *Колоколъ* съ рельефными иконами—Вознесенія Господня, Покрова Пресвятыя Богородицы и сошествія Спасителя во адъ. На колоколѣ вверху

рельефныя изображенія серафимовъ, а ниже также изъ рельефныхъ буквъ, начало надписи—„1778 году месица апреля 10 дня вылитъ сей коло-„колъ въ Москвѣ въ Полтавски вознесенски девичеи [1])“, конецъ надписи уже у нижняго края—„монастырь стараніемъ госпожею ..., христи-„ніею а коштомъ доброхотныхъ дателеи вѣсу 5 пуд. 10 фун. литъ въ „Москве на заводе Асона Струковиникова“.—Будучи перевезенъ въ 1797 году въ г. Екатеринославъ, этотъ колоколъ сначала находился на соборной колокольнѣ [2]), а въ 1812 году взятъ, распоряженіемъ архіепископа Іова (Потемкина), въ крестовую архіерейскую церковь.

2. *Колоколъ* съ двумя поясками рельефнаго узора. Между поясками вырѣзана слѣдующая надпись: „1754 года мѣсяца октоврія 20 дня здѣ-„ланъ сей звонъ до обители Пехворощанской [3]) до храму оуспенія бого-„матери особливымъ коштомъ бувшаго славного войска“ „запорозкаго „атамана кошового павла іванова а в монашествѣ тоежъ обители петра „а весу в немъ пудовъ 20 и фунтовъ 10 за всякій пудъ по десяти „рублей а всего кошту 200“.

19 апрѣля 1905 года.
д. Палинпу въ Манчжуріи.

III.

Свято-Троицкій соборъ въ городѣ Новомосковскѣ (Екатеринослав. губ).

Прежде всего уже характеренъ и достопримѣчателенъ самый внѣшній видъ храма, построеннаго по образцу запорожскаго Троицкаго собора, разобраннаго, за ветхостью, въ 1887 году, (Рис. 23). Нынѣшній храмъ также деревянный и въ своей верхней части состоитъ изъ девяти отдѣльныхъ столпообразныхъ (восьмиугольныхъ) куполовъ, раздѣленныхъ желѣзными крышами [4]) на три яруса, которые, съуживаясь съ каждымъ новымъ ярусомъ, увѣнчаны вверху особыми главками.

[1]) Вознесенскій Пушкаревскій монастырь, нынѣ село Пушкаровка близь г. Полтавы.

[2]) Опись Успенскаго каѳедральнаго собора 1808 года, дополненная въ 1830 году.

[3]) Нехворощанскій Успенскій мужской упраздненный монастырь находился въ нынѣшнемъ Новомосковскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ.

[4]) Въ прежнемъ запорожскомъ соборѣ, построенномъ по проекту казака—самоучки, какъ мнѣ передавали, не было ни одной желѣзной части.

Внутри храма весьма оригинальны деревянные клиросы въ видѣ хоръ, пристроенные съ восточной стороны къ двумъ колоннамъ. Къ каждому клиросу ведетъ отдѣльная лѣстница; у лѣстницъ и клиросовъ рѣшотки изъ тонкихъ деревянныхъ столбиковъ. (Рис. 24).

23. Св. Троицкій соборъ въ г. Новомосковскѣ Екатеринославской губ. (съ сѣв.-зап. стороны).

I. Иконы.

а) Въ алтарѣ.

Въ алтарѣ лѣваго придѣла находится девять иконъ съ изображеніемъ, въ лицахъ, молитвы Господней; эти иконы размѣщены за св. престоломъ на горномъ мѣстѣ.

б) Въ разныхъ частяхъ храма

Иконы Спасителя, Божіей Матери и св. Николая чуд. сохранившіяся отъ временъ запорожья [1]). Изъ нихъ первая находится у правой колонны съ ея западной стороны, вторая въ правомъ придѣлѣ на южной стѣнѣ, третья въ лѣвомъ придѣлѣ на сѣверной стѣнѣ. *Изображеніе Спасителя* поясное, Спаситель благословляетъ десницею, а въ Его лѣвой

24. Клиросъ съ южной стороны въ св. Троицкомъ соборѣ въ г. Новомосковскѣ.

рукѣ, покоящейся на державѣ, скипетръ; ширина иконы 1 арш. 2 верш., вышина 2 арш. (Рис. 25).

Божія Матерь изображена, на облакахъ, со скипетромъ въ лѣвой рукѣ, а правою придерживаетъ стоящаго у нея на колѣнахъ Младенца Христова, на главѣ корона. Ширина иконы 1 арш. 5 верш., вышина 2 арш. (Рис. 26).

Святитель Николай изображенъ по поясъ съ закрытымъ евангеліемъ на лѣвой рукѣ, десницею благословляетъ. Ширина иконы 1 арш. 5 верш., вышина 2 арш. (Рис. 27).

---

[1]) Болѣе точныхъ свѣдѣній объ этихъ иконахъ мнѣ не удалось собрать.

Фонъ у иконъ Спасителя и св. Николая чуд. изъ позлащенныхъ вырѣзанныхъ по дереву узоровъ, такіе скипетръ въ лѣвой рукѣ Спасителя и митра на главѣ св. Николая чуд.

II. Евангелія.

1. *Евангеліе,* въ большой листъ, московской печати 1759 года. Евангеліе оправлено въ малиновый бархатъ съ чеканными узорами вокругъ финифтовыхъ образовъ, по краямъ обѣихъ досокъ и на трехъ накладкахъ корешка. На верхней доскѣ (рис. 28) посрединѣ образъ Воскресенія Христова, кругомъ образа составителей чина божественной литургіи: налѣво ап. Іакова брата Божія, наверху Григорія Двоеслова, направо Іоанна Златоуста и внизу Василія вел., въ углахъ лики св. евангелистовъ съ символами [1]). На исподней доскѣ образъ Рождества Христова по срединѣ и золоченныя пукли діаметромъ и вышиной около $1^1/_2$ вершковъ. Десять вышеперечисленныхъ изображеній овальныя и на финифти. Изъ застежокъ одна гладкая, а другой совсѣмъ нѣтъ. Ширина евангелія $10^3/_4$, вышина $16^1/_2$ верш,, вѣсъ около $1^1/_2$ пуда. Евангеліе хранится въ главномъ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ подъ стеклянымъ футляромъ и, по тяжеловѣстности, употребляется только въ праздникъ Крещенія Господня, при шествіи на Іордань. По листамъ евангелія (съ 9-го по 35-й листъ) идетъ запись: «сію книгу священное евангеліе отмѣныхъ своимъ коштомъ и стараніемъ рабъ Божій іоаннъ Андреевъ сынъ Сребренинъ до храму святыя живоначальныя Троицы въ государственную слободу Новоселицу [2]) 1782-го года м҃ца марта 26-го дня».

25. Икона Христа Спасителя въ св. Троицкомъ соборѣ въ г. Новомосковскѣ.

26. Икона Божіей матери въ св. Троицкомъ соборѣ въ г. Новомосковскѣ.

---

[1]) Кромѣ того на верхней доскѣ вставлено четыре большихъ желтыхъ камня, окруженныхъ мелкими камешками (по семи зеленыхъ, четыре красныхъ и четыре зеленыхъ, одно гнѣздо пустое).

[2]) «Новоселицы»—прежнее названіе города Новомосковска.

2. *Евангеліе* (7×11 верш.), напечатанное въ 1748 году. Евангеліе оправлено въ фіолетовый бархатъ (рис. 29). На верхней доскѣ, въ овалѣ, распятіе Христово съ стоящими у креста Божіею Матерью и св. Іоанномъ Бог. Надъ средникомъ внизу по серафиму, а еще ниже звѣздочка; въ угольникахъ св. евангелисты съ символами. На исподней доскѣ четыре пукли, по краямъ узоръ, а въ срединѣ образъ св. Троицы въ лицѣ трехъ ангеловъ, ниже вырѣзана надпись: «сіе евангеліе купленое и оправленое козаковъ куреня конеливскаго до храму святия троицы в село Новоселицю 1757 году ноября 5 дня». Три накладки на корешкѣ и выше перечисленныя изображенія серебреныя чеканныя.

3. *Евангеліе* (7×12 верш.) московской печати 1784 года въ мѣдныхъ, вызолоченныхъ доскахъ съ наложенными на нихъ серебряными узорами (Рис. 30). На верхней доскѣ на девяти финифтовыхъ овалахъ изображены: по срединѣ— деисусъ (Спаситель на тронѣ, Божія Матерь св. Іоаннъ Предтеча), налѣво Богоматерь, на верху Богъ Отецъ съ пресвятымъ Духомъ въ видѣ голубя, направо Воскресеніе Христово и внизу Спаситель, устанавливающій таинство евхаристіи (у Спасителя въ правой рукѣ хлѣбъ на столѣ чаша), въ углахъ— св евангелисты съ символами; кромѣ того, на верхней доскѣ вставлено шесть большихъ камней. На исподней доскѣ четыре гладкихъ пукли, а въ срединѣ, въ овалѣ, чеканный образъ св. Троицы въ лицѣ трехъ Ангеловъ. Корешокъ съ чеканными узорами. По листамъ евангелія имѣется запись «сію книгу священное евангеліе въ свято троицкую Новоселицкую церковъ отдалъ «полковой хорунжій Петръ Василевъ сынъ Ширай 1786 года мѣсяца сентября дватцатъ восмого дня». По описи соборнаго имущества за 1827 годъ, евангеліе значится подъ № 5-мъ и оцѣнено въ 210 рублей.

27. Икона св. Николая въ св. Троицкомъ соборѣ въ г. Новомосковскѣ.

4. *Евангеліе* (7×11½ верш.) московской печати 1791 года. Окладъ евангелія сребропозлащенный съ накладнымъ серебрянымъ чеканнымъ

28. Окладъ Евангелія 1759 г. въ св. Троицкомъ соборѣ въ г. Новомосковскѣ.

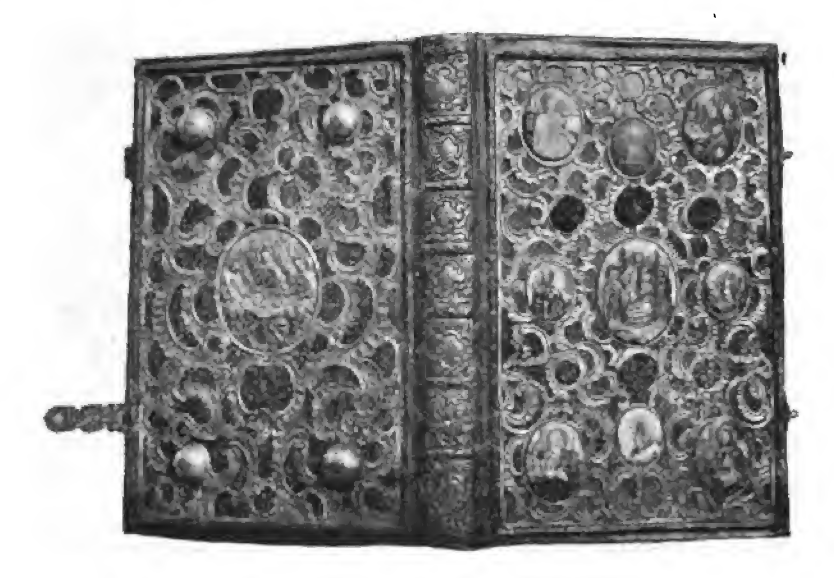
узоромъ (Рис. 31). На верхней доскѣ пять большихъ финифтовыхъ оваловъ съ изображеніемъ на среднемъ воскресшаго Спасителя, на четырехъ остальныхъ св. евангелистовъ съ символами. На исподней доскѣ четыре пукли, по срединѣ вычеканены въ ростъ свв. апп. Петръ и Павелъ, надъ ними чеканное изображеніе Господа Саваоѳа, а внизу вырѣзанъ 13-ый стихъ 144-го псалма — «хвала Давида РМД царство твое Христе царство всѣхъ вѣковъ и владычество твое во всякомъ родѣ и «родѣ сти ГІ» — Едва ли не объ этомъ евангеліи сказано въ описи 1827 года, что оно пожертвовано козакомъ Василіемъ Коцубою.

III. Священные сосуды.

1. *Потиръ* серебряный, (Рис. 32) позлащенный, съ вырѣзанными изображеніями: вверху Спасителя, Матери Божіей, св. Іоанна Предтечи,

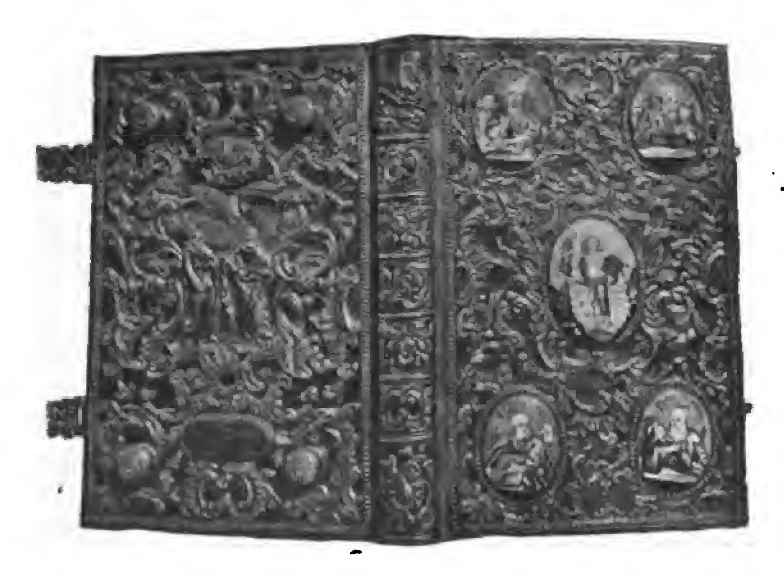
29. Окладъ Евангелія 1748 г. въ св. Троицкомъ соборѣ въ г. Новомосковскѣ.

креста, копья и губы па трости, а внизу—моленія о чашѣ, І. Хр. у столба, несенія креста Спасителемъ и (?); поверхнему краю вырѣзана



30. Окладъ Евангелія 1784 г. въ Троицкомъ соборѣ въ г. Новомосковскѣ.

обычная надпись «Тѣло Христово...» Съ исподней стороны подножія вырѣзана надпись «отмѣнил сеи келюхъ козакъ войска запорож. куреня

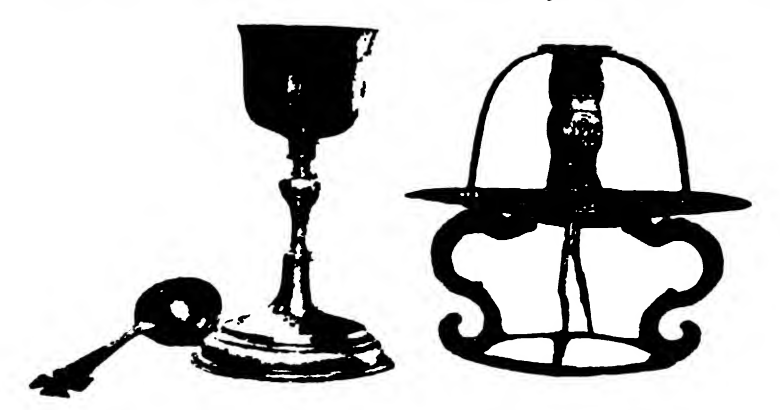


31. Окладъ Евангелія 1791 въ св. Троицкомъ соборѣ въ г. Новомосковскѣ.

канев.» «Иванъ Чумакъ до церкви живоначальной Троицы Самарчицкой [1]) 1754 году». Вышина потира 5, діаметръ 2 вершка.

[1]) «*Самарчикъ*» одно изъ прежнихъ названій города Новомосковска.

2. *Потиръ* серебряный золоченый (Рис. 35) съ накладными, въ верхней части узорами, среди которыхъ въ четырехъ позлащенныхъ овалахъ вырѣзаны изображенія Спасителя, Божіей Матери, св. Іоанна Предтечи и Христова распятія (безъ предстоящихъ); близь верхняго края вырѣзана надпись: «пійте отъ нея вси»... Внизу, на подножіи вырѣзаны



32 и 33. Потиръ 1754 г. Дискосъ.

изображенія—моленія о чашѣ, іудино лобзаніе, І. Хр. на судѣ у Пилата и бичеваніе І. Хр. Съ исподней стороны подножія вырѣзана, въ шести клеймахъ, надпись: «1776 году декабря 17 дня соорудилъ сию чашу до церкви Самарчицкой Святотроицкой рабъ Божий Федоръ Колотнеча толко чтобъ подчасъ всякаго несщастия наслѣдственнымъ моимъ до рукъ отобрать дозволено было». Діаметръ чаши $3^1/_2$, вышина потира 8 вершковъ, вѣсъ 3 фун. 93 зол. По описи 1827 года потиръ значится подъ № 1-мъ и оцѣненъ въ 100 рублей.

34 и 35. Потиры въ св. Троицкомъ соборѣ въ г. Новомосковскѣ.

3. *Потиръ* серебряный, мѣстами вызолоченый (Рис. 34) съ мелкою сканною сѣткой на верху, среди которой четыре овальныхъ на финифти иконы: Спасителя, Божіей Матери, св. Іоанна Предтечи и Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ. Близь верхняго края вырѣзана надпись: «Тѣло Христово пріимите».... Подножіе чеканное также съ четырьмя на финифти изображеніями—моленія о чашѣ, І. Хр. въ темницѣ, несенія креста и положенія тѣла Спасителя во гробъ. Діаметръ чаши 3, вышина потира 7 верш.

4. *Сребропозлащенный дискосъ* (Рис. 33). Имѣетъ ту особенность, что утвержденъ не на одномъ подножіи, расширяющемся книзу и вверхъ, а на четырехъ отдѣльныхъ выгнутыхъ ножкахъ, скрѣпленныхъ внизу круглымъ ободкомъ. На верху вырѣзаны: изображеніе св. Троицы (Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго) съ подписью—«три суть свидѣтельствующіи на небеси Отецъ слово истины отъ истины едино суть и одно», по сторонамъ два херувима, а по краямъ узоры.

5. *Звѣздица серебряная*, мѣстами вызолоченная; при соединеніи дужекъ вырѣзано наименованіе «Θεos», а на дужкахъ изображенія въ ростъ святителей Іакова брата Божія, Василія вел., Григорія Богосл. и Іоанна Златоуста.

36. Двѣ фелони въ св. Троицкомъ соборѣ въ г. Новомосковскѣ.

IV. Фелони и подризники.

Изъ священническихъ облаченій мнѣ показались болѣе старинными двѣ фелони, шитыхъ кованнымъ золотомъ, серебромъ и цвѣтными шелками; на бархатномъ оплечьи одной изъ ризъ вышита икона коронованія Божіей Матери. (Рис. 36).

Но особенно привлекли мое вниманіе семь подризниковъ (одинъ шелковый и шесть холщевыхъ), подольники которыхъ шитые золотомъ,

серебромъ и цвѣтными шелками состоятъ изъ крупныхъ цвѣтовъ; ширина вышивокъ около 7 вершковъ. (Рис. 37 и 38).

37. Подризники (холщевые и крайній справа шелковый) въ св. Троицкомъ соборѣ въ г. Новомосковскѣ.

38. Подризники въ св. Троицкомъ соборѣ въ г. Новомосковскѣ.

Въ описи 1827 года упоминается о двухъ подризникахъ полуобера, одного бѣлой матеріи и четырнадцати холстяныхъ; подольники всѣхъ подризниковъ вышиты золотомъ, серебромъ и разнымъ шелкомъ.

30 апрѣля 1905 года.
д. Палинпу въ Манчжуріи

IV.

Бывшій Самарско-Пустынно-Николаевскій монастырь, (нынѣ Самарскій Загородно-Архіерейскій домъ) близь г. Новомосковска [1]).

I. Иконы.

1. *Самарская икона Божіей Матери* находится лѣтомъ въ Николаевскомъ соборномъ храмѣ въ кіотѣ у лѣваго клироса, а на зиму пе-

39. Самарскій монастырь близь Новомосковска Екатеринославской губ. ц. св. Николая (съ юго-вост. стороны).

реносится въ теплую церковь в.-м. Георгія побѣдоносца. (Рис. 40). Богоматерь изображена, по поясъ, молящеюся передъ небольшимъ распятіемъ, Ея глава наклонена къ лѣвому плечу, а руки сложены, крестообразно, на груди. Ширина иконы 9, вышина 10 вершковъ. На иконѣ сребропозлащенная риза съ вычеканенными изображеніями въ лѣвой части и внизу орудіями Христовыхъ страданій. Кругомъ главы Бо-

[1]) Желающіе познакомиться съ исторіей Николаевскаго Самарскаго монастыря могутъ найти интересующія ихъ свѣдѣнія въ отдѣльно изданной въ 1873 году книжкѣ «Самарскій Екатеринославской епархіи Пустынно-Николаевскій монастырь».

жіей Матери сіяніе изъ лучей, а надъ главой корона. Корона и сіяніе осыпаны мелкими камнями; кромѣ того на коронѣ два синихъ, одинъ зеленый и одинъ лиловый камни; на головной повязкѣ звѣзда съ однимъ зеленымъ и нѣсколькими бѣлыми камнями, изъ такихъ же камней звѣзда на правомъ плечѣ, а на груди звѣзда изъ бѣлыхъ камней. Внизу, на ризѣ иконы вырѣзаны три надписи: «1. Икона сія пресвятой Богородицы славится съ 1736 году». «2. Слѣдовательно отъ того времени протекло до нынѣ сто лѣтъ». «3. Ликъ святой иконы потемнѣлъ отъ пожара во пламени коего бывъ она уцѣлѣла». Въ описи Самарскаго Архіерейскаго дома за 1898 годъ икона названа образомъ Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ Радости и показана чудотворною. Названіе иконы Самарскою я слышалъ въ Екатеринославѣ въ архіерейскомъ домѣ и подъ этимъ названіемъ объ иконѣ упоминается въ описаніи Самарскаго Екатеринославской епархіи пустынно-Николаевскаго монастыря (изд. въ 1873 г.), а также и въ отдѣльно изданной книжкѣ священника о. Димитрія Страховскаго объ иконахъ Божіей Матери и св. Николая чуд. (изд. въ 1894 году). Въ «Продолженіи очерка о Новороссійскомъ краѣ—періодъ съ 1787 по 1837 г.»[1]) икона названа «Богородичною», безъ приложенія къ ней какого-либо особаго наименованія [2]).

40. Икона Самарской Божіей Матери въ церкви бывшаго Самарскаго монастыря.

2. *Образъ св. Николая чуд.* находится въ небольшомъ прямоугольномъ кіотѣ въ лучеобразной звѣздѣ надъ царскими вратами главнаго иконостаса. Ликъ святителя поясной, ширина иконы 6, вышина 7 вершковъ. На иконѣ сребропозлащенная риза, украшенная мелкими камнями; на митрѣ святителя 5 синихъ, 4 красныхъ, 2 зеленыхъ и 2 розовыхъ камня, на груди крестъ изъ зеленыхъ камней.

---

[1]) Эта статья архіепископа Гавріила II (Розанова) напечатана въ V томѣ Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

[2]) Свѣдѣнія о Самарской иконѣ Божій Матери, заимствованныя изъ этой статьи см. въ приложеніи. Вышеприведенныя три надписи на иконѣ, повидимому, сдѣланы при преосвященномъ Гавріилѣ II (Розановѣ), любителѣ и знатокѣ мѣстныхъ церковныхъ древностей. Его труды напечатаны въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Къ иконамъ Самарской Божіей Матери и святителя Николая мѣстное населеніе питаетъ особенное усердіе.

II. Кресты.

1. *Крестъ* кипарисный, рѣзной, четырехконечный (4×7 верш.), оправленный съ боковыхъ сторонъ, въ серебро на высокомъ чеканномъ подножіи. (Рис. 41). На крестѣ вырѣзаны изображенія, съ лицевой стороны по рединѣ Распятія Христова съ предстоящими Б. М. и св. Іоан. Бог., налѣво срѣтенія Господня (?), направо Обрѣзанія Господня (?), наверху рядомъ два изображенія: лѣвѣе Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, направо Крещенія Господня, подъ Распятіемъ Преображенія Господня, а внизу Вознесенія Господня. Съ обратной стороны: по срединѣ—Воскресенія Христова, налѣво—Рождества Христова, направо—Рождества Божіей Матери и наверху—Успенія Пресвятыя Богородицы, подъ Воскресеніемъ—Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, а внизу Сошествія св. Духа на апостоловъ. Оправа позлащенная съ вырѣзанными на лицевой и исподней сторонахъ узорами; вверху на оправѣ, надъ крестомъ, ликъ Господа Саваоѳа, а въ остальныхъ концахъ херувимы, эти изображенія также вырѣзаны по металлу. Отъ креста расходятся 12 лучей, а къ оконечностямъ креста прикрѣплены чеканные узоры. Подножіе низкопробнаго серебра съ наведенными чернью образами Распятія Христова, снятія со креста пречистаго тѣла Господня, Воскресенія Христова, надгробный плачъ Богоматери, молитвы въ саду Геѳсиманскомъ, взятія подъ стражу І. Хр., бичеванія І. Хр. и несенія креста. Стержень подножія состоитъ изъ трехъ пуклей и оканчивается чеканными съ обоихъ сторонъ изображеніями херувимовъ. По окружности подножія вырѣзана надпись: „сооруженъ сей крестъ коштомъ и стараныемъ василый бѣлый „козакъ куреня рогѣевского въ монастиръ самарскиі до храму святителя „Николая 1783 году мѣсяца сентября 17 дня въ немъ вѣсу 8 фунтовъ“. Діаметръ подножія 8 вер., общая вышина креста съ подножіемъ 1 ар. 6 вер.

41. Крестъ козака Василія Бѣлаго 1783 г. въ церкви Самарскаго монастыря.

2. *Крестъ* ($2^1/_4 \times 4^3/_4$ верш.) кипарисный, рѣзной, четырехконечный, оправленный съ боковыхъ сторонъ въ серебро, на чеканномъ подножіи. (Рис. 44). На лицевой сторонѣ вырѣзаны изображенія: посрединѣ—Рас-

пятія Христова, съ стоящими у креста Б. М. и ев. Іоан. Бог., налѣво ев. Іоанна Бог., направо ев. Матѳея, вверху Господа Саваоѳа, подъ распятіемъ ев. Луки, а внизу ап. Петра. Съ обратной стороны рѣзныя изображенія: по срединѣ—преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія печер. чуд., держащихъ на рукахъ икону Б. М., налѣво св. Василій вел., направо Іоаннъ Златоустъ, наверху арх. Михаилъ, подъ препод. Антоніемъ и Ѳеодосіемъ—Григорія Бог., ниже св. Николая чуд., а внизу св. Димитрія митрополита Ростов. Всѣ перечисленныя изображенія заключены въ тонкіе деревянные круги. Къ оконечностямъ креста придѣланы чеканные узоры. Подножіе чеканное, на немъ въ трехъ мѣстахъ вырѣзано: „сей крестъ соорyжілъ“ „монахъ Авраама Запѣшня“ „1768 мѣсяца іюля 7 дня“. Діаметръ подножія $4^3/_4$, вышина креста съ подножіемъ 10 вершковъ, вѣсъ 2 фун. 5 зол.

42, 43 и 44. Кресты въ церкви Самарскаго монастыря.

3. *Крестъ* ($3^1/_2 \times 4^1/_2$ верш.) серебряный, чеканный на чеканномъ подножіи. (Р. 42). Форма креста четырехконечная съ тройными въ концахъ закругленіями. Лицевая сторона позлащена, на ней чеканныя изображенія: посрединѣ—Распятія Христова, налѣво Б. М., направо св. Іоанна Бог. на верху Господа Саваоѳа и внизу Адамовой главы. Съ обратной стороны вычеканенъ образъ Крещенія Господня—посрединѣ Спаситель, стоящій въ струяхъ Іордана, наверху Пресв. Духъ въ видѣ голубя, налѣво два ангела и направо св. Іоаннъ Предтеча, простирающій руку на главу Спасителя. На подножіи два херувима и чеканные узоры. Діаметръ подножія 4, вышина креста съ подножіемъ $9^1/_2$ вершковъ.

4. *Крестъ* сребропозлащенный, чеканный, на чеканномъ подножіи. (Рис. 43). На лицевой сторонѣ чеканныя изображенія—посрединѣ распятія І. Хр., налѣво Б. М., направо ев. Іоанна Бог., наверху Господа Саваоѳа и внизу Адамовой главы. Съ обратной стороны Крещенія Господня: посрединѣ—Спаситель, наверху Пресв. Духъ въ видѣ голубя съ

идущею внизъ надписью „сынъ мой возлюбленный", налѣво Іоаннъ Предтеча и направо Ангелъ Господень. На подножіи изъ углубленныхъ точекъ составлена надпись: „сіи крестъ сооруженъ рабомъ Божіимъ Василиемъ „Федоровскимъ до храма свято пустинаго Николаевскаго монастыря купленъ за (число не видно) руб. 1785-го". Діаметръ подножія 3, вышина креста съ подножіемъ 8 1/2 вершковъ.

5. *Крестъ* шестиконечный съ закругленіями въ концахъ. На лицевой сторонѣ чеканное, по виду, мѣдное распятіе безъ предстоящихъ и, подъ стекломъ, четыре круглыхъ желтыхъ камня, окруженныхъ мелкою чеканкой. Исподняя сторона креста гладкая, на ней вырѣзана лишь слѣдующая надпись: „1837 года маія 6-го дня іеромонахъ Антоній [1]) делалъ".

III. Евангелія.

1. *Евангеліе*, въ листъ, московской печати 1735 г. Доски евангелія обиты чернымъ бархатомъ [2]) и украшены серебрянымъ, безъ пробы, вызолоченнымъ окладомъ. На верхней доскѣ, въ средникѣ, изображеніе І. Хр. распятаго на крестѣ, у креста стоятъ Богоматерь, Іоаннъ Бг. и воинъ, прободающій копьемъ божественное тѣло Спасителя, по сторонамъ кресты съ двумя распятыми разбойниками; въ углахъ, въ овалахъ, св. евангелисты съ символами. На исподней доскѣ, въ средникѣ, Успеніе Пресвятыя Богородицы, надъ средникомъ и внизу по херувиму, а въ углахъ четыре пукли. Перечисленныя изображенія, три накладки на корешкѣ и узоръ по краямъ досокъ евангелія чеканныя. На застежкахъ вычеканены изображенія первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла (Рис. 45). На оборотѣ перваго листа имѣется запись: „сіе евангеліе купленое за покойнаго Никифора прозываемого рабошапки знатного товарища куреня поповчовского за отпущеніе грѣховъ до монастыря свято оуспенского Нехворощанского [3]) Заорѣлского тщаніемъ Высоце въ Богу преподобнѣйшаго Отца Архимандрита Гавриила Яновского того-жъ монастыря вышъ означеннаго Началника цѣною рублей 35 и 3 полтыною безсребра 1740 года мѣсяца мая 6 дня".— На оборотѣ заглавнаго листа „цена въ тетратехъ три рубля шестдесятъ копеекъ Семену петрову", а далѣе надпись не разборчива. По описи 1898 года, евангеліе значится подъ № 5-мъ.

[1]) Вѣроятно это тотъ же самый инокъ Антоній, о трудѣ котораго скромно отмѣчено въ малозамѣтной надписи, вырѣзанной на мѣдныхъ кругахъ при основаніи колонны на памятникѣ за алтаремъ Екатеринославскаго каѳедральнаго Преображенскаго собора „Въ Самар. арх. домѣ 1835 г. мастеръ іеродиаконъ Антоніи дѣлавшій главы съ вазами".

[2]) Въ описи Самар. загород. Арх. дома 1898 года евангеліе показано обитымъ лиловымъ полинялымъ бархатомъ съ отмѣткою на поляхъ— возобновлено въ черномъ бархатѣ ризничимъ іер. Рафаиломъ.

[3]) Упомянутый здѣсь Успенскій Нефорощанскій монастырь упраздненъ, нынѣ тамъ приходская церковь въ Новомосковскомъ уѣздѣ Екатеринослав. губ.

2. *Евангеліе* (7×11 верш.) московской печати 1791 года, оковано сребропозлащеннымъ окладомъ съ наложенными на него чеканными, серебряными узорами. (Рис. 46). На верхней доскѣ, на финифти, образа:

45. Окладъ Евангелія 1735 г. въ церкви Самарскаго монастыря.

посрединѣ—воскресшаго Спасителя, наверху Господа Саваоѳа, а въ углахъ св. евангелистовъ съ символами. На исподней доскѣ четыре пукли и образа на финифти: посрединѣ—Божіей Матери, налѣво Ва-

46. Окладъ Евангелія 1791 г. въ церкви Самарскаго монастыря.

силія вел., наверху Іоанна Златоуста, направо Григорія Бог. и внизу св. Николая чуд. Корешокъ евангелія съ чеканнымъ узоромъ, застежки чеканныя. По описи 1878 года, евангеліе значится подъ № 4-мъ.

IV. Священные сосуды.

1. *Потиръ* серебряный, (Рис. 47) безъ пробы, мѣстами вызолоченный съ выпуклыми изображеніями: вверху—снятія со креста пречистаго тѣла Господня, положенія Его во гробъ и Воскресенія Христова, между ними по чеканному херувиму, а на подножіи—моленія о чашѣ, бичеванія І. Хр. и несенія креста. На чашѣ, стержнѣ и подножіи въ разныхъ мѣстахъ чеканные узоры. Діаметръ чаши $3^3/_4$, вышина потира $7^1/_2$ вершковъ, вѣсъ 3 ф. 63 з. По описи 1898 г, значится подъ № 1-мъ.

47, 48 и 49. Потиръ, лжица и блюдце въ церкви Самарскаго монастыря.

Дискосъ серебряный съ вырѣзаннымъ на немъ изображеніемъ Богомладенца, по сторонамъ два ангела, вверху пресв. Духъ въ видѣ голубя и надпись БГЪ. На поляхъ въ трехъ клеймахъ вырѣзана надпись «се агнецъ Божій» «вземляй грѣхи» «всего мира». Подножіе чеканное. Діаметръ верхняго круга 7 вершковъ, вѣсъ дискоса 2 фун. 20 зол. По описи 1898 г. значится подъ № 1.

50, 51 и 52. Потиръ 1791 г. звѣздица и чашица въ церкви Самарскаго монастыря.

Звѣздица съ вырѣзанными на ней изображеніями: при соединеніи дужекъ—поясныиъ ликомъ Господа Саваоѳа, а на дужкахъ херувимы. (Рис. 51).

Лжица серебряная, безъ пробы, вся вызолочена. На ней вырѣзаны крестъ, копье и губа на трости съ надписями—«ІНЦІ» «ІС» «ХС»

«НИ» «КА» «К» «Т». На лжицѣ означенъ 1790 годъ. (Рис. 48). Длина лжицы $5^1/_2$ верш., вѣсъ 15 зол. Въ описи 1898 года значится подъ № 1-мъ съ помѣткою, что въ старой описи значится подаренною протопопомъ Ковалевскимъ.

2. *Потиръ* серебряный, безъ пробы, вызолоченный (Рис. 54). На немъ серебряная сѣтка безъ позолоты, на коей, въ овалахъ, три изображенія подъ чернь: Спасителя, Б. М. и Іоанна Предтечи. По верхнему краю чаши вырѣзана надпись «пійте отъ нея вси сія есть кровь моя новаго завѣта». На подножіи вычеканы изображенія: моленія о чашѣ, взятія І. Хр. подъ стражу и бичеванія І. Хр., въ остальныхъ мѣстахъ чеканные узоры. Вышина потира 6 верш., вѣсъ 2 фун. По описи 1898 г. значится подъ № 1.

53 и 54. Дарохранительница и потиръ въ церкви Самарскаго монастыря.

3. *Потиръ* серебряный, безъ пробы (внутри вызолоченный) съ крышкою, увѣнчанною четырехконечнымъ крестикомъ. (Рис. 50). Потиръ и крышка гладкіе, только окружность подножія потира чеканная. Въ верхней части потира вырѣзаны, въ овалѣ, крестъ, копье и губа на трости, а кругомъ въ два ряда надпись: «сія чаша сдѣ-«лана коштомъ отъ козака войска «запорожскаго куреня поповичѣв-«скаго Алексѣя Бѣлиского бывшаго «кошового въ Самарскій» «мона-«стыръ в церковъ святителя Хри-«стова Николая что Кіево-мижигорскому прыписаній АѰЧА (т. е. 1791 г.) «года мѣсяца сентября 3 дни числа». На крестикѣ крышки вырѣзано «ІНЦІ» «ІС» «ХС». Діаметръ чаши $3^3/_4$, вышина потира $5^1/_4$, а съ крышкою и крестикомъ $7^1/_2$ верш., вѣсъ 1 фун. 54 зол. По описи 1898 года, потиръ значится подъ № 3-мъ.

4. *Чашица* мѣдная, гладкая, вызлащенная (Рис. 52). Діаметръ чаши $1^1/_4$, вышина $4^1/_2$ вершка, вѣсъ 1 фун. 3 зол. По описи 1898 г. значится подъ № 6-мъ и показана для запасныхъ даровъ.

V. Дарохранительница.

1. *Дарохранительница* низкопробнаго серебра, мѣстами вызолоченная съ чеканными изображеніями, узорами и отдѣльными фигурами.

(Рис. 53). Въ нижнемъ ярусѣ съ лицевой стороны—несеніе Спасителемъ креста, съ лѣвой—моленіе о чашѣ, съ правой бичеваніе I. Хр., а сзади выдвижной ящичекъ для запасныхъ даровъ. Во второмъ ярусѣ съ лицевой стороны—Спаситель покоящійся во гробѣ, съ лѣвой Богоматерь и на Ея рукахъ божественное тѣло Спасителя, съ правой—I. Хр. со связанными руками и скипетромъ, а сзади опять ящичекъ. Перечисленныя изображенія всѣ чеканныя. На углахъ, по сторонамъ нижняго яруса отдѣльныя фигуры св. евангелистовъ (одной фигуры нѣтъ), по сторонамъ втораго яруса фигуры ангеловъ Божіихъ съ орудіями Христовыхъ страданій (одинъ ангелъ съ копьемъ и губой на трости, другой съ крестомъ и пучкомъ прутьевъ, третій съ лѣстницей и терновымъ вѣнцомъ и четвертый съ столбомъ и молоткомъ); надъ третьимъ ярусомъ по сторонамъ купола еще четыре ангела: одинъ съ корзиной, другой съ гвоздями и два съ рипидами. Всѣ эти фигуры на облакахъ, въ ростъ и чеканныя.

55 и 56. Подвѣсной подсвѣчникъ и металлическіе образки въ церкви Самарскаго монастыря.

Надъ вторымъ ярусомъ на четырехъ витыхъ колонкахъ куполъ, подъ которымъ чеканная, въ ростъ, фигура архангела Михаила съ копьемъ въ лѣвой и мечемъ въ правой рукѣ, а по сторонамъ четыре звѣзды: двѣ чеканныхъ, а двѣ съ вставленными въ нихъ камнями. Къ верхней части купола придѣланы два колѣнопреклоненныхъ ангела, надъ куполомъ въ овалѣ, съ золоченными лучами и цвѣтными камнями: три красныхъ, три синихъ и два зеленыхъ, на финифти образа съ лицевой стороны—Воскресенія Христова, а съ обратной Господа Саваоѳа и пресвятаго Духа въ видѣ голубя. Длина дарохранительницы $5\frac{1}{2}$, ширина 4, вышина 15 верш.; вѣсъ 3 фун. 94 зол. По описи 1898 года значится подъ № 3-мъ.

VI. Подвѣсной подсвѣчникъ и нагрудные образки.

1. *Подвѣсной подсвѣчникъ* (Рис. 55) низкопробнаго серебра въ видѣ чеканнаго ангела, въ ростъ, стоящаго на облакахъ и держащаго

въ распростертыхъ рукахъ по подсвѣчнику для трехъ свѣчей; къ крыльямъ ангела, вверху, прикрѣплены двѣ подвѣсныя цѣпи. Ширина фигуры ангела 3³|4, вышина 7 вершковъ.

2. *Овальные писанные на металлѣ образки* величиной въ 1³|4 × 2 и 2 × 2¹|4 верш., какъ думаютъ, носившіеся запорожцами на груди. (Рис. 56). На нѣкоторыхъ имѣются маленькія углубленія—можетъ быть слѣды попавшихъ пуль; живопись на многихъ совсѣмъ исчезла.

VII. Повѣсточный колокольчикъ.

1. У алтарной стѣнки соборнаго храма виситъ небольшой колокольчикъ для подачи, во время богослуженія, повѣстки для колокольнаго звона. На колокольчикѣ вверху вырѣзана, въ два ряда, надпись: „здѣланъ сей

57. Рукопись съ помѣткой 1592 г. въ церкви Самарскаго монастыря.

звонокъ коштомъ іеромонаха Θеодоріта" „за отпущеніе грѣховъ 1764 г. марта 15 д." Діаметръ колокольчика 3, вышина 3 ½ вершка.

VIII. Печатныя и рукописныя книги.

Изъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ мое вниманіе привлекли: учительное евангеліе 1637 года кіевской печати, рукопись со многими приписками на разныхъ страницахъ, среди которыхъ имѣется помѣтка о написаніи книги въ АФЧВ (т. е. 1592 г.) (Рис. 57), другая рукопись „проповѣди слова Божія на недѣли всего лѣта съ надписью — „любвѣ твоей всѣхъ благихъ зыгливый Богомолецъ Антоній Радивиловскій игуменъ мо-

настыря пустынно Николского Кіевского" и нотный ирмологій съ изложеніемъ догматиковъ въ старинной редакціи: „въ чермнѣмъ мори браку неискусимыя невѣсти образъ написася древле". „кто тебе не блажитъ пресвятая дѣвице". . . .

IX. Портреты.

1. Портретъ „полковника войска запорожскаго низоваго Афанасія Ѳедоровича Колпакова" писанъ масляными красками. Портретъ поясной, полковникъ Колпакъ въ зеленомъ кафтанѣ, исподняя одежда красная; подъ мышкой лѣвой руки мерлушковая шапка, лѣвой рукой придерживаетъ ефесъ шашки, въ правой посохъ; на груди на синей лентѣ медаль съ изображеніемъ Императрицы Екатерины II-й. Ширина портрета $14^1/_2$, вышина $19^1/_2$ вершковъ. Портретъ хранится въ трапезной.

2. *Портретъ* схимника Ливерія [1]) писанъ на холстѣ масляными красками. Портретъ поясной, вверху въ правомъ углѣ въ кругѣ надпись „1824 года генваря 24 дня вторицею постриженъ въ великій ангельскій образъ въ схиму іеремонахомъ Иліею и наречено имя схіеремонахъ Ливерій писанъ на 86-мъ году отрожденія". Съ исподней стороны небольшая сургучная красная печать и съ трудомъ разбираемая надпись „1737 года февраля 20 дня родился отъ благочестивыхъ родителей священно іерея Димитрія и Матери . . . ." Ширина портрета $10^3|_4$, вышина 14 вершковъ. Портретъ находится въ трапезной.

Въ 1891 году я видѣлъ портретъ еще священника Кирилла Тарловскаго, много благотворившаго Самарской обители и извѣстнаго подъ названіемъ „дикаго попа," но куда исчезъ этотъ портретъ, не знаю.

X. Могилы архипастырей.

Говоря о Самарской обители, слѣдуетъ упомянуть и о томъ, что въ ней нашли мѣсто вѣчнаго покоя нѣкоторые изъ Екатеринославскихъ архипастырей.

Внутри Николскаго соборнаго храма надъ спускомъ къ склепу въ юго-западной части, прибита на южной стѣнѣ мѣдная доска съ вырѣзанною на ней надписью: „здѣсь покоится прахъ рабовъ Божіихъ преосвященныхъ Архіепископовъ Екатеринославскихъ Аѳанасія [2]) скончавша-

---

[1]) Въ описаніи Самарскаго Екатеринослав. епархіи Пустынно-Николаевскаго монастыря (стр. 87 описанія) упоминается о Ливеріи, какъ объ инокѣ высокой жизни.

[2]) Преосвященный Аѳанасій (Ивановъ) изъ епископовъ Воронежскихъ занималъ Екатеринославскую каѳедру съ 1 октября 1799 года 15 Сентября, 1801 года возведенъ въ санъ архіепископа.

гося 1805 года 18 Августа, Платона [1]) сконч. 1811 г. 20 Октября Іова [2]) сконч. 1823 г. 28 марта и Онисифора [3]) сконч. 1828 г. 20 Апрѣля, Надпись сія устроена 1865 г. Апрѣля 5 дня.“ Надъ доской съ надписью образъ Спасителя со связанными руками. Память о сихъ святителяхъ благоговѣйно чтится мѣстнымъ населеніемъ: разсказываютъ что и въ настоящее время они являются въ сонномъ видѣніи, велятъ служить панихиду у своихъ гробовъ. Мнѣ говорили, что прежде можно было входить въ самый склепъ, но впослѣдствіи этотъ входъ (1 арш. 14 в. × 2 арш. 3 вер.) забили досками и завѣсили пеленой, на которой нашиты изображенія двухъ ангеловъ и иконы знаменія Пресвятыя Богородицы. Передъ входомъ въ склепъ стоитъ столикъ для совершенія панихидъ, а надъ нимъ образъ святыхъ, соименныхъ почившимъ святителямъ,—правед. Іова, муч. Онисифора, архіеп. Аѳанасія и муч. Платона; образъ безъ ризы, передъ нимъ виситъ лампадка. Предверіе склепа освѣщается сзади небольшимъ окошечкомъ въ капитальной стѣнѣ храма, пробитымъ на уровнѣ съ землей.

Наконецъ, въ Преображенской церкви, вблизи сѣверной стѣны погребенъ подъ солеей преосвященный епископъ Серапіонъ [4]) † 5 декабря 1891 г. Память его также благоговѣйно чтится нѣкоторыми лицами; подъ поломъ храма устроенъ и спускъ къ склепу, въ которомъ черезъ квадратное отверстіе (6 × 6 верш.) можно видѣть при свѣтѣ свѣчки деревянный гробъ святителя съ металлическими вѣнками. Надъ отверстіемъ помѣщенъ образъ Спасителя спасающаго, во время бури, ап. Петра.

28 апрѣля 1905 года
д. Палимпу въ Манчжуріи.

Приложеніе.

Свѣдѣнія о Самарской иконѣ Божіей Матери, напечатанныя въ III-мъ томѣ Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей [5]).

Розысканіе о Богородичной иконѣ. Еще въ октябрѣ мѣсяцѣ 1770 г. священникъ Ново-Кодацкій Ѳеодоръ Ѳоминъ доносилъ въ Кошъ низоваго запорожскаго войска: «что въ церкви Свято-Николаевской, Ново-Кодацкой, имѣется Богоматерняя икона на подобіе Ахтырской, отличная тѣмъ

---

[1]) Преосвященный Платонъ I (Любарскій) изъ архіепископовъ Астраханскихъ, занималъ Екатеринославскую каѳедру съ 18 Августа 1805 года.

[2]) Преосвященный Іовъ (Потемкинъ) изъ архіепископовъ Минскихъ, занималъ Екатеринославскую каѳедру съ 7 Февраля 1812 года.

[3]) Преосвященный Онисифоръ (Боровикъ) изъ епископовъ Вологодскихъ, занималъ Екатеринославскую каѳедру съ 28 Ноября 1827, 24 Декабря 1827 года возведенъ въ санъ архіепископа.

[4]) Преосвященный Серапіонъ (Маевскій) изъ епископовъ Архангельскихъ, занималъ Екатеринославскую каѳедру съ 16 февраля 1885 года.

[5]) Изъ статьи архіепископа Гавріила II (Розанова) „Отрывокъ повѣствованія о Новороссійскомъ краѣ (1751 по 1786-й годъ).“

«только, что на ней изображены страстей Христовыхъ орудія. Кѣмъ она «въ церковь Ново-Кодацкую принесена, того онъ не знаетъ. Привѣсовъ «при оной: рукъ, ногъ, головныхъ обручей, глазъ, изображеній человѣче-«скихъ, изъ серебра сдѣланныхъ, больше двадцати; а стоитъ сія икона «во алтарѣ». По поводу сего изъ Коша войска запорожскаго отъ Хошевого Атамана Петра Кальнишевскаго, «съ товариствомъ» (такъ писали они) того же октября 26 дня «крестовой запорожской намѣстніи, намѣстнику, Старо-Кодацкому священнику Григорію Порохнѣ, съ присутствующими при немъ въ Духовномъ Правленіи», за собственноручнымъ того Кальнишевскаго подписаніемъ и за войсковою печатью, присланъ былъ приказъ: «Мы повелѣваемъ вамъ съѣхать въ Кодакъ и осмотрѣть ту икону, съ «полковникомъ Кодацкимъ, при чемъ священникамъ Кодацкимъ, предложить «вышеписанную икону съ олтаря перенесть и поставить въ кіотѣ ново-«сдѣланомъ за лѣвымъ клиросомъ, не отбирая теперь имѣющихся при «ней привѣсокъ; равно и впредь еслибъ могли отъ народа таковые привѣсы «приносимы быть, принимать священникамъ не воспящать, только чтобъ «всякъ изъ нихъ на своей седмицѣ, отъ кого и за что такой привѣсъ будетъ, «записывалъ впредь до дальнѣйшаго нашего разсмотрѣнія». На приказъ сей когда намѣстникъ Ново-Кодацкій Порохня отвѣтствовалъ Кошевому Атаману, что онъ «къ исполненію повелѣнія его вельможности присту-«пить не можетъ, по тому, что регламентомъ и указами возбранено «признавать новоявленныя иконы за чудотворныя, пока которая изъ тако-«выхъ высшею духовною властію освидѣтельствована не будетъ», тогда Кошевой двумя другими ордерами предписалъ снова тому же намѣстнику Ново-Кодацкому дабы непремѣнно въ Кодакъ съѣздилъ, и въ присутствіи двухъ, войсковаго старшины Андрея Носана и хорунжаго Якова Качалова чудотворную икону Богородичную обслѣдовалъ, взявъ показанія съ тѣхъ людей кои получили отъ нее исцѣленіе, и отъ коихъ приносимы были привѣсы; за тѣмъ, чтобъ икона, по перенесеніи ея изъ алтаря, поставлена была въ новоустроенномъ кіотѣ за правымъ, въ Ново-Кодацкой церкви, клиросомъ, со всякимъ благоговѣніемъ, что и сдѣлано. Богородичная икона Ново-Кодацкимъ священникомъ Θеодоромъ Θомичемъ, въ присутствіи прочихъ Ново-Кодацкихъ также священниковъ и діаконовъ, 26 декабря 1770 года, на указанное, Кошевымъ мѣсто поставлена; о чемъ, равно о привѣскахъ и чудесныхъ исцѣленіяхъ, со исчисленіемъ оныхъ, тогда же донесено было и Кошевому.

Впрочемъ Старо-Кодацкая Духовная «намѣстнія», не смѣя вовсе умолчать предъ своимъ епархіальнымъ начальствомъ о таковомъ случаѣ, просила Кошъ Запорожскій, дабы позволено было объ ономъ отрапорто-

вать въ Консисторію Кіевской митрополіи, за небытіемъ еще тогда Консисторіи Славянской. Марта 2 дня 1771 года, чрезъ ордеръ изъ Коша, послѣдовала на оное резолюція: не представлять.

Разсужденіе и запрещеніе.—Ибо подлинно ли де, писалъ Кошевый, та икона чудотворная, знать еще не можно; а сего довольно вездѣ есть, яко отъ всякія иконы, аще токмо кто съ вѣрою отъ православныхъ приложится къ ней, человѣку въ болѣзняхъ ею исцѣленіе подается.—Въ 1775 году Іюня 4 дня Сѣчь запорожская, Высочайшею волею Государыни Императрицы упразднена и Кошъ онаго войска уничтоженъ. «Намѣстнія Старо-Кодацкая» когда такимъ образомъ сдѣлалась совершенно свободною: тогда полную нашла возможность, поправить свой проступокъ и опущеніе. Въ 17-й день февраля 1776 года, о Богородичной, въ Койдакахъ, чудотворною почитаемой, иконѣ и донесено въ Консисторію Кіевской митрополіи. Между тѣмъ учредилась Славянская и Херсонская епархія, съ назначеніемъ въ оную епархіальнымъ архіереемъ преосвященнаго Евгенія Булгариса, къ которому, по сей причинѣ, дѣло изъ Консисторіи Кіевской и препровождено на разсужденіе.

По предложенію преосвященнаго Евгенія Славянскаго, Консисторіею новое, о иконѣ Богородичной наряжено было изслѣдованіе. Оное порученіе дано Сокольскаго манастыря игумину Иринарху Рудаковскому, съ прочими священнослужителями, коимъ сверхъ того, предписано было икону, чудотворную именуемую, тогда же поставить на прежнее ея мѣсто и молебствія ей пѣть прекратить. Сіе слѣдователями и исполнено, не безъ опасенія.

Когда и кѣмъ именно писана первоначально сія икона, отъ кого и по по какому случаю принесена въ церковь, слѣдствіемъ, до подлинности, не открыто. Одинъ только сторожилъ изъ кадацкихъ жителей (ктиторъ) Семенъ Бардадимъ пояснилъ: что лѣтъ за сорокъ, слѣдовательно около 1736 года, помнитъ онъ, что та икона стояла въ прежней ветхой Ново-Кодацкой Николаевской церкви, въ притворѣ церковномъ; по выстроеніи же новой церкви, стояла сперва въ разницѣ церковной, потомъ въ пономарнѣ. А когда нѣкоторыя явленія отъ той иконы послѣдовали, то перенесена въ олтарь, и поставлена за престоломъ, 1770 года, въ кіотѣ сдѣланномъ коштомъ Сѣчи Запорожской войскового есаула Василія Письмича, для поминовенія умершаго у него, изъ Татаръ, крестнаго сына. Явленій изъ чудесъ описано правда не малое число; но всѣ они поелику не подтвердились неоспоримыми доводами, то изслѣдованіе объ иконѣ, продолжавшееся не менѣе двухъ лѣтъ, заключено тѣмъ, что преосвященный Евгеній, по мнѣнію консисторіи и на основаніи указовъ о таковомъ предметѣ, взялъ ее въ архіерейскую свою, при Полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ

ризницу[1]); о семъ и донесъ, 1778 года Сентября 2-го дня Святѣйшему Синоду

Мѣсто теперешняго ея нахожденія. Изъ Полтавскаго Кресто-воздвиженскаго монастыря, при переходѣ преосвященныхъ архіереевъ Славянскихъ въ городъ Екатеринославъ, перенесена икона въ Екатеринославъ и сохраняется въ Самарскомъ, архіерейскому дому принадлежащему, монастырѣ.

V.

Успенская церковь въ «Вороновкѣ»—предмѣстьѣ города Новомосковска (Екатеринославской губ.).

I. Кресты.

1. *Крестъ* (7×11 в.) прямоугольный, четырехконечный, оправленный съ боковыхъ сторонъ въ серебро съ придѣланными къ наружнымъ краямъ и оконечностямъ креста чеканными узорами и исходящимъ отъ средины креста, въ видѣ лучей, сіяніемъ. (Рис. 59). Внутри креста два ряда священныхъ изображеній изъ отдѣльныхъ кипарисныхъ фигуръ весьма тонкой, искусной работы, раздѣленныхъ съ ихъ исподнихъ сторонъ проложенною по всей длинѣ и ширинѣ креста синею матеріей, а съ наружныхъ—лицевыхъ сторонъ прикрытыхъ стеклами, вставленными въ серебряную оправу, креста. Изображенія размѣщены въ слѣдующемъ порядкѣ: съ лицевой стороны—по рединѣ І. Хр., распятый па крестѣ съ стоящими внизу Божіей Матерью и св. Іоанномъ Бог., съ двумя, по сто-

58. Церковь Успенія пр. Богородицы въ Вороновкѣ, предмѣстьѣ г. Новомосковска.

---

[1]) *Описаніе иконы.* Икона сія мѣрою, въ длину поларшина и три вершка, въ ширину „поларшина съ вершкомъ, на доскѣ деревянной, липовой, склееной; изображена на подо-„біе Ахтырскія Богоматери. Съ правой стороны написанъ на ней распятый на крестѣ Спа-„ситель: при распятіи же изображенъ Іерусалимскій Соломоновъ храмъ и гробъ запечатан-„ный: на лѣвой сторонѣ столба обвитый вервіями, копіе и трость; на столбѣ пѣтухъ вверху, „съ справой стороны солнце, а съ лѣвой луна; страстныя орудія: терновый вѣнецъ, четы-„ре гвоздя, лежащіе на крестѣ; рука, молотокъ, клещи, розга терновая, кувшинъ, чаша,

ронамъ, крестами съ распятыми на нихъ разбойниками, налѣво несенія Спасителемъ креста, направо положенія Спасителя во гробъ, наверху Воскресенія Христова; подъ распятіемъ снятія со креста пречистаго тѣла Господня и внизу моленія Спасителя въ Геѳсиманскомъ саду. Съ обратной стороны, по срединѣ—св. Троица въ лицѣ 3-хъ Ангеловъ явившихся праотцу Аврааму у Мамврійскаго дуба, лѣвѣе пророкъ Моисей и въ лѣвомъ концѣ—Рождество Пресвятыя Богородицы, наверху Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, въ правой сторонѣ Пророка Иліи съ ножомъ въ поднятой рукѣ (у его ногъ сидитъ воронъ) и правѣе поклоненіе волхвовъ Младенцу Христу; ниже св. Троицы—фигуры, въ ростъ, апп. Петра и Павла, а внизу в. м. Георгія и св. Александра Невскаго, между послѣдними двумя фигурами вырѣзанъ «1791 г.», вѣроятно, указывающій время сооруженія креста. Крестъ находится на чеканномъ подножіи и стоитъ за св. престоломъ въ алтарѣ лѣваго придѣла на особой подстановкѣ. Діаметръ подножія 8 верш., вышина креста съ подножіемъ 1 арш. 11 верш.

59. Крестъ 1791 въ Успенской церкви въ Вороновкѣ.

2. *Крестъ* ($1^3/_4 \times 2$ верш.) прямоугольный, четырехконечный на подножіи. Съ лицевой стороны по срединѣ второй крестикъ изъ желтаго камня со вставленными при концахъ его четырмя фіолетовыми камешками. Исподняя сторона гладкая, золоченная, съ вырѣзанною по срединѣ надписью—«кипріянъ Островскій во архимандрита Николаевского произведенъ апрѣля 15 дня 1807 г.». Къ верхней и боковымъ оконечностямъ

„фонарь, риза и на ней написаны жребіи. Икона художества посредственнаго, за давностію „времени потемнѣла, и обгорѣла такъ, что краски въ нѣкоторыхъ мѣстахъ спеклись и слились, примѣтно отъ пожара, въ которомъ гдѣ и когда была оставшись цѣлою, не извѣстно. „На иконѣ окладъ серебряный, вызолоченный, съ изображеніемъ орудій страстей христовыхъ. На окладѣ надпись: сія шата сдѣлана къ Богоматери въ Ново—Кодацкую церковь, „въ цѣну сто шестдесятъ одинъ рубль двадцать пять копѣекъ, коштомъ его вельможности „пана Кошового Атамана, Петра Ивановича Кальнишевскаго 1772 года, Декабря 30 дня, „вѣсу въ ней три фунта двадцать одинъ лотъ“.

креста прикрѣплены чеканные серебренные узоры. Подножіе гладкое. Вышина креста съ подножіемъ 5¹|4 верш.

3. *Крестъ* (1³|4 × 3 верш.) кипарисный въ сребропозлащенной съ вырѣзанными на ней узорами оправѣ. На лицевой сторонѣ рѣзное изображеніе распятаго Спасителя, съ обратной—Божіей Матери. Рукоять серебряная витая. Длина креста съ рукоятью 7 верш.

II. Евангеліе.

1. *Евангеліе* (5 × 8¹|2 верш.), напечатанное въ 1764 году. Обѣ доски обиты зеленымъ бархатомъ и украшены сребропозлащеннымъ окладомъ. На верхней доскѣ чеканныя изображенія: въ средникѣ — Спасителя и въ угольникахъ—св. Евангелистовъ съ символами. На исподней доскѣ четыре пукли, въ средникѣ чеканное изображеніе св. Троицы въ лицѣ трехъ Ангеловъ, а по краямъ доски чеканный узоръ. На корешкѣ три чеканныхъ накладки.

60, 61 и 62. Потиры въ Успенской церкви въ г. Вороновкѣ.

III. Потиры.

1. *Потиръ* серебряный съ накладною сѣткой въ верхней части и чеканными узорами на рукояти и подножіи (Рис. 60). Среди сѣтки въ трехъ позлащенныхъ овалахъ вырѣзаны изображенія Спасителя, Божіей Матери и св. Іоанна Предтечи, близь верхняго края чаши вырѣзана надпись: «пійте отъ нея вси....». Внизу, по окружности подножія вырѣзана надпись: «сію чашу сооружили жители новомосковскіи доброхотни дателѣ Борисъ Кончикъ и Карпо Рибалка до храма Успения «Пресвятыя Богородіци 1798 года мѣсяца генваря 12». Діаметръ чаши 2³|4, вышина потира 7 верш.

2. *Потиръ* серебряный съ накладною сѣткой въ верхней части и чеканнымъ подножіемъ. (Рис. 62.). Близь верхняго края потира надпись „тѣло Христово пріимите". Среди сѣтки въ трехъ позлащенныхъ овалахъ вырѣзаны изображенія Спасителя, Божіей Матери и св. Іоанна Предтечи, а внизу, на подножіи, тоже въ трехъ овалахъ орудія Христовыхъ страданій. По окружности подножія вырѣзана надпись „стараниемъ діакона

іоана Журавлева 1813 г. февр. 5 вѣсу 2 фун. Діаметръ чаши 3, вышина потира $6^1/_2$ верш.

3. *Потиръ* серебряный съ накладною, въ верхней части, сѣткой и подножіемъ съ чеканными узорами. (Рис. 61). Близъ верхняго края потира вырѣзана надпись: „тѣло Христово пріимите". Среди сѣтки, въ золоченныхъ овалахъ, вырѣзаны изображенія Спасителя, Божіей Матери, Іоанна Предтечи, и Распятія Христова. На подножіи вырѣзаны въ трехъ овалахъ: — моленіе о чашѣ, возложеніе на главу Спасителя терноваго вѣнца и несеніе креста, а въ четвертомъ овалѣ слова: „твоя отъ твоихъ тебѣ приносяще". Діаметръ чаши $2^1/_2$, вышина потира $6^1/_2$ верш.

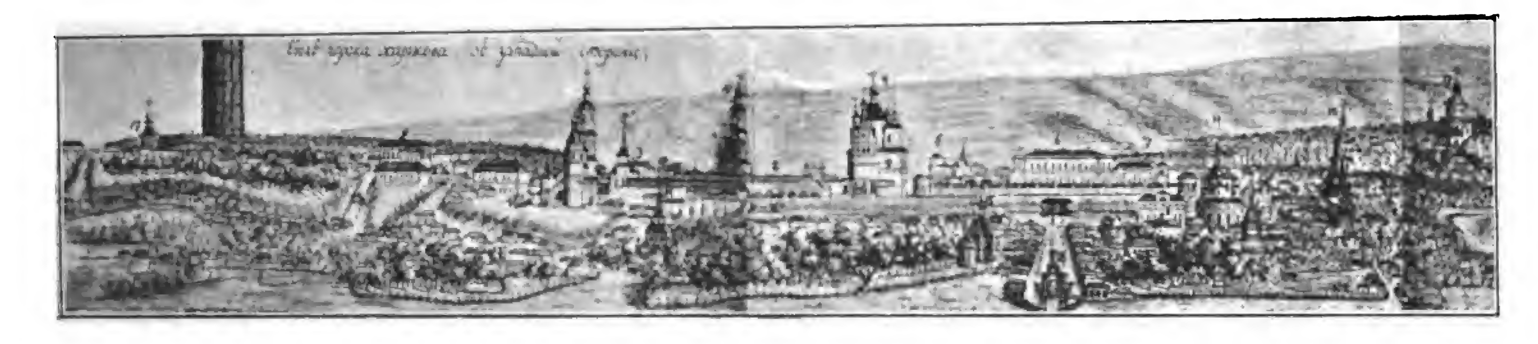
IV. Дарохранительница.

1. *Дарохранительница* серебряная, мѣстами вызолоченная, на четырехъ ножкахъ. (Рис. 63) Въ нижнемъ ея ярусѣ съ передней стороны (гдѣ и кольцо для ящичка) вычеканено положеніе Спасителя во гробъ, съ обратной стороны—два ангела, а съ боковыхъ сторонъ чеканный узоръ. Во второмъ ярусѣ, съ передней стороны (здѣсь опять кольцо для ящичка) чеканное изображеніе ангела у гроба Спасителя съ вырѣзанною надписью „нѣсть здѣ но воста", въ правомъ углу солнце въ видѣ человѣческаго лица. Съ обратной стороны вычеканены узоры. Надъ вторымъ ярусомъ, на шейкѣ, яблоко, а надъ нимъ на небольшомъ шпицѣ чеканное, въ овалѣ, изображеніе воскресшаго Спасителя. Внизу, по сторонамъ дарохранительницы двѣ отдѣльныхъ чеканныхъ фигуры воиновъ, а по сторонамъ второго яруса два ангела въ ростъ: одинъ съ крестомъ, другой—съ копьемъ и губой на трости; по сторонамъ же крыши надъ вторымъ ярусомъ двѣ звѣздочки на небольшихъ стержняхъ. Длина дарохранительницы 4, ширина $2\ ^3/_4$, вышина $11^1/_4$ верш. Внизу, по наружнымъ краямъ, вырѣзана надпись: „коштомъ господина помѣщика Павла Кореневскаго отдана „въ Новомосковскую успенскую церковъ 1803 г. августа 21 дня вѣсомъ 2 фун. 72 зол.".

63. Дарохранительница и два креста въ Успенской церкви въ Вороновкѣ.

28 апрѣля 1905 года
д. Палинзу въ Манчжуріи.

В. Машуковъ.



Видъ г. Харькова съ западной стороны на планѣ Харьковскаго Намѣстничества 1787 г.

(Оригиналъ въ Военно-Ученомъ Архивѣ Главнаго Штаба 1057, отд. 7).

1. Харьковской коллегіумской манастырь.
2. Гостинной дворъ.
3. Банковая кантора.
4. Соборная церьковь.
5. Губернской магистратъ.
6. Генералъ-губернаторской домъ.
7. Губернаторской домъ.
8. Казенная аптека.
9. Правіантской магазеинъ.
10. Церьковь Николая.
11. Церьковь Рождества Христова.
12. Церьковь Живоначальныя Троицы.
13. Церьковь Архангела Михаила.
14. Церьковь Благовѣщенія.
15. Церьковь Димитрія.
16. Тріумфальные вороты.
17. Кладбищеная церьковь.

XXVIII

Матеріалы къ изученію церковныхъ древностей Украйны.

Церкви города Харькова.

До XII археологическаго съѣзда, бывшаго въ г. Харьковѣ, древности церквей Харьковской губерніи и въ частности г. Харькова почти не изучались, и не издавались, за исключеніемъ нѣкоторыхъ иконъ пресв. Богородицы въ спеціальныхъ книжечкахъ, назначенныхъ для богомольцевъ. Изъ научныхъ работъ имѣется только одинъ трудъ бывшаго Харьковскаго архіепископа Филарета «Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи (Отд. 1—5, Харьковъ—Москва 1857—1859). Но въ немъ представлена лишь одна регистрація церковныхъ памятниковъ: иконы и вообще памятники церковной утвари отмѣчаетъ онъ бѣгло и не даетъ никакого понятія не только о характерѣ ихъ работы, но даже о содержаніи. Однако и эта регистрація имѣетъ важное значеніе: [1]) она показатель того, что нѣкогда было въ церквахъ, что состовляло ихъ святыню, украшеніе, что можно найти въ нихъ теперь-для составленія понятія о культурѣ, о высотѣ состоянія искусствъ, художественной идустріи въ ту эпуху, когда строились и украшались церкви.

Въ виду указаннаго съѣзда мною было предпринято нѣсколько эккурсій въ нѣкоторые города и села Харьковской губ., съ цѣлью изученія церковныхъ древностей. О результахъ изученія этихъ древностей мною было доложено на археологическомъ съѣздѣ, [2]) нѣкоторыя же изъ самыхъ древностей были на выставкѣ съѣзда, въ ея церковно-археологическомъ отдѣлѣ, а съ большинства изъ нихъ были представлены тамъ-же фотографіи.[3])

---

[1]) См. подробно объ этомъ мой докладъ „Памятники церковныхъ древностей Харьковской губ.“ въ „Трудахъ Харьковскаго Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда,“ т. I, 44 –48, и въ отд. от.

[2]) Извѣстія XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ X. 1902, 137.

[3]) *Е. К. Рѣдинъ*, Каталогъ XII археологическаго съѣзда. Отдѣлъ церковныхъ древностей. См. предисловіе. Нѣкоторые памятники уже воспроизведены въ изданномъ К. А. Фишеромъ подъ редакціею Е. К. Рѣдина „Альбомѣ выставки XII археологического съѣзда въ г. Харьковѣ.“ Москва 1903.

Изданіе описанныхъ и обслѣдованныхъ мною памятниковъ религіознаго искусства будетъ предложено въ другомъ мѣстѣ. Въ настоящее-же время дается описаніе и изданіе древнихъ памятниковъ церквей г. Харькова, изученіе которыхъ было произведено мною въ концѣ 1904 года въ виду просьбы глубокоуважаемаго товарища проф. Д. И. Багалѣя,— издающаго совмѣстно съ Д. П. Миллеромъ капитальный трудъ „Исторія города Харькова за 250 лѣтъ его существованія"; для 11-й главы этого труда „Церковь и духовенство" мною былъ сообщенъ матеріалъ, добытый при изученіи указанныхъ памятниковъ церквей г. Харькова; этотъ же матеріалъ съ небольшими дополненіями издается въ настоящемъ „Сборникѣ", посвященномъ XIII археологическому съѣзду.

Г. Харьковъ основанъ, какъ это явствуетъ изъ новѣйшей исторіи его,[1]) въ 1654 г., а постройка городскихъ укрѣпленій, т. е. города началась въ 1655 г. Древнѣйшіе поселенцы его—выходцы изъ Малороссіи Заднѣпровской. Харьковъ въ первую пору своего существованія игралъ роль передового оплота противъ Крымскихъ ордъ, онъ былъ крѣпостью [2]). Послѣдняя была деревянной и состояла изъ дубоваго тына, и стѣны и 10 башенъ, покрытыхъ драныо; тынъ былъ окруженъ рвомъ. Вся окружность городовой стѣны равнялась 475 саж. Форму крѣпость имѣла четыреугольную; на четырехъ углахъ ея было по башнѣ и эти башни имѣли названіе наугольныхъ.

Всѣхъ жителей въ 1655 г., полагаютъ, было 1500—1800 человѣкъ.

Для религіозныхъ цѣлей, вмѣстѣ съ постройкой города начато было конечно, устройство и церквей. Первою церковью города, его соборомъ—былъ храмъ, устроенный внутри крѣпости во имя Успенія Пресвятой Богородицы.

Ростъ, расширеніе города, увеличеніе его населенія съ теченіемъ времени потребовали, конечно, вскорѣ устройства и другихъ церквей.

Въ предѣлахъ крѣпости была устроена другая церковь—Покровская, освященная въ 1689 г.

Но ранѣе ея уже были построены другіе храмы, находившіеся внѣ крѣпости, въ предмѣстьѣ и слободахъ. «Уже въ 1659 году существовали въ Харьковѣ, кромѣ Соборной, Благовѣщенская и Троицкая [3]), а въ 1663 г.—Михайловская и Рождественская [4]). Судя по упоминанію въ

---

1) *Д. И. Багалѣй* и *Д. П. Миллеръ*, О с., I, 23.

2) Ibid., I, 28.

3) Моск. Арх. Мин. Юст. Бѣл. Ст. св. 52., л. 191—194 (Ibid. I, 197).

4) На челобитьѣ Харьковцевъ 1663 г. вмѣсто прихожанъ своихъ подписались: соборной церкви попъ Іеремій, Рождественской—попъ Тимофей, Благовѣщенской—попъ Леонтій, Троицкой—попъ Іосифъ и Архангельской—попъ Василій. Бѣлг. ст. столбецъ № 399. (Ibid., I, 197)

описаніи Харькова 1668 г. Никольскихъ воротъ, можно думать, что въ это время была уже и Николаевская церковь, отмѣчаемая во всякомъ случаѣ документами самаго начала XVIII в. Въ самомъ началѣ XVIII в., а можетъ быть и въ концѣ XVII в. уже существовала Дмитріевская церковь, въ 1687 г.—Вознесенская, въ XVIII в. Воскресенская. Слѣдовательно въ XVII в. въ Харьковѣ были церкви: Успенская, Соборная Благовѣщенская, Троицкая, Михайловская, Николаевская, Рождественская, Покровская и Вознесенская; въ началѣ XVIII в.: Дмитріевская, Воскресенская» [1]); въ концѣ XVIII в.—Женъ Мироносицъ и, быть можетъ, Каплуновская (освящена въ 1810 г.).

«Нѣсколько страннымъ является слишкомъ раннее возникновеніе Вознесенской церкви (оно подтверждается только глухой ссылкой преосвящ. Филарета на одинъ актъ, текста котораго онъ не приводить). Существованіе-же остальныхъ храмовъ (предполагаемъ приблизительно на тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ они стоятъ и нынѣ) не возбуждаетъ сомнѣній и является вмѣстѣ съ тѣмъ показателемъ предѣловъ города Харькова въ 2-й половинѣ XVII в., первой четверти XVIII в., и конца его. Они захватывали Подолъ (Троицкій приходъ), переходили уже и за р. Лопань (Рождественскій и Благовѣщенской приходъ), доходили во всякомъ случаѣ по нынѣшней Екатеринославскій улицѣ до Дмитріевской церкви, переходили и за р. Харьковъ, обнимая Михайловскій и Вознесенскій приходы, касались и Нетечи въ чертѣ Воскресенскаго прихода.“ [2])

Городъ Харьковъ въ XVII—XVIII вѣкахъ входитъ въ составъ Бѣлгородской епархіи; самостоятельная Харьковская епархія была учреждена только въ концѣ 1799 года. Но въ первые годы своего существованія до 1677 г., т. е. до учрежденія Бѣлгородской епархіи, Харьковъ, вмѣстѣ съ другими городами Бѣлгородской черты и Слободской Украйны, находились въ церковномъ вѣдѣніи Московскаго патріарха, но это обстоятельство мало вліяло на общій строй церковной жизни Слободской Украйны. Связи съ прежней своей родиной—правобережной Украйной продолжались и ея культурно-бытовое вліяніе. «Юго-западная церковь, говоритъ проф. Д. И. Багалѣй, несомнѣнно наложила рѣзкую печать на церковную общественную жизнь Слободской Украйны вообще и города Харькова въ частности и это вліяніе оказалось столь сильнымъ и прочнымъ, что просуществовало $2^1/_2$ вѣка и пережитки его можно наблюдать еще даже и нынѣ. Строй западнорусской церкви во многомъ отличался отъ такого же строя сѣвернорусской, ибо Великой и Малой Руси пришлось жить въ разныхъ

[1]) Jbid. I, 33.
[2]) Jbid. I, 33.

историческихъ условіяхъ, которыя, конечно, наложили свою печать на ту и другую во всѣхъ сферахъ жизни, въ томъ числѣ и церковной. Выходцы изъ правобережной Малороссіи приносили съ собою на слободы свои „старочеркасскія обыкности", т. е. старинные малороссійскіе обычаи и въ числѣ ихъ видное мѣсто занимали ихъ церковныя особенности. Среди же этихъ послѣднихъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить живое участіе мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ, нашедшее себѣ выраженіе въ выборѣ прихожанами священно и церковно-служителей и въ учрежденіи братствъ, школъ, и шпиталей (т. е богадѣленъ). Все это было перенесено переселенцами и на новыя мѣста ихъ жительства и заботливо охранялось ими въ качествѣ стариннаго дѣдовскаго и прадѣдовскаго церковнаго обычая. Сохраненіе его поддерживалось еще тѣмъ, что слобожане, переселявшіеся часто массами, цѣлыми деревнями и обозами, приводили съ собою своихъ прежнихъ священниковъ и дьячковъ, привозили свои иконы и богослужебныя книги западнорусской печати, церковную утварь, колокола и т. п. Да и впослѣдствіи къ нимъ могли приходить „черкасскіе" священно и церковнослужители, т. е. выходцы изъ право или лѣвобережной Малороссіи. Приходы твердо отстаивали свое старинное право выбора и приглашенія священниковъ и, естественно, что заключали въ этомъ смыслѣ договоры съ людьми „малороссійской породы". Естественно, что и богослужебныя книги чаще всего покупались все той же Кіевской, Львовской, Виленской, Черниговской и вообще западнорусской печати. Всѣмъ этимъ сильно поддерживалась старая церковная традиція.

Священники первыхъ харьковскихъ церквей были, повидимому, южнорусскаго происхожденія. И можно предполагать, что они вмѣстѣ со своими будущими прихожанами принимали живѣйшее участіе въ построеніи храмовъ". [1])

Естественно также въ силу этого, что тоже культурное вліяніе сказывалось въ самомъ архитектурномъ планѣ церквей, въ характерѣ живописи, украшавшей ихъ, въ иконахъ, иконостасахъ, и вообще въ многочисленныхъ предметахъ церковнаго ритуала, религіознаго искусства и художественной индустріи.

Многія изъ Харьковскихъ церквей были въ начальную пору своего существованія деревянными. Къ сожалѣнію, ни одна изъ нихъ не дошла до нашего времени. Но, судя по нѣкоторымъ, переданнымъ въ видахъ города Харькова XVIII в., (см. рис. 1) [2]), судя по Покровской монастырской церкви каменной,

---

[1]) О. с., I, 319—320.

[2]) Съ картины, писанной масляными красками на холстѣ, съ подписью, утверждающей, что видъ относится къ 1775 г. На планѣ Харьковскаго Намѣстничества 1787 г. имѣющійся

построенной по архитектурному типу деревянныхъ, судя, наконецъ, по аналогіи съ многочисленными памятниками деревянной церковной архитектуры, сохранившимся еще на почвѣ Харьковской губ., можно полагать, что деревянная архитектура церквей г. Харькова не имѣла связи съ сѣверно-русской архитектурой, а съ архитектурой малороссской, памятники которой также до сихъ поръ сохранились въ Полтавской, Екатеринославской, Курской губерніи, въ области Войска Донскаго. Эта архитектура имѣетъ въ свою очередь ближайшую связь съ архитектурой Галиціи.

Очень мало сохранилось въ Харьковскихъ церквахъ и памятниковъ живописи, древнихъ иконъ. Но и по слабымъ остаткамъ ея видно, что она также стоитъ въ тѣсной связи съ той живописью, что извѣстна во

1. Видъ города Харькова съ датою конца XVIII вѣка.

многихъ памятникахъ въ церквахъ Харьковской же губерніи, Екатеринославской, Кіевской, Полтавской и др. Въ этой живописи также не видно вліянія сѣверно-русскихъ школъ иконописи, идущихъ въ большей или меньшей степени по слѣдамъ византійскихъ традицій, образцовъ. Памятники живописи церквей Харькова и Харьковской губ. примыкаютъ къ южно-русской, или малорусской живописи, которая, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ западной живописи эпохи Возрожденія, подражаетъ ея образцамъ, копируетъ ихъ, но не рабски, а внося мѣстныя черты, типы. Наибольшее количество древнихъ памятниковъ, сохранившихся въ церквахъ г. Харькова, состоитъ изъ предметовъ церковной утвари: крестовъ,

видъ г. Харькова приближается больше всего именно къ тому, что на настоящей картинѣ; архитектура второй церкви справа вполнѣ совпадаетъ въ одномъ и другомъ случаѣ. Картина издана впервые въ „Альбомѣ выставки XII археолог. съѣзда“, табл. XXVII, рис. 73.

чашъ, дарохранительницъ и т. п., это въ значительной части прекрасные памятники художественной индустріи XVIII в., цѣнный матеріалъ для изученія этой отрасли искусствъ, для выясненія и въ ней тѣхъ или иныхъ вліяній.

Изученіе церквей г. Харькова, ихъ древностей, показываетъ, что многое изъ указаннаго въ свое время преосв. Филаретомъ, уже нѣтъ въ нихъ, но съ другой стороны въ нихъ много находится того, что послѣднему осталось неизвѣстнымъ. Въ общемъ это—лучшій показатель того, что наша губернія не бѣдна древними памятниками религіознаго искусства; только необходимо дорожить ими, сохранять ихъ отъ гибели, и давать имъ мѣсто въ научно-общественныхъ учрежденіяхъ, древлехранилищахъ, какъ драгоцѣннымъ памятникамъ нашего культурнаго прошлаго, какъ источнику для научной исторіи этого прошлаго.

Познакомимся же съ сохранившимися памятниками въ церквахъ г. Харькова.

I.

Каѳедральный соборъ Успенія Пресв. Богородицы.

«Древнѣйшею церковью въ предѣлахъ Харьковской крѣпости была Успенская. Преосвященный Филаретъ, основываясь на надписи на одномъ ихъ хранящихся въ ней евангелій, относилъ ея основаніе ко времени ранѣе 1659 г. Новѣйшій изслѣдователь судьбы Харьковскаго собора, протоіерей Т. И. Буткевичъ „склоненъ относить начало построенія въ Харьковѣ деревянной Успенской церкви если не къ половинѣ, то къ концу XVI вѣка“ [1]). Онованіемъ для такого предположенія послужили, впрочемъ, не фактическія данныя, а апріорныя, такъ сказать, соображенія. Авторъ знаетъ, что въ 60-хъ годахъ XVII в. Успенская церковь уже обветшала; думаетъ, что церковь эта была выстроена изъ дубоваго лѣса, а такъ какъ подобныя сооруженія могутъ существовать безъ особыхъ поврежденій 100 и болѣе лѣтъ, то и заключаетъ, что временемъ основанія церкви былъ XVI вѣкъ. Документальныя данныя говорятъ другое. Въ 1658 г. воевода Офросимовъ доносилъ въ Москву: „а въ Харьковскомъ, государь, твое царское богомолье построена соборная церковь Успенье Пресвятыя Богородицы краснаго и новаго лѣса, а лѣсъ, государь, на ту соборную церковь возили ратные люди въ прошломъ во 165 (1657) году при Воинѣ Силифонтову“ (первый Харьковскій воевода) [2]). Этимъ донесеніемъ вполнѣ точно опредѣляются какъ годъ постройки церкви, такъ и матеріалъ, изъ котораго она выстроена.

---

[1]) Истор.-статистич. описаніе Харьковскаго каѳедр. Успенскаго собора, Х. 1894. 3.

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столб. Бѣлгор. стола, № 399.

„Первоначальная деревянная церковь—говоритъ о. Буткевичъ—была построена не на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ каѳедральный Успенскій соборъ, но къ югу отъ него саженей на 25 или 30, т. е. между теперешними университетскими клиниками и университетскою церковью. Еще въ концѣ XVIII ст. здѣсь на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ придѣлъ этой церкви, стояла деревянная „каплица". Церковь эта была однопрестольная и холодная". Размѣры ея были не велики: „межъ углы 4 сажень". Кости, отрываемыя при земляныхъ работахъ вблизи церкви, даютъ основаніе предположить о существованіи здѣсь въ старыя времена кладбища"[1]).

Нѣкоторыя свѣдѣнія о характерѣ первой церкви имѣемъ изъ уже извѣстнаго намъ интереснаго донесенія воеводы Офросимова въ Москву. Онъ находитъ храмъ тѣснымъ и лишеннымъ всего самаго необходимаго— иконъ и богослужебныхъ книгъ, и отмѣчаетъ, что иконы замѣняются бумажными листами литовскаго письма. Но при пользованіи этимъ документомъ, говоритъ проф. Д. И. Багалѣй,[2]) необходимо, однако, имѣть въ виду, что краски здѣсь сильно, хотя, быть можетъ, и невольно сгущены. Воевода Офросимовъ, привыкшій къ благолѣпію московскихъ храмовъ, относившійся, подобно всѣмъ московскимъ людямъ, чрезвычайно подозрительно къ православію западно-русцевъ, бывшихъ подъ властью католическихъ польскихъ королей, признававшій настоящею христіанскою вѣрою только то православіе, которое онъ видѣлъ у себя, не успѣвшій еще ознакомиться съ бытовыми особенностями малорусскихъ переселенцевъ и привыкнуть къ нимъ, естественно былъ смущенъ и малыми размѣрами храма, занимавшаго, повидимому, площадь всего въ 16 саженъ, и отсутствіемъ иконъ по стѣнамъ его, и замѣною ихъ бумажными листами литовскаго письма, и отсутствіемъ богослужебныхъ книгъ. И вотъ онъ считаетъ «*маловѣріемъ*» то, что черкасы поклонялись этимъ листамъ и стѣнамъ и «ложью» предъ Богомъ то, что, благодаря отсутствію необходимыхъ церковныхъ книгъ, они не могли совершать всѣхъ видовъ богослуженія въ должной полнотѣ, даже не имѣли возможности по той же причинѣ совершать молебствіе за Государево здравіе. Но, конечно, здѣсь ни маловѣрія, ни лжи предъ Богомъ не было: бумажные листы литовскаго письма представляли изъ себя тѣ же иконы, только съ изображеніями на бумагѣ, а не на деревѣ или металлѣ; харьковцы не покланялись стѣнамъ, а просто вынуждены были молиться въ церкви, которую пока еще не имѣли возможности украсить священными живописными изображеніями или иконами, ибо не было въ ихъ военной средѣ художника и негдѣ было имъ купить готовыхъ иконъ; неполнота

[1]) *Д. И. Багалѣй и Д. П. Миллеръ*, О. с., I, 198.
[2]) О. с., I, 320—322.

богослуженія также, конечно, не являлась ложью предъ Богомъ и была вынуждена обстоятельствами, объ устраненіи которыхъ, какъ увидимъ далѣе, уже заботились черкасы. Въ словахъ воеводы Офросимова ярко выразился взглядъ великорусскихъ людей XVII вѣка на православіе, которое они представляли себѣ почти исключительно съ внѣшней обрядовой стороны: молитвы внутренней безъ иконъ или даже передъ иконами необычнаго для нихъ вида они не признавали; навѣрное, въ Успенскомъ храмѣ были какія нибудь церковныя книги, по которымъ совершалось богослуженіе, но это были по всей вѣроятности также книги «литовскаго письма», т. е. западнорусской печати—и ихъ воевода игнорируетъ, онъ знаетъ и признаетъ только перечисленныя имъ изданія московской печати. Для подобнаго рода людей все, маломальски, непохожее на свое, представлялось уже чуждымъ, страннымъ, невѣрнымъ; и понятно, съ другой стороны, какъ на подобной почвѣ развилось «стояніе за единую *букву* азъ», т. е. старовѣріе.

Итакъ, въ самый первый моментъ церковной жизни города Харькова, въ ней проявилась юго-западная стихія. Первымъ священникомъ у харьковцевцевъ, вѣроятно исполнявшимъ у нихъ требы и таинства еще до построенія перваго храма и быть можетъ пришедшимъ съ первыми поселенцами въ Харьковъ былъ малороссіянинъ Еремеище—такъ онъ называетъ себя въ современныхъ московскихъ актахъ. Такого же малороссійскаго происхожденія, очевидно, были новопоставленный священникъ Василище и діаконъ Іосипище. Въ 1657 году они втроемъ явились въ Москву для челобитья о «церковномъ строеньѣ», т. е. для полученія денегъ и церковныхъ предметовъ, необходимыхъ для начатаго въ это время постройкою Успенскаго храма, а можетъ быть и другихъ намѣченныхъ къ постройкѣ церквей. Воевода Офросимовъ писалъ въ Москву объ Успенскомъ Соборѣ: «образовъ Государь, мѣстныхъ и Деисусовъ нѣтъ; нѣтъ, Государь, евангелія напрестольнаго, ни служебника, ни потребника, ни тріоди постной, ни трихолоя, ни Апостола, ни минеи общей, ни Октои, ни шестоднева, ни псалтыря съ слѣдованіемъ, ни Евангелія толковаго». На Москвѣ они подали челобитную слѣдующаго содержанія. «Царю Государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея великой и малой и бѣлой Россіи Самодержцу. Бьютъ челомъ богомольцы Твои бѣдные Государевы Украинскаго дальняго города Харькова черкасскій попъ Еремѣище и новоставленные попъ Василище и діаконъ Іосипище... Приволоклися мы, богомольцы Твои, къ Тебѣ, Государю бити челомъ о церковномъ строенью; и мы на Москвѣ волочимся четвертую недѣлю и черезъ тые часы спроѣлися, пыть и исты нечего, и скуфіей

у насъ нѣтъ. Милосердный Государь... Самодержецъ, пожалуй насъ, богомольцевъ своихъ, вели, Государь, намъ бѣднымъ своего Государева жалованія кормъ дати, чимъ тебѣ, Государю, объ насъ Богъ извѣститъ. Царь-Государь, смилуйся». Царь приказалъ выдать изъ разряда челобитчикамъ — попамъ по рублю, а діакону 20 алтынъ. Въ 1656—1657 г. подали любопытную челобитную б. соборный діаконъ Іосифъ и о. Иванъ Аѳанасьевъ [1]. Царское жалованье на Успенскій соборъ было отпущено въ 1659 г.—и оно состояло изъ церковныхъ облаченій («ризъ зендининныхъ, епитрахили, подризнаго стихаря, поручей и пояса»), покрововъ для церковныхъ сосудовъ, воздуховъ, срачицы на престолъ и 6 фунтовъ ладона [2]). Но этимъ дѣло не ограничилось. Очень скоро (когда въ точности, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ до 1663 года) было дано новое Царское

---

[1]) Царю государю... Алексѣю Михаиловичу... бьетъ челомъ богомолецъ твой твоего государева новаго города Харькова собору Успенія Пресвятыя Богородицы бывшій дьяконъ Іосифъ бѣдной до конца разореной. Посыланъ я б. т. въ черкаскіе городы для ради церковнаго вина и для ради иныхъ церковныхъ потребъ, а какъ я б. т. искупя то церковное вино и всякую церковную потребу поѣхалъ изъ тѣхъ черкаскихъ городовъ назадъ и на дорогѣ меня б. т. ограбили Выговскаго полку казаки и сербьянѣ, то церковное вино и всякую церковную потребу они у меня отняли да коня отняли съ санми да съ меня же сняли однорядку и скуфью, и всего государь грабежомъ взяли съ меня на 20 рублевъ; а нынѣ я б. т. приволокся къ Москвѣ пѣшъ обо всякихъ нуждахъ а назадъ сволочься ко дворишку нечѣмъ грабленъ безъ остатку. Милосердный государь царь.... пожалуй меня б. т. вели государь мнѣ дать своего государева жалованья чѣмъ бы сволочься къ домишку чтобъ мнѣ скитаючись на Москвѣ голодною смертью не помереть. Царь государь смилуйся пожалуй.

На оборотѣ: 166 г. августа въ 4 день государь пожаловалъ велѣлъ ему дать доброе сукно одинецъ какое платно нынѣ попы, носять послать память изъ Разряду...

Царю государю.... бьетъ челомъ б. т. государевъ *новаго города* Харькова соборной церкви Успенія Пресвятые Богородицы да твоего государева ангела святаго и праведнаго Алексѣя человѣка Божія попъ Иванище Аѳанасьевъ. По твоему государеву указу поставленъ я богомолецъ твой къ тому твоему государеву богомолью въ попы а служить государь и за тебя великаго государя Богу молить не почему—книгъ не дано. Милосердный государь царь.... пожалуй меня б. т. вели государь къ тому своему богомолью въ Харьковъ въ соборную церковь книгъ дать и антиминсы чтобъ было почему за тебя великаго государя Богу молить и чтобъ то твое богомолье соборная церковь безъ пѣнія не была и безъ службы. Царь государь смилуйся пожалуй.

На оборотѣ: Августа въ 21 день государь пожаловалъ велѣлъ дать книгъ—евангеліе напрестольное, апостолъ,—псалтырь, минею общую, шестодневъ и послать о томъ память во дворецъ.

Лѣта 7166 августа въ день по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михаиловича.... указу окольничему Ѳедору Михаиловичу Ртищеву да Григорью Михаиловичу Аничкову да дьякамъ Давыду Дерябину да Игнатью Матвѣеву да Андрею Селину. Великій государь царь.... указалъ послать изъ приказу Большаго дворца въ новый городъ въ Харьковъ въ соборную церковь Успенія Пречистые Богородицы книги евангеліе напрестольное, апостолъ, псалтырь со возслѣдованіемъ, минею общую, шестодневъ тое жъ соборные церкви съ попомъ Иваномъ Аѳанасьевымъ. И по государеву цареву... указу окольничему Ѳедору Михаиловичу Ртищеву да Григорью Михаиловичу Аничкову да дьякамъ Давыду, Игнатью и Андрею учинить о томъ по сему великаго государя указу (Бѣлг. столъ. Столбецъ 598, лл. 91, 275, 283—284).

[2]) Арх. Мин. Юст. Бѣлгор. столъ. Связка 167, № 20.

жалованье на ту же церковь Успенія: пожалованы, престольный образъ Успенія Богоматери шестилистовый съ 2 серебряными позолоченными вѣнцами, благословенный крестъ, царскія двери со столбцами, мѣдное кадило и 4 богослужебныя книги изъ числа тѣхъ, о коихъ ходатайствовалъ Офросимовъ. Въ 1659 г. было пожертвовано въ Соборъ напрестольное евангеліе, выхваченное рабомъ Божіимъ Михаиломъ изъ Михайловской церкви сел. Плисскаго, зажженной во время бунта гетмана Выговскаго. Быть можетъ и все это—что очень вѣроятно—было пожаловано въ отвѣтъ на челобитную Офросимова».

«Въ 1685—1687 г.г., говоритъ преосвященный Филаретъ, внутри крѣпости, саженей на 25 къ сѣверу отъ деревяннаго уже обветшалаго тогда Успенскаго собора, построенъ *каменный*, крестообразный соборъ съ 5 главами, наказнымъ полковникомъ Авдіемъ Григорьевичемъ (Донцомъ) съ соборянами и освященъ въ 1688 году митрополитомъ Авраамiемъ. Такъ показываетъ опись харьковскаго Успенскаго собора 1724 года» [1]).

Профессоръ Т. Буткевичъ, ссылаясь на ту же опись 1724 г., составленную по его словамъ по волѣ преосвященнаго Епифанія намѣстникомъ І. Сенютовичемъ и протопопомъ Гр. Александровымъ, прибавляетъ къ тому еще слѣдующія подробности: отдѣльно отъ собора была построена каменная же колокольня съ 2 коморами и погребомъ; идею о постройкѣ новаго храма поддерживалъ и ревностный тогдашній протопопъ Петръ Андреевичъ съ соборянами. Средства были найдены при помощи пособія отъ правительства [2]). Это послѣднее извѣстіе очень важно, но трудно понять, почему его опустилъ преосвященный Филаретъ; къ сожалѣнію, не смотря на всѣ мои [3]) попытки розыскать въ Соборной библіотекѣ и ризницѣ рукопись, на которую ссылается профессоръ Т. Буткевичъ, не увѣнчались успѣхомъ. Въ 1733 году огромный пожаръ коснулся и Соборной церкви; по фамильной лѣтописи Квитокъ она сгорѣла; по словамъ профессора Т. Буткевича, «сгорѣла гонтовая крыша, погорѣли всѣ главы какъ на храмѣ, такъ и на колокольнѣ, внутри храма также почти все было уничтожено; остались лишь каменныя соборныя стѣны. Въ слѣдующемъ году, *стараніемъ* соборнаго протоіерея Григорія Александрова храмъ былъ возстановленъ и приведенъ даже въ лучшій видъ, чѣмъ какой имѣлъ онъ до пожара: главы были устроены вновь, крыша покрыта бѣлою аглицкою жестью, кресты вызлащены» [4]). Но въ 70-хъ годахъ

---

[1]) Ibidem, II, 8—9.

[2]) Истор. стат. опис. Харьк. каѳед. Успен. Соб., 3.

[3]) Проф. *Д. И. Багалѣй*, О. с., I, 351. Во время своихъ занятій въ Соборѣ я тоже дѣлалъ попытку найти эту рукопись.

[4]) Ibidem, 3—4.

стѣны Собора всюду дали трещины, его разобрали и, по словамъ преосвященнаго Филарета, «на мѣстѣ его, 14 мая 1771 года заложенъ нынѣшній храмъ, по плану и фасаду Московскаго храма Св. Климента, квадратный о пяти главахъ и стольких же престолахъ попечительностью протоіерея Михаила Шванскаго и церковнаго старосты поручика Федора Анастасьевича Грекова, вся постройка его окончена въ 1778 г. (См. видъ Собора рис. 2). Въ 1780 г. 27 сентября освященъ главный престолъ Успенія Пресвятыя Богородицы преосвященнымъ Аггеемъ. При освященіи присутствовалъ генералъ-фельдмаршалъ графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій, прибывшій въ Харьковъ для открытія Харьковскаго намѣстничества и присутственныхъ мѣстъ» [1]. «Средства на построеніе новаго храма соборяне добывали главнымъ образомъ отъ доброходныхъ подаяній, а иногда и весьма щедрыхъ пожертвованій соборныхъ прихожанъ; немало пользы приносили и «прохатыри»—Гаврило Липка, Кондратъ Сагоденко и Давидъ Шаповалъ, которые на 2-хъ конныхъ подводахъ съ однимъ погонщикомъ были отправляемы внутрь Бѣлгородской епархіи въ города, въ войсковыя казенныя и владѣльческія слободы и другія поселенія для подаянія. Въ этомъ отношеніи особенно много потрудился Давидъ Шаповалъ—Харьковскій житель и соборный прихожанинъ. Оставивъ семью и довольно значительное хозяйство, онъ въ теченіе 10 лѣтъ —съ 1770 по 1780 года постоянно ходилъ изъ города въ городъ, изъ села въ село, собирая доброхотныя подаянія на построеніе храма Божьяго. И его трудами было собрано до 18000 руб.,—деньги и для нашего времени

2. Успенскій соборъ—современный снимокъ (постройка XVIII в.).

[1]) Ист. стат. опис. Харьк. епархіи, II. 9.

весьма значительныя» [1]). Въ 1780 г. новая соборная церковь была уже освящена; внѣшній видъ ея сохранился донынѣ, какъ и иконостасъ, сдѣланный изъ пожертвованныхъ Краснокутской липовыхъ хатъ. Отличіе внѣшняго вида храма было въ томъ, что нижніе своды были покрыты не желѣзомъ, а гонтою; но купола всѣ съ самаго начала покрыты были чернымъ желѣзомъ и выкрашены масляною краскою, а главы не только были покрыты чернымъ желѣзомъ, но и вызолочены «книжнымъ золотомъ». Мѣсто съ храмомъ было обнесено сначала деревянною, а потомъ каменною оградою, на восточной сторонѣ которой было устроено 8 каменныхъ лавокъ, приносившихъ собору значительный доходъ». Соборная колокольня уцѣлѣла отъ пожара, имѣла древнюю архитектуру» [2]).

Съ внѣшнимъ видомъ собора, тѣмъ, который онъ имѣлъ вскорѣ послѣ построенія его, мы знакомимся по рисунку 1787 г., гдѣ онъ изображенъ наряду съ другими зданіями того времени,—представляющему видъ города Харькова, сдѣланный внизу плана Харьковскаго Намѣстничества [3]). Колокольня въ то время находилась спереди; она имѣла башенную форму; въ южной части ея —родъ аркадъ. Эту колокольню, совершенно почти тождественную прекрасно видимъ и на акварельномъ рисункѣ, находящемся въ Музеѣ Изящныхъ Искусствъ Харьковскаго Университета [4]). Впослѣдствіи, какъ извѣстно, колокольня была замѣнена другой, высоко возвышающейся надъ соборомъ; произведены также и нѣкоторыя другія измѣненія. Но самый храмъ въ общемъ сохранилъ почти тотъ же внѣшній видъ, что имѣлъ въ XVIII в. Онъ выстроенъ по плану Московскаго храма св. Климента [5]). Иконостасъ собора сдѣланъ по рисунку Растрелли [6]), и представляетъ собою дѣйствительно —украшеніе собора, являясь лучшимъ образцомъ памятника искусства въ стилѣ рококо (См. рис. 3). Онъ близокъ по характеру работы, украшеній къ иконостасу въ Ахтырскомъ соборѣ, приписываемому также Растрелли [7]). Фонъ трехъяруснаго иконостаса золотой, колонны іоническаго стиля; обрамленія иконъ безъ нагроможденія деталей, изящны. Согласно съ общимъ характеромъ украшеній иконостаса находятся и урны, стоящія поверхъ пилястровъ во второмъ и третьемъ ярусѣ.

---

[1]) Ист. стат. опис. Харьк. Соб., 6—7.

[2]) Ibidem, 9—10.

[3]) См. Альбомъ выставки XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ, изданный подъ редакціей проф. Е. К. Рѣдина, табл. LII и XXVIII.

[4]) См. Альбомъ выставки, табл. XXX, рис. 80.

[5]) Истор. статистич. описаніе, 5.

[6]) Ibidem, 9.

[7]) *Филаретъ*, О. с., III, 14.

Изъ иконъ, современныхъ иконостасу--сохранились въ немъ: во второмъ ярусѣ—Невѣріе Ѳомы, а въ первомъ имѣются иконы Христа и Богородицы [1]).

Въ соборѣ имѣются цѣнные памятники религіознаго искусства изъ различныхъ предметовъ церковнаго обихода; наибольшее вниманіе привлекаетъ святыня собора, икона Елецкой Божіей Матери. (См. 4-й и 5-й рис.).

3. Иконостасъ Успенскаго Собора—современный снимокъ (устроенъ въ XVIII в.).

Какъ извѣстно—Елецкая икона находится въ Черниговѣ въ Елецко-успенскомъ мужскомъ монастырѣ. Когда св. Антоній печерскій въ 1060 г., изгнанный изъ Кіева Великимъ княземъ Изяславомъ, удалился въ предѣлы Чернигова и ископалъ себѣ на необитаемомъ мѣстѣ пещеру для уединеннаго своего пребыванія, въ это время имъ была обрѣтена икона Божіей Матери стоящею на ели. На мѣстѣ явленія онъ основалъ обитель;

[1]) Икона Богородицы въ церкви села Бабаевъ, очевидно, копія соборной.

и икона и обитель названы Елецкими. Въ первыхъ годахъ XVII столѣтія, во время разоренія монастыря полководцемъ польскаго короля Сигизмунда III—Горностаемъ, образъ утратился и въ 1676 г. присланъ былъ списокъ съ образа и замѣнилъ подлинный[1]). Преданіемъ сокрытіе иконы связывается съ именемъ князя Барятинскаго. «Скарбница» Іоанна Голятовскаго говоритъ, что списки съ св. иконы между святыми образами

4. Риза съ иконы Елецкой Божіей Матери въ Успенскомъ Соборѣ.

продавались въ то время въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ и одинъ изъ такихъ списковъ былъ доставленъ Мазопетою въ 1675(6) г. въ Елецкій монастырь.

Мѣстное (Харьковское) преданіе связываетъ появленіе иконы Елецкой Богоматери въ Харьковскомъ соборѣ вновь съ именемъ князя Барятинскаго: «въ 1687 г. окольничій князь Даніилъ Барятинскій, командиръ новгородскихъ полковъ, былъ въ походѣ противъ Крыма, на возвратномъ

[1]) *Дебольскій*, Дни богослуженія, I, 175.

пути изъ похода сдѣлался боленъ въ Харьковѣ и, находясь близь смерти, отдалъ бывшую съ нимъ въ походѣ св. Елецкую икону пр. Богородицы въ Харьковскій Успенскій соборъ» [1]). Преосв. Филаретъ, исходя изъ этого преданія, подтверждаемаго показаніями XVIII в., повидимому, склоненъ считать Харьковскую икону Богородицы за подлинную, т. е. ту, что была взята въ Москвѣ Барятинскимъ и что такимъ образомъ при-

5. Икона Елецкой Божіей Матери XVIII в. (безъ ризы) Успенскомъ Соборѣ.

надлежала XI вѣку. Конечно, такое отождествеміе иконъ невозможно уже въ силу одного того обстоятельства, что оригиналъ XI в. представлялъ обычный образъ Богородицы, лишь явившійся на ели, а харьковская икона представляетъ собою изображеніе Богородицы на ели. Самая композиція изображенія и характеръ исполненія отмѣчаютъ въ иконѣ—болѣе поздній памятникъ; мы полагаемъ, что онъ относится къ XVII в.

Икона—какъ бы особый переводъ явленія купины—съ явно выраженной символизаціей, хотя здѣсь, конечно, отмѣчается собственно явленіе

[1]) *Филаретъ*, О. с., II, 12.

иконы на деревѣ [1]). Богородица съ продолговатымъ оваломъ лица (блѣднаго цвѣта), въ красномъ хитонѣ и мафоріи и сапожкахъ, стоящихъ на кругломъ подножіи; типъ ея лица—очень напоминаетъ тотъ, что въ западныхъ иконахъ. Богородица поддерживаетъ обѣими руками Христа-Младенца, одѣтаго въ красную одежду, благословляющаго на обѣ стороны. Нимбъ у него и Богородицы красный. Вокругъ Богородицы огненный ореолъ съ пламенемъ по концамъ, сдѣланнымъ рельефомъ на фонѣ иконы. Ореолъ этотъ помѣщенъ на деревѣ среди листьевъ, ниже видѣнъ ясно стволъ дерева. Фонъ иконы темно-красный, въ верхней части отъ времени перешедшій въ черный. Нижняя часть иконы плохо сохранилась, однако ясно видны зданія по обѣимъ сторонамъ дерева. Справа—церковь—трехкупольная, съ фасадомъ въ два этажа; слѣва башня и домъ. Съ лѣвой стороны читается надпись, сдѣланная крупнымъ шрифтомъ: «ѡбраз прс҃тыѧ Бц҃а елецкиѧ чернѣговско». Икона, какъ полагаемъ, южно-русскаго происхожденія. Размѣры ея: 59×46 см., толщ. 2 см.

Перечислимъ теперь древніе памятники, имѣющіеся въ соборѣ изъ числа осмотрѣнныхъ нами, при изученіи его древностей.

1. Евангеліе Львовской печати, 1636 г., безъ выходного листа, со множествомъ гравюръ. Начиная со 2-го листа Евангелія по низу его идетъ слѣдующая сдѣланная отъ руки надпись, читаемая не во всѣхъ мѣстахъ ясно и не сохранившаяся цѣликомъ, благодаря обрѣзамъ листовъ при переплетѣ книги:

(Молитвами) «Пребл҃гословⷩноѣ вл҃дчицы н҃шей Бц҃и и҆ пⷭ҇рно д҃ви маріа иⷡсѣ с҃тыⷯ амиⷩ. Сию книгу рекомаѧ Еvⷢлїе папреⷭтоⷩное .... Борзенскій ѡ҆бывате плисеⷩкй до храмꙋ с҃тго архистратига миха҆ла цⷬкви плисеⷩко в маеⷮности....... старосты Рожаⷩско хорꙋжого короⷩного наⷺвѡрно кролѧ его милоⷭти ѿмениⷨ за ѿпущенї грѣхоⷡ своиⷯ жонке своеѧ N и҆мѧ Екатери҆ны и до҆ки ҆его҆ N пелагиѣ, и҆ всѣх роди҆чоⷡ ҆его҆ имаеⷮ лежати на трапези г҃не не по҆рушна ? с престола гнѧ на вѣки вѣкоⷡ. А хто буди важилсѧ еѣ ѿ храма ? Архистратига Гд҃пѧ Миха҆ла да буди анаѳемѣ проклѧтъ ѿлученъ на вѣки вѣковъ аминь. аҳмиⷢ (1648) м҃ца февруаріѧ гдн҃ѧ двадцат третіѧго днѧ на ст҃го свщ҃енно мученїка Поликарпа».

[1]) Изображеніе Богородицы, сидящей на деревѣ безъ огненныхъ языковъ или съ огненными языками извѣстно въ западныхъ памятникахъ уже въ XV—XVI в. *Л. Воронцова*, Икона Богоматери «Неопалимая купина», Ж. М. Н. П., III, 1904, 71. *Bouchot*, L'esposizione dei Primitive Francesi ed i suoi risultati, *L'Arte*, VII (1900), рис. на стр. 231. Икона Владимірской Божіей Матери, кисти Симона Ушакова (1688), также изображаетъ Богородицу съ Младенцемъ на деревѣ въ ореолѣ, но безъ огненныхъ языковъ.

Другая надпись блѣдными чернилами: «во' имѧ ѿца і сна и стго духа Млтѳами преблагословвеноѣ влчицы............... Сию книгу рекомую Еvліе напрстолное....................и на пототание нога невѣрни в плѣнению люде ѿ измѣнника Ивашки ви....?... палили ѡгне хра Бжи архистратига Михаила хва въ селѣ плисскахъ бжіимъ пзволеніемъ........ Михайло и да то ι-єvгелие..... аби тое еvагеліе ѿдалъ цркви Успенія прты бца прпо двы маріи..... (обрѣзано) грѣхо свои...... (не разб.). Эта надпись обрывается.

Начинается 3-ья надпись: Сию книгу глаголемую еvгеліе в храм..... рок ахнѳ...и т. д. проклят а отдалъ ей при тимоѳеѣ атаманѣ харковском.

Евангеліе въ простомъ переплетѣ, покрытомъ зеленымъ бархатомъ, наугольники серебряные съ гравированными изображеніями грубой работы Евангелистовъ, а въ центральномъ медальонѣ Христа по грудь, благословляющаго. На оборотной сторонѣ серебряная доска съ гравированнымъ изображеніемъ Богородицы, держащей на лѣвой рукѣ Младенца Христа. На этой доскѣ сверху вырѣзано: А К glosa ekcelsior·deo w harkow. Внизу доски: Романъ швець Васико въ Соборѣ. (См. рис. 6-й).

6. Переплетъ евангелія 1636 г. въ Успенскомъ Соборѣ.

2. Евангеліе въ большой александрійскій листъ Московской печати 1689 г. Окладъ Евангелія, серебряный, позолоченный, позже самого Евангелія, онъ 1783 г. На немъ въ медальонахъ финифтью—въ центрѣ Христосъ вокресшій; по четыремъ угламъ Евангелисты; вверху Богъ Отецъ; по сторонамъ—въ меньшихъ медальонахъ: моленіе о чашѣ, снятіе со креста, положеніе во гробъ (рис. 7). На оборотной сторонѣ высокимъ рельефомъ—древо Іессево съ пророками на вѣтвяхъ и Богомъ Отцемъ вверху. Въ центрѣ этой же стороны на серебряной доскѣ чернью—Успеніе Богородицы. Подъ этимъ изображеніемъ на позолоченномъ ме-

дальонѣ—надпись: Харьковскаго Успенскаго Собора коштомъ прихожанъ, за бытность, протоіерея Харьковской Коллегіи префекта и Богословіи учителя Михаила Шванскаго, стараніемъ тоя церкви строителя прихожанина порутчика Θедора Анастасіева Грекова 1785 г., мѣсяца числа. Въ Евангеліи вѣсу 1 п. 28 фун. По описи 1724 г. о Евангеліи сказано: „подъ серебромъ позолоченнымъ, укладъ бывшаго полковника Θедора Григорьевича

7. Окладъ 1783 г. на евангеліи 1689 г. въ Успенскомъ Соборѣ.

Донца". Такимъ образомъ, надо полагать, Евангеліе было пожертвовано въ соборъ Донцомъ, а въ 1785 г., послѣ перестройки собора оно было обдѣлано заново роскошно уже на счетъ прихожанъ, какъ значится въ подписи (рис. 8).

3. Евангеліе Московской печати, въ малый листъ, 1794 г., съ гравюрами болѣе старыми (1764 г.). Интересенъ окладъ серебряный съ выпуклыми медальонами, на которыхъ гравировкой изображенія Евангелистовъ и въ центрѣ Воскресенія Христа; на оборотной сторонѣ оклада

изображеніе св. Дмитрія—юноша съ крестомъ и вѣтвью. Даръ купца Дмитрія Ковалева. (См рис. 9).

4. Евангеліе Московской печати, 1753 г.[1]), окладъ его серебряный позолоченый, съ накладной, болѣе поздней прорѣзной рѣшеткой. На передней сторонѣ въ медальонахъ чернью изображенія Евангелистовъ и Воскресенія Христа. Чернь хорошей работы, но лица изображенныя

8. Окладъ 1783 г. на евангеліи 1689 г. (обор. сторона) въ Успенскомъ Соборѣ.

грубыхъ типовъ. На оборотной сторонѣ чернью-же въ медальонѣ Успеніе Пресв. Богородицы. Ниже чернью надпись: 1799 года Августа 15 дня зделано сіе Евангеліе Слоботцкой Украинской губерніи губеского города Харкова въ соборную Успеніе прістыя Бдцы церковъ коштомъ прихожанъ тоя церкви стараниемже Харковскихъ училищъ preферта и богословіа учителя тогожа собора Андрея Проковевич".Размѣръ оклада 50×33 см. (См. рис. 10-й и 11-й).

[1]) Выходной листъ вырванъ.

5) Чаша (потиръ) большая, серебряная, позолоченная, 1777 года. Орнаментъ по подножію, съ цвѣтами. По подножію-же четыре медальона съ изображеніями финифтью: моленія о чашѣ, несенія креста, мученія Христа, надѣванія терноваго вѣнца. По стѣнамъ самого сосуда серебряная рѣшетка и медальоны съ изображеніями финифтью: Христосъ благословляющій именословно, со сферою, Іоаннъ Предтеча со свиткомъ, Распятіе,

9. Окладъ евангелія 1794 г. въ Успенскомъ Соборѣ.

Богородица. Весьма цѣнный и характерный памятникъ ювелирнаго искусства XVIII вѣка [1]). (См. рис. 12).

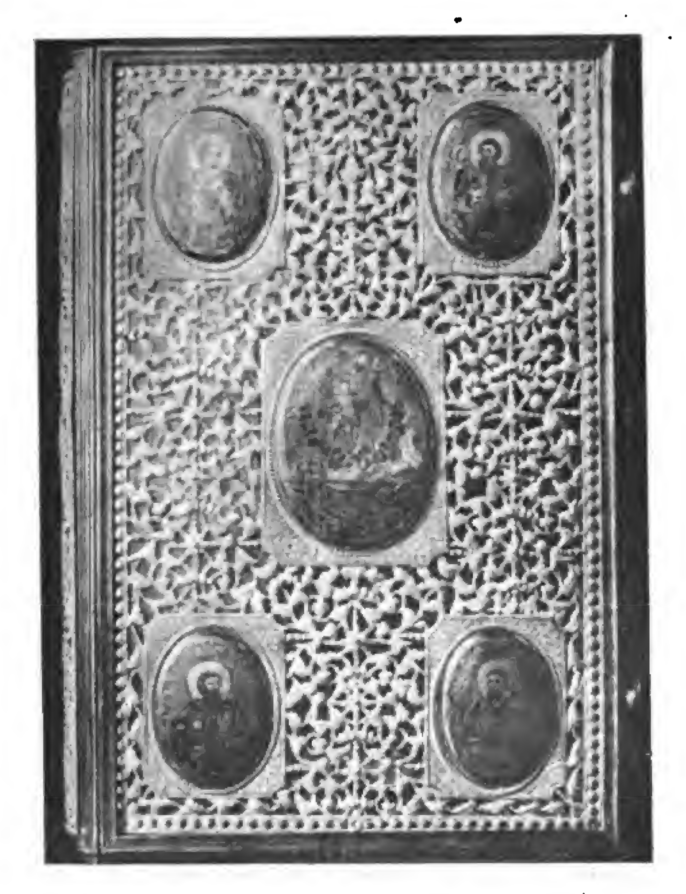
6) Чаша серебряная, позолоченная. По основанію грубой работы гравировка, словно подражаніе плохимъ гравюрамъ XVIII вѣка: Тайная вечеря, Моленіе о чашѣ, Цѣлованіе Іуды, Христосъ предъ Каіаѳой, Умовеніе ногъ Апостоламъ. Рисунокъ совершенно какъ бы дѣтскій.

Ручка сосуда въ нижней части украшена серебряной сканью, а выше и нижняя часть самого сосуда—плохой финифтью; послѣдняя—сдѣлана

1) Діам. основ. 23 1/2 стм., діам. чаши 15 1/4 стм., выс. 36 стм. По матер. описи соб. № 3

позже, что видно и изъ прикрытія ею гравировки въ верхней части сосуда. По стѣнамъ сосуда въ медальонахъ изъ вѣнка—гравировкой: Мученіе Христа, Бичеваніе, Несеніе креста, Распятіе Христа, Положеніе во гробъ, Воскресеніе. Потиръ [1])—даръ Ивана Григорьевича Захаржевскаго. (См. рис. 13).

7. Чаша серебряная позолоченая, 1777 г. [2]). На основаніи сосуда орнаментъ; въ немъ четыре выпуклыхъ медальона съ изображеніемъ чернью:



10. Окладъ евангенія 1753 г. въ Успенскомъ Соборѣ.

1) пѣтуха на колоннѣ, 2) чаши, 3) лѣстницы, 4) молотка, клещей, гвоздей. По стѣнкамъ сосуда густая рѣшетка серебряная позолоченая и четыре выпуклыхъ медальона; фонъ ихъ подъ золото точками, почва—серебро чернью и самыя фигуры—чернью: 1) Христосъ со сферой, благословляющій именословно, 2) Іоаннъ Предтеча—старецъ со знаменемъ, 3) Богородица,

---

[1]) По описи № 5. Діам. основ. $16^1/2$ стм., діам. сосуда 11 стм., выс. 35 стм.

[2]) По описи № 7; выс. 28 стм., діам. осн. 17 стм., діам. сосуда $11^1/2$ стм.

держащая руки у груди; 4) пятиконечный крестъ, а по сторонамъ копье и губка. (См. рис. 14-й).

8. Блюдо серебряное съ орнаментомъ ввидѣ гирлянды, съ тремя сосудами и подсвѣчникомъ. Блюдо 1779 г., діам. его 49 см. (См. рис. 15-й).

9. Чаша серебряная позолоченая [1]), XIX в., 30-хъ г.г. По основанію четыре выпуклыхъ медальона съ изображеніями чернью: 1) моленіе о чашѣ, 2) веденіе Христа, 3) возложеніе терноваго вѣнца, 4) би-

11. Окладъ евангелія 1753 г. въ Успенскомъ Соборѣ (обор. сторона).

чеваніе Христа. По стѣнкамъ сосуда въ медальонахъ-чернью-же: 1) Христосъ со сферой, 2) Богородица, 3) Предтеча съ крестомъ, агнцемъ у ногъ, 4) Распятіе. Работа подъ чернь—аккуратная, изящная, по прекраснымъ болѣе раннимъ образомъ: хорошія композиціи, прекрасныя фигуры. Даръ Петра Синельникова.

---

[1]) По описи № 4; выс. 33 см. Діам. основ. $20^1/_2$ см., діам. чаши $12^1/_2$ см.

9—11. Къ этому сосуду прекрасный дискосъ съ изображеніемъ чернью Христа, лежащаго на облакахъ; по сторонамъ его по Ангелу и вверху Богъ Отецъ. (Діам. $22^1/_2$ см.). Тождественной работы и времени

12. Потиръ 1777 года съ изображеніями финифтью въ Успенскомъ Соборѣ.

13. Потиръ XVIII в., подаренный И. Г. Захаржевскимъ въ Успенскомъ Соборѣ.

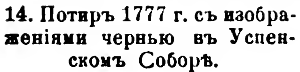
два блюдца, изъ коихъ одно любопытно по изображенію Благовѣщенія: Богородица сидитъ въ креслѣ, на столѣ открытая книга. Выше на облакахъ Ангелъ съ цвѣткомъ (Діам. 18 см.).

II.

Покровскій монастырь.

Покровскій монастырь былъ основанъ въ 1726 г. Епифаніемъ Тихорскимъ въ центрѣ города Харькова «на берегу рѣки Лопани, значительно возвышенномъ, внутри бывшей Харьковской крѣпости. Потому видъ его съ другого берега Лопани живописенъ. Внутри его былъ нѣ-

когда подземный ходъ на Лопань, на случай осады Харькова татарами. До 1799 г. онъ былъ училищнымъ монастыремъ; ректоръ Харьковскаго Коллегіума былъ вмѣстѣ и настоятелемъ этого монастыря и Коллегіумъ находился въ стѣнахъ монастыря... Монастырскій Покровскій храмъ назывался *Соборнымъ каѳедральнымъ* до 1846 года, пока Городской Успенскій Соборъ не переименованъ въ каѳедральный Соборъ»[1]). «Монастырскій храмъ *Покрова Пресвятыя Богородицы*—прекрасное зданіе послѣднихъ



14. Потиръ 1777 г. съ изображеніями чернью въ Успенскомъ Соборѣ.

15. Серебряное блюдо 1779 г. въ Успенскомъ Соборѣ.

временъ патріаршества. Онъ освященъ былъ въ *1689 году* митрополитомъ Авраамiемъ. Какъ и многіе другіе храмы этого времени, онъ построенъ въ два этажа четырьмя ярусами. Возвышаясь на 23 сажени, онъ увѣнчанъ 3 фонарями большихъ размѣровъ съ вызолоченными главами и крестами; бока его украшены арабесками и карнизами. При массивной толщинѣ стѣнъ постройка его весьма легка. Въ восточномъ алтарномъ окнѣ находился гербъ Имперіи, а въ нижней половинѣ стекла металлическія буквы: Б. М. Е. Т. Е. Б. О., т. е. «Божіею милостью Епифаній Тихорскій, епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій». Это памятникъ того,

1) Пр. *Филаретъ*, Ист. стат. опис. Харьк. епар., I, 50.

что заботливостію основателя Коллегіума храмъ былъ возобновляемъ [1]). Такимъ образомъ, и въ настоящее время это самое древнее зданіе въ Харьковѣ... На верху его мы видимъ тѣ же самые три фонаря большихъ размѣровъ, на бокахъ его тѣ же самые арабески, карнизы, коими онъ красовался до 200 лѣтъ тому назадъ [2]), храмъ древнѣе монастыря. Въ XVII и первой четверти XVIII-го вѣка онъ долженъ былъ представлять изъ себя приходскую церковь. Въ приложенномъ къ Атласу Харьковскаго намѣстничества видѣ г. Харькова 1787 года имѣется и изображеніе Покровскаго храма съ четырехъ-ярусной же колокольней. Они стоятъ у обрыва и съ нихъ открывалась чудесная понарама всего Харькова. Во дворѣ выдѣлялось обширное 2-хъ этажное зданіе Коллегіума. Въ нижнемъ храмѣ Покровскаго монастыря престолъ былъ въ честь трехъ святителей [3]).

Монастырскій храмъ является весьма характернымъ по своей архитектурѣ; наряду съ другими церквами Харьковской епархіи онъ—представитель южнорусской, или малорусской архитектуры. (См. видъ монастыря Рис. 16 и 17). Весьма важно и интересно то обстоятельство, что храмъ, хотя каменный, но построенъ по образцу деревянныхъ именно этой южно-русской архитектуры. Изъ наиболѣе близкихъ къ нему и по времени, и по общему характеру работы—можемъ назвать соборъ въ г. Изюмѣ, построенный во время царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, и имѣющій не три купола, какъ Харьковскій, а пять, но отличающійся тѣми-же простыми формами, той-же орнаментальной отдѣлкой въ обрамленіяхъ оконъ, куполовъ и т. п. Храмъ двухъ этажный: верхній посвященъ Покрову Пресвятой Богородицы. Чрезъ притворъ съ невысокимъ сферическимъ потолкомъ проходимъ въ первую часть храма—квадратъ съ плоскимъ потолкомъ; на Востокѣ громадная арка, ведущая во вторую небольшую часть храма, имѣющую раструбъ, нынѣ закрытый, безъ оконъ. Арка изъ этой части ведетъ въ центральную; противоположная арка закрыта иконостасомъ. Въ центральной—выше арки восьмиугольный раструбъ безъ оконъ; слѣдующій такой-же раструбъ съ восемью окнами, а еще выше уже барабанъ съ восемью окнами. Алтарная часть храма равна второй части. Въ общемъ, какъ сказали уже, здѣсь видимъ повтореніе формъ деревянной архитектуры, особенно въ куполахъ.

---

[1]) Ibidem, 59.

[2]) Прот. *Н. Лащенко*, Двухсотлѣтіе Покровскаго храма (*Харьк. Сборн.* на 1889 г., 201—202).

[3]) *Филаретъ*, Ист. стат. опис. Харьк. епархіи, I, 60. (*Д. И. Багалѣй и Д. П. Миллеръ*, О. с., I, 340).

На престолѣ храма—серебряная, позолоченая гробница 1847 года; она громадныхъ размѣровъ, въ видѣ ротонды на четырехъ колоннахъ; подъ крышей Гробъ Господень; на пьедесталахъ, по сторонамъ Гроба, по Ангелу съ рипидами. Вверху колпака, уже на крышѣ,—сидящіе Евангелисты.

16. Покровскій монастырь--современный снимокъ съ передней стороны (зданіе XVII в.).

Въ нижней церкви—Крестовоздвиженской имѣется: 1) евангеліе Московской печати 1789 г. въ окладѣ новѣйшей роботы, 2) серебряный крестъ XVIII в. съ рельефнымъ изображеніемъ Распятія Христа: типъ Христа—грубый, голова приподнята вверхъ, глаза закрыты, ноги изогнуты; по четыремъ сторонамъ медальоны съ сильно поврежденной финифтью. На ручкѣ креста—(длина съ ручкой 28 сант.; въ поперечн. 13 см.) надпись: „сооружисѧ крестъ сей власни кошьто... Θеодосія гавоинскаго архидіакона":

,,Въ новомъ храмѣ монастыря хранится святыня края, переносимая сюда изъ Куряжскаго монастыря на время съ 30 сентября по 22 апрѣля, ***икона Пресвятой Богородицы Озерянской***, признаваемая чудотворной и очень чтимая не только харьковскими жителями, но и всѣмъ окрестнымъ населеніемъ. ,,Она, по словамъ преосвященнаго Филарета, писана на холстѣ кистію древняго малороссійскаго художника; на холстѣ примѣтны еще складки—слѣды путевого храненія святыни. Всѣ эти особенности подаютъ мысль, что св. икона писана однимъ изъ страдальцевъ православія, орошавшимъ слезами молитвы изображаемый имъ ликъ Богоматери и взывавшимъ о помощи небесной для гонимыхъ чадъ православія и что она принесена была изъ за Днѣпра" [1]) Трудно, по отсутствію данныхъ, говоритъ проф. *Д. И. Багалѣй*, подтвердить или отвергнуть эту догадку преосвященнаго Филарета. Старожилъ Мерефы далъ о ней въ 1762 году слѣдующее письменное свидѣтельство: ,,видѣлъ я, и помню въ церкви Озерянской пустыни стояла чудотворная икона; а откуда и кѣмъ поставлена, вѣдать не могу. Первое чудо отъ нея явилось о. архимандриту Севастіану и при строителѣ іеромонахѣ Варсонофіи Хвастиченкѣ» [2]). Севастіанъ былъ архимандритомъ Святогорскаго монастыря и получилъ въ 1710 году Озерянскую пустынь или пустошь отъ священника Богородицкой церкви въ Мерефѣ о. Феодора и соорудилъ въ ней также Богородичную церковь. Священикъ же Феодоръ былъ выходецъ изъ-за Днѣпра, послѣ бунта Брюховецкаго (1668 г.) пришелъ въ Мерефу, много лѣтъ состоялъ священникомъ тамошней Богородичной церкви, купилъ себѣ подъ Мерефою пасѣку съ садомъ на р. Озеряной (отсюда и названіе пустыни) и занялъ (путемъ заимки) греблю (т. е. плотину) на ставъ (т. е. прудъ), въ лѣсу криницу и часть лѣса; въ 1696 г. все это было

17. Покровскій монастырь—современный снимокъ съ задней стороны (зданіе XVII в.).

---

[1]) *Филаретъ*, Ист. стат. опис. Харьк. епархіи, I, 41.
[2]) Ibidem, 59.

утверждено за нимъ харьковскимъ полковникомъ Ф. Донцомъ [1]). Изъ этихъ документальныхъ данныхъ преосвященный Филаретъ дѣлаетъ выводъ, что „храмъ Рождества Богородицы, перестроенный въ 1711 г. въ Озеряной, существовалъ еще прежде 1671 г., называясь Мерефянскимъ по близости къ Мерефѣ" [2]). Но документы ясно и опредѣленно говорятъ, что о. Феодоръ былъ священникомъ Богородичнаго храма въ самой Мерефѣ и что онъ уступилъ принадлежавшую ему землю архим. Севастьяну, который построилъ храмъ и основалъ Озерянскую пустынь, въ 3-хъ верстахъ отъ Мерефы на лѣвомъ берегу р. Озерянки [3]). Изъ документовъ не видно также, чтобы Озерянская икона принадлежала священнику Феодору и была вывезена имъ изъ заднѣпровья; малороссійскій характеръ ея живописи, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что слобо вообще усвоили себѣ такую манеру письма, какъ это видно изъ мног памятниковъ иконографическаго искусства, собранныхъ въ пред харьковской епархіи на церковно-археологическую выставку при XII археологическомъ съѣздѣ. Но приводя эти соображенія, мы отн придаемъ имъ рѣшающаго значенія, и очень можетъ быть, что въ ствительности Озерянская икона была вывезена изъ-за Днѣпра и священникомъ о. Феодоромъ. Мы только хотѣли разобрать осно которыми подтвердилъ свою гипотезу преосвященный Филаретъ. По Озерянской пустыни въ 1787 г., Озерянская икона Божіей Матер перенесена сначала въ Куряжскій монастырь, а, по упраздненіи 1788 г.,—въ Харьковскій Покровскій, гдѣ оставалась до 1797 когда, по возстановленіи Куряжской обители, была снова возвр туда. Высочайшій указъ о перенесеніи иконы на зимнее время изъ К въ Покровскій монастырь состоялся только въ 1843 году [4])». Икона ствительно писана на холстѣ, прикрѣпленномъ къ доскѣ. (См. рис. 18 и 18а) Письмо, какъ справедливо замѣчаетъ преосвящ. Филаретъ, кисти древняго малороссійскаго художника, въ томъ смыслѣ, конечно, что икона мѣстнаго, южно-русскаго происхожденія; исполненіе ея довольно посредственное и она писана, по всей вѣроятности, простымъ мастеромъ, копировавшимъ хорошій образецъ; контуры фигуръ грубые, краска, обычная въ памятникахъ южно-русскихъ для XVII—XVIII в.—красная, голубая. Икона дошла до нашего времени въ плохой сохранности, но все же ясно очерчивается ликъ Богоматери, Младенца, ихъ положеніе, цвѣтъ ихъ одеждъ. Богородица

---

1) Ibidem, 261.
2) Ibidem, 261.
3) Ibidem, 260.
4) Ibidem, 60, 95. *Д. И. Багалѣй* и *Д. П. Миллеръ*, О. с., I, 341—343.

изображена повернувшей лицо въ сторону Младенца, на ней красный хитонъ и голубой мафорій, на головѣ корона; правая рука ея въ позѣ моленія, а лѣвой она поддерживаетъ Младенца Христа, сидящаго у нея какъ бы на колѣняхъ у лѣвой руки; Младенецъ одѣтъ въ красную рубашку-хитонъ, на головѣ у него такая-же корона, какъ у Богородицы, въ лѣвой рукѣ онъ держитъ небольшое Евангеліе, а правой благословляетъ. Нимбы у обоихъ желтые. Начиная отъ плечъ, кругомъ нимбовъ Богородицы и Христа, на фонѣ иконы шли звѣзды, видныя и теперь.

18. Икона Озерянской Божіей Матери. (По фотографическому снимку съ иконы).

18а. Икона Озерянской Божіей Матери. (По снимку съ копіи иконы новаго происхожденія).

Вверху иконы, справа и слѣва облака. Размѣры иконы: высота 40 см., ширина 34 см.

Озерянская Божія Матерь — одинъ изъ многочисленныхъ переводовъ типа Одигитріи Божіей Матери, извѣстнаго и въ аѳонской иконописи и въ русской, въ такихъ иконахъ напр., какъ Влахернской (въ Успенскомъ Московскомъ Соборѣ), Смоленской Божіей Матери, Тихвинской, Святогорской, Колочской, Межецкой, Ѳедотьевской, Казанской, Грузинской и др. [1]). Отличіе ея отъ другихъ въ нѣкоторыхъ лишь деталяхъ и самомъ характерѣ

[1]) *Н. П. Кондаковъ.*, Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ, 142.

исполненія, обусловленныхъ временемъ и происхожденіемъ ея. Она стоитъ въ ближайшей связи со многими иконами, происходящими также изъ Харьковской епархіи и несомнѣнно находившимися подъ вліяніемъ западныхъ памятниковъ искусства, иконописи. Къ такимъ деталямъ— кромѣ характера ликовъ Богородицы и Христа, отличающихся отъ такихъ-же въ сѣверно-русскихъ памятникахъ, относятся: короны па головахъ Богородицы, Христа, одежда Христа-Младенца, Евангеліе въ рукѣ послѣдняго [1]).

Изъ ряда многочисленныхъ памятниковъ, происходящихъ изъ Харьковской епархіи и имѣющихъ ближайшее сходство съ иконой Озерянской Божіей Матери и по общему характеру работы и даже по многимъ деталямъ—укажемъ на икону Ченстоховской Божіей Матери XVII в. въ церкви Вознесенія Хорошевскаго монастыря, на икону того же имени, но безъ многихъ деталей, имѣющихся въ первой, и черезъ то еще болѣе близкую къ Озерянскому образу, въ церкви св. Троицы въ Сумахъ; далѣе на иконы: въ церкви св. Николая въ Замостьѣ близь Зміева, въ церкви Воскресенія г. Лебедина [2]). въ церкви Рождества Богородицы въ с. Двурѣчный Кутъ Харьковскаго уѣзда и др.

Икона Озерянской Божіей Матери—времени не раньше XVII вѣка.

Другіе древніе памятники монастыря, имѣющіе значеніе для культурной исторіи края, состоянія церковно-религіознаго искусства XVII—XVIII в., хранятся въ его ризницѣ; они почти всѣ, какъ и много изъ иконъ, въ большей части мало интересныхъ, поступившихъ въ ризницу изъ Духовной Консисторіи (въ виду тѣхъ или иныхъ изъятій изъ обращенія) были на выставкѣ XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, составляя украшеніе ея церковнаго отдѣла. Опишемъ первые памятники, изъ которыхъ нѣкоторые восходятъ, какъ видимъ, по своей древности, къ начальной порѣ существованія монастыря.

Древнѣйшій памятникъ—Евангеліе, in folio, Московской печати 1698 г. На переплетѣ Евангелія замѣчательный окладъ; серебряная позолоченая доска, на которую наложенъ прорѣзной рельефный орнаментъ въ видѣ вѣтвей виноградной лозы съ кистями на одной (передней) сторонѣ и въ видѣ вѣтвей съ цвѣтками на другой; кромѣ того на одной сторонѣ длинный серебряный крестъ, на которомъ статуарно прекрасное изображеніе распятаго Христа. По сторонамъ креста четыре фигуры ангеловъ съ орудіями страстей. На этой же передней сторонѣ въ медальонахъ фи-

---

[1]) Книга въ лѣвой рукѣ Младенца въ извѣстной иконѣ Одигитріи Маріи Маджіоре въ Римѣ—вліяніе итальянской живописи XIV—XVI в. (*Н. П. Кондаковъ*, О с., 155).

[2]) Альбомъ выставки XII археол. съѣзда, табл. VII, рис. 18 и 20.

нифтью изображенія Евангелистовъ и сценъ страстей Христа. (См. рис. 19) На оборотной сторонѣ въ рельефѣ-же древо Іессево съ Богородицей поверхъ него съ сидящими пророками и четырьмя ангелами, поклоняющимися Христу-Младенцу. (См. рис. 20).

Описанное Евангеліе—даръ князя Потемкина. Другое Евангеліе также громадныхъ размѣровъ, in folio, Кіевской печати, 1707 г., съ выходнымъ

19. Окладъ евангелія 1698 г. Покровскаго монастыря.

листомъ, украшеннымъ гравюрой съ символическими изображеніями, характерными для искусства XVIII в. (См. рис. 21). По сторонамъ заглавія Евангелія, помѣщеннаго какъ бы въ кіотѣ—Евангелисты; вверху кіота олицетвореніе—любви: женщина съ дѣтьми; по сторонамъ олицетворенія вѣры и надежды; выше на облакахъ Спаситель, сидящій на колесницѣ, въ которую впряжены символы Евангелистовъ; подъ колесницей попираемая ею смерть; впереди въ звѣздѣ по грудь Предтеча. На переплетѣ

Евангелія вновь—прекрасный, цѣнный памятникъ ювелирнаго искусства—окладъ. (См. рис. 22-й).

На серебряной доскѣ цвѣтной прорѣзной орнаментъ. По угламъ четыре серебряныхъ наугольника, позолоченныхъ, съ изображеніемъ въ высокомъ рельефѣ Евангелистовъ. Въ центрѣ—большой медальонъ, также позолоченный, съ изображеніемъ въ рельефѣ Преображенія Господня.

20. Оборотная сторона оклада евангелія 1698 г. въ Покровскомъ монастырѣ.

Вокругъ этого медальона идутъ малые медальоны съ изображеніями: Входа въ Іерусалимъ, Несенія креста, Положенія во гробъ, Воскресенія Христа, Распятія, Снятія со креста, Поклоненія волхвовъ младенцу, Отреченія Петра, Моленія о чашѣ, Вознесенія, Христа предъ Пилатомъ, Бичеванія Христа. На оборотной сторонѣ рельефно изображенъ Покровъ Пресвятой Богородицы (См. рис. 23).

Изъ древнихъ памятниковъ выдѣляется серебряный крестъ XVII в. съ мощами св. Печерскихъ угодниковъ: рельефное изображеніе Христа Распятаго, Бога Отца, предстоящихъ и др. (См. рис. 24)

Далѣе отмѣтимъ слѣдующіе памятники.

1) Четырехконечный кипарисовый крестъ весьма тонкой рѣзьбы, съ миніатюрными фигурами, XVIII в.: на одной сторонѣ изображенія: Благовѣщеніе, Введеніе во храмъ Богородицы, Крещеніе Христа, Срѣтеніе, Исцѣленіе слѣпого, Невѣріе Ѳомы. На другой сторонѣ: Преображеніе, Воскрешеніе Лазаря, Положеніе во гробъ, Жены у Гроба, Сошествіе Христа въ адъ. Болѣе интересна, прекрасной работы, серебряная оправа, украшенная ленточной филигранью, равно подставка и ручка. Выс. 12 см., перекр. $6\frac{1}{2}$ см., толщ. $1\frac{1}{2}$ см.

21. Гравюра евангелія 1707 года въ Покровскомъ монастырѣ.

2) Большой четырехконечный серебряный крестъ въ значительной части своей позолоченный. Фонъ насѣчкой оставленъ не позолоченнымъ; въ немъ рельефомъ цвѣточный орнаментъ, образующій собою и родъ медальоновъ, въ которые вставлены другіе выпуклые же медальоны—уже финифтяные. Громадное подножіе овальной формы имѣетъ также орнаментъ въ видѣ цвѣточныхъ разводовъ и особыхъ медальоновъ, нижняя часть подножія украшена рельефнымъ цвѣточнымъ орнаментомъ, тянущимся гирляндой вокругъ его и четырьмя херувимскими головками. На самомъ крестѣ съ одной и другой стороны по пяти медальоновъ финифтяныхъ, изъ коихъ средніе большіе, а остальные малые. На среднихъ изображено—Распятіе Христа и Воскресеніе по западнымъ образцамъ, прекрасной работы, а на малыхъ Бичеваніе, Возложеніе терноваго вѣнца, Снятіе со креста, Жена мvроносица, Христосъ и два апостола на пути въ Эммаусъ, Несеніе Креста, Невѣріе Ѳомы. На подножіи: Тайная вечеря, Цѣлованіе Іуды, Моленіе о чашѣ, Положеніе во гробъ. Свѣтлыя краски, прекрасныя формы фигуръ. Выдающійся памятникъ ювелирнаго искусства пол. XVIII в. На ручкѣ креста выгравированы слѣдующія над-

писи: «Вѣсу в нем 15 ф. 12 л. 1742 год. мца декабря соорудися кртъ сей коштомъ преосвященнаго Митрофана еппа Тверскаго». Высота съ подножіемъ 82 см., выс. креста 44 см., перекр. 36, толщ. $3^1/_2$, шир. $6^1/_2$ см. (См. рис. 25-й).

3) Серебряный позолоченный восьмиконечный крестъ, украшенный на передней сторонѣ финифтяной пластинкой съ изображеніемъ Распятія

22. Окладъ евангелія Кіевской печати 1707 г. Покровскаго монастыря.

Христа, совершенно по западному образцу, въ терновомъ вѣнцѣ, съ закрытыми глазами. Вверху финифтью-же надпись на трехъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ, латинскомъ; внизу финифтью Адамова голова. Ниже по рукояткѣ рельефомъ колонна съ пѣтухомъ, копье, и губка. На задней сторонѣ въ трехъ медальонахъ орудія страстей. Крестъ работы 1785 г. Длина—30 см., перекр. 16 см., шир. 3 см., толщ. $1^1/_2$ см.

4) Серебряный шестиконечный крестъ, позолоченный, XVIII в., хорошей работы. На крестѣ высокимъ рельефомъ изображено Распятіе Христа. (У Христа склонившаго голову направо, старческій типъ лица, большая продолговатая борода, глаза закрыты). Въ перекрестьѣ: стоящія фигуры Богородицы, Іоанна, Магдалины и сотника; вверху креста: сошествіе въ адъ, а внизу Адамова голова, Іоаннъ Предтеча, крылатый, держащій въ чашѣ голову. Всѣ фигуры короткія, плотныя, лица грубо-

23. Оборотная сторона оклада евангелія 1707 года въ Покровскомъ монастырѣ.

ватыя, оконечности уродливыя. Ниже Предтечи колонка съ пѣтухомъ и орудія страстей. Ножки и подножіе украшены рельефнымъ цвѣточнымъ орнаментомъ и херувимскими головками. На оборотной сторонѣ медальоны и цвѣточный орнаментъ. Высота креста съ подножіемъ 72 стм., креста 36 стм., перекр. $21^1/_2$ стм., толщ. 2 стм., шир. $3^1/_2$ стм. (См. рис. 26-й).

5) Серебряный позолоченный крестъ, шестиконечный, западной работы, вывезенъ, вѣроятно, изъ за границы. На немъ гравировкой изображено распятіе Христа (ноги не сближены, а раздвинуты), по четыремъ концамъ евангелисты съ символами. Изображенія сопровождаются латин-

скими надписями. На перекрестьѣ орудія страстей, а ниже образованы гравировкой и на оборотной сторонѣ креста, при чемъ на одномъ концѣ сдѣланъ Нерукотворенный образъ, а на другомъ агнецъ со знаменемъ. На ножкѣ шаръ, на которомъ гравировкой надпись: IHESVS. Высота съ подножіемъ $49^1/_2$ стм., перекр. 18 стм., шир. 3 стм.

6) Серебряный крестикъ, четырехконечный, украшенный на передней сторонѣ рельефнымъ изображеніемъ Распятія Христа и орнаментомъ, прекрасной работы XVIII в. Дл. 9 стм., перекр. $6^1/_2$ стм., толщ. 1,2 стм., шир. $1^1/_2$ стм.

24. Серебряный крестъ съ мощами, XVIII в. въ Покровскомъ монастырѣ.

7) Серебряный, позолоченный крестикъ, четырехконечный, украшенный на передней сторонѣ гравированными изображеніями, грубой работы, уродливыя формы в оконечности: Распятіе Христа; въ перекрестьѣ: Богородица, Іоаннъ по грудь, и вверху Богъ-Отецъ, благословляющій на обѣ стороны. XVIII в. Длина $8^1/_2$ стм., пер. $6^1/_2$ стм.; шир. $2^1/_2$ стм., толщ. 1 стм.

8) Кипарисовый четырехконечный крестъ плохой работы— рѣзьба быть можетъ кіевскихъ монаховъ, XIX в.; небольшія уродливыя фигуры: Богъ-Отецъ, Христосъ, и Св. Духъ (голубь), Распятіе Христа съ предстоящими, по сторонамъ которыхъ святитель, еще святой; Іисусъ Христосъ на тронѣ въ святительскомъ одѣяніи, Воскресшій Христосъ со знаменемъ, Ангелъ и жены святые. Крестъ въ металлической оправѣ, и съ металлической ручкой. На боку креста на металлѣ подпись: «Стараніемъ Преосвященнаго Христофора Сулимы, Епископа Слободскаго, Украинскаго, Харьковскаго и Кавалера, 1810 года Мая, вѣсу 1 ф. 48 зол.» Длина (безъ ручки) 27 см., перекр. 15 стм., толщ. $2^1/_2$ стм.

9) Дарохранительница изъ плохого серебра; нижняя часть имѣетъ видъ параллелограма, верхняя меньшаго параллелограма, поверхъ котораго усѣченная крыша: сверхъ послѣдней куполъ, увѣнчанный крестомъ. По крышкѣ нижняго ящика идетъ слѣдующая надпись: «во гробѣ плотски

во адѣ же съ душею яко Богъ въ раи же съ разбойникомъ и на престолѣ былъ еси Христе со отцомъ и духомъ вся исполняя неописаны». XVIII в.

10—11) Два серебряныхъ подсвѣчника, съ широкимъ основаніемъ, на которыхъ высокимъ рельефомъ херувимскія головки и фрукты. Ножкой подсвѣчника служитъ ангелъ, литая фигура въ видѣ каріатиды, поддерживающая наголовѣ самый подсвѣчникъ. Хитонъ на лѣвой ногѣ у ангела оставляетъ одну ногу открытой; рукава хитона загнуты. Фигура въ общемъ уродлива, грубовата, работа этой фигуры не соотвѣтствуетъ

25. Серебряный крестъ съ финифтью XVIII в. Покровскаго монастыря.

26. Серебряный крестъ XVIII в. Покровскаго монастыря.

работѣ подножія. По нижнему краю основанія надпись: «Сіи подсвѣчники сдѣланы 1756 года, мца марта 7 дня в битность архимандрита Рафаила Мокринскаго, вѣсу в ныхъ десятъ фунтовъ и сорокъ золотниковъ. За работу дано пядесятъ рублей за денегъ суммы жалованной». На другомъ подсвѣчникѣ надпись: «Ея Імператорскаго Величества Благочестивѣйшія Самодержавнѣйшія Велыкія горины-нашея Імператрицы Елисаветы Петровны». (См. рис. 27-й).

12—13) Два серебряныхъ блюда; у одного края имѣютъ характерный рельефный орнаментъ въ видѣ завитковъ съ насѣчками и чешуйками; другое блюдо болѣе тяжеловѣсное, массивное, имѣетъ на днѣ углубленія—медальонъ, на которомъ какія-то, повидимому, лунныя исчисленія; въ кругѣ и въ полукругѣ цифры, гравировкою надпись: «Казенне блюдо, крутицкаго дому». Оба сосуда XVIII в. Діам.—35 стм.

«Въ библіотекѣ монастыря имѣлись слѣдующія рѣдкія книги: Библія—Островской печати 1581 года, Маргаритъ Іоанна Златоустаго 1596 г., Октоихи Московской печати 1618, 1683 и др., Евангеліе Московской печати 1636 г., Требникъ Петра Могилы 1646 г., Апостолъ Львовской печати 1666 г., Ирмологъ Московской печати 1682 г., Тріодь постная Кіевской печати 1648 г., Тріодь цвѣтная Львовской печати 1664 г., тоже Московской печати 1648 г., Евангеліе учительное Московской печати 1652 г., Евангеліе Московской печати 1735 г., «Трубы словесъ»—Лазаря Барановича и мног. другія книги [1]).

27. Серебряный подсвѣчникъ 1756 г. въ Покровскомъ монастырѣ.

Въ древнее время, говоритъ преосвященный Филаретъ, въ нижней церкви Покровскаго монастыря погребались многіе изъ знатныхъ фамилій Слободской Украйны. Каменные склепы многихъ нынѣ (1852 г.) цѣлы подъ поломъ нижняго храма. На одной металлической дощечкѣ написано: «року (т. е. года) 1706, августа 28 дня, въ среду преставился рабъ Божій Федоръ Григорьевичъ Захаревскій полковникъ Харьковскій, въ полку на Самарѣ, и погребенъ въ Харьковѣ»... На другой дощечкѣ читаемъ: «року 1721, іюня 15, въ субботу по полудни преставися раба Божія Марфа Федоровна Квиткина; Христе Боже, душу ея упокой». По фамильной лѣтописи Квитокъ видимъ, что это была дочь Федора Григорьевича Донца-Захаржевскаго, бывшая въ замужествѣ за сыномъ полковника Григорія Семеновича Квитки, Романомъ и только одинъ годъ жившая въ супружествѣ. По той же лѣтописи видимъ, что въ томъ же храмѣ былъ фамильный склепъ *Квитокъ*. Здѣсь по лѣтописи погребены въ одномъ гробу умершіе въ одинъ

[1]) Нѣкоторыя изъ упомянутыхъ книгъ были на выставкѣ старопечатныхъ книгъ XII археологическаго съѣзда, и описаны въ Каталогѣ этого отдѣла выставки. См. №№ 24, 126, 154а, 224а.

и тотъ же день (22 октября 1734 г.)—Василиса Еремѣевна, урожденная *Красновская*, супруга полковника Григорія Семеновичи Квитки, 56 лѣтъ, и сынъ ея Василій Григорьевичъ Квитка, 25 лѣтъ. Мать и сынъ умерли через мѣсяцъ послѣ того, какъ самъ полковникъ Григорій, отправляясь на богомолье въ Кіевъ, умеръ тамъ 65 лѣтъ. Въ 1835 г., августа 24, умеръ капитанъ Стефанъ Григорьевичъ Квитка, 23 лѣтъ, и погребенъ въ училищномъ монастырѣ въ нижней церкви трехъ Святителей, предъ лѣвымъ крылосомъ». Наконецъ, здѣсь же погребенъ еще одинъ представитель рода Квитокъ, внукъ харьковскаго полковника Григорія Семеновича Квитки, принявшій монашество подъ именемъ Наркисса въ 1751 г. и бывшій архимандритомъ въ Куряжѣ; скончался онъ, проживая на покоѣ въ Покровскомъ монастырѣ, въ 1792 г. Изъ фамиліи Квитокъ вышли и другіе дѣятели на почвѣ монашества: двѣ дочери полковника Гр. Сем. Квитки были игуменіями Хорошевскаго монастыря [1]).

III.

Троицкая церковь.

Къ первымъ же годамъ существованія Харькова относится и возникновеніе Троицкой церкви, находившейся въ мѣстности, извѣстной въ то время подъ именемъ посада или подола. „Начало ея существованія—говоритъ въ своихъ запискахъ объ этой церкви о. Николай Лащенко—опредѣляютъ слѣдующимъ фактомъ. Прихожане Троицкой церкви въ 1743 г. писали Бѣлгородскому митрополиту Антонію, что „въ прошлыхъ годахъ, лѣтъ тому з семдесятъ, служилъ въ Харьковѣ въ приходской нашей Троицкой церкви на посадѣ попъ Максимъ Симоновъ Крамаренко года три“. Слѣдовательно, Троицкій храмъ въ 1673 году уже существовалъ. Въ описаніи Харькова, составленномъ воеводою Сухотинымъ въ 1668 г., упоминается о Троицкихъ воротахъ. По всей вѣроятности это названіе они носили по имени уже существовавшей Троицкой церкви“. Назывались ли ворота Троицкими по Троицкой церкви, которая отъ нихъ во всякомъ случаѣ была не близко, или по висѣвшему на нихъ образу св. Троицы, мы не знаемъ, знаемъ только изъ документальныхъ данныхъ, приведенныхъ выше, что въ 1659 г. Троицкая церковь уже существовала, а нѣкоторыя соображенія заставляютъ насъ предполагать, что послѣ собора Троицкая церковь едва ли не была старѣйшею въ Харьковѣ. И въ самомъ дѣлѣ, Троицкая церковь стояла на Подолѣ, а Подолъ лежалъ почти у самой крѣпости и представлялъ, благодаря окружавшимъ его рѣкамъ, болѣе безопасное мѣсто

---

[1]) *Д. И. Багалѣй и Д. П. Миллеръ*, О. с., I, 348.

для поселенія, нежели залопанская или захарьковская части города.—Если эти части, какъ мы видѣли по датамъ построенія въ нихъ церквей, были заселены уже въ началѣ 60-хъ годовъ XVII в., то нѣтъ основаній допустить, чтобы первые вожаки переселенцевъ, пришедшихъ въ Харьковъ, могли не обратить прежде всего вниманія на такую безопасную, такую удобную для торговли часть города, какъ Подолъ. А разъ было поселеніе, могла быть и церковь. Первая Троицкая церковь, по словамъ о. Н. Лащенко, была деревянная съ одним престоломъ [1]).

28. Плита-надпись въ стѣнѣ Троицкаго храма.

Въ 1764 г. она была замѣнена новымъ каменнымъ храмомъ, заложеннымъ въ 1758 г. [2]). Въ надписи на каменной доскѣ, которая вдѣлана въ стѣну при входѣ въ церковь съ правой стороны, говорится такъ (см. сним. съ надписи на рис. 28): ,,во славу Святыя, единосущныя животворящія и нераздѣльныя Тройцы, а въ предѣлѣ Рождества Пресвятыя Богородицы начался сей храмъ строитись въ 1758 годѣ мѣсяца іюня 27,

---

[1]) *Д. И. Багалѣй* и *Д .П. Миллеръ*, О. с., I, 199 —200.

[2]) Всѣ данныя о Троицкой церкви мы заимствуемъ изъ рукописной неизданной „Церковно-приходской лѣтописи Троицкой церкви г. Харькова“ покойнаго протоіерея ея, глубокаго знатока мѣстной церковной исторіи о. Николая Лащенка.

за державы благочестивѣйшія и великія государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны [1]), при наслѣдникѣ ея благовѣрномъ государѣ Цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ, благословеніемъ преосвященнаго Порфирія, епископа Бѣлгородскаго, зъ доброхотныхъ даяній, присмотромъ іерея Бориса Янкевича. А оконченъ и освященъ 1764 года мѣсяца мая [2]). Храмъ былъ не большой съ тремя куполами. Главный храмъ именовался „большою церковью". Колокольня не была отдѣлена отъ храма; въ верху ея былъ шпицъ, а на немъ въ видѣ статуи изображеніе ангела, съ трубою въ рукахъ. По стариннымъ описямъ значится, что храмъ сооруженъ на доброхотныя даянія прихожанъ и стороннихъ людей, по какихъ именно не сказано. На нѣкоторыхъ церковныхъ документахъ конца XVIII вѣка встрѣчается только слѣдующая надпись: „Прихожанинъ колл. ассес. Иванъ Вудянскій, строитель каменной Троицкой церкви". По одному древнему преданію денегъ не хватило, и пришлось одинъ изъ предѣловъ временно покрыть вмѣсто драни *соломой*. 2-й Троицкій храмъ стоялъ до 1857 года, т. е. 93 года" [3]).

Такимъ образомъ, современный храмъ ничего не сохранилъ въ архитектурномъ отношеніи отъ XVIII вѣка [4]). Изъ другихъ памятниковъ— иконъ, упоминаемыхъ преосв. Филаретомъ [5]), какъ перешедшихъ изъ древняго храма—также ничего не осталось.

Остались другія, перечисляемыя имъ: Смоленской Божіей Матери, Николая Чудотворца, но въ ризахъ, сдѣланныхъ позже описи 1817 г. На св. Николаѣ риза 1835 г., на иконѣ Божіей Матери 1842 г. Иконостасъ—довольно поздній, отъ третьяго новѣйшаго храма; но въ немъ нѣкотыя иконы несомнѣнно отъ второго, хотя и XIX в.—мѣстныя: Іисусъ Христосъ (въ ризѣ 1822 г.), Богоматерь (въ ризѣ 1822 г.), Троица (въ ризѣ 1832 г; одного времени, полагаемъ, и находящаяся въ верхнемъ ярусѣ икона Бога Отца), Рождество Богородицы (въ ризѣ 1844 г.) и Іоанна Богослова (въ ризѣ 1832 г.).

Къ XVIII вѣку относятся двѣ иконы, упоминаемыя и преосв. Филаретомъ, какъ извѣстныя по описи 1817 года; это, какъ сказано выше, Св. Николая и Смоленской Божіей Матери.

---

1) Выходитъ какъ будто въ 1758 г. уже царствовала Императрица Екатерина II-я, а не Елисавета Петровна, но это—неясность редакціи надписи.

2) Доска эта вдѣлана теперь въ стѣну новаго храма при входѣ въ него съ лѣвой стороны.

3) *Д. И. Багалѣй и Д. П. Миллеръ* О. с., I, 363—364.

4) Съ внѣшнимъ видомъ его въ 1787 г. мы знакомимся по извѣстному рисунку на планѣ Харьковскаго Намѣстничества. Альбомъ выставки XII. арх. съѣзда, табл. XXVIII, рис. 76, фиг. 12).

5) О. с., II 25.

Икона Св. Николая писана въ сѣромъ тонѣ; лицо старца съ небольшой бородкой. Письмо иконы сухое, жесткое, но старательной выписки всѣхъ деталей. Риза красная съ золотыми цвѣтами и бордюрами, нижняя одежда голубая; рельефомъ: евангеліе, украшенія, кресты, набедренникъ. На золотомъ фонѣ въ верхней части иконы—рельефомъ золотые цвѣты. По сторонамъ головы Святителя обычныя изображенія въ маломъ размѣрѣ Христа и Богородицы [1]). (См. рис. 29).

Икона Богородицы Смоленской—живописнаго характера, въ широкомъ стилѣ; благодаря перепискѣ заново лика Богоматери и Младенца Христа, икона утратила научный интересъ [2]).

29. Икона св. Николая въ Троицкой церкви.

30. Дарохранительница 1781 г. въ Троицкой церкви.

Изъ другихъ древностей церкви XVIII в. выдѣляются по своей сохранности, красотѣ—два памятника ювелирнаго искусства.

1. *Дарохранительница*—серебряная позолоченная, 1781 года, изящной работы. (См. рис. 30-й). Она имѣетъ видъ надгробнаго памятника съ гробницей, урнами по четыремъ угламъ вверху, съ изящными

---

1) Размѣръ иконы: 118×70 стм.

2) Размѣры иконы: 145×77 стм.

пилястрами на каждой сторонѣ. Поверхъ памятника стоитъ серебряный крестъ съ прекрасными изображеніями финифтью Распятаго Христа, Бога Отца, Богородицы и Іоанна. Цвѣта финифти: голубой, малиновый, зеленый. (Высота креста 37×21 см.; гробницы выс. 21½ см., ширина 22 см.).

На гробницѣ выгравировано: „стараніемъ с҃щенніка Павла Моренкова".

2. *Сосудъ для пшеницы, вина и елея,* серебряный съ широкимъ круглымъ основаніемъ. На этомъ основаніи ножка для блюдца, на которомъ рельефно—снопъ колосьевъ. Слѣва и справа на основаніи вѣтвь съ сосудами для вина и елея. Центральная ножка держитъ большое блюдо, на которомъ гравированный шестиконечный крестъ, копье, губка и зданіе Іерусалима. Сзади рельефная фигура ангела, поддерживающаго три серебряныя вѣтви, оканчивающіяся углубленіями для свѣчей [1]). (См. рис. 31-й).

31. Сосудъ для пшеницы, вина и елея 1781 г. въ Троицкой церкви.

Въ ризницѣ церкви имѣется множество драгоцѣнныхъ предметовъ: сосудовъ, крестовъ, чашъ, иконъ 30—40 г.г. XIX ст., изъ нихъ послѣднія въ прекрасныхъ серебряныхъ позолоченныхъ ризахъ.

Въ часовнѣ церкви имѣется нѣсколько иконъ, происходящихъ, полагаемъ, изъ второй церкви, т. е. относящихся также къ XVIII вѣку. Таковы: 1) Іисусъ Христосъ, въ малиновомъ хитонѣ, голубомъ гиматіи, со сферой, благословляющій именословно. Вмѣсто нимба вокругъ головы—сіяніе; стоитъ на облакахъ, у ногъ херувимскія головки [2]). (Рис. 32-й).

Богородица—въ голубомъ хитонѣ и розовомъ мафоріи; красивое лицо; Младенецъ, котораго Она держитъ на лѣвой рукѣ, со сферой, въ рубашкѣ съ разстегнутымъ воротомъ, въ красномъ гиматіи. (Рис. 33-й). Икона—живописнаго характера, академическаго письма, несомнѣнно конца XVIII вѣка.

Такого-же письма, такого-же характера работы—большая икона [3]), сложной композиціи, символическаго характера по сопоставленію въ ней лицъ различнаго времени, объединенныхъ Христомъ, идеею о его мило-

---

[1]) Высота сосуда 44 стм.; діам. основанія 25 стм.

[2]) Размѣръ 115 с.×43 стм.; одинаковаго размѣра и икона Богородицы.

[3]) 156×121 стм.

сердіи, благодаря которому получаютъ прощеніе кающіеся грѣшники. Такого рода иконы, повидимому, были популярны въ XVIII в. на югѣ Россіи, и одна изъ нихъ описанная нами,—произведеніе южно-русскаго искусства, изъ ц. въ селѣ Бабаевъ, только меньшихъ размѣровъ и съ незначительными отличіями, была на выставкѣ XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ [1]).

32. Икона Спасителя XVIII в. въ часовнѣ Троицкой церкви.

33. Икона Богородицы XVIII в. въ часовнѣ Троицкой церкви.

На иконѣ Троицкой церкви Христосъ стоитъ на ступенькахъ нагой, прикрытый лишь краснымъ гиматіемъ, лѣвой рукой онъ поддерживаетъ крестъ, а правой указываетъ на рану въ боку. Надъ нимъ Св. Духъ. У ногъ его слѣва на колѣняхъ Марія Магдалина—прекрасная фигура въ зеленомъ платьѣ, съ распущенными волосами по открытымъ плечамъ. Рядомъ съ ней на колѣняхъ благоразумный разбойникъ, прикрытый лишь по чресламъ; онъ стоитъ на крестѣ. Справа на колѣняхъ, въ красной порфирѣ стоитъ царь Давидъ; у его ногъ корона, лира, скипетръ. Возлѣ

[1]) Альбомъ выставки XII арх. съѣзда, табл. XV, рис. 43.

него стоитъ юноша—блудный сынъ, въ гиматіи на крестѣ, съ посохомъ. (Рис. 34-й).

Надъ этой иконой—другая, представляющая Бога Отца, сходнаго письма, XVIII в.

Въ часовнѣ-же имѣются небольшія иконы въ медальонахъ изъ нижняго яруса иконостаса и средняго (праздничные): Срѣтеніе, Крещеніе,

34. Сложная символическая икона XVIII в. въ часовнѣ Троицкой церкви.

Жертвоприношеніе Авраама, Благословленіе Давида—всѣ XVIII в., живописнаго характера.

По слабымъ остаткамъ памятниковъ живописи въ Троицкой церкви мы можемъ судить, какого характера она была въ XVIII в. въ церквахъ г. Харькова, въ примѣненіи къ отдѣльнымъ иконамъ, и къ ряду таковыхъ—въ украшеніи иконостасовъ. Съ незначительными по количеству памятниками этой религіозной живописи XVIII в., носящей по преимуществу черты мѣстнаго, южнаго происхожденія, съ отмѣчаемымъ въ ней вліяніемъ западныхъ образцовъ, встрѣтимся и въ нѣкоторыхъ другихъ церквахъ г. Харькова, о которыхъ скажемъ далѣе.

IV.

Николаевская церковь.

Древнѣйшая Николаевская церковь, была деревянная. Она была устроена въ одно время съ основаніемъ города у самой его стѣны [1]). Въ 1733 г. церковь сгорѣла и на мѣсто ея былъ выстроенъ новый каменный, заложенный въ 1764 г., а освященный въ 1770 г.; придѣлы и престолы въ верхнемъ ярусѣ устроены были уже въ XIX в. На планѣ 1785 года церковь значится находящейся внѣ центральнаго укрѣпленія, но неподалеку отъ крѣпостной стѣны. Деревянная колокольня, стоявшая отдѣльно отъ церкви, уцѣлѣла отъ пожара и существовала до 20-хъ гг. XIX стол. Какой видъ имѣла церковь въ XVIII в., можемъ судить по рисунку 1787 г.; какъ видно—въ этомъ году она подвергалась реставраціи, или передѣлкѣ; по фасаду представлены лѣса. Лучшее понятіе имѣемъ объ архитектурѣ храма по фотографіи съ нея, сдѣланной Досѣкинымъ, до сломки ея въ 1886 г. (См. рис. 35). Въ современномъ храмѣ не осталось ни одного памятника XVIII в.; предметы церковной утвари наиболѣе древніе—30—40 гг. XIX в.

35. Старая Николаевская церковь, построенная въ XVIII в.

V.

Благовѣщенская церковь.

Первый храмъ во имя Благовѣщенія Божіей Матери былъ — деревянный, построенный около 1655 г. [2]), однопрестольный, съ тремя гла-

---

[1]) Въ 1663 г., судя по подписямъ на извѣстной челобитной, можно думать, ея еще не было. Но около 1668 г., судя по упоминаніи въ описи этого года Николаевскихъ воротъ, она уже могла быть.

[2]) *Филаретъ*, О. с., II, 33.

вами; вмѣсто ограды онъ былъ обнесенъ тыномъ; колокольня его была также деревянная, рубленая. Вмѣсто деревянной церкви въ 1789 г. былъ заложенъ каменный храмъ, освященный въ 1794 г. Мы не знаемъ, по какой причинѣ деревянная церковь была замѣнена каменной; но въ 1787 г. она, судя по рисунку на извѣстномъ планѣ, еще не была

36. Старая Благовѣщенская церковь, построенная въ XVIII в.

разрушена; этотъ рисунокъ и знакомитъ насъ съ внѣшнимъ видомъ первой Благовѣщенской церкви [1]).

Вторая церковь, каменная, была однокупольная, имѣла богатый иконостасъ, устроенный въ 1844—1846 г. (См. рис. 36).

Третья новѣйшая церковь заложена въ 1888 г. [2]).

---

1) Альбомъ выставки XII арх. съѣзда таб. XVIII, рис. 76, фиг. 14.

2) Объ этой церкви см. подробно у св. *I. Филевскаго*, Благовѣщенская церковь города Харькова. Харьковъ 1901 г.

Отъ первой церкви въ современной сохраняется два Евангелія кіевской печати 1697 г. и 1773 г., но въ новыхъ окладахъ, и крестъ, и чаша.

Крестъ серебряный 1782 г., четырехконечный, не литой. На немъ чернью: Распятіе Христа, Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ, пожилой; въ небольшихъ медальонахъ чернью: Богъ Отецъ на облакахъ, Богородица, Іоаннъ—въ медальонахъ фонъ золотой, насѣчкой. На ручкѣ колонна

37. Крестъ 1782 г. въ Благовѣщенской церкви.

съ пѣтухомъ, копье, рука, мечъ, гвозди и др. предметы страстей [1]). (См. рис. 37).

Чаша, небольшая, изящная, 1779 г., съ серебряной сѣтчатой рѣшеткой по стѣнкѣ сосуда; все-же остальное пространство позолочено. (Рис. 38). На стѣнкахъ сосуда медальоны съ изображеніями гравировкой—словно съ образцовъ Кіевскихъ гравюръ XVIII в.: 1. Христосъ Вседержитель на облакахъ, поднявшій вверхъ въ благословеніи руку и держащій сферу; типъ старческій, съ длинной бородой; 2. Богородица на облакахъ, держащая у груди руки въ моленіи; 3. Іоаннъ Предтеча на облакахъ, указывающій на Христа и держащій знамя; 4. шестиконечный крестъ съ копьемъ и губкой; по сторонамъ надписи: ІС ХС НИКА.

---

[1]) Выс. креста 36 сгм., шир. 22 стм., толщ. $2^1/_2$.

Красивое подножіе—большой кругъ съ орнаментомъ въ видѣ звѣзды въ медальонахъ изъ гирляндъ. Въ медальонахъ гравировкой—орудія страстей [1]).

38. Чаша 1779 г. въ Благовѣщенской церкви.

39. Икона Божіей Матери 1776 г. въ Благовѣщенской церкви.

Къ первой-же церкви относится икона Казанской Божіей Матери въ прекрасной серебряной позолоченной ризѣ, 1776 г. (См. рис. 39).

VI.

Рождественская церковь.

Первый храмъ *Рождества Христова*, бывшій уже въ XVII в. [2]), существовалъ до 1722 г., когда былъ замѣненъ новымъ, который сгорѣлъ въ 1731 году: «съ 12 на 13 февраля въ полночь, говоритъ Квитка,

---

[1]) Выс. 25 см., діам. основ. $15^{1}/_{2}$ см. діам. сосуда 10 см.

[2]) Основаніе церкви преосв. Филаретъ (О. с., II, 38) относитъ къ 1655 г., хотя документальныя данныя о ней, бывшія въ его распоряженіи, не идутъ дальше 1678 г., когда въ Харьковѣ существовала уже братчина Рождества Христова. По подписи Рождественскаго попа Тимофея на челобитной 1663 г. съ полной достовѣрностью можно заключать, что Рождественская церковь въ это время уже существовала *(Д. И. Багалѣй и Д. П. Миллеръ,* О. с., I, 199*)*.

прежняя церковь Рождества Христова въ Харьковѣ за рѣкою Лопанью згорѣла»; новый (третій) храмъ освященъ въ 1735 году; четвертый каменный нынѣ существующій храмъ освященъ въ 1783 году (см. рис. 40); но въ немъ произведены съ того времени измѣненія: колокольня съ теплою церковью внутри построены къ 1801 г., а въ 1860 г. церковь расширена—пристройкой колокольни съ двумя теплыми придѣлами; неизмѣненной въ храмѣ осталась средина храма съ куполомъ и алтарь.

Съ видомъ четвертаго храма, какой онъ имѣлъ вскорѣ послѣ его построенія, знакомимся по извѣстному виду Харькова въ 1787 г. [1]); а по

40. Храмъ Рождества Христова (современный снимокъ).

рисунку Шепфлинга этотъ же храмъ предстаетъ предъ нами въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ въ началѣ XIX в. [2]).

Изъ памятниковъ XVIII вѣка въ храмѣ сохранилось Евангеніе 1748 г.; окладъ на немъ 1834 г.; но древній окладъ даннаго Евангелія перенесенъ на Евангеліе 1833 года, остались только наугольники съ изображеніемъ (литыхъ) Евангелистовъ и центральный медальонъ съ изображеніемъ Рождества Христова: поклоненіе волхвовъ Христу Младенцу. На оборотной сторонѣ въ центральномъ медальонѣ Рождество Пресв. Бого-

---

1) Альбомъ, рис. 76, черт. II.
2) Ibidem, табл. XXXI, рис. 81.

родицы въ оригинальной композиціи: Іоакимъ подаетъ руку Аннѣ, лежащей на ложѣ. (См. рис. 41 и 42).

Другія Евангелія, имѣющіяся въ церкви—уже XIX в.:

1. Ев. м. п. 1809 г. съ окладомъ серебрянымъ, позолоченнымъ 1814 г.

2. Ев. м. п. 1841 также съ прекраснымъ окладомъ.

41. Окладъ евангелія 1748 г. (передняя сторона) въ Рождественской церкви.

42. Окладъ евангелія 1748 г. (обор. сторона) въ Рождественской церкви.

3. Ев. м. п. 1815, съ богатымъ окладомъ 1818 г. съ изображеніями финифтью Евангелистовъ, Воскресенія Христова.

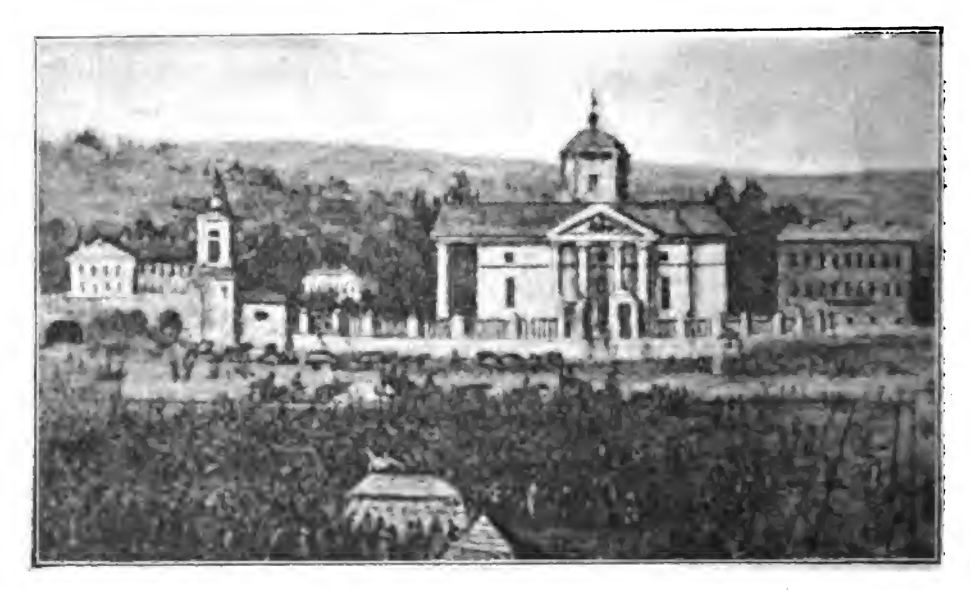
Далѣе хорошей работы крестъ съ изображеніями финифтью, 1832 г. Иконостасъ въ церкви работы 1824 г. Въ немъ сохранилось много иконъ этого времени, прикрытыхъ богатыми серебряными ризами: Рождество Христово (риза 1831 г.) Іисусъ Христосъ (риза 1822 г.), Евангелисты на царскихъ дверяхъ (риза 1835 г.), Богородицы (1822 г.), Рождество Іоанна Крестителя (1822 г.), свв. Козьма и Екатерина (1842 г.). Имѣется

икона Воскресенія Христова, сложной композиціи, въ видѣ Сошествія Христа въ Адъ, съ праздниками, начала XIX в. [1]), съ ризой серебряной 1815 г.

VII.

Церковь Вознесенія Господня.

Первый храмъ *Вознесенія Господня*, деревянный, построенъ не раньше 1675 года. По Куряжскимъ записямъ онъ извѣстенъ въ 1687 и 1703 г. [2]). Второй храмъ, повидимому, былъ освященъ въ 1733 г. [3]), такъ какъ въ этомъ году арх. Досифеемъ былъ выданъ въ новую дере-



43. Старая Вознесенская церковь XVIII в., снятая съ картины 1-й половины XIX вѣка.

вянную церковь антиминсъ. Храмъ этотъ, по преданію, между 1780—1785 г. сгорѣлъ и на мѣсто его воздвигнутъ въ 1794 г. большой деревянный, на каменномъ фундаментѣ, съ хорами внутри, съ тремя престолами (Вознесенія внизу и Св. Іоанна Богослова и Трехъ Святителей на хорахъ [4]).

---

[1]) Пожертвована въ 1802 г.. Размѣръ: 53×42 см.

[2]) *Филаретъ*, II, 39.

[3]) По свидѣтельству церковной лѣтописи, въ 1862 г. при сломкѣ храма 1794 г., при выемкѣ фундамента церкви найдена надпись 1723 г.: такимъ образомъ ясно, что храмъ Вознесенія на настоящемъ своемъ мѣстѣ находился и прежде, по крайней мѣрѣ второй.

[4]) Преданіе гласитъ, что этотъ храмъ построенъ настоятелемъ Вознесенской церкви протоіереемъ Василіемъ Фотіемъ. Видъ этого храма по старинному рисунку 1841 г. см. у *Гусева*, Харьковъ, его прошлое и настоящее табл. у 57 стр., рис. 8. Альбомъ выставки XII арх. съѣзда, рис. 74 (Народное гуляніе 4 мая 1841 г. по поводу бракосочетанія Наслѣдника Алекс. Никол.), и см. также этотъ-же рисунокъ, увеличенный въ настоящей книгѣ (Рис. 43).

Въ 1862 г. этотъ храмъ вмѣстѣ съ иконостасомъ проданъ въ село Георгіевскъ, Колленикова-тоже, Валковскаго уѣзда, за 1700 руб.

Вмѣсто проданнаго деревяннаго построенъ уже современный четвертый храмъ (заложенъ въ 1863 г., оконченъ въ 1876 г.) о пяти куполахъ, съ высокою колокольнею.

На извѣстномъ планѣ 1787 г. Вознесенская церковь не показана, что объясняется, вѣроятно, какъ и видѣли по историческимъ справкамъ, что ея въ это время, послѣ пожара (1780—1785 г.) до 1794 г., дѣйствительно и не было.

Отъ второго храма сохранилось Евангеліе московской печати 1735 г. (in fol.) съ прекраснымъ серебрянымъ, позолоченымъ окладомъ, съ рельефнымъ цвѣточнымъ орнаментомъ, окружающимъ пять выпуклыхъ медальоновъ, на которыхъ чернью четыре Евангелиста и въ центрѣ въ обычной композиціи Вознесеніе Христа. На оборотѣ рельефомъ крестъ съ копьемъ и губкой.

Отъ третьяго храма сохранилось нѣсколько иконъ, развѣшенныхъ нынѣ въ притворѣ, высоко на стѣнахъ.

1. *Рождество Христово*—икона, писанная на холстѣ хорошимъ мастеромъ по западнымъ образцамъ (Рис. 44); весьма характерна для XVIII в., и по композиціи сюжета, и по стилю, и по типамъ, по костюму, выпискѣ лицъ и деталей. Христосъ—Младенецъ, нагой, лежитъ на бѣломъ полотнѣ, въ ясляхъ, у изголовья бабка Соломія; впереди Богородица въ красномъ хитонѣ, голубомъ гиматіи, бѣломъ покрывалѣ стоитъ на колѣняхъ, сложивъ руки у груди. Ея лицо красиво, съ краснымъ оттѣнкомъ, шея открытая. За Богородицей стоитъ старецъ Іосифъ въ голубомъ хитонѣ и красномъ гиматіи, съ палкой. Справа сидитъ на камнѣ, изумляясь Ангелъ въ бѣлой рубашкѣ (съ открытыми плечами), голубомъ гиматіи и съ голубыми крыльями. Вверху по парѣ херувимскихъ головокъ въ облакахъ.

Это изображеніе занимаетъ большую часть иконы. Внизу слѣва «с҃тыѧ мученицы Анисіи»: св. дѣва съ непокрытой головой, въ голубомъ длинномъ платьѣ, короткомъ верхнемъ желтомъ и въ красномъ гиматіи, застегнутомъ на груди фибулой; въ одной рукѣ она держитъ цвѣты, а въ другой опущенной внизъ—мечъ. Изображеніе ея заключено въ рамку стиля рококо. Справа въ такой же рамкѣ «св. архидіѧконъ Стефанъ»—юноша въ голубомъ подризникѣ и верхнемъ стихарѣ, съ цвѣтами по бѣлому фону, въ одной рукѣ у него камень, въ другой кадило. Вокругъ его головы, какъ и св. Анисіи—красный фонъ вмѣсто нимба. Между

этими святыми въ рамочкѣ слѣдующая характерная стихотворная надпись съ датой 1788 года:

Сеи младенецъ увиселѧетъ насъ своимъ рожствомъ.
Хотѧ обновити плоть нашу своимъ божествомъ.
Сего и свѧтии Стефанъ прославлѧетъ
Фарисей и садукей о немъ увѣрѧетъ.

44. Икона Рождества Христова 1788 г. въ Вознесенской церкви.

Ѡниже слушать ѿ него правди не хотѧху
Разѧрившись камениемъ его побиваху.
Сего Хрта стаѧ мученица Анисиѧ прославлѧетъ.
За что воинъ ѿ ѧрости мечемъ еѧ пронзаетъ.

1788 года.

II. Ирина.

На оборотѣ черниломъ написано: «Грода Славянска протоіерея Стефана Башинскаго и супруги его Анисіи Семеновой дочери по отцу Бардаковой... въ Харьковскую Вознесенскую церковь 1807 года Августа

2 дня при сынѣ приходской церкви священникѣ Харьковскаго Коллегіума Учителѣ Александрѣ Башинскомъ [1]).

2) *Богородица съ Младенцемъ* — икона, писанная на холстѣ; южнорусской работы, XVIII в., по западнымъ образцамъ. (Рис. 45). У Богородицы красивое округлое лицо, голубой хитонъ и красный мафорій. У Христа—Младенца также такое округлое лицо съ румянцемъ, коричневыми волосами, въ бѣлой рубашкѣ, подпоясанной краснымъ поясомъ, въ желтомъ гиматіи. Вмѣсто нимбовъ—свѣтложелтое сіяніе. Прекрасной выписки и сохранности [2]).

45. Икона Божіей Матери XVIII в. въ Вознесенской церкви.

3) Богородица съ Младенцемъ, на холстѣ, копія хорошей картины русской работы, XVIII в. [3]).

---

[1]) Башинскій, какъ священникъ церкви извѣстенъ по описямъ 1809, 1817 и 1882 гг.

[2]) Размѣръ 109×70 стм.

[3]) 82×68 стм.

VIII.

Церковь Арх. Михаила.

„Изъ просьбы прихожанъ Михайловской церкви 1740 года видно, что деревянный храмъ Архангела Михаила въ Харьковѣ строился въ 1711 г.[1]) и строителями его были—ктиторы Иванъ Усъ, Петръ Миргородъ и ключникъ Василій Савченко, харьковецъ Андрей Молчанъ и изюмскій судья Андрей Скочковъ пожертвовали притомъ по 100 рублей каждый. На мѣстѣ этого храма, на сѣверной сторонѣ нынѣшней церкви стоитъ каменный памятникъ.... Каменный храмъ во имя Св. архистратига Михаила строился четыре года; основаніе ему было положено въ 1783 году 10 сентября, по благословенію преосвященнаго Аггея, протоіереемъ Михаиломъ Шванскимъ, а освященіе совершено тѣмъ же протоіереемъ 6 сентября 1787 года; строителемъ его былъ маіоръ Гр. Мосцѣвый".

Вносимъ еще нѣкоторыя данныя о Михайловскомъ храмѣ, сообщенныя священникомъ его о. Георгіемъ Введенскимъ.

„Духовенство Михайловской церкви въ теченіе 18 столѣтія выписывало въ церковную библіотеку нужныя для себя и для проповѣдей прихожанамъ книги, особенно свято-отеческіе сборники, а именно: Отвѣты архіепископа Никифора Словенскаго и Херсонскаго. Изданія 1713 года.

Собраніе разныхъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни, 1755 года, въ кожаномъ переплетѣ.

Поученія въ святую и великую четыредесятницу, епископа Иліи Минятія, 1759 года.

Книгу краткихъ поученій о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры и заповѣдей Божіихъ; изъ разныхъ святыхъ отецъ собраны, 1781 года, въ кожаномъ переплетѣ.

Творенія святого *Василія Великаго*. Изд. 1787 года.

Сколько было прихожанъ въ Михаиловскомъ приходѣ и какъ они относились ко храму?

Въ 1730 году прихожанъ было 280 душъ муж. пола, 230 душъ женскаго; въ 1750 году 360 муж., 312 женск.; въ 1770 году—655 муж., 610 женск.; въ 1790 году 810 муж., 798 женск.

Въ собраніи указовъ, хранящихся въ архивѣ Михаиловской церкви, есть драгоцѣнный указъ въ копіи объ основаніи и времени построенія каменнаго храма въ честь Архистратига Михаила. Это—храмозданная грамота

---

[1]) Есть однако данныя, какъ ранѣе видѣли, указывающія, что она была уже въ 1663 г. (*Д. И. Багалѣй* и *Д. П. Миллеръ*, О. с., I, 200) и такимъ образомъ, очевидно, что въ 1711 г. она строилась уже вновь.

1783 года, сентября 31 дня, присланная отъ епископа бѣлгородскаго и обоянскаго Аггея на имя харьковскаго протоіерея Михаила Шванскаго. Вотъ ея подлинный текстъ.

Божіею милостію смиренный Аггей, епископъ бѣлгородскій и обоянскій.

«Дана сія храмозданная граммота епархіи нашей харьковскому протопопу, Харьковскаго Коллегіума префекту Михаилу Шванскому сего 1783 года, августа 31 дня, по присланному къ нашей мѣрности изъ харьковскаго духовнаго правленія доношенію, а въ то правленіе поданному города Харькова, церкви архангела Михаила отъ приходскихъ людей маіора *Григорія Мосцъвого*, порутчика *Герасима Артюхова* съ товарищи прошенію о устроеніи въ ономъ городѣ Харьковѣ на мѣсто обветшалой старой деревянной церкви архангела Михаила вновъ на другомъ способнѣйшемъ мѣстѣ каменнымъ зданіемъ во имя тожъ архангела Михаила; на устроеніе которыя всякихъ принадлежащихъ матеріаловъ пріуготовлено довольное число, денегъ въ наличіи *тысяча сто рублей*. По собраніи потребныхъ справокъ представлено нашей мѣрности съ прописаніемъ касательныхъ къ тому дѣлу обстоятельствъ отъ нашей консисторіи докладомъ».

Бѣлгородская консисторія прописала въ докладѣ епископу подробный планъ каменнаго храма: а) на основаніи указа изъ Свят. Правительств. Синода отъ 1770 года, декабря 31, консисторія не нашла препятствія къ построенію каменной церкви, но указала, чтобы алтарь былъ въ длину и ширину по 8 аршинъ, настоящая церковь въ длину 12 аршинъ, въ ширину 9 аршинъ; если прихожане пожелаютъ сдѣлать церковь пространнѣе, отдать на ихъ волю, но не дозволять дѣлать меньше; б) на основаніи указа 1771 года, октября 29, при оной церкви сдѣлать колокольню; в) согласно съ церковными указами устроить алтарь, церковь убрать иконами по примѣру другихъ греко-россійскихъ церквей, а при писаніи новыхъ иконъ наблюдать, чтобы на нихъ небыло рукъ съ двуперснымъ изображеніемъ, по раскольнически; г) на основаніи указа 1742 года, октября 9, устроить престолъ въ алтарѣ въ вышину 1 аршинъ 6 вершковъ, въ длину 1 аршинъ 8 вершковъ, въ ширину 1 аршинъ 4 вершка; д) по указу 1722 г., апрѣля 12, чтобы не было *рѣзныхъ*, *отливныхъ* иконъ на главахъ церковныхъ, а были святые кресты безъ *полумѣсячій*. Церковь обнести пристойною оградою. По окончаніи всей постройки духовное правленіе освидѣтельствуетъ церковь, составитъ опись и, представивъ ее епископу будетъ просить его благословенія на освященіе ея.

Получивъ указъ отъ 31 августа, протоіерей Шванскій заложилъ каменный храмъ 10 сентября того же года. Церковь строилась четыре года и была освящена тѣмъ же протоіереемъ Шванскимъ 6 сентября („Церковная лѣтопись“, самая древняя въ архивѣ).

Каменная церковь была построена въ нѣсколькихъ аршинахъ на югъ отъ деревянной, что показываетъ памятникъ на мѣстѣ алтаря и престола деревянной церкви, стоящій теперь на сѣверной сторонѣ каменнаго храма и оштукатуренный въ 1829 году.

Когда былъ оконченъ постройкой каменный храмъ, деревянная церковь еще существовала, около нея была деревянная колокольня. Изъ деревяннаго храма въ каменный былъ перенесенъ и вставленъ шестиярусный иконостасъ. Какъ по бѣдности прихожанъ, такъ и по желанію ихъ воспользоваться до времени готовой колокольней при каменномъ храмѣ въ первые годы его существованія колокольни не было, и прихожане собирались на богослуженія по звону колоколовъ, висѣвшихъ на деревянной колокольнѣ. Не видно также и того по документамъ,—была-ли каменная церковь окружена „приличною“ оградой, или она была въ оградѣ деревянной церкви. Вообще въ первые пять лѣтъ существованія каменной церкви мы не имѣемъ о ней почти никакихъсвѣдѣній. Свѣдѣнія о каменной церкви начинаются съ 1793 года, когда начинаются приходныя и расходныя книги о ней. Въ началѣ приходной книги на 1793 годъ записано имя и фамилія старосты, бывшаго въ прежніе годы.

10 генваря 1793 года ктиторъ Іоаннъ Жила получилъ изъ духовнаго правленія приходную и расходную книги съ требованіемъ отъ правленія, чтобы въ книгахъ записывать приходъ и расходъ, неоставляя безъ записи ничего, а по окончаніи года являться для отчета въ духовное правленіе. Ни объ обязанностяхъ священниковъ, ни прихожанъ по отношенію къ доходамъ и расходамъ по церкви въ предписаніи правленія не упомянуто. Староста собиралъ доходы на храмъ съ церковнаго кирпичнаго завода, съ церковной пасѣки, съ воска и меда, отъ жертвователей, отъ аренды церковнаго дома и избы, отъ продажи выдѣланныхъ свѣчей,—а во храмѣ съ кошелькомъ. Собираемые доходы онъ подробно записывалъ въ приходную книгу и расходовалъ деньги на потребности богослуженій и храма, на священныя вещи, ремонты храма и особенно на пристройки къ созданному храму. Такъ въ 1794—5 годахъ онъ трудился надъ пристройкой каменнаго притвора съ западной стороны храма и къ нему каменной колокольни. Для приставки притвора нужно было вынуть западную стѣну, положить въ землѣ основаніе изъ камня, вывести стѣны, сдѣлать окна на сѣверной и южной сторонѣ, покрыть притворъ деревянной крышей и гонтой.

Непосредственно къ притвору приставлена была колокольня и открытъ чрезъ нее входъ въ храмъ. Кромѣ двухъ новыхъ частей храма, притвора и колокольни, староста построилъ камбру для сторожа на южной сторонѣ церкви и обстроилъ церковь деревянной оградой въ 1797 году. Дорогія пристройки къ новому храму повели къ продажѣ церковнаго дома и займамъ денегъ у стороннихъ лицъ. Такъ,—въ 1800 году записано: за проданную *изъ общаго согласія* церковную школьную избу 50 р.; продано *изъ общаго согласія* старый церковный домъ и икона (вѣроятно въ томъ же домѣ отдѣленіе) за 48 рублей.

Въ 20-хъ г.г. XIX в. церковь сильно была измѣнена: увеличена съ западной стороны, построена колокольня, и ограда, поновленъ иконостасъ. Измѣненія были произведены и позже; иконостасъ совершенно новый; отъ прежняго „шестияруснаго" не осталось никакого слѣда.

Изъ иконъ XVIII в. въ церкви имѣются: 1) Арх. Михаила, академическаго письма, на деревѣ; Архангелъ съ продолговатымъ лицомъ въ кирасѣ, въ воинскомъ одѣяніи, въ красномъ гиматіи, съ огненнымъ мечемъ въ лѣвой рукѣ, а въ правой у него щитъ. Фонъ иконы зеленый [1]). Одна изъ храмовыхъ иконъ; прикрывается серебряной ризой.

Имѣются двѣ иконы св. Николая, типа самыхъ распространенныхъ на югѣ Россіи, съ моложавостью въ лицѣ, красноватымъ оттѣнкомъ; одна— по грудь, въ серебряной ризѣ 1797 года ($32 \times 26^1/_2$ см.); другая представляетъ святителя во весь ростъ; въ ризѣ 1796 г. (43×31 см.).

Икона Богородицы въ типѣ Оранты съ младенцемъ Христомъ на груди. Лицо съ красными тѣнями, бѣлыми бликами на лбу, на рукахъ. Фонъ иконы зеленый. Серебряная риза на иконѣ 1773 года ($31^1/_2 \times 26$ см.).

Изъ старопечатныхъ книгъ въ церкви наиболѣе интересны: Требникъ Моск. печ. 1658 г. (изъ Троицкой церкви), проповѣди Антонія Радивиловскаго. Ев. М. п. 1794, Ев. М. п. 1764, Отрывки дѣяній Апостольскихъ Львовской печати XVII в., Минея Львовской печати XVII в. (безъ выход. листа), „Акаѳистъ, печатанный въ Кіево-Печерской лаврѣ 1702 г. тщаніемъ всечестнаго отца архимандрита Іоасафа Краковскаго, при счастливомъ владѣніи гетмана и ясневельможнаго пана Ивана Степановича Мазепы".

IX.

9. Церковь Воскресенія Христова.

Первая деревянная церковь во имя *Воскресенія Христова*, въ Нетечинской части, построена, по мнѣнію преосв. Филарета не позже

---

[1]) $44 \times 36^1/2$ стм.

1655 г.[1]) Простоявъ около ста лѣтъ, церковь пришла въ ветхость и вмѣсто нея въ 1742—1743 г. была выстроена новая деревянная. Изъ описи 1789 года видно, что церковь была трехглавая и имѣла крестообразную форму. Въ 1795 году начата третья каменная церковь, оконченная въ 1797 году. Въ 1847 г. церковь подверглась передѣлкамъ, расширенію [2]). Церковь въ настоящее время благолѣпно украшена и имѣетъ множество цѣнныхъ предметовъ изъ церковной утвари и богослуженія. Такъ всѣ три престола его покрыты серебряными позолоченными досками съ рельефными и гравировкой изображеніями работы лучшихъ мастеровъ фирмы Хлѣбникова и др. Иконостасъ, украшенный хрусталемъ, заключаеть въ себѣ иконы живописи хорошей работы. Изъ Евангелій, украшенныхъ богатыми окладами съ художественными украшеніями—изображеніями въ рельефахъ, или чернью, или финифтью—укажемъ на Евангеліе м. п. 1815 г. (окладъ 1817 г.), Евангеліе м. п. 1841, Ев. м. п. 1852 г., Ев. м. п. 1821 г. (окладъ 1823 г.). Серебряные позолоченые кресты: 1) 1815 г., 2) 1824 3) 1846 г. Чаши: 1) 1834 г., 2) 40 г. г. и три новѣйшихъ.

Изъ памятниковъ XVIII в. въ церкви сохранился серебряный *крестъ 1786 г.*, четырехконечный, съ изображеніемъ чернью Распятія Христа съ предстоящими, прекрасной работы, характерный для XVIII в., съ явнымъ подражаніемъ лучшимъ западнымъ образцамъ (размѣръ 14×11½ см.).

Имѣются и иконы XVIII в.: 1) Воскресеніе Христово сложной композиціи, въ ризѣ 1801 г. (53×45 см.), 2) Ахтырской Божіей Матери, въ ризѣ 1767 г. (36×26 см.), 3) Св. Троицы, сѣверно-русскаго письма, въ сложной композиціи, въ ризѣ 1801 года (54×45 см.), 4) такого-же письма св. Харлампія, въ серебряной, позолоченой ризѣ (31×21 см.), 5) Богородицы Млекопитательницы, XVIII в., въ окладѣ 1866 г. (37×30 см.).

---

[1]) Съ этой датировкой не соглашается авторъ новѣйшей исторіи г. Харькова (О. с., I, 200). «Статистика первоначальнаго населенія Харькова, говоритъ онъ, извѣстна намъ по отпискамъ первыхъ московскихъ воеводъ и нѣтъ основанія думать, что бы для небольшого сравнительно числа первыхъ поселенцевъ Харькова потребовалось сразу такъ много церквей. Къ тому-же нынѣшній Воскресенскій приходъ представлялъ въ то время островъ, отрѣзанный отъ города рѣками Харьковомъ (старымъ его русломъ) и Нетечью и селиться здѣсь врядъ-ли было удобно. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что о Воскресенской церкви не упоминаетъ и челобитная 1633 г., что во всякомъ случаѣ не говоритъ въ пользу предположенія автора «Историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи». Когда впервые была выстроена Воскресенская церковь,—мы не знаемъ. Знаемъ только, что она помѣщалась не тамъ, гдѣ теперь, а саженей на 100 къ сѣверу, въ мѣстности нынѣшняго Престольнаго переулка. Близь церкви находилось приходское кладбище, которое просуществовало до 1792 г., когда въ силу указа о перенесеніи кладбищъ внѣ черты городской осѣдлости было закрыто.

[2]) См. подробно о перестройкѣ и новѣйшихъ украшеніяхъ храма у. св. Іоанна *Горяина*, Харьковская Воскресенская церковь (1797—18 окт. 1797). Харьковъ 1897.

X.

Дмитріевская церковь.

Первая церковь во имя св. Дмитрія была деревянной. [1]) Въ 1766 г. она была разобрана и вмѣсто нея воздвигнута новая, сгорѣвшая въ 1804 году.

Въ 1808 г. освященъ третій храмъ, расширенный въ 1841—42 г.г. двумя придѣлами. Въ 1887 г. онъ реставрированъ и почти заново украшенъ [2]). На извѣстномъ планѣ 1787 года представлена, очевидно, вторая церковь деревянная, простой архитектуры; судя по выдѣляющейся части на западной сторонѣ, можно предполагать, что такая-же часть была и на восточной, и храмъ былъ такимъ образомъ трехкупольный; на западной сторонѣ видна отдѣльно невысокая, надо полагать, колокольня [3]).

Изъ памятниковъ древностей, хранящихся въ церкви, отмѣтимъ: 1) икону на деревѣ Смоленской Божіей Матери, хорошая копія, вѣроятно, XIX в. [4]), въ драгоцѣнной ризѣ; 2) икону на деревѣ Покрова пресв. Богородицы, хорошаго письма, также XIX в., въ ризѣ болѣе древней, чѣмъ сама икона; 3) Сошествія Христа въ адъ, сложной композиціи, съ праздниками, начала XIX в. ($52\times43^1/_2$ см.) 4) преп. Сергія Радонежскаго—на деревѣ, широкаго письма, хорошая копія съ оригинала, писаннаго въ 1717 г. на мѣдной доскѣ, съ точной передачей надписи, имѣющейся на оригиналѣ [5]); 5) портретъ на холстѣ Серафима Саровскаго, писанный за годъ передъ смертью, судя по надписи на рамѣ, въ 1832 г.; посредственной работы; по преданію даръ преподобнаго купцу Гладкову—въ Курскѣ (67×55 см).

При Дмитріевской церкви въ XVIII в. было кладбище для трехъ залопанскихъ приходовъ [6]).

XI.

Мироносицкая церковь.

Церковь во имя св. Женъ Мироносицъ, каменная, была освящена въ 1783 г. Она была кладбищенскою, подъ такимъ именемъ и помѣчена

---

[1]) На основаніи приводимыхъ преосв. Филаретомъ данныхъ можно допустить, что въ 1689 г. она уже существовала.

[2]) *Прот. І. Чижевскій*, Церковь святого Великомученика Димитрія Солунскаго мироточиваго въ Харьковѣ—1689—1901 г.г. Харьковъ 1901 г., 6 и сл.

[3]) См. Альбомъ выставки XII арх. съѣзда, рис. 76, фиг. 15.

[4]) По преданію, эта икона изъ перваго храма, слѣдовательно XVII в. (*Филаретъ*, II, 37, *Чижевскій*, О. с., 20).

[5]) *Чижевскій*, О. с. 22—23. Размѣръ ея $79^1/_2\times66^1/_2$.

[6]) *Филаретъ* II, 37. Въ Музеѣ изящныхъ искусствъ и древностей Харьковскаго университета хранится надгробная плита XVIII в., найденная на мѣстѣ этого кладбища, нынѣ застроеннаго зданіями.

въ рисункѣ плана 1787 г., гдѣ она имѣетъ видъ небольшого однокупольнаго зданія.

Въ 1809 г. устроено два придѣла по бокамъ: во имя Женъ Мироносицъ и св. Николая, а главный престолъ посвященъ Тихвинской Божіей Матери. Въ 1839 г. храмъ перестроенъ заново и освященъ въ 1841 г.; съ этого времени главный престолъ посвященъ Воздвиженію Креста Господня, а по сторонамъ его св. Сергію и Тихвинской Божіей Матери; въ 1890 г. боковые придѣлы упразднены и оставлены тѣ, что въ восточной сторонѣ, одинъ во имя св. Сергія, а другой вновь во имя св. Женъ Мироносицъ.

46. Икона женъ Мироносицъ XVIII в. въ Мироносицкой церкви.

Храмъ, не смотря на свои измѣненія, все-же сохранилъ отъ времени своего основанія три памятника: 1) храмовую икону св. Женъ Мироносицъ, 2) Евангеліе и 3) чашу.

Икона писана на деревѣ; предварительно на послѣднее положенъ холстъ, а поверхъ бѣлый грунтъ. Живопись академическаго характера, красивыя фигуры, пейзажъ, свѣтлый колоритъ. Въ выраженіи лицъ, въ позахъ изысканность, слащавость. Фонъ иконы коричневый, почва съ цвѣтами. У пещеры Ангелъ въ желтой короткорукавной рубашкѣ съ зеленымъ поясомъ, желтый гиматій на колѣняхъ. Двѣ жены въ одеждахъ зеленаго и желтаго цвѣтовъ, дѣлаютъ жесты изумленія; на заднемъ фонѣ видна голова третьей жены [1]). (См. рис. 46).

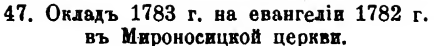
Евангеліе московской печати 1782 г., въ малый листъ. На голубомъ бархатѣ большой медальонъ съ рельефнымъ изображеніемъ Воскресшаго Христа со знаменемъ; по четыремъ угламъ Евангелисты; грубые типы, однообразные, старцевъ. Плохая работа, штамповая, 1783 г. (См. рис. 47).

Чаша серебряная, позолоченная, 1784 г., небольшая, но красивой формы. По подножію въ медальонахъ гравировкой—орудія страстей; на сосудѣ, по бокамъ его рѣшетка и на выпуклыхъ медальонахъ, какъ бы подражаніе кіевскимъ гравюрамъ: Христосъ со сферой, Іоаннъ Предтеча

[1]) Размѣръ $1^1/_2$ арш.$\times$11 вершк.

со свиткомъ, крестъ, копье, губка, Богородица; все на облакахъ (См. рис. 48) [1]).

Изъ другихъ памятниковъ церкви отмѣтимъ: 1) икону Тихвинской Божіей Матери, начала XIX в.; 2) иконы въ главномъ иконостасѣ 1841 г.: Воздвиженіе Креста (въ ризѣ 1856 г.), Воскресеніе Христово, нач. XIX в. (въ ризѣ 1862 г.), Крещеніе Господне, нач. XIX в. (въ



47. Окладъ 1783 г. на евангеліи 1782 г. въ Мироносицкой церкви.

48. Серебряная чаша 1784 г. въ Мироносицкой церкви.

ризѣ 1864 г.); въ придѣлѣ св. Сергія: св. Сергій (въ ризѣ 1854 г.); св. Николая (въ ризѣ 1819 г.), св. Митрофаній (въ ризѣ 1856 г.), Христосъ и Богородица (въ ризѣ 1856 г.).

Имѣется нѣсколько Евангелій: 1) 1784 г. м. п. съ окладомъ 1819 г. грубой работы финифтью; 2) 1800 г. м. п., съ хорошимъ окладомъ 1864 — работа чернью; 3) Ев. 1841 г., съ современнымъ окладомъ прекрасной работы, съ финифтью; 4) Ев. 1847 г. съ современнымъ окладомъ — рельефомъ

---

[1]) Размѣръ выс. $5\frac{1}{2}$ вер., діам. основ. $3\frac{1}{2}$ в., діам. чаши $2\frac{1}{3}$ вер.

изображенія Евангелистовъ и Воскресенія Христа. Кромѣ того имѣется прекрасной работы большой крестъ серебряный 1839 г. съ финифтяными изображеніями.

XII.

Церковь Каплуновской Божіей Матери.

Въ XVIII в. было въ городѣ и третье кладбище тамъ, гдѣ теперь церковь въ честь Каплуновской Божіей Матери. Но была-ли тогда же тамъ и церковь, неизвѣстно; извѣстно только, что она освящена въ 1810 г.; въ 1841 г. она обновлена и освящена въ честь Рождества Пресв. Богородицы. Храмъ—небольшой, однокупольный.

Въ церкви изъ памятниковъ XVIII в. есть икона Воскресенія Христа, сложной композиціи, но она поступила въ церковь недавно [1]).

Изъ другихъ памятниковъ старѣйшій—Ев. м. п. 1803 г., но въ окладѣ 1842 г., хорошей работы; далѣе икона Каплуновской Божіей Матери, нач. XIX в., въ ризѣ 40-хъ г.г. XIX в.; Ев. м. п. 1815 г. въ прекрасномъ окладѣ, съ рельефными изображеніями, подражающими такимъ-же на окладахъ XVIII в. (Богородица съ Младенцемъ, держащая вѣтвь, на ступеняхъ амвона Давидъ, Соломонъ), серебряный крестъ 1839 г. съ изображеніями чернью, серебряная чаша 1854 г. съ гравированными изображеніями, и другая того-же времени съ финифтяными. Иконы: Покрова Пресв. Богородицы и св. Николая, въ серебряныхъ ризахъ 1841 г.; того-же времени и намѣстныя иконы: Христа, Богородицы, Рождества Христова и трехъ Святителей.

Всего въ XVII—XVIII вѣкахъ въ Харьковѣ было, какъ видимъ, 12 церквей. На видѣ гор. Харькова 1787 г., какъ видѣли, нѣтъ только одной изъ нихъ—Вознесенской, освященной значительно позже и Каплуновской, построенной, вѣроятно, уже въ началѣ XIX вѣка.

Е. Рѣдинъ.

---

[1]) Размѣръ ея 70×55 стм.

XXIX.

Экскурсы въ область древнихъ рукописей и старо-печатныхъ изданій.

XXIV

Южно-русскій сборникъ житій святыхъ и поученій.

Сборникъ житій и поученій XVII в. (родъ Торжественника) южно-русской редакціи и письма писанъ на бумагѣ съ водяными знаками, разными почерками, частію мелкимъ полууставомъ, частію скорописью на 519 листахъ ($18^1/_2 — 14^1/_2$ сантим.) въ кожаномъ переплетѣ. (Изъ гор. Волчанска, пожертвованъ Е. М. Ивановымъ Истор.-фил. О-ву).

Л. 1. Заглавіе полустерто. Можно разобрать: Наука; далѣе, повидимому, было написано: в неделю пре родество хви...... слово похвалное ѿ[1])...

Нач. Власне іако же нбо оукрашено звѣздами, и земля разлиными блговонными цвѣтами: та І црко я другое разоумное нбо содржи на собѣ свѣтлосьть нелестних звѣздь.

Л. 6. Наука на прелавный де рожества гда ба І' Спса шего Іс Ха В лѣто ѿ созданіа мира ҂еф, В нелю полунощи, во царство' Ав'густа Кесаря мца Декавріа.

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ наборѣ небыло возможности по типографскимъ затрудненіямъ передать двойное *о*, іотированное *а*, малый юсъ въ значеніи *я*, особое обозначеніе звука г—g, тождественное нынѣшнему таковому же галицкому, а равно титла.

Нач. Знаменытый днь і весе́лій празни народенія хва нининего дня памя ѡбхо́димо, кото́рого породи́ла преблгословеная Два Мрїа на Ізбавлéніе всего свѣта.

Въ дальнѣйшемъ содержаніи «Наука» возстаетъ противъ народныхъ обычаевъ, соединенныхъ съ праздникомъ Рождества, порицаетъ игры, шумъ (гвалтъ), празднованіе «Коляды и Лады». 'Алѐ іакъ можетъ то праздновати который брухъ своихъ за ба себѣ маетъ и котории ѡбжирству и пянству голду́етъ .... іакъ маютъ тии празновати которіе дни тые стые гватуютъ, ижъ по улица хо́дячи и по домахъ презночъ власне якъ лви окрутние рикаю, іакъ маютъ тые праздновати которие нечинять подіакованиіа и не отдаю поклону новорожденному црю ис ха. але ходячи по улицахъ диавола́ за ба вихваляютъ.... Але не тилко намѣваюся зва иновѣрци кавинистове, лѣтеранове ижъ бго и вихваля'ете— але еще и сами диіаволи з'ва намѣваюся же ва уловляю форътеліами своими. ѡто полухай бжественаго евагелиіа ма: што мови: ижъ оніе трі кролеве не или питатися до иерусалиму где е Коліада албо Ладо, но питалися поворожденаго црїа принесши ему ро́зние дари, влане іакъ подании пáну свое́му.

Конецъ «Науки»: убомося братіе бжой сей грозы, караня и небезпечепства.... до црквы хвы ходѣмо.... хрѣхи наши визнавамо преии (богомъ) в' покорѣ и в'скрусѣ сердечно, а та чи́нячи, изготованї на на гнѣвъ бжі о на ѾВернемъ и прили Ѿни пекени му уйдемо—пре гда і спса нашего иса ха. которому со Ѿцемъ і-сты дхо неха буде Ѿ на че слава и полон, нинѣ и прно и во вѣки вѣко аминъ.

Л. 10. на возвиженіе (другимъ почеркомъ) мца сепътевьрия во ДІ всеминое воздвиженіе четнаго и животворящаго крта.

Л. 17. (новымъ почеркомъ) Мца сетéврїа. Ѐі (15) мученіе стого Веко-Мчн. Никитїа, іже сожe бы за ха. Во Готех ѿ цря Аѳанарїка во лѣто То. се учени бы Ѳєѡфила епикопа Готскаго.

Обор. 21 л. Мца септерыя въ зі сты мчникъ Вѣри, Надежды, Любвы́. мучени быша о Андрѣяна цесаря влѣто ркъ.

Л. 27. Мца Септеврия во и де на Рожсто пртой бцы и прно двы Мрїи мтре Бжо блвы ѡче.

Нач. Во двою на деся колѣну сновъ Іилеви би нѣкто чловекъ Іменемъ иѡаки бога велми І прве јжену мѣлъ такожде Анну.

Сравн. Торжественникъ Румянц. Музея XV в. N CCCCXXXV. Востоковъ, Опис. рук Румянц. Муз. стр. 681.

Л. 31. Повѣ на преславный день Рожества преблаголовен... влчци нашея бцы й прно Двы Мрїи, того жь мца во Н (8) день.

Нач. Яко гды на дозѣ не бывае дожьчь, а по велико горячости Іспецѣ слнчно спаде туча истужними громами Ізъ страшливымъ молнии блискание, ѡ разѣ приноси людемъ з дожьчу утѣху їзгрому ужа й мони бликавичний подивьленье ...... такъ Рождествомъ своимъ пречтая бца до радости всю вьселенную побужае.

.Обор. 39 л. Мца сетерія въ к҃ (20) мчніе стого велико мчнїка Евстафія Плакыды и жоны его Татіаны и ча и Агапия й Ѳеописта, иже бяше воевода Римский въ лѣто Р (100) и пострадá.

Нач. Во дни царства Троіаня царя еще идолослуженію служащу бытъ нѣкто воевода именемъ Плакида бога велми.

Обор. 52 л. Мца сетерїа во кѕ житие стого славнаго и всехвалнаго аптла и евлиста Іоана бгослова, їзбрано ѿ жития его і ѡ житїю его писали стый істóрикове црковные Митофрáсте й Герóнимъ, пожи лѣтъ РК, жыва себе погребé.

Нач. Добродѣте^л^ мужа сего стго яко слнце сияе^т^ во цркви хвой дене^с^ й во вѣки.

Л. 59. Мца ѡктоврыа во А слово похва^л^ное на покро^в^ пртой Бцы Іирнодв^с^ѣ Мрїи творенїе смиреннаго еромонáха Пахомїя Блви ѿче прочитати.

Нач. Поневажъ оубо чловечески ро^й^ ѡ^д^бича^й^ мѣетъ празники^х^ стых спохвалами праздноватї.

Южно-русская редакція извѣстнаго Слова похвальнаго Покрову Богородицы Пахомія Логооета, іеромонаха Аѳонскаго. Сравн. Востоковъ Опис. рук. Румянц. Музея, стр. 704.

Л. 64. Въ той днь казанье на покро^в^ пртои Бцы. Даны быша женѣ двѣ крилѣ. Апокалипси^с^ вї.

Нач. Видѣ сты Іѡанъ бгословъ в ѡбявенѣ смока, зъ сема головами, Ізъ десятма рогами; которы^й^ гонилъ за невѣстою. Але той невѣстѣ даны были двѣ крилѣ, же бы лѣтала въ пустыню.

Л. 73. Мца Ѡктоврия Г мчнїе стого сщномни^чк^ Диѡнисия Ареѡпагита мчника стго Апла Пала и товáришо^в^ его́. Рустїка Еслиферїя вѣрова^в^ши^х^ во афтинехъ.

Л. 78. Мца Ѡкто^в^ З (7); мчние сты^х^ мчнїкъ Сергия ІВакха, пострадашїхъ: в лѣто тг (303). прї царї Маѯимиянѣ.

Нач. Серьгий ІВакха, ри^м^ляне родомъ на^'^ во^д^рѣ цесаря Ма^к^симияна, перьшиѣ уряды имѣстце де^р^жали, увеликомъ пошанованю упана оного, который вѣрною їхъ по^с^лугою іпожитене; собѣ службы ихъ знàвъ и прени^в^х все справова^л^.

Обор. 80 л. Мца Ѡктовриа, дї: сты^в^ мчни^х^къ дво^х^ братовь близнцю^в^ Гервáсїя Протася пострадавшихъ по^д^ аврéлїемь в лѣто роа.

Обор. 84 л. Мца Октóврия во кг (23) де. Мчніе стго Апла Іякова по плоты брата гдня бывшаго перваго еппа вь іерлимѣ иже и літоргію написá.

Л. 88. Сказáніе неложное ѿ мужа: правена ї ста запаниіа црквы великаго учителіа ієрωнима ѡ июдѣ быше предáтели гда нашего Іса Ха списаное: сице начїнаеся:

Нач. Бысть нѣкоторий мужъ во иерусалимѣ імене Руоимъ иже інництó именовашеся симо. Сравн. С. В. Соловьевъ Историко-литературные этюды. Къ легендамъ объ Іудѣ предателѣ. X. 1895 стр. 187—190.

Обор. 91 л. Мца ωктоврыя кд мучніе стго мчніка Ареѳы, іиже сни. дсчѳ. иже постьрадаша во лѣто фпе.

Нач. За Устына цéсара пятого року паства его пановалъ на Еѳіωпляни Елъжъванъ чловекъ побожны' и справеливы' (въ другихъ редакціяхъ Еліазаванъ, Елезванъ, греч. Ἐλεσβᾶς, Ἐλεσβᾶν. См. Великія Минеи Четьи, изд. Арх. ком. окт. дни 19—30 стр. 1839—1862).

Л. 97. Мца ωктоврыя кѕ стго велико Дымитрія мчніе іже пострадà в' лѣто ТД.

Нач. Димытріи стый бы з' мѣста Солуня добре урожоный у вѣрѣ хрстыіаской вихова во вьсякыхь добродѣтелей ѿбфитуючи.

Обор. 102 л. Мца ωкторіа ки мчніе стыя сланыя великомчніци Параскевіи, яже пострада в Ніюмыдии в' лѣто СЧ.

Нач. Въ дни Диωнисия царя бы гонéние великое на хртіяни.

Л. 108. Мца ноеврія л стыхь чудотвóрецъ безсребникъ. Коз'мы и Дамія'на иже во Асїи и матере и Ѳеодотыи'.

Нач. Сыи стыи выдяху ро ѿ асійския земля.

Обор. 111 л. Мца ноеврыя е. Мчеиіе стго мчніка Галактыωна і Епис'тимии пострадавшыхъ ѿ Урса з'ловѣрного князя влѣ СНП.

Начало: Въ Едесѣ мѣстѣ быль еденъ чловекъ, имéнемъ Клитофонъ такъ богáтіи велмы и можнйй, ижъ на нéго не билó во всемъ мѣстѣ: жану его звáно Лев'кинею, которая была неплона: зашто великое з'ло страдала ѿ мужа такъ бытя'мь, яко и ругáниемъ, а ѻбое били' погáне.

115 обор. Мца ноевріа. Н. соборъ Архістратіга Михаила и прочихъ без'плотны сыль.

Нач. Нн҃ѣшнего дн҃я црковь мáтка наша и ѡ'блюбéница хв҃а призывае на вѣрни сн҃овь своихъ радоватися и благодарити б҃а дóбраго дав'цу нш҃го о толикомъ благодѣя'ніи егó.

Обор. 121 л. Мц҃а ноеврія в҃і Житіе іже во с҃тіхъ ѿца нашего Иѡана Мúлотúвого патриіахи Але҃ѯадрійского іже поживе в'лѣто х҃е во'дъны Геракліия кéсара.

Нач. Иѡанъ але҃ѯандри'ски', парияха, пре великое на убогими млрдие іямýжничинéние, митиви навани', родо би съ Кипътру.

Обор. 132 л. Того с҃тогo и̓ѿáна париіахи прилади и приповѣсти, въ котори ся кико живото сти замикáетъ ку побудку І млрдия на убогими.

Л. 138. Мц҃а ноерія г҃і житіе іже восты оц҃а нашего іѡáна архиепикопа котатина града Златоустаго Іже би влѣ ѕ҃ѵ во царство Аркадиа и ѡнориа пож лѣ н҃г.

Нач. Стй Иѡанъ Златоустй би родо изатиѡхии, сн҃ъ Секунъдиновъ, жонѣрскою славою знанаго. Маку его зъвано Анѕфуса, ѡбое невѣрнии и х҃а ненали.

149. Мц҃а ноемріа во д҃і мученіе с҃тогo ап҃ла Филиппа едынаго ѿ дванáдесяте апло въ Иерапóли распятъ стрéмъ гла ѿ Елли.

Л. 154. Мц҃а ноерія к҃а вохо во црко пр҃тои дв҃и м҃ріи избрано ѿ дрени боголопцовь.

Обор. л. 164. Мца поеврія кд страданіе стіа і всемурия великомчницѣ Екатеріни иже порадà в'лѣ сҳ ворея Масетия иже препела и философа.

Л. 173. Мца ное. кѕ. бышее чудо сти Геѡрьгие преде мученыя ѡ міи блви ѿче.

Нач. Како иреку страную сію и преланую та'ну, что воглю, или кáко нану повѣдати диное се слишáние, ѡбаче аз грѣшни'есмъ члвкъ. но на млсрдие надѣюся стго и великого Георьгиıа и повѣдáю ва чудо сие и полушайте иповѣдáниıа сего.

178. Мца ноеврія въ л мученіе стого слапаго и въсеванаго апла Анъдрея Певованаго брата веръховому аплу Иеру в паре Ахаии ѿ егеата ко крету пригводе скочася.

Л. 184. Мца декавріа въ д стыя велікомученіці Вавäрі, яже бы в'лѣ. сҳ. При Масыіанѣ цари. дще Диѡкора елина ѿ него же в славу усѣчена би.

Нач. Сы'я ста, мчнца Вавара. би при Маҳия'нѣ цари, ѿ сонеч'наго вотока, дщи Диѡкора нѣкоего ели'на, еяже ѿцъ ховаше на високо' полатѣ, яко нѣхтò ей видѣти не може, би бо лице крана а умо богата.

Обор. Л. 187. В тойже де житіе стого ѿца ншего Иѡана Дамакина списано бы Іѡано Парианомъ Иерлимски иже поживе в'лѣ ѰКЗ воремена Леѡна исара.

Нач. Гди агаря́не Дамаскъ мѣсто во Асірии ѡпановали, а хртия помордовали ихвалити ис ха яне недопукали, рóдичи того Иѡана Дамакина у ѡни ѡрутни такую ласку мѣли и не тико воно и билó хртияскои вѣри поряки яне ховати, але те и стáростою и судиею ѿца его учинили.

Л. 196. Мца Декарія въ е житіе прпдбпаго ѿца ншего Сави ѡсщенаго, иже поживе в'лѣ оуои. воремя феѡдосия малáго жи лѣ чд.

Л. 202. Мсца декамрія въ ѕ иже въ стих ѻца нашего Ніколая епископа мирликийскаго чудоворца иже поживе вовремя Деѻклитяина и Максимияна мучителя в лѣто трисотное.

Л. 221. Мца декамврія въ зі; житіе стго пророка Даныила и стых трие ѻхрок, Анания Азария Місаила иже внуки биша. Иезекия цря предварыша рож'дест хсво лѣт уѯ.

Л. 233. Мца декамврія ѳі стго мчніка Боныфантия пострадасших в'лѣто т во царствьо Маѯимияна.

Л. 238. Мца декамврія к стого сщномчника Игнатия Богоносца бывша оучника стого Иѡана Богослова пострадавша ѿ Трояна цесаря в лѣто рѳ.

Л. 241. Мца декамврія ка страданіе стыя великомчници Иоулияни іже пострада вникомидіи во царство маѯимияна в лѣто сѳ.

Обор. 247 л. Мца декамврія кѕ житіе стого иѡсифа оброучника прчстой дви Мріи. бывша ѿ колвѣна Левиина, вписано списма староданваго

Обор. 255 л. Мца Іануаріа А Житіе иже во стих ѻца нашего Василия Великаго Архиепископа Кесария Кападокиския Іже оуспе влѣть той (378) во царство Валеса и Грацияна папа црков Бжию лѣт Н. (50).

Обор. 278 л. М'ца Генваря Ѳ (тс мчнка Поліета іже пострада влѣт СН вь црство Декия и Валерияна.

Нач. За часу Декия и Валерияна во Амерскиом землѣ вмѣстѣ Мелитинѣ били два жолнѣре знацние, которие великую приязнь з собою мѣли.

Обор. 282 л. Мца Генварѧ еі житіе прпбнго ѻца нашего Павла Ѳивейскаго. Перваго поустинника и быс влѣжт снсг во црство Декия, преставижеся влѣт тмг в'црство Кон'стянтина и Костанция.

Нач. Всѣ поутинико прóдо, и повóди Паве з Өивею, перви' путиник. То' за часу цесаря невѣрнаго гонителя и мрдеци великаго хритиянской кривѣ, уходячи не та смрти ка тякого авирванаго катованя.

Л. 289. Мца Геваря въ в' Житіе іже во ст ѿца нпего Селиветра папи римъскаго іже оупе в лѣ' тле в'цртъво конъстянтина Прави пртлъ лѣтъ ка.

Нач. Хочъ стии апли вьсю зелю ѡбошьли́ іслово бжие вь срца люски вьсѣяли, ена вольноти вѣра стая немѣла ѿ ѡкрьни тирано стисненя, а насталъ црь Костантинъ котораго Селиветръ црвѣ бжой позиськав.

Обор. 293 л. Мца Генваря во зі. Житіе прпобнаго ѿца нашего Ан'топиа великого іже иде въ пустиню в'лѣ ті во цртво Консьтянтина жи лѣ ре претавися в'лѣтъ тни во царство костятина.

Нач. Сей Анътоній сти египтяни билъ, вихова ѿзацних родичо въ побожной јхритияской науцѣ зъ дитиства високи цнот насѣнья по собѣ показа'въ а будоучи ѡсиротѣлий смртию родичовъ своихъ вепо зъ сестрою малóю лева повърóка гоподаства пиноуючи въспомнѣвъ іакъ зааплов імѣния продаючи́ хрииянe, гроши до ногъ апотолскихъ приносили јтое собѣ миле розбираючи до'ишов во црковъ Іучувъ ѡное еvлие мовьячое ѡ богáтомъ мъладéнци, хочешъ ли бити доскона́лимъ јдижъ а прода́в вьсе що маешъ, јрозъда' нищи јубоги, јвъслѣд мене іди, будешъ съкарьбь мѣти на нбсе, которие слова такъ приняв, якоби вьлане гдь донéго самого ре ј пришедши до дому, серу ѿтдѣливьши и приятеле поручивьши маеность свою всю нищи розда и поча кошътова́ти мека́ня поустинъного, часто ся на мѣсце ѡсóбное вькрада́ячи до оного стаца, которй дорогу ему до тогó своимъ прикладо показавъ где пóсто а уставичною моливою јночни въставаня, ѡфѣру бгу чинячи промекавъ.

Л. 300. Мца Януарія ке Житіе іже во сты ѿца нשего Григорія архієпипа Костатина града Бгослова іже жи лѣ тҳ во црство Кон'статина и Іюлияна.

Нач. Григорй сти з назияну мѣста из зели кападоки'скаго ма мѣ християку, а ѡца поганина, ѡбое були слапи и богати.

Обор. 309. Мца Феруария во е стыя вемчницы Агафии яже пострада влѣ тнд ѿ ѡвитияна в цртво Декия моучителя.

Нач. Вь дни Декия царя итароти сикимийскаго ѡвитияна била паниека в памонѣ мѣстѣ в зели сигескó на имя Агафия роду заного и маености великó, вихована ѿ родичо хритияски у вѣрѣ хвой, уроди била тако' и ей слиноти жанои ронѣ не билó.

Обор. 315 л. Мца Феруаря во зі мученіе стго вемчника Феѡдора Стратилата иже во ехаите пострада влѣ т во цтво Маҳімия.

Обор. 321 л. Мца Марта в а днь Житіе стой прпбной Мчнци Еѵдокіи и ины при ней, яже пострада влѣ сл.

Начало: Въ Кесаріи мѣстѣ Кападокійскомъ былá ена дѣвица именемъ Еѵдокія, тая боудучи в' зáконѣ хртіянско вихована мѣла даръ ѡсобливій мрости бжои в'собѣ и ся много мрихъ дивовало та високóму а дхов'ному рóзумоу ёй. К тому те чисто свою двческую ѿдаши ѡлюбецу своему ху. въ тревости, в' покóрѣ, и ин'ши цнота хртиянских, в'пóстѣ, јв'уставични млтва пребивала.

Изъ того житія на стр. 325:

Пысарь еди стар'шии слуга стáростинъ, имене Ѳиофи, жарьти спани сроячи, мови к ней: облюбеница хва пошли з раю твоего милого мнѣ яблуко, áл'бо рожи пахнучии, що еси на залецáла. Стая рече: барзо рада учиню А гди на пляцъ уже привéдено, просила мéчника абы ей троха почекавъ, чѣмъ млтву ѿправитъ и млилася гу бу прилѣжно. И скóро

скончила, стáло хлопя подля ней три яблуки и три рóжи в’кошику дерьжачее, и реклá к нему Ев’дóкия, ѿнеси тое феофи́лови, а повѣжь ему, отó маешь опцомя просиль з о горóда й рáю пáна моéго. А затим гóлову свою под мѣчь склонила, и тáкь докончи́ла животá своéго.

Л. 327. Житіе стго Матѳея печерскаго.

Л. 328. Мца марта во д прдбнаго ѿтца нашего Герасима іже на Ирдани емуже і лев служаше, бысть влѣто унв во црство Маркияна.

Обор. 332 л. Мца Марта ѳ мученіе стых мкъ четырдесять иже в севастии пострадаша ѿ Ликиния мучителя влѣт ѕı.

Обор. 337 л. Мца Марта во зі житіе прдбнаго Алеѯсія члка бжія иже Римляним си бив влѣт у во црство Аркадия и Опория.

Л. 344. Мца Априлія во а житіе прдбныя мтре нашея Марии Египетськоя, яже пребист во поустини лѣт мз влѣт фк во црство Иоустина Болшаго.

Обор. 354 л. Мца Април кг мчніе стого велкомченіка Георгия иже пострада влѣт сп во црство Диоклитияна.

Обор. 363 л. Мца Маіа во ѕ житіе стого прдбнаго Иова многострадальнаго иже преварид рож хвос ҂ацк ио явѣз пожив лѣт ро и всего пожив лѣт сми.

Л. 372. Мца Маіа во и стго славнаго ісехвванаго апла и евнлиста Иоанна Бгослос пожыв лѣт че прыйде ко гсду влѣто ра во црство Трояна.

Обор. 374 л. Мца мая Ѳ (9) пренесеніе мощеи стго ѿца нашего Ніколая чудотворца ѿ мірілікійскія въ баргради бжыс в лѣто ҂апз во црство Алеѯея Комнина.

Л. 389. Мца іюня ві житіе прдбнаго ѿца нашего Ануфрия иж бысть влѣт тме во царство Констанатия и Коснта.

Л. 390 Слово о коузнци иже млтвою совори водвигнутися горѣ и ворещися в'Ни рѣку.

Л. 393. Мца июня ка мучение стго мчніка Иулияна тарсяника іже порада в црство Диоклитияна и Максимияна ѿ мчтеля Маркияна.

Л. 398. Мца іюня кд наука на Родетво ченаго ісланаго прорка и предитечи кртителя гдня иоапна.

Обор. 401 л. Мца іюня кѳ сти слани і всевлні аплъ и веховны Пера и Пала іже порадаша влѣ ҂ѳ во царство Нерона.

Л. 405. Мца іюля и страданіе стго велікомученика Прокофия іже порада ѿ Ликиния в'лѣ ти во цаство Коньстанътына.

Л. 412. Мца іюля въ і житіе прбнаго ѿца нашего Антония печер'скаго иж вкиевѣ бышаго начаника в'сѣмь третего роски иноко претався в'лѣ ҂ао во црство Романа Диогена.

Л. 414. Мца іюля аі мчніе стыя і всехванія великомчнци Евѳимии иже порада ѿ Прика в лѣто т҂ во цртво Дыоклитияна.

Нач. Въ Хакидонѣ за цесаря Диѡклитияна по старово Асия Прика, гди настого поганкое до и ѡ'ного мѣста на ѡфѣру Масови которий там знани би бова. ѿ усю наро забрася а погрозки страливии ѿ урадо вишли на ти котории би стити и ѡфѣру чинити не хотѣли хртияне не бридячися ѡни бавовавство крилися подома вкупѣ збираючися ту и та навалу бга живого ис ха.

Обор. 416 Л. Мца іюля еі житіе великаго князя Владимера наречена в то крищении Василия провѣтишаго Роскую землю сти крщеніе в лѣто цпи претавяси в лѣ ҂асі.

Обор. 418 л. Мца іюля к житіе стого сланаго пррка Иліи Ѳевитянина, бѣ ѿ племени аароня снь Совако превариж ро хво лѣ ѡsі

Въ этомъ житіи на листѣ 421 и обор. его сообщается слѣд. апокрифъ о воронѣ и Иліи: Выдѣ бгъ Илию пророка жестока и неумолима, тогда посылает ему вослужéние врана чадонелюбиваго да ѿ того пророку обличится совѣт и да повигнеся на млть ω родѣ своем погибающем Бо вра(н) чад свои не люби(т). Где от я́йца ивешии дѣти види(з) абие отавляет их и отлѣтает нехотячы их комити, дѣти же гладом морими ко сотворшему их гла(с) свои поносять. Каждому же дихáнию бъ промилитель посылает им от воздýха нѣякои мушицѣ во устà и питает их до возрасту; яко пророкъ глаголет: Дающаго скотом пищу их и птецы вранови(м) призывающим его. Сего ради такого комителя посылает Бъ къ пророку Илии, яко би презр того гла ему: видиш жестокосердии и не млстивыи, яже се вран чадо ненавистный свои дѣти оталши тебе питает ты же потом не помилуеш рода своего гладом умырающа и всѣхъ животных погибающих. Онже с вотав и приде от пустыни в Сареѳу.

Обор. 426 л. Мца іюля кд убыеніе сти(х) кнзей Ротоскі(х) ωбою брата по плоти Бориса и Хлѣба[1]) потрадаша(с) ѿ(в) брата своего Стополка(х) въ лѣто ҂ѕ҃ѕі.

Нач. Стии славнии мчници хви Бори(с) и Хлѣбъ[1]) быта(с) сыны Владымерови.

Въ числѣ сыновей Владимера названы Цстиславъ въ Тмутаракани, Станиславъ въ Смоленскѣ.

Имя убійцы кн. Глѣба—Горясѣръ осмыслено толкованіемъ *горя серце* (л. 432): тогда окаянний *горя срдцем именем горя спр* повелѣ убити стого Глѣба.

Обор. 434 л. Мца іюля въ кз мчніе стого велмчка Пантелеймона иже по ногим мукахх меною смртию пострада во цраство Максимиана влето тн.

---

[1]) Далѣе: ко Хлѣбовѣ, Бориса и Хлѣба. Такъ же и въ прологѣ XIII—XIV в Румянц. музеѣ № CCCIX См. Востоков. Опис. рук. Рум. муз. 453.

Л. 440. Мца авгоута а сты мчнк Макавѣй семъ брато и мре и Соломоныи і оучтеля и Елеωзара іж посрада влѣто ѿ созданія мира ҂еткз преде Ро Хва влѣто рог во царство Атиωха сина Селекыева.

Л. 444. Мца Авгута въ д сті з ѿроко іже во Ефесѣ спаша лѣтов, успоша влѣто оу во время гоненія ѿ Декия мучытоля, въсташа же въ царство Ѳеодосия великаго Імена же и: Маξимия Деонисий Ямвли Марти Антоніи Іоанъ Маръкелъ.

Нач. Декий цесарь хртіаской криви срогій розлица Прииха до Ефесу каза поимати всѣ котории би ся хритіами бити мелисъ, и ромайтими и муками тратити. Много ихъ и беличби намучено. Всѣ межи ними били напонѣни. Голови и на паля и дерева втикано, тѣла и по мура мѣски и вежа вѣшано. Птахи и ворони мѣсто все тѣла сти пожираючи окружали. По улица забитии и умелии лежали а тие, що ся зотавали, не угашони смуко смутилися. Бо и погрети братии своеи милой члоко хртиянски не могли. Которие птахи ѣли, жало опая и клопоти коца не мѣли. В тот ча змовилися семь младенцо стану жонѣрского вѣрни и готови на сѣ муки для Ис Ха аби вепол в товаривѣ ходили один другого не ѿступуючи мешкали и оди другого умоцня и спомога до татечноти в вѣри и тепѣния всѣ мукъ для ха.

Л. 448. Мца авгоута в еі слово Іоана Златоустаго парияхи Цриграда на Оупепие прчтия влчцы пшея бца і прно дви Мрии бглгови Отче прочитати.

Ср. Торжественники Московск. Румянц. музея №№ 434 и 435. Востоковъ. Опис. рук. Румянц. музея стр. 679, 688.

Обор. 455 л. Мца августа въ sі Пренесеніе нерукотвореннаго Образа гда нпего іс ха блви ѿче.

Подобаетъ нам мало побеседовати о самой блгти бга ншего Іс Ха. Сравн. Востоковъ Опис. рук. Моск. Рум. музея стр. 688.

Л. 461. Мца Августа въ ѳі стого мчнка Андрея Стратилата і иже смни порастдашив ,вфчгх от Антиоха мечи посѣчени быша въ црство Маѯимияна в лѣто тд.

Нач. Въ дни цесаря невѣрнаго Маѯимияна якъ в Сирии такъ и всюди великое повстало гоне́ние. Антиохъ нѣякии гетмана срогии бавовалалаца, великое чвиндно на хсртияни окрутенство, маючи много ротлоъ жонвѣрод пособою. И такъ бил межи оними ромирамн хедестъ таении христіяни, імененъ Андрей Стратилатъ якъ пахну́чая ро́жа межи терние. Для которой вѣри, да гдьв бъ Іс Хс, особное великое звѣтсяжво у во́иску и бвивтахъ. Межи всѣми дѣнлотсю налѣпмшии билъ Андрей.

Л. 464. Мца Августа к жниті́е стого прка Самоила соудии людоу бжого. Взято С писма стого. Самоилъ бил снь Елханова матере Анны. Прострочевова лѣ, мд, преварми Родево Хрвто лѣ ,аме.

Нач. По Сасонѣ суди млю вІдзликсии Гéлии сщенни прек лѣзтм. За которого звѣрсьхноти народлися Самоилъ тим способом.

Обор. 473. Мца Августа въ кѕ мчніе стіхъ мчнкъ Андрѣяна і жени его Наталіи і дружини их.

Нач. Приихвашь до Никомидии Маѯимия ценса, хрирстиянской крви пров лица о́крутнии казва шука́ти хритиянп. Грозячи́ тим сро́го хтобих и таив.

Л. 480. Мца Августа кѳ Наука на Усѣкновеніе чтния главы Иоанна Кртля Гдня, о'смрты Иоанновѣ озлобѣ женгкои еvлие ѿ Марка Зачѳ.

Нач. Въ о'ние ча́си гди услыша Иродъ слухь Іссовь и рече.

Л. 487. Мца Апрѣлия кз житіе прдбнаго Исакия мниха печерскаго, егоже диявлоъ прелсти, иже бистьс влѣто ,аѯѳ.

Нач. Бысьть черноризець въ ру́ссии, именем Ісáкие, родомъ Торопчанин.

Обор 490 л. В суботу а҃ недлі поста стого великого мучнка Θеодора Тырона Повѣсть, како ізбави мтрь свою ѿ змия блглви ѿче.

Нач. Во время Ко[с]та[н]тина цря, царству[ю]ща во Афистѣ градѣ и боляро[м] его мужствующим[и] казася и[м] мужь старъ во градѣ нарицаемѣмь Андрѣ'кия силень дер'зь и бога[т] зѣлѣ имене[м] Феодорь, первии болярин[ъ], ц[е]ртву собору возлюбле[н] би[с] веми[л], божии рабъ.

Извѣстный апокрифъ о Θеодорѣ Тиронѣ и змѣѣ. Сравн. Тихонравовъ. Памятники отреч. лит. II. 93 слѣд. Кушелевъ-Безбородко. Памятники стар. рус. лит. III, 143 слѣд.

Л. 494. Іже во сты[х] оца нашего Іоана Златоустаго патріархи Костантинопольскаго О словѣ два[д] пророка Такь речено[м] за [в]ради[ж] пронося фрасуеть вшеля'ки члк живучии.

Нач. Примушаетъ виръ глубокии рибитва, гдѣ с[т]ѣ запустивши и мнозство в морѣ рибь загорнувша, роздираючуюся от тяжкости рибь сѣтъ виволочетъ.

Обор. 499 л. Слово о м[с]лтіні дшеполезное каждому х[с]ртяныну. Іяко в[к]ся члвкъ даяи ныщему самому х[с]рту дае[т] в руцѣ і сторыцею от нег приемлет.

Нач. Бы[с] нѣкая жена х[с]рти[н]яка, имущи мужа жидовина.

Л. 501. В пятокъ великій стърасьтъ неделѣ: на ѳ-мъ часѣ посланіе Пилатово к Тыверию Кесарю блгви ѿ[с]че прочитати.

Начало: Пила[т] же яко услишà и увидѣ ѡ воскресении и о вознесении ісвѣ сѣдшу убояся и рече: аще услишано буде[т] сие у кесаря я[ж] со[х]дѣяся при мнѣ, то погуби[т] животъ мой.

Извѣстный апокрифъ, входящій въ Никодимово евангеліе; см. Кушелевъ-Безбородко. Памятники стар. рус. лит. III стр. 102, 106, и слѣд.

Обор. 504 л. Слово на воскрніе Гда ншго Іс Ха Поученіе іже во стыхъ ѿца нашего Іоа[н]на Златоустаго блви ѿче.

Нач. Радост сугуба всѣмъ хрстияномъ, и весе́лие миру неиреченое пришедшаго ра́ди праздника.

Обор. 509 л. Слово умильно стїя живоначалныя тройца къ всѣмъ христїяномъ.

Нач. Троца ес ѿцъ и снъ и стый дхъ.

Обор. 512 л. Слово стго Ефре́ма пророчество Ісаипо сн Аммо́сова со плачем и риданием о посьлѣдних лѣтех хотящих быти.

Нач. Тако глеть Гдь нашъ Ис Хсъ к вам; братие внемлѣте глы устъ моихъ и приклонѣте оуха ваша ко вислуха́нию слова Божия.

Л. 516. Прітьча о бога́хъ блві ѿче (т. е. о богатихъ).

Нач. Чекъ нѣкій ходаше на́ полѣ чистѣ и нѣбѣ на полѣ том ни дебрини, ни лѣса и видѣ грядуща к себѣ лва съ верблюдом.

Обор. 517 л. Слово стго Григорія Бгослова о бжественѣй лыторгии.

Нач. Се же быс вь дны првия. Стыи ѿци собрашася къ стому Григо́рию Бгослову и рекоша ему. ѿче стый скажи нам о та́инѣ стѣй и божественѣй литоргии.

Обор. 519 л. Совопросиша оци стыи Григория Бгослова глюще.

Нач. Что есть оче стый Григоріе церковь Бжія и чесо ради создана быстъ.

Проф. Н. И. Петровъ сообщилъ мнѣ, по моей просьбѣ, что въ Кіево-Софійской и отчасти Лаврской обителяхъ есть цѣлая серія сборниковъ житій святыхъ XVII вѣка на тогдашнемъ малорусскомъ языкѣ, въ видѣ четь-миней и прологовъ. Они ведутъ свое начало отъ Zywotów swętych П. Скарги и иногда представляютъ только транскрипцію съ польскаго. Таковы №№ 278, 279, 280 Кіево-Софійской библіотеки и одинъ № Лаврской. Кромѣ того въ Кіево-Софійской библіотекѣ (№ 180) есть «Наука христіанская зъ Еѵлія въ коротцѣ зложеная, въ каждую недѣлю и праздники Господскія и Богоматерныя на увесь цѣлый рокъ барзо простою мовою и діялектомъ ижъ и напростѣйшему человѣкови снадно понятая». Это въ родѣ учительнаго евагелія, но въ немъ есть и житія святыхъ и нѣкоторыя изъ нихъ опять таки заимствованны изъ Скарги.

Помимо своего историко-литературнаго значенія—для редакцій житій святыхъ, для исторіи апокрифовъ,—рукопись имѣетъ значеніе для исторіи малорусскаго языка:

На словахъ поставлены вездѣ ударенія. Въ лексикѣ памятника среди ц.-славянскихъ и народныхъ малорусскихъ словъ есть много полонизмовъ, напр.: с такой великои пёдзи (л. 323);

до ложницы твоей бозкой проводимъ (325); паненка и друг.

Очень многія мѣста изложены простымъ и близкимъ къ народному языку стилемъ. Это особенно нужно сказать о тѣхъ бытовыхъ и легендарныхъ мотивахъ житій, отрывки изъ которыхъ приведены выше.

XXV.

Сборникъ произведеній ораторскаго искусства Харьковскихъ церковныхъ пастырей конца XVIII в.

Сборникъ словъ и рѣчей на 317 листахъ, писанъ на бумагѣ, размѣра 21×17 сант., разными почерками (помѣч. 359), вырванъ изъ переплета,—рѣчей—произносившихся въ разныхъ церквахъ гор. Харькова, между прочимъ въ Соборномъ Успенскомъ, храмѣ, нач. съ 9 л.; первые листы оторваны. Доставленъ изъ с. Нижняго Салтова Е. М. Ивановымъ въ Харьковское Ист.-Фил. Общество.

Листъ 9. Слово въ недѣлю пятую великаго поста.

Се восходи[м] во Іер[і]ли[м] и сынъ человеческій предан будетъ Архіерео[м] и книжнико[м] и осудя[т] его на смер[т] Мар[к]. гл. 16. О покаяніи.

л. 26 Слово на освященіе храма.

Внемли себѣ да не принесеши всесожженій твоихъ на всяком мѣстѣ ....Второзак. гл. 12, с[х] 13.

Л. 31 Слово на освященіе храма.

Дому твоему подобаетъ святыня, Г[с]пди, в долготу дній. Пс. 92, с[х] 6.

Обор. 33 л. Слово въ денъ Благовѣщенія Пресы[т]я Бцы.

Архангельскій гласъ вопіемъ ти чистая: радуйся благодатная Г[с]пдь стобою.

Обор. 36 л. Слово в неделю Закхея.

И аще кого чимъ обыдихъ, возвращу четверицею. Лук. глав. 19.

Нач. О какъ то потрафилъ нынѣ поминаемый въ евангельской Гисторіи Закхей Мытарь, чѣмъ за грѣхи своя правосудію божію удовлетворит?

Л. 41. Слово в недѣлю десятую по сошевіи С. Духа.

Л. 47. Слово въ день с. Апла Андрея Первозваннаго

Л. 50. Слово в неделю дватцать седмую

Обор. 54 л. Слово въ неделю святыхъ отецъ

Л. 59. Слово въ недѣлю святыхъ праотецъ, в которую случилась память пророка Аггея. На полѣ поставлено: «1778 года» тою же рукою

Обор. 63 л. Слово въ первой день новаго года 1779.

Обор. 67 л. Слово въ денъ Богоявленія Господня.

Обор. 70 л. Слово на заключеніе мира съ Портою Оттоманскою.

Блажени миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся. Маѳ. гл. 5 сх 9.

Л. 75. Слово въ денъ Вознесенія Господня.

Обор. 78 л. Слово въ неделю Пятьдесятницы.

Исполнишася вси духа свята. Дѣян. гл. 2 сх 4.

Въ этомъ Словѣ читается между проч. слѣд. на л. 81: Не могу достойно описать, колъ знаменитая тварь человѣкъ, онъ по образу Божію и по подобію сотворенъ, в' него вдохнулъ душу живую Богъ, его естество изволилъ приняти Христосъ Господь, совершенный Богъ и совершенный человѣкъ, за его искупленіе кровь свою пречистую изліять восхотѣлъ и яко же уподобился, братіе, человѣкомъ, съ человѣками обѣщался быти.

Обор. 84. Слово въ недѣлю пятуюнадесятъ.

Л. 88. Слово въ день Благовѣщенія Пресвятыя Бцы.

Обор. 92 и 93—97 ненаписанные листы бѣлой бумаги.

Листы 98—105—вырваны

Л. 106. Новая рука: продолж. пред. «просвѣтитеся тѣмъ съ ващшею охотою и ревностію чемъ чувствительнѣе кому желанны его плоды а тьми грѣховной невиходности и вреды.

Л. 110. Слово въ недѣлю 29 «1771 года дек. 4 д.».

Посл. 115 л. пропускъ 116-го л.

На 117 л. продолженіе такимъ же почеркомъ поученія на другую тему.

Л. 123. Занят: стихотвореніем слѣдующимъ

Божественный премудрый Промыслъ

устроивъ мудро цѣлый свѣтъ
приличны всѣмъ созданьямъ свойства
приличны далъ и имена.
Когда взоръ мысленный возводимъ,
святый владыко на тебя,
вдругъ въ самомъ имени мы видимъ
того же Промысла слѣды.
Пророчей ревностью горящій
и Богу твой священный духъ
Пророчьимъ именемъ вѣнчила
Десница мудраго Творца.
Сія всесильная Десница
для благочестія для музъ
да Тя ущедритъ и вѣнчаетъ
щасливой вѣка долготой
Всевышняго премудра сила
твореній всяческихъ вина
приличны свойства всѣмъ дарила,
приличны давъ всѣмъ имена
Когда взоръ мысленный возводимъ
владыко на тебя святый,
вдругъ въ самомъ имени находимъ
того же промысла слѣды.

На оборотѣ внизу: Кай въ митологіи искусенъ безъ примѣра,

Понеже испыталъ что Бахусъ, что Венера.

Л. 124. Слово въ четвертокъ шестыя недѣли вознесенія Гп҃дня.

Внизу на этой страницѣ: Иванъ Линицкій.

Л. 130. 1774 году 25 дня марта.

(На текстъ) Вся яже въ дому моемъ видѣша и нѣсть въ дому моемъ его же бы невидѣли, но и яже въ сокровищахъ моихъ. Исаіи 39, ст. 4.

Л. 136. Слово въ день Преподобнаго Θеодосія Печорскаго проповѣданное іеромонахомъ Тарасіемъ Вербѣцкимъ іюля 10 дня 1759 года.

Л. 140. Слово проповѣданное в день стого князя Александра Невскаго (той же рукой, что и предыдущее).

Л. 144. Слово Th.: Марθо, Марθо, печешися и молвиши о мнозѣ. Той же рукой.

Въ концѣ: проповѣданное Авраамо Фліоринскимъ въ день Рождества Пресвятыя Боргодицы.

Л. 148. Слово въ недѣлю стыхъ праотецъ.

Л. 151. Новымъ почеркомъ; Слово на освященіе храма: написано вверху: принято о́ Миржирицкаго пр. 38с 95м.

Б. 155. Слово въ день тезоименитства Ея Императорскаго Величества. Въ концѣ на листѣ 159 написано другой рукой: читано.

Л. 160. Слово говоренное въ Харьковѣ въ соборной церквѣ въ день Успенія пресвятыя Бцы. Писано тѣмъ же почеркомъ, что и первыя проповѣди на л.л. 9— 92.

Л. 166. Слово о Благоволеніи Божіи къ добродѣтельнымъ въ чемъ Богу мало суть а должны много быть подобны человѣци.

Въ торжественный день рожденія Ея Императорскаго Высочества благов. Госуд. и в. кн. Наталіи Алексѣевны іюля 14 дня 1775 года наоб. 178 л. говоренное сентября 22 дня.

Л. 179. Слово въ день Рожденія Его Императорскаго Высочества (т. е. в. к. Павла Петровича) сент. 20 д. 1775 г.

Л. 185—вырванъ.

186 л. Слово на день возшествія на всероссійскій престолъ, сказыванное 1772 года іюня 28 дня.

189 л. Рѣчь о бытіи и промыслѣ Божіемъ.

194. Слово в'день Покрова Пресвятой Богоматеры.

199. Слово в'недѣлю третію.

204—Пропускъ.

205 л. Слово в'недѣлю пятуюнадесять.

211. Слово в'неделю двадесять седмую.

218. (Нап. ошибкой 118). Слово 1775 года марта в 25 день.

Листы 220—221 вырваны.

Л. 222. Уголъ слѣва порванъ. Слово, дорогой рукой: въ 8 день сентября. Едино есть на потребу, Марія же благую часть избра.

Л. 226. Слово на воскресенье.

230. Слово на Введеніе въ храмъ пресвятіи дѣвы Маріи. подпись на оборотѣ 233 л. С'щенникъ Іоаннъ Тишковскій.

Л. 234. Слово на въходъ въ храмъ Превятыя Бѡгородицы. На оборотѣ 237 л. подпись: 1775 г. говоренное слободы Артемовки Священникомъ Іоанномъ Тишковскимъ.

238. Слово въ депь сттеля Хрстова Николая; въ концѣ на л. 241 подписано: Читано.

242. Слово па освященіе церкви.

Thema. Освятилъ ест селеніе свое вишній Б҃гъ посредѣ его и не подвижится. Псал. Сˣ.

246. Нач. Во имя ѿ҃па и с҃на и с҃таго д҃ха Аминь и т. д.. Въ концѣ на 250 л. Сія проповѣдь в'день праздника Рождества Хрістова. Харьковскимъ Рождественскимъ священникомъ Ѳеодѡромъ Неміровскимъ, въ храмовой его приходской церквѣ 1775 года 26 дня декабря говоренное.

251. Слово в'день святителя Х҃ва Николая. На л. 255 внизу: Читано.

Л. 256. (Слово на текстъ) Исполненіе закона любы есть.

Л. 266. Рѣчь (на текстъ) «Мерзость Гдеви путіе нечестивыхъ и т. д.».

Л. 272. Слово в'день Покрова пресвятыя Богородицы; въ концѣ на л. 276: Слово проповѣданное свящ. Даніиломъ Бѣлогорскимъ 1769 г. октября 1 числа.

Л. 277. Слово в'день Рождества Христова.

Л. 281. В'великій постъ о покаяніи. (На текстъ): Обратитеся ко мнѣ ѿ всего сердца вшего. Іоан. гл. 2.

Обор. 285 л. В'праздникъ воскресенія Хва.

Обор. 290 л. В'день Рождества Пресвятыя Богородицы.

Л. 294. В'день стаго Димитрія мирототочца.

301. Рѣчь о философіи.

Л. 307. Слово (1771 года) съ предложенія: Путіе нечестивыхъ темны. Эклез. 4. 18.

Л. 313. Слово декабря въ 30 день. О семь явися любы Божія, яко сина своего Единороднаго посла Богъ въ міръ, да мы живи будемъ имъ. Іоан. г. 4. с. 9.

Л. 319. Рѣчь о естественной и откровенной богословіи.

Листы 327—343. Рѣчь о ползѣ нещастія и о великодушіи въ ней (конца недостаетъ).

Л. 354. Вымѣчанія из проповѣдей Платоновыхъ в день воведенія во храмъ.

Л. 356. В'неделю двадесять вторую.

Л. 357 Выписка из Исторіи Баронія двухъ историч. анекдотовъ.

Обор. л. 357. В недѣлю мясопустную.

Л. 358. Въ день с. Аптлъ Петра и Павла.

Л. 359. Еже аще свяжеши на землѣ. Маѳ. гл. 16 с[х] 19.

Обор. 359 л. О молитвѣ.

Къ любопытнымъ особенностямъ языка этихъ проповѣдей относятся употребленіе *и* вм. *ы*: слишатели, воздиханія, а равно и *ы* вм. *и*: миролюбывой, сыдящую у ногахъ, спасытелю нашъ и *ѣ* вм. *и*: пощадѣмъ, *наппѣшимъ* Христу присягу, судѣти, рѣдкіе полонизмы, какъ напр. *латво* (124 л.) и друг. Въ орѳографіи изрѣдка употребляются латинскія буквы N и S вм. н и с.

XXVI.

Выпись изъ писцовыхъ, межевыхъ и переписныхъ книгъ помѣстнаго приказа Арзамаскагó уѣзда дворянъ Саввичей.

Рукопись XVII в. на бумагѣ съ водяными знаками, на 119 листахъ, размѣра 19½—15½ сантиметровъ, оправлена въ кожаный переплетъ. Пожертвована И.-Филологическому Обществу Адріаномъ Дашкевичемъ изъ с. Верхняго Салтова Волчанскаго у. Харьк. губ.

Начин. Выпись с книг Арзамаского уѣзду писма и мѣры Тимоѳѣя Маслова с' товарищи рко и рл и рла году в' залѣскомъ стану за шатковскими вороты въ помѣстья[х] написано за столникомъ за князе[м] Івано[м] Івановиче[м] Ромодановскимъ что было за Ѳедоромъ Болотовымъ да за Плакитою Лопатинымъ да за Іваномъ Ребровскимъ.

Конецъ на 119 листѣ и оборотѣ его: Ся выпись іс помѣстного приказу сорзамаскихъ писцовыхъ и с межевыхъ і переписныхъ книгъ околничему Василью Савичу да думному дворянину Ѳедору Савичу да стольнику Стапану Савину сну на Бѣ[р]ковынъ на ихъ вотчину для вотчиннаго ихъ владѣнья и для сыску бѣглыхъ крестьянъ и бобылей по ихъ челобитью и по помѣтѣ на выписке дьяка Анисима Невѣжина въ нынешне[м] рча году. Писалъ Андреянка Ратмановъ.

М. Халанскій.

Указатели собственныхъ именъ.

А.

Б.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Указатели предметовъ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Ю.

Я.